АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

XVIII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1962

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ТРУДЫ
ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

XVIII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1962 ЛЕНИНГРАД

Ответственный редактор

Я. С. Лурье

Ответственный секретарь редакции

М. А. Салмина

ИССЛЕДОВАНИЯ

Д. С. ЛИХАЧЕВ

Изучение состава сборников для выяснения истории текста произведений

Большинство древнерусских литературных произведений дошло до нас в составе сборников (кодексов). Связь, которая существует между дошедшими до нас литературными произведениями и составом включивших их в себя сборников, может быть очень различна — от самой тесной по содержанию до минимальной, от исторически сложившейся до случайно создавшейся в единственном списке в результате механической работы последнего писца или даже просто переплетчика, соединившего различные по содержанию и разновременные рукописи.

Изучение исторически сложившихся сборников с устойчивым или с относительно устойчивым составом открывает новый, дополнительный источник для восстановления истории текста входящих в них литературных произведений, а также для суждения о литературных вкусах читателей и переписчиков, для выяснения того, как понимался древнерусскими читателями и переписчиками жанр произведения, его идейный смысл и пр.

К сожалению, необходимость изучения состава некоторых сборников и особенно того явления, которое мы в дальнейшем будем называть «конвоем» памятника, недостаточно осознается еще историками древнерусской литературы. Памятники древнерусской литературы издаются по большей части без указания на их текстологическое окружение в списках. Не ясно также, что именно необходимо изучать в этом текстологическом окружении.

Обратимся к типам древнерусских сборников.

Прежде всего отметим те сборники, которые по устойчивости своего состава и внутренней идейной связанности всех своих частей могут рассматриваться как отдельные самостоятельные произведения.

Входившие в эти сборники произведения частично специально перерабатывались для этих сборников (сокращались или расширялись в какомлибо особом направлении, разбивались на отдельные эпизоды и включались этими эпизодами в различные места сборника по хронологическому или тематическому принципу, и т. п.), частично же сохраняли признаки своей самостоятельности — в зависимости от характера сборника. В большинстве случаев такие сборники устойчивого содержания (т. е. содержания, сохранявшегося при их переписке) обладали даже особыми названиями и, следовательно, действительно воспринимались их читателями как единые произведения. К сборникам этого типа принадлежат различные летописные своды, временники, хронографы, степенные книги, разного типа палеи (историческая, хронографическая и пр.), Еллинский и римский летописец, сборники религиозно-нравственного содержания с определенными названиями («Измарагд», «Златая матица», «Златая цепь», «Златоуст», торжественники различных видов — минейные, триодные, торжественники в виршах и т. д.), сборники житий (патерики, прологи и пр.), сборники изречений («Стословец» Геннадия, «Пчела» и др.) и т. д.

Текстологические принципы изучения летописных сводов и хронографов были указаны А. А. Шахматовым в ряде его работ.[1] Кроме того, текстологические принципы изучения сборников устойчивого состава религиозно-нравственного содержания были отчасти приведены в работах В. А. Яковлева и акад. А. С. Орлова.[2] Если этими принципами в настоящее время исследователи и не всегда пользуются, то не потому, что они ими заменяются более совершенными, а вследствие того, что принципы эти требуют от текстолога огромной эрудиции и еще большего трудолюбия.

Менее устойчив состав сборников, которые мы могли бы назвать циклами произведений. История древнерусской литературы знает немало циклов произведений, объединенных каким-либо одним общим (географическим, хронологическим или тематическим) признаком. К сожалению, эти циклы произведений изучаются крайне недостаточно. К таким циклам произведений принадлежит цикл новгородских произведений XV в.[3] В единый цикл входят повести муромские.[4] Долгое время «Повесть о разорении Рязани Батыем» рассматривалась вне связи с теми произведениями, с которыми она несомненно составляет единый рязанский цикл.[5]

Каждое из произведений, входящее в такой цикл, переписывается, постепенно изменяется или решительно перерабатывается в составе всего цикла (до той, конечно, поры, пока оно из него не изымается для какой-либо цели), и поэтому текстологически оно должно изучаться в неразрывной связи с историей всего цикла, иначе многие из изменений текста просто окажутся непонятными.

Есть, наконец, сборники, которые мы можем рассматривать также как вполне устойчивые, хотя устойчивость их и не проверена многократной перепиской в одном и том же составе. Это — сборники, известные только в одном экземпляре (как Изборник Святослава 1076 г., Паисиевский сборник XIV в. и др.), но объединенные строгим замыслом их составителя.

---

[1] Так, в своем «Разборе сочинения И. А. Тихомирова» А. А. Шахматов писал: «... замыкаясь в одном каком-либо памятнике, исследователь никогда не получит возможность определить его состав и происхождение, и ... единственно надежным путем должен быть признан путь сравнительно-исторический. Подобно тому как исследование языка не может оставаться на почве одного языка и довольствоваться случайным и несистематическим сравнением фактов этого языка с фактами других языков; подобно тому как это исследование становится научным только после привлечения к систематическому сравнению данных нескольких родственных языков, причем это сравнение прежде всего приводит к восстановлению древнейших эпох в жизни исследуемых языков, а затем и к восстановлению того общего языка, из которого они произошли, — так же точно исследователь литературного памятника должен прежде всего подвергнуть этот памятник сравнительному изучению с ближайшими, наиболее сходными, для того чтобы определить последовательный ход в развитии исследуемого памятника и восстановить тот первоначальный вид, к которому он восходит» (А. А. Шахматов. Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси Северо-Восточной». — Отчет о сороковом присуждении наград графа Уварова. СПб., 1899, стр. 118).

[2] В. А. Яковлев. К литературной истории древнерусских сборников. Опыт исследования «Измарагда». Одесса, 1893; А. С. Орлов. Сборники Златоуст и Торжественник. СПб., 1905.

[3] В свое время Г. Кушелев-Безбородко издал порознь новгородские повести и сказания середины XV в. (Памятники старинной русской литературы, издаваемые Г. Кушелевым-Безбородко, под ред. Н. Костомарова, вып. 1. СПб., 1860). В настоящее время мы можем на основании изучения состава сборников, в которые они входят, рассматривать их как единый цикл.

[4] Муромский цикл обычно составляют в рукописях XVII в. Повесть о Марфе и Марии, Житие князя Константина и чад его князя Михаила и князя Федора, Повесть о Василии Муромском, Повесть о Петре и Февронии Муромских, Повесть об Ульянии Осоргиной и Повесть о Василии Микулине (Русская повесть XVII века. Составитель М. О. Скрипиль, редактор И. П. Еремин. Гослитиздат, Л., 1954, стр. 363).

[5] См. об этом: Д. С. Лихачев. Повести о Николе Заразском. — ТОДРЛ, т. VII, М.—Л., 1949, стр. 257.

Уже из последних примеров мы видим, что само понятие «сборник» нуждается в уточнении. Понятие «сборник» может быть применено ко всей рукописи, в которую входит несколько произведений, объединенных единым переплетом, но мы можем назвать сборником и такой свод произведений, которые в рукописи, объединенной общим переплетом, составляют только часть ее текста. Так, например, цикл рязанских произведений почти во всех дошедших до нас рукописях составляет только их часть, а иногда под единым переплетом находится в соседстве с другими такими же циклами-сборниками или даже входит сам в состав более обширного сборника. В подобных и аналогичных случаях встает задача изучить данный сборник в составе того сборника, в который он входит как часть. Сборники могут входить друг в друга. И перед текстологом, изучающим историю текста, входящего в эти сложные по своему взаимоотношению сборники, встает необходимейшая задача раскрыть их состав, изучить их историю, разобраться в их исторически сложившихся взаимоотношениях.

Но может быть и так, что то или иное произведение не входит в состав сборника, объединенного каким-либо единым принципом, а просто сопровождается в рукописях каким-либо одним или несколькими произведениями. Именно на этом случае, до сих пор почти не привлекавшем к себе внимания, и следует остановиться особо.

В самом деле, писец может переписывать рукопись целиком или частями, но по нескольку произведений сразу. От этого то или иное, даже вполне случайное, соседство может повторяться в последующем. Случаи такого рода нередки, и они имеют очень большое текстологическое значение, так как почти всегда указывают на единую текстологическую традицию, а установление текстологической традиции прямым образом ведет к установлению истории текста. Если же этот конвой произведения не случаен, а имеет свое объяснение в понимании древнерусским книжником жанра произведения, его темы или его идейной сущности, то он чрезвычайно важен и для решения целого ряда чисто историко-литературных вопросов.

К сожалению, описания списков, которые прилагаются к публикациям древнерусских литературных памятников, в подавляющем большинстве не имеют полного перечисления всего содержания используемых в публикации рукописей, поэтому конвой памятников почти не изучен. Конечно, не все важно в составе рукописей. Если единым позднейшим переплетом объединены несколько рукописей разных почерков, то полное описание такого сборника представит интерес только для истории самой рукописи, для истории же текста понадобится описание только той ее части, которая написана одним почерком или если и группой писцов, то объединенных единой «артелью».[6]

Только в той части памятника, которая переписана одним писцом или «дружиной» (артелью) писцов, работавших по указанию заказчика, мы можем определить то важное текстологическое явление, которое я предлагаю называть конвоем. Под этим последним термином следует разуметь такое сопровождение текста изучаемого произведения в сборниках, которое может рассматриваться как традиционное, повторяющееся в различных рукописях, хотя бы даже у изучаемого произведения и не было внутренней связи с памятниками, его сопровождающими.

Конвой может занимать в рукописях различное положение относительно изучаемого памятника. Он может следовать за памятником, предшествовать

[6] При больших монастырях или при дворах епископий и митрополии рукописи переписывались иногда целой «дружиной» писцов. В этом последнем случае работа «дружины» писцов (она может быть в большинстве случаев текстологически установлена без особого труда) представляет такой же интерес, как и работа одного писца.

ему, может состоять из одного произведения или многих, но сочетание его с тем или иным конкретным произведением или редакцией произведения более или менее однотипно, что объясняется традицией переписки. Поэтому самое важное качество его, на которое следует обращать основное внимание при изучении конвоя, — это относительная стабильность его состава и стабильность его положения относительно исследуемого памятника.[7] Так, например, в конвой цикла рязанских повестей о Николе Заразском входит Повесть об убиении Батыя Пахомия Логофета. Данная повесть конвоирует рязанский цикл не во всех его редакциях, а только в древнейших и, кстати, служит одним из признаков, по которым эти редакции могут быть опознаны. Сказанное объясняется тем, что повесть эта рассматривалась переписчиками и древними редакторами текста как произведение того же круга и о тех же событиях, к тому же отвечающее стремлению переписчиков к реваншу, к возмездию Батыю за страшный разгром Рязани. Переписывая в XV в. старые рукописи, где Повесть об убиении Батыя еще не входила в состав рязанского цикла, переписчики присоединяли ее к этому циклу.

Весьма важно отметить, что, имея общую судьбу в рукописях, произведения, традиционно входящие в состав сборников более или менее определенного состава, подвергались общим изменениям: языковым, редакционным, общей порче и общим «улучшениям».

Как показывает изучение древнеславянских сборников, некоторые из них переписывались и переделывались целиком, в полном своем составе, как единое целое. Это значит, что приемы обращения переписчика или переделывателя с текстом изучаемого нами произведения могут оказаться одинаковыми или по крайней мере сходными на протяжении всего переписываемого или переделываемого сборника.

Именно такой подход позволил В. П. Любимову окончательно решить крайне сложный вопрос о происхождении Сокращенной Русской Правды.[8] О том, что представляет собой Сокращенная Правда, писалось много, и точки зрения были очень разнообразны. В исследовательской литературе высказывалось, например, мнение, что Сокращенная Правда вовсе не является обычным сокращением, что в основе ее лежит весьма древний памятник, восходящий к XI в., и пр.

До исследования В. П. Любимова были известны два списка Сокращенной Правды в составе кормчих Толстовской IV и Оболенского. В. П. Любимов обнаружил еще один список кормчей с Сокращенной Правдой — Никифоровскую II. Во всех трех списках окружение Сокращенной Правды одно и то же, но Никифоровская II кормчая представляет собой переходный тип к Толстовской IV и кормчей Оболенского. Исследование Сокращенной Правды не изолировано от содержащих ее кормчих, а в целом, вместе с текстом всех трех кормчих, доказывает, что Сокращенная Правда является действительным сокращением Пространной Русской Правды и что это было делом составителя той кормчей, от которой идут Толстовская IV и Оболенского. Кормчая эта была составлена по кормчей Никифоровской II или ближайшей к ней. К такого рода выводу привело В. П. Любимова внимательное исследование всего текста трех упомянутых кормчих вместе с некоторыми материалами, использованными в конце кормчих. Одни и те же приемы сокращения (например, устране-

[7] Конечно, понятие конвоя относительно. Если текстолог меняет тему исследования, то тот памятник, который он раньше изучал как основной, может оказаться в свою очередь в конвое его нового исследуемого произведения.

[8] В. П. Любимов. Новые списки Правды Русской. — В кн.: Правда Русская, под ред. акад. В. Д. Грекова, т. II. М.—Л., 1947, стр. 840 и сл.

ние из текста имен и названий местностей) могут быть отмечены одинаково и в тексте кормчих Толстовской IV и Оболенского, и в тексте Сокращенной Правды. Очень сходны также, например, сокращения, сделанные в «Избрании из законов Моисеевых», кормчих Толстовской IV и Оболенского, с сокращениями текстов Сокращенной Правды, содержащихся в этих кормчих.

Исключительно важен анализ состава сборников для установления общего протографа двух списков. Исследуя тексты «Сказания о князьях владимирских», Р. П. Дмитриева пишет: «...близкие тексты в большинстве случаев входят в сборники со сходным составом статей».[9] Рассмотрение состава сборников помогает Р. П. Дмитриевой сделать целый ряд важных выводов относительно происхождения списков. Так, по поводу двух списков Р. П. Дмитриева пишет: «Одинаковый состав сборников свидетельствует о том, что оба сборника почти целиком были переписаны с одной и той же рукописи или рукописей, близких друг другу».[10] Аналогичные выводы делаются Р. П. Дмитриевой и в отношении ряда других списков «Сказания». Дополнительно к анализу разночтений списков Р. П. Дмитриева дает сведения о содержании сборников и расположении в них статей. Анализ разночтений может контролироваться анализом содержания сборников и наоборот. Если выводы, вытекающие из изучения состава сборников, в которых находятся списки произведения, говорят о том, что состав этот восходит к одному общему источнику, то они должны подтвердиться анализом разночтений этих сборников во всех их статьях. Совпадение выводов по изучению состава сборников и их разночтений позволяет рассматривать их как бесспорные.

В иных случаях связь между различными частями сборников может выступать в самых неожиданных сочетаниях. Даже, казалось бы, ничем не связанные между собой особенности самого текста или его содержания, состава сборников сопутствуют друг другу. Н. Серебрянский, например, замечает о проложном Житии княгини Ольги: «Жития Ольги не находим обычно в таких списках пролога, с житием Бориса и Глеба, начинающимся словами: „Святый мученик Борис...“, — и с не апокрифическою статьею о равноапостольном Константине. Прочитав в Прологе хотя бы XVII в. эти статьи, почти с уверенностью можно сказать, что под 11 июля нет памяти и жития Ольги, и наоборот: раз в Прологе помещено житие Ольги, то под 24 июля найдем вторую редакцию жития Бориса и Глеба, а под 21 мая — легендарные рассказы о равноапостольной Елене и о крещении Константина».[11]

Изучение состава сборников главным образом с точки зрения истории сложения этого состава и общей судьбы входящих в эти сборники произведений помогает и в выяснении целого ряда историко-литературных проблем, связанных с изучением произведения. Здесь могут быть легко открыты данные, позволяющие уточнить понимание произведения древнерусскими читателями и переписчиками, данные об авторе произведения и о времени его создания, данные для определения состава произведения и для реконструкции его не дошедших до нас редакций.

Важные указания для вопроса о понимании древнерусскими переписчиками жанра и содержания «Сказания о киевских богатырях» дает изучение состава сборника 1642 г., в котором Е. В. Барсов нашел один из

---

[9] Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях владимирских. М.—Л., 1955, стр. 18.
[10] Там же, стр. 19.
[11] Н. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития (обзор редакций и тексты). М., 1915, стр. 23—24.

списков «Сказания».[12] В «Сказании о киевских богатырях», как известно, рассказывается о «путешествии» русских богатырей в Царьград. В том же сборнике помещены «Путешествие» Трифона Коробейникова и «Слово о киевском купце Борзосмысле». Следовательно, в сборнике собраны рассказы о путешествиях русских на Восток. Отсюда можно предполагать, что и интерес переписчиков середины XVII в. к «Сказанию о киевских богатырях» был интересом географическо-познавательным в первую очередь. Было бы, конечно, очень важно установить, возник ли этот состав сборника 1642 г. под рукой непосредственного составителя в 1642 г. или он традиционно восходит к более раннему времени. Отсюда ясно, что изучение состава сборников помогает получить объективные данные о том, как расматривалось, как оценивалось, с чем сопоставлялось то или иное произведение в определенные моменты своего существования.

«Повесть о двух посольствах», касающаяся русско-турецких отношений XVI в., не случайно конвоируется другими произведениями, также касающимися русско-турецких отношений.[13] Очевидно, что древнерусских книжников в этой Повести особенно интересовал вопрос русско-турецких взаимоотношений.

Изучение состава сборников имеет очень большое значение для установления принадлежности произведения определенному автору. Переписчики часто объединяли произведения одного автора, например Грозного и Курбского.

Любопытен сборник, открытый В. Ф. Ржигой, в котором находятся сочинения Ермолая-Еразма. Изучение состава этого сборника в его целом позволило В. Ф. Ржиге установить принадлежность Ермолаю-Еразму еще ряда новых произведений.[14] Изучение конвоя произведений Ивана Пересветова помогло А. А. Зимину установить принадлежность Ивану Пересветову особой редакции «Повести о взятии Царьграда турками».[15] С. Иванов доказывает, что «Житие Иосифа Волоцкого, составленное неизвестным», на самом деле принадлежит болгарскому писателю Льву Аниките Филологу. Один из аргументов его тот, что сборник, в котором дошел до нас лучший список «Жития», составлен из сочинений Филолога.[16]

Изучение состава сборников помогает также установить время возникновения того или иного произведения. Так, например, Н. Серебрянский обратил внимание на состав сборников, в которых находился изучаемый им памятник: распространенное проложное Житие княгини Ольги, читающееся в единственной рукописи (ГБЛ, Румянцевское собр., № 397, XVI в.). Н. Серебрянский не видит оснований относить его ко времени, более раннему, чем XVI в. В самом составе рукописи Н. Серебрянский находит подтверждение этому выводу, сделанному им на основании изучения текста Жития: «Обращаясь к составу рукописи № 397, и здесь мы не находим данных относить составление проложного жития ко времени раньше первой половины XVI в. Рукопись эта — псковская; в ней помещены псковские жития: бл. кн. Всеволода (пространное житие и статья

[12] Е. В. Барсов. Богатырское Слово. — СОРЯС, т. XXVIII. СПб., 1889, № 3, стр. 8—11.

[13] М. Д. Каган. «Повесть о двух посольствах» — легендарно-политическое произведение начала XVII в. — ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955, стр. 240.

[14] ЛЗАК, вып. XXXIII. Л., 1926. См. также интересное исследование состава этого сборника: А. И. Клибанов. Сборник сочинений Ермолая-Еразма. — ТОДРЛ, т. XVI. М.—Л., 1960, стр. 178—207.

[15] Сочинения Ивана Пересветова. Подготовил текст А. А. Зимин. М.—Л., 1956, стр. 16 и др.

[16] С. Иванов. Кто был автором анонимного жития преп. Иосифа Волоцкого. — Богословский вестник. Сергиев Посад, 1915, сентябрь, стр. 173—190.

об открытии мощей), преподобных Евфросина и Саввы Крыпецкого (проложные редакции). Житие Всеволода составлено известным псковским биографом святых, пресвитером Василием; его перу принадлежат и пространные жития Евфросина, Саввы, проложные же жития преподобных хотя составлены и по Василиевым подробным житиям, но, кажется, не самим Василием. В рукописи помещены также проложное житие Александра Невского — переделка подробного Василиева жития, проложное житие Петра и Февронии Муромских, написанное не раньше половины XVI в. Таким образом, бо́льшая часть статей в рукописи состоит из сочинений половины XVI в.; к этому времени, вероятно, относится и житие Ольги».[17]

Исключительное значение имеет изучение состава сборников для выяснения границ произведения. В древней русской литературе часто нелегко бывает отграничить начало и конец произведения от произведений, входящих в его постоянное сопровождение — конвой. Поучительно, например, отношение исследователей к «Сказанию о князьях владимирских». Вследствие того, что исследователи не интересовались конвоем, из него была изъята его органическая часть: «Родословие литовских князей». Сходное же «Родословие литовских князей» в близком к «Сказанию» «Послании» Спиридона-Саввы оставлялось. Только исследованием конвоя удалось правильно отграничить «Сказание» от сопровождающих его произведений и установить историю его текста.[18]

До последнего времени неясны были начало и конец «Сказания о начале Москвы». Произведение это и начиналось и заканчивалось довольно странно и неясно. Исследование конвоя позволило правильно определить границы этого произведения и выяснить состав того летописного сборника, в котором оно первоначально находилось и где получило свое окончательное литературное оформление.[19]

К интересным выводам приходит М. Н. Сперанский на основании изучения сборников.[20] М. Н. Сперанского интересовал список «Странника» Стефана Новгородца в сборнике БАН, 16.8.13 первой половины XVI в. Выяснилось, что сборник этот — собрание путешествий в чужие края. Повидимому, этот состав сборника не случаен. Сходного состава (но без «Странника» Стефана Новгородца) сборники Софийской библиотеки №№ 1464 и 1465 (ГПБ), причем, что особенно важно, идентичен и самый порядок следования статей. М. Н. Сперанский предполагал, что «этот подбор „хождений“ в нашем сборнике нельзя не связывать с оживлением паломничества именно в Новгородской области в том же XIV в. (к которому относится и «Странник, — *Д. Л.*)». Это оживление М. Н. Сперанский объяснял «попытками Новгорода освободиться от церковной зависимости от Москвы, ставши в более тесную связь непосредственно с патриархией».[21]

История создания Академического сборника проливает некоторый свет на особенности дошедшего в нем текста «Странника» Стефана Новгородца. Как показывает М. Н. Сперанский, с о с т а в сборника новгородский, но в тексте «Странника» имеется характерный псковизм в употреблении названия храма Софии в форме мужского рода — «святый Софей»:

---

[17] Н. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития, стр. 37—38.
[18] См.: Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях владимирских. М.—Л., 1955.
[19] М. А. Салмина. К вопросу о происхождении «Сказания об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы». — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957.
[20] М. Н. Сперанский. Из старинной новгородской литературы XIV века. Л., 1934.
[21] Там же, стр. 17.

«помилова ны бог и святый Софей премудрость божия»; «имать же святый Софей множество кладязь»; «святы Софей имать дверей 140».[22]

Характерно, что сборник Софийской библиотеки № 419 (ГПБ) близок к Академическому сборнику 16.8.13 как по составу, так и по наличию того же псковизма: «святы Софеи». Отсюда возникает предположение, что текст «Странника», вошедшего в состав новгородского сборника XVI в., некоторое время перед тем переписывался в Пскове.

Особое значение этому проявлению псковского говора в двух списках «Странника» придает то обстоятельство, что он поддержан целым рядом псковизмов в сборнике XVI в. из собрания И. Е. Забелина № 416 (ГИМ), содержащем другой текст «Странника». Рукопись Забелина представляет собой механическое соединение трех сборников. Один из этих сборников — тот, в котором находится «Странник», — имеет ярко выраженные псковизмы на фоне средневеликорусской графики и фонетики. Здесь, следовательно, «Странник» явно выказывает следы своего происхождения из Пскова, что подтверждается всей окружающей его «литературной компанией» (выражение М. Н. Сперанского).[23] В связи с этим М. Н. Сперанский обращает внимание на то, что Стефан называет себя «Новгородцем» (или его так называет переписчик). «Как понимать это прозвище? — пишет М. Н. Сперанский. — Если допустить (что́ само по себе вполне естественно), что прозвище это указывает на происхождение Стефана из Новгорода (как и мы все время его себе представляли), то возникает вопрос: почему новгородец Стефан нашел нужным (или сам, или кто-либо другой, кого интересовало путешествие, в данном случае большой разницы нет по существу) прибавить к имени еще прозвище „Новгородец“? Если он жил и писал в Новгороде, то такая прибавка является совершенно ненужной и лишней. Но, может быть, появление этого прибавления получит свое естественное и вполне вероятное объяснение в том, что новгородец по происхождению Стефан писал свое произведение *не* в Новгороде, а в другом месте или что писание новгородского автора попало и получило распространение *не* в Новгороде, а в ином городе; в таком случае вполне уместно было бы или самому Стефану или лицу, заинтересовавшемуся его писанием, отметить (хотя бы в отличие от других Стефанов, здесь так или иначе известных или автору путешествия, или кому-либо другому) происхождение или прежнее пребывание автора текста в Новгороде. На такого рода предположение (в первой или во второй форме) наводит несколько аналогий употребления таких прибавочных к имени прозвищ в русской же старинной письменности: так, известная „Задонщина“, писанная, весьма вероятно, где-то в области псковского говора или даже во Пскове, но не псковитянином, а пришлым человеком, вероятнее всего из Рязани, получила в заглавии рядом с именем Софоний прибавку „Рязанца“; известный Максим Святогорец, писавший в России, обычно прозывается Максимом „Греком“, разумеется, в отличие от других соименных и, может быть, современных ему Максимов».[24]

Из этого примера видно, как важно, даже для такого вопроса, как вопрос о прозвище автора, знать историю текста произведения в его литературном окружении.

---

[22] О псковском происхождении подобной формы см. в статье А. А. Шахматова «Несколько заметок об языке псковских памятников XIV—XV вв. По поводу книги: Николай Каринский. Язык Пскова и его области в XV веке» (ЖМНП, СПб., 1909, № 7, стр. 105—177).

[23] М. Н. Сперанский. Из старинной новгородской литературы XIV века, стр. 21—22.

[24] Там же, стр. 47—48.

Однако приведенными данными о трех сборниках, содержащих текст «Странника» Стефана Новгородца, наблюдения М. Н. Сперанского не ограничиваются. Выясняется, что для истории текста произведения исключительную важность представляют иногда даже те сборники, которые не имеют текста изучаемого произведения, но сходны по составу с теми сборниками, которые его имеют.

М. Н. Сперанский обращает внимание на то обстоятельство, что сборник описаний Константинополя, включенный как часть в рукопись Забелина № 416 (ГИМ), о которой мы уже говорили выше, близок по составу к двум другим сборникам: ГИМ, № 1428 и ГПБ, Q.XVII.184. Причем Забелинский сборник несколько отличается от двух других: ГИМ, № 1428 и ГПБ, Q.XVII.184, но все три, очевидно, восходят к одному общему оригиналу (возможно, через посредствующие звенья). Своим оригиналом все три сборника воспользовались различно. В Забелинском сборнике весь материал сокращен — в том числе и «Странник» Стефана Новгородца. В двух других он не сокращен, но зато «Сказание о святынях Царьграда» начала XIV в. заменено «Беседой о святынях Царьграда». Тексты «Сказания» и «Беседы» близки между собой, но чем объяснить их различия? Анализируя весь состав сборников и восстанавливая их генетические взаимоотношения, М. Н. Сперанский приходит к выводу, что «Сказание» и «Беседа» восходят к одному и тому же памятнику, содержавшемуся в том первоначальном и не дошедшем до нас сборнике, к которому восходят все три изучаемых сборника: Забелинский, ГИМ и ГПБ. История всех трех сборников проливает свет и на текст «Странника» Стефана Новгородца в Забелинском сборнике, представляющем собой сокращение (характерное для всех статей Забелинского сборника) текста, который содержал не дошедший до нас оригинал всех трех сборников.[25]

Если бы М. Н. Сперанский не изучил взаимоотношения текстов всех сборников, содержащих тексты «Странника» Стефана Новгородского, и двух других сборников, близких к изученным, но не имеющим «Странника», различия в дошедших до нас текстах «Странника» оставались бы далеко не ясными. Можно было бы спорить о том, какой из текстов более первоначален, имело ли место сокращение текста «Странника» в Забелинском сборнике или, наоборот, текст в рукописи БАН, 16.8.13 представляет собой распространение первоначально более краткого текста и т. д., не ясен был бы и вопрос с псковизмами в текстах некоторых списков «Странника» и многое другое.

Изучение сборников не было доведено до конца М. Н. Сперанским, но и то, что он сделал, сразу же пролило свет на историю текста изучаемых им произведений.

Итак, изучение истории текста произведения в тесной связи с его окружением в составе сохранившихся рукописей должно быть признано одной из важных задач историков древней русской литературы. Если произведение сохранилось не в одном списке, то рассмотрение текстологического конвоя должно быть признано обязательным для всякой текстологической работы над ним.

Между тем в исследовании памятников древней русской литературы еще очень часты случаи, когда даже произведение, заведомо встречающееся в текстах летописей или хронографов, изучается вне состава этих летописей и хронографов — как будто бы оно имело самостоятельную историю. В самом деле, отдельные отрывки из летописей и хронографов легко

[25] Там же, стр. 85—86.

могут быть приняты за особые повести «по ощущению» и изучаться отдельно (так, например, случилось с двумя летописными рассказами о взятии Москвы Тохтамышем). Такого рода «изучение» летописных рассказов не имеет никакой ценности. Но даже если произведение находится не в летописи, а в сборнике, состоящем из отдельных памятников, ценность его изучения может быть утеряна или в значительной степени уменьшена при недостаточном внимании к общему составу сборника.

Необходимость комплексного подхода к изучению текста произведений ставит перед историками древней литературы целый ряд новых задач. В частности, необходимо вернуться к текстологическому изучению очень многих древнерусских произведений, встречающихся в сборниках. Так, например, уже давно было обращено внимание на состав Мусин-Пушкинского сборника, в котором найдено «Слово о полку Игореве». Является ли этот состав стабильным? Некоторые данные прямо говорят об этом. В таком случае его необходимо внимательно проследить по сохранившимся в рукописях аналогичным подборкам произведений.

Изучение состава наших сборников и их истории позволит открыть новый, богатейший источник для истории общественной мысли древней Руси, для изучения круга читательских интересов в различное время, в разных местностях и в разнородных социальных слоях.

В. Д. КУЗЬМИНА

Проблемы изучения переводной литературы древней Руси

Развитие литератур всех народов с древности до наших дней проходило и проходит в непрерывном общении, в результате которого обогащаются национальные культуры. Одной из форм этого обогащения в средние века, как и позднее, являются разнообразные переводы чужеземных произведений.

Древняя Русь не только черпала из сокровищницы мировой культуры, но и внесла в нее свой вклад. С XII—XIII столетий известны переводы оригинальных русских произведений на другие славянские языки и создание инославянских произведений по русским образцам или на основании русских источников. Кроме того, в XIII—XVII столетиях древнерусские переводы нередко становились источником аналогичных переводов в югославянских литературах («Пчела», изречения Менандра, Повесть об Акире, «История Иудейской войны» Иосифа Флавия, многие апокрифы, Историческая Палея и др.).[1]

В состав русской литературы вошли произведения Востока (Варлаам и Иоасаф, Акир); сборники изречений античных авторов; византийские хроники, романы, агиография, гимнография; новеллы, романы, драматургия и лирика европейских литератур средневековья, Возрождения и позднейшей поры.

В данной статье, не претендующей на полноту материала, сделана попытка наметить в общей форме некоторые важнейшие вопросы в изучении древнерусской переводной литературы, привлекая отдельные произведения или исследования лишь в качестве иллюстрации.

Изучение разнообразной и богатой переводной литературы древней Руси дает возможность ставить различные проблемы, имеющие конкретное историко-литературное и более общее методологическое значение.

Необходимо попытаться дать общее историческое объяснение причин расцвета переводной литературы в различные периоды развития древней Руси, проследить работу крупнейших центров переводческой деятельности не только на Руси, но и за ее пределами.

Одной из важнейших задач является изучение литературной истории произведения на новой почве, что возможно только для советских исследователей, располагающих необходимой полнотой материала (рукописи, лубочные издания, записи устных сказок). Такое изучение дает возможность проследить связь переводной литературы с национальным историко-литературным процессом, проследить на разных стадиях своеобразные формы взаимодействия фольклора с литературой и выявить национально-

[1] Подробнее об этом см.: Н. М. Петровский. Иларион, митр. Киевский, и Доментиан, иеромонах Хиландарский. — ИОРЯС, т. XIII. СПб., 1908, стр. 81—133; М. Н. Сперанский. Из истории русско-славянских литературных связей. Сборник статей. М., 1960, стр. 7—147, 223—224.

историческую, классовую и художественную специфику переводных произведений.

Интересно также проследить особенности различных переводов в связи с отсутствием в средние века представления об индивидуальном авторе и воззрением на труд писателя (равно как и на труд художника) как на коллективное творчество. Отсюда — свободные переводы-переложения («История Иудейской войны» Иосифа Флавия, «Девгениево деяние») и быстрое появление руссифицированных редакций (Прение живота и смерти, Бова).

В XVI—XVII вв., в связи с зарождением науки о языке, появлением первых словарей, делаются попытки более или менее точно перевести текст иноземных произведений (Петр Златые Ключи, фацеции).

Изучение лексики, фразеологии и стилистики переводов разного типа наряду с содержанием и проблематикой произведений помогут ответить на вопрос, чем обогатили русскую литературу переводные произведения.

В эпоху средневековья и Возрождения было немало произведений, которые стали широко известны у различных народов: повести древнего Востока (Акир, Варлаам и Иоасаф), жития и апокрифы, рыцарские романы, фацеции и т. п. При изучении таких произведений следует всегда ставить вопрос о различном отражении прямых и опосредствованных контактов в переводной литературе. Так, например, прямой контакт с византийской культурой дал возможность нашим предкам еще в XI—XII вв. воспринять элементы античности и эллинизма в их христианизированном восточном варианте.

Кроме того, утрата ранних списков многих произведений византийской литературы делает необходимым тщательное изучение сохранившихся ранних русских переводов для восстановления утраченного архетипа. Насколько это может быть плодотворным, убедительно показал Н. А. Мещерский в своей талантливой монографии, посвященной «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия в древнерусском переводе. Правомерно также изучать немецкий текст «Артаксерксова действа» И. Г. Грегори в связи с историей немецкого театра и драматургии XVII в.

С другой стороны, при изучении произведений, созданных в результате опосредствованных контактов, нельзя забывать, что из-за отсутствия представления об индивидуальном авторе в средние века многие произведения литератур Востока и Запада становились известными на Руси в обработках, далеких от оригинала. Так, в XI—XII вв. повести об Акире, Варлааме и Иосафе пришли к нам в византийских обработках, характер которых необходимо учитывать, определяя идейные и художественные особенности русских текстов.

В XVII столетии сборники новелл средневековья и Возрождения («Великое зерцало», «Римские деяния», апофегматы, фацеции) и рыцарские романы (Петр и Магилена, Оттон и Олунда) переводились у нас не с оригиналов, а с польских вольных обработок. Сравнительное изучение оригинала, польской его обработки, русского перевода (и его последующей литературной истории) позволит проследить отражение в них то сходных, то различных явлений жизни народов, а главное — выявить исторически и классово обусловленное идейное и художественное своеобразие каждого из них.

Наконец, необходимо заняться историографией изучения переводной литературы, подвести итоги и дать точные оценки тому, что сделано как советскими исследователями, так и нашими зарубежными коллегами — славистами и медиевистами в различных странах.

Развитие переводной литературы, тесно связанное с общим историко-литературным процессом, подобно последнему обусловлено общеисторическим процессом и в конечном счете зависит от развития экономики, смены формаций, классовой борьбы. На материале ранней переводной литературы древней Руси это впервые подчеркнул Д. С. Лихачев.

В X—XII вв., «под властным давлением классовых потребностей в собственной надстройке, верхи феодального общества Руси обращаются к Византии и находят здесь многое, что могло оказаться им пригодным».[2] О непосредственном руководстве правителя работой переводчиков сообщает под 1037 г. «Повесть временных лет»: Ярослав «собра писце многы и прекладаше с ними от грьчьска на словеньское письмо и списаша книгы многы». Центрами переводческой работы на Руси в это время были Киев, Чернигов, Галицко-Волынская Русь, а за ее пределами такие восточнохристианские центры культуры, как Афон и Константинополь.[3]

Новый подъем интереса к идейному и художественному наследию Византии наблюдается на Руси после падения Византийской империи, в период образования Русского централизованного государства в XV—XVI столетиях. В это время «феодальный класс Руси возрождает идеи византийской государственной власти, применяя их к власти русского государя, обращается к произведениям византийской литературы, к формам византийского искусства с целью укрепления авторитета государственной власти».[4] Центры культуры и вместе с ними основные центры переводческой деятельности перемещаются в это время на северо-восток Руси, где Москва становится центром Русского национального государства.

Вопрос о предпосылках широкого развития на Руси переводов в XVII в. до сих пор не привлекал специального внимания исследователей. Между тем они были многообразны.

На Руси в недрах феодального строя возникали в это время первые ростки нового: складывался всероссийский рынок, крепли буржуазные связи. Но феодализм оставался еще прочным и обостренная классовая борьба (крестьянские войны, городские восстания) была стихийной, развивалась всегда под царистскими лозунгами и только еще начинала расшатывать идейные устои феодализма.

Состав переводной литературы отражает ожесточенную борьбу нового со старым, происходившую на Руси в XVII столетии. По-прежнему еще переводятся сборники чудес, житий, нравоучительных новелл, хроники. Часть переводов (но теперь незначительная) делается еще с греческого языка. При этом некоторые греческие произведения появляются у нас в это время не только в переводах с оригинала, но и с западноевропейских переложений. Так, например, если в 1608—1609 гг. Ф. К. Гозвинский, ученый переводчик Посольского приказа, переводит басни Эзопа с греческого, то в 1674 г. А. Виниус переводит те же басни с немецкого («Зрелище жития человеческого»), а в 1675 г. симбирский ротмистр и помещик П. Каминский — с польского языка. Переводится много светских произведений: сборники анекдотов и юмористических новелл, любовно-авантюрные романы и повести.

Продолжительные войны с Польшей и Швецией, долголетняя борьба за воссоединение Украины и Белоруссии, турецкие походы 1680-х годов, многочисленные путешествия на Восток и посольства на Запад приводили

---

[2] Д. С. Лихачев. Возникновение русской литературы. М.—Л., 1952, стр. 122.

[3] Ср. мнение акад. М. Н. Сперанского о переводе Пролога: М. Н. Сперанский. Из истории русско-славянских литературных связей. Сборник статей, стр. 41.

[4] Д. С. Лихачев. Возникновение русской литературы, стр. 127.

в XVII в. большое количество русских людей в непосредственное соприкосновение с культурой других народов. Поэтому многие произведения становились известными на Руси не только в письменных переводах, но и в устной передаче, причем иногда такая передача предшествовала появлению письменных текстов (Еруслан) или бытовала параллельно с ними, способствуя быстрому возникновению руссифицированных редакций (Бова).

Правительство снова руководит работой переводчиков, намечает круг произведений, подлежащих переводу. Важными центрами переводческой деятельности становятся Посольский приказ и Печатный двор, их значение в этой области изучено пока еще недостаточно.

Преимущественный интерес к светским жанрам в переводах XVII столетия (анекдот, басня, разнообразная юмористика, любовно-авантюрные повести) следует не только ставить в связь с «обмирщением» оригинальной литературы, но и пытаться решить проблему в более широком плане развития мировоззрения и философской мысли.

Не случайно в последние годы все чаще обсуждается вопрос об элементах гуманизма в позднем русском средневековье. Понятно, что эту проблему нельзя решать так, как предлагает, например, М. Браун. По его мнению, русская литература XVII столетия действительно выдвинула светских героев, которые имели мужество «отойти от морально-религиозных норм», но в целом о гуманизме в собственном смысле слова на Руси не могло быть речи.[5] Гораздо более убедительными представляются наблюдения М. П. Алексеева, который прослеживает накопление гуманистических тенденций в русской культуре с XVI в. и отмечает их достаточно широкое развитие в XVII столетии.[6]

Думается, что именно в атмосфере постепенного преодоления средневекового мировоззрения были созданы многие оригинальные произведения XVII в. Открытие ценности индивидуального человека с его переживаниями наложило отпечаток на повести о Горе-Злочастии и о Сухане с их интересом не только к событиям, но и к внутреннему миру героев. В борьбе старого и нового заостряется антиклерикальная и отчасти антифеодальная сатира (Калязинская челобитная, Служба кабаку, Повесть о Ерше и т. п.). Все это создает круг русских читателей, которых может живо интересовать и остроумие Бражника, разоблачающего мнимую святость прославляемых церковью святых, и антифеодальная заостренность некоторых фацеций, и любовно-авантюрные романы и повести с их интересом к переживаниям действующих лиц и эмоциональной окраской повествования.

Без сомнения, заслуживает внимания и то, что многие произведения (рыцарские романы, фацеции) становились известными на Руси не в период своего создания, а много времени спустя, когда они стали в Западной Европе народными книгами. В значительной степени прав И. Матль, предлагающий считать западноевропейскую народную книгу XVI—XVII вв. своеобразным «фольклористическим фактом».[7] Не с этим ли стоит в связи иногда параллельное появление разных редакций переводных романов (Оттон и Олунда, Повесть о царице и львице, два перевода

---

[5] M. Braun. Das Eindringen des Humanismus in Russland im 17. Jahrhundert. — Welt der Slaven. Wiesbaden, 1956, № 1, стр. 35—49.

[6] М. П. Алексеев. 1) Явления гуманизма в литературе и публицистике древней Руси (XVI—XVII вв.). М., 1958 (IV международный съезд славистов. Доклады); 2) Эразм Роттердамский в русском переводе XVII века. — Славянская филология. Сборник статей, т. I. М., 1958, стр. 275—330.

[7] J. Matl. Deutsche Volksbücher bei den Slaven. — Germanischromanische Monatsschrift, t. V, 1955, стр. 193—212.

Повести об Аполлоне Тирском) на Руси и быстрая ассимиляция некоторых из них с национальным устным народным творчеством? Этот вопрос, намеченный И. Матлем, должен быть разрешен совместными усилиями советских и зарубежных медиевистов.

Установление непосредственного источника при изучении переводного произведения — лишь начало историко-литературного исследования. Необходимо затем восстановить литературную историю произведения на русской почве после тщательного анализа по мере возможности всех сохранившихся списков. Полнота изучения очень важна: только такой путь дает возможность выявить то своеобразное, что внесли в произведение не только переводчик, но и многочисленные позднейшие редакторы и переписчики, помогает раскрыть национальную специфику содержания и стиля, сближающую переводное произведение с оригинальной литературой.

При изучении, например, такого жанра, как летопись (хроника), важен не только полный перечень заимствований из иноземных источников, но также установление принципа отбора исторических известий и сказаний, характер их обработки. Последнее одинаково важно при исследовании значения русской «Повести временных лет» для Яна Длугоша и при изучении судьбы польских хроник Бельского, Меховского, Стрыйковского в русской литературе.

При изучении переводного рыцарского романа на русской почве можно ставить цель — проследить эволюцию персонажей, проблематики, стиля в тесном взаимодействии с русской устной народной поэзией (былина, сказка) и литературной традицией (воинская повесть, богатырская повесть XVII—XVIII вв.).

Литературная история переводных произведений и отражений в ней элементов русской исторической действительности и общего хода русского литературного развития до сих пор почти не привлекали внимание исследователей. С этой точки зрения мало изучены многие жанры переводной литературы: агиография, апокриф, легенда, рыцарский роман.

Между тем русские эпизоды в чудесах Николы являются образцами раннего бытового повествования, а чудо пророка Илии в Нижнем Новгороде начала XV в. не только содержит много ценных реалий, но является интересным образцом эмоциональной повести этой поры.

С другой стороны, в русские редакции Повести о Бове включаются элементы, отражающие русскую действительность, общественный и семейный быт XVII—XVIII вв.: строительство новой столицы по приказу молодого государя, вторичные похороны отца героя, описание празднеств, любовные сцены и т. п.

Интересно поставить при изучении переводных произведений XVII в. более общие вопросы о связи их с русским историко-литературным процессом: как соотносились они с общими проблемами, наметившимися в русской литературе этой поры («открытие» человеческого характера, художественный вымысел, интерес к человеческой личности). Думается, что во многих случаях в оригинальных и переводных произведениях решались аналогичные проблемы. Не случайно именно в XVII в., когда создаются многие произведения русской антиклерикальной сатиры (Калязинская челобитная, Служба кабаку, Кур и лисица и т. д.), руссифицируется и Повесть о Бражнике, а фацеции, переведенные с польского языка, воспринимаются как «утешки московские», т. е. сближаются с русской юмористикой.

Следует также задуматься над вопросом, всегда ли отбирались переводные произведения по принципу подобия. Нет сомнения, что наличие

сказочных мотивов, известных в эпосе многих народов, до некоторой степени способствовало проявлению интереса к переводным патериковым легендам в XI—XIII вв. и к таким сборникам чудес, как «Звезда пресветлая» или «Грешных спасение» в XVII столетии. Но несомненно также, что в «Александрии» русских читателей привлекали не только батальные сцены, но и самый образ ее героя, не похожий на персонажей русских произведений, и рассказы о «чудовищах и дивовищах» в дальних странах. Не случайно именно эти сказочные эпизоды щедро иллюстрированы в сохранившихся лицевых русских рукописях.

Может быть прослежена преемственность между некоторыми сюжетами переводной литературы и русским народным творчеством. Устные легенды о великом грешнике (позднее обработанные Некрасовым), некоторые бытовые и волшебно-героические сказки в записях XIX—XX вв. (о «женских увертках», о невинногонимой падчерице, о Бове и т. п.) восходят к произведениям нашей старинной переводной литературы непосредственно или — еще чаще — через посредство многочисленных лубочных изданий XVIII—XX вв.

Роль лубочной литературы как связующего звена между старинной переводной литературой и устным эпосом до сих пор мало изучена. Между тем многие устные сказки на сюжеты старинных повестей и романов в записях XIX—XX вв. являются лишь устными пересказами обработок этих произведений различными лубочными писателями XIX в. (Исаев, Ивин-Кассиров и др.). Поскольку поздняя лубочная литература (1860-е годы—1918 г.) не имеет даже сводки, подобной «Русским народным картинкам» Д. А. Ровинского, следовало бы начать монографическое сравнительное изучение судеб отдельных переводных произведений в лубочной литературе и устной народной поэзии (сатирические бытовые сюжеты, повести о царице и львице, о Францеле Венециане и т. п.).

Наконец, следует привлечь внимание исследователей к изучению непосредственных преемственных связей между переводной литературой XI—XVII вв. с русской литературой XVIII в. (авантюрные повести XVIII в. и традиции переводного романа XVII в., инсценировка переводных рыцарских романов, житий, фацеций в рукописной русской драматургии XVIII в. и др.).

Вопрос о творческом освоении чужеземных образцов наглядно может быть разрешен на материале ранней русской драматургии конца XVII—начала XVIII столетия. Изучение рукописных собраний позволило советским исследователям значительно расширить круг произведений, которые были известны Н. С. Тихонравову в 1860—1870-х годах, при создании двухтомника «Русская драматургия 1672—1725 годов». Не говоря о большом количестве интермедий, достаточно назвать одно «Артаксерксово действо», считавшееся утраченным и ныне известное в двух списках с параллельным немецким текстом. Большой интерес представляет также сценическая история пьес об Эсфири, о царице и львице, сохранивших популярность в XVIII в., но восходящих к инсценировкам или переводным романам XVII столетия. Специального рассмотрения заслуживает вопрос о польско-украино-русских связях в области ранней рукописной бытовой драматургии (интермедии, монологи и диалоги, сцены и комедии).

Особое место в исследованиях советских историков литературы должен занять вопрос об обработке сюжетов переводной агиографии и апокрифов писателями нового времени («Житие Филарета» Радищева, «Житие Феодоры» Герцена, проложные легенды в изложении Лескова и Л. Толстого, повесть о гордом царе у Гаршина, библейские и апокрифические легенды о царе Соломоне как источник повести Куприна «Суламифь» и др.).

Обзор истории изучения переводной литературы древней Руси, систематическое приведение в известность всего того, что сделано в этой области в советской науке и за рубежом, поможет исследователям яснее представить себе проблемы, наименее освещенные и требующие разрешения.

Монографические работы по переводной литературе были у нас немногочисленными, но немало новых точек зрения, являющихся итогом именно разысканий, основанных на монографических исследованиях, было высказано в главах, посвященных переводной древнерусской литературе XI—XVI столетий, в десятитомной «Истории русской литературы» (тт. I и II). Нельзя не вспомнить также талантливо написанную и иллюстрированную научно-популярную книгу А. С. Орлова «Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII—XVII веков» (Л., 1934). Бесспорную ценность представляют советские сводные библиографии и библиографические пособия, в которые вошли произведения древнерусской переводной литературы.[8] Полезны по этой теме как ежегодные сводки в зарубежной славистической печати («Revue des études slaves», «Welt der Slaven», «Zeitschrift für slavische Philologie» и т. п.), так и обзоры ее, помещаемые в советской научной периодике («Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР», «Известия Отделения литературы и языка АН СССР» и т. д.).

Не все равноценно в зарубежных исследованиях по древнерусской переводной литературе.

Правильному разрешению вопроса очень способствуют исследования, подобные докладу Г. Рааба на IV международном съезде славистов. Раскрыв конкретный нижненемецкий источник Прения живота и смерти, автор разъяснил обстоятельства его появления на Руси, введя новый конкретный материал и тем самым поставив исследование русско-немецких связей в XV в. на прочную историческую основу.[9] Собранные Г. Раабом сведения о Варфоломее Готане, без сомнения, представляют широкий интерес, хотя в нем и нельзя видеть, на мой взгляд, предшественника Ивана Федорова, как полагает автор.

Менее ценны монографии вроде книги Риты Греве о Бове на русской почве. Не имея возможности изучить весь материал (рукописные тексты, лубочные издания, устные варианты) и восстановить литературную историю произведения на основе текстологического анализа, исследовательница пришла к неверным выводам, отрицая творческий характер русских рукописных и лубочных редакций повести.[10]

Недостаточной оснащенностью вследствие неполноты материала отличается также остроумная статья известного слависта Б. О. Унбегауна.[11]

---

[8] Н. К. Пиксанов. Старорусская повесть. М.—Пгр., 1923; В. П. Адрианова-Перетц и В. Ф. Покровская. Древнерусская повесть. Библиография истории древнерусской литературы. Вып. I. Л., 1940; А. А. Назаревский. Библиография древнерусской повести. М.—Л., 1955; В. А. Колобанов, О. Ф. Коновалова и М. А. Салмина. Библиография советских работ по древнерусской литературе за 1945—1955 гг. М.—Л., 1956.

[9] H. Raab. Zu einigen niederdeutschen Quellen des altrussischen Schrifttums. — Zeitschrift für Slawistik. Berlin, 1958, Bd. III, Heft 2—4, стр. 323—335.

[10] Rita Greve. Studien über den Roman Buovo d'Antona in Russland. — Osteuropa-Institut an der freien Universität Berlin, Slavistische Veröffentlichungen, Bd. 10. Berlin, 1956. Р. Греве оказались недоступными или неизвестными монография Д. А. Ровинского «Русские народные картинки» (тт. I—V, СПб., 1881), позднейшая сводка А. Мальмгрена «Русские народные картинки» (Митава, 1915), книга Е. П. Иванова «Русский народный лубок» (М., 1937) и все изданные в советское время записи сказки о Бове.

[11] B. O. Unbegaun. Polkan oder vom italienischen Halbhund zum russischen Kriegsschiff. — Zeitschrift für slavische Philologie. Heidelberg, 1959, Bd. XXVII, Heft 1, стр. 58—72.

Еще встречаются работы, авторы которых анализ переводных произведений сводят к сопоставлению комплекса мотивов, пренебрегая идейной основой и проблематикой.[12]

Наконец, часть зарубежных славистов и византинистов пытается отрицать значение некоторых древнерусских переводов (в частности, так называемого «Девгениева деяния»), утверждая без достаточных аргументов, будто основой их является поздняя устная передача старинного сюжета.[13]

Дело чести советских исследователей изучить древнерусскую переводную литературу, используя наше несомненное преимущество — возможность привлечь для анализа всю совокупность русского материала: рукописи, лубочные сказки, устные варианты, литературные обработки и реминисценции. Лишь на основе серьезных монографических исследований можно показать шаткость и ошибочность выводов, проистекающих из неполноты материала (или недостаточной осведомленности), раскрыть несостоятельность некоторых теорий и отдельных попыток снизить значение древнерусской культуры.

---

[12] A. Schmaus. Philopappos-Maximo-Szene und Kaiserepisode im altrussichen Digenis. — Byzantinische Zeitschrift, München, 1951, Bd. 44, стр. 495—508; W. J. Entwistle. Bridesnatching and the Deeds of Digenis. — Oxford slavonic papers. Oxford, 1953, vol. IV. стр. 1—16.

[13] André Mazon. Chronique. — Revue des études slaves. Paris, 1950, vol. XXV, стр. 187; André Vaillant. Le Digénis slave. — Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор. 1955, к. 21, св. 3—4; Digenes Akritas edited with an introduction, translation and commentary by John Mavrogordato. Oxford, 1956.

В. В. ДАНИЛОВ

О жанровых особенностях древнерусских «хождений»

Древнерусские «хождения» в Палестину и Египет — единственный вид древнерусской литературы, доживший до XX столетия не по линии научных, историко-литературных интересов, а в живом народном чтении.

Это — «хождение» московского купца Трифона Коробейникова в Палестину и Египет в 1582 г., которое пользовалось широкой популярностью в древнерусской письменности, помещалось в хронографах, между житиями святых и поучениями Златоуста и, как говорит Х. М. Лопарев, «решительно заслонило собою все другие книги такого же содержания».[1] Он насчитывал свыше двухсот известных ему списков Коробейникова и около полусотни печатных изданий, причем «Путешествие» Коробейникова в виде так называемой лубочной книжки было издано даже в 1913 г.

Первый, кто дал ему типографскую жизнь, был Василий Григорьевич Рубан (1739—1795),[2] издатель сатирических листков, историк и географ Украины, переводчик римских поэтов. Первое издание Коробейникова 1783 г. появилось сначала в древнерусском оригинале, затем «Путешествие» было переложено на современный русский язык; потом оно приобрело форму, приспособленную для малограмотных читателей, и получило распространение в переизданиях рыночных книжных торговцев.

В истории литературы известны факты, когда произведение, которое долгое время приписывалось какому-либо автору, оказывалось принадлежащим другому. Так случилось с «хождением» Коробейникова, три столетия жившим с его именем и оказавшимся произведением другого купца — путешественника Василия Познякова, ходившего в Палестину и Египет в 1558—1561 гг., на двадцать с лишком лет ранее, чем хождение, которое считалось совершенным Коробейниковым.

Этот вопрос основательно осветил Х. М. Лопарев, пришедший к неоспоримому выводу: «Отныне, — утверждает он, — можем считать так называемое „Хождение Коробейникова“ 1582 года ему вовсе не принадлежащим».[3] Сравнение «хождения» Коробейникова с «хождением» Познякова обнаруживает почти полное их текстуальное совпадение. Останавливаться на этом не входит в мой план. Для меня важнее выводы, к которым приходит по этому поводу Лопарев.

---

[1] Православный Палестинский сборник, т. IX, 3, кн. 27. СПб., 1889, стр. без номера.

[2] Его издание называется «Трифона Коробейникова, московского купца, с товарищи путешествие в Иерусалим, Египет и к Синайской горе в 1583 г. Издано для пользы общества. СПб., тип. М. Овчинникова, 1783», стр. 66. В предисловии говорится, что список Коробейникова был сообщен Рубану предводителем дворянства Вологодского наместничества Ал—ем Вас. Олешиным. С того времени издания Коробейникова не прекращались. Впоследствии «Путешествие» Коробейникова «для удобнейшего понятия переложено на чистый российский [язык], с присовокуплением объяснений на места, подлежащие сомнению, Иваном Михайловым». В изданиях Е. И. Коноваловой авторами изложений «Путешествия» Коробейникова называются В. А. Л[унин] и Леонид Денисов Были еще издания Г. Новинского, П. А. Глушкова, И. А. Морозова и И. Д. Сытина.

[3] Православный Палестинский сборник, т. IX, 3, кн. 27, стр. XXXI.

«Мы, — пишет он, — так мало еще знаем о наших так называемых „иерусалимских путниках", что готовы верить, что каждый из них есть произведение именно того лица, под чьим именем он назван в рукописи. Такое мнение в паломнической литературе всегда должно быть рассматриваемо с некоторою осторожностью. „Путники" были в ходу как свои оригинальные, так и переводные (греческие), — что же удивительного, если писец вставлял „путник" в какое-нибудь паломническое сочинение, чтобы придать книге полноту и законченность».[4]

Еще более определенный взгляд на зависимость древнерусской паломнической литературы от греческих «путников» Лопарев высказал по поводу Путешествия Антония Новгородского, в мире Добрыни Ядрейковича (начало XIII в.): «Изучение паломников, — говорит он, — теперь все более и более приводит к мысли, что существовали, по крайней мере для Иерусалима, греческие описания или путеводители, и многие наши паломники, вместо того чтобы самим составлять описание, пользовались готовыми образцами, слегка изменяя и дополняя их сообразно с временем и обстоятельствами».[5]

Существование греческих путеводителей не предмет «мысли» или предположения, но факт. Эти путеводители более известны под греческим названием «проскинитарии».[6] «Проскинитарием» назвал Арсений Суханов свое описание путешествия в Палестину в 1651—1652 гг.

Письменные следы греческих проскинитариев восходят к VII столетию, но появление их следует относить к более ранним векам. Дошедшие до нас поздние проскинитарии, обычно анонимные, относятся ко времени с XIV по XVII столетие. Между ними обнаруживается связь, свидетельствующая, что они продукт длительной традиции, которая питалась материальными интересами профессионалов-книжников. О профессиональном их происхождении говорит их рекламирование. В проскинитарии конца XVI столетия говорится в стихах: «Я расскажу чудесную повесть; я напишу и поведаю об Иерусалиме. Слушайте и поучайтесь . . . Идите все, спешите и собирайтесь, молодые и старые, кто хочет узнать подробно о достопочитаемых, наипрекраснейших святых местах Иерусалима».[7] В другом проскинитарии XVII в. находим прямую торговую рекламу, тоже в стихах, прикрашенную религиозною фразеологией: «Кто из вас, братья, приобретет (проскинитарий) и купит, будет иметь великое богатство. Всячески берегите его, и в доме вашем будете иметь благословение из Иерусалима, из святого града».[8]

Раз проскинитарии были предметом торговли, то, естественно, явилось стремление расширить ее на счет паломников из Восточной Европы. Осуществлением этого был «Путник о граде Иерусалиме», изданный в 1872 г. во Львове А. С. Петрушевичем, полагавшим, что он составлен западноукраинским паломником между 1597—1607 гг. На самом деле «Путник»

---

[4] Там же, стр. XXIV—XXV.

[5] Православный Палестинский сборник, т. XVII, 3, кн. 51. СПб., 1899, стр. CXXXII.

[6] От προσκυνέω — «поклоняюсь»; ὁ προσκυνητήρ — «поклонник», «паломник»; τὸ προσκυνητάριον — «путеводитель для паломников».

[7] Восемь греческих описаний святых мест XIV, XV и XVI вв. Издал А. В. Пападопуло-Керамевс, с русским переводом П В. Безобразова. — Православный Палестинский сборник, т. XIX, 2, кн. 56. СПб., 1903, стр. 55.

[8] Проскинитарий по Иерусалиму и прочим святым местам безымянного, начала XVII века, изданный в первый раз, с предисловием и русским переводом П. В. Безобразова. — Православный Палестинский сборник, т. XVIII, 3, кн. 54. СПб., 1901, стр. 49.

представляет перевод греческого проскинитария, весьма близкого к одному проскинитарию XVI столетия.[9]

Если западный украинец перевел греческий проскинитарий на свой язык, то можно предполагать появление проскинитария для русских паломников, число которых было значительным. К этому вынуждало то обстоятельство, что среди паломников из Руси было немного людей, понимавших по-гречески.

Среди паломников, оставивших след в литературе, был знаком с греческим языком игумен Даниил. Хорошо знал греческий язык Арсений Суханов. Поехавший вместе с ним в Палестину Иона Маленький из Троице-Сергиева монастыря знал греческий язык настолько, что был приставлен к иерусалимскому патриарху Паисию показывать ему монастырь. По всей вероятности, знания Ионы оказались недостаточными, и он просил отпустить его в Иерусалим «научения ради греческого языка и грамоты». Немного знал по-гречески, должно быть со школьной скамьи, паломник середины XVIII столетия монах Игнатий, родом курянин, в мире Иван Дёншин, разговаривавший с иерусалимским патриархом без переводчика.

Большинство же ходило по Палестине, не зная ни греческого, ни тем более местных языков. Это отрицательно отражалось на их наблюдениях. Агрефений, паломник XIV в., сообщает, что он прошел мимо города Назарета и горы Фавор, с которыми связаны евангельские рассказы, но он, как сам сознается, не представлял, что это за места, потому что, не зная языка, не мог спросить.

Незнание языков ставило русских паломников в затруднительные положения в бытовом отношении. Ходивший в Палестину при Петре I священник Иван Лукьянов, оказавшись раз со своими спутниками без переводчика, мог помочь себе только одним известным ему греческим словом «метòхия» — монастырское подворье, с которым он беспомощно обращался к прохожим.

На Востоке были русские люди, а также балканские славяне, которые могли предпринять перевод проскинитариев, причем литературная деятельность русских книжников в Константинополе намечается уже в первой половине XII в.[10] Стефан Новгородец, бывший в Константинополе в середине XIV столетия, встретил там новгородцев, занимавшихся в Студийском монастыре списыванием книг, «зане бо искусни зело книжному списанию». Игнатий Смольнянин (XIV—начало XV в.) виделся с русскими, постоянными жителями Константинополя. Он называет их Русью, но не говорит, кто были эти люди. Арсений Суханов видел в Палестине, в монастыре св. Саввы, целую библиотеку, «без числа много» книг, рукописных и печатных, среди которых были славянские, что указывает на бытность в монастыре представителей славянских стран. Толмач Саввина монастыря Моисей, переводивший разговор между купцом Василием Позняковым и знаменитым в XVI в. александрийским патриархом Иоакимом,[11] был, по-видимому, русский. В конце XVI в. польский князь Николай Радивил-Сиротка встретил в том же монастыре монаха родом из Македонии, кото-

---

[9] Три греческие безымянные проскинитария XVI века, изданные с предисловием А. Пападопуло-Керамевса и переведенные Г. С. Дестунисом. — Православный Палестинский сборник, т. XVI, 1, кн. 46. СПб., 1896, стр. VI.

[10] М. Н. Сперанский. Из истории русско-славянских литературных связей. Сборник статей. М., 1960, стр. 41.

[11] Александрийский патриарх Иоаким, проживший 115 лет (ум. в 1567 г.), был на своем посту 78 лет. Популярности «хождения» псевдо-Коробейникова способствовала включенная туда легендарная «Повесть о патриархе Иоакиме александрийском, како за православную веру пил смертное зелие и не вреди его».

рый, услышав польскую речь, стал разговаривать с князем и его спутниками «по-славянски».[12]

Греческие проскинитарии по содержанию и стилю не принадлежат к художественной литературе. Это памятники практической письменности, содержащие сухие перечисления мест с указанием связанных с ними древнебиблейских и евангельских воспоминаний. Как произведения коллективные, создававшиеся веками, они не имеют ни авторской окраски, ни национальных очертаний.

Вот, например, характерный стиль греческого «паломника» XIV в.:

«Потом там есть Голгофа, гора, где распяли Иисуса ... Потом есть место, где воины разделили его одежды ... Потом там есть обретение св. креста ... Потом следует тот столб, к которому привязали Иисуса».[13]

Сухой протоколизм изложения, отсутствие образного языка и выражения чувств возводятся авторами греческих «паломников» в догму. Автор начала IX столетия Епифаний после описания Палестины в стиле приведенной цитаты говорит: «Я написал всю истину, как я обходил и видел собственными глазами. Иначе же рассказывающий сам себя обманывает».[14]

В греческой паломнической литературе создается представление, что безыскусственное изложение о виденном почти адекватно личному зрительному восприятию. Иоанн Фока, путешествовавший по Востоку в 1185 г., так определяет цель своего описания: «Попытаемся, насколько хватит сил, начертать словом, как бы рисунок на доске, и, что мы видели непосредственно, изложить посредством письма. Ибо цель слова состоит в подражании видимой действительности».[15]

Чтобы придать больше реальности своим наблюдениям, паломники, иностранные и русские, постоянно прибегают к измерительному способу описаний, указывая меры расстояний, определяемые шагами, поприщами, у русских — верстами, «камени вержением» (в греческих проскинитариях ὡς λίθου βολή), «вержением от лука стрелы» (в проскинитариях ὡς δοξαρίου βολή), а также размеры предметов, количество их, особенно часто число ступеней и лампад. В этом измерительном методе паломник видел обязательную задачу своего описания. Поэтому Иона Маленький оправдывается, что он не мог все «премерити и гораздо дозрети страха ради турского».[16]

Следы влияния греческих проскинитариев в русской паломнической литературе заметны очень явственно. В исследовательской литературе нет непосредственных сопоставлений какого-либо русского «хождения» с определенным греческим проскинитарием, но некоторые произведения русской

---

[12] Похождения в Землю Святую князя Радивила-Сиротки, 1582—1584. Приготовил к печати и объяснил П. А. Гильтебрандт. Приложение к XV т. «Известий Русского географического общества». СПб., 1879, стр. 75.

[13] Неизвестный паломник XIV в. С предисловием А. Пападопуло-Керамевса и переводом Г. С. Дестуниса. — Православный Палестинский сборник, т. IX, 2, кн. 26. СПб., 1890, стр. 31. Проф. Дестунис стремился в русском переводе разнообразить стиль оригинала словами «потом» и «затем», на месте которых в этом оригинале одно союзное наречие ἔπειτα.

[14] Повесть Епифания о Иерусалиме и сущих в нем мест первой половины IX в. Под ред. проф. В. Г. Васильевского. — Православный Палестинский сборник, т. IV, 2, кн. 11. СПб., 1886, стр. 31.

[15] Сказание вкратце о городах и странах от Антиохии до Иерусалима, а также Сирии, Финикии и о святых местах в Палестине, конца XII в., изданное в подлиннике и в русском переводе И. Троицким. — Православный Палестинский сборник, т. VIII, 2, кн. 23. СПб., 1889, стр. 30.

[16] Повесть и сказание о похождении в Иерусалим и во Царьград Троицкого Сергиева монастыря черного диакона Ионы по реклому Маленького XVII в. Под ред. С. О. Долгова. — Православный Палестинский сборник, т. XIV, 3, кн. 42. СПб., 1895, стр. 15.

паломнической литературы могут быть возведены по общему своему характеру к влиянию проскинитариев.

Однообразие стиля, которым обладает приведенная цитата из греческого «паломника», — обычное явление в русских описаниях путешествий на Восток. К таким безыскусственным «хождениям» принадлежат, например, «Хождение архимандрита Агрефения» (XIV в.), «Сказание Епифания мниха о пути в Иерусалим» (начало XV в.), «Хождение священника Варсонофия ко святому граду Иерусалиму» (середина XV в.), «Хождение гостя Василия» (вторая половина XV в.).

Сюда же надо отнести «Книгу Паломник» новгородского архиепископа Антония, хотя она ограничивается Константинополем. Это настолько протокольный перечень мест, что проф. Е. Е. Голубинский, указывая на сходство книги с западноевропейскими гидами, недоумевал, для кого Антоний предназначал ее.[17] Характер «хождения» Антония Новгородского навел Лопарева на предположение, что в нем многое может быть лишь простым пересказом какого-нибудь διήγησις’α — «повествования» и что не будет неожиданностью, если Антоний как самостоятельный автор «будет развенчан».[18]

Можно привести не один пример сухого, протокольно-безразличного стиля наших «хождений», подобно проскинитариям, который не выказывает живого лица наблюдателя и его впечатлений.

Дьякон Игнатий Смольнянин (XIV—XV вв.) пишет: «Против гроба господня греческая служба — греци служат; а с правую сторону от гроба господня римская служба — римляне служат. А на полатех, с правую сторону, арменская служба — армени служат; а с правую сторону от гроба господня, на земли, фрязская служба — фрязи служат».[19]

Иеродиакон Зосима (XV в.) сообщает: «...есть купель Соломоня, пять притвор имуща, внугрь града Иерусалима стояще; есть купель Силуамля, вне града Иерусалима стояще. Есть двор Пилатов, в нем же живет ныне Амир; есть двор Анны и Каиафы, в них же ныне срацыни живут; есть двор Иоакимов и Аннин» и т. д.[20]

В таком же стиле описания, или, точнее, заметки для описания, гостя Василия (XV в.): «...ту увидехом Акимов дом, и церковь на вратех святый Николае, и ту поклонихомся. И ту видехом Пилатов дом, близ того, и ту видехом кладезь, где Захариева глава повержена. И тут поклонихомся. И туто, близ того места, где святаго первомученика Стефана камением побили, и ту поклонихомся».[21]

Таковы обычные, бедные формы речи для выражения смены впечатлений у наших допетровских паломников. Таков же стиль греческих путеводителей-проскинитариев. Можно даже указать факты непосредственных заимствований в наших «хождениях» из греческих проскинитариев. Приведу один пример, отражающий длительную традицию в греческой и русской паломнических литературах.

---

[17] Е. Голубинский. История русской церкви, изд. 2-е, т. 1, 1-я половина. М., 1901, стр. 837.

[18] Книга Паломник. Сказание мест святых в Цареграде Антония, архиепископа Новгородского, в 1200 году. Под ред. Х. М. Лопарева. — Православный Палестинский сборник, т. XVII, 3, кн. 51, стр. CXXXII.

[19] Хождение Игнатия Смольнянина. Под ред. С. Арсеньева. — Православный Палестинский сборник, т. IV, 3, кн. 12. СПб., 1887, стр. 18.

[20] Хождение инока Зосимы. Под ред. Х. М. Лопарева. — Православный Палестинский сборник, т. VIII, 3, кн. 24. СПб., 1889, стр. 22.

[21] Хождение гостя Василия. Под ред. архимандрита Леонида. — Православный Палестинский сборник, т. II, 3, кн. 6. СПб., 1884, стр. 11.

У нескольких наших паломников находим упоминания о монастыре св. Герасима (ум. в 457 г.) на Иордане, вблизи Мертвого моря. В Житии Герасима рассказывается, что ему служил лев, у которого он вытащил из лапы занозу. Сюжет этот известен в греческой и римской литературах в виде рассказа о льве раба Андрокла.[22]

В греческих проскинитариях о монастыре Герасима и его льве встречаются только краткие упоминания, потому что уже к XII в. монастырь был разрушен разливами Иордана и обезлюдел.

В «Душеспасительном рассказе о святом гробе» XV в. сказано: «Там, у Красного моря, есть монастырь аввы Герасима, где работал лев».[23] В проскинитарии XVI столетия: «Вблизи реки Иордана есть монастырь св. отца нашего Герасима, которому по милости божьей и вследствие отличной его добродетели работал зверь, называемый львом, со всяким смирением».[24] В проскинитарии 1608 г. — «На Иордане есть монастырь св. Герасима, которому вследствие его богоугодной жизни служил лев».[25]

В такой же форме это сообщение повторяется в других проскинитариях, и в такой же краткой и почти стандартной форме мы читаем его у наших паломников.

У игумена Даниила: «А от монастыря св. Иоанна Предотеча до Герасимова монастыря, ему же лютый зверь поработа, верста едина».[26]

Агрефений (XIV в.) пишет: «Монастырь св. Герасима ... ему же лев послужи, от св. Продрома на зимний запад есть с три версты».[27]

Игнатий Смольнянин (XIV в.): «Близь Содомского моря есть монастырь св. Герасима, у него же зверь лев жил; есть и гроб св. Герасима за олтарем, а зверь той лев, что ему работал, в ногах лежит».[28]

Зосима (XV в.): «И оттоле идох в Герасимов монастырь, ему же лев поработа, иже при Иордане поприще едино».[29]

Василий Позняков (XVI в.): «Тамо же монастырь преподобного отца Герасима, ему же лев поработа».[30]

---

[22] В греческой литературе рассказ передается в сочинении «О природе животных» Элиана (III в.), в римской — в рассуждениях Сенеки «О благодеяниях» (I в.) и в «Аттических ночах» Авла Геллия (II в.). Раб Андрокл бежал от господина и скрылся в пустыне, в логове льва. Вернувшийся лев сильно страдал от занозы в ноге. Андрокл вытащил занозу, и лев стал ему служить и приносить пищу. Впоследствии оба они были пойманы. Андрокл за бегство приговорен к бою на арене со львом, которым оказался его друг. Лев обрадовался и стал ласкаться к Андроклу. Это так подействовало на зрителей, что они потребовали отпустить их на свободу. Андрокл ходил в сопровождении льва, и люди подавали им милостыню. Легенда о Герасиме могла быть местного происхождения, потому что львы водились в Палестине, о чем сообщает нам игумен Даниил. Были случаи их приручения. Паломник VI в. Антонин рассказывает, что монахини одного монастыря в Синайской пустыне приручили с детства огромного и ужасного на вид льва, который охранял монастырь и водил на пастбище осла (Путник Антонина из Плаценции конца VI века. Издал, перевел и объяснил И. Помяловский. — Православный Палестинский сборник, т. XIII, 3, кн. 39. СПб., 1895). Иоанн Фока сообщает в «Сказании вкратце», что у Иордана, в замкнутом столпе, жил в его время отшельник, по национальности грузин. Два льва из густых тростников на Иордане подходили к столпу и выражением глаз просили пищи. Получив ее, уходили (Православный Палестинский сборник, т. VIII, 2, кн. 23, стр. 51).

[23] Восемь греческих описаний святых мест XIV, XV, XVI вв., стр. 172.

[24] Православный Палестинский сборник, т. XVI, 1, кн. 46, стр. 55.

[25] Православный Палестинский сборник, т. XVIII, 2, кн. 53. СПб., 1900, стр. 65.

[26] Путешествие игумена Даниила по святой земле в начале XII века. Изд. Археографической комиссии под ред. А. С. Норова. СПб., 1864, стр. 57.

[27] Православный Палестинский сборник, т. XVI, 3, кн. 48. СПб., 1896, стр. 16—17.

[28] Православный Палестинский сборник, т. IV, 3, кн. 12, стр. 22.

[29] Православный Палестинский сборник, т. VIII, 3, кн. 24, стр. 19.

[30] Православный Палестинский сборник, т. VI, 3, кн. 18. СПб., 1887, стр. 61.

Арсений Суханов (XVII в.): «...верстах в десяти к Содомскому морю близко, на ровном месте, стоит монастырь преподобного отца Герасима, иже на Иордане, ему же дивий зверь лев поработа».[31]

Это одинаковое у русских писателей выражение «ему же лев поработал», повторяющееся с XII по XVII столетие, без сомнения, идет из одного источника, которым были греческие проскинитарии, где встречаем в общем то же выражение.[32]

Таким же одинаковым для проскинитариев и наших авторов-паломников является объяснение названия Мертвого моря: потому что в нем не водится ничего живого.

Содержание и стиль древнерусских «хождений» создавались не только под воздействием греческих проскинитариев и диэгисисов, откуда они заимствовали сведения и форму изложения, но и под давлением на них понятий русской общественной среды и литературной традиции.

В обстоятельном историко-литературном введении к изданию «Пелгримации», т. е. странствования,[33] черниговского иеромонаха Ипполита Вишенского в Палестину в начале XVIII столетия его редактор С. П. Розанов, характеризуя общий круг интересов древнерусских «хождений», пишет: «Из того, что древние паломники не оставили нам своих путевых записок, еще не следует, что они ничем в пути не интересовались. Несомненно, они очень многое и видели и слышали, но не занесли этого в свои описания потому, что не считали достойным упоминания наряду с святынями обыденной мирской жизни. Здесь сказалось общее направление в развитии и просвещении тогдашнего русского человека».[34]

Прежде всего это выразилось в отношении паломников к человеку. Как летописец, на что указывает Д. С. Лихачев, «не заносит в свои записи событий частного характера, не интересуется жизнью людей, низко стоящих на лестнице феодальных отношений», а «пишет только о лицах официальных, распоряжающихся судьбой людей»,[35] так и авторы «хождений» проходят мимо людей частных, обыкновенных.

Игумен Даниил не раз упоминает людей, с которыми сталкивался во время путешествия, но не говорит, кто они были. Он рассказывает, что о гробе господнем подробно узнал, «добре испытав от сущих ту издавна ведущих», что идти к Мертвому морю отсоветовали ему «правоверни человеци», о горе Ливанской поведали ему «добре сведающие», но кто были эти люди, не говорит ни слова. Он ходил с дружиною; при нем в Иерусалиме были другие дружины паломников из Новгорода и Киева; он называет некоторых по именам, но ни о ком не сообщает никаких сведений: были ли это церковные люди, бояре, купцы, дружинники князей — остается неизвестным. Один человек, характеристику которого дает Даниил и о встречах с которым рассказывает более подробно, — это иерусалимский король Балдуин Фландрский.

Так поступали и другие паломники. Стефан Новгородец (XIV в.) ходил с восемью спутниками; инок Зосима (XV в.) пошел в Палестину

---

[31] Православный Палестинский сборник, т. VII, 3, кн. 21. СПб., 1889, стр. 79.

[32] Греческие фразы в приведенных выше по-русски цитатах: ὅπον 'εδούλευεν ὁ λέων, ἐδούλευεν ὁ θὴρ ὁ λεγόμενος λέων; δουλεύω — «служу», «работаю».

[33] «Пелгримация» — искажение латинского peregrinatio — «пребывание за границей», «путешествие», «странствование»: под влиянием польского — pielgrzymstwo, pielgrzym.

[34] Путешествие иеромонаха Ипполита Вишенского в Иерусалим, на Синай и Афон (1707—1709 гг.). Издано под ред. С. П. Розанова. — Православный Палестинский сборник, т. XXIII, кн. 61. СПб., 1914, стр. XL.

[35] Д. С. Лихачев. Изображение людей в летописи XII—XIII вв. — ТОДРЛ, т. X. М.—Л., 1954, стр. 8.

из Киева «с купцы и вельможами с великими», но ни у кого нет отражения лица кого-либо из окружавших автора людей, хотя бы из великих вельмож.

Даже когда образ человека бросался в глаза, он изображается крайне скупыми словами. Игумен Даниил видел столпника: «муж дивен и страшен видом и стар деньми», — сказал он про него и ничем больше не отметил эту необыкновенную фигуру. Возле Тивериадского озера Даниилу удалось встретить старого книжного человека, который сопутствовал Даниилу по Галилее и рассказал ему все, что связано в ней со священным писанием. По-видимому, это не был грек — обычное церковное лицо в тех местах, но Даниил не называет национальности своего путеводителя. Однако можно предполагать, что старик, о котором Даниил выразился, что «угоди бог налезти» такого спутника, так потрудившийся для русского паломника, был сам русский или по крайней мере славянин с Балканского полуострова.

Если даже для такого человека, которому он был много обязан, у Даниила нашлось немного слов, то, упоминая нивы многоплодные, поля «травные вельми», паломник ни разу не обмолвился о том, кто и какими орудиями обрабатывает эти нивы, богатые урожаями, кто и какой скот пасет на этих тучных полях и в какой торговый оборот, куда и с кем поступают смоквы, чересие, рожци и масличие, о которых Даниил повествует не то с удивлением, не то с восторгом. Между тем как игумен, т. е. хозяин монастыря, поскольку монастыри были производственно-земледельческими организациями, Даниил не мог не интересоваться этими вопросами.

Однако в письменности мысль была скована условными рамками церковного мировоззрения и литературные формы подчинялись определенным штампам.

Наконец, при оценке «хождений» как литературного жанра следует принять во внимание их частью официозное происхождение, сужавшее круг интересов авторов. Некоторые «хождения» принадлежат авторству лиц, бывших участниками официально организованных путешествий на Восток, а также исполнителями поручений, данных им церковной или светской властью.

Утверждение, что игумен Даниил путешествовал в Палестину не по своему почину, а имел какое-то дипломатическое поручение к иерусалимскому королю Балдуину Фландрскому, в настоящее время находит признание в общих обзорах древнерусской литературы, и на этом я не буду останавливаться.[36]

Игнатий Смольнянин, путешествовавший в Константинополь в 1389 г., состоял в свите митрополита Пимена, который был посвящен на митрополичью кафедру в 1379 г. константинопольским патриархом в Софийском храме, но достиг этого против желания великого князя Димитрия Ивановича происками митрополичьих бояр, подлогом великокняжеской хартии и подкупом греческого духовенства. Это вызвало недовольство князя Димитрия против Пимена, который для того и предпринял поездку в Константинополь, чтобы укрепить свое значение в глазах великого князя посредством авторитета константинопольского патриарха. Пимену было важно иметь письменный след своего путешествия, отражавший его трудности и значение, освященное патриархом. Поэтому он приказал своим спутникам, чтобы каждый, как сумеет, описывал, что будет происходить в пути и в Константинополе. Вероятно, вел записки не один Игнатий,

[36] История русской литературы, т. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1958, стр. 85; Н. В. Водовозов. История древней русской литературы. Учебное пособие для пединститутов. Гос. учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, М., 1958, стр. 57.

потому что он говорит об этом во множественном числе: «Мы же сия вся писахом». Игнатий, очевидно, свел записи остальных спутников воедино.

Таким образом, «хождение» Игнатия Смольнянина было делом инициативы митрополита Пимена и относилось к служебным интересам последнего.

В январе 1558 г. в Москву прибыло посольство от александрийского патриарха Иоакима, просившего у царя Ивана IV милостыни для ремонта обветшавшего Синайского монастыря. Царь послал с милостынею архидиакона новгородской Софийской церкви Геннадия и купца Василия Познякова, родом из Смоленска, которым поручалось, кроме раздачи милостыни по списку, «обычаи в странах тех писати».[37] Геннадий не достиг Синая и умер в Константинополе. Позняков остался во главе посольства. Судьба составленного им по официальному заданию описания путешествия изложена выше.[38]

Официальным документом является «Проскинитарий» Арсения Суханова, который, как владевший греческим языком, использовался правительством по дипломатическим делам. В 1649 г. он направляется в Палестину в разгар вопроса об исправлении книг священного писания и подозрений относительно правоверия греков. С него была взята «государевым словом» клятва, чтобы, «будучи он, Арсений, в греческих странах, писал бы правду без прикладу».[39] Описание путешествия Суханов представил в 1652 г. в Посольский приказ.

С какими-то полномочиями ездил в Палестину в 1707—1708 гг. черниговский иеромонах Ипполит Вишенский. Сам он говорит глухо, что имел «поселство» к молдавскому господарю, которое выполнял три дня. В Константинополе Вишенский был «вдячне» принят русским резидентом Петром Андреевичем Толстым, при посредстве которого получил султанский фирман, освобождавший его от налогов, и ходил по городу в сопровождении янычар, бывших в распоряжении русского посла.

Содержание и стиль описаний путешествий на Восток зависели в известной мере от традиции, выработанной жанром «хождений» и шедшей прежде всего от классического «Паломника» игумена Даниила, сочинение которого — говорит проф. Н. К. Гудзий — «в большой мере предопределило собой характерные особенности жанра благочестивых путешествий на русской почве».[40]

Некоторые авторы «хождений» ссылаются на Даниила, и сравнение текстов подтверждает влияние его на последующие «паломники». Х. М. Лопарев приводит пять совпадений в тексте «Хожения инока Зосимы» (XIV в.) с «Паломником» Даниила, цитатой из заключительной части которого Зосима оканчивает свое сочинение. Иван Лукьянов, наоборот, начинает описание путешествия длинной выпиской из вступления Даниила к его «хождению».

Арсений Суханов сравнивает то, что он видел в Палестине при турках, с тем, что говорит о том же Даниил, бывший там «во время Болдуинов венецких». Есть текстуальные совпадения с Даниилом у Ионы Маленького.

Другим популярным автором в паломнической литературе был Трифон Коробейников, поглотивший авторство Василия Познякова.

Купец Гагара полагал, что до него в Иерусалиме якобы никто не бывал из Московского царства, кроме Коробейникова. Суханов подтверждает

---

[37] Православный Палестинский сборник, т. VI, 3, кн. 18, стр. III.

[38] Действительное путешествие Трифона Коробейникова в Палестину «с заздравною мылостынею» было совершено в 1598 г. по приказу царя Федора Ивановича.

[39] С. Белокуров. Арсений Суханов, ч. I. М., 1891, стр. 310.

[40] Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. М., 1938, стр. 111.

достоверность своих сведений ссылками на «хождение» Трифона. То же делает Иван Лукьянов и заимствует из него некоторые сообщения.

Совпадения в «хождениях» разных авторов показывают, что, приступая к описаниям собственных путешествий, они интересовались предшествующей литературой и дополняли свои впечатления, казавшиеся им недостаточными, материалом из сочинений предшественников. Весьма возможно, впрочем, что это могли иногда делать списыватели их «хождений».[41] Во всяком случае можно говорить о традиции в жизни данного литературного жанра.

Древнерусские «хождения» содержат не только материал, относящийся к древнехристианским памятникам Палестины и Египта. Большое количество впечатлений, пережитых авторами, заставляло их выходить за рамки представлений религиозного порядка.

Существенное значение в этом смысле имело изображение опасностей, с которыми приходилось сталкиваться паломникам в пути.

Игумен Даниил вскользь упоминает о том, что в пустынных местах, возле города Аскалона, «сорочине выходят и избивают странные на пути»; что путь из Иерусалима в Галилею — это «места страшная», по которым «без вои никто же может пройти в мале дружине». Последующие паломники останавливаются на опасностях подробнее и чаще, потому что это отвечало духу подвижничества, как смотрели на путешествия сами авторы и те, для кого они писали. Василий Позняков, который и сам чуть не погиб «от наприходящих людей», говорит со скорбью о жертвах опасностей пути: «. . . видехом некоторые с нами идущие поклонитися гробу Христову, и паки видехом их к богу отшедших, зане многи скорби на пути бывают от беззаконных турок и араплян на море и на сухе».[42]

Иеромонах Зосима (XV в.), жестоко, до полусмерти, избитый «злыми арапами» возле Мертвого моря, подвергся на обратном пути из Палестины нападению пиратов: «Насреди пути найде на нас корабль котаньский,[43] разбойници злии, и разбиша корабль пушками, аки дивии зверие, и рассекоша нашего корабельника на части и ввергоша в море и взяша, яже в нашем корабле. Меня же, убогого, удариша копейным ратовищем в грудь и глаголюще ми: „Калуере, поне дуката кърса!“ еже зовется: деньга золотая.[44] Аз же заклинахся богом живым, богом вышним, что нет у меня. Они же взяша мшелеш[45] мой весь, меня же, убогого, во едином сукманце оставиша. А сами скачуще по кораблю, яко дивии зверие, блистающеся копьи своими и мечи, и саблями, и топоры широкими. Мню аз, грешный Зосима, яко воздуху устрашитися от них. Паки взыдоша на корабль свой, отидоша в море».[46]

У Зосимы, очевидно знакомого с описаниями битв в летописях и воинских повестях, повторяющего обычный в них мотив блистания оружия,[47]

---

[41] Наличие интерполированности в «хождениях», по мнению Х. М. Лопарева, есть одна из причин, затрудняющих их научное изучение: Х. М. Лопарев. Русское анонимное описание Константинополя (около 1321 г.). — ИОРЯС, т. III. СПб., 1898, кн. 2, стр. 354.

[42] Хождение купца Василия Познякова по святым местам Востока. Под ред. Х. М. Лопарева. — Православный Палестинский сборник, т. VI, 3, кн. 18, стр. 38.

[43] Катания — город на о. Сицилия.

[44] Греческая фраза Καλόγερε, πόνε δουκάτα χρυσά — «Монах, подавай золотые дукаты».

[45] Мшелеш — багаж, вещевой мешок.

[46] Хождение инока Зосимы. Под ред. Х. М. Лопарева. — Православный Палестинский сборник, т. VIII, 3, кн. 24, стр. 24—25.

[47] Ср., например, в описании Лиственной битвы в «Повести временных лет» под 1024 г.: «блещашеться оружие»; в «Слове о полку Игореве»: «златым шеломом посвечивая»; в «Поведании о побоище великого князя Димитрия Ивановича»: «силние молнии от блистания мечного».

нашлись стилистические приемы, чтобы образно описать нападение пиратов, но не явилось мысли изобразить последствия нападения: состояние людей, переживших ужасы, подвергшихся избиению и ограблению. Нужно было пройти векам, чтобы автор стал обращать внимание на положение и переживания простых людей. Иван Лукьянов, человек Петровской эпохи, уже иначе рассказывает о нападении арабов на паломников на пути в Иерусалим в 1702 г.:

«Посмотришь, везде стоит крик да стон, бьют, грабят; иной плачет: убит; иной плачет: ограблен. Везде гоняются за одним человеком арапов по десяти, по двадцати; многие коней и рухлядь покидали... Баб-то миленьких бьют! Пришедши, возьмет бабу-то или девку за ногу, да так с лошади долов волочит да бьет: „дай пара́“. Бедство великое! От арапов — пощади, господи! Подобно что на мытарствах от бесов ... Уже невозможно такой беды человеку от рождения своего видеть ... Ужас по таборам, да стон стоит: иной без глаза, а у иного голова проломлена, иной без руки, иной без ноги; бабы-то плачут; у иного одежду отняли, у иного книги ... Плач да крик стоит по таборам, ужас — пощади, господи!».[48]

У Лукьянова изображение бедствия живее, проще, реалистичнее, чем у Зосимы, и в этом сказался общий прогресс современной автору русской литературы. Описание Лукьянова — это отзвук эпохи Повести о Фроле Скобееве и других повестей с их интересами к судьбе рядовых людей.

С. П. Розанов во введении к «хождению» Ипполита Вишенского ставит вопрос о сравнении и об определении различия между паломниками допетровскими и Петровской эпохи; к последней относится Вишенский, не закрывающий глаз на явления, не имеющие прямого отношения к религии. Изменение интересов в паломнической литературе было следствием иного отношения к людям, определившегося к концу XVII столетия. Д. С. Лихачев говорит по этому поводу: «Новое отношение к человеку было одним из проявлений постепенного процесса нарастания реалистических элементов в литературе. Период крестьянской войны и польско-шведской интервенции способствовал огромному накоплению опыта социальной борьбы во всех классах общества. Именно в это время вытесняется из политической практики, хотя еще остается в сфере официальных деклараций, теологическая точка зрения на человеческую историю, на государственную власть и на самого человека».[49]

Если в допетровском «хождении» простой человек попадал в центр внимания, то этим преследовалась исключительно религиозно-назидательная цель, что находило отражение также в названии произведения. Таково «Житие и хождение в Иерусалим и Египет казанца Василия Яковлева Гагары» (1634—1637 гг.).[50] Редактор «Хождения» С. О. Долгов, установив две редакции памятника, утверждал, что одна принадлежит самому Гагаре, другая, более церковная по стилю, представляет переработку первой. По моему мнению, обе редакции следует признать переработками. Если вторая редакция обнаруживает руку церковника, то первая свидетельствует об ав-

---

[48] Путешествие в святую землю священника Лукьянова. — Русский архив. М., 1863, вып. 3, стр. 251, 253—254. «Пара» — название монеты. М. И. Лилеев в статье «К вопросу об авторе „Путешествия во св. землю“ 1701—1703 гг., московском священнике Иоанне Лукьянове или старце Леонтии» (Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца, кн. 9. Киев, 1895, стр. 25—41) отождествляет Ивана Лукьянова со старообрядческим проповедником черным попом Леонтием, имя которого значится в нескольких списках «Путешествия».

[49] Д. С. Лихачев. Проблема характера в исторических произведениях начала XVIII в. — ТОДРЛ, т. VIII. М.—Л., 1951, стр. 232.

[50] Православный Палестинский сборник, т. XI, 3, кн. 33. СПб., 1891.

торе светском, имеющем навык в художественной литературе.[51] Со своим героем он знакомит читателя такими словами: «Некто был победоносец, беды и напасти многие на него приходили, и пожары, и поклепы всякие, зовомый именем Василий, странник, родом плесенин, житием казанец бых, прозвищем Гагара». Это известный прием введения героя в повестях XVII—XVIII столетий; например, в «Повести о Савве Грудцыне»: «. . . бысть во граде Велице Устюзе некто муж славен и богат зело, имянем Фома Грудцын. . .»; в «Истории о Александре, российском дворянине»: «В России, в столичном граде Москве, был знатен дворянин, именем Димитрий. . .».[52]

Гагара «от юности своея житие свое блудно и скверно препроводил, аки свиния в кале греховне пребых; блуд творяше беспрестанно, не имея бо ни среды, ни пятка, ни торжественного божия праздника; многажде впадаше в блуд и бываше с мужеским полом и с женским, с русским же и бусурманским, и скоты многими прегреших блудом». Так он прожил «до древности живота своего». Затем Гагару начинают постигать «многие скорби и печали, и беды, и напасти», и он «обещахся в печали своей во Иерусалим ити помолитися и у господня гроба приложитися, и в Иердане искупатися, и многим патриархом о гресех своих блудных и скверных покаятися, и потом от них приняти благословение». Как видим, автор переработки использовал стихи из былины о Василии Буслаеве.[53]

Когда Гагара был в Иерусалиме, он лишился сил, не мог стоять и не владел руками. «Греческие же попы и мнихи, на мя, многогрешного раба, зря, восплакашася, что ни над кем такова божия послания не бывало». Гагара начал каяться, слезно рыдать и был исцелен благодаря молитве и покаянию.

Это религиозная сторона путешествия Гагары. Другая сторона его в том, что он как казанский купец, ведший торговлю с восточными странами по Волге, отправился знакомым ему торговым путем, через Кавказ, не один и с большой суммой денег. В Иерусалиме, бывшем целью покаянного хождения Гагары, он прожил трое суток и направился в Египет, где оставался три месяца, так как не Иерусалим, а египетские города были притягательными торговыми центрами.

Как человек торговый Гагара подробно говорит о культуре сахарного тростника и выделке из него сахара «головного» и «леденца», замечая, что «нет таких людей затейливых, что аравляне: ко всяким составом смышленны»; описывает египетские инкубаторы, в которых сразу закладывается до шести тысяч яиц; интересуется политическими отношениями турецкого султана, крымского хана и волошского господаря.

---

[51] В. П. Адрианова-Перетц, исследуя списки «Хождения» Гагары (ГПБ, собр. Буслаева, Q.XVII, № 211; БАН, 45.10.9), приходит к выводу, что «Хождение» подвергалось «неоднократной переделке» и что в основе его могут быть предположены записи устных сообщений о путешествии Гагары. «Во всяком случае, — заключает В. П. Адрианова-Перетц, — он . . . отходит от группы оригинальных паломников-писателей, примыкая к многочисленным в древней литературе авторам-компиляторам». См.: В. П. Адрианова-Перетц. Хождение в Иерусалим и Египет Василия Гагары. Сборник Российской Публичной библиотеки. Изд. Брокгауза—Ефрона, Пгр., 1924, стр. 247.

[52] Русские повести XVII—XVIII вв. Под ред. В. В. Сиповского. СПб., 1905, стр. 22, 129.

[53] Ср.:

Идти мне, Василию, в Ерусалим-град,
Со всею дружиною хораброю,
Мне-ко господу помолитися,
Святой святыне приложитися,
Во Ердане-реке искупатися.
(Кирша Данилов. Древние российские стихотворения, М., 1818, № 18).

«Хождение» оканчивается сообщением, что царь и патриарх «учали жаловать (Гагару, — *В. Д.*): корм и подачи были», и царь приказал ему служить в Москве, в гостиной сотне, а в Казань «на старину ехати не повеле». Таким образом, на основе описания мест поклонения создается цельная повествовательная концепция о том, как великий грешник покаялся, был прощен богом и награжден царем.

Так, в религиозно-назидательном плане, подана жизнь обыкновенного человека в допетровском «хождении». Этому можно противопоставить биографию, передаваемую паломником начала XVIII столетия, посадским человеком Матвеем Гавриловичем Нечаевым, ездившим в Иерусалим в 1719—1720 гг. Безотносительно к нравоучению он рассказывает про случайно встреченного им в Свенске монаха, «страшного образом, черного видением». Этот монах попал в плен при набеге крымских татар, был продан в рабство в Константинополь, пробыл двадцать лет на турецкой каторге, оттуда был похищен венецианцами, отвезен в Рим и после вернулся в Россию.[54]

Не только Даниил или Зосима, но даже Суханов и Иона Маленький не рассказали бы такой биографии.

Допетровские паломники мало обращают внимания на природу, и в частности на животный мир, исключая таких представителей последнего, как страус (струс, струц, строфокамил) и крокодил, описания которых встречаются в некоторых «хождениях». Но библейское воспоминание могло вызвать интерес к природе. Позняков, говоря о том месте, где по Библии во́роны приносили пищу постящемуся Илье-пророку, замечает: «а вранове тут живут не велики добре».[55] Для паломника Петровского времени не нужно библейских рассказов, чтобы остановить внимание на природе. Лукьянов сообщает: «Горлиц в Цареграде весьма много; радостно очень, как они на заре курлукают; соловьи плошае наших».[56]

Как ни скупы на личные мнения наши паломники, но знакомство с другими народами, верованиями и обычаями вызывало их высказывания, в которых проявлялась их идеология. Сюда принадлежит отношение паломников к греческому духовенству.

Когда в 1589 г. была учреждена московская патриархия и греческое духовенство потеряло официальные позиции в Московском государстве и связанные с ними экономические выгоды, оно старалось наверстать потери иными средствами: политической агентурой в интересах московского правительства, торговлей мнимыми святынями и простым выспрашиванием милостыни. Поток греков, жаждавших поживы — говорит Н. Ф. Каптерев — «с течением времени становится все шире и стремительнее, грозя совсем опустошить царскую казну».[57] В населении это обостряло отрицательное отношение к грекам, «никогда, — как пишет П. И. Мельников-Печерский, — не пользовавшимся добрым мнением наших предков».[58] Яркими выразителями этого были Арсений Суханов и Иван Лукьянов.

Суханов ехал на Восток со сложившимся предубеждением против греков, полагая, что они враги славян, хотели убить Кирилла за изобретение

---

[54] Путешествие посадского человека Матвея Гаврилова Нечаева в Иерусалим (1719—1720 гг.). Под ред. Н. П. Барсова. — Варшавские университетские известия, 1875, № 1, стр. 1—34.

[55] Православный Палестинский сборник, т. VI, 3, кн. 18, стр. 25.

[56] Русский архив. М., 1863, вып. 2, стр. 131.

[57] Н. Ф. Каптерев. Характер отношений России к православному Востоку в XVI—XVII веках, изд. 2. М., 1885, стр. 59

[58] П. И. Мельников-Печерский, Полн. собр. соч., изд. 2, т. 7, СПб., 1909, стр. 12.

славянской азбуки, называет их еретиками и в «Проскинитарии» не пропускает случая сказать что-либо компрометирующее греческую церковь. Пишет, например, что родосский митрополит перешел в магометанство, «потурчился», или рисует такую картинку церковной жизни: иерусалимский патриарх на вечерне велел дьякону бить арапа-христианина по щекам и голове, потом плетью по лицу и из церкви выбил, «а неизвестно, за какую вину».[59]

Лукьянов идет еще дальше в отрицательном изображении греков. «Что мошенники, — пишет он, — по вся годы к Москве-то человек по тридцати волочатся за милостынею, да им на Москве-то отводят места хорошие да корм государев . . . Приехав к Москве, мошенники плачут пред государем, пред властьми и пред боярами: от турка насилием отягчены! А мы сами видели, что им насилия ни в чем нет, и в вере ни в чем. Все лгут на турка . . . А когда к Москве приедут, так в таких рясах худых таскаются, будто студа нет». «Греки нам, — говорит Лукьянов, обобщая свои впечатления, — тошнее турок стали».[60]

Отрицательное мнение Суханова о греческом духовенстве вызвало скептическое отношение к «чуду», посредством которого оно действовало на толпу, — к сошествию небесного огня на гроб господень в субботу перед пасхою, описываемому игуменом Даниилом с эмоциональностью и образностью. В «хождении» Гагары небесному огню придается значение божественного свидетельства о прощении грешника: Гагара подносит небесный огонь к бороде три раза, и ни один волосок не загорелся.

В Москве после путешествия Суханова возникли сомнения насчет этого «чуда», и в 1654 г. московское правительство поручило сербскому митрополиту Михаилу пообстоятельнее узнать о нем в самой Палестине. Вернувшись, митрополит рассказал, что он хотел своими глазами видеть «чудо» и войти в гробницу вместе с наместником патриарха, но его не пустили турки, потому что турецкие власти, получавшие большие доходы от паломников, собиравшихся в Иерусалим ко дню пасхи, энергично охраняли «чудо» греческого духовенства от любопытных.

Василий Позняков также рассказывает, что «виницейский» игумен «Внифантей», как он переделал имя Бонифаций, намеревался войти в гробницу прежде патриарха, но синайские старцы «ухватиша его и не даша ему внити в гробницу».[61]

О таком же эпизоде рассказывает Суханов. Перед гробницею «мало не раздрались с питропом»[62] армяне и копты, когда туда не пустили армянского патриарха. Перед явлением небесного огня — передает он — к иерусалимскому патриарху «пришел турчин, честной человек (т. е. почетный, официальный), и с ним другой, обычный (т. е. частный человек), и, мало посидев, патриарх дал им, неведомо поскольку, ефимков. Они же взем пошли во гроб Христов с греческими старцы и погасили во гробе все паникадила, горевшие с маслом, и, вышедши вон, затворили палатку, что пред гробом Христовым, и запечатали».[63] Так Суханов раскрывает причину поддержки, которую небезвозмездно турецкие власти оказывали грекам в сохранении тайны сошествия небесного огня.

Вероисповедный момент преобладает в отношениях русских паломников

[59] Проскинитарий Арсения Суханова, под ред. Н. И. Ивановского. — Православный Палестинский сборник, т. VII, 3, кн. 21, стр. 65—66.

[60] Русский архив. М., 1863, вып. 2, стр. 120—121.

[61] Хождение купца Василия Познякова. С предисловием Х. М. Лопарева. — Православный Палестинский сборник, т. VI, 3, кн. 18, стр. 40.

[62] Эпитроп — уполномоченный, наместник патриарха.

[63] Православный Палестинский сборник, т. VII, 3, кн. 21, стр. 85.

к народностям, с которыми они сталкивались на Востоке. Презрение к иноверцам и нетерпимость, которые вырабатывались, при узости общего мировоззрения, в замкнутой, принудительной идеологической атмосфере Московского государства, резко сказываются у авторов «хождений». Они не скупятся на бранные эпитеты по адресу иноверцев: проклятые, треклятые, безбожные, поганые, окаянные, пребеззаконные — и даже в литературно-богословском плане: «проклятые Оригенены сыны», и пр. Их не останавливает то, что иноверцы вместе с ними молятся в одном храме и празднуют одни праздники. Самое богослужение иноверцев оказывается в глазах наших авторов бесстыдством и воровством: «Смотрехом, — пишет Лукьянов, — внутрь церкви и дивихомся, и видехом там старцев, ходящих по церкви разных вер еретических: овые ходя кадят святые места, а иные службы поют. Мы же дивихомся таковому бесстудию их. А франки поют на органе. А все те воры нарицаются христианами».[64]

Тем не менее более близкое знакомство с иноверцами заставляло паломников говорить о них с бо́льшим уважением. Суханов без тени неодобрения рассказывает о проповеди на Голгофе армянского патриарха: «На Голгофе большой патриарх после Евангелия казанье долго говорил, а люди все сидели на коленках; и как кажет, люди мнози армяне слушают со безмолвием и со слезами, и сам патриарх плачет; а указывает рукою, мало приоборотясь, на Голгофу, идеже распят бысть Христос».[65]

На Лукьянова сильное впечатление произвела религиозность армянских женщин: «. . . видехом армян, армянских жен: зело мне, грешнику, во удивление, удивили меня зело; как на гробе господнем оне плачут, так слез лужи стоят на доске гробной; а иную бабу-то насилу прочь оттащить от гроба господня. Дивное чудо! Хоша еретическая у них вера, мы же подивихомся таковому усердию».[66]

Бытовое знакомство еще более примиряло с иноверцами московского человека, отчужденного от иностранцев. Тот же Лукьянов ласковыми словами вспоминает турка, показавшего ему и его спутникам внутренность мечети Айя-Софья: «Добрый человек турчин, кой нас водил!».

Можно с уверенностью сказать, что, если исключить религиозную предвзятость русских паломников, ни у кого из них не найдется ни единого оскорбительного или враждебного выпада о какой-либо чуждой им народности. Они, наоборот, отмечают их положительные черты.

Лукьянова и его спутников сперва очень смущала наружность арабов: «что беси видением», — говорит он. Когда они плыли на корабле с арабами, «горько было сильно . . . Мы — трое нас, что пленники. Языка не знаем, а куда нас везут, бог весть. А хотя бы нас куда и продали, кому нас искать и на ком?».[67] Но никто их не тронул, и когда они путешествовали в караванах, где были — пишет Лукьянов — «многие языки»: турки, арабы, евреи, армяне, а их, русских, только двое. «Никто, — говорит он, — нас не обидел, ни хульным словом не злословил, ни турчин, никто. Только как наедет турчин, так молвит: „Бай — папа́з москов?“.[68] А ты скажешь: „Моско́в“. Он и поехал прочь».[69]

В одном очерке невозможно исчерпать все стороны древнерусских «хождений»: осветить индивидуальность авторов, особенности их языка, грецизмы, проникшие в последний, выделить легендарно-апокрифические

[64] Русский архив. М., 1863, вып. 3, стр. 257.
[65] Православный Палестинский сборник, т. VII, 3, кн. 21, стр. 64.
[66] Русский архив. М., 1863, вып. 3, стр. 308.
[67] Там же, стр. 234.
[68] «Господин — московский священник?».
[69] Русский архив. М., 1867, вып. 2, стр. 159.

элементы, определить историко-топографическую ценность русских описаний Палестины и пр. Я пытался выяснить общие черты «хождений» как литературного жанра и, хотя ограниченно, наметить движение в их содержании в зависимости от времени, кончая первой половиной XVIII в., на которую падают последние отзвуки древнерусских паломнических произведений.

Есть только одна попытка дать их общий обзор. Это статьи почти столетней давности, напечатанные в «Черниговских епархиальных известиях» в 1867 г. и в том же органе в 1869 г., принадлежащие преподавателю Черниговской духовной семинарии Никанору Васильевичу Докучаеву.[70] Написанные в плане церковных интересов, соответствующим стилем, эти статьи и для своего времени не могли иметь историко-литературного значения. Но Докучаев верно осветил паломнические сочинения как «особый вид народных словесных произведений древней Руси».[71] Их следует назвать народными потому, что «хождения» отражают искания и настроения части древнерусского народа, людей, быть может, наиболее самобытных, чутких, недовольных окружающим, чего-то ищущих.

Глеб Успенский в очерках «Невидимки» рисует толпу, окружавшую слепого певца. Среди нее «иной раз выделялись какие-то странные личности бродяжного, бесприютного типа, доказывая постороннему наблюдателю, как много в народе этих странствующих оригиналов и как мало мы знаем наш народ, понимая его только как земледельца». Успенский называет этих людей «беспокойными искателями чего-то».[72]

Правда, среди паломников были такие, как купец Гагара. Характеристику их Успенский дает в другом очерке, в словах афонского монаха Амвросия, о котором замечает, что «никогда (ему, автору) не приходилось встречать более цельного народного типа и более народного миросозерцания». Амвросий говорит о паломниках типа Гагары: «...нагрешит, животное, дома, в избе, на миру, награбит,назлодействует, накровянит свои лапы, и засто-о-нет! — „Ох, мол, тяжко!“ ...в Иерусалим идут, а здесь им греческие плуты все грехи отпускают».[73]

Но не эти кулаки-мироеды представляли характерную часть русского паломничества на Восток. «Беспокойные искатели чего-то», которых Успенский считал наравне с крестьянином-земледельцем явлением, одинаково присущим русской народной жизни, — вот, кто составлял основную массу русских паломников. Это о них Василий Позняков писал: «...видехом некоторые с нами идущих ... и паки видехом их к богу отшедших, зане многи скорби на пути бывают». Они ходили, не обладая средствами, а Гагары не погибали, потому что ходили со слугами и всегда могли откупиться от посягательств на их добро и на них самих.

Не одно религиозное чувство толкало «беспокойных искателей чего-то» идти на Восток, но не менее того желание вырваться из давящей общественной атмосферы московского средневековья, насыщенной постоянными

---

[70] Древнее русское паломничество ко святым местам Востока вообще и путешествия русских раскольников в те же места в частности. — Черниговские епархиальные известия, 1867, Прибавления, №№ 1—4, 7; Древнерусское официальное паломничество ко святым местам Востока в связи с отношениями русской церкви к восточной и взглядами русской церкви на Восток. — Черниговские епархиальные известия, 1869, №№ 13, 14, 16 (Прибавление). Обе статьи не окончены.

[71] Черниговские епархиальные известия, 1867, вып. 2, Прибавления, стр. 73.

[72] Глеб Успенский. Слепой певец. — Полн. собр. соч., изд. 6, т. 4. СПб., 1908, стр. 674.

[73] Глеб Успенский. Очерки переходного времени. В Царь-Граде. — Полн. собр. соч., изд. 6, т. 2. СПб., 1908, стр. 508—509.

угрозами сверху «быти в великой опале и казни» и «бити батоги нещадно».

Когда Стефан Новгородец в 1350 г. был со своими спутниками в Константинополе и они были приняты патриархом, Стефан выразил впечатление от этого приема в таких восторженных словах: «О, великое чудо! Колико смирения бысть ему, иж беседова со странники ны грешными: не наш бо обычай имеет».[74] Подтекст последней фразы говорит о многом, что доводилось испытывать простому русскому человеку под давлением социальных верхов.

Еще более многозначительным подтекстом звучит замечание Лукьянова о турецком суде. Отталкиваясь, без сомнения, от воспоминаний о шемякином суде родины, он пишет: «Суды у них правые: отнюдь и лучшего турка, с христианином судимого, не помилуют».[75]

Так через оболочку религиозно-описательного материала «хождений» прорываются житейские социальные скорби и чаяния простого рядового человека старой Руси.

---

[74] И. Сахаров. Сказания русского народа, т. II, кн. 8. СПб., 1849, стр. 51.
[75] Русский архив. М., 1863, вып. 2, стр. 138.

Л. А. ДМИТРИЕВ

Н. М. Карамзин и «Слово о полку Игореве»

Имя Н. М. Карамзина в связи со «Словом о полку Игореве» неоднократно упоминалось в исследовательской литературе либо при рассмотрении вопроса об истории открытия рукописи памятника, либо при изучении его первых переводов, либо в текстологии «Слова о полку Игореве». В последнее время появились и специальные работы, посвященные теме «Карамзин и „Слово о полку Игореве“». В 1951 г. в «Трудах Отдела древнерусской литературы» была напечатана статья В. И. Стеллецкого о переводе «Слова о полку Игореве» на современный русский язык в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина.[1] В статье Боню Ст. Ангелова «Заметки о „Слове о полку Игореве“»[2] имеется раздел «Карамзин и „Слово о полку Игореве“», в котором автор рассматривает выписки Карамзина из древнерусского текста «Слова» и отношение его к рукописи памятника. Однако до сих пор не было предпринято сколько-нибудь полной попытки подробно рассмотреть все материалы о «Слове», встречающиеся в сочинениях Карамзина, и дать им оценку в связи с историей открытия рукописи «Слова» и первоначальной работой над «Словом о полку Игореве». Выписки Карамзина из текста «Слова» дают разночтения с текстом «Слова» по первому изданию, но до настоящего времени характер этих разночтений не был проанализирован в сопоставлении их с текстологическими приемами Карамзина и первых издателей «Слова о полку Игореве». Предлагаемая статья и ставит своей целью осветить все эти вопросы.

В 1797 г. в октябрьском номере гамбургского журнала «Spectateur du Nord» была опубликована за подписью «NN» заметка «Lettre au Spectateur sur la littérature russe». Заметка эта принадлежала перу Н. М. Карамзина. В ней, в частности, сообщалось, что «два года тому назад в наших архивах был обнаружен отрывок из поэмы под названием Песнь воинам Игоря» («Die Chant des guerriers d'Igor»).

По всей видимости, это сообщение Карамзина о «Слове» написано было не в результате его знакомства с рукописью памятника, а на основе одного из списков перевода «Слова» на современный русский язык, которые, как известно, встречались уже до выхода в свет первого издания «Слова о полку Игореве». До нас дошло три перевода «Слова», предшествовавших переводу первого издания, — это перевод «Слова» в бумагах Екатерины II, перевод в бумагах А. Ф. Малиновского и перевод, дошедший до нас в трех списках XVIII в.[3] В бумагах Екатерины и в бумагах Малиновского перевод «Слова» никак не озаглавлен. Перевод, дошедший до нас в трех списках, имеет заглавие «Песнь полку Игореве». В письме

---

[1] В. И. Стеллецкий. Перевод «Слова о полку Игореве» Н. М. Карамзина. — ТОДРЛ, т. VIII. М.—Л., 1951, стр. 68—70.

[2] ТОДРЛ, т. XVI. М.—Л., 1960, стр. 50—59.

[3] Л. А. Дмитриев. История первого издания «Слова о полку Игореве». М.—Л., 1960, стр. 269—368.

в «Spectateur du Nord» Карамзин называет «Слово» «Песнью». Вероятнее всего, что это восходит к заглавию перевода XVIII в. В своей следующей статье, посвященной «Слову о полку Игореве», — в очерке о Бояне в «Пантеоне российских авторов» Карамзин уже пишет «Слово о полку Игореве». В «Истории государства Российского» всюду, без исключения, Карамзин употребляет только название «Слово о полку Игореве», хотя, как известно, первое издание имело заглавие «Ироическая песнь о походе на половцов удельнаго князя Новагорода Северскаго Игоря Святославича».

У нас имеется убедительное свидетельство того, что Карамзину был известен перевод «Слова о полку Игореве» того вида, который дошел до нас в трех списках XVIII в. В двух списках этого перевода перед вступительной статьей «Историческое содержание сей поемы» читается небольшое письмо какого-то лица кому-то, посылавшего интересующий нас перевод. В этом письме имеется такая фраза: «В переводе ж сем не сохранено ни оригинальности древняго, ни ясности нынешняго диалекта; то в рассуждении сего и хотелось мне очистить его от всех пустяков, сделать приятным для чтения и в примечаниях объяснить обстоятельствы историческия; но оригинал затерялся у Николая Михайловича, а у меня также был список перевода, несколько уже выправленной».[4] Все исследователи, останавливавшиеся на этом переводе, считают, что под Николаем Михайловичем имеется в виду Н. М. Карамзин.

В своем письме в «Spectateur du Nord» Карамзин высказывает самое общее мнение о «Слове». Создается даже впечатление, что в то время, когда он писал это письмо, у него не было перед глазами «Слова» и говорил он о нем лишь по памяти. Пересказывая своими словами фразу оригинала «О Бояне, соловію стараго времени! абы ты сіа плъкы ущекоталъ, скача славію по мыслену древу. . .» («Ах, я чувствую, что кисть моя слаба и бессильна; я не обладаю талантом великого Баяна — соловья минувших времен»), Карамзин пишет, что автор произведения восклицает это, «рисуя картину кровавой битвы». На самом же деле это обращение автора «Слова» к Бояну находится в начале памятника, в рассказе о сборах в поход, где пока еще ни о каких «картинах кровавой битвы» речи нет. По-видимому, в это время, в 1797 г. (а может быть, письмо было написано и раньше, а напечатано в этом году), Карамзин имел о «Слове» самое общее представление и мало им интересовался.

Некоторые исследователи «Слова» считают, что представление о «Слове о полку Игореве» как произведении оссиановского духа, господствовавшее в начале XIX в., восходит к высказыванию по этому поводу Н. М. Карамзина в письме 1797 г. Едва ли это так. Наибольшее увлечение Карамзина Оссианом наблюдалось в 80-х годах XVIII в. К концу 90-х годов отношение его к Оссиану стало более умеренным.[5] И в письме в «Spectateur» Карамзин, сравнивая «Слово» с Оссианом, делает это не потому, что видит внутреннюю общность между «Словом» и Оссианом, а для того, чтобы подчеркнуть значение и важность найденного древнерусского произведения: «. . . в наших архивах был обнаружен отрывок из поэмы под названием „Песнь воинам Игоря“, который может быть поставлен наряду с прекраснейшими произведениями Оссиана». Поэтому у нас нет основания считать, что сравнение «Слова» с Оссианом в предисловии к первому изданию «Слова о полку Игореве» восходит к письму Карамзина. В первом издании подчеркивается внутренняя, по мнению автора

---

[4] Там же, стр. 335—336.
[5] В. И. Маслов. Оссианизм Карамзина. Прилуки, 1928, стр. 16.

предисловия А. Ф. Малиновского, общность «Слова» и Оссиана: «В сем оставшемся нам от минувших веков сочинении виден дух Оссианов». Необходимо отметить, что если в статье о Бояне в «Пантеоне российских авторов» Карамзин, подчеркивая значимость «Слова», вновь сравнивает его с Оссианом («древнее русское сочинение, достойное Оссиана»), то уже в «Истории государства Российского», специально останавливаясь на характеристике «Слова», он совершенно не упоминает имени Оссиана.

В статье о Бояне в «Пантеоне российских авторов», вышедшей в свет уже после опубликования первого издания «Слова о полку Игореве» — в 1801 г., Карамзин уже точнее, чем в 1797 г., цитирует текст «Слова о полку Игореве»: «Автор неизвестен, но в начале своей песни он именует другого песнопевца, Бояна, славит его дарования и называет Соловьем древних лет» («О Бояне, соловію стараго времени!»).

И письмо 1797 г., и статья о Бояне писались Карамзиным в тот период его творческой биографии, когда он еще активно занимался литературной деятельностью и только начинал подготавливаться к самому важному и большому труду всей своей жизни — созданию «Истории государства Российского». В этот период «Слово» волновало и интересовало Карамзина главным образом как счастливая находка произведения, свидетельствующего о том, что и на Руси уже в XII в. были литературные произведения, по своим поэтическим достоинствам могущие смело соперничать со столь нашумевшими незадолго до этого на Западе «древними» поэмами Оссиана-Макферсона. Для Карамзина в это время «Слово» представляло интерес не столько даже само по себе, сколько своим свидетельством о Бояне, т. е. свидетельством того, что уже до автора «Слова» «в России были великие поэты, творения которых поглощены временем!». И, по существу, первые высказывания Карамзина о «Слове» основное внимание обращают на Бояна, а не на само «Слово». Замечательно в этом отношении то, что в «Пантеоне российских авторов» Карамзин помещает статью о Бояне, а не об авторе «Слова».

В «Истории государства Российского» «Слову о полку Игореве» Карамзин уделяет очень много внимания. Здесь уже отразились и иные интересы, и иной подход Карамзина к «Слову».

В III томе своей «Истории», в заключающей обзорной — VII — главе «Состояние России с XI до XIII века», в разделе «Поэзия», Карамзин дает общую характеристику «Слова о полку Игореве» и пересказывает все содержание памятника. По существу это перевод-пересказ «Слова»: передавая развитие сюжета своими словами, он попутно приводит в своем собственном переводе отдельные отрывки древнерусского текста.

Карамзин говорит, что «Слово о полку Игореве» было написано в конце XII в., «без сомнения, мирянином». Он считает «Слово» в поэтическом отношении подражанием «древнейшим русским сказкам о делах князей и богатырей». Карамзин называет «Слово» «в своем роде единственным для нас творением», так как большинство древних поэтических произведений «исчезли в пространстве семи или осьми веков, большею частью памятных бедствиями России: меч истреблял людей, огонь — здания и хартии».

Помимо этого раздела «Истории государства Российского», посвященного «Слову о полку Игореве», в первых трех томах «Истории» рассеяны многочисленные отдельные замечания по тексту «Слова» и выписки из памятника. Эти материалы представляют для нас еще больший интерес.

Непосредственно работой над «Историей государства Российского» Карамзин занялся с конца 1803 г. К началу 1805 г. он закончил I том. Уже в этом томе встречаются замечания по «Слову о полку Игореве» и выписки из текста.

Работая над «Историей», Н. М. Карамзин широко пользовался рукописными источниками, и в частности рукописями из собрания А. И. Мусина-Пушкина. Как сообщил Р. Ф. Тимковский со слов К. Ф. Калайдовича, Карамзин не только видел и пользовался рукописью «Слова», но даже сверял эту рукопись с первым изданием «Слова»: «1814 года, октября 21 дня, слышал я от К. Ф. Калайдовича ... что по сделанному им, Н. М. Карамзиным, сличению, оказалось, что Песнь о походе кн. Игоря со всею точностью напечатана против подлинника, выключая слов: вечи Трояни, вместо которых в подлиннике стоят: сечи Трояни. Касательно же поставленного в скобках слова: Олега, на 6 стр., то это учинено для большей ясности речи».[6] 272-е примечание в III томе «Истории» свидетельствует о том, что Н. М. Карамзин делал выписки из сборника, в котором находилось «Слово о полку Игореве»: «В той же книге, в коей находится Слово о полку Игореве (в библиотеке графа А. И. Мусина-Пушкина), вписаны еще две повести: Синагрипъ, царь Адоровъ, и Дѣяніе прежнихъ временъ храбрыхъ человѣкъ. Они, без сомнения, не русское сочинение, но достойны замечания по древности слога. Первая сказка начинается так. . .».[7]

Всего Карамзиным сделано 17 выписок из древнерусского текста «Слова», в которых, в общей сложности (исключая повторяющиеся тексты), имеется немногим более 200 слов. Из этого количества слов в ином чтении, чем в первом издании, у Карамзина встречается 33 написания. Перечислим их, давая в параллельном чтении сравниваемые слова в первом издании и в выписках Н. М. Карамзина:

1-е издание	Выписки Карамзина
1. а мои ти Куряни	а мои Куряне
2. на храбрыя плъкы	на полкы
3. Святоплъкь	Святоплкъ
4. повелѣя	по сѣчѣ я
5. Угорьскими	Угор скими
6. Святѣй Софіи	св. Софіи
7. Кіеву	Кыеву
8. въспѣша	вспѣша
9. на брезѣ синему морю	на брезѣ синяго моря
10. Святславъ	Святославъ
11. Уримъ	у Римъ
12. кричатъ	кричать
13. Володимиръ	Володимеръ
14. по резанѣ	по рѣзани
15. въ злата стремень	въ златый стремень
16. Осмомыслѣ	Осмомысле
17. плъки	плъкы
18. затвори въ Дунаю	затвори къ Дунаю
19. времены	бремены
20. текутъ	текуть
21. оттворяеши	отворяеши
22. Кіеву	Кыеву
23. многи страны Хинова. Литва...	многи страны. Литва...
24. поврътоща	поврътоша
25. харалужныи	харулужныи
26. Инъгварь и Всеволодъ	Ингварь, Всеволодъ
27. три Мстиславичи	три Мстиславича
28. течетъ	течеть
29. вѣчи Трояни	сѣчи Трояни

[6] Н. Полевой. Любопытные замечания к Слову о полку Игореве. — Сын отечества. М., 1839, т. 8, отд. VII, стр. 20.

[7] Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. III. СПб., 1816, стр. 537. Как здесь, так и в дальнейшем все выписки и цитаты из «Истории государства Российского» даются по первому изданию.

Прежде чем давать оценку выпискам Карамзина из текста «Слова» в сопоставлении их с первым изданием, необходимо посмотреть, как вообще Карамзин цитирует древнерусские тексты в «Истории государства Российского». Сравнивая цитаты Карамзина из древнерусских текстов с теми рукописями, из которых им были взяты эти цитаты, нетрудно убедиться, что текстологические приемы автора «Истории государства Российского» в целом очень близки к приемам передачи древнерусских текстов первыми издателями «Слова о полку Игореве», которые были изучены Д. С. Лихачевым.[8] В общих чертах приемы эти могут быть охарактеризованы как стремление приноровить древнерусские написания к орфографической системе своего времени. Вне зависимости от времени рукописи Н. М. Карамзин раскрывает титла, вносит в строку выносные буквы, ѫ в зависимости от смысла слова передает как «у» или «ю» (сѫщоу → сущу — из Остромирова Евангелия; лѭбо → любо — из Изборника 1073 г.). В предлогах и на концах слов в соответствии с орфографическими нормами своего времени ставит «ъ» и в тех случаях, когда в оригинале этого нет: в домъ → въ домъ, от Волхова → отъ Волхова (из грамоты Антония о купле земли у новгородских посадников); Олег → Олегъ (из Лаврентьевской летописи). Согласно орфографическим правилам начала XIX в., «и» оригиналов заменяется «і»: е͡ улие → Евангеліе, б҃жию → божію, въ кр҃щении Иосифъ а мирьскы Остромиръ → въ крщеніи Іосифъ, а мірьскы Остромиръ (из Остромирова Евангелия). В соответствии с орфографическими нормами своего времени Н. М. Карамзин заменяет «е» на «ѣ», «ь» на «ъ» и наоборот: прѣдрьжящоу → предръжящу (из Остромирова Евангелия); прѣмѣноу → премѣну, прѣдъ → предъ (из Изборника 1073 г.); имь → имъ, на мѣсте семь → на мѣстѣ семъ, детеи → дѣтей (из грамоты Антония).

Довольно часто встречаются у Н. М. Карамзина и более существенные поновления написаний цитируемых текстов: кънязоу → Князю, кънязь → Князь, правлааше → правляаше (из Остромирова Евангелия); пречистые → Пречистыя, от рекѣ → отъ рѣки, а коровѣмъ → а коровьимъ, внисъ → внизъ, хто → кто (из грамоты Антония); оучить → учити, ся хабить → ся хабити, възмете → взмете, възми → взми (из Вопрошения Кирикова); на Олговичѣ → на Ольговичи, стояше → стояша, придоша → пріидоша, другии → другой, обоиду остро → обоюду остро, Фаравонѣ → Фараонѣ, область Еюпетьскую → область Египетскую (из Лаврентьевской летописи).

Наконец, в цитируемых Н. М. Карамзиным текстах могут быть отмечены и пропуски и такие перемены написаний, которые изменяют смысл оригинала: Почахъ же е писати → Почахъ е писати; близокоу сѫщоу Изяславоу кънязоу → близоку сущу Изяславову Князю (из Остромирова Евангелия); Купилъ есми землю... у Смехна да у Прохна → Купилъ есми землю ... у Смехна и у Прохна, от рекѣ от Волхова Виткою ручьемъ вверхъ да на Лющікъ → отъ рѣки отъ Волхова Виткою ручьемъ вверхъ до Лющикъ (из грамоты Антония); і намъ мнѣ → и на мнѣ, дажь → да аже (из Вопрошения Кирикова); яко при Фаравонѣ цри Еюпетьстѣмь еда приведоша Моисѣя предъ Фаравона и рѣша старѣишина Фараона → яко при Фараонѣ: еда приведоша Моисея предъ Фараона и рѣша старѣйшины; призва Путшю и Вышегородьскыѣ болярьцѣ → призва Вышегородскые Болярьцѣ; везоша и и положиша и → везоша и положиша и (из Лаврентьевской летописи).

[8] Д. С. Лихачев. История подготовки к печати текста «Слова о полку Игореве» в конце XVIII в. — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 66—89.

Наблюдения над текстологическими принципами, которыми руководствовался Н. М. Карамзин при цитировании древнерусских текстов вообще, позволяют дать наиболее точную и объективную оценку его выпискам из «Слова о полку Игореве». В 1-м, 2-м, 23-м и 27-м примерах у Карамзина по сравнению и с первым изданием «Слова», и с Екатерининской копией имеются пропуски. Зная, что Карамзин иногда при цитации текстов допускал пропуски отдельных слов, никак не оговаривая и не отмечая этого (при значительных пропусках Карамзин обычно ставит многоточия), мы имеем все основания думать, что и в выписках из «Слова» перед нами также пропуски Карамзина, а не более точное отражение написаний рукописи. Издавая специально текст «Слова о полку Игореве», первые издатели, без сомнения, старались воспроизвести рукопись с наибольшей точностью и едва ли могли вставлять что-либо от себя. Напомним, что сам же Карамзин, говоря о воспроизведении в первом издании древнерусского текста, отметил лишь одну вставку в тексте от издателей — поставленное в скобках имя «Олег» на стр. 6.

Выявив тенденцию Карамзина приводить отдельные написания древнерусских текстов в соответствии с правилами современной ему орфографии, мы должны признать, что в ряде случаев в выписках из «Слова» Карамзин, по всей видимости, следовал именно этой тенденции. В первом издании «Слова о полку Игореве», как отметил в упомянутой выше работе Д. С. Лихачев, издатели, придерживаясь текстологических приемов, практиковавшихся в других изданиях А. И. Мусина-Пушкина, изменяли древнерусские написания согласно правилам орфографии конца XVIII—начала XIX в. Но наряду с этим в первом издании проявилось стремление издателей передать древнерусский текст памятника с наибольшей точностью. Эти две противоположные тенденции и определили текстологические особенности первого издания «Слова о полку Игореве»: первое издание точнее, чем Екатерининская копия, воспроизводит текст рукописи «Слова», однако в целом ряде случаев мы встречаем и в первом издании чтения, явно продиктованные орфографическими правилами конца XVIII в. («ъ» в конце предлогов и в окончаниях слов на твердую согласную, употребление «і» и «ѣ» в соответствии с нормами XVIII столетия и некоторые другие). Исходя из этих особенностей первого издания «Слова о полку Игореве», мы можем предполагать, что чтения первого издания, противоречащие орфографическим правилам конца XVIII в., отражают написания рукописи. Поэтому в тех случаях, когда в первом издании то или иное написание не отвечает правилам орфографии конца XVIII—начала XIX в., а у Карамзина это же слово дано в форме, соответствующей правилам орфографии этого времени, у нас есть все основания считать, что чтение первого издания точнее передает текст оригинала, чем выписки Н. М. Карамзина. И наоборот, в тех случаях, когда у Карамзина форма того или иного слова в выписках противоречит современной Карамзину орфографии, а в первом издании соответствующее слово читается согласно орфографическим правилам конца XVIII—начала XIX в., мы можем оценивать чтения Карамзина как чтения, точнее, чем первое издание, воспроизводящие написания оригинала.

Исходя из сказанного выше, такие формы в выписках Карамзина, как «Куряне» вм. «Куряни» (1-й пример), «синяго моря» вм. «синему морю» (9-й пример). «Святославъ» вм. «Святславъ» (10-й пример), «златый» вм. «Злата» (15-й пример), «отворяши» вм. «оттворяеши» (21-й пример), «Мстиславича» вм. «Мстиславичи» (27-й пример), должны быть признаны как чтения, измененные Карамзиным, а не как чтения, более точно, чем первое издание, воспроизводящие рукопись «Слова». Также более далекими

от подлинника, чем чтения первого издания, должны быть признаны следующие разночтения Карамзина. «Св.» вм. «Святѣй» (6-й пример) — такое сокращение постоянно употребляется Карамзиным в цитатах из древнерусских текстов. В 8-м и 26-м примерах у Карамзина отсутствует «ъ» в середине слов. В целом ряде случаев в цитатах из древнерусских текстов Карамзин опускает редуцированные в середине слов: «кънязоу» → «князю» (Из Остромирова Евангелия), «вься» → «вся» (из Изборника 1073 г.), «възмете» → «взмете» (из Вопрошения Кирикова). Таким образом, и в выписках из «Слова» отсутствие «ъ» в середине слов скорее всего объясняется не тем, что эти слова так были написаны в рукописи, а тем, что так передал их Карамзин. В примерах 12, 20 и 28 в глаголах после конечного «т» у Карамзина поставлен «ь». Возможно, что это не более точное, чем в первом издании, воспроизведение написаний рукописи, а изменения Карамзина. При цитировании грамоты Антония Карамзин в глаголах конечное «тъ» переделывает на «ть»: «хто на сию землю наступитъ, а то управiтъ» → «кто на сiю землю наступить, а то управить». По всей видимости, и написание «Угоръскими» у Карамзина вм. «Угорьскими» первого издания (5-й пример) должно объясняться особенностями передачи Карамзиным древнерусских текстов: мягкое «р» в середине слов Карамзин, как можно судить по его цитатам из древнерусских текстов, заменяет твердым: «прѣдрьжящоу» → «предръжящу» (Из Остромирова Евангелия); «Изборьстѣ» → «Изборстѣ», «Козарьстии» → «Козарстiи» (из Лаврентьевской летописи). В 4-м примере Карамзин дает не чтение рукописи, а свою конъектуру, о чем можно судить по его объяснению этого чтения: «Издатели не угадали истинного смысла сей речи, где есть описка: „по вѣле я“, вместо „по сѣчѣ я“, то есть взял» (т. III, прим. 268). Такого же типа и чтение Карамзина в 11-м примере: Карамзин дает не иное написание, а иное прочтение, чем в первом издании, более верное.

Итак, из всех разночтений, имеющихся между выписками Карамзина из «Слова» и текстом «Слова» по первому изданию, как о разночтениях, более точно передающих текст памятника, мы можем говорить, более или менее уверенно, лишь о 13 случаях: примеры 2, 3, 7, 13, 14, 16, 17, 18, 19, 22, 24, 25 и 29.

Какие же можно сделать выводы из всего сказанного выше?

Расхождения в написании отдельных слов в выписках Карамзина по сравнению с текстом первого издания дали основание высказать Е. В. Барсову такое мнение: «Хотя Карамзин и заявил, что рукопись напечатана со всею точностью, но из приведенных нами выписок самого Карамзина в сравнении с печатной копией „Слова“ очевидно, что это свидетельство его может относиться лишь к смыслу и словам подлинника, а отнюдь не к буквальной точности его издания. Собственные выдержки Карамзина из той же рукописи расходятся в этом отношении с изданием Малиновского. Отсюда должно следовать одно из двух: или то, что сам Карамзин не строго относился к букве рукописи, или же то, что рукопись напечатана далеко не с тою точностью, какую находил он в этом издании».[9] Анализ текстологических приемов Н. М. Карамзина свидетельствует не о том, что он «не строго относился к букве рукописи», а о том, что в соответствии с текстологическими принципами своего времени Карамзин считал возможным вносить в цитируемые тексты отдельные орфографические поновления. Это не ошибки Карамзина, а определенная система. Поэтому мы с полным доверием можем относиться к заверению Карамзина о точности воспроиз-

---

[9] Е. В. Барсов. Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. I. М., 1887, стр. 99.

ведения в первом издании рукописи «Слова». Вместе с тем еще большее, чем в первом издании, поновление орфографии в выписках Карамзина из «Слова» лишний раз подтверждает отмеченное Д. С. Лихачевым, наряду с желанием придать тексту корректорское единообразие в соответствии с орфографией своего времени, стремление первых издателей воспроизвести в издании подлинник с максимальной точностью.

Помимо непосредственных выписок из древнерусского текста «Слова» и перевода-пересказа памятника в «Истории государства Российского», как уже отмечалось выше, встречаются замечания Карамзина по поводу отдельных мест памятника, толкования некоторых трудно понимаемых отрывков текста, высказывания о переводе и комментариях первого издания «Слова о полку Игореве». Все эти материалы представляют значительный интерес не только для истории изучения «Слова о полку Игореве», но и для полного представления о первоначальной подготовке «Слова» к изданию.

Бесспорность того, что Н. М. Карамзин видел и подробно знакомился с рукописью «Слова о полку Игореве», сообщение Карамзина о «Слове» задолго до выхода из печати первого издания, большое внимание, уделенное им «Слову» в своей «Истории», — все наводило на мысль о каком-то, хотя бы косвенном, участии Н. М. Карамзина в подготовке первого издания «Слова о полку Игореве». В. Н. Перетц, рассматривая вопрос о подготовке первого издания «Слова», писал по этому поводу следующее: «... безперечно, не перебулося без довідок та порад карамзінових».[10] Однако анализ материалов по «Слову» в «Истории государства Российского» в сопоставлении их с первым изданием «Слова» говорит совсем о другом: никакого ни прямого, ни косвенного участия в первоначальной работе над «Словом» А. И. Мусина-Пушкина, А. Ф. Малиновского и Н. Н. Бантыша-Каменского Н. М. Карамзин не принимал.

Об этом свидетельствуют замечания и поправки Карамзина по переводу и комментариям первых издателей. В прим. 420 во II томе Карамзин пишет: «В *Слове о полку Игореве* (стр. 28) сказано: „была бы *чага* по ногатѣ, а Кощей по рѣзани“, то есть: пленницы, жены варваров, продавались бы по ногате, а Отроки их, по резани. Издатели не разумели слова *чага*, ни *Кощея*, приняв их за собственные имена». Первые издатели неверно прочли и перевели отрывок «Слова» «Се Уримъ кричатъ подъ саблями Половецкыми»: «Уже кричит Урим под саблями Половецкими»; они считали, что «Уримъ» — имя собственное: «один из воевод или из союзников князя Игоря в сем сражении участвовавший» (прим. «в» на стр. 27). Карамзин совершенно иначе, верно, истолковал этот образ «Слова». В прим. 72 в III томе он писал: «В *Слове о полку Игореве* сказано: „се у Римъ (Ромена ?) кричать подъ саблями Половецкыми, а Володимеръ (Переяславский) подъ ранами“; т. е. Половцы рубили жителей Роменских саблями, а раненный Владимир не мог помочь им». К фразе «Слова о полку Игореве» «А ты буй Романе и Мстиславе» в первом издании сделано примечание, из которого вытекает, что это два родных брата, сыновья Ростислава Мстиславича. Это неверно, и Карамзин подробно останавливается на данном примечании первых издателей: «Издатели несправедливо думали, что сей Роман и Мстислав были сыновья великого князя Ростислава. Роман Ростиславич умер около 1175 года (см. выше, примеч. 44), а Мстислав, брат его, — в 1180, июня 14 (см. Новгородск.

---

[10] В. Н. Перетц. Слово о полку Ігоревім. Пам'ятка феодальної України-Руси XII віку. У Київі, 1926, стр. 24.

Лет. стр. 44): следственно, автор современный не мог в 1185 году звать их на половцев. Здесь речь о Романе Мстиславиче Волынском или Владимирском (который сделался после Галицким) и двоюродном брате его, Мстиславе, сыне Ярослава Луцкого» (т. III, прим. 266). Из приводившихся выше выписок Карамзина из древнерусского текста «Слова» видно, что Карамзин читал в рукописи не «вѣчи Трояни», как первые издатели, а «сѣчи Трояни», не «времены», а «бремены», не «затвори въ Дунаю», а «затвори къ Дунаю», считал необходимым внести в древнерусский текст конъектуру «по сѣчѣ я» вместо «повелѣя». Если бы Карамзин каким-либо образом участвовал в первом издании «Слова», то все его прочтения и во всяком случае его правильные толкования явно ошибочных комментариев и осмыслений древнерусского текста первыми издателями нашли бы свое отражение в этом издании.

Кроме этих непосредственных замечаний Карамзина по переводу и комментариям первого издания, собственный перевод Карамзиным «Слова» и его отдельные высказывания комментаторского характера также свидетельствуют о расхождении Карамзина в ряде случаев с первыми издателями.

Уже в своих выписках из древнерусского текста «Слова» Н. М. Карамзин часто делает замечания в скобках, разъясняющие текст произведения. «Великій Святославъ изрони злато слово, слезами смѣшено, и рече: о моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! рано (не во время) еста начала Половецкую землю мечи (мечами) цвѣлити, а себѣ славы искати» (т. III, прим. 71). В первом издании, в переводе, слово оригинала «рано» оставлено без объяснения. «Се у Римъ (Ромена ?) кричать под саблями Половецкыми, а Володимеръ (Переяславский) подъ ранами» (т. III, прим. 72). Как уже говорилось выше, «се у Римъ» было прочитано первыми издателями неверно; к имени «Володимиръ» не было сделано никакого примечания. «Галичкы Осмомысле Ярославе! высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ; подперъ горы Угорскыи (Карпатские) своими желѣзными плъкы, заступивъ Королеви (Венгерскому) путь, затвори къ Дунаю ворота, меча (кидая) бремены чрезъ облаки» (т. III, прим. 77). В первом издании, в переводе, «Угорские» горы передано как «Венгерские» (это правильно, но для современного переводу читателя понятнее было «Карпаты»); о каком короле идет речь, в первом издании ничего не говорилось. «А ты, буй Романе и Мстиславе (брат его)! суть бо у ваю желѣзныи папорзи (верхняя часть брони) подъ шеломы Латинскими. Тѣми тресну земля и многи страны, Литва, Ятвязи, Деремела (один из латышских народов) и Половци сулици своя поврьгоша» (т. III, прим. 114). В первом издании «папорзи» переводится как «латы»; «Деремела» никак не комментируется. «Ингварь, Всеволодъ (братья Мстислава Ярославича) и вси три Мстиславича...» (т. III, прим. 266). В первом издании имена «Ингварь и Всеволодъ» никак не комментируются.

Из приведенных примеров видно, что Карамзин преимущественно вводит дополнительные толкования в цитируемых текстах в тех случаях, когда в первом издании в соответствующем месте нет никаких комментариев или в переводе недостаточно ясно раскрывается смысл оригинала.

Такую же тенденцию — толкование и раскрытие отдельных слов и оборотов «Слова о полку Игореве», оставленных в первом издании без перевода или без комментариев, мы видим в примечаниях Карамзина.

В прим. 205 в I томе Карамзин пишет: «Имя сего бога напоминает слова *ладъ* и *ладить;* в старинных русских песнях ладо значит мужа ... В *Слове о полку Игореве* Ярославна называет супруга ладою, стр. 38 и 39». В первом издании это слово было осмыслено как прилагательное «ми-

лый», из-за чего все три фразы, где оно употреблено, были переведены неверно:

Текст	Перевод
Чему мычеши Хиновъскыя стрѣлкы на своею не трудною крилцю на моея лады вои?	К чему навеваешь легкими своими крыльями Хиновския стрелы на милых мне воинов?
възлелѣй господине мою ладу къ мнѣ.	принеси же и ко мне моего милаго.
Чему господине простре горячюю свою лучю на ладѣ вои?	Но к чему ты так уперло знойные лучи свои на милых мне воинов?

По всей видимости, Карамзин в этом примечании, говоря о значении слов «ладо» и ссылаясь при этом на «Слово о полку Игореве», имел в виду неправильное осмысление этого термина в переводе первого издания.

Приводя цитату из «Слова», в которой встречается выражение «цвѣлити», Карамзин подробно комментирует его: «*Цвѣлить* то же, что *квелить, — приводить в слезы, огорчать.* На польском kwilicsie, на богемском kwjljm значит *выть и плакать.* В Волынск. Лет. (в рукописн., стр. 727) сказано: „ати инаа дѣтій не цвѣлить“, — вместо: „не оскорбляет“» (т. III, прим. 71). В первом издании «Слова о полку Игореве» этот оборот был переведен иначе: «Игорю и Всеволоде! рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити» → «Игорю и Всеволод! рано вы начали воевать землю Половецкую».

Говоря о выражении «шестокрилци», Н. М. Карамзин пишет: «„Ингварь, Всеволодъ (братья Мстислава Ярославича) и вси три Мстиславича, не худа гнѣзда шестокрилци“. Сравнивая сих трех братьев с пернатыми, он называет их шестокрылыми для того, что у трех птиц шесть крыльев» (т. III, прим. 266). В первом издании слово «шестокрилици» оставлено без перевода и никак не прокомментировано.

В трех переводах, предшествующих переводу первого издания, «Осмомысл» объяснено как Гостомысл. Эта историческая нелепость (легендарный Гостомысл никак не мог фигурировать в «Слове» как лицо, современное описываемым событиям) была устранена в первом издании, и в переводе было оставлено слово оригинала «Осмомысл», но о том, что должно означать это слово (вероятно, оно и в первом издании воспринималось как имя собственное, так как и в древнерусском тексте, и в переводе набрано с прописной буквы), ничего сказано не было. Карамзин дает объяснение значению этого эпитета. В своем переводе он пишет: «Он (автор «Слова», — *Л. Д.*) называет Ярослава галицкого Осмомыслом» — и делает к этому месту своего перевода такое примечание: «В том смысле, что его один ум заменял восемь умов» (т. I, прим. 267).

Все сказанное заставляет нас признать, что работа первых издателей «Слова» не была известна Н. М. Карамзину до выхода в свет первого издания, что издатели, подготавливая «Слово» к изданию, не обращались к Карамзину. Более того, у нас есть основания утверждать, что Карамзин, отмечая отдельные недостатки и ошибки первого издания, дополняя и уточняя перевод «Слова» и комментарии к нему, вместе с тем в какой-то мере сам испытал на себе влияние первого издания «Слова о полку Игореве», повторив даже одну ошибку первых издателей.

В первом издании было неверно прочитано и истолковано слово оригинала «кмети» в характеристике Всеволодом своих воинов курян. Первые издатели разделили это слово на два: «а мои ти Куряни свѣдоми къ мети» — и соответственно перевели: «Мои Курчане в цель стрелять знающи». Карамзин в своем переводе-пересказе «Слова» передает это место

так: «Всеволод изображает своих мужественных витязей: Они метки в стрелянии, под звуком труб повиты» (т. III, стр. 214). Не подлежит никакому сомнению, что в данном случае Карамзин посчитал верным и прочтение, и перевод первыми издателями этого места «Слова о полку Игореве». Позже он догадался, что повторил вслед за первыми издателями их ошибку, и во втором издании своей «Истории» (1818 г.), в переводе, опустил слова «метки в стрелянии»: «Всеволод изображает своих мужественных витязей: „Они под звуком труб повиты...“» (2-е изд., т. III, стр. 219—220). Соответственно был изменен и текст 263-го примечания.

1-е издание	2-е издание
О сем происшествии 1185 года см. выше, стр. 64.	О сем происшествии 1185 года см. выше, стр. 65. — Всеволод, хваля свою Курскую дружину, говорит (*Слово о полку Игореве*, стр. 8): «а мои Куряни свѣдоми къмети»: кметями назывались слуги и дружина: см. ниже, примеч. 272.

О том, что Карамзин, делая свой перевод-пересказ «Слова о полку Игореве», принимал во внимание и использовал перевод первого издания, свидетельствует и ряд других пассажей его перевода. В первом издании слово «звенить» во фразе «звенить слава въ Кыевѣ» переделывается в переводе на «гремит». Карамзин также в своем переводе ставит в этом месте слово «гремит». Фраза оригинала «стоять стязи въ Путивлѣ» в первом издании передается следующим образом: «развевают знамена в Путивле». Карамзин так пересказывает этот отрывок: «знамена развеваются в Путивле». Слова «подъ трубами повити» в первом издании переделываются в переводе на «под звуком труб они повиты». Карамзин, вслед за переводом первого издания, в своем переводе тоже пишет: «под звуком труб повиты».

Все эти факты свидетельствуют о том, что Карамзин, наиболее сведущий, чем кто-либо другой в начале XIX в. в вопросах древнерусской истории, относившийся весьма строго к публикациям и переводам древнерусских текстов (достаточно обратить внимание на его многочисленные высказывания и замечания в «Истории» по мусин-пушкинским изданиям «Русской Правды» и «Поучения» Владимира Мономаха), очень высоко ставил первое издание «Слова о полку Игореве» как с точки зрения публикации в нем текста «Слова», так и с точки зрения перевода первых издателей.

Как мы могли убедиться выше, Карамзин не был связан с первоначальным изучением, комментированием и переводом «Слова», не принимал никакого участия в работе мусин-пушкинского кружка над «Словом о полку Игореве». Его мнение и его оценка «Слова о полку Игореве» была совершенно самостоятельной, и он мог объективно подойти ко всем вопросам, связанным со «Словом», с позиций своих собственных представлений по истории древнерусской письменности. Как совершенно справедливо отметил Боню Ст. Ангелов, использование Карамзиным в своей «Истории» своих собственных выписок из рукописи «Слова о полку Игореве» «свидетельствует о доверии Карамзина к самой рукописи, безоговорочно используемой им для своих научных целей».[11] Отношение Карамзина к первому изданию «Слова» говорит о том, что он не сомневался в научной добросовестности и ценности этого издания. Такое отношение как к самому

---

[11] Боню Ст. Ангелов. Заметки о «Слове о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XVI. М.—Л., 1960, стр. 56.

памятнику, так и к его изданию современника открытия рукописи «Слова», видевшего эту рукопись и делавшего из нее выписки не только из текста «Слова», но и из других текстов, встречающихся в ней, никак не связанного с обстоятельствами открытия этой рукописи и первоначальной работой над ней, является весьма важным подтверждением подлинности «Слова о полку Игореве». Тем более, что это был Н. М. Карамзин, наиболее эрудированный для своей эпохи в вопросах древнерусской истории, в научной честности и добросовестности которого у нас нет никаких оснований сомневаться.

И. П. ЕРЕМИН

Ораторское искусство Кирилла Туровского

В истории церковной ораторской прозы древней Руси крупным событием было появление в XII в. цикла речей Кирилла епископа Туровского. До нас дошло восемь слов Кирилла, бесспорно ему принадлежащих. Распадаются они на две группы: одни («в неделю Цветоносную» и «на Вознесение») написаны на так называемые двунадесятые праздники, все остальные — на воскресные дни первого круга недель церковного года, начиная от пасхи и до пятидесятницы (приписываемые Кириллу слова этого круга на неделю пятую и на неделю восьмую вряд ли ему принадлежат).

Когда именно был составлен цикл? Ответ на вопрос этот дает, как кажется, слово пятое. В конце его читается несколько неожиданно, если учесть контекст, выпад против каких-то церковников: «... по восприятии же всякого священнаго сана горе согрешающому, реку же по мнишьстве, и по иерействе, и в самом епискупьстве не боящимся бога!». Выпад этот близко напоминает даже по форме аналогичные предостерегающие строки «Притчи о душе и теле» Кирилла, направленные против его современника — ростовского епископа Феодора. Это дает основание отнести данное слово, а быть может и весь цикл в целом, к 60-м годам XII в.

Слова Кирилла Туровского — слова особого характера, предусмотренного церковным уставом; они предназначались для произнесения в храме, в присутствии молящихся, в торжественной обстановке праздничного богослужения.

Содержание слов традиционно, как традиционен и сам праздник, ежегодно отмечаемый. В каждом слове последовательно развиваются одни и те же темы: «похвала» празднику, разъяснение его религиозного смысла, воспоминания о событии, в честь которого праздник установлен.

В жестких рамках этого заданного содержания Кирилл Туровский, однако, сумел написать произведения, которые надолго приковали к себе внимание древнерусского читателя.

Речи Кирилла замечательны прежде всего тем, что они полностью соответствуют своему назначению: каждой строкой они создают атмосферу необыкновенного по подъему праздничного ликования. Не случайно «веселие», «радость» — слова, в особенности часто употребляемые Кириллом. Речи свои сам он рассматривал как составную часть праздничной литургии, как «соло» в хоре, как «песнь» в честь праздника (как ᾠδή, ὕμνος, говоря терминами его греческих литературных предшественников). Показательны в этом отношении строки, которыми завершается слово «в неделю Цветоносную»: Кирилл призывает слушателей присоединиться к нему — «песньми», как цветами, увенчать храм.

Литературную свою задачу Кирилл обычно определял следующими словами: «прославити» (праздник), «воспети», «возвеличити», «украсити словесы», «похвалити». В словах этих — ключ к пониманию художественной природы его речей. Они верный знак, что Кирилл, составляя речь, решающее значение придавал ее стилистическому оформлению.

Слова Кирилла Туровского — произведения риторического искусства, очень сложного и тонкого, корнями своими восходящего к праздничным «декламациям» античных софистов.

Основным художественным принципом стилистического строя слов Кирилла, подчиняющим себе все изложение, является риторическая амплификация. Та или иная тема у него всегда словесно варьируется, распространяется до тех пор, пока содержание ее не будет полностью исчерпано. Там, где в рядовой речи достаточно одного слова, одного словосочетания, у Кирилла их значительно больше — пять, десять, пятнадцать. Тема развертывается до отказа, раскрывается во всех своих смысловых и эмоциональных оттенках.

В результате последовательного применения этого художественного принципа тема у Кирилла закономерно принимала форму более или менее замкнутого в стилистическом отношении фрагмента изложения — форму риторической тирады. От одной тирады к другой тираде — таково обычное для него движение речи.

Каждая тирада — целое словесное сооружение, часто очень изобретательное. Но в ее основе всегда лежит — и в этом ее существенный признак — чередование близких по значению и однотипных по синтаксической структуре предложений.

Широкое развитие у Кирилла получила тирада, в наиболее чистом виде осуществляющая принцип амплификации. Ее особенности: густое скопление синонимов, строгая симметрия в расстановке слов каждого предложения.

«Н о ж и д о в е ся на благодетеля гневають, и ю д е и ропщють на чюдотворца, и з р а и л ь т я н е съвет творять на спаса своего, с ы н о в е И я к о в л и погубити мыслять. . ., с а д у к е и ... на судище влекуть, и р о д ь я н е съборище съвокупляють. .., к н и ж н и ц и ... пытають родителю прозревшаго. . ., л е в г и т и дивяться, видяще ясно зрящею зеницю уродившагося без очью, с т а р ь ц и укаряють в суботу отверзшаго очи слепцю. . ., ф а р и с е и ... хулять чюдотворца, ж ь р ц и изгонять от съборища помилованного богомь, а р х и е р е и претять прозревшему».[1]

Наряду с тирадами указанного типа налицо у Кирилла и другие — более сложные по фактуре, стилистический рисунок которых определяется той или иной риторической фигурой.

Тирады, построенные на анафорическом повторении одного и того же слова или словосочетания в начале предложения:

«В е р у ю, господи, и кланяю ти ся! В е р у ю в тя, сыне божий, и прославляю тя! В е р у ю, владыко, и проповедаю тя. . . ! Т ы бо е с и, о немь же писаша пророци, дозряще духомь твоего въчеловечения. Т ы е с и, его же прообразиша патриархи агньца божия, всего мира грехы взяти хотящаго. Ты, господи, сам е с и, о немь же учиша законодавьци . . . Т о б е бо дасться власть всяка и сила на небеси и на земли. Т е б е вся вся тварь бездушьная послушаеть раболепно, и всяко дыхание видимое и невидимое знаеть тя, своего творца и владыку».

Тирады, где чередуются риторические вопросы, на которые каждый раз даются ответы — то отрицательные, то положительные:

«Како начну или како разложю? Н е б о м л и т я п р о з о в у? Но того светьлей бысть благочестьем ... З е м л ю л и т я б л а г о ц в е т у щ ю н а р е к у? Но тоя честьней ся показа ... А п о с т о л о м ь л и т я и м е н у ю?

[1] Текст и здесь и ниже цитируется по изданию: И. П. Е р е м и н. Литературное наследие Кирилла Туровского. — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 409—426; т. XV, М.—Л., 1958, стр. 331—348.

Но и тех вернее и крепъчею обретеся ... Священомученикомь ли тя нареку...? Аще бо и не въгрузися в твоя перси оружие, ни прольяся твоя от меча кровь, но изволением и верою по Христе положил еси душю».

Тирады, основанные на антитезе; своеобразие их в том, что риторическая «цезура» делит в них каждое чередующееся предложение на две противопоставленные одна другой части, резко различные по интонационной окраске:

«Пред вчерашним днем господь наш Исус Христос яко человек распинаем бе и яко бог и солнце помрачи и луну в кровь преложи...; яко человек воспив испусти дух, но яко бог землею потрясе...; яко человек в ребра прободен бысть, но яко бог завесу перваго закона полма раздра: ... яко человек во гробе положен бысть и яко бог олтарь язычьскыя церкве освяти».

Пышный — соответственно празднику — стилистический узор речей Кирилла порожден, впрочем, не столько риторическими фигурами (количество их ограничено), сколько различной комбинацией этих фигур даже в пределах одной и той же тирады.

В словах Кирилла Туровского все чередуется, и это сообщает им своеобразный внутренний ритм. В рамках слова чередуются тирады, в рамках тирады — предложения, в рамках предложения нередко — созвучные окончания (теч*яху* — вопи*яху*, потряс*ошася* — ужас*ошася*, пени*е* — учени*е* и пр.).

Это двойное и тройное чередование иногда принимало еще более усложненный вид, когда Кирилл отдельные тирады объединял в одну. Обычно делал он это следующим образом: сходные по теме тирады нанизывал на один и тот же стержень — на слово или словосочетание, неизменно повторяющееся в начале каждой тирады. Такая сверхтирада — одно из наиболее эффектных технических достижений ораторской прозы Кирилла; она напоминает собой большой вращающийся круг, внутри которого, вмонтированные один в другой, вращаются другие круги меньшего объема. Построение этого типа таит в себе, правда, одну опасность: вращение может стать бесконечным, так как предела ему в принципе нет; оно может закончиться, но достаточно толчка извне (перехода, допустим, от антитезы к анафоре), чтобы оно возобновилось снова. Кирилл хорошо понимал, чем это грозит. С целью избежать монотонии он принимал соответствующие меры: менял опорное слово чередования, варьировал стилистический рисунок той или иной тирады, временно нарочито приостанавливал вращение — цитатой из писания или риторическим восклицанием («Оле тайн откровение и пророческих писаний раздрешение!») и, наконец, прекращал его, когда это подсказывало ему чувство меры и времени.

В композиционном отношении слова Кирилла Туровского построены по четкой схеме. Каждое слово делится на три более или менее самостоятельные части: вступление, часть центральную — изложение, заключение. Объединенные единством стилистического строя слова в целом, они, однако, имеют и некоторые свои, только им присущие художественные особенности.

Вступление — часть речи, которой Кирилл Туровский придавал, и не без оснований, большое значение: текст хранит следы очень тщательной, заранее обдуманной работы. Кирилл, конечно, не мог не понимать, что успех речи в значительной мере зависит от того, как вступление будет построено. Здесь надо было сказать нечто такое, что, не предвосхищая содержания слова, тем не менее могло положить ему основание, притом ска-

зать так, чтобы сразу же привлечь внимание слушателей, заставить их насторожиться.

Вступительная часть речи у Кирилла невелика по объему и немногословна. Обычно он говорил здесь или о празднике, которому слово посвящено, или о себе самом: выражал радость по поводу наступления праздника, приглашал слушателей присоединиться к нему и совместно прославить виновников торжества, высказывал сожаление, что «ум» его бессилен должным образом «хвалу к хвале приложити», даже просил, например в слове седьмом, пророка Захарию облегчить ему задачу — прийти на помощь и положить «начаток» слову.

Это условно-риторическое и во многом традиционное в ораторской прозе содержание Кирилл искусно обогащал новыми вариациями.

Первые строки вступления у него всегда носят подчеркнуто афористический характер. Краткие, строго симметричные по форме и поэтому особо значительные, они звучат, как фанфары, возвещающие о начале торжества: «Велика и ветха сокровища, дивно и радостно откровение, добра и сильна богатьства, нескудно ближним даемии дарове»; «Неизмерьна небесная высота, ни испытана преисподняя глубина, ниже сведомо божия смотрения таиньство» и т. п.

Избранную для вступления тему он развивал чаще всего не прямо, а косвенно, при помощи развернутого сравнения, в фокусе которого она и получала свою художественную конкретизацию, — сравнения редкого, необычного, построенного на игре отдаленными аналогиями. Такого рода сравнениями он добивался важного художественного результата; они были рассчитаны на то, чтобы заполнить собой условно-риторическую «пустоту» темы и одновременно ошеломить, ослепить слушателей своей неожиданностью, своей яркой живописностью. Праздник он, например, сравнивал с блеском золотой «пленицы» (пленица — головное украшение), украшенной жемчугом и драгоценными камнями; радость по случаю наступления пасхи после скорбных дней страстной недели — с радостью, какую испытывают жена и дети, когда нежданно из дальнего странствия возвращается домой их муж и отец (в некоторых списках сравнение это отсутствует; видимо, в этом контексте, применительно к пасхе, оно казалось несколько смелым). Слово восьмое, посвященное разоблачившим еретика Ария отцам Никейского собора, свидетельствует, что тема вступления развертывалась Кириллом и на основе двойного сравнения, в данном случае насыщенного образами и фразеологией словесной батальной живописи. Отцы собора здесь сперва сопоставляются с воинами, которые «крепко» бьются за своего «цесаря» и не дают «в брани плещю врагом», а затем — с библейским Авраамом и его доблестными соратниками, одержавшими победу над враждебными ему царями (Бытие, XIV, 14); одно сравнение перерастает в другое, последнее слово первой тирады («ополчишася на еретикы святии наши отци. . ., их же число 300 и 18, по числу древняго А в р а м а») дает начало новой тираде, построенной по иному принципу — уже не столько аналогии, сколько противопоставления («Аврам телесную створи победу видимым воем, а си в духовней содолеша рати. . ., Аврам пять цесарев с силами их погуби. . ., а си вся еретикы духовьными иссекоша мечи»).

Центральная часть речи у Кирилла Туровского всегда повествовательная. За исключением восьмого слова, в основе которого лежит церковно-исторический сюжет (рассказ о первом вселенском соборе 20 мая 325 г.), все остальные слова в центральной части содержат пересказ того или иного соответствующего празднику евангельского события. Но пересказ особого типа, вольный. Излагая евангельский сюжет, Кирилл тоже подвергал его амплификации — на этот раз сюжетной.

Иногда он ограничивался простым распространением отдельных эпизодов евангельского рассказа. Но гораздо чаще прибегал к амплификации более сложного вида: дополнял сюжет подробностями, отсутствующими в источнике. Вводил новые эпизоды; если евангельский текст давал для этого повод, широко пользовался прямой речью — заставлял героев повествования обмениваться речами, произносить длинные монологи. В изложении Кирилла евангельские события — небольшие мистерии (в составе слова); действие их развертывается то на земле, то на небе — в раю, то в преисподней; наряду с людьми участие в действии принимают и небожители, и сатана с подручными ему полчищами демонов. В передаче евангельского сюжета Кирилл допускал вымысел, но с целями чисто художественными и в пределах, в каких это позволяли себе его литературные предшественники или современные ему иконописцы, изображая «праздники».

Рассказ Кирилла о вознесении Христа на небо — типичный пример его интерпретации евангельского сюжета. О событии этом евангелисты сообщают очень кратко (Марк, XVI, 19; Лука, XXIV, 50—51), Кирилл — с подробностями, напоминающими частично иконописные изображения того же сюжета. Действие у него происходит на горе Елеонской (Деяния, I, 4—9). Здесь, на горе, в ожидании вознесения Христа несметные толпы праведников — библейские праотцы, патриархи, пророки, апостолы, святые, мученики. Среди них Христос (ср. фреску «Вознесение» храма Спаса-Нередицы). На небе радостное смятение. Серафимы, херувимы, архангелы ждут Христа; одни воздвигают ему престол, другие собирают в стаи облака на «взятие» его. Готовятся к встрече и небесные светила; они украшают собой небесные просторы. Христос благословляет всех предстоящих ему на Елеонской горе. На землю спускается светлое облако, Христос становится на него и, поддерживаемый крыльями ветров, начинает возноситься, неся с собой в дар отцу души праведников. Ангелы сопровождают Христа, они спешат к вратам рая, просят стражей, охраняющих врата, отворить их, ибо Христос уже приближается. Но стражи отказываются: они не откроют ворот, пока не услышат гласа господня. Ангелы настаивают, но стражи неумолимы. Тогда раздается глас Христа: он просит открыть ворота. Узнав Христа, стражи небесные падают ниц, врата раскрываются. Христос проходит в рай, где встречает его дух святой. В конце рассказа чисто иконописный по рисунку апофеоз: на престоле восседают бог-отец и в венце из драгоценных камней бог-сын в окружении серафимов, поющих им хвалу.

Приступая к повествовательной части речи, Кирилл обычно перебрасывал мост от прошедшего к настоящему, пытался слушателей сделать непосредственными свидетелями евангельского события. Он пользовался разными способами, чтобы поддержать эту иллюзию. Глаголы систематически употреблял в настоящем времени, отдельные эпизоды повествования (тирады) начинал словами «днесь», «ныне», прямо приглашал слушателей, в начале рассказа, стать участниками излагаемого события: «Поидем же и мы ныне, братие, на гору Елеоньскую умомь и узрим мысльно вся преславная, створившаяся на ней!»; «Взидем ныне и мы, братие, мыслено в Сионьскую горницю, яко тамо апостоли собрашася и сам господь Исус Христос, затвореным дверем, посреде их обретеся». В результате все смещалось: далекое становилось близким, прошлое — сегодняшним днем.

Иллюзия становилась почти явью, когда Кирилл в тех же целях евангельский рассказ дополнял описанием весеннего расцвета природы. Дважды весна у него выступает соучастницей евангельских событий. И в этом нет ничего неожиданного: праздники, в честь которых Кирилл

составлял слова, отмечались церковью как раз в весеннюю пору года. В слове «на неделю Цветоносную» описание того, что творится тут же рядом, за стенами храма, кратко завершает собой повествование, в слове «на неделю Фомину» — предшествует ему. В обоих случаях картина условна: указываются одни лишь самые общие, постоянные признаки, и все же весна в изображении Кирилла — настоящая весна: ярко светит солнце, зеленеют деревья, благоухают цветы, разливаются реки, сооружая соты, перелетают с цветка на цветок пчелы, на лугах пасутся стада, играет на свирели пастух, а на полях уже «ралом» бороздят землю пахари.

Картина весеннего обновления природы, вставленная в евангельский сюжет, «приближала» его к слушателям. Но и сама она, на фоне сюжета, осложнялась в своем художественном содержании. Между природой и евангельскими событиями устанавливалась зримая таинственная связь; ликующая весна, по замыслу Кирилла, должна была напомнить слушателям обновление человечества во Христе.

Иносказательное значение приобретали в обработке Кирилла Туровского и другие евангельские сюжеты. В научной литературе даже высказывалось мнение, что сюжет интересовал Кирилла не сам по себе, а преимущественно как материал для аллегорического иносказания. Это, однако, не так. Разного рода аллегории, действительно, сопровождают его пересказы евангельских событий, но занимают в них сравнительно очень скромное место; есть слова, где они вообще отсутствуют (четвертое слово, восьмое). Аллегорическое иносказание никогда не было основной целью Кирилла, и в этом его коренное отличие от церковных писателей так называемой александрийской школы. Он никогда не подчинял текст писания какой-либо определенной, строго продуманной богословской концепции. Свои аллегорезы Кирилл, скорее поэт, чем богослов, изобретал, руководствуясь не столько логическим анализом текста, сколько чувством, радостно взволнованным в обстановке праздничного богослужения. Содержание их носит поэтически зыбкий, целиком на понятия не разложимый характер. Все они варьируют одну и ту же в сущности мысль; наиболее четко он сформулировал ее в слове «на неделю Фомину» цитатой из второго послания апостола Павла к коринфянам: «Днесь ветхая конець прияша, и се быша вся нова» (V, 17). Рассеянные в разных местах повествования аллегории Кирилла и по самой своей природе ничего общего не имеют с богословской экзегезой писателей александрийского направления. У Кирилла аллегория не столько толкование текста в общепринятом тогда смысле этого слова, сколько «украшающий» изложение троп. Художественное его назначение: дать слушателям почувствовать, что евангельский сюжет и в целом и в отдельных своих частностях помимо прямого имеет еще и прообразное значение, содержит в себе различные «преславныи тайны». Не случайно под пером Кирилла его аллегории часто редуцируются, обнаруживают тенденцию к превращению в сравнения или в особого вида метафоры — раскрытые, обнажающие свой иносказательный подтекст. Из таких метафор, например, едва ли не целиком состоит его, в слове третьем, картина весеннего торжества природы («Ныня ратаи слова, словесныя уньца к духовному ярму приводяще, и крестное рало в мысьленых браздах погружающе, и бразду покаяния прочертающе, семя духовное всыпающе, надежами будущих благ веселяться»).

В XII в. в литературе древней Руси уже успели выработаться разные жанры повествования — летописного, агиографического. Слова Кирилла Туровского в центральной своей части утвердили в литературе той эпохи еще один тип повествования — риторического. Резкое ослабление нарративного начала — наиболее характерная его особенность.

Изучение показывает, что Кирилл Туровский очень дорожил художественным единством своих ораторских произведений. С целью сберечь это единство он иногда почти полностью повествование растворял в риторическом строе того произведения, в состав которого оно входит. Таков, допустим, его рассказ о входе Христа в Иерусалим в слове первом; нарративная его природа едва ощутима. Рассказ разбит на дробные эпизоды, и все они, с сопутствующими им комментариями, излагаются в форме чередующихся риторических тирад. С той же целью Кирилл нередко подменял повествование прямой речью — диалогами и монологами героев рассказа. В этом случае на долю собственно повествования оставалось очень немногое: задача повествования заключалась в том, чтобы связать в одно целое эти диалоги и монологи, дать им необходимое сюжетное обрамление. К последнему способу Кирилл прибегал тем охотнее, что прямая речь у него ничем в сущности не отличается от речи косвенной, авторской, — разве несколько иной синтаксической структурой, более короткими предложениями.

Прямая речь у Кирилла риторически условна; в слове третьем, например, в беседе с апостолом Фомой Христос цитирует писание, ссылается на пророков — Исаию, Даниила, Иезекииля, сам выясняет прообразное значение своих поступков, т. е. делает то, что с равным успехом мог бы сделать за него и автор. Она никогда не носит у него заметно выраженного индивидуального характера — в зависимости от персонажа, которому поручена, или от той или иной сюжетной ситуации. В этом отношении все монологи героев Кирилла однотипны. Единственное исключение — плач богоматери у ног распятого Христа в слове четвертом; плач соответственно ситуации трогательно лиричен; установлено, что Кирилл, составляя его, опирался на гимнографический образец — на приуроченный богослужебным уставом к великой пятнице канон Симеона Метафраста.[2] Каждый монолог у Кирилла по стилистическому строю своему как бы в миниатюре воспроизводит слово в целом: то же чередование тирад, тот же характерный ритм, рожденный этим чередованием, те же риторические фигуры. Перед нами своеобразная «речь» в речи, составленная не менее изобретательно. Некоторые из этих «речей» — образцы высокого риторического искусства. Плач, допустим, в слове четвертом Иосифа Аримафейского у гроба господня, замечательный изысканным сочетанием анафоры с антитезой, осложненным перекличкой однозвучных слов в каждом из чередующихся предложений: «Солнце незаходяй, Христе, творче всех и тварем господи! Како пречистемь прикоснуся теле твоемь, неприкосновенну ти сущу небесным силам, служащим ти страшьно! Кацеми же плащаницами обию тя, повивающаго мьглою землю и небо облакы покрывающаго! ...Кыя ли нагробьныя песни исходу твоему воспою, ему же в вышних немолчными гласы серафими поють...! Како ли в моемь худемь положю тя гробе, небесный круг утвердившаго словомь и на херовимех с отцемь и с святымь почивающаго духомь!». Или речь Христа в слове об исцелении расслабленного, где антитезы поддерживаются двумя рядами анафорически повторяющихся словосочетаний. «Человека не имам», — жалуется расслабленный Христу. Тот подхватывает эту фразу и на ней строит свой ответ: «Что глаголеши: человека не имам? Аз тебе ради человек бых — щедр и милостив, не солгав обета моего вочеловечения ... Тебе ради, горьняго царства скипетры оставль, нижним служа обхожю

---

[2] М. И. Сухомлинов. Исследования по древней русской литературе. СПб., 1908, стр. 296—298; В. П. Виноградов. Уставные чтения. III. Очерки по истории греко-славянской церковно-учительной литературы. Сергиев Посад, 1915. стр 121—124.

... Тебе ради, бесплотен сы, плотию обложихся, да всех душевныя и телесныя недугы исцелю. Тебе ради, невидим сы ангельскым силам, всем человеком явихся ... И глаголеши: человека не имам!..». Подменяя повествование такого рода речами, Кирилл Туровский только возвращался к привычной для него ораторско-риторической форме изложения.

Завершал Кирилл свои «праздничные» слова обращением: или к слушателям с призывом еще раз прославить праздник, или к героям повествования с «похвалой» им и молитвой. Самая примечательная особенность заключительной части речей Кирилла — редкое даже у него нагромождение близких по значению слов и словосочетаний. В речи «на Вознесение», например, читается в «похвале» Христу длинный перечень его щедрот; Кириллу понадобилось восемнадцать глаголов, чтобы эти щедроты охарактеризовать: «отверзаеть праведником рай»; «посылаеть страстотерпцем чюдес благодать»; «отпущаеть грешником прегрешения»; «милуеть вся творящая волю его»; «укрепляеть на терпение мнихы»; «благословляеть вся крестьяны» и т. д. То же скопление, на этот раз прославляющих эпитетов и сравнений, находим в «похвале» отцам Никейского собора: «рекы разумьнаго рая»; «земнии ангели»; «высокопарящии орли»; «необоримии гради»; «непоколеблении столпи»; «вернии недремлющеи святыя церкве страженве»; «чистии сосуди, божие слово в собе носяще»; «богоноснии облаци, иже чюдотворьными каплями одождяюще верных сердца»; «красныя обители, в них же святая почиваеть троица»; «неувядающии цвети райского сада»; «небесного винограда красныя леторасли» и пр. Такое обилие однотипных словосочетаний могло бы показаться чрезмерным, если бы здесь — в конце слова — оно не имело определенного художественного назначения. Готовя финал, Кирилл — опытный мастер — подымал слово на предельно высокую ступень риторической эмфазы. В той же празднично-торжественной тональности, в какой слово начиналось, оно должно было, по замыслу Кирилла, и закончиться.

«Праздничные» слова Кирилла Туровского написаны в жанре — одном из древнейших в христианской литературе; тесно связанный с богослужебной практикой, он уже в IV в. достиг блистательного расцвета у таких мастеров греческой ораторской прозы, как Иоанн Златоуст, Григорий Назианзин, Епифаний Кипрский. Установлено, что Кирилл внимательно изучал их творения не только в переводе, но, возможно, и в оригинале.[3] Риторика Кирилла по своему происхождению несомненно восходит к риторике этих его предшественников. В словах Кирилла обнаруживаются даже прямые реминисценции из указанных авторов. Так, например, Григорию Назианзину он был обязан некоторыми подробностями своего описания весны в слове третьем;[4] Епифанию Кипрскому (его изображению нисшествия Христа в ад) — отдельными деталями рассказа о вознесении Христа на небо.[5] Творения классиков церковной ораторской прозы были для Кирилла неисчерпаемым источником вдохновения. Из этого источника он, как, впрочем, и многие другие его предшественники, более близкие по времени, византийские и болгарские (Климент Охридский, Иоанн Экзарх), брал то, что по ходу речи казалось необходимым. Правда, случаи дословного заимствования встречаются у него сравнительно редко; это или от-

---

[3] В. П. Виноградов. Уставные чтения, стр. 172 и сл. Вопрос о том, в какой мере Кирилл Туровский владел греческим языком, еще нуждается в дополнительном исследовании.

[4] М. И. Сухомлинов. Исследования по древней русской литературе, стр. 304—308; A. Vaillant. Cyrille de Turov et Grégoire de Nazianze. — Revue des études slaves. Paris, 1950, t. XXVI, стр. 34—50.

[5] В. П. Виноградов. Уставные чтения, стр. 141—142.

дельные обороты речи, или метафоры, принадлежащие разным авторам и, видимо, цитируемые по памяти. Как правило, взятое у своих предшественников Кирилл всегда перерабатывал, подчиняя собственному художественному замыслу. Перед нами не литературное подражание в современном смысле этого слова, а проявление типично средневекового пуризма в вопросах формы — забота о «чистоте» жанра, стремление свои произведения поставить в прямую преемственную связь с общепризнанными образцами.

Свой вклад Кирилл Туровский как оратор внес и в развитие современного ему литературного языка древней Руси. Обращает на себя внимание необыкновенная гибкость, какую он сумел придать языку церковной письменности той эпохи; славянский язык оказался под пером Кирилла способным выразить все: и скорбную лирику плача богоматери, и обличительный пафос отцов первого вселенского собора, и неизменно ликующий «восторг» самого автора. Вот пример, из которого следует, что средствами этого сугубо книжного языка Кириллу порою даже удавалось передавать строй живой разговорной речи. В слове пятом есть сцена встречи у Овчей купели Христа с расслабленным; на вопрос Христа, хочет ли он исцелиться, расслабленный отвечает так: «Ей, господи! Хотел бых, но не имею человека, дабы ... въвергл мя бы в купель. Но аще мя еси о здравии, владыко, вопросил, то крътце послушай моего ответа, да ти своея болезни напасть исповеде. 30 и 8 лет на одре семь недугом пригвожден сь лежю ... Мною вси глумяться, аз же сугубо стражю: утрьуду болезнь клещить мя, внеуду досадами укоризьник стужаю си». Язык Кирилла Туровского — типичный славянский язык древнерусского извода. Из лексического запаса этого языка он отбирал преимущественно то, что уже успело стать прочным достоянием древнерусской литературной речи; встречаются в языке Кирилла и слова, как кажется, чисто русские: р я д н и ц и, присадити, съмясти, хупстися («въставити ... хупеться»), уяти («ни у кого же вас уем мне дарова»), нетрудьно, нехуде («нехуде опечалися»).

В одном из своих произведений Кирилл сетовал, что нет у него «огня святаго духа», чтобы должным образом составить слово. «Огня», быть может, и не было, зато было неоспоримое мастерство, которое уже современники оценили по достоинству. Слова Кирилла Туровского пользовались в свое время громкой известностью. Очень рано они были включены в сборники-антологии — «Торжественник» и «Златоуст», в составе которых вплоть до XVII в. и переписывались наряду с речами крупнейших классиков церковной ораторской прозы, — бережно и точно, редко подвергаясь редакционной переработке. «Златоуст, паче всех воссиявший нам на Руси», — писал о нем его древний биограф. В научной литературе существует предположение,[6] что даже к лику святых Кирилл был причислен церковью (не позже, видимо, XIII в.) «и из соображений национального престижа», как выдающийся писатель, в искусстве «витийства» равный своим прославленным греческим предшественникам.

---

[6] И. У. Будовниц. Общественно-политическая мысль древней Руси (XI—XIV вв.). Изд. АН СССР, М., 1960, стр. 268.

В. А. КУЧКИН

«Сказание о смерти митрополита Петра»

«Житие», или, точнее, «Сказание о смерти митрополита Петра» — памятник, мало изученный в литературоведческой и исторической науке. Первые произведения московской литературы почти не привлекали внимание исследователей; изучение этих памятников обычно слабо связывалось с конкретной обстановкой того времени.[1] Существует даже мнение, что московские князья этого периода, борясь со своими соперниками, «мало прибегали в этой борьбе к помощи литературных средств».[2]

Для понимания «Сказания» очень важно учитывать историю московско-тверского соперничества первой четверти XIV в. Дореволюционные авторы останавливались главным образом на моральной и политической сторонах этой борьбы.[3] Советские ученые значительно расширили круг вопросов. Сделаны попытки показать экономические основы политической активности московских Даниловичей,[4] проанализирована политика татар на Руси и ее влияние на борьбу за великокняжеский титул,[5] гораздо глубже изучен сам ход политической борьбы.[6] В последнее время И. У. Будовниц убедительно показал политический характер начального московского летописания, его антитверскую направленность.[7]

---

[1] История русской литературы, т. II, ч. 1. М.—Л., 1945, гл. IV; История русской литературы в трех томах, т. I. М.—Л., 1958, стр. 156—159. Ценные замечания относительно идеологии Москвы первой трети XIV в. содержатся в работах П. Соколова «Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV века» (Киев, 1913) и А. И. Клибанова «Реформационные движения в России в XIV—первой половине XVI века» (М., 1960).

[2] История русской литературы, т. II, ч. 1, стр. 68.

[3] В. Н. Татищев. История Российская с самых древнейших времен, кн. IV. СПб., 1784, стр. 86—118; Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. IV. СПб., 1851, гл. 7, 8; С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. II, т. 3. М., 1960, гл. 5, стр. 192—230; В. Вешняков. О причинах возвышения Московского княжества. СПб., 1851, стр. 63—64; П. В. Полежаев. Московское княжество в первой половине XIV века. СПб., 1878, гл. III и частично IV, стр. 13—40; В. О. Ключевский. Курс русской истории, лекция XXI. — Сочинения в восьми томах, т. 2. М., 1957; О. Линд. Тверь и Москва в первой половине XIV века. М., 1906, стр. 31—37. См. также: А. Е. Пресняков. Образование Великорусского государства. Пгр., 1918; М. К. Любавский. Образование основной государственной территории великорусской народности. Л., 1929.

[4] М. Н. Тихомиров. 1) Древняя Москва. М., 1947; 2) Средневековая Москва в XIV—XV веках. М., 1957; История Москвы, т. I. М., 1952; Очерки по истории СССР XIV—XV вв. М., 1953; А. М. Сахаров. Города Северо-Восточной Руси XIV—XV веков. М., 1959; Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960.

[5] А. Н. Насонов. Монголы и Русь. М.—Л., 1940; Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950.

[6] Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы, т. 2. М.—Л., 1948, стр. 282—299; И. У. Будовниц. Поддержка объединительных усилий Москвы населением русских городов. — В сб. «Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия». М., 1952.

[7] И. У. Будовниц. Отражение политической броьбы Москвы и Твери в тверском и московском летописании XIV века. — ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 79—104.

В настоящей статье разбирается другой памятник московской литературы того времени, также имевший вполне определенную политическую направленность и публицистический характер, — «Сказание о смерти митрополита Петра». Памятник этот рассматривается нами в свете политической борьбы того времени — в первую очередь в связи с московско-тверским соперничеством из-за великокняжеского престола.

I

«Сказание о смерти митрополита Петра» давно известно в науке. В филологической литературе этот памятник обычно называется «Житие митрополита Петра», но в большинстве рукописей он озаглавлен «Преставление Петра митрополита», поэтому ниже мы будем называть его «Сказанием о смерти митрополита Петра».[8]

Широко распространено мнение, что автором «Сказания», или «Жития митрополита Петра» старшей редакции, как оно названо в литературе, является ростовский епископ Прохор. Такого взгляда придерживались еще Филарет[9] и Макарий,[10] а после них В. О. Ключевский[11] и П. Соколов.[12] Эта точка зрения разделяется и советскими исследователями.[13] Она основана на том, что в заголовках некоторых списков «Сказания» фигурирует имя ростовского епископа Прохора. Более осторожного взгляда придерживался Е. Е. Голубинский. Исходя из того, что в тексте памятника епископ Прохор назван в третьем лице, Е. Е. Голубинский считал, что «Сказание» написано неизвестным.[14] Однако мнение Е. Е. Голубинского не получило признания и распространения. Следует отметить при этом, что Е. Е. Голубинский, по-иному поставив вопрос об авторстве произведения, не решил вопроса о месте и времени возникновения памятника. Чтобы установить, кем же все-таки было написано «Сказание», необходимо в первую очередь рассмотреть его списки.

В настоящее время известно 19 списков «Сказания о смерти митрополита Петра», два из них — по описаниям. Редакцию «Сказания» можно разделить на два извода. Первый извод представлен 14 списками, самый старший из которых относится к 70-м годам XV в. Приводим описание списков в порядке старшинства.

1. ГБЛ, ф. 37 (собр. Большакова), № 430. Водяные знаки: буква «Р», близка к Брике № 8546 — 1471 г. и № 8764 — 1487—1521 гг.; голова быка, близка к Брике № 14547 — 1454 г. и № 14552 — 1484 г.; другой вариант головы быка, близок к Брике № 15055 — 1441 г. и № 15064 — 1454—1465 гг. Рукопись может быть датирована последней четвертью XV в. «Сказание о смерти митрополита Петра» помещено на лл. 175—180 и имеет заголовок: «Месяца декаврия в 21 день. Преставленье Петра митрополита на память святыя мученици Ульянии. Господи, благослови, отче».

---

[8] См. ниже заголовки памятника при описании списков.

[9] Филарет (Гумилевский). Обзор русской духовной литературы, кн. 1. СПб., 1884, стр. 69.

[10] Макарий. История русской церкви. СПб., 1866, т. IV, стр. 308; т. V, стр. 176—177.

[11] В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 74—77.

[12] П. Соколов. Русский архиерей из Византии. . ., стр. 220, 227.

[13] История русской литературы, т. II, ч. 1, стр. 68; История русской литературы в трех томах, т. I, стр. 158; А. И. Клибанов. Реформационные движения в России. . ., стр. 103—104.

[14] Е. Е. Голубинский. История русской церкви, т. II, 1-я половина. М., 1900, стр. 98—99.

2. ГПБ, Соловецкое собр., № 616 (518). Минея 1494 г. «Сказание» находится на лл. 201—206. Заголовок: «Декабря 20. Глава 2. Слово святаго Петра митрополита всея Руси». Имеются приписки, рассказывающие о чудесном исцелении девицы со скорченными руками, случившемся в 1347 г., и об исцелении в 1351 г. жены со скорченными ногами.[15] Ср. № 13.

3. ГИМ, Синод., № 556. Сборник 1541 г. «Сказание» помещено на лл. 201 об.—207 об. и имеет заголовок: «Месяца декабря в 21 день. Преставление Петра митрополита Киевьского и всея Русии, новаго чюдотворца. Благослови, отче».

4. ГИМ, Синод., № 421. Водяные знаки: корабль — Брике № 11973 — 1552 г. и сфера, близка к Брике № 13995 — 1550 г. «Сказание» занимает лл. 477об.—482 и имеет заголовок: «Месяца декабря 21 день. Преставление Петра митрополита».

5. ГБЛ, ф. 304 (собр. Троице-Сергиевой лавры), № 786. Рукопись середины XVI в. На л. 96 имеется запись 1558/59 г. «Сказание» помещено на лл. 299 об.—305 об. и имеет заголовок: «Месяца декамвриа в 20 день преставися пресвященный митрополит Петр всеа Руси в 3 часа нощи в лето 6834. Пас церковь божью лет 18 и 6 месяц. Слово святого святителя Петра, митрополита Кыевъсъкаго, Волыньскаго. Суздальскаго. Благослови, отче».

6. ЦГАДА, ф. 181, № 751/1280. Рукопись конца 60—начала 70-х годов XVI в.; водяные знаки: корабль — Брике № 11977 — 1569 г. и сфера, близка к Брике № 14032 — 1568 г. «Сказание» помещено на лл. 216—222 и имеет заголовок: «Месяца декабря 21 день. Преставление, иже во святых отца нашего Петра, митрополита Киевскаго, всея России, чюдотворца».

7. ГБЛ, ф. 37 (собр. Большакова), № 237. Сборник разнообразного содержания XVI—XVII вв. «Сказание» написано на бумаге, имеющей водяной знак кувшинчик — Брике № 12691 — 1580—1586 гг. Оно занимает лл. 333—339 и имеет заголовок: «Месяца того же 20 день. Преставление святого Петра митрополита, новаго чюдотворца. Господи, благослови».

8. ГБЛ, ф. 310 (собр. Ундольского), № 565. Сборник XVI в. «Сказание» находится на лл. 42—47 и имеет заголовок: «Месяца декамврия в 21 день. Преставление, иже в святых отца нашего Петра митрополита Руськаго, новаго чюдотворца. Благослови, отче».

9. ЦГАДА, ф. 196, № 903. Сборник конца XVI—начала XVII в. «Сказание» занимает лл. 35—42 об. и озаглавлено: «Месяца декабрия в 21 день. Слово, иже во святых отца нашего Петра митрополита Киевьскаго и Московскаго, чюдотворца».

10. Коллекция рукописей Ярославского областного краеведческого музея, сб. № 15326.[16] Водяной знак: перчатка — Брике № 11167 — 1483—1522 гг., Тромонин № 319 — 1521 г. «Сказание» занимает лл. 453 об.—458 и имеет заголовок: «Месяца декабриа в 21 день. Преставление святого Петра, митрополита Киевьскаго и всея Руси».

11. ГПБ, Соловецкое собр., № 644 (850). Сборник статей из Миней четьих. XVI в. «Сказание» находится на лл. 129—138.

12. Коллекция рукописей Ярославского областного краеведческого музея, сб. № 14966.[17] XVII в. «Сказание» занимает лл. 34—40 об. и пред-

[15] Сведения приводятся по книге «Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии» (ч. II, Казань, 1885, стр. 358—362, 500).

[16] № 482 (60) — по описанию В. В. Лукьянова; см.: В. В. Лукьянов. Краткое описание коллекции рукописей Ярославского областного краеведческого музея. — Ярославский областной краеведческий музей. Краеведческие записки, вып. III. Ярославль, 1958.

[17] № 506 (564) — по описанию В. В. Лукьянова.

ставляет копию с дефектного списка. Заголовок: «Месяца декабря 21. Преставление, иже во святых отца нашего Петра митрополита Киевскаго всеа Русии, нова чюдотворца. Благослови, отче».

Два списка дефектные:

13. ГБЛ, ф. 98 (собр. Егорова), № 637. Листы, на которых написано «Сказание», вплетены в сборник 30-х годов XVI в. Водяной знак этих листов: перстень — Лихачев, Вод. зн., №№ 1262, 1263 — 70-е годы XV в. Список без начала, занимает лл. 446—452. Список интересен описаниями чудес у гроба Петра 1347 и 1351 гг. и упоминанием о смерти Круглеца. Можно думать, что сохранившийся список сделан со списка середины XIV в.

14. ГБЛ, ф. 37 (собр. Большакова), № 420. Сборник конца XV—начала XVI в. Водяной знак: перчатка — Брике № 11401—11403 — 1486—1501 гг. На л. 53 вкладная запись 1506/07 г. «Сказание» без конца, занимает л. 60—60 об. и имеет заголовок: «Месяца того же в 20 день. Преставление святого святителя Петра митрополита, новаго чюдотворца».

Второй извод известен по 5 спискам, самый старший датируется концом XV—началом XVI в.

1. ГПБ, Софийская библиотека, № 1389 (бывш. библиотека СПб. духовной академии, № 1389 и бывш. Софийская библиотека, № 410). Сборник. Водяной знак: буква «Р», близка к указанным Брике №№ 8669, 8671, 8672 — 1486—1521 гг. «Сказание» помещено на лл. 334—338 и имеет заголовок: «Месяца того же 21 день. Преставленье Петра митрополита всея Руси. А се ему чтение, творение Прохора, епископа Ростовьскаго. Отче, благослови». Этот список напечатан Макарием в IV томе «Истории русской церкви».

2. ЦГАДА, ф. 181, № 752/1281. «Цветник» 10-х годов XVI в. Водяной знак: герб — Тромонин № 816 — 1513 г. «Сказание» занимает лл. 338 об.—342 об. и имеет заголовок: «Месяца того же в 21 день. Житие, иже во святых отца нашего Петра митрополита Киевскаго и всея Руси, чюдотворца. Преставленье Петра митрополита всея Руси. А се ему чтенье Прохора, епископа Ростовъскаго. Ныне благослови, отче».

3. ГИМ, Чудовское собр., № 31/333. Водяной знак: буква «Р» — Брике № 8643 — 1530—1531 г. «Сказание» помещено на лл. 97 об.—100 и имеет заголовок: «Месяца декабря 21 день. Преставление Петра митрополита всея Руси. А се ему чтение, творение Прохора, епископа Ростовьскаго. Отче, благослови».

4. Коллекция рукописей Ярославского областного краеведческого музея, сб. № 15522.[18] Первая половина XVI в. «Сказание» помещено на лл. 430 об.—434 об. и имеет заголовок: «Месяца декабря в 21 день. Преставленье Петра митрополита всея Руси. А се ему чтенье Прохора, епископа Ростовъскаго. Господи, благослови, отче».

5. ГПБ, Соловецкое собр., № 915/805. Сборник датирован 20 сентября 1557 г.[19] «Сказание» находится на лл. 84 об.—88 и имеет заголовок: «Месяца декабря в 21 день. Преставления Петра митрополита всея Руси. Творение Прохора, епископа Ростовского. Отче, благослови».

В списках первого извода имя Прохора в заголовках отсутствует, списки второго извода в заголовках упоминают ростовского епископа Прохора обычно в виде такой формулы: «а се ему (Петру, — *В. К.*) чтение, творение Прохора, епископа Ростовского». В списках первого извода уча-

---

[18] № 483 (186) — по описанию В. В. Лукьянова.

[19] Рукопись описана в кн.: Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии, ч. II, стр. 474—485.

стником Владимирского собора, где был канонизирован Петр, назван великий князь Александр, в списках второго извода — великий князь Иван. В литературе давно отмечено, что во Владимирском соборе участвовал, конечно, не Иван Калита, который только послал туда описание чудес у гроба Петра, а Александр Михайлович Тверской, который был в то время великим князем.[20] Следовательно, верное чтение дают списки первого извода. Уже бóльшая исправность текста первого извода и отсутствие в заголовках списков этого извода имени Прохора заставляют сомневаться в том, что «Сказние» принадлежит его перу. Для окончательного решения вопроса об авторстве памятника следует рассмотреть списки второго извода.

До сих пор не было обращено внимания на то обстоятельство, что во всех списках второго извода следом за «Сказанием» идет другой памятник, в большинстве случаев озаглавленный как «Поучение Петра митрополита, егда препре тверского епископа Андрея в сборе».[21] Это «Поучение» было издано в 1903 г. Н. К. Никольским по рукописи СПб. духовной академии, № 1389 (ныне Софийская библиотека, № 1389), той самой, по которой Макарий напечатал ранее «Сказание о смерти митрополита Петра».[22] Исходя из заголовка «Поучения», Н. К. Никольский связал памятник с Переяславским собором 1311 г., где произошло резкое столкновение между митрополитом Петром и тверским епископом Андреем. Но автором «Поучения» он считал не митрополита Петра, а неизвестного, написавшего похвальное слово митрополиту в честь его победы на соборе. Н. К. Никольским был указан и ряд литературных параллелей к «Поучению». В последнее время этим памятником заинтересовался А. И. Клибанов. Вслед за издателем, он тоже склонился к мысли, что «Поучение» было написано в связи с Переяславским собором, но автором произведения он считает митрополита Петра.[23] Н. К. Никольскому был известен единственный список «Поучения», А. И. Клибанов пользовался только публикацией. В настоящее время известны еще 3 списка этого памятника.[24] В списке начала XVI в. то же самое произведение названо иначе: «Того же святаго Петра митрополита поучение ко всем христоименитым людем».[25] Само собой разумеется, что давать характеристику памятнику только по его заголовкам (да еще различным в разных списках) нельзя, необходимо рассмотреть его содержание.

Как указал еще сам издатель «Поучения», оно «воспроизводит отчасти» «Поучение на память святого апостола Марка».[26] В действительности «Поучение Петра митрополита» полностью повторяет «Поучение на

---

[20] В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых. . ., стр. 75.

[21] Исключение составляет список № 5 второго извода (ГПБ, Соловецкое собр., № 915/805). Это наиболее поздний список. Переписчик, видимо, опустил не имевший собственного заголовка памятник. В связи с этим изменился и заголовок «Сказания»: нет указания на «чтение» Прохора.

[22] Н. К. Никольский. Материалы для истории древнерусской духовной письменности. — Христианское чтение. СПб., 1909, август—сентябрь, стр. 1113—1115.

[23] А. И. Клибанов. Реформационные движения в России. . ., стр. 104. К сожалению, в книгу вкрался недосмотр: приводится заголовок данного памятника, а цитируется другой. Поэтому точка зрения А. И. Клибанова на авторство разбираемого произведения не вполне ясна.

[24] ЦГАДА, ф. 181, № 752/1281, лл. 342 об.—344 об. I редакция. — ГИМ, Чудовское собр., № 31/333, лл. 100—101 об. Заголовок: «Поучение Петра митрополита, егда препре тферскаго владыку Андреа в сборе». II редакция. — Коллекция рукописей Ярославского областного краеведческого музея, № 15522, лл. 434 об. — 436. Заголовок: «Поученье Петра митрополита. Препре тферьскаго владыку Андриа в зборе. Благослови, отче». I редакция.

[25] ЦГАДА, ф. 181, № 752/1281, л. 342 об.

[26] Христианское чтение. СПб., 1909, август—сентябрь, стр. 1111.

память святого апостола Марка» и другой памятник — «Поучение на память апостола или мученика». Последний известен по списку XII в. и приписывается ученику славянского просветителя Мефодия Клименту, выдающемуся писателю конца IX—начала X в.[27] «Поучение Петра митрополита» обнаруживает большое сходство и с другими древними памятниками: «Похвальным словом вселенским патриархам», список которого датируется XIV в.,[28] «Поучением в неделю по рождестве Иоанна Предтечи», известным по рукописи XIV—XV вв.,[29] и, наконец, с третьей статьей знаменитых Фрейзингенских отрывков.[30] Не касаясь вопроса о том, какой из названных памятников является первоначальным, следует отметить, что «Поучение Петра митрополита» является более поздним по сравнению с остальными и что большое число сходных между собой произведений свидетельствует о наличии определенного литературного шаблона, по которому все они были написаны. Характер перечисленных произведений указывает на то, что они предназначались для чтения на память святых.

По отношению к «Поучению Петра митрополита» в этом убеждают и похвала Петру, и рассказ о чудесах у его гроба, которыми кончаются все списки «Поучения». Рассмотрение памятника, прославляющего уже покойного митрополита и сообщающего о чудесных исцелениях у его гроба, сопоставление этого памятника с другими позволяют сделать вывод, что перед нами не «Поучение Петра митрополита», а поучение, или чтение, на его память.

Анализ концовки произведения помогает установить время его написания. Имеются два различных окончания памятника, что может свидетельствовать о двух его редакциях.

I редакция	II редакция
Се же от чюдес святаго святителя Петра от честнаго его гроба: хромым дает ходити и слепым прозрети, руци к персем прикорчившася мужу исцели. Богу нашему слава ныне и присно.[31]	Иже от чюдес святаго святителя Петра и от честнаго его гроба хромым дает ходити и слепым прозрети; руце к персем прикорчишася мужа исцели, тако ж и жену исцели, тою же болезнью зле страдавше, и многи приходя к святому его и честному гробу не оскудно исцеление подавши, различными недуги одержим, вкратце убо глаголю, ни звездам убо небесным изочтеным, тако ж и чюдес святаго святителя Петра мощно испасати. О великое чюдо! Рим хвалися, имея верховнаго апостола Петра, Дамаск велми мудрствует, имея всего мира светило Павла апостола. Еще и Селунски град веселится, имея великаго Христова мученика Дмитреа, град же Киев хвалится, имея новоявленную Христову мученику Бориса и Глеба князи русские подают исцеление. Радуйся, град Москва, имея в собе великаго святителя Петра. Богу нашему слава всегда и ныне и присно и в веки веком. Аминь.[32]

[27] П. Кеппен. Собрание Словенских памятников, находящихся вне России, кн. 1. СПб., 1827, стр. 22—23 (текст напечатан А. Востоковым); И. И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка, изд. 1-е. СПб., 1863, стр. 200—201. И. И. Срезневский считает, что «Поучение на память апостола или мученика» написано не позже 916 г. (И. И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. — СОРЯС, т. XXVI. СПб., 1867, стр. 60.

[28] А. И. Соболевский. Из области древней церковнославянской проповеди. — ИОРЯС, т. XI, кн. 4. СПб., 1906, стр. 130 и 141—143.

[29] Н. И. Петров. Описание рукописных собраний, находящихся в городе Киеве, вып. 1. М., 1892, стр. 160.

[30] П. Кеппен. Собрание Словенских памятников, находящихся вне России, кн. 1, стр. 33—36.

[31] ЦГАДА, ф. 181, № 752/1281, л. 344—344 об.

[32] Христианское чтение. СПб., 1909, август—сентябрь, стр. 1115.

Старшей редакцией следует признать ту, которая знает только первоначальные чудеса у гроба Петра. Так, эта редакция сообщает о чудесном исцелении «мужа с прикорченными руками» у гроба митрополита. Об этом же чуде, случившемся через 20 дней после похорон Петра, сообщает и «Сказание». Но в последнем рассказу об исцелении мужа (юноши) предшествует рассказ о чуде, случившемся раньше, во время похорон митрополита. Это чудо, первоначальное по времени, стало известно значительно позже, чем рассказ об исцелении «мужа с прикорченными руками», а именно на Владимирском соборе, после того как ростовским епископом Прохором были прочитаны чудеса, «бывшаа в граде Москве от гроба святаго Петра митрополита».[33] На этом основании можно заключить, что памятник возник позже начала января 1327 г. (ему известно чудо с мужем, случившееся 9 или 10 января этого года) и не позже Владимирского собора, на котором впервые стало известно о чудесном видении некоему мужу во время похорон Петра.

Вторая редакция, помимо чудес первой, старшей редакции, говорит и о других чудесах у гроба Петра, указывая, в частности, на чудо исцеления «жены с прикорченными руками». Рассказ о новых чудесах носит характер приписки к основному тексту. Ниже будет указано на различный идейный характер приписки и текста, что может служить доказательством позднейшего происхождения рассказа о новых чудесах. Здесь важно отметить, что приписка могла быть сделана не раньше 1348 г., когда произошло исцеление «жены с прикорченными руками».[34]

Таким образом, устанавливается, что следом за списками «Сказания о смерти митрополита Петра» второго извода идет особый памятник, не имеющий точного заголовка (заголовки разнообразны, и ни один из них не соответствует действительному назначению произведения), по своему характеру представляющий чтение на память святого, имеющий две редакции, старшая из которых написана не позже времени Владимирского собора.

Теперь следует обратить внимание на заголовок списков «Сказания» второго извода. Старыми публикаторами он читался так: «Преставление Петра митрополита всея Руси, а се ему чтение, (творение) Прохора, епископа Ростовского».[35] Начало этого заголовка, — «Преставление Петра, митрополита всея Руси..», так или с добавлением более пышной титулатуры, что зависело уже от писца, читается и в заголовках списков «Сказания» более исправного первого извода. Как было выяснено выше, заголовки неизвестного памятника, следующего за списками «Сказания» второго извода, явно позднейшие. Очевидно, памятник не имел непосредственного заголовка. Поскольку памятник соединен со списками «Сказания о смерти митрополита Петра», следует считать, что заголовок у них общий и его нужно читать так: «1. Преставление Петра митрополита всея Руси. 2. А се ему чтение, (творение) Прохора, епископа Ростовского». Характер неизвестного памятника, время написания его старшей редакции полностью совпадают со вторым заголовком. Следовательно, неизвестное произведение, посвященное памяти митрополита Петра, принадлежит перу ростовского епископа Прохора, а так как известно, что Прохор выступал на Владимирском соборе с чтением чудес у гроба Петра, то становится ясно, что перед нами «Чтение на память митрополита Петра», прочитанное

---

[33] Макарий. История русской церкви, т. IV, стр. 312.

[34] ПСРЛ, т. XVIII. СПб., 1913, стр. 96. Запись о чуде имеет точную дату — 26 мая, что предполагает современный событию источник.

[35] В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых..., стр. 76; Макарий. История русской церкви, т. IV, стр. 308.

Прохором на соборе. Этот памятник является новым источником по истории Владимирского собора 1327 г.

Но установление того, что Прохор был автором «Чтения», снимает единственный аргумент относительно принадлежности его перу «Сказания о смерти митрополита Петра». Есть и другие данные, позволяющие установить, что «Сказание» написано не Прохором. Как отмечалось выше, имя Прохора отсутствует в заголовках списков первого извода «Сказания». Кроме того, в большинстве этих списков имеется фраза, где автор говорит о себе: «.. .тако бо бог просвети землю Суждальскую и град, зовомый Москву, и благовернаго князя Ивана, и княгиню, и дети, и раба божия старейшину града, тож и мне испроси грехов оставление».[36] Автор говорит о себе в первом лице и ставит себя ниже не только князя и его семьи, но и ниже московского тысяцкого Протасия — «старейшины града». Епископ же Прохор упоминается в «Сказании» в 3-м лице; несомненно также, что на феодальной иерархической лестнице он стоял выше Протасия. Эти наблюдения говорят о том, что епископ Прохор и автор «Сказания» — разные лица.

«Сказание» недаром названо «Преставление Петра митрополита». Рассказ о его смерти составляет примерно шестую часть всего произведения, причем в этой части описан только последний день жизни митрополита. Рассказ составлен очень подробно: описана утренняя служба митрополита, его недомогание, наказ, данный Петром Протасию, его беседа с архимандритом Федором и внезапная кончина во время вечерни. Скорее всего такое описание могло принадлежать очевидцу. Им, конечно, не мог быть ростовский епископ Прохор, — его в то время не было в Москве.[37]

Общая промосковская окраска «Сказания», что уже отмечено в литературе,[38] внимание к московскому тысяцкому, сообщение о постройке Успенского собора в Москве позволяют видеть в авторе «Сказания» неизвестного москвича, принадлежавшего к кругам, близким митрополиту Петру, Ивану Калите и тысяцкому Протасию, возможно, одного из клириков нового московского Успенского собора.[39]

Приписывая «Сказание о смерти митрополита Петра» епископу Прохору, исследователи обычно датировали его 1327—1328 г.[40] Но поскольку авторство Прохора отпадает, датировка памятника нуждается в другой аргументации. Установление точной датировки очень важно, так как совсем небезразлично, написано ли произведение до того, как Иван Калита стал великим князем (1328 г.), или после. Иначе: отражает ли «Сказание» идеи, которыми руководствовалась Москва, борясь за великое княжение, или же идеи и задачи, которые вставали перед Калитой, великим князем. Текстологическое изучение списков «Сказания» не позволяет выделить в нем каких-либо частей, написанных в разное время.[41] Автор «Ска-

---

[36] Так в древнейшем списке: ГБЛ, ф. 98, № 637, л. 452.

[37] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 90.

[38] История русской литературы, т. II, ч. 1, стр. 70—71; История русской литературы в трех томах, т. I, стр. 158—159.

[39] При Успенском соборе впервые в Москве начали вести летописные записи (История русской литературы, т. II, ч. 1, стр. 70).

[40] В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых..., стр. 76; История русской литературы, т. II, ч. 1, стр. 70.

[41] В. О. Ключевский считал заключительную фразу «Сказания» о построении в Москве Успенского собора припиской (Древнерусские жития святых..., стр. 76). Действительно, если исходить из того, что автором памятника был ростовский епископ, то трудно объяснить, почему в «Сказании» говорится о постройке Успенского собора и ничего не сказано о его освящении, которое совершал Прохор. Но если «Сказание» написано москвичом, то нет никаких данных считать заключительную фразу припиской.

зания» сообщает о постройке в Москве Успенского собора, но ничего не говорит о его освящении, последовавшем 14 августа 1327 г.[42] Учитывая внимание автора к епископу Прохору, который освящал собор, такое умолчание о факте освящения собора следует объяснить тем, что автор просто не знал о нем, оно произошло позже, т. е. «Сказание» написано до 14 августа 1327 г., примерно весной—летом этого года, до того, как Калита стал великим князем.

Источниковедческий анализ «Сказания о смерти митрополита Петра» позволяет сделать следующие выводы:

1) «Сказание» написано неизвестным москвичом весной—летом 1327 г.;

2) памятник, следующий за списками «Сказания» второго извода, — «Чтение на память митрополита Петра», прочитанное ростовским епископом Прохором на Владимирском соборе;

3) старшим следует признать первый извод «Сказания», представленный более исправными и более древними списками, младшим — второй; появление младшего извода, соединенного с «Чтением» епископа Прохора, следует поставить в связь со вторичной канонизацией Петра в 1339 г. в Константинополе, когда собиралась вся документация о митрополите.[43]

II

Иван Калита вступил на московский стол, очевидно, в конце 1325 г., после того как в Орде от руки Дмитрия Грозные Очи пал его старший брат Юрий. Но еще задолго до этого Иван Калита играл видную, хотя и не самостоятельную роль в делах Северо-Восточной Руси и имел политические связи в Золотой Орде.[44] Вокняжение Калиты произошло в весьма сложной обстановке. Дмитрий Тверской, занимавший великокняжеский престол, после убийства своего соперника был заключен в Орде под стражу. Владимирский стол фактически оказался свободным, но было неясно, как поступит хан Узбек с Дмитрием. Настораживало, что тверской князь не был немедленно предан казни за самовольное убийство.[45] Положение было таково, что при бездействии Москвы во Владимире могли укрепиться тверские князья, что неизбежно привело бы к падению авторитета московского князя. Следует думать, что именно в это время Калита предпринял некоторые шаги, чтобы получить владимирский стол.[46]

---

[42] Макарий. История русской церкви, т. IV, стр. 312; ПСРЛ, т. XV. СПб., 1863, стлб. 416.

[43] После канонизации Петра в 1339 г. празднование ему было установлено 21 декабря. Интересно отметить, что эта дата стоит во всех списках второго извода. Но некоторые списки первого извода дают иную дату — 20 декабря, что согласуется с древнейшей летописной записью (ПСРЛ, т. XVIII, стр. 90; Е. Е. Голубинский. История канонизации святых в русской церкви, изд. 2-е. М., 1903, стр. 67).

[44] П. Соколов. Русский архиерей из Византии. . ., стр. 254; А. Н. Насонов. Монголы и Русь, стр. 90.

[45] ПСРЛ, т. X. СПб., 1885, стр. 190; т. XVIII, стр. 89—90; А. Е. Пресняков. Образование Великорусского государства. Пгр., 1918, стр. 134—135; Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960, стр. 475.

[46] Следует подчеркнуть, что Калита начал борьбу за великокняжеский стол, лишь став московским князем. Л. В. Черепнин полагает, что Иван Калита уже с 1322 г. стал «добиваться власти над Русью», обосновывая свою мысль ссылкой на участие Калиты в «Ахмыловой рати» (Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках, стр. 474). Однако известия об Ахмыле рисуют его сторонником Твери и противником московских князей. Роль Калиты в походе была весьма незначительна, его положение в войске Ахмыла скорее напоминало положение заложника (ПСРЛ, т. V. изд. 1-е. СПб., 1851, стр. 210; Повесть о Петре, царевиче Ордынском. — Православный собеседник. Казань, 1859, март, стр. 574; А. Н. Насонов. Монголы и Русь, стр. 90).

Одной из основных сил, на которые мог опереться московский князь, была русская церковь. Ее глава, митрополит Петр, уже в начале 1326 г. находился в Москве.[47] Трудно объяснить этот шаг митрополита, предпринятый в последний год своей жизни. В литературе существует мнение, что причиной переезда послужили старая промосковская ориентация Петра и его личные симпатии к Ивану Калите.[48]

Вполне допустимо, что такие причины действительно были. Следует добавить, что после убийства Юрия Дмитрием и прихода на Русь в 1325 г. с татарскими войсками Александра Тверского[49] митрополит гораздо спокойнее чувствовал себя в Москве, охраняемый верным и надежным союзником, чем в стольном Владимире. Нельзя не учитывать также и еще одного обстоятельства. Уже С. Б. Веселовский, основываясь на ретроспективном анализе документов митрополичьего дома, предположил, что Петр при переезде в Москву получил от Ивана Калиты вотчину под Москвой, правда, небольшую.[50] «Сказание о смерти митрополита Петра» сообщает о владениях митрополита в самой Москве.[51] Наблюдение С. Б. Веселовского и свидетельство «Сказания» дают основания полагать, что одной из причин, побудивших Петра переехать в Москву, была его заинтересованность в расширении собственных владений. Во всяком случае факт поддержки митрополитом Петром Ивана Калиты несомненен. Из других иерархов явно промосковски был настроен ростовский епископ Прохор и, возможно, тверской Варсонофий.[52] После смерти Петра Иван Калита, еще не будучи великим князем, пытался провести своего кандидата на митрополичий стол — архимандрита Федора, но, видимо, безуспешно.[53]

Важными союзниками Москвы в указанный период являлись суздальские, ростовские и ярославские князья. Основание этого союза относится, очевидно, к 1311 г., когда на Переяславском соборе часть князей поддержала Москву.[54] Особую роль союз сыграл в 1317—1318 гг. Суздальская (Низовская) рать выступила на стороне Юрия Московского против Ми-

---

[47] Похороны князя Юрия, в которых участвовал Петр, происходили в Москве 8 февраля (в субботу первой недели поста) 1326 г. [Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. А. Н. Насонова. М.—Л., 1950 (далее: НПЛ), стр. 97].

[48] Г. Карпов. Очерки из истории российской церковной иерархии. — ЧОИДР, кн. 3. М., 1864, стр. 9; В. О. Ключевский. Сочинения в восьми томах, т. 2, стр. 23—27; Е. Е. Голубинский. История русской церкви, т. II, 1-я половина. М., 1900, стр. 141—142. П. Соколов даже считает, что этим шагом Петр приступил к непосредственной реализации своего намерения, зародившегося еще в 1312 г., «сделать из московских князей великих князей всея Руси» (Русский архиерей из Византии. . ., стр. 253—254). Впрочем, трудно согласиться с тем, что митрополит Петр был инициатором борьбы за великокняжескую власть.

[49] НПЛ, стр. 97.

[50] С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, т. 1. М.—Л., 1947, стр. 382.

[51] Макарий. История русской церкви, т. IV, стр. 311. Вместо напечатанного «домы церковная призва» следует читать «. . .приказа» (ГБЛ, ф. 98, № 637, л. 450 об.).

[52] А. Е. Пресняков. Образование Великорусского государства, стр. 124, 131, прим. 1; П. Соколов. Русский архиерей из Византии. . ., стр. 249—250.

[53] Е. Е. Голубинский. История русской церкви, т. II, 1-я половина, стр. 145; А. Е. Пресняков. Образование Великорусского государства, стр. 136. Выводы П. Соколова (Русский архиерей из Византии. . ., стр. 262—263) относительно Федора представляются в высшей степени сомнительными.

[54] На Переяславском соборе, помимо Дмитрия и Александра Тверских, участвовали «и ины князи мнози» (Макарий. История русской церкви, т. IV, стр. 310). В число этих князей входили, конечно, и суздальские, ростовские и ярославские князья. Глава их епархии епископ Симеон был единственным епископом на соборе, не считая тверского Андрея. Киприан сообщает, что в Переяславле князья и духовенство раскололись на две партии, причем Симеон поддержал Петра (ВМЧ, декабрь, дни 18—23. М., 1907, стлб. 1633—1634).

хаила Тверского, а в Орде князья этой земли составили одну коалицию с Юрием, добившись казни Михаила.[55] Когда в 1322 г. на Русь пришел «по Юриа князя» Ахмыл, то его войска прежде всего опустошили Ярославское и Ростовское княжества.[56] Позднее, в 1328 г., против мятежной Твери вместе с Калитой выступил суздальский князь Александр Васильевич, с которым московский князь вынужден был поделиться великим княжением.[57] Несмотря на всю скудость летописных известий и сообщений литературных повестей, есть все основания считать, что союз действовал и в интересующий нас период, в 1325—1327 гг.

Опираясь на своих союзников в Северо-Восточной Руси, Калита в 1326 г. пытался, видимо, добиться поддержки и в Золотой Орде. О поездке Калиты в Орду Никоновская летопись сообщает под 6833 (1325) г., о его возвращении из Орды — под 6834 (1326) г.[58] Однако еще Н. М. Карамзин, основываясь на показаниях Троицкой и Воскресенской летописей, считал эти известия Никоновской летописи неправдоподобными.[59] По-видимому, мнение Н. М. Каразмина оказалось решающим для последующих исследователей, иначе трудно объяснить тот факт, что во всех работах, касающихся московско-тверских отношений первой трети XIV в., данные Никоновского свода просто игнорируются.

Для установления достоверности интересующего нас факта — поездки Калиты в Орду в 1326 г. прежде всего необходимо определить тот источник, из которого Никоновская летопись заимствовала это сообщение, а затем установить возможно более точную хронологию события. В летописной статье 6834 (1326) г. Никоновского свода можно выделить комплекс известий, отсутствующий в других летописях: «Того же лета пострижеся во иноческий чин великая княгини Мариа. Того же лета прииде изо Орды князь Александр Михайловичь Тверский с пожалованием от царя, и сяде на великом княжении во Твери. Того же лета прииде из Орды князь велики Иван Даниловичь Московьский».

Обращает на себя внимание тверской характер известий. Великая княгиня Мария, о которой идет речь, — жена великого князя Дмитрия Михайловича Тверского, казненного в Орде 15 сентября 1326 г.[60] Сообщение о пострижении Марии имеется и в недавно опубликованном А. Н. Насоновым фрагменте Тверского летописного свода.[61] Тверская окраска выделенного нами комплекса и наличие параллельного текста в отрывке Тверского свода позволяют возводить сообщение Никоновского свода о приезде из Орды Ивана Калиты к тверскому источнику — Кашинскому своду 1425 г., отразившемуся в Никоновской летописи.[62] Сходный характер записи Никоновской летописи под 6833 (1325) г. о поездке в Орду Ивана Даниловича (он назван Московским) дает основание отнести ее к тому же тверскому источнику.[63] Определение источника Никоновского свода сви-

---

[55] ПСРЛ, т. XV, вып. 1. Пгр., 1922, стлб. 37; т. I, СПб., 1851, стр. 209, 214; т. VII, СПб., 1856, стр. 191, 196.

[56] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стлб. 41; Православный собеседник. Казань, 1859, март, стр. 574.

[57] А. Е. Пресняков. Образование Великорусского государства, стр. 138—139.

[58] ПСРЛ, т. X, стр. 190.

[59] Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. IV, прим. 258.

[60] А. В. Экземплярский. Великие и удельные князья северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г., т. II. СПб., 1891, стр. 469, 471.

[61] Археографический ежегодник за 1957 г. М., 1958, стр. 37.

[62] А. Н. Насонов. Летописные памятники Тверского княжества. — Известия АН СССР, Отделение гуманитарных наук. М.—Л., 1930, № 10, стр. 757.

[63] Ср. «Предисловие летописца княжения Тверского»: «Иван Московский грядяше и вож имь на грады тверскыа бываше» (ПСРЛ, т. XV. СПб., 1863, стлб. 466).

детельствует о достоверности сообщения о поездке Калиты в Орду в 1326 г. в чем сомневался Н. М. Карамзин.

Для установления более точного времени поездки в Орду и возвращения Ивана Калиты важное значение имеет рассмотрение хронологии интересующих нас известий Никоновской летописи. Ее составитель придерживался сентябрьского летосчисления, но, беря материал из разных источников, не всегда выдерживал точный порядок событий. Не являются исключениями и статьи 6833—6834 гг. Под 6833 г. должны были бы быть описаны события 1 сентября 1324—31 августа 1325 г., а описаны события осени 1325—августа 1326 г.; под 6834 г. — события 1 сентября 1325—31 августа 1326 г., а описаны события первых месяцев—декабря 1326 г.[64] Поскольку в записи 6833 г. Калита назван Московским, то очевидно, что поездку в Орду он совершил, уже будучи московским князем, т. е. не раньше зимы 1325/26 г.[65]

Известно, однако, что Калита присутствовал при похоронах Юрия, которые происходили в субботу первой недели поста 1326 г., т. е. 8 февраля, и при закладке Успенского собора в Москве 4 августа этого же года.[66] Поэтому можно думать, что до начала августа 1326 г. Калита находился в Москве, а поездку в Орду предпринял после закладки Успенского собора. Такое время поездки в Орду подтверждается и уточняется данными «Сказания о смерти митрополита Петра», которое свидетельствует, что «благоверного князя» Ивана Даниловича не было в Москве во время смерти Петра и что князь успел только на его погребение 21 (20) декабря 1326 г.[67] Следовательно, время поездки Ивана Калиты в Орду приходится на начало августа—конец декабря 1326 г. Поездка была довольно кратковременной, она продолжалась немногим более 4, 5 месяцев, но значение ее весьма велико.

Прежде всего напрашивается мысль, что поездка Калиты ускорила казнь Дмитрия Тверского, последовавшую 15 сентября 1326 г.[68] Установление факта поездки Калиты в Орду объясняет ряд событий последующего времени. Становится понятным, почему разгромленные 15 августа 1327 г. в Твери остатки отряда Щелкана бегут именно в Москву, почему хан Узбек, узнав о гибели Щелкана, вызывает к себе в Орду Ивана Калиту.[69] Возможно, происками Калиты объясняется и сама посылка в Тверь Щелкана. Во всяком случае несомненно, что поездка Ивана Калиты в Орду в 1326 г. была связана с его борьбой против тверских князей за владимирский великокняжеский престол. Но полностью достичь своих целей в Орде Калита так и не смог. После казни Дмитрия великокняжеский престол был отдан Узбеком брату казненного — Александру Михайловичу Тверскому. Смерть митрополита Петра лишила Калиту важного союзника.

В этих условиях Калита несколько меняет формы борьбы с тверским князем. Продолжая старую политику укрепления союза с церковью (вы-

---

[64] Первое известие статьи 6833 г. Никоновской летописи — о поездке в Орду Дмитрия Тверского должно быть датировано октябрем 1325 г. 21 ноября этого года уже в Орде Дмитрий убил Юрия Московского. До Орды доезжали примерно за месяц (К. В. Кудряшов. Половецкая степь. М., 1948, стр. 18—19). Последнее известие этой статьи — о закладке Успенского собора в Москве датируется 4 августа 1326 г. (ПСРЛ, т. XVIII, стр. 89). Первое известие статьи 6834 г. — о возвращении из Москвы в Новгород архиепископа Моисея датируется 18 марта (вторник вербной недели) 1326 г. (НПЛ, стр. 97), последнее известие — о смерти митрополита Петра — 20 декабря 1326 г. (ПСРЛ, т. XVIII, стр. 90).

[65] Юрий Данилович был убит 21 ноября 1325 г. (ПСРЛ, т. XVIII, стр. 89).

[66] НПЛ, стр. 97; ПСРЛ, т. XVIII, стр. 89.

[67] Макарий. История русской церкви, т. IV, стр. 311.

[68] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стлб. 42.

[69] Там же, стлб. 43; ПСРЛ, т. X, стр. 194.

движение на митрополичий стол своего ставленника — архимандрита Федора) и ростовско-суздальскими князьями (об этом ниже), московский князь с помощью мероприятий идеологического характера стремится поднять авторитет своего княжества и подвести идейную базу под свои военно-политические союзы. С этой точки зрения важное значение имело строительство Успенского собора в Москве, начатое 4 августа 1326 г. и оконченное летом следующего года. 14 августа 1327 г. собор был торжественно освящен ростовским епископом Прохором, представителем союзных Москве князей, после смерти Петра и до приезда митрополита Феогноста, очевидно, возглавлявшим русскую церковь.[70] Не приходится сомневаться в том, что строительство в Москве собора, подсказанное Калите Петром, а также создание здесь митрополичьей усыпальницы, изготовленной Петром собственными руками, свидетельствуют о желании последнего сделать Москву церковным центром Руси. Создание собора в сложной обстановке 1326—1327 гг., когда митрополичья кафедра еще оставалась незанятой, было насущной необходимостью для московского князя, и вскоре после смерти Петра собор был построен. Недаром так ликует автор «Сказания о смерти Петра митрополита»: «И вот снова другое чудо: создана церковь вскоре великим князем Иваном и молитвою святой богородицы и божьего угодника святого святителя Петра митрополита».[71] Дело шло не только о создании большого храма для торжественных митрополичьих служб. Ведь до постройки собора митрополит и другие церковные иерархи даже в таких торжественных случаях, как поставление на владычество новгородского архиепископа Моисея или отпевание Юрия, вполне удовлетворялись алтарями деревянных московских церквей. Дело шло о создании культа богородицы — заступницы Москвы. Эта специфическая форма средневековой идеологии, харктерная для периода феодальной раздробленности, развилась и получила законченное выражение в течение последующего времени,[72] служа уже целям объединения русских земель вокруг Москвы, но зародилась она именно в напряженный период борьбы Москвы за великое княжение в конце 20-х годов XIV в., и, возвышая и прославляя Московское княжество, служила целям этой борьбы.

Но наиболее важными мероприятиями Ивана Калиты в том же направлении явились канонизация митрополита Петра на Владимирском соборе 1327 г. и написание в связи с этим «Сказания» о его смерти.

III

Канонизацию митрополита Петра и написание «Сказания» о его смерти следует рассматривать как события большого идеологического и политического значения для московских князей. Следует заметить, что Москва не имела таких глубоких письменных и литературных традиций, как Новгород Великий, Псков, Смоленск, Ростов, Тверь, Владимир и другие древние русские города. Московские князья, с начала XIV в. упорно боровшиеся с тверскими князьями за великое княжение Владимирское, долгое время не имели собственной литературы, которая бы указывала на место Москвы среди других княжеств, не обосновывали идеологически своих прав на владимирский стол. Идеология Москвы отставала от ее полити-

---

[70] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стлб. 42.

[71] Перевод. См.: Макарий. История русской церкви, т. IV, стр. 312. Вместо напечатанного «в сборе» следует читать «въскоре» (ГБЛ, ф. 98, № 637, л. 452).

[72] Н. М. Никольский. История русской церкви. М., 1930, стр. 56; А. И. Клибанов. Реформационные движения в России..., стр. 87.

ческих успехов. Даже важнейший институт времени феодальной раздробленности — культ местных святых отсутствовал в Москве.

Между тем в Новгороде Великом, Ростове, Владимире, Рязани почитание местных святых, обычно церковных иерархов или князей, давно существовало. В Твери незадолго до канонизации Петра появилась повесть, прославляющая своего князя Михаила Ярославича. Этим подымался престиж тверских князей, грозных соперников Москвы. Москва позже других крупных русских княжеств приступила к выработке своей идеологии, но приступила сразу и в нескольких направлениях. Выше говорилось о значении строительства в Москве Успенского собора. Подобные цели преследовали канонизация Петра и посвященное ему «Сказание».

«Сказание» — единственный источник, сообщающий о канонизации митрополита на Владимирском соборе.[73] Последний не получил освещения в литературе. Исследователи, привлекавшие «Сказание» в качестве источника по истории Руси первой четверти XIV в., не придавали значения этому собору. Теперь известны два источника, по которым в некоторой степени можно воссоздать историю собора: «Сказание» и «Чтение» епископа Прохора. Прежде всего остановимся на составе и цели созыва Владимирского собора, что поможет точнее определить время его действия.

«Сказание» называет собор во Владимире «святым» очевидно, потому, что на нем были представлены духовные лица.[74] Действительно, его участником был ростовский епископ Прохор. Кроме того, тот же источник сообщает, что во время чтения Прохором чудес у гроба Петра во владимирском Успенском соборе находились великий князь Александр и «весь народ».[75] Несомненно, это тоже участники собора. Таким образом, на Владимирском соборе были представлены светские и духовные лица.

Известно только одно деяние этого собора: канонизация Петра. Ее инициатором явился Иван Калита. Автор «Сказания» прямо пишет о том, что «благоверный князь Иван написав та чюда (у гроба Петра, — *В. К.*) и посла в град Володимер к святому збору».[76]

На первый взгляд кажется, что и инициатива созыва собора принадлежала Ивану Калите. Но приведенная выше фраза «Сказания», пожалуй, скорее говорит о том, что в Москве составили описание чудес к уже открывшемуся собору, а не к проектируемому. Кроме того, непонятно, почему сам Иван Калита не поехал во Владимир и почему на соборе присутствовал великий князь Александр Тверской. Да и как мог московский князь, не будучи великим князем, созывать собор в стольном городе Владимире? Видимо, инициатива созыва собора принадлежала не Ивану Калите, Калита являлся только инициатором канонизации Петра на этом соборе. Можно думать, что собор во Владимире собрался по случаю посажения на великокняжеский стол Александра Тверского. Такое допущение объясняет состав собора, присутствие на нем князя Александра и ростовского епископа Прохора, после смерти Петра возглавлявшего русскую церковь и выполнявшего, очевидно, обряд посажения на великокняжеский стол тверского князя. Такой характер собора помогает объяснить и отсут-

---

[73] Для причтения к лику святых требовалось, чтобы при жизни или после смерти святых совершились какие-либо чудеса (Е. Е. Голубинский. История канонизации святых в русской церкви, изд. 2-е, стр. 40—41). Посылка во Владимир описания чудес у гроба Петра и преследовала цель канонизировать митрополита. Именно о канонизации Петра на Владимирском соборе говорит и П. Соколов (Русский архиерей из Византии. . ., стр. 257—258).

[74] Макарий. История русской церкви, т. IV, стр. 312.

[75] ГБЛ, ф. 98, № 637, л. 451 об.

[76] Там же.

ствие на нем Ивана Калиты, а также точнее установить время действия собора.

Как явствует из «Сказания» и из «Чтения на память митрополита Петра», чудо с юношей, имевшим «прикорченные руки», было уже известно на соборе. Исцеление произошло спустя 20 дней после похорон Петра, числа 9—10 января 1327 г.; следовательно, собор был созван позднее. Договор князя Александра Тверского с Новгородом Великим, заключенный до 12 апреля 1327 г., называет Александра великим князем.[77] Если посажение Александра происходило на Владимирском соборе, то собор можно датировать временем между 9 января—12 апреля 1327 г. Александр Тверской вернулся из Орды примерно в одно время с Иваном Калитой, т. е. в конце 1326—начале 1327 г.[78] Посажение его на великокняжеский стол не могло быть отложено на долгий срок, оно должно было состояться примерно тогда, когда действовал Владимирский собор.

Несомненно, что прославление митрополита Петра на Владимирском соборе следует расценить как акцию московского князя, преследовавшего определенные политические цели. В этом убеждает анализ чудес, будто бы происшедших у гроба митрополита Петра. «Чтение на память митрополита Петра» епископа Прохора намекает на многие чудеса у гроба Петра,[79] но перечисляет некоторые: «хромым дает ходити и слепым прозрети; руце к персем прикорчишася мужа исцели».[80] «Сказание о смерти митрополита Петра», написанное несколько позже, сообщает о следующих чудесах: 1) явление митрополита некоему «иноверцу», видевшему Петра сидящим на гробу; 2) исцеление хромых; 3) исцеление «юноши с прикорченными руками», случившееся через 20 дней после похорон Петра; 4) чудо с горбуном, получившим простриние (выпрямление) от гроба митрополита; 5) прозрение слепого. После этого «Сказание» добавляет, что и «ина исцеления быша от гроба его».[81]

Сравним рассказы о чудесах «Чтения» и «Сказания». О чудесах с хромыми и с «мужем с прикорченными руками» говорят оба памятника. Дальше идут различия. «Чтение» сообщает о прозрении нескольких слепых, «Сказание» — о прозрении одного человека. Только в «Сказании» рассказывается об исцелении горбатого. Явление Петра некоему «иноверцу», записанное в «Сказании», стало известно на Владимирском соборе уже после выступления Прохора. И «Чтение», и «Сказание» глухо говорят о других чудесах у гроба Петра. Из легенд о чудесах только рассказ об исцелении «юноши с прикорченными руками», гораздо более пространный, чем остальные, и точно датированный, возможно, имел какую-то реальную основу. Остальные легенды в «Чтении» и «Сказании», изложенные весьма скупо и непоследовательно, явно литературного происхождения. Исцеле-

[77] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.—Л., 1949, стр. 27. Л. В. Черепнин, а за ним А. А. Зимин датируют этот договор 12 апреля—15 августа 1327 г. (Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV веков, т. 2. М.—Л., 1948, стр. 301; А. А. Зимин. О хронологии договорных грамот Великого Новгорода с князьями XIII—XV вв. — Проблемы источниковедения, т. V. М., 1956, стр. 313). Более точную дату дает Н. М. Карамзин — до пасхи 1327 г. (История государства Российского, т. IV, прим. 260). Действительно, фраза договора: «что продано княжих волостии до велика дня, а што будеть не продано по велице дни, то по целованью поведати» — говорит о том, что договор заключен до «великого дня» (пасхи), приходившегося в 1327 г. на 12 апреля, или даже в самый день пасхи.

[78] ПСРЛ, т. X, стр. 190.

[79] «Тем же сияет ныне в славе его, — паче сиянья солнечнаго и в памят его дивнаа велика чюдеса» (Христианское чтение. СПб., 1909, август—сентябрь, стр. 1115).

[80] Там же.

[81] Макарий. История русской церкви, т. IV, стр. 312; ГБЛ, ф. 98, № 637, л. 451—451 об.

ния хромых, слепых и горбатых фигурировали почти в каждом житии святых,[82] эти чудеса заимствовались из Евангелия,[83] и в этом отношении чудеса у гроба Петра не составляют исключения.

Настоящим «творцом» «исцелений» являлся Иван Калита, принимавший непосредственное участие в составлении описания чудес и отсылке его на Владимирский собор. Видимо, Калита был заинтересован в том, чтобы на Владимирском соборе провести канонизацию Петра. Любопытная деталь «Сказания» позволяет подкрепить это наблюдение. «Сказание» сообщает, что после выступления Прохора некий «иноверец», присутствовавший на соборе, стал «глаголать» о явлении ему Петра во время похорон. Будто бы Петр сидел на своем гробу и благословлял «носящая одр и благоверного князя Ивана, и весь род его, и вся христианы». Чудо случилось в Москве, но почему-то впервые стало известно на Владимирском соборе — обстоятельство весьма загадочное. Рассказ неизвестного заставил удивиться (по словам автора «Сказания») даже великого князя Александра Тверского. Очевидно, именно на это он и был рассчитан. Рассказ усиливал впечатление после «Чтения» Прохора. Бросается в глаза явно промосковская окраска чуда, прославляющего, по сути дела, Ивана Калиту. Напрашивается мысль, что это выступление «иноверца» на Владимирском соборе (если оно и имело место) было инспирировано московским князем так же, как им были организованы чудеса у гроба Петра, как было подготовлено выступление ростовского епископа Прохора на соборе.

Очевидно, Калита хотел во что бы то ни стало добиться канонизации Петра на Владимирском соборе. Делалось это вовсе не из каких-нибудь благочестивых соображений — история с чудесами показывает, как далек был московский князь от этого; канонизация Петра и прославление самого Ивана во Владимире в присутствии великого князя Александра Тверского преследовали политические цели. На глазах тверского князя подымался авторитет его соперницы Москвы, святым делался митрополит, при жизни известный своими промосковскими симпатиями и имевший ряд резких столкновений с тверскими князьями.

Однако не только этого добивался Калита. Его расчеты шли дальше. Канонизацией Петра бог, по словам «Сказания», «просвети землю Суждальскую и град, зовомый Москву».[84] «Просвещалась» не вся Русь, а только ярославо-ростово-суздальские князья — союзники Москвы. Фраза «Сказания» свидетельствует о том, что союз Москвы с Суздальской землей, о котором говорилось выше, действовал не только до и после, но и в 1327 г. Объявление Петра святым, по мысли московского князя, должно было подвести идейную базу под этот союз. Твери противостояла не одна Москва — для этого она была недостаточно сильна, — а целый союз княжеств.

Видимо, с этим союзом Александру Тверскому пришлось столкнуться уже на Владимирском соборе, и пока что мирная проба сил закончилась не в его пользу: Петр был объявлен святым. При этом весьма характерно, что Москва и ее союзники еще не противопоставляют себя резко Твери. «Чтение» епископа Прохора, довольно яркое по содержанию, осуждающее различные пороки, правда пороки «вечные» с церковной точки зрения, могло быть понято современниками как осуждение порядков на Руси как

---

[82] Ср.: С. Бугославський. Пам'ятки XI—XVIII вв. про князів Бориса та Гліба. У Київі, 1928, стр. 15, 69, 134.

[83] Евангелие от Матф., XI, 5.

[84] ГБЛ, ф. 98, № 637, л. 451 об.; Макарий. История русской церкви, т. IV, стр. 312.

раз в великое княжение Александра, однако речь епископа-дипломата[85] была составлена по обычному, широко распространенному шаблону, образцы которого мы находим в различных русских рукописях XII—XV вв. Показательно также, что, говоря о святости Петра, Прохор не связывает прославление митрополита с каким-либо определенным княжеством, тем более со всей Русью.[86] Осторожность выступления Прохора и отсутствие в этот период прямых выпадов против Твери со стороны Москвы понятны: идти на открытый конфликт с великим князем — ханским ставленником было опасно. Калита действует иными путями и небезуспешно.

Подведем некоторые итоги: 1) большинство чудес у гроба митрополита Петра, описанных в «Сказании» и послуживших правовой основой причтения митрополита к лику святых, составлено по обычному литературному трафарету; в составлении чудес принимал участие Иван Калита; 2) канонизация Петра на Владимирском соборе в присутствии великого князя Александра Тверского преследовала политические цели; они заключались в прославлении Москвы и ее союзников — князей Суздальской земли; новый святой скреплял это единство, направленное против Твери.

IV

Канонизацией митрополита Петра Москва открывала пантеон своих святых. Интересно отметить, что канонизован был не местный князь, а именно митрополит, деятель общерусского масштаба. Подобное обстоятельство делало возможным более широкое почитание Петра. Впрочем, это случилось далеко не сразу. Первоначально Петр был только московским святым,[87] хотя уже в «Сказании» делались попытки объявить его святым и всей Суздальской земли. Лишь в конце XV—начале XVI в. почитание Петра получило более широкое распространение, а московские великие князья, ставшие «государями всея Руси», объявили его основателем политического могущества Москвы.[88] Такой взгляд на Петра, будто бы сумевшего понять будущее величие московских князей, и на Москву второй четверти XIV в. как на носительницу общерусских идей утверждался в XVI в. идеологами Русского централизованного государства, столицей которого стала Москва. Анализ основных идей «Сказания» помогает лучше уяснить те задачи, которые ставили перед собой московские идеологи и политики в начальный период борьбы Москвы за великое княжение.

Как известно, канонизация святого требовала написания его жития. Очевидно, «Сказание» и должно было сыграть роль такого сочинения. Но недаром в заголовке этого произведения нет слова «житие». Характерной особенностью «Сказания» является то, что личные достоинства митрополита расписываются лишь тогда, когда речь идет о важных политических событиях, причем события выбраны такие, которые кончались в пользу Петра или Москвы. С этой же целью автор «Сказания»

---

[85] В 1319 г. Прохор по поручению князя Юрия ездил с мирными предложениями в Тверь (ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стлб. 40).

[86] Совершенно в другом духе говорит о Петре автор приписки к «Чтению» епископа Прохора. Он прославляет митрополита именно как московского святого. Характерно, что для этого использована похвальная формула митрополита Илариона, весьма распространенная в московской литературе XIV в.

[87] В. Васильев. История канонизации русских святых. — ЧОИДР. М., 1893, кн. 3, стр. 85.

[88] Некоторые данные о почитании Петра после его смерти приводит Е. Е. Голубинский (История русской церкви, т. II, 1-я половина, стр. 143—144) и Н. М. Никольский (История русской церкви, стр. 55).

прибегает в наиболее ответственных местах рассказа к чудесам, которые должны были показать положительное или отрицательное отношение провидения к действиям тех или иных русских князей и церковных иерархов. Так, по воле автора, вообще плохо знакомого с галицким периодом деятельности Петра, — основной фигуры «Сказания», еще до появления на свет будущего митрополита его матери приснился «чудесный» сон-аллегория, как бы предопределивший жизненный путь ее сына. С первых слов повествования автор ясно давал понять слушателям и читателям, что жизнь и деятельность Петра с самого начала были угодны богу. В описании кульминационного момента в жизни Петра — борьбы за митрополичий стол чудеса помогают ему стать митрополитом. Игумен же Геронтий — основной соперник Петра благодаря тому же «чудесному» вмешательству не достигает своих целей.

В «Сказании» нет ни слова о том, что Петр был ставленником галицкого князя, что при его поддержке смог занять русскую кафедру.[89] Вообще, деятельность Петра всячески идеализируется в «Сказании». Рассказывается о его заботах по упрочению христианства на Руси, но ничего не говорится о его участии в междоусобных столкновениях русских князей;[90] замалчивается факт враждебной встречи Петра в Северо-Восточной Руси, зато описана его победа на Переяславском соборе 1311 г., причем причины победы — поддержка московских и ростово-суздальских князей — скрыты. Даже переезд Петра в Москву объясняется как продиктованный чисто моральными соображениями: «обрете град честен кротостью».[91] Поездка Петра в Орду, поддержка им Юрия Московского в борьбе последнего с тверскими князьями совершенно опущены.[92] Вместе с Петром «Сказание» прославляет Москву, ее «благочестивого» и «благоверного» князя Ивана Калиту, «весь род его», а также московского тысяцкого Протасия, который «бе на нищаа милостив и милосерд сердцем».[93]

Сочувственно нарисованы неизвестным автором-москвичом образы ростовских владык: «преподобный епископ Симеон» и «преподобный епископ Прохор». Внимание к ним станет понятным, если учесть их промосковскую роль на Переяславском соборе и вспомнить о существовании в это время московско-ростовского союза.

Примечательно отношение автора «Сказания» к татарам. Как было установлено выше, Калита в 1326 г. ездил в Орду, пытаясь заручиться поддержкой татар. Хорошо известно, что в последующей своей деятельности московский князь неоднократно прибегал к их помощи. Но в «Сказании» прямо о связях с татарами Петра или Ивана Калиты нигде не говорится. Замечено только, что по приезде в Северо-Восточную Русь новопоставленный митрополит начал учить «залбужшаа крестьяны, ослабевшаа нужда ради поганых иноверець».[94] Видимо, речь идет о татарах, незадолго до приезда Петра опустошивших Русскую землю. Летопись сообщает о двух походах татар на Русь, имевших место после смерти митрополита Максима и до приезда Петра: в 1305 г. «была на осень Таирова рать», а в 1308 г. татары воевали Рязань.[95] Трудно сказать, какие поли-

[89] Макарий. История русской церкви, т. IV, стр. 15; А. Е. Пресняков. Образование Великорусского государства, стр. 122.
[90] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 87.
[91] Макарий. История русской церкви, т. IV, стр. 310.
[92] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 87—88; А. А. Шахматов. Заметка об одном малоизвестном поучении митрополита Петра. — В кн.: А. А. Шахматов. Сборник статей и материалов. М.—Л., 1947, стр. 162—163.
[93] Макарий. История русской церкви, т. IV, стр. 311.
[94] Там же, стр. 309.
[95] ПСРЛ, т. X, стр. 176.

тические цели преследовали эти набеги татар, какого князя хотела поддержать Орда, но ясно, что отношение автора «Сказания» к «поганым иноверцам», приходившим на Русь во времена великого княжения Михаила Ярославича Тверского, отрицательное.

Однако обращает на себя внимание рассказ «Сказания» о последней литургии Петра. Митрополит молился за здоровье «благоверных царех и за благовернаго князя Ивана», его семью и т. д., а также за «усопшаа царии, за вся благоверныя князи» и за всех умерших.[96] О каких же царях, упоминаемых прежде самого московского князя, идет речь? Источники того времени таким термином обычно называют золотоордынских ханов. По-видимому, их и следует видеть в «царях» приведенного текста. Упоминание ханов в церковной службе объяснимо. Как известно, в золотоордынских ярлыках, выданных русским митрополитам и предоставлявших им значительные льготы, содержалось требование молитв за здоровье ханов и их семей.[97] По остроумному замечанию М. Н. Покровского, «молитва, конечно, предполагалась публичная, официальная, а не частная, про себя».[98] О таком случае моления за хана и сообщает «Сказание». Не должен смущать и эпитет «благоверный» по отношению к хану. Он мог быть вставлен позднейшим переписчиком.[99] Таким образом, можно констатировать двойственное отношение к татарам в «Сказании». Неизвестный москвич осуждает «поганых иноверцев», опустошивших Русь во времена хана Тохты и великого князя Михаила Тверского, но почтительно относится к хану Узбеку, за которого молится митрополит Петр.

При беглом ознакомлении с памятником его яркая промосковская окраска сразу бросается в глаза. Менее заметна антитверская направленность «Сказания». Но она обнаруживается при детальном рассмотрении произведения и сопоставления его с другими источниками.

Не приходится сомневаться в том, что автор «Сказания» резко осуждает попытку игумена Геронтия стать митрополитом. Исследователи совершенно справедливо полагают, что за спиной этого игумена, «дерзнувшего» взять из митрополичьей ризницы во Владимире знаки митрополичьей власти, стояли великий князь Михаил Тверской и часть русского духовенства.[100] Тем показательнее отношение к Геронтию «Сказания». Там рассказывается, что во время путешествия Геронтия для поставления в митрополиты ему явилась икона, которую написал Петр, еще будучи ратским игуменом, и предрекла неудачу в Константинополе. Вслед за тем разразилась буря, которая задержала Геронтия в пути и дала возможность Петру раньше прибыть к патриарху. Так, с помощью чудес автор показал обреченность замыслов Геронтия и всю бесплодность затеи его высоких покровителей. Другое историческое лицо, которое представлено в невыгодном свете в «Сказании», — тверской епископ Андрей. Его выступление на Переяславском соборе в 1311 г. против Петра, по словам «Сказания», окончилось полной неудачей.

В дальнейшем автор «Сказания» сообщает, что митрополит приехал к какому-то еретику, победил его в споре, а затем проклял. В различных

---

[96] ГБЛ, ф. 98, № 637, л. 449 об.

[97] Памятники русского права, вып. III. М., 1955, стр. 463—491.

[98] М. Н. Покровский. Русская история с древнейших времен, т. I. Соцэкгиз, М., 1933, стр. 129.

[99] Ср. в вышеприведенной цитате «усопшаа царии» без эпитета «благоверные».

[100] Макарий. История русской церкви, т. IV, стр. 15; Е. Е. Голубинский. История русской церкви, т. II, 1-я половина, стр. 100—101; Очерки истории СССР. XIV—XV вв. М., 1953, стр. 195. Непонятно утверждение авторов «Очерков», что Геронтий был тверским епископом.

списках «Сказания» это место читается по-разному: «и се тако еретика препре» или «и Сеита еретика препре».[101] Трактовка фразы вызвала довольно большую литературу.[102] Преобладает мнение, что Петр проклял еретика Сеита, возможно, крещеного татарина. Однако такая точка зрения не основана на всех списках «Сказания», а из двух приведенных вариантов предпочесть один без привлечения других источников трудно. Митрополит Киприан, в конце XIV—начале XV в. составивший на основании «Сказания» и других источников новое жизнеописание Петра, сообщает, что Петр проклял именно Андрея.[103] Следует склониться к мысли, что под «еретиком» «Сказания» следует понимать тверского епископа Андрея. Да и чтение «Сеита еретика» вызывает возражение. Почему нельзя читать «се и та еретика», примерно так, как в других списках «Сказания» («се тако еретика»)? Указание на «того» еретика будет понятным: выше в «Сказании» говорится как раз об Андрее. Если проследить судьбу тверского владыки, то его уход с кафедры кажется странным и неожиданным. Попытки сместить Андрея с кафедры начались вскоре после Переяславского собора.[104] Видимо, они исходили от Петра. Однако поддержка Михаилом Тверским своего епископа долгое время сводила эти попытки на нет. Только под 1316 г. летопись, не называя причины и повода, сообщает об уходе Андрея в монастырь.[105] Время ухода Андрея весьма показательно. Это был период очень напряженной борьбы Михаила Тверского с Новгородом Великим и Москвой.[106] Очевидно, в этих условиях, желая как-то договориться с Москвой, Михаил вынужден был поступиться Андреем и принять ставленника Петра — Варсонофия. Но после убийства в Орде Михаила, в момент ожесточенных столкновений между Дмитрием Тверским и Юрием Московским, Андрей снова возвращается на владычный стол и принимает активное участие в политической жизни.[107] Андрей умер в 1323 г. и был похоронен с большими почестями в тверском Спасском соборе, в усыпальнице местных князей и владык.[108] В Твери долго помнили своего епископа, отмечали день его смерти, возможно, читали его произведения.[109] Приведенные факты показывают, что Андрей был крупным церковным и поли-

[101] Ср.: ГБЛ, ф. 98, № 637, лл. 448 об.—449 и ф. 310, № 565, л. 44 об.: «и се и тя еретика препре»; ф. 37, № 430, л. 178: «и се и та еретика препре»; ф. 304, № 786, л. 303: «и си и тя еретика препре»; ф. 37, № 237, л. 336 об.: «се ти еретика препре».

[102] В. Н. Татищев. История Российская с самых древнейших времен, т. IV, стр. 92—93; М. Н. Карамзин. История государства Российского, т. IV, стр. 194; Н. Руднев. Рассуждение о ересях и расколах, бывших в русской церкви со времени Владимира Великого до Иоанна Грозного. М., 1838, стр. 69—73; И. Григорович. Историческое исследование о соборах, бывших в России, со времени введения в оную христианской веры до восшествия на престол царя Иоанна IV. — ЛЗАК (1862—1863), вып. II. СПб., 1864, Приложение, стр. 32; Макарий. История русской церкви, т. IV, стр. 312—313; Е. Е. Голубинский. История русской церкви, т. II, 1-я половина, стр. 130—131; П. Соколов. Русский архиерей из Византии..., стр. 235.

[103] «В то же время и сей т еретик Андреи епископ Тферьскый явися, учюждаа церкви Христовы, и православныа веры мудрьствуя, его же святый Петр препре божествеными писании, и непокоряющася того, проклятию предасть, иже и зле погыбе» (ВМЧ, декабрь, дни 18—23, стлб. 1634—1635).

[104] П. Соколов. Русский архиерей из Византии..., стр. 235.

[105] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стлб. 36; т. XV, СПб., 1863, стлб. 408.

[106] 10 февраля 1316 г. Михаил Тверской взял Торжок, захватив новгородских бояр и московских наместников; Андрей ушел с кафедры 28 марта 1316 г. Позже в этом же году Михаил предпринял неудачный поход на Новгород (ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стлб. 36).

[107] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стлб. 41; т. XV, СПб., 1863, стлб. 414.

[108] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стлб. 42; т. XV, СПб., 1863, стлб. 414.

[109] ПСРЛ, т. XV, СПб., 1863, стлб. 466. В одном прологе 1323 г. имеется запись о поминании Андрея (И. И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка, изд. 2-е. СПб., 1882, стлб. 180).

тическим деятелем, противником митрополита и Москвы. Его уход с кафедры в 1316 г., вероятно, был следствием действий Петра. И если действительно «еретик «Сказания» — Андрей, то это лишний штрих в той отрицательной характеристике, которую дал тверскому епископу неизвестный москвич.

Итак, «Сказание» совершенно недвусмысленно осуждает двух видных деятелей первой четверти XIV в. — Геронтия и Андрея. Но осуждая их, «Сказание» бросает густую тень на тверских князей, чью политику проводили оба церковника.

Интересно проследить, как показаны в московском памятнике сами тверские князья. Их титулы не умаляются, они названы великими князьями, прямые выпады против Твери отсутствуют. Такое внешне лояльное отношение к тверским князьям весьма характерно. «Сказание» было написано в период великого княжения Александра Тверского, поставленного золотоордынским ханом, поэтому-то идеолог московского князя и не допускает откровенно-враждебных выпадов против Твери. Но при всем этом знаменательно, что тверские князья появляются в «Сказании», чтобы присутствовать на соборах, кончающихся их поражением! Политическая обстановка, в которой писал неизвестный москвич, не позволяла ему резко выступить против Твери, т. е. против великого князя Владимирского, но его «Сказание» содержало достаточно много прозрачных намеков, понятных современникам.

Идеализируя митрополита Петра и Ивана Калиту, подчеркивая дружественное отношение к церковным иерархам и князьям Суздальской земли, осторожно говоря о татарах, намеками критикуя тверских князей, московский идеолог первой трети XIV в. как нельзя лучше передал цели и даже самый дух политики своего князя. Трудно в действиях московских князей указанного периода искать общерусских помыслов. Не найдем мы это и в «Сказании». Вступивший на московский стол в 1325 г. Калита стремился прежде всего получить великое княжение Владимирское, а для этого надо было одержать верх над Александром Тверским. Последней цели служили военные союзы Калиты, его тесные связи с церковью, различные мероприятия идеологического характера. Первые московские идеологи защищали свои, чисто московские интересы, связывая их с интересами других княжеств постольку, поскольку последние совпадали с видами их князя. В роли передовой носительницы общерусских идей Москва выступила позднее, когда она действительно стала собирательницей русских земель, когда начало складываться Русское централизованное государство.

Ф. ЛИЛИЕНФЕЛЬД

О литературном жанре некоторых сочинений Нила Сорского

I

Несмотря на то что значение творчества Нила Сорского в истории древней русской литературы не раз отмечалось в науке,[1] произведения его почти не исследовались с точки зрения их литературной формы. В буржуазной исторической и литературоведческой науке XIX в. Нил Сорский изучался главным образом как представитель «либерального» направления в общественной мысли древней Руси.[2] Советские ученые старались раскрыть классовое значение борьбы между приверженцами Нила Сорского и иосифлянами[3] и пришли в последнее время к весьма интересным выводам и наблюдениям.[4]

Говоря о сочинениях Нила Сорского (в частности, о его «Уставе» и «Предании»), исследователи, в сущности, не задумывались над тем, каков их литературный жанр. Определение литературного жанра сочинений Нила и их специфических особенностей по сравнению с современными им и более ранними памятниками может многое объяснить в характере его творчества.

Список сочинений Нила Сорского был составлен в свое время А. С. Архангельским.[5] В этот список внесла поправки М. С. Боров-

---

[1] История русской литературы, т. II, ч. 1. М.—Л., 1945, стр. 320—321; Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси. М.—Л., 1958, стр. 85—86.

[2] В. Жмакин. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881, стр. 33—35, 107; А. Н. Пыпин. История русской литературы, т. II. СПб., 1898, стр. 104—115. Ср.: Я. С. Лурье. К вопросу об идеологии Нила Сорского. — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 183—185.

[3] См.: Б. А. Рыбаков. Воинствующие церковники XVI в. — Антирелигиозник. М., 1934, № 3, стр. 24; И. Будовниц. Русская публицистика XVI в. М.—Л., 1947, стр. 81; Очерки истории СССР, период феодализма, конец XV—начало XVII в. М., 1955, стр. 176; Я. С. Лурье. К вопросу об идеологии Нила Сорского, стр. 186.

[4] Имею в виду исследования А. А. Зимина и Я. С. Лурье. См.: А. А. Зимин. О политической доктрине Иосифа Волоцкого. — ТОДРЛ, т. IX. М.—Л., 1952, стр. 159—177; Я. С. Лурье. 1) Краткая редакция «Устава» Иосифа Волоцкого — памятник идеологии раннего иосифлянства. — ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 116—136; 2) К вопросу об идеологии Нила Сорского, стр. 182—212; 3) Борьба церкви с великокняжеской властью в конце 70—первой половине 80-х годов XV в. — ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 219—228. См. также: Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI в. М.—Л., 1955; Н. А. Казакова. Борьба против монастырского землевладения на Руси в конце XV—начале XVI в. — Ежегодник Музея истории религии и атеизма, т. II. М.—Л., 1958, стр. 151—171. Итоги новейшей книги Я. С. Лурье «Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в.» (М.—Л., 1960), только что полученной мною, уже не могли быть привлечены для настоящей работы.

[5] См.: А. С. Архангельский. Нил Сорский и Вассиан Патрикеев, их литературные труды и идеи в древней Руси. Историко-литературный очерк. Ч. 1. Преподобный Нил Сорский. — ПДП, т. XXV. СПб., 1882 (далее: А. С. Архангельский. Нил Сорский), стр. 48 и сл.

кова-Майкова,[6] а за последнее время Я. С. Лурье[7] и автор этой статьи.[8]

Произведения Нила Сорского могут быть разделены на четыре группы: а) «11 глав» (так называемый «Устав»), «Предание» («Малый устав»), Завещание;[9] б) послания; в) молитва; г) отрывки на разные темы, отчасти отвечающие на специальные вопросы толкования «священных писаний» или злобы дня.

Нас здесь интересует первая группа. Памятники, принадлежащие к ней, издавались не раз в течение XIX в.,[10] так как они больше всего вызывали интерес исследователей, но, как мы уже указали, жанровые особенности их не были отмечены.

II

В поздних рукописях два «Устава» Нила часто выступают как одно сочинение.[11] Первое печатное издание этих памятников также помещает их вместе.[12] Может быть, в этом виновен Иннокентий Охлебинин, ученик Нила Сорского, который ссылается в своем «Завете» на положения об устройстве церкви и запрещение лишних украшений «в словеси написания старца Нила словес».[13] Оба сочинения Нила находились в той рукописи, в которую Иннокентий вписал строки своего собственного «Завета».[14] Поэтому поздним поколениям читателей и писателей казалось, будто это «написание» Нила являлось одним сочинением, а именно его монастырским уставом.

Когда выяснилось, что здесь имеется два различных сочинения, исследователи увидели в них два творения Нила, служащие одной и той же цели. Так, А. С. Архангельский объяснил «Предание» как «первоначаль-

---

[6] М. С. Боровкова-Майкова. 1) К литературной деятельности Нила Сорского. — ПДП, т. CXVII. СПб., 1910; 2) Нила Сорского Предание и Устав, с вступительной статьей. — ПДП, т. CLXXIX. СПб., 1912; 3) Нил Сорский и Паисий Величковский. — Сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову. СПб., 1911, стр. 27—33.

[7] Я. С. Лурье выразил сомнение в принадлежности Нилу Сорскому двух посланий из сборника ГПБ, Q.XVII. 50, которые А. С. Архангельский считал посланиями Нила Паисию Ярославову (Я. С. Лурье. 1) К вопросу об идеологии Нила Сорского, стр. 211; 2) Заметки к истории публицистической литературы конца XV—первой половины XVI в. — ТОДРЛ, т. XVI, М.—Л., 1960, стр. 460—465).

[8] F. v. Lilienfeld. Nil Sorskij und seine Schriften. Die Krise der Tradition im Rußland Ivans III. Докторская диссертация, защищенная в университете г. Галле (ГДР) в 1960 г. Печатается. В своей диссертации я показала, что два послания из сборника ГПБ, Q.XVII.50 (см. прим. 7) не могут принадлежать Нилу по их характеру. Я выразила также мнение, что А. С. Архангельский без достаточных оснований приписал Нилу «Послание к брату любовное» (ГБЛ, Волок. 491, лл. 34 об.—39). В настоящее время я изменила свое мнение. Это утешительное послание, столь необычное среди посланий XV в. (полных всяких укоризн и наставлений), близко к первому слову писателя VI—VII вв. аввы Дорофея (J. P. Migne. Patrologiae Graecae t. 88, стлб. 1620 и сл.), книгу которого Нил Сорский хорошо знал и использовал. Если учесть еще стилистические особенности послания, то авторство Нила становится весьма правдоподобным.

[9] Эти сочинения довольно часто переписывались вместе (М. С. Боровкова-Майкова. Нила Сорского Предание и Устав, стр. XIV и сл.).

[10] Перечень изданий XIX в. см.: М. С. Боровкова-Майкова. Нила Сорского Предание и Устав, стр. 1 и сл.

[11] Например, в рукописи ГБЛ, Унд. 142 (XVI—XVII вв.). См.: М. С. Боровкова-Майкова. Нила Сорского Предание и Устав, стр. 1, прим. *, и перечень рукописей в ее предисловии, стр. XVI и сл.

[12] В издании Оптиной пустыни (потом священного Синода) оба сочинения изданы как единое целое (Преподобного отца нашего Нила Сорского предание учеником своим о жительстве скитском, изд. 2-е. СПб., 1852; изд. 3-е, СПб., 1859).

[13] См.: А. С. Архангельский. Нил Сорский, прилож. III, стр. 14—16.

[14] ГБЛ, Фунд. 186, лл. 370—375.

ную краткую редакцию монастырского устава», которую Нил якобы сочинил при основании Сороярского скита.[15] Свою гипотезу Архангельский обосновывает тем обстоятельством, что «Предание» встречается куда реже в рукописях, чем так называемый «Устав» («11 глав»); стало быть, «Устав» со своими более подробными предписаниями сделал «краткую редакцию» лишней. М. С. Боровкова-Майкова, вторая русская исследовательница сочинений Нила Сорского, вообще не занималась вопросом о взаимоотношении обоих памятников, но она неоднократно говорила о них, называя их «обоими уставами» или «Малым и Большим уставами» Нила.[16]

Мы хотим рассмотреть вопрос, представляют ли действительно эти два сочинения Нила «уставы монастырские» в собственном смысле слова.

Рассмотрим сперва их содержание. Оно нас интересует здесь не с точки зрения содержания как такового, но с точки зрения порядка и стиля изложения, который дает нам — как мы увидим — возможность судить о литературном жанре и типичных особенностях сочинений Нила в кругу подобных памятников. «Предание» можно подразделить на следующие части: 1) обращение к братьям и изложение причин, приведших Нила к написанию этого документа; 2) исповедание веры: 3) стекается много желающих поступить в Нилову пустынь; разрешается оставаться тем, кто готов жить тем же образом жизни, тем же «нравом», как Нил; 4) Нил извиняется, что он дерзнул выступать учителем; 5) некоторые указания и наставления: а) об исповедании грехов и о неправильных поступках, б) об «отсечении» собственной воли, в) о рукоделии в кельях и о возможности и запрещениях брать милостыню,[17] г) запрещение выхода из монастыря без поручения; требуется полное послушание монаха, д) после смерти Нила вся жизнь скита должна продолжаться тем же порядком, как при его жизни, е) в келье допускаются лишь богоугодные разговоры, ж) здание церкви должно быть самым простым, без всяких драгоценных украшений, церковные сосуды должны быть самыми дешевыми и простыми, з) указания насчет еды и пития, и) не полагается

---

[15] А. С. Архангельский. Нил Сорский, стр. 53.

[16] См., например: М. С. Боровкова-Майкова. 1) Нил Сорский и Паисий Величковский, стр. 32; 2) Нил Сорский. — В кн.: История русской литературы, т. II, ч. 1, стр. 318 и сл.

[17] Монах не должен работать для получения лишнего «прибытка», он не обязан давать милостыню, милостыня монаха — его духовный совет, но он должен предоставлять ночлег путешествующим и странникам и кормить их. Это указание было направлено против Иосифа Волоцкого и его приверженцев, которые были сторонниками общежительных монастырей, несущих определенные общественные функции в феодальном хозяйстве (благотворительность монастырей). Мы не согласны с утверждением А. М. Амманна, совершенно отрицающего социальный смысл этой благотворительности византийских и древнерусских монастырей. См.: А. М. Амманн. Рецензия на кн.: I. Smolitsch. Russischen Mönchtum. Würzburg, 1953. — Orientalia Christiana Periodica, t. 20. Roma, 1954, стр. 201—203. Факты, касающиеся древнерусских монастырей, по нашему мнению, наиболее полно собраны у С. И. Смирнова (Как служили миру подвижники древней Руси. Сергиев Посад, 1903, стр. 28, 38 и сл., 42 и сл., 38). См. также для Евфросина Псковского в его «Уставе»: Н. Серебрянский. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. М., 1908, стр. 525; «Повесть о Евфросине». — Памятники старинной русской литературы, вып. IV. СПб., 1862, стр. 76; для Иосифа Волоцкого: И. Хрущов. Исследование о сочинениях Иосифа Санина. СПб., 1868, стр. 52 и сл.; для византийских монастырей: E. Kurtz. Рецензия на статью П. Безобразова в «Byzantinische Zeitschrift», t. 2, München, 1893, стр. 627—631; Ph. Meyer. Bruchstücke zweier τυπικὰ κτητορικά. — Byzantinische Zeitschrift, t. 4. München, 1895, стр. 45—58; G. Schreiber. Anselm von Havelberg und die Ostkirche. — Zeitschrift für Kirchengeschichte, t. 60, 1941, стр. 405. О противоположной позиции Нила см. его «Предание», изданное М. С. Боровковой-Майковой (Нила Сорского Предание и Устав, стр. 7).

монахам иметь драгоценные вещи или книги в своих кельях, к) запрещается вход в монастырь женщинам и безбородым юношам.[18]

Обращаемся теперь к «11 главам» (так называемому «Уставу») Нила. Здесь сам Нил обеспечивает нас заглавиями своих слов: а) «Предсловие. От писаний святых отець мысленем делании, что ради нуждно сие и како подобает тщатися о семь»; б) «О различии еже на нас мысленыа брани, победы и побеждениа и еже тщаливно противитися страстем. Слово 1»; в) «О борении нашем еже к сим, и яко памятию божиею и хранением сердца, сииречь молитвою и безмолвием умным, побеждати сих, и еже како действовати сиа. В нем же о дарованиих. 2»; г) «О еже како и чем укреплятися в настоании ратей мысленаго подвига. 3»; д) «О обдержании всего делания в жительстве нашем. 4»; е) «О различии нашего борения и победы на осмь начальнейших помысл страстных и прочих. Слово 5»; ж) «Обще на вся помыслы. 6»; з) «О памяти смертней и страшнем суде, како поучитися о сих, да стижим сии помысли в сердцих наших. 7»; и) «О слезах, како подобает творити хотящим обрести сия. 8»; к) «О хранении еже по сих. 9»; л) «О отсечении и безспочении истиннем, еже есть умрьтвие от всех. 10»; м) «О еже не преже времене и подобными мерами сиа делаина подобает творити, и о молитве о сих, и прочих нужьдных. 11».

III

Чтобы судить о литературном жанре этих двух произведений Нила Сорского, нам придется познакомиться с уставом как жанром греческой и древнерусской церковной литературы. Только тогда мы будем иметь возможность судить о том, являются ли сочинения Нила действительно двумя монастырскими уставами.

Греческое обозначение для древнерусского (и церковно-славянского) слова «устав» — τυπικόν.[19] Оно имеет несколько значений, и многие исследователи обходятся без точного определения и строгого разграничения разных значений данного слова. Это приводит их часто к неправильным заключениям.

Обратимся сперва к этимологии слова τυπικόν[20]. Τυπικόν происходит от слова τύπος, означающего «модель», «тип», «образ», «прообраз»,[21] «порядок», «норма»; следовательно, прилагательное τυπικός означает «по образу», «оформленный», «типический», «законный», иногда оно означает также «содержащий законы и правила»; τυπικόν[22] — книга, содержащая законы и правила.

Необходимо различать следующие типиконы: 1) богослужебный типикон, 2) дисциплинарный типикон, 3) монастырский типикон в собственном смысле.[23]

Богослужебный типикон дает указания о проводимых богослужениях или для всего церковного года, или для особых праздников, или для

[18] Подчеркиваем еще раз, что название наставления Нила следуют друг за другом без всяких подразделений, заглавий и т. п.

[19] Это основной термин более поздних византийских времен. Встречается ряд сродных выражений, как τύπος, ὑποτύπωσις, τυπικὴ διαθήκη и др.

[20] Придерживаемся изложения де Местера: P. de Meester. Les typiques de fondation. — Studi bizantini e neoellenici, t. VI. Roma, 1940 (Atti del V congresso internazionale di studi Bizantini), стр. 489.

[21] Это значение отсутствует у де Местера.

[22] Это слово образовалось, так же как ταχτιχόν, от слова τάξις — книга, содержащая «порядки»; χανονιχόν — от слова χάνονες — книга, содержащая церковные законы.

[23] Его и называют «ктиторским типиконом», но мы хотим оставить это название для особого вида монастырских уставов (см. ниже, стр. 86 и сл.).

определенного времени церковного года, как например для великого поста и пасхальной недели. Очень часто такой типикон создавался для употребления в одной какой-то церкви, городской или монастырской; но если обычаи данной церкви считались образцовыми, то он переписывался, иногда перерабатывался, и его перенимали церкви и монастыри всей страны и даже других стран.

Таким знаменитым богослужебным уставом являлся, например, устав Студийского монастыря в Константинополе.[24] Его перенял Феодосий Печерский; [25] после Киево-Печерского монастыря он распространился широко и в других древнерусских монастырях. Сколько недоразумений происходило в исследованиях XIX в. из-за того, что не осознавалось, что это был богослужебный Студийский устав, а не монастырский устав в строгом смысле!

Другой известный богослужебный устав, сыгравший некоторую роль и в древнерусской церковной письменности, — это «Иерусалимский устав» монастырской церкви Саввы Освященного вблизи Иерусалима, который был широко распространен в России XV в. и позже.[26] Его не подобает смешивать с «Монастырским уставом», «Преданием», того же Саввы.[27] В то же самое время или немного раньше распространяется на Руси Афонский богослужебный устав.[28] Архиепископ Феодосий (Бывальцев) Ростовский называет все три устава — Иерусалимский, Святогорский и Студийский — как образцовые и канонически действующие.[29]

Нужно обратить внимание и на то, что Скитский устав, упоминаемый не раз в древнерусской письменности XV в., может также быть богослужебным уставом. В таком смысле он упоминается в Житии Евфросина Псковского: «Всенощное же стояние бяше у святаго с братиею якоже у скитских отець. . .»; «Егда же первая стража случися ему быти со святым и с братиею в всенощном труде и бдении, по уставу скитскому много пению бывашу».[30]

---

[24] А. Дмитриевский. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока, т. 1, Τυπικά, ч. 1. — Памятники патриарших уставов и ктиторские монастырские типиконы. Киев, 1895.

[25] См.: Повесть временных лет, ч. 1. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), стр. 107 (под 1051 г.): «И нача искати правила чернечьскаго и обретеся тогда Михаил чернець манастыря Студийского, иже бе пришел из Грек с митрополитом Георгием, и нача у него искати устава чернець студийских. И обрет у него, и списа, и устави в монастыри своем, како пети пенья манастырская и поклон как держати, и чтения почитати, и стоянье в церкви, и весь ряд церковный и на тряпезе седанье, и что ясти в кыя дни, все с установлением. Феодосий все то изъобрет предасть манастырю своему. От того же манастыря переяша вси манастыреве устав». Совершенно ясно, что речь идет о богослужебном уставе Студийского монастыря.

[26] Он встречается на Руси впервые в рукописи 1482 г., которая представляет собой копию рукописи, написанной «грешным Афанасием» (наверняка Афанасием Высоцким, учеником Сергия Радонежского), и называется древнерусскими писателями часто «Око церковное» (А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903, стр. 24 и сл.). Он приводится как действующий богослужебный типикон в Уставной грамоте (монастырском уставе) архиепископа Новгородского Макария (потом митрополита) новгородскому монастырю св. Духа (1526—1530 гг.) (АИ, т. I. СПб., 1841, № 292, стр. 531—534).

[27] См. ниже, прим. 37 и стр. 92 и сл.

[28] Он, по всей вероятности, был введен на Руси игуменом Дионисием Спасо-Каменного монастыря (см.: «Сказание известно о каменном монастыри, приснопамятного старца Паисея святаго Ярославова». — Православный собеседник. Казань, 1861, кн. 1, стр. 201—202. Цит. по: А. С. Архангельский. Нил Сорский, стр. 17, прим. 46).

[29] См.: АИ, т. I, № 57, стр. 105.

[30] Евфросин Псковский был, по всей вероятности, первым, который ввел «скитское жительство» в этом смысле слова на Руси. Введение особого богослужебного устава (ср. Устав Евфросина Псковского: Н. Серебрянский. Очерки по истории монастырской жизни. . ., стр. 522) еще не должно отождествляться с введением «скитского

Дисциплинарный типикон представляет собой собрание указаний дисциплинарного порядка, часто каталог церковных штрафов (ἐπιτίμια епитимии) для мирян или монахов. Типичным образцом таких епитимий является 14-я глава «Устава» Иосифа Волоцкого пространной редакции.[31] Переведенный с греческого языка, распространенный на Руси в большом количестве рукописей и часто цитируемый древнерусскими авторами «Тактикон» Никона Черногорца является также образцом именно этого жанра.

Что же отличает монастырский устав-типикон в собственном смысле слова от двух указанных нами типиконов? Это то, что монастырский устав пишется для одного монастыря и он не может быть распространен на любой другой монастырь, в то время как богослужебные и дисциплинарные типиконы-уставы использовались весьма часто и легко другими монастырями, даже когда эти уставы были созданы сперва для употребления одной данной церкви или одного монастыря.[32] Монастырские уставы в собственном смысле слова также содержат указания богослужебного или дисциплинарного характера, но лишь для монахов данного монастыря и только.

Мы поймем русские монастырские уставы, только если обратимся к византийским монастырским уставам, так как этот жанр письменности возник на византийской почве. Уставы монастырей Греции и Ближнего Востока были весьма разнообразны.[33] К ним примыкают по форме и содержанию завещания знаменитых игуменов, употреблявшиеся в качестве устава в монастырях, созданных ими. Но существовали и типиконы, которые имели скорее характер духовного завещания, чем устава в собственном смысле слова, предназначенного для урегулирования ежедневной монастырской жизни.

Грани между этими различными видами монастырских уставов очень подвижны и не всегда отчетливы. Но можно различить в греческих монастырских типиконах-уставах три основных типа.

1. Типикон-завещание игумена — основателя или обновителя данного монастыря. Такой типикон обычно создается не при основании монастыря, а лишь незадолго до смерти или ухода игумена.[34] Иногда «предания» осно-

---

жительства» Нилом Сорским (в противоположность жизни в общежительном монастыре). Богослужебный Скитский устав Ниловой Сорской пустыни видел в свое время С. Шевырев при его посещении Нилова монастыря (История русской словесности. СПб., 1887. стр. 195, примечание). На подобный Скитский богослужебный устав указывает А. С. Архангельский (Нил Сорский, стр. 46, прим. 117). Его не следует смешивать со Скитским уставом, упомянутым у Макария (История русской церкви, т. VII. СПб., 1874, стр. 80 и сл.), который является скорее дисциплинарным уставом-типиконом или, может быть, даже трактатом.

[31] ВМЧ, 9 сентября. СПб., 1883, стр. 610 и сл.

[32] Факт, что Савва Сербский воспользовался Константинопольским Евергетидским типиконом для составления своего Хиландарского типика, не противоречит этому постановлению, так как Савва должен был переработать греческий типикон и назвать его именем своего собственного монастыря, чтобы он мог быть действительным в основанной им обители.

[33] Эта особенность восточных монастырей по сравнению с западными, принадлежавшими к немногочисленным «орденам», управляемым по одним и тем же «правилам» (regula), бросилась в глаза Ансельму Гавельбергскому, когда он пребывал с папским посольством в Константинополе (J. P. Migne. Patrologia Latina, t. 188, 1855, стлб. 1156; G. Schreiber. Anselm von Havelberg und die Ostkirche, стр. 370). Об этом обстоятельстве упоминает Феодор Студит в предисловии к своему монастырскому уставу — «ὑποτύπωσις» (J. P. Migne. Patrologiae Graecae t. 99, стлб. 1703).

[34] Типичную ситуацию возникновения такого завещания-типикона рисует нам рассказ Жития св. Лазаря Галезийской Горы (Acta Sanctorum, ed. Bollandisti, Nov., III, стр. 508—588; ср.: E. Herman. Ricerche sulle istituzioni monastiche bizantine. Typika ktetorika caristicarii e monasteri libri. — Orientalia Christiana Periodica, Bd. 6. Roma, 1940, стр. 313). Похожее положение мы встречаем уже в Житии Саввы Освященного (J. B. Cotelier. Ecclesiae Graeciae monumenta, t. III. Paris, 1677—1686, стр. 353, см.

вателей монастырей писались или перерабатывались их учениками после их смерти.[35] Такие типиконы являются, без сомнения, самым древним видом монастырских уставов и основой их развития в дальнейшем.[36]

Обычно игумен вначале рассказывает о своей жизни и об основании им обители, а потом убеждает своих монахов держаться и по его смерти того порядка, который был установлен при жизни основателя игумена. Иногда передавалось преемнику движимое и недвижимое имущество монастыря, а свои личные вещи автор завещал своим ученикам и друзьям среди монахов.[37]

2. Типикон-послание епископа. В таком послании епископ или митрополит дает наставления и поучения монахам данного монастыря, он предписывает им определенный образ жизни в монастыре.[38]

3. Типикон, созданный основателем мирянином.[39] Таким основателем может быть или сам император византийский, или член его семьи, высокий чиновник императорского двора или же богатое частное лицо. Типиконы такого рода — это ктиторские уставы в собственном смысле.[40] Ктитор оставляет за собой особые права, и в отношении этого вида типиконов

также E. Kurtz. Рецензия на труд А. Дмитриевского в «Byzantinicshe Zeitschrift», t. 3, München, 1894, стр. 167—170).

[35] Примером может служить «Предание» Саввы Освященного Иерусалимского (E. Kurtz, Byzantinische Zeitschrift, t. 3, стр. 167—170).

[36] Впервые это высказал А. Штейнвентер. Он обратил внимание на сохранившиеся завещания египетских игуменов на коптском языке. В них игумены передают свой монастырь одному наследнику, назначенному ими. В этом Штейнвентер усмотрел прямую аналогию с передачей по наследству философских школ древнего мира, как она, например, происходит в завещании Эпикура. Штейнвентер первым показал, что многие из сохранившихся завещаний игуменов чрезвычайно похожи на некоторые из монастырских уставов и что, с другой стороны, некоторые типиконы-уставы являются в сущности не чем иным, как завещаниями основателей и обновителей монастырей. Но толкование монастырского устава как явления римского права частной собственности являлось слишком ограниченным. См.: A. Steinwenter. 1) Rechtsstellung der Kirchen und Klöster nach den Papyri. — Zeitschrift der Savignystiftung für Rechtsgeschichte, Kanonistische Abteilung, Bd. 50, 1930, стр. 1—50; 2) Zur epistula Hadriani, v. J. 121. — Zeitschrift der Savignystiftung für Rechtsgeschichte, Romanische Abteilung, Bd. 51, 1931, стр. 404—408; 3) Byzantinische Mönchstestamente. — Aegyptus, 12. Jg. Milano, 1932, стр. 55—64; E. Herman. Ricerche..., стр. 293—375; P. de Meester. Les typiques de fondation, стр. 489—508.

[37] Примерами этого жанра монастырских уставов являются «Предание» Саввы Освященного (VI в.) (А. Дмитриевский. Описание литургических рукописей..., ч. 1, стр. 22—24), Завещание Федора Студита (VIII—IX вв.) и его ὑποτύπωσις — Устав (J. P. Migne. Patrologiae Graecae t. 99, стлб. 1819—1824; А. Дмитриевский. Описание литургических рукописей..., ч. 1. стр. 224—237), Завещание Ивана Рыльского (X в.) (Иордан Иванов. Св. Иван Рилски и неговять монастир. София, 1917, стр. 136—142), Завещание Афанасия Афонского (XI в.) и его Монастырский устав (Ph. Meyer. Die Haupturkunden für die Geschichte der Athosklöster. Leipzig, 1894, стр. 102—140), Завещание и кодицилл Христодула Патмосского (конец XI в.) и его Монастырский устав (F. Miklosich—J. Müller, Acta et diplomata graeca, Bd. VI = Acta et diplomata monasteriorum et ecclesiarum..., т. III, стр. 81—90, 59—80), Карейский типикон Саввы Сербского (конец XII в.) (В. Боровић. Списи св. Саве. — Сборник Сербской Академии наук, т. XVII. Дела старих српских писаца, т. 1. Београд, 1928, стр. 5—113).

[38] Примеры таких уставных грамот: «Устав» Нила, епископа Тамасского, для монастыря Богородицы «мечи» на о. Кипр (XIII в.) [F. Miklosich—J. Müller. Acta et diplomata graeca, Bd. V (II), стр. 392 и сл.] и Устав митрополита Иоакима для монастыря Иоанна Предтечи в Македонии (там же, стр. 432 и сл.).

[39] Иногда бывшим мирянином, ставшим монахом на старости лет или по причинам политической опалы.

[40] Примеры: «Устав» Михаила Атталиата для Спасского монастыря (XI в.) [F. Miklosich—J. Müller. Acta et diplomata graeca, Bd. V (II), стр. 293—327], «Устав» царицы Ирины для монастыря Богородицы — τῆς Κεχαριτωμένης (XII в.) (там же, стр. 327—391); оба монастыря в Царьграде.

можно говорить о византийском ктиторском праве. Такими типиконами в общем являются византийские монастырские уставы-типиконы.[41] Происхождение, содержание, изложение и слог, а также значение и роль этих уставов в средневековом обществе могут быть довольно различными. Как обстоит дело в этом отношении на русской почве?

IV

Τυπικόν передается, как известно, на древнеславянском и древнерусских языках словом «устав». Но последнее слово не означает лишь названные три рода типиконов — богослужебные, дисциплинарные и монастырские, как в греческом языке, оно употребляется для всякого порядка, упорядочения, указаний, правил чисто экономического характера, особенно в церковной области.[42]

Какой вид имеет монастырский устав в собственном смысле слова на Руси? Прежде всего нужно еще раз отметить одно обстоятельство: известие «Повести временных лет» о принятии Студийского устава[43] Киево-Печерским монастырем имеет в виду не монастырский устав в буквальном смысле слова, а богослужебно-дисциплинарный типикон Студийского монастыря, который был принят, по Е. Е. Голубинскому, в редакции патриарха Алексея. Мы уже объяснили, что этот богослужебный устав со временем вытесняется отчасти Афонским и Иерусалимским уставами.[44]

Настоящих монастырских уставов русских монастырей за первые столетия их существования не сохранилось. Мы даже подозреваем, что они никогда не существовали, ибо Иосиф Волоцкий писал знаменитую 10-ю главу своей «Духовной грамоты» «Отвещание любозазорным» в качестве апологии против тех монахов, которые утверждают, что «святии отци наши, иже в Рустей земли, не писали предания и запрещения иночьская, но точию глаголы наказующе».[45] Таким противникам Иосиф отвечал, что русские «отци» монашества держались не менее строгих обычаев, чем древние отцы, и что их жизнь стала образцом для монахов основанных ими монастырей. Но Иосиф явно не мог утверждать, что уже до него существовали письменные монастырские уставы в широком масштабе. В своем «Отвещании любозазорным» он лишь описывает «предания», «обычаи» знаменитых русских монастырей, которые им внушались основателями и «великими» игуменами. За неприкосновенностью этих «обычаев» такие сильные личности следили, пока они были в живых. Кирилло-Белозерский монастырь дает нам пример, как по смерти Кирилла Белозерского «некая предания и законы святаго Кирилла не храняше и небрежение сих полагаше»[46] и как они потом восстановились.[47]

Из этого явствует, что игумен-наследник должен быть блюстителем порядка жизни, установленного основателем монастыря. Такой порядок — незаписанный — в русских памятниках также называется «уставом» или «преданием» и «обычаем».

---

[41] Конечно, такое разделение различных видов монастырских уставов является условным и в известной степени упрощенным. Несмотря на это, оно важно для избежания бесконечных путаниц.

[42] Ср. Устав князя Владимира I (ДАИ, т. I. СПб., 1846, № 1), Уставную грамоту князя Всеволода Мстиславича (там же, № 3), Уставную грамоту князя Ростислава Мстиславича и епископа Михаила (там же, № 4).

[43] См. выше, стр. 84.

[44] См. выше, стр. 84.

[45] ВМЧ, 9 сентября, стлб. 547.

[46] Там же, стлб. 552.

[47] Там же, стлб. 551 и сл.

Примером может служить Житие Кирилла Белозерского, написанное Пахомием Сербом. «Бяше же устав преподобного Кирилла в церкви. Никому с инем не беседовати, ниже вне церкви исходити преже скончания, но всем комуждо в своем уставленном чине и славословлениих пребывати. Такожде и к евангелию и святых икон поклонению устав по старчеству соблюдаху». Следует подробное описание обычаев самого Кирилла и его монахов и отмечается между прочим: «Мед же или ино питие елика пьянства имут, никакоже в монастыри обретати повеле, и тако блаженный сим уставом змиеву главу пьянства отреза».[48]

Совершенно ясно, что речь здесь идет не о письменном уставе, но о укоренившемся обычном порядке жизни, которого придерживались в монастыре, причем образец этого порядка дал сам основатель-святой своим личным поведением: «Сам же блаженный николи же в церкви стоя к стене приклонися, или безвременно поеде, но нозе его яко столпие бяху ... комуждо бо от братии образ же и меру правилом блаженный даяше».[49] Из всего сказанного следует, что этот «Кириллов устав» — «обычаи» монастыря, но не письменный документ.[50]

Повторяется на Руси та же самая ситуация, которая провела византийских игуменов к составлению уставов и завещаний: когда знаменитый «отец»-игумен умирает, его братии, его ученикам, хочется иметь его «последнее слово», его завещание, чтобы личное влияние игумена на порядок жизни монастыря продолжалось и после его смерти. Это письменное завещание, в сущности, должно увековечить действие его личности и образа жизни на монастырь, чтобы «обычаи» после его смерти не могли попасть «в небрежение», как это было в Кирилловом монастыре после смерти Кирилла.[51]

Ярким примером такого завещания, написанного по желанию ученика, является Завещание Пафнутия Боровского, известного учителя Иосифа Волоцкого. Это завещание записал его ученик Иннокентий.[52] Завещание по своему содержанию не что иное, как монастырский устав, основная его мысль — «якоже мене видите творяща, и вы творите».[53]

Но не каждая обитель могла славиться личностью своего основателя, который мог дать такой «высокий» пример своему монастырю. Даже в таких обителях эти «обычаи» могли портиться, «превращаться», как это было в Кирилло-Белозерском монастыре.[54] Поэтому и на Руси епископы и митрополиты имели причины заботиться об условиях и порядках жизни в монастырях, им подчиненных, и писать им поучительные послания, которые служили данному монастырю в качестве монастырского устава. Такой уставной грамотой является послание архиепископа Дионисия Суздальского

---

[48] См.: Н. К. Никольский. Общинная и келейная жизнь в Кирилло-Белозерском монастыре в XV и XVI вв. и в начале XVII в. — Христианское чтение. СПб., 1907, август, стр. 157, прим. 1.

[49] Там же.

[50] Легко было бы умножить примеры подобного употребления слова «устав» в древнерусской житийной литературе (см.: Н. К. Никольский. Общинная и келейная жизнь..., стр. 155 и сл.).

[51] См. выше, стр. 87.

[52] «Вспрос Иннокентиев: Государь Пафнотей! Повели при своем животе написати завещание о монастырском строении, как братии по тебе жити и кому игумену быти повелиши». См. «Записку Иннокентия о последних днях Пафнутия Боровского» у В. Ключевского (Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, Приложение, стр. 446 и сл.).

[53] В. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник, стр. 446 и сл.

[54] Источники говорят почти единогласно о том, что в XV в. «обычаи» монахов «портились» в большом масштабе.

1382 г. Псковскому Снетогорскому монастырю.[55] Но митрополит Фотий (1408—1431) должен был заново благоустраивать «устав-обычаи» Снетной горы.[56] Фотий написал такого рода послания нескольким монастырям,[57] писали послания и другие русские иерархи.[58]

Эти уставные грамоты нужно резко отличать от посланий духовных лиц, обращающихся также к монахам, сообщающих также «поучения» и «правила», «уставы иноческого жития», но не являющихся уставными грамотами, т. е. монастырскими уставами для употребления в одном каком-либо монастыре. В описаниях рукописей, где «поучения» о монашеской жизни встречаются очень часто, такое смешение можно наблюдать не раз.[59] Эти «поучения» написаны для общего употребления, не для одного какого-либо монастыря, а для широкого распространения в монашеских кругах, особенно для молодых, «новоначальных». Они, в сущности, продолжают на более скромном уровне ту литературу «отеческих» трактатов и поучений, которые были любимым чтением древнерусского монаха: сочинения Василия Каппадокийского, Иоанна Лествичника, Исаака Сирина и др. По жанру они принадлежат к проповеднической литературе или к нравоучительным трактатам.

Приведенные до сих пор примеры из древнерусской письменности показывают, что вопрос о письменном монастырском уставе, очевидно, ставится на Руси в XIV—XV вв. В это время в России возникают первые дошедшие до нас завещания игуменов и первые уставные грамоты русских иерархов. В это время в Византии большие монастырские учреждения в Константинополе и другие, более скромные монастыри в Малой Азии и на греческих островах, а также сыгравшие столь важную роль в жизни русского монашества монастыри Святой Горы Афона[60] уже в течение нескольких столетий имели свои подробные типиконы.

Интересно и то обстоятельство, что именно в это время на Руси появляется греческое слово «ктитор» для основателя монастыря. Мы уже знаем, что в Византии ктитором первоначально называлось преимущественно высокопоставленное лицо, которое основывало монастырь для своих личных надобностей, часто это был мирянин. В более поздние века монахи — основатели монастырей — также называли себя ктиторами, и в таком, общем смысле это слово приходит в Россию.

Итак, мы понимаем теперь обстоятельное объяснение Евфросина Псковского: «Известо же буди вам, братие, слышахом от святых отець, от древле нас бывших, якоже Пахомий и Евфимий великий и Феодосий, Сава Иерусалимский и прочии велиции: их которыи начяло сътворил в коем либо месте и братю и монастырь составил, то уже и ктитор[61] именовася».[62]

---

[55] АИ, т. I, № 5, стр. 7—9; РИБ, т. VI. СПб., 1880, стлб. 210 сл.

[56] АИ, т. I, № 26, стр. 52 и сл.; РИБ, т. VI, № 46, стлб. 391 и сл.

[57] Ср. два послания его Киево-Печерскому монастырю: Благословенная грамота Павлу Обнорскому на основание монастыря (РИБ, т. VI, стлб. 487—498).

[58] Например, РИБ, т. VI, №№ 21, 32, 45; АИ, т. I, № 37 и др.

[59] Примеры этого жанра «поучений» приводятся у Макария (История русской церкви, т. IV, стр. 218 и сл.). См. также: П. Ф. Николаевский. Русская проповедь в XV—XVII веках. — ЖМНП. СПб., 1868, кн. 4, стр. 375 и сл.; Н. Серебрянский. Очерки по истории монастырской жизни. . ., стр. 264 и сл. Но все указанные авторы неправильно считают эти поучения за монастырские уставы в определенном нами смысле слова.

[60] В. Мошин. Русские на Афоне и русско-византийские отношения в XI—XII вв. — Byzantinoslavica, t. 9. Prague, 1947, стр. 55—87; t. 11, Prague, 1950, стр. 32—71.

[61] Фактически Евфросин неправ: никто из этих «отцев» не называл самого себя ктитором — это понятие куда более позднего времени.

[62] Н. Серебрянский. Очерки по истории монастырской жизни. . ., стр. 509.

Устав Евфросина Псковского является первым дошедшим до нас древнерусским монастырским уставом, который по всему своему построению сроден монастырским уставам, составленным известными нам византийскими игуменами, как например уставы Афанасия Афонского, Саввы Сербского, Христодула Патмосского.

Устав Евфросина имеет тот же порядок изложения, что и названные греческие типиконы. Начинается его Устав с рассказа о создании монастыря Евфросином, далее следуют изложенные в коротких главах «поучения» и указания на порядок жизни обители.[63] Этот способ изложения в коротких отдельных главах отличает Устав Евфросина от существовавших до него уставных грамот русских иерархов и от Завещания Пафнутия Боровского своим монахам;[64] новыми являются также некоторые из предписаний Евфросина.[65] Содержание его Устава совпадает почти дословно с содержанием уставных грамот Дионисия Суздальского и митрополита Фотия Снетогорскому монастырю (в котором Евфросин в свое время был пострижен в монахи). Стало быть, введение Евфросином нового литературного жанра — настоящего монастырского устава на Руси было связано с намеченной им реформой монастырской жизни. По своей литературной форме его Устав восходил к византийским монастырским уставам игуменского типа, а по содержанию держался русских традиций, за исключением тех черт монастырского строя, которые он считал извращением истинного смысла монашеской жизни, — черт, связанных с феодальным землевладением монастырей.

Именно Евфросин Псковский, таким образом, ввел на Руси литературный жанр[66] монастырского типикона-устава, составленного основателем монастыря игуменом. При этом он придерживался такой формы типикона, которую представляли уставы Афанасия Афонского, Саввы Сербского, Христодула Патмосского и т. п.[67] Но это не было внешним подражанием греческим образцам, а было внутренне связано с его стремлением к реформе монастырской жизни. Эту же обновленную по образцам Ближнего Востока[68] монашескую жизнь своей обители он хотел укрепить письменным «ктиторским уставом».

[63] Для сравнения с «Преданием» и «11 главами» Нила Сорского даем здесь названия глав «Устава» Евфросина: [Введение: История основания монастыря]; Устав: [Общие положения о действительности «Устава»], «О стяжании», «О ястии и пит[ии]», «О именинах», «О сребре и злат[е]», «О игумене», «О наемном игумене», «О предание воли игумену своему», «О службах братьи», «О наемном дел[е]», «О пианьстве безчинном», «О женско[м] вхожении», «О младых детех», «О иноков голоус[ых]», «О бани», «О имани от игуменове руки», «О церковном сход[е]», «О послани на службу», «А данаго в дом не сочи[и] назад», «О обидащих церкви и манастыри», «О мирском суде», «О укупех», «О разсмотрении инок», «О странноприимьстве». «О подани от общины», «О посте 4-х», «О укорех братии».

[64] См. выше, стр. 88.

[65] Это прежде всего строгое «общежитие» и полемика против «особножития» (когда каждый монах может жить на собственные средства), запрет «итарицы», «вкупы» и подобного, выгодного для монастыря или отдельного монаха денежного или иного возмещения за земли, предоставленные монастырю, запрещение «наемного дела», т. е. очевидно, работы наемных работников (крестьян?) на монастырь. Статья в «Уставе» Евфросина говорит: «О наемном дел[е]. Стяжение же чюжих трудов вносити каково любо отнуд[ь] несть на пользу нам и паче же яко страстнии душею и немощнии приимати во обители, но яко яд смертоносен отбегати и отгонати» (см.: Н. Серебрянский. Очерки по истории монастырской жизни. . ., стр. 516).

[66] Мы говорили здесь о литературном жанре не в применении к литературе в собственном смысле слова — художественной литературе, а в применении к тому, что мы по-немецки называем «Gebrauchsliteratur» и «Kleinliteratur» т. е. к той письменности, которая особенно тесно связана с бытом и общественной жизнью («Sitz im Leben»).

[67] См. выше, стр. 86, прим. 37.

[68] Что Евфросин был не только в Царьграде (как рассказывает его Житие), но и в Палестине и там познакомился с жизнью знаменитых общежительных монастырей,

Как это могло случиться, что об Уставе Евфросина уже в древние времена не упоминали, что попытки монастырской реформы со стороны Иосифа Волоцкого и Нила Сорского получили столь большой отклик, а о Евфросине почти ничего не известно? Мне кажется, что это произошло, во-первых, потому, что Евфросин записал все эти правила лишь в Уставе, предназначенном только для самого Евфросинова монастыря, тогда как и Иосиф Волоцкий, и Нил Сорский выступали с более обширными трудами, предназначенными для широкого круга читателей. Такой же широкий круг читал их послания. А во-вторых, имя Евфросина было связано со спором об «Аллилуйи»,[69] и он не мог казаться бесспорным авторитетом и в других вопросах.

Следующим по времени монастырским уставом на Руси, по типу похожим на Евфросинов Устав, является уже краткая редакция «Устава» Иосифа Волоцкого, найденная и опубликованная Я. С. Лурье.[70] «Устав» Иосифа Волоцкого появился в последний период жизни Нила Сорского (умер в 1508 г.) и представляет собой своеобразную параллель к стараниям Нила укрепить «жительство» в своей пустыни.

В течение всего XVI в. уставные грамоты[71] русских иерархов встречаются наряду с такими игуменскими уставами.[72]

V

Теперь мы сможем наконец поставить вопрос о так называемых «Большом» и «Малом» уставах Нила Сорского, о их месте среди русских и византийских уставов-типиконов.

Прежде всего выясняется: так называемый «Устав», или «Большой устав», Нила Сорского вообще не является монастырским уставом для Нилова монастыря, а трактатом о монашеской жизни, который всякие монахи должны были читать и усваивать, так же как они читали трактаты и правила греческих «отцев», а также анонимные «поучения», распространенные тогда в русской письменности.[73] «11 глав» не ограничиваются упорядочением жизни Нилова скита, но имеют целью дать принципиальный ответ на вопросы монашеской жизни, как их понимал Нил. Можно заметить при этом, что трактат Нила по уровню мышления, изложению, усвоению цитат древних греческих «отцев» — по их точному в «филологическом» отношении воспроизведению — стоит куда выше, чем подобная русская литература этого века;[74] по содержанию он глубже даже трактатов византийского средневековья.[75] С ними Нил мог познакомиться во время своего

основанных Евфимием, Феоктистом и Феодосием (V в.), он сообщает нам в своем «Уставе». По географическим причинам эти монастыри никогда не владели землями и крестьянами! См.: Н. Серебрянский. Очерки по истории монастырской жизни..., стр. 520.

[69] См.: В. Ключевский. Опыты и исследования, т. 1. М., б. г., стр. 87 и сл.: Е. Е. Голубинский. К нашей полемике с старообрядцами. — ЧОИДР, кн. 214, М., 1905, стр. 203 и сл.

[70] Я. С. Лурье. Краткая редакция «Устава» Иосифа Волоцкого — памятник идеологии раннего иосифлянства, стр. 116—136; Послания Иосифа Волоцкого. М.—Л., 1959, стр. 296—321.

[71] Ярким примером такой уставной грамоты XVI в. является послание архиепископа Новгородского (потом митрополита Московского) Макария монастырю св. Духа в Новгороде (1526—1530 гг.) (АИ, т. I, № 292, стр. 531—534).

[72] Монастырскими уставами этого типа игуменского устава-завещания является, например, Устав Корнелия Комельского (Амвросий. История Российской иерархии. М., 1807—1815, стр. 673—704, см. также стр. 299—302).

[73] См. выше, стр. 89, прим. 59.

[74] См. выше, стр. 89, прим. 59.

[75] Имею в виду именно те трактаты, в которых выражалось направление исихазма на Афоне: «Метод бдения и молитвы», ложно приписанный Симеону Новому Богослову,

пребывания на Афоне, но они отчасти имелись также в русском переводе в богатой библиотеке Кирилло-Белозерского монастыря.[76]

Стало быть, так называемый «Устав» Нила вообще не является монастырским уставом; последнее название можно было бы употреблять лишь в самом общем смысле слова, которое не соответствует обычному употреблению этого слова во времена Нила, когда вопрос о письменном монастырском уставе был, как мы видели, злободневным. «11 глав» Нила лучше назвать трактатом или «поучением».

Но «Предание учеником своим» Нила — это настоящий монастырский устав, типикон игумена. Здесь Нил утверждает порядок жизни в своей пустыни и заботится о нем, имея в виду времена, когда его уже не будет.

Сравнивая Нилово «Предание» с Уставом Евфросина Псковского,[77] мы должны заметить, что они достаточно резко отличаются друг от друга, хотя принадлежат к одному литературному жанру уставов и даже к одному их виду: к монастырским уставам основателей игуменов.

Нилово «Предание» куда менее стилистически развито, чем Устав Евфросина. Нет в нем такого подробного изложения отдельных положений монастырской жизни, как у Евфросина, нет подразделения по главам, нет истории основания скита — всех этих черт, столь типичных для византийского монастырского устава IX—XVI вв. «Предание» Нила уже более похоже на Завещание Евфросина или на те слова Пафнутия Боровского, которые Иннокентий записал.[78] Но если Евфросиново Завещание представляет собой короткое повторение главных мыслей его Устава, а завещание Пафнутия — устное предание, записанное скорее по воле ученика, чем самого игумена, то Нилово «Предание» уже играет роль собственно устава, при помощи которого автор хочет укрепить строй жизни в своей обители. Эта жизнь должна продолжаться после его смерти по тем же принципам, как при его жизни. Почему же Нил избрал такую упрощенную форму в сравнении с Уставом Евфросина? Он ведь, конечно, знал, так же как Евфросин, уставы Святой Горы и Царьграда.

Своеобразное заглавие «Предание» обращает наше внимание на интересное обстоятельство. Среди византийских монастырских типиконов лишь один имеет заглавие, почти тождественное с Ниловым «Преданием», — это: τύπος καὶ π α ρ ά δ ο σ ι ς καὶ νόμος τῆς σεβασμίας λαύρας τοῦ ἁγίου Σάββα. „παράδοσις“ означает «предание».[79] А «Предание» Саввы Освященного (умер в 524 г.) написано в таком же простом и безыскусственном стиле, как Нилово «Предание»; именно это обстоятельство делает его таким же единичным памятником в кругу византийских монастырских уставов и игуменских завещаний, каким оказывается «Предание» Нила в кругу русских.

и трактат о «хранении сердца» Никифора-монаха (оба XIII в.), Слова Григория Синаита (XIV в.).То, что Нил знал эти сочинения, явствует из того обстоятельства, что он цитирует их не раз в своих «11 главах».

[76] Н. К. Никольский. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря. — ПДП, т. CXIII, СПб., 1898, стр. 8, 9—10, 13, 146—147, 169.

[77] Не будем уже говорить в связи с этим об «Уставе» Иосифа Волоцкого, который резко отличается от Нилова «Предания» как по содержанию, так и по форме. Имеем в виду краткую редакцию, опубликованную Я. С. Лурье (см. выше, стр. 91, прим. 70). Ей присущи некоторые общие черты с Уставом Евфросина, но гораздо резче выступают различия. Духовная грамота Иосифа, т. е. пространная редакция его «Устава», не является уже монастырским уставом в строгом определении жанра; 10-е слово — «Отвещание любозазорным. . .» и некоторые другие разделы делают этот любопытный документ единичным в литературе уставов. Мы будем в другом месте говорить еще об этом предмете.

[78] См. выше, стр. 88.

[79] А. Дмитриевский. Описание литургических рукописей. . ., ч. 1, стр. 22—24; E. Kurtz, Byzantinische Zeitschrift, t. 3, 1894, стр. 167—170.

Но не только по стилю простого обращения к монахам-ученикам, а также по самому содержанию «Предание» Нила близко к ,,παράδοσις" Саввы: в нем находится ряд тех же старинных монашеских правил,[80] которые встречаются в самых древних монашеских трактатах и патериках, зато богослужебные указания очень скудны, дисциплинарные отсутствуют.

Если вспомнить совершенно иначе построенные византийские уставы, куда более развитые в смысле монашеского законодательства, уставы, с которыми Нил мог познакомиться во время своего пребывания «в святой горе Афонстей и в странах Цариграда»,[81] то удивительная упрощенность Нилова «Предания» не может не вызвать удивления. Она поражает нас также в сравнении с его «11 главами», изложенными подробно и «тонко».

Мы видим в этой упрощенности стиля нарочитое примыкание к традициям древнего синайско-палестинского монашества, как они представлены «Преданием» Саввы Освященного. Они должны были служить Нилу как идеал, по которому он хотел провести реформу современного русского монашества, необходимость которой так остро ощутили он и Иосиф Волоцкий.[82]

Интересен вопрос, знал ли Нил ,,παράδοσις" Саввы Освященного? Своеобразный лаконичный стиль намекает на возможность такого знакомства. Это подозрение подкрепляется некоторыми указаниями «Завета» Иннокентия Охлебинина, ученика Нила Сорского, сопровождавшего его в паломничестве по странам Ближнего Востока. У него мы находим указания о праве собственности монастыря на келии ушедших монахов, запрещение продавать или передавать их по наследству, пункты, тождественные с указаниями «Предания» Саввы Освященного на тот же предмет.[83] Все эти факты говорят в пользу достоверности тех источников, которые сообщают, что Нил Сорский не только был на Афоне и в монастырях Царьграда, но также посещал «классические лавры» Палестины и, может быть, Синая.[84] Лишь одна черта отличает «Предание» Нила Сорского от «Предания» Саввы. В отличие от этого «Предания» и уставов русских игуменов Нилово «Предание» начинается с изложения веры.

Мы знаем такие исповедания веры у крупных представителей движения монахов-исихастов, с которыми связывают Нила некоторые общие убежде-

---

[80] Например, запрет входа женщинам, безбородым юношам, детям в скит, запрещение выхода из монастыря без разрешения и т. п. Эти правила находятся также в более развитых уставах, но там, во-первых, им посвящены отдельные главы, а, во-вторых, они теряются в массе других богослужебных и дисциплинарных предписаний. У Нила, как и у Саввы, они упоминаются кратко, одно за другим, без всякой внутренней или стилистически искусной связи или подразделения, в самых простых выражениях.

[81] М. С. Боровкова-Майкова. Нила Сорского Предание и Устав, стр. 89. О пребывании Нила на Святой Горе говорит также известное «Письмо о нелюбках» (Послания Иосифа Волоцкого, стр. 367).

[82] Здесь не место говорить о кризисе русского монашества в связи с развитием феодальных отношений в монастырях и со своеобразным явлением «особножития» (ср. выше, прим. 65), которое привело к резкой критике монашества в русском обществе конца XV в. (ср. «Сочинение против монашества»: Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI в., стр. 299—304). Евфросин Псковский и Иосиф Волоцкий боролись против «особножития» путем восстановления строгого общежития, Нил — при помощи «скитского жительства», которое, по его мнению, было средним путем между общежитием и пустынничеством, способствующим развитию «особножития».

[83] А. С. Архангельский. Нил Сорский, Приложение, стр. 14—16; E. Kurtz, Byzantinische Zeitschrift, t. 3, 1894, стр. 169.

[84] О посещении Палестины Нилом говорит запутанное известие рукописи ГПБ, F. I, 260, л. 56, цитируемое А. С. Архангельским (Нил Сорский, стр. 2). В своей диссертации мы приводим еще много соображений в пользу этого известия. Здесь ограничимся указанием на то обстоятельство, что Нил в своих «11 главах» упоминает палестинский обычай распределять часы ночи и дня (см.: М. С. Боровкова-Майкова. Нила Сорского Предание и Устав, стр. 41).

ния.[85] Но их изложения являются очень сложными, риторичными, схоластичными, а исповедание веры Нила отличается такой же простотой, как все его «Предание». Итак, мы склоняемся к убеждению, что Нил в своем вступительном исповедании веры не только стремился противопоставить себя и свое учение воззрениям еретиков того времени,[86] но также следовал литературному прообразу игуменских уставов-завещаний, а именно Завещанию Феодора Студита,[87] которое, так же как Нилово «Предание», начинается с изложения исповедания веры автора. Эта черта может служить свидетельством того, что Нил сознательно держался образов древних греческих основателей знаменитых средневековых монастырей и реформаторов монашеской жизни. Эта черта может также подчеркивать «завещательный» характер Нилова «Предания» подобного завещаниям «великих» игуменов на смертном одре.[88]

Но тогда гипотеза А. С. Архангельского, согласно которой «Предание» Нила было первым наброском устава, потом вытесненным «Большим» уставом, т. е. «11 главами», несостоятельна. Напротив, можно предполагать, что «Предание» было написано, подобно другим игуменским завещаниям, незадолго перед кончиной Нила, в 1508 г., а «11 глав» свидетельствуют о долгой и сосредоточенной работе Нила над сочинениями «отцов» и были, по всей вероятности, написаны на вершине Ниловых сил, т. е. значительно раньше, чем «Предание».

VI

Однако мы знаем и Завещание Нила в собственном, так сказать, — «гражданском», смысле слова. Какое место принадлежит ему среди сочинений Нила и в русской письменности завещаний или «духовных грамот»? Одно обстоятельство оказывается бесспорным уже при первом взгляде. Завещание Нила[89] не является повторением вкратце монастырского устава, как мы его установили в отношении Завещания Евфросина Псковского, или дополнение к Нилову «Преданию», каким, например, был «Завет» Иннокентия Охлебинина. В Ниловом Завещании говорится лишь о его личных делах: что кому оставить или передать из вещей его кельи, как распорядиться его телом и т. д. Это «частная духовная грамота» — «тестамент», подобный тем, которые мы часто встречаем в древнерусских актах. Но если мы

---

[85] Мы имеем в виду «исповедание веры» видного исихаста Григория Паламы (J. P. Migne. Patrologiae Graecae t. 151, стр. 763 и сл.) и патриарха Филофея (см. рукопись Баварской государственной библиотеки в г. Мюнхене: Cod. graec. Monach. 508, л. 123 и сл.); русский перевод принадлежит Ф. Успенскому (Философское и богословское движение в XIV веке. — ЖМНП. СПб., 1892, № 1—2, стр. 405 и сл.).

[86] Но мы отнюдь не исключаем эту возможность. Об отношении Нила к новгородским и московским еретикам см.: Я. С. Лурье. К вопросу об идеологии Нила Сорского, стр. 191—194; Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI в., стр. 207—208. Но нужно сказать, что Нил с его убеждениями о «мысленем делании» как о собственно монашеском деле не был склонен к полемике и борьбе против идей (и их представителей), которые казались ему ложными или даже еретическими. Как и во многом другом, его «ученик» Вассиан Патрикеев в этом резко отличался от своего «учителя», так что это его «ученичество» нельзя принимать всерьез. Оно имело достаточно поверхностный характер, и Вассиан Патрикеев представляет собой совершенно оригинальную личность со своими собственными убеждениями и стремлениями. «Князь-инок» и в иноческой одежде всегда оставался представителем боярства!

[87] J. Migne. Patrologiae Graecae t. 99, стлб. 1813 и сл.

[88] См. выше, стр. 86, 88.

[89] См. его у М. С. Боровковой-Майковой (Нила Сорского Предание и Устав, стр. 10).

проанализируем Нилово Завещание в сравнении с такими духовными грамотами, то обнаружим, что Нилово Завещание от них сильно отличается.

Просмотр опубликованных духовных грамот дает основание разделить их на четыре группы: 1) духовные грамоты светских частных лиц,[90] 2) духовные грамоты царей,[91] 3) духовные грамоты митрополитов,[92] 4) духовные грамоты игуменов и основателей монастырей.[93]

Все эти духовные грамоты имеют типичные, общие всем им черты, несмотря на их весьма разнообразное содержание. Эти общие черты, обнаруживаемые главным образом во вводной и заключительной частях завещания, придают ему, очевидно, характер юридического документа.

Введение состоит из следующих частей: 1) формула: «Во имя, отца и сына и св. духа. . .»; 2) указания об авторе духовной грамоты: а) его имя, б) кем он уполномочен на составление духовной грамоты, в) утверждение, что он пишет сию грамоту «своим целым умом», «в своем смысле» (прибавляется часто описание страданий вследствие старости и болезней).

В конце грамоты мы читаем: 1) перечень свидетелей, присутствующих при написании духовной грамоты; 2) имя лица, которое написало грамоту под диктовку автора; 3) описание печати или креста, которые сам автор ставил на документе в качестве подписи.

Духовные грамоты царей и митрополитов отличаются от других тем, что они являются, так сказать, «политическими» духовными грамотами, в которых они передают потомкам и наследникам не только свою собственность, но также свои стремления, заботы и заветы.

Отличаются от других групп завещаний духовные грамоты русских игуменов, хотя они имеют те же формальные признаки духовной грамоты, как и другие документы этого жанра. Возьмем, например, духовные грамоты Кирилла Белозерского, Иосифа Волоцкого и Александра Свирского. Эти три основателя монастырей доверяют «свой труд», т. е. основанный ими монастырь, одному представителю светской или церковной власти. Для понимания общественного развития Руси XV—XVI вв. очень характерно, кого именно они просят заботиться о монастыре и защищать его. Кирилл доверяет свой монастырь местному удельному князю — «великому князю» Андрею Дмитриевичу (Можайскому), Иосиф — «великому князю Василию (III) Ивановичу» Московскому, Александр — архиепископу Ма-

---

[90] Например, Духовная грамота Патрикея [Акты, относящиеся до юридического быта древней Руси (далее: АЮ), т. I. СПб., 1857, № 82, стр. 543 и сл. (XIV—XV вв.)], духовные грамоты служилых людей [АЮ, т. I, № 84, стр. 547 и сл. (XV и XVII вв.)], Духовная грамота Пантелеймона Мисюря Соловьева [АЮ, т. I, № 86, стр. 555 и сл. (XVII в.)]. Духовная грамота Андрея Ярлыка также принадлежит к этому разряду, так как Андрей, постригшийся лишь в старости, распоряжается своим «светским» имуществом, конечно, в пользу монастыря, в который он вступает, как это было обычно в то время (ср. полемику Евфросина Псковского против этого обычая: АЮ, т. I, № 85, стр. 552 и сл.).

[91] Например, Духовное завещание Ивана Грозного (ДАИ, т. I, № 222, стр. 371—389). «Поучение» Владимира Мономаха в некоторых отношениях можно также причислить к этой группе.

[92] Например, Духовная грамота митрополита Киприана (1378—1405) (АЮ, т. I, № 87, стр. 54), Духовная грамота митрополита Фотия (1408—1431) (ПСРЛ, т. VI. СПб., 1853, стр. 144—148), Духовная грамота митрополита Макария (1543—1563) (АИ, т. I, стр. 328 и сл.).

[93] Духовная грамота Антония Римлянина, являющаяся, очевидно, первой грамотой такого типа на Руси [Филарет (архиепископ Харьковский). Обзор русской духовной литературы. 862—1720. Харьков, 1859, стр. 45]; Духовная грамота Кирилла Белозерского (АИ, т. I, № 32, стр. 61 и сл.); Духовная грамота Иосифа Волоцкого — не смешивать с его Духовной грамотой, пространной редакцией его «Устава»: ВМЧ, 9 сентября. СПб., 1883, [АИ, т. I, № 288, стр. 524 (1507 г.)].

карию Новгородскому. Этих «защитников» они просят заботиться о соблюдении порядка жизни внутри монастыря, в особенности о сохранении общежительного строя и правильном поставлении игумена-наследника. Их же они просят блюсти имения монастыря, им же они передают известные полномочия для проведения суда в монастыре, если игумен, братья или «сильные люди» [94] нарушают «устав-порядки» монастыря. Зато игумен — автор духовной грамоты дает покровителю монастыря и его семье, если она имеется, свое особое благословение и обещает им особые молитвы за их души. От этих русских духовных грамот игуменов завещание Нила отличается так же сильно, как и от уставов-завещаний Евфросина Псковского и Иннокентия Охлебинина. Хотя Завещание Нила, как и другие подобные документы, начинается формулой «Во имя отца...», но здесь нет всех других внешних характерных признаков, придававших завещанию как бы юридическую силу. Нет и имен свидетелей при составлении завещания, нет описания собственной подписи. Может быть, списатели это опустили, но очень возможно, что Нил сам не интересовался вопросами юридического порядка.[95] Он дает в Завещании указания о своем погребении, чего мы не находим в других русских игуменских духовных грамотах.[96] Кроме того, Нил указывает братьям, как поступать с книгами, принадлежащими ему или им, кому дать его большой крест и т. п. Все это выражено опять-таки совершенно просто и кратко, неформально, это просто просьба к братии, а не юридический документ или духовное завещание в каком-либо смысле. Поэтому Завещание Нила, его духовная грамота, носит в особенной мере отпечаток своеобразной личности Нила. Он не доверяет никакому покровителю-защитнику свой скит. Такой защитник, очевидно, не необходим для обеспечения будущей жизни Нилова скита. Гарантирует, по Нилу, такую жизнь лишь дух «жительства», как он его передал ученикам в своем «Предании»: «Вся же, яже написах в писании сем, хощу да и живу ми сущу и по смерти моем творима да будет».[97]

---

[94] О них пишет Александр Свирский (АИ, т. I, № 135, стр. 195 и сл.).

[95] По нашему мнению, Нил представлял себе обновление русского монашества как дело «мысленого делания», т. е. нравственного усовершенствования и умозрительного созерцания, в то время как Иосиф Волоцкий и Нилов «ученик» Вассиан Патрикеев были остро заинтересованы злободневными общественными проблемами. Нил проповедовал «уход из мира», однако он не был лишен интереса к злободневным вопросам — об этом свидетельствуют отдельные замечания в его «11 главах» и посланиях; и все же главную обязанность монахов он видел в отделении церковного дела от государственных.

[96] Прообразом опять-таки может служить подобная духовная грамота-завещание «отца церкви» Ефрема Сирина, в которой находится также статья о погребении [см.: Ephraem Syrus. Opera omnia quae extant, Graece, Syriace, Latine in VI tomis distributa (editio Assemani), tomus I, II, III, Graece et Latine. Romae, 1732, 1743—1746; греческий текст, т. II, стр. 297 и сл.]. Завещание Нила отличается от Завещания Ефрема и высказанной в нем просьбой о погребении. Тот хотел быть погребенным не в церкви (в качестве будущего святого), но на кладбище, как все рядовые монахи. Нил предпочитал, чтобы его, грешника, вообще не погребали, а кинули его вон «в пустыни да изъядят е зверие и птицы» (М. С. Боровкова-Майкова. Нила Сорского Предание и Устав, стр. 10). Имеется и для этого желания прообраз в столь любимой Нилом «отеческой» литературе, в патерике. Великий Антоний, основатель отшельничества, сам запретил своим ученикам погребать или мумифицировать его (Афанасий Александрийский. Житие Антония; см.: J. P. Migne. Patrologiae Graecae t. 26. 1857, стлб. 969—972). Называет Нил в своем завещании и «великого» Арсения, знаменитого «отца»-пустынника первых монашеских поколений древнего мира (Alphabetikon Arsenios, № 40: J. P. Migne. Patrologiae Graecae t. 65, 1858, стлб. 105β). Вся забота Нила, очевидно, о том, чтобы не считали его тело «мощами» и не воздавали ему поэтому «честь и славу» (там же).

[97] М. С. Боровкова-Майкова. Нила Сорского Предание и Устав, стр. 7.

VII

Итак, сочинения Нила Сорского, относящиеся к первой группе, указанной нами в начале статьи,[98] существенно отличаются от подобных сочинений его современников, предшественников и более поздних поколений церковных писателей.

Его «11 глав» представляют собой богословский трактат, отличающийся по стилю, внутренней последовательности изложения, более «толковому» привлечению обширной отеческой литературы и глубине психологических замечаний от сухих, чисто обрядовых русских монашеских «поучений» XV—XVI вв., а также от подобных произведений афонской «школы синайского исихазма», к которой Нил примкнул во время его пребывания на Святой Горе и на Ближнем Востоке.[99] Несмотря на обилие цитат из греческой монашеской литературы, трактат Нила представляет собой целое, совершенно оригинальное по изложению и проникновению в сущность данного предмета сочинение, которое говорит — кстати, как и его послания — о незаурядном литературном таланте, используемом, пожалуй, лишь в чисто «монашеских» целях.

«Предание учеником своим» является монастырским уставом для Нилова скита, уставом совершенно необыкновенного в тогдашней России типа. Это «духовное завещание основателя монастыря» нарочитой простоты. Оно принадлежит по своей форме к самым древним и неразвитым образцам игуменских монастырских уставов и этим резко отличается от более разбитого, подробного, упорядочившего отдельные области монастырской жизни Устава Евфросина Псковского, первого известного нам создателя ктиторского монастырского устава, а также от Устава Иосифа Волоцкого, его знаменитого современника.

Завещание Нила пренебрегает всеми обычными на Руси формальными правилами для документов этого жанра и является опять же весьма простой письменной просьбой к братии позаботиться (вернее, не заботиться) о теле своего учителя и нескольких вещах, имеющихся в его келье.

Сочинения Нила Сорского занимают совершенно особое место в современной ему письменности, даже в чисто церковной и монашеской. Они свидетельствуют о том, что Нил шел своим особым путем, следуя мировоззрению, довольно редкому в современном ему обществе, несмотря на мнимых приверженцев его направления.[100] Хотя Нил несомненно был незаурядной личностью, имевшей свой собственный, продуманный путь к реформе современного ему монашеского быта,[101] эта личность никогда не

---

[98] См. выше, стр. 81.

[99] О своеобразии «исихазма» Нила в сравнении с его византийской современностью я говорила в свое время в докладе на XI международном съезде византинистов в Мюнхене в 1958 г., опубликованном в «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas» (Bd. 6, H. 5, München, 1958, стр. 436—448); в моей диссертации (печатается) будет сказано еще кое-что на эту тему.

[100] Не останавливаясь здесь подробнее на этом вопросе, отметим, что и Вассиан Патрикеев, и «заволжские старцы» как общественная группа не были последователями Ниловых идей во всех отношениях.

[101] Хочу здесь указать лишь на то обстоятельство, что идеалом Нила было что-то вроде «возрождения» русского монашества путем возвращения к писаниям греческих «отцев» первых столетий. При этом он явно отрицал собственную русскую монашескую традицию, как она сложилась до XV в., включая «стяжания» монастырей, т. е. их феодальное землевладение, украшенные каменные церкви, торжественное церковное пение и т. д. Во всем он хотел вернуться к обычаям древних пустынников Ближнего Востока (ведь само «жительство» в скиту было изобретено там!). В этом-то заключается его главное отличие от Иосифа Волоцкого и иосифлян. Иосиф опирался на русскую монашескую традицию, устную и записанную, например в Киевском патерике; его ученик Вассиан Фатеев составил «Волоколамский патерик» (см.: В. О. Ключевский. Древне-

обнаруживалась так ярко, как например, личность Иосифа Волоцкого или «князя-инока» Вассиана Патрикеева. В жизни Нил скрывался по причинам монашеского «подвижничества» от мира и был, как намекают скудные указания источников, лишь редко привлекаем к практическому решению вопросов современности на соборах и совещаниях; в своих сочинениях он скрывался за цитатами из «священного писания и «святых отець», и лишь прозорливый глаз может открыть сквозь завесу этих «отеческих» мнений [102] талантливого писателя и человека, выбравшего собственный способ решения насущных вопросов общественной жизни своего времени.

русские жития святых как исторический источник, стр. 294, прим. 2). Итак, «хула» на русских чудотворцев, в которой, как известно, иосифляне обвиняли Нила Сорского и Вассиана Патрикеева, заключалась не в том, что Нил не «верил» в их чудеса, был критиком религии, а в том, что он признавал лишь древних греческих «святых отцев», греческие патерики, которые он исключительно приводит, нигде не упоминая о русских святых.

[102] К этому «открытию» может и привести изучение посланий Нила к его друзьям и ученикам, имевших более личный характер; о его образованности в сравнении со многими современниками говорит его «филологическая» работа — исправление житий святых по греческому оригиналу (см.: Я. С. Лурье. К вопросу об идеологии Нила Сорского, стр. 195 и сл.). В своей диссертации я привожу еще несколько примеров «филологической» добросовестности Нила.

Р. Г. СКРЫННИКОВ

Курбский и его письма в Псково-Печерский монастырь

Послания А. М. Курбского старцу Псково-Печерского монастыря Васьяну Муромцеву представляют собой выдающийся памятник публицистической литературы XVI в. Послания эти являются также ценным памятником идеологической и политической борьбы накануне опричнины.

Сохранились три послания Курбского в Псково-Печерский монастырь. Первое адресовано «некоему старцу» монастыря, в двух других прямо названо имя адресата старца Васьяна. Первые два послания известны по рукописям: 1) ГБЛ, собр. Беляева, № 55/1549 (скоропись XVII в.); 2) ГПБ, собр. Соловецкого монастыря, № 962/852 (скоропись начала XVII в.); 3) ГИМ, собр. Уварова, № 1971 (скоропись XVIII в.).

Все три рукописи были использованы при издании посланий Курбского Г. З. Кунцевичем.[1] В основу публикации текста Г. З. Кунцевич положил рукопись из собрания И. Д. Беляева. При ближайшем рассмотрении, однако, оказывается, что Беляевский список является сокращенной редакцией первых двух посланий Курбского.

Более исправный и полный текст передает рукопись ГПБ, собр. Соловецкого монастыря, № 962/852, воспроизведенная Кунцевичем в разночтениях. В состав небольшого по объему Соловецкого сборника входят документы 80—90-х годов XVI в.: «Утвержденная грамота» царя Федора Ивановича, грамота об избрании царя Бориса, послание к Борису патриарха Иова и в конце сборника «заздравная» за царя Бориса.[2]

Судя по его составу, Соловецкий сборник восходит к концу XVI в. и принадлежит к числу древнейших сборников, включающих сочинения Курбского. Соловецкий сборник воспроизводит не только наиболее древний, но и наиболее полный текст первых двух посланий Курбского, содержащий ряд сведений, отсутствующих во всех других списках. Так, например, в различных списках первое послание Курбского Васьяну начинается со следующей фразы: «Книга глаголемая Раиская, иже суть в божиих церквах, некая уже от словес в ней смотрел есми».[3] По Соловецкому списку эта явно испорченная при переписке фраза читается иначе: «Книга глаголемая Раиская иже суть в божиих церквах, некая раиская от вашея святости к рукам моим пришла и некая уже от словес в неи смотрел есми».[4] В начале второго послания поздней редакции читаем: «Писанеице твое, любовию помазанное, дошло до меня и много челом бью на благих твоих».[5] По Соловецкому списку эта фраза читается так: «Писанеицо твое любовию помазанное, дошло до меня, а книгу и Герасимово

---

[1] Сочинения князя Курбского, т. 1 — РИБ, т. XXXI. СПб., 1914, стр. VI—VII; № IX, стр. 377—382; № X, стр. 383—404.

[2] [И. Я. Порфирьев.] Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии, ч. 2. Казань, 1885, стр. 553—559.

[3] РИБ, т. XXXI, стр. 377.

[4] Там же, прим. 4.

[5] Там же, стр. 383.

житие и счет летом привезли же ко мне и много челом бью на благы твоих».[6]

Сведения о присылке книг и в особенности денежных счетов Курбскому из Печерского монастыря представлялись не только малоинтересными, но и неуместными в глазах позднейших переписчиков, монахов XVII в., и потому все эти сведения были исключены. Вместе с тем переписчики XVII в., симпатизировавшие «благочестивому мужу», сочли необходимым прокомментировать первое послание Курбского, приписав в конце его следующую фразу: «Зри в концы писания сего, что глаголет, слыша бо о себе благочестивыи сеи муж наветы и умышления великаго князя, еже хотяше убити, и сего ради сице пишет, и помышляше, как бы избегнути неправеднаго его убиения».[7] Эта приписка отсутствует в древнейшем Соловецком списке первого послания.

Соловецкая рукопись воспроизводит первоначальную редакцию посланий Курбского. В различных списках второго послания Курбского читаем: «Где Илия, о Науфеове крови возревновавыи, и ста царю в лице со обличением?».[8] То же место в Соловецкой рукописи выглядит иначе: «Где Илия, о Нафееве крови возревновавыи и стя царю в лице обличением, где Елисее посрамивыи царя и Израилева сына Ахавова?».[9]

Сказанное выше не оставляет сомнений в том, что Соловецкий список представляет собой не только древнейший, но и наиболее исправный список первых двух посланий Курбского в Псково-Печерский монастырь, не подвергавшийся позднейшим переделкам и сокращениям.

Третье послание Курбского Васьяну сохранилось в составе следующих сборников: 1) ГИМ. собр. Уварова, № 1584 (скоропись XVII в.), 2) ГИМ Муз., № 2524/42797 (скоропись XVII в.); 3) ГПБ, собр. Погодина, № 1567 (скоропись XVII в.); 4) ГПБ, собр. Погодина, № 1573 (скоропись XVII в.). В составе сборников №№ 2 и 4 письму Курбского предпослана его же краткая записка в Юрьев, причем в сборнике № 4 записка помещена непосредственно после заголовка «Курбскаго в Печерской монастырь», перед текстом послания.[10]

Очень интересен комплекс документов, составляющих непосредственное окружение третьего послания Курбского. В состав сборника № 1 входят: записка Курбского в Юрьев (л. 1), его же послание (третье) старцу Васьяну (лл. 1—4), его же послание царю из Вольмара (лл. 5—9), послание Тетерина М. Я. Морозову в Юрьев (лл. 9 об.—11), грамота Полубенского в Юрьев (лл. 11 об.—13).[11] За некоторым исключением, тот же комплекс документов находим в составе сборника № 3: третье послание Курбского Васьяну, его же послание царю, письма Тетерина и Полубенского в Юрьев и, наконец, ответ царя Курбскому, датированный 5 июля 1564 г[12]

Погодинский сборник № 1567 относится к самому началу XVII в. и, как показал Я. С. Лурье, примерно на полстолетия старше всех других

---

[6] Там же, прим. 3.
[7] Там же, стр. 382.
[8] Там же, стр. 395.
[9] Там же, стр. 396, прим. 14—17.
[10] См.: А. Ф. Бычков. Описание церковнославянских и русских рукописных сборников императорской Публичной библиотеки, ч. 1. СПб., 1882, стр. 142.
[11] Архим. Леонид. Систематическое описание рукописей собрания гр. Уварова, ч. 3. М., 1894, стр. 232—233.
[12] Послания Ивана Грозного. Подготовка текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1951 (серия «Литературные памятники»), стр. 533—540.

сборников аналогичного содержания.[13] Этот список, вероятно, восходит к сборнику, составленному в Печерском монастыре, и передает древнейший список третьего послания Курбского в Псково-Печерский монастырь.

Для правильной оценки содержания посланий Курбского важно верно датировать их.

Е. В. Петухов полагал, что все три послания Васьяну были написаны Курбским из эмиграции. В конце второго послания Курбский упоминал о том, что интересовавшие его книги Скорины «переведены не в давних летах, аки лет 50 или мало к сим».[14] Известно, что перевод книг Скорины был издан в Полоцке в 1517—1519 гг. На этом основании Е. В. Петухов заключил, что послания Курбского, появившиеся через 50 лет, были написаны около 1570 г.[15]

Из советских исследователей только Я. С. Лурье, издавший послания Грозного и составивший комментарии к ним, имел случай специально высказаться о письмах Курбского. Он не разделяет мнения Е. В. Петухова и считает, что первое послание в Псково-Печерский монастырь было написано Курбским до бегства в Литву в апреле 1564 г., два же других послания писались после бегства. В частности, последнее послание было составлено в эмиграции в 1564—1565 гг.[16]

Обстоятельную статью посланиям Курбского в Псково-Печерский монастырь посвятил английский исследователь Н. Е. Андреев.[17] По его мнению, Курбский все свои послания старцу Васьяну написал из Юрьева в период между декабрем 1563 и апрелем 1564 г. Действительно, — замечает Андреев — в последнем из писем «Курбский пишет, что впервые познакомился с монахами Псково-Печерского монастыря 7 лет тому назад, т. е. во время приготовления к первой Ливонской кампании, которая открылась в январе 1558 г., когда он был одним из командиров русского сторожевого полка. Это значит, что три письма были написаны в течение последнего года, который Курбский провел в России, т. е., вероятно, между декабрем 1563 г. и апрелем 1564 г.».[18]

Русская армия проследовала мимо Псково-Печерского монастыря по пути в Ливонию около декабря 1557—января 1558 г.[19] Если, как то пола-

---

[13] Там же, стр. 540.

[14] РИБ, т. XXXI, стр. 401—402.

[15] Е. В. Петухов. 1) О некоторых исторических и литературных фактах, связанных с именем Успенского Псково-Печерского монастыря в XVI и XVII вв. — Труды X археологического съезда, ч. 1. Рига, 1899, стр. 261; 2) Русская литература, изд. 3-е. Пгр., 1916, стр. 183.

[16] Я. С. Лурье. Вопросы внешней и внутренней политики в посланиях Ивана IV. — В кн.: Послания Ивана Грозного, стр. 472—473, 533.

[17] N. Andreyev. Kurbsky's Letters to Vas'yan Muromtsev. — The Slavonic and East European Review, vol. XXXIII, № 81. London, 1955. Отвергая датировку писем Курбского, предложенную Е. В. Петуховым, Н. Андреев упрекает советских исследователей в том, что они следуют этой датировке: «Петухов, и Лурье, и Масленникова, следуя его примеру, считают, что эти письма были написаны около 1570 г., т. е. из Литвы. Это предположение, однако, неверно» (там же, стр. 415). Как мы отметили выше, Я. С. Лурье, разбирая послания Курбского, вовсе не следовал примеру Е. В. Петухова. Интересно, что в предыдущей статье Н. Андреев выражал свой упрек в более осторожной форме: «Лурье сомневается в том, что все письма Курбского написаны после его бегства, но не предлагает никакой альтернативной теории» (N. Andreyev. The Pskov-Pechery Monastery in the 16th Century. — The Slavonic and East European Review, vol. XXXII, № 79. London, 1954, стр. 331, № 57). Н. Н. Масленникова имела возможность лишь мимоходом коснуться вопроса о посланиях Курбского (Н. Н. Масленникова. Идеологическая борьба в псковской литературе в период образования Русского централизованного государства. — ТОДРЛ, т. VIII. М.—Л., 1951, стр. 207).

[18] N. Andreyev. Kurbsky's Letters..., стр. 415.

[19] ПСРЛ, т. XIII, ч. 2. СПб., 1906, стр. 286—287.

гает Н. Е. Андреев, третье послание было написано Васьяну семь лет спустя, то это произошло в декабре 1564—январе 1565 г., а никак не в декабре 1563 г.[20] Эта последняя дата основана на очевидном недоразумении.

По словам Курбского, после того как он впервые шел «в немцы» и видел объятых страхом псково-печерских монахов, он воевал в Ливонии «аки 7 лет беспрестанни». Но это утверждение нельзя понимать буквально хотя бы потому, что со времени первого похода Курбского в Ливонию и до бегства его в Литву прошло всего шесть с половиной лет.

Вывод Н. Е. Андреева о том, что все послания были написаны в период между декабрем 1563 и апрелем 1564 г., противоречит не только исходным посылкам автора, но и непосредственным указаниям источника.

Переписка между Курбским и старцем Псково-Печерского монастыря завязалась после того, как старец Васьян прислал юрьевскому воеводе церковные книги. За них Курбский благодарил Васьяна в своем первом послании к нему: «Книга, глаголемая Раиская, иже суть в божиих церквах, некая Раиская, от вашея святости к рукам моим пришла и некая уже от словес в неи смотрел есми».[21]

Во втором послании Курбский уведомил Васьяна о том, что получил от него ответную грамоту и что тогда же летом (!) к нему привезли из Псково-Печерского монастыря новые книги и какой-то денежный счет: «Писанеице твое, любовию помазанное, дошло до меня, а книгу и Герасимово житие и счет летом привезли же ко мне и много челом бью на благы твоих».[22]

Все эти подробности, сохраненные Соловецким списком и крайне важные для точной датировки посланий Курбского, следует увязать с известными нам фактами биографии Курбского.

В марте 1563 г. Курбский получил назначение и вскоре выехал в Юрьев Ливонский. Поскольку дорога в Юрьев пролегала через Псков и Псково-Печерский монастырь, то Курбский не мог миновать остановки в этих местах. Поэтому весьма вероятно, что проездом Курбский останавливался у псково-печерских старцев и вел с ними беседы. В это же время он занял у них деньги. По прибытии в Юрьев весной 1563 г. Курбский получил от старцев «Райскую» книгу и, очевидно, тогда же написал свое первое послание «некоему старцу» в Псково-Печерский монастырь: уже летом того же 1563 г. Курбский получил ответное послание старца Васьяна и денежный счет, который он немедленно оплатил.[23]

Первое послание Васьяну было посвящено в основном вопросам церковной догматики. Курбский оспаривал подлинность апокрифического (так называемого пятого) Никодимова Евангелия, присланного ему среди других церковных книг старцем Васьяном.[24] Опасаясь, что критика церковных книг может быть использована в дальнейшем против него самого, Курбский предлагал Васьяну сжечь его послание: «Аще и бритостны ти строки сия явятся, и ты раздери и огню предаи их».[25] В краткой приписке, сделанной в самом конце послания, Курбский просил Васьяна о за-

---

[20] Мы остановились подробно только на одном, решающем аргументе Н. Е. Андреева. Другие аргументы (попытка Курбского занять у Васьяна деньги, будто бы нужные ему для побега; предполагаемое отсутствие сношений с Васьяном после побега и т. д.) имеют лишь относительное значение для точной датировки посланий (см.: N. Andreyev. Kurbsky's Letters. . ., стр. 419).

[21] РИБ, т. XXXI, стр. 377, прим. 4.

[22] Там же, стр. 383, прим. 3.

[23] Позже Курбский напомнил об этом старцу Васьяну: «Имал был есми денги у вас и яз и заплатил» (РИБ, т. XXXI, стр. 405).

[24] РИБ, т. XXXI, стр. 379.

[25] Там же, стр. 380.

ступничестве и сетовал на постигшую его опалу. «И многажды много вам челом бью, — писал он, — помолитеся о мне окаянном, понеже паки напасти и беды от Вавилона на нас кипети многи начинают».[26]

Бесспорно, что под напастями и бедами «от Вавилона» Курбский подразумевал беды от царской власти, царскую опалу.

Согласно некоторым источникам (польские хроники), опала постигла Курбского еще летом 1562 г., после неудачного сражения под Невелем. Однако это известие лишено достоверности.

25 марта 1562 г. бояре князья И. И. Пронский и А. М. Курбский были посланы со «многими людьми» к литовской границе, в Великие Луки.[27] 28 мая из Великих Лук Курбский ходил к Витебску, сжег посад и захватил в остроге всю артиллерию.[28] В свою очередь литовцы в августе напали на Невель и разорили его окрестности. На помощь невельским воеводам немедленно выступил Курбский. «И ходил за ними (литовцами, — *Р. С.*) князь Андрей Курбской и с ыными воеводами, — замечает псковский летописец, — и мала была помощь, с обеих сторон потернулися и языков наши взяли у них».[29]

Официальная московская летопись вовсе не сообщила о стычке под Невелем. Но Грозный в своем послании Курбскому, написанном через два года, не преминул упрекнуть своего воеводу за неудачу под Невелем: «Како же убо под градом нашим Невлем: пятьюнадесять тысяч четырех тысяч не могосте победити, и не токмо убо победисте, но и сами от них язвени едва возвратишася, сим ничто же успевшу?».[30] Слова царя, что воеводы сами от литовцев «язвени» едва возвратились, объясняются очень просто: в стычке под Невелем Курбский был ранен. Согласно разрядам, в 1562 г. из Великих Лук «ходили воеводы в войну: князь Андрей Курбский да князь Федор Троекуров; одинова приходили литовские люди и Курбского ранили».[31]

Что касается сведений польских источников о «битве» под Невелем, то они крайне недостоверны. Польский хронист М. Бельский повествует, будто осенью 1563 г. (?) полторы тысячи поляков наголову разгромили под Невелем 40 тысяч русских; товарищ Курбского, упрекая его в проигранной битве, приписывал ему всю неудачу. Испугавшись гнева великого князя, Курбский будто бы и бежал в Литву.[32]

После стычки под Невелем Курбский довольно быстро оправился от раны и в сентябре 1562 г. получил назначение командовать сторожевым полком в армии, выступившей к Полоцку.[33]

Опала постигла Курбского позже, после падения Полоцка. Во время осады Полоцка он еще пользовался полным доверием царя и выполнял ответственные поручения. В ночь на 5 февраля 1563 г. Курбский руководил установкой туров против полоцкого острога.[34] 11 февраля по приказу

---

[26] Там же, стр. 381.

[27] ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 340—341.

[28] Там же.

[29] Псковские летописи, т. I. Под ред. А. Н. Насонова. М.—Л., 1955, стр. 243.

[30] Послания Ивана Грозного, стр. 56.

[31] Разрядная книга 1375—1605 гг.: ГПБ, собр. Эрмитажное, д. 390 (далее: Разряды), л. 285. Приношу глубокую благодарность Д. Н. Альшицу за любезное разрешение ознакомиться с машинописной копией этого списка разрядной книги.

[32] Н. Устрялов. Сказания князя Курбского, изд. 2-е. СПб., 1842, стр. XV—XVII. Как отметил еще А. Н. Ясинский, бой под Невелем никак не мог повлиять на решение Курбского бежать в Литву (А. Н. Ясинский. Сочинения князя Курбского как исторический материал. Киев, 1889, стр. 63—65).

[33] Разрядная книга Полоцкого похода царя Иоанна Васильевича 1563 г. — Витебская старина, т. IV. Витебск, 1885, стр. 27; Разряды, л. 289 об.

[34] Разряды, лл. 292—293.

царя вместе с П. Зайцевым он занял туры, выставленные накануне у стен крепости.[35] По взятии Полоцка Курбский сопровождал Грозного до Великих Лук. 7 марта на смотре в Великих Луках Курбский получил назначение в Юрьев Ливонский «на год» с вербного воскресенья.[36] (В 1563 г. этот день приходился на 3 апреля). Вместе с Курбским в Юрьев были посланы воевода князь М. Ф. Прозоровский (зять Курбского), воеводы князь А. Д. Дашков, М. А. Карпов, Г. П. Сабуров.[37] Назначение Курбского в Юрьев после победоносного похода на Полоцк явилось, без сомнения, следствием царской опалы. Таким образом, весной 1563 г. Курбский имел все основания жаловаться своему духовному отцу Васьяну на «напасти и беды от Вавилона», т. е. от царской власти.

Разрыв Курбского с царем был обусловлен многими обстоятельствами, в частности земельным законодательством о княжеских вотчинах (1562 г.), ограничившим родовое землевладение ярославских князей, и в особенности постепенно усилившимися репрессиями против княжеско-боярской оппозиции и т. д. В 1563 г. репрессии непосредственно затронули Ярославский княжеский род. Курбский рассказывает о том, что на пути к Полоцку, во время остановки в Невеле, Грозный казнил князя Ивана Шаховского-Ярославского.[38] По разрядам можно установить, что царь был в Невеле 19—20 января 1563 г.[39] Через два месяца в опале оказался Курбский. За 2 дня до смотра в Великих Луках, 5 марта 1563 г., боярин М. Я. Морозов и другие смоленские воеводы сообщили царю об измене стародубских воевод. «Прислал к ним, — писали воеводы, — казачей атаман Олексей Тухачевский литвина Курняка Созонова, а взяли его за пяти верст от Мстиславля, и Курьянко сказал: король в Польше, а Зиновьевич пошел к Стародубу в чистой понедельник, и с ним литовские люди изо Мстиславля, из Могилева, из Пропойска, из Кричева, из Радомля, из Чичерска, из Гоим, а пошел по ссылке Стародубского наместника — хотят город сдати».[40]

По приказу царя стародубские воеводы князь В. Фуников и И. Шишкин-Ольгов были немедленно арестованы и отосланы в Москву. После сыска И. Шишкин, близкий родственник А. Адашева, был казнен. Видимо, вслед за тем казни подверглись и другие родственники А. Адашева: Данила Адашев с сыном и его тесть П. Туров, Федор, Алексей и Андрей Сатины.[41] Курбский сообщает, что виделся с П. Туровым за месяц до казни последнего в Москве. Во время этого свидания Туров доверительно рассказал ему «видение», предвещавшее ему мученическую смерть.[42]

Последовавшие за изменой И. Шишкина репрессии явились, кажется, переломным моментом и в судьбе Курбского. Уже 7 марта последний получил назначение на воеводство в Юрьев. Царь Иван IV рассматривал

---

[35] Там же, л. 295 об.

[36] Витебская старина, т. IV, стр. 66. Под начальством юрьевских воевод находилось 355 детей боярских из Новгорода и 110 детей боярских из Юрьева (там же, стр. 66—67).

[37] Разряды, л. 300.

[38] РИБ, т. XXXI, стр. 284—285.

[39] Витебская старина, т. IV, стр. 47.

[40] Там же, стр. 65.

[41] Сообщив о казни И. Шишкина, «мужа, во истину праведного и зело разумного», князь Курбский рассказывает затем о казнях других родственников А. Адашева, поясняя, что они погибли через 2 или 3 года после начала «великих гонений» (1560—1561 гг.) (РИБ, т. XXXI, стр. 278).

[42] РИБ, т. XXXI, стр. 278. После смотра в Великих Луках 7 марта Курбский не сразу выехал в Ливонию, так как срок его воеводства в Юрьеве начинался 3 апреля. В марте он, видимо, и заезжал в Москву (за семьей) и там виделся с Туровым.

ссылку на воеводство в Юрьев как наказание Курбскому за его «согласие» с «изменниками»: «Зла же и гонения безлепа от меня не приял еси и бед и напастей на тебя не подвигли есми; а кое и наказание малое бывало на тебя и то за твое преступление, понеже согласился еси с нашими изменники».[43]

*

Будучи в Юрьеве, Курбский получил летом 1563 г. грамоту от старца Васьяна и позже ответил на нее. В начале своего второго послания он уведомлял своего адресата, что получил его «писаньице, помазанное любовью», новые книги (Герасимово Житие), а также заемный счет. Васьян не разделял сомнений Курбского в подлинности Никодимова (пятого) Евангелия, и поэтому Курбский во втором послании высказал новые аргументы в пользу своей точки зрения. (Сам автор называл позже свое второе послание Васьяну «вторым посланьицем против всего пятого евангелия»).[44]

Ничто во втором послании не указывало на резкую перемену во внешнем положении его автора. Нельзя поэтому согласиться с Я. С. Лурье, который считает, что Курбский написал свое второе послание Васьяну после бегства из России. Второе послание было простым продолжением возникшей ранее переписки. Находясь в Юрьеве, Курбский получал от старцев книги, полемизировал с ними по догматическим вопросам, наконец, оплатил денежные счета, присланные ему монахами летом 1563 г. Во втором послании Курбский отстаивал официальную теорию «Москва — третий Рим». И это свидетельствует в пользу того, что послание было написано еще в бытность Курбского в России.

Второе послание Курбского тесно примыкает к первому и в то же время сильно отличается по тону и содержанию от третьего послания Васьяну, написанного из эмиграции.[45] Второе послание было написано Курбским после лета 1563 г., но, как мы полагаем, до побега в Литву в апреле 1564 г.

В начале послания Курбский писал, что за грехи погибли древние царства, погиб Рим, и Русь стала единственным оплотом православия.[46] Но и на Руси дьявол начинает производить «смущение»: только его кознями можно объяснить действия «державных» правителей Руси. Бросая дерзкий вызов Грозному, Курбский утверждал, что правители России уподобились свирепым кровожадным зверям. «Державные, — писал он, — призваные на власть от бога поставлены, да судом праведным подовластных разсудят и в кротости и в милости державу управят, и грех ради наших вместо кротости сверепее звереи кровоядцев обретаются, яко ни от естества подобново пощадети попустиша, неслыханные смерти и муки на доброхотных своих умыслиша».[47]

Чтобы понять слова Курбского, надо вспомнить о том, что как раз в период написания второго послания (лето 1563—апрель 1564 г.) по приказу царя были казнены некоторые из членов Боярской думы.

---

[43] Послания Ивана Грозного, стр. 54.

[44] РИБ, т. XXXI, стр. 410.

[45] Анализ состава древнейших сборников, содержащих сочинения Курбского, обнаруживает деление посланий на две группы: к одной группе принадлежат первые два послания Васьяну, к другой — третье послание и окружающие его документы: записка в Юрьев, послание царю из Вольмара, ответ царя (см. ниже).

[46] РИБ, т. XXXI, стр. 393.

[47] Там же, стр. 395.

В первом послании Грозному Курбский писал, что кровью своих воевод царь обагрил церкви.[48] Согласно «Истории о великом князе Московском», в церкви были убиты бояре князья М. Репнин-Оболенский и Ю. Кашин-Оболенский.[49] По родословцам, князь Ю. Кашин погиб 31 января 1564 г.[50] Той же ночью был казнен, очевидно, и князь М. Репнин.

Казнь княжат Оболенских знаменовала собой окончательный поворот в политике Грозного, поворот к суровым репрессиям против княжеско-боярской оппозиции в России.[51] Впервые после ликвидации боярского правления и воцарения Ивана IV смертной казни подверглись лица, входившие в состав высшего феодально-аристократического органа России — Боярской думы и принадлежавшие к правящей верхушке господствующего класса. Казни бояр Оболенских вызвали крайне резкое недовольство среди феодальной знати.

Выше мы писали, что второе послание Васьяну было написано Курбским не ранее лета 1563 г. и не позднее апреля 1564 г. Обвинение Курбским царя в кровожадности заставляет предположить, что послание писалось под непосредственным впечатлением политических казней 31 января 1564 г., т. е. в период между февралем и апрелем 1564 г.

Репрессии, проведенные правительством в январе 1564 г., вызвали сильное осуждение не только со стороны феодальной знати, но и со стороны высшего духовенства, тесно связанного с боярскими группировками. Митрополит Макарий, возглавлявший русскую церковь на протяжении многих лет, неизменно стремился предотвратить открытое столкновение между царем и оппозиционным боярством. Ярый приверженец сильной центральной власти и один из носителей официальной теории самодержавия, Макарий отнюдь не был сторонником решительного подавления княжеско-боярской оппозиции. Так, Макарий просил о помиловании боярина князя С. В. Ростовского в 1554 г., ходатайствовал перед царем о разрешении Сильвестру и Адашеву прибыть на собор, созванный для суда над ними в 1560 г. Наконец, он добился примирения царя с удельными князьями И. Д. Бельским в 1562 г. и В. А. Старицким в 1563 г.[52]

После смерти Макария (31 декабря 1563 г.) митрополичий престол оставался незанятым в течение двух месяцев. И именно этот момент был избран правительством для нанесения удара по оппозиции. Без совета с высшим духовенством и Боярской думой Грозный приказал казнить бояр князей Ю. Кашина-Оболенского и М. Репнина-Оболенского. «Законопреступные» репрессии возбудили сильное недовольство среди высшего духовенства, и царь вынужден был считаться с этим фактом. Подготовляя почву для компромисса, Грозный решил предоставить главе церкви ряд почетных привилегий. Для этой цели в феврале 1564 г. в Москве был со-

---

[48] Там же, стр. 1—2.

[49] Там же, стр. 278—279.

[50] Г. А. Власьев. Потомство Рюрика, т. I, ч. 2. СПб., 1906, стр. 499—500. См. также: А. А. Зимин. Состав Боярской думы в XV—XVI веках. — Археографический ежегодник за 1957 г. М., 1958, стр. 67.

[51] Непосредственным толчком к началу суровых политических репрессий против княжеско-боярской оппозиции послужило известие о разгроме русских войск литовцами под Улой 26 января 1564 г. Причиной поражения явилась небрежность бояр-воевод. Известия о поражении дошли в Москву не позже 30—31 января 1564 г. (ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 377—378).

[52] Митрополиты издавна пользовались правом «советывания» перед царем. В грамоте о поставлении на митрополию Филиппа Колычева значилось: «. . . игумен Филипп митропольи не отставливал, а советовал бы с царем с великим князем, как прежние митрополиты советовали с отцом его великим князем Василием и з дедом его великим князем Иваном» (Приговор 20 июля 1566 г.: СГГД, ч. 1. М., 1813, № 193, стр. 557).

зван «священный собор», на котором еще до избрания нового митрополита рассматривался вопрос о так называемом «белом клобуке». В речи к собору царь Иван IV предложил учинить новому митрополиту, который займет место Макария, «древнюю почесть», а именно «тому митрополиту носить белой клобук с рясами с херувимом» и «печатати грамоты благословенные и посыльные красным воском».[53] Царь указал, что первые московские митрополиты Петр и Алексей носили «белый клобук» и что ему неизвестны «писания», объясняющие, почему теперь такой привилегией пользуются только новгородские архиепископы. Если сейчас митрополит наравне с прочими владыками носит черный клобук, то в этом «его высокопрестольной степени перед архиепископы и епископы почести нет».[54]

По представлению царя священный собор и Боярская дума 9 февраля 1564 г. одобрили уложение о «белом клобуке».[55] Соборная грамота была скреплена подписями 3 архиепископов и 6 епископов.[56]

Приговор о «белом клобуке» способствовал достижению компромисса между царем и церковью. Этот приговор должен был не только укрепить авторитет главы русской церкви, но и привлечь на сторону царя нового митрополита в обстановке той сложной и острой политической борьбы, которая развернулась в начале 1564 г.

Избрание нового митрополита представило большие трудности и потому затянулось на целый месяц. Только 24 февраля на митрополичий двор был «возведен» бывший благовещенский протопоп и духовник царя Андрей, принявший после пострижения в Чудовом монастыре имя Афанасия. 5 марта состоялась церемония поставления Афанасия на митрополию. Царь торжественно вручил новому митрополиту его посох и произнес речь, начинавшуюся с указания на божественное происхождение царской власти: «Всемогущая и животворящая святая троица, дарующая нам всеа Россиа самодержьство Российского царства» и т. д.[57]

При избрании нового митрополита царь пожаловал ему широкие иммунитетные привилегии и освободил митрополичьих крестьян и монастыри от разных повинностей.[58] Все эти привилегии, из которых митрополичья казна должна была извлечь для себя большие выгоды, должны были упрочить согласие между царем и главой церкви.

Компромисс вызвал резкий протест со стороны оппозиции, свидетельством чему явилось послание Курбского Васьяну, написанное как раз между февралем и апрелем 1564 г. В этом послании Курбский прямо обвинял «осифлянских» иерархов церкви в том, что они подкуплены богатствами. Богатства, по его словам, превратили святителей в послушных угодников властей: «...каждо своим богатством промышляет и, обнявши

---

[53] ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 378.

[54] Там же.

[55] Там же. В «Актах исторических» (т. I, СПб., 1841, № 173, стр. 333) Соборная грамота ошибочно датирована 2 февраля 1564 г. Более исправный текст напечатан в летописях (ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 378). Разработка уложения о «белом клобуке» началась, конечно, ранее февраля 1564 г., но это не меняет существенным образом оценки приговора. Подготовляя репрессии против оппозиции, правительство не могло оставить без внимания настроения высшего духовенства и старалось привлечь на свою сторону митрополита предоставлением ему новой почетной привилегии.

[56] Уложение о «белом клобуке» не носило характера специальной антиновгородской меры. Новгородские архиепископы не были лишены «древней почести», и привилегия была лишь распространена на митрополита. Новгородский архиепископ Пимен, неизменно пользовавшийся расположением царя, был первым из иерархов, поставивших подпись под Соборным приговором 9 февраля 1564 г.

[57] ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 381.

[58] СГГД, ч. 2. М., 1819, стр. 153—155.

его персты, лежат и ко властем ласкающеся всячески и примиряющися, да свое сохранят и к тем еще множаишее приобрящут».[59]

Курбский рисует яркую картину упадка церкви, управляемой монахами-стяжателями, «осифлянами». Священнический чин — пишет он — «не токмо расхищают, но учителе расхитителем бывают, начало и образ всякому зконопреступлению собою полагают; не глаголют пред цари, не стыдяся о свидении господни, но паче потаковники бывают . . . села себе устрояют и великие храмины поставляют и богатствы многими кипят, и корыстми, яко благочестием, ся украшают».[60]

В России — продолжал Курбский — разгорелся лютый пожар, который никто не может погасить: ««. . . яко же пожару люту возгоревшуся на лице всея земли нашея, и премножество домов зрим от пламени бедных напастеи искореневаеми. И хто текше от таковых отъимет? И хто угасит и хто братию от таковых отъимет? И хто угасит и кто братию от таковых и толь лютыи бед избавит? Никто же! Воистинну не заступающаго ни помогающаго несть, разве господа».[61] Этот упрек относился прежде всего к духовенству.

В России — писал Курбский — нет святителей, которые бы обличили царя в его законопреступных делах и «возревновали» о пролитой крови: «. . . где убо кто возпрети царю или властям о законопреступных и запрети благовременных и безвременно? Где Илия, о Нафееве крови возревновавый, и ста царю в лице обличением, где Елисее, посрамивый царя и Израилева сына Ахавова? Где лики пророков обличающи неправедных царей?».[62] Здесь мы находим прямой намек на недавние казни бояр.

Курбский горько сетовал на то, что в стране нет патриархов (митрополита ?) и «боговидных святителей», которые бы решились открыто обличить царя. В том же послании Васьяну он писал: «Где ныне патриархов лики и боговидных святителеи и множество преподобных ревнующе по бозе, и нестыдно обличающих неправедных цареи и властелеи в различных их законопреступных делех . . . Кто ныне не стыдяся словеса евангельская глаголет и кто по братии души свои полагают? Аз не вем кто».[63]

Так Курбский оценивал компромисс, заключенный между правительством и церковью в феврале—марте 1564 г. Не без основания Курбский рассчитывал на то, что его критика иосифлянской церкви найдет сочувствие у старца Васьяна и других монахов Псково-Печерского монастыря, поскольку в течение длительного времени этот монастырь был цитаделью «нестяжателей», противников «осифлян». Монастырь, писал позже Курбский, был «воздвигнут» трудами игумена Корнилия и в нем совершались чудеса, «поколь было имении к монастырю тому не взято и нестяжателно мниси пребывали».[64] Интересно, что сам Курбский считал себя учеником близкого к «нестяжателям» Максима Грека.

Своей критикой «осифлян» Курбский желал побудить старцев влиятельного Псково-Печерского монастыря открыто осудить «законопреступные» репрессии Грозного. Как мы покажем ниже, ему это не удалось.

---

[59] РИБ, т. XXXI, стр. 397.

[60] Там же, стр. 395—396.

[61] Там же, стр. 396—397. Под пожаром Курбский подразумевал репрессии против княжеско-боярской оппозиции. В своей «Истории» он писал: «Скоро по Алексееве смерти и по Селивестрову изгнанию воскурилося гонение великое и пожар лютости в земле Руской возгорелся» (там же, стр. 276).

[62] РИБ, т. XXXI, стр. 396, прим. 14—17.

[63] РИБ, т. XXXI, стр. 396.

[64] Там же, стр. 320—321. Корнилий управлял монастырем в 1529—1570 гг. (Н. Н. Масленникова. Идеологическая борьба в псковской литературе. . ., стр. 206).

Курбский надеялся на то, что Псково-Печерский монастырь возьмет на себя инициативу антиправительственного выступления и возглавит церковную оппозицию в России.[65]

Расчеты Курбского, кажется, не были беспочвенны: по некоторым сведениям, через несколько месяцев после бегства Курбского церковная оппозиция, возглавленная самим митрополитом, заявила царю решительный протест против политических репрессий.

По рассказу А. Шлихтинга, когда примерно за полгода до учреждения опричнины, т. е. летом 1564 г., царь приказал казнить князя Д. Овчину-Оболенского, «некоторые знатные лица и вместе верховный священнослужитель сочли нужным для себя вразумить тирана воздерживаться от столь жестокого пролития крови своих подданных невинно без всякой причины и проступка».[66]

Послания Курбского, написанные как в самой России, так и позже, в эмиграции, бесспорно повлияли на развитие политических событий своего времени. Недаром, и Курбский, и его идейный противник Грозный, как справедливо отметил Я. С. Лурье, предназначали свои послания для «всего Российского царства».[67]

Второе послание Курбского в Псково-Печерский монастырь интересно как едва ли не единственный документ, открыто излагавший политическую программу княжеско-боярской оппозиции в России накануне опричнины. Особенностью этой программы были резкие нападки на действия «державного» царя Ивана IV и его правительства («властелеи»), обвинявшихся во всех бедах, постигших Русское царство: произволе и беззаконии в судах, оскудении дворянства, притеснениях «купеческого» чина и земледельцев. «О нерадении же державы, — писал Курбский, — и кривине суда и о несытстве граблении чюжих имении ни изрещи риторскими языки сея днешния беды возможно».[68]

Мрачными красками Курбский рисует картину полного упадка и оскудения дворянства: «Воинскои же чин строев ныне худеишии строев обретеся, яко многим не имети не токмо конеи, ко бранем уготовленых, или оружии ратных, но и дневныя пищи, их же недостатки и убожества и бед их смущения всяко словество превзыде».[69]

---

[65] Н. Андреев категорически отвергает мнение Я. С. Лурье, будто Курбский в своем втором послании энергично побуждал старцев Псково-Печерского монастыря «претить» (возражать) «царю или властелям о законопреступных». Он пишет: «Мнение Лурье, что послания Курбского в Россию, в которых он не только не колеблясь компрометирует старцев монастыря, которые были подданными великого князя, но и энергично поощряет их сделать представление царю и тем, кто находится под его властью, если они будут нарушать законы, — что эти письма были частью пропагандистской кампании, проводимой Курбским вместе с другими эмигрантами в пределах Московии, — это предположение неуместно и необосновано и скорее это идея XX в., нежели XVI в.» (N. Andreyev. Kurbsky's Letters. . ., стр. 417). Однако Н. Андреев не подкрепляет свой резкий упрек какими-нибудь фактическими доказательствами. Не разделяя предположения Я. С. Лурье, будто второе послание было написано Курбским в эмиграции, мы полностью поддерживаем его вывод о том, что послание писалось с целью побудить власти влиятельного Псково-Печерского монастыря к протесту против «законопреступлений» царя.

[66] А. Шлихтинг. Новое известие о России времени Ивана Грозного. Л., 1934, стр. 17—18. Лифляндский дворянин А. Шлихтинг попал в плен к русским в конце 1564 г. Позже он состоял слугой и переводчиком при А. Лензэе, личном враче Грозного (см. «Введение» А. Малеина к «Новому известию о России» А. Шлихтинга, стр. 4). Общая осведомленность Шлихтинга не подлежит сомнению.

[67] Я. С. Лурье. Вопросы внешней и внутренней политики в посланиях Ивана IV, стр. 473.

[68] РИБ, т. XXXI, стр. 395.

[69] Там же, стр. 398.

Продолжая традиции своего учителя Максима Грека, Курбский пишет о бедственном положении купцов и земледельцев, задавленных безмерными податями: «Купецкии же чин и земледелец все днесь узрим, како стражут, безмерными данми продаваеми и от немилостивых приставов влачими и без милосердия биеми, и овы дани вземше ины взимающе, о иных посылающе и иныя умышляюще».[70]

Замечание Курбского об ужасном положении крестьян, как отметил Н. Е. Андреев, необычно для представителя XVI в., но эта «гуманная тенденция» не повторяется в других письмах того же автора, написанных им после побега.[71] Она не повторяется вообще ни в одном из многочисленных произведений Курбского. Описав бедствия сословий, Курбский продолжал: «Таковых ради неистерпимых мук овым без вести бегуном ото отечества быти; овым любезныя дети своя, исчадия чрева своего, в вечныя работы продаваеми; и овым своими руками смерти себе умышляти».[72]

Осторожный намек, оправдание измены «нестерпимыми муками» подтверждает тот факт, что ко времени составления своего второго послания Васьяну Курбский уже принял решение бежать в Литву.[73] Это обстоятельство объясняет нам как крайне резкий антиправительственный характер высказываний Курбского, так и то, что его послание не было отправлено в Псково-Печерский монастырь до бегства его автора в Литву.

Срок службы Курбского и его товарищей в Ливонии истек 3 апреля 1564 г. На смену им в Юрьев были назначены наместник боярин М. Я. Морозов и воеводы Ф. И. Бутурлин, М. Д. Морозов, Н. В. Борисов и князь И. А. Звенигородский.[74] К началу апреля в Юрьев приехали только «меньшие воеводы». Новый наместник М. Я. Морозов, переведенный в Юрьев из Смоленска, прибыл на службу с запозданием. Князь А. М. Курбский по неизвестным причинам оставался в Юрьеве в течение всего апреля.

30 апреля воевода Ф. И. Бутурлин известил царя о побеге боярина князя А. М. Курбского в Ливонию. Вместе с Курбским бежали служившие ему дети боярские С. М. Вешняков, Г. Кайсаров, М. Невклюдов, И. Н. Тараканов и др., всего 12 человек.[75] Бывший наместник Ливонии бежал за границу с крайней поспешностью: он оставил в Юрьеве жену и сына, бросил имущество, книги, бумаги и даже воинские доспехи, которые могли обременить его в пути.

Причиной такой спешки была весть о царской опале, тайно полученная Курбским из Москвы.[76]

Царь не скрывал того, что Курбскому грозило наказание. Своим гонцам в Литве он велел следующим образом объяснить причины бегства Курбского: «...учал государю нашему Курбский делати изменные дела, и государь был хотел его наказати, и он, узнав свои изменные дела, и государю нашему изменил».[77]

---

[70] Там же, стр. 39.

[71] N. Andreyev. Kurbsky's Letters..., стр. 432.

[72] РИБ, т. XXXI, стр. 398.

[73] Если бы Курбский писал свое послание из эмиграции, ему не пришлось бы прибегать к столь осторожным намекам.

[74] Разряды, л. 306.

[75] ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 382; Жизнь кн. А. М. Курбского в Литве и на Волыни, т. I. Киев, 1849, стр. IV.

[76] Послания Ивана Грозного, стр. 10. «Аще ли же убоялся еси ложнаго на тя речения смертнаго, от твоих друзей, сатанинских слуг, злодейственному солганию» и т. д. (там же, стр. 12).

[77] Наказ составлен около ноября 1565 г. (Сборник Русского исторического общества, т. 71. СПб., 1892, стр. 321).

Грозный категорически отвергал мысль, будто Курбскому угрожала смертная казнь. Сам Курбский также первоначально не придерживался этой версии. Он ни словом не упоминает об этом в своем первом послании царю, написанном на другой день после бегства.[78]

Позже, в 1572 г., Грозный откровенно признался польскому послу Ф. З. Воропаю, что намерен был «убавить» Курбскому «почестей» и отобрать у него «места», т. е. земельные владения.[79]

Но Грозный ошибался, утверждая в одном из своих посланий, будто Курбский изменил «единого ради малого слова гневна».[80] Ошибка объясняется тем, что царь ничего не знал об изменнических переговорах Курбского с литовцами, начавшихся задолго до его бегства из России.

Обстоятельства секретных переговоров Курбского с литовским правительством, ведшим войну с Россией, раскрылись в 80-х годах XVI в., когда наследники беглого боярина во время одной поземельной тяжбы представили литовскому суду ряд королевских грамот.

Как следовало из этих документов, во время пребывания на воеводстве в Юрьеве Курбский получил тайные грамоты («закрытые листы») от короля Сигизмунда-Августа и руководителей Литовской рады гетмана Радзивила и Е. Воловича с предложением выехать в Литву. Ответив согласием, русский наместник Ливонии потребовал от литовского правительства охранных грамот, которые бы гарантировали ему достаточное содержание в Литве, и вскоре же получил их. Гетман Радзивил обещал боярину «приличное содержание» в Литве, король сулил ему свою милость.[81]

Трудно определить, когда именно Курбский принял решение о бегстве в Литву. Н. Е. Андреев полагает, что это произошло в течение последнего года, проведенного боярином в Юрьеве. Курбский, пишет Н. Е. Андреев, продолжал заниматься государственными делами, порученными ему, вел переговоры с ливонскими рыцарями о сдаче различных крепостей; он читал и писал, но все это время он, должно быть, ожидал охранной грамоты из Польши.[82]

На наш взгляд, сношения Курбского с Литвой начались не ранее начала 1564 г. Об этом говорят его переговоры с графом Арцем осенью 1563 г.

Ливонский хронист Ф. Ниенштедт, живший в Юрьеве в 50—60-х годах XVI в., рассказывает, что граф фон Арц, наместник шведского герцога Юхана III в Ливонии, тайно предложил Курбскому сдать русскому царю замок Гельмет. Однако заговор был раскрыт, граф Арц схвачен шведскими дворянами и казнен в Риге в конце 1563 г. Курбский, прибывший к стенам Гельмета, был встречен выстрелами. Разгневанный таким исходом дела, он будто бы воскликнул: «Пока жив великий князь, такое

---

[78] «Коего зла и гонения от тебе не претерпех! — писал Курбский царю, — и коих бед и напастей на мя не подвигл еси! и коих лжей и измен на мя не взвел еси! .. всего лишен бых и от земли божии тобою туне отогнан был» (Послание царю из Вольмара: РИБ, т. XXXIII, стр. 3). В этих длинных жалобах Курбского нет все же ни слова об угрожавшей ему смертной казни.

[79] М. Петровский. Рец. на «Сказания кн. А. Курбского» (изд. 3-е Н. Устрялова, СПб., 1868). — Известия Казанского университета. Казань, 1873, кн. 4, стр. 728.

[80] Послания Ивана Грозного, стр. 13.

[81] Жизнь кн. А. М. Курбского в Литве и на Волыни, т. II. Киев, 1849, стр. 193. В духовном завещании Курбский писал, что приехал в Литву, «будучи обнадежен его королевскою милостию, получив королевскую охранительную грамоту и положившись на присягу их милостей, панов сенаторов» (там же, т. I, стр. 233, духовная 10 июня 1581 г.).

[82] N. Andreyev. Kurbsky's Letters..., стр. 427—428.

вероломство не останется безнаказанным. Ведь они сами вступили в переговоры, за своим рукоприкладством и печатью!».[83]

Если признать, что уже в это время Курбский вел тайные переговоры с польским королем Сигизмундом-Августом, то причины гибели графа Арца предстанут в совершенно ином свете. Однако такое предположение является маловероятным.

В переговоры с литовским правительством Курбский вступил скорее всего в последние месяцы пребывания в Юрьеве, в феврале—апреле 1564 г.[84] Как раз в это время он осторожно намекнул в послании Васьяну, что из-за гонений некоторым людям приходится бежать из отечества. Обстоятельства, изложенные выше, заставляют прямо предполагать, что к моменту написания послания Васьяну Курбский не только помышлял об отъезде из России, но и вел тайные переговоры с королем. Толкая старцев на открытое выступление против царя, Курбский сам тайно готовился бежать за границу.

*

Третье послание не было простым продолжением переписки, ранее завязавшейся между Курбским и Васьяном. Прежде всего оно значительно отличалось от предшествующих посланий по своему содержанию. Если в первых посланиях большое место отводилось догматическим вопросам, то в последнем они совершенно игнорировались.

По своей структуре и содержанию третье послание Курбского в Псково-Печерский монастырь сходно с его же посланием царю из Вольмара. Оба эти послания настолько близки текстологически, что не остается сомнений в том, что они писались под влиянием одних и тех же событий в одно и то же время. Заключительные тирады Курбского в двух посланиях производят впечатление перефразировки одного и того же текста.[85]

Третье послание старцу Васьяну	Послание царю из Вольмара (май—июнь 1564 г.)
Бог судитель праведныи и крепкии межу вами и мною: и аще ко вратом смертным приближуся, и сие писанеице велю себе в руку вложити, идущу с ним к неумытному судии, к ... Иисусу.[86]	И о сем, даже до сих, писание сие, слезами измоченное, во гроб со собою повелю вложити, грядуще с тобою на суд бога моего, Иисуса Христа.[87]

В каждом случае Курбский в совершенно одинаковых выражениях повествует о своих воинских заслугах:

Колико трудихся, вхождах и исхождах пред полки господскими... и никогда же бегуном быв, но паче одоле-	Пред войском твоим хождах и исхождах, и никоего же тебе бесчестия приведох, но только победы пре-

[83] Ф. Ниенштедт. Ливонская летопись. — Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края, т. 4. Рига, 1883, стр. 34—36. Рассказ Ниенштедта подтверждается в основных чертах свидетельством другого современника — ливонского хрониста Рюссова (Ливонская хроника Рюссова. — Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края, т. 3. Рига, 1880, стр. 147—148). Без всякого на то основания А. Н. Ясинский считал, что именно неудачное Гельметское дело и навлекло на Курбского гнев царя и подозрение в измене (А. Н. Ясинский. Сочинения князя Курбского как исторический материал, стр. 70—71).

[84] Для того чтобы получить грамоту из Литвы от короля, ответить на нее, затребовать новую грамоту и получить ее из-за рубежа, требовалось значительное время, учитывая в особенности тогдашние средства передвижения.

[85] Текстуальную близость этих двух посланий отметил Я. С. Лурье (Вопросы внешней и внутренней политики в посланиях Ивана IV, стр. 473).

[86] РИБ, т. XXXI, стр. 408—409.

[87] Там же, стр. 6.

ния пресветла Христовою силою поставлях, и колико бед претерпевах, и нужд телесных и учащение ран![88]

светлы, помощию ангела господня, во славу твою поставлях и никогда же полков твоих хребтом к чюждим обратих; щен бых ранами от варварских рук на похвалу тобе сотворях ... паче же учащен бых ранами от варварских рук на различных битвах, и сокрушенно уже язвами все тело имею.[89]

Близость двух посланий позволяет утверждать, что оба они были написаны в одно и то же время, т. е. после побега их автора из России и прибытия в Вольмар в мае—июне 1564 г.[90]

В третьем послании Васьяну Курбский горько жаловался на то, что не только не нашел помощи и заступничества у архиереев, владык и у «вашего чина преподобия» (т. е. у псково-печерского старца), но и стал жертвой наветов со стороны некоторых из них: «Многажды в бедах своих ко архиереом и ко святителем и к вашего чина преподобию со умиленными глаголы и со слезным рыданием припадах и валяхся пред ногами их, и землю слезами омаках, — и ни малые помощи ни утешения бедам своим от них получих, но вместо заступления некоторые от них потаковники их, кровем нашим наострители явишася. Но и се еще мало им возбнишася: еще же к сему приложиша, яко и от бога православных не устыдешася очюждати и еретики прозывати, и различными латинными шептании во ухо державному клеветати».[91]

Надежды Курбского на поддержку старцев влиятельного Псково-Печерского монастыря не оправдались. Если в первых посланиях Курбский просил Васьяна помолиться за него и выражал надежду на то, что будет исцелен «ваших (старцев, — *Р. С.*) рук духовным врачеством», то в последнем послании, отбросив все условности, он гневно упрекал старцев за то, что они не пожелали заступиться за него перед царем, несмотря на все его просьбы.[92]

В своем третьем послании Васьяну Курбский упоминает о том, что он посылал к старцам Псково-Печерского монастыря своего слугу, прося старцев предоставить ему денежную ссуду.[93] Однако старцы не только категорически отказались ссудить Курбскому деньги, но и поспешили прервать всякие сношения с «государевым изменником».[94]

---

[88] Там же, стр. 408.

[89] Там же, стр. 4.

[90] Свое послание царю Курбский написал не ранее мая и не позднее июня 1564 г., поскольку ответ царя датирован 5 июля. В то же самое время Курбский написал свое третье послание Васьяну. Таким образом, в древних рукописных сборниках XVII в. отложились документы одного и того же периода: записка Курбского в Юрьев, его письма к Васьяну и к царю (из Вольмара), послание Тетерина боярину М. Я. Морозову в Юрьев, послание А. Полубенского в Юрьев, первое послание царя Курбскому. Все эти документы были, по-видимому, составлены в период между 30 апреля (дата побега Курбского в Литву) и 5 июля 1564 г. (дата составления ответа царя на послание Курбского). Послание М. Тетерина М. Я. Морозову не выпадает из этих хронологических рамок. Тетерин писал боярину Морозову, что тот был наместником в Смоленске пять лет, «а ныне тебя государь даровал наместничеством юрьевским» (РИБ, т. XXXI, стр. 490). Морозов пробыл в Смоленске с 1561 по 1564 г. и был «пожалован» юрьевским наместничеством около мая 1564 г. Отсюда можно заключить, что свое послание Морозову Тетерин написал вскоре после мая 1564 г.

[91] РИБ, т. XXXI, стр. 406—407.

[92] Там же, стр. 401, 406.

[93] «Посылал есми к игумену и к вам человека своего бити челом о потребных животу и для недостоинства моего от вас презрен бых» (РИБ, т. XXXI, стр. 405).

[94] «Не токмо естя нас предали и отчаяли, но и милости естя своея, обычныя язычникам и мытарем, не сотворили: имущи у себя, что подати, а утробу свою затворили есте; еще же и взаимы прошинно и паки возвращено быти хотящеся» (РИБ, т. XXXI, стр. 409—410).

Любопытно, что в третьем послании в Псково-Печерский монастырь не содержится ни малейшего намека на то, что старцы получили предыдущее послание Курбского и тем более ответили на него. В конце третьего послания Курбский мимоходом и с полным безразличием сообщал Васьяну: «Да послали есмя к тебе второе посланеице против всего пятого евангелия».[95]

Если Курбский мог уведомить Васьяна о посылке ему второго послания только после побега в Литву, то очевидно, что послание в Псково-Печерский монастырь не было отослано адресату до самого момента бегства.

Причины очевидны: письмо содержало слишком откровенную критику царя и высших духовных лиц.

Можно указать и на недостающее звено между вторым и третьим посланиями Курбского — краткую записку его в Юрьев к неизвестным лицам, написанную тотчас после бегства.[96] В записке Курбский просил достать из тайника на воеводском дворе в Юрьеве «писание», адресованное в Печоры («писано в Печеры») и заключавшее в себе «дело государское». Курбский заклинал доставить это послание либо к царю, либо в Псково-Печерский монастырь: «Вымите бога ради, положено писание под печью, страха ради смертного. А писано в Печеры, одно в столбцех, а другое в тетратях; а положено под печью в ызбушке в моей в малои; писано дело государское. И вы то отошлите любо к государю, любо ко Пречистои в Печеры».[97]

Не остается сомнений в том, что в тайнике на воеводском дворе в Юрьеве хранилось второе послание Курбского в Псково-Печерский монастырь, так и не отправленное адресату до бегства в Литву.

Послание Курбского, содержавшее целую политическую программу и являвшееся страстным протестом против действий царя и иосифлянской церкви, было адресовано Васьяну, но в действительности имело в виду Грозного и все Российское царство. Вот почему свое послание псково-печерским старцам Курбский после побега просил отослать, как то ни удивительно, прямо к царю или, в ином случае, в Печерский монастырь.

Автор послания-памфлета стремился изобличить царя в «законопреступлениях», чтобы тем самым оправдать собственную измену. Но осуждение со стороны псково-печерских старцев, в которых Курбский видел своих единомышленников, быстро рассеяло иллюзии беглого воеводы. Он увидел, что не может рассчитывать даже на ответ с их стороны. Вот почему он многословно укоряет Васьяна за отказ ссудить ему деньги и

---

[95] РИБ, т. XXXI, стр. 410.

[96] Г. З. Кунцевич ошибочно поместил записку прежде трех посланий Курбского Васьяну. В древних рукописных сборниках записка Курбского предпослана третьему посланию в Псково-Печерский монастырь и нигде не встречается вместе с первыми двумя посланиями Васьяну (см. выше).

[97] РИБ, т. XXXI, стр. 359—360. В той же записке Курбский выражал беспокойство об оставленных им книгах: «Да осталися тетратки переплетены, а кожа на них не положена, и вы и тех бога ради не затеряйте» (там же). После разрыва с печерскими старцами он предпринял попытку заполучить свои книги посредством шантажа. По его просьбе литовский гетман князь А. Полубенский прислал в Юрьев грамоту к сыну боярскому Я. Шаблыкину, предлагая ему отыскать книги Курбского и доставить их ему в обмен на пленного слугу, угрожая в противном случае повесить этого слугу. Другому юрьевскому сыну боярскому И. Огибалову он предлагал найти доспехи Курбского, обещая за это освободить из плена его семью. В грамоте Полубенского речь шла о той же книге (в тетрадях), о которой Курбский писал в своей записке: «...книга одна в полдесть, писана скорописью, а кожа на неи не на всеи, лише на пяте кожа клеена, а тетратеи в неи есть с шестьдесят и с семьдесят» (там же, стр. 495). В книгу входили слово о Макковеях, Апостол, Житие Августина и т. д. Если, писал гетман Полубенский, Шаблыкин не найдет книги в Юрьеве, то пусть он велит списать Житие Августина у старца Васьяна Муромцева в Печерском монастыре (там же, стр. 496).

в то же время с полным равнодушием пишет, что послал ему «второе посланьице против всего пятого евангелия».

Возможно, что доставить второе послание в Печеры должен был тот же слуга («человек»), который безуспешно просил старцев о денежной ссуде. Кем же был этот слуга, позаботившийся о том, чтобы «посланьице» его господина, спрятанное в тайнике на воеводском дворе в Юрьеве, попало в руки царя или печерских старцев?

По рассказу позднейшей летописи, тотчас после бегства в Литву Курбский прислал к царю с «досадительным» письмом своего верного раба Ваську Шибанова, который будто бы и вручил письмо Грозному в Москве на Красном крыльце.[98] Однако, согласно более точной официальной летописи XVI в., вся история выглядела несколько иначе. По летописи, после побега Курбского в «немецкои город» юрьевские воеводы поймали его «человека» Ваську Шибанова и под стражей прислали в Москву к царю. «Тот же человек его Васка Шибанов государю царю и великому князю сказал про государя своего князя Андрея изменные дела, что государю царю и великому князю умышлял многие изменные дела».[99]

Официальные источники противоречиво оценивали поведение Васьки Шибанова после его поимки. По летописи, Шибанов рассказал царю многие «изменные дела» Курбского, тем самым предав его. По словам же самого Грозного, Шибанов не только не предавал своего господина, но оставался верен ему до последнего издыхания. «Како же, — писал Грозный Курбскому, — не срамишися раба своего Васки Шибанова? Еже убо он свое благочестие соблюде, пред царем и предо всем народом, при смертных вратех стоя, и ради крестнаго целования тобя не свержеся, и похваляя и всячески умрети за тобя тщашеся».[100]

Если предположить, что с запиской в Юрьев Курбский послал именно Шибанова, пойманного затем юрьевскими воеводами, то указанное выше противоречие отпадает само собой. Действительно, Курбский умолял в записке, чтобы его «писаньице» (писано «дело государьское») доставили к царю, но в глазах царя памфлет Курбского явился наиболее веским доказательством «великой» измены беглеца. Если Шибанов и содействовал «открытию» измены своего господина, то он сделал это, как то ни удивительно, по приказу самого Курбского.

Заполучив в свои руки печерское послание Курбского, а затем его послание из Вольмара, Грозный уже в начале июля написал ему обширную ответную «эпистолию». Со своей стороны Курбский ограничился краткой «досадительной» отпиской царю, которую отправил в Россию спустя 15 лет.[101] По известным причинам словесная полемика с царем перестала интересовать Курбского.

---

[98] По Латухинской степенной книге, Курбский «посла того ж своего верного раба к великому государю царю, с досадительным письмом из Литвы. Тот же Васька Шибанов к Москве прииде и при пути походу государеву на Красном крыльце царю и великому князю Иоанну Васильевичу лист тот подал ... Тогда царь ярости исполнився, призвав холопа тово близ себя и осном (посохом, — *Р. С.*) своим ударил в ногу его и пробив ногу, наляже на посох свой и повеле лист прочитати, в нем бе же написано со всяким досадительством» (Н. Устрялов. Сказания князя А. М. Курбского, стр. 372).

[99] ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 383. Как отметил Я. С. Лурье, «предпочтение должно быть дано реалистическому рассказу летописи XVI в., а не романтической легенде „Степенной книги" XVII в.» (Послания Ивана Грозного, стр. 585).

[100] Послания Ивана Грозного, стр. 13.

[101] РИБ. т. XXXI, стр. 113—116, 135—136. Второе послание царю было отправлено в Россию в сентябре 1579 г. вместе с третьим посланием (там же, стр. 154, 160). Объясняя причины, помешавшие ему раньше ответить на первое послание царя, Курбский писал: «...аз давно уже на широковещательный лист твои отписах ти, да не

*

В июле 1564 г. Курбский получил от короля Сигизмунда-Августа в поместье богатейшие королевские имения (город Ковель и др.), а осенью того же года принял участие в войне с Россией.[102]

«Русские хроники, — справедливо замечает Н. Андреев, — как официальные, так и более независимые псковские, не без причины называли поведение Курбского предательским. Хорошо осведомленные московские источники даже приписывали ему предложение антирусского союза польско-литовскому королю и считали, что он был инициатором политических планов, направленных против Москвы».[103]

Действительно, по словам официальной московской летописи, после побега в Литву Курбский в 1564 г. «подымаша короля и поостряше на ... царевы и великого князя украйны».[104] О том же доносил Грозному русский посол в Крыму Афанасий Нагой после нападения татар и литовцев на Россию осенью 1564 г.: «И короля-де он (Курбский) на тебя, государя, поднял, и царя (хана) велел он же подняти».[105]

Курбский не только энергично побуждал литовское правительство к наступлению против России в союзе с крымским ханом, но и непосредственно участвовал во вторжении в Россию. Курбский вместе с князьями В. Острожским и Б. Корецким предводительствовал передовым полком литовской армии, которая в сентябре 1564 г. подступила к Полоцку.[106]

Военный союз Литвы и Крыма явился полной неожиданностью для русского правительства. Хан уверял Ивана IV в своей дружбе. Между тем, когда в октябре 1564 г. вся русская армия была стянута к границе с Литвой, татары вероломно вторглись в Россию с юга. Москва была беззащитна перед угрозой татарского нападения: малочисленные гарнизоны, стоявшие в столице и приокских крепостях, не могли противостоять сильному татарскому войску. Однако союзники действовали крайне трусливо. Крымский хан отказался от планов наступления на Москву и ограничился осадой Рязани. Литовцы не решились штурмовать Полоцк. Простояв в двух верстах от города до начала октября, они ушли в Литву. Татары безуспешно пытались взять Рязань приступом, потерпели неудачу и также отступили.[107]

Военные действия между Россией и Литвой тянулись до весны 1565 г. Около середины марта 1565 г. князь Курбский участвовал в новом набеге литовцев на русские земли, в результате которого были жестоко опустошены великолуцкие волости.[108]

*

Послания Курбского в Псково-Печерский монастырь принадлежат к числу интереснейших публицистических произведений, появившихся в канун опричнины. Верная датировка посланий позволяет по-новому прочесть многие страницы переписки Курбского и расшифровать смысл политических иносказаний, в которых отразились драматические события того времени.

возмог послати, непохвального ради обыкновения земель тех, иже затворил еси царство Руское ... аки во адове твердыни» (там же, стр. 135). За грамотой Курбского царь прислал в Озерища Г. Плещеева (Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960, стр. 37—38).

[102] Жизнь кн. А. М. Курбского в Литве и на Волыни, т. II, стр. 194.

[103] N. Andreyev. Kurbsky's Letters..., стр. 428.

[104] ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 388.

[105] Н. Устрялов. Сказания князя А. М. Курбского, стр. XVIII, прим. «с».

[106] ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 390.

[107] Там же.

[108] Н. Устрялов. Сказания князя А. М. Курбского, стр. XIX, прим. «b».

Н. Е. АНДРЕЕВ

Об авторе приписок в лицевых сводах Грозного*

I

Исправления текста и дополнения его в так называемом Синодальном списке Никоновской летописи, охватывающем годы 1535—1542 (март)[1] и 1553 (август)—1558,[2] а также в так называемой Царственной книге, излагающей события с сентября 1533 по 1553 г.,[3] неоднократно привлекали внимание историков из-за ряда важнейших политических сведений, в них сообщенных, и благодаря тому, что они обнаруживают ту редакционную работу, которая проводилась над русскими летописями.

Целью настоящей статьи является установление личности возможного автора этих приписок, которые, как указал С. Ф. Платонов, редактор XIII тома ПСРЛ вышедшего в 1904 г. (первая половина тома) и в 1906 г. (вторая половина тома), все «писаны одною и тою же скорописью и сделаны, без сомнения, тем же самым лицом».[4] Значит, если бы удалось установить хотя бы в одной приписке несомненную принадлежность ее какому-либо деятелю XVI в., весь вопрос мог бы считаться более или менее разъясненным, а зная личность автора, было бы легче определить степень достоверности известий, сообщенных им.

Следует указать, что первые конструктивные соображения по этой теме можно найти у А. Ясинского, который, хотя и не занимался специально приписками, сделал в 1889 г. существенное и верное наблюдение, что Грозный «вытребовал из архива бумаги, относящиеся к отъезду и пытке в деле князя Ростовского»,[5] в связи с сыском по доносу на Старицких дьяка Савлука Иванова в 1563 г. Как известно, уточнение деталей этого дела составляет содержание приписки под 1554 г. в Синодальном списке.[6]

Ясинский высказал также мнение, отчасти не потерявшее значение и теперь,[7] что «официальная московская летопись составлялась при архиве и просматривалась самим государем; до весны 1560 г. составлял ее Але-

---

* Приписки, сделанные неизвестным автором на лицевых летописных сводах XVI в. (Синодальный список Никоновской летописи и Царственная книга), представляют собой один из интереснейших памятников древнерусской публицистики и не раз привлекали внимание советских исследователей (Д. Н. Альшиц, С. Б. Веселовский, И. И. Смирнов и др.). Предоставляя в настоящем томе место доценту Кембриджского университета Н. Е. Андрееву для подробного изложения его взглядов (до сих пор не излагавшихся на русском языке) на происхождение и авторство приписок, редакция ТОДРЛ предполагает в одном из последующих томов вновь вернуться к этому вопросу.

[1] ПСРЛ, т. XIII, ч. 1. СПб., 1904, стр. 87—142.

[2] Там же, стр. 234—300.

[3] ПСРЛ, т. XIII, ч. 2. СПб., 1906, стр. 409—532.

[4] Там же, стр. VII. С этим мнением согласны и все другие исследователи, видевшие оригиналы летописей.

[5] А. Ясинский. Московский государственный архив в XVI веке. — Университетские известия. Киев, 1889, № 5, стр. 29 и сл.

[6] ПСРЛ, т. XIII, ч. 1, стр. 237—238.

[7] Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 372—373.

ксей Адашев, а после его падения этим делом занимался печатник Иван Михайлович Висковатый, в заведывании которого находился и московский государственный архив ... Заведывание архивом было соединено со службою по дипломатической части и с обязанностью составлять списки, что „писати в летописец“, т. е. вести московскую официальную летопись».[8]

В 1893 г. А. Е. Пресняков, специально изучавший Царственную книгу, не смог правильно подойти к проблеме из-за неверной палеографической экспертизы А. И. Соболевского, который, как и А. Ф. Бычков, относил эти памятники ко второй половине и даже к концу XVII в.[9]

В 1899 г. произведенные Н. П. Лихачевым анализы бумаги лицевых сводов дали, однако, твердую основу для заключения, что и Синодальный список, и Царственная книга появились в пределах XVI в., а его замечание, что «поправки к Царственной книге писались во время, очень близкое к несчастной кончине» князя Владимира Андреевича Старицкого, погибшего в 1569 г., дали впервые какую-то хронологическую точку, оказавшуюся полезной для дальнейших уточнений.[10]

В 1899 г. А. А. Шахматов в рецензии на труд Н. П. Лихачева высказал согласие с мнением последнего, что источники приписок надо искать «в воспоминаниях очевидцев».[11]

В 1901 г. А. Е. Пресняков заметил: «Есть основания думать, что лицевые летописи рассказывали о событиях если не современных, то очень близкого прошлого. Я разумею ту щепетильность редакционной работы, которая выразилась в тщательном уничтожении наименования князя Владимира Андреевича братом государя, в вычеркивании некоторых имен: М. С. Воронцова и П. Е. Головина, М. Глинского и Тучкова, Михаила Юрьевича».[12]

В 1923 г. С. Ф. Платонов высказал мнение, что лицевой свод переделывался и дополнялся, «по-видимому, по указаниям самого Грозного».[13]

В 1945 г. С. В. Бахрушин сформулировал свое отношение к теме следующим образом: «Тенденциозный подбор вставок и указанные (Бахрушин дал ряд примеров, — *Н. А.*) [14] совпадения с содержанием царских писаний не оставляют сомнения в том, что они были сделаны по распоряжению самого царя. Мы можем угадать источники, откуда черпались эти дополнительные сведения. В ряде случаев это, несомненно, следственные дела о „поносительных словах“ и об измене (например, следственные дела о князе Лобанове-Ростовском и о «мятеже» при крестном целовании маленькому царевичу Дмитрию), в других случаях — разрядные выписки, например о местничестве воевод и тому подобные. Однако эти официальные данные дополнялись личными воспоминаниями современников и очевидцев (например, характеристика Сильвестра, вклинивающаяся в рассказ о крестоцеловании)».[15] Бахрушин отметил, что «фактическое содержание в посланиях Грозного близко к тексту вставок»,[16] однако противопоставлял им «другой источник», «более объективный», — «Летописец

---

[8] А. Ясинский. Московский государственный архив в XVI веке, стр. 36.

[9] А. Е. Пресняков. Царственная книга, ее состав и происхождение. СПб., 1893, стр. 6, прим. 6; ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 1.

[10] Лихачев, Вод. зн., т. 1, стр. CLXIII.

[11] ИОРЯС, т. IV. СПб., 1899, стр. 1484.

[12] А. Е. Пресняков. Заметка о лицевых летописях. — ИОРЯС, т. VI. СПб., 1901, стр. 299.

[13] С. Ф. Платонов. Иван Грозный. СПб., 1923, стр. 8.

[14] С. В. Бахрушин. Избранная рада Ивана Грозного. — В кн.: С. В. Бахрушин. Научные труды, т. II. М., 1954, стр. 332—333.

[15] Там же, стр. 333.

[16] Там же.

лет новых», который составлялся Алексеем Адашевым, а после его отстранения от власти «было приступлено к продолжению начатой работы, а собранные им материалы были перередактированы».[17]

В 1947 г. С. Б. Веселовский, говоря о событиях 1553 г., высказал убеждение, что «внимательное исследование этого источника показывает, что все поправки, приписки и интерполяции Царственной книги, сделанные одним почерком и одним лицом, — позднего происхождения; она сделана лет 18—20 спустя после болезни царя 1553 г., при непосредственном близком участии самого царя и с определенной тенденцией — оправдать царя в казни Старицких князей в 1569 году».[18]

Таково было не слишком блестящее положение вопроса в специальной литературе, когда в том же 1947 г. Д. Н. Альшиц сделал первую попытку выдвинуть гипотезу о том, что автором приписок является не кто иной, как сам Иван IV.[19] Царь, по Д. Н. Альшицу, редактировал Синодальный список до 1564 г., ибо последний начал создаваться до 1559 г., а Царственную книгу — не раньше 1564 и не позже 1568 г.[20] При этом Иван IV стремился «увековечить как оправдательные, так и обвинительные доводы царя из его полемики с Курбским».[21]

В 1948 г. Д. Н. Альшиц опубликовал специальную статью о приписке под 1553 г.[22] По Д. Н. Альшицу, «достоверность рассказа приписки к Царственной книге под 1553 г. об открытом мятеже во время царской болезни является во многих отношениях сомнительной и не находит подтверждений».[23] Д. Н. Альшиц думает, что «так как действительность 1553 г. не могла быть ни началом, ни причиной всех последующих бед, то неизбежно пришлось дополнить ее некоторым вымыслом».[24] В глазах Д. Н. Альшица «приписки приобретают новое значение как группа наиболее многочисленных и наиболее интересных произведений Ивана Грозного».[25]

В 1957 г. Д. Н. Альшиц опубликовал новую статью.[26] В ней он попытался обосновать авторство царя и во всех прочих приписках и изменениях, объясняя, что Грозный пользовался при корректуре летописи «разрядной книгой, Никоновской летописью, статейными списками посольств, родословными книгами и подлинными архивными документами»,[27] что иногда у него есть в приписках «воспоминания очевидца»,[28] что, «дополняя летопись известиями политического характера, Грозный, для придания наибольшей силы и убедительности своим рассказам, отступал иногда от точной передачи событий, смещал факты во времени и ставил во взаимосвязь такие элементы прошлого, которые в действительности между собой связаны не были».[29] В «Приложении»[30] к своей статье Д. Н. Аль-

---

[17] Там же, стр. 332.

[18] С. Б. Веселовский. Последние уделы в Северо-Восточной Руси. — ИЗ, т. 22, М., 1947, стр. 106.

[19] Д. Н. Альшиц. Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени. — ИЗ, т. 23. М., 1947, стр. 251—289.

[20] Там же, стр. 265—266, 283.

[21] Там же, стр. 272.

[22] Д. Н. Альшиц. Происхождение и особенности источников, повествующих о боярском мятеже 1553 года. — ИЗ. т. 25. М., 1948, стр. 266—292.

[23] Там же, стр. 285.

[24] Там же, стр. 289. (Разрядка наша, — *Н. А.*).

[25] Там же, стр. 292.

[26] Д. Н. Альшиц. Источники и характер редакционной работы Ивана Грозного над историей своего царствования. — Труды ГПБ, т. IV (1). Л., 1957, стр. 119—146.

[27] Там же, стр. 125.

[28] Там же, стр. 126.

[29] Там же, стр. 132.

[30] Там же, стр. 145—146.

шиц сообщил, что он неожиданно в послании Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь в марте 1584 г. обнаружил автограф царя. «Между почерком этого послания и почерком приписок много общего, но есть и незначительные отличия». Эти отличия легко устраняются Д. Н. Альшицем — почерк царя изменился с возрастом. Можно было бы поздравить Д. Н. Альшица с этим открытием, если бы эта гипотеза Д. Н. Альшица была бы палеографически доказана, но пока что это не сделано.[31]

В 1959 г. Д. Н. Альшиц выступил с полемической статьей[32] против И. И. Смирнова. Последний, не касаясь вопросов о приписках в целом и их авторе, признает бесспорной высокую достоверность рассказа под 1553 г. о боярском «мятеже» при крестоцеловании «пеленочнику» Дмитрию во время тяжкой болезни царя.[33] В своей статье Д. Н. Альшиц стремится отвести, как делал мимоходом и раньше,[34] значение крестоцеловальной записи, взятой с князя Владимира Андреевича Старицкого непосредственно после этой боярской склоки в «передней избе», соседней с покоем, где лежал, «мало и людей знаяше», царь.

В 1960 г. Д. Н. Альшиц опубликовал полемическое возражение автору этих строк.[35] Последний в 1956 г. напечатал по-английски работу,[36] в которой, исходя из восьми «несомненных черт»,[37] характеризующих автора приписок и сформулированных самим Д. Н. Альшицем, показал, что возможно и другое решение, чем выставление кандидатуры Ивана IV, а именно, что редактором официальной летописи скорее являлся другой видный деятель эпохи, «ближний верный думец»,[38] свыше двух десятилетий доверенное лицо царя, которого Иван IV, по выражению современника, «любил, как самого себя»,[39] выдающийся дипломат и политик, печатник, т. е. хранитель государственной печати, заведующий царским архивом и «секретарь тирана», по словам А. Шлихтинга,[40] посольский и думный дьяк Иван Михайлович Висковатый, казненный 25 июля 1570 г.[41] Возражая автору настоящий статьи, Д. Н. Альшиц не заметил или не за-

---

[31] Уместно припомнить, что все усилия Н. П. Лихачева, выдающегося археографа и палеографа, по розыску почерка Грозного не привели к успеху. В своей работе «Дело о приезде в Москву Антония Поссевина» (СПб., 1903, стр. 60, 105, табл. IV) он опубликовал два кратких текста, «не делая предположений», но давая понять, что в одном из них можно видеть факсимиле почерка царя Ивана. Ср. мнение С. Ф. Платонова (Иван Грозный, стр. 6).

[32] Д. Н. Альшиц. Крестоцеловальные записи Владимира Андреевича Старицкого и недошедшее завещание Ивана Грозного. — История СССР. М., 1959, № 4, стр. 147—155.

[33] И. И. Смирнов. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. М.—Л., 1958 (далее: И. И. Смирнов), стр. 483—485.

[34] Д. Н. Альшиц. Происхождение и особенности источников, повествующих о боярском мятеже 1553 года, стр. 283.

[35] Д. Н. Альшиц. Царь Иван Грозный или дьяк Иван Висковатый. — ТОДРЛ, т. XVI. М.—Л., 1960, стр. 617—625. Ср. популярное изложение работ Д. Н. Альшица: Р. Пересветов. Загадочные приписки. — Новый мир. М., 1960, № 9, стр. 205—212.

[36] N. Andreyev. Interpolations in the 16th century Muscovite Chronicles. — The Slavonic and East European Review, t. XXXV, № 84. London, 1956, стр. 95—115.

[37] Д. Н. Альшиц. Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени, стр. 267.

[38] С. О. Шмидт. Правительственная деятельность А. Ф. Адашева. — Ученые записки Московского государственного университета, вып. 167, 1954, стр. 51.

[39] Послание Иоганна Таубе и Элерта Краузе. — Русский исторический журнал. Пгр., 1922, № 8, стр. 51.

[40] А. Шлихтинг. Новое известие о России времени Ивана Грозного. Перевод, ред. и прим. А. И. Малеина. Л., 1934, стр. 46.

[41] Очерки истории СССР. Период феодализма, конец XV—начало XVII в. М., 1955, стр. 311. Об обстоятельствах гибели Висковатого см.: N. Andreyev. Interpolations in the 16th century Muscovite Chronicles, стр. 105—106, прим. 43

хотел заметить, почему его оппонент сосредоточил свое внимание прежде всего на анализе приписки 1553 г. Именно в этой приписке находится «ключ» к определению возможного автора интерполяций.[42]

Во избежание недоразумений надо подчеркнуть, что частый в тех или иных летописях тенденциозный подбор сведений не подлежит сомнению, нередко вполне ясна их политическая направленность.[43] В официальной летописи, каковой являются лицевые своды Грозного, совершенно очевидна ее главная линия: утверждение и прославление Московской державы, Российского царства и главы этого государства — великого князя Московского, с 1547 г. царя.[44]

Но, само собой разумеется, есть глубокая разница между подбором исторических фактов и выдумыванием или сознательным искажением их. Если действительно Висковатый был автором приписок, достоверность рассказа о событиях, излагаемых в приписках, значительно повышается, хотя в них тоже проявляется авторская субъективность в отдельных характеристиках (например, Сильвестра) и проводится общая политическая тенденция в духе царской политики конца 60-х годов XVI в., правда, с некоторыми отклонениями в подробностях.

II

Почему же нельзя принять гипотезу Д. Н. Альшица? Прежде всего потому, что характер приписок обнаруживает в нескольких пунктах важные, коренные расхождения с личным мнением Грозного, в частности с его письмом от 5 июля 1564 г. Курбскому. По Д. Н. Альшицу, царь, делая приписки, стремился «увековечить» «как оправдательные, так и обвинительные доводы царя из его полемики». На самом же деле нет тождества между отношением Грозного в письмах к Курбскому к «собацкой власти», т. е. к Избранной раде, и отношением автора приписок к Сильвестру и к Алексею Адашеву в приписке под 1553 г.

---

[42] Д. Н. Альшиц уверяет, что в манере «резкого и, как правило, не подкрепленного аргументацией осуждения Н. Андреев говорит обо всех советских историках, занимавшихся эпохой Ивана Грозного» (Д. Н. Альшиц. Царь Иван Грозный или дьяк Иван Висковатый, стр. 625). Те, кто знает мои работы по истории Руси XVI в., вероятно, сразу же заметят несправедливость утверждения Д. Н. Альшица. Я действительно возражал против мнения И. И. Смирнова, будто Алексей Адашев не хотел присягать в 1553 г. малолетнему Дмитрию, но против этого мнения возражал почти в тех же выражениях А. А. Зимин (И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, стр. 171) и позднее сам Д. Н. Альшиц (Крестоцеловальные записи, стр. 152). В указанной выше статье (стр. 99, 103, 111) я трижды солидаризируюсь с мнениями И. И. Смирнова, который, как я отмечаю, вплотную подошел к «тайне» приписок. В другом случае я не соглашался с С. В. Бахрушиным (N. Andreyev. Kurbsky's Letters to Vas'yan Muromtsev. — The Slavonic and East European Review, t. XXXIII, № 81. London, 1955, стр. 422, прим. 46; мои слова «undue imaginativeness» — «ненужное воображение» Д. Н. Альшиц переводит как «излишнее фантазирование»), но приводить мои аргументы в примечании я не имел возможности. Также я не соглашаюсь в одном пункте с Я. С. Лурье, называя его мнение «не отвечающим месторазвитию и беспочвенным» (Д. Н. Альшиц переводит «нелепым и необоснованным»), однако в обеих указанных статьях, а также и в других работах я многократно солидаризируюсь с тезисами Я. С. Лурье; книга «Послания Ивана Грозного» (М.—Л., 1951), подготовленная Д. С. Лихачевым и Я. С. Лурье, названа мною «очень ценным и полезнейшим изданием» (N. Andreyev. Kurbsky's Letters..., стр. 414).

[43] Работы А. А. Шахматова, М. Д. Приселкова, В. А. Пархоменко, А. Е. Преснякова, Н. Ф. Лаврова, С. В. Бахрушина, А. И. Андреева, С. П. Розанова, А. Н. Насонова, М. Н. Тихомирова, Д. С. Лихачева, Б. А. Рыбакова, Л. В. Черепнина, В. Т. Пашуто, А. А. Зимина и других исследователей дают исчерпывающие доказательства этому тезису.

[44] Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение, стр. 362 и сл.

Грозный — и в письме 5 июля 1564 г., и в письме 1577 г. — или прямо соединяет имена Сильвестра и Адашева,[45] или же он соединяет имя Сильвестра («попа») с боярами и вельможами, поддерживавшими этих временщиков.[46] Таков, например, смысл знаменитого вопроса Грозного: «Или убо сие свет, попу и прегордым, лукавым рабом владети, царю же токмо председанием и царьствия честию почтенну быти, властию же ничим же лучше быти раба?».[47] Грозный заявляет с полной определенностью: «Понеже бо есть вина и главизна всем делом вашего злобесного умышления, понеже с попом положисте совет, дабы яз лише словом был государь, а вы бы с попом во всем действе были государь: сего ради вся сие сключишася, понеже и доныне не престаете, умышляюще советы злые».[48] И далее следует важнейшее для нашей темы заявление царя: «Тако же поп Селивестр и со Алексеем здружися и начаша советовати отаи нас, мневша нас неразсудных суща, и тако, вместо духовных, мирская начашася советовати, и тако помалу всех бояр начаша в самовольство приводити, нашу же красоту власти с вас снимающе и в супротисловие вас приводяще».[49] «Посем же с тем своим единомысленником (князем Дмитрием Курлятевым, — *Н. А.*) от прародителей наших данную нам власть от нас отъяша».[50] «Сия убо вся во своей власти и в вашей положиша, яко же вам годе и яко же кто како восхощет: потому же утвердиша дружбами, и вся властию во всей своей воли имый, ничто же от нас пытая, аки несть нас, вся строения и утверждение по своей воле и своих советников хотение творяще».[51] В этом же направлении, связывая Сильвестра с «вашим злочестием», говорит Грозный и в других местах послания,[52] подчеркивая вновь уже высказанную мысль, что «како же и самодержец наречется, аще не сам строит?».[53] Объясняя опалу Алексея Адашева и Сильвестра, царь считает, что «хто смеху быти глаголет, еже попу повиноватися?».[54]

Таким образом, решительно во всех местах (и во всех редакциях) письма от 5 июля 1564 г., в которых упоминается Сильвестр, «некий священник от Благовещенья» появляется совместно с «вашим злодеянием», т. е. с боярством, — вместе они и пытаются «снимать» с царя «красоту власти».

В тех же местах царского письма, где Сильвестр и Алексей Адашев соединены как сдружившиеся временщики, которых царь сам приблизил

---

[45] Послания Ивана Грозного, стр. 16, 37, 39—41, 48, 49, 52, 56, 57, 77, 97, 98, 100, 101, 109, 117, 120, 121, 129, 209, 210.

[46] Там же, стр. 5. Интересно отметить, что Курбский в своей «Истории о великом князе Московском» отмечал, что в окружении Ивана IV принято осуждать царских «недоброхотов», обвиняя их в том, что «еще Селивестров и Алексеев дух (сиречь обычай) не вышел из них» (Н. Устрялов. Сказания князя Курбского, изд. 3-е. СПб., 1868, стр. 73). Замечательно и у Курбского неизменное соединение этих двух имен.

[47] Послания Ивана Грозного, стр. 22.

[48] Там же, стр. 23.

[49] Там же, стр. 37. Ссылка на эти слова Грозного была сделана нами (по английскому переводу Дж. Феннела) в указанной выше статье (N. Andreyev. Interpolations in the 16th century Muscovite Chronicles, стр. 108—109, прим. 47) в доказательство того, что характеристика Сильвестра в послании царя и в приписке 1553 г. не совпадает. Несмотря на точную ссылку, Д. Н. Альшиц заявил, что наше понимание слов царя «является недоразумением, основанным, вероятно, на неправильном толковании Н. Андреевым выражения Грозного: „он же (т. е. Сильвестр, — *Д. А.*), восхитихся властию, яко же Илии жрец“» (Д. Н. Альшиц. Царь Иван Грозный или дьяк Иван Висковатый, стр. 621).

[50] Там же, стр. 38. (Разрядка наша, — *Н. А.*).

[51] Там же.

[52] Там же, стр. 76, 83.

[53] Там же, стр. 84.

[54] Там же, стр. 101—102.

к себе, «чающе . . . прямые службы»,[55] вина Сильвестра усматривается в том, что он, «яко же Илии жрец, восхитихся властию», начал «совокуплятися в дружбы подобно мирским».[56] Отсюда и началось «отымание» власти у царя. Грозный с замечательной последовательностью очерчивает в письме эту антицарскую линию, проводившуюся Адашевым, Сильвестром и их советниками. Другого мотива в первом письме царя нет.

Не изменилась точка зрения Грозного и тринадцать лет спустя, когда во время победоносного похода 1577 г. в Ливонию он послал с князем Александром Полубенским, начальником польских частей в Ливонии, попавшим в русский плен и отпущенным в Польшу, свое второе послание Курбскому. Здесь вновь звучит прежний мотив о стремлении боярско-княжеских кругов умалить власть царя: «Тако и вы хотесте с попом Селиверстом, с Олексеем Адашевым и со всеми своими семьями под ногами своими всю Русскую землю видети; бог же дает власть, емуж хощет»,[57] в данном случае Ивану IV.

Более резко звучит только одно неясно сформулированное и прежде обвинение в какой-то неприязни московской правящей группы Сильвестра, Адашева и бояр к первой жене царя, Анастасии Романовне: «А и с женою вы меня про что разлучили? Только бы у меня не отняли юницы моея, ино бы Кроновы жертвы не было».[58]

Замечательно, что Курбский в своем «На вторую эпистолию отвещании цареви Московскому убогого Андрея Курбского, князя Ковельского» (1578 г.) не опровергает царских слов об интригах и брожении среди бояр у постели больного Грозного, кратко отмечая: «А о Володимере брате вспоминаешь, аки бы есть мы его хотели на царство, — воистинну, о сем не мыслих, понеже и не достоин был того».[59] Курбский отвечает только за себя, не обсуждая существо сообщений Грозного. Не есть ли такой оборот в ответе Курбского косвенное подтверждение «мятежа» в марте 1553 г.? Он не мог не знать о волнениях при крестоцеловании наследнику Грозного.[60] Царь писал ему о Старицких дважды, как бы вызывая на реплику. В первом письме: «Тогда убо еже от тех нарицаемия доброхоты возшаташася, яко пьяни, с попом Селивестром и с начальником вашим Алексеем, мневше нас в небытию быти, забывше благодеяний наших и еже и своих душ, еже отцу нашему целовали крест и нам, еже кроме наших детей, иного государя себе не искати: они же хотеша воцарити, еже от нас расстоящася в колене, князя Володимера; младенища же нашего, еже от бога данного нам, хотеша подобно Ироду погубити, воцарив князя Владимира . . . Та же божиим милосердием, нам оздравевшим, и тако сей совет рассыпася; попу же Селивестру и Алексею оттоле не престающе, вся злая советующе и утеснение горчайшее сотворити . . . князю же Володимеру во всем убо хотение удержаще».[61]

Во втором письме: «А князя Володимера на царство чего для естя хотели посадити, а меня и з детьми извести? .. А князю Володимеру почему было бы быти на государстве? От четвертого удельного родился. Что его

[55] Там же, стр. 97.

[56] Там же.

[57] Там же, стр. 209.

[58] Там же, стр. 210.

[59] Н. Устрялов. Сказания князя Курбского, стр. 203.

[60] Помимо своей близости к правящей верхушке Москвы он был также в родственных, хотя и не близких, связях с Анастасией Романовной и князем Владимиром Андреевичем (Н. Устрялов. Сказания князя Курбского, стр. 356—357; J. L. I. Fennell. The Correspondence between Prince A. M. Kurbsky and Tsar Ivan IV of Russia. Cambridge, 1958, стр. 212).

[61] Послания Ивана Грозного, стр. 100.

достоинство к государьству, которое его поколенье, развее вашие измены к нему, да его дурости?».[62] Здесь уже подводится итог печальной судьбе «государева брата», но, очевидно, Грозный не мог, обращаясь к Курбскому, иметь в виду только финальные этапы биографии Владимира Старицкого, — недаром Иван напоминает, что именно он, царь, освободил его с матерью «из тюрьмы», в которой «ваши же дяди и господины отца его уморили»: «Я его и матерь от того свободил и держал во чти в урядстве».[63]

Приписка под 1553 г. написана по-иному. Прежде всего разобщены Сильвестр и Алексей Адашев. Сильвестр в приписке выступает в согласии с письмами Грозного, сторонником Владимира Старицкого. Алексей Адашев, напротив, уже вечером 11 марта, т. е. когда царь, по совету окружающих, велел приводить «к целованию на царевичево княже Дмитриево имя» князя Владимира Андреевича и бояр, целует крест прямому наследнику Ивана IV.

Дальнейшая небезынтересная деталь, сообщаемая в приписке и не подчеркнутая в письмах Грозного, — это тот факт, что в среде боярства были сильные противники князя Владимира Старицкого, следившие с подозрением за действиями его и княгини Ефросинии, лелеявшей, по-видимому, мечту о воцарении сына. Вероятно, в тот же день, 11 марта, на московском дворе Старицких разыгрались многозначительные события: «А в то же время князь Володимер Андреевич и мати его събрали своих детей боярских, да учали им давати жалованье деньги; и бояре о том князю Володимеру учали говорити, что мати его и он так не гораздо делают, государь недомогает, а он людей своих жалует, и князь Володимер и мати его почали на бояр вельми негодавати и кручинитеся; бояре же начаша от них беречися (т. е. приняли меры предосторожности, опасаясь их действий, — *Н. А.*) и князя Володимера Андреевича ко государю часто не почали пущати». Кто же эти бояре? Сама приписка дает точный ответ, рассказывая о тех, кто принес вечером 11 марта присягу на верность царевичу Дмитрию: «...и после того на завтра, как приводил государь бояр своих ближних». Это «ближняя дума», в составе, однако, не совсем полном, так как два члена ее, князь Дмитрий Иванович Курлятев и казначей Никита Афанасьевич Фуников, согласно приписке, сказались больными (о них речь будет ниже). Налицо были и крестоцелование совершили родственник царя, князь Иван Федорович Мстиславский, сохранивший свои позиции вплоть до смерти Грозного;[64] князь Владимир Иванович Воротынский, умерший, по-видимому, 27 сентября 1553 г.;[65] Иван Васильевич Шереметев Большой, попавший в опалу в 1564 г., насильно постриженный в монахи в период между маем и июлем 1570 г.;[66] Михаил Яковлевич Морозов, казненный летом 1573 г.;[67] князь Дмитрий Федорович Палецкий;[68] Даниил Романович Юрьев, брат царицы, умерший 27 ноября 1564 г.;[69] Василий Михайлович Юрьев, племянник царицы, скончавшийся в апреле

---

[62] Там же, стр. 210.

[63] Там же. Все нижеследующие летописные цитаты, не обозначенные точной ссылкой на источник, взяты из текста приписки под 1553 г. в Царственной книге (ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 522—526).

[64] О нем см.: С. Б. Веселовский. Последние уделы в Северо-Восточной Руси, стр. 118—121; А. А. Зимин. Состав Боярской думы в XV—XVI веках. — Археографический ежегодник за 1957 г. М., 1958, стр. 61, прим. 240.

[65] А. А. Зимин. Состав Боярской думы в XV—XVI веках, стр. 63, прим. 264.

[66] Там же, стр. 61, прим. 237.

[67] О нем см.: С. В. Бахрушин. Избранная рада Ивана Грозного, стр. 336—337; А. А. Зимин. Состав Боярской думы в XV—XVI веках, стр. 62, прим. 244.

[68] А. А. Зимин. Состав Боярской думы в XV—XVI веках, стр. 60, прим. 227.

[69] Там же, стр. 59, прим. 221.

1567 г.;[70] член ближней думы ex officio дьяк Иван Михайлович Висковатый, казненный в 1570 г.;[71] думные дворяне Алексей Федорович Адашев[72] и Игнатий Михайлович Вешняков, умершие в 1560—1561 гг.[73]

Именно тогда, когда эти ближние думцы выступили с предохранительными мерами против Владимира Старицкого, вмешался Сильвестр, который был «советен и в велицей любви у князя Владимира Андреевича и у матери его княгини Ефросиньи». Дальше следует новое заявление, которого нет в письмах Грозного: «...его (Сильвестра, — *Н. А.*) бо промыслом и из нятства выпущены». Во втором письме к Курбскому, цитированном выше, царь категорически приписывал себе освобождение Старицких из тюрьмы. Не столь существенно в данном случае, как это было на самом деле, но важно, что сам Грозный не соединял этого акта с именем Сильвестра. Значит, можно думать, что в этой фразе приписки есть или отражение исторического факта, или — что правдоподобнее — нарочитое сгущение обвинений против Сильвестра.[74] На принятие последнего предположения наталкивает характеристика Сильвестра, непосредственно предшествующая в приписке разбираемому сообщению, — она, как увидим несколько ниже, продиктована сильным личным чувством против временщика. Необходимо поэтому считать, что роль Сильвестра в деле освобождения Старицких в 1540 г. несколько преувеличена в приписке.

Итак, Сильвестр вмешался в действия ближних бояр, говоря: «„Про что вы ко государю князя Владимира не пущаете, брат вас бояр государю доброхотнее“. Бояре же глаголаша ему: на чем они государю и сыну его царевичу князю Дмитрею дали правду, по тому и делают, как бы их государству было крепче». Дальше идет вновь замечательное заявление, чуждое формулировкам Грозного о боярстве в письмах: «...и оттоле бысть вражда межи бояр и Селивестром и его съветники».

Перед нами возникает картина совершенно иного характера, чем мы могли бы ожидать, считая, что в приписках «увековечены» как оправдательные, так и обвинительные аргументы царя, высказанные им в письме от 5 июля 1564 г. Курбскому. Алексей Адашев и Сильвестр находятся в разных лагерях, а члены ближней думы, многие из которых попали в опалу, как видно из биографических справок, выше данных, горой стоят — по собственной инициативе — за «пеленочника» Дмитрия.

Более того, из приписки перед нами вырисовывается обстановка, совершенно противоречащая концепции Грозного: перед нами факт отсутствия единого мнения и действий среди тех четырех лиц, о которых известно из писем Грозного или со слов Курбского, что они входили в Избранную

[70] Там же, стр. 61—62, прим. 241.

[71] См. о нем: И. И. Смирнов, стр. 257—261; N. Andreyev. Interpolations in the 16th century Muscovite Chronicles, стр. 100—106.

[72] См. о нем: С. О. Шмидт. Правительственная деятельность А. Ф. Адашева, стр. 29 и сл.; И. И. Смирнов, стр. 212—231.

[73] А. А. Зимин. О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI в. — ИЗ, т. 63. М., 1958, стр. 196, прим. 150.

[74] А. А. Зимин (И. С. Пересветов и его современники, стр. 44), приводя ряд вполне убедительных данных в пользу предположения о переезде Сильвестра в Москву задолго до 1547 г., признает это замечание в приписке Царственной книги «вполне правдоподобным». Действительно, Грозный, которому в момент освобождения Старицких было двенадцать лет, едва ли мог помнить всех «промышлявших» об их освобождении. Никоновская летопись упоминает только о митрополите Иосафе и боярах (ПСРЛ, т. XIII, ч. 1, стр. 135). Сильвестр мог быть не назван, так как действовал «в кулуарах» или митрополита, или бояр, к тому же он тогда еще не был лицом знаменитым. Однако Грозный, столь занимаясь вопросом о «четвертом удельном», конечно, позднее должен был иметь информацию о роли Сильвестра в этом деле, и в первом послании к Курбскому подобная деталь была бы весьма выигрышной в перечне прегрешений «попа». Значит, Грозный едва ли знал о такой подробности.

раду. Алексей Адашев и М. Я. Морозов[75] целуют крест Дмитрию, Сильвестр поддерживает Владимира Старицкого, а князь Д. И. Курлятев,[76] которому посвящены столь раздраженные слова в первом послании Грозного Курбскому, сказался больным, предпочитая, по-видимому, сначала выяснить обстановку: он «целовал на третий день (т. е. 13 марта, — *Н. А.*), как уже мятеж минулся». Только по слухам («глаголаху», «будто») он сносился со Старицкими. Сильвестр оказался — в приписке — в состоянии некоторой изолированности от своих ближайших единомышленников. Едва ли такая ситуация, изображаемая в приписке, свидетельствует в пользу гипотезы об авторстве Ивана IV, всегда подчеркивавшего единство взглядов Адашева, Сильвестра и их сторонников.

Князь Д. Ф. Палецкий, умерший в 1558 г.,[77] вел, согласно приписке, двойную линию: присягнул Дмитрию, но одновременно сносился со Старицкими. Его дочь Ульяна Дмитриевна была женой недееспособного брата царя, Юрия Васильевича; может быть, именно поэтому, опасаясь смерти Ивана IV и возможного прихода к власти князя Владимира, Палецкий, уже, по-видимому, человек немолодой, старался застраховать себя на случай перемен. Если бы Грозный на самом деле делал приписку, непонятно, зачем ему надо было беспокоить тень своего свойственника? Рассказ приписки о сношениях Палецкого со Старицким отзывается эхом действительных происшествий.

В тоне передачи тогдашних слухов («глаголаху») говорит приписка и о сношениях со Старицкими казначея Н. А. Фуникова, который с ложа — мнимой или настоящей — болезни «встал, как государь гораздо оздоровел, и тогда целовал после всех людей». Фуников был казнен в 1570 г., вместе с Висковатым. Между тем до того он проделал хорошую служебную карьеру. Он был родственник царского крестного отца — «троецкого старца» Иова Курцова, был женат на сестре любимца Грозного, князя Афанасия Ивановича Вяземского; по-видимому, стал старшим казначеем в 1566 г.[78] В первом послании 1564 г. Курбскому Грозный обвиняет Избранную раду в преследовании Н. А. Фуникова: «Что ж о козначее нашем Никите Офонасьевиче? Про что живот напрасно разграбисте, самого же в заточение много лет, в дальных странах, во алчбе и наготе держасте?».[79] Как видим, приписка в данном пункте полностью противоречит словам Грозного. Можно ли считать, что эта приписка совпадает с первым посланием царя и даже «увековечивает» аргументы этого послания? Как будто бы ясно, что нельзя. Приписка о Фуникове отражает воспоминания очевидца и, надо думать, вызвана необходимостью объяснить, почему его не было в столь ответственный момент среди членов ближней думы.

---

[75] А. А. Зимин. Состав Боярской думы в XV—XVI веках, стр. 62.

[76] В 1562 г. он был насильственно пострижен в монахи (А. А. Зимин. Состав Боярской думы в XV—XVI веках, стр. 68). Ненависть к нему Грозного, значит, возникла позднее 1553 г., ибо в этой приписке его роль весьма ничтожна, — еще одна подробность, свидетельствующая в пользу достоверности приписки о событиях во время болезни царя.

[77] А. А. Зимин. Состав Боярской думы в XV—XVI веках, стр. 68.

[78] П. А. Садиков. Очерки по истории опричнины. М.—Л., 1950, стр. 285—287. П. А. Садиков думал, что считать Н. А. Фуникова в 50-е годы казначеем было бы ошибкой и что он был тогда печатником. Но А. А. Зимин, базируясь на своей первоклассной документации по первоисточникам, показал, что «с января 1549 года до 1561 года Фуников выполнял обязанности печатника, которые иногда сочетались в 1550-х годах у него с обязанностями казначея» (А. А. Зимин. О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI в., стр. 195).

[79] Послания Ивана Грозного, стр. 52. О гонениях на Н. А. Фуникова в других источниках ничего не сообщается [там же, Комментарии (Я. С. Лурье), стр. 606].

Когда на следующее утро, т. е. 12 марта, Грозный приказал собрать «бояр своих всех», т. е. всю Боярскую думу, и «почал им говорити, чтобы они целовали крест к сыну его ко князю Дмитрию, а целовали б в Передной избе, понеже государь изнемогаша вельми и ему при собе их приводити к целованию истомно», обстановка усложнилась.

Князь Иван Михайлович Шуйский[80] сделал формальное возражение: «Им не перед государем целовати не мочно, перед кем им целовати, коли государя тут нет?». Окольничий Федор Григорьевич Адашев,[81] отец временщика, ссылаясь на опыт боярского правления в ранние годы царствования Грозного, высказал мнение, что за Дмитрия, который «еще в пеленицах», будут править его ближайшие родственники Захарьины, а бояре служить им не собираются. Возникло всеобщее волнение: «Мятеж велик и шум и речи многие во всех боярах». «И бысть меж бояр брань велия и крик и шум велик и слова многие бранные», так как ближние думцы и часть бояр, солидарная с ними, начали убеждать нежелающих присягать. Тогда Грозный, указывая, что «я с вами много говорить не могу» из-за болезни, сделал три обращения: первое — к отказывающимся присягать, упрекая их в том, что они забыли прежние свои клятвы: «... а целовали есте мне крест и ниоднова, чтобы есте мимо нас иных государей не искали»; второе — к присягнувшим: в случае царской смерти «пожалуйте, попамятуйте, на чем есте мне и сыну моему крест целовали: не дайте бояром сына моего извести никоторыми обычаи, пробежити с ним в чужую землю, где бог наставит»; третье обращение было к Захарьиным, которые, по-видимому, заколебались, слыша столь резкие речи и откровенные угрозы по своему адресу; Грозный сказал: «А вы, Захарьины, чего испужалися, али, чаете, бояре вас пощадят? Вы от бояр первые мертвецы будете. И вы бы за сына за моего и за матерь его умерли, а жены моей на поругание бояром не дали».

Вся эта речь обнаруживает ту же тенденцию, которая буквально пронизывает всю вставку под 1553 г.: безусловную преданность наследнику Грозного и воле царя проявляет только часть ближней думы. Во главе верной части стоят боярин князь Владимир Иванович Воротынский и дьяк Иван Михайлович Висковатый. Не случайно оба они изображены на рисунке в Царственной книге.[82]

Как удачно и точно сформулировал И. И. Смирнов, Висковатый «с самого начала до конца мартовского мятежа не только остается на позициях сторонника царя и его наследника, но выполняет ответственную роль исполнителя и проводника в жизнь всех мероприятий, связанных с утверждением династических прав царевича Дмитрия».[83] Это он «воспомянул царю о духовной». Он немедленно присягнул Дмитрию в составе ближней думы. Это его «со крестом» послал Грозный вместе с Воротынским и «иными своими боярами» (из ближней думы) в «переднюю избу», куда

---

[80] Выбыл из Боярской думы в 1560 г. (А. А. Зимин. Состав Боярской думы в XV—XVI веках, стр. 69). По-видимому, «всех бояр» в Думе было, считая и окольничих, в то время около 40, но неизвестно, сколько их 12 марта присутствовало во дворце (там же, стр. 65—66; см. также: А. А. Зимин. Реформы Ивана Грозного. М., 1960, стр. 412—413).

[81] А. А. Зимин. Состав Боярской думы в XV—XVI веках, стр. 60—61, прим. 230. С. В. Бахрушин (Избранная рада Ивана Грозного, стр. 349—350) хорошо подметил особый характер выступления Ф. Г. Адашева. Это был голос здравого смысла — голос «широких кругов дворянства».

[82] ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, последняя таблица с текстом под рисунком: «И бояре почали князю Володимеру Андреевичу говорити, чтобы не упрямливался ... А говорил наперед князь Володимер Воротынский да диак Иван Михайлов».

[83] И. И. Смирнов, стр. 270.

после «жестокого слова» больного царя пошли «бояре все», «поустрашенные», «крест целовати». «И бояре пошли целовати, а у креста стоял» Воротынский «да дьяк Иван Михайлов крест держал». Не удивительно, что Висковатый слышал и запомнил перебранку князя И. И. Пронского-Турунтая[84] с Воротынским, в результате которой «князь Иван Пронской исторопяся крест целовал».

Когда бояре закончили целование, «государь велел написати запись целовальную, на чем приводити к целованию князя Володимера Андреевича». Однако вызванный к царю «последний удельный Рюрикова дома» не захотел «на записи крест целовати». Грозный обратился к боярам: «Аз не могу, а мне не до того; а вы на чем мне и сыну моему Дмитрию крест целовали, и вы по тому делайте». Бояре начали уговаривать Старицкого, «а говорил наперед князь Володимер Воротынский да дьяк Иван Михайлов». Речь Воротынского при этом изложена, в ней Воротынский делает два важных заявления: «тебе служить не хочю», «дpаться с тобою готов», если государи прикажут. Затем «инии бояре» угрожали Старицкому: если «не учнет князь целовати, ему оттудова не выйти». Итак, Владимир Андреевич «целовал крест поневоле»; понятно, что эта деталь никогда не появилась в письмах Грозного, хотя он дважды возвращался в них к вопросу о возможности воцарения Старицкого.

После принуждения Владимира Андреевича, который все еще оставался в царском дворце, «посылал государь ко княгине з грамотою с целовальною, чтоб велела к той грамоте печать княжую привесить, боярина своего Дмитрия Федоровича Палецкого да диака своего Ивана Михайлова». Им пришлось трижды посетить Ефросинию, прежде чем она велела привесить княжескую печать, говоря: «что то де за целование, коли невольное», и «много речей и брани говорила».

Едва ли было бы преувеличением сказать, что дьяк Висковатый является своего рода героем приписки, семь раз появляясь в самых важных местах текста и неизменно выполняя все, на него возложенное, служа Ивану IV и его наследнику верой и правдой.[85] Создается также впечатление, что никто лучше Висковатого не мог знать всех тех подробностей «мятежа», которые выше изложены. Грозный был — в согласии с его письмами — тяжело болен: к утру 11 марта «мало и людей знаяше», утром 12 марта «государь изнемогаши вельми», при себе «приводити к целованию истомно», — тем не менее он делает огромное усилие и произносит «жестокое слово», испугавшее оппозиционеров; зато к вечеру 12 марта царь совершенно измучен, уговаривать князя Владимира ему не по силам: «Аз не могу, а мне не до того»; вероятно, этим крайне болезненным состоянием и было обусловлено смелое упорство Владимира Старицкого в отказе «на записи крест целовати». Можно думать, что правдивость приписки о таком состоянии Грозного отвечала действительности; Синодальный список тоже подчеркивает серьезность болезни Ивана Васильевича: «. . . посети немощь православного нашего царя, прииде огнь велий, сиречь огневая болезнь».[86]

---

[84] А. А. Зимин. Состав Боярской думы в XV—XVI веках, стр. 59, 74.

[85] Кстати, Д. Н. Альшиц сам назвал Висковатого «героем отпора, данного бунтовщикам», однако отвел его кандидатуру как автора приписки (Д. Н. Альшиц. Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени, стр. 286—287).

[86] ПСРЛ, т. XIII, ч. 1, стр. 231. Курбский в своей «Истории о великом князе Московском» также подтверждает факт опасной болезни царя: «. . . разболелся зело тяжким огненным недугом так, иже никтоже уже ему жити надеялся» (Н. Устрялов. Сказания князя Курбского, стр. 34). Однако Курбский, может быть с умыслом, относит болезнь к несколько более раннему времени. Интересно, что, как отмечает Устрялов (там же, стр. 302), Екатерина II, имевшая так называемый Эрмитажный список «Исто-

Если это так, драматические подробности событий 11 и 12 марта, в особенности в «передней избе», речи бояр и Ефросинии могли стать известны царю лишь в передаче. В приписке выделено, что́ позднее дополнительно услышал царь: «А после того государю сказывал боярин Иван Петрович Федоров,[87] что говорили с ним бояре, а креста целовать не хотели, — князь Петр Щенятев, князь Иван Пронской, князь Семен Ростовской: [88] „Ведь же нами владеть Захарьиным, и чем нами владеть Захарьиным, а нам служити государю младу, и мы учнем служити старому князю Володимеру Андреевичу“»; «. . . да государю же сказывал окольничей Лев Андреевич Салтыков,[89] што говорил ему, едучи на площади, боярин князь Дмитрий Иванович Немой: [90] „Бог то де знает, нас де бояре приводят к целованию, а сами креста не целовали; а как де служити малому, мимо старого, а ведь де нами владети Захарьиным“». Создается впечатление, что автор приписок как бы отделяет то, что говорилось государю позднее (вероятно, эти сообщения-доносы были записаны), и то, что видел сам автор. Несомненное обобщение конца приписки: «и оттоле бысть вражда велия государю с князем Володимером Андреевичем, а в боярах смута и мятеж, а царству почали быти во всем скудость» — единственное место приписки, которое обнаруживает, что она делалась много позднее событий 1553 г. и делалась в перспективе несчастной судьбы Старицких, причем автор скорбит о царстве, а не об оскорблении царского самодержавия или о «ненависти зельной» к Анастасии Романовне.[91] Таким образом, содержание приписки позволяет думать, что она сделана не с точки зрения царя после 1564 г., а с позиции современника, верно служившего царю, но остававшемуся на почве действительных событий, которых он был свидетелем.

Нет никакого сомнения, что споры о крестоцеловании «пеленочнику» Дмитрию продолжались только два дня: 11 и 12 марта.[92] Именно к этому времени положение больного настолько ухудшилось, что во дворец собрались члены ближней думы, чтобы получить указание Грозного о дальнейших действиях. В качестве временщика присутствовал также Сильвестр. Был ли здесь царский духовник, протопоп Благовещенского собора Андрей, неизвестно; вероятно, он, как и царица Анастасия и царедворцы, не упоминается в приписке, потому что она касается исключительно политических событий, разыгравшихся в Боярской думе. Непонятно, почему не упомянут митрополит Макарий. Или он был в отъезде из Москвы, что правдоподобно, так как под крестоцеловальной записью, экстренно и с большими затруднениями взятой с Владимира Старицкого вечером 12 марта, нет подписи Макария.[93] Или же автор сознательно промолчал о его позиции в боярском расколе, что едва ли возможно. Никак нельзя, однако, принять версию, будто бы имя Макария было нарочно не названо

рии» Курбского, сделала приписку, что Грозный сыну «отказал (завещал, — *Н. А.*) царство, под управлением матери и шурьях», но бояре хотели, чтобы «царство поручал брату родному, князю Юрий», «который был без ума, без памяти и без словесен», и «сказано, что колено князя Владимира Андреевича возвести хотели». Екатерина ссылалась на «Казанский» и «Иной летописец».

[87] Казнен в 1568 г. (А. А. Зимин. Состав Боярской думы в XV—XVI веках, стр. 74).

[88] А. А. Зимин. Состав Боярской думы в XV—XVI веках, стр. 66, прим. 286.

[89] Там же, стр. 66, прим. 291.

[90] Там же, стр. 64, прим. 269.

[91] Послания Ивана Грозного, стр. 100. Нет, кстати говоря, необходимости понимать слово «скудость» в экономическом смысле, как это делает И. И. Смирнов (стр. 277), здесь автор приписки имеет в виду исчезновение у правящей верхушки психологического и политического единства, вредное для государства.

[92] И. И. Смирнов, стр. 264, прим. 1.

[93] СГГД, т. I. М., 1813, № 167, стр. 460—461.

автором приписки «в рассказе о составлении духовной Ивана IV».[94] В приписке указано совершенно точно: «Царя же и великого князя дияк Иван Михайлов воспомяну государю о духовной. Государь же повеле духовную совершити; всегда бо бяше у государя сие готово (разрядка наша, — *Н. А.*)», — замечательная подробность, свидетельствующая о знании состояния государственных документов в государевой канцелярии. Весь же «рассказ о составлении духовной» заключается, кроме приведенного текста, еще только в одной фразе: «Совершивше же духовную, начаша...». Вероятно, все это «совершение духовной» 11 марта состояло в подписании государем или в оглашении, очевидно, в присутствии ближней думы ранее приготовленного текста, который теперь стал руководящим государственным документом ввиду возможности смертельного исхода болезни царя, ибо «бысть болезнь его тяжка зело; мало и людей знаяше, и тако бяше болен, яко многим чаяти, к концу приближися». Иными словами, в этом начальном эпизоде, рассказанном припиской, обнаружены ум и опытность в государственных делах инициатора подписания духовной дьяка И. М. Висковатого.

Надо думать, что текст духовной был составлен значительно раньше, возможно вскоре после женитьбы царя на Анастасии Романовне Захарьиной, если допустить аналогию, например, с составлением завещания 1572 г.,[95] месяца через два после женитьбы Грозного на Анне Колтовской, когда царь внес в духовную указания на все возможные случаи.[96]

Представляется вероятным, что новая духовная царя должна была бы быть написана лишь после нового брака царя, т. е., возможно, после женитьбы Грозного 21 августа 1561 г. на дочери Темрюка Айдаровича, князя Кабардинского, но есть мнение, что духовная 1572 г. основывалась на духовной 1553 г.,[97] т. е. на том тексте, который был подписан (или оглашен) 11 марта, согласно тексту приписки. Крестоцеловальная запись, конечно, определяла не вопросы наследования и наследства, а конкретное поведение того, с кого она бралась в определенной политической обстановке. Писать при этом каждый раз предварительно новые духовные грамоты едва ли было необходимо. В вопросе о том, что наличие крестоцеловальной записи от марта 1553 г. подтверждает правильность сведений приписки о сомнительном поведении князя Владимира, а следовательно, косвенно и факт боярских споров 11—12 марта, И. И. Смирнов прав, а Д. Н. Альшиц просто логически обречен на защиту неверных положений.[98] Согласен с мнением И. И. Смирнова и А. А. Зимин, который подкрепляет его утверждения, выдвигая интересную и плодотворную мысль, что сотая статья «О суде с удельными князи» в Судебнике 1550 г., как заметил Л. В. Черепнин, приписана после событий 1553—1554 гг.,[99] т. е. что эта деталь оказывается опять-таки косвенным подтверждением факта боярской склоки у постели больного Ивана IV из-за наследника трона.

Иными словами, предыдущий разбор приписки под 1553 г. в Царственной книге приводит к заключению, что приписка вовсе не повторяет идей Грозного в первом письме к Курбскому (от 5 июля 1564 г.), а в ряде подробностей прямо противоречит им, так что гипотеза о написании ее самим царем совершенно неосновательна. В то же время бросается в глаза

---

94 И. И. Смирнов, стр. 275—277.
95 ДАИ, т. I. СПб., 1846, № 222.
96 С. Б. Веселовский. Последние уделы в Северо-Восточной Руси, стр. 111.
97 А. А. Зимин. Реформы Ивана Грозного, стр. 410.
98 Д. Н. Альшиц. Крестоцеловальные записи. . ., стр. 147 и сл.; И. И. Смирнов, стр. 278—283.
99 А. А. Зимин. Реформы Ивана Грозного, стр. 415—417.

во всем описываемом эпизоде систематическое подчеркивание роли дьяка И. М. Висковатого. Есть ли какое-либо более конкретное указание в тексте приписки на возможность считать его автором? Представляется более чем правдоподобным, что такое указание находится в знаменитой характеристике Сильвестра.

Весь текст приписки под 1553 г. (как и все другие дополнения и исправления — около сотни — в лицевых сводах Грозного) написан в деловом тоне: события, имена, конкретные детали, отсутствие в стиле элементов типичного для царя «скрещивания книжного и обиходного средств языка».[100] В приписке 1553 г. «языковая ткань» как бы состоит из трех частей. В начале приписки общая часть, сходная по характеру с общим тоном, принятым в официальных летописях при описании русских побед: упоминание «скверного жилища» Казани и даже, мимоходом, Астрахани трафаретно и, видимо, поставлено для того, чтобы связать приписку с предыдущими описаниями казанской победы. Вторая часть — изложение действительных событий предмета приписки, где комбинируется сжатый стиль делового описания и прямая речь, на которой более всего заметно, что писал очевидец и как бы третье лицо, некий наблюдатель: не царь и не кто-то из тех, чьи речи при их выступлениях записаны. Третья, небольшая часть, «вклинивающаяся в рассказ о присяге», как отметил С. В. Бахрушин, есть именно характеристика Сильвестра, обнаруживающая эмоциональную взволнованность автора, его нелюбовь к Сильвестру, который изображен в этой части приписки как всесильный временщик, диктующий свою волю всем в Москве. Приведем текст полностью: «В та же времена бысть у Благовещения, у церкви, еже на сенех у царьского двора, некий священник, зовомый Селивестр, родом ноугородец. Бысть же сей священник Селиверст у государя в великом жаловании и совете в духовном и думном, и бысть яко всемогий, вся его послушаху и никтоже смеяше ни в чем же противитися ему, ради царского жалования; указываше бо и митрополиту, и владыкам, и архимандритом, и игуменом, и чернцем, и попом, и бояром и диаком, и приказным людем и воеводам, и детем боярским, и всяким людем. И, спроста рещи, всякия дела и власти святительския и царьския правяше, и никто же смеяше ничтоже сътворити не по его велению; и всеми владяше обема властьми, и святительскими и царскими, якоже царь и святитель, точию имяни и образа и седалища не имеяше святительского и царского, но поповское имеяше; но токмо чтим добре всеми и владеяше всем с своими советники. Бысть же сей Селивестр советен и в велицей любви бысть у князя Владимера Ондреевича и у матери его княгини Ефросийнии; его бо промыслом и из нятства выпущены».

Заметим, что, за исключением конца данного текста, который, как выше уже говорилось, несколько преувеличил роль Сильвестра в освобождении Старицких в 1540 г., весь он — в противовес остальному содержанию приписки под 1553 г. — не конкретен: это широкое эмоциональное обобщение о деятельности Сильвестра в Москве. Более того, вся история, рассказанная перед этой характеристикой и после нее, как бы противоречит мысли о «всесильности» Сильвестра. Мы не знаем, как он реагировал на «жестокое слово» царя, но видим, что его сочувствие кандидатуре Старицкого в наследники Ивана IV решительно не помогло князю Владимиру. Поскольку, как было выше показано, основные положения всей приписки не соответствуют взглядам Грозного, естественно думать, что и характеристику Сильвестра писал кто-то другой, имевший основания крайне не любить

[100] С. О. Шмидт. Заметки о языке посланий Ивана Грозного. — ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 256.

временщика. Интересно заметить, что историки знают на основании современных событиям памятников, что человеком, особенно недолюбливавшим «некоего священника у Благовещения», был как раз Висковатый.[101]

Но Висковатый не столько не любил Сильвестра (у нас нет об этом данных), сколько он был его идейным противником. Надо вспомнить, что Висковатый являлся ярким, смелым и умным представителем той новой социальной группы в сложном организме Московского государства, которая — по раздосадованным замечаниям Курбского — избиралась царем «не от шляхетского роду, ни от благородна, но паче от поповичей или от простого всенародства». Эта группа — московская бюрократия, «писари руские», которым царь «зело верит» и иногда из них «творит вельмож своих».[102] Еще резче характеризует их роль убежавший в Литву Тимофей Тетерин в послании М. Я. Морозову: «Есть у великого князя новые верники: дьяки, которые его половиною кормят, а другую себе емлют, у которых дьяков отцы вашим отцам в холопъстве не пригожалися, а ныне не токмо землею владеют, но и головами вашими торгуют».[103]

Висковатый, кажется, татарского происхождения, едва ли мог быть «из поповичей», но землей он владел, получая ее за свою неустанную и ценную «государскую» службу.[104] Своим выдвижением в главы Посольского приказа и на дальнейшие посты он был обязан своими блестящими дарованиями, устремленными к главной цели служения государству. Грозный умел ценить таланты: немудрено, что отлично знавшие московскую верхушку ливонские авантюристы Таубе и Крузе имели все основания считать, что Иван IV «любил главного канцлера Ивана Висковатого, как самого себя».[105] К тому же, Висковатый по своим взглядам был типичный человек своего времени с цельным религиозным мировоззрением и большой политической консервативностью. Висковатый был начитан в церковной литературе, зная не только элементарную «обиходную» премудрость, но и деяния вселенских соборов, и сочинения отцов церкви, и «Синодик на неделю православия», на который он семь раз ссылался во время своих богословско-иконописных споров и который — интересно отметить — был также в библиотеке Грозного.[106]

---

[101] См., например: С. В. Бахрушин. Избранная рада Ивана Грозного, стр. 338; А. А. Зимин. О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI в., стр. 195—196. Одним из первых этот момент личной вражды Висковатого в отношении Сильвестра отметил Е. Е. Голубинский (История русской церкви, т. II, 1-я половина, стр. 845): «Образ поведения Висковатого весьма дает подозревать, что он находился с Сильвестром во вражде и хотел навлечь на любимца государева беду». Писавшие еще раньше Е. Е. Голубинского Д. П. Голохвастов и архимандрит Леонид (Благовещенский иерей Сильвестр и его писания. — ЧОИДР, М., 1874, кн. 1, стр. 24) считали выступление Висковатого «изветом» на Сильвестра и на второго благовещенского священника Симеона, прикрытым «ревностию к вере». Однако работа Д. П. Голохвастова и архимандрита Леонида рисует идеализированный образ Сильвестра и весьма мало критична как раз по интересующему нас пункту.

[102] Н. Устрялов. Сказания князя Курбского, стр. 43.

[103] Послания Ивана Грозного, стр. 537.

[104] У него были вотчины в Переяславском уезде, одно поместье в Коломенском (Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888, стр. 258, примечание). В вотчине (сельцо Храбтово со многими деревнями) были «боярские» дом и сады (П. А. Садиков. Очерки по истории опричнины, стр. 152—153).

[105] Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе, стр. 51.

[106] Н. Е. Андреев. О деле дьяка Висковатого. — Seminarium Kondakovianum, V. Praha, 1932, стр. 220, прим. 161. Основная часть «Синодика на неделю православия» выражает «торжество православия» над иконоборчеством. Отсюда понятно, почему на этот Синодик особенно упорно ссылался Висковатый: он как бы усматривал в новых неканонических, по его мнению, сюжетах икон, создававшихся «у Благовещенья» под руководством Сильвестра, некую новую форму упразднения икон. По-видимому, поль-

Висковатый принимал теорию «Москва — третий Рим», судя по тому, что в его записке в споре об иконах находим, например, такую фразу: «... зрим око православия, соборную церковь Богородичную Московскую»; это заявление полностью совпадает с его общим представлением о том, каким должно быть религиозное искусство православного Российского царства.[107] Политическое мировоззрение Ивана Михайловича с полной ясностью выразилось во фразе о престоле и жертвеннике Благовещенского собора, где был священником Сильвестр, руководивший после пожара Москвы в 1547 г. восстановительными работами в кремлевских церквах: «... и о том велми ужасаюся, яко меншая з болшим уровняют, и было б в равенство, на одно бы все съврършилос».[108] Внимательный взгляд Висковатого, по-видимому страстного любителя и знатока иконного искусства, подметил ряд новшеств в композициях икон, приготовляемых новгородскими и псковскими мастерами «у Благовещенья» под руководством «некоего священника», а также и в аллегорической росписи в Золотой палате царского дворца. Умный и осторожный в дипломатических делах дьяк, по-видимому заподозривший Сильвестра в сознательном отступлении от канонов православного церковного искусства, начал в 1550 г. «вопить на народе» против этих нововведений,[109] т. е. начал критиковать «мудрования» или латинские подробности в новых иконных композициях, созданных псковичами под руководством новгородца Сильвестра.[110] Можно думать, что эта критика делалась время от времени («три года») при осмотре новых произведений иконописи, но Висковатый еще не систематизировал своих «сомнений» об этих иконописных работах, действительно вносивших ряд новых черт в искусство «стольного града», как отмечает анализ искусствоведов и историков культуры.[111]

Но недаром Висковатый слыл умнейшим дипломатом.[112] Он переменил свою тактику именно после царской болезни 1553 г. 25 октября 1553 г. Висковатый заявил в присутствии царя о своих сомнениях митрополиту Макарию.[113] Последний сразу же ответил дьяку с большой резкостью и прямой угрозой: «Стал еси на еретики, и ныне говоришь-де и мудрьствуешь о святых иконах не гораздо. То мудрование и ересь галат-

---

зовался Висковатый одним из переводов греческого синодика, сделанным в XIV в. «Синодик на неделю православия» издан и комментирован Ф. И. Успенским (Записки имп. Новороссийского университета, т. 59. Одесса, 1893).

[107] Н. Е. Андреев. О деле дьяка Висковатого, стр. 191—242.

[108] Розыск или список о богохульных строках и о сумнении святых честных икон диака Ивана Михайлова сына Висковатого в лето 7062. — ЧОИДР, кн. II. М., 1858 (далее: Розыск...), стр. 8.

[109] Деталь 1550 г. выясняется из текста епитемии, наложенной на Висковатого (Розыск..., стр. 38).

[110] Розыск..., стр. 20.

[111] Л. А. Мацулевич. Хронология рельефов Дмитровского собора во Владимире Залесском. — Ежегодник Российского института истории искусств, т. 1, вып. II. СПб., М., 1922, стр. 266; А. И. Некрасов. Древнерусское изобразительное искусство. М., 1937, стр. 288—290; Н. Е. Мнева. Московская живопись XVI века. — В кн.: История русского искусства, т. III. М., 1955, стр. 580—582. См. также: J. Myslivec. Liturgické hymny jako náměty ruských icon. — Byzantinoslavica, t. III, № 2. Praha, (1931) 1932, стр. 496 и сл.; П. Н. Милюков. Очерки по истории русской культуры, т. II, ч. 2. (Юбилейное издание). Париж, 1931, стр. 499—501; N. Andreyev. Aus der Geschichte der russischen Ikonenmalerei. — Blick in die Wissenschaft, t. 7. Berlin, 1948, стр. 323—330; Н. Е. Андреев. Иоанн Грозный и иконопись XVI века. — Annales de l'Institut Kondakov, t. X. Prague, 1938, стр. 185—200 (Mélanges A. A. Vasiliev).

[112] Отзыв ливонского хрониста Балтазара Рюссова в Ливонской хронике 1584 года. — Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края, т. III. Рига, 1886, стр. 186. Ср.: Р. Ю. Виппер. Иван Грозный. М., 1922, стр. 46, 75.

[113] Розыск..., стр. 2. См. также: А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники, стр. 174.

ских еретиков. Не попадися и сам в еретикы, знал бы ты свои дела, которые на тебя положены, не разроняй списков».[114]

По-видимому, Макарий, который, как выше указывалось, был весьма задет вмешательством, к тому же очень острым, светского лица в область компетенции духовных лиц (самого Макария и формально подчиненного ему Сильвестра), пытался запугать Висковатого и создать впечатление у него и, главное, у царя, присутствовавшего при заявлении дьяка, о «сомнениях», о «еретичности» мыслей начитанного в церковных вопросах дипломата. Интересно отметить, что упомянутая митрополитом «ересь галатских еретиков», по всей вероятности, вовсе не существовала.[115]

Висковатый не только не смутился от недвусмысленной угрозы главы русской церкви, но, после того «спустя, месяца ноября»,[116] подал ему свою записку: «принес список своея руки о мудровании и о своем мнении о святых иконах» и «бил челом митрополиту», чтобы тот «со всем священным сбором» обсудил его мнение.[117] Митрополит «список» Висковатого принял и послал его царю с запросом, «как о том ему благочестивый царь повелит».[118] Грозный «повелел» записку Висковатого обсудить на церковном соборе и о результатах обсуждения доложить себе.

Решение собора оказалось не в пользу Висковатого. Дьяк «каялся и прощался» (т. е. просил прощения) «у митрополита и у всего священного собора».[119] Висковатого не отлучили от церкви, как иногда ошибочно пишут историки, вслед за О. М. Бодянским,[120] но только угрожали отлучением, если «учнешь паки зле мудрствовати или развращати народ по прежнему своему сумнению, забыв страх божий и свое покаяние»; [121] на него наложили епитимью.[122]

---

[114] Розыск. . ., стр. 1—2. Макарий, под влиянием которого, несомненно, развивались церковные представления Грозного в годы его юности, очевидно, неплохо понимал характер Ивана IV и также знал, что глава Посольского приказа находится под особым покровительством царя (иначе нельзя объяснить бездействие митрополита в отношении Висковатого, уже три года «вопившего на народе»). Поэтому Макарий немедленно атаковал взгляды дьяка, тем самым подрывая его позицию как критика новшеств в глазах царя, всегда считавшегося с мнением главы русской церкви, во всяком случае в области церковных вопросов.

[115] Автор настоящей работы, в свое время изучавший вопрос «О деле дьяка Висковатого» в рамках своей докторской диссертации, касавшейся противолатинской полемики в древней Руси, не смог найти об этой ереси никаких сведений. Запрошенные специалисты по истории церкви или не могли дать ответа из-за отсутствия данных, или, как С. С. Безобразов, пытались построить гипотезу, что Макарий имел в виду тех «галатских лжеучителей», с которыми боролся апостол Павел в своем послании к галатам: сказать «галатские еретики» значило бы изобличить в иудейском духе. Но если бы Макарий действительно хотел бросить тень на Висковатого именно в этом направлении, вероятно, он назвал бы его просто «жидовствующим». Скорее прав Г. А. Острогорский, считавший, что, может быть, и не следует доискиваться определенного смысла в этом обвинении Макарием Висковатого. Не беда, если указанной ереси вовсе никогда не существовало, — ссылка на нее выполняла другую функцию, переводя Висковатого из обвинителей в обвиняемые. Ср.: Н. Е. Андреев. О деле дьяка Висковатого, стр. 223—224, прим. 188.

[116] Розыск. . ., стр. 2.

[117] Там же.

[118] Там же, стр. 3.

[119] Там же.

[120] Розыск. . ., стр. 1. Е. Е. Голубинский (История русской церкви, т. II, 1-я половина, стр. 843, примечание) правильно отмечал, что не видно из текста «дела», когда могло быть произведено отлучение Висковатого. См. также: Н. Е. Андреев. О деле дьяка Висковатого, стр. 195—196.

[121] Московские соборы на еретиков XVI века в царствование Ивана Васильевича Грозного. — ЧОИДР, кн. III. М., 1847, стр. 17. Здесь также О. М. Бодянским, как и в ЧОИДР 1858 г., опубликована часть «дела Висковатого».

[122] Там же, стр. 15.

Все изложенные обстоятельства необычайно — по тем временам — милостивого обращения церковной власти с Висковатым объясняются тем, что царь явно благоволил к своему выдающемуся «ближнему человеку». В этом особом покровительстве Висковатому мы находим косвенное подтверждение, что события у постели больного царя в марте 1553 г., когда дьяк Иван Михайлов проявил себя как преданнейший думец, действительно имели место. Но, кроме того, сам дьяк в своей записке об иконах ведет прямую атаку на временщика Сильвестра, пытаясь связать его имя с находившимися под следствием «еретиками» — Матвеем Башкиным и бывшим троицким игуменом Артемием.[123]

Эту политическую подоплеку выступления Висковатого отчетливо поняли и Макарий, с самого начала угрожавший дьяку званием «еретика», а затем доискивавшийся, кто его советники, и Сильвестр с Симеоном, священники Благовещенского собора. Последние немедленно подали «жалобницы» на хитроумного дипломата, выдвинувшего против них столь опасное обвинение, как связь с «еретиками». При этом из «жалобниц» ясно видно, что Сильвестр был по-настоящему взволнован, защищался более страстно и писал пространнее и подробнее, чем Симеон.[124]

Беспокойство Сильвестра нельзя объяснить только косвенным обвинением его в недосмотре над псковскими и новгородскими иконописцами. Сильвестр знал, что Макарий с первого момента резко оспаривал Висковатого и обвинил его самого в «галатской ереси». Значит, временщику не угрожала опасность со стороны высшей церковной власти, которая — в лице Макария — немедленно приняла сторону Сильвестра. Но последний явно встревожен, и, как выше показано, его защита построена на мотиве, что обо всем знал сам царь и что, в сущности, Сильвестр только слепо исполнял царскую волю. Такой — весьма умный — тон «жалобницы» заранее исключал возможность осуждения действий Сильвестра: критика Сильвестра была бы критикой решений Грозного. Быстрое «покаяние» Висковатого свидетельствовало, что он тоже немедленно разобрался в положении вопроса на соборе.[125]

[123] Розыск. . ., стр. 10. О Матвее Башкине и Артемии см. ценные главы «Вольнодумец Матвей Башкин и его единомышленники» и «Дело старца Артемия» в исследовании А. А. Зимина «И. С. Пересветов и его современники». Думается только, что удар Висковатого имел главной целью именно Сильвестра, а не «троицу»: Артемия, Сильвестра и Симеона (там же, стр. 174). Именно Сильвестр отвечал за новые иконы. Хотя Висковатый и с Башкиным, своим «земляком», «брань воздвиг, слыша от него нов хуления глагол на непорочную нашу веру христианскую» (Розыск. . ., стр. 9—12), главным предметом его критики был новгородец Сильвестр, который руководил иконописцами. Ср.: Н. Е. Андреев. О деле дьяка Висковатого, стр. 203—204. Попутно надо сказать, что нельзя принять теорию И. И. Смирнова (стр. 270 и сл.), что Висковатый был тесно связан с Захарьиными. Во время своего «дела» он назвал племянника царицы, Василия Михайловича Юрьева, которого вызывали на собор, и тот должен был дать разъяснения (Розыск. . ., стр. 15—16) по поводу неверного текста правил VII вселенского собора в книге, ему принадлежавшей.

[124] Московские соборы на еретиков XVI века, стр. 21—23.

[125] Розыск. . ., стр. 40. Неясен момент подачи «жалобниц», которые как бы «приложены» к «делу о богохульных строках» Висковатого. По смыслу вещей их следовало бы читать вслед за ответом митрополита. В основе «дела», конечно, лежат документы, но соединены они в одно целое позднее, вероятно, каким-то митрополичьим дьяком или писцом, который, как часто бывало в те времена, кое-что напутал: об этом свидетельствует неподтверждающаяся материалом справка в начале «дела», что Висковатый был отлучен от церкви и «пребыл в том соборном отлучении две седмици» (Розыск. . ., стр. 1). Напротив, Макарий подчеркнул: «Еретиком есми тебя не называли» (Московские соборы на еретиков XVI века, стр. 9). А. А. Зимин (И. С. Пересветов и его современники, стр. 179) напрасно приписывает мне мнение, мною никогда не высказанное, будто бы я считаю «розыск» «позднейшей хаотичной сводкой, выполненной каким-то частным лицом». См. анализ состава «дела» во второй главе моей работы «О деле дьяка Висковатого» (стр. 194—199).

Висковатый явно надеялся, что после событий марта 1553 г. мнение царя о Сильвестре изменилось. Но он не рассчитал силы и степени спаянности пресвитерской части Избранной рады, в которой Сильвестр, по выражению Курбского, присовокупил «себе в помощь архиерея оного великого града и к тому всех предобрых и преподобных мужей, презвитерством почтенных».[126] «Архиерей оного великого града» немедленно превратил Висковатого из обвинителя в обвиняемого и поселил сомнение в царе в справедливости суждений дьяка об иконах. Грозный переслал записку своего ученого дьяка на суд Макария и «мужей, презвитерством почтенных», которые и наложили на «ближнего верного думца» оскорбительную и унизительную по тем временам епитимью, надолго создавшую ему репутацию человека, шаткого в делах веры. Можно ли после этого удивиться характеристике Сильвестра, данной в приписке под 1553 г.

Много лет спустя умнейший дипломат Грозного, делая эту приписку и вспоминая события 11—12 марта, написал ядовитую характеристику своего идейного противника. Поэтому настоящим эхом этого неудачного для Висковатого эпизода его борьбы с временщиком, некоей иронической горестью к самому себе звучит эта характеристика: «некий Селивестр, родом ноугородец», который у царя был «в великом жаловании» и «в совете духовном и думном»; был «яко всемогий» и «никто же не смеяше противитися ему ради царского жалования» (даже и сам Висковатый «покаялся»); «спроста рещи, всякия дела и власти святительские и цръския правяше, и никтоже смеяше ничтоже сътворити не по его велению». Он указывал «и митрополиту, и владыкам, и архимандритом, и игуменом», т. е. «Освященному собору», и всем прочим категориям «государевых людей», также и «дияком», т. е. самому Висковатому; и «владеяше обема властми, и святителскими и царскими, якоже царь и святитель», — здесь кульминация горечи Висковатого: царь не решил вопроса сам, но отдал на суд друзей Сильвестра. Кончается приписка ироническим заключением: «но токмо чтим добре всеми и владеяше всем со своими советники». После этого «лирического плача» по поводу своего идейного поражения в борьбе с Сильвестром Висковатый обратился вновь к событиям 11—12 марта, характеризуя отношения Сильвестра и Старицких.

Можно сделать предположение, что в ящике 189 Царского архива лежало официальное «дело» Висковатого: «А в нем дела соборные подлинные, в листех, за митрополичьею рукою, 62-го и 63-го, Матфея Башкина и Артема, бывшего троетцкого игумена, и иных».[127] Между этими «иными» должно было лежать подлинное «дело» 1554 г.: «список о богохульных строках и о сумнении святых честных икон дияка Ивана Михайлова сына Висковатого в лето 7062». Висковатый, ведавший Царским архивом, хорошо помнил это «дело», но в «опись» имя свое не включил.

На служебной карьере Висковатого проигрыш «дела» никак не отозвался.[128] Но делая позднее, по царскому желанию, дополнения к Синодальному списку и Царственной книге, дьяк Иван Михайлов признал тогдашнее свое поражение, с горечью осмеяв «всесильного» Сильвестра, не погрешив, однако, в остальном изложении против фактического развертывания событий при крестоцеловании наследнику Грозного.

---

[126] РИБ, т. XXXI, стр. 171.

[127] С. О. Шмидт. Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года. М., 1960, стр. 37.

[128] N. Andreyev. Interpolations in the 16th century Muscovite Chronicles, стр. 102—103; И. И. Смирнов, стр. 260.

Надлежит обратить внимание еще на один факт, как-то отстраненный при создании и обосновании гипотезы об авторстве царя. Вопреки заявлениям Д. Н. Альшица об отсутствии «хотя бы намека»[129] в каких-либо источниках на события, изложенные в приписке под 1553 г., такой «намек» имеется как раз в том отрывке Никоновской летописи, который сам Д. Н. Альшиц приводит в той же своей статье. Неизвестный автор этой части летописного рассказа пишет: «И то прииде грех ради наших и за превозношение наше: бог милосердие свое показал над Казанию, и в нас явилися гордые слова, а не благодарные, и учали особ мудры быть, забыв евангельское слово: хто хочет в мире сем мудр быти, буй да будет. За многое за наше неблагодарение и в то время прииде грех ради наших, посети немощь православного нашего царя, прииде огнь велий, сиречь огневая болезнь; и збыстся на нас евангельское слово: поразисте пастыря, разыдутся овца. Он, государь, добрый пастырь, егде возмог, тогда у бога милости просил и нас добре хранил и благорассудным его утверждением всегда сохранены есмя; и на мало время премолче к богу о нас молениа простирати и нас на благое утвержати и вся злая и скорбная пострадала есьма. Егда же бог не по нашим грехом своим праведным судом, не хотя грешных смерти, въздвиг от болезни праведного нашего рачителя всея Русии государя, и благочестивая оная душа, приав от бога ослабу телесным своим болезнем, просить ж вкупе и душевных облегчений и на молитву ся к богу простирает, и вся чины и суды и управы земские по бозе строяше и в Казань и в ыные области своея державы со утвержением посылаше, праведных миловать веляще, а злых наказывати з запрещением веляше».[130]

Комментируя этот отрывок, Д. Н. Альшиц заявляет, что это описание царской болезни «не имеет ничего общего с рассказом приписки, заменившей это описание в Царственной книге».[131] Он ошибается. Вся эта цитата из Никоновской летописи есть не что иное, как иносказание действительных событий 11—12 марта, оказавшее, к тому же, некоторое влияние на автора приписки под 1553 г.

В самом деле, центральное место рассказа — это евангельская цитата: «И збыстся на нас евангельское слово: поразисте пастыря, разыдутся овца». Данные слова, понятные, конечно, древнерусскому читателю, взяты из Евангелия от Матфея, глава 26, стих 31. Они произнесены Иисусом и обращены к апостолам. «Тогда, — говорит им Иисус, — все вы соблазнитесь о мне в эту ночь, ибо написано (у ветхозаветного пророка Захарии, — *Н. А.*): поражу пастыря и рассеются овцы стада». Апостол Петр стал уверять Иисуса, что он не соблазнится. Но Иисус ему ответил: «Истинно говорю тебе, что в эту ночь, прежде нежели пропоет петух, трижды отречешься от меня». Эта тема отречения «овец»-апостолов от «пастыря» и составляет предмет дальнейшего повествования в 26-й главе Евангелия от Матфея.

Разве приписка, использовавшая этот текст, не посвящена подобной же теме отречения «овец» — бояр от «пастыря» — Ивана IV? Заметим, кстати, что Висковатый внес своеобразную поправку в смысл евангельского рассказа: некоторые ближние думцы (и среди них он сам) остались верны Грозному и царевичу Дмитрию.

Упоминание о Казани в начале этого отрывка из Никоновской летописи заменяется в приписке расширенным апофеозом царской победы над «бесермены». Туманный намек «и в нас явились гордые, а неблагодарные, и

---

[129] Д. Н. Альшиц. Происхождение и особенности источников..., стр. 274.
[130] ПСРЛ, т. XIII, ч. 1, стр. 230—231.
[131] Д. Н. Альшиц. Происхождение и особенности источников..., стр. 275.

учали особ мудры быть» был заменен деловым, но обличающим текстом о боярах, которые вместо «промышления» о казанских делах и «кормлениях» «возжелеша богатства и начаша о кормлениях сидети, а казанские дела поотложиша», тем временем «луговая и арская отложилася и многие беды христианству и крови наведоша». Вместо же оптимистического конца отрывка после подробного изложения всей истории о «разбредшихся овцах» последовал пессимистический вывод Висковатого: «...и оттоле бысть ... в боярах смута и мятеж, а царству почала быть во всем скудость».[132]

Перед нами действительно любопытнейшее раскрытие автором приписки маловразумительного иносказательного текста, построенного на аналогии с евангельским рассказом. Автор приписки под 1553 г. превратил эту аллегорию в конкретный рассказ о драматических политических событиях.

Надлежит также присоединиться к мнению И. И. Смирнова,[133] что понимание Д. Н. Альшицем слова «мятеж» в современном смысле, как «бунт», «восстание», связанный с ними «заговор», ошибочно. У И. И. Срезневского можно найти следующие значения «мятежа»: «волнение, смута, ссора, разногласие, беспорядок, шум, смятенье, смущение, возбуждение, воображение, явление, раскаяние, буря, град».[134] В самом тексте приписки слово «мятеж» употреблено, как кажется, именно в смысле, указанном Срезневским, скорее всего как «волнение», «смятение», может быть «брань»: «И бысть мятеж велик и шум и речи многия. . .», несколько ниже: «...и бысть меж бояр брань велия и крик и шум велик»; в знаменитой финальной фразе, вероятно, «мятеж» употреблен в смысле «разногласие». Если придать термину «мятеж» его историческое значение в указанном смысле, догадки Д. Н. Альшица терпят значительный урон.

В результате разбора приписки под 1553 г. надлежит сделать вывод, что действительно автором ее был Висковатый и что, за исключением характеристики Сильвестра, написанной на «лирическо-иронической» основе горьких личных воспоминаний дьяка, она дает правдивую картину действительных событий смятения и склоки в Боярской думе по вопросу о престолонаследии. Поскольку все прочие приписки сделаны скорописью тем же самым почерком, надлежит думать, что все они также внесены в текст Синодального списка и Царственной книги тем же самым лицом.

III

Необходимо теперь ответить на вопрос, когда могли быть сделаны исправления и дополнения текста. Установление времени интерполяций также разъяснит проблему, почему делались изменения основного текста Никоновской летописи и Царственной книги.

Прежде всего разберемся в содержании приписок, чтобы выяснить возможные хронологические пределы, когда они могли быть сделаны. При этом сначала поведем разбор, как бы еще не зная о том, что автором приписки под 1553 г. является Висковатый.

Как видно из литературы вопроса, приводившейся выше, гипотеза о XVII в. совершенно несостоятельна, даже если считать, что этой «Мо-

---

[132] ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 526.

[133] И. И. Смирнов, стр. 484: «...термин „мятеж“, который употребляет Царственная книга, говоря о мартовских событиях 1553 года, не подразумевает открытого вооруженного восстания, т. е. „мятежа“ в современном понятии, а скорее означает „волнение“, „смятение“».

[134] Срезневский, Материалы, т. II, стр. 258—259.

сковской энциклопедией XVI века», как иногда именуются лицевые своды Грозного, занялись при Филарете.[135]

Отодвигать дату приписок, как делал С. Б. Веселовский, «на 18—20 лет» после событий 1553—1554 гг. едва ли правильно, ибо, во-первых, не было смысла тогда полунападать на Старицких в приписках, потому что в 1573 г. дочь князя Владимира Андреевича Мария была выдана замуж за герцога Магнуса, а переговоры о браке начались уже в 1570 г.; [136] во-вторых, царь еще в 1573 г. в послании в Кирилло-Белозерский монастырь продолжал гневаться на Висковатого и под его раздраженным пером дьяк Иван Михайлов из «ревнителя благочестия» превратился в нарушителя церковных обрядов.[137] Кроме того, роль героя, в которой выступает Висковатый в приписке под 1553 г., находилась бы в вопиющем противоречии с его казнью в 1570 г. Висковатого заменили по службе в основном дьяки братья Щелкаловы, из которых Василий был, несомненно, врагом Висковатого и, возможно, способствовал его падению.[138] Значит, хронологический рубеж для приписок — это 1570 г., половина июля, когда Висковатый еще был у власти. С этим хронологическим пределом согласен и Д. Н. Альшиц.[139]

Невозможно, с другой стороны, и слишком низко опустить дату вставок, приблизив ее к самим событиям. Представляется более чем вероятным, что после своего выздоровления царь сделал попытку пересмотреть отношения с Владимиром Андреевичем и пошел на включение его в своего рода «регентский совет», что отразилось на новых крестоцеловальных записях, взятых с Владимира Андреевича в 1554 г.[140] Этим объясняется и тот факт, что Иван IV ни на кого не наложил опал после раскола в Боярской думе 11—12 марта и что позиция Владимира Андреевича внешне как бы укрепилась,[141] хотя, как видно из крестоцеловальных записей

---

[135] А. Е. Пресняков. Заметка о лицевых рукописях, стр. 299 и сл.

[136] С. Б. Веселовский. Последние уделы в Северо-Восточной Руси, стр. 110. Ср.: Д. Цветаев. Мария Владимировна и Магнус Датский. — ЖМНП, ч. 196. СПб., 1878, стр. 57—85.

[137] Послания Ивана Грозного, стр. 176.

[138] N. Andreyev. Interpolations in the 16th century Muscovite Chronicles, стр. 105—106, прим. 43.

[139] Д. Н. Альшиц. Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени, стр. 186—287. Последний раз Висковатый упомянут как должностное лицо 24 июня 1570 г. в Шведских делах Посольского приказа (Сборник Русского исторического общества, т. 129. СПб., 1910, стр. 190) и 12 июля (С. А. Белокуров. О посольском приказе. — ЧОИДР. М., 1906, кн. 1, стр. 106).

[140] Д. Н. Альшиц. Крестоцеловальные записи. . ., стр. 148—149. Д. Н. Альшиц правильно отметил эту подробность, но, связанный предвзятой идеей об авторстве Грозного, не смог воспользоваться этим наблюдением.

[141] А. А. Зимин. Реформы Ивана Грозного, стр. 417. Наблюдение С. М. Каштанова, на котором Зимин строит свои важнейшие замечания, замечательным образом совпадает с моими соображениями на эту тему в готовящейся к изданию моей английской книге об «империи Грозного». Есть основания думать, что положение изменилось после 1559 г.: об этом свидетельствует, кажется, еще не отмеченное исчезновение в разрядных книгах наименования Владимира Андреевича «государевым братом». Если до того эти слова иногда опускались при повторении, например в росписи от 2 июля 1557 г. (Древняя российская вивлиофика, XIII, 1790, стр. 252 и 256), то, как будто начиная с разрядов 1560 г. (там же, стр. 328, 329, 335, 356, 379, 383), всюду пишется только «князь». Интересно, что в разряде 1569 г. (чуть ли не в апреле, хотя это не совсем ясно) имя Владимира Андреевича опять появляется: он назначен вместе с боярином и воеводой П. В. Морозовым в Нижний-Новгород, по-видимому, уже незадолго до своей гибели (там же, стр. 397). Во второй половине 60-х годов возникает, как можно предполагать, какая-то новая форма высшего боярского управления, называемая «первосовет». См. интересные наблюдения Е. Ф. Максимовича в его работе «Первосоветник Думы боярской» (Записки Русского исторического общества в Праге, т. II, 1930, стр. 141—162).

1554 г., Грозный все же провел ряд «превентивных мер», ослабляющих возможность авантюрных действий со стороны «сына четвертого удельного». Санкции 1563 г. по доносу дьяка Савлука Иванова, приведшие к пострижению Ефросинии Старицкой в монахини 5 августа того же года, закончились для князя Владимира благополучно. Царь «вотчиною своею повеле ему владети по прежнему обычаю. Бояр же его и дьяков и детей боярских, которые при нем близко жили, взял государь в свое имя и пожаловал их, который же которого чина достоит», а Владимиру дал своих людей[142] Как известно, царь действовал не самолично, но при участии Макария и «освященного собора», по их просьбе он «отдал свой гнев» на князя Владимира.[143] В 1564 г. обмен некоторыми землями с Владимиром носил хозяйственный характер, но «мена» территориями в 1566 г. показала, что в условиях опричнины, создавшей новую обстановку и новые источники недовольства правительством, Грозный усиливал строгость «превентивных мер». Можно допустить, что именно тогда, колеблясь между желанием «уничтожить» Старицких и сознанием, что такое уничтожение было бы тактически неправильно в условиях продолжавшейся войны, о чем были приняты решения на Земском соборе 28 июня 1566 г., царь дал указание не именовать в летописях Старицкого «государевым братом».

Основанием для этого допущения служит факт, что Грозный посетил архив 4, 7, 13 и 14 августа и отобрал длинный ряд документов по истории своего рода, в том числе и документы Андрея Старицкого и княгини Ефросинии, т. е. родителей князя Владимира.[144] Видимо, знакомясь тогда по источникам с историей борьбы за верховную власть, Грозный уже в исторической перспективе осознал, что, несмотря на свою «дурость», князь Владимир может быть не только в мечтаниях своей матери соперником царя. В марте того же года Грозный подорвал политическую силу Владимира, отняв у него Старицкий удел и заменив его Дмитровым. Теперь же, в августе, он начал идеологическое снижение его значения, начав именовать его в истории своего царствования просто «князь Владимир Андреевич», о чем свидетельствует, как заметил А. Е. Пресняков, вся Царственная книга.[145]

Тем не менее Владимир Андреевич продолжал находиться «во чти и в урядстве» и еще 6 октября 1567 г. заседал вместе с Грозным в Боярской думе, когда они «приговорили» «с своима бояры позадержати» литовского посланника Юрия Быковского.[146]

Ход событий резко ускорился в ноябре 1567 г., когда во время похода князь Владимир и другой родственник царя, племянник (сын двоюродной

---

[142] РИБ, т. III. СПб., 1876, стр. 180—182.

[143] С. Б. Веселовский. Последние уделы в Северо-Восточной Руси, стр. 107.

[144] А. Ясинский. Московский государственный архив в XVI веке, стр. 32.

[145] Царственная книга начата была вероятнее всего после смерти Макария в декабре 1563 г. В ней усилен «царский элемент» и тем самым ослаблен «митрополичий». Едва ли Грозный пошел на это при жизни Макария, к тому же в рамках «московской энциклопедии», идея создания которой, безусловно, принадлежала митрополиту. Как раз 1563 г. был переломным для идеологии Грозного: от идеи православного царства Иван IV шел к идее «воинствующего кесаря». Отголоском этих антиклерикальных настроений Грозного полно его послание 1564 г. Курбскому. Его главный мотив: «И се ли православие пресветлое, еже рабы обладанну и повеленну быти?» (Послания Ивана Грозного, стр. 14). Так воспринимали его эволюцию и современники. «Москва— третий Рим» превращалась в «Вавилон», по выражению Курбского в его письме к Васьяну Муромцеву, старцу Псково-Печерского монастыря, незадолго до бегства князя из Юрьева-Ливонского (N. Andreyev. Kurbsky's Letters..., стр. 416—417). Поскольку 1564—1565 гг. были эпохой перехода к опричнине, можно думать, что новый летописный апофеоз царству и царю — Царственная книга — начал слагаться в 1566 г., который был одной из вершин размаха царских действий.

[146] С. А. Белокуров. О Посольском приказе, стр. 22.

сестры Ивана IV), князь И. Ф. Милославский, признались царю, что среди бояр существует антицарское движение и что одни из бояр хотели «выдать» Грозного польскому королю Сигизмунду Августу, а другие «заменить» его Старицким.[147] Можно думать, что душой заговора был боярин И. П. Федоров-Челяднин, доносивший в 1553—1554 гг. царю на князей Ивана Пронского, Петра Щенятева и Семена Ростовского. И. П. Федоров был уже в это время (с 1566 г.) в почетной ссылке — воеводой в Полоцке. Видимо, царь ему уже не доверял.[148] Как раз летом 1567 г. выяснилось, что «сын боярский» И. С. Козлов, незадолго до этого бежавший в Литву, приехал тайно на Русь с «листами» короля и «панов-рады», переманивая на службу королю бывшего своего господина — князя М. И. Воротынского, князя И. Д. Бельского, князя И. Ф. Мстиславского и И. П. Федорова-Челяднина. Козлов был схвачен. От лица названных бояр были посланы язвительные ответы, к которым приложил руку сам царь.[149]

Понятно, что на этом фоне признания перетрусивших Старицкого и Мстиславского привели Грозного и в смятение («мятеж»!), и в ярость. Именно тогда, по предположению П. А. Садикова, у царя мелькнула мысль об отъезде за море, в Англию.[150]

В ходе следствия у него сложилось убеждение, что необходимо устранить Старицких, так как не было уверенности, что трусливый Владимир не будет вновь выдвинут какими-то кругами как кандидат в государи. Можно думать, что в этот момент, а именно в августе 1568 г., Грозный и решил, что следует внести в официальную летопись многие из боярских «недобрых дел», которые замалчивались в предыдущей редакции. Наше предположение подтверждается тем фактом, что как раз в августе 1568 г. отправили из Царского архива в Александровскую слободу, где велось жесточайшее следствие, 224-й ящик, в котором хранились «списки, что писати в летописец» за 1560—68 годы.[151] Очевидно, что был привезен и Синодальный список летописи, поскольку он был в более законченном виде, чем Царственная книга, и ясно, что предыдущий текст был нужен для определения дальнейших тенденций летописания.

Значит, в распоряжении редактора для внесения дополнений было свыше полутора лет, чтобы произвести указанные царем изменения относительно слов «государев брат». Срок этот совершенно достаточен, принимая во внимание, что летописное дело велось широко и основательно: был целый штат писцов и рисовальщиков.[152] Вопреки мнению Д. Н. Альшица,[153] за этот срок можно было успеть переписать некоторые листы Синодального списка с поправками. Делал эти приписки, как мы показали на разборе приписки о «мятеже» в Боярской думе, дьяк И. М. Висковатый.

В августе 1568 г. Грозный дал два указания Висковатому. Первое указание заключалось в том, что надо продолжить летопись по материалам, подобранным в ящике 224 Царского архива. Этим и объясняется верное

---

[147] П. А. Садиков. Очерки по истории опричнины, стр. 32.

[148] Там же, стр. 31—32. Это наблюдение П. А. Садикова также бьет по гипотезе Д. Н. Альшица об авторстве царя в приписке 1553 г., которая была написана — по Альшицу — в 1567—1568 гг. Между тем в приписке И. П. Федоров изображен как доносчик Ивану IV на других бояр, т. е. как преданный слуга самодержца.

[149] Послания Ивана Грозного, стр. 575.

[150] П. А. Садиков. Очерки по истории опричнины, стр. 32.

[151] С. О. Шмидт. Описи царского архива. . ., стр. 43.

[152] А. Е. Пресняков. Московская историческая энциклопедия XVI века. СПб., 1900, стр. 1—2; Л. В. Черепнин. Русская палеография. М., 1956, стр. 409.

[153] Д. Н. Альшиц. Царь Иван Грозный или дьяк Иван Висковатый, стр. 618.

наблюдение Д. Н. Альшица,[154] что с 1560 г. меняется характер записей в Синодальном списке. Он изменился потому, что редактирование событий с 1560 г. производить стало новое лицо, «секретарь тирана» Висковатый. Понятно также, почему это изложение не закончено и обрывается на 1567 г., — большего редактор не успел сделать, ибо был казнен в июле 1570 г. Д. Н. Альшиц думает, что до 1560 г. редактировал текст Макарий,[155] но есть все основания приписать редактирование Алексею Адашеву.[156] Тогда понятен и рубеж в оформлении текста в 1560 г.: Алексей Адашев в мае этого года был послан «с большим нарядом» в Ливонию. Если бы он не был редактором, зачем он увез бы с собой в поход «списки черные, писал память, что писати летописец лет новых»? Естественно, что дальнейший подбор материала в ящике 224 («Что писати в летописец, лета новые прибраны от лета 7068-го до лета 7074 и до 76-го», т. е. как раз от 1560 до 1568 г.) велся тоже при архиве и что Висковатый имел к нему какое-то отношение. Поэтому также естественно, что царь вызвал его вместе с материалом и летописью и дал ему это указание.[157]

Второе указание царя заключалось в том, что надо пополнить текст, составленный «собакой» Алексеем Адашевым, и что теперь незачем скрывать или приукрашивать печальные факты о боярских изменах и сомнительном поведении Старицких. Висковатый, имея перед собой Синодальный список, начинает вносить поправки немедленно, находясь еще в Александровской слободе. Наша догадка подтверждается тем фактом, что дело о следствии с пыткой князя Семена Лобанова-Ростовского было, судя по описи Царского архива, взято царем и не возвращено в архив. Понятно, что Висковатый, бывший членом следственной комиссии, сразу мог конкретизировать приглаженное Адашевым сообщение об этом деле в основном тексте Синодального списка. Так возникла приписка под 1554 г. Она появилась, вероятно, в первую очередь также от того, что была наиболее актуальной: царь и его «секретарь» были под свежим впечатлением «листов», привезенных И. С. Козловым, и результатов следствия 1567—1568 гг. Висковатый в приписке 1554 г. и открывает факт, ставший ему известным со времени этого сыска в том же году, что был «сговор» небольшой группы бояр. Можно предположить, что и дальнейшие поправки в Синодальном списке сделаны Висковатовым именно тогда же, в Александровской слободе, отчасти в результате соединения детских воспоминаний Грозного об этих происшествиях и более зрелых впечатлений Висковатого.

Это видно из того, что важные поправки начинаются в Синодальном списке с 1538 г. С одной стороны, это означает, что у царя, начиная с восьмилетнего возраста, могли сохраниться те или иные яркие воспоми-

---

[154] Д. Н. Альшиц. Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени, стр. 257—259.

[155] Там же, стр. 257.

[156] А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники, стр. 29—41. О том, что Адашев занимался составлением летописи, свидетельствует опись Царского архива: см. в описании ящика 223 указание, что князь А. П. Телятевский, производивший в Юрьеве-Ливонском следствие о смерти Алексея Адашева, привез «списки черные» «летописца лет новых», которые «у Олексея взяты» (С. О. Шмидт. Описи царского архива..., стр. 43).

[157] Кроме всех соображений по существу возможности такого объяснения, можно заметить, что в большинстве случаев опись точно отмечает, кто именно брал документы из архива «для государя» (С. О. Шмидт. Описи царского архива..., Примечания, стр. 17—43). В тех же случаях, когда, как в данном, касающемся ящика 224, помечено только «отдан ко государю», «взят ко государю» или «в 76 году августа летописец и тетрати посланы ко государю в Слободу», возникает мысль, что эта краткость и отсутствие имен обусловлены тем, что передача производилась лицом, имеющим ближайшее отношение к архиву, т. е. в августе 1568 г. самим Висковатым.

нания. С другой стороны, не есть ли это дата, когда Висковатый появился в Посольском приказе и, стало быть, мог отчетливо знать многие события, описанные в летописи? Вполне вероятно, что царь и его «ближний верный думец» обсудили характер необходимых вставок и царь дал Висковатому «столбцы» [158] своего послания Курбскому от 5 июля 1564 г.; отсюда сдержанное и разумное изложение в приписках различных драматических событий, о которых упоминает Грозный в неистовых словесных каскадах к «изменнику», «собаке», князю Андрею. Вероятно и то, что указание относительно рисунка в Синодальном списке мог сделать царь.[159] Но записи на полях рукописи производил его «секретарь», дьяк Иван Михайлович, что и естественно для редактора рукописи.

Вернувшись в Москву с этими поправками, сделанными в Александровской слободе по тексту Синодальной рукописи, за годы 1535—1542 (март) и 1553 (август)—1558, Висковатый дал его перебелять, а сам стал пересматривать переписанный текст Царственной книги, редактируя ее с новой точки зрения, указанной Грозным. Однако закончить работу по редактированию Висковатый уже не успел, хотя и сделал столь важные дополнения, как «ключевая» к данной теме приписка под 1553 г. Говоря современным языком, Висковатый сделал «первую» и «вторую» корректуры для будущего единого сводного текста лицевой летописи.

Такая концепция подтверждается эпизодом под 1539 г., где упоминаются «вражда бояр» Шуйских с Бельским и убийство дьяка Федора Мишурина. Там сделана приписка: «А князя Ивана Федоровича Белского поймаша и посадиша его за сторожи, а боярина Михаила Васильевича Тучкова сослаша с Москвы в его село».[160] В Царственной книге в этом месте нет приписки, но в тексте имеется рассказ более подробный, чем в Синодальном списке: дан заголовок «О вражде между бояр великого князя и о убийстве диака Федора Мишурина»; сама история начинается так: «Тоя же осени по дияволю действу бысть вражда между великого князя бояр: начала враждовати князь Василей да князь Иван Васильевичи Шуйские на князя на Ивана на Федоровича на Белского да на Михаила Васильевича Тучкова». В конце рассказа говорится: «...и многие промеж них бяше вражды о корыстех и о племянех их, всяк своим печеться, а не государьским, ни земским».[161]

Д. Н. Альшиц усматривает в приведенных текстах доказательство того, что «из числа жертв усобицы Тучков попал в ее организаторы», и делает из этого вывод, что в данном тексте Царственной книги уже отразилось письмо Грозного от 5 июля 1564 г. и что, значит, «Синодальный список (в первой своей части, редактированной) и приписки к нему сделаны раньше 1564 года, когда и сам Курбский был в чести и предки его поминались добрым словом в составляемой истории царствования, что Царственная книга и приписки к ней сделаны после 1564 года».[162] Но такая интерпретация неубедительна.

Если бы дополнение под 1539 г. в Синодальном списке делал царь в 1563 г., оно непременно появилось бы в тексте Царственной книги, составлявшейся позднее. Но приписки делались не царем и не в 1563 г., как

---

[158] По аналогии с царским цисьмом Василию Грязному-Ильину, сохранившимся в «Крымских посольских книгах», можно быть уверенным, что копия переписки с Курбским хранилась в государевой канцелярии.

[159] Д. Н. Альшиц. Источники..., стр. 143.

[160] ПСРЛ, т. XIII, ч. 1, стр. 98.

[161] ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 432.

[162] Д. Н. Альшиц. Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени, стр. 263—264.

полагает Д. Н. Альшиц, а в августе и в последующие месяцы 1568 (7076/77) г.

Приведенный текст Царственной книги «О вражде между бояр...» свидетельствует только о том, что в ней (как выше говорилось) уже при составлении больше стало подчеркиваться «государьское» начало. Если бы сам царь редактировал текст, едва ли он удержался бы от «грубиянского стиля», в котором был такой мастер.[163] Следов этого стиля нет ни в тексте Царственной книги, ни в приписках. Отметим также, что в данном тексте Царственной книги вовсе и не видно, что Тучков «попал в организаторы усобицы», — острие изобличения по-прежнему направлено против Шуйских: «... начаша враждовати князь Василей да князь Иван Василиевич Шуйские на князя на Ивана на Федоровича на Белского да на Михаила Василиевича Тучкова за то, что князь Иван Белской да Михайло Тучков советовали великому князю, чтобы князь великий пожаловал боярьством князя Юрия Михайловича Голицына, а Ивана Ивановича Хабарова окольничим; а князь Василей да князь Иван Шуйские того не восхотеша. И многие промеж их бяше вражды о корыстех и о племянех их, — всяк своим печется, а не государьским, ни земским. И о сем начаша вражду велику дръжати и гнев на Данила митрополита и на князя Ивана на Белского и на Михаила Тучкова да на диака на Федора на Мишурина». Таким образом, здесь нарисована картина (более подробная, чем в приписке к Синодальному списку) неблаговидных действий Шуйских без ущерба для Тучкова. Следует подчеркнуть, что, если, как признает и сам Д. Н. Альшиц,[164] Царственная книга должна была поглотить Синодальный список, правомерно думать, что это «поглощение» происходило постепенно, но при этом бывали и изменения в тексте, подобные только что рассмотренному. Не надо упускать из вида, что перед нами — тексты, все еще редактируемые Висковатым. Доказательство этого можно видеть в том факте, что приписки в Царственной книге не успели войти в текст. Мы не знаем, как выглядел бы окончательный текст официального лицевого свода за эти годы. Но понятно, что экономить бумагу и щадить труды писцов не приходилось.[165] Как дипломат Висковатый отлично понимал не хуже царя значение исторического повествования о царствовании Грозного, и в частности об устранении Старицких. Бумагу жалеть не приходилось и по другой причине: по-видимому, ее осталось после казни Висковатого немало; не случайно ею пользовались в 1571 и 1572 гг. в Посольском приказе.[166]

Ознакомление с общим характером поправок в Синодальном списке и Царственной книге, которых всего около ста, показывает, что в правке текста есть явные признаки профессиональных навыков редактора, привыкшего к письменной работе, который производил систематический просмотр написанного, а не только преследовал задачу внесения политической тенденции. Как говорит сам Д. Н. Альшиц, «на листах Царственной книги имеется несколько десятков мелких замечаний, добавлений и исправлений, вплоть до исправления орфографических ошибок, пропусков местоимений, предлогов, букв». Надо согласиться с мнением Д. Н. Аль-

[163] Д. С. Лихачев. Иван Грозный-писатель. — В кн.: Послания Ивана Грозного, стр. 465—467; Я. С. Лурье. Археографический обзор посланий Грозного. — В кн.: Послания Ивана Грозного, стр. 575.

[164] Д. Н. Альшиц. Источники..., стр. 123—124.

[165] Д. Н. Альшиц (Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени, стр. 287, прим. 111) напрасно считает такое отношение к работе писцов и к растрате бумаги невозможным для Висковатого.

[166] Лихачев, Вод. зн., т. I, стр. CXXVI—CXXVII.

шица, что «над текстом произведена самая настоящая корректура».[167] Едва ли, однако, можно допустить, что ни государственные дела, ни сыски по заговору, ни большое нервное напряжение не мешали царю в эти годы быть усидчивым «правщиком гранок».

Но им должен был быть «секретарь тирана». Д. Н. Альшиц стремится доказать, что царь сам правил рукопись, неоднократно проверяя текст по документам.[168] Весьма трудно вообразить себе Грозного в такой роли. Но она совершенно естественна для Висковатого, начавшего свою «головокружительную карьеру» (как отмечает И. И. Смирнов) в роли писца и дошедшего до «канцлерства», по выражению иностранцев. Он был не только «писарем» и «верником», по утверждению врагов, он являл собой новый для эпохи тип поборника создававшейся «империи», централизованного государства; с его мнением считался Грозный, а дьяк Иван Михайлов не боялся высказывать свою точку зрения и в Боярской думе,[169] и на Земском соборе.[170]

Висковатый — в первую очередь дипломат, многолетний глава Посольского приказа. Естественно, что он знал дела этого приказа лучше всех и правил их быстрее всех. Под «лето 7051», т. е. 1543 г., в Царственной книге написано: «Тоя же осени, октоврия 15, приидоша послы великого государя Ивана Васильевича вся Русии от Жигимонта короля Польского Василей Григорье[вич Морозов да Федор Семено]вичь Воронцов да диак Посник Губин з грамотою перемирною за королевою печатию».[171] В квадратных скобках помещена приписка. Как бы эту неточность мог заметить Грозный? Ошибка писца — в пропуске фамилии, но текст вполне грамматичен, это рутинный текст из посольской хроники. В 1543 г. Ивану было около 13 лет, едва ли он мог помнить состав посольства. Д. Н. Альшиц объясняет: «Это исправление с очевидностью подтверждает наш прежний вывод о том, что, редактируя лицевой свод, царь держал перед собой один из списков Никоновской летописи, по которому сверял редактируемый текст».[172] Если же редактором был Висковатый, дело выглядит по-другому. В 1542 г., 19 марта, он сам как подьячий писал перемирную грамоту, с которой уехали в Польшу эти же послы. Не удивительно, что в 1568 г. он сразу заметил эту ошибку и ее исправил, может быть, и заглянув в Никоновскую летопись, хотя в этом для Висковатого не было необходимости. Кроме того, в Царском архиве, в ящике 136, лежал оригинал этой грамоты, и в описи перечислены в том же порядке, без ошибки, те же лица, — Висковатый, заведующий архивом, мог легко восстановить состав посольства.

По той же самой причине, например, в рассказе об отправлении послов в Литву в 1542 г. Висковатый прибавил к имени дьяка Постника Губина два слова: «сына Моклокова»; видимо, он хорошо его знал.[173] Того же типа «профессиональное добавление» под 1546 г.: при упоминании крымского царя скорописью приписано «Саип Гирею».[174]

---

[167] Д. Н. Альшиц. Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени, стр. 263.

[168] Д. Н. Альшиц. Источники..., стр. 125.

[169] См. замечательный случай в переговорах с польско-литовским послом Двойной, когда Висковатый настоял на перерешении вопроса, уже принятого царем и Боярской думой (И. И. Смирнов, стр. 258—259).

[170] Акты, относящиеся к истории земских соборов. Под ред. Ю. В. Готье. М., 1920, стр. 8—9.

[171] ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 441—442.

[172] Д. Н. Альшиц. Источники..., стр. 123.

[173] ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 441. В архиве были дела «Губы Моклокова» (см.: С. О. Шмидт. Описи царского архива..., стр. 26).

[174] ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 448.

Понятно, что Висковатый хуже знал военные дела. Он запутался, редактируя сообщение под 1555 г. в рассказе «о присылке из Асторохани»:[175] он начал писать по разрядной книге сообщение и вдруг заметил, что оно уже включено в текст несколько ниже,[176] поэтому Висковатый и зачеркнул его.

Кстати, еще об одной приписке в связи с разрядными книгами. Известно, что сейчас выявлено много экземпляров этих ценных и точных источников по истории XVI в.[177] Д. Н. Альшиц, опираясь на картотеку исторических деятелей XVI в., составленную на основании разрядов в отделе рукописей ГПБ, сообщает, что приписка под 1545 г., обвиняющая князей Петра Щенятева, Константина Курлятева и Михаила Ивановича Воротынского в пропуске татар на русскую территорию из-за местнических ссор, неверна, так как они вместе никогда не служили. Значит, по Альшицу, Иван IV все это придумал: «...все трое оказываются людьми, так или иначе опороченными в глазах царя к моменту составления приписки о них»,[178] т. е., согласно Альшицу, в 1567—1568 гг.

Разберемся в известиях об этих боярах. М. И. Воротынский был в опале с сентября 1562 г. и с сентября 1565 г. боярин, казнен в 1573 г.[179] Князь П. М. Щенятев, боярин с 1549 г., попал в опалу в 1565 г. и казнен 5 августа того же года.[180] Князь Константин Иванович Курлятев, старший брат Димитрия Курлятева,[181] умер в 1551 г.: — вклад «по душе» сделан был в июне того же года.[182]

Отметим факт, что с 1562 по 1565 г. Воротынский и Щенятев служить вместе не могли. В разрядах 1556—1562 гг. местнических споров между ними не отмечено.[183] Между тем разряд 1556 г. подчеркивает, что князь Константин Курлятев «при великом князе Василии Ивановиче» служил и «в меньших», т. е. не считаясь родом.[184] Не значит ли это, что столь далекая ссылка на время Василия III сделана потому, что при Иване IV К. И. Курлятев вступал в местнические споры? По описи Царского архива известно, что в ящике 217 лежало «дело о местех князя Михаила Воротынского с князем Петром Щенятевым».[185] Значит, оба они, бесспорно, когда-то вместе служили. Не в 1545 ли году? Мы уже выше видели на примерах с ящиком 189 или с ящиками 190 («Дело старца Нила Курлятева и иных»), 213 («Иные грамоты»), 222 («И иных старцев») и 17 («А в нем грамоты докончальные резанских князей, и посольства, и иные списки»),[186] что опись составлялась иногда довольно суммарно. Поэтому не исключена возможность, что из трех участников местнического спора 1545 г. названы в описи только два здравствовавших во время поступления дел в архив, т. е. Воротынский и Щенятев. Но так как существовало дело и на Константина Курлятева, о чем знал бывший с 1553 г. главой

---

175 ПСРЛ, т. XIII, ч. 1, стр. 245—246.

176 Там же, стр. 247.

177 Н. И. Кузнецов. Разрядные книги и их значение для истории армии периода укрепления Российского централизованного государства. — Труды Московского гос. историко-архивного института, т. X. М., 1957, стр. 309.

178 Д. Н. Альшиц. Источники..., стр. 141—142.

179 А. А. Зимин. Состав Боярской думы в XV—XVI веках, стр. 73, прим. 380, стр. 77.

180 Там же, стр. 62, прим. 243.

181 Древняя российская вивлиофика, XIII. М., 1790, стр. 257.

182 А. А. Зимин. Состав Боярской думы в XV—XVI веках, стр. 61, прим. 236.

183 Древняя российская вивлиофика, XIII, стр. 275—342, разряды 1556, 1559 и 1562 гг.

184 Там же, стр. 257.

185 С. О. Шмидт. Описи царского архива..., стр. 41.

186 Там же, стр. 37, 40, 42, 19.

архива Висковатый,[187] то естественно, что, делая приписку, он назвал всех трех воевод, повинных в пропуске татар на русскую территорию. Замечание Д. Н. Альшица, что «в близкое к указанному царем время» князь К. И. Курлятев служил в Серпухове (в 1544 г.), а князь М. И. Воротынский в Белеве (в 1543 г.), ни о чем не свидетельствует, так как из тех же разрядных книг известно, что служебные передвижения бывали ежегодно, а иногда и по нескольку раз в год. Поэтому эта приписка под 1545 г. служит скорее в пользу достоверности сведений, в ней заключенных, и того, что писал ее Висковатый, чем как одно из важнейших подтверждений гипотезы Д. Н. Альшица.[188]

Приписка о Федоре Бармине «к началу летописного повествования о 1548»: «Тогда же генваря 6 день протопоп благовещенский Федор Бармин разнеможеся, прииде на него страхование, он же отпросися в чернецы у государя и пострижеся у Михайлова Чюда» [189] — вызывает у Д. Н. Альшица предположение, что причиной «страхования» Бармина была передача «обязанности царского духовника Сильвестру».[190] Насколько известно, до 1547 г. царским духовником был протопоп Яков от Николы Гостунского, а затем его место занял Федор Бармин, которого сменил «изящный в добродетелях» протопоп Благовещенского собора Андрей, позднее ставший митрополитом Афанасием.[191] Д. Н. Альшиц утверждает также, что приписка к событиям 23 июня 1547 г., где упоминается как здравствующий тот же Федор Бармин, выдумана царем в 1567—1568 г. Царь собрал в нее «покойников», «в отношении которых проверка была невозможна»: [192] «Быша же в совете сем протопоп Благовещенской Федор Бармин, князь Федор Шуйский, князь Юрьи Темкин, Иван Петров Федоров, Григорей Юрьевич Захарьин, Федор Нагой».[193]

Все это построение о «мертвых душах» искусственно. Кроме И. П. Федорова никто из них не подвергся опале.[194] Федоров, доносивший царю в другой приписке под 1553 г. на оппозиционеров кандидатуре «пеленочника», погиб в 1568 г. из-за другого — вполне реального — государственного преступления. Как убедительно показывает беспристрастное чтение источников, содержание приписки вполне достоверно.[195] Надо добавить, что автор ее, Висковатый, особенно ревностный, как выше показывалось, к церкви «Благовещения у царских сеней», очевидно, знал Бармина лично, может быть, беседовал с ним на церковные темы, отсюда точность даты — «генваря 6 день».

И. И. Смирнов уже убедительно показал, насколько неправ Альшиц, строя предположение о том, что в приписке 1546 г. о «новгородских пищальниках» использовано сообщение Псковской летописи под 1547 г. о расправе царя над псковскими жалобщиками на наместника князя И. И. Прон-

---

[187] С. О. Шмидт. К истории царского архива середины XVI века. — Труды Московского гос. историко-архивного института, т. XI. М., 1958, стр. 394 и сл.

[188] Д. Н. Альшиц. Царь Иван Грозный или дьяк Иван Висковатый, стр. 619.

[189] ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 458.

[190] Д. Н. Альшиц. Источники..., стр. 139.

[191] И. И. Смирнов, стр. 175; Н. Устрялов. Сказания князя Курбского, стр. 37; ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 451, 454.

[192] Д. Н. Альшиц. Источники..., стр. 138—139.

[193] ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 456—457.

[194] А. А. Зимин. Реформы Ивана Грозного, стр. 301.

[195] А. А. Зимин. 1) Реформы Ивана Грозного, стр. 300—302; 2) И. С. Пересветов и его современники, стр. 22—26. Следует подчеркнуть, что автор приписки относится, в сущности, отрицательно к этим обвинениям Глинских, выдвинутым царским духовником и боярами: «вражиим наветом начаша глаголати» (ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 455).

ского-Турунтая,[196] того самого, который, по рассказу приписки под 1553 г., бранился с Воротынским перед крестоцелованием и который был казнен в 1567—1568 гг. Надо прибавить, что упоминаемая приписка крайне неудачна с точки зрения оправдания царя в казни Ивана Кубенского, Федора и Василия Воронцовых. Видно по перечеркиваниям в приписке, как автор колеблется в описании столкновения, драки и стрельбы, возникших между «государскими дворянами» и новгородцами-пищальниками, приехавшими «бить челом» государю. Связанный, как и во всех других приписках, предыдущим текстом, в данном случае Синодального списка, автор приписки в конце концов признает, что назначенный расследовать дело дьяк Василий Захаров-Гнильев «неведомо каким обычаем, извести государю сие дело на бояр его, на князя Ивана Кубенского и на Федора и на Василия Воронцовых». Сознавая, что это объяснение неудовлетворительно, автор приписки пустился объяснять, что Федор, бывший «в приближении» у царя, «досадовал» на других царских фаворитов. Поняв, что и это не объясняет причины казни, автор приписки приписал вразрез с вышенаписанным, что «князь великий, поверя дьяку своему, учял о том досадовати и князь с великиа ярости положил на них гнев свой и опалу по его словесем» и «по прежнему их неудобьству, что многые мзды в государьстве его взимаху во многих государьских и земьскых делех, да и за многие их сопротивства».[197]

Неужели, если бы приписку делал царь, он, фальсифицировавший — по Д. Н. Альшицу — известия о своем царствовании, не мог бы придумать «вины» казненных? Ясно, что приписку делал человек, старавшийся ввести в приписки прогрозновский смысл, но человек, стоящий на почве фактов, ему известных или на основании документов, или на основании собственных наблюдений современника событий.

Подведем некоторые итоги:

1) приписки в Синодальном списке и в Царственной книге лицевого свода Грозного сделаны дьяком Иваном Михайловичем Висковатым;

2) они делались в период от августа—сентября 1568 г. до, примерно, половины июля 1570 г., когда в последний раз Висковатый упоминается как должностное лицо;

3) приписки сделаны по указанию Грозного в связи с решением царя устранить князя Владимира Андреевича, его двоюродного брата;

4) приписки в основном заслуживают полного доверия; они отражают действительные события 1538—1554 гг.

---

[196] И. И. Смирнов, стр. 108, прим. 25а; Д. Н. Альшиц. Источники..., стр. 132—136.

[197] ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 448—449.

А. Н. РОБИНСОН

Творчество Аввакума и общественные движения в конце XVII в.

В советском литературоведении и исторической науке идеология общественно-религиозного движения раскола,[1] как и социально-политическая история этого движения, изучалась еще очень мало. Существующие в этой области научно-популярные обзоры основываются главным образом на тех данных, которые уже так или иначе входили в обобщающие очерки и исследования досоветского времени, написанные с позиций либо церковно-охранительных, либо либерально-буржуазных. Положительной чертой немногих работ нашего времени, относящихся к данной проблеме, является стремление переосмыслить и правильно, по-марксистски, оценить сведения и материалы, накопленные старой наукой.[2] Однако историко-литературные задачи изучения творчества Аввакума, как и всей литературы раскола XVII в., требуют нового всестороннего исторического, социологического и литературоведческого исследования всех связанных с данной проблемой, дошедших до нас источников этой эпохи.

Анализируя исторические материалы, Л. Е. Анкудинова доказала, что в третьей четверти XVII в. бо́льшую часть раскола «составляли крестьяне и посадские люди. Именно их массовое участие в движении раскола придавало ему прогрессивные черты и большой общественный резонанс».[3] Появившиеся за последнее время статьи В. Е. Гусева и Н. С. Сарафановой намечают некоторые пути историко-литературной ориентации этой проблемы, в частности применительно к изучению творчества Аввакума.[4] Однако это лишь первые опыты в данной области, не лишенные, естественно, некоторых поспешных заключений.

В пределах настоящей статьи мы попытаемся коснуться в основном лишь трех вопросов, относящихся к указанной выше общей проблеме:

---

[1] Применительно к первому этапу изучаемого общественно-религиозного движения (до конца XVII в.) мы считаем термин «раскол» более правомерным, чем термин «старообрядчество», который начал употребляться в 80-х годах XVIII в., в связи с образованием «единоверческой церкви», когда движение раскола уже не имело присущего ему на первом этапе широкого демократического и антифеодального характера.

[2] См.: Н. М. Никольский. История русской церкви. М.—Л., 1931, гл. VI, «Религиозно-социальные движения второй половины XVII в.» (далее: Н. М. Никольский), стр. 136—171; К. В. Базилевич. История СССР от древнейших времен до конца XVII в. Курс лекций. Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б). М., 1950 (далее: К. В. Базилевич), стр. 398—399, 411; Очерки истории СССР. Период феодализма, XVII в. М., 1955, «Церковный раскол и Соловецкое восстание 1668—1676 гг.» (Н. С. Чаев) (далее: Очерки), стр. 312—324.

[3] Л. Е. Анкудинова. Социальный состав первых раскольников. — Вестник ЛГУ, № 14, Серия истории, языка и литературы, вып. 3. Л., 1956, стр. 68.

[4] См.: В. Е. Гусев. 1) «Житие» протопопа Аввакума — произведение демократической литературы XVII в. (Постановка вопроса). — ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 380—384; 2) Протопоп Аввакум Петров — выдающийся русский писатель XVII века. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Под общей редакцией Н. К. Гудзия. М., 1960 (далее: Житие), стр. 50—51; Н. С. Сарафанова. Идея равенства людей в сочинениях протопопа Аввакума. — ТОДРЛ, т. XIV (далее: Н. С. Сарафанова), стр. 385—390.

а) религиозно-политический и военно-административный характер борьбы с расколом, репрессии и протест против них; б) борьба раскола против государственной церкви и осмысление этой борьбы современниками; в) социально-политические оценки движения раскола со стороны идеологов феодально-крепостнической церкви и власти. Оставляя анализ идейного содержания общественных взглядов Аввакума для подготовленной нами отдельной работы, мы предполагаем, что материал этой статьи мог бы послужить введением к такому анализу. Нас интересует в данном случае не столько история общественно-религиозной борьбы второй половины XVII в. и участие Аввакума в этой борьбе, сколько идеологическая направленность тех откликов на движение раскола, которые оно вызвало у его современников и участников.

*

Решительные меры, принятые против движения раскола царем Алексеем Михайловичем и церковным собором 1666—1667 гг., выразившиеся в казнях и ссылках идеологов движения, в повсеместном предании их церковному проклятию, как известно, не дали эффективных результатов. Напротив, как раз после собора и в особенности после кровавого подавления крестьянской войны под руководством Степана Разина движение раскола стало приобретать все более массовый крестьянский характер. По предположению Г. В. Плеханова, «склонность народной массы к расколу была обратно пропорциональна ее вере в возможность собственными силами победить царящее зло и что, таким образом, раскол с особенным успехом распространился после выпавших на долю народа крупных поражений».[5]

К этому времени боярская фронда в большей своей части уже отошла от раскола, а богатое старообрядческое купечество еще не сложилось. Основу движения составляло беднейшее крестьянство, в особенности беглые крепостные, обосновавшиеся на окраинах государства, казачья «голытьба» на Дону, посадские люди в городах. Идеологами движения стали представители низшего духовенства, преимущественно выходцы из крестьянской среды, порвавшие уже окончательно с государственной церковью, гонимые царской властью. Распространяясь вширь, движение раскола в этот период достигло своего апогея, после которого начался его постепенный спад, а в дальнейшем социальное и идеологическое перерождение.

К началу 80-х годов XVII в. внутриполитическая обстановка оказалась настолько серьезной, что царь Федор Алексеевич обратился к созванному патриархом Иоакимом церковному собору (в ноябре 1681 г.) с «писанием», в котором с тревогой отмечал, что в государстве все более «множатся церковные противники».[6] Собор вынужден был признать, что в Сибири «христианская вера не расширяется, развратники ж святые церкве там умножаются».[7] Такое положение сложилось «не токмо в такой далней и пространной стороне, но и в иных многих градех, а имянно в Путивле и в Севске, в Галиче, на Костроме, и в иных многих местех противники умножились, зане не имеют себе возбранения за разстоянием далным».[8] Обращаясь к собору за советом, царь Федор сетовал: «Вниде во царская слухи от многих градов, что многие неразумные человецы, оставльше свя-

[5] Г. В. Плеханов. История русской общественной мысли, т. I. М.—Л., 1925, стр. 281.

[6] АИ, т. V. СПб., 1842, стр. 109.

[7] Там же, стр. 110.

[8] Там же.

тую церковь, учинили в домех своих молбища, и собрався, чинят чуже християнству, а на святую церковь износят страшныя хулы, чего потонку и исписати невозможно».[9] Как одно из проявлений движения раскола, направленного против государственной церкви, царь отметил все возрастающий уход в раскол монахов и создание ими «пустынь»: «...многие монахи, мужска полу и женска ... отходят из монастырей и начинают жити в лесах».[10] Они ходатайствуют перед патриархом и архиереями «о строении на тех местех церквей и имянуют их пустынями».[11] Однако там они служат «не по исправным книгам», т. е. служат по книгам старопечатным, не подвергшимся никоновским исправлениям. Именно это обстоятельство привлекает к этим монахам народ: «...и для того приходят к ним многие люди и селятся близко их, и имеют их за страдальцов, и от того урастает на святую церковь противление».[12]

Так обстояло дело на окраинах государства. Но и в самой Москве движение раскола приобрело значительное влияние. Распространение сочинений идеологов раскола происходило в самом центре города у всех на глазах: «На Москве всяких чинов люди пишут в тетрадех, и на листах, и в столбцах выписки, имянуя из книг божественнаго писания, и продают у Спаских ворот и в иных местех. И в тех писмах на преданныя святей церкви книги является многая ложь; а простолюдины, не ведая истиннаго писания, приемлют себе за истинну и в том согрешают, паче же выростает из того на святую церковь противление».[13]

Едва ли можно сомневаться в том, что среди этой литературы заметное место занимали сочинения пустозерских «соузников» Аввакума, Епифания, Лазаря и Федора, ставших уже к этому времени признанными «отцами» и «апостолами» раскола. Их переписка с Москвой протекала по двум каналам. Во-первых, открытым путем: через пустозерского воеводу направлялись официальные послания к царям (сначала Алексею Михайловичу, затем Федору Алексеевичу), к патриарху Иоасафу. Так, Аввакум пишет: «И я ис Пустозерья послал к царю два послания: первое невелико, а другое болши» (61) — и далее: «еще же от Лазаря священника посланы два послания царю и патриарху» (61).[14] Эти послания переписывались сначала самими авторами, а затем их последователями и распространялись среди народа, превращаясь из официальных документов в полемическую литературу. На это указывают прямые отсылки к посланиям как к сочинениям, доступным читателю, сделанные самим Аввакумом, например в его «Житии»: «...послал к царю два послания ... Кое о чем говорил... тамо чтый да разумеет» (61), а также тот факт, что среди рукописей, хранившихся у Феоктиста и отобранных у него во время обыска, находилось шесть челобитных Аввакума «на царское имя».[15] Во-вторых, пустозерские «апостолы» посылали в Москву свои полемические сочинения и частные письма тайным путем. «Еще же, — писал Аввакум — от меня и от братьи ... послано в Москву правоверным гостинца» — книга

---

[9] Там же, стр. 111.
[10] Там же, стр. 117.
[11] Там же.
[12] Там же.
[13] Там же.
[14] См. челобитные Аввакума: РИБ, т. XXXIX. Л., 1927, стлб. 755—766 (далее сочинения Аввакума цитируются по этому изданию, в тексте в скобках даются номера столбцов); «сказки» Лазаря: Материалы для истории раскола за первое время его существования, т. IV. Под ред. Н. Субботина. М., 1878 (далее: Материалы), стр. 223—284; Я. Л. Барсков. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912 (далее: Я. Л. Барсков), стр. 53—66.
[15] Материалы, т. I. М., 1874, стр. 324—338.

«Ответ православных» (61), содержащая критику книги Симеона Полоцкого «Жезл правления», изданной в 1667 г. от имени церковного собора; посылались и многие другие сочинения. Для отправки этих сочинений использовались конспиративные средства: они вкладывались то в полое топорище бердыша отправлявшегося в Москву стрельца, то в посылаемые туда кедровые кресты, изготовленные Епифанием.[16] Особенно активную переписку с Пустозерском поддерживали в эти годы духовные дети Аввакума — монах Авраамий и перешедшая в раскол боярыня Ф. П. Морозова.[17]

Собор 1681 г. решил строго пресечь распространение этой литературы и для этого назначить «особого человека» от царя и «особого человека» от патриарха, «чтоб они вкупе того постерегли» и людей, «которые объявятся с такими лживыми писмами, и тех имая приводить в ... Патриарш приказ и чинить смирение, смотря по вине, и имати пени по разсмотрению. А для вспомощения тем выборным людем давать с караулов стрелцов... на непослушников».[18]

Что же касается общих и главных мер против все более распространявшегося движения раскола, то собор решил вновь вернуться к твердой политике репрессий, понимаемой теперь уже значительно более широко, чем ранее. Прежде всего собор напомнил царю Федору о том, что и в прошлом иерархи церкви «соборне доносили о тех развратниках» его отцу, царю Алексею, который указывал «тех врагов» отсылать «ко градскому суду», т. е. предавать государственному уголовному суду как лиц гражданских. «И ныне» молили молодого царя «соборне» иерархи церкви последовать этому примеру и непокорных раскольников предавать «ко градскому же суду ... И о том воеводам и приказным людем, в города и села ... послать грамоты, а впредь всем воеводам и приказным писать наказы, чтоб то дело было под его государевым страхом в твердости».[19] Таким образом, если собор 1666—1667 гг. расправился только с небольшой группой «упрямых» идеологов раскола, то теперь, в 1681 г., борьба с их последователями должна была приобрести повсеместный общегосударственный характер. Движение раскола приобрело такой размах и такое опасное для дворянско-крепостнического государства направление, что для подавления его собор впервые предложил посылать войска: «...а которые раскольники где объявятся и ... учинятся силны, и им, воеводам и приказным, по тех раскольников посылать служилых людей».[20] Тем самым государственная власть получила духовную санкцию собора для новой волны массовых репрессий против раскола; одним из ближайших по времени последствий собора явилось сожжение Аввакума и его «соузников» (14 апреля 1682 г.), а другим — участие раскольников в восстании стрельцов (5—6 июня 1682 г.) и расправа с ними. Впоследствии эти репрессивные меры были обобщены и узаконены царским указом 1684 г., согласно которому за одну только принадлежность к расколу всех тех людей, «которые с пыток учнут в том стоять упорно ж, а покорения святей церкви не принесут, и таких ... по трикратному у казни вопросу ... сжечь».[21]

---

[16] А. Н. Робинсон. Аввакум и Епифаний (к истории общения двух писателей).— ТОДРЛ, т. XIV, стр. 395.

[17] Материалы, т. VII. М., 1885, стр. 383, 403; Я. Л. Барсков, стр. 33—42, 52—53.

[18] АИ, т. V. стр. 118.

[19] Там же, стр. 111.

[20] Там же, стр. 112.

[21] Полное собрание законов Российской империи, т. 2. СПб., 1830, стр. 647.

Поскольку идеологическая борьба эпохи, отражавшая классовые интересы духовных и светских феодалов, с одной стороны, и демократических слоев общества (крестьянство, частично посад), с другой, развивалась в «религиозной оболочке»,[22] постольку и объяснение царской репрессивной политики по отношению к расколу должно было основываться на заветах христианства. Идеологи раскола и начали с того, что подвергли разоблачению эту политику прежде всего как антихристианскую. «Чюдо, как то в познание не хотят приити, — писал Аввакум, — огнем, да кнутом, да висилицею хотят веру утвердить! Которые то апостолы научили так? — не знаю. Мой Христос не приказал нашим апостолам так учить, еже бы огнем, да кнутом, да висилицею в веру приводить» (65). Возникшее здесь обвинение действий царской и церковной власти как действий, противоречащих христианскому учению, послужило именно той ключевой проблемой, выяснение которой в ходе дальнейшей общественно-религиозной борьбы должно было обнажить социальные и политические основы борьбы с расколом. Поэтому внимание к этой проблеме особенно обострилось в тот период, когда после новых репрессий, последовавших в результате решений собора 1681 г., движение раскола вспыхнуло с новой силой и вожди его попытались использовать в своих целях восстание московских стрельцов. Вопрос о причинах репрессий был смело задан представителями раскола правительству во время «прений о вере» в кремлевской Грановитой палате (в июле 1682 г.). Некто Павел, «посадский человек», сказал, что ведь в двуперстии и других старых обрядах нет ереси, и «за сие чесо ради мучити и в срубах жещи?».[23] Возможно, что этот вопрос послужил первым откликом на свежие вести о сожжении в срубе Аввакума, Епифания, Лазаря и Федора.

Но этот важный в идеологическом отношении вопрос патриарх Иоаким дал ответ в том смысле, что репрессии вызываются вовсе не обрядовыми расхождениями, а неповиновением раскольников: «Мы за крест и молитву не мучим и не жжем, но за то, яко нас еретиками называют и святей церкви не повинуются, — сожигаем».[24] Еще яснее высказался здесь же нижегородский митрополит Филарет: «Всуе вы о сем стязуетеся, мы никогда за крест и молитву не мучим, но за их непокорство, что возмущают народы, не велят в церковь ходити, исповеди и причастия от священников принимати, и тем множество людей от церкви отлучати».[25]

В этих заявлениях высших церковных властей в качестве основных причин репрессий по отношению к раскольникам выявилось их «непокорство», выражающееся главным образом в «возмущении» народа против государственной церкви, в частности в отказе от церковной исповеди и причащения, которые служили важным средством духовного — а по тем временам — и политического контроля над народом с ее стороны. Все эти обвинения в адрес раскола вполне отвечали его действительным устремлениям, особенно ярко выраженным во взглядах Аввакума, в предпринятой им реформе «таинств» исповеди и причащения, выводящей их за пределы церкви прямо в народный быт.[26]

---

[22] Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. — В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2-е, т. 7. М., 1956 (далее: Ф. Энгельс), стр. 360.

[23] Три челобитные справщика Савватия, Саввы Романова и монахов Соловецкого монастыря. СПб., 1862 (далее: Три челобитные), стр. 99.

[24] Там же.

[25] Там же, стр. 107.

[26] См.: П. С. Смирнов. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке. СПб., 1898, стр. 156—169.

Таким образом, причины борьбы с расколом были сформулированы руководителями этой борьбы в понятиях, так сказать, религиозно-политических, как они осознавались в ту эпоху. Однако социальное содержание этих понятий является достаточно очевидным. Уже в XVIII в., после вековой жесточайшей борьбы с расколом, когда Екатерина II предприняла реформы, несколько облегчающие экономическое и политическое положение раскольников, оказалось возможным со стороны государственной церкви откровенно разъяснить в печати классовые причины многолетних противораскольнических репрессий. С «увещанием» к раскольникам по поручению царицы обратился митрополит Платон, который писал прямо: «...за веру вас не гонят, а посылают по вас команды (воинские части, — *А. Р.*) для того, что вы, убегая в леса, государю служб не служите, даней не платите, земель не пашете, домы свои сродников и помещиков оставляете, и для того государи наши ... посылают по вас команды не с тем, чтоб за веру мучить, но чтоб вас возвратить на прежния жилища».[27] Платон пояснял далее, что когда раскольники подвергаются наказаниям со стороны царской власти, то наказываются они «не за старую веру, но за смущение, не яко староверы, но яко возмутители государственныя».[28] Иначе говоря, последовательная принадлежность к расколу относилась здесь к разряду политических преступлений.

*

В буржуазной историографии существовало мнение о «пассивном» характере движения раскола. Особенно ясное выражение оно имело в формулировке Д. И. Иловайского, который писал, что «суровый, деспотичный характер московской государственности встретился с не менее суровым, крайне тягучим и самоотверженно страдательным (пассивным) сопротивлением, — черта, также вполне присущая русскому народному характеру».[29] Позже была сделана попытка связать представление о «пассивности» раскола с социальными проблемами: «стихийное эсхатологическо-искупительное движение, не взирая на его чисто пассивный характер, грозило государству не менее, чем открытая вооруженная борьба. Тяглец уходил за пределы досягаемости, оставляя помещика голодным, а казну пустою».[30]

Это представление о «пассивности» раскола (в изучаемую эпоху) нуждается в дальнейшем пересмотре.

Вопрос о характере социального и идеологического протеста раскола XVII в. против установлений государственной церкви и власти имеет близкое отношение к оценке идеологии Аввакума. Согласно новейшему мнению, в лице Аввакума «демократ и бунтарь вступает в резкое противоречие с проповедником кротости и аскетизма».[31] Подобное противопоставление едва ли правомерно по двум причинам. Во-первых, проповедь аскетизма у Аввакума не противоречит тому, что он был демократом, а как раз является следствием этого, отражая народный протест против неаскетической жизни «толстобрюхих» и «толсторожих» (291) духовных феодалов, для которых, как писал Аввакум, «богом» стало их «чрево»

[27] Увещание старообрядцам в утверждение в надежду действия и любви евангельския. СПб., 1765 (далее: Увещание), л. 95 об.
[28] Там же, л. 99.
[29] Д. И. Иловайский. Окончание дела о Никоне и начало раскола. — Кремль. М., 1904, № 19—20, стр. 6.
[30] Н. М. Никольский, стр. 163.
[31] Н. С. Сарафанова, стр. 390.

(318). Это был тот самый «плебейский» аскетизм, который, как указывал Ф. Энгельс, «мы обнаруживаем во всех средневековых восстаниях, носивших религиозную окраску, и в новейшее время на начальной стадии каждого пролетарского движения».[32] Во-вторых, правильно отмеченное здесь «бунтарство» Аввакума вовсе не вступает в противоречие с его «кротостью», потому что проповедником «кротости» Аввакум не был. Его идеология носила не «кроткий» и не «пассивный», а очень активный, воинствующий характер. С полным основанием мы принимаем на вооружение нашей науки справедливые слова М. Горького о том, что Аввакум был «бунтарь-протопоп» [33] и что «язык, а также стиль писем протопопа Аввакума и „Жития“ его остается непревзойденным образцом пламенной и страстной речи бойца».[34] По словам А. Н. Толстого, «в омертвелую словесность, как буря, ворвался живой, мужицкий, полнокровный голос. Это были гениальные „житие“ и „послания“ бунтаря, неистового протопопа Аввакума».[35] Однако, повторяя эти точные и меткие оценки, мы должны задуматься над тем, что если сочинения Аввакума сохраняют такие выдающиеся качества до наших дней, то, очевидно, для своего времени они были «бунтарскими» не только по своему языку и стилю, но прежде всего по своему духу и содержанию.

Для того чтобы подойти к оценке идеологии Аввакума как идеологии «бунтаря» и «мужика», необходимо вообще остановиться на вопросе о том, какой социальный и тактический характер приобретало в изучаемый период движение раскола в его попытках сопротивления репрессивным действиям царской власти и церкви.

«Бунтарский», вооруженный протест раскола против царской внутренней политики наиболее ярко и сильно проявился в восьмилетней борьбе Соловецкого монастыря против царских войск (1668—1676 гг.), а также в попытке вождей раскола опереться на военную силу стрельцов (1682 г.), частично отразился в крестьянских войнах под руководством Степана Разина, а затем и Емельяна Пугачева. «Старообрядцы, — как отмечал К. В. Базилевич, — приняли деятельное участие в народных восстаниях XVIII века».[36] Однако это движение, как и всякое народное движение феодального периода, не могло выдвинуть прогрессивную программу политических преобразований, отличалось идеологической противоречивостью, отсутствием организационного единства, стихийностью, территориальной ограниченностью. Поэтому движение раскола далеко не всегда получало благоприятные возможности для вооруженной борьбы против органов государственной власти. Тем более внимательно должны быть изучены нашими историками неоднократные попытки такой борьбы, предпринимавшиеся народом, главным образом на южных и северных «украинах» Московского государства.

В исторической литературе отмечалось, что распространение раскола среди казачества, в особенности среди казачьей бедноты, вызвало значительные военные действия на Дону. Эти события получили религиозно-повстанческий характер потому, что они опирались на хорошую военную организацию казачества.[37] Меньшее внимание историков привлекало дви-

---

[32] Ф. Энгельс, стр. 377.

[33] М. Горький. Собрание сочинений, т. 29. М., 1955 (далее: М. Горький), стр. 246.

[34] Там же, т. 27. М., 1953, стр. 166.

[35] А. Н. Толстой. Полное собрание сочинений, т. XIII. М., 1949, стр. 362.

[36] К. В. Базилевич, стр. 411.

[37] В. Г. Дружинин. Раскол на Дону в конце XVII века. СПб., 1889, стр. 172—213; Н. М. Никольский, стр. 164—171.

жение раскола в Поморском крае, за исключением не раз уже изучавшегося Соловецкого восстания.[38] Между тем поморский раскол приобретает для нас особый интерес, так как с этим краем многие годы (1664—1666, 1667—1682 гг.) была связана жизнь и литературная деятельность Аввакума.

«Бунтарский» характер раскола в Поморье в изучаемую эпоху выразился в нападении крестьянской раскольничьей общины, организовавшейся в Рогозерской пустыни, на церкви Пудожского погоста[39] и в создании раскольниками своеобразных крепостей в деревне Строкинской[40] и Палеостровском монастыре (при взятии обоих этих крепостей повстанцы после упорной обороны прибегли к самосожжению).[41]

Все эти факты свидетельствуют о том, что движение раскола в Поморском крае, так же как и на Дону, в ряде случаев приобретало повстанческий характер, сопротивление раскола царским войскам и администрации, равно как и представителям государственной церкви, было активным и нередко разрасталось до вооруженных столкновений.

Важно отметить, что сами современники указывают на непосредственную связь этого народного движения в Поморском крае с проповедью Аввакума и его соратников.

Будущий митрополит Сибирский и Тобольский Игнатий постригся в Соловецком монастыре в 1677 г., сразу же после подавления там восстания, и поэтому, несомненно, хорошо знал местную обстановку. Впоследствии, сделавшись видным иерархом церкви и одним из активных борцов против раскола, он в своих посланиях (1696 г.) указал на живую преемственность между восстанием Степана Разина и соловецким восстанием и одновременно на связи последнего с учением Аввакума и его соратника попа Лазаря: «От оных же Аввакумовых и Лазаревых ... учеников прибегоша нецыи ... на остров Соловецкий: и тако оную святую обитель ... возмутиша ... К тому же бесновательному их арменоподражательству прибегоша в тую же обитель окаяннаго богоотступника и чародея донскаго казака и атамана Стенки Разина с помощники-воры из Астрахани».[42] В другом месте Игнатий вновь подчеркивал, что с соловецкими монахами вместе «собрашася и разбойницы они, иже от богоотступникова дружества в Соловки прибегшии, донския, глаголю, казаки, обитель оную смутивше, затворишася во осаду».[43]

Игнатий правильно обратил внимание современников на то, что это объединение усилило политический и противогосударственный характер восстания: «А егда во обитель внидоша (разинцы, — *А. Р.*), тогда убо ... начаша быти во всем противны не токмо святой церкви хулами, но и благочестиваго царя не восхотевшие себе в государя имети».[44] Но царскому

---

[38] И. Я. Сырцов. Возмущение соловецких монахов-старобрядцев в XVII в. Казань, 1880; Н. А. Барсуков. Соловецкое восстание 1668—1676 гг. Петрозаводск, 1954.

[39] АИ, т. V, стр. 378, 388—389, 392.

[40] Там же, стр. 383, 388—389, 391.

[41] Е. В. Барсов. Палеостров, его судьба и значение в Обонежском крае. М., 1868, стр. 170—171, ср. стр. 30—35, 141—142; АИ, т. V, стр. 253 и 256; Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей. Сообщил Хр. Лопарев. — ПДП, т. 108. СПб., 1895, стр. 30—32 и 71; Послания блаженного Игнатия, митрополита Сибирского и Тобольского. Казань, 1857 (далее: Игнатий Тобольский), стр. 18; Дмитрий Ростовский. Розыск о раскольничьей брынской вере. М., 1745, лл. 18—19 об. Ср. также: История русской литературы, т. II, ч. 2. М.—Л., 1948, стр. 340—341.

[42] Игнатий Тобольский, стр. 138.

[43] Там же, стр. 141.

[44] Там же, стр. 138. Наблюдениям Игнатия придавали большое значение первые историки раскола еще в XVIII в. Так, П. Богданович писал, что «сонм» последовате-

правительству еще до посланий Игнатия был ясен именно такой социальный состав и образ действий повстанцев из отписок осаждавшего монастырь воеводы И. А. Мещеринова; в одну из них (1676 г.) были включены сведения перебежчика из монастыря старца Пахомия: «... а в монастыре заперлись и сели на смерть, здатца же ни которыми образы не хотят, и стало у них за воровство и за капитонство,[45] а не за веру стоят, а в монастырь де в разиновщину пришли многие капитоны, чернцы и белцы, из понизовых городов, те де их, воров, и от церкви и от отцов духовных отлучили; да у них же де в монастыре собралось московских беглых стрелцов и донских казаков и боярских беглых холопей и крестьян и разных государств иноземцев ... и всякому злу корень собрались тут в монастыре».[46]

Эти сообщения Игнатия Тобольского следует сопоставить с попытками самого Аввакума и его товарищей наладить связи с осажденным Соловецким монастырем.

Аввакум возлагал большие надежды на архимандрита Никанора, ставшего впоследствии одним из главных руководителей соловецкого восстания. Когда Аввакум в 1664 г. был возвращен в Москву из сибирской ссылки и обласкан царем, он застал церковь «вдовствующей», так как к этому времени патриарх Никон давно уже (с 1658 г.) покинул свой престол. Аввакум решил вмешаться в весьма острые вопросы внутренней государственной и церковной политики с тем, чтобы через посредство царя обеспечить обновление состава верховных церковных «властей» и таким путем начать ликвидацию никоновских реформ. Он подал царю «моленейцо о Сергие Салтыкове и о Никаноре, и о иных ко жребию святильскаго чина».[47] Текст этого письма Аввакума до нас не дошел, но известно, что оно (видимо, в копии) было отобрано при обыске 4 января 1666 г. у близкого Аввакуму раскольника Феоктиста, причем в перечне отобранных у него рукописей по поводу этого документа указывалось: «... протопопова к великому государю роспись — хто в которые во владыки годятца».[48] По-видимому, первые два лица (Сергей Салтыков и Никанор) рекомендовались Аввакумом на выбор в качестве кандидатов на патриарший престол. Это «моленейцо» Аввакума вызвало гнев царя и послужило одной из главных причин его новой ссылки (на Мезень). По этому поводу сам Аввакум писал в челобитной царю: «... ныне скорбь к скорби постиже мя, — мню, маленкова ради моего моленейца к тебе, великому государю, о духовных властях, их же и нужно тебе, великому государю, снискать» (751).

В числе бумаг, отобранных у Феоктиста, значилась и «отписка протопопа Аввакума об началу к архимариту Никанору на Соловки».[49] Из этого видно, что Аввакум завязал сношения с Никанором и Соловецким монастырем еще до восстания, рассчитывая, видимо, на эту знаменитую, хорошо вооруженную и очень богатую обитель как на реальную опору в своей борьбе против государственной церкви. Вполне естественно поэтому, что

лей Аввакума «умножился скоро при стечении черни, как пламень при бурном ветре, и, смутив во многих местах народ, захватил с помощью изменников астраханских из шайки Стеньки Разина пребогатой Соловецкой монастырь и обратил оной в свой вертеп» [Историческое известие о раскольниках, изданное вторично П(етром) Б(огдановичем). СПб., 1787, стр. 15—16; ср.: Андрей Иоаннов. Полное историческое известие о старообрядцах, их учении, делах и разгласиях. СПб., 1794, стр. 10].

[45] Имеется в виду эсхатологическое учение раскольника Капитона; интересные сведения о Капитоне сообщает Игнатий Тобольский (стр. 96—97).

[46] Е. Барсов. Новые материалы для истории русского старообрядчества XVII—XVIII веков. М., 1890, стр. 122.

[47] Материалы, т. I, стр. 198—199.

[48] Там же, стр. 335—336.

[49] Там же, стр. 338.

когда соловецкое восстание началось, Аввакум попытался из пустозерской темницы восстановить свои связи с Соловками и, вероятно, с тем же Никанором. В 1669 г. он хотел направить в Соловки с письмами своего испытанного помощника бесстрашного юродивого Федора, который в это время жил на Мезени вместе с семьей Аввакума: «В Соловки-те Федор хотя бы подъехал, — писал Аввакум своей семье, — письма-те спрятав, в монастырь вошел, как мочно тайно бы, письма-те дал, и буде нельзя, ино бы и опять назад совсем» (916). В том же году и дьякон Федор писал из Пустозерска на Мезень Ивану, сыну Аввакума, чтобы он, получив составленную им от лица всех четырех пустозерских «соузников» полемическую книгу «Ответ православных», дал переписать ее «верным человеком» и «добрым письмом»; а затем эту книгу, как писал Федор Ивану, «в Соловки пошли и к Москве верным».[50]

Аввакум понимал противоправительственный характер соловецкого восстания и не раз с глубоким сочувствием говорил о нем: «А ныне и Соловки в осаде морят, пять лет не едчи» (811) — или: «В осаде сидят седмь годов милые, алчни и жадни, наги и боси, терпят всякую нужду ради веры православныя» (522—523). Провиденциально связывая подавление соловецкого восстания (22 января 1676 г.) с последовавшей за ним через неделю смертью царя Алексея Михайловича (30 января), Аввакум старался возвысить значение этого восстания в глазах современников до события общегосударственной важности. По его словам, царь, «яко бог века сего взимаяся гордостию, но Соловецкой монастырь сломил гордую державу его. В которой день монастырь истнил, о тех днях в той день и сам исчез».[51] Аввакум развивал эту идею в устрашающие читателей картины будто бы имевшего место предсмертного раскаяния и осуждения царя, который «расслаблен бысть прежде смерти и прежде суда того осужден, и прежде бесконечных мук мучим».[52] В отчаянии обращается царь к якобы «явившимся» ему соловецким старцам: «Господие мои, отцы соловецкие, старцы! отродите ми, да покаюся воровства своего, яко беззаконно содеял, отвергся христианския веры ... и вашу Соловецкую обитель под меч подклонил, до пяти сот братии и больши. Иных за ребра вешал, а иных во льду заморозил».[53] При этом, добавляет Аввакум, у царя «изо рта и из носа и из ушей нежид (сукровица, гной, — *А. Р.*) течет, бытто из зарезаные коровы. И бумаги хлопчатые не могли напастися, затыкая ноздри и горло».[54] Царь «кричит, умирая: „Пощадите, пощадите!“. На вопрос никониан: „Кому ты ... молился?“, он говорит: „Соловецкие старцы пилами трут мя и всяким оружием, велите войску отступить от монастыря их!“».[55] Но было уже поздно, потому что осажденные, как замечает Аввакум в заключение, «в те дни уже посечены быша».[56]

Этот сюжет был общим достоянием пустозерских узников. Воспроизводя аналогичные картины, Федор добавлял, что царь обращался с предсмертной молитвой к «новым преподобном ученикам соловецким»,[57] и, следовательно, здесь речь шла о «явлении» ему не канонизированных основателей монастыря Зосимы и Савватия, а современников — руководителей осады. Рассказывая внимающим ему «со ужасом» придворным об этом

---

[50] Я. Л. Барсков, стр. 68—69.
[51] Послание всем «ищущим живота вечнаго»: Житие, стр. 279.
[52] Совет святым отцам, преподобным: Житие, стр. 255 (далее: Совет).
[53] Там же.
[54] Там же.
[55] Там же.
[56] Там же.
[57] Материалы, т. VI. М., 1881, стр. 219.

видении, царь, по словам Федора, добавлял: соловецкие старцы «растирают вся кости моя и составы тела моего пилами намелко, и не быти мне живу от них. Пошлите гонца скоро и велите войску отступить от монастыря их. Бояре же послаша гонца скораго, по повелению цареву. Но в то время самыя болезни его взят бысть монастырь и разорен».[58] Федор вспоминает здесь о главаре восставших Никаноре, к которому писал Аввакум: «и Никанор, преподобный архимандрит и многолетний старец, иже и отец (духовный, — *А. Р.*) бе ему, царю Алексею, и той замучен разными муками во едином часе от стрелецкого головы Ивана Мещерскаго (И. А. Мещеринова, — *А. Р.*)».[59] Далее Федор рассказывает о том, как царский гонец будто бы встретил на пути гонца от воеводы Мещеринова, ехавшего с известием о взятии монастыря, и оба гонца «без пользы» вернулись «каждо во своя». «Царь же потом скоро скончася недобре. И по смерти его той же час гной злосмрадный изыде из него всеми телесными чувствы, и затыкающе хлопчатою бумагою, и едва возмогоша погребсти его в землю».[60]

Перед нами, несомненно, народная легенда, которую Аввакум и Федор подхватили в начале ее образования и, может быть, частично обработали. Они, вероятно, обменивались мнениями об этой легенде, обсуждали ее в кругу пустозерских «соузников», а затем, несколько расходясь в деталях, в полноте и стиле изложения, включили ее в состав своих полемических сочинений.

До нового времени дошла народная песня об осаде Соловецкого монастыря,[61] в которой действует воевода «князь Пещерской»,[62] который берет монастырь и расправляется с повстанцами. В конце песни говорится, как «в тёмну ноцьку» приходят к царю «Олёксею-то свет-Михайловицю» два старца,[63] они «хотят-то его убити, руки, ноги да отпилити» и просят его не раззорять «старой веры». Царь в страхе посылает «гонцёв-то скоро, солдатов», чтобы снять осаду. Гонцы встречают в Вологде воеводу (видимо, возвращающегося после взятия монастыря). В заключение поется о том, что воевода «разболелсэ» и «в худой-то боли сконцялсэ», а царь «за воеводой собиралсэ, Жисть своёй жизнью сконцялсэ». Когда царя понесли в церковь, «Потекло у ёго из ушей-то, Потекла у ёго всяка гавря; Ишше уши-ти затыкали, Всё хлопцятой белой бумагой».[64] Интересно отметить, что сказители нового времени, точно так же как Аввакум и Федор, ясно сознавали политическую направленность этой картины: по словам А. М. Крюковой, от которой была записана эта старина, она была «запрещенная».[65] Приведенное нами сопоставление указывает на те идейные связи, которые тянулись от Аввакума к поморскому крестьянству.[66]

---

58 Там же, стр. 220.

59 Там же, стр. 200.

60 Там же, ср. стр. 92.

61 А. В. Марков. Беломорские былины. М., 1901, 40 (далее: А. В. Марков), стр. 197—201.

62 Ср. выше у Федора аналогичную ошибку («Ивана Мещерского»), в действительности — И. А. Мещеринов.

63 В отличие от изложения Федора здесь уже, очевидно, подразумеваются традиционные Зосима и Савватий.

64 А. В. Марков, стр. 200—201. Последний мотив («потекло ... из ушей-то») ближе к рассказу Аввакума, чем к рассказу Федора.

65 Там же, стр. 197, прим. 2.

66 А. В. Марковым была найдена также запись песни об осаде Соловецкого монастыря, относящаяся к 10-м годам XIX в. и принадлежавшая Устинье Крюковой, которая жила в Онуфриевской пустыни Мезенского уезда (А. В. Марков, стр. 469—472). Сказители Крюковы вообще были связаны с раскольническим Онуфриевским скитом (там же, стр. 10). В конце XVII—начале XVIII в. Онуфрий и его ученики (на р. Керженце) были ревностными последователями Аввакума и хранили его сочинения.

Резко осуждая церковные реформы царя Алексея Михайловича и патриарха Никона, Аввакум пытался поставить их в связь не только с соловецким восстанием, но и с другими «междуусобиями» своего времени, в особенности с крестьянской войной под руководством Разина (1667—1671 гг.). Он рассматривал эти движения в числе всех тех грозных и опустошительных явлений, которые, как ему казалось, возникают по «божьей воле» в качестве наказания «за умножение беззакония грешных человек»,[67] и прежде всего за нарушение «старой веры». Источником этих «беззаконий» были царь и «никониане». С тех пор как были приняты «еретическия уставы, — писал Аввакум в 1677 г., — много пагубы бывало: мор на всю землю, и сеча, и междоусобие, и кровь беспрестанно льется, за начальных игрушки» (470).[68] В других случаях Аввакум подробнее пояснял эту свою мысль: «С начала бляди сея нововводныя пагуба была всемирная при нашем зрении мором во всю землю Рускую ... во градех и селах пусто зделал бог. Таже кровопролитие с польскими. Таже междоусобие с Разиным ... яко звезд небесных и яко каплей дождевых толико пало глав человеческих».[69] Далее Аввакум еще больше расширял круг этих представлений: «Не явно ли то бысть в нашей России бедной? Разовщина, возмущение грех ради, и прежде того в Москве коломенская пагуба,[70] и мор, и война, и иная многа. Отврати лице свое владыка, отнеле же Никон нача правоверие казити, оттоле вся злая постигоша ны и доселе».[71] В этом изложении обращает на себя внимание характерная деталь: традиционное выражение «грех ради наших», при помощи которого, например, Афанасий Холмогорский объяснял повстанческое движение раскольников в 1682 г.,[72] Аввакум приводит здесь неполностью («возмущение грех ради»), считая, очевидно, что это возмездие последовало не за всеобщие «грехи», а, как сказано у него выше, лишь за преступления людей «начальных» (470), т. е. духовной и светской верхушки общества.

Называя народные восстания «междуусобиями», Аввакум дал им следующую обобщенную оценку: «А еже возвещает о мятежах межусобных, и то праведен суд божий».[73] Таким образом, в противоречивых представлениях Аввакума эти народные восстания выступали то как «праведен суд» — небесное возмездие царской и церковной власти за их действия, то как «пагуба», приносящая отечеству опустошение и кровопролитие. Все эти высказывания Аввакума не могли остаться не замеченными его читателями-современниками, противниками или сторонниками, а порой, очевидно, и участниками многих крупных и мелких народных восстаний, «бунтов» и «мятежей» этой эпохи.

среди которых, возможно, было и его послание, относящееся к вопросам раскольничьего общинного уклада, где приводилась цитированная выше легенда. Таким образом прослеживаются истоки данной старины.

[67] Послание к Симеону, Ксении Ивановне и Александре Григорьевне: Житие, стр. 274.

[68] Аввакум имел в виду следующие события: «мор» — сильнейшая эпидемия чумы (1654 г.), «сеча» — длительные войны с Польшей (1654—1667 гг., с перерывами) и со Швецией (1656, 1657—1658, 1661 гг.).

[69] Послание к неизвестным: А. К. Бороздин. Протопоп Аввакум. СПб., 1900, Приложения (далее: А. К. Бороздин), стр. 33; ср.: ГБЛ, собр. Г. М. Прянишникова, № 61, л. 115 об.

[70] Имеется в виду «разиновщина» и «медный бунт» — восстание посадских людей в Москве в 1662 г.

[71] Послание к Симеону, Ксении Ивановне и Александре Григорьевне: Житие, стр. 274.

[72] [Афанасий, архиепископ Холмогорский]. Увет духовный. М., 1682 (далее: Увет духовный), л. 54 об.

[73] ГБЛ, собр. Г. М. Прянишникова, № 61, л. 87.

Влияние проповеди Аввакума на поморских крестьян вскоре стало известно царскому правительству. Церковный собор 1681 г. учредил для борьбы с распространявшимся расколом несколько новых епархий, в том числе и обширную епархию Холмогорскую и Важескую, включавшую в свой состав, в частности, Мезень и Пустозерск.[74] Архиепископом Холмогорским был поставлен уже упомянутый Афанасий, в прошлом сам раскольник (видимо, даже сочинитель книги «Об антихристе и тайном царстве его»), а затем ревностный поборник интересов государственной церкви. Ему, по словам Семена Денисова, «лютейшему защитнику никоновых новшеств», было «весело и радостно» устраивать чудовищные пытки раскольников, «мучити благочестивыя мужи, их же множество имая, горькими и лютыми казньми жития сего лишаше».[75] Этот «кроворадостный епарх»[76] и писатель (автор «Увета духовного» и других сочинений) воплощал характерное для этой эпохи единство литературно-полемической деятельности и инквизиторской практики. Сам Афанасий писал: «Безумных же раскольников никоими словами не возможно есть увещати, точию воловым остном[77] наказати их подобает».[78] Едва только Афанасий прибыл с такими намерениями в Холмогоры (18 октября 1682 г.), а это было всего через полгода после сожжения Аввакума в Пустозерске (14 апреля), как к нему стали поступать жалобы новопоставленных пустозерских попов на то, что местный «введенской церкви поп Андрей и тамошние жители . . . чинят церковный раскол, и к церкви божией и к отцем духовным на исповедь не приходят . . . и оттого в Пустозерском остроге и в принадлежащих тамо местах в мире (т. е. среди народа, — *А. Р.*) чинитца соблазн, и многие де тамошние жители чрез их раскол обратились в церковную противность и от церкви божией отлучились».[79] Пустозерские попы писали об этом Афанасию «многажды», с 1683 по 1691 г., поп же Андрей «взят был» в Холмогоры в дом архиепископа, где был «роспрашиван» и «в церковной противности винился».[80]

Эти обстоятельства показались Афанасию настолько важными, что он не только подробно сообщил о них в Москву патриарху Адриану, но и послал боярского сына Ивана Никитина в Пустозерск «для сыску и поимки» всех этих раскольников. Однако Ивана Никитина ждало неожиданное и серьезное препятствие: движение раскола оказалось в Пустозерске, очевидно, настолько сильным, что сам местный воевода И. М. Леонтьев не решился выступить против него и, вопреки официальной просьбе к нему от архиепископа Афанасия об оказании Ивану Никитину всемерного содействия, «ему, Ивану, в сыску и в поимке церковных раскольников отказал и розыскивать не дал», что было уже прямым нарушением государственных законов. Сразу же вслед за этим сообщением о неповиновении воеводы Иван Никитин сообщил Афанасию и об идейном источнике возникшего движения: «А прежние де раскольники Аввакум и Лазарь с товарыщи, которы сосланы в тот же Пустозерский острог, достальных жителей возмущая, прельщают и в той своей прелести утверждают, и от того де тот Пустозерский острог с принадлежащими места душевне (духовно, — *А. Р.*)

---

[74] АИ, т. V, стр. 110.

[75] Семен Денисов. Виноград российский. М., 1906, л. 114 об.

[76] Там же, л. 115.

[77] Орудие для побуждения рабочего скота, бодец, рогатина.

[78] Увет духовный, л. 84 об.

[79] Александр Ивановский. К статье об актах холмогорского Спасо-Преображенского собора. — Архангельские губернские ведомости, 1869, № 15, 19 февраля (далее: А. Ивановский).

[80] А. Ивановский, № 15.

разоряютца до конца».[81] Как видно из этого документа, сила влияния проповеди Аввакума и его товарищей была такова, что эта проповедь и через девять лет после их казни ощущалась современниками почти как живая. Все эти сведения были включены в царскую грамоту, адресованную воеводе И. М. Леонтьеву, и, следовательно, вновь напомнили центральной государственной и церковной власти об Аввакуме и его влиянии на народные массы.

При рассмотрении данных о «бунтарском» характере движения раскола в Поморье во второй половине XVII в. и о связях Аввакума с этим движением необходимо не только учитывать «огромный темперамент» протопопа и его «полемический задор»,[82] но и объективную социально-политическую значимость его идей для своего времени, когда классовая борьба протекала «под знаком религии».[83] Идеологический «бунт» Аввакума черпал свои силы из крестьянского движения, антифеодального по своему социальному смыслу и раскольничьего по своей идеологической форме, и сам в свою очередь активно воздействовал на это движение.

Свое отношение к врагам и самый состав этих врагов Аввакум определял очень точно: «...никово не боюся, — ни царя, ни князя, ни богата, ни сильна, ни диявола самаго!» (816). Обращаясь к «никонианам», он неоднократно писал: «...аще и умру, обличитель вам буду всегда» (820, 953). Сочинения Аввакума пересыпаны прямыми угрозами беспощадной расправы с высшими представителями государственной церкви и власти: «Дайте-тко срок, — я вам и лутчему-тому ступлю на горло» (304), «всех бы вас, яко свиней, переколол»,[84] «сам бы их пережег» (803), «всех вас развешаю по дуб(ь)ю» (633), «выдавлю я из вас сок-от!» (488). Считая себя «пророком» (234, 235), Аввакум мечтал уподобиться легендарному пророку Илье, который, по библейскому преданию, при помощи народа заколол 850 языческих пророков (Третья книга царств, XVIII, 40). Осуждая на расправу всю церковную иерархию сверху и донизу, Аввакум писал: «Каковы митрополиты и архиепископы, таковы и попы наставлены. Воли мне нет, да силы, — перерезал бы, что Илья пророк, студных и мерских жрецов всех, что собак» (458). «Как бы мне мочь Ильи пророка, — мечтал он, — всех бы еретиков тех, яко Илья, ножем переколол».[85] Аввакум возлагал надежды на нового царя Федора Алексеевича и в челобитной к нему просил: «А что, государь-царь, как бы ты мне дал волю, я бы их, что Илия пророк, всех перепластал во един день ... Перво бы Никона-того, собаку, разсекли бы начетверо» (769), ему, «болшому-тому волку, хохлатой-той собаке, глаз вырву, нежели щенятам!» (949).

Аввакум постоянно грозил «никонианам»: «Тогда-петь не тужите, к(ак к) нам в руки попадете!».[86] Он предвкушал расправу с «никонианами» во время грядущего «страшного суда»: «...тогда-де бить бичем станем пестряков-те(х) воров; старух заставим бить, бабье то дело, до смерти не убьют, а глаза выстегают, да и в реку побросаем».[87] Но Аввакум мечтал о возможности такой последней схватки со своими противниками и в реальной жизни, еще до «страшного суда». При этом он дерзко присваи-

---

[81] Там же.

[82] Н. К. Гудзий. История древней русской литературы, изд. 6-е. М., 1956, стр. 464, 470, 476.

[83] Ф. Энгельс, стр. 360.

[84] ГБЛ, собр. Г. М. Прянишникова, № 61, л. 117.

[85] Послание к Симеону, Ксении Ивановне и Александре Григорьевне: Житие, стр. 261.

[86] ГБЛ, собр. Г. М. Прянишникова, № 61, л. 97 об.

[87] А. К. Бороздин, стр. 71.

вал себе полномочия распоряжаться судьбой патриарха Никона и самого царя: «Я еще, даст бог, преже суда-тово Христова взявше Никона разобью ему рыло ... Да и глаза-те ему выколупаю, да и толкну ево взашей ... А царя Алексея велю Христу на суде поставить. Тово мне надобно шелепами (вид плети, — *А. Р.*) медяными попарить».[88]

Аввакум призывал народ к насилию над духовенством. Если ему самому надлежало, хотя бы в мечтах, расправляться с высшими представителями феодального лагеря — с царем и патриархом, то каждый крестьянин, по его мнению, должен был вступить в реальную борьбу со своим ближайшим врагом — местным «никонианским» священником. С этой целью Аввакум обращался к своим последователям с практическими советами: «Хотя и попа-та, врага божия, в воду-ту посадишь, и ты не согрешишь» (833), «а молебны-те в Москву-реку сажайте» (833), а когда придет поп во двор к крестьянину, «так ты во вратех-тех яму выкопай, да в ней роженья натычь, так он набрушится тут, да и пропадет. А ты охай, около ево бегая, бытто ненароком» (840).

В период напряженной общественно-религиозной борьбы все эти и другие подобные им суждения Аввакума не могли восприниматься его современниками, друзьями и врагами, иначе, как призывы к активному сопротивлению властям церковным и государственным. Проповедь Аввакума отличалась откровенной ненавистью к феодальной верхушке общества. Во всей древнерусской литературе нет другого такого столь резкого и яркого, страстного и прямого, часто персонально конкретизированного, народного по своим идейным позициям обличения высших представителей господствующего класса, какое мы находим у Аввакума.

Антифеодальный характер движения раскола на данном его этапе, выражавшийся нередко в вооруженной борьбе с царскими войсками, так же как и боевой характер проповеди Аввакума как виднейшего идеолога раскола были таковы, что перед Аввакумом, считавшим себя «посланником» самого Христа (405, 419, 829, 836, 863), возникала сложная проблема: каким образом можно сочетать свои призывы к ненависти, борьбе и насилию по отношению к «никонианам» с важнейшей для христианства и столь удобной для феодалов евангельской проповедью необходимости любви даже к врагам своим?

Аввакум неоднократно развивал мысль о том, что по существу «никониане» вовсе не враги ему лично: «Диявол между нами разсечение положил, а оне всегда добры до меня» (53). Иногда он даже предлагал своим сторонникам: «Не станем мы на никониян тех гневатися, но на диявола» (446). В своих отвлеченно-моралистических рассуждениях Аввакум признавал в полном соответствии с христианской догмой, что «божия премудрость» есть «любы, милость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание» (492). Однако все эти принципы христианской морали в конце концов оказывались, с точки зрения Аввакума, никак не применимыми к «никонианам», потому что «никониане», отступив от «старой веры», вообще перестали быть христианами и стали их угнетателями: «Враги они богу и мучители христианом, кровососы, душегубцы» (821). В такой форме в конечном итоге осознавались Аввакумом социальные противоречия его эпохи. Отсюда и следовал категорический вывод Аввакума, предлагавшийся им как наставление ученикам и разрешавший возникшее в ходе борьбы противоречие между стремлением к активному протесту и евангельским требованием смирения: «Своего врага люби, а не

---

[88] В. И. Малышев. Два неизвестных письма протопопа Аввакума. — ТОДРЛ, т. XIV, стр. 420. Ср. вариант: ГБЛ, собр. Г. М. Прянишникова, № 61, л. 97—97 об.

божия, сиречь еретика и наветника душевнаго, уклоняйся и ненавиди, отрицайся его душею и телом; а аще кто не богоборец и не еретик досаждает ти, таковаго любити подобает по господни заповеди ... С еретиком какой мир? Бранися с ним и до смерти» (493).[89] Очень характерно, что для пояснения этих отношений раскольников с «никонианами» Аввакум прямо перенес толкуемую им проблему из сферы религиозной в сферу социальную: «Вонми, — по человеку реку: аще кто друг будет цареву врагу, како может царь того любити? Никакоже. И боляре не станут любить. Такоже и божию врагу кто друг будет, како бог его возлюбит? Никакоже» (820—821).

Становится ясным отсюда, что истолкование данного евангельского завета развивалось Аввакумом субъективно, в характерном для его идеологии направлении деления общества на два враждующих религиозных лагеря («никониане» и «христиане»), а объективно — в интересах народного движения: любить следовало только врага личного — единоверца, а ненавидеть следовало «еретика» — врага общественного.

Социальная направленность этих толкований Аввакума подтверждается и тем интересным обстоятельством, что лагерь «никониан» выдвинул против раскольников точно такие же толкования и в таких же формулировках. Так, патриарх Иоаким писал: «Подобает их (раскольников, — *А. Р.*) весма, яко врагов божиих, ненавидети и милосердия им, яко противникам святыя церкви ... никакоже являти».[90]

*

Социальное значение борьбы раскола в XVII в. с государственной церковью как могучим оплотом феодально-крепостнического строя было немаловажным. Аввакум и его соратники стремились по мере возможности подорвать духовное и социальное влияние господствующей церкви на народ. Негативная сторона их антицерковной проповеди была сильна и выразительна. Аввакум, например, смело бросал обвинение в лицо высшим церковным иерархам: «храм вашего священия подобен разбойничу вертепу!» (970), церковь никонианская похожа на «волчью пещеру, идеже жилище бесом» (822), «никониане», по его мнению, разрушили церковь — «Ну и церковь-ту под гору совсем!» (488).

Русская церковь, как освященное средневековой традицией и бдительно охраняемое государственной властью место «священнослужения», сделавшись «никонианской» церковью, утрачивала в представлениях Аввакума всякое значение. В условиях общественно-религиозной борьбы и жестоких гонений, как писал Аввакум, «коли уж нужа стала, и изба по нуже церковь» (939). Сам Аввакум первым в практике раскола еще в 1653 г., в самом начале никоновских реформ, демонстративно ушел из привилегированной Казанской церкви на московской Красной площади и, многозначительно вспоминая при этом как прецедент «изгнание великаго светила Златоустаго», устроил всенощное богослужение «в сушиле», т. е. в сарае, причем прямо посылал своих сторонников созывать прихожан «от церкви в сушило».[91] В пустозерской ссылке, как писал ближайший друг Аввакума — старец Епифаний, церковью для первоучителей раскола сделалась

---

[89] Н. К. Гудзий. Протопоп Аввакум как писатель и как культурно-историческое явление. «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения». Academia, [М., 1934], стр. 37.

[90] [Иоаким, патриарх Московский]. Слово благодарственное о избавлении церкви от отступников. М., 1683, октябрь (далее: Слово благодарственное), лл. 95—96.

[91] Материалы, т. I, стр. 21, 31.

«земляная» темница: одна темница — «то и церковь, то и трапеза, то и заход».[92] Аввакум красочно описывал в своем «Житии», как он совершал богослужение во время сибирского похода в «полку» воеводы А. Ф. Пашкова, не пользуясь услугами церкви: «А в санях едучи, в воскресныя дни на подворьях всю церковную службу пою, а в рядовыя дни, в санях едучи, пою» (47). Стараясь найти управу на жестокого воеводу, Аввакум «в куст зашед, ко богородице припал» (180). Такие условия многолетних ссылок не только укрепили объективно-отрицательное отношение Аввакума к государственной церкви, но и подготовили субъективную возможность для него в принципе отказаться от церкви как обязательного и «освещенного» места богослужения и перенести это «действо» в народный быт, в любую «избу», «в куст» и т. п. Подобная бытовизация церкви сопровождалась идеологическим тезисом о том, что церковь это «не стены, но человеки» (455). Таким путем создавалось представление, будто бы церковь — это народ, «христиане», следующие «старой вере». Стремление во что бы то ни стало отказаться от церкви государственной возрождало в сознании Аввакума идеализируемые им евангельские и патристические представления о том, что должна существовать только «церковь одушевленная, внутрь твоя красота, еже есть в сердцы твоем. И господь рече: внутрь нас царство небесное» (456); ему казалось, что каждый праведник «веселится, всегда царство небесное имея в себе» (436).

В условиях московского дворянско-крепостнического государства второй половины XVII в., когда догматы церкви были «одновременно и политическими аксиомами»,[93] такие идеологические позиции раскола с точки зрения представителей господствующего класса были равносильны отрицанию церкви вообще, потому что они объективно выражали стремление демократических слоев к духовному обособлению и ослаблению своей зависимости от официально-феодальных форм церковной идеологии. Церковь в эту эпоху выступала «в качестве наиболее общего синтеза с наиболее общей санкции существующего феодального строя»,[94] и поэтому ожесточенная борьба раскола с государственной церковью приобретала социально-политический по своему содержанию и антифеодальный по своей направленности характер.

Тесную связь и взаимную обусловленность социально-политических интересов господствующей церкви и феодального государства вполне понимали современники Аввакума — идеологи этой церкви и полемисты против раскола. Так, архиепископ Афанасий Холмогорский писал: «Ибо в церкви есть видети общий смысл всего народа и государства ... Тамо вси людие архиерейскому руководству и царского величества самодержавству и повелению их последователи».[95] Эта же идея внушалась в увещании к народу от имени патриарха Иоакима: «... во благочестии и в послушании церковном пребывайте и царскому величеству, яко повелевают божественныя писания, повинуйтеся и почитаете».[96] Тут же это рассуждение подкреплялось традиционной формулой «писания»: «Бога бойтеся, царя чтите!».[97] Раскольники же «дерзнуша ... отступлению от святыя церкви учити. И се явно, понеже ради возмущения государства сие сотвориша».[98] Из этого видно, что движение раскола, направленное в первую очередь против госу-

[92] Я. Л. Барсков, стр. 254. Заход — отхожее место.
[93] Ф. Энгельс, стр. 360.
[94] Там же, стр. 361.
[95] Увет духовный, л. 8—8 об.
[96] Там же, л. 74.
[97] Там же. Цитата из первого соборного послания апостола Петра, II, 17.
[98] Там же, л. 88 об.—89.

дарственной церкви, представителями этой церкви расценивалось как движение противогосударственное.

Поэтому иерархи церкви в полемике с расколом стремились доказать, что все церковные установления теснейшим образом связаны с царской властью. Протестуя против раскольничьих представлений о демократической церкви и как бы перекликаясь с приведенными выше суждениями Аввакума, Афанасий Холмогорский писал: «И понеже церковь святая не в кутках устроена и вера православная ... не в кустах утверждается и не от малоумных людей, и чины церкве и благопреданный обычай не в лесу и щелях содержатся и действуемы суть».[99] Но все это, по Афанасию, делается «при царского величества державе и при пастырстве российскаго архиерейства».[100]

Князья русской церкви усматривали опасность движения раскола прежде всего в том, что оно прививало народу в этот период стремление к «самовольной» переоценке существующих общественных и церковных порядков. По этому поводу Афанасий Холмогорский писал так: «Самозаконнии же, и своеобычнии, и самоволнии человецы ... зле творят ... всякая злая вещь от самозаконных злых человек быша и бывают ... Всем убо есть разумно сие, яко кто паде в кий либо грех — самозаконный. Кто брань воздвиже — самозаконный. Кто смущение и в людех крамолу сотвори — самозаконный и своеволный ... И кто святую церковь презирает и ей не покоряется — все самозаконный».[101] В этой характеристике раскола, как видим, тесно переплетаются и объединяются мотивы социально-политического и церковного «своеволия». Такую же опасность антицерковных действий раскольников, осуществляемых ими «по своей воле», отмечал Игнатий Тобольский; они, по его словам, ругают церковь «в бесновании своем и по своей воли, якоже кому похотелося есть, тако святую православную христианскую веру и ругают, и по своей воли, что хотят, все творят злое».[102] «Кто суть ругатели, — вопрошал Игнатий, — и по своей воли, кроме церковного предания ходящши, аще не они ... и кто суть ложнии учители, сиречь сами ся поставиша во учители, не имуще нецие мало причетническаго достоинства...?».[103]

Сильвестр Медведев оставил в своих воспоминаниях живые картины того, как на практике в 1682 г. проявлялось такое «своеволие». «Раскольники, — писал он, — такое дерзновение взяли, невежды ничтоже знающие и грамоте не умеющие, по улицам и по площадям в царствующем граде Москве, яко некакие проповедники ходяще, людей простых учили: чтобы люди в церковь святую не ходили, всякия святыни от церквей и молитв от священников не принимали, будто вся церковь осквернена».[104]

По словам Афанасия Холмогорского, раскольники «рекоша: несть веры в российской церкви».[105] В 1682 г., сразу же по воцарении Иоанна и Петра, как писал Афанасий, произошла новая вспышка движения раскола: «...паки ненаказаннии ... злии раскольницы возбеснеша. Паки ис кустов и от ветров их же собра сатана на непорочную церковь».[106] Раскольники вновь «глаголаша и писаша: не ходи в церковь, не кланяйся иконам, не

---

[99] Там же, л. 72 об.
[100] Там же, л. 73.
[101] Там же, л. 3—3 об.
[102] Игнатий Тобольский, стр. 33.
[103] Там же, стр. 31.
[104] [И. Сахаров]. Записки русских людей. СПб., 1841, Записки Сильвестра Медведева (далее: С. Медведев), стр. 18.
[105] Увет духовный, л. 65 об.
[106] Там же, л. 54.

приемли никаких святынь и молитв от церкви ... несть нигде на свете благочестивыя веры, ни в Греции, ни в коих странах, ниже во всей Российской державе, несть нигде чистыя церкве».[107] По мнению Афанасия, «откели же прият ... российская земля святое крещение, тому лет седьмьсот, таковых явных мятежников, и отступников, и хульников на святую церковь ... не бывало».[108]

Патриарха Иоакима особенно тревожила развивавшаяся в такой обстановке неслыханная свобода и бесстрашие народных суждений. Раскольники, как он писал, «богохульныя словеса свободными гласы без всякого страха глаголаху и церковь святую не церковь нарицаху».[109] Афанасий Холмогорский писал, что раскольники «прелестным басням» учили «без всякаго страха и опасения».[110] Такую же оценку действиям раскольников давал Игнатий Тобольский: по его словам, Никита Пустосвят с товарищами в Москве на Лобном месте «кричаху к народу и вредословяще православную нашу веру без всякаго страха».[111]

Индивидуальный протест раскольников против государственной церкви часто приобретал характер буйный и самоотверженный. Епископ Питирим в 1721 г. выразительно описывал обычные случаи такого протеста: «... егда кого от таковых противников приводяху пред патриарха, или пред архиереа, или пред иереа и повелеваху ... целовати евангелие ... тогда онии развращении, яко бесноватии, яко идолопоклонницы, на патриарха, и на архиереа и на попа ... плюваху, браняху, порицаху антихристом, тако плюваху на евангелие, и на крест, и на иконы и прочия вся святая таинства различно безчестили и ругали».[112] Точно такие же акты раскольничьего «бунта» почти за полвека до Питирима описывал Аввакум, но он, разумеется, оценивал их как высокие подвиги: «И егда тех людей имают звери, никонияне-кровососы, и во грады, и в приказы приводят, и от мучителей искушаемы бывают, велят им, рабом божиим, во церквах и в приказах поклонятися иконам, они ж диявола и их, угодников дияволских, никониян не тешат, не кланяются иконам и твердо стоят до смерти мучими и биеми: сице зело, зело творят добре и правилне» (891). Поэтому не случайно тот же Питирим указал и источник описанного им сопротивления раскольников. Обращаясь к раскольникам своего времени, он писал: «и от такого возмущения и учения еретиков и возмутителей, от Лазаря, от Никиты..., от Аввакума и от прочих им подобных ... и до вас всех разных толков дойде».[113]

Протест раскола против государственной церкви запечатлелся в образных народных речениях. Еще в 1653 г. ученики Аввакума говорили: «и конюшня-де иные церкви лучше».[114] Эти представления оказались устойчивыми: в 1682 г. Никита Пустосвят «с товарищами», по свидетельству Сильвестра Медведева, «церкви называли хлевинами и анбарами и иными непотребными словами»,[115] а по словам патриарха Иоакима называли их «простыми хraминами и конскими стоялищи»,[116] по Афанасию Холмогорскому — «простыми храминами и анбарами и хлевами» или «простыми

[107] Там же, л. 54 об.—55.
[108] Там же, л. 242 об.
[109] Слово благодарственное, л. 43.
[110] Увет духовный, л. 58.
[111] Игнатий Тобольский, стр. 152.
[112] Пращица духовная. СПб., 1721, л. 408.
[113] Там же.
[114] Материалы, т. I, стр. 31.
[115] С. Медведев, стр. 20.
[116] Слово благодарственное, стр. 39.

храминами и хлевинами»; [117] Питирим также жаловался на то, что раскольники «наименовали бо святую церковь конским стоялищем, овощным хранилищем и вавилонскою блудницею».[118] Дмитрий Ростовский не только повторял слова о том, что раскольники называют церкви «пустыми храминами и хлевами»,[119] но и пытался в меру своих знаний проследить истоки этих антицерковных идей в русских реформационных движениях прошлого: «...разве токмо некия ереси мало проявляхуся и хуляху церкви святыя, простыми их храминами и хлевами нарицающии, какови бяху от Пскова стриголники ... от великаго же Новаграда новии жидове, а ныне тации суть брыняне (раскольники, — *А. Р.*) хулители церквей божиих, учащие народ не приходити к церквам на молитву».[120]

*

Для социально-политической оценки идейной позиции Аввакума и современного ему движения раскола большую ценность представляют те характеристики этого движения, которые на протяжении многих лет давались ему в печати его крупнейшими идейными противниками — защитниками интересов государственной церкви и царской власти. Эти характеристики не были неизменными, их социальное содержание постепенно углублялось, а полемический накал возрастал по мере развития самого движения раскола и вызванной им общественной борьбы.

Первоначально оценка раскольников со стороны иерархов церкви носила несколько отвлеченный характер: они осуждались как «невежды», не способные понять всей мудрости и целесообразности реформ патриарха Никона. Первым в печати такое мнение выразил Епифаний Славинецкий.[121]

В этот период, действительно, споры вокруг только что начавшихся реформ Никона носили внутрицерковный обрядово-богословский характер и социальные основы протеста против них оставались скрытыми от самих его носителей.

Такая характеристика раскола со стороны правящих феодальных кругов продолжала в основном держаться и на соборе 1666—1667 гг., в оформлении материалов которого принимал непосредственное участие Симеон Полоцкий. Созванный царем Алексеем Михайловичем этот «святой» собор, а по оценке Аввакума — «лукавая сонмища» (275), с прибытием в Москву двух «вселенских» патриархов Паисия Александрийского и Мелетия Антиохийского, ряда греческих митрополитов и епископов и всех крупнейших иерархов русской церкви, был таким представительным церковным собранием, какого никогда не бывало в России ни до него, ни впоследствии. В опубликованном в 1667 г. в составе «Служебника» и распространенном по всем русским епархиям соборном «Свитке» были всенародно объявлены имена преданных проклятию, но смело стоявших на своем вождей раскола: «...а та клятва и проклятие ... возводится ныне точию на Аввакума, бывшаго протопопа, и на Лазаря попа, и Никифора, и Епифанца чернца соловецкаго, и Феодора диякона, и на прочих их единомысленников и со-

---

[117] Увет духовный, лл. 12 об., 142.

[118] Пращица духовная, л. 11.

[119] Дмитрий Ростовский. Розыск о раскольнической брынской вере, л. 94. Еще раньше Дмитрия Ростовского попытки установить подобные истоки еретических взглядов раскольников предпринял Игнатий Тобольский (Игнатий Тобольский, стр. 165—166 и др.); данная проблема требует специального изучения.

[120] Дмитрий Ростовский. Розыск о раскольнической брынской вере, л. 96.

[121] Скрижаль. М., 1655, стр. 13—14, 15.

ветников их, дондеже пребудут в упрямстве и непокорении».[122] Публикация этого приговора, а в особенности последовавшие за ним казни и ссылки осужденных во многом способствовали популяризации этого движения.

Но собор не только проклял всех раскольников и предал «градскому суду» их виднейших представителей. Он твердо решил оградить все новые церковные установления, отвечавшие социальным и идеологическим интересам господствующего класса, от обсуждения и критики их со стороны представителей демократических слоев общества. Поэтому официальное решение собора декларировало идею о том, что вопросы веры составляют привилегию людей избранных. В частности, по поводу книги «Скрижаль», оправдывавшей никоновские реформы, в соборном «Свитке» говорилось: «Не всякому человеку прилично есть такую богословную книгу прочитати, токмо искусным таинственником, и ученым, и разумнейшим подобает такую книгу имети и прочитати. Невежди же, аще будут прочитати, то неискуством своим и неучением разум свой токмо будут потопляти и постраждут, яко же пострада и Никита поп, Лазарь, Аввакум и прочии невежди».[123]

Эти позиции идеологического аристократизма, ярко воплотившиеся в метафорическом образе «потопления» невежд-раскольников в богословских глубинах, впоследствии еще настойчивее отстаивал Симеон Полоцкий в своем противораскольничьем «Слове о писании божественном».[124]

Возвращаясь к решениям собора 1666—1667 гг., заметим, что в соборном «Свитке» в отличие от той абстрактной характеристики раскола, которая была дана Епифанием Славинецким, появляется новая мысль, содержащая оценку этого движения как движения социального и прежде всего антицерковного. Эти «невежды», как сказано в «Свитке», «возмутиша народ буйством своим и глаголаша: церкви быти не церкви, архиереи не архиереи, священники не священники, и прочая их таковая блядения».[125] В такой форме было впервые выражено основное противоречие между расколом и церковной властью, а через нее и властью государственной.

Эта последняя формула («церкви быти не церкви...») через пятнадцать лет, по мере развития движения раскола, получила новое и весьма существенное политическое и социальное видоизменение. В июле 1682 г., во время знаменитого «спора о вере» между руководителями государства и церкви,[126] с одной стороны, и руководителями раскола во главе с Никитой Пустосвятом, с другой, царевна Софья прервала чтение раскольничьей челобитной и сама раскрыла тот политический характер взглядов раскольников, который выражался в упомянутой, внешне будто бы только церковной формуле. «София же царевна разгневася, — писал участник дискуссии Савва Романов, — и скочи с престола, и нача со слезами глаголати: „Аще ли Арсений (Арсений Грек, — *А. Р.*) и Никон патриарх еретики, то и отец (царь Алексей, — *А. Р.*) и брат наш (царь Федор, — *А. Р.*) таковыя же были, такожде и нынешния цари — не цари (Иоанн и Петр, — *А. Р.*), и патриархи — не патриархи, и архиереи — не архиереи суть. Мы сея хулы нетерпим слышати, пойдем вси из царства вон“».[127] Важно отметить, что

[122] Служебник с соборным свитком. М., 1667, ноябрь (далее: Служебник), л. 13 об.

[123] Там же, л. 13.

[124] Симеон Полоцкий. Вечеря душевная. М., 1683, Приложения слов на различныя нужды, лл. 4—4 об., 5 об.

[125] Служебник, л. 1 об.

[126] На этом собрании присутствовали царица Наталья Кирилловна, царевны Софья Алексеевна, Мария Алексеевна, Татьяна Михайловна, ряд бояр и князей, патриарх Иоаким, 11 митрополитов, 6 архиепископов, 2 епископа и другие представители государственной церкви.

[127] Три челобитные, стр. 124—125.

выдвинутое расколом, в частности и Аввакумом, обвинение всей государственной церкви, патриархов и самих царей в еретичестве было понято руководителями государства в плане политическом и, по существу, привело участников движения к необходимости прямого выбора: либо полного подчинения церковной и царской власти, либо полного разрыва с ней.

Политические оценки раскола еще более развиваются в печатных сочинениях патриарха Иоакима и архиепископа Афанасия Холмогорского. Патриарх Иоаким в своем «Слове на Никиту Пустосвята» не вступал с раскольниками ни в обрядовые, ни в догматические споры. Для него гораздо важнее было подвергнуть разоблачению и критике политический характер их деятельности. Поэтому в его писаниях и характеристика «невежд», посягнувших на прерогативы господствующей церкви, становится еще более определенной, чем раньше. По словам Иоакима, «раскольники» прежде всего «в безумных своих письмах укоряют и безчестят, во-первых, благочестивых наших царей, блаженныя памяти ... Алексея Михайловича и сына его ... Феодора, такожде преждниих святейших Никона, Иоасафа, Питирима патриархов ... и ныне нашу мерность (т. е. самого Иоакима, — *А. Р.*), и всех архиереев ... и называют всех еретиками, яко не нам точию противятся, но самому богу».[128] Для Иоакима, как и для других князей церкви, проблема раскола была в первую очередь связана с проблемой сохранения своей власти. Существенно было то, что раскольники «уже в церкви хотят чины уставляти, им же не вверится правление, управляти тщатся и поносят и нас укоряют».[129] Если же «простолюдин, сиречь, простой человек», как писал Иоаким, укоряет священника — «да есть анафема», «невеждам» нельзя «чинов и указов . . . уставливати».[130] Создавшееся в государстве положение Иоаким признавал серьезным. При этом он различал интересы государственной власти и церкви, с одной стороны, и интересы движения раскола, с другой: «А се уже яко бы в нашей церкви и в великом государстве несть начальника, что из лесу и ис кустов приходяще враги божии, не имуще чем кормитися ... беззаконию и от церкви отступлению учат».[131]

Если во время собора 1666—1667 гг. речь шла о недопущении «невежд» к толкованию реформ Никона и богословских проблем вообще, то теперь, в 1682 г., руководителям государственной церкви приходилось принимать суровые меры против стремлений раскольников вмешаться в дела церковной администрации и политики. Афанасий Холмогорский старался доказать незаконность этих претензий раскольников. «Почто всуе мятетеся, — писал он в «Увете духовном», — почто, о, злии, беснуетеся, почто прельщаете народ? Несть ваше разумение сие, несть ваше во святей церкви чины уставляти, яко в сие не призываетеся. Почто хощет кто воеводствовати учинен в воех?».[132] Стараясь отстаивать нерушимость сословных границ феодально-крепостнического общества, Афанасий опирался на авторитет легендарного апостола Павла, поскольку в эту эпоху в России библейские тексты все еще сохраняли «силу закона».[133] Он отметал попытки раскольников «чины уставляти» и писал: «Довольно убо всякому и в своем звании пребыти, по святому апостолу, в нем же кто призван бысть, в том

---

[128] Иоаким, патриарх Московский. Слово на Никиту Пустосвята. Пространная редакция. М., 1682, июль, лл. 5 об.—6.

[129] Там же, л. 24 об.

[130] Там же, лл. 24 об., 29 об.

[131] Там же, лл. 29 об.—30.

[132] Увет духовный, л. 246 об.

[133] Ф. Энгельс, стр. 360.

да пребывает».[134] На этой основе Афанасий грозил расколу: «Аще кто во ино служение не зван подымает гордостный рог, сломит его господь бог вскоре».[135] Но больше он надеялся на власть царя, который «не токмо бо вредословцем и возмутителем тщетно возносимыя на ню (церковь, — *А. Р.*) гордостным бесованием ломит роги, но и текущия на зло ноги».[136]

Афанасий требовал суровых наказаний раскольникам, и такое отношение к этому движению вызывалось достаточно ясным с его стороны пониманием его противоправительственного характера. По словам Афанасия, царь Алексей Михайлович «разжегся ревностию» на раскольников, потому что именно ему пришлось быть первому от них, «от новоявльшихся душепагубных волков Никиты, Аввакума, Лазаря и прочих ... хулиму, попираему и уничижаему».[137] Патриарх Иоаким писал, что раскольники «на святую церковь божию и на благочестивых наших царей ... непрестающе глаголют хулы и пишут».[138] Эти формулировки вполне отвечают тому политическому объяснению казни Аввакума, Лазаря, Епифания и Федора, записанному А. А. Матвеевым, который сам со своим отцом А. С. Матвеевым, незадолго до их сожжения, вернулся в Москву из пустозерской и мезенской ссылки: «За великия на царский дом хулы сожжены были».[139]

Афанасий Холмогорский, вслед за своим другом патриархом Иоакимом, не без волнения писал о создавшемся в государстве положении: «Всяк же да разумевай сие, како подобает в мире сем жити ... царям ли подобает повиноватися или за мужиками безумными гонятися, презрев их. Пастырям ли истинным послушание лучши отдавати, или бесноватым тайничищным врагам внимати?».[140] Содержание этого вопроса фактически развивало ту же мысль о непримиримых социальных противоречиях между расколом и феодально-крепостнической властью, которая, как мы видели, была высказана царевной Софьей.

Для социальной характеристики движения раскола, как и для оценки общественной позиции Аввакума, очень показательны те общие характеристики движения раскола, участников этого движения и образа их действий, которые давались в полемических и официозно-пропагандистских сочинениях защитников государственной церкви.

Уже в соборном «Свитке», как мы видели, указывалось, что раскольники «возмутиша народ».[141] Обличая учение «проклятаго псейдопророка Аввакума» [142] и его товарищей, «с ними же и простии невежди»,[143] Игнатий Тобольский указывал на «всенародный» характер их пропаганды: «Тогда восташа проклятии ... протопопы Аввакум и Григорий Неронов, и попы Лазарь и Никита Пустосвят, и диакон Феодор... и всенародне вопияху, кричаще и учаще, яко за истину, рече, мы стоим».[144]

О народных «колебаниях» многократно сообщают и обличительные памятники, направленные против восстания стрельцов и раскольников

---

[134] Увет духовный, л. 246 об.; ср. первое послание апостола Павла к коринфянам, VII, 24.
[135] Увет духовный, л. 246 об.
[136] Там же, л. 6 об.
[137] Там же, лл. 46 об.—47.
[138] Слово благодарственное, стр. 94—95.
[139] [И. Сахаров]. Записки русских людей. СПб., 1841, Записки Андрея Артамоновича графа Матвеева, стр. 38.
[140] Увет духовный, лл. 71 об.—72.
[141] См. прим. 156.
[142] Игнатий Тобольский, стр. 168.
[143] Там же, стр. 90.
[144] Там же, стр. 106—107.

1682 г.[145] Рассматривая движения раскола конца XVII—начала XVIII в. в недалекой исторической перспективе, младший современник этой эпохи нижегородский епископ Питирим многократно подчеркивал, что именно «от Аввакума и Никиты, и от прочих таковых ... всенародный мятеж происходит ... они вси таковому всенародному и душепагубному смятению вина». «Возмутители Аввакум, Федор, Никита, Епифаний и прочии, — писал Питирим, — великороссийскую церковь всуе и весма ложно оклеветаша перед простейшими человеки». Эти «мятежетворци» привели «множайших» и даже «весь народ в болшее непокорство и преслушание».[146]

Значительный интерес представляют взгляды защитников государственной церкви на характер раскольничьей проповеди в народных массах. Церковные идеологи стали замечать, что раскол пробуждает в народе «сладкие» для него толки. Поэтому Симеон Полоцкий с возмущением писал о возникавших повсюду народных богословских спорах: «Не тако ли у нас ныне деется? Разглагольствуют ныне о богословии мужие, разглагольствуют и отроцы, беседуют в лесах дивии человеци, препираются и на торжищах скотопродателие, да не реку в корчемницах пиянии. На последок и буия женищца словопрение деют безумное, мужем своим и церкви пререкающе».[147] По описанию Афанасия Холмогорского, раскольники, «яко псы беснии, не токмо по дворах тайно, но уже, с буестию проклятою по улицах, по торжищах, по корчмах, пьянствующе по погребах, людей божиих ядометными своими словесы прельщаху».[148]

Если представители господствующей церкви протестовали против подобных споров в народе, то Аввакуму они, напротив, казались законными поисками «правды»: «А что противятся друг другу, — писал он своим последователям, — пускай так! Тамо истина и правда болши сыскиваются» (822); «Грызитеся гораздо! Я о том не зазираю. Токмо праведне и чистою совестию розыскивайте истинну» (823).

Картина бурных народных богословских споров вполне отвечала обычному поведению самого Аввакума и его ближайшего окружения. Аввакум до своего заключения, как он писал, постоянно «на торгах кричал» (43). Церковные власти упрекали Аввакума, «бутто он, протопоп, ходячи по улицам и по стогнам градским развращает народы, уча, чтоб к церквам божиим не приходили».[149] Бывший никоновский патриарший подьяк Федор Трофимов в своем покаянном свитке, поданном властям после собора 1667 г., тоже писал о своих рассуждениях на «торгах»: «...когда нужди ради домовыя выходил на торги и без нужди, согреших много, невежда сый и неук, каковы где от кого принимая разсуждения книжным словом, яже о Христе ... и в том ... прошу прощения».[150]

Симеон Полоцкий упоминал в своих поучениях об отроках и женщинах, принимавших участие в спорах. Достаточно вспомнить в этой связи сына Аввакума, восьмилетнего Афанасия, который отстаивал завещанное отцом двуперстное знамение и на угрозу воеводы посадить его в темницу смело «супротив рек: силен-де бог, — не боюся!» (923). Жена Аввакума, дочь деревенского кузнеца Анастасия Марковна, с детьми постоянно укрепляла своего мужа в его борьбе: «О нас не тужи ... обличай блудню еретическую!» (43); а княгиня Евдокия Урусова оставила царский двор,

---

[145] Там же, стр. 147; Слово благодарственное, лл. 37, 39, 44—45, 48—49, 52—53.
[146] Пращица духовная, лл. 12 об., 15, 393, 407 об., 409.
[147] Симеон Полоцкий. Вечеря душевная, л. 5—5 об.
[148] Увет духовный, л. 54 об.
[149] Материалы, т. I, стр. 199.
[150] Там же, стр. 443.

мужа и страстно любимых ею детей ради той же неравной, но непримиримой борьбы.

Участие в раскольнических «беседах» «простых мужиков» и «баб» многократно отмечалось обличителями и в более позднее время. Из приведенных нами материалов было уже видно, как руководители государственной церкви или ее идеологи, выражая свое глубочайшее презрение по адресу раскола и его вождей, постоянно давали им очень выразительную и устойчивую характеристику: это были, по их словам, «простии невежи», «неискусные» или «некнижные мудрецы», «простолюдины», «мужики», «простые мужики», «простой народ» и т. п. Однако особенно показательными были все эти характеристики, как бы собранные воедино, в основном церковно-апологическом сочинении этого времени — «Увете духовном», написанном Афанасием Холмогорским, но изданным для придания ему наивысшего авторитета от имени самого патриарха Иоакима. «Увет» повсеместно рассылался для «многократного» прочтения его народу[151] и получил образную оценку в царской грамоте Иоанна и Петра: «яко изрядный преизрядного врача пластырь, болезнь отгоняющий».[152] По словам «Увета», «раскольники, живущие по кустам, по лесам и по дворам, всякого чина люди духовного и мирского» (л. 56 об.),[153] они и сами «простолюдины» (лл. 88 об., 100) и «простой народ прельщаху» (лл. 1, 13, 69 об.), они хотят «возмущати своим пронырством простой народ» (л. 92 об.), учат «на соблазны простым людем» (л. 93 об.), «души народов возмущают лжею» (л. 243). С ними заодно «самые худые люди и ярыжныя» (лл. 58, 63 об.), «невежди-миряне и неуки» (л. 63 об.). Раскольники, по «Увету», — «невегласи суще и простии невежди» (л. 13 об.), «бесноватыи неуки» (л. 87 об.), «неуки-простаки непосвященныи» (л. 88 об.), они «последуют простым неукам» (л. 83 об.), им свойственна «простых мужиков буесть» (л. 86), поведение «грубых мужиков» (л. 64 об.), «безчинныя кличи глупых мужиков» (л. 68 об.). Их деятельность — «сия дела не глупых ли мужиков и воров?» (л. 86 об.).

Все эти наглядные характеристики раскольников полностью соответствуют тем демонстративно-полемическим оценкам, которые обычно Аввакум давал самому себе: «несмыслен гораздо, неука человек» (66), «глуп ведь я гораздо» (576, 932), «аз же ... некнижен сый» (887), «я ведь не богослов» (929), «простец человек и зело исполнен неведения» (548), «человек нищей, непородной и неразумной» (926), «какой я философ, грешный человек, простой мужик».[154]

Внутренний идейный смысл этих автохарактеристик Аввакума заключался в том, что они, с одной стороны, ставили его в один ряд с широкими кругами ненавистных иерархам церкви, но близких ему и по духу и по быту русских «мужиков», а с другой — они же как бы роднили его с сонмом русских святых, которых «никониане», как он писал, тоже «называют неуками» (902). Участники собора 1666—1667 гг. «блевать стали на отцев своих, говоря: „Глупы-де были и несмыслили наши русские святыя, не учоные-де люди были, — чему им верить? Оне-де грамоте не умели“» (59). И действительно, для оправдания своих церковных преобразований руководители государственной церкви начали обвинять в «невежестве» не только своих современных противников — вождей раскола, но и старые русские церковные авторитеты. «Деяния» собора 1666—

---

151 АИ, т. V, стр. 155.

152 ДАИ, т. X. СПб., 1867, стр. 131.

153 Увет духовный, л. 56 об. (Далее листы указываются в тексте в скобках).

154 ГБЛ, собр. Г. М. Прянишникова, № 61, л. 81 об.

1667 гг. официально мотивировали свое осуждение прежних установлений Стоглавого собора (1551 г.) тем, что они были приняты якобы «простотою и невежеством ... зане той Макарий митрополит, и иже с ним, мудрствоваша невежеством своим безразсудно».[155]

Эта аристократическо-пренебрежительная позиция руководителей церкви по отношению к отечественной церковной традиции и, одновременно, по отношению к расколу была блестяще использована Аввакумом, для того чтобы полемически противопоставить ей свою демократическую позицию «обличителя», укрепив ее не только ссылками на авторитет русских святых, но и на непререкаемый для того времени авторитет «писания». Аввакум получил возможность прямо применить к себе слова легендарного апостола Павла о том, что он «невежда словом, но не разумом» (67).[156] Сознательно присваивая себе обращенные против него и других вождей раскола суждения князей церкви как о людях «простых» и «некнижных», Аввакум подразумевал всем известную в его время христианскую легенду о том, что древние апостолы точно также осуждались израильскими первосвященниками и светской знатью, считавшими, в частности, апостола Петра, «яко человека некнижна еста и проста».[157]

На этой основе все те качества и признаки, которые применялись князьями церкви к расколу как к народному движению и казались им весьма унизительными, Аввакум провозгласил своими основными достоинствами. Он писал о себе: «Не учен диалектики, и риторики, и философии, а разум Христов в себе имам» (67). С другой же стороны, имея в виду своих идейных противников, Аввакум считал, что «ритор и философ не может быть християнин» (547). Эта идейно-полемическая позиция Аввакума определила и его литературно-эстетическую позицию. Возводя в один из принципов своей веры «простоту» и кажущуюся «некнижность», Аввакум начал активную борьбу за милый его сердцу и всей его демократической читательской аудитории «русской природной язык» (151) и «просторечие» (151), против «красноречия» (151) и «многоречия красных слов» (821). Это свидетельствовало о свойственном ему и совершенно новом для древнерусской литературы представлении о народной речи как литературно-эстетической норме. Такое представление появилось у Аввакума как прямое следствие и ответвление его многолетней борьбы с идеологами господствующей церкви, которые при помощи принесенного с Запада школьно-церковного «витийства» старались оттеснить «неуков» и «мужиков» от участия в обсуждении идеологических проблем своего времени.

*

Изученные материалы показывают, что пятнадцатилетняя история борьбы с расколом (1667—1682 гг.), а отчасти и последующий за ней период до конца XVIII в., по мере демократизации этого движения привела его противников к необходимости пополнить свои первоначальные представления о раскольниках как о богословах-«невеждах» суждениями о них как о «мужиках», дерзнувших открыто противопоставить свои взгляды и стремления установлениям царской и церковной власти. В ходе этой борьбы происходило постепенное раскрытие окутывавшей ее идеологию «религиозной оболочки», сопровождавшееся вытеснением понятий бого-

---

155 Материалы, т. II. М., 1876, стр. 221.
156 См. второе послание апостола Павла коринфянам, XI, 6.
157 Деяния апостолов, IV, 13.

словско-этических понятиями социально-политическими. Острота общественной обстановки была такова, что правительственные круги поставили перед подданными государства вопрос о необходимости выбора между «царями» и «мужиками». Борьба раскола с государственной церковью расценивалась в это время как борьба противогосударственная, как «возмущение» народа. Раскольники, думавшие о том, что они только защищают «старую веру», оказались объективно в положении «развратников общества», под влиянием которых всколебалось «народное море».

Все эти события и кипевшая вокруг них полемика, по свидетельству современников, были тесно связаны с деятельностью, взглядами и творчеством Аввакума, для которого идеи религиозного, социального и литературного «бунта» сливались в «творение добрых дел» (1,155) как единого дела всей его жизни.

Аввакум прошел длинный и тяжелый путь от деревенского поповича — «голубятника» (775), а затем столичного протопопа, которого сам царь и бояре принимали, «яко ангела божия» (44), до «нагого» (248, 365 и др.), сидящего «под спудом» (809, 813) «обличителя» (820, 953), в конце своего бурного житейского «плавания» (10, 250, 365 и др.) знаменательно сказавшего о себе: «Я ... простой мужик».[158] Литературно-полемический протест Аввакума против «никониан» — духовных и светских феодалов питался антифеодальными устремлениями крестьянского движения раскола и сам в свою очередь вдохновлял это движение, доходившее в ряде случаев до упорной и многолетней вооруженной борьбы с царскими войсками. Этот протест был замечен современниками, и значение его было оценено по достоинству. Если идеологи господствующего класса в своих печатных сочинениях почти не обращали внимания на возмущение стрельцов и на попытку И. А. Хованского совершить дворцовый переворот, расценивая, очевидно, эти события как локально-придворные, то по отношению к расколу они заняли совсем другую позицию. В этот период они всецело были заняты яростным опровержением раскола, как движения, глубоко связанного с основными социальными и идеологическими противоречиями эпохи и опасного для дворянско-феодального государства.

---

[158] См. прим. 220.

О. А. ДЕРЖАВИНА

Перспективы изучения переводной новеллы XVII в.

Всем исследователям культуры древней Руси хорошо известно, какое большое место стали занимать в нашей литературе, особенно начиная с XVII в., переводные произведения, в частности сборники переводной новеллы.

Рукописные сборники, хранящиеся в библиотеках нашей страны, указывают на широкую популярность этой литературы среди русских любителей книги. Она привлекала их богатством содержания, разнообразием увлекательных сюжетов, восходящих как к западной, так и к восточной литературе.

Богатый материал переводной литературы не раз привлекал внимание исследователей, однако они обращались большей частью к повести и роману.

Сборники переводной новеллы изучены мало. Несмотря на то что «Римские деяния», «Повесть о семи мудрецах», сборник фацеций и «Великое Зерцало» представлены в наших книгохранилищах достаточно большим количеством списков, они еще далеко не достаточно изучены. Сборники не описаны, не сопоставлены друг с другом, их содержание не выяснено. Описание списков должно быть проведено в первую очередь. В частности, требуется серьезная и неотложная работа над рукописями сборника «Римские деяния», хранящимися в библиотеках Советского Союза. Последнее исследование об этом сборнике вышло за рубежом,[1] но его автору неизвестны русские списки сборника. Анализ их, произведенный советскими учеными, должен дополнить и уточнить выводы зарубежного исследователя.

Как показала работа над сборником фацеций, детальное изучение русских списков позволяет сделать ряд интересных выводов, установить отношение русского текста к польскому оригиналу, количество и время появления переводов, среду, где распространялась переводная новелла, а отчасти — по отбору рассказов и по их обработке — и определить ту роль, которую играла переводная новелла в русской жизни.

Произведения, вошедшие в сборники переводной новеллы, очень разнообразны по своему характеру: это или занимательные повести, иногда, как в «Повести о семи мудрецах», объединенные одним сюжетом, или веселые, в ряде случаев нескромные анекдоты — фацеции, или рассказы нравоучительного или, как в «Великом Зерцале», церковно-назидательного характера.

Несмотря на такое разнообразие, сборники переводной новеллы нельзя изучать изолированно друг от друга, так как мы часто встречаем в них не только однородные, но и одни и те же рассказы. Так, в сборник фацеций попали некоторые рассказы из «Римских деяний» и «Великого Зерцала» (см. рассказ «О кравшем репу у старца» и подобный ему «О пекшем яйцо на свечке»); с другой стороны, в «Великом зерцале» мы находим анекдоты,

[1] Е. Прохазкова. Gesta Romanorum. Прага, 1959 г.

восходящие к сборнику фацеций (таков рассказ об упрямой утонувшей жене, о том, как черт с помощью бабы поссорил мужа с женой; наконец, в «Зерцале» читается и повесть о добродетельной жене плотника, посрамившей старуху-сводню). Из этого напрашивается вывод, что сборники переводной новеллы должны рассматриваться в непосредственной связи друг с другом — это разные грани одной и той же работы.

Работа над переводными повестями и рассказами требует обязательного обращения к подлиннику, к тексту, с которого был сделан перевод. Чаще всего это старопольские издания, с которых в XVII в. преимущественно переводилась беллетристическая и нравоучительная литература и с которых были сделаны переводы вышеназванных сборников.[2]

Сличение текстов русского и польского дает возможность уточнить, с какого именно польского издания был сделан перевод, и выяснить принципы, которыми руководился русский переводчик. Мы видим, что переводчик, как правило, переводит текст не совсем точно, частично просто излагая рассказ. В более ранних переводах обычно много польских слов, которые были понятны русскому читателю, поэтому лишь местами они поясняются переводчиком. В поздних переводах польские слова исчезают, вносятся русские выражения, русские бытовые черты.

Но это не все: в ряде случаев работа над текстом вносит ясность и во взаимоотношение польских изданий. Как пример приведу наблюдения, которые удалось сделать, работая над сборником фацеций.

У нас наиболее известен польский сборник фацеций 1624 г., переизданный в 1903 г. А. Брюкнером. С ним обычно и сопоставлялись русские списки фацеций. Но, просмотрев присланные мне микрофильмы, а также польские издания фацеций, которые хранятся в Львовской библиотеке и в ЦГАДА (собрание Типографской библиотеки), пришлось сделать вывод, что наши переводчики пользовались не изданием 1624 г., а иным. Издание 1624 г. стоит обособленно среди прочих польских изданий фацеций: среди просмотренных датированных и недатированных экземпляров нет ни одного, полностью совпадающего с ним. В издании 1624 г. шесть частей, называемых здесь «трактатами», в ряде других сборников, в частности в Львовском и Типографском, очень близких друг к другу, их пять: нет последнего раздела «О глупых людях». В русских списках рассказы не делятся на разделы. Выделен только один — в польских изданиях пятый раздел — «О женских хитростях», который помещается обычно в конце русских сборников фацеций и часто дополняется повестями, взятыми из других источников. В начале русских сборников мы находим рассказы из первых четырех разделов, но они расположены не по разделам, а произвольно. Ни одного рассказа из шестого раздела в русских списках нет. Нет и тех рассказов, которые введены в издание 1624 г. и которых нет в других польских изданиях. Таким образом, надо думать, что в руках русского переводчика было не издание 1624 г., а иное, состоящее из пяти разделов, подобное тем, которые хранятся в Львовской и Типографской библиотеках. Сравнив эти издания с изданием 1624 г., приходим к выводу, что, хотя они и относятся к XVII в. и вышли, по-видимому, позже 1624 г., они повторяют издания более ранние, возможно еще XVI в., и не обнаруженные в Польше польскими учеными. Сличая текст, приходится при-

[2] К сожалению, старопольские издания представлены у нас лишь единичными экземплярами, которые не всегда легко разыскать. Знакомство с ними на их родине также не всегда возможно. Значительно облегчает дело обмен микрофильмами, который удается наладить с польскими библиотеками. Только таким путем оказалось возможным познакомиться с несколькими польскими изданиями фацеций и сравнить их с теми, которые находятся у нас.

знать, что первые польские издания заключали в себе только пять разделов. Впоследствии часть новых изданий повторяла эти первые без существенных изменений (см., например, издание 1650 г.), другая же часть представляла собой новый вариант, где сборник был дополнен шестым разделом и в значительной степени переработан издателем. Таким образом, сборники, содержащие пять разделов, должны представлять для исследователя бо́льший интерес, так как они стоят ближе к первым изданиям фацеций. Издание 1650 г. показывает, что интерес к фацециям на Западе наблюдается еще в середине XVII в.

Изучая переводную новеллу, исследователи в прошлом обычно ограничивались указанием, откуда заимствован или к чему восходит тот или иной сюжет. По изучению идейного содержания новелл, входящих в сборники, в сущности, почти ничего не сделано. В то же время они очень разнообразны по характеру и преследуют самые различные цели. Разумеется, современный исследователь не должен отказываться от изучения литературной истории того или иного сюжета, он должен указать источники, к которым восходит та или иная новелла, сопоставить ее с западными и восточными вариантами того же сюжета,[3] но на этом его работа далеко не кончается. Для нас очень важно выяснить, почему из сборника польских фацеций наш переводчик выбрал именно эти рассказы и забраковал другие и как он передал в своем переводе польский текст. Исследователь должен коснуться и художественной стороны изучаемых произведений, — ранее при изучении переводной новеллы этой стороны обычно не касались. В то же время иногда новый эпитет или неожиданное внесенное переводчиком сравнение меняет смысл фразы, углубляет звучание текста или, наоборот, стирает его социальный смысл.

Переводная новелла, в том числе фацеции и «Великое Зерцало», оказали заметное влияние на русскую литературу XVII и XVIII вв., их сюжеты использовались писателями не только XVIII, но и XIX в. Переводная новелла играла определенную активную роль и в русской жизни XVII и XVIII вв., рисуя наравне с оригинальной сатирической повестью недостатки русской действительности. Эти вопросы должны быть поставлены исследователем и должны определять ход его работы над переводной новеллой.

Наименее изученным из упомянутых сборников является «Великое Зерцало», несмотря на то что ему среди прочих сборников переводной литературы принадлежит одно из почетных мест. Этот сборник долгое время стоял в стороне и не возбуждал интереса исследователей, однако вряд ли можно сомневаться в необходимости изучения этой исключительно популярной у нас на Руси книги.

«Великое Зерцало» сохранилось в книгохранилищах нашей страны в огромном количестве списков, неоднократно иллюстрировалось; отдельные легенды «Зерцала» вошли в синодики и другие рукописные сборники, ряд сюжетов сборника мы находим в народном творчестве, обращались к ним и писатели как XVIII, так и XIX в.

В научной литературе существует лишь одно развернутое исследование о «Великом Зерцале», а именно работа П. В. Владимирова,[4] но в наше время это ценное исследование уже значительно устарело; кроме того, оно не исчерпывает всех вопросов, связанных с памятником.

---

[3] Так, изучая фацеции, нельзя не обратиться к «Декамерону» Боккаччо, так же ряд новелл в сборнике заимствован, несомненно, оттуда (о Марке и Шпинелете, о жене, будто бы бросившейся в колодец, о прекрасной Кассандре и ряд других).

[4] П. В. Владимиров. Великое Зерцало. (Из истории русской переводной литературы XVII века). М., 1884.

Наиболее удачной можно считать первую главу исследования, где внимательно разобраны источники «Великого Зерцала» и его латинские издания. Что касается польских изданий, то автор работы ограничивается лишь известным ему изданием 1633 г., представленным двумя экземплярами, хранящимися в настоящее время в ЦГАДА и принадлежавшими Типографской библиотеке.

Обращаясь к русским спискам, П. В. Владимиров также ограничивает себя известными ему полными 30 списками «Великого Зерцала», выбранными более или менее случайно, совершенно не касаясь неполных списков сборника, представляющих несомненный интерес и насчитывающихся в русских книгохранилищах в очень большом количестве экземпляров. Анализ сборника он строит на изучении списков, принадлежавших Синодальной библиотеке, но эти списки не являются лучшими. Сопоставляя русский текст с польским оригиналом, автор ограничивается двумя-тремя случайно выбранными рассказами, что не дает возможности сделать более или менее обоснованные выводы. Указывая на пропуски, наблюдаемые в русских списках «Зерцала» по сравнению с польским оригиналом, Владимиров лишь вскользь говорит о том, какие именно рассказы опущены, а это очень существенный вопрос.

Кроме того, исследователь не касается сборников, в которые вошли отдельные легенды «Зерцала». В то же время как раз очень важно и интересно выяснить, какие повести «Зерцала» включались в другие сборники, какие из них повторяются чаще, т. е. более привлекают читателей и составителей сборников и, таким образом, наиболее популярны.

Владимиров указывает два типа списков «Зерцала». Это наблюдение требует поправки, так как при просмотре полных списков обнаруживается еще один — третий очень любопытный вариант. Здесь в начале сборника мы читаем рассказ о «тайной вечере» и «страстях» Христа, а за ним — ряд новелл на эту же тему.

Говоря в 3-й главе об отношении «Великого Зерцала» к древнерусской литературе, автор исследования, упомянув о прологах и патериках, сосредоточил свое внимание на синодиках, которым и посвящена в основном вся 3-я глава. О близости некоторых новелл к фацециям и о влиянии «Зерцала» на народное творчество говорится очень немного лишь в конце главы.

Содержание сборника в книге Владимирова далеко не раскрыто. Говоря о содержании «Великого Зерцала», автор делит все входящие в него новеллы на нравоучительные и легендарные. К первым он относит те, которые направлены против женской неверности, нарядов, танцев, всевозможных забав и игр (в частности, охоты), против пьянства, волшебства и нежелания каяться в грехах. Ко вторым — новеллы, близкие к древнерусским легендам и чудесам, в частности житийным и патериковым легендам и рассказам о чудесах богородицы. Но это деление в значительной степени условно, так как в «Великом Зерцале» все повести носят нравоучительный характер и почти все легендарны. Кроме того, Владимиров совершенно не касается социальных и политических мотивов, которые занимают в сборнике немалое место; не выделены им и повести, обличающие пороки духовенства, пользовавшиеся большим успехом у русских читателей, в частности у старообрядцев. Не анализирует он и литературной стороны сборника, — им отмечается только его религиозно-поучительная тенденция.

*

Несмотря на разнообразие содержания и безусловный интерес сборника, несмотря на его широкое распространение среди русских читателей

и влияние на русскую литературу, после П. В. Владимирова к «Великому Зерцалу» никто не обращался. Исследователей отпугивало религиозно-мистическое содержание многих рассказов, вошедших в сборник. Но при внимательном чтении легко заметить, что густой налет религиозного мистицизма не помешал составителям «Зерцала» отразить в рассказах широкую картину реальной жизни со всеми ее противоречиями. В новеллах «Зерцала» перед нами проходят представители всех классов и всех слоев средневекового общества — от королей и князей церкви до простых горожан и крестьян, раскрываются их взаимоотношения, их быт и нравы. Все это представляет огромный интерес для исследователя, так же как и художественное своеобразие новелл.

Но значение сборника этим не ограничивается. Исследователи указывают, что «отдельные повести, а равно и полные списки „Великого Зерцала", получили широкое распространение среди русских книжников и различными путями (синодики и лубочные картинки) проникли в народную среду, где и отразились в целом ряде различных легенд, повестей, духовных стихов и проч.».[5] «Исследователям истории малорусских народных преданий, рассказов и легенд придется обратиться к изучению вышедших во второй половине XVII века сборников чудес, и, быть может, изучение этих сухих и бесцветных памятников украинской старины бросит свет на историю украинских народных легенд, определит, какие из этих легенд возникли в самой Украине и какие забрели из чужбины и акклиматизировались в Малороссии».[6]

Эти замечания, высказанные украинскими исследователями, вполне справедливы не только для изучения украинского народного творчества и украинской литературы, но и для изучения русской литературы и русского народного творчества. Думается, что эпитеты «сухие» и «бесцветные», которыми Сумцов характеризует новеллы нравоучительных сборников, несправедливы и противоречат высказанному им мнению о влиянии этих новелл на народное творчество. Этого влияния не могло бы быть, если бы эти новеллы были сухими и бесцветными.

Изучая литературную историю «Зерцала», необходимо обратиться к польскому тексту памятника. Польша явилась здесь, как и в ряде других случаев, передатчиком, познакомившим нас с этим интересным сборником. В основу его лег составленный иезуитами и широко распространенный в Европе латинский сборник «Speculum Magnum». Этот сборник попал в Польшу в начале XVII в. Здесь он был переведен на польский язык — и не один, а несколько раз — и дополнен рассказами, взятыми из разных источников: хроник, истории Длугоша, сочинений Петра Скарги и др. Известны три польских издания книги: 1621, 1633 и 1690—1691 гг. Экземпляры всех этих трех изданий были завезены на Русь и хранились в библиотеках Киева и Москвы.[7] В настоящее время в Киеве, в Государственной публичной библиотеке Академии наук УССР, имеется четыре экземпляра «Великого Зерцала» на польском языке (два издания 1633 г., один недатированный и один 1690—1691 гг.). В Москве, в ЦГАДА, со-

---

[5] С. Шевченко. К истории Великого Зерцала в Юго-Западной Руси. — Филологический вестник, т. LXII, № 3—4. Варшава, 1909, стр. 111.

[6] Н. Ф. Сумцов. Иоанникий Голятовский. (К истории южно-русской литературы XVII в.). — Киевская старина, Киев, 1884, кн. 3, стр. 374—375.

[7] В библиотеке Киево-Печерской лавры имелся экземпляр издания 1633 г. (Каталог, вып. 1, стр. 319, № 4262-XV 3/17). Кроме того, известны следующие экземпляры польских изданий: из Библиотеки киевского Софийского собора, № 547 (изд. 1633 г.), № 548 (год издания неизвестен), № 549 (2 тома; изд. 1690 г.), из Синодальной типографии (два идентичных экземпляра под одним номером — 4115/3864а и б; изд. 1633 г.).

храняются два экземпляра издания 1633 г., принадлежавших ранее Типографской библиотеке. Издания 1621 г., экземпляр которого, по указателям, хранился в библиотеке Киево-Печерской лавры, найти не удалось.

Как видно из сказанного, наиболее широко у нас было известно краковское издание 1633 г. С этого издания, по-видимому, был сделан и перевод на русский язык, так как именно это издание хранилось в Типографской библиотеке.

Изучая издание 1633 г. — не первое на польском языке, — мы прежде всего убеждаемся, что оно довольно точно передает латинский подлинник. На титульном листе мы находим историю создания книги, начало которой является почти точным переводом латинского оригинала.

Книга представляет собой большой том в лист, напечатанный готическим шрифтом. Примеры-приклады разделены здесь, как и в латинском издании, на группы-разделы, расположенные в алфавитном порядке. Первый раздел трактует о преодолении родственной любви (affekt rodzicow) ради веры и любви в богу, второй — о любви супружеской (affekt miłosc małżenska), далее идут «Ангельское приветствие», «Ангел» и т. д. Количество прикладов в разделах различно: их может быть 2, 3, а может быть, и 15—20. Счет их двойной: от начала до конца и отдельно в каждом разделе. После каждого рассказа, как и в латинском тексте, указывается его источник — автор или книга, откуда он взят. Последняя страница в книге 1167-я, последний рассказ — 2309-й.[8] Перед текстом, после предисловия-обращения к Богуславу Радошовскому, помещены список-указатель старых и новых авторов, из которых взяты рассказы-примеры, и оглавление разделов книги в алфавитном порядке с указанием страниц.

Польские издания «Великого Зерцала» у нас на Руси хранились как в библиотеках храмов и монастырей (Софийский собор в Киеве, Киево-Печерская лавра), так и у частных лиц. Записи на экземплярах издания 1633 г., хранившихся в Типографской библиотеке, свидетельствуют, что один из них принадлежал Сильвестру Медведеву, другой — Димитрию Ростовскому. До того, как попасть в руки указанных лиц, книги принадлежали другим владельцам. Так, на экземпляре Сильвестра Медведева сохранились следующие записи владельцев: 1) «Сия книга, глаголемая Зверцадло полское, священноиерея Онисима Троецкого»; 2) «196 году, февраля 15 дня продал сию книгу Спасского собору, что на дворце, дьякон Гаврилка Яковлев строителю Спасского монастыря, что за иконным рядом, Сильвестру Медведеву. А подписал я Гаврилка своею рукою».

На экземпляре Димитрия Ростовского значится: «Звиерцадло прикладов», ниже: «Ростовского архиерея Димитрия». На обороте входного листа читаем: «Его царского пресветлого величества околничий господин Семен Федорович Толочанов дарствова сию книгу архиерею Ростовскому Димитрию 1706 году июня 30-го». На полях над текстом предисловия-посвящения, адресованного Богуславу Радошовскому, запись: «От книг Иоиля архимандрита».

Из приведенных записей видно, что «Великим Зерцалом» интересовались у нас как светские люди, так и представители духовенства, последние особенно, причем это были выдающиеся, наиболее образованные люди, несомненно хорошо знакомые с польским языком. Среди этих людей, по-видимому, и зародилась идея перевести интересный сборник на русский язык. Имя одного из них мы читаем в обращении к читателям, которым сопровождается текст «Великого Зерцала» в одном из списков ГБЛ

---

[8] Следует заметить, что в издании 1633 г. наблюдается путаница страниц и счет страниц и прикладов поверен: их меньше, чем указано.

(Муз. 3161). Здесь говорится, что «Великое Зерцало прилогов» впервые переведено с польского языка на славяно-российский «тщанием и снискательством пресветлого царского величества великого государя духовника и богомольца Благовещенского собору священно-протопопа Андрея Савинова сына Посникова».

Это интересное сообщение ставит перед исследователем неотложную задачу — собрать сведения об этом деятеле русского просвещения XVII в. и уточнить его роль в деле перевода «Великого Зерцала».

*

Перевод «Великого Зерцала» с польского оригинала на русский язык был осуществлен в 1677 г. по повелению царя Алексея Михайловича.[9] Перевод был поручен по «долям» пяти переводчикам: Семену Лаврецкому, Григорию Колчицкому, Ивану Гуданскому, Гавриле Дорофеевичу и Ивану Васютинскому.[10]

Трудно сказать, кому именно из упомянутых лиц — переводчиков Посольского приказа какая часть «Зерцала» была дана для перевода и что представляли собой эти доли, о которых говорилось в указе царя. Были они равные или неравные? Можно предположить, имея в виду перечень «долей», т. е. частей, что переводчики разобрали текст по частям в порядке их нумерации, но найти границы этих частей и указать разницу в работе указанных лиц едва ли возможно, так как манера изложения в книге везде более или менее однородна. Следует только отметить, что переводом несомненно руководило какое-то сведущее лицо, а может быть, и несколько лиц, всего вероятнее представители духовенства, потому что материал польского «Зерцала» переведен на русский язык не полностью, а по выбору и при этом внимательно проредактирован. В польских изданиях сборник носил ярко выраженный католический характер, что, естественно, не могло нравиться русскому читателю. В русском переводе текст приведен в соответствие с учением православной церкви, а это, конечно, не могли сделать сами переводчики Посольского приказа.

На русском языке «Зерцало» распространялось в списках. Количество этих списков показывает большой интерес к сборнику среди русских читателей и его широкую популярность.

---

[9] См. предисловия в некоторых списках, например в Синодальном № 100, где указывается, что перевод был совершен «по желанию и повелению великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича в лето 7185» (1677 г.).

[10] ЦГАДА, фонд «Приказные дела старых лет» (ф. 141), 1674 г., № 434, л. 17: «Пяти человекомь переводчиком дать по 100 свечь, которые переводят книгу Зверцадло.

Семену Лаврецкому 1 доля
Григорию Колчицкому 3-я доля
Ивану Гуданскому 4-я доля (*приписано сбоку*)
Гавриле Дорофеевичу 2-я доля
Ивану Васютинскому 5-я доля ему (*приписано*)»

Приписка: «184 ноября в 5 день велеть им то число свечь для переводов или купить из доходов Новые обтеки и послать о том великого государя указ в Новогородцкой приказ». Черновая запись: «Того ж[е] числа ноября в 5 день указал великий государь Посолского приказу переводчиком Семену Лаврецкому, Григорию Колчицкому, Ивану Гуданскому, Гавриле Дорофееву, Ивану Васятинскому перевести ту книгу с пол[ь]ского на словенский язык книгу „Великое Зерцало", а для ночного сиден[ь]я дать им по 100 свеч сал[ь]ных из Новгородцкого от доходов новой абтеки». Пользуюсь случаем принести глубокую благодарность Й. М. Кудрявцеву, который нашел в делах Посольского приказа и передал мне этот интересный материал.

Списки эти далеко не однородны. Очень многие из них представляют собой большой том в лист, написанный более или менее крупным полууставом. Среди этих списков есть исключительные по своему оформлению, так сказать — парадные экземпляры. Таков, например, экземпляр, хранящийся в отделе рукописей ГБЛ под шифром М. 5470. Это огромная книга в двойной лист, написанная крупным полууставом и роскошно оформленная. В начале оглавления и перед текстом — заставки в стиле барокко с изображением «Троицы», в том же стиле первая буква текста. Заглавие перед текстом выполнено золотом. Судя по записи, сохранившейся на входном листе, книга принадлежала Николаевскому Перервинскому монастырю.

Рядом с такими экземплярами мы находим обычные рукописи в четверку, написанные более или менее разборчивой скорописью, чаще всего XVIII в. Некоторые экземпляры «Зерцала» лицевые. Таков, например, экземпляр, хранящийся в отделе рукописей ГИМ, шифр Муз. 1067, к сожалению, весь рассыпавшийся по листам, причем ряд листов утерян. Это рукопись XVIII в., в лист написанная скорописью, причем почти каждой странице текста соответствует иллюстрация, занимающая целую страницу.

Говоря о содержании русских списков, П. В. Владимиров делит их на две неравные группы. К первому типу он относит списки, более близкие к польскому оригиналу, ко второму — списки, значительно отличающиеся от него.

В списках первого типа мы находим такое же, как и в польских изданиях, развернутое заглавие памятника с указанием на историю его создания, естественно несколько измененную и дополненную русским переводчиком. В конце помещено оглавление «вещей, обретающихся в книзе сей», заканчивающееся припиской; то и другое, как и последующее обращение к читателю, заимствовано из польского издания и почти точно передает польский текст. Примеры-прилоги расположены здесь в том же порядке, как и в польском издании: материал разделен по главам, каждая из них содержит несколько рассказов-прилогов. Их счет, так же как и в польском издании, двойной: от начала до конца и в каждой главе отдельно. Первая глава — о преодолении родственной любви, как и в польском тексте, начинается рассказом о том, как игумен Кастор (в польском тексте — пастор) преодолел любовь к своему племяннику; последний рассказ и в польских изданиях, и в русских списках этого типа — о христианине, не пожелавшем отречься от своей веры и вынужденном в наказание водить верблюдов.

Однако полного соответствия русского текста польскому все же не получилось. В русских списках не выдержано расположение материала по алфавиту, отсутствует более половины рассказов польского оригинала, выпущены все ссылки на источники, которые читались как в латинском тексте «Великого Зерцала», так и в польских изданиях. Нет здесь также списка авторов, помещенного в начале польского издания 1633 г., нет и посвящения определенному лицу.

Значительно дальше от польского оригинала списки второго типа. Они отличаются прежде всего расположением материала. Здесь мы видим как бы две части. В первой приклады-прилоги расположены не по рубрикам, а свободно, причем первым в огромном большинстве списков этого типа является рассказ «О непостижимости св. троицы», за которым следуют еще два-три рассказа на ту же тему. Далее читаются рассказы, взятые из разных глав польского «Зерцала»; всего их в этой части около 250. Вторая часть начинается рассказом об игумене Касторе, тем самым, которым начинаются списки первого типа. Здесь, как и в списках первого

типа, материал разделен на главы и счет рассказов двойной.[11] Составитель как бы возвращается к польскому тексту, но он здесь еще более сокращен. Всего в списках второго типа, как и первого, около 850—870 рассказов, и последний большей частью тот же, т. е. рассказ о человеке, водившем верблюдов.

Кроме этих двух типов русских списков сборника, следует, как нам кажется, выделить еще одну группу списков, по построению сближающихся с первой частью второго типа, но содержащих лишь около 80 новелл. Таких списков примерно одного и того же содержания только в отделе рукописей ГБЛ хранится несколько. Надо думать, что это особый вид сборника — его сокращенная редакция.

Кроме того, списки второго типа неоднородны — одни начинаются с рассказа «О непостижимости Св. Троицы», другие — с рассказов о «страстях» Христа.

Что касается полных списков, то ни в первом, ни во втором типах количество прикладов-примеров не доходит до той цифры, которую мы видели в польском тексте (более двух тысяч): оно не превышает 870. Из этого можно заключить, что даже самые полные русские списки «Зерцала» значительно отличаются от польского оригинала, так как очень многие рассказы, включенные в польские издания, сюда не вошли.

В дальнейшем второй тип все более и более отходит от своего первоисточника: в сборник включаются новые рассказы и повести, заимствованные из других сборников, из житий святых, из Пролога и других источников; количество глав варьируется, то увеличиваясь, то уменьшаясь, по воле составителей.

Но для второго типа характерна не только особая композиция сборника. Можно с уверенностью сказать, что уже в конце XVII в., вскоре после первого перевода, был сделан второй перевод сборника. Кто был этим вторым переводчиком — неизвестно, но следует отметить, что он подходил к сборнику и заключающемуся в нем материалу не только критически — что, как мы видели, сказалось на композиции и расположении материала, — но и творчески. Это легко показать на передаче им текста, сопоставив польский текст, первый перевод, близкий к нему, и последний перевод из сборников, представляющих второй тип.

Приведу для примера два рассказа — «О славе небесной» и о том, как некий Стефан назвал своего слугу чертом.

Первый рассказ — это известный сюжет об иноке, заслушавшемся райской птички. В польском тексте, а за ним и в первом переводе рассказ звучит так.

Некий инок (законник), читая с другой братией на утрени стих «Тысяча лет перед твоими очами как день один», удивился, как это может быть. Он был святой и набожный человек; оставшись в храме после утрени, он просит бога объяснить ему этот стих. Появляется прекрасная птичка, за которой инок идет сперва из церкви, потом из монастыря. Птичка приводит его в большой лес, принадлежащий монастырю, и начинает петь. Зачарованный ее пением, он не замечает, как проходит триста лет; за это время все монахи — его современники в монастыре умерли, а он от сладости этого пения не захотел за все это время ни есть, ни пить. Наконец птичка исчезла. Инок возвращается в монастырь, но его не пускают. Привратник думает, что это какой-то глупец, спрашивает у него имена игумена и других, а он называет своих современников. Когда его

[11] В ряде списков такое деление и счет отсутствуют, хотя порядок рассказов сохраняется.

приводят к игумену, — они не узнают друг друга. Инок спрашивает игумена о его предшественниках, и так выясняется, что игумен, при котором он был в монастыре, умер 300 лет тому назад. Инок рассказывает, что с ним случилось, и умирает.

В первом варианте этот рассказ переведен точно со всеми указанными выше подробностями. Во втором варианте мы видим другое. Здесь сразу сообщается, что инок был совершенный в добродетелях человек и уже давно размышлял над значением указанного текста. Он усердно молился, чтобы ему открыт был смысл сказанного в нем. Птичка и здесь появляется в церкви, но о ее красоте сказано, что «она к понятию человеческого разума непостижима». Далее передано состояние инока, чего нет в польском тексте: «Инок же зело птищу удивися и желанием уязвися, хотя разсмотрити красоты того». Птичка приводит монаха не в лес монастырский, как это дано в польском тексте, а на прекрасный луг, покрытый цветами и пречудными деревьями, взлетает на дерево и начинает «чюдно и сладкопеснено» петь. Переводчик-редактор не спешит здесь сообщить, что инок простоял на этом месте триста лет. Он просто говорит, что монах не знал, сколько времени стоит, «токмо радуяся и веселяся птища красоте и оному чудному и цветоносному полю» и думая, что прошло лишь время от литургии до трапезы.

Когда инок возвращается к монастырю, дается его разговор сперва с привратником, потом с игуменом, и т о л ь к о з д е с ь читатель узнает, что со времени ухода инока из монастыря прошло 300 лет:

«И прииде игумен ко вратом нача его вопрошати, кто есть и коего жительства и обители. Старец же нача глаголати: „Аз, отче, в сий день по святей литургии изыдох, и точию малое время вне монастыря пребых, и есмь монастыря сего“. Игумен же рече: „Аз тя не точию зде, ниже такового в окрестных лаврах, ниже в отшельницех когда видех“. Инок рече: „Да ты, отче, он сий отец наш?“, имя рек того, иже при нем бе. И рече игумен: „Ни, чадо! Сий, о нем же глаголеши, прежде многих лет бе. Яко же повествуют книги, т р и с т а л е т уже мину по смерти его; но мню, яко от бога совосходит о тебе к пользе нашей. Повеждь о себе, кто еси и кая ти прилучишася?“».[12]

Это уже не перевод, а переработка рассказа, причем автор переработки стремится подать материал так, чтобы он произвел, возможно, большее впечатление на читателя (подчеркивается душевное состояние героя, вводится диалог, основной эффект приберегается к концу рассказа).

Возьмем другой рассказ — «О гордости и ярости, иже славнии подручных своих не хотяще имянем звати».

В польском тексте рассказывается о некоем капеллане по имени Стефан, который, вернувшись домой из поездки, кричит слуге: «Иди, дьявол, разуй меня!». На этот призыв явился сам дьявол, — ремни на сапогах капеллана стали развязываться сами с необыкновенной быстротой. Поняв, в чем дело, капеллан прогоняет дьявола, а сапоги остаются до половины не расстегнутыми.

Точно так же развивается действие в списках первого типа, причем и здесь героем рассказа является пресвитер. В списках второго типа герой — светский человек; видимо, редактору-переводчику показалось неудобным, что духовное лицо так называет своего слугу. Здесь Стефан — муж жития добродетельного. Он кричит слуге, «г н е в а я с я»: «Пришед, чорт, разуй мя!». Далее действие развивается так: «И егда точию сия изрече, на-

---

[12] ГБЛ, Муз. 5470, л. 36, рассказ 35.

чашася сапоги сами о себе с великою прудкостью и силою сыматися, и не точию голенищам трещати, но и костем Стефановым трескотати. Он же велиим гласом нача вопити». Стефан прогоняет демона, «сапоги же обретошася в непристойном месте, идеже человецы истребляются».[13]

Ничего подобного нет в польском тексте.

Как и в первом рассказе, мы видим здесь явное стремление к литературной обработке рассказа. Автор пытается оправдать поведение героя, обставляет рассказ живыми подробностями, придает ему русский колорит (дело идет не о ремнях на обуви, а о русских сапогах с голенищами).

Еще большей переработке, несомненно, подвергались новеллы, попадающие в сборники, где они приспосабливались к содержанию данного сборника, к вкусам среды, для которой он составлялся, приобретали характерные черты той местности, где бытовал сборник. Такова обработка в украинских сборниках легенды о церковнице Беатрике.

Дальнейшая работа над списками «Великого Зерцала» и их сличение с польским изданием дадут возможность проверить эти наблюдения и установить более точно, как работали русские переводчики, что именно они выбирали из переводных сюжетов, вошедших в сборник, и в каком направлении их обрабатывали.

Очень большую работу придется провести по изучению содержания «Великого Зерцала». Содержание сборника очень богато и разнообразно. Мы находим здесь огромное количество сюжетов, заимствованных из разных источников и приспособленных оо. иезуитами для нужных им назидательных целей. Многие рассказы здесь носят узко церковный характер, но даже если их окажется половина, то из общего количества 850—870 рассказов, которые входят в полные списки «Зерцала», остается еще более чем достаточное количество материала для литературно-исторического исследования. Здесь имеются сказки о животных, бытовые повести, рассказы с ярко выраженным фольклорным колоритом или с элементами сатиры, обличения пороков общества. Именно в этой своей части «Зерцало» смыкается с другими переводными сборниками повествовательной литературы. Таким образом, изучая содержание сборника, как и в других случаях, неминуемо придется коснуться вопроса о распространении у нас переводной новеллы вообще и привлечь к исследованию другие сборники. С другой стороны, некоторые рассказы «Зерцала» восходят к легендам патериков, к которым и отсылают читателя составители, поэтому исследователю придется обратиться к патерикам и другим подобным сборникам и выяснить, что оттуда было заимствовано составителями «Зерцала» и как было использовано.

Легенды «Зерцала», как и других сборников переводной новеллы, должны рассматриваться в связи с современной их появлению оригинальной литературой. Социальные мотивы и сатирические зарисовки, которые мы здесь находим, имеют непосредственное отношение к русской жизни XVII—XVIII вв. и приобретают в глазах читателя часто особо острый и глубоко злободневный смысл. В свете этого читательского восприятия мы и должны рассматривать содержание большей части новелл сборника.

Необходимо также коснуться и художественной стороны рассказов, проанализировать их язык и художественные средства, выявить элементы церковные, светские, фольклорные.

Очень важным этапом работы должно быть выяснение влияния новелл

---

[13] Там же, л. 43 об., рассказ 47.

«Зерцала», как и других переводных сборников, на русскую литературу. Здесь придется говорить о влиянии «Зерцала» на синодики и использовании сюжетов сборника в литературе XVIII и XIX вв. (рассказ Лескова «Гора», рассказ об иноке и птичке у Карамзина, рассказ о богаче и бедняке в басне Крылова и пр.).

Особо должны быть изучены лицевые списки «Зерцала», которые представляют собой последний этап в развитии русской миниатюры, когда она постепенно превращается в иллюстрацию. С этой точки зрения особенно интересен упомянутый выше список ГИМ, а также иллюстрации, которыми сопровождаются новеллы «Зерцала», вошедшие в синодики.

Если другие сборники переводной новеллы были у нас изданы, то «Великое Зерцало» не издавалось ни разу. Поэтому неотложной задачей является научное издание полного текста этого любопытного и широко популярного на Руси сборника.

А. Х. ГОРФУНКЕЛЬ

Андрей Белобоцкий — поэт и философ конца XVII—начала XVIII в.

«Кто такой был этот Андрей Белободский, в науке до сих пор не установлено: откуда он был по происхождению и какой был род его деятельности — определенно сказать невозможно».[1] Эти слова Д. Совицкого, сказанные в начале XX в., могут быть с полным основанием повторены 60 лет спустя. О жизни писателя конца XVII—начала XVIII в. Андрея Белобоцкого нам не известно почти ничего, и самое авторство его сочинений до сих пор оспаривается исследователями.

А между тем литературное творчество Андрея Христофоровича Белобоцкого оставило заметный след в истории русского просвещения XVII—XVIII вв. Сочинения его имели успех у читателей и получили значительное распространение: десятки известных нам списков «Великой науки Раймунда Люллия» свидетельствуют о популярности этого произведения вплоть до начала XIX столетия; сокращенная Андреем Денисовым «Великая наука» приобрела известность в старообрядческих кругах русского севера; его трактаты по риторике служили учебным руководством в эпоху «прений о вере», а стихотворный диалог «Краткая беседа милости со истиною», опубликованный в Петербурге в 1712 г. в числе первых изданий гражданской печати, заслужил впоследствии похвалу Н. И. Новикова.

Не предвосхищая окончательных суждений о месте Андрея Белобоцкого в истории литературы, мы попытаемся на основании всех имеющихся в нашем распоряжении данных восстановить облик этого талантливого поэта и оригинального мыслителя, в чьем творчестве отразились некоторые характерные черты русской культуры кануна петровских преобразований.

1. Кормовщик Московского чину

А. И. Соболевский, оспаривая мнение Д. Совицкого о принадлежности так называемой «Риторики Раймунда Люллия» Иоакиму Богомолевскому, пришел к выводу о том, что книга эта — труд Андрея Белобоцкого, «того из двух Белободских, живших в Москве во второй половине XVII века, который перевел в 1685 г. „Беседу о милости с истиною“ и около 1685 года (до 1689 года) две части книги Фомы Кемпийского о подражании Христу и который — потому, вероятно, что был хорошим латинистом — в 1686 году ездил в качестве переводчика вместе с Н. Спафарием в Китай. После 80-х годов XVII века об этом Белободском у нас сведений нет. По-видимому, он умер в конце 80-х или в начале 90-х годов».[2]

В немногих этих словах приведены все биографические данные, которыми располагала к тому времени историческая наука; необходимо, однако,

[1] Д. Совицкий. Русский гомилет начала 18 века Иоаким Богомолевский. Киев, 1902, стр. 52.

[2] А. И. Соболевский. Рецензия на книгу Д. Совицкого «Русский гомилет начала 18 века Иоаким Богомолевский». — ЖМНП. СПб., 1903, № 3, стр. 184—185.

исправить оговорку А. И. Соболевского: в Китай автор «Риторики» ездил не с Н. Спафарием, чье посольство относится к предыдущему десятилетию, а в составе посольства Федора Алексеевича Головина. В качестве участника русско-китайских переговоров попал толмач Андрей Белобоцкий на страницы «Истории России» С. М. Соловьева.[3] Как явствует из статейного списка великого посольства окольничего Ф. А. Головина, на китайскую границу с послами был направлен «для переводу латинских писем из дворян Андрей Бялобоцкой».[4]

Основываясь на этих данных, некоторые исследователи называют Белобоцкого «переводчиком Посольского приказа».[5] Однако материалы архива приказа никак не подтверждают этого предположения: имени Белобоцкого мы не встречаем ни в списках переводчиков и толмачей, ни в окладных книгах денежного жалованья, ни в челобитных, ни в переписке Посольского приказа за 1680—1701 гг.[6]

В действительности, как это видно из столбцов, содержащих переписку по посольству Ф. А. Головина, А. Белобоцкий был привлечен к участию в посольстве не в качестве переводчика Посольского приказа, а со стороны: 12 января 1686 г. «указали великие государи . . . послать на свою, великих государей, службу на китайскую границу с великими послы с окольничим Федором Алексеевичем Головиным с товарищи для переводу латинских писем из Розряду кормового иноземца Андрея Белобоцкого». На запрос Посольского приказа о жалованье Белобоцкому из Разряда было сообщено, что «в списку Московского чину кормовщиков нынешнего 194 году написано: великих государей из дворян Андрею Христофорову сыну Белобоцкому кормовых денег по пяти алтын на день».[7]

По данным списка кормовщиков 1683 (7192) г., А. Х. Белобоцкий, из «польской веры» был написан в службу с 7189, т. е. 1680/81 г.[8] Однако мы не обнаружили его имени в списке кормовщиков 7190 (1681) г.[9] Не удалось нам найти и документов о переходе иноземца Белобоцкого на службу в Россию. В «Книге записной выезжих иноземцев польских и литовских людей» с января 1671 (7179) до марта 1698 (7206) г. отсутствуют записи как раз за интересующий нас 7189 г., причем пометы-скрепы по листам дьяка Федора Шакловитого свидетельствуют, что этих записей в книге не было и в 80-х годах XVII в.[10]

Впервые имя А. Белобоцкого мы встречаем в списках 1682 (7191) г., когда он получал кормовых денег 2 алтына 2 деньги в день; но уже 25 января 1683 г. «по указу великих государей . . . велено кормовых ему денег давать и с прежними по пяти алтын на день».[11] Когда в том же 1683 г. в Разряде происходила раздача поместий вместо кормовых денег, Белобоцкому причиталось получить вместо пятиалтынного ежедневного жалованья поместье в 7 крестьянских дворов, но 20 мая 1684 г. «по подписной

---

[3] С. М. Соловьев. История России, кн. 3. Изд. «Общественная польза», стлб. 1031—1033.

[4] ЦГАДА, ф. 62, 1685 г., кн. 10, л. 3 об.

[5] А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903, стр. 174; Б. Е. Райков. Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России, изд. 2-е. М.—Л., 1947, стр. 56.

[6] С. А. Белокуров. О Посольском приказе. М., 1906, стр. 131—152; ЦГАДА, ф. 138, 1680 г., д. 1; 1683 г., д. 3, 10, 14; 1696 г., д. 11; 1701 г., д. 48.

[7] ЦГАДА, ф. 62, 1685 г., кн. 9, л. 137; д. 2, ч. 1, лл. 180, 217—218.

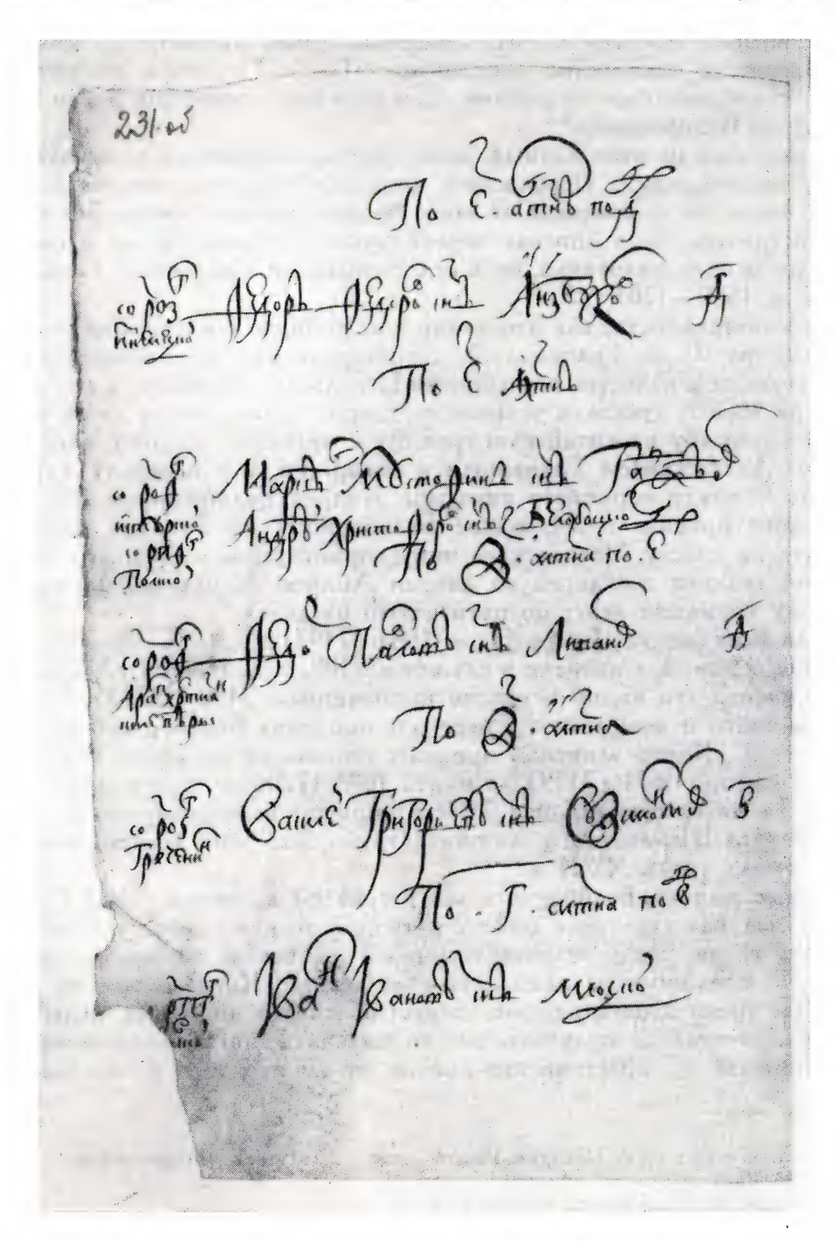
[8] Там же, ф. 210. Книги денежного стола, д. 138, л. 231 об.

[9] Там же, д. 139, лл. 1—116.

[10] Там же, Книги приказного стола, д. 21, лл. 81—87.

[11] Там же, Книги денежного стола, д. 139, л. 152.

челобитной и по выписке велено кормовые деньги давать по-прежнему».[12] Это же жалованье, составлявшее, по подсчету книг денежного стола, годовой оклад в 54 рубля 25 алтын, сохраняется за А. Х. Белобоцким и в по-



Запись о службе А. Х. Белобоцкого в Списке кормовщиков 1683 г. (ЦГАДА, ф. 210, Книги денежного стола, д. 138, л. 231 об.).

следующие годы,[13] вплоть до того дня — 14 января 1686 г., — когда за ним были посланы подьячие и приставы Посольского приказа. Андрея Бело-

[12] Там же, д. 217, л. 83б: д. 138, л. 182 об.

[13] Там же, д. 138, лл. 39 об., 67; д. 217, л. 28 об.

боцкого они не застали, «для того что он, Андрей, з женою с того своего двора збежал безвестно». В течение трех дней на дворе беглого кормовщика-иноземца была устроена засада: толмачи Тарас Иванов и Иван Никитин и приставы Андрей Башмаков, Федот Башерин, Перфилий Репеев и Кузьма Данилов «с товарищи» поочередно «стояли» на дворе у Андрея Белобоцкого и отправляли в приказ всех приходивших ко двору людей. Записи «роспросных речей» позволяют расширить круг наших сведений о жизни Белобоцкого в Москве.

Взятый в Посольский приказ дворник Белобоцкого оказался крестьянином стольника Воина Римского-Корсакова Иваном Памфиловым; в Великий пост 1685 (7193) г. он был отдан помещиком Белобоцкому «пожить для работы», «а за что-де ево, Ивашку, отдал ему, Андрею, пожить или вовсе отдал, того он не ведает». 15 января был задержан «малой» Тишка Прокофьев, сын священника церкви Иоанна Предтечи под Девичьим монастырем, который зашел на двор к Андрею Белобоцкому «для повиданья, потому что за ним, Андреем, ево, Тишкина, сестра», по дороге к подьячему Поместного приказа Дмитрию Авдееву, за которым была другая его сестра. Так как Авдеев жил за Яузой, можно предположить, что и двор Белобоцкого находился где-то неподалеку.

На следующий день первым на двор Белобоцкого пришел Стенка Григорьев, дворовый стольника Петра Матвеевича Апраксина: «. . . послал ево, Стенку, он стольник на двор к Андрею Белобоцкому проведать про него, дома ли он, и чтоб он к нему приехал, для того что он, Андрей Белобоцкий, учит ево, стольника, по-латине». Вторым был приведен в Посольский приказ Максим Исаев, дворовый стольника Федора Яковлевича Волынского: «сего-де числа господин ево послал ево, Максимка, на двор к Андрею Белобоцкому, а велел ево позвать к себе, а для чего велел к себе звать, того он, Максимко, не ведает, а преже его он, Максимко, к нему, Андрею, от господина своего приваживал на двор запас». И хотя «за что присылал к нему запас, того он, Максимко, не ведает», можно с полным основанием предположить, что, подобно Апраксину, и Волынский брал у Белобоцкого уроки латинского языка.[14]

Помимо установления семейного положения, родственных связей и места жительства Белобоцкого записи «роспросных речей» позволяют определить круг его московских учеников и покровителей. Петр Матвеевич Апраксин (1659—1728), брат царицы Марфы Матвеевны, вдовы царя Федора Алексеевича, с 1686 г. состоял комнатным стольником Петра I и принадлежал к ближайшему окружению молодого царя; с 1689 г., после победы над партией Софьи, он окольничий, затем боярин, с 1715 г. граф, сенатор и президент Юстиц-коллегии. Значительную роль играли в Петровскую эпоху и его младшие братья Федор и Андрей.

Стольник Федор Яковлевич Волынский, сын окольничего Якова Семеновича и племянник боярина, царственной большой печати оберегателя Василия Семеновича Волынского, принадлежал к тому же кругу московского дворянства, группировавшегося вокруг Петра I: старшие братья его Иван и Михаил были стольниками матери царя, Натальи Кирилловны Нарышкиной.[15] Нам ничего не удалось узнать о стольнике Воине Римском-Корсакове; имя Воин было родовым и встречается в этой дворянской семье на протяжении XVIII—XIX вв.; трудно сказать, означало ли получение

---

[14] Там же, ф. 62, 1685 г., д. 2, ч. 1, лл. 181—185.

[15] Русский биографический словарь, т. II. СПб., 1900, стр. 240; А. Б. Лобанов-Ростовский. Русская родословная книга, т. I, изд. 2-е. СПб., 1895, стр. 115.

Белобоцким в работники его крепостного материальную поддержку и покровительство образованному иноземцу или это была обычная сделка.

Возможно, что, рассчитывая на содействие своих покровителей, Андрей Белобоцкий первоначально пытался уклониться от «дальней посылки на китайский рубеж», скрываясь три дня «в ухоронках», «под Девичьим монастырем у тещи своей, у вдовой попадьи Екатерины». Назначение в посольство Головина было для него, видимо, неожиданностью: первоначально, в первых числах января, «для переводов латинских писем» был назначен переводчик Стахей Годзаловский. Но уже 16 января Белобоцкий явился в Посольский приказ, а несколько дней спустя, жалуясь в челобитной, что ему «на такую дальнюю службу подняться нечем», просил о выдаче кормовых денег вперед на четыре года. Просьба эта успеха не имела, подъемные дали ему лишь на год вперед.[16] В списках кормовщиков Московского чину 1686 г. против имени Белобоцкого на полях появились записи: «Послан в Дауры»; а в декабре 1686 (7195) г. имя его было вычеркнуто из списка.[17]

Нет смысла останавливаться на деятельности А. Х. Белобоцкого в качестве члена великого посольства Ф. А. Головина. Никакого самостоятельного значения его участие в русско-китайских переговорах не имело, но переводчиком он был, вероятно, неплохим. Когда в ставку русского посла прибыли иезуиты — представители китайской стороны, им было сказано, «чтоб они . . . о делах . . . латинским языком говорили, а при них, великих и полномочных послах, есть знающий латинского языка дворянин, и о чем говорити будут они езуиты, и тот дворянин им великим и полномочным послам доносити будет». Пригодилось и знание Белобоцким французского языка для перевода тайно переданного иезуитами письма. Именами «дворянина и подьячего» — Андрея Белобоцкого и Семена Василькова, постоянно высылаемых для переговоров от русских послов к китайским, пестрят страницы статейного списка посольства Головина.[18]

После длительных и успешно закончившихся переговоров великое посольство Ф. А. Головина 10 января 1691 г. вернулось в Москву. Это последний документально засвидетельствованный факт из жизни Андрея Белобоцкого.

2. Философ Андрей Христофорович

Наряду с официальными документами важным источником для восстановления биографии Андрея Белобоцкого могут служить его сочинения. Список их был составлен в начале нашего века А. И. Соболевским,[19] однако ряд исследователей оспаривал его выводы.

Только два произведения Белобоцкого содержат указания на имя их автора. Первое из них — «Краткая беседа милости со истинною» во всех списках конца XVII в. и в печатном издании 1712 г. завершается словами: «Творение Андрея Христофорова сына Белобоцкого, лета Христова 1685».[20] Ничего, кроме даты написания, диалог этот для изучения биографии автора не дает. Второе подписанное автором сочинение — «Пента-

---

[16] ЦГАДА, ф. 62, 1685 г., д. 2, ч. 1, лл. 185, 188, 215, 217, 219—221.

[17] Там же, ф. 210. Книги денежного стола, д. 138, лл. 97, 155 об.; Столбцы Приказного стола, д. 1077, л. 230.

[18] Там же, ф. 62, 1685 г., кн. 10, лл. 951, 1000—1061, 1100, 1104.

[19] А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв., стр. 158, 159, 174, 175, 204, 205, 442, 443.

[20] ГПБ, О.I.229, л. 24 об.; БАН, 16.16.21, л. 16.

теугум, или пять книг кратких, творения Андрея Белобоцкого»[21] также не содержит никаких биографических сведений.

Третье сочинение — русский перевод первых двух книг трактата Фомы Кемпийского «О последовании Христу» подписано инициалами «А. Х. Б.», одно совпадение которых с инициалами Белобоцкого свидетельствует в пользу предположения о его авторстве. Кроме того, польский текст посвящений-анаграмм говорит о происхождении переводчика, а почерк этих записей совпадает с почерком подписи Белобоцкого под записью его показаний в Посольском приказе.[22]

Перевод первой книги Фомы Кемпийского посвящен игуменье Новодевичьего монастыря Антониде Даниловне, перевод второй книги — наместнице монастыря Анастасии Федоровне. Дата написания перевода устанавливается довольно точно: игуменья Антонида вступила в управление монастырем в январе 1683 г., умерла 6 декабря 1689 г. Так как Белобоцкий отправился в Китай в январе 1686 г., перевод, очевидно, был закончен осенью 1685 г., так как автор говорит в предисловии о подготовленном им, но еще не отредактированном переводе третьей книги сочинения Фомы Кемпийского; завершению этой работы, как можно полагать, помешало участие в великом посольстве.[23]

В посвящении перевода игуменье Антониде содержится намек на некие важные услуги, оказанные ею переводчику: «Всяцей твари, — пишет А. Белобоцкий, — (могущей разумети благодеяние) даде сие прирождение, да по силе своей благодарна благодетелеви своему является. Аз со благодарными благодеянии пречестности вашея проповедником сочислятися желаю».[24] Возможно, Белобоцкий, женатый, как мы знаем, на дочери священника церкви близ Девичьего монастыря, пользовался покровительством игуменьи Антониды.

Главное философское сочинение А. Х. Белобоцкого — «Великая наука Раймунда Люллия» ни в одном из сохранившихся списков не содержит сведений об имени ее автора.

Рядом исследователей отмечено несомненно русское происхождение этой книги: автор стремится приспособить изложение Люллиева искусства к русским условиям, приводит русские меры веса, длины, объема, употребляет русские пословицы, обозначает даты по «щету восточныя церкви», обличает старообрядцев, ссылается на русский перевод «Логики» Иоанна Дамаскина. В то же время, приводя примеры государственного устройства, автор ссылается на русские и польские порядки, а в языке книги встречаются полонизмы.[25]

Обращает на себя внимание отмеченное В. П. Зубовым повторение в большинстве списков «Великой науки» в «корнях» «Древа Майориканского» имен Андрея и Христофора.[26]

На полях рукописи так называемой «Риторики Раймунда Люллия» (ГИМ, Увар. 126), против мест, близких по своему содержанию с некото-

---

[21] ГИМ, Увар. 268, лл. 355—369 об.

[22] ГИМ, Синод. 825, лл. 3 об.—4, 50 об.—51; ЦГАДА, ф. 62, 1685 г., д. 2, ч. 1, л. 185.

[23] ГИМ, Синод. 825, л. 2 об.

[24] Там же, л. 2.

[25] Н. Соколов. Философия Раймунда Люллия и ее автор. — ЖМНП. СПб., 1907, № 8, стр. 331—338; В. П. Зубов. К истории русского ораторского искусства конца XVII—первой половины XVIII в. (Русская люллианская литература и ее назначение). — ТОДРЛ, т. XVI. М.—Л., 1960, стр. 292, 298, 299; А. Х. Горфункель. «Великая наука Раймунда Люллия» и ее читатели. — Сб. «XVIII век», т. 5, Л., 1962.

[26] В. П. Зубов. К истории русского ораторского искусства..., стр. 299.

рыми разделами «Великой науки», неизвестный читатель сделал (на лл. 226 об., 228, 236, 237, 255, 267 и др.) пометы: «Белобоцкого».

Так как «Великая наука» написана в 1698/99 г., мы должны отказаться от предположения А. И. Соболевского о том, что Андрей Белобоцкий умер в начале 1690-х годов.

Если предположение, что автором «Великой науки» является А. Х. Белобоцкий, принято большинством исследователей без существенных оговорок, то значительно сложнее обстоит дело с установлением авторской принадлежности «Риторики». Д. Совицкий приписывает ее Иоакиму Богомолевскому; В. П. Зубов, воздерживаясь от определенного суждения, полагает, что, «если „Великая наука" принадлежит . . . Андрею Белободскому, то „Риторика Люллия", основанная на „Великой науке", уже явно составлена духовным лицом».[27]

Анализ содержания «Риторики» позволяет установить следующее.

1. «Риторика» написана в Москве.

2. Язык «Риторики», по замечанию А. И. Соболевского, близок к языку «Великой науки»; в нем встречаются полонизмы; сам автор говорит о польском языке как о родном («природном»).

3. Автор «Риторики» обнаруживает самостоятельное знакомство с той же самой люллианской литературой, что и автор «Великой науки», причем разделы «Риторики», в которых идет речь о Люллии и Майориканской академии, не являются заимствованием из «Великой науки».

4. Имеющиеся в «Риторике» совпадения с текстом «Великой науки» не являются буквальными заимствованиями и отличаются по форме изложения, основываясь на общем с «Великой наукой» круге представлений.

5. Два списка «Риторики» (ГИМ, Увар. 126 и 267), один из которых не был известен Д. Совицкому, имеют на внутренней стороне переплета помету: «Белобоцкого».

6. Автор «Риторики» советует начинать проповедь с напоминания «о последующих вещах жизнь нашу, о смерти, о страшном суде божием, о славе небесной и о муках вечных во аде», т. е. о предметах, составляющих содержание первых четырех книг «Пентатеугума» Андрея Болобоцкого; беседа 13-я первой книги «Риторики» содержит и текстуально близкое прозаическое переложение первой книги поэмы, а слова автора «Риторики»: «коль чистше злата солнце, коль светлейша сребра луна» — представляют собой почти буквальную цитату из первых строк «Пентатеугума»: «О светлейше злата солнце, луно, чиста паче сребра».[28]

7. Почерк рукописи ГИМ, Увар. 18, содержащей и «Великую науку», и «Риторику», совпадает с почерком единственного сохранившегося и, возможно, авторского списка «Пентатеугума» Андрея Белобоцкого.

8. Автор «Риторики», говоря о лжепророках, пишет: «О прелестных такожде пророках и волхвах мощно бы ми что рещи, не токмо от чтения и слышания об них, но и от видения самозрительного в Сибирских странах, яко с ума шедши, люто диаволом мучими бывают все чувства телесныя, назад им кривляющимся».[29]

Пребывание автора «Риторики» в Сибири наряду с другими приведенными выше основаниями убеждает нас в том, что она написана участником посольства Головина Андреем Белобоцким.

---

[27] Д. Совицкий. Русский гомилет начала 18 века Иоаким Богомолевский, стр. 51, 55, 62, 87; В. П. Зубов. К истории русского ораторского искусства. . ., стр. 298, 303.

[28] БАН, Арх., С-149, лл. 85, 121, 247 об.

[29] Там же, л. 69—69 об.

Предположение же Д. Совицкого об авторстве Иоакима Богомолевского должно быть окончательно отвергнуто. Факты биографии Богомолевского противоречат тем биографическим сведениям об авторе «Риторики», которые содержатся в тексте этого сочинения. Д. Совицкий попадает в порочный круг, доказывая пребывание Богомолевского в Испании, Франции, Германии (о чем нет никаких данных в хорошо сохранившихся документах его следственного дела) на основании приписываемой ему «Риторики», а затем обосновывая авторство Богомолевского этими же данными его биографии.

Никак не подтверждается анализом содержания «Риторики» и приведенное выше мнение В. П. Зубова о том, что она составлена духовным лицом. «Риторика» действительно предназначена для духовенства, и потому, вероятно, правильнее было бы ее, вслед за Д. Совицким, называть «Гомилетикой», однако сам автор, составляя руководство для «проповедников слова божия», нигде не относит себя к их числу.

Время написания «Риторики» установить трудно. Считалось, что она составлена после «Великой науки». Но имеющиеся в ее тексте совпадения с «Великой наукой» не являются заимствованиями и могут представлять собой первоначальную редакцию соответствующих разделов «Великой науки». К тому же, говоря в «Риторике» о Раймунде Люллии и Майориканской академии, автор не предполагает в читателе предварительного знакомства с учением каталонского философа, которое было бы естественно, если бы «Великая наука» предшествовала «Риторике». Поэтому нам представляется более убедительным датировать «Риторику» серединой 90-х годов XVII в.

Третье «люллианское» сочинение — «Краткая наука Раймунда Люллия» является дословным переводом «Ars brevis»; принадлежность ее автору «Великой науки», т. е. Андрею Белобоцкому, никем не оспаривается. В. П. Зубов считает, что «Краткая наука» «во всяком случае . . . предшествовала „Великой“».[30] Но мы не знаем ни одного списка «Краткой науки» ранее 1698/99 г.; в ряде случаев переписчик вместо 1307 г. — даты окончания Люллием «Краткой науки» ставил дату окончания переписки этого сочинения; самой ранней из такого рода записей является запись от 29 апреля 1707 (7215) г.,[31] и, возможно, она относится ко времени завершения Белобоцким работы над переводом. Кроме того, естественно предположить, что Белобоцкий не начал с перевода этого сочинения Люллия — автора, в России до того никому не известного, а занялся этим переводом, ободренный успехом «Великой науки».

И, наконец, последнее, седьмое по счету, сочинение А. Белобоцкого — «Книга философская, сложенная философом Андреем Христофоровичем» представляет собой краткий трактат по риторике. Несмотря на некоторое отличие в терминологии, «Книга философская» основана на применении логических принципов «Великой науки» и «Риторики». Владелец одной из рукописей «Книги философской» П. П. Вяземский сообщает о тезке Белобоцкого — полковнике Андрее Христофоровиче, упоминаемом в донесении земских бурмистров Белозерской ратуши от 24 сентября 1722 г.,[32] но нам представляется более правдоподобным отождествление «философа Андрея Христофоровича» с Андреем Христофоровичем Белобоцким. «Книга фило-

[30] В. П. Зубов. К истории русского ораторского искусства. . ., стр. 296.
[31] ГПБ, Тиханов, 216.
[32] ГПБ, Вяз., О.XXVIII, л. II; Описание рукописей П. П. Вяземского. Изд. ОЛДП, т. CXX. СПб., 1902, стр. 510—514; Книга философская. Изд. ОЛДП, т. XVIII. СПб., 1878.

софская», несомненно, написана после «Великой науки» и «Риторики» и является, вероятно, последним произведением нашего автора.

Отождествление «кормовщика Московского чину», преподавателя латинского языка в домах Апраксиных и Волконских, переводчика в посольстве Головина с автором «люллианских» сочинений, «философом Андреем Христофоровичем» значительно расширяет круг наших сведений о жизни Андрея Белобоцкого.

До приезда в Россию он успел получить хорошее философское и богословское образование. В его сочинениях мы встречаем многочисленные ссылки не только на творения отцов церкви, но и на крупнейших представителей средневекового богословия. Если знание трудов Беды Достопочтенного, Фомы Аквинского, Петра Ломбардского, Бронавентуры, кардинала-иезуита Робарта Беллармина, «регулы иезуитской риторов» и т. п. свидетельствует о пребывании в одной из польских иезуитских коллегий, то другие данные говорят о том, что Белобоцкий не ограничился в своем философском образовании схоластической премудростью. Он прекрасно знаком с учением Раймунда Люллия и, что особенно важно, читал сочинения его позднейших «толковников» — Агриппы Неттесгеймского, Иоганна Генриха Альстеда, Валерия де Вальер, Джордано Бруно; в «Риторике» и «Великой науке» встречаются ссылки на Кардано, излагается полемика трех «сект» — аристотеликов, рамистов и люллистов, приводятся мнения Дионисия Ареопагита и кабалистов, опровергаются воззрения атеистов и Анаксагора.

«Риторика» содержит многочисленные указания на странствования автора по странам Европы. Он говорит, например, об обычае «на всяк день поучения творити, яко во Францыи, Италии, Гишпании, Фландрии и прочих землях», рассказывает о гонениях на неверных в Испании, об обычаях «немцев и гишпанов», об обыкновении произносить в великий пост ежедневные проповеди в приходских церквах Испании, Франции, Италии и «по нижних немецких землях», об особенностях проповедей в «княжении Бранденбурском» и т. д. Рассказав о щедрости польского посла в Риме, он добавляет: «Не верил бых тому, аще бы в Гишпании будучи, в Академии Валисолютинской на италианском языке в Риме напечатованной о том посольстве книги не видал».[33]

Андрей Белобоцкий обнаруживает не только прекрасное знание латыни, но и знакомство с французским, испанским и итальянским языками; приводит он примеры истолкования имен на греческом, древнееврейском, сирийском и халдейском языках. Польский язык для него родной, а русским и церковнославянским он овладел в полной мере.

Мы не знаем, занимался ли Белобоцкий литературной деятельностью до приезда в Россию, — здесь во всяком случае он проявил себя как плодовитый писатель. Нам представляется возможным установить примерно следующую хронологию его сочинений: 1684—1685 гг. — перевод трех книг трактата Фомы Кемпийского «О последовании Христу» (перевод третьей книги не сохранился): 1685 г. — «Краткая беседа милости со истиною»; середина 1690-х годов — «Риторика» и «Пентатеугум»; 1698/99 г. — «Великая наука Раймунда Люллия»; 1700-е годы — перевод «Краткой науки Раймунда Люллия» и «Книга философская».

Мы не знаем, принимал ли участие Белобоцкий в подготовке издания «Краткой беседы милости со истиною» в 1712 г. или она вышла в свет после смерти автора; во всяком случае 1712 г. — последняя дата, с которой так или иначе связано его имя.

---

[33] БАН, Арх., С-149, лл. 51 об., 78 об.—79, 114 об.—116 об., 217.

3. Еретик Ян Белободский

В отличие от скромного переводчика в посольстве Головина его однофамилец и современник Ян Белободский находился в самом центре духовной жизни России 80—90-х годов XVII в. В бурное время диспутов о вере его испытывали на соборе перед патриархом Иоакимом, ереси его обличал Сильвестр Медведев, с ним спорили в публичном состязании братья Лихуды; Павел Негребецкий и инок Чудова монастыря Евфимий доносили о его неправославных взглядах светским и духовным властям. Вошедшие в «Акос» Лихудов, в «Щит веры» и другие полемические сборники обличения ереси Яна Белободского получили широкое распространение.

Мимо деятельности этого «ересеучителя» не прошли и исследователи русской литературы конца XVII в. Правда, П. М. Строев задавался вопросом: «Сей Андрей Белобоцкий тот ли Ян или брат его?», — а архиепископ Филарет и, ссылаясь на него, С. А. Венгеров, прямо отождествляли Яна с Андреем, не приводя, впрочем, каких-либо доказательств.[34] Однако большинство исследователей присоединилось к мнению А. И. Соболевского, что «переводчик Андрей Белобоцкий не должен быть смешиваем с Яном Белободским».[35]

«Дело на еретика Яна Белободского» изучено достаточно подробно в статье Н. Субботина, а относящиеся к нему материалы полностью опубликованы Дм. Цветаевым.[36] Все остальные занимавшиеся им исследователи ничего не прибавили к этим двум публикациям.

Обличение Яна Белободского содержится в пяти документах: в челобитной Павла Негребецкого царю Федору Алексеевичу от 19 мая 1681 г.; в «выписке из вопрошения и на письме поданного веры исповедания иноземца Яна Белободского» от 18 мая 1681 г.; в ответе Сильвестра Медведева на «Вызнание веры» Белободского от 10 июня 1681 г.; в отрывке из «Акоса» Лихудов, содержащем изложение диспута их с Белободским 15 марта 1685 г.; в отрывке из сочинения иеромонаха Евфимия против учения Григория Скибинского, написанного в начале 1690-х годов.

Оставляя пока в стороне воззрения Яна Белободского и его деятельность до приезда в Москву, ограничимся краткой сводкой имеющихся данных о его пребывании в России.

В Москву Ян Белободский прибыл в 1680/81 (7189) г. из Смоленска, «для того, слышал он, что великий государь на Москве хощет заводити школы, и он желал того, чтоб ему в тех школах быть учителем». Будучи католиком, он собирался перейти в православие и даже стать монахом или священником. Обличенный в ересях на соборе в Патриаршей крестовой палате, он тем не менее остался в Москве и в 1685 г. участвовал в диспуте с братьями Лихудами. После поражения на диспуте, как предполагали ранее исследователи, Белободский вынужден был удалиться из Москвы; во всяком случае во второй половине 80-х годов его здесь не было, и в знаменитом споре о времени пресуществления святых даров он участия не принимал. Но уже в начале 90-х годов он снова в Москве: иеромонах Евфимий

---

[34] П. М. Строев. Библиологический словарь. СПб., 1882, стр. 36; Филарет. Обзор русской духовной литературы, изд. 3-е. СПб., 1884, стр. 210; С. А. Венгеров. Источники словаря русских писателей, т. I. СПб., 1900, стр. 466.

[35] А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв., стр. 174.

[36] Н. Субботин. Ян Белободский и Павел Негребецкий. Эпизод из истории религиозных споров в России в конце XVII века. — Прибавления к Творениям св. отцов за 1862 г., ч. 21. М., 1862, стр. 569—614; Дм. Цветаев. Памятники к истории протестантства в России, ч. I. М., 1888, стр. 196—242.

жалуется патриарху Адриану, что Белободский «все тожде и мудрствует, и в разговорех все латинству учит, и прельщает и доднесь».[37]

Итак:

1. Время появления Яна Белободского в Москве — 1680/81 (7189) г. — совпадает со временем приезда в Москву Андрея Белобоцкого.

2. Имя Ян упоминается по отношению к Белободскому только в 1681 г. Лихуды и Евфимий, чьи свидетельства относятся к 1685 и 1690-м годам, не называют обличаемого ими Белободского по имени. В отличие от позднейших исследователей современники ничего не знают о существовании в это время в Москве двух Белободских. В противном случае в полемических сочинениях обязательно было бы названо имя противника.

3. Диспут Лихудов с Белободским происходил в присутствии братьев царицы-вдовы Марфы Матвеевны, т. е. братьев Апраксиных, покровительством старшего из которых — Петра Матвеевича пользовался, как мы знаем, Андрей Белобоцкий.

4. В беседе с Павлом Негребецким Ян Белободский рассказывал, что ему «мафематик в немецкой земле прорицал в глубоких полуночных странах быти; тем же и рекл он, яко хотел бы он и в Сибирь ехати, или в Китайскую страну, и любезно ему он нарекл быти в разные далечайшие страны путьшествование».[38]

5. Белободский-ересеучитель не только сам не принимал участия в дискуссии о пресуществлении в 1687—1689 гг., но и обличающие его Лихуды говорят о нем, лишь вспоминая бывший с ним в 1685 г. диспут. Трудно допустить, чтобы сторонники греческой партии обошли молчанием еретика Белободского, если бы он находился в это время в Москве.

6. Белободский снова появляется в Москве в начале 1690-х годов. Таким образом, время отсутствия еретика Белободского совпадает со временем участия Андрея Белобоцкого в китайском посольстве Головина.

7. Наконец, если не все, то многие из еретических высказываний Яна Белободского нашли отражение в сочинениях Андрея Белобоцкого, — в «Великой науке Раймунда Люллия» и особенно в «Риторике». Мы встречаем в них мнения, близкие к изложенным в полемических против Яна Белободского сочинениях и в его «Исповедании веры»: и о предопределении, и о возможности спастись и в католической, и в православной церкви, и указания на необходимость следовать обыкновению церкви и земли, в которой пребываешь.

В «Исповедании веры» Ян Белободский утверждал, что лишь тогда «будет целая церковь, егда будет по страшном суде едино стадо и един пастырь»; эту же мысль мы находим и в «Риторике» Андрея Белобоцкого: «Подобает расколом быти в вере, да имя Христа восславится».[39]

Еретик Ян Белободский «исповедует: яко аще и разны суть постановления церкви святей греческой и костела римскаго, обаче кто познати не может, которая известнейша и безопаснейша вера (то есть в которой спастися лутче), избавлен во обоих верах быти может. Но которому бог в сердце толцает, дабы лучше ту избрал, неже ону, а той человек того толцания божия не послушает, той не может быти известен своего спасения: ибо противится духу святому». О том же почти дословно говорит Андрей Белобоцкий в «Риторике»: «Бог же от зла силен есть сотворити благое, наипаче егда кто не по упрямству своему и противлении духу святому и

---

[37] Дм. Цветаев. Памятники к истории протестантства в России, ч. I, стр. 196—242.

[38] Там же, стр. 203.

[39] Там же, стр. 235; БАН, Арх., С-149, л. 77.

власти церковной, но по неведомости не согласную церкви божией веру держит, и за сию душу свою полагает. Неведомость убо не есть грех, аще истиннаго наставления не имеет».[40]

Все эти совпадения в биографии и во взглядах убеждают нас в том, что ересеучитель Ян Белободский и переводчик Андрей Христофорович Белобоцкий — одно лицо. Мы знаем, что, приехав в Россию, Ян Белободский намеревался принять православие и даже стать духовным лицом. Если в последнем намерении ему воспрепятствовали его влиятельные в церковных кругах противники, то переход в православную веру в связи с поступлением на царскую службу не должен был представить особых затруднений. Переходом в православие может быть объяснена перемена имени. Правда, казалось бы, более естественно было бы ожидать замены польского имени «Ян» русским «Иван», тем более что в «Исповедании веры» на русском языке Белободский и прямо именует себя Иоанном. Подобные случаи имели место при переходе в православие из инославных христианских исповеданий: так, иноземцу Степану Демонту при крещении в православную веру было дано имя Степан. Но это не было общим правилом, гораздо чаще встречалась перемена имени при крещении: Авдотья Миллер получила при переходе в православие имя Матрена, Степан Босман был наречен Яковом, София Рихтер — Дарьей. Во всех этих случаях, относящихся к 1681—1691 гг., собственные имена переходящих в православие иноземцев могли бы быть и сохранены, так как встречаются в русских святцах.[41]

Отождествление Андрея Белобоцкого с ересеучителем Яном предоставляет в наше распоряжение ряд дополнительных биографических данных.

Павел Негребецкий в своем доносе, ссылаясь на земляка Белобоцкого, «Литовския страны иеродиакона Мануила», который «его, Белободского, знает из малых лет», сообщает, что тот прежде жил в Слуцке «за хлопца» у ректора-кальвиниста, «о котором в Слуцку ведомо многим людем, что он был чернокнижник», «и после жил в Торуне, в котором их кальвинской суфруган, то есть их духовный начальник, который их ставит в попы, и в Торуню он учинен алюмном, то есть клириком и потом в Слуцку той Белободский в кальвинском зборе сказывал еретическая поучения».

В Польше Белобоцкий подвергался преследованиям со стороны иезуитов, которые его называли кацермистром, «то есть ереси учителем», «дабы его христиане прелести хранилися». После Слуцка он «хотел было учить» в Могилеве, «и от того учинилось в Могилеве замешание». Из Могилева Белобоцкий приехал в Смоленск, но, узнав о том, иезуиты «нарочно присылали к смоленской шляхте, воеже бы шляхта от того Белободскаго хранилися и прельщению иго лестному, яко кацермистру, не верили»; по словам самого Белобоцкого, иезуиты опасались, «дабы аз в Смоленску академии, сиречь науки, не заводил».[42] Таким образом, самый приезд Белобоцкого в Москву был в значительной мере вызван преследованиями со

---

[40] Дм. Цветаев. Памятники к истории протестантства в России, ч. I, стр. 232; БАН, Арх., С-149, л. 77.

[41] Дм. Цветаев. Памятники к истории протестантства в России, ч. I, стр. 41—60. Любопытно, что, ставя свою подпись под распросными речами в Посольском приказе в 1686 г., Андрей Белобоцкий фамилию свою написал по-польски: Bialobocki, а имя, хотя и латинскими буквами, но не по-польски: Andrzei, а по-русски: Andrey; очевидно, имя Андрей было для него не родным, польским, а русским, полученным при крещении в православие (ЦГАДА, ф. 62, 1685 г., д. 2, ч. 1, л. 185).

[42] Дм. Цветаев. Памятники к истории протестантства в России, ч. I, стр. 198, 214, 216.

стороны иезуитов; не случайно много лет спустя, в «Риторике», он обличал лицемерие и корыстолюбие иезуитов: «и не грех им продавать Христа за тысящу рублев».[43]

Приехав в Москву, Белобоцкий поселился в Спасском монастыре вместе со своими земляками иеромонахами Козловским и Кудрицким. Беседы с ними, а особенно с архимандритом монастыря Гаврилой Домецким и польским выходцем Павлом Негребецким послужили поводом к обвинению его в тайной и явной ереси. Как уже установлено исследованиями Н. Субботина и А. Прозоровского,[44] выступление с обличительной челобитной мало кому известного и необразованного Павла Негребецкого[45] было инспирировано Сильвестром Медведевым, увидевшим в Белобоцком не только опасного по своим взглядам ересеучителя, но и нежелательного конкурента при предполагавшемся устройстве Академии в Москве. Медведев собственноручно написал черновик доноса царю. Но еще до этого, 18 мая 1681 г., Белобоцкий был вызван к патриарху, испытан в вере и признан еретиком. Однако собор в крестовой палате не принес нужных Медведеву результатов: церковные власти удовлетворились обещанием Белобоцкого «ереси римския, люторския, кальвинския написать своею рукою и проклинать; также обещал написати веру греческую и церковная предания своею же рукою, с обещанием, что ему в той вере пребыти до смерти».[46] По существу это означало согласие на крещение Белобоцкого в православие.

Медведев решил обратиться к светским властям. На другой день им была написана и подписана Негребецким челобитная царю Федору Алексеевичу. Боярин И. М. Языков в тот же день передал ее царю. Настоятель Заиконоспасского монастыря требовал решительной расправы с «кацермистром»: призывая не верить намерению Белобоцкого креститься в православие, он завершает челобитную обращением к царю: «. . . и ты, православный монархо, пожалуй, повели на тело и на кровь Христову хулы его и лукавства кровию его на нем изыскати . . . Ибо лучше есть единому умрети, нежели многим еретичеством погибнути».[47]

Вероятно, вспоминая о предательском доносе Павла Негребецкого, Белобоцкий писал впоследствии в «Риторике»: «Иннии (еже самая лукавая злоба есть натуры) в гневе своем гладко с досадниками своими глаголют, или странныя, и до себе не надлежащия вещи подмечают, да уловят в чем неопасный язык в гневе досадника своего, по чему мощно б его обвинить и в тяжкие беды привести, да тако гнев свой кровию досадников своих и аще им мощно смертию самою угасят».[48]

Ход дела не оправдал ожиданий Медведева: единственным известным нам результатом была вновь передача дела на суд патриарха. 31 мая Белобоцкий подал «Вызвание веры». Опровержение на это исповедание было написано С. Медведевым 10 июня 1681 г. и в тот же день послано пат-

---

[43] БАН, Арх., С-149, лл. 221—222.

[44] Н. Субботин. Ян Белободский. . ., стр. 569—575; А. Прозоровский. Сильвестр Медведев. М., 1896, стр. 198—205.

[45] До сих пор сведения о нем исчерпывались тем, что он сам сообщал в своей челобитной. Нам удалось обнаружить документы о выезде Павла Данилова сына Негребецкого в Россию в феврале 1678 г.; имя его упоминается в списке кормовщиков Московского чину 1681/82 (190) г. с пометой на полях: «пропал» — и снова появляется в списке 1683 г.(ЦГАДА, ф. 210, Книги приказного стола, д. 21, лл. 53—54; Книги денежного стола, д. 139, л. 34; д. 217, л. 24 об.).

[46] Дм. Цветаев. Памятники к истории протестантства в России, ч. I, стр. 219.

[47] Там же, стр. 215.

[48] БАН, Арх., С-149, л. 182.

риарху с Карионом Истоминым. Назавтра, 11 июня, «сие писание чтено на соборе в Патриаршей крестовой палате».[49]

Белобоцкого не постигла трагическая участь Квирина Кульмана. Он остался в Москве, перешел в православие, поступил на «государеву службу» и занялся литературной и преподавательской деятельностью, обеспечившей ему впоследствии покровительство ряда влиятельных лиц.

Ко времени приезда в Москву Лихудов в 1685 г. Белобоцкий уже имел достаточный авторитет, чтобы смело вызвать на спор ученых греков. К сожалению, о ходе диспута у нас имеются лишь крайне односторонние показания «самобратий» Лихудов, не отличавшихся ни скромностью, ни щепетильностью в полемике. Диспут был устроен в присутствии братьев Апраксиных, племянника патриарха Иоакима И. А. Мусина-Пушкина, переводчика Посольского приказа Н. Спафария. Белобоцкий «овогда глаголаше быти себе от калвинов, овогда же от лутеранов, и овогда же от папистов», в вопросе о пресуществлении придерживался латинских взглядов. По словам Лихудов, опровергнутый и уличенный ими в ересях Белобоцкий «пребых безгласен и убежать не можаше», так как бывшие с ним «боляре» понуждали его к ответу. В конце концов ересеучитель сослался на непричастность свою к богословию и предложил другую тему для диспута: как «рождается душа, от семене мужеска или посылается отвне, рекше от бога», но и тут был разбит.[50] Трудно сказать, чем в действительности закончился спор. Во всяком случае Лихуды получили в свои руки Академию, основанную два года спустя в Москве, Белобоцкий же спустя год после диспута уже находился в пути на китайский рубеж.

Сведения, сообщаемые Евфимием, представляют собой единственное свидетельство о деятельности Белобоцкого в 90-е годы. По словам иеромонаха Чудова монастыря, Белобоцкий, «яко диавол лживец, на соборе будто отрицался ересей лютерских и латинских, с анафематствами, а все творил притворством, имже вползе в паству Христову; а опосле того все тожде и мудрствует, и в разговорех все латинству учит, и прелщает и доднесь». И далее, говоря о деятельности «таковых прелестников» в Москве, фанатичный сторонник истинного православия сообщает, что «начаша сицевии семо приходити и вселятися некиих благородных жителей в домы, оттоле о церкви, и о церковных преданиях и чинех, и о самой вере начаше двизатися словеса неподобная, и тем не токмо простии человеци прелстишася, но и освященнии нецыи, иже помалу и тайно и тии о вере любопрения воздвижут, ими же многы прелщающе и от истины преучающе».[51]

В этой ожесточенной борьбе ревнителей древнего греческого благочестия и сторонников светского просвещения развертывается литературная деятельность Андрея Белобоцкого, к рассмотрению которой мы и переходим.[52]

4. Творения на русском диалекте

Вопреки мнению Андрея Белобоцкого, трактат Фомы Кемпийского «О последовании Христу» и до него переводился на русский язык. Выяснение достоинств этого нового перевода не входит в наши задачи; нас инте-

[49] Дм. Цветаев. Памятники к истории протестантства в России, ч. I, стр. 240.
[50] Там же, стр. 240—242.
[51] Там же, стр. 242.
[52] Уделяя основное внимание поэтическому творчеству Белобоцкого, его философским и религиозным взглядам, мы оставляем в стороне его риторические сочинения, обстоятельно исследованные В. П. Зубовым. См. также нашу статью «„Великая наука Раймунда Люллия" и ее читатели», посвященную выяснению причин популярности этого сочинения в XVIII в.; см.: стр. 193.

ресует прежде всего оригинальное литературное творчество Белобоцкого, а оно в данном случае представлено стихотворными посвящениями — «рифмами», предпосланными им каждой из двух частей перевода. «Рифмы» эти являются истолкованием анаграмм, «сиречь сложения слов некиих, избранных от литер имени, его же зде видел еси». В первом случае из букв написанного по-польски и по-русски имени и титула «Пречестнейшей Антониды Даниловны, игуменьи Новодевича монастыря под Москвою» составлена анаграмма: «Дар от духа святаго, поле свято, вождь даный девом законным в низине, лоно Авраамово»; из имени наместницы Анастасии Федоровны составлена анаграмма: «Древо кедрово в Ливане посаждене, Серафим с неба законнаго, и вам, сопостати, мочь Сампсона».

Первое посвящение написано традиционным 11-сложным силлабическим стихом с парной рифмой и с цезурой после пятого слога:

Имена с делы много согласуют,
Звание от дел людем приписуют.
Имя, звание, чин тобою взятый
Предизобрази в тебе сам дух святый...
Посреде всех ты на земле есть ныне,
Вождь, данный девам законным в низине...

Второе посвящение написано 13-сложным стихом с цезурой после седьмого слога:

Кто чте святые книги, весть лесы Ливана,
Славы их не покрыют вечныя времена.
От тех древес Соломон богу храм водрузи,
Из таковых же киот Моисей изобрази...
Богу, аггелом, людем вина веселия,
А вам, сопостати, мочь Сампсона велия.

Слова каждой из анаграмм искусно включены в «рифмы» и вписаны киноварью.[53] Льстивые посвятительные вирши эти ничем существенно не отличаются от аналогичных им стихотворений Сильвестра Медведева и Кариона Истомина и, несмотря на несомненное формальное мастерство автора, не обогащают наших представлений о русской поэзии конца XVII в.

По мнению А. И. Соболевского, диалог «Краткая беседа милости со истиною о божии милосердии и мучении» является переводом неизвестного латинского диалога; разыскать оригинал нам пока не удалось. Неравное число слогов в стихах диалога побудило А. И. Соболевского считать это сочинение «скорее прозаическим».[54] Однако почти весь текст «Беседы», за исключением прямых цитат из Библии, зарифмован. При этом некоторые, быть может и случайные, созвучия заставляют предполагать в авторе стремление ввести и перекрестную рифму:

Оба боги восхотеша быти, един их грех,
    едино будет им и мучение.
Яко лукавый ангел, тако и человек
    посланы будут во ад на осуждение...
Не глаголи тако, сестро; за грех, единожды сотворенный,
    Бог мучит вовеки,
Яко погубил Дафана и Аврона
    со всеми, Моисию противящимися человеки...
Или не за един грех Ахарь с сыны,
    и дщерьми, с волы, овцы и ослами
Побиены камением от Иисуса и сожжены
    и неповинных паде тьмами...

---

[53] ГИМ, Синод. 825, лл. 5—5 об., 52.
[54] А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв., стр. 174.

Робкие попытки эти получили дальнейшее развитие в последующем творчестве А. Белобоцкого.

Содержание «Беседы» составляет спор божественной милости и божественной истины о том, заслуживает ли грешник жестокой кары или прощения. Идея спасения рода человеческого вопреки суровым требованиям Истины (сраженная доводами Милости, она в конце диалога признает: «Милость все побеждает, все грехи покрывает Милость») явилась ответом Белобоцкого на религиозные преследования, которые он наблюдал в своих странствиях, на нападки фанатиков, жертвой которых был он сам — в Польше преследуемый иезуитами, в Москве — ревнителями исконного благочестия.[55]

Не исключено, что эти идеи «Беседы» послужили причиной гибели (может быть, уничтожения) всего тиража издания 1712 г., ни одного экземпляра которого не сохранилось. В результате в справочные издания книга эта попала без имени автора и под искаженным названием.[56] Список с печатного издания, сделанный (очевидно, из-за редкости этого издания уже тогда) в 1737 г. библиотекарем Академии наук А. Богдановым, хранится в Отделе рукописей БАН. С искаженным именем автора (Белоградский вместо Белобоцкий) сведения о диалоге были включены в «Опыт исторического словаря» Н. И. Новикова, отметившего: «Сия книжка написана весьма замысловато и достойна похвалы».[57] От Новикова имя несуществующего писателя Белоградского с неизвестно откуда взявшейся датой издания «1750 г.» перешло во все справочные издания и словари вплоть до С. А. Венгерова.[58]

Главное поэтическое произведение Андрея Белобоцкого — огромная, в 1328 стихов (в рукописи написано по два стиха в строку, и восьмистишия о перекрестной рифмой выглядят как четверостишия, так что в ней начитывается 664 стиха), поэма, названная автором «Пентатеугум, или пять книг кратких, о четырех вещах последних, о суете и жизни человека. Первая книга о смерти. Другая книга о страшном суде божиим. Третия книга о гегене и муках адских. Четвертая книга о вечней славе блаженных. Пятая книга о суете мира, нареченная Сон жизни человеческия».[59]

«Трудно сказать, что оно такое, — писал об этом произведении Белобоцкого А. И. Соболевский, — переделка чего-нибудь западноевропейского или подражание. Тема — четыре вещи последние — на западе была разработана много раз, и сочинения (прозаические) на эту тему Картена и Костера были переведены на польский язык».[60]

Ограничение источников «Пентатеугума» польскими переводами не может быть оправдано: как мы знаем, Андрей Белобоцкий владел латынью и западноевропейскими языками.

Прозаическое сочинение иезуита Франсуа Костера «Рассуждения о четырех вещах, последующих жизнь человеческую», неоднократно переиздававшееся в XVII в., представляет собой богословско-этический трактат,

---

[55] Интересно, что в «Беседу» проникли сведения о существовании учения о множественности миров: кровь Христа, «аще бы тысяща еще миров к сему было, вси от грехов омыти довольна» (БАН, 16.16.21, л. 15).

[56] Т. А. Быкова, М. М. Гуревич. Описание изданий гражданской печати. М.—Л., 1955, стр. 134.

[57] Н. И. Новиков. Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772, стр. 19.

[58] С. А. Венгеров. Источники словаря русских писателей, т. I, стр. 448.

[59] ГИМ, Увар. 268, лл. 355—369 об. В дальнейшем все цитаты из поэмы даются по этому — единственному списку.

[60] А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв., стр. 175.

лишь по названию и предмету своему совпадающий с сочинением Белобоцкого.[61]

Больший интерес представляет другое сочинение Костера — «Небесное учение», к которому в некоторых изданиях были приложены стихотворения о «четырех вещах последних» немецких поэтов-иезуитов, писавших по-латыни: «Погребальный плач» и «Страшный суд» Радера и «Вечные адские мучения» и «Вечная радость блаженных» Нисса. Эти произведения и послужили источником первых четырех книг «Пентатеугума».[62]

Мы не знаем, каким именно изданием стихотворений Иоганна Нисса и Матвея Радера пользовался Белобоцкий. Порознь и вместе они множество раз переиздавались на протяжении XVII в.[63] Лучшее из доступных нам изданий — мюнхенское издание 1688 г., содержащее тексты всех четырех «од» поэтов-иезуитов. Именно в этом издании стихи снабжены эпиграфами, теми же, что и у Белобоцкого. Параллельно с латинским текстом здесь приведен немецкий оригинал стихотворения Петра Франка «О смерти», являющийся оригиналом «Надгробного плача» Радера, а также немецкие переводы трех остальных стихотворений, исполненные Сигизмундом Бакхамером и Христофором Энгельбергером. Завершает этот сборник «Поэтическое состязание», содержащее наряду с той же первой «одой» Радера другие латинские переводы стихотворения Петра Франка, сделанные Рудольфом Маттманом, Якобом Бидерманом и Иеремией Декселем.[64]

Возможно, что ознакомление с этими разнообразными переводами с немецкого на латынь и с латинского на немецкий и побудило Белобоцкого принять участие в этом поэтическом турнире, создав на основе латинских стихов «творение на русском диалекте». Первые четыре книги «Пентатеугума» и представляют собой перевод четырех «од» Радера и Нисса.

Но если всякий поэтический перевод является в значительной мере оригинальным литературным произведением, то с тем большим основанием это можно сказать о переводах XVII в., и в особенности о переводе А. Х. Белобоцкого.

Прежде всего своеобразна стихотворная форма перевода. Сохранив 8-строчную строфу оригинала, Белобоцкий совершенно изменил размер, заменив чередование 8- и 7-сложных строк 8-сложным силлабическим стихом. Главное же отличие перевода Белобоцкого заключается в введении перекрестной рифмы. В латинских «одах» рифма вообще отсутствует. Характер размера и рифмы в параллельно опубликованных в сборнике немецких стихах совершенно отличен от стиха Белобоцкого.

Скорее всего рифма была введена Белобоцким в соответствии с характером русской книжной поэзии того времени, не знавшей белого стиха, и на основе своего собственного поэтического опыта «рифм» в посвящении к переводу Фомы Кемпийского и в «Краткой беседе». Насколько нам известно, Андрей Белобоцкий в «Пентатеугуме» впервые в истории русского стиха ввел перекрестную рифму.

Переводчик вольно обошелся и с композицией произведения, сократив количество строф в третьей и четвертой частях. Главное же композиционное новшество, введенное Белобоцким, — это присоединение к четырем «одам» немецких поэтов пятой, последней книги: «Сон жизни человеческие

---

[61] Costerus. De quatuor novissimis vitae humanae. Cracoviae, 1605.

[62] F. Costerus. Meditationes de quatuor novissimis vitae humanae. His accedi Doctrina coelestis. Viennae, 1743.

[63] M. Raderus. Syntagma de statu morientium. Monachii, 1614; I. Niess. Alphabetum diaboli. Dilingae, 1670.

[64] M. Raderus, I. Niess. Quatuor hominis ultima. Monachii, 1688.

или суета». Это несомненно тоже перевод, вероятно тоже с латинского языка, хотя обнаружить оригинал пока не удалось. Включение пятой части и создание из всех пяти книг единого, цельного произведения (в то время как в латинском тексте каждая «ода» имела самостоятельное происхождение и лишь со временем все четыре были объединены издателями) придали творению А. Х. Белобоцкого единство замысла и построения. Переводчик не счел возможным закончить свою поэму описанием райского блаженства святых, он даже не перевел эту огромную «оду» Нисса целиком, ограничившись 22 строфами из 60. Преисполненные глубокого трагизма скорбные размышления о смерти, страшном суде и адских муках занимают его более, нежели небесное воздаяние праведникам; и достойным завершением этих патетических описаний страстей человеческих и мрачных апокалиптических видений явилось не лицезрение святой троицы, а спокойное, умиротворенное и грустное размышление о суете человеческой жизни.

Переводя латинские стихи на «русский диалект», Белобоцкий приспосабливает свой перевод к русским условиям, стремясь сделать его близким и понятным русскому читателю.

Прежде всего он резко ограничивает употребление античных мифологических имен и понятий, часто опуская их или переводя русскими понятиями: «Парка» заменяется «смертью», Плутон — адом, царство Дита — царством Сатаны; такие имена и названия, как Крез, Цербер, Циклопы, Наяды, Олимп часто не переводятся совсем.

Белобоцкий широко вводит в свою поэму русские реалии, используя образы и понятия современной ему русской жизни. В стихах его действуют «князи с болярами», вокруг них — их «двор и дворяне», живут они в «палатах честных», люди бьют им челом до лица земли, а по смерти «боярин крестьянину, царь холопу равны будут». Вдова «по себе справит отчину». Смерть крадется «яко тать и разбойник», «вяжет веревку с крепких лык»; говоря об одеяниях богачей, не давших овчины бедняку, Белобоцкий перечисляет шубы, шубки с соболями, «горностайны с огоньками», рысьи, лисьи, бельи, вспоминает и о «поколенных кафтанчиках». Адский огонь он сравнивает с огнем на железных заводах.

В торжественный церковнославянский язык поэмы, грешащий полонизмами и латинизмами, Белобоцкий смело вводит слова и обороты русской разговорной речи: «в далекой путь идеши, а запасу тебе мало», «тверда будет постель главе, мила, что соль кому в очи», «прочь с полаты, ну, вон з двора!» и т. п.

Система образов в поэме Белобоцкого гораздо более выразительна и конкретна, нежели в насыщенных мифологическими ассоциациями отвлеченных моральных сентенциях поэтов-иезуитов.

В результате такой вольной переработки «од» Радера и Нисса Андрей Белобоцкий создал самостоятельное произведение русской поэзии, значительно превосходящее по своим художественным достоинствам использованный им латинский оригинал.

Первая книга — «О смерти» — открывается патетическим обращением к небесным светилам, вечности которых противостоит бренность человеческой жизни:

О светлейше, злата солнце, луно, чиста паче сребра!
Смерть блискую слышит сердце, мне умрети, вам жизнь добра.
Два светила в день и ночи, ваш век старости не знает.
Нам сон смерти лезет в очи, старых и младых стращает.
Звезды на небе светите, планиты кругом ходите,
Сестры Плеяды простите, дождь нам в жарах посылайте.
Кастор и Полюкс, ваша милость явна по морю плывущим.

Нам не поможет звезд ясность, с кораблем жизни тонущим.
Луги, травки, цветки, рощи, поля, горы, винограды,
Земля и древес овóщи, огороды, лесы, сады,
Источники крустальных вод, думы птиц сладко поющих,
Жизни нашей кончится год, простите умирающих!

Преисполненные глубокой скорби причитания о неизбежности смерти перемежаются с бытовыми картинами повседневной жизни:

Схранивши тело в земли, вечная память пропевши,
За обедом приближенни смеются, тебе забывши...
Черно платие кручину, потужил год, сродник скинет,
По себе справит отчину, жена за другого выдет.
Душу твою поминати по церквям иным прикажут.

Призывом к праведной жизни в ожидании неминуемого конца и новым обращением к неумолимой «темных гробов владычице» завершается первая часть «Пятикнижия».

Другой, гневный и величественный, тон господствует во второй книге — «О страшном суде». Стих Белобоцкого приобретает мрачную торжественность:

Сюды, сюды поспешайте, монархове мира сего.
Песней моих послушайте, власть чина церковнаго.
Цари, князи с болярами, вельможа купно с рабами...

Грозное описание конца света открывает эту часть поэмы:

Где посмотрю, везде гроза, страх, болесть, замешание
Огненная стоит лоза, на грешных наказание...
Кипит море, камень дикий крушится, давно потеет.
Крик, вопль и шум превеликий, и небесна твердь ся хвеет.
Паде мир в гору ногами, претворился с городами,
Остаток сгореет с нами, живущими мертвецами.
Молчание в мире стает, в пепел сожженным до кола.
Ночь темна от моря встает, не звонят нам колокола.

Апокалиптические видения бедствий, обрушившихся на землю, сменяются описанием «сильных рот» богатырей, несущих знамя с изображением распятого бога — и начинается суд. Гневное обличение грешников, в котором явственно звучат ноты социального протеста, составляет едва ли не самую выразительную часть поэмы:

Аз алках, вы пировали, просил у вас милостыни,
Вы же ми отказывали, не дали хлеба крошины...
Чреву есте работали, с брюхом ходя, что с бочкою,
Нищих словом отбывали, отягчали работою...
В потех, в жарах, что в дни жатвы просил у вас охолоды,
Не помнили есте клятвы, не дали ми капле воды ..
Аз в морозех наго ходил, дрожал у вас под окнами,
Одежды на мя не положил, никто не покрыл шубами.
Вы платие сундуками делали всеми годами,
Шубы, шубки с соболями, горностайны з огоньками,
Рысьих, лисьих, бельих много, мне не дали и овчины.
Дрожите, ходите наго, не дам вам и рогозины.
Седях в тюрьме, главы моей безвинно врази искаша...
Странных, бедных, утомленных, с пути в твой дом приходящих,
Изгнал еси посрамленных, места у тебе просящих.
Ты на мяхком пуховнику лежал, а они не спали.
Полежишь в будущем веку в аде, они в небе стали...

Третья, самая большая часть поэмы — «О гегене и муках вечных» — во многом перекликается со второй. И здесь описание адских мук:

О мой боже, како кипит в огню глубока пучина,
В одно место жар ся копит, сера, смола, известь, глина.
Где не пойдешь, везде тошно, беда, горе, слов не стает.
Вся описать несть ми мощно, в разум ся нам не вмещает —

сочетается с обличением пороков.

Среди грешников и монахи:

Горе руцем кризмованным, плешам на главе стриженным,
В чын священской посвященным, но на душе своей скверным...

и богачи:

Горе господам жестоким, раб своих утесняющим...

и женщины:

Горе гладким лицам женским, душам, сердцам, надежам,
Гордящимся яко павлин хвостом, в прельщение мужем...

и франты:

Горе красиком, щепетком, кудрявчиком и чупринком,
Стави-ногом, верти-пядком, поколенным кафтанчиком,
Кудерки их и чупрунки станут с болем колтунами,
Пламень от них, смрад велицый, згореют с ними и сами.

и мятежники, и раскольники, и развратники — все, не послушавшие «заповедей, богом даных». Все осуждены:

Земля тебе не пособит, небо не даст ти помощи,
Гинь, пропадай, бог ти судит, в гегене несть грешным прощи.
Связан еси осужденный, недежда тя отступила,
Вечность, вечность без премены в гегене тя затворила.

В четвертой «песне» Белобоцкого напряжение резко спадает. После пламенных видений ада и страшного суда, после гневных патетических обличений следует умиротворенное описание райского блаженства:

Мрака тамо не бывало, ниже ночи и темности.
Светило ся не скрывало полно от агнца светлости.
Ветры шумов не творили, снегов же, градов и дождей,
Облаки не испустили вредливых с себе ненастей.

Но этот предмет явно не вдохновляет автора, и, описав святую троицу и окружающих бога святых, он неожиданно обрывает эту часть поэмы на описании мучеников, стоящих вокруг Христа с орудиями своих мучений в руках.

Завершает поэму пятая книга — «Сон жизни человеческия или суета». В ней гораздо больше, чем в других частях «Пентатеугума», ощутим перевод: суетность жизни доказывается примерами из древней истории — гибель Трои и разрушение семи чудес света; завершает поэму описание величия и падения Рима. Запустение великой столицы мира, разрушение древних памятников — таков бесславный итог великих деяний:

Наследники днесь Римляне, ищут древние честности.
Врата твои, о Трояне, подгризли зубы старости.
Паде столп седмилестничный, Севера милостиваго,

И двор Люкулла столичный, не знать валу Титоваго.
В твоих банех, Антонине, гусята ся полоскают,
В твоей, Тибур, равнине, козы душных трав нюхают...

Печальным выводом звучат заключительные слова поэмы:

Потешные комедие с творцами и зрителями
Век пременил в трагедие, вся днесь лежат под ногами.

«Пентатеугум» Андрея Белобоцкого принадлежит, на наш взгляд, к числу значительнейших произведений русской поэзии конца XVII в.

Поэма эта посвящена чисто религиозному сюжету. Это и не удивительно. При всем своем свободомыслии, о котором речь пойдет в дальнейшем, Белобоцкий был, несомненно, человеком верующим. Существенно не то, что мысли о жизни и смерти воплощались поэтом в формах традиционных религиозных представлений, в привычных и понятных каждому его современнику библейских образах и ассоциациях, не для упражнения в версификации и не для повторения всем известных нравоучительных сентенций христианской морали взялся Белобоцкий за создание своей поэмы, — в фантастических картинах страшного суда и адских мук он пытался выразить свое видение мира.

Сейчас трудно еще сказать, в какой связи стоит «Пятикнижие» Белобоцкого с русской культурной традицией. Но при чтении поэмы вспоминаются иконы Страшного суда конца XVII—начала XVIII в. в церквах русского севера, фрески вологодских и ярославских соборов.

Драматическая эпоха великих потрясений, эпоха «мятежей и казней», «всеконечной погибели и разорения», когда целые уезды, доведенные до отчаяния поборами и платежами, снимались с насиженных мест и «брели розно», «скитаясь меж двор», а то и уходя в глухие леса к раскольникам, эпоха мрачных проповедей и самосожжений нашла свое отражение в страшных видениях и трагическом пафосе «Пентатеугума» Андрея Белобоцкого.

Но как бы ни были велики страдания человека в конце XVII столетия, ими не исчерпывалось и не определялось содержание этой эпохи русской истории. 90-е годы — время первых петровских преобразований, время ожесточенных споров, время, когда решался вопрос о путях дальнейшего развития России. С прогрессивными тенденциями в русской культуре этой эпохи связана просветительская деятельность А. Х. Белобоцкого.

5. Исповедание веры

Подлинное соборное исповедание веры Яна Белобоцкого нам до настоящего времени разыскать не удалось. П. М. Строев сообщал, что он видел «Исповедание веры недостойного раба Христова Иоанна Белободского, философии и богословии профессора» на польском и русском языках среди сборников Патриаршей (Синодальной) библиотеки, однако указанные им шифры не позволяют установить местонахождение рукописей по позднейшим описаниям:[65] Архимандрит Филарет, не давая точных ссылок, упоминает сочинение Белобоцкого «О безразличии церквей»,[66] которое, по мнению Г. Мирковича, есть не что иное, как соборное исповедание веры на польском языке, подлинник которого «находится ныне в рукописном непереплетенном сборнике Синодальной библиотеки № 1, лл. 268—303».[67]

---

[65] П. М. Строев. Библиологический словарь, стр. 35—36.

[66] Филарет. История русской церкви. Период IV. Изд. 5-е. М., 1888, стр. 185—186.

[67] Гр. Миркович. О времени пресуществления св. даров. Вильна, 1886, стр. 87.

К сожалению, и это указание неточно: материалы упомянутого Г. Мирковичем сборника опубликованы Дм. Цветаевым и содержат не исповедание веры, а его опровержение.[68]

Однако и до того, как будет разыскано подлинное «Вызнание веры» Белобоцкого, о содержании его философско-религиозных воззрений мы можем судить как по доносам на него и обличениям его взглядов, так и — что особенно важно — по его сочинениям, в первую очередь «Великой науке» и «Риторике».

Сложное мировоззрение Белобоцкого требует обстоятельного изучения в тесной связи с анализом духовной жизни России конца XVII столетия. В настоящем кратком сообщении мы вынуждены ограничиться лишь самой общей и неизбежно неполной характеристикой его взглядов.

В основе философских представлений Белобоцкого, нашедших отражение как в «Великой науке», так и в «Риторике», лежит учение о «естестве».

«Естество, — говорит он в «Великой науке», — есть вещь, вышшая всех вещей, разумом нашим постиженных, выше убо естества ничтоже есть ... Не токмо всякая вещь созданная, но и сам бог деблым разумом нашим ниже естества полагается ... Говорим убо, естество инно есть созданное, инно несозданное; тем же естество разумом нашим выше создания и несоздания полагается. Бог же несозданный есть, того ради по недоумению разума нашего во описании бога полагаем его ниже естества».[69]

«Естество» не только выше бога в философском «описании», но и существует вечно: «...кроме бо естества, — читаем в «Риторике», — ничтоже созданное равное и соприсносущное быти ему (богу, — *А. Г.*) может».[70]

Это пантеистическое отождествление бога и «естества» связано в философии Белобоцкого с характерной для средневековых пантеистов «отрицательной теологией». Бог непознаваем конечным человеческим разумом, он не может быть описан вне понятия «естества»: «Аще же бог всех естеств созданных вышший есть, обаче разум созданный не может поняти и описати, и нарекше бога естеством, токмо от всех протчих естеств определенным»;[71] «Бог во всей мудрости, воли и силе своей и в делах вышеестественных не постижимой есть и не объятой».[72] Непознаваемость бога означает отказ от рационального богословия и вместе с тем изгоняет богопознание из философии.

Философия в системе Белобоцкого противостоит богословию. При этом преимущество философии заключается в том, что в отличие от основанного на религиозном откровении богословия она свободна в своем стремлении к познанию мира. «Вопрос сей (перед этим шла речь о вопросе, «аще что есть, или было, или будет», — *А. Г.*) свободнейше прелагают философове, нежели богословцы; богослове убо о вещех, верою преданных и церковью принятых не усумневаются. Философове же глубшаго разума и основания во всяких вещах ищут, и вины разсуждают: тем же и к богу вопрос творят, аще бог есть».[73]

При этом знание может противоречить религиозному откровению. Белобоцкий рассказывает читателям о споре между учеными «о мире вселеннем, понеже убо Аристотель написал и крепкими доводами утвердил, иже мир сей видимый несть созданный, но вечный, яко и бог вечный есть. Сего

[68] Дм. Цветаев. Памятники к истории протестантства в России, ч. I, стр. X—XI.
[69] ГПБ, F.III.1., лл. 11—12.
[70] БАН, Арх., С-149, л. 254.
[71] ГПБ, F.III.1., л. 11.
[72] БАН, Арх., С-149, л. 139.
[73] Там же, л. 268—268 об.

ради между философами верными спор есть о сем предании Аристотеля, не чтоб противники были вере сие предание отложившие, но острения ради разума своего, или яко они глаголют, с граждением, аще б не вера иначе нас учила, не мощно разумом нашим довести, чтоб мир созданный был».[74]

Противопоставляя философию богословию, освобождая ее от роли «служанки теологии», Белобоцкий ставит «великую науку», понимаемую им как универсальный научный метод, выше богословия: «Которая мудрость о больших вещех вышьшим и истиннейшим наставлением поучает, честнейшая протчих наук есть. Сицевая есть богословия примером до иных наук. Но не до сей нашей кабалистичней, понеже наша наука поучает тако же о бозе, яко же и богословия, аще естественными доводами, не по откровению духа святого ... А понеже поучает о бозе достойностию равняется с богословиею: сверх того, понеже наставляет разум наш и о протчих художествах, нужнейшая богословии есть».[75]

Богословие вообще вызывает весьма критическое отношение со стороны Белобоцкого: «сколько голов, столько умов», говорит он о богословских спорах, «одно место тысящу толков имети может».[76] Прямым следствием критического отношения к богословию является критика церковных порядков, «священного предания», споров между восточной и западной церковью. «Аз несмь судья никому», — заявляет он по поводу несогласия церквей, а в другом месте пишет более определенно: «Уложения церковныя яко часто разрешаются, пременяются, на конец и вовсе отменяются, ясно о том свидетельствуют восточная и западная церковь, об одноком артикуле веры, похождения духа святаго, и седмерицею согласившеся на соборах, и паки разнствуя».[77]

Современники никак не могли понять, каковы действительные религиозные воззрения Белобоцкого: его обвиняли и в «латинстве», и в «люторской», и в «калвинской» ересях. В сочинениях своих он не обнаруживает специфически кальвинистских или лютеранских убеждений; более того, он, несомненно искренне, стремится придерживаться православия. Однако главное его убеждение: следует прекратить церковные раздоры. Выше мы приводили взятые как из «Исповедания веры», так и из «Риторики» высказывания его о том, что и в католической, и в православной вере «спастися мощно». Это не униатство. Об объединении церквей в его сочинениях нет речи. Но он не признает еретиками ни католиков, ни православных.

Главное в религиозных убеждениях Белобоцкого — идея личного отношения человека к богу: верующий должен обратиться к той из церквей, к которой его «толцает дух святой». В этом сильнее всего проявилось воздействие на него реформационных учений.

Элементы рационалистической критики «священного предания» и даже «священного писания» нашли свое отражение в высказываниях и сочинениях Белобоцкого.

Так, он рассказывает о приведенных в приложении к сочинениям Беды Достопочтенного сивиллиных пророчествах: «Некто хитрец ложный сие положил под именем пречестнаго иерея Беды, и на пророчество сивилл, но историю давно прешедшую сказывал, немало время после Карла (в рукописи ошибочно: короля, — *А. Г.*) Великого, царя французского, цесаря

[74] Там же, л. 154.
[75] ГПБ, F.III.1., л. 8 об.
[76] БАН, Арх., С-149, л. 290 об.
[77] Там же, лл. 192, 290 об.—291.

западного, поживши».[78] В беседах с Павлом Негребецким он подверг сомнению истинность писаний святых отцов: «Отцы святые таковы же человеци, яко же и мы, могли в писании погрешити».[79] В «Риторике» он обращает внимание на противоречия в книгах «священного писания», и, хотя сначала обвиняет «надутых в своей мудрости еретиков» в том, что они на этом основании «чинят раскол», в другом месте сам объясняет существование ересей несогласием между Ветхим и Новым заветом.[80] Говоря об обетах, данных богу, Белобоцкий осуждает «безумные» обещания и, приведя в пример обет библейского Ефаима (Иефайи), принесшего в жертву богу дочь, приходит к выводу, что такие обеты «лучше . . . преступити, нежели исполнити».[81]

Наиболее полно религиозные воззрения Белобоцкого изложены им в разделе «Риторики», посвященном вопросам о мучениках. Указав, что мученики могут быть божиими (за истинную веру) и дьявольскими (за ложную веру), он выступает сторонником веротерпимости: «Мученики же диавольские не за веру истинную, но или за идолопоклонение, сиречь за веру в идолы свои, или за оборону ересей и расколов в вере, или за хулу и поругание веры благочестивой мучение принимают. Яко делалося недавно во многих царствах, но наипаче в Гишпании, гоня жидов, языков, сарацынов огнем, мечем, водою, аще кто неверия своего не отстал. После усумнившеся в жестокости своей царя, довольно быти судими, кроме всякого мучения, таковых за рубеж царства своего изгоняти, но и тако не свободися от усумнения совесть их.

«Егда убо место жидов и языков неверных новыя расколы в вере христианской воссташа, ов убо римскую веру выславлял, инной греческой держался, сей арианскую, инной савелианскую и протчая ереси разсевал, един люторскую веру во многие царства ввести кусился, другой и сию самую, Кальвином исправленную, проповедал: тогда абие междоусобная восста брань, ревность, ненависть, гонение, мучение, и всяк в своей вере умирающий, чаял иже неповинно за бога и веру его истинную мучения принял. И ныне в церквах своих за мучеников почитаемы суть».[82]

Людей, умирающих за свою веру, притом веру христианскую, Белобоцкий не решается назвать «диавольскими мучениками»: «Мне мнится, приличнейше их не полагать между мучениками, нежели нарещи их мученики диавольския. Наипаче же не суть сущие еретики, аще и спорны себе, греки и римляне . . . Инако несть ли безумие, сих, иже в Индии в Африки, и в протчих царствах Христа проповедают и за него мученическую смерть принимают, или овых, которые в пространных турецких землях гонения и страдания за того же Христа и его веру приняли, — для ради разлучения между греками и римлянами междуособно нарицатися диавольскими мучениками».[83]

Истинную веру Белобоцкий видит во внутреннем отношении к богу, о чем говорит здесь же в не лишенных таинственности и не вполне ясных выражениях: «Никто не может рещи сие слово Иисус, разве в дусе святем, удобнейша же есть рещи сие слово Иисус, нежели за имя его страдати. Но и оныя словеса не без тайны». Вообще Белобоцкий в сочинениях своих держится осторожно; свое рассуждение о мучениках он сопровождает оговоркой: «аз убо разсуждение мое о сем покорю церкви святой». Но разъ-

---

[78] Там же, лл. 66 об.—67.
[79] Дм. Цветаев. Памятники к истории протестантства в России, ч. I, стр. 200.
[80] БАН, Арх., С-149, лл. 109, 290 об.
[81] Там же, л. 137 об.
[82] Там же, лл. 76—77.
[83] Там же, л. 77—77 об.

яснением его мысли может служить приведенное выше высказывание о том, что не является еретиком тот, «кто не по упрямству своему и противлении духу святому и власти церковной, но по неведомости не согласную церкви божией веру держит и за сию душу свою полагает».[84]

Вера сводится им, по существу, к соблюдению человеком божественных заповедей, к чему он имеет склонность от природы: «. . . такожде и сохранению заповедей божиих по естеству человек склоняется». Белобоцкий доходит даже до мысли о том, что склонность к добру побеждала бы в человеке и помимо божественных заповедей и без посредства церкви: «Обаче некая аще малая искра божественного света осталась в нем, воеже аще бы и заповедей божиих или церковных не было, обаче по наставлению естественнаго разума мощно розознать благое от злаго».[85]

Подобные высказывания позволяют говорить о близости воззрений Белобоцкого к идеям «естественной» и безоткровенной религии деистов.

Пантеистические идеи в философии, стремление освободить философию от опеки богословия, пропаганда независимого от богословия светского знания, элементы рационалистической критики церковных учений и, наконец, страстное выступление в защиту веротерпимости — эти черты мировоззрения Андрея Белобоцкого определяют историческое значение его литературно-просветительской деятельности в России.

Именно это обусловило резко враждебное отношение к нему ревнителей «древлего благочестия», стремившихся во что бы то ни стало сохранить безраздельное господство церкви и религии в культурной жизни страны. Этим же объясняется и та поддержка, которую встретил он со стороны стремящихся к светскому просвещению прогрессивных кругов русского общества. Просветительская деятельность Белобоцкого способствовала созданию определенных идеологических предпосылок петровских преобразований, в частности его идеи веротерпимости предвосхищали религиозную политику Петра I.

Но, приняв участие в подготовке крутого поворота в развитии русского просвещения и культуры, Белобоцкий неизбежно должен был оказаться в стороне от основной линии развития просвещения после осуществления петровских преобразований.

Новая русская культура не ограничилась высвобождением науки и просвещения из-под духовного господства церкви и религии. Победа светского знания означала прежде всего усвоение наиболее прогрессивных традиций европейской культуры. Требовалось прежде всего конкретное знание, требовалось всемерное развитие естественных и технических наук. А именно в этом и не был силен автор «Великой науки Раймунда Люллия», чьи естественнонаучные представления не шли дальше средневековой схоластической премудрости.

Не случайно поэтому в XVIII столетии, на пороге которого писал Белобоцкий свое крупнейшее философское сочинение, вкладывая в него всю свою незаурядную эрудицию выученика иезуитской коллегии и приверженца Майориканской академии, русское просвещение прошло мимо этого главного труда его жизни: «Великая наука» так и не дошла до типографского станка.

Но оставленная в стороне людьми просвещенными, она приобрела неожиданную популярность у «неученых искателей науки»; те, кому недоступно было образование, пытались найти корень знаний в секретах «Люллиева искусства». Именно этим и была обусловлена долгая жизнь «Великой

---

[84] Там же, л. 77—77 об.
[85] Там же, лл 132 об.—133.

науки» — на протяжении всего XVIII столетия она оставалась излюбленным чтением в демократических читательских кругах.

Сознавая всю неизбежную историческую ограниченность деятельности автора «Пятикнижия» и «Великой науки», мы не можем не признать скромных, но бесспорных заслуг перед русской культурой талантливого поэта, поборника просвещения и защитника веротерпимости Андрея Христофоровича Белобоцкого.

Изучение его жизни и творчества едва начато, и в настоящем сообщении мы можем лишь наметить основные направления, по которым должно, на наш взгляд, пойти дальнейшее исследование. Много неясного остается еще в биографии Белобоцкого. Необходимо изучить его связи с кальвинистским движением в Польше, с Валисолютинской и Майориканской академиями в Испании. Еще не найдены документы о переходе Белобоцкого в православие, которые позволили бы окончательно решить вопрос о тождестве Яна и Андрея. Не вполне ясны его занятия в качестве кормовщика Московского чину в годы до участия в великом посольстве, равно как и по возвращении из Китая, ничего не знаем мы о последних годах его жизни, не установлена и дата смерти писателя. Более глубокого анализа требует поэтическое творчество Белобоцкого, в частности необходимо изучить его связи с польской и западноевропейской литературной традицией; предстоит подготовить научное издание текста «Пятикнижия». Дальнейшие поиски подлинного «Исповедания веры», в случае их успешного завершения, дадут в руки исследователей первостепенной важности материал для характеристики религиозно-философских взглядов его автора. Только дальнейшее углубленное изучение литературного наследия А. Х. Белобоцкого в тесной связи с анализом современной ему русской и западноевропейской культуры позволит определить его место как в истории русской поэзии, так и в истории русской философской мысли.[86]

---

[86] Уже после того, как статья была сдана в печать, в ЦГАДА, благодаря любезному содействию старшего научного сотрудника архива И. Г. Королевой, были обнаружены новые документы об А. Х. Белобоцком, содержащие, помимо важных биографических данных, сведения о переходе его в православие: «а в римской вере было ему, Андрею, имя Иван» (ЦГАДА, ф. 138, 1682 г., д. 20, л. 360) Таким образом, наше предположение о тождестве писателя Андрея Белобоцкого и еретика Яна получило и документальное подтверждение.

И. З. СЕРМАН

«Псалтырь рифмотворная» Симеона Полоцкого и русская поэзия XVIII в.

Вопрос о связях русской поэзии XVIII века с русской поэзией второй половины XVII в. ставится не впервые. Ему посвящено несколько работ,[1] в которых есть верные суждения и ценные наблюдения. Попутные замечания о существовании литературной преемственности двух веков можно найти и в общих курсах истории русской литературы XVIII в., и в коллективных трудах.[2] И все же мы еще очень далеки от какого-либо ясного, научно обоснованного ответа на этот вопрос, и даже не определены пути и подходы к его решению. Очевидно, помочь здесь может только конкретно-историческое изучение отдельных линий литературных связей.

Одна из наиболее очевидных литературных традиций XVIII века, уходящих своим началом во вторую половину XVII в. — это традиция стихотворного, поэтического перевода или, как говорили в XVIII в., «переложения» библейских псалмов. От Симеона Полоцкого через все XVIII столетие до поэтов-декабристов и Пушкина тянется эта очень устойчивая традиция поэтической переработки и переосмысления «Псалтыри».

Изучение этой линии связей между литературой второй половины XVIII в. и литературой следующего столетия имеет и более общее значение; такое изучение может помочь установить общие закономерности историко-литературного процесса двух смежных эпох, понять, как внутри определенной традиции, под влиянием исторических сдвигов (особенно эпохи реформ Петра I) возникали новые литературные явления, знаменовавшие собой появление новых идей и отражение новых сторон исторической действительности.

Для русской литературы и русской общественной жизни 1670-х годов намерение Симеона Полоцкого переложить стихами «Псалтырь» было смелым, поистине новаторским шагом. Об этом можно судить и по тем объяснениям и оговоркам, которые Полоцкий предпослал своей «Псалтыри рифмотворной» (1680 г.), а также по тем враждебным выступлениям, какие последовали со стороны его идеологических противников уже после выхода книги переложений из печати.

«Псалтыри рифмотворной» предшествуют три предисловия автора: первое — стихотворное обращение, адресованное царю Федору Алексе-

---

[1] А. И. Соболевский. Когда начался у нас ложноклассицизм? — Библиограф. СПб., 1890, № 1, стр. 1—6; В. Н. Мочульский. Отношение южно-русской схоластики XVII века к ложноклассицизму XVIII века. — ЖМНП. СПб., 1904, № 8, стр. 361—379; О. Покотилова. Предшественники Ломоносова в русской поэзии XVII-го и начала XVIII-го столетия. — В кн.: М. В. Ломоносов. Сборник статей, под ред. В. В. Сиповского. СПб., 1911, стр. 66—92; Е. А. Касаткина. Торжественная ода XVIII в. и древнерусская устнопоэтическая литературная традиция. — В кн.: Ученые записки Томского государственного педагогического института. Томск, 1946, т. III (Серия гуманитарных наук), стр. 95—123.

[2] См. особенно в статье А. И. Белецкого «На рубеже новой литературной эпохи» (в кн.: История русской литературы, т. III. М.—Л., 1941, стр. 5—24).

евичу, у которого автор просит покровительства своему труду; второе — обращение прозаическое «к благочестивому читателю» и третье — стихотворное обращение к нему же.

В прозаическом предисловии к «благосклонному читателю» Полоцкий обстоятельно излагает все причины, или «вины», «подвигшие» его на эту работу, а причин этих он указывает три.

Первая «вина» — это убеждение, что в еврейской Библии псалмы были написаны стихами: «Обретох в писании творцев восточных и западных, яко псалмы в начале си на еврейстем языце составишися художеством стихотворения».[3]

«Вторая вина есть, яко на еллинстем, на латинстем языцех прилучимися Псалтир стихотворно переведенную видети». Но ближайшим образом не греческая или латинская, а польская поэзия, хорошо знакомая Полоцкому, послужила ему вдохновительным примером. «Видех и на приискренем нашему славенскому языку диалекте полском книги печатаныя, Псалтир стихотворно преложенную содержащыя, не точию во странах полских, но и в царствующем граде Москве обносимыя».[4] Как указывает Н. Смирнов, «полская книга» — это полное стихотворное переложение Псалтыри, сделанное в 1587 г. знаменитым польским поэтом Яном Кохановским и неоднократно позднее переиздававшееся.

И, наконец, «третья вина» повторяет то, о чем говорилось в первом стихотворном предисловии: «. . . яко мнози во всех странах Малыя, Белыя, Черныя и Червоныя России, паче же во Велицей России, в самом царствующем и богоспасаемом граде Москве, возлюбльше сладкое и согласное пение полския Псалтири, стиховно переложенныя, обыкоша тыя псалмы пети, речей убо или мало или ничтоже знающе и точию о сладости пения увеселяющееся духовне».[5]

Первоначально в литературе было принято мнение И. Татарского, что «Рифмотворная псалтырь» Симеона Полоцкого была «действительно прямым подражанием стихотворному переводу „Псалтыри" польского поэта Яна Кохановского».[6] Н. Смирнов тщательным сравнением «Псалтырей» обоих поэтов пришел к убеждению, что Полоцкий «подражал Кохановскому только в форме, напевах, да и то это удавалось ему не всегда. Что же касается смысла, толкований или даже поэтических красот, то . . . он строго держался славянского текста».[7]

И. П. Еремин считает, что и по отношению к тексту «Псалтыри» Полоцкий был самостоятельнее, чем это принято было думать. Он пишет: «Изучение Псалтыри Симеона Полоцкого показывает, что в его переложении разного рода „пиитических" отступлений от оригинала все же значительно больше, чем это можно было предполагать, судя по предисловию; одни из них — плод личной изобретательности Симеона, другие — результат внимательного изучения очень популярной в его время стихотворной Псалтыри знаменитого польского поэта XVI века Яна Кохановского».[8]

Объяснить причины, побудившие поэта переложить псалмы в стихи было сравнительно легко, хотя и одно это намерение могло заставить на-

---

[3] Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. Подготовка текста статья и комментарии И. П. Еремина. Изд. АН СССР, М.—Л., стр. 213.

[4] Там же.

[5] Там же.

[6] И. Татарский. Симеон Полоцкий. (Его жизнь и деятельность). М., 1886. стр. 303.

[7] Н. Смирнов. Из литературной истории древнерусской образованности XVII столетия. — ЖМНП. СПб. 1894, № 12, стр. 387.

[8] Симеон Полоцкий. Избранные сочинения, стр. 240.

сторожиться ревнителей буквы в священном писании. Гораздо труднее было объяснить московским читателям 1679 г. необходимость и даже неизбежность некоторых отступлений от «разума» псалмов (их буквального смысла) при переводе из прозаической формы в стихотворную.

Полоцкому надо было объяснить изменения троякого рода, которые он вносил в текст своих стихотворных переложений: прибавления против текста Библии — «стихи приданыя», пропуски — «речения отъяшася» и, наконец, изменения библейского текста: «Ниже да удивишася тому, читателю благочестивый, яко некая словеса целые стихи обрящеши приданыя: сия бо суть во исполнение разума или стихов. А идеже некая речения отъяшася, та за нужду, яко не вместишася в стихи мерою: обаче в разуме никако скудости деют. Еще идеже изменение некое узриши, то непщут светлшаго ради истолкования псалмов быти; толкование бо не теми словесы, яже суть в сущем бывает, но инеми и удобнишми, да сущаго неудобное откровенно будет. Напоследок, яже узриши не истолкованна, не удивися: ниже бо намерение мое зде бысть до чиста толковати, но точию стихотворно перевести я, с толиким изъяснением, елико вместитися может».[9]

Не удивительно, что вокруг «Псалтыри рифмотворной», как назвал свой сборник Полоцкий, развернулась очень острая литературная борьба.[10] Евфимий составил для патриарха Иоакима особую записку, специально направленную против Полоцкого и его переложений псалмов, в которой писал: «Хранити подобает, да никто псалмы мирскими красоглаголания словесы упещряет, ниже покуситися речения переменяти, или всячески иное, место иного поставляти, но просто, яко написана суть, да чтет и поет яко речеся».[11] Еще переложения псалмов Полоцкого не вышли в свет, а уже на них восстали «гаждатели», о которых он писал в стихотворении, помещенном вслед за псалмами:

Не мню токмо, но и вем, ибо ещи труди
Сии света не зреша, ни внидоша в люди,
А уже хулители завистнии слово
Лукавое имеша во устех готово.[12]

А после появления «Псалтыри рифмотворной» в печати сам патриарх Иоаким выступил против поэта в «Слове поучительном», в котором заявил, что «Псалтырь» Полоцкого «не яже чрез Давида богоотца духом святым вещанная, но или с полских книг, он, Симеон, собра, или готовую переведе, от Яна некоего Кохановского, латинянина суще, или Ополинария еретика сложенную».[13]

То главное обвинение, которое выдвинул патриарх Иоаким против «Псалтыри рифмотворной» Полоцкого («не . . . духом святым вещанная»), означало, что он усмотрел в переложениях нечто привнесенное самим поэтом, какое-то новое осмысление общеизвестных текстов «Псалтыри», вольную их интерпретацию, неприемлемую для ревнителей строгой ортодоксии.

---

[9] Там же, стр. 214.

[10] П. Н. Берков. Предпосылки зарождения русской литературной критики. — В кн.: История русской критики, т. I. М.—Л., 1958, стр. 41—44.

[11] И. Татарский. Симеон Полоцкий, стр. 303.

[12] Н. Смирнов. Из литературной истории древнерусской образованности XVII столетия, стр. 382.

[13] Остен. Памятник русской духовной письменности XVII века. Казань, 1865, стр. 137.

Как и всякий недоброжелательный критик, патриарх Иоаким проницательно усмотрел существенное свойство переложений псалмов Симеона Полоцкого, он понял, что «Псалтырь рифмотворная» вовсе не была простым «переложением» в стихи прозаического текста славянской Библии. Полоцкий подошел к своей задаче как поэт, для которого псалмы были только материалом для выражения в привычных формах религиозной образности нового, индивидуально-личного содержания. Полоцкий, как это позднее делали Тредиаковский, Ломоносов и все русские поэты, обращавшиеся к псалмам, привносит нечто свое, новые оттенки смысла, иные образы и идеи, в псалмах отсутствующие. Иногда он вставляет строки, усиливающие, подчеркивающие мысль псалмопевца и придающие другую эмоциональность тексту переложения:

«Псалтырь», псалом 1

Блажен муж, иже не иде на совет *нечестивых*, и на пути грешных не ста, и на седалищи губителей не седе.

Но в законе господни воля его, и в законе его поучится день и нощь.
И будет яко древо, насажденное при *исходящих* вод, еже плод свой дает во время свое, и лист его не отпадает, и вся, *елика* аще *творит*, успеет.

Не тако нечестивии, не тако, но яко прах, его же возметает ветер *от лица* земли.

Сего ради не воскреснут нечестивии на суд, ниже грешницы в совет праведных.

Яко весть господь путь праведных, и путь нечестивых погибнет.

Переложение Симеона Полоцкого

Блажен муж, иже в *злых* совет не вхождаше,
ниже, на пути грешных человек стояше:
ниже на седалищех восхоти седети
тех, иже не желают блага разумети.
Но в законе господни волю полагает,
тому днем и нощию себя поучает.
Будет бо яко древо, при водах сажденно,
еже дает во время си плод свой неизменно;
лист его не отпадает; — и все еже деет,
по желанию *сердца* оного успеет.
Не тако нечестивый, *ибо исчезает*
яко прах, его же ветер с земли развевает.
Тем же нечестивии не имут востати на
суд, ниже грешницы в совет правых стати.
Весть бо господь путь правых, *тыя защищает*,
путь паки нечестивых в конец погубляет.[14]

Выделенное в тексте псалма не вошло в переложение; выделенное в переложении привнесено в его текст Полоцким.

Некоторые из этих добавлений и изменений могут быть объяснены требованиями «меры», особенно в завершающих строку, подрифменных словах (вхождаше — стояше; деет — успеет; исчезает — развевает), но Полоцкий дал теме этого псалма свое художественно-эмоциональное истолкование. Он, разумеется, знал, что псалом этот известен всем его будущим читателям и не только известен, но и крепко сидит у них в памяти. Поэтому он мог предвидеть, что никакое изменение смысла не останется незамеченным и вызовет то или иное к себе отношение. Заменяя в первой строке «нечестивых» на «злых», а в четвертой — «губителей» на «иже не желают блага разумети», поэт вместо гневной инвективы псалмопевца против врагов и гонителей создал стихотворение о заблуждающихся против собственной воли, о «злых» не из умысла, а по неразумию, по непониманию истины. Вместо обличения он написал увещевание, вместо осуждения выразил сожаление о заблуждающихся.

И кого бы из своих личных или идейных врагов он ни имел в виду, ясно только, что он не хотел их обвинить в нечестии, ибо оно в то время могло навлечь тяжкие кары и на обвиненных, и на обвинителя.

---

[14] *Симеон Полоцкий.* Псалтырь рифмотворная. М., 1680. (Здесь и далее указываются только номера псалмов по этому изданию).

И в соответствии с общим характером своего переложения, с его примирительной, гуманной тенденцией, стремлением убедить инакомыслящих и вернуть заблуждающихся на правильный путь Полоцкий предрекает успех не всякому поступку или деянию праведного, а тому, которое совершено «по желанию сердца», повинуясь своей человеческой природе и нравственному чувству.

Этим общим примирительным духом проникнуты все его переложения псалмов, вся «Псалтырь рифмотворная». Так и в переложении 36-го псалма Симеон Полоцкий вставляет от себя «сердце», отсутствующее в библейском тексте:

Открытый господу путь твой, о нем уповая,
И той сотворит т е б е п о с е р д ц у б л а г а я.

В тексте «Псалтыри» это место звучит так: Открый ко господу путь твой, и уповай на него, и той сотворит.

За этими частными изменениями библейских текстов в переложениях стоит общая идея поэтической деятельности Симеона Полоцкого — идея терпимости, идея примирения религиозных споров во имя общих принципов морали и просвещения. Переложения псалмов превращались у него в изложение чувств и мыслей самого поэта-переводчика. Традиционно-религиозный литературный материал начинает служить целям светской литературы. Происходит как бы обмирщение поэтических книг Библии. В привычных, общепризнанных формах, освященных религией и церковью, пробивается новое содержание, звучит голос поэта, голос личности. Индивидуальная тема прорастает сквозь традиционную форму.

Личное начало в переложениях Полоцкого дает себя знать и в прихотливом, вольном варьировании их строфики, в разнообразии ритмико-строфических узоров. Преобладают у Полоцкого 11- и 13-сложные стихи с парной рифмовкой, но, кроме того, он применил и другие, более короткие строки. 7-сложный:

Егда от Вавилона
Плен бывший из Сиона,
Изволил бог вратити,
В радости дал нам быти;

(Псалом 125).

8-сложный:

Аще смерти приближюся,
зла от нея не боюся:
яко ты сам при мне еси,
боже живый на небеси;

(Псалом 22).

9-сложный:

Возведох очи моя к тéбе,
боже живущий в светлом небе,
Се яко очи раб смотря́ют
в руку господней, пищи чают;

(Псалом 122).

10-сложный:

Земнии вси богу восклицайте,
в веселии ему работайте.
Во храм его в радости внидúте
яко господь есть бог наш ьѣдúти.

(Псалом 94).

Строфическое разнообразие у него также очень велико, но строфы разнятся не типом рифмовки, так как она остается парной, а сочетанием строк с разным количеством слогов. Наибольшее количество строфических вариаций дает у Полоцкого 11-сложный стих. 13-сложный помимо обычной парной рифмовки, проходящей через все стихотворение, только однажды встретился в сочетании с 11-сложным:

Готово сердце мое боже тя хвалити,
готов есмь в славе моей тя бога славити.
Восстани слово и псалтири моя,
и гусли: встану утро от покоя.

(Псалом 107).

11-сложный стих Полоцкий употребляет в самых различных сочетаниях с короткими, 5- и 6-сложными стихами. Три строки 11-сложного стиха в сочетании с 5-сложным:

Якоже елень ловцы утружденный
воды желают, быти прохлажденный:
тако аз боже к тебе воздыхаю,
зрети желаю.

(Псалом 41).

Две строки 11-сложного стиха в сочетании с 5-сложным:

Суди господи мя обидящыя,
возбрани боже мене борющыя,
невинна суща.

(Псалом 34).

Три строки 11-сложного стиха в сочетании с 6-сложным:

Вси языци весело руками плещите,
гласом радости богу живу воскликните:
яко вышний есть страшен, над всеми царствует
и владетельствует.

(Псалом 46).

Две строки 11-сложного стиха в сочетании с двумя 6-сложными:

Боже в помощь мою
посли руко твою.
Помощь ми дати господи потщися:
дабы тобою от враг мне спастися.

(Псалом 69).

Поэтическая деятельность Симеона Полоцкого имела для своего времени очень серьезное культурное и литературное значение.

Самое возникновение и упрочение силлабического стиха в творчестве Полоцкого не было случайностью, как не могло быть случайностью и все почти столетнее развитие русской силлабики. Однако объяснения, которые можно найти в новейшей литературе по истории стиха, представляются недостаточно убедительными и трудно согласуются с фактами. По мнению Л. И. Тимофеева, «не приходится, конечно, сомневаться в том, что силлабический стих Симеона Полоцкого формировался под несомненным влиянием польского силлабического стиха, хорошо ему известного. Но все дело в том, что сама возможность расслышать в польской силлабике ее ритмическое членение, сама возможность использования стиха такого строя могла возникнуть только потому, что она была подготовлена длительным историческим развитием выразительных средств, органически присущих

русскому языку, создававших основу для стиха нового типа — стиха речевого».[15]

Под это определение — речевой стих — никак нельзя подвести переложения псалмов Симеона Полоцкого, поскольку они писались не для чтения, а для пения, на определенный напев или «голос». Так думает А. В. Позднеев, много занимавшийся песнями XVII—XVIII вв. Объясняя причины обращения Симеона Полоцкого к «поющимся» жанрам поэзии, он пишет: «Очевидно, Симеон Полоцкий сначала сочинял вирши, которые успеха не имели (в списках XVII—XVIII вв. до нас дошли лишь единичные его произведения). Заметив успех духовных песен, он решил последовать этому образцу и сочинил стихотворные переложения псалмов, напевы к которым написал дьяк В. Титов, — таким образом они стали песнями и получили большое распространение».[16]

Этот песенный характер русская силлабическая поэзия сохраняет в XVIII в. еще и в творчестве Тредиаковского-силлабика. Все, что Тредиаковский написал до 1735 г., почти мгновенно распространялось в списках и пелось, занимало прочное и определенное место в культурном обиходе русского общества.

В песенной природе силлабических стихов Полоцкого не сомневается и исследовательница истории русской музыкальной культуры Т. Ливанова; «Если мы обратимся к первым годам XVIII века, даже к XVII столетию, то увидим, что традиция кантов, т. е. пения в определенном стиле светских лирических и панегирических, а ранее духовных текстов, существует до Феофана Прокоповича и с большой широтой документально прослеживается на русских рукописных памятниках, начиная во всяком случае от „Псалтыри" Полоцкого—Титова, т. е. с 1680 года. До возникновения русских тонических стихов, до лирики Ломоносова и Тредиаковского канты распеваются на силлабические вирши».[17]

Да и сам Полоцкий в стихотворном предисловии к «Псалтыри рифмотворной» говорит о сильной потребности в русском обществе его времени получить псалмы в форме, пригодной для пения:

Полезно то и в домех оны честно пети, —
но без глас подложенных трудно то умети.
И разум сокровенный спону содевает, —
чтый бо ли поющ псалмы со трудом той знает.
Тем во инех языцех в метры преведени,
разумети и пети удобь устроени.

Более того, в стихотворении, обращенном к будущим читателям его «Псалтыри», Симеон Полоцкий убеждает их оставить мирские песни и петь его псалмы. В полемическом увлечении он готов утверждать, что пение псалмов почти гарантирует спасение души и полное нравственное очищение:

Хотяй спасенно дни своя прежити,
свободен умом от печалей быти:
Да тщится псалмы по вся дни читати
во славу богу или воспевати.
Ибо их разум сердце возбуждает
ко веселию и ум наслаждает.

---

[15] Л. И. Тимофеев. Очерки теории и истории русского стиха. ГИХЛ, М., 1958, стр. 235. (Разрядка моя, — *И. С.*).

[16] А. В. Позднеев. Рукописные песенники XVII—XVIII веков. (Из истории песенной силлабической поэзии). — Ученые записки Московского заочного педагогического института, т. I. М., 1958, стр. 14.

[17] Т. Ливанова. Русская музыкальная культура XVIII века в ее связях с литературой, театром и бытом, т. I. М., 1952, стр. 45.

Ревность ко богу великую плодит,
из семен словес плоды добром родит.
Что богу живу угодно бывает
и за то души поющих спасает.
Миряне песни мира оставляйте
вместо их псалмы богу воспевайте:
Овы бо ум тлят, души погубляют,
сии ум здравят, и души спасают.
Пение псалмов есть избранно богу,
душ наших скверну омывает многу:
Старых утеха, юных крашение,
ума старчество и совершение.

В своей борьбе против мирских песен Полоцкий как будто вполне солидарен с правительством, начавшим с середины XVII в. жестокую и неуклонную борьбу со скоморохами — главными носителями мирской песни. В «Памяти» ростовского митрополита Ионы (1657 г.) очень точно поименованы все виды «искусств», подвергнутые гонению: «Чтоб отнюдь скоморохов и медвежьих поводчиков не было, и в гусли б и в домры и в сурны и в волынки и во всякие бесовские игры не играли и песней сатининских не пели и мирских людей не соблажняли».[18] Но если правительство и церковь просто запрещали и гнали народную песню, то Полоцкий хотел предложить взамен «сатининских» скоморошьих песен «настоящую» поэзию, подкрепленную авторитетом Библии и богослужебного употребления. И судя по распространению, которое получили переложения псалмов Полоцкого в рукописных песенниках XVII—XVIII вв., он своей цели достиг, и его переложения псалмов как стихи для пения нанесли очень сильный удар безраздельному господству фольклорной песни в культурном обиходе верхов русского общества.

*

Воскрешение ветхозаветных образов и тем, стихотворные переложения псалмов — явление общеевропейское, начавшееся в XVI в. и продолжавшееся до середины XIX в. Оно связано с различными реформационными течениями, в которых в конечном счете выразились новые для того времени буржуазные, прогрессивные политические и этические идеи. С различной степенью интенсивности и политической зрелости, на различном уровне самосознания эмансипационные идеи третьего сословия выражались в XVI—XVII вв. главным образом в религиозной форме, а в поэзии — в формах своеобразного (по Марксу) исторического ветхозаветного маскарада.

Эту связь переложений псалмов с религиозно-политической борьбой эпохи можно проследить в каждой стране, применительно к любому поэту — перелагателю псалмов.

В поэзии французских гугенотов (Клеман Маро, Агриппа д'Обиньи), в творчестве Мильтона изображение ветхозаветных героев, обращение к тематике и стилистике псалмов служит возвеличению и прославлению борцов с феодальной реакцией, дворянской монархией и католической церковью.

Исследователь французской поэзии XVI в. пишет по поводу издания стихотворных переложений псалмов 1542 г., в которое вошло тридцать переложений Маро и пять — Кальвина: «По замыслу это переложение было адресовано к королю, двору и светским людям, но, как только оно появи-

[18] А. Фаминцын. Скоморохи на Руси. М., 1889, стр. 187.

лось, более постоянная, более серьезная публика заинтересовалась им . . . и в обрядах французского протестантизма оно получило официальное место».[19] Как сообщает тот же автор, в 1542 г. теологический факультет Сорбонны потребовал запрещения этого собрания Маро и Кальвина.[20] Этот пример, взятый почти наугад, очень характерен для происхождения и судеб переложений псалмов в Европе, раздираемой борьбой католичества и протестантизма.

Себя и свои чувства, равно как и своих противников, поэты уподобляют героям Библии и новые чувства, новые идеи выражают на языке пророков и псалмопевца.

В России это обращение поэтов к ветхозаветному стилю и темам начинается во второй половине XVII в. и продолжается до декабристов и Пушкина.

Вторая половина XVII в. ознаменована в России всеобщим кризисом православной церкви и ожесточенной борьбой направлений внутри нее.

В этом кризисе, в этом «расколе» православия отразились большие исторические перемены, происходившие еще подспудно и подготовлявшие тот перелом в истории нации, который мы называем эпохой петровских реформ. В этих религиозных распрях в какой-то мере отразились новые черты общественного сознания и индивидуальной психологии, широко и разнообразно отразившиеся в литературе второй половины XVII в. Недаром в огне этой религиозной борьбы создалось самое яркое литературное произведение XVII в. — «Житие» Аввакума.

Д. С. Лихачев считает автобиографизм одной из самых характерных черт литературы второй половины XVII в. Этот автобиографизм, по его мнению, был следствием «слабости» литераторов XVII в., их неумения окончательно порвать с «историей» и перейти к ничем не ограниченному художественному вымыслу: «Слабость этого автобиографического метода в том, что явления собственной биографии бывает нелегко обобщить, усмотреть в ней факты, характерные для какой-то определенной среды. Автобиографы пытаются обобщить явления своей жизни, описывая их в житийных трафаретах или снабжая их собственными размышлениями и поучениями, как это делали в своих житиях протопоп Аввакум и его „соузник“ Епифаний».[21]

Эта объяснимая исторически «неумелость» — признак негативный; литература второй половины XVII в. выдвинула и свои новые эстетические принципы. Одна из этих новаторских художественных идей — уравнение или приравнение земного и небесного, человека и святого и в конечном счете человека и бога. Это «уравнение» совершалось еще внутри сознания, проникнутого религиозными представлениями, оно еще не содержало никаких богоборческих замыслов, но все же в этом «уравнении» проявилась особая черта мировосприятия, чуждая иерархическому мироотношению русского средневековья. Наиболее разительный пример такого разрушения привычной иерархии между земным и небесным — Аввакум как автор «Жития». В. В. Виноградов отметил в стиле «Жития» Аввакума «два стилистических слоя»: «В одном плане житийный рассказ — это повесть Аввакума об его „волоките“, об его „плавании“ по житейскому морю. Но способ рисовки реальных событий определяется той церковно-библейской литературой, в кругу которой вращалась творческая интуиция Аввакума.

[19] H. Guy. Histoire de la poesie française au XVI-e siècle, t. II. Paris, 1926, стр. 97.
[20] Там же, стр. 97—98.
[21] Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси. Изд. АН СССР, М.—Л., 1958, стр. 133.

„Случаи из жизни“ в процессе их художественного воспроизведения апперцепируются богатым запасом библейских сюжетных схем и стилистических формул и расцвечиваются словесными красками церковно-богослужебного и житийного материала, „Новое евангелие“ создается на основе старого».[22]

Рассказ о действительных событиях и реальных страданиях своих Аввакум ведет в нераздельных ассоциациях с привычным для него кругом библейских представлений. Он самого себя и свою жизнь совершенно невольно «стилизует» под житие библейского пророка или апостола Христова. Сила индивидуального переживания находит наиболее выразительную литературную форму во внутренней ориентировке на библейские образцы и библейскую стилистику.

То двоение, которое В. В. Виноградов отметил в стилистике «Жития», распространяется ведь и на его построение, на расположение и, главное, на подбор материала. События вполне реальные, бытовые, вплоть до физиологических отправлений, соседствуют в «Житии» с чудесами в прямом значении этого слова. Чудеса совершает бог по молитве Аввакума или по собственному изволению, чудеса творит и сам Аввакум, исцеляя одержимых бесами людей, кликуш, больных кур, побеждая шамана. Зло, бесы в малых и частных своих проявлениях вынуждены уступить Аввакуму, который, таким образом, оказывается равен «святым» угодникам, и в этом внутреннее оправдание для него своего права писать именно «житие», а не роман, повесть или историю. Аввакум как бы включает себя в галерею подвижников и страдальцев за веру Христову, он сам себя при жизни «канонизирует» за свои муки и за чудеса, им сотворенные. Поэтому, подчеркивая полемически свою «простоту», Аввакум строит стилистику «Жития» на очень сложном взаимопроникновении божеского и человеческого, библейских образов и фактического, полного поэзии рассказа о реальных мытарствах и невыдуманных ссылках.

В другом лагере современной Аввакуму литературы, среди сторонников официальной церковности, обращение к Библии как материалу литературному проявилось сильнее всего в творчестве Симеона Полоцкого. Несмотря на разделявшие их религиозно-богословские споры, оба — и Симеон, и Аввакум — были движимы общим стремлением эпохи к «биографизации» литературы, к привнесению в нее моментов личных и личностных, к превращению ее в какой-то мере в «отражение» жизни, а не только идеала религиозного или политического. Эта личная тема была одновременно и темой общественной. В идее «равновеликости» «святым» пророкам и великомученикам Аввакума, мучимого царскими воеводами и тюремщиками, в идее «сердца» как мерила человеческого поведения у Симеона Полоцкого выразилось новое сознание эпохи, еще не объявившей человека — разумную человеческую природу — универсальным идеологическим принципом, но уже восставшей против средневекового его принижения и умаления. И в переложениях псалмов Симеона Полоцкого, как в «Житии» Аввакума, человек второй половины XVII в. заявил свое право на собственное, личное, только ему присущее отношение к миру, к истории, к индивидуальной судьбе.

Прогрессивно-эстетическое начало «Жития» Аввакума было воспринято русской литературой только в эпоху Лескова. Предложенный Полоцким метод поэтического переосмысления библейских псалмов получил необык-

---

[22] В. В. Виноградов. О задачах стилистики. Наблюдения над стилем жития протопопа Аввакума. — Русская речь, сборник под ред. Л. В. Щербы, вып. 1. Пгр., 1923, стр. 211—212.

новенно широкое распространение в русской поэзии последующих веков. Поэтические переложения псалмов оказались наиболее приемлемой формой выражения и личных чувств, и гражданственных помыслов. Переложения псалмов уже в самом своем материале содержали высокий строй чувств и мыслей, никак не соотнесенный с низкой тематикой, бытом и жизненной эмпирикой, но именно поэтому в переложениях псалмов на общем и в некотором смысле эстетически нейтральном стилистическом фоне могли быть заметны привнесенные каждым поэтом его собственные мысли и чувства, горестные заметы его сердца, его скорбь и его гнев. Вот почему как определенный жанр русской поэзии переложения псалмов вновь получили широкое распространение в конце 1740—начале 1750-х годов и в последующие десятилетия, в пору сложения новой русской поэзии послепетровской эпохи.

Между «Рифмотворной псалтырью» (1680 г.) Симеона Полоцкого и новой волной поэтических переложений псалмов прошло более полустолетия, в течение которого переложения Полоцкого широко распространялись в списках. Нет ни одного рукописного сборника кант и псальм XVIII в., куда не вошли бы переложения псалмов Симеона Полоцкого. И даже если бы у нас не было прямых доказательств знакомства поэтов середины XVIII в. — их собственных свидетельств — с переложениями псалмов Полоцкого, то мы уже на основании популярности их в рукописной песенной литературе могли бы считать это знакомство важным фактом их поэтической биографии.

Роль «Псалтыри рифмотворной» в образовании Ломоносова-поэта хорошо известна. Об этом сообщает его биограф, по-видимому располагавший сведениями, полученными из первых рук: «. . . как по случаю попалася ему псалтырь, преложенная в стихи Симеоном Полоцким, то, читав оную многократно, так пристрастился к стихам, что получил желание обучаться стихотворству».[23] Менее известен другой факт: Тредиаковский в «Предисловии» к своему до сих пор не опубликованному полному переложению всей «Псалтыри» (1753 г.) при определении целей и принципов своего переложения исходит из соответствующих мест в предисловиях Полоцкого и из его «Псалтыри рифмотворной» в целом. Совершенно сходно с Полоцким Тредиаковский заявляет: «Мне должно уведомить токмо читателей о причинах, которые меня возбудили к преложению всех псалмов стихами и, совокупно, о способе, какой наблюдаем был мною в преложении оных».[24] И далее, как Полоцкий, Тредиаковский последовательно перечисляет пять «причин», побудивших его к переложению псалмов. Важнейшая из них — отсутствие полного переложения псалмов современным, тоническим стихом, так как «Псалтырь» Полоцкого, по мнению Тредиаковского, безнадежно устарела из-за своего стиха: «Первая из тех: подражание всем, почитай, христианским народам, по крайней мере населяющим Европу. Нет из сих ни единого, у коего псалмы не были б преложены стихами, и стихами лирическими, как то и должно и род псалмов требует. Но сего самого и не было на нашем языке поныне, кроме некоторыя частицы. Преложение Симеона Полоцкого есть не токмо не лирическое, но и какого б было из поэзий вида, определить не без трудности; а что притом оно еще как везде, так и в сафической его строфе не стихами (выключая рифму, которая отнюд не составляет стиха по внутренности, но извне токмо украшает оный), о том уже между искусными нет ни малого сомнения. Сие, впрочем, сказано не в укор честному и ученому мужу, успшему уже о господе:

---

[23] Н. И. Новиков. Избранные сочинения. М.—Л., 1952, стр. 319.

[24] ЦГАДА, ф. 381, ед. хр. 1037, л. 3. (Далее указываются только листы этой рукописи).

я ведаю, что о мертвых или ничего, или с похвалою говорить должно. Но понеже в его время стихотворение наше не имело еще правил и не было приведено в порядок; то каждый не может не чувствовать, что недостаток был с нашей стороны, а не в нем: благоговейный оный иеромонах таким прелагал стихом, какой инде, там свойственный от своих преданный восприял учителей, видя, что у нас собственного тогда не обреталось» (л. 3 об.).

Для крупнейших деятелей нашей литературы 1740-х годов переложения псалмов Полоцкого были живым явлением поэзии, с которым они считались самым серьезным образом, создавая собственные вариации на вечные темы псалмопевца.

Ни Феофан Прокопович, ни Кантемир не могли быть образцом переработки псалмов для поэтов середины века. Переложения псалмов Прокоповича нам неизвестны. В некоторых его стихотворениях можно найти отголоски стилистики «Псалтыри» — но и только. У Кантемира сохранились два переложения псалмов (36 и 72). О степени их известности судить трудно, в наиболее распространенном варианте списка произведений Кантемира (первые пять сатир) этих переложений нет, что, конечно, не могло препятствовать знакомству с ними и Тредиаковского, и Ломоносова.

Правомерно ли предположить, что Ломоносов и Тредиаковский в своих переложениях псалмов идут уже от Кантемира, а не от Симеона Полоцкого? Вопрос этот имеет известное значение для определения места Симеона Полоцкого в создании столь важной поэтической традиции XVIII в., как традиция стихотворной переработки псалмов.

Кантемир в своих переложениях очень свободно обращается с текстом псалмопевца; по сравнению с соответствующими переложениями Полоцкого он создает скорее подражания или стихи на темы псалмов, чем переложения в собственном смысле.

Начало псалма 36 у Кантемира получило следующий вид:

«Псалтырь»	Кантемир
Не ревнуй лукавнующым, ниже завиди творящым беззаконие.	Кто любит бога, не ревнуй лукавым, Ниже завиди грешникам неправым,
Зане яко трава скоро изсшут, и яко зелие злака скоро отпадут.	Ибо исчезнут, яко трава вскоре, Яже зелена при утренней зоре И цвет ей красен, скрепленный росою Потом увянет, посечен косою.
Уповай на господа, и твори благостыню, и насели землю, и упасешися в богатстве ея.	А ты как начал, так твори благое Да насей земли время немалое Даст ти в богатстве бог земном пожити И чад любимых в ней населити.[25]
Насладися господеви и даст ти прошения сердца твоего. Открой ко господу путь твой и уповай на него и тот сотворит.	

Переложение 36-го псалма у Полоцкого проникнуто общим для всех его переложений гуманистическим духом, духом «любви», призывом жить «по сердцу»:

Не ревнуй человеком зле в мире живущым,
ниже да завидиши неправду деющим:
Зане скоро погибнут, яко изсыхает
трава скоро: и яко цвет злак спадает.
Уповай на господа, благость да твориши,

---

[25] А. Д. Кантемир. Собрание стихотворений. Л., 1956 (Библиотека поэта. Большая серия), стр. 252.

насели землю, плоды дом твой насытиши.
Усладная господем и даст прошение
сердца твоего тебе, во утешение
Открый господу путь твой, о нем уповая,
и той сотворит тебе по сердцу благая.

В переработке Кантемира 36-й псалом получил дидактико-сатирическое звучание, а самый текст псалма, как канву, он свободно расцвечивает разнообразными и прихотливыми стилистическими узорами, вставляя в текст переложения свои мотивы.

Ломоносов и Тредиаковский более бережливо, чем Кантемир, обращаются с текстами псалмов. Так, Тредиаковский перелагает 36-й псалом, оставаясь в пределах наличного его содержания, продолжая стилистически Полоцкого. Мотив «упования» на бога, у Кантемира опущенный и замененный общеморальным критерием — твори благое, в переложении Тредиаковского сохранен:

Отнюдь ты не ревнуй лукавым,
Ни злым завидуй и неправым,
Они скосятся как трава,
Падут как сено и плева:
В надежде прибегай все к богу,
И с правдою твори добро;
Сим населишь земли часть многу,
Получишь злато и сребро.

(Л. 99)

О ломоносовских переложениях псалмов еще М. И. Сухомлинов писал, что они близки к стихам Полоцкого. Что это так, видно из сравнения переложений 1-го псалма обоих поэтов. Ломоносов, вслед за Полоцким, заменил «нечестивых» «злыми»:

Блажен, кто к злым в совет не ходит,
Не хочет грешным в след ступать
И с тем, кто в пагубу приводит,
В согласных мыслях заседать.[26]

И две последние строки у Ломоносова ближе по смыслу к переложению Полоцкого, чем к Библии.

Ломоносов не переложил всей «Псалтыри» в стихи. В выборе псалмов у него виден явный умысел: они создают определенным образом эмоционально окрашенную картину мира человеческих отношений. Как верно указала Д. К. Мотольская,[27] через все ломоносовские переложения псалмов прослеживается тема «борьбы с врагами», имеющая совершенно ясный автобиографический подтекст. Отсюда тема «зла» и «злых», которая проходит сквозным мотивом через некоторые из ломоносовских переложений. Особенно в этом отношении интересно переложение псалма 34, в котором можно найти почти все возможные производные слова от основного понятия «зло»:

Гонители да постыдятся,
Что ищут зла душе моей...
Да сильный гнев твой злых восхитит...
Сие гонение ужасно

---

[26] М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. 8. Изд. АН СССР, М.—Л., 1959, стр. 369. В рукописи и корректуре издания 1751 г. было: «В суде едином заседать».

[27] Д. К. Мотольская. Ломоносов. — В кн.: История русской литературы, т. III, стр. 339.

Да оскорбит за злобу их,
Что зляся на меня напрасно,
Скрывали мрежу злоб своих,
Глубокий мрачный ров злодею
В пути да будет сокровен...
Наносят мне вражду и злобу...
И на меня согласно злятся,
Готовя ров, где мне упасть...
Доколе, господи, без гневу
На злость их будешь ты взирать?..
Но в сердце злобу умышляли
И сети соплетали мне...
Ты видел, господи, их мерзость:
Отмсти и злобным не стерпи...
Спаси от нестерпимых зол...
Не дай им в злобе похвалиться...
Посрамлены да возмятутся,
Что ради злым моим бедам.

Все стихотворение Ломоносова скреплено этой темой «зла», представленной во множестве морфологических и фразеологических его вариаций. Такой концентрации «зла» (в буквальном смысле) во всех его видах нет ни в «Псалтыри», ни у Полоцкого. В тексте псалма «зло» встречается три раза, в переложении этого псалма у Полоцкого — пять раз, тогда как у Ломоносова — четырнадцать раз. Ломоносовское стихотворение превращается в протест против зла вообще, оно становится поэтическим выражением судьбы человека вообще, одинокого человека, затерявшегося во враждебном ему мире и страстно желающего победы над злом. Поэтому у Ломоносова появляется призыв к «мести», отсутствующий и в «Псалтыри», и у Полоцкого:

Ты видел, господи, их мерзость:
Отмсти и злобным не стерпи;
Отмсти бессовестную дерзость,
И от меня не отступи.

Ломоносов видит это зло разлитым всюду и даже на царском престоле, во главе общественного устройства:

Никто не уповай на веки
На тщетну власть князей земных:
Их те ж родили человеки,
И нет спасения от них.
Когда с душею разлучатся
И тленна плоть их в прах падет;
Высоки мысли разрушатся
И гордость их и власть минет.

(«Переложение псалма 145»).

Две последние строки Ломоносов вставил сам, в тексте псалма этой мысли о «гордости» и «власти» земных владык нет (нет ее и у Полоцкого), там говорится только о неизбежности смерти духа и мыслей («помышления»), но характеристики этих мыслей нет: «Изыдет дух его, и возвратится в землю свою; в той день погибнут все помышления его».

Миру корыстных человеческих страстей и интересов, миру зла и несправедливости Ломоносов противопоставляет свой идеал человека и гражданина, художественно реализованный на материале псалма:

Тот, кто ходит непорочно,
Правду завсегда хранит,
И нелестным сердцем точно

Как языком говорит.

Кто устами льстить не знает,
Ближним не наносит бед,
Хитрых сетей не сплетает,
Чтобы в них увяз сосед.
. . . .
В лихву дать сребро стыдится,
Мзды с невинных на берет.
Кто так жить на свете тщится,
Тот во веки не падет.

(«Переложение псалма 14»).

Оставаясь, следовательно, в пределах самого высокого жанра современной ему поэзии, жанра оды духовной, Ломоносов вносит в него гражданственную политическую и философскую проблематику и даже элементы общественной сатиры.

Из всех поэтов первой половины XVIII в. Ломоносов всего ближе к Симеону Полоцкому в смысле осторожного, бережного отношения к тексту «Псалтыри». Тредиаковский, а позднее и Сумароков больше, чем Ломоносов, обязаны поэтическому примеру Симеона Полоцкого в другом отношении: оба они, следуя ему, переложили всю «Псалтырь» стихами, повторив грандиозную поэтическую работу автора «Псалтыри рифмотворной».

До сих пор эта область поэтической работы Тредиаковского почти не изучена, отчасти и потому, что вся его «Псалтырь» (за исключением 10 переложений) вместе с очень интересным к ней предисловием осталась неопубликованной, и размах работы Тредиаковского был скрыт даже от исследователей истории русской поэзии XVIII в. Тредиаковский предполагал все свои переложения псалмов напечатать в Академии наук.[28] В ЦГАДА хранится беловая рукопись со следующим заголовком: «Псалтырь, или книга Псалмов, блаженного пророка и царя Давида, преложенных лирическими стихами и умноженных пророческими песнями от Василья Тредиаковского. В Санктпетербурге 1753».[29]

В поэзии псалмов Тредиаковский видел источник для обновления современной поэзии, утратившей высокое общественное значение, которое было ей присуще в древности. Стилистика псалмов представляется теперь Тредиаковскому идеалом, на который должна равняться современная поэзия: «Что более в Псалтырь начал я вникать (по случаю CXLIII псалма, прежде всех других и особенно преложенного при некоем любопрении), то сильняе отчасу стал быть поражаем великолепием ее слога и чувствовать величие изображаемых всюду в ней вещей. Все обоняю в псалмах велико, величественно, велелепно! Все дышущее божиим духом, благоухающее святостию и вещающее божественным красноречием ощущаю! В них красуется небо с златозарными светилами и с силами полков и кругов их неиссчестных; в них шумно рыщет, в торжественном возмущении, воздух с тучами, с громом, с молниями; в них земля в заклепах своих и твердынях, с горами и холмами скачет; в них море с безднами играет, а реки и источники в веселии плещут; в них огнь и самый ефир ликовствует бурно; в них вся тварь, весь род вещества, все естество, в превыспренных местах и преисподних, трепещет присутствия владычня, трясется от облистания его, внемлет в ужасе мановение вседержавныя дес-

[28] О причинах, помешавших публикации его стихотворной «Псалтыри», см.: И. Серман. Неизданная философия поэма Тредиаковского. — Русская литература. Л., 1961, № 1, стр. 163—164.

[29] ЦГАДА, ф. 381, ед. хр. 1037, л. 1.

ницы, в страхе чудится всемогущей силе, от непостижимых судеб премудрости его оцепеневает, неизреченную благость превозносит, пред величеством его благоговеет: в них все хвалит господа и хвалится само своим преверьховным содетелем и царем. Словом, в псалмах единственный и точный есть образ превосходных и прекрасных пиитических изображений, сердце, душу и ум в преестественный некий восторг пореваюших и восхищающих. Кто ж, разве бесчувственный человек не возлюбил псалмов? Итак, пламень горящий к псалмам во внутренности моей, почел я за некоторое тайное мне побуждение к сему преложения делу, а почетши так и преложил, при божием поспешествовании, все псалмы лирическим стихом, как-то уже в сей книге явно» (л. 4).

Что же касается Ломоносова и его переложений псалмов, то о них Тредиаковский едва упоминает. Его привлекала грандиозная поэтическая задача — переложить всю «Псалтырь» современными стихами, дать ее в стихотворном виде новому поколению читателей. Подходя с критерием такого величественного замысла, Тредиаковский и мог позволить себе пренебрежительно отнестись к переложениям псалмов, сделанным его соперником. Возможно, что Ломоносова, а заодно и Сумарокова, Тредиаковский имел в виду в другом месте своего «Предуведомления»: «Пятая (причина, — *И. С.*) и последняя, которая едва ли не действительнейшая всех прочих, именно ж: доказать бы многим, кои, углубляясь в Пиндаров и Анакреонтов, не мнят уже, нигде быть подобной высоте и сладости, что языческое оное и светское велелепие в песенных слогах, есть токмо тень, или еще и та, божияго и небесного гласа, в Давидовых псалмах гремящего» (л. 4 об).

Таким образом, можно утверждать, что традиция переложения псалмов, именно по примеру Симеона Полоцкого, не отдельных псалмов, а всей «Псалтыри», в ее поэтической законченности и единстве вновь возродилась во второй половине XVIII в., в творчестве крупнейших поэтов, создателей новой русской литературы. В этой традиции Сумароков действует вполне солидарно с Тредиаковским, настойчиво и тщательно работая над переложением псалмов в течение 20 лет. Итогом его работы над псалмами явились три сборника, изданные вместе, хотя и с разной пагинацией, в 1774 г.: «Стихотворения духовные», «Некоторые духовные сочинения», «Дополнение к духовным стихотворениям».

Принципы своей работы над переложением псалмов Сумароков изложил в «Послесловии» к «Дополнению к духовным стихотворениям»: «Некоторые мои стихотворные переложения псалмов только из части содержания псаломного состоят, или часть только псалма взята, и потому надписи над ними я так и положил, что они не псалмы, но изо псалмов, не взирая на то, что точность во многих, и по большей части против еврейского подлинника крайне наблюдена. А некоторое малое количество псалмов строками только переведено».[30]

В переложениях псалмов Сумарокова одновременно сосуществуют две тенденции: вольного и текстуального переложения. Он перелагает иногда очень вольно, соединяет мотивы двух-трех псалмов в одном стихотворении («Из 3—16—63 псалмов», «Из 115—116 псалмов»), и все вообще его переложения называются не «перафразис» и не «переложение», а «Из псалма такого-то»:

Часть же сумароковских переложений имеет такой подзаголовок: «Точно как на еврейском языке» («Из 46-го псалма», «Из 59-го псалма»,

[30] [А. П. Сумароков]. Дополнение к духовным стихотворениям. СПб., 1774, стр. 48—49.

«Из 74-го псалма») и т. д. Это не значит, что Сумароков переводил с древнееврейского текста; так он обозначал свои переложения псалмов, сделанные безрифменным ямбом или ритмической прозой. Таково, например, переложение псалма 74, которое включает только переложение четырех первых строк этого очень пространного стихотворения.

Благодарим тя боже,
Благодарим тебя:
Твое нам имя близко:
Твои вещаются премноги чудеса.[31]

Основной тип сумароковского переложения — тот, который он называл «Из псалма такого-то». Само это название может служить формулой для этого жанра русской поэзии. В какой-то мере и переложения Симеона Полоцкого это тоже извлечение из «Псалтыри» того, что нужно поэту для выражения его собственных идей и эмоций; переложения псалмов это как раз такое явление поэзии, когда «общая» форма оказывается настолько вместительной, что может включить и официально-православную идеологию Симеона Полоцкого, и свободомыслие Кантемира, и смелый деизм Ломоносова, и горький пессимизм Сумарокова.

На сумароковских „духовных стихотворениях" лежит какая-то особая печать субъективности и лиризма. «Его псалмы — это лирические песни о человеке, изнемогающем под бременем жизни и ненавидящем порок. Политические темы проникают в псалом в лирической оболочке. О своей борьбе с злодеями и тиранами, о своей верности идеям правды и добра, о славе добродетели повествует Сумароков в отвлеченных и эмоционально насыщенных образах псалмов».[32] Свою работу по стихотворному переложению псалмов Сумароков соразмерял с деятельностью своих предшественников, желая превзойти их. «Я уверен, — писал он Г. В. Козицкому, — что мои псалмы не по-Ломоносовски сделаны».[33] И действительно, Сумароков не расширяет, как Ломоносов, а как бы сужает масштабы и размах псалмов, он переводит действие в более интимную обстановку. И это особенно заметно, если сравнить его переложения со стихами Державина, например.

«Псалтырь», псалом 81

Воста в сонме богов,
посреди же боги рассудит.
Доколе судите неправду,
и лица грешников приемлете;
судите сиру и убогу, смиренна
и нище оправдайте.
Измите нища и убога, из
руки грешничи избавити его.
Не познаша ниже уразумеша, но тме ходят: да подвижатся вся основания земли.

Аз рек: бози есте, и сынове вышняго вси.
Вы же яко человецы умираете, и яко един от князей падаете.

Сумарокова
«Из 81-го псалма»

Во сонме стать судей
Была господня воля.
Вещает вышний возглаголя,
Толпе неправедных людей.
Доколе судите судьи
Людей не по закону страстно
И обвиняете напрасно,
Прибытки множаще свои.
К вам тщетно ходят во врата,
Лишаяся вседневной пищи,
Пред суд идущие к вам нищи,
Вдова и бедный сирота.
Отвергли истину суды;
Да вами ложь превозносется:
Вселенна вами вся трясется
И ею властвуют беды.

---

31 [А. П. Сумароков]. Некоторые духовные сочинения. СПб., 1774, стр. 241.

32 Г. А. Гуковский. Сумароков и его литературно-общественное окружение. — В кн.: История русской литературы, т. III, стр. 417.

33 Письмо от 26 марта 1772 г. — В кн.: Летописи русской литературы и древности, кн. VI. М., 1860, стр. 61.

Воскресни боже, суди земли: яко ты наследиши во всех языцех.

О господи, внемли, внемли:
Восстани к нашему покою,
Спаси нас сильною рукою,
Восстани и суди земли![34]

Заменив «богов» псалма «судьями», Сумароков «перевел» все стихотворение на другую тему; оно у него обращено к неправедным судьям, а не к «земным богам», и потому, естественно, напоминание псалма о том, что и «князья» смертны, у Сумарокова опущено, так как не было нужно для развития его темы.

По-видимому, именно это ослабление гражданского пафоса 81-го псалма у Сумарокова могло побудить Державина в его переложении 81-го псалма оттенить именно антивластительскую, противомонархическую его идею. Привожу три первые строфы ранней редакции державинского переложения:

Восстал среди богов в совете,
Богов судити вышний бог.
Доколь, рек, правду продаете
И смотрите на грешных рог?
С богатыми судити бедных;
Не зрите на высокость лиц;
Из рук измите душевредных —
Несчастных, сирых и вдовиц.
Но есть безумцы и средь трона:
Сидят и царствуют дремля,
Не ведают, что с бедных стона
Неправдой движется земля.[35]

Следует отметить, что Сумароков в своем стремлении заменить гражданственно-политический пафос псалма морализаторско-нравоучительным очень близок к Симеону Полоцкому, именно в таком духе осуществившему свое переложение этого псалма:

Бог ста во сонме судей, рассудити,
како во людех тщатся суд творити.
Доколе ложный суд извещаете,
лица муж грешных права являете.
Сира и вдову право рассуждайте,
смиренна, нища в правду оправдайте.
Нищи, убога, от сильных измите,
из рук грешничих правых избавите.
Но они его в разум не впустиша,
лиц приятием помрачени быша.
Основания земли ся смущают,
вся развращенна во мире бывают.
Аз рех: вы есте бози в человецех,
вышняго чада в настоящих вецех.
Вы же яко плоть, тли ся общаете,
и яко един от князь падасте.
Воскресни боже, земли да судиши,
яко в языцех всех ты наследиши.

Близок Сумароков к Полоцкому и в другом: в «Духовных стихотворениях» он не только использует все богатство русской метрики его времени, но и разрабатывает сложные ритмы, свободный и безрифменный стих. Так поступил и Тредиаковский, применивший в своем переложении псалмов разнообразные виды рифмовки и строфики. Конечно, ни Ломоносов, ни

[34] [А. П. Сумароков]. Стихотворения духовные. СПб., 1774, стр. 82—83.
[35] Эта редакция опубликована впервые у Л. К. Ильинского: Из рукописных текстов Г. Р. Державина. — ИОРЯС, т. XXII, кн. 1. СПб., 1916, стр. 303—304.

Тредиаковский или Сумароков не были подражателями Полоцкого. Они следовали ему только в одном, строго определенном смысле — они видели в «Псалтыри» поэтический арсенал для своей собственной литературной работы и, перелагая псалмы, создавали в русской поэзии особую область гражданской лирики, свободно совмещавшей личную тему с общественной идеей. Это и обусловило «живучесть» переложений псалмов в русской поэзии до Пушкина включительно. Разумеется, тут продолжала действовать и общая закономерность политической борьбы в странах, где еще буржуазная революция оставалась делом будущего. Поэтому и декабристы в своей политической борьбе широко пользовались поэтическими возможностями псалмов. Так, «священное писание», и в первую очередь псалмы, в творчестве русских поэтов стали могучим средством выражения самых «мирских» и земных интересов русского общества. И в начале этого пути обмирщения поэзии псалмов стоит Симеон Полоцкий — первый гражданский поэт новой русской литературы.

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

А. Н. ГРАБАР

Светское изобразительное искусство домонгольской Руси и «Слово о полку Игореве»

Историк искусств может содействовать изучению «Слова о полку Игореве» двояко. Он может, с одной стороны, привлекать свидетельства археологических памятников к комментарию самого текста «Слова». Мой покойный учитель, Д. В. Айналов, проделал когда-то несколько исследований такого рода. Но историк искусств может также обратить внимание на существование в России в эпоху «Слова» значительного светского искусства и даже на известный расцвет этого искусства в домонгольской Руси, т. е. тогда, когда было создано «Слово», и в той же социальной среде. Настоящая статья посвящена этому светскому искусству, существование которого уменьшает изолированность «Слова» и тем самым содействует пониманию «Слова». Правда, ни одно из этих произведений не стоит на том же исключительном художественном уровне, что и «Слово», и их тематика большей частью не та же. Но легче себе представить создание «Слова» в среде, где светское искусство вообще было развито.

Раньше чем обращаться к произведениям русского светского искусства, не лишнее напомнить, что другого рода наблюдения археологов, особенно за последние десятилетия, позволяют лучше представить те материальные условия, которые могли позже привести к изоляции «Слова». Я имею в виду наблюдения советских археологов, обнаруживших здания, пострадавшие от татарского нашествия, будь то в Киеве, на месте Десятинной церкви или поблизости от нее, в Киевском детинце, будь то в Вщиже возле Брянска или в Райковецком городище на Волыни и т. д.[1] До этих тщательно проведенных раскопок никто не мог себе представить с такой наглядностью степень разорения и истребления русского населения при разгромах русских городов в середине XIII в. Благодаря этим раскопкам мы знаем теперь, как небольшие города, вроде Вщижа, стирались с лица земли и покидались населением, тогда как большие города вроде Киева теряли самую активную часть своего населения и лишались виднейших зданий и множества ценных вещей. Так было с Десятинной церковью в Киеве, построенной когда-то Владимиром рядом с дворцом и погибшей вместе с этим дворцом, как, вероятно, погибли одновременно все дворцы и «придворные» церкви там, где население оказывало сопротивление завоевателю. Везде в этих случаях именно цитадель-детинец с ее дворцами и всем, что с ними соприкасалось, уничтожалось особенно старательно, и это, конечно, влекло за собой особенно часто уничтожение наиболее замечательных произведений светского искусства, обычно сосредоточивавшихся во дворце.

[1] М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1950, стр. 118 и сл.; С. Мовчанівський. Райковецькое городище XI—XIII ст. (попереднє повідомлення про дослідження городища за 1929—1934 рр.). — Наукові записки Інституту історії матеріальної культуры, кн. 5—6. Київ, 1935, стр. 125—176; Б. А. Рыбаков. Стольный город Вщиж. — В кн.: По следам древних культур. Древняя Русь. М., 1953, стр. 98—120.

Церкви, особенно если они были каменные (тогда как дворцы были деревянные), избегали этой участи чаще потому, что татары не вели войны против христианства, и потому, что в России — в противоположность Византии и балканским странам, завоеванным турками — победители не селились в завоеванных областях и не обращали церквей в мечети. Другими словами, наиболее радикальному уничтожению подвергались светские произведения искусств и светские здания, и это объясняет большую редкость сохранившихся произведений светского искусства. Одиночество такого произведения светской поэзии, как «Слово», может быть таким же кажущимся, как и одиночество различных произведений светской скульптуры или живописи домонгольского периода.

Одновременно со зданиями и движимыми ценностями исчезали часто и те, кто ими пользовались: те же раскопки показали, что защитники городов и зданий погибали вместе с ними и с произведениями искусств, которые их окружали. Большинство русских кладов восходит именно ко времени татарских набегов,[2] что, конечно, не только говорит о страхе, в котором находилось тогда русское население, но и о том, что этот страх был обоснован: до нас дошло много кладов потому, что смерть или плен не позволили их владельцам отрыть закопанное. За каждым кладом угадывается разрыв с прошлым — смерть или уход без возвращения — и вместе с этим возможный перерыв какой-то бытовой, технической или художественной традиции. Клады позволяют наглядно представить, как прерывалась такого рода традиция или просто как знание определенных художествённых произведений становилось «выморочным».

Если отдать себе отчет в размерах этих разрушений, становится особенно удивительным, что домонгольская Россия нам завещала серию светских произведений искусства, которая пропорционально более значительна, чем в других странах византийской экспансии, несмотря на то что в этих же областях сохранилось множество произведений религиозного искусства. Имею в виду Грузию, Болгарию, Сербию, Македонию, Румынию и самую Грецию. Единственное исключение — Константинополь. Там, правда, не осталось почти ничего от монументального светского искусства, но к этому искусству восходят многочисленные произведения гражданского прикладного искусства, в настоящее время рассеянные по всему миру. Эти произведения и некоторые описания разрушенных памятников свидетельствуют о том, что в византийской столице светское искусство занимало значительное место и отличалось большим многообразием. Нужно, однако, признать, что известный успех этого искусства в древней Византии — наследнице бесчисленных традиций античного мира — удивляет значительно меньше, чем то пропорционально значительное место, которое светское искусство занимает среди сохранившихся памятников древнерусского домонгольского искусства. Нечего и говорить, впрочем, что было бы неуместно сравнивать совокупность русских светских художественных произведений этого периода, обнимающего два или три века (X—XIII вв.), и всю массу византийских гражданских памятников, созданных в течение более чем тысячи лет. Но именно потому, что в России амплитуда художественной деятельности в эпоху раннего средневековья была менее значительна, чем в Византии, и что русские светские памятники подвергались массовому разрушению во время татарского нашествия, наличие заметного числа русских гражданских произведений искусств требует особого объяснения.

---

[2] Г. Ф. Корзухина. Русские клады IX—XIII вв. М.—Л., 1953, стр. 5—7; Б. Рыбаков. Ремесло в древней Руси. М.—Л., 1948, стр. 238—240.

Хорошо обоснованное и достаточно обстоятельное объяснение будет дано, конечно, только после всестороннего исследования этого вопроса, который, насколько мне известно, еще никем не ставился. В настоящий момент я считаю возможным только формулировать следующие три положения, которые тесно связаны между собой и друг друга дополняют.

1. Христианство и обслуживавшее его искусство, сложившееся в средиземноморском бассейне, проникли в Россию сравнительно поздно. Как и в скандинавских странах, это искусство было привито обществу, в котором задолго до этого установилась художественная деятельность довольно высокого уровня. Принятие новой религии не остановило эту дохристианскую художественную деятельность, главными потребителями которой были, естественно, правящие круги, т. е. лица, близкие к гражданской и военной власти (а не христианское духовенство). Это искусство продолжало свое существование в виде светского искусства независимо от нового, религиозного искусства. Княжеские дворцы были естественными очагами этой художественной деятельности, где надолго могли удерживаться формы, восходившие к дохристианской эпохе, и где мог продолжаться обычай уделять значительное внимание искусству, обслуживавшему двор и его обитателей и их окружение. При этом важнее, чем формы и мотивы, которыми это искусство пользовалось и которые, конечно, не оставались неподвижными, было то, что это искусство удержало за собой заметное место в общей картине художественной деятельности, несмотря на успех вновь насажденного христианского искусства.

2. Это положение вещей могло тем естественнее установиться в домонгольской России, что обращение ее в христианство и вслед за тем распространение новой религии произошли на Руси по инициативе и при активном содействии князей и, следовательно, не против них. Деятельность новой русской церкви оставила за ними их традиционно-привилегированное положение, и церковь не только не пыталась уничтожить традиционное светское искусство, но содействовала даже проникновению в Россию дворцового искусства христианских императоров Византии, которых она ставила в пример вновь обращенным русским князьям.

3. Историческая обстановка должна была особенно благоприятствовать расцвету светского искусства в домонгольской России: еще до того как князья варяжского происхождения обосновались на русской территории, техника художественных ремесел достигла значительных успехов в восточной Европе, куда проникали произведения различных ветвей искусства Ближнего Востока — среднеазиатских, персидских и арабских. Варяжская торговля с Византией и затем крещение Руси привлекли на территорию России произведения византийского ремесла в возрастающей прогрессии, начиная с IX в. Наконец, через варягов шли также произведения северных прикладных искусств, так называемых искусств викингов, которые в IX—X вв. были в полном расцвете и проникали на Западе вплоть до Англии. Можно поэтому скорее удивляться тому, что следы проникновения стиля викингов в Россию менее значительны, чем можно было бы ожидать. Но и он занял свое место в истории русского орнаментального искусства. К концу рассматриваемого периода русское искусство восприняло и некоторые темы и формы так называемого романского искусства, т. е. наиболее раннего из искусств, сложившихся на средневековом Западе и оттуда распространившихся до границ России.

В основном Россия вошла тогда в круг распространения византийской культуры и искусств, но знакомство с многочисленными произведениями многих других художественных направлений содействовало, конечно, тому, что еще в рассматриваемый период русские памятники стали отли-

чаться большим разнообразием форм и носить на себе отпечаток несомненного своеобразия, особенно в произведениях внецерковного искусства, которое нас занимает в настоящей статье.

Следовало бы прибавить: тот факт, что византийское светское искусство оставило столь заметный след в средневековой России, указывает на тесные связи Руси непосредственно со столицей империи. В X—XIII вв. дворцовое искусство Византии было едва ли не исключительно константинопольским.

Те общие положения, которые мы только что изложили и которые касаются вероятных путей проникновения в Россию светского искусства и мест его распространения в России (в окружении князей), помогут нам дать характеристику этого искусства.

Начнем с того, что напомним — потому что это тоже представляет интерес для изучения «Слова», — что некоторые из произведений искусств, на которые мы будем указывать, не менее одиноки, чем «Слово». Как и «Слово», они уникумы. Между тем эта уникальность нимало не заставляет сомневаться в их подлинности. Так, никто не возбуждал вопроса о подлинности светских фресок, украшающих лестничные клетки храма св. Софии в Киеве, несмотря на то что им подобных нет нигде. Но этот вопрос кажется столь же неуместным, как и вопрос о подлинности других уникальных памятников вне России, например знаменитого арабского деревянного резного потолка в Палатинской капелле в Палермо или единственной сохранившейся рукописи «Книги церемоний» Константина Багрянородного (в Лейпцигской библиотеке.). Почти каждое из дошедших до нас произведений светского искусства домонгольской Руси, которыми мы располагаем, значительно отличается от всех других. Но это указывает не на сомнительную подлинность этих произведений, а на то, что перед нами membra disjecta когда-то значительного целого, включавшего в себя очень разнообразные произведения.

Мы обратимся теперь к этим памятникам и рассмотрим наиболее примечательные из них, распределив их предварительно по группам. В основу нашей классификации мы положим признак функциональный, т. е. будем сближать произведения искусств, связанные сходными функциями. Эта группировка возможна потому, что светское средневековое искусство, так же как и религиозное, было предназначено не только для удовлетворения эстетических потребностей. Оно тоже стремилось что-то показать, чему-то обучить, и эти функции, конечно, менялись в зависимости от категорий вещей и от места, выбранного для того или другого изображения. Группируя памятники по функциональному признаку, мы тем самым облегчаем их понимание, а также реконструкцию тех из них, от которых сохранились лишь фрагменты: аналогичные по функциям произведения подсказывают наиболее правдоподобные дополнения. Этот метод классификации позволяет углубить понимание светской иконографии и уловить не всегда очевидную с первого взгляда внутреннюю связь между различными дошедшими до нас памятниками этого искусства.

Исходя из этих общих соображений, остановимся прежде всего на знаменитых фресках, украшающих лестничные клетки двух башен собора Софии в Киеве. Кстати и хронологически — середина XI в. — этим фрескам принадлежит первое место. Мы обратимся затем к рельефам фасадов нескольких церквей, сначала киевских, которые и по времени исполнения ближе к фрескам св. Софии, вслед за тем владимирских и других в Суздальском крае, которые находятся на храмах второй половины XII— начала XIII в. Нам придется объяснить не только функциональную связь между рельефами в Киеве и во Владимиро-Суздальском княжестве (кото-

рая может сначала показаться неясной), но также причину появления такого рода светских и полусветских скульптур на фасадах древнерусских церквей. Мы надеемся показать, что именно применение такого рода рельефов — прием своеобразный и далеко не банальный в истории как русского, так и всеобщего искусства — находит объяснение в функциях изображений на этих фасадах и что речь идет о перенесении на скульптуру фасадов той же самой традиции, которая несколько ранее привела к известным изображениям, развернутым на стенах лестничных клеток св. Софии в Киеве. Достаточно будет сказать пока (см. ниже), что истоки этой традиции намечаются в Константинополе, где различные здания дворцового характера спокон века строились в непосредственной близости к некоторым церквам; дворцовые здания сообщались с этими храмами и в то же время сохраняли известную автономию.

Мы упомянем здесь те категории русских произведений прикладного искусства, которые также относятся к светскому искусству: в эту серию входят многочисленные ювелирные произведения XI—XIII вв. и эмали, вышедшие из мастерских домонгольской России и закопанные затем в годы татарского нашествия, около 1240 г. Почти все эти предметы предназначались для женского убора, и во всяком случае все они стоят вне церковного искусства (см. ниже о возможном приспособлении некоторых мотивов этого убора к культовым потребностям). К произведениям прикладного искусства, особенно из-за его серийного характера, можно причислить также орнаментальное искусство древнерусских рукописей. Несмотря на то что эта ветвь древнерусского искусства развилась значительно позже татарского нашествия (нам оно лучше всего знакомо по рукописям XIV в.), мы можем с уверенностью возводить его начало к домонгольскому времени, и поэтому вполне законно включить его в настоящий обзор. Церковь привлекла это декоративное искусство к украшению рукописей религиозного содержания (так же как она это сделала с фресками и рельефами), но и здесь, как и там, светское происхождение тем и форм не вызывает сомнений.

Ниже, по поводу светского искусства домонгольской Руси, мы столкнемся с проблемами происхождения тех или иных элементов этого искусства. Византийские и другие источники его будут отмечены не раз. Как мы увидим, некоторые указания на прямые отзвуки чужеземных образцов свидетельствуют об этом с очевидностью. В других случаях нельзя идти дальше гипотез. Но если a priori проникновение византийских и других влияний вполне правдоподобно, то это, конечно, не выражается нигде в простом повторении местными мастерами чужеземных образцов, и в частности в России местные условия неизбежно вели к особой интерпретации привозных моделей, причем эта интерпретация шла от едва заметных ретушовок образцов (например, в фресках и некоторых скульптурах) до их полной переработки (изображения на браслетах, заставки и инициалы рукописей). Но в задачу настоящей статьи не входит формальный анализ памятников, и потому бо́льшая или меньшая оригинальность их остается вне нашего внимания. Тематика же, которой мы посвятим бо́льшую часть страниц, гораздо легче следует установленным традициям. Регистрируя такого рода факты, т. е. тематику, мы поэтому силой вещей будем приведены к наблюдению родственных циклов и тем как в русском искусстве, так и в искусстве Византии, Скандинавии и Ближнего Востока. Родственность этих серий, русских и нерусских, и иногда их взаимная зависимость будут, таким образом, установлены (за некоторыми исключениями, например для украшений в рукописях). Тогда останутся вне наших наблюдений те неизбежные своеобразия, которые характеризуют каждую из этих родственных серий, например русскую группу в от-

ношении к византийской и другим. Нужно к тому же признать, что если число сохранившихся памятников достаточно значительно, чтобы установить их родство, оно недостаточно, чтобы указать на степень этого родства и на то, например, что в каждом русском памятнике характерно для русской интерпретации вообще или для толкования автора данной вещи в частности. Подобные затруднения испытали все те, кто пытался добросовестно разграничить какие бы то ни было национальные ветви раннесредневекового искусства. В лучшем случае удается выделить небольшую группу бесспорных свидетельств, вокруг которых распределяются все остальные, национально недостаточно очерченные произведения.

Другими словами, если в нашем изложении мы указываем часто на связи той или другой русской вещи с искусством Византии (реже со скандинавскими памятниками), то это отнюдь не исключает каких-то специфически русских особенностей этой вещи, но ценно для нас тем, что открывает возможность лучше понять ее тему и смысл. Причем большей частью речь будет идти о произведениях более или менее рядовых, и только немногие из них, вроде рельефов св. Димитрия во Владимире, могут быть поставлены на тот же художественный уровень, что и «Слово о полку Игореве».

*

Ни одно из известных нам произведений русского домонгольского изобразительного искусства не изображает каких-либо лиц или событий современной им истории России, как мы видим это в «Слове». Для того чтобы установить такого рода параллелизм, нужно было бы располагать чем-нибудь вроде знаменитой «Вышивки Байе» в Нормандии (Tapisserie de Bayeux) XI в. с ее циклом сцен из истории завоевания Англии норманнами. Мы знаем, что эта замечательная вышивка не была одиночной на Западе и что такого рода живописные циклы изображений, которые изготовлялись в феодальных замках, действительно могут рассматриваться как иконографические реплики эпических поэм, бытовавших в той же феодальной среде.

Со своей стороны Византия также знала циклы изображений, заимствованных из современной жизни и прославлявших различных героев. В XII в. императоры Мануил и Андроник I Комнины поощряли изображения своих собственных подвигов на стенах дворцов, и нам известно, что царедворцы воспроизводили эти картины в своих хоромах. От этих стенописей ничего не сохранилось, но можно ручаться за то, что им придавали героическо-эпический характер, исходя из того, что эпизоды из жизни этих императоров чередовались там со сценами из жизни знаменитых монархов древности и из истории легендарных героев, как Геркулес.

Знакомство с этими византийскими циклами могло вызвать у русских князей не только желание видеть у себя более или менее полные и точные воспроизведения этих циклов, но и — по аналогии с ними — иллюстрации к русской истории. Такого рода иллюстрации, если бы мы их обнаружили, были бы полной параллелью к «Слову», в той же мере, в какой «Вышивка Байе» является иконографической параллелью к рассказу о завоевании Англии Вильгельмом Завоевателем. Не исключена, конечно, возможность того, что такие циклы существовали, но исчезли. Так, например, вероятно, что цикл рельефов на фасадах церквей Владимира и Юрьева-Польского и особенно цикл светских фресок киевской Софии, если бы они дошли до нас в менее фрагментарном виде, включали наряду с сюжетами, перенятыми из византийского цикла, какие-то другие сцены,

взятые из местного русского репертуара. Соседство тех и других вполне возможно, имея в виду общность основной темы (верховная власть и ее символы, героический эпос), и нам известно, например, что византийские и карловингские дворцовые циклы содержали группы сюжетов самого разнообразного происхождения, частью исторические и легендарные, а частью взятые из современной и местной жизни. Как мы увидим ниже, несколько сцен, входящих в серию киевских лестничных фресок, не нашли себе пока аналогий в византийском искусстве, несмотря на то что византийское дворцовое происхождение ряда других сцен в том же ансамбле не вызывает ни малейших сомнений. Но отсутствие сходных изображений среди русских памятников и отсутствие литературных параллелей этим изображениям в домонгольской письменности препятствуют тому, чтобы окончательно признать в этих фресках киевского цикла графические отклики каких-то русских — исторических или эпических — тем. Другими словами, если в этой области мы подходим близко к возможной прямой параллели к «Слову», то эта возможность остается гипотетической.

Но если это и так, самый факт значительного успеха светского искусства в домонгольской Руси и различные особенности этого искусства позволяют нам сделать немало интересных наблюдений над светской художественной деятельностью вообще в той среде, из которой вышло «Слово», и для изучения его эти наблюдения небесполезны.

Из нашего исследования мы исключаем все, что касается архитектуры, потому что с этой стороны нельзя ожидать никаких сближений со «Словом».

Стенописи

Знаменитые фрески двух лестничных клеток киевской Софии[3] являются наиболее значительными из произведений светского искусства домонгольского периода, сохранившихся в России. Этот цикл слишком хорошо известен, чтобы описывать его лишний раз. Но тема настоящей статьи заставляет нас отметить в этих фресках некоторые любопытные черты.

Первоначально эта живопись на светские темы покрывала все стены и свод обеих лестниц. Это предполагает, конечно, большое число сюжетов, или, другими словами, очень распространенный цикл. Но, к сожалению, многие из этих изображений погибли, и значительность этих лакун препятствует попыткам восстановить полностью первоначальную серию картин. Было бы во всяком случае ошибкой делать какие-либо выводы из факта отсутствия в Киеве того или иного сюжета или группы сюжетов, так как это «молчание» может быть «вынужденным», т. е. те или иные из отсутствующих тем могли исчезнуть впоследствии.

При настоящем состоянии фресок киевской Софии я не вижу возможности установить систему распределения сюжетов и концепцию цикла

---

[3] Репродукция этих фресок, но при помощи очень неудовлетворительных цветных литографий: Древности Российского государства. Киевский Софийский собор. СПб., 1871, табл. 52—54Б. Прориси и исследования: Н. П. Кондаков. О фресках лестниц Киево-Софийского собора. — Записки имп. Русского археологического общества, т. III, новая серия. СПб., 1888, стр. 187—306; Н. П. Кондаков и И. И. Толстой. Русские древности, т. IV. СПб., 1891, стр. 147—206, рис. 132—144; A. Grabar. 1) Les fresques des escaliers à Sainte-Sophie de Kiev et l'iconographie impériale byzantine. — Seminarium Kondakovianum, t. VII. Praha, 1935, стр. 103—117; 2) L'Empereur dans l'art byzantin. Paris, 1936, стр. 70 и сл., фиг. 1—6. Фотографии: История культуры древней Руси, т. II. М.—Л., 1951, рис. 151—154, 170.

в целом. Так, например, некоторые многофигурные сцены — вроде изображений игр на арене Ипподрома — по непонятной для меня причине были распределены между обеими башнями и разделены на эпизоды, которые, по-видимому, следуют друг за другом без всякой системы. Не дошедшие до нас куски живописи объясняли, может быть, существующее распределение сцен, которое кажется нам произвольным или было действительно произвольным, по крайней мере в деталях. Очень возможно, что распределение фресок по стенам и сводам винтовых лестничных клеток особенно затрудняло удовлетворительное размещение группировок данного ряда связанных между собой сцен и фигур. Незначительная высота стен и спиральный свод плохо приспособлены к этому. Но, конечно, возможно также, что живописцы мало заботились о том, чтобы установить соответствие между распределением сцен и последовательностью сюжетов. В такого рода циклах порядок сцен мог легко меняться, и к тому же киевские лестничные фрески уникальны, поскольку речь идет о монументальной и живописной версии рассматриваемого цикла (все остальные известные нам примеры связаны с движимыми предметами или со скульптурой), и мы поэтому лишены возможности установить степень оригинальности этих фресок в отношении их группировки.

В других отношениях, напротив, сравнительный материал позволяет сделать некоторые выводы. Так, например, присутствие ряда специфических сюжетов (см. ниже) не оставляет сомнений в том, что киевским живописцам были известны византийские модели и что они их использовали. Мы не знаем, какого рода были эти модели, но если это были рисунки в театрах, миниатюры или изображения на движимых предметах (металл, дерево), то при переносе их на стены и своды мог легко возникнуть кажущийся или действительный беспорядок: нет ничего более обычного, чем перемещения или сдвиги и связанные с ними недоразумения как последствие копирования или той или иной формы подражания каким-то образцам. Но, конечно, и эти образцы со своей стороны могли сами быть несовершенны (вследствие неудачного копирования своих оригиналов), и уже в них мог быть нарушен порядок сцен и фигур цикла. Если так, то создатели фресок св. Софии могли просто следовать за такого рода образцами, не неся ответственности за несовершенство композиций.

Все эти неясности, конечно, стесняют исследователя киевских фресок, но мы остановились на них здесь с особой целью, а именно потому, что уникальный памятник живописи ставит историка в совершенно то же положение, что и уникальный памятник литературы вроде «Слова»: в обоих случаях перед нами кажущийся «беспорядок» или затемнение смысла, происхождение которых остается неясным и которые можно приписать как автору рассматриваемого памятника, так и его неизвестным источникам. Такова судьба наших попыток более исчерпывающего понимания этих одиноких и сложных памятников далекого прошлого.

Наших знаний хватает, однако, на то, чтобы — как и для «Слова» — не сомневаться в том, что лестничные фрески киевской Софии были осуществлены мастерами, знакомыми с ученым искусством их времени, и в частности со светско-дворцовой ветвью византийского искусства. Это может быть показано на целом ряде примеров, из которых мы выберем только несколько.

Возьмем для начала одну общую и как бы внешнюю черту, а именно приемы живописцев при распределении сюжетов по стенам и сводам. Эта сторона интересна для историка тем, что может свидетельствовать о преемственности традиции в пределах монументального искусства (фрескист, который исходил бы из рисунков или произведений на движимых пред-

Рис. 1. Палермо. Комната Рожера II во дворце Декорация одной из стен и части свода.

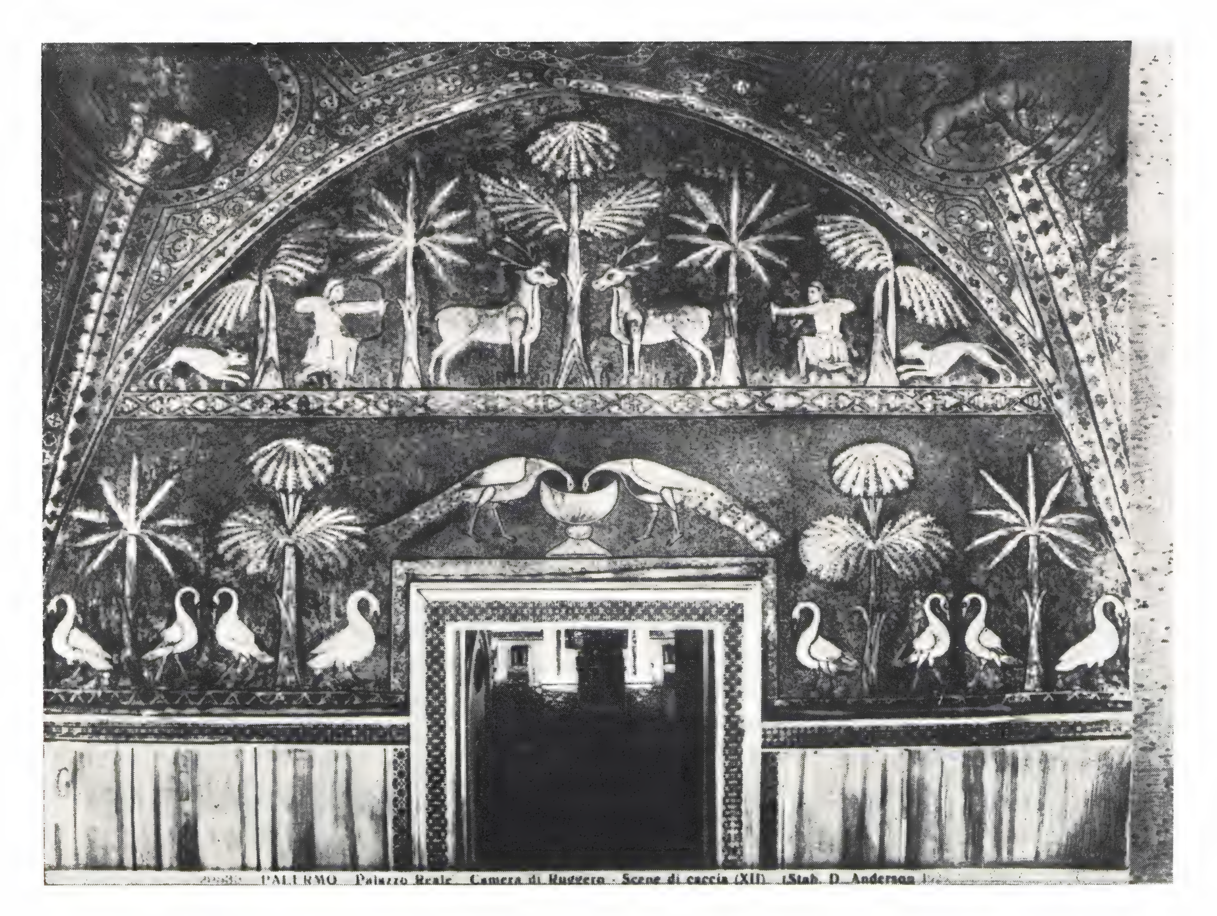


Рис. 2. Палермо. Комната Рожера II во дворце. Декорация одной из стен и части свода.

метах, не находил бы в этих образцах никаких указаний для распределения сюжетов на стенах и сводах). В случае киевских фресок эта преемственность устанавливается по отношению к Византии, а именно благодаря свидетельству мозаик во дворце нормандских королей в Палермо. Я имею в виду мозаики той знаменитой «комнаты короля Рожера II» (около 1140 г.), которые, правда, лет на сто моложе киевских фресок, но могут быть поставлены наряду с ними, как столь же редкий образец дворцового светского искусства, вдохновленного Константинополем. Мы увидим ниже, по поводу фасадов церкви Димитрия во Владимире, насколько для нашего сюжета интересны мозаики стен «комнаты Рожера». Но отметим теперь же любопытное совпадение между росписью киевских лестниц и росписью этой «комнаты» в Палермо в системе распределения сюжетов между сводами и стенами и в выборе и декоративном оформлении сюжетов свода. В обоих случаях свод целиком покрыт растительным и геометрическим орнаментом, который раздвигается местами, чтобы дать место медальонам, обрамляющим изображения чудовищ, зверей и птиц. В Киеве, где поверхность этих сводов значительно больше, чем в Палермо, к этим мотивам присоединяются фигуры охотников, т. е. маленькие сцены, дополняющие более распространенные сцены охоты, для которых отведены места на стенах и которые отличаются также большим масштабом. Но эти случаи сходства сюжетов свода и стен являются исключением. Как правило, сцены вообще исключены из композиций сводов, совершенно так же, как в Палермо, и, кроме того, — это мне кажется основным — даже в тех случаях, где в своде как исключение появляются сцены, последние (и вообще все живые существа, изображенные на сводах) неизменно заключены в особую раму, преимущественно в круглую раму медальона. Обычно эта декоративная композиция сводов родственна композициям римских и ранневизантийских мозаичных изображений на полу и даже орнаментальным коврам некоторых редких мозаик сводов IV—V вв. (как например, в ротонде св. Костанцы в Риме и особенно в ротонде св. Георгия в Салониках). В сущности, и те и другие относятся к одной и той же категории орнаментальной декорации зданий, так как половые мозаики ранневизантийского периода подражают мозаикам сводов, и все они вдохновляются коврами и материями с вытканными на них изображениями. В средневековых византийских церквах нигде не видно применения этого позднеантичного жанра орнаментальной декорации к каким бы то ни было сводам. В сводах церквей царят религиозные изображения. Мы находим зато подобные орнаменты в светских декорациях Палермо и Киева, и это позволяет нам заключить, что та система украшения сводов, которую мы наблюдаем на лестницах киевской св. Софии и в «комнате Рожера II», не произвольная импровизация, а, напротив, особенно древний прием, который в Византии XI—XII вв. задержался именно в дворцовом искусстве. Интересы императоров и империи содействовали тому, чтобы монархическая традиция и искусство, которое ей отвечало, не были утеряны и чтобы это искусство занимало достаточно важное место в художественной жизни позднего Рима и Византии. Но эта струя в византийском искусстве оставалась всегда строго консервативной и более архаизирующей, чем искусство церковное, несмотря на немалую привязанность этого последнего к установленным образцам и методам. На этом общем фоне становится более понятным присутствие в сводах киевских лестниц архаического типа светской декорации и устанавливается с очевидностью, что эта декорация в Киеве опирается на очень определенную старую и ученую традицию в монументальном искусстве. Художник, расписывавший эти своды, вероятнее всего лично знал другие примеры этого рода декорации сводов во дворцах

или, в худшем случае, следовал указаниям — письменным или устным — руководств или руководителей, опиравшихся на такие свидетельства.

Не менее древней была другая традиция, значение которой обнаруживается в тех же киевских фресках: легкие декоративные композиции заполняют свод, тогда как непрерывная лента фриза больших сцен занимает целиком поверхность стен под сводом. Это разграничение вполне сознательно. Оно противопоставляет свод стенам: свод кажется легким покрытием, чем-то вроде росписной ткани, натянутой над стенами, тогда как эти последние предоставляют ничем не оформленную, плотную вертикальную поверхность для изображения сцен, взятых из дворцовой жизни или близких им по духу описательных картин с более или менее крупными фигурами, зданиями и аксессуарами. Именно в этой части росписи, т. е. на стенах, развертывается светский, дворцовый цикл изображений, к которому мы вернемся позже. К сожалению, в противоположность сводам сохранившиеся памятники не позволяют утверждать, что в византийских дворцах Константинополя или в нормандских замках Сицилии этого же рода сцены занимали именно вертикальные стены, за отсутствием хотя бы единого сохранившегося примера византийской светской росписи с такого рода изображениями. Но, как мы увидим дальше, тексты дают нам возможность установить по крайней мере следующий факт: в Константинополе в средние века этого рода циклы изображались во дворцах, и в XII в. они были воспроизведены на стенах императорского Влахернского дворца и какого-то другого, тоже императорского дворца возле церкви Сорока Мучеников. Правда, эти дворцы со всеми их росписями давно погибли, но остается факт: сходные светско-дворцовые циклы фресок украшали эти константинопольские прицерковные дворцы. Точное место, которое такая живопись занимала в этих дворцах, нам не известно (см. ниже о фресках церкви Димитрия во Владимире). В настоящий момент запомним только, что эти циклы были отмечены в двух прицерковных дворцах Константинополя и что с этой стороны тоже намечается преемственность в использовании какой-то византийской традиции.

Из-за исчезновения константинопольских дворцов наше представление о сюжетах, изображавшихся на стенах, и об их распределении вне капеллы мы можем уточнить только по мозаикам королевского дворца в Палермо. В этом дворце в настоящее время роспись сохранилась целиком в «комнате Рожера» и в виде нескольких жалких фрагментов на стенах так называемой «Башни Пизанцев» (Torre dei Pisani).

Обратимся сначала к стенным мозаикам «комнаты», где сохранились как орнаментальные ковры свода, так и композиции на стенах (рис. 1, 2). На этих стенах, разделенных на два регистра, изображены деревья и кусты более или менее стилизованной формы, которые все вместе представляют некую поэтическую рощу или «парадиз» в иранском смысле. Среди этих растений лежат или сидят звери, объединенные в антитетические группы по сторонам какого-нибудь дерева, порхают птицы, натягивают лук охотники, люди и кентавры (кентавр, натягивающий тетиву лука, — очень распространенная иконографическая тема). Другими словами, в этой «комнате» центральная часть стенных мозаик посвящена прежде всего охоте — тема, типичная для дворцового цикла, которая, между прочим, получила также значительное развитие в лестничном цикле киевской Софии.

Ни король, ни его деятельность не изображены нигде в «комнате Рожера». Но и то и другое находилось, без сомнения, на мозаиках соседней «Башни Пизанцев», внутренние стены которой были также покрыты мозаиками (ранее 1161 г.). Эти мозаики были открыты только недавно, и

поэтому они мало известны. Но, к величайшему сожалению, от первоначальной мозаичной росписи и ее значительного цикла светских тем, расположенных в несколько ярусов, сохранились лишь незначительные фрагменты. То, что осталось, позволяет наблюдать детали и изучать колорит, технику и стиль мозаик, но недостаточно для определения сюжетов, имея в виду, что эти сюжеты были светскими, т. е. такими, для которых у нас обычно нет аналогий. Мы лишены, таким образом, возможности восстановить цикл этих сцен хотя бы в самых общих чертах. Но кое-какие наблюдения остаются вероятными, и их интерес для нашего исследования очевиден. Отметим прежде всего, что эта роспись, как и наши киевские росписи лестничных клеток, украшает башню. Однако если в Киеве фрески следуют за уклоном круглой винтовой лестницы, то в Палермо башня четырехугольная и в ней нет лестницы: это высокая зала, обрамленная внушительными по толщине стенами, на которые положены горизонтальные ярусы мозаик (судя по сохранившимся фрагментам, их было два или три).

Бо́льшая часть этих изображений исчезла, но во всех ярусах и на всех стенах видны отдельные фигуры людей и лошадей и изображения зданий. Нет сомнения, что эти фрагменты были частью значительного цикла светских сцен, и некоторые детали (стрелок из лука и нижняя часть тела многочисленных лошадей) позволяют догадываться, что этот цикл включал изображения битв или празднования побед, а также сцены охоты (ср. стрелка из лука в сцене охоты в «комнате Рожера II», которую мы отметили выше) и связанные с охотой сцены (охотники верхом на лошадях, выезд и возвращение с охоты).

Фрагменты эти недостаточны ни для того, чтобы угадать их сюжеты, ни даже для того, чтобы установить общую тему цикла. Так, нельзя исключить ни иллюстрации к описательно-нравоучительным книгам, вроде Физиолога или Бестиария, ни иллюстрации к басням. И то и другое встречается позже (XIII—XIV вв.) в живописи потолков светских зданий в Италии и Испании, и то, что видно на фрагментах мозаик, не препятствует этой гипотезе. Но эти же фрагменты позволяют также — хотя и не более настойчиво — сблизить их изображения с иллюстрациями современных хроник, где часто видны сцены битв, кавалькады, охоты. Причем, вероятны как изображения из жизни владельца замка, так и изображения каких-либо событий прошлого. Наконец, нужно признать, что сохранившиеся фрагменты не исключают и гипотезы о каком-нибудь более символическом цикле изображений, где вместо описательных изображений конкретных лиц и событий могли быть показаны типологические композиции монархической иконографии вроде победы или «явления» (adventas) победителя, героической охоты и других подобных сюжетов. Но каков бы ни был точный смысл цикла «Башни Пизанцев» в его первоначальном виде, две черты сближают его с киевским лестничным циклом: стенная роспись целой залы состоит из изображений светского характера; эти изображения не условно-абстрактные, как в сценах «комнаты Рожера II», а описательные и драматические, вдохновленные какими-то событиями или церемониями. При этом если изображение на этих мозаиках самих нормандских королей, владельцев дворца, и не доказано — тогда как в Киеве император и князья фигурируют в нескольких сценах, — то изображение владетелей Палермо на мозаиках Пизанской башни по крайней мере очень вероятно.

Насколько я знаю, никто из историков русского искусства не сближал лестничных фресок св. Софии и мозаик двух зал дворца в Палермо. Между тем эти сицилийские памятники — единственные произведения светского

искусства эпохи киевского памятника, которые вообще дошли до нас. Их свидетельство поэтому нам кажется особенно ценным: оно подчеркивает, что киевские мастера в некоторых отношениях следовали определенной традиции светской, дворцовой стенописи. Они следовали ей и когда украшали этими изображениями башни, и когда располагали в сводах орнаментальные композиции, а на стенах — описательные сцены, и когда, наконец, останавливались при выборе сцен на сюжетах традиционного дворцового цикла.

Хотя фрески лестниц киевской Софии известны издавна, не раз и усиленно изучались, не все в них одинаково ясно. Так, например, сцены, изображающие конские ристания на Ипподроме в присутствии императора и его свиты, не вызывают никаких сомнений. Эти сцены, разбитые живописцем на несколько частей, изображают константинопольский Ипподром. Нигде, кроме византийской столицы, конские ристания не происходили на арене, окруженной огромными каменными зданиями, с монументальными конюшнями, несколькими большими ложами и рядами скамей и террас для зрителей. Императорская корона владетеля, сидящего в ложе, с такой же несомненностью локализует эти цирковые сцены в Константинополе. Мне кажется, что с той же уверенностью можно возвести к константинопольскому Ипподрому также сцену скоморохов, в числе которых виден гигант с шестом, на котором держится мальчик. Эта сцена нам известна по целому ряду византийских и частью специально константинопольских реплик, к свидетельству которых следует прибавить несколько текстов: независимо один от другого несколько авторов X—XIV вв., описывая торжественные игры на константинопольском Ипподроме в присутствии императора и его гостей, упоминают о гиганте и о его шесте, на котором «работает» молодой атлет-ребенок.[4]

Но целый ряд других сцен киевского цикла не может быть локализован с той же определенностью. Вслед за Н. П. Кондаковым, нетрудно предположить, что все сцены охоты могли изображать эпизоды борьбы охотников-актеров на арене того же Ипподрома. Спокон веку византийские художники изображали многочисленные эпизоды этой борьбы, и киевские мастера легко могли дополнить сцены ристаний и акробатических игр изображениями другого рода зрелищ Ипподрома, т. е. этих профессиональных охотников и их борьбы против зверей. Я даже думаю, что это объяснение удовлетворительно и остается в силе, но при условии, что мы признаем возможным некоторые «вольности» со стороны фрескистов или их моделей. Так, например, охота на какого-то зверька, взобравшегося на дерево,[5] трудно локализуется на арене Ипподрома. Нужно поэтому допустить, что, развивая тему охоты, основное ядро которой могло быть связано с Ипподромом, художник обогатил серию кинегетических эпизодов темами, которые не были связаны с Ипподромом. Этот процесс творчества вполне возможен, тем более что нам известны некоторые рельефы на рогах из слоновой кости, где встречаются подобные — хотя и не одни и те же — сближе-

---

[4] Liutprand. Antapodosis, lib. VI, 9 (английский перевод: F. A. Wright. The Works of Liutprand of Cremona. London, 1930); Odon или Eude de Deuil. De profectione Ludovici VII in Orientem. — In: J. P. Migne. Patrologiae Latinae cursus completus, t. 195. Paris, 1855, стлб. 1221 (музыканты и жонглеры); The Itinerary od Benjamin of Tudela. Critical text, Translation and Commentary by M. N. Adler. London, 1907, стр. 12—13: Nicephori Gregorae. Byzantina Historia, VIII, 10, 4. Bonnae, 1829; Nicetae Choniatae. Historia. De Andronico Comneno, lib. 1, 4. Bonnae, 1835, стр. 376. Автор настоящей статьи посвятил теме актеров, жонглеров и акробатов в византийском искусстве специальное исследование в серии «Dumbarton Oaks Papers» (№ 14, Washington, 1960, стр. 123—146) с многочисленными иллюстрациями.

[5] Н. П. Кондаков и И. И. Толстой. Русские древности, т. IV, стр. 136.

ния эпизодов игр на Ипподроме и эпизодов охоты, изображенных иногда среди деревьев, которые так же мало связаны с ареной, как и дерево со зверьком на киевской фреске.

Само собой разумеется, что сцена единоборства между атлетом и фигурой в маске,[6] изображающей волка, принадлежит непосредственно циклу Ипподрома и цирка, в иконографии которых они засвидетельствованы издавна. Менее очевидна, за отсутствием аналогий, но более чем вероятна зависимость от какого-то византийского источника группы актеров, выступающих в процессии один перед другим, с различными неясными предметами в руках.[7] Недостаточно оценено историками театра изображение театральной сцены и занавеса: тогда как кто-то его оттягивает справа, слева к нему приближаются два актера, из которых один в колпаке паяца.[8] Это замечательное изображение стоит одиноко в искусстве XI в., будь то в Византии, в России, на Западе или в странах халифата. Отклик какого театрального искусства хранит в себе эта фреска? Если исключить колпак паяца, изображаемые на ней актеры носят те же костюмы, что и представленные рядом атлеты, — костюмы псевдоготов, которые ведут эти игры (реалистические тенденции этих изображений, связанные с византийской иконографической традицией, доказываются описанием соответствующих игр на Ипподроме в Константинополе). Из этого скорее всего следует, что и изображение сцены театра восходит к византийской иконографической традиции. Но остается неясным, почему другие изображения византийских игр не включают такой же «театральной» сцены? Н. П. Кондаков когда-то вспоминал в связи с этой сценой украинские колядки с их представлениями и сбором рождественских подаяний. Сравнение законно, но, конечно, не может заменить современные фрескам неопровержимые археологические или письменные свидетельства, которых нет.

Особняком стоят также две сцены с изображениями лошадей. На одной из них всадник в короне, которую окружает нимб.[9] Это сияние вокруг головы — иконографический признак императора. Сцена могла изображать торжественный въезд императора в столицу, скорее всего после победы. Не исключена возможность, что киевские художники могли отметить императорским нимбом портрет киевского князя (хотя мне не известны такого рода «вольности» русских или других художников в странах византийского культурного круга). Но если бы даже всадник в нимбе и был киевским князем, то присутствие нимба означает знакомство с византийской монархической иконографией. Вторая сцена с лошадьми уникальна.[10] В ней изображены бегущая неоседланная лошадь, за которой гонятся несколько всадников. Каков сюжет этой картины? Жанровая сцена из жизни степных наездников? Или какое-то состязание? Насколько я знаю, эта сцена не входит в византийские светские циклы, и поэтому не исключена возможность какой-то местной инициативы. Заметим, однако, что иллюстрации книги Оппиана об охоте, бывшие популярными в Византии (лучшая копия XI в. находится в венецианской библиотеке Марчиана), дают несколько изображений лошадей, вольно пасущихся или передвигающихся среди лугов, и табунов с наездниками. Но, конечно, это сравнение не вполне удовлетворительно, потому что речь идет об иллюстрациях к руководству по охоте, а не об изображении, введенном в цикл светско-дворцовых сюжетов.

---

[6] Там же, рис. 138.
[7] Там же, рис. 139, 140.
[8] Там же, рис. 137.
[9] Там же, рис. 141.
[10] Древности Российского государства. Киевский Софийский собор, табл. 53, № 8.

Наконец, среди недавно расчищенных фресок две сначала кажутся независимыми от этого цикла: музыкант, лицо которого так напоминает типично украинские лица, и верблюд с поводырем. Но «украинский» тип музыканта,[11] может быть, не более чем иллюзия: сходные лица встречаются довольно часто в живописи византийского стиля и, по-видимому, они изображают людей восточного происхождения — кавказцев, сирийцев (например, Козьма и Дамиан). Музыканту также можно приписать восточное происхождение. Это как будто подтверждает его поза, которая, впрочем, характерна и для других «мандолинистов» в византийском искусстве,[12] современном киевской Софии (особенно восточный облик у музыканта одной из миниатюр-инициал сборника проповедей Григория Богослова в университетской библиотеке Турина). Как бы то ни было, мотив музыканта-«мандолиниста» входит в репертуар византийского дворцового искусства, и поэтому киевская фреска с музыкантом во всяком случае связана с византийскими образцами, даже если киевские художники и придали более местный характер его лицу.

На первый взгляд мотив верблюда с поводырем[13] никак не связан с теми изображениями киевских фресок, которые так или иначе восходят к традиционным темам дворцового цикла. Но и тут косвенное указание некоторых памятников ведет скорее к обратному выводу. Та же группа верблюда с поводырем воспроизведена на одной из половых мозаик VI в. в Бейсане в Палестине, среди других изображений, вдохновленных обыденной жизнью и включенных в цикл «сельской жизни и работ», который тогда пользовался большим успехом. Такой же верблюд с поводырем повторен на одной из страниц византийского Евангелия XII в. Парижской национальной библиотеки (Graec. 64), где этот мотив входит в серию сцен охоты и животных. Наконец, на нескольких рогах из слоновой кости (олифантах), византийских или подражающих византийским (XI—XII вв.), тот же мотив появляется снова, обогащенный иногда изображениями животного (гепарда?) или обезьяны, восседающей на спине верблюда. На тех же рогах и других олифантах воспроизводятся мотивы акробатов, борьбы, охоты, конских ристаний, которые относятся к тому же светскому и дворцовому циклу, что и киевские фрески. Таким образом, многое говорит в пользу того, что и сцена с верблюдом восходит к византийским источникам.

Следует подчеркнуть одну своеобразную черту того искусства, которому принадлежит цикл лестничных фресок киевской Софии: все эти фрески по сюжетам носят совершенно светский характер, между тем как они находятся на стенах башен, составляющих часть, правда периферическую, большого храма. На наш современный взгляд, в этом есть какое-то противоречие, и мы готовы были бы усмотреть в нем «смешение жанров» и отнести

[11] История русского искусства, т. I. М., 1953, стр. 172.

[12] Нам известны два других изображения сидящих в той же позе «мандолинистов» в византийском искусстве: на стеклянном сосуде, недавно раскопанном в Двине (Армения), и в инициале одной рукописи проповедей Григория Богослова, хранящейся в Туринской университетской библиотеке. Оба памятника (X—XI и XII вв.) воспроизведены в моей статье, упомянутой выше, в прим. 4.

[13] Constantini Porphyrogeniti. De Cerimoniis Aulae Byzantinae. Bonnae, 1829, Lib. I, 1, стр. 18; Lib. I. 9, стр. 66, 67, 68 (св. София): Lib. I, 10, стр. 78—79 (св. Апостолов): Lib. I, 11, стр. 88—89 (св. Сергия и Вакха; переносный престол для императора на хорах этой церкви, над входом); Lib. I, 17, стр. 100 и сл. (св. Мокий, апартаменты над входом в церковь); Lib. I, 18, стр. 109—110 (Богородица Источника): Lib. I, 27, стр. 149 и сл. (Влахерны). За последние двадцать лет найдено известное количество мозаичных росписей в помещениях, находящихся на периферии константинопольской св. Софии, но, судя по этим росписям, все эти помещения имели не светское, а церковное назначение.

его на счет неосведомленности киевских подражателей чужим образцам. Однако это неверно, и перед нами не кустарная импровизация, а применение традиции, твердо установленной в Константинополе с давних времен и продержавшейся там до конца империи. «Книга церемоний» и другие тексты часто упоминают о царских покоях, которые устраивались в различных помещениях на периферии некоторых столичных церквей, в которые направлялись те или другие «выходы» василевсов, по случаю праздничных богослужений. В этих покоях византийские цари устраивали приемы и даже обеды; они в них меняли ритуальные костюмы и отдыхали. Эти царские палаты функционально были вполне светскими, несмотря на то что они были частью церковного здания и находились чаще всего на высоте хоров церкви, во втором этаже. В Константинополе наиболее известные из этих прицерковных палат были царские покои при Софии, при церкви Сергия и Вакха, при церкви Влахернской божией матери. В конце XII в., например, император Андроник I Комнин построил новые палаты этого рода,[14] сообщавшиеся с церковью Сорока Мучеников, и мы знаем даже, что на стенах этой светской пристройки к церкви были какие-то изображения, увековечившие различные эпизоды его героической и беспорядочной жизни (см. ниже о тех же изображениях). Присутствие дворцово-светского цикла в лестничных башнях киевской Софии есть прямое доказательство переноса в резиденцию русских князей архитектурной формы дворцовых церквей Константинополя. Эта фреска мыслима только, если в киевском соборе княжеская семья также располагала какими-то помещениями для своих частью культовых, но главное «репрезентативных» потребностей на тех хорах, куда вели обе лестницы с фресками. Исключительное развитие в ширину св. Софии могло быть связано с этой светско-княжеской функцией периферических помещений церкви (ср. развитие в ширину хор св. Софии константинопольской: не для этой ли цели там боковые нефы получили особенное развитие?). Было бы не удивительно, если бы оказалось, что киевские башни и особенно их живопись, где много места уделено Ипподрому, вдохновлялись башнями самой константинопольской Софии, рядом с которой находился Ипподром. К сожалению, от живописи, покрывавшей стены и своды лестничных клеток константинопольской Софии, ничего не сохранилось. Вернее, сохранилось только несколько фрагментов этих фресок, и среди них прекрасный «процветший крест» в медальоне на самом верху лестничного свода южной лестницы; фрески на стенах лестниц погибли целиком.

В итоге перед нами сложное художественное произведение светско-дворцового характера, которое в целом и во многих деталях опирается на византийскую традицию. Однако в некоторых случаях эта зависимость от константинопольской модели остается лишь вероятной, и одинаково возможной кажется инициатива местных мастеров. Наконец, во всех сценах, даже наиболее «византийских», возможны интерполяции, вызванные личным опытом художников или влиянием условий киевской дворцовой жизни. К сожалению, отсутствие всяких конкретных указаний на этот счет (за отсутствием соответствующих текстов) не позволяет нам развить эту гипотезу. При материале, которым мы располагаем, эта гипотеза «неуловима». А пока она остается такой, иконографическая «поэма» киевских фресок будет для нас отличаться от литературной поэмы «Слова о полку Игореве»

---

[14] Nicetae Choniatae. Historia. Bonnae, 1835, De Andronico Comneno, Lib. II, 6, стр. 433—434; R. Janin. La géographie ecclésiastique de l'empire Byzantin. Les églises et monastères de Constantinople. Paris, 1953, стр. 499—500. Р. Жанэн почему-то исключил из своего списка работ Андроника в церкви Сорока Мучеников все, что относится к росписи этого дворца.

тем, что первая прославляет на византийский манер византийских же властителей, а вторая воспевает на не менее ученый лад подвиги русских князей и дружины.

Разница значительная, а поэтому — если не будут установлены признаки руссификации дворцовых сюжетов киевских фресок — интерес сопоставления этих сюжетов и «Слова» относительно ограничен. Но этим сопоставлением не следует пренебрегать, потому что в истории русского средневекового искусства (кроме XIV и XV вв.) «Слово» и киевские фрески, эти два светских памятника, занимают свое особое место.

Скульптура в Киеве

Разрушение константинопольских зданий, которые объединяли церковь и дворец (некоторые следы светских построек сохранились на периферии константинопольской Софии, на высоте хор), не допускает научного исследования этой своеобразной ветви византийской архитектуры. Это тем более досадно, что константинопольские здания подобного типа — одновременно церкви и дворцы (скорее церкви с пристроенными к ним дворцовыми помещениями) — оказали, вероятно, влияние на архитектуру не только киевской Софии, но и каролингской и оттоновской западной империй,[15] где к византийским образцам в искусстве обращались часто в поисках моделей или символов христианской теократии.

Несмотря на гибель константинопольских дворцов, мы все же можем отметить кое-какие характерные черты этого дворцового искусства, кроме уже рассмотренных фресок в киевской Софии, также по серии рельефов домонгольского времени, вделанных во внешние стены киевских церквей. Как мы увидим, здесь Киев также следовал за Константинополем, и точно так же поступали венецианцы и, вероятно, немцы оттоновской империи (рельефы в церкви св. Петра возле Фульды и др.).

В Константинополе и других городах Византийской империи внешние стены церквей не сохранили никаких христианских или светских рельефных изображений. Единственное заметное исключение — церковь св. Софии в Трапезунде, где на внешней стороне одного из порталов-притворов виден целый ряд плоских рельефов, сюжеты которых большей частью взяты из книги Бытия. Это исключение (речь идет о скульптуре, занесенной извне) подтверждает правило: привычная западному глазу фигуративная скульптура фасадов полностью отсутствует на памятниках византийского круга. Однако у нас нет уверенности в том, что этот метод исключения как пластического, так и иконографического использования внешних стен церквей восходит к эпохе Византийской империи, так как в Константинополе рельефы с фигурами (светские и религиозные) если и имелись на фасадах, то были, естественно, убраны со стен церквей, когда они были обращены в мечети. Эта гипотеза кажется правдоподобной, потому что такого рода рельефы украшают церкви византийского жанра как в Венеции, так и

[15] Историки раннесредневековой архитектуры Западной Европы предполагают, что подобные своеобразные элементы константинопольской архитектуры оказали влияние на архитектуру некоторых наиболее заметных храмов карловингского и оттоновского зодчества. Это объяснило бы происхождение и назначение так называемых вестверков (западная сторона базилики), столь характерных для церквей этих эпох (IX—XI вв.). По мнению многих современных археологов, верхний этаж этой части зданий, над входом и против алтаря, служил «ложей» для князей. Но окончательное разрешение вопроса о происхождении и практическом назначении вестверков затруднено тем, что соответствующие константинопольские памятники исчезли целиком или в тех частях (на их периферии), о которых здесь шла речь.

в Киеве, т. е. в двух главных центрах византийской экспансии того времени.

Прежде чем обратиться к ним, процитируем Никиту Хониата, который описывает уже упомянутое выше изображение, заказанное императором Андроником I Комнином в 80-х годах XII в. для одного из фасадов построенной им церкви Сорока Мучеников. По словам Никиты Хониата, «с внешней стороны (церкви), близ северных врат храма, выходящих на площадь, он на огромной картине изобразил самого себя не в царском облачении и не в золотом императорском одеянии, но в виде бедного земледельца, в одежде синего цвета, опускающейся до поясницы, и в белых сапогах, доходящих до колен. В руке у этого земледельца была тяжелая и большая кривая коса, и он, склонившись, хватал и ловил ею прекраснейшего юношу, видного только до плеч и шеи. Этой картиной он явно открывал прохожим свои беспорядочные дела, громко проповедуя и выставляя на вид, что он убил наследника престола и вместе с его властью присвоил себе и его невесту».[16] Так как совершенно невероятно, чтобы кто-нибудь мог похваляться таким преступлением, толкование рельефа у Никиты Хониата кажется малоправдоподобным. Упомянутое изображение, изготовление которого Хониат приписывает Андронику I, вероятно потому, что оно находилось на стене им построенной церкви, скорее представляет собой какой-нибудь мифологический сюжет. Так, на западном фасаде церкви св. Марка в Венеции видны два рельефа XI—XII вв., изображающие подвиги Геркулеса. На одном из них, в эпизоде с кабаном из Эриманта, рядом с Геркулесом видна маленькая фигура Еврисфея. Как и юноша в описании Хониата, эта фигура представлена только до высоты груди и протягивает руки, как бы защищаясь. Можно было бы думать, что константинопольское изображение повторяло тот же сюжет, но этому препятствует другая часть описания Хониата. Любопытно во всяком случае, что рельеф, изображающий именно эту сцену, вставлен в западный фасад церкви св. Марка в Венеции.

Кого бы ни представлял персонаж «с косой», сюжет этого изображения был во всяком случае не церковным, а светским. Текст Хониата не позволяет решить, был ли это рельеф или мозаика (фреска на внешней стене слишком неправдоподобна). Упоминание двух красок говорит скорее в пользу мозаики, но у нас нет никаких указаний на присутствие мозаик на внешних стенах византийских средневековых церквей; кроме того, кажется маловероятным, чтобы мозаика светского сюжета могла быть использована для украшения церкви, хотя бы и с внешней стороны. Между тем рельеф, который мог быть раскрашен, изготовлялся отдельно и, возможно, первоначально даже не для того, чтобы быть вделанным в стену церкви. Рельеф оставался автономным предметом, который как бы «присоединялся» к церковному зданию для украшения его внешней стены. Хониат специально упоминает: изображение было на внешней стене, хотя и боковой (северной), но со стороны площади, т. е. там, где оно было виднее всего.

---

[16] Это изображение едва ли было «статуей», как предполагает Р. Жанэн (R. Janin. La géographie ecclésiastique de l'empire Byzantin, стр. 499—500), опускающий часть текста Хониата, из которого следует, что на этом изображении можно было видеть не только императора Андроника, но и то, как он преследует молодого Алексея II. Отвергая малоправдоподобную интерпретацию Хониата, мы можем думать, что речь у него шла скорее о каком-то рельефе, вероятно, светского содержания, античном или сделанном по античной модели. Средневековые авторы очень часто неверно истолковывали такого рода изображения. Фигура с косой напоминает иконографию, типичную для аллегорических изображений месяцев июня или июля. Рельеф мог восходить к одному из циклов этого рода изображений в Константинополе, о которых упоминают тексты и примеры которых сохранились в византийских рукописях с иллюстрациями (см. ниже, прим. 63).

Это свидетельство Хониата следует сблизить с сохранившимися украшениями западного фасада — также со стороны площади — церкви св. Марка в Венеции. Как это недавно было отмечено с большой проницательностью австрийским византинистом Отто Демусом, внутренняя связь сближает те шесть рельефов, которые украшают верхнюю часть фасада св. Марка.[17] Хотя самые рельефы и разного происхождения, все они вставлены в стену на одинаковой высоте и по известной системе. Установка их относится к 1250—1265 гг. Как упомянуто выше, два из этих рельефов изображают Геркулеса, причем один раз он представлен в сцене с Еврисфеем, которая несколько напоминает описание Хониатом «изображения» на фасаде церкви Сорока Мучеников в Константинополе. Парный к нему рельеф также изображает Геркулеса, но несущего Керинейскую лань. Кроме того, есть два парных рельефа, изображающих святых воинов, и два других, тоже самостоятельных, с обычными фигурами Благовещения: на одном рельефе Мария, на другом — архангел Гавриил. Как правильно отметил О. Демус, эти рельефы выбраны и сгруппированы так, чтобы образовать некоторое целое, и в этом целом светские и церковные сюжеты сближены вокруг одной основной темы. Эта тема — сила или могущество, обычна для всех апотропаических изображений.[18] Другими словами: взятые в совокупности, рельефы образуют нечто вроде «щита», водруженного перед главным храмом Венеции и рядом с дворцом дожей, т. е. в политическом центре венецианского государства. К этому нужно добавить четверку бронзовых коней, которые также в XIII в. были водружены перед средней частью того же фасада, в его оси. На этот раз мы знаем, что эти скульптуры были вывезены из Константинополя. Благодаря им фасад св. Марка превратился в род триумфальной арки. Эти бронзовые кони первоначально увенчивали где-нибудь такую арку или ворота. Символика победы и символика защиты (рельефы) дополняют одна другую. Таким образом, скульптуры фасада св. Марка, несмотря на разное происхождение, объединены общей идеей, которая имеет характер не религиозный, но светский и даже политический.

Следует подчеркнуть, что многое в этом своеобразном применении скульптуры (совсем отличном от того, которое в XII в. было характерно для фасадов французских и итальянских соборов и аббатств; к тому же, скульптуры на этих фасадах были новые, а не заимствованные от античных памятников) восходит к Византии. О. Демус указал на византийское происхождение части рельефов (остальные — венецианские подражания византийским оригиналам); квадрига происходит из Константинополя; терраса, которая завершает фасад и охватывает церковь с трех сторон (ср. киевскую Софию), тоже чисто византийская, специально константинопольская черта;[19] наконец, из Византии же происходят рельефы, вставленные в северную внешнюю стену церкви и изображающие вознесение Александра (рис. 3), — еще одна скульптура, сюжет которой взят из византийского светского и дворцового цикла и которая также имела апотропаическое назначение (и, конечно, поэтому воспроизводится также на женских ожерельях и парадной посуде). На фасаде св. Марка рельеф

---

[17] O. Demus. Die Reiliefikonen der Westfassade von San Marco-Jahrbuch der Oesterreichischen Byzantinischen Gesellschaft, t. III. Graz—Köln, 1954, стр. 87—107.

[18] Что Геркулес или святые воины олицетворяют силу, ясно само по себе. Но это верно и для изображения Благовещения. Вероятно, из-за слов архангела: «Господь с тобою» — сцена Благовещения изображалась на амулетах (например, амулет с о. Кипр в собрании Гана в Берлинском музее).

[19] Несколько примеров таких галерей (над которыми образовывались террасы) можно найти в константинопольских церквах (привожу их турецкие наименования): Фенер Исса Меджид, Календер Джами, Фетие Джами, Ески Имарет и др.

Александра, подымающегося на небо, имел несомненно тот же смысл, что и рельефы главного фасада, изображающие Геркулеса и святых воинов. Другими словами, вся серия рельефов, византийских по происхождению, которые были вставлены во внешние стены св. Марка, отвечала, кроме эстетических целей, еще одной цели: они служили апотропеями, оберегавшими от злых сил.

Как мы упоминали выше, в городах бывшей Византийской империи не сохранилось ни одной церкви со вделанными в фасады рельефами подобного рода. Но нам известен один пример церкви с интересными рельефами другого характера и несколько примеров рельефов, сохранившихся отдельно от церквей, но с изображениями тех же сюжетов, что и на фасаде св. Марка. Церковь, которую мы имеем в виду, — так называемая Малая Митрополия в Афинах, памятник, датируемый X в. Все фасады этой маленькой церкви, в их верхней части, украшены рельефами разного происхождения, античными и раннесредневековыми. Среди первых — несколько фигур, среди вторых — только орнаментальные композиции. Имея в виду эту разнородность элементов и отсутствие сюжетов, самостоятельное значение которых было бы очевидно или хотя бы вероятно, благоразумнее не уточнять функцию скульптурной декорации Малой Митрополии. По аналогии с другими фасадами, украшенными скульптурами, можно было бы и здесь предполагать, что собранные для этой декорации рельефы были вделаны в фасад с какой-то определенной целью (кроме простого украшения здания), вероятно апотропаической. Но это мне кажется недоказуемым при настоящих условиях.

С другой стороны, в Греции, в Константинополе и в южной Италии сохраняются отдельные рельефы с изображениями, напоминающими рельефы св. Марка. Вероятно, и они когда-то украшали фасады церквей, но при каких-то обстоятельствах были «вырваны» из архитектурного «контекста», которому они принадлежали. Назовем, например, рельеф Афинского Византийского музея с изображением обнаженной мужской фигуры, моделировка которой выдает античный образец, тогда как орнаментальный фон указывает на XII—XIII вв.[20] В церкви св. Катерины в Салониках хранится (или хранился) другой рельеф, на котором какой-то героический персонаж в военных доспехах разрывает пасть льву (по-моему, это скорее Давид или Самсон, чем Дигенис Акритас, герой средневекового греческого эпоса, которого признает в этой фигуре профессор С. Пеликанидис).[21] В Мистре и лапидарии, устроенном в притворе храма Софии в Константинополе, есть два рельефа, изображающие вознесение Александра. Эти рельефы тоже когда-то входили в состав какой-то монументальной декорации. Наконец, в той части Италии, куда византийское влияние проникало постоянно, в Абруццах и Апулии, вознесение Александра можно еще найти in situ.[22]

---

[20] G. Sotiriou. Guide de Musée Byzantin d'Athènes. Athènes, 1932, стр. 61, фиг. 28. Сюжет остается неразгаданным. Наиболее правдоподобно истолкование его покойным Л. Брейне, который видел в нем Язона, привязывающего к ярму быков Гефеста.

[21] St. Pelecanidis. Cahière Archéologiques, t. VIII. Paris, 1956, стр. 215 и сл.

[22] Наиболее полный список изображений вознесения Александра (пять памятников) был недавно опубликован А. Орландосом в «Епетерисе» Филологического факультета Афинского университета за 1954—1955 гг. (стр. 18 и сл.). К нему можно было бы прибавить еще девять примеров: в Италии — две капители собора в Битонто и одна капитель церкви Алтамура, половая мозаика собора Отранто, тимпан бокового входа в церковь Кампобассо (все эти памятники в Апулии), два эмальированных медальона (вознесение Александра и земля такая, какой ее видел Александр, подымаясь на небо) в Венеции, на знаменитой Pala d'Oro в церкви св. Марка; в России — диадема из Киева, два рельефа на фасадах храма Димитрия во Владимире; в Австрии, в музее

Мы остановились довольно подробно на рельефах св. Марка в Венеции и других скульптурах того же круга, хранящихся в Константинополе, Афинах и южной Италии, потому что эти памятники позволяют нам подойти ближе к группе киевских рельефов, которые до недавнего времени были вделаны в фасады главных церквей Михайловского монастыря и Печерской лавры.

Под 988 г. «Повесть временных лет» сообщает, что Владимир после своего крещения в Корсуни (Херсонесе) вернулся в Киев. «Отправляясь, захватил он и двух медных идолов и четырех медных коней, что и сейчас стоят за церковью святой Богородицы (Десятинной) и про которых невежды думают, что они мраморные» (русский перевод Д. С. Лихачева). Приведенная редакция летописи восходит к концу XI в. Еще тогда, следовательно, эти бронзовые статуи и кони, подобные тем, которые стоят в Венеции перед фасадом св. Марка, находились на месте, определенном им Владимиром, а именно «за церковью» Богородицы, она же Десятинная, т. е. за церковью, стоявшей в Киевском детинце в непосредственном соседстве с княжеским дворцом. Десятинная церковь и княжеский дворец в Киеве образовывали такую же архитектурно-функциональную группу, как церковь св. Марка и Дворец дожей в Венеции. Поэтому интересно, что четверка бронзовых коней в том и в другом городе была поставлена почти одинаково, в непосредственной близости от дворцовой церкви. Можно было бы говорить даже о совсем идентичном положении этих коней по отношению к церкви, если бы оказалось, что выражение «за церковью» для Киева значило: со стороны западной, противоположной алтарю (а не со стороны абсид и алтарей). Именно это положение придано четверке коней в Венеции. Впрочем, может быть, это положение коней, при котором они возвышаются над фасадом как над триумфальными воротами, соответствовало тому, что венецианцы или русские могли наблюдать в Константинополе и Корсуни, откуда они вывезли бронзовых коней. Нормальное положение триумфальной квадриги — над вратами, над проходом, а не перед стеной без прохода (например, алтарной стеной церквей).[23] Другими словами, наиболее вероятно, что и в Киеве, как и в Венеции, четверка византийских бронзовых коней была поставлена перед входом в дворцовую Десятинную церковь. Параллелизм того, что было сделано в конце X в. в Киеве и двести лет спустя в Венеции, предполагает какую-то общую традицию, которая — поскольку она была общей (несмотря на разницу во времени и расстоянии) — восходила скорее всего к византийскому, а может быть, и греко-римскому образцу. Я имею в виду обычай победителя привозить с собой какие-нибудь драгоценные и, по возможности, символические заграничные предметы и водружать их у себя как трофеи. О. Демус очень правильно отметил, что венецианцы имели обычай вставлять в стену св. Марка, наиболее близкую ко дворцу дожей, всякого рода скульптуры — трофеи удачных экспедиций за моря. Эти трофеи находятся там и поныне, вделанные в стену церкви или стоящие перед ней. То же, видимо, было сделано и в Киеве после победоносного похода Владимира на Корсунь, причем вывоз квадриги особенно хорошо подходит к такого рода «символическим» похищениям, потому что квадрига есть символ победы: победитель отбирает ее у побежденного и заставляет служить себе.

города Иннсбрука, — блюдо ортокидского эмира Амиды. Я исключаю из этого списка другие варианты вознесения, где Александр сидит на спине гигантской птицы.

[23] Nicetae Choniatae. Historia. De Manuele Comneno, Lib. III, 5, стр. 156. Никита Хониат упоминает о квадриге над воротами, через которые колесницы выезжали на Ипподром.

Другие скульптуры украшали фасады киевских церквей в XI в. Как мы уже упоминали, это рельефы, которые в течение многих веков (может быть, с их основания) были вделаны в фасады двух ныне разрушенных монастырских церквей второй половины XI—начала XII в. (главная церковь Печерского монастыря 1077—1078 гг. и главная церковь Михайловского монастыря 1118 г.). В обоих случаях это парные плиты со сходными сюжетами, но самые скульптуры исполнены на месте, о чем свидетельствует материал — красный шифер из Овручских каменоломен к западу от Киева.

Рельефы Печерской лавры посвящены светским мифологическим сюжетам: на одном изображен юный Дионис в колеснице, которую тянут две пантеры, на другом — Геркулес, борющийся со львом.[24] Несмотря на угловатость стиля и неловкость рисунка, эти плоские рельефы замечательны своей монументальностью, — свойство, чрезвычайно редкое в скульптуре византийской эры. Рельеф с Геркулесом напоминает указанную выше плиту в церкви св. Екатерины в Салониках, но в этой последней есть кое-какие указания на влияние мусульманской декоративной скульптуры, тогда как на киевском рельефе этих влияний не заметно. Наиболее интересен выбор сюжетов: Геркулес — олицетворение силы, Дионис в колеснице — символ победы. Другими словами, киевские рельефы фасадов, так же как и рельефы фасадов св. Марка, изображают или напоминают могущество и триумфы, и это, конечно, означает, что в Киеве рассматриваемые рельефы имели также функцию апотропеев, ограждающих церковь от сил зла.

Вторая пара киевских шиферных рельефов изображает в обоих случаях двух скачущих друг на друга воинов-всадников. Их нимбы указывают на святых, но эти фигуры анонимны, а потому их нельзя причислить к иконам (см. ниже о таких же всадниках на фасаде церкви Димитрия во Владимире). Думаю, что эти воины-всадники должны быть сближены с живописными изображениями такого же рода (но с именами определенных святых-воинов), которые видны с двух сторон от входа на фасаде двух балканских церквей конца средних веков: болгарской церкви Драголевци и сербской церкви Морача. Также парные, но скульптурные святые-всадники высечены с двух сторон от входной двери армянской церкви Птхни (VI в.) и нескольких других армянских и грузинских церквей. Нет сомнения, что в глазах современников эти воины-всадники ограждали вход в церковь.[25] С той же целью их воспроизвели на боковом фасаде армянской церкви Ахтамар (около 920 г.), а также на целом ряде дверных створок — бронзовых в Италии (Трани и др.), деревянных в Македонии (Охрид, церковь св. Николая; по слухам, эти двери исчезли во время второй мировой войны). Внутри церквей мы видим этих святых-всадников в роли апотропеев, засвидетельствованной один раз надписью (для св. Сиссиния в Бауите, Египет) и несколько раз выбором места для этих изображений на парусах под сводом (Бауит), т. е. в наиболее ответственной части покрытия церкви, где святой мог быть особенно полезен (в христианском Египте, кроме стенописей в Бауите, см. резной иконостас в Музее коптского искусства в Старом Каире).

Вспомним, с другой стороны, что рельефы западного фасада св. Марка в Венеции включали в себя как раз те же две категории сюжетов, которые

---

[24] См.: История культуры древней Руси, т. II. М.—Л., 1951, рис. 220.

[25] В недавно раскопанном, но еще не изданном омайядском замке Аджар в Ливане (VIII в.) тимпан ворот украшен рельефом двух всадников (доклад руководящего раскопками М. Шехаба на конгрессе ориенталистов 1957 г. в Мюнхене). Над входом в цитадель этот сюжет более уместен, чем на фасадах церквей, и Аджар, вероятно, указывает на светско-дворцовое происхождение темы.

мы обнаруживаем теперь в Киеве: героические подвиги Геркулеса и святых-воинов. Как видно, Киев и Венеция свидетельствуют о тех же вкусах и модах в области светского искусства, которое находит себе некоторое применение на фасадах церквей XI—XIII вв. Сближение этих памятников позволяет лучше понять их природу и функции; их параллелизм в Киеве и Венеции объясняется именно тем, что и те и другие следовали каким-то византийским традициям.

Для изучения «Слова о полку Игореве» эти наблюдения полезны тем, что они устанавливают существование в Киеве с конца X по начало XII в. особой категории светских изображений, которые следовали определенной программе и выполняли определенную функцию, а именно служили апотропеем на фасадах зданий. Эта категория изображений была занесена в Россию из Византии, но быстро привилась в домонгольском Киеве, как о том свидетельствуют шиферные рельефы местной работы с изображением мифологических сцен и воинов.

Скульптуры фасадов во Владимиро-Суздальской земле

Киевские рельефы восходят к эпохе, близкой к 1100 г. Рельефы фасадов св. Марка в Венеции относятся к XIII в. Несмотря на эту разницу во времени, мы находим и здесь, и там те же приемы декорации фасадов рельефами и те же сюжеты плоскостных изображений. Византийские вкусы мало изменились за этот промежуток времени, и в этом отношении замечательно, что как в XI, так и в XIII в. византийцы ограничивали скульптурный декор фасадов церквей очень небольшим числом отдельных рельефов, выбирая среди сюжетов преимущественно те, которые могли служить апотропаическим целям.[26]

Этих же сюжетов держались и грузинские зодчие и декораторы в тех случаях, когда они вставляли в фасады церквей куски рельефов. Программа грузинских скульптур была, впрочем, у́же, так как среди них изображения людей чрезвычайно редки и апотропаическими знаками там служат почти исключительно зооморфические изображения. В Армении таких фасадов меньше, чем в Грузии, но зато есть один памятник, который является блестящим исключением из этого правила, так как его фасады усыпаны рельефами. Это церковь Ахтамар, построенная около 920 г. на острове озера Ван (теперь в Турции), возле дворца местного владетеля Гагика. Знаменитые рельефы Ахтамара стоят особняком в средневековом искусстве Армении и всех других стран Ближнего Востока, христианских и мусульманских, и, может быть, этот памятник всегда был уникальным (еще один уникум!). В той части скульптур Ахтамара, которая посвящена христианским сюжетам, а их немало, это как бы перенос на фасады и воспроизведение в скульптуре стенописей внутреннего помещения. Напротив, скульптуры двух фризов-карнизов, занимающих верх фасадов, посвящены целиком светским темам (например, охота и работы в винограднике, ряд масок, сирена и т. д.) и перенесены на стены церкви со стен каких-то светских или во всяком случае нехристианских зданий; значительные влияния современного Ахтамару мусульманского искусства указывают, вероятно, на непосредственные источники этой части скульптур — пластическую декорацию (в дереве, стуках и камне) мусульманских дворцов. Очень вероятно, что искусство дворцов армянских владетелей, в частности в покоях Гагика — создателя Ахтамара, включало эти темы в свой репер-

[26] Нужно вспомнить о рельефе на боковом фасаде церкви Сорока Мучеников, поставленной Андроником I в конце XII в.

туар и что на церковь оно было перенесено непосредственно оттуда. В Ахтамаре тоже апотропаические сюжеты (животные, чудовища, сирены, воины-всадники и ветхозаветные сцены разных «спасений») занимают большое место, и в этом отношении этот памятник верен общей традиции скульптур, вставленных в фасады. Но Ахтамар отличается от других примеров в Венеции и России тем, что к рельефам-апотропеям присоединяются довольно малочисленные повествовательные сцены, заимствованные из Библии. Эта оригинальная черта Ахтамара, по-видимому, успеха не имела, и в восточнохристианских искусствах к ней больше не возвращались (кроме одного случая в соседнем Трапезунде).

Не менее оригинальное, но совсем иное и независимое от Ахтамара и грузинских фасадов решение скульптурной декорации фасадов церквей было предложено во второй половине XII—начале XIII в. в церквах Владимиро-Суздальской земли. Сохранившиеся памятники позволяют наблюдать развитие этой темы в пределах Владимиро-Суздальской земли, начиная от примеров простых и близких к киевским фасадам и кончая настоящими коврами из отдельных мелких рельефов, занимающих всю поверхность стены (ее верхней половины). Последовательные этапы этой эволюции отмечены четырьмя замечательными памятниками: Успенский собор во Владимире (1158—1161 гг.), церковь Покрова на Нерли (1165 г.), церковь Димитрия во Владимире (1193—1197 гг.) и церковь в Юрьеве-Польском (1230—1234 гг.).

Здесь не место рассматривать скульптуру владимиро-суздальских храмов в ее совокупности и во всех отношениях, хотя было бы очень желательно, чтобы кто-нибудь взял на себя эту задачу и привел наше знание этих рельефов в соответствие с современным уровнем археологии и истории искусств. Мы же ограничимся тем, что́ в скульптуре Владимиро-Суздальской земли свидетельствует о светском искусстве домонгольской России.

Напомним, что эти рельефы на век или два позже киевских памятников и что мы, таким образом, имеем дело с произведениями искусства, современными «Слову». В XII в. политическое раздробление Руси на удельные княжества было в полном разгаре, и этому соответствуют ростки местных искусств в различных областях; они дают начало областным школам, очаги которых и их основные произведения находятся в городах, ставших столицами отдельных княжеств.

Местные власти прямо или косвенно содействовали этому «регионализму», и особенно там — как в Чернигове, Смоленске, Новгороде или во Владимиро-Суздальской земле, — где эти власти брали на себя многочисленные постройки и уделяли искусству большое внимание и большие средства. Местные вкусы утверждались тогда сильнее и удерживались дольше. В большинстве случаев, и главным образом во Владимиро-Суздальской земле, роль правящих князей и их окружения была, по-видимому, особенно активной, как о том свидетельствуют летописи, равно как и памятники, своеобразие которых — по отношению к современным памятникам в других областях России — особенно очевидно. Не менее очевидна и тесная связь художественной деятельности во Владимиро-Суздальской земле с княжеским дворцом. Наиболее замечательные храмы стоят или стояли рядом с княжескими палатами (в Боголюбове дворец и церковь связаны между собой и образуют архитектурный комплекс), и на фасадах церквей преобладают рельефы светского характера. Та же связь с дворцом нами была уже отмечена в Киеве. Владимиро-суздальские памятники продолжают и развивают киевские традиции.

Чтобы убедиться в этой преемственности, которая находится в соответствии со всем, что мы знаем о русской культуре XII в., отметим прежде

всего, что ряд тем светской серии киевских рельефов (и св. Марка в Венеции) повторяется на рельефах владимиро-суздальских: Геркулес, разрывающий пасть льва, конные воины с нимбом, вознесение Александра Македонского.[27]

Однако на севере киевская традиция подвергается изменениям. Так, во-первых, в противоположность киевским и венецианским рельефам, рельефы фасадов владимирских церквей сгруппированы в декоративные композиции и дополнены чисто орнаментальными мотивами. Вместо отдельных и автономных скульптур, как бы приставленных к стене здания, мы находим пластическую декорацию, созданную специально для данных стен (декорацию, в которую, однако, включены элементы, заимствованные от скульптур более ранней киевской серии). Во-вторых, репертуар светских сюжетов значительно расширен, хотя бы и в духе первой серии. Первые фасады церквей Владимиро-Суздальской земли (Успенский собор во Владимире 1158—1161 гг. и церковь Покрова на Нерли 1165 г.) вводят декоративную группировку рельефов, применяясь к архитектурным данным, но еще не обновляют заметно тематику. По сравнению с Киевом новы женские маски, грифоны. нападающие на серн, и кое-какие второстепенные «звериные мотивы».[28] Но в конце XII—начале XIII в. это искусство подверглось гораздо более радикальной переработке и притом в обоих направлениях, т. е. в области использования рельефов для декорации фасадов и в области репертуара.[29]

На фасадах церкви св. Димитрия во Владимире звери, птицы, чудовища и растения исчисляются десятками (рис. 4, 5). Они расположены многими рядами, одни над другими, тогда как другие схо́дные мотивы заменяют консоли и капители маленьких декоративных колонок. Наряду с отдельными животными изображаются маленькие сценки, действующими лицами которых обычно являются охотник и зверь, причем кентавр значится среди охотников. Отметим еще группу из двух борющихся фигур[30] — мотив, взятый из того же дворцового цикла, что и сцена со скоморохами, воспроизведенная на стенах киевской Софии. Упомянутые выше охотники, конечно, также находят себе аналогии на киевских лестничных фресках и на мозаиках «комнаты Рожера» в Палермо, которые хронологически ближе (около 1140 г.) к владимирским фасадам.[31]

В Палермо можно наблюдать и другие приемы, постоянно применяемые во Владимире. Это, во-первых, своеобразное распределение сюжетов на стене: весь низ ее остается голым, и только верхняя половина занята рядами растений, зверей и чудовищ. Нет сомнения, что в обоих случаях отражается одна и та же традиция декорирования сцен, причем приоритет принадлежит, конечно, живописным истолкованиям этой декорации, а не скульптурным. Во-вторых, и во Владимире, и в Палермо наблюдается одинаковая группировка мотивов: и здесь, и там животные, кентавры, даже люди — стрелки из лука поставлены антитетически, два по два, голова к голове, и большей частью отделены друг от друга деревьями. Разница только в том, что в Палермо масштаб больший, поэтому и рядов таких групп там меньше, чем во Владимире. Иконография же одна и та же, и сходны даже стили с ярко выраженной тенденцией к орнаментальной пере-

---

[27] А. А. Бобринский. Резной камень в России. М., 1916, табл. 9; 10, № 7; табл. 12, № 2; табл. 9; 12, № 3.

[28] Там же, табл. 3—7.

[29] Там же, табл. 8—10, 12, 17.

[30] Там же, табл. 12, № 2.

[31] Otto Demus. The Mosaics of Norman Sicily. London, 1942, фиг. 113—119. Ср. главные панно с владимирскими фасадами: там же, фиг. 115, 116, 119.

Рис. 3. Венеция. Северный фасад собора св. Марка. Вознесение Александра Македонского.

Рис. 4. Владимир. Рельефы фасада Димитровского собора.

Рис. 5. Владимир. Рельефы фасада Димитровского собора.

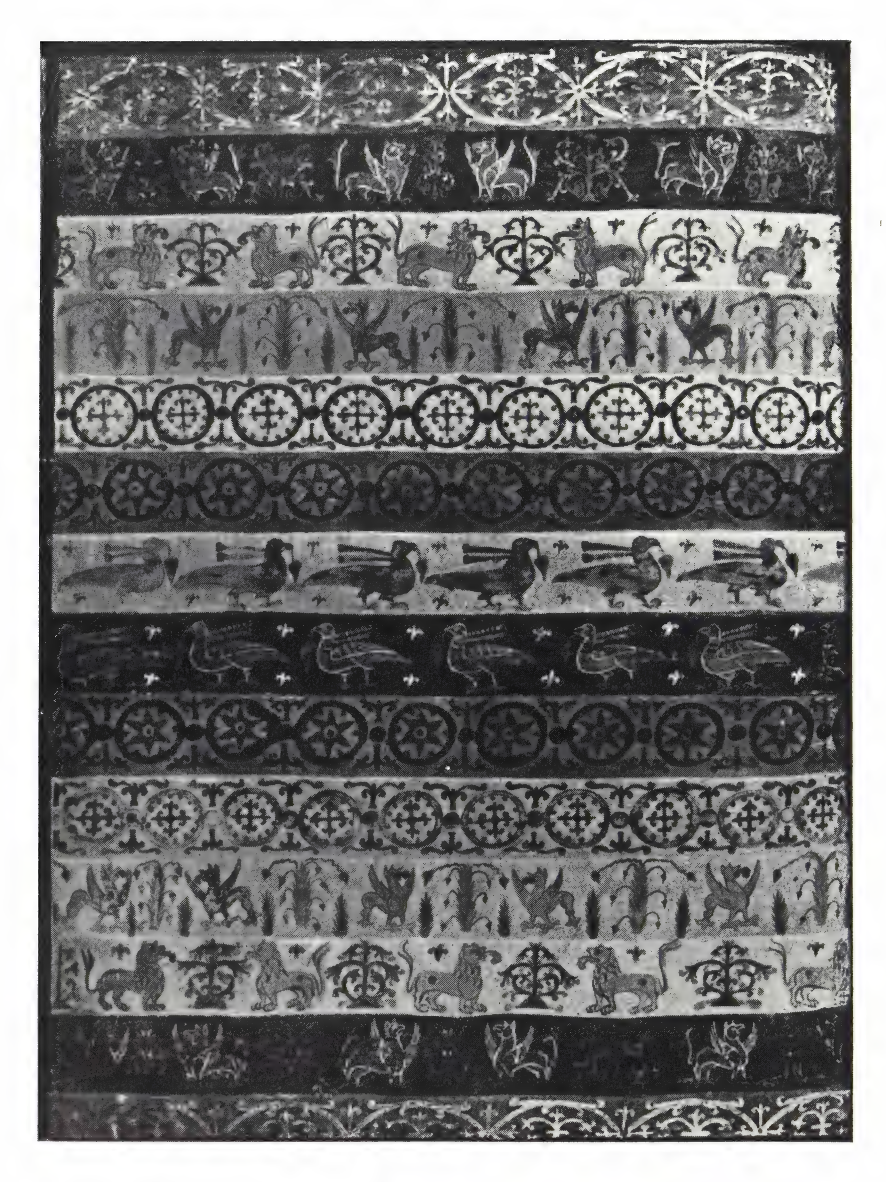


Рис. 6. «Codex Aureus» из Эхтернаха. Орнаментированная страница рукописи.

работке мотивов. Этот стиль принято называть «восточным». И это верно, но при условии, что под «восточными» моделями будут подразумеваться не современные мусульманские фрески и миниатюры, а формулы древнейшего стиля, когда-то созданного в Месопотамии и перенятого Персией Ахеменидов, потом сасанидским Ираном и наконец облюбованного мусульманскими и византийскими декораторами, особенно для драгоценных шелков X—XII вв. Среди тканей, вышедших из мастерских Фатимидов (те же мотивы могли повторяться и на византийских подражаниях этим шелкам), есть и такие, где видны не только проходящие процессионально или стоящие в симметричных группах звери и птицы, но также и многочисленные ряды этих же животных и птиц, изображенных одни над другими.[32] Из этого можно было бы заключить, что самая композиция владимирских фасадов просто воспроизводит драгоценные ткани. Очень сходные восточные ткани проникали тогда на Запад, и нам известны фронтисписы оттоновских рукописей X—XI вв., которые являются прямыми воспроизведениями таких тканей, украшенных полосами повторяющихся изображений зверей, птиц и растений (рис. 6).[33] Там же видно чередование рядов животных и рядов растений, которое большей частью соблюдается и во Владимире.

Это сходство с тканями очень определенно, и оно, вероятно, объясняется действительным влиянием шелков и их орнаментов (такое же влияние шелковых тканей не раз отмечалось исследователями романских фресок и скульптур и сельджукских фасадных рельефов). Но во владимиро-суздальской скульптуре, если такое влияние тканей и существовало, оно не определяло всего того, что там изображалось: не говоря о сценах и фигурах светского цикла, которые мы уже отмечали и которые там «интерполированы» в оригинальные фризы животных и растений, каждое панно фасадов построено симметрично и возглавляется в верхней части какой-нибудь центральной фигурой или группой фигур. Преимущественно это Давид, но также и Александр, возносящийся на небо, или фигура сидящего человека с ребенком на руках, к которому сходятся, приветствуя его, группы фигур. Этого рода фигуры и группы, а также симметричное построение целых декоративных панно предполагают сознательное отклонение от ткацких мотивов и переход к задачам архитектурной декорации, и в этом следует видеть творческое нововведение владимиро-суздальских мастеров.

Выше мы отметили, что вделанные в киевские фасады рельефы имели, вероятно, функцию апотропеев. Поскольку во Владимире изображались те же сюжеты, их назначение было, по-видимому, таким же. Это подтверждается своеобразием выбора тех немногих христианских сюжетов, которые во Владимире были присоединены к уже отмеченным светским темам (напомним, кстати, что и в Киеве, как и на фасадах св. Марка в Венеции, рассмотренные нами серии фасадных рельефов включали в себя несколько церковных сюжетов, при преобладающем числе светских). Так, на стенах церкви св. Димитрия во Владимире вновь появляются всадники в нимбах. Но их число увеличивается. Они скачут друг за другом и образуют ритмический мотив, что удаляет их, вероятно, от первоначальной агиографической темы святых воинов на конях. На одной из сцен той же владимирской церкви обнаруживается другой христианский и «житийный» сюжет, который,

---

[32] Кусок фатимидского шелка с несколькими рядами животных один над другим в музее du Cinquanfenaire в Брюсселе. Лучший экземпляр в музее Барджело во Флоренции. Подобный мотив встречается на нескольких олифантах того же происхождения.

[33] «Codex Aureus» из Эхтернаха около 1030 г.: A. Boeckler. Das goldene Evangelienbuch Heinrichs III. Berlin, 1934; A. Goldschmidt. Die deutsche Buchmalerei, t. II. Berlin, 1928, табл. 48.

как и изображение воинов-конников, мог быть использован как апотропей: святой Никита, поражающий дьявола.[34] На одном из фасадов другой церкви той же Владимиро-Суздальской земли, в Юрьеве-Польском, воспроизведен еще один христианский сюжет, известный своей охранительной функцией: это сцена Семи спящих эфесских отроков, которые воспроизводятся на русских амулетах.

Наконец, во Владимире и Юрьеве рельефы развивают и многофигурный сюжет Деисуса,[35] т. е. двух симметричных рядов фигур святых с Марией и Иоанном Крестителем во главе, которые обращаются с молитвой к центральной фигуре Христа. Само собой разумеется, что это сюжет религиозный и даже одна из центральных тем византийской и русской церковной иконографии. Но следует напомнить, что вне икон и церковных стенописей, на предметах личного обихода и в домашнем быту, Деисус в России имел охранительную функцию. Таково назначение Деисусов, засвидетельствованное с XI—XII вв. на ожерельях, оплечьях, диадемах, на шлемах или над дверьми и воротами домов и усадеб и т. д. С этой точки зрения любопытно, что скульптурный Деисус фасадов храма Димитрия во Владимире помещен не на главной стене, против алтаря, но непосредственно над северной боковой дверью (в арке, которая ее осеняет), ведшей в княжеский дворец. Может быть, нелишне отметить, что, помещая деисусовые шеренги святых в арках, которые охватывают стены церкви на половине их высоты, авторы этой декорации фасадов устанавливают нечто вроде «пояса», составленного из изображений лиц, к которым обычно обращались как к покровителям. Этот «пояс святых» [36] может быть поэтому тоже причислен к христианским сюжетам, которые иногда воспроизводились в связи с сюжетами светско-дворцового цикла, привлекавшимися для украшения фасадов церквей.

Не менее существенно то, что в той же Димитриевской церкви во Владимере все множество рельефов возглавляется фигурой сидящего на троне царя Давида. Раскрытый свиток в его руках указывает на то, что Давид изображен в виде автора псалмов. А это значит, имея в виду, что вокруг Давида размещается все множество рельефов с преобладанием зверей, птиц и чудовищ, что за этими изображениями стоят или последние псалмы — 148—150-й, в которых Давид призывает «всякую тварь» прославлять могущество всевышнего, или псалом 90-й или 120-й, в которых это могущество божие призвано защищать людей и дом божий. Но, с другой стороны, многие из рельефов, и среди них те, на которых мы установили присутствие светских тем, а также мотивы борьбы зверей между собой и т. д., не имеют никакого отношения к псалмам. Из этого вытекает, что фигура Давида, влекущая за собой интерпретацию всей скульптурной композиции как иллюстрации к псалмам, была искусственно приставлена к знакомому нам

---

[34] А. А. Бобринский. Резной камень в России, табл. 10, № 2; Ирина Окунева. Икона св. Никиты, избивающего беса. — Seminarium Kondakovianum, VII. Praha, 1935, стр. 207 и сл.

[35] А. А. Бобринский. Резной камень в России, табл. 13, № 2; табл. 39, № 6.

[36] Каковы бы ни были непосредственные источники этого мотива скульптурной декорации, их не следует искать среди элементов декорации внутренних стен. С другой стороны, арочки, протянутые вокруг фасадов в виде пояса, и колонки, которые их поддерживают, не имеют никакого отношения к византийской традиции и восходят к романскому искусству. Оказывается, таким образом, что русские мастера прибегли в данном случае к романскому мотиву, чтобы отделить верхнюю часть стены с ее рельефами, вдохновленными византийскими дворцовыми стенописями (см. выше сравнение с Палермо), от нижней части стены, которая соответствует цоколю. На скульптурных фасадах Ахтамара (турецкая Армения X в.), где романских элементов нет и не может быть, пояс арочек отсутствует. Место арочек занимает простая орнаментальная лента.

по более ранним памятникам светскому циклу, вероятно для того, чтобы объяснить присутствие этого цикла на стенах церкви. Имея в виду то исключительное развитие, которое этот цикл получил во Владимире, такая попытка его «оцерковления» кажется правдоподобной. Эта гипотеза находит себе и другое подтверждение. Рельефы фасадов следующей в хронологическом порядке церкви в Юрьеве-Польском делают еще более решительный шаг в том же направлении: чисто религиозные сюжеты традиционного церковного искусства в ней преобладают, тогда как светский цикл отходит на второй план. Используя при изображении Давида светские мотивы и превращая тем самым всю совокупность скульптур в род иллюстрации к псалмам, создатели скульптур Димитриевской церкви помнили, конечно, что псалмы значатся среди молитв, которым придавали апотропаическое значение (некоторые из псалмов, которые мы перечислили выше, выполняли эту функцию традиционно). Образ царя Давида следует поэтому присоединить к темам христианского репертуара, которые функционально сближались с обычными темами фасадных скульптур.

Выше мы указывали на связь киевских фресок и рельефов с современными им произведениями светско-дворцового византийского искусства. То же можно сказать и по поводу владимирских рельефов. Как мы уже говорили выше, владимирские скульпторы XII в. во многих отношениях продолжают традиции светского искусства той же функции, отмеченной нами в Киеве. Но так как многое другое в них не соответствует тому, что нам известно в Киеве, и в то же время не может быть истолковано как результат простой переработки киевских моделей (например, темы, не представленные киевскими памятниками), то можно предположить в данном случае местное творчество при условии, что у владимирских скульпторов не было новых источников, не использованных в Киеве. О том, каковы могли быть эти источники, мы в этой статье разбирать не будем. Впрочем, эта задача, может быть, и невыполнима при настоящем уровне самого знания прикладных искусств в домонгольской России; произведения этого периода из дерева, кожи, коры, войлока и других недолговечных материалов нам почти неизвестны. Так же неясно, при ограниченном числе сохранившихся археологических свидетельств о киевском искусстве, не могло ли кое-что из владимирского искусства прийти туда из Киева. Если отсутствие в Киеве более значительных скульптурных фасадов вроде владимирских позволяет утверждать, что таковых там не было, то увеличивающееся число находок стенных скульптур в Чернигове, Рязани и т. д. призывает нас к осторожности: кое-что из того, что кажется совсем новым во владимирской скульптуре фасадов церквей, могло иметь предшественников в городах южной России. Но дальше таких общих предположений идти нельзя за отсутствием данных.

Зато, через голову Киева, кое-что нам известно о светско-дворцовых циклах изображений в Константинополе, современном владимирским памятникам, т. е. в Византии Комнинов. Эти сведения тоже отрывочны и чрезвычайно недостаточны, но они все же заслуживают внимания, когда ставится вопрос о возможных источниках владимирских рельефов, потому что среди этих последних кое-что из светских сюжетов, не находящих аналогий в Киеве, могло бы восходить к источникам, занесенным в XII в. непосредственно из Византии. Точно так же как фрески той же Димитриевской церкви во Владимире отражают искусство современной им стенописи Константинополя, византийское искусство могло отразиться и на рельефах фасадов этой и других церквей.

Все дворцы Комнинов погибли целиком, но об их убранстве мы кое-что узнаем благодаря кратким замечаниям Евстафия Солунского, Иоанна

Киннама и Никиты Хониата.[37] Хотя эти авторы скупы на описания, но они все же сообщают, например, что во Влахернском дворце Комнинов на стенах были длинные ряды изображений, в которых прославлялись подвиги и правление царствующих государей. Изображались победы на войне и празднование этих побед императором, а также его героические подвиги на охоте, различные эпизоды которой проходили перед глазами посетителей дворца. Тема государя — бесстрашного охотника была издавна традиционной в дворцовом искусстве разных монархий древности, и византийские хроники не раз упоминают об «охотничьих подвигах» разных императоров, особенно Василия I Македонянина и Мануила I Комнина. Иллюстрации хроники Скилицы (в Национальной библиотеке Мадрида) изображают некоторые из этих легендарных охотничьих приключений Василия I, и очень вероятно, что стенопись и мозаика во Влахернском дворце Комнинов вдохновлялись теми же сюжетами, описывающими, как император-герой побеждает какого-нибудь сверхъестественно большого, дикого волка или кабана. В описании фресок или мозаик дворца, который Андроник I Комнин в годы, близкие к дате владимирских рельефов, построил возле церкви Сорока Мучеников в Константинополе, Никита Хониат перечисляет конские ристалища, различные эпизоды охоты самого императора на птицу, зайца и оленя, сцену с кабаном, которого Андроник пронзил копьем, другую сцену с раненым зубром (во время пребывания Андроника в России) и, наконец, описывает картину, в которой можно было видеть государя, собственноручно разрезающего добычу и жарящего мясо.[38] За исключением последней сцены, которая стоит особняком, нетрудно заметить общее сходство других эпизодов охоты византийских императоров с некоторыми сценами на рельефах Димитриевской церкви во Владимире, например с теми, где показаны необыкновенные охотники в военных доспехах (нормальных для василевса, но не для других охотников) в схватке с чудовищным зверем. На одной из них этот зверь поднялся во весь рост на задние лапы. На другой героический охотник набрасывается на него сверху. Изображен его прыжок над зверем, и передана его богатырская сила.[39] Мы, конечно, далеки от того, чтобы принимать эти сближения за доказательства. Но если пока дальше идти не следует, за отсутствием данных, не мешает напомнить, что типологическое истолкование византийских легенд о героической охоте императоров могло дать формы, близкие к тем, которые мы находим во Владимире. Авторы этих рельефов могли при этом воспроизводить такого рода изображения как мотивы, не зная, какому историческому персонажу они первоначально были посвящены. Это так же верно для иконографии эпических мотивов, как и для литературного эпоса, где из исторического эпизода вырабатывается поэтический образ.

---

[37] Eustathii Thessalonicensis. Oratio ad Manuelem imperatorem. — In: Fontes rerum byzantinarum, ed. W. Regel. Petropoli—Vememdat—Lipsiae, 1892, стр. 40; Nicetae Choniatae. Historia, De Manuele Comneno, Lib. VII, стр. 269; J. Cinnamus. Epitome rerum ab Joanne et Alexio Comnenis gestarum, IV. Bonnae, 1836, стр. 266—267.

[38] Очень возможно, что эти последние сцены были скомпонованы специально для автобиографического цикла, заказанного Андроником I. Но нам известно, с другой стороны, что некоторые из сюжетов, упомянутых в тексте: животное, раненное охотником; охотники, разрезающие на части убитых животных, — входили иногда в состав кинетических циклов, например в стенной росписи омайядского дворца Куср-Амра в Сирии (VIII в.).

[39] А. А. Бобринский. Резной камень в России, табл. 9. Примером охотника в военных доспехах, изображающего византийского императора, может служить рельеф на шкатулке из слоновой кости в ризнице собора г. Труа (Troyes) в Шампани (A. Grabar. L'Empereur dans l'art byzantin, табл. X, 2).

Таким же образом могли быть перенесены и историко-легендарные сюжеты и циклы византийской иконографии, воспевавшие подвиги императоров. Если в Россию было перенесено «Девгениево деяние» (византийская эпическая поэма о Дигенисе Акрите), то могли быть распространены и интересующие нас циклы изображений или по крайней мере отдельные мотивы, восходящие к этим циклам. Если в легендарном дворце того же Девгения в глубине Малой Азии или в реальном дворце Карла Великого в Ингольсхейме повторялись изображения из жизни и подвигов Александра Македонского или римских императоров, то, следуя тому же методу, и в России могли воспроизводиться циклы или отдельные эпизоды из жизни византийских царей. Как известно, новые иконографические типы создаются трудно, но зато старые удерживаются надолго и легко переносятся из искусства в искусство.

Кроме того, мотивы византийских циклов такого рода могли дать толчок к приспособлению их к русским темам того же характера и к созданию новых, местных мотивов. Сюда, может быть, относятся упомянутые выше скульптуры рельефов Владимира, где показан князь с ребенком на руках с преклоняющимися фигурами с двух сторон. Представляет ли эта таинственная сцена действительно русского князя Всеволода с сыном, как это было предположено недавно?[40] Сама по себе эта идентификация остается гипотетической, но она предполагает очень правдоподобное внесение русских тем в циклы дворцовой традиции, восходящей к Византии.

Для того чтобы уточнить эти соображения и ответить на вопрос о степени зависимости владимирских рельефов от византийских моделей, нужны дальнейшие исследования, и прежде всего критический анализ на месте самих рельефов, который позволил бы точно сказать, что в них первоначально и в каком порядке эти рельефы стояли прежде. Начатая Л. А. Мацулевичем, эта работа будет когда-нибудь закончена. Будет «установлен» удовлетворительный «иконографический текст» (точно так же как устанавливается текст словесный), и это откроет возможности более точного исследования судьбы светских тем и циклов в XII—XIII вв. в России.

Это дело будущего, и трудность выполнения такого задания тем более велика, что владимирские рельефы представляют одновременно традиции ученого искусства (этой стороной они сравнимы с византийской традицией, о которой была только что речь) и стихию народного творчества, которое радикально перерабатывает то, что оно берет из ученого искусства, и дает ему новую форму и значение. При этом дело осложняется еще тем, что византинизмы могли проникать в Россию как в действительно «ученой» форме, так и в более или менее вульгаризированных (еще на греческой или балканской почве) формах. При таких условиях трудно ожидать, чтобы был точно установлен водораздел между византийской струей и ее последующими интерпретациями.

Зато очевидны некоторые общие тенденции этой народной интерпретации традиционных мотивов, выражающиеся, например, в том, что постепенно усиливается декоративно-орнаментальное использование сюжетов. Достаточно сравнить киевские рельефы XI в. с рельефами Димитриевской церкви во Владимире и затем с рельефами в Юрьеве-Польском, чтобы убедиться в том, как прогрессирует вкус к орнаментальному использованию мотивов, будь то растение, одежды и даже лица фигур. Параллельно утверждается близость этих скульптур к народным произведениям. Среди

---

[40] Н. Н. Воронин. Скульптурный портрет Всеволода III. — КСИИМК. т. XXXIX. М.—Л., 1951, стр. 137.

владимирских рельефов есть лежачие львы,[41] которые сравнимы с резными деревянными фигурками львов, украшавшими сельские избы XIX в.; тот же фольклористический отпечаток в еще большей степени носят лица резных персонажей памятников Юрьева-Польского (например, головы в профиль на угловой капители).[42] Систематическое сравнение этих скульптур и изделий народной резьбы подтвердило бы эти сближения на многих других примерах и позволило бы наметить аналогию между этого рода народной интерпретацией ученого искусства Византии и переработкой мотивов византийской литературы в русских былинах или духовных стихах вроде «Голубиной книги». (Издавна указывалось на близость этой книги к скульптуре церкви Димитрия во Владимире, но сходство не идет дальше некоторых мотивов животного царства и присутствия царя Давида; нам кажется, что наличие народной интерпретации во владимирских скульптурах исключает гипотезу, что они представляют собой иллюстрацию к книгам). В этом аспекте понятно, почему античный кентавр превращается в юрьевских скульптурах[43] в Китовраса русских сказок, в которые легко можно было бы ввести тех драконов, волков, собак, птиц и сиринов, которыми населены скульптуры всех фасадов владимиро-суздальских церквей XII—XIII вв. Впрочем, именно в ту эпоху романские рельефы тоже часто носили следы народной интерпретации античных и христианских тем ученой иконографии, так что именно эта скульптура дает нам наиболее любопытные указания относительно народных эстетических вкусов в средние века. Но в настоящей статье мы хотели бы подчеркнуть этот аспект владимирских и юрьевских рельефов, потому что свойственное им народное полусказочное истолкование образов зверей и чудовищ больше всего соответствует тем поэтическим образам животных и птиц, которые мы находим и в «Слове о полку Игореве».

Автор «Слова» прерывает свой рассказ и переносит его в сказочный мир, когда вводит в поэму животных и птиц. В изобразительном искусстве такого рода перерывы не нужны, так как обе темы могут развиваться параллельно. Так, например, античное искусство различает основной рассказ и как бы заметки на полях: первый посвящен людям и дается в большем масштабе, второй посвящен животным и другим второстепенным мотивам и изображается в меньшем масштабе. Эта идея очень хорошо представлена целым рядом западноевропейских памятников ранних средних веков, например «Вышивкой в Байе» или рядом миниатюр и скульптур романо-готических порталов. Киевские лестничные фрески подчиняются ей тоже: на стенах — сцены с фигурами, животные — на сводах, и притом внутри медальона (см. выше, стр. 239—241). Эта система, хотя она и специфична для изобразительных искусств, находится в каком-то соответствии с методом «Слова» (конечно, то, что в литературе дается одно за другим, в изобразительном искусстве изображается одно рядом с другим).

На первый взгляд владимирские рельефы отличаются от этой системы, так как мы не находим в них отделенных один от другого циклов сцен и циклов животных. Как и в «комнате Рожера» в Палермо, перед нами как будто один единственный цикл, в котором растения и звери доминируют, но в который кое-где вкраплены персонажи. Но более внимательный анализ рельефов заставляет нас признать, что, в сущности, владимирские мастера не отказались ни от одного из двух традиционных циклов. Они только перенесли центр тяжести на те изображения, которым, согласно античной

---

[41] А. А. Бобринский. Резной камень в России, табл. 18, №№ 5, 6.
[42] Там же, табл. 35, № 1.
[43] Там же, табл. 27, № 2.

традиции, уделялись только рамка и поля вокруг главного цикла (с фигурами), расположив фигуры и сцены по краям цикла с животными. При этом бо́льшая часть мотивов с людьми, как и в Палермо, оказалась включенной в этот цикл фигур и сцен, более или менее потерялась в ней, тогда как цикл фигур и сцен, из которых одни занимают верхний край (вверху стены) скульптурных композиций, а другие — их нижний край (святые нижнего пояса), посвящен христианским сюжетам (более или менее выраженного апотропаического свойства), к которым только пристегнуто из светского цикла вознесение Александра Македонского. Другими словами, во Владимире мы находим все то же положение с чередованием главной темы, развиваемой в центральной зоне, и второстепенных тем, которым посвящены бордюры. Но только главное и второстепенное поменялись местами. Так как этот вариант предоставлял преимущество декоративному (включая зверей) и уделял мало места темам христианского цикла, он имел мало шансов на продолжительный успех у церкви. Лучшее доказательство этому мы находим в юрьевских рельефах: церковные сюжеты там уже гораздо более многочисленны, они даны в значительно больших пропорциях и — главное — все темы прежнего светского цикла переработаны в чисто орнаментальном направлении и сведены к декоративному фону в виде ковра. Те же и другие звери, птицы и чудовища показаны в нем по-прежнему, но это всего лишь мотивы декоративных композиций, приспособленные для украшения порталов, стен, капителей и т. д.

Можно, таким образом, сказать, что каждый из этих памятников дает иное соотношение между традиционными элементами, но самые эти элементы находятся везде, хотя к концу рассматриваемого периода античная традиция светских циклов под руками русских мастеров-каменотесов становится менее заметной из-за их собственных вкусов и под влиянием духовенства. Нужно, правда, признать, что идея привлечения этих светских изображений к декорации фасадов или лестничных клеток церквей была довольно необычна. Она могла зародиться только в Византии, с ее особыми условиями смешения дворца и церкви. Вне Константинополя эта традиция должна была везде подвергнуться неизбежным изменениям. Русские памятники XI—XIII вв. это подтверждают вполне, удивляя нас скорее тем, как медленно эта традиция светского искусства угасала на чужой почве и как много извлекли из ее данных русские скульпторы, несмотря на все своеобразие их собственных вкусов и техники.

Предметы из металла и миниатюры

Среди других категорий произведений светского искусства, которые следует упомянуть в связи со «Словом о полку Игореве», наиболее интересны некоторые предметы из золота и серебра и известные серии миниатюр в рукописях. Здесь и там появляются те же изображения, которые мы наблюдали в монументальном искусстве: они взяты из тех же дворцово-светских циклов. Но большей частью на этих маленьких предметах и на страницах книг воспроизведены только отдельные мотивы или небольшие группы сюжетов этих серий, так что принадлежность их к какому-то установленному циклу может легко ускользнуть от внимания тех, кто рассматривает эти памятники отдельно, вне связи с монументальным светским искусством. Это наблюдение подтверждает наше общее убеждение в устойчивости и организованности этой светской ветви русского домонгольского искусства.

Судя по числу сохранившихся предметов женского убора (венчиков, оплечий, серег, браслетов, колец и т. д.), вышедших из русских, вероятно

преимущественно киевских, мастерских домонгольского периода, и судя по высокому качеству многих из этих изделий, ювелирное искусство в домонгольской России стояло высоко. Оно располагало хорошими мастерами, владевшими всей ювелирной техникой этого времени, включая перегородчатую эмаль на золоте и меди, чернь и тонкую филигрань. В основном это была техника, восходившая к дворцовым мастерским Константинополя, но перешедшая из Византии в другие страны и с особым успехом практиковавшаяся именно в Киеве и Грузии,[44] а также в Палермо в Сицилии.[45] Клиенты этих ювелиров находились, естественно, среди правящей верхушки общества, что для России того времени значило князь и его окружение. Так оно было в дохристианский период, так оно оставалось после крещения Руси, которое, конечно, должно было значительно усилить византийские элементы в этом виде декоративного искусства. Однако именно в области прикладных искусств, про которую нам известно, что она существовала и до принятия христианства, можно предположить наличие дохристианских навыков, которые не были остановлены обращением страны в новую религию, и прежде всего привычки к ювелирным произведениям личного обихода. Этой привычкой, вероятно, объясняется то заметное место, которое ювелирные произведения занимают в общей массе археологических памятников России в века, непосредственно следовавшие за крещением Владимира и его подданных, и сравнительное разнообразие произведений этого светского искусства. Судя по тому, что среди археологических памятников России памятники ювелирного искусства представлены богаче, чем в собственно византийских областях, это ювелирное искусство пользовалось у славян исключительным успехом.

Не удивительно поэтому, что после обращения в христианство эта цветущая ветвь киевского искусства могла широко распространить, кроме техники, также и тематику византийского дворцового цикла. На одном из лучших золотых венчиков с эмалями киевской работы XI в. в центре композиции изображено вознесение Александра Македонского.[46] На целом ряде серебряных русских браслетов XI—XII вв., украшенных чернью, группируются изображения музыкантов и танцоров,[47] которые близки к одной из лестничных фресок киевской Софии[48] и к нескольким византийским изображениям того же рода. Любопытно, что некоторые из фигур этих сцен на браслетах (например, музыкант в профиль, играющий на лире, и танцовщицы с особенно длинными рукавами) повторяются на своеобразных рельефах одного олифанта XII в. (он хранится в городке Ясберени в Венгрии), где эти фигуры стоят рядом с другими византий-

---

[44] Н. Кондаков. Русские клады, т. I. СПб., 1896; Древности Приднепровья. Собрание Б. Н. и В. И. Ханенко, вып. V. Киев, 1902, стр. 54—55, табл. XXXIII, № 1104; Г. Ф. Корзухина. Русские клады IX—XIII вв.; Б. Рыбаков. Ремесло в древней Руси, стр. 337 и сл.

[45] Из последних работ в этой области: Jozef Déer. Der Kaiserornat Friedrichs II. Bern. 1952, passim, pls. I—III, XX, XXVI—XXVIII; H. Fillitz. Die Insignien und Kleinoden des Heiligen Römischen Reiches. Wien—München, 1954, фиг. 29, 31, 32, 37.

[46] История культуры древней Руси, т. II, стр. 418.

[47] Несколько воспроизведений: Б. Рыбаков. Ремесло в древней Руси, фиг. 59, 60, 61, 62; История культуры древней Руси, т. II, фиг. 213—215; Г. Ф. Корзухина. Русские клады IX—XIII вв., табл. XXXV, 1; табл. XXXVII, 10; табл. X, 1—2; История русского искусства, т. I, фигуры на стр. 243, 250, 272, 173. Музей Бенаки в Афинах хранит фрагменты трех браслетов и один цельный браслет такого же типа (витрина 32, №№ 89, 93). На этих экземплярах изображены чернью птицы и подражания куфическим буквам.

[48] Н. П. Кондаков и И. И. Толстой. Русские древности, т. IV, рис. 137.

скими, а также романскими мотивами.[49] Где этот предмет был сделан, неизвестно, но где-то не слишком далеко от Киева и Византии. Было ли это в Киеве или в Венгрии того времени, княжеская семья которой была в тесном родстве с русскими рюриковичами? Во всяком случае изображения на тех из предметов этой серии (браслеты с чернью), русское происхождение которых не вызывает никаких сомнений, стоят в зависимости от дворцового византийского цикла, причем не исключена возможность, что перенос этой иконографии на браслеты мог быть осуществлен в самой России.

Некоторые другие предметы из серебра, на этот раз одна чаша и другие сосуды светского назначения, подтверждают, с одной стороны, то, что весь цикл украшающих их изображений или часть их была создана или сближена в Византии, и, с другой, то, что этого рода изображения на сосудах домашнего обихода производились, кроме самой Византии (хотя собственно византийских примеров этих вещей XI—XIII вв. до нас не дошло), также при дворах различных стран, соседних с Византией. Замечательна в этом отношении большая эмалированная чаша около 1200 г., принадлежащая теперь музею Иннсбрука, которая, судя по надписи, была сделана для князей-мусульман из династии Ортокидов в Амиде (восточная Малая Азия).[50] На этой чаше, сделанной местными мастерами, но по византийской модели, видны многие из сюжетов византийского дворцового цикла: вознесение Александра (по середине), музыканты, танцовщицы, акробаты и различные звери, птицы и чудовища.

Менее показательны — из-за отсутствия надписей, указывающих на место происхождения, — но все же очень интересны другие чаши и сосуды из серебра (XII—XIII вв.), украшенные рельефами и насечкой, а иногда также и чернью. Один из этих сосудов был найден на Урале, другие — в Чернигове, в Прибалтике и на севере России.[51] Родственные этим предметам сосуды происходят из Болгарии (Татар-Пазарджик),[52] с острова Готланд,[53] из Швеции, Дании и Польши.[54] Все эти сосуды не имеют надписей, кроме сосуда, найденного на Урале, возле Соликамска (греческая надпись которого называет святого Феодора и владельца со странным именем Федора «Туркелина»),[55] и другого, где возле изображения конника написано по-гречески, что это св. Георгий.[56] Здесь не место исследовать эти предметы, которые были подвергнуты углубленному анализу А. В. Банк.[57] Хотя они и родственны между собой, но в то же время во

---

[49] Гампель (J. Hampel. Archaeologiae Ertesito, t. XXIII. Budapest, 1903) дает рисунок олифанта в Ясберени в развернутом виде: это позволяет сравнивать его с браслетами, на которые мы указываем.

[50] Воспроизведения: Strzygowski. Amida. Heidelberg, 1910, табл. XXI, 1; фиг. 295; A. Grabar. Münchener Jahrbüch der bildenden Kunst, II, 1951, фиг. 9 (отчетливая фотография).

[51] А. Банк. Серебряная братина XII—XIII вв. — В кн.: Памятники эпохи Руставели. Л., 1938, стр. 255 и сл. (о всей группе этих серебряных сосудов с исследованием).

[52] Репродукции: G. Migeon. Syria, t. III. Paris, 1922, табл. XXIX, XXX; N. Myvrodinov. Le trésor protobulgare de Nagyszentmiklos. — Archeologia Hungarica, t. 29. Budapest, 1943, фиг. 40, 41.

[53] Два серебряных сосуда, найденных в Dune, Dalhem, на о. Готланд и хранящихся в местном музее. Фотографии: Statens Historiska Museum. Stockholm, №№ 6849 : 5, 6849 : 6.

[54] Дания: фотография — Nationalmuseet, Penhavn, inv. № 14.468. Польша: романская чаша «из Влоцлавска» — Национальный музей в Кракове (сильное западное влияние). Швеция: фотография — Statens Historiska Museum, Stockholm, №№ 133, 134, 135, 8889, 15136.

[55] О. Н. Бадер. Камская археологическая экспедиция. — КСИИМК, т. XXXIX. М.—Л., 1951, стр. 89—95.

[56] А. Банк. Серебряная братина XII—XIII вв., стр. 258—259.

[57] См. прим. 51.

многом очень отличны и едва ли были исполнены в том же месте и одновременно. Они, вероятно, отличаются один от другого тем, что характеризуют более специфическим образом искусство страны или города (нам, к сожалению, неизвестного), из которого они происходят. Но у этих предметов есть и много общего, и это скорее всего то, чем все они обязаны какому-то общему источнику, а таким источником легче всего могла бы быть Византия. Мы имеем в виду, конечно, ее светское дворцовое искусство, которое нас занимает в этой статье и которое, как мы показали это на многих примерах, в значительной степени определяет тематику и даже циклы русских светских памятников домонгольского периода. Место происхождения указанных ювелирных произведений не установлено, но, имея в виду, что они найдены в областях, окружающих европейскую Россию с трех сторон, можно думать, что часть из них происходит из русских мастерских, а часть — из местных, работавших в сходном духе, может быть в Константинополе или в восточных областях Византийской империи. Не входя в подробности (чтобы не удаляться слишком далеко от сюжета этой статьи), укажем на присутствие на этих сосудах в различных комбинациях следующих сцен интересующего нас цикла: вознесение Александра, акробаты, музыканты, борцы, сцены охоты, воины-конники и бои, множество зверей, птиц и чудовищ. Нет сомнения, что весь этот цикл, к которому иногда присоединяются, как на рельефах киевских и владимирских церквей, кое-какие христианские сюжеты (святые воины на коне, Давид с лирой-«псалтырью»), несет в себе элементы дворцовых искусств как греческой, так и иранской традиции (к последней относится излюбленный в Персии сюжет пирующего властелина, перед которым пляшут танцовщицы под аккомпанемент музыкантов, или сюжеты героической охоты).[58] Но это сближение двух дворцовых искусств не представляет большого исторического интереса для определения искусства этих сосудов, так как это сближение уже не «актуально» в эпоху их изготовления. Задолго до XI в. оно было осуществлено как в Византии, так и в мусульманских резиденциях (начиная с Омейядов в Сирии).

Не имея возможности в настоящей статье подойти ближе к каждой из ветвей этого сложного искусства, закончим на следующем: все упомянутые нами произведения ювелирного искусства дают нам прямые или косвенные указания на русское домонгольское светское искусство. Прямые свидетели его — это произведения, вышедшие из киевских мастерских; косвенные свидетели — это всевозможные сосуды светского назначения, часть которых может быть русской и которые каждый по-своему интерпретируют отдельные сюжеты или части циклов дворцового искусства, родственного русскому.

Мы имеем в виду дворцовое искусство, хотя в отношении этих серебряных сосудов правильнее было бы говорить об отражении его в прикладном искусстве. Среда, из которой эти ремесленные произведения вышли, настолько далека от нас, что практически трудно сказать, стоит ли та или другая вещь или все на уровне фольклора или нет, и если нет, то насколько она удалена от него. Но в принципе этот вопрос должен быть поставлен в отношении тех вещей, где кажущееся отсутствие логического развития темы может вполне соответствовать действительному отсутствию системы в выборе и распределении мотивов: ремесленный мастер мог не разобраться в «контексте» тех образцов, которым он следовал, и выбирал и распределял мотивы, руководствуясь своими домыслами (нечто соответ-

---

[58] R. Ettinghausen. Early Realism in Islamic Art. — Festschrift Studi Orientalistici in onore di Giorgio Levi dela Vide. Roma, 1956, № 1, стр. 259—262, рис. 7, 8.

ствующее «народной» этимологии в истории языков) или эстетическими соображениями.

Если часто от нас ускользают причины, заставившие мастера предпочесть тот или иной из известных нам сюжетов ученого цикла, то в некоторых случаях можно думать, что он выбирает мотивы, имевшие охранительное значение. В монументальном искусстве мы не раз наблюдали присутствие таких апотропеев. Эти же апотрепеи появляются вновь на золотых и серебряных вещах. Вознесение Александра стоит посередине одного из золотых женских венчиков, найденных в Киеве (на другом ту же охранительную функцию выполняет религиозный сюжет так называемый Деисус), в центре эмалированной чаши амидских эмиров (в Иннсбруке), на двух перстнях в Dumbarton Oaks и коллекции Стефатос (в Афинах), а также (но не в центре) на одной из серебряных чаш, найденных на Кавказе (Государственный Эрмитаж). Другие сюжеты знакомого нам дворцово-светского цикла группируются вокруг Александра и связаны, таким образом, с этим изображением. Давид с лирой, конники, побеждающие змей и драконов, охотники, убивающие диких зверей, звери и чудовища, родственные тем, которые мы наблюдали на владимирских фасадах и в Палермо, вероятно, служили такими же апотропеями, отгонявшими злые силы от владельцев этих предметов или от напитка, наливавшегося в эти сосуды. Сюда же следует отнести и мотивы (фигуры людей, звери, птицы, узлы) на серебряной обивке ритона X в., найденной в знаменитой «Черной могиле» в окрестностях Чернигова (предполагаемое иногда мифологическое истолкование этих изображений, к сожалению не доказанное, не препятствует гипотезе об их охранительной функции, свойственной многим произведениям религиозного содержания). Наконец, в некоторых случаях — киевские браслеты и колты, олифант в Ясберени (Венгрия), суздальский топорик — конечности живых существ превращаются в ленты и узлы, которые иногда охватывают птиц или животных, согласно приемам, издавна известным европейским орнаментам, и особенно орнаментам стран, географически близких к России: орнаментам викингов, каролингским и романским. В России орнаменты этого типа, которые, вероятно, тоже служили апотропеями, были известны еще до обращения ее в христианство, судя по нескольким вещам из кости и дерева, на которых такие орнаменты появляются очень рано. Это вещи домашнего обихода, до которых влияние византийских моделей доходило с трудом. Напротив, появление элементов северных мотивов этого рода на некоторых киевских серебряных браслетах объясняется, может быть, тем, что это тоже предметы более низкого технического уровня. Не случайно, что там, где орнаменты особенно близки к византийским, например на стенах церквей, начиная с киевской Софии, этих лент, плетенок и узлов не наблюдается. В декорации церквей мы видим их только в скульптурах с начала XII в., например на капителях и базах порталов черниговской Борисоглебской церкви, где изображены чудовища и птицы, охваченные сетью перекрещивающихся лент. Система этих мотивов близка к скандинавским и романским рельефам, где она известна с IX в., тогда как в Византии эти мотивы, по-видимому, распространяются позже, чем в России, и скорее всего под романским влиянием на периферии империи.

Между тем в русском средневековом искусстве тема плетений и узлов получила особое распространение не в ювелирном искусстве и не в монументальной скульптуре XII в., — где они только намечены, а в декорации рукописей. Свидетельств этому у нас много, хотя они большей частью и позже татарского нашествия и происходят главным образом из северной части России, может быть, потому, что в областях, разоренных татарами,

сохранилось мало рукописей домонгольского времени. Нельзя, однако, сомневаться в том, что северные рукописи (особенно новгородские) XIV и двух последующих веков продолжают традицию предыдущей эпохи, если не всех типов домонгольской орнаментации рукописей, то по крайней мере их северной группы. Как мы напоминали выше, именно на севере, в Новгородской области, орнамент с плетением появился очень рано на предметах из дерева и кости. К нему же, видимо, постоянно прибегали и в дальнейшем, так как в XIV в. и позже новгородские рукописи особенно охотно культивируют этот жанр и рисуют сложные плетения, в которые включают зверей, чудовища и фигуры людей. Под пером русских каллиграфов эти мотивы получают очень своеобразное использование, и, так как в скандинавской рукописной традиции такого рода мотивы не встречаются (в ней с самого начала орнаменты следуют за романскими моделями), истоки ее следует искать в местной традиции орнаментов, которые применялись к декорации как некоторых рукописей, так и особенно предметов из дерева, кости, кожи, металла и т. д.

Резные орнаменты из дерева были, вероятно, особенно интересны и многочисленны. Местное происхождение орнаментов северных рукописей тем более правдоподобно, что русские же каллиграфы, работавшие в Киеве и несколько раньше (XI—XII вв.), проделали аналогичную работу перенесения орнаментов из одной техники в другую, но взяли за образец для своих книжных орнаментов византийские ювелирные произведения (шкатулки, переплеты, курильницы в виде моделей зданий) с их золотом и эмалями. Само собой разумеется, что это всего лишь гипотеза, но мне кажется, что она не лишена правдоподобия, во-первых, потому, что на севере России влияние деревянной резьбы особенно естественно, и, во-вторых, потому, что фронтисписы рукописей, где плетеный орнамент дает повод к особенно пышным композициям, сознательно воспроизводят «царские врата» деревянного иконостаса, а иногда силуэт целой деревянной церкви, с ее куполами-луковицами.[59] Многие из сохранившихся более поздних северных иконостасов, с их сетью тонких резных мотивов, дают отличное представление о деревянных моделях каллиграфических композиций XIV—XV вв. Насколько мне известно, русских резных иконостасов домонгольского времени не сохранилось, но представление о них дают резные деревянные порталы норвежских церквей (древнейшие примеры XII—XIII вв.).[60] Везде на севере Европы искусство резьбы по дереву и ее применение к светской и церковной мебели было очень распространено в ранние средние века. В России, как мы видели, ее корни уходят в дохристианскую эпоху.

В тех же рукописях наряду с плетеными и звериными мотивами появляются и человеческие фигуры, особенно часто в инициалах. Как и животные или птицы, эти фигуры обычно сплетены ленточными орнаментами, которые иногда заменяют их конечности. Несмотря на то что в таких случаях теряется граница между живым существом и орнаментом, глаз большей частью различает движения фигур, предметы, которые у них в руках, и постигает смысл тех маленьких сцен, которые разыгрываются в пределах инициала. Несмотря на преобладание чисто орнаментальных задач, авторы этих изображений настаивают иногда на их реалистическом истолковании, как это видно из надписей, которыми они снабжают свои

---

[59] История русского искусства, т. I, воспроизведения на стр. 243, 246.

[60] Многочисленные репродукции см.: H. Reither. Norwegische Stabkirchen. Oslo, б. г.

рисунки: «греется у огня», «льет воду на голову».[61] Со времени В. В. Стасова известна еще одна надпись, на этот раз в виде диалога между двумя рыбаками, несущими большую сеть. Не только сцена, приспособленная к букве «М», истолкована реалистически, но и язык рыбаков передан во всей непосредственности: «Потяни корвин сын», — говорит один; «Сам еси таков», — отвечает другой. Есть ли это реалистическое истолкование декоративных мотивов, которые первоначально не имели конкретного смысла, или, наоборот, это воспоминание о начальном конкретном смысле изображений, затемненном их приспособлением к декорации инициалов?

В некоторых случаях можно с уверенностью сказать, что справедливо второе из этих объяснений, например для инициалов «греется у огня» и «льет воду на голову». В самом деле, фигуры и сценка, введенные в эти инициалы, заимствованы из иллюстрированных календарей, где каждый месяц изображался символически при помощи фигурок или маленьких сцен, придуманных не позже чем в IV в. Одни из этих фигурок представляли знаки зодиака, тогда как другие воспроизводили установленную жанровую сцену «занятия», типичного для данного месяца. Что такие иллюстрации к календарям существовали в древней России, доказывается конкретным примером: в знаменитом «Изборнике» Святослава, переписанном в Киеве в 1703 г., на полях нескольких страниц изображены олицетворения всех двенадцати знаков зодиака.[62] Но календарь, иллюстрации которого могли послужить моделями для фигурок упомянутых выше новгородских рукописей, был другого, более сложного типа, где наряду с символами зодиака были представлены и «занятия» каждого месяца. Очень вероятно, что эта двойная серия изображений была присоединена к декорации вступительных (таблицы «Канонов») страниц какого-нибудь византийского Евангелия XII в., вроде знаменитой рукописи Венецианской библиотеки (Marc. 1, 540),[63] где изображены «занятия» каждого из двенадцати месяцев и олицетворения добродетелей. Какая-нибудь рукопись такого типа проникла в Киевскую Русь, подобно тому как другой манускрипт венецианского роскошного Евангелия оказался в Грузии.[64] Экземпляр, бывший в России, был, вероятно, еще полнее, так как в нем должны были быть изображены параллельно знаки зодиака и «занятия» месяцев. Это можно заключить из того, что из указанных выше надписей одна воспроизводит надпись «Водолея», т. е. фигуры из цикла зодиака, тогда как другая соответствует нормальной иллюстрации «занятия» месяца декабря (человек греется у костра).

Не исключена, кроме того, возможность других источников фигурных инициалов русских рукописей (кроме византийских календарей XII в.). Это следует хотя бы из того, что многие из фигур и сцен, которые мы наблюдаем в этих инициалах, не имеют никакого отношения к календарным сюжетам (например, указанная выше сцена с двумя рыбаками). Разумеется, вероятны и собственные измышления авторов этих инициалов,

---

[61] В. В. Стасов. Восточный и славянский орнамент. СПб., 1887, табл. LX и сл. Некоторые из интересующих нас особо инициалов воспроизведены в «Истории русского искусства» (М., 1954, стр. 289 и сл.): «обливается водою» (стр. 291), «мороз руки греет» (стр. 292), «потяни, корвин сын-сам еси таков» (стр. 296). Новейшее исследование о проникновении этого рода орнаментов из русских в югославянские рукописи: V. Mošin. Ornament juznoslovenskih rukopisa. Sarajevo, 1957.

[62] Сборник различных статей религиозного и светского содержания, известный под названием Изборника Святослава 1073 г. На полях двух смежных страниц — рисунки (неокрашенные) фигур и зверей, иллюстрирующих созвездия.

[63] В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. II, табл. 157.

[64] Там же, табл. 207.

но и такого рода измышления обычно исходят из чего-нибудь; иногда эти источники могут быть хотя бы намечены. Мы не можем здесь проделать такого рода исследования, но укажем на возможную связь между русскими рукописными инициалами и изображениями на русских же серебряных браслетах киевского периода. Здесь и там — светские сюжеты и иногда одни и те же мотивы: музыкант с лирой, танцующие девицы, звери и птицы, а также и люди, оплетенные ленточным орнаментом.[65] Другие сопоставления устанавливаются между русскими инициалами и орнаментами тех серебряных чаш, о которых речь была выше и которые, как мы указывали, происходят из разных стран вокруг Византии, и большей частью из периферийных областей России. На этих чашах изображены разные сюжеты изученного нами светского цикла — звери, чудища, охота, но также вознесение Александра Македонского, акробаты и т. п. Появляется там и мотив пирующего государя, сидящего с чашей в руках, который очень обычен в мусульманских (но не византийских) светских циклах. Этот персонаж с кубком в руке воспроизводится и в русских инициалах,[66] откуда и обнаруживается какая-то связь этих инициалов с персидской версией того дворцового цикла, из которого вышло, в основе, все русское светское искусство киевского периода. Продолжая поиски в этом же, мусульманском, направлении, можно отметить ряд интересных аналогий между мотивами русских инициалов и изображениями фигур на ювелирных произведениях XII—XIII вв. из Персии и Месопотамии. Отметим, например, персонаж, сидящий между двумя птицами или несущий птиц, идущий в сопровождении собаки и т. д.; уже на месопотамских произведениях все это подверглось сильной стилизации (костюм, головной убор) и тесно окружено орнаментальным фоном, т. е. как бы подготовляет то, что мы находим в русских рукописях. Отдельно стоящие фигуры оседланного коня или верблюда, известные по русским инициалам, тоже находят себе аналогии в этой восточной торевтике эпохи, непосредственно предшествующей лучшим из русских инициалов этого жанра.

Нужно надеяться, что со временем источники русских орнаментов будут исследованы исчерпывающим образом. Для наших целей достаточно напомнить, что и с этой стороны русское средневековое искусство имело тенденцию к умножению светских тем и что если в некоторой части эти темы здесь были связаны с научно-популярными календарями византийской традиции, то другие связи устанавливаются с темами, типичными для торевтики в ее русской, более народной ветви (серебряные браслеты) или в ее современных восточных версиях, где мы вновь наталкиваемся на знакомый нам дворцовый цикл изображений, но в особых, восточных истолкованиях.

Будущее, надеюсь, покажет, пользовались ли русские каллиграфы какими-то тетрадями моделей, уже приспособленных для украшения инициалов, или они исходили из изображений, независимых от инициалов, и сами приспосабливали их к этой функции. Последнее мне кажется более вероятным, имея в виду, что русские инициалы XIV—XV вв. мало похожи на инициалы византийские или романские и готические и что уже в древнейшей русской орнаментации рукописей мы находим многочисленные примеры переноса в книжную живопись мотивов, заимствованных от ювелирного дела и других ремесел. Но каковы бы ни были его непосредственные источники, замечательно то, что сфера русского светского

---

[65] Несколько примеров на браслете: История русского искусства, т. I, стр. 250, 519 (тот же браслет, помеченный сначала как происходящий из Киева, а затем из Владимирского клада 1896); Б. Рыбаков. Ремесло в древней Руси, рис. 59—61.

[66] В. В. Стасов. Восточный и славянский орнамент, табл. LXII, 16.

искусства в ранние средние века распространяется и на живопись в рукописях. Своеобразие этой области искусства очевидно, так же как и то, что она еще очень недостаточно изучена. Но мы вправе сказать, что по крайней мере частично эта ветвь светского искусства связана с остальными общностью тем.

Подведем итоги. Как ни велико было разрушение памятников во время татарского нашествия, мы видим, что светское изобразительное искусство в домонгольской России было довольно значительным. У него были различные функции, которым соответствуют разные категории произведений, каждая со своей особой техникой: стенопись, рельефы на камне, ювелирное искусство, миниатюры в рукописях.

Во многих отношениях это искусство было только ветвью светского искусства, к которому в раннем средневековье прибегали везде в Европе и в странах Передней Азии и вероятным главным очагом которого был Константинополь. Как и в других странах, в России эти общие традиции светского искусства получили свое особое истолкование в соответствии с теми функциями, которые ему были определены, особенно в рельефах владимиро-суздальских церквей и в северорусских рукописях. Присутствие таких своеобразных версий общесредневекового светского искусства показывает, как хорошо оно было усвоено в России. Его естественным очагом были княжеские дворцы в Киеве и везде, но оттуда оно просачивалось в другие социальные круги и в другие области художественной деятельности. Мы видели отблески его на фасадах и башнях церквей и в рукописях религиозного содержания, равно как и в прикладных искусствах, обслуживающих более широкие слои общества и более близких к фольклору, где традиции дворцового искусства соприкасались и различным образом переплетались с мотивами, формами и техникой, издавна бытовавшими на русской территории.

Мы очень далеки от удовлетворительного знания этого светского изобразительного искусства домонгольской России. Но мы видим, что оно было довольно богатым по содержанию и формам, и в этом его интерес для изучения «Слова о полку Игореве». Для понимания этой светской поэмы небезразлично, что она была создана в социальной среде, которая располагала также значительным изобразительным искусством светского содержания и привыкла к нему и к его темам.

Ф. А. КАЛИКИН

Портретное изображение псковского князя Довмонта

Литовский выходец Довмонт-Тимофей, княживший во второй половине XIII в. в Пскове и неоднократно защищавший город от иноземных захватчиков, занимает почетное место в культурных традициях Пскова. Уже вскоре после его смерти в 1299 г. Довмонт стал неофициально почитаться как местный святой, и на основе устных преданий о нем было составлено краткое проложное житие. Рассказ о Довмонте в манере воинской повести был внесен и в псковское летописание.[1]

Образ Довмонта отразился и в другом виде искусства — в иконописании. Изображение Довмонта находится на иконе Псковского областного историко-художественного музея — так называемой Мирожской Оранте, получившей название Мирожской потому, что она находилась ранее в Мирожском монастыре (рис. 1). По сторонам богоматери (находящейся в центре иконы) изображен князь Довмонт с женою княгиней Марией, которая была внучкой великого князя Александра Невского (рис. 2). Оба стоят в молитвенных позах и обращены лицом к богоматери. Князь Довмонт и его супруга изображены в древнекняжеских одеждах. Довмонт стоит с открытой головой и без оружия. Над фигурой Довмонта помещена киноварная надпись: «Благоверный князь Довмант, во святом крещении Тимофей», а над княгиней — «Благоверная княгиня Мария, Домантова жена, дщерь великого князя Александра Невского».[2] Божия матерь изображена в фас с поднятыми руками. Младенец Христос находится на уровне груди богоматери, поддерживаемый складками мафория. Фигура богоматери в полтора роста выше фигур князя Довмонта и его жены. Вверху в правом и левом углах иконы изображены две поясные фигуры архангелов, слева от зрителя над князем Довмонтом — архангел Михаил, справа — архангел Гавриил. Лица обоих архангелов обращены к богоматери. Архангелы, божья матерь и младенец Христос имеют нимбы, по внешнему краю которых помещено чеканное украшение в виде круглых вдавленностей (величиной в мелкую горошину). Вокруг головы князя Довмонта и княгини этого украшения нет, поскольку нет и очертаний самих нимбов как на князе, так и на княгине, а есть лишь только следы выбоин от металлического нимба, который был, очевидно, на металлической ризе, и вот от него-то в местах, где должно быть очертание нимба, имеются на золоченом фоне вокруг голов князя и княгини загрязнившиеся выбоины, которые издали можно принять за нимбы. Икона написана на золотом фоне с киноварными отводками по внешним краям полей.

---

[1] История русской литературы, т. II, ч. 2. М.—Л., 1946, стр. 138—142.

[2] Это, очевидно, ошибка копииста, или он не разобрал подлинной надписи, или надпись на оригинале была повреждена: княгиня Мария, супруга князя Довмонта, была не дочерью, а внучкой великого князя Александра Невского.

Рис. 1. Мирожская Оранта. XVI в. (Псковский обл. историко-художественный музей, ПКМ, инв. № 1727, 144 × 112 см).

Рис. 2. Князь Довмонт. Деталь иконы Мирожская Оранта. XVI в. (Псковский обл. историко-художественный музей, ПКМ, инв. № 1727, 144 × 112 см).

Летом 1936 г. я был приглашен в Псковский музей для реставрационных работ по древнерусской станковой живописи. Когда я прибыл в Псковский музей, мне была показана описанная выше икона Мирожская Оранта. Ранее считалось, что эта икона написана в XIII в.

При детальном осмотре иконы еще до начала ее реставрации было выяснено, что Мирожская Оранта по своей композиции представляет большой художественно-исторический интерес, однако время ее написания никак нельзя отнести к XIII в. На это указывают следующие данные памятника: размер иконы 144 × 112 см, толщина доски 4 см, ширина полей верхнего и нижнего 6.8 см, боковых 5 см, глубина ковчега 5 мм, лузга крутая.[3] Оборотная сторона: поверхность доски струганая, имеет две врезные встречные шпонки. Такая обработка доски — основы иконы говорит о том, что она не могла быть сделана не только в XIII в., но даже в начале XVI в., а лишь к концу этого века. Основа иконы — доска при таком размере была бы в XV в. и начале XVI в. гораздо тоньше, поля у́же и лузга ковчега отложе. Если бы перед нами оказалась икона XIII в., то основа была бы совсем другого вида. Вот, например, как выглядят основы икон XII—XIII вв.: а) независимо от величины доска должна быть тесаная и сравнительно тонкая; б) ковчег глубокий, с отлогой лузгой; в) шпонки не врезные, а набивные — набиты они по торцам доски иконы на деревянные круглые шипы сверху и снизу, оборотная сторона иконы гладкая. Такие набивные шпонки можно видеть на репродукциях с икон XII—XIII вв.[4] В конце XIII—первой половине XIV в. шпонки на доске иконы переносятся с торцов на плоскость оборотной стороны и крепятся на такие же деревянные круглые шипы, а самые доски — основы икон остаются тонкими. Всех этих древних признаков, обязательных для основы иконы XIII в., на иконе Мирожская Оранта нет. По окончании расчистки иконы от потемневшей олифы и позднейших записей древняя живопись на ней оказалась в следующем виде. Охренье лиц на всей иконе выполнено плавью в бледноватых, но не темных тонах, с чуть заметными белильными оживками светлых мест; такая манера письма лиц типична для второй половины XVI в. В начале века охренье лиц было более светлое, а теневые места делались более темные. Глаза богоматери, младенца Христа, архангелов, князя Довмонта и княгини хотя еще и миндалевидной формы, но уже довольно открытые, однако еще не такие, как их стали писать в первой четверти XVII в., т. е. широко открытые, округлые. Надпись над князем Довмонтом и его супругой исполнена типичной вязью второй половины XVI в. Вязь первой половины XVI в. была строже. Приведенные выше данные говорят о том, что икона написана не ранее как во второй половине XVI в. псковскими мастерами; последнее подтверждается тем, что одежды богоматери, младенца Христа и архангелов вместо обычных для других школ пробелов[5] имеют золотую асистку,[6] что является характерным признаком псковской школы.

Невольно возникает вопрос, что же это за икона, писанная во второй половине XVI в. со столь необычными для этого времени изображениями? Не является ли она действительно чем-то напоминающим нам

---

[3] Лузга — это скосы от выступающих полей иконной доски к углубленной плоскости — ковчегу, на котором помещалось изображение иконы.

[4] В. Н. Лазарев. Искусство Новгорода. М.—Л., 1947, табл. 22, 23, 27, 32.

[5] Освещенные места одежд в противовес теневым имеют своеобразные разбельные высветления с белыми оживками и называются пробелами.

[6] Асистка — золотая штриховка.

о XIII в.? Точнее говоря, не является ли она копией, написанной по какому-либо случаю в XVI в. с не дошедшей до нас иконы XIII в.? Это весьма вероятно, так как в изображении данной иконы так много необычного, древнего, что никак не могло появиться в XVI в., да еще во второй его половине. Необходимо привести ряд соображений, которые свидетельствовали бы о том, что такая композиция не могла быть самостоятельным творчеством XVI в.

1. Изображение богоматери Оранты пришло в древнюю Русь вместе с христианством. Этот иконографический тип богоматери в изобразительном искусстве в первые века русского христианства был как бы доминирующим и особо чтимым: божья матерь Оранта изображалась в центральных алтарных абсидах тогдашних храмов: в Киевском и Новгородском, Софийских соборах, в церкви Спаса-Нередицы и в других храмах. В станковой живописи до нас дошло только одно изображение Оранты. Это Оранта Ярославская XII—XIII вв. Важно отметить, что в XVI в. ни в стенописи, ни в станковой живописи божья матерь Оранта не изображалась.

2. Изображение поясных архангелов вверху справа и слева является почти каноном в древних композициях икон богоматери и др.: Ярославская Оранта XII—XIII вв.,[7] Божья матерь Белозерская XIII в.,[8] поясное изображение Николы XIII в.,[9] Вседержитель на престоле XIII в., апостолы Петр и Павел XIII в. и др. В XVI в. на иконах Богоматери русской школы, а также и на других композициях изображение архангелов было не в обычае.

3. Князь Довмонт изображен без нимба и без наименования «святой» в имеющейся над ним надписи; между тем известно, что князь Довмонт как местный святой канонизован во Пскове еще в XIV в., а в 50-х годах XVI в. собором при митрополите Макарии его канонизация была подтверждена для всей Руси. Это значит, что если бы эта композиция была произведением XVI в., то мастер, писавший икону, должен был изобразить князя Довмонта и княгиню Марию в нимбах и в надписи поименовать «святыми»; здесь же ни того, ни другого нет.

Отсутствие нимбов у князя Довмонта и княгини и отсутствие в надписи слов «святой» и «святая» как нельзя лучше подтверждают наше предположение о том, что данная композиция не есть творчество XVI в., а является лишь копией с не дошедшего до нас художественного произведения, исполненного в XIII в., при жизни князя Довмонта и его жены. Эта икона была написана не иначе, как по их заказу, так как князь Довмонт и княгиня представлены на ней не как святые, а как донаторы — заказчики, вот почему на них нет и нимбов и наименования «святой» и «святая».

В средневековом изобразительном искусстве на Западе такого рода изображения заказчиков на иконах были в большом обычае; встречаются они и в Византии.[10] В древнерусском искусстве подобные изображения нам также известны. Так, в стенописи Нередицкой церкви князь Ярослав

---

[7] А. И. Некрасов. Древнерусское изобразительное искусство. М., 1937, стр. 122, табл. 1.

[8] В. Н. Лазарев. Искусство Новгорода, табл. 35.

[9] Там же, табл. 29, 32, 34.

[10] В Государственном Эрмитаже находятся две такие картины: 1) икона византийской школы XIV в., «Пантократор»; в правом нижнем углу на поле имеется в молитвенной позе фигура донатора (см.: В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. II. М., 1948, табл. 318); 2) икона «Оплакивание» французского художника XV в.; в нижней части справа изображен донатор в молитвенной позе.

Всеволодович изображен подносящим Христу модель церкви.[11] В станковой живописи известна икона середины XV в. Молящиеся новгородцы. На ней изображена семья новгородского посадника в молитвенных позах перед вседержителем.[12] К этой же группе надо причислить и Мирожскую Оранту — копию с памятника станковой живописи XIII в. с портретными изображениями князя Довмонта и его жены княгини Марии, писанных по условиям донаторства с натуры.

4. Князь Довмонт изображен в древнекняжеских одеждах, которые употреблялись в княжеском быту в XII—XIII вв., тогда как уже в XV в. у русских князей стала бытовать одежда другого вида и покроя. Прекрасным подтверждением сказанному служат изображения князей Бориса и Глеба на иконах XII—XIII вв.; здесь они изображались в одеждах, бытовавших при их жизни,[13] а на иконах XV в. их уже писали в одеждах, которые носили князья XV в.[14] Если бы наша икона была бы не копией с иконы XIII в., а художественным произведением XVI в., то князь Довмонт имел бы на себе княжескую шубу, бытовавшую в XVI в., так как художник XVI в. не мог видеть княжеских одежд, характерных для XIII в.

5. На нашей иконе, если всмотреться внимательно в фигуру князя Довмонта, можно заметить по его поясу, что князь Довмонт имеет утолщенный живот. Эта, хотя и незначительная, деталь убеждает нас окончательно в том, что мы имеем в иконе Мирожская Оранта именно копию с художественного произведения XIII в., писанного с натуры.

6. Фигура богоматери по отношению к фигурам князя Довмонта и его жены выше в полтора роста; такое явление еще раз подтверждает, что наша икона не является творчеством XVI в., а представляет собой копию с произведения XIII в. Как известно, в XII—XIII вв. главному персонажу в композиции полагалось быть крупнее остальных в полтора-два раза. Это был своеобразный художественно-композиционный прием многих мастеров того времени.[15]

7. По техническому канону иконописания на залевкашенной и выглаженной поверхности будущей иконы художник знаменил, т. е. рисовал изображение иконы в контуре тушью, и только по такой знаменке наносил темперные краски. Когда же икона копировалась, тогда употреблялась прорись,[16] которая переводилась на выглаженный левкас, затем проходили графьей и накладывали краски. На нашей иконе знаменки тушью нет, а есть графья, это значит, что художник ее не рисовал, а писал с прориси, снятой с иконы XIII в. точно в натуральную величину. Этот факт еще раз служит подтверждением нашего предположения, что перед нами копия XVI в. с иконы XIII в.

---

[11] В. Н. Лазарев. Искусство Новгорода, табл. 17.

[12] Там же, табл. 10.

[13] А. И. Некрасов. Древнерусское изобразительное искусство, стр. 126.

[14] Там же, стр. 267; В. Н. Лазарев. Искусство Новгорода, табл. 109.

[15] В. Н. Лазарев. Искусство Новгорода, табл. 31, 34, 44, 71, 84.

[16] Может возникнуть вопрос, что такое прорись? Если художник-иконописец снимал с какой-либо иконы точную копию в контуре, для этого тонко растиралась черная краска на чесночном зелье (чесночный сок), затем беличьей кистью делалась контурная опись всей композиции копируемой иконы; причем контур описи не должен быть ни толще, ни тоньше оригинала. Когда опись будет закончена, берется чистый лист бумаги, накладывается на только что проконтуренную икону и придерживается левой рукой, а правой отворачивается часть наложенного листа и делается незначительное увлажнение дыханием какой-то части контурной описи иконы. Затем наложенная бумага притирается правой рукой в местах увлажнения, сделанного дыханием, отчего черная на чесночном зелье опись дает на чистой бумаге негативный отпечаток. Вот этот-то отпечаток контурной негативной копии с иконы и называется прорисью.

Таким образом, на основании вышеприведенных данных нам удалось установить, что икона Мирожская Оранта является копией, исполненной в XVI в., с не дошедшей до нас иконы XIII в. с портретным изображением псковского князя Довмонта и его жены княгини Марии, помещенных на иконе в качестве донаторов — заказчиков. Это значит, что мы имеем уникальную копию с портретного изображения князя Довмонта-Тимофея, любимого героя псковской литературы. Принимая во внимание почти полное отсутствие современных портретных изображений князей первых веков образования Русского государства, икона Мирожская Оранта в копии XVI в. приобретает исключительную художественно-историческую ценность.

К этому можно добавить, что существует народное предание о том, что в приезд царя Ивана Васильевича Грозного в 1570 г. во Псков им была увезена из «Мирожского монастыря чудотворная икона богоматери» знамения XIII в. Летописных записей об этом событии нет, но если верить народному преданию, то факт написания в XVI в. копии с иконы Мирожской Оранты XIII в. будет легко объясним. Грозным была взята подлинная икона XIII в., а Мирожскому монастырю оставлена ее копия.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

О. В. ТВОРОГОВ

Традиционные устойчивые словосочетания в «Повести временных лет»

Внимание исследователей древнерусской литературы неоднократно привлекали устойчивые словосочетания, которыми обильно насыщен язык наших летописей, воинских повестей, житий. Этим словосочетаниям в языке воинских повестей посвящена известная работа А. С. Орлова,[1] но попутно их наличие в древнерусских литературных памятниках и их стилистическую роль отмечали В. Мансикка, В. П. Адрианова-Перетц, Д. С. Лихачев, И. П. Еремин, Н. К. Гудзий и другие ученые.

В литературе нет еще устоявшегося термина для таких словосочетаний: их называли «стилистическими формулами» (Н. К. Гудзий, С. А. Богуславский), «постоянными формулами» (А. С. Орлов), «стилистическими трафаретами» (Д. С. Лихачев), «устойчивыми формулами» (И. П. Еремин), «стилистическими шаблонами» (Б. А. Ларин), «стереотипными формулами» (В. Мансикка). Мы называем такие словосочетания «традиционными формулами»; отказ от определения «стилистические» диктуется следующими соображениями: в языке летописи действительно подобные обороты речи носили характер стилистических приемов, требуемых нормами литературного этикета,[2] но несомненно также, что многие из них существовали ранее в живой речи, выступая в качестве терминологических формул. Их образность (так, в формуле «сѣча зла» «зла» — несомненно, эпитет) не нарушала терминологичности. Но эмоционально окрашенные термины вовсе не были в живой речи стилистическими приемами, какими они оказались в письменности.

Рассмотрим традиционные формулы в их отношении к фразеологизмам. Под традиционными формулами мы понимаем речевые штампы, т. е. широко распространенные устойчивые словосочетания. Устойчивость, стереотипность и являются их единственной общей чертой. Это надо подчеркнуть, так как среди традиционных формул оказываются как устойчивые словосочетания, лишенные метафоричности[3] (например, «створити миръ», «плачь великъ», «со страхомъ и трепетомъ» и т. д.), так и фразеологизмы

---

[1] А. С. Орлов. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). — ЧОИДР. М., 1902, кн. 4, стр. 1—50.

[2] Д. С. Лихачев. 1) Литературният етикет в староруската книжнина. — Език и литература. София, 1960, № 4, стр. 255—268; 2) Повесть временных лет. (Историко-литературный очерк). — В кн.: Повесть временных лет (далее: ПВЛ), т. II. Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), стр. 42—43.

[3] Современное учение о фразеологизмах рассматривает подобные словосочетания в ряду «обычных», «переменных» словосочетаний. См., например: С. И. Ожегов. О структуре фразеологии. — Лексикографический сборник. М.—Л., 1957, № 2, стр. 45—46.

(«взяти на щиты», «взяти копьемъ», «дати руцѣ» и т. п.). Эти группы необходимо выделять при лексикологических исследованиях, в словарях,[4] но для целей нашей статьи их различия не имеют значения.

Рассмотрим традиционные формулы, встречающиеся в «Повести временных лет», поставив перед собой следующие вопросы: 1) Почему изображение военных эпизодов вызвало к жизни наибольшее количество традиционных формул? 2) Какие выводы о развитии стилистической системы древнерусского литературного языка можно сделать, сравнивая язык «Повести временных лет» с языком более поздних памятников? 3) Каковы источники традиционных формул? 4) Как отражать традиционные формулы в словаре? [5]

*

В своей работе о русских воинских повестях А. С. Орлов, в частности, указывал: «Для образования и признания известного шаблона воинских повестей громадную роль играли летописные своды, где почти каждый бой описан в одних и тех же выражениях».[6] Обратимся к ПВЛ и посмотрим, какие стилистические приемы использовали ее создатели при описании военных эпизодов. Мы встретимся с довольно устоявшимися воинскими формулами. В традиционных оборотах рассказывается о подготовке к походу: «Игорь же совкупивъ вои многы, варягы, Русь, и поляны, словѣни ... поиде на Греки въ лодьях и на коних» (стр. 33—34);[7] «И приведоша варягы, вдаша имъ скотъ, и совокупи Ярославъ воя многы» (стр. 97); «Ярославъ совокупи воя многы, и приде Кыеву» (стр. 100) и т. д. Летописец упоминает о численности войск, также прибегая к традиционным формулам: болгарский царь Симеон приходит на Царьград «въ силѣ въ велицѣ» (стр. 32), печенеги приходят «в силѣ велицѣ» к стенам Киева (стр. 47), «в силѣ тяжьцѣ» приходит на Ярослава Святополк (стр. 97).

В стереотипных оборотах описываются в ПВЛ и сражения. Обратимся к примерам, выделяя в цитатах сопоставимые элементы.

941:[8] «Съвѣщаша Русь, изидоша, въружившеся, на греки, и брани межю ими бывши зьли одва одолѣша грьци» (стр. 33). 965: «...и съступишася битися, и бывши брани, одолѣ Святославъ козаромъ» (стр. 47). 971: «...и излѣзоша болгаре на сѣчю противу Святославу, бысть сѣча велика и одоляху больгаре» (стр. 50). 971: «И исполчишася Русь, и бысть сѣча велика, и одолѣ Святослав, и бѣжаша грьци» (стр. 50). 1016: «...и поидоша противу собѣ, и сступишася на мѣстѣ. Бысть сѣча зла ... и одолѣ Ярославъ. Святополкъ же бѣжа» (стр. 96). 1019: «...и сступишася обои, бысть сѣча зла ... К вечеру же одолѣ Ярославъ, а Святополкъ бѣжа» (стр. 98). 1024: «И поиде Мьстиславъ, и Ярославъ противу ему, и сступися чело сѣверъ съ варягы ... И бысть сѣча силна, яко посвѣтяше молонья, блещашеться оружье, и бѣ гроза

---

[4] Так, в проекте Древнерусского словаря «фразеологические сращения» отделяются от «стилистических шаблонов» как явления разного порядка. См.: Б. А. Ларин. Проект Древнерусского словаря. (Принципы, инструкции, источники). М.—Л., 1936, стр. 58.

[5] Статья построена на материале составляемого нами словаря к ПВЛ.

[6] А. С. Орлов. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.), стр. 1.

[7] Все ссылки даются по изданию: ПВЛ, 1.

[8] Год летописной записи.

велика и сѣча силна и страшна» (стр. 100). 1036: «...и сступишася на мѣсте ... И бысть сѣча зла, и одва одолѣ к вечеру Ярославъ. И побъгоша печенѣзи разно» (стр. 102). 1067: «И совокупишася обои на Немезѣ... поидоша противу собѣ. И бысть сѣча зла ... и одолѣша Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, Всеславъ же бѣжа» (стр. 112). Аналогичные описания мы найдем и в других местах ПВЛ.

Характерно, что слова «брань» и «сѣча» в этих описаниях всегда (исключение на стр. 47) выступают с эпитетами. Наиболее распространенные традиционные формулы: «сѣча зла» (в ПВЛ 5 раз) и «брань крѣпка» (5 раз). Эпитеты отсутствуют лишь тогда, когда их постановка невозможна; например: «...крестъ бо князем в бранех пособить» (стр. 115); «...бѣ бо въ тъ день Преображенье господне, егда си бысть сѣча» (стр. 85). В первом случае речь идет не о конкретной битве, но о боях вообще, во втором — не описание «сечи», но лишь указание на известное уже событие для уточнения его даты. Отметим также, что эпитет «зла» традиционно связывается со словом «сѣча» («брань зла» — всего один случай), в то время как слово «брань» выступает с эпитетами «крепка» или «люта», не встреченными нами при слове «сѣча». Формула «брань крѣпка» поддерживается частым употреблением традиционной формулы «боротися крѣпко». Например, 946: «...а деревляне затворишася въ градѣ, и боряхуся крѣпко изъ града» (стр. 42). Аналогично на стр. 75, 145.

Из приведенного материала видно, что воинский быт древней Руси выработал весьма устойчивую и развитую систему традиционных формул, нашедшую свое отражение на всем протяжении ПВЛ. Как же обстояло дело с применением традиционных формул в описаниях других сторон древнерусского быта?

Обратимся к примерам. Портрет князя в ПВЛ — в большинстве случаев портрет «идеальный», обобщенный, лишенный каких бы то ни было незначительных деталей. Но каждый раз этот портрет создается разными речевыми средствами: Мстислав «дебелъ тѣломь, черменъ лицем, великыми очима» (стр. 101), Ростислав «взрастомь ... лѣпъ и красенъ лицемь» (стр. 111), Изяслав «взором красенъ и тѣломъ велик» (стр. 133—134). Правда, и здесь заметно стремление к традиционности: во всех портретных зарисовках подчеркивается красота лица князя, его статная фигура. Не сразу найдет свою традиционную форму и описание благочестивости князя: Ростислав «милостивъ убогымъ» (стр. 111), Всеволод «издѣтьска боголюбивъ ... набдя убогыя, въздая честь епископомъ и презвутером, излиха же любяше черноризци, подаяше требованье имъ» (стр. 142), Ярослав «любя церковныя уставы, попы любяше по велику, излиха же черноризьцѣ» (стр. 102).

В традиционных формулах изображаются различные моменты жизни князя. О приходе на великокняжеский престол летописец сообщает: «...Ярославъ же сѣде Кыевѣ на столѣ отьни и дѣдни» (стр. 96); «Сѣдѣ на столѣ отца своего и дѣдъ своихъ» (о Мономахе; стр. 197). Встреча горожанами князя описывается в летописи так: «Изяславу же идущю къ граду, изидоша людье противу с поклоном, и прияша князь свой кыяне» (стр. 116); «Изидоша противу ему кияне с поклоном, и прияша и с радостью, сѣде (Святополк) на столѣ отца своего и стрыя своего» (стр. 143).

Мы встретим традиционные формулы и в описаниях похорон князя, провожаемого «с плачем великим», и в описаниях торжественных приемов — «чести великой», и даже в обращениях летописца к читателю, когда он, закончив обширное отступление от основной линии повествования, предупреждает: «На предлежащее возвратимся». Однако только в описаниях

военного быта мы обнаружим богатую и последовательно проводимую стилистическую систему.

В чем причина этого явления? Можно предположить, что многие словосочетания, которые мы рассматриваем как «воинские формулы», имели широкое распространение в живой речи: они были терминологическими формулами в обращениях князей к дружине, в речах послов, в донесениях воевод или начальников сторожевых отрядов. Не случайно, видимо, язык содержащихся в летописи диалогов и монологов часто насыщен традиционными формулами. Мы далеки от мысли, что летописец имел возможность точно воспроизвести слова данного князя в данный момент, но несомненно, что в уста персонажей он вкладывал употребительные в таких случаях обороты речи. (Нас не должно смущать, что иногда князья произносят и пространные молитвы, определенно сочиненные летописцем: в обоих случаях мы встречаемся с проявлением литературного этикета: обращаясь к дружине или союзникам по брани, князь говорит то, что приличествует ему как воину, — здесь летописец мог опираться на традиции реальных княжеских или посольских речей; обращаясь к богу, князь говорит то, что приличествует ему как благоверному христианину, — здесь летописец вкладывает в его уста слова, сочиненные им для прославления христианских добродетелей князя). Характерно, что формула «сложить голову» (погибнуть в бою) встречается в ПВЛ только в составе прямой речи. В прямой речи употреблены и такие формулы, как «стати крѣпко», «ввергнути ножь», «створити миръ» и др. Вот один из интереснейших примеров.

В рассказе о расправе Ольги с жителями Искоростеня мы читаем: «И побѣгоша людье изъ града, и повелѣ Ольга воемъ своимъ имати à, яко взя градъ и пожьже и; старѣйшины же града изънима, и прочая люди овыхъ изби, а другия работѣ предасть мужемъ своимъ» (ПВЛ, стр. 43). Сообщение летописца о судьбе жителей Искоростеня едва ли привлечет к себе особое внимание: такая расправа с побежденными совершенно естественна; не заметно здесь и следов литературного приема. Но обратимся к памятнику, созданному приблизительно в те же годы, что и летописный рассказ, — «Поучению» Владимира Мономаха. (Напомним, что рассказ о четвертой мести Ольги — позднейшая вставка создателя 1-й редакции ПВЛ Нестора и может быть отнесена к 1112—1113 гг.;[9] «Поучение» Мономаха предположительно датируется 1117 г.).[10] В этом произведении, несомненно более близком по языку к живой речи (особенно в автобиографической части), мы несколько раз встретим сходные выражения при описании судьбы побежденного войска: часть воинов «избита», часть «изымана», взята в плен. Например: «... на Деснѣ изъимахом князи Асадука и Саука, и дружину ихъ избиша» (стр. 159);[11] «... а наши онѣхъ (половцев) боле избиша и изъимаша (стр. 160); «... идохом на вои ихъ (половцев) за Римовъ, и богъ ны поможе — избиша и, а другия поимаша» (стр. 161). В речь Мономаха эта традиционная формула попала, вероятно, из живой военной терминологии. Она не является особенностью речи автора «Поучения»: в Ипатьевской летописи, начиная с записей 1149 г., мы встретим ее необыкновенно часто (на стр. 267, 279, 303, 306, 310, 327, 348, 355, 359, 360 и т. д.).[12] Летописец 30 годами позднее,

---

[9] См.: А. А. Шахматов. Повесть временных лет, т. I. Пгр., 1916, стр. XLI, 66—68; Д. С. Лихачев. Повесть временных лет. (Историко-литературный очерк), стр. 102, 119.

[10] ПВЛ, т. II, стр. 425—432.

[11] Цитирую по тексту, приведенному в ПВЛ, т. I, стр. 153—167.

[12] Летопись по Ипатскому списку, изд. Археографическою комиссиею. СПб., 1871.

чем Мономах, отразит это живое явление — терминологическую формулу из отчета воевод, из рассказов князей-победителей.

Вот несколько примеров употребления ее в Ипатьевской летописи. 1151: «Дюрди же не имѣяже ни откуль же помочи, а дружина его бяшеть оно избита, оно изоимана, принужденъ же неволею Дюргий, и цѣлова крестъ к нимъ (Изяславу и Вячеславу)» (стр. 306). 1160: «...доѣхавше ихъ, начаша я̏ (половцев) бити, и много ихъ избиша, а другыя рукама изоимаша, и люди отполониша своя, иже бяху половци поимали» (стр. 348). 1172: «...из Вышегорода же выѣздяче погании и диции с вои, много зла творяху, овы избиваху, а ины руками имаху» (стр. 375).

Итак, обилие и употребительность традиционных формул, отражающих различные стороны военного быта, по нашему мнению, объяснимы широкой распространенностью их в живой речевой практике. Немного уступают им по частоте употребления традиционные формулы, отражающие юридические и дипломатические отношения. Например, формула «миръ створити» встречается в ПВЛ 35 раз, в том числе в языке персонажей. Очень устойчивы формулы, применявшиеся в речах послов: «и посла, глаголя...», «посла вѣсть, яко...» и др. Менее широко были распространены в ПВЛ формулы книжного происхождения (из культовых текстов, переводных памятников). Упрочение стилистических приемов, опирающихся на книжные традиции, придет позднее, по мере расширения круга создаваемых и читаемых письменных источников.

*

А. С. Орлов в своей работе о воинских повестях рассматривает широкий круг памятников, созданных на протяжении нескольких веков. При всей поучительности такого обзора, свидетельствующего об устойчивости традиционных формул, мы лишены возможности наблюдать, ка́к протекало усвоение этого стилистического приема древнерусской литературой. Поэтому не меньший интерес представляет сравнение языка ПВЛ с языком памятника, тождественного по содержанию и непосредственно примыкающего к ней по времени создания, — с Киевской летописью.[13] Это сравнение убеждает нас в постоянной изменчивости стилистического облика летописи: одни традиционные формулы перестают употребляться, другие, напротив, приобретают широкое распространение. Мы уже отмечали частое использование формулы «избити — изымати»; приведем еще несколько примеров. Традиционная формула «битися крѣпко» в ПВЛ употреблена 2 раза, в Киевской летописи встречается более 18 раз; формула «благовѣрный князь» в ПВЛ употреблена 4 раза, в Киевской летописи — 12 раз; широко распространен в Киевской летописи тавтологический оборот «многое множество», который встретился нам более 15 раз, тогда как в ПВЛ он употреблен лишь 2 раза, причем в статье 1111 г., читаемой в Ипатьевской летописи.[14] Наконец, характерным для Киевской летописи является частое использование формул «радость великая», «любовь великая», «честь великая». Например: «...и приде къ строеви своему Дюргеви в Киевъ, и тако обуястася с великою любовью и с великою честью, и тако пребыша у весельи» (стр. 330). С другой стороны, сложившаяся в ПВЛ схема изображения битвы (см. выше, стр. 278) в Киевской летописи оказывается разрушенной. Так, значительно реже употребляются термины «брань» и «сѣча», не применяется обычная для ПВЛ кон-

---

[13] Там же, стр. 195—487.

[14] В ПВЛ имеется так же формула «множьство много», употребленная 2 раза (стр. 87, 114).

цовка описания битвы: «одолел» победитель, побежденный «бежал». Вот примеры описаний битв в Киевской летописи.

1149: «Яко солнцю въсходящю, ступишася, и бысть сѣча зла межи ими, и первое побѣгоша поршане, и потомъ Изяславъ Давыдовичь, и по сихъ кияне» (стр. 267). 1170: «И взяша вежѣ ихъ (половцев) на Углѣ рѣцѣ ... а самѣхъ постигоша в Чернего лѣса, и ту притиснувше к лѣсу избиша ѣ̀, а ины руками изоимаша» (стр. 369).

Наблюдения над языком летописей XI—XII вв. убеждают, что древнерусские авторы не являлись рабами литературного этикета, не злоупотребляли применением традиционных формул: стремление к документальности, историзму не допускало широкого использования готовых схем, изображения различных событий одинаковыми композиционными и стилистическими приемами. Однако это не исключало периодического применения отдельных традиционных формул на протяжении нескольких веков. Убедительные примеры этого представлены в упоминавшейся выше работе А. С. Орлова о форме воинских повестей. Приведем несколько своих наблюдений.

Традиционная формула «сѣча зла» встретилась нам в ПВЛ, в ее части, восходящей к Начальному своду, 5 раз; в Киевской летописи нами обнаружено 3 случая употребления этой формулы; но это не означало, что она постепенно выходит из обихода: мы встретим ее и в Повести о разорении Батыем Рязани,[15] и в Житии Александра Невского,[16] в Повести о побоище на Дону.[17] Традиционная формула «битися крѣпко» встречается в Повести о взятии Царьграда Нестора-Искандера; [18] там же встретим мы формулу «не успѣти ничтоже»,[19] широко употребляемую еще в Киевской летописи.

*

Вопрос об источниках ПВЛ давно уже стал предметом научного рассмотрения. Установлено большинство письменных памятников, цитируемых летописью. Но не меньший интерес представляет изучение традиционных формул, имеющих книжное происхождение. Несколько примеров.

Тавтологический оборот «страх и трепет» нередко употреблялся в Библии (Бытие, IX, 2; Исход, XV, 16; Второзаконие, II, 25 и др.). Мы встретим его и в ПВЛ. В статье 1103 г. летописец сообщает: «И богъ великый вложи ужасть велику в половцѣ, и страх нападе на ня и трепеть от лица русскых вой, и дрѣмаху сами, и конем ихъ не бѣ спѣха в ногах» (стр. 184). Это не единичное, случайное употребление данной традиционной формулы, мы обнаружим ее в ряде других оригинальных русских текстов: «И пришедъши (убийцы князя Андрея Боголюбского) нощи ... и идущимъ имъ к ложници его, и прия ѣ̀ страхъ и трепетъ и бѣжаша сь сѣний, шедше в медушю и пиша вино»; [20] «Послаша же рязанстии князи къ великому князю Юрью Владимирскому, да поидеть съ ними противу безбожных агарянъ. Онъ же самъ не поиде, и силы не посла, занеже страхъ нападе на всѣхъ и трепетъ, являя божий гневъ»; [21] «...и на-

[15] Повесть о разорении Батыем Рязани в 1237 г. — В кн.: Воинские повести древней Руси. Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1949 (серия «Литературные памятники»), стр. 11.

[16] В. Мансикка. Житие Александра Невского. — ПДПИ, т. CLXXX. М., 1913, стр. 56, 62.

[17] См.: Повести о Куликовской битве. Изд. АН СССР, М., 1959 (серия «Литературные памятники»), стр. 35.

[18] Арх. Леонид. Повесть о Царьграде Нестора-Искандера XV века. — ПДП, вып. LXIV. СПб., 1886, стр. 20, 28.

[19] Там же, стр. 11.

[20] Летопись по Ипатскому списку, стр. 398.

[21] В. Мансикка. Житие Александра Невского, стр. 56.

паде на нихъ (жителей Царьграда) страхъ и трепетъ»;[22] ср. также в Житии Феодосия,[23] в Новгородской пятой летописи.[24]

Традиционная формула, «не успѣти ничтоже», встретившаяся в ПВЛ в типично летописном контексте: «Томь же лѣтѣ ходи Вячеславъ на Дунай с Фомой Ратиборичемъ и, пришедъ къ Дьрьсту, и не въспѣвше ничто же, воротишася» (стр. 201), — также восходит, вероятно, к Библии (ср. Псалтирь, LXXXVIII, 23).

К Библии восходят и традиционные формулы «возопити великымъ гласомъ», «съ радостью великою» и ряд других.

Иногда образное отражение действительности, лаконично выраженное традиционной формулой, могло под пером летописца превратиться в развернутое описание. Так, в ПВЛ мы читаем о Святополке, бегущем от преследующего его Ярослава: «И бѣжащю ему, нападе на нь бѣсъ, и раслабѣша кости его, не можаше сѣдѣти, и несяхуть и на носилѣхъ ... Онъ же глаголаше: „Побѣгнѣте со мною, женуть по насъ“. Отроци же его всылаху противу: „Еда кто женеть по насъ?“. И не бѣ никого же вслѣдъ гонящаго, и бѣжаху с нимъ. Он же в немощи лежа, въсхопивъся глаголаше: „Осе женуть, побѣгнѣте“. Не можаше терпѣти на единомь мѣстѣ, и пробѣжа Лядьскую землю, гонимъ божьимъ гнѣвомъ» (стр. 98). Можно предположить, что этот эпизод — бегство князя-преступника, убийцы Бориса и Глеба, одержимого манией преследования — основан не только на историческом факте, — в Библии не раз повествуется о паническом бегстве грешников, причем нередко в сходных оборотах: «.. и побѣгнете никому же гонящу васъ» (Левит, XXVI, 17); «падут никим же гонимі» (там же, XXXVI). О традиционных формулах, использовавшихся при описаниях бегства «гонимых божьим гневом» вражеских войск, писал и А. С. Орлов.[25]

*

В заключение покажем один из возможных путей отражения традиционных формул в словаре на примере составляемого нами словаря «Повести временных лет».[26] Так, словарная статья на слово «сѣча» имеет следующий вид:

СѢЧА (12)[27]
— битва, сражение.

971: И излѣзоша болгаре на **сѣчю** противу Святославу, и бысть **сѣча** велика, и одалаху (*А*: одоляху)[28] болъгаре. *50. 1019*: Бѣ же пятокъ тогда, въсходящю солнцю, и сступишася обои, бысть **сѣча** зла, яка же не была в Руси, и за руки емлюче сѣцяхуся, и сступашася трижды, яко по удольямь крови тещи. *98. 1024:* И бысть **сѣча** силна, яко посвѣтяше молонья, блещашеться оружье, и бѣ гроза велика и **сѣча** силна и страшна. *100.* — 50, 85, 96, 102, 112, 133 (2).[29]

---

[22] Арх. Леонид. Повесть о Царьграде Нестора-Искандера XV века, стр. 25.
[23] Житие преподобного отца нашего Феодосия. — ЧОИДР. М., 1879, кн. 1, л. 15.
[24] Новгородская пятая летопись. — ПСРЛ, т. IV, ч. 2, вып. 1, изд. 2-е. Пгр., 1917, стр. 286.
[25] А. С. Орлов. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.), стр. 26.
[26] Подробному описанию словаря посвящена наша статья «О типе словаря к литературному памятнику», опубликованная в «Вестнике ЛГУ» (№ 14, Серия истории, языка и литературы, вып. 3. Л., 1961).
[27] Указание на количество употреблений слова в ПВЛ.
[28] Так приводятся варианты из других списков (*А* — Московско-академический список).
[29] На этих страницах слово встретилось в том же значении.

сѣча велика: 50 (2).

сѣча зла: 96, 98, 102, 112, 133. (Ср. «брань зла»).

сѣча силна: 100 (2).

Итак, традиционные формулы, содержащие слово, рассматриваемое в статье, особо выделяются. При этом указывается их местонахождение в тексте. Кроме того, в пределах словарной статьи даются ссылки на сходные формулы, употребляемые в ПВЛ («сѣча зла» — «брань зла»). К статье придается комментарий, содержащий указания на наличие данных традиционных формул в других древнерусских памятниках, на возможные источники этих формул:

Сѣча велика (велия): Ип — 488; Пов. Цр. — 9, 20, 21, 28. Сѣча зла: ЛЛ — 340, 360, 398 и т. д.[30]

Изучение традиционных формул даст возможность проникнуть в мало исследованный еще мир эстетических вкусов и стилистических тенденций древнерусских книжников, поможет установить пути развития древнерусского литературного языка.

---

[30] Расшифровка сокращений: Ип — Летопись по Ипатьевскому списку, Пов. Цр. — Повесть о взятии Царяграда турками, ЛЛ — Лаврентьевская летопись (ПСРЛ, т. I, вып. 2, изд. 2-е, Л., 1927).

Ю. К. БЕГУНОВ

К истории открытия рукописи «Слова о погибели Рускыя земли»

Первые известия о «Слове о погибели Рускыя земли» появились в 1891—1892 гг.[1] Открытие рукописи и первое издание «Слова» обычно связывают с именем приват-доцента Петербургского университета Х. М. Лопарева.[2] Однако еще в 1878 г. этот памятник был известен псковскому археологу К. Г. Евлентьеву. Об этом свидетельствует запись рукой К. Г. Евлентьева на обороте верхней крышки переплета сборника, содержащего «Слово о погибели Рускыя земли». Эта приписка содержит характеристику состава сборника и датируется 24 мая 1878 г. Мы приводим текст этой приписки полностью: «NB Род Пролога. Начинается историею о Данииле пророке (с пробелами для рисунков) — без начала. Это 1-е слово. Всех слов 22 — сент., октябрь, ноябрь и декабрь, март, апрель, май. Последнее, 22-е, слово — О погибели Руския земли, о смерти великого князя Ярослава (и Житие Александра Невского) — только начало и конец, средины нет, вырваны листы. Весьма жаль — замечательное слово. Рукопись XVI века. Г. Псков, 24 майя 1878 года».[3]

Несмотря на то, что текст этой переписки был дважды издан (Х. М. Лопаревым и Н. И. Серебрянским),[4] заслуга К. Г. Евлентьева как первооткрывателя «Слова о погибели» не была отмечена в научной литературе, а обстоятельства, при которых он нашел рукопись, оставались невыясненными. В подробном обзоре литературы, посвященной «Слову о погибели», Н. К. Гудзий пишет о том, что «еще задолго до издания „Слова“, в 1878 году, на него обращено было внимание хранителем рукописного собрания псковского Печерского монастыря».[5] К. Г. Евлентьев никогда не был хранителем рукописей Псково-Печерского монастыря, хотя и принимал деятельное участие в изучении монастырской библиотеки. Обсто-

---

[1] Новое время. СПб., от 18 XI 1891; Протоколы комитета общих собраний императорского Общества любителей древней письменности за 1891—92 гг. — ПДП, т. LXXXIX. СПб., 1892, стр. 10.

[2] Х. М. Лопарев. «Слово о погибели Рускыя земли». Вновь найденный памятник литературы XIII века. — ПДП, т. LXXXIV. СПб., 1892. См. рец.: А. П. Лященко. — Киевская старина, 1892, № 6, стр. 476—477; [Н. М. Тупиков]. — Библиограф. СПб., 1892, год VIII, стр. 128—129.

[3] Рукопись Псковского областного государственного исторического архива, ф. 449, № 60.

[4] Х. М. Лопарев. «Слово о погибели Рускыя земли»..., стр. 8—9; Н. И. Серебрянский. Заметки и тексты из псковских памятников. «Слово о погибели Русския земли» и «Слово о начале Русския земли». (Два памятника, сохранившиеся в псковских списках XV в.). — Труды Псковского церковного историко-археологического комитета. Псковская старина, т. I. Псков, 1910, стр. 176.

[5] Н. К. Гудзий. О «Слове о погибели Рускыя земли». — ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 542, прим. 1.

ятельства, при которых им была обнаружена рукопись, представляют некоторый интерес.

До сих пор жизнь и труды К. Г. Евлентьева не были освещены достаточно полно, хотя, на наш взгляд, они заслуживают более внимательного к ним отношения.

Константин Григорьевич Евлентьев[6] родился в г. Оренбурге в 1824 г. Выдержав испытание на звание учителя русского языка в Казанском университете, К. Г. Евлентьев преподавал в уездных училищах Ставрополя, Казани, Мамадыша, Петербурга, Олонца, Острова. С 1872 по 1880 г. он был членом-секретарем Археологической комиссии при Губернском статистическом комитете г. Пскова. Наряду с археологами И. И. Василевым, А. С. Князевым К. Г. Евлентьев был одним из организаторов Археологического музея и Археологического общества, открывшегося в Пскове в 1880 г. С 1864 по 1882 г. К. Г. Евлентьев поместил в «Псковских губернских ведомостях» свыше 60 научных статей, заметок, сообщений, издал свыше 30 памятников и документов XVII—XVIII вв. Работы К. Г. Евлентьева свидетельствуют о многосторонности его научных интересов.[7] Московское археологическое общество отметило его заслуги перед наукой избранием в члены общества.

«Слово о погибели» было обнаружено пытливым ученым в обстановке оживленного изучения псковских древностей в 70-е годы XIX в.[8]

В начале 1878 г. К. Г. Евлентьев писал в «Псковских губернских ведомостях»: «Древний Псков лежит в развалинах. Еще псковский дворянин, поэт Александр Пушкин сказал о нем:

С поникнутой главой стоит печальный Псков,
Лишенный честных благ народного правленья,
Сей град являет нам вид страшный разрушенья.

Среди такой крайне грустной картины отрадно видеть, что в современном псковском обществе начинает мало-помалу пробуждаться и развиваться любовь к историческим и археологическим изысканиям и занятиям, на что указывает между прочим открытие здесь Археологической комиссии, при которой устроен ученый архив и музей древностей. Неизмеримо велики те опустошения в священной области местной старины, которые понаделали и даже, может быть, сию минуту делают в ней равнодушие и невежество. Но будем надеяться, что недалеко то время, когда

---

[6] О К. Г. Евлентьеве см. также: В. С. Иконников. Опыт российской историографии, т. I, кн. 2. Киев, 1908, стр. 1035; Императорское Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864—1914), т. II. М., 1915, стр. 116—117.

[7] См., например: Археологическая записка о Поганкиных. Псков, 1870; Книги псковитина, торгового человека Сергея Иванова, сына Поганкиных. Памятник псковской старинной литературы конца XVII века. Псков, 1870; Акты Любятова монастыря. — Псковские губернские ведомости, 1871, №№ 18, 19, 21, 24—29, 31, 34, 35; Памятник псковской старинной письменности «Домашняя книга» псковитина, посадского торгового человека Н. И. Ямского. — Псковские губернские ведомости, 1873, №№ 23—29, 31, 33, 35, 38, 40 и отд. изд.: Псков, 1873; Об археологической экспедиции для исследования псковских подземелий. — Псковские губернские ведомости, 1873, №№ 25, 26, 28, 30, 32, 34 и отд. изд.: Псков, 1873, а также в кн.: Труды Псковского археологического общества за 1910—1911 гг., вып. 7. Псков, 1911, стр. 55—69; Записка о Псковской археологической комиссии, ее действиях и занятиях. — Псковские губернские ведомости, 1877, №№ 8, 10—15, 20, 22—24, 40, 42, 43.

[8] Н. И. Серебрянский. 1) К вопросу об изучении псковских древностей во второй половине XIX века. (Памяти И. И. Василева). — Псковские губернские ведомости, 1902, №№ 19, 20 и отд. изд.: Псков, 1902; 2) Открытие Псковского церковного археологического комитета. — В кн.: Труды Псковского церковного историко-археологического комитета. Псковская старина, т. I. Псков, 1910, стр. 1—6; Псковское археологическое общество. — ЖМНП. СПб., 1883, № 10, стр. 63—72.

псковские древности получат право гражданства и будут дороги для всех, в ком бьется русское сердце».[9]

Благодаря деятельности К. Г. Евлентьева было положено начало архиву и библиотеке Археологического музея при Губернском статистическом комитете.[10] Он знакомился с монастырскими и частными коллекциями древностей, неутомимо разыскивал старинные книги и рукописи. В марте—октябре 1878 г. он изучал собрание рукописей Псково-Печерского монастыря. Об этом свидетельствуют записи рукой К. Г. Евлентьева на крышках и полях следующих рукописей: Житие Николая Мирликийского (рукопись научной библиотеки Тартуского государственного университета, № 753 — г. Псков, 14 марта 1878 г.); «Толстовский» сборник (рукопись Псковского областного государственного исторического архива, ф. 449, № 58 — г. Псков, 20 марта 1878 г.); Служебник (рукопись научной библиотеки Тартуского государственного университета, № 754 — г. Псков, 22 мая 1878 г.); Житие и Стоглав Федора Эдесского (рукопись научной библиотеки Тартуского государственного университета, № 759 — г. Псков, 24 мая 1878 г.); Типикон (рукопись научной библиотеки Тартуского государственного университета, № 743 — г. Псков, 18 июля 1878 г.); Служебная минея (рукопись научной библиотеки Тартуского государственного университета, № 693 — г. Псков, 27 октября 1878 г.). Записи К. Г. Евлентьева имеются и на других рукописных книгах Псково-Печерского монастыря.[11]

Сборник со «Словом о погибели» помечен в г. Пскове 24 мая 1878 г. Можно предполагать, что К. Г. Евлентьев просматривал рукопись не в Псково-Печерском монастыре, а в Пскове, куда рукописи могли быть присланы К. Г. Евлентьеву для просморта игуменом Павлом.[12] Наше предположение подтверждается тем, что в 20-х числах мая 1878 г. К. Г. Евлентьев не покидал Пскова. В городской летописи «Губернских ведомостей» помещены его заметки от 13 и 20 мая и от 3 июня о событиях, происшедших в городе, результаты его наблюдений как санитарного попечителя, статистическая таблица о смертности в Псковской губернии, над составлением которой К. Г. Евлентьев работал в конце мая 1878 г. 30 мая К. Г. Евлентьев присутствовал на очередном заседании Губернского статистического комитета. Только 5 июня 1878 г. К. Г. Евлентьев сообщил о своем выезде из Пскова в Изборск для организации раскопок курганов и Славеницкого поля. 10 июля 1878 г. археологи И. И. Василев и К. Г. Евлентьев проводили показательные раскопки в присутствии приехавших из Петербурга великих князей Сергея и Павла Александровичей.[13]

В конце 1879 г. К. Г. Евлентьев тяжело заболел и постепенно отошел от активной деятельности в Псковском археологическом обществе. В 1882 г. он выехал в Петербург, где и умер в том же году.

Заслуги К. Г. Евлентьева перед наукой в области археографии, палеографии и археологии не могут быть забыты. При полном отсутствии ка-

---

[9] Псковские губернские ведомости, 1878, № 3.

[10] См.: А. И. Шляпкин. Описание рукописей и книг Музея Археологической комиссии при Псковском губернском статистическом комитете. — Псковские губернские ведомости, 1879, №№ 26—28, 30—33, 39, 40 и отд. изд.: Псков, 1879.

[11] См.: А. М. Панченко и Ю. К. Бегунов. Описание древнерусских рукописных и старопечатных книг научной библиотеки Тартуского государственного университета. — Ученые записки Тартуского государственного университета. Кафедра русской литературы, т. 3. Тарту, 1960, стр. 299—308.

[12] Игумен Павел принимал участие в организации музея: он упомянут в списке лиц, пожертвовавших для музея памятники старины (Псковские губернские ведомости, 1877, № 20).

[13] См.: Псковские губернские ведомости, 1878, №№ 26, 28.

талога и описания рукописей Псково-Печерского монастыря пометы и приписки К. Г. Евлентьева на полях рукописей и на оборотах крышек переплета сборников помогали ориентироваться в необозримом монастырском книжном фонде. Возможно, что рукописные пометы К. Г. Евлентьева помогли Х. М. Лопареву найти «Слово о погибели Рускыя земли» летом 1891 г.

Почему же К. Г. Евлентьев не опубликовал найденный им памятник?

Можно предполагать, что он считал «Слово» не самостоятельным памятником, а частью Жития Александра Невского, об этом свидетельствует его приписка («Последнее, 22-е, слово — О погибели Руския земли, о смерти великого князя Ярослава (и Житие Александра Невского) — только начало и конец, средины нет»). Вероятно, К. Г. Евлентьев не посчитал нужным издавать Житие Александра Невского во второй раз (в первый раз оно было издано Леонидом в 1882 г.) по дефектному списку, хотя и с любопытным предисловием. Интересно отметить, что позднее Х. М. Лопарев выдвинул свою концепцию существования трилогии («Слова о погибели», «Слова о смерти Ярослава» и Жития Александра Невского), вероятно, находясь под впечатлением и только что прочитанного им памятника и приписки К. Г. Евлентьева.

Я. С. ЛУРЬЕ

Новонайденный рассказ о «стоянии на Угре»

Публикуемый ниже рассказ о походе последнего золотоордынского хана Ахмата в 1480 г. на русские земли и о последовавшем за этим «стоянии на Угре» содержится в составе рукописного сборника ГПБ, Кир.-Бел. 14/139, XVI в., 8.° В составе сборника: Евангелие от Луки толковое, краткий летописец (лл. 330—337 об.), писания отцов церкви (Иоанна Златоуста и др.), «от книги франографа от Адама» (л. 345), «Слово святаго Кирила притча вельми чюдна» (л. 353), «Притча о единорозе вельми чюдна» (л. 355 об.). Судя по ряду записей (лл. 2, 90, 348), переписчиком сборника был некий «Ефимей грешный».

Рассказ об Угре читается в заключительной части сборника (л. 354—354 об.); он является его предпоследней статьей. Лист, на котором помещен рассказ, явно попал при переплетении сборника не на место; в начале л. 354, перед интересующим нас текстом, читается конец известий некоего краткого летописца (первая строка отрезана при переплете): «ле ... 7000 ... Давыд был и дворьцкой. Того же лета Варлама митрополита послал на Каменное...»; текст этот не имеет ничего общего с текстом предыдущего л. 353 об. (конец притчи Кирилла). По всей видимости, однако, перед нами — окончание того самого краткого летописца, который помещен в сборнике выше, на лл. 330—337 об. Известия этого летописца прерываются (л. 337 об.) на 20-х годах XVI в.; речь идет о десятилетнем (1511—1521) пребывании Варлаама на митрополии и о походе татар на Коломну, происходившем в 1521 (7029) г. А в отрывке летописца, помещенном на л. 354, говорится как раз о ссылке Варлаама в Каменный монастырь и поставлении на Вологде каменной церкви в [70]31 (1522/23) г.

Краткий летописец, к которому примыкает публикуемый нами рассказ об Угре, заканчивается, таким образом, началом XVI в. и, очевидно, относится к этому времени. Известия этого летописца, весьма лаконичные (начало: «Володимер крести [6]496...»), не дают возможности связать его с каким-либо из известных нам памятников летописания. Наиболее интересны известия о смерти старшего сына Ивана III Ивана Ивановича, о смерти и похоронах Софии Палеолог, о разделении уделов в 1504 г.[1] и о смерти самого Ивана III: «В лето 6998 (1490) преставися благоверны князь велик Иоан Иванович всея Руси месяца марта 7; тогда князь велик

[1] Это сообщение заслуживает внимания. В известных до сих пор летописных сводах ничего не сообщается о распределении уделов между сыновьями Ивана III до его смерти в 1505 г. В подготовленном нами к печати неизданном кратком летописце XVI в. сообщается о распределении уделов под 7007 (1499) г. (одновременно с пожалованием Василия Ивановича Новгородом и Псковом), а об «отпуске» Юрия и Дмитрия Ивановича на уделы — под 7010 (1502) г. (ГПБ, Погод. 1612, л. 143—143 об.).

Иоан Васильевич, отець его велми плакал, и весь град Московсти, народ (*л. 335 об.*) ... В лето 7009-го преставися великая княгиня Софья римлянына Фомина дчи, великого деспота царя Аморейска, и князь велик Иоан Василь[евич] сам был на похоронех и своими детьми, а хоронил митрополит Симон со владыками Вознесении за правим крилосом (*л. 336*) ... В лето [70]14, семт[ября] 4 женился князь велик Василий Иоанавич, понял дщерь Юрия Сабурова именем Соломаниду, внука князя Василья Ноктева; митрополит Симон венчал их в церкви соборне во Пречистой, и отець его был тут, князь велик Иван Васильевич всея Руси. А сыну князю Юрью дал Дмитров, да Звенигород, да Бренеск, а князю Дмитрею Угличь, а князю Семену Колугу да Бежской Верх, а князю Андрею Ржову да Старицу городок, а денег им велел дати по 10 тысяч. В лето 7014 преставися князь великы Иоан Васильевич самодержьць всея Руси, месяца ок(тября) 26, и положиша его во Архангле у дед его и отець и родители и братия. И бысть по нем велик плач и рыдание на мнозе и вси народ московсти. Царствоваша 40 лет и бысть тишина велика при его царстве (*лл. 336—337*)».

Публикуемый рассказ об Угре помещен, как мы видим, не внутри летописца, под соответствующим годом, а вне его, по окончании всего текста. Может быть предложено два объяснения этого обстоятельства: либо рассказ этот самостоятельного происхождения и был приписан к летописцу случайно, либо он читался в протографе летописца (вероятно, не столь краткого, как дошедший до нас текст) под 6988 (1480) г., но был извлечен из него и помещен в конце ввиду какого-то особого интереса к нему. В пользу этого второго предположения говорит то обстоятельство, что в нынешнем его виде краткий летописец, в сущности, совсем не содержит рассказа о походе Ахмата в 1480 г. Вот как читаются здесь известия этого года: «Того же лета и братья великого князя отступиша, князь Ондрей и князь Борис к Люкам Великим. В (6)9[?]89 князь велик братию пожаловал, велел к собе быти. Тое же осени князь вел(ики) Иоан Иоанович и братья великого князя сташа на Угре (*л. 334 об.*)». Речь идет, как мы видим, о разрыве между Иваном III и его братьями, происшедшем до похода Ахмата (в публикуемом ниже рассказе это событие подразумевается как уже происшедшее: «по братью послал на Луки Великие»), а что́ происходило на Угре и зачем там «сташа» сын и братья Ивана III, не объясняется.

Публикуемый рассказ об Угре едва ли может рассматриваться как современный событиям 1480 г. Вероятнее всего он, как и помещенный вместе с ним краткий летописец, относится к первой половине XVI в. Однако рассказ этот представляет несомненный исторический интерес. Основным источником по истории событий 1480 г. является летописная повесть об Угре, читающаяся в большинстве сводов конца XV—начала XVI в. и направленная против «сребролюбцев богатых и брюхатых», убеждавших Ивана III не воевать с ханом. Уже А. А. Шахматов убедительно показал, что повесть эта, в наиболее полном и последовательном виде сохранившаяся в Типографской летописи, восходит к ростовскому владычнему летописному своду, доведенному до 1484 г., и оттуда попала в Софийскую II—Львовскую и Воскресенскую летописи;[2] полное источниковедческое исследование этого памятника требовало бы еще сопоставления известия Типографской летописи со сходными в своей основе рассказами об Угре в Московском своде (Уваровском списке), Симеоновской летописи

---

[2] А. А. Шахматов. Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, стр. 295—296, 297, прим. 3.

и других сводах конца XV в.[3] Однако большинство историков, занимавшихся «стоянием на Угре» 1480 г., не уделяло достаточного внимания источниковедческому исследованию этой повести: не ставя вопрос о ее литературной истории, исследователи объявляли повесть об Угре во всех ее редакциях «ненадежным и недостоверным источником»[4] и видели в рассказе о колебаниях Ивана III под влиянием «богатых и брюхатых» враждебный вымысел.[5] А между тем о выступлениях противников войны с ханом и о колебаниях Ивана III сообщает и другой источник — Послание на Угру архиепископа Вассиана Рыло: здесь также говорится про «духов же лстивых, шепьчющих во ухо твоей державе еже предати Христово стадо»; Вассиан специально отвергает возможный аргумент своих противников: «Аще ли еще прешися и глаголеши, яко „под клятвою есмь от прародителей, еже не поднимати руки против царя, то како аз могу клятву разорить и спротив царя стати?“».[6]

Как и приведенные выше источники, новонайденный рассказ об Угре

---

[3] Ср.: Я. С. Лурье. Из истории русского летописания конца XV века. — ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955, стр. 169—172. В недавно опубликованной статье о летописных повестях о нашествии Ахмата И. М. Кудрявцев приходит к заключению, что наиболее ранним текстом повести об Угре был рассказ Московского свода конца XV в. (ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949), откуда этот рассказ был заимствован ростовским владычным сводом — Типографской летописью [И. М. Кудрявцев. «Угорщина» в памятниках древнерусской литературы. (Летописные повести о нашествии Ахмата и их литературная история). — В кн.: Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961, стр. 26, 33]; утверждая, что «Ростовская летопись опиралась на Московский свод 1479 г.», И. М. Кудрявцев ссылается на исследование А. А. Шахматова «О так называемой Ростовской летописи» (там же, стр. 26, прим. 11, 12). Но это недоразумение. В исследовании А. А. Шахматова (ЧОИДР. М., 1904, кн. 5) речь идет о так называемой Ростовской летописи — летописной компиляции начала XVI в., действительно очень полно передающей великокняжеский свод 1479 г., но не имеющей ничего общего ни с Ростовом, ни с ростовским владычным сводом, отразившимся в Типографской летописи. Рассказ об Угре в Типографской летописи не мог восходить к великокняжескому своду *1479* г., ибо в этом своде, естественно, не было рассказа о событиях *1480—1481 гг.* Едва ли также великокняжеский свод начала 90-х годов XV в. (ПСРЛ, т. XXV) мог повлиять на ростовский свод, доведенный до 1484 г. и сохранившийся в Типографской летописи.

[4] Ср: К. В. Базилевич. Внешняя политика Русского централизованного государства. М., 1952, стр. 134—147.

[5] Так расценивал летописную повесть об Угре уже А. Е. Пресняков (Иван III на Угре. — Сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову. СПб., 1911, стр. 280—286), не знавший текста Типографской летописи и видевший во всех вариантах повести различные виды компиляции противоречивых источников. И. М. Кудрявцев справедливо указывает, что «нет достаточных оснований» считать, будто эта повесть сложилась в кругах, враждебных Ивану III (И. М. Кудрявцев. «Угорщина» в памятниках древнерусской литературы, стр. 29), но его собственные предположения о литературной истории «Угорщины» в летописании, к сожалению, теряют убедительность, из-за того что автор совершенно не связывает их с историей летописных сводов, где читалась повесть об Угре. Так, слова «бысть же страх тогда на обоих, едини других бояхуся», читающиеся в Типографской, Софийской II, Львовской, а также в Московском своде (Уваровский список) и многих других летописях (в том числе официально-великокняжеских), И. М. Кудрявцев считает «исправлением» текста, внесенным «в результате определенных отношений к Москве со стороны антимосковских группировок» (там же, стр. 32). Но когда же это «исправление» было сделано? Когда и как оно могло попасть и в ростовский свод, доведенный до 1484 г., в Московский великокняжеский свод конца XV в. и в остальные летописи? Заключение рассказа об Угре, читающееся в Типографской, Софийской II, Львовской, Воскресенской и других летописях, И. М. Кудрявцев именует «приписками» к рассказу, относит их ко времени позже 1498 г., считая автором последней приписки дьяка Мисюря Мунехина (там же, стр. 56—60). Каким же образом эти «приписки» 1498—1502 гг. оказались в ростовском владычном своде, доведенном до 1484 г. (Типографская летопись), и в своде 1489 г., связанном с митрополитом Геронтием (Софийская II—Львовская летопись)? Пока нет ответов на эти вопросы, построение И. М. Кудрявцева не имеет под собой почвы.

[6] ПСРЛ, IV, ч. 1, вып. 2. Л., 1925, стр. 518, 520. Ср.: ПСРЛ, т. VIII. СПб., 1859, стр. 208, 211.

говорит о нежелании Ивана III вести войну с Ахматом и также связывает это нежелание с «клятвой прародителей» Ивана III ханам; послание Вассиана только давало возможность восстановить этот аргумент на основании полемики против него ростовского архиепископа; публикуемый памятник излагает его в прямой форме, как слова самого Ивана III: «Князь велик рече: Под клятвою есмя прародителей не подымати рук на царя». Конечно, публикуемый памятник не может играть роли основного источника при исследовании «стояния на Угре» — он относительно поздний и явно уступает в ценности рассказу об Угре Типографской и других летописей и посланию Вассиана. Возможно даже, что ссылка Ивана III на «клятву прародителей» в этом рассказе была придумана автором под прямым влиянием послания ростовского архиепископа; в пользу этого говорит следующая далее ссылка на библейскую историю и борьбу Израиля с хананейским царем Адонивезоком (книга Судей, I, 1—7), также читающаяся (и в более развернутом виде) у Вассиана.[7] Но публикуемый рассказ во всяком случае свидетельствует о том, что в литературной традиции первой половины XVI в. (даже не испытавшей влияния повести из ростовского владычного свода)[8] твердо сохранялась память о спорах и колебаниях во время «стояния на Угре» 1480 г. и еще не сложился совершенно фантастический рассказ о дерзкой отваге Ивана III, появившийся впоследствии в «Казанской истории».[9]

Большой интерес представляет публикуемый памятник и с чисто литературной точки зрения. Не отходя от исторической традиции XV в., он, однако, сильно драматизировал события 1480 г., широко пользуясь прямой речью героев и внося в нее некоторые черты из устного народного творчества. Особенно ощущаются эти черты в речи матери Ивана III: «Ино любиш частые дани имати и крестьяньство продаати, и сахар ясти, и сладкыа меды пити и вино, и потешатись (с) своими бояры! Государь князь великы, преж всех мне, матери, секи голову и моим боярыням, и в православное крестьяньство, а не выдай нас на поругание татаром, а себе на укор!».

Все эти особенности, несомненно, дают основание для того, чтобы опубликовать до сих пор неизвестный рассказ об Угре из летописного памятника первой половины XVI в.

ТЕКСТ

В лето [69]88 (*1480*) царю Ахмату бесерменину пришедшу к реце Оке. Князь же великы молился о мире, он же оканны не послуша, хотя разорити крестьяньство. Князь велик рече: «Под клятвою есмя прародителей не подымати рук на царя». И помяну Исраиля землю обетованиа прием, 29 царств, и вселишась ту, и потом согрешиша ко господу, и господь предасть их; и востави богь Июду от рода их, и изби Хананеа и поима царя их Адонивезока, и повеле отсещи рук и нокы ему; Адонивезок глагола: 70 царемь отсекох аз рук и нозе и повеле им по тряпезою моею кормитись.

Тот же окаанны Ахмат посла к велик князю со многыми грозами, глаголя: «Про что ты, княже, меня, царя в Орде, забыл, за многы лета

[7] ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2, стр. 522. Ср.: ПСРЛ, т. VIII, стр. 212.

[8] Отметим, что о колебаниях Ивана III в 1480 г. говорят и Вологодско-Пермская летопись (ПСРЛ, XXVI. М., 1960, стр. 262—266, 273—274), и Устюжский летописный свод (Устюжский летописный свод. М.—Л., 1950, стр. 92—94), хотя никакой связи с рассказом Типографской летописи рассказы об Угре в этих летописях не имеют.

[9] Казанская история. Подготовка текста, вступительная статья и примечания Г. Н. Моисеевой. М.—Л., 1954, стр. 55—57.

выход ко мне от[а] тебе не бывал, князем моим и великым велмож*ам*[б] и татаром подмогы нет, а мене царем не называеш, а ныне емлешь щит, а подымаеш копие? Яз хочю тебя привести под свою саблю, тако же как цари Каз*анские*[в] и от иных царей ведомо тебе, как отцу твоему || [г]... до бога вышняго». И слышав князь велик ту речь, устрашися и отступил к Москве. А сын его князь велик Иван стал крепко противу их ополчася. И пришед к великому князю Ивану Васильевичю митрополит, и мать его Марфа, и архиепископ, и князь Иван Юрьевич, и начаша глаголати от писанья: «Ино любиш частые дани имати и крестьяньство продаати, и сахар ясти, и сладкыа меды пити и вино и потешатись своими бояры. Государь князь великы, преж всех мне, матери, секи голову, и моим боярыням, и в православное крестьяньство, а не выдай нас на поругание татаром, а себе на укор!». И князь велик часа того послал к сыну стояти[д] крепко, а по братью послал на Лукы Великые, аркучи: «Господине милая братья! Пришло ваше время». Они же наборзе приде, и татарии бегу ся яша. И радость велика князу великому и братьи, и мир до времени. И пошли на свои очины, распустиша их.

(ГПБ, Кир.-Бел. 14/139, л. 354—354 об.).

[а] *Окончание обрезано.* [б] *Окончание обрезано.* [в] *Середина слова обрезана.* [г] *Первая строка обрезана.* [д] *Испр.;* в *ркп.* скояти.

Н. Н. РОЗОВ

Соловецкая библиотека и ее основатель игумен Досифей

История средневековых русских библиотек в настоящее время не привлекает внимания специалистов — историков русской книги и библиотечного дела в нашей стране. Специальных исследований на эти темы не появлялось уже очень давно, а в вышедших в последние годы учебниках для библиотечных институтов повторяются одни и те же, давно известные факты, извлеченные из трудов дореволюционных исследователей, из старых публикаций каталогов и описей монастырских библиотек XVII в.[1]

Этот недостаток в самое последнее время стал восполняться работами советских историков и литературоведов, интенсивно изучающих русскую книжность XV—XVI вв. Выявляя и публикуя новые тексты, новые списки памятников русской литературы и публицистики той поры, изучая социальную среду, в которой они создавались и эволюционировали, советские историки и литературоведы закономерно подошли к вопросу, кем, как и зачем переписывались в древнерусские сборники и изборники исследуемые ими произведения. Исследователи подошли, таким образом, вплотную к изучению вопроса о создателях репертуара древнерусской рукописной книжности, заинтересовались организаторами книгописания, писцами и редакторами рукописных книг, обратились к изучению таких важных, хотя и не единственных, центров производства рукописной книги, какими были на Руси, так же как и в зарубежных странах, в средние века монастырские библиотеки.

Еще в 1904 г. акад. Н. К. Никольский, посвятивший изучению репертуара древнерусской рукописной книжности и истории древнерусских библиотек целый ряд ценнейших работ, писал: «Систематическая разработка библиотечного дела должна не только перестроить заново целые отделы истории допетровской литературы, но и отыскать нить к разысканию первоначальных текстов».[2] Можно, конечно, усмотреть в этом утверждении, особенно в его первой части, некоторое преувеличение, что и было отмечено в свое время акад. В. Н. Перетцем,[3] но оно невольно припоминается при чтении статей Н. А. Казаковой и Я. С. Лурье, опубликованных

---

[1] К. И. Абрамов и В. Е. Васильченко. История библиотечного дела в СССР до 1917 г. М., 1959, стр. 13—23. В новейшем учебнике по истории книги, изобилующем по части истории письменности и палеографии грубейшими ошибками, о древнерусских библиотеках как центрах производства книги вообще ничего не говорится (И. Е. Баренбаум и Т. Е. Давыдова. История книги. М., 1960).

[2] Н. К. Никольский. Ближайшие задачи изучения древнерусской книжности. — ПДП, т. CXLVII. СПб., 1902, стр. 31.

[3] В. Н. Перетц. Описи монастырских библиотек XVII в. и спорные вопросы истории древнерусской литературы. — Slavia, roč. III, seš. 2, 3. Praha, 1924, стр. 347—348.

в XVII т. ТОДРЛ.[4] Оставляя на совести авторов некоторые слишком далеко идущие выводы и модернизированные формулировки, следует отметить тонкость их палеографических наблюдений, что дало возможность, особенно Я. С. Лурье, дать четкую и убеждающую картину создания исследуемых им рукописных сборников, включающих самые разнообразные по содержанию и происхождению произведения.[5]

Исследования Н. А. Казаковой и Я. С. Лурье написаны на материалах именно Кирилло-Белозерской библиотеки не случайно: «Библиотека кирилловских старцев была связана более (чем другие библиотеки того времени, — *Н. Р.*) прочными нитями с общественной литературой XV и XVI столетий, так как в эти века около монастыря сосредоточились нестяжатели, полемизировавшие с иосифлянами по религиозно-общественным вопросам», — писал Н. К. Никольский в цитированной уже статье.[6] Остается лишь пожелать, чтобы современные исследователи продолжили изучение истории Кирилло-Белозерской библиотеки и ее создателей вглубь, вплоть до основателя монастыря и его библиотеки — самого Кирилла. Личность и общественно-политические взгляды последнего, несомненно отразившиеся в дальнейшей жизни монастыря и в развитии основанного им на русском севере книгописания, до сих пор остаются неясными.[7]

Предлагаемая статья имеет своей целью обратить внимание исследователей на происхождение и историю другой древнерусской монастырской библиотеки — библиотеки Соловецкого монастыря, рукописные книги которой в числе 1482 томов хранятся в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Она не привлекает в настоящее время достаточного внимания исследователей, хотя в прошлом содержащиеся в ней списки памятников древнерусской историографии, литературы и публицистики много раз привлекались для изданий и исследований.[8]

Начало книгописания в русских монастырях обычно приписывалось их основателям, что чаще всего так и было: книги для своих монастырей писали Антоний и Феодосий Киевские, Сергий Радонежский, Кирилл Белозерский и др. Об основателях же Соловецкого монастыря таких сведений не имеется. Более того: об одном из двух первых обитателей далеких Соловецких островов — старце Германе биограф говорит, что он, «не умея книжного писания», житие своего «спостника» Савватия «повеле клириком своим писати». Однако это «писание ... просто бе написано: якоже сказаше им Герман простою речию, тако они и писаша, не украшающе речи», почему после смерти Германа в монастыре «не радиша о писании том». Биограф, или по-старинному «списатель жития», Савватия далее пишет, что, живя в одной келье с Германом, «написание Германово о житии Савватия видех и держах у себе, и не един год, прочитав со многим вни-

---

[4] Н. А. Казакова. Книгописная деятельность и общественно-политические взгляды Гурия Тушина. — ТОДРЛ, т. XVII. М.—Л., 1961, стр. 169—170; Я. С. Лурье. Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV в. — ТОДРЛ, т. XVII. М.—Л., 1961, стр. 130—168.

[5] Как убедительно показал Я. С. Лурье, Ефросин является составителем четырех сборников, хранящихся ныне в Кирилло-Белозерской библиотеке. Им собственноручно переписано значительное количество составляющих эти сборники статей; остальные статьи были им отредактированы.

[6] Н. К. Никольский. Ближайшие задачи изучения древнерусской книжности, стр. 14. По мнению современных исследователей, нестяжатели появились лишь в XVI в.

[7] Интересно отметить, что некоторые статьи сборников, составленных Ефросином, попадаются уже в книгах, принадлежавших Кириллу.

[8] По спискам Соловецкой библиотеки были впервые изданы сочинения Вассиана Патрикеева, Иосифа Волоцкого, Максима Грека, князя Курбского и многих других писателей-публицистов XVI в.

манием». Это был преемник Германа по игуменству старец Досифей — книголюб и организатор книгописания, основатель Соловецкой библиотеки.

По монастырским делам Досифей должен был отправиться в Новгород к своему епархиальному архиерею, знаменитому своей книжной и литературно-полемической деятельностью архиепископу Геннадию — постриженику и ученику Савватия, когда последний до Соловков жил на Валааме. Заинтересовавшись рассказами Досифея о Савватии и Зосиме, Геннадий поручил ему написать их житие здесь же, в Новгороде, где архиепископ удержал соловецкого игумена, по словам последнего, «не мало лет».[9]

Это были годы интенсивной книжной деятельности группы богословов-полемистов, переводчиков, редакторов и книгописцев, объединившихся вокруг архиепископа Геннадия. Результатом деятельности этого кружка, был, как известно, первый русский полный свод библейских книг, а также целый ряд церковно-полемических памятников, привлекающих в последнее время пристальное внимание исследователей истории древнерусской общественной мысли. Деятельность геннадиевского кружка подготовила условия для работы преемника Геннадия, новгородского архиепископа, впоследствии митрополита Московского Макария — одного из основоположников русского книгопечатания.[10] Здесь, в Новгороде, Досифей организовал переписку книг для своего монастыря, книг, являющихся первоначальным ядром Соловецкой библиотеки.

Сохранилось два списка этих книг, относящихся к 1493 и 1494 гг., кроме того, Досифей, как настоящий библиофил, метил свои книги особым знаком, который является, пожалуй, первым в истории русским экслибрисом.[11] Все это дает возможность без особого труда выявить среди рукопис-

---

[9] Цитаты из Жития Зосимы и Савватия приводятся по рукописи Соловецкой библиотеки № 175 — одной из самых замечательных по своему художественному оформлению соловецких рукописных книг, происхождение которой заслуживает особого внимания историков русской книги XVII в. Как явствует из пространного послесловия, книга была создана в 1622 г. в Троице-Сергиевом монастыре иждивением его келаря старца Александра Булатникова, постриженика Соловецкого монастыря. Делали эту книгу царские мастера, специально вызванные в монастырь и привезшие с собой «книгу знаменную» из царской казны — оригинал созданной ими для Соловецкого монастыря книги. Это хранящаяся в настоящее время в ГИМе лицевая рукопись Жития Зосимы и Савватия (Вахрам. 71), относящаяся к той же художественной традиции, что и знаменитое лицевое Житие Сергия Радонежского (ныне в ГБЛ). Текст Жития Зосимы и Савватия отличается в рукописи Сол. 175 полнотой и исправностью. История написания Жития Зосимы и Савватия изображена на воспроизводимых здесь иллюстрациях соловецкой рукописи, отличающихся обилием реалий и бытовых деталей. На первой из этих миниатюр нарисован Досифей, плывущий в лодке в Новгород; последний изображен в виде группы монументальных построек, каменных стен и башни; над всем этим высится пятиглавый Софийский собор. Внутри зданий нарисован Досифей, рассказывающий Геннадию о соловецких чудотворцах и пишущий их Житие. На другой миниатюре изображены постройки Ферапонтова монастыря, окруженные деревянной стеной; среди них — одноглавая каменная церковь; это знаменитый фресками Дионисия Рождественский собор. Внутри монастыря изображен заключенный в нем опальный митрополит Спиридон-Савва, пишущий со слов Досифея житие соловецких чудотворцев, и отдельно Досифей — крупным планом, со свитком жития в руке. (Спиридону-Савве принадлежит окончательная редакция Жития Зосимы и Савватия; об этом см.: Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях владимирских. М.—Л., 1955, стр. 79—90).

[10] А. С. Орлов. К вопросу о начале печатания в Москве. — В кн.: Иван Федоров-первопечатник. М.—Л., 1935, стр. 9—12.

[11] Книжный знак Досифея представляет собой круглую, почти замкнутую своими концами букву «С», внутри которой вязью продолжаются слова «. . .вященоинока Досифея»; перед этим знаком в большинстве случаев написано слово «имрк» (имярек).

ных книг Соловецкой библиотеки книги, принадлежавшие Досифею, что и было в свое время сделано А. И. Лиловым.[12]

Перечни книг, переписанных для Досифея в Новгороде, находятся в приписках к двум из них. Эти приписки следует привести целиком, так как они сохранили особенности стиля и языка книгописцев геннадиевского кружка, а также особенности библиотечной терминологии того времени.[13]

Список 1493 г.

Написана бысть книга сия Правила святых апостол и святых отець при благовернем и христолюбивем князи велицем Ивани Васильевичи всея Руси при митрополите Зосиме и при архиепископе нашем владыце Генадии Новгородстем и при наместнике великого князя Якова Захарьича.

Списажеся сия книга повелениемь многогрешнаго и недостойнаго и худаго в иноцех

Да послал есмь книгу сию, глаголемую Кръмчий душам, в дом святому Спасу на Соловкы.

А преж того летом послал есмь праздники на налой

да книгу Маргарит,
да книгу Селивестр,
да Пчелу,
да Федора Студита,
да Козму прозвитера
да Ивана ексарха,
да Ивана Дамаскина,
да Палею,
да Василия Кесарийскаго,
да Дионисия Арепаита,
да Анастасия,
да Пророчьства,

Список 1494 г.

Написана бысть книга сиа, рекомаа Устав око церковное, при благовернем и христолюбивем князи велицем Ивани Васильевичи всеа Руси и при митрополите Зосиме и при архиепископе нашем владыце Генадии Новгородстем и при наместникех великого князя Якова Захарьичя и Петра Михайловичя.[14] Списажеся сиа книга повелением многогрешнаго и недостойнаго и худаго в иноцех имрк.

А послал есмь в дом святаго храма благолепнаго Преображениа господа бога спаса нашего Исус Христа и Пречистыя божиа матере и честнаго ея Усплениа и святого чюдотворца Николы три книги, глаголемыи:
устав око церковьное,
да Менею четюю сентябрьскую,
да книгу Иоана Златоустаго.

А преж того летом послал есмь книгу Правила святых апостол и святых отець,
да Пророчества,
да Маргарит,
да Селивестр,
да Пчелу,

---

[12] А. И. Лилов. Библиотека Соловецкого монастыря. — Православный собеседник. Казань, 1859, ч. 1, стр. 33—34 (перечислено 19 книг). Несмотря на категорическое заявление автора, что, «кроме исчисленных ... в Соловецкой библиотеке, нет более книг, обозначенных именем Досифея», там есть еще три книги с его экслибрисом: Житие Иоанна Златоуста (№ 199), Псалтырь (№ 864/754) и Кормчая (№ 968/858). В «Описании рукописей Соловецкого монастыря» (ч. 2, Казань, 1885, стр. 368, 379—380) к книгам Досифея отнесены еще части двух Четьих миней (№№ 519/500 и 522/503), хотя на них и нет его экслибриса. Однако отнесение их к рукописям Досифея вызывает сомнение, так как филиграни многих из этих листов датируются серединой XVI в.

[13] Приписки публикуются с соблюдением некоторых особенностей их орфографии, но с раскрытием титлов, разбивкой на слова и красные строки; перечни книг для удобства сравнения даны столбиками. Первая приписка была опубликована в статье «Послание константинопольского патриарха к русскому иноку о иноческой жизни» (Православный собеседник. Казань, 1860, ч. 1, стр. 449—450), вторая — в «Описании рукописей Соловецкого монастыря» (ч. 3, Казань, 1898, стр. 180—181). Приписки содержатся в рукописях: Сол. 968/858 и Сол. 1237/1128. Они сделаны разными почерками: первая — почерком одного из писцов этой книги, вторая — почерком, отличным от письма книги.

[14] Названный в обеих приписках наместник великого князя Яков Захарьевич Кошкин-Захарьев неоднократно упоминается в летописях; в 1488 г. на него покушались новгородцы, за что были им и великим князем в Москве «посечены и перевешаны» (ПСРЛ, т. VI. СПб., 1853, стр. 238). Имя другого наместника — Петра Михайловича в летописях не упоминается.

да Кирил Ерусалимьский,
да Шестодневець Васильев,
да Трьжественик постный четьим,
да Апакалипси Ивана Дамаскина,
да плащеницю на престол.
Вы же, преподобнии отци, иже от младых ногтий въдавшися богу, и того благодатию укрепляеми, и от него благый нравь имуще, егда коегождо человека християнина видевше съгрешивша, не осуждайте его, ни скаредуйте, ни отскочите от него, нъ покрывающе и заступающе его.
Сице молю вы именемь господа нашего Исус Христа и благодетию духа его, поможите ми молитвами вашими, егда в кыих местех не исправил буду книг всех прежреченых скудостию разума или от многых утешняемь мира сего печалми.
Обаче, видевше преступление мое, не наложите на мене клятвы, ниже словите зло господа ради, но исправающе чтите книги сея. Молю вы господие, о мне грешнемь и рабе вашем сътворите молитву и вашихь ради святыхь молитвь покажет мя свободна от грех и родства огнена и вечнаго избуду осуждения и радостию явлюся судии всех. Молю вы, молю вы, молите о мне грешнемь сеяж ради вещи, да сподобить и вас господь царствию своему, егоже буди всем нам получити сие благодатию и человеколюбиемь господа нашего Исус Христа, емуже подобаеть всяка слава, честь и покланяние, и дръжава с безначалным его отцемь и всесвятым, благым и животворящим ти духом и ныне и присно и в векы веком. Аминь.
Лето ж тогда течаше 7001-е индиктион 10.
Давшему же богу начяти сия и съврьшити благоизволшему слава, честь и поклоняние и бесконечныя векы. Аминь.

да Феодора Студита,
да Козму презвитера,
да Иоана ексарха,
да Ивана Дамаскина,
да Палею,
да Василиа Кесарийскаго,
да Деонисья Ареопагита,
да Анастасиа,
да Кирил Ерусалимьский.[15]
да Шестодневець Васильев,
да Торжественник посный четьей,
да Апокалипсис Иоана богослова,
да плащаницу на престол, да праздики на налой.
Лето же тогда течяше 7002-е индиктион 12.
Давшему же богу начяти сиа и съверьшити благоизволшему слава честь и покланяние в бесконечныа векы. Аминь.
Вы же преподобний отци, иже от младых ногтий вдавшися богу, и того благатью укрепляеми, и от него благый нраз имуще, за любовь духовную поспешьствуйте ми в святых своих молитвах о мне к богу, да избавлюся от злых, гнездящихся в души моей, страстей, и да служба моя приатна будет с святыми. Аминь.[16]
Тогож лета дал есми писати книгу
Афанасиа Ерусалимьскаго,
да Андрея Уродиваго,
да Менею октябрьскую четьюю,
да Менею новых чудотворцом кануны, да и жития събрано.

Приведенные приписки во многом сходны, но и во многом различны между собой. Сходны они некоторыми общими формулировками, расположенными, однако, различно. Различаются они по объему и по стилю: первая приписка многословная, витиеватая, вторая короче, проще. Разностильность этих приписок не дает оснований отнести их к одному лицу; однако если фразу первой приписки «егда в кыих местех не исправил буду книг всех прежреченных» относить не только к данной книге, но и ко всем перечисленным в этой приписке, то можно предположить, что ее сочинил Досифей. Сделать же это можно, лишь считая, что Досифей сам тщательно проверил правильность написания всех заказанных им книг, что маловероятно. Стиль же и фразеология первой приписки традиционны: так всегда извинялись перед читателями за свои ошибки писцы, а не заказчики книг. Быть может, Досифей сочинил первую, бо́льшую часть приписки, до перечня заказанных им книг включительно, а конец ее дописал писец от своего имени.

Последнее предположение подтверждается второй припиской, в которой отсутствует почти целиком все то, что в первой приписке следует отнести к сочинительству книгописца, но зато добавлено то, что мог сочи-

[15] Далее зачеркнуто «да Кормъчий душам» — другое название упомянутой уже книги («Правила святых апостол и святых отец»).
[16] Написано тайнописью: «Арип».

нить лишь сам Досифей. Во второй приписке прежде всего уточняется адресовка написанных книг: здесь перечислены все три существовавшие тогда на Соловках церкви, или придела (наименование местности и населенных пунктов по находившимся в них храмам было традиционным).[17] Досифей вычеркнул вписанную в перечень второй раз книгу (вычеркивание сделано теми же чернилами, которыми нарисован в тексте его экслибрис), а главное, перечислил не только написанные в 1493 и 1494 гг. книги, но и вновь им заказанные. Все это дает основание считать вторую приписку полным перечнем книг первоначального состава Соловецкой библиотеки, составленным ее основателем.

Характернейшей особенностью этого перечня является полное отсутствие в нем богослужебных книг: за исключением двух церковно-уставных сборников, это все книги внебогослужебного соборного и главным образом келейного круга чтения. И здесь следует возразить Н. К. Никольскому, считавшему богослужебные книги «первой ступенью» каждой древнерусской монастырской библиотеки.[18]

Богослужебные книги, которые в Соловецком монастыре в необходимом количестве имелись ранее, до Досифея (в Соловецкой библиотеке имеется несколько древних книг, приписываемых Савватию, Герману и другим основателям монастыря и его скитов), по характеру их использования и хранения нельзя считать в полном смысле слова книгами библиотечными. Эти книги хранились первоначально по церквам, в ризницах для ежедневного их употребления при богослужении, чем и ограничивалось их использование. Хранение богослужебных книг по церквам зафиксировано инвентарными описями монастырей XVI—XVII вв., так же как и существование специальной «книжной казны», находившейся обычно в «книгохранительных полатках» под присмотром ответственного лица — «книгохранителя», выдававшего их для чтения «братии по келиям» (до нас дошли такие описи имущества и библиотек Антониева-Сийского, Николо-Коряжемского и других северных монастырей и больше всего Кирилло-Белозерского). Наличие богослужебных книг в монастырских библиотеках — явление позднее: когда пожертвования богослужебных книг начинали превышать потребность в них, то эти книги передавались в «книжную казну» или библиотеку, где они начинали играть роль современного резервного и обменного книжного фонда. Сюда же передавались из церквей на хранение ветхие, вышедшие из употребления книги, а когда рукописные книги было запрещено употреблять при богослужении, они все были переданы в монастырские древлехранилища и библиотеки.

Самая ранняя из Досифеевых книг — Маргарит, помеченный 1491 г. (Сол. 510/491);[19] по почерку, филиграням и переплету[20] к Маргариту

---

[17] Эти же церкви или приделы перечислены в грамоте Ивана III Соловецкому монастырю 1479 г. (см.: Архим. Досифей. Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря, ч. 1. М., 1836, стр. 62—63).

[18] Н. К. Никольский. Ближайшие задачи изучения древнерусской книжности, стр. 6.

[19] Во владельческой записи на этой книге можно усмотреть зарождение книжного знака Досифея. На внутренней стороне верхней крышки переплета его рукой написано полууставом: «Написана бысть кнега сия в лето 6999 повелением имрк священо Дософея» (последние два слова — в круге, образованном большой буквой «С»). На остальных досифеевских книгах первое слово экслибриса дописано до конца («священоинока») и знак этот стоит либо в тексте приписки, согласуясь с ним в падеже (чаще всего в контексте со словом «повелением»), либо отдельно, как знак, обозначающий принадлежность книги данному лицу, — книга «священноинока Досифея».

[20] См. эти филиграни: Лихачев, Вод. зн., №№ 1169—1172; переплеты по орнаменту тиснения совершенно тождественны и отличаются только «жуками».

ближе всего церковно-полемический сборник, названный в перечне, согласно библиотечной практике того времени, по имени автора первого сочинения «Козма пресвитер» (Сол. 966/856). Кроме этого известного сочинения против богумилов, в сборнике содержатся многие антикатолические произведения, такие, как «Повесть полезна на латину когда отлучишася от грек», «Исповедание вкратце, како и коего же ради дела отлучишася от нас латина», Послание константинопольского патриарха Михаила «о ересях латинских» и другие церковно-полемические сочинения, направленные главным образом против «опресночного служения». Здесь же перечень книг «истинных и ложных» и несколько житий, среди последних — Житие Варлаама Хутынского. На обороте 4-го листа киноварью написано: «Книгу сию взял на список владыкы — Беседа на новоявившуюся ересь, а писана на харатии и есть ей за пятьсот лет».

Приписка эта весьма многозначительна: она свидетельствует не только о том, с какой тщательностью выбирались оригиналы для заказанных Досифеем книг (выбирались наиболее древние, пергаменные рукописи), но и о близости соловецкого игумена к интересам геннадиевского кружка, охваченного в то время борьбой с «новоявившейся» в Новгороде ересью.[21] Близость эта подтверждается и тем, что в досифеевских перечнях названы некоторые из упоминаемых в известном послании Геннадия к ростовскому архиепископу Иоасафу книги: «Селивестр», «Козма пресвитер», «Дионисий Ареопагит» и Пророчества.[22] Именно эти, необходимые, по мнению Геннадия, для борьбы с жидовствующими книги разыскивал в старейших русских монастырях новгородский архиепископ. Ими решил в первую очередь снабдить свой монастырь и Досифей, хотя никаких следов «шатаний» среди малочисленной еще тогда братии отдаленного Соловецкого монастыря до сих пор не обнаружено. Не говорит ли это о том, насколько сам Досифей был увлечен антиеретической деятельностью геннадиевского кружка?

Что касается другой отмеченной особенности Досифеевых книг — древности их текстов, то она прослеживается во многих случаях. Архаизмы языка и стиля обнаруживаются и в Шестодневе Иоанна-экзарха, и в книге Кирилла Александрийского, и в книге Пророчеств, состав которой тот же, что и в знаменитом древнейшем списке Упыря Лихого, а в тексте попадаются даже глаголические буквы.

Старейший текст, текст так называемой «до-Фотиевской» редакции Номоканона, содержит кормчая, не упомянутая в Досифеевых перечнях, но отмеченная его экслибрисом (Сол. 1165/1056).[23] Среди дополнительных русских статей в этой кормчей имеются «Правила» новгородского архиепископа Ильи и киевского митрополита Иоанна, известное «Вопрошание Кириково», Деяние Владимирского собора 1274 г. В другой кормчей, в той самой, где помещен первый из опубликованных выше перечень Досифеевых книг (Сол. 968/858), к этим статьям прибавлены послания митрополита Киприана к Сергию Радонежскому и другим русским игуменам, церковные уставы князей Владимира, Ярослава, Всеволода и, наконец,

---

[21] Годы, к которым относятся древнейшие из Досифеевых книг (1491—1492 гг.), были периодом торжества Геннадия над своими противниками, преданными им гражданской казни.

[22] Послание Геннадия опубликовано в кн.: Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XV в. М.—Л., 1955, стр. 315—320.

[23] Известный историк церковного права А. С. Павлов установил, что эта кормчая является копией с кормчей XIII в. из Синодального собрания № 227 (ГИМ), с добавлением некоторых статей также древнего происхождения (А. С. Павлов. Первоначальный славяно-русский номоканон. Казань, 1869, стр. 29, 51—54).

Русская Правда. Здесь же «Вопрошание хотящему внити в священнический чин» и ставленная грамота архиепископа Геннадия, а в конце — его предисловие к Пасхалии (старейший из всех известных списков этого произведения). Все это отражает широту репертуара книг, бывших в обиходе при дворе новгородского архиепископа, и близость к последнему соловецкого игумена.

В приписках и записях Досифеевых книг встречаются имена и следы деятельности некоторых членов геннадиевского кружка. Так, например, на Шестодневе Севериана Гавальского имеется приписка: «А писана книга сия с Герасимова Шестодневника»; речь идет, несомненно, об архидиаконе Герасиме Поповке — правой руке Геннадия в организации книгописания, старшем брате и воспитателе известного впоследствии дипломата и переводчика Дмитрия Герасимова. В Толковом апокалипсисе, параллельно славянскому, вписан латинский текст; не автограф ли это Дмитрия Герасимова или другого известного деятеля геннадиевского кружка — доминиканца Вениамина?

В приписках к книгам, заказанным Досифеем в Новгороде, встречаются, наконец, и имена их писцов: диакона Феодора — он написал криптограммой свое имя на книгах «Пророчества» и «Дионисий Ареопагит»[24] — и «застенского игумена» Алексея Смолы, который для переписанного им Жития Андрея-юродивого, по его словам, «имал список с Лисьей горки».[25]

Приведенные примеры, содержащие известия о новгородских книжниках и рукописях конца XV в., дополняют новыми деталями, новыми именами сведения об организации книгописания при дворе новгородского архиепископа. К книжникам геннадиевского кружка следует причислить и Досифея, выступающего в приписках заказанных им книг не только как организатор, но и как участник книгописания. Досифеевой рукой дополнены и отредактированы послесловия и написаны вкладные на некоторых из заказанных им книг; иногда это сделано криптограммой (приписки в книге Пророчеств, вкладные на Шестодневе и Толковом апокалипсисе), иногда в текст послесловия вписан его экслибрис (в приведенных выше послесловиях — перечнях книг). В одной книге, в патристическом сборнике, названном «Торжественник постный», экслибрис Досифея вписан в центр заставки византийского стиля, выполненной красками и золотом (на этой книге имеется запись о ее продаже в 1622 г. в соседний с Соловецким монастырем Анзерский скит, среди книг которого, под № 62, она сейчас и хранится в ГПБ). При взгляде на все эти аккуратно вписанные в послесловия и заставки, нарисованные на полях книги или на месте заставок книжные знаки Досифея соловецкий игумен представляется принимающим самое непосредственное участие в изготовлении этих книг, сидящим иногда рядом с писцами заказанных им книг (некоторые из экслибрисов Досифея подкрашены теми же красками, что и заставки книг). Досифеем, несомненно, выбраны и все те произведения, которые включены в заказанные им книги. И здесь следует отметить значительную широту взглядов основателя Соловецкой библиотеки на репертуар рукописной книжности своего времени. Досифей заботился о снабжении своей братии не только переводной патристической, церковно-полемической и

---

[24] На первом листе этой книги другим почерком помечено: «А писана книга сия с островского Дионисия Ареопагита», т. е. оригинал этой книги был взят, вероятно, из города Острова.

[25] Застенский, или Застенный, Георгиевский монастырь был в Старой Ладоге; на «Лисичьей горке», в 7 верстах от Новгорода, находился Лисицкий монастырь (П. М. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей российския церкви. СПб., 1877, стр. 98, 279).

канонической литературой, но и памятниками оригинальной русской литературы.

В этом отношении особенно показательна последняя из упомянутых в перечне 1494 г. книга, озаглавленная «Минея новым чудотворцам — кануны да и жития собраны» (Сол. 537/518).[26] В первой части этой книги, соответственно ее названию в Досифеевом перечне, собраны службы, а во второй — жития русских святых, и в числе их новгородских и московских деятелей, живших сравнительно незадолго до составления этого сборника (Евфимия Новгородского, Сергия Радонежского, Петра, Алексия и Ионы Московских). Здесь же такие выдающиеся памятники агиографии Киевской Руси, как произведения Иакова-черноризца и летописца Нестора о князе Владимире, о Борисе и Глебе, знаменитое «Слово о законе и благодати» — древнейший список 3-й редакции этого произведения, генетически связанной с Новгородом,[27] и еще один знаменитый памятник новгородской литературы — Сказание о знамении от иконы Богородицы. Досифеевская «Минея новым чудотворцам» по своему составу является своеобразной энциклопедией русской агиографической и гимнологической литературы конца XV в.

Нам остается упомянуть еще о четырех книгах, не названных в перечнях Досифея, но обозначенных его экслибрисом и написанных на бумаге с водяными знаками, близкими по времени, а иногда и тождественными с филигранями перечисленных досифеевских книг. Две из них — четьи («Златая цепь» — Сол. 258 и список «исторических» библейских книг — Сол. 75), две — богослужебные: «Псалтырь» с восследованием (Сол. 864/754) и Служебник (Сол. 1133/1029). Последние, особенно Служебник, по своей графике и оформлению заметно отличаются от остальных, четьих книг: они написаны крупным полууставом, заголовки сделаны вязью, инициалы разрисованы (в Служебнике некоторые из них написаны золотом), а в начале, вместо заставки, нарисован экслибрис Досифея. Несколько необычно оформлена и «Златая цепь»: она имеет титульный лист, на котором вязью написано пространное заглавие этой книги. Что касается текстов двух четьих книг, то в сборнике ветхозаветных книг текст тот же, что и в Геннадиевской Библии, а среди статей «Златой цепи» есть такие, которые могут привлечь внимание исследователей духовной публицистики конца XV в.: «Яко не подобает озлобити како человека или еретика»; «Яко молитися за нечестивыя и еретики же и еллины и за вся грешники и не возносити себе се творящи»; «Яко не подобает учителю любити имения»; «Слово о нестяжании».

Знакомство с содержанием книг, заказанных Досифеем в Новгороде, лишний раз дает основание причислить соловецкого игумена к членам геннадиевского кружка. Он был не только организатором книгописания, но и в какой-то мере его непосредственным участником, ему были близки

[26] Эта книга не помечена экслибрисом Досифея, но по филиграням и почеркам близка к остальным его книгам, а на обороте последнего листа отмечено: «Написана бысть книга сия в лето 7000-е 2-е». Экслибрис мог быть утрачен при реставрации этой рукописи, следы которой особенно явственны на первых листах, где чаще всего и рисовал свой знак Досифей. На внутренней стороне верхней крышки переплета есть позднейшая скорописная запись, поврежденная при реставрациях рукописи, но воспроизведенная в «Описании рукописей Соловецкого монастыря» (ч. 2, стр. 358): «Минея новым чудотворцом монастырская старая, написана на Вологде в соборниках». Если легко понять первую часть этой записи (когда она делалась, эта книга была уже «старой»), то не совсем понятна ее вторая часть: в какие «соборники на Вологде» была «написана» эта книга? Быть может, ее статьи были переписаны в Вологде в какой-то сборник и переписчик сделал при этом помету в своем оригинале?

[27] Подробнее об этом см.: Н. Н. Розов. Рукописная традиция «Слова о законе и благодати». — ТОДРЛ, т. XVII. М.—Л., 1961, стр. 48.

интересы геннадиевского кружка, его интересовали не только задачи борьбы с ересью, но, как показывают последние из названных статей, и проблема монастырского землевладения. Более тщательное изучение состава Досифеевых книг, особенно сборников, специалистами — историками русской общественной мысли даст ответ на вопрос о его общественно-политических взглядах.

Нам же остается отметить значение Досифея как основателя библиотеки Соловецкого монастыря: он дал этой библиотеке определенное направление, наметил ее профиль. Монастырская библиотека должна была, по мнению Досифея, полностью удовлетворить литературные интересы своих читателей в пределах, допускаемых уставами. Проведя «не мало лет» в Новгороде и, возможно, лишившись даже из-за долгого отсутствия игуменства,[28] Досифей хорошо использовал предоставившиеся ему возможности для создания небольшой, но чрезвычайно разносторонней по составу библиотеки. В книжной сокровищнице новгородского Софийского собора — второй по времени своего возникновения из русских библиотек (после библиотеки киевской Софии, основанной Ярославом Мудрым), он нашел древнейшие и лучшие списки нужных ему произведений. Среди окружавших Геннадия книжников он нашел хороших помощников в деле отбора необходимой ему литературы, нашел и хороших писцов. Все это дало возможность положить твердое основание для одной из самых знаменитых русских монастырских библиотек.

Дальнейшее комплектование Соловецкой библиотеки шло обычными для того времени путями: вклады,[29] покупка, переписка книг в самом монастыре, — обо всем этом свидетельствуют записи в книгах. В монастыре была «книжная палата» — скрипторий, снабжавший книгами не только свою библиотеку, но и изготовлявший книги для продажи. На некоторых книгах попадаются записи вроде следующей: «Живет в книжной палате, а пишут с нее жития в денежную казну на продажу» (Сол. 965/1074).[30] Писали, по досифеевской традиции, «с древних добрых переводов» (приписка на рукописи Сол. 843/735, написанной, по словам писца, «тростию»).

Многие книги поступали в Соловецкую библиотеку как выморочное имущество: среди монастырской братии было много настоящих книголюбов, собравших для себя небольшие личные библиотечки. Некоторые из этих книголюбов, подражая Досифею, метили свои книги экслибрисами: на книгах Соловецкой библиотеки находятся рукописные экслибрисы игумена Иакова, старцев Сергия и Макария; это круги, в которых вязью или просто написано имя владельца. Поэтому трудно согласиться с автором цитированной выше статьи о Соловецкой библиотеке, утверждавшим, что Досифей «был единственное лицо в истории Соловецкой библиотеки, служившее делу собирания книг, как одной из задач своей жизни».[31]

Что касается использования книг библиотеки Соловецкого монастыря, то уже в конце XVI в., когда монастырская братия умножилась, там широко практиковались такие современные виды обслуживания читателей,

---

[28] Биографические сведения о Досифее чрезвычайно скудны и почти все основаны на приписках к его книгам, да и на Житии Зосимы и Савватия. В списке иерархов и настоятелей монастырей П. М. Строева Досифей под 1503 г. обозначен как «бывший».

[29] Среди вкладчиков книг в Соловецкий монастырь встречаются имена Ивана Грозного, князя Дм. Пожарского, Авраамия Палицына, патриарха Никона и многих других, преимущественно духовных лиц — постриженников этого монастыря или доживавших там свой век, часто опальных.

[30] Этой книги в настоящее время в ГПБ нет; запись воспроизводится по публикации в статье А. И. Лилова «Библиотека Соловецкого монастыря» (стр. 211).

[31] А. И. Лилов. Библиотека Соловецкого монастыря, стр. 34.

как книгообмен, абонемент — коллективный и индивидуальный, как библиотечные филиалы на местах.

Так, например, многие книги имеют пометы вроде следующих: «Казенный каноник — выдан на подержку» (Сол. 375/355); «А писал сию книгу сам Никанор своею рукою, а выменял из казны на печатную Лествицу» (Сол. 311/291); «Книга Ефрем Сирин и десть писменный монастырский. Живет в больнице» (Сол. 170); «Сия книга дается на прочтение в братскую больницу» (Сол. 926/816); «Живет в поварне» и т. п. В XVI и XVII вв. книга вообще была широко распространена среди обитателей далеких Соловецких островов: среди владельческих записей — а они есть почти на каждой книге — попадаются имена не только игуменов, монастырских старцев и других представителей монашеской «верхушки», но и рядовых монахов — клирошан, келейников, послушников и даже монастырских крестьян и ремесленников (сторожа «Ивашки Иларионова сына Веревкина», «Петра, Павлова сына кожевника», Никифора кузнеца и др.).

Таково было, в самых кратких чертах, состояние Соловецкой библиотеки через сто лет после ее основания. Так развилась в далеком Соловецком монастыре традиция книгописания, основанная учеником новгородской книгописной школы, членом геннадиевского кружка — игуменом Досифеем. Широта репертуара книг этой монастырской библиотеки — свойство, приданное ей основателем, — а также интенсивность комплектования, значительный размах и тщательность книгописания обусловили сохранение на Соловках многих древнейших списков памятников древнерусской письменности.

А. А. ЗИМИН

Когда Курбский написал «Историю о великом князе Московском»?

Вопрос о времени написания А. М. Курбским «Истории о великом князе Московском» ставился в литературе. Уже Н. Г. Устрялов обратил внимание, что «последние жертвы, о коих упоминается Курбским, были Воротынский, Морозов, Феодорит. Они погибли в 1577 и 1578 году». Поэтому сочинение Курбского «содержит в себе историю жизни Иоанна IV от самого детства его до 1578 года».[1]

Очень интересны были соображения И. Н. Жданова, не вызвавшие, к сожалению, сочувственного отклика в литературе. Он отметил, что Устрялов допустил грубую хронологическую ошибку: Воротынский и Морозов погибли в 1573, а не в 1577—1578 гг. «История о великом князе Московском», по мнению Жданова, написана Курбским вскоре после 1573 г. и находилась в связи «с толками о выборе Ивана в короли польские».[2]

Наибольшее распространение по интересующему нас вопросу получила точка зрения А. Н. Ясинского. Ясинский правильно заметил, что во время написания «Истории» Петр Васильевич Морозов был жив,[3] а так как умер он в 1580 г., то это произведение не могло появиться позднее этого года. В «Истории» Курбский ссылается на свое предисловие к Новому Маргариту.[4] В этом последнем произведении автор жалуется, что его лукавые соседи хотят его самого убить, а имущество отнять. А так как в 1575 г.[5] Андреем Вишневецким совершен «наезд» на Ковельскую землю Курбского, то и предисловие к Новому Маргариту (а следовательно, и «История») не могло, по мнению Ясинского, появиться ранее этого времени. Если бы, к тому же, «История» была написана после потери Иваном IV Полоцка (1579 г.), то об этом бы князь Андрей не преминул упомянуть в своей «Истории». Все это дает основание Ясинскому датировать «Историю о великом князе Московском» примерно 1576—1578 гг.[6]

Некоторые коррективы к построению Ясинского попытался сделать Л. М. Сухотин. Он обратил внимание, что в мортирологе Курбского как

---

[1] Н. Г. Устрялов. Сказания князя Курбского, изд. 3-е. СПб., 1868, стр. XXXIII.

[2] Сочинения И. Н. Жданова, т. 1. СПб., 1904, стр. 158.

[3] «Ныне, последи, слышах о Петре Морозове, аки жив есть» (РИБ, т. XXXI. СПб., 1914, стлб. 303).

[4] «Вкратце вспомянул о сем в предисловии от нас написанном на книгу словес Златоустовых, глаголемую Новый Моргарит» (РИБ, т. XXXI, стлб. 275).

[5] Жизнь князя Курбского в Литве и на Волыни, т. I. Киев, 1849, стр. 54—71.

[6] А. Н. Ясинский. Сочинения князя Курбского как исторический материал. Киев, 1889, стр. 105—107.

будто отсутствуют лица, казненные осенью 1575 г.[7] Поэтому он поставил вопрос, «не писал ли Курбский „Историю“ несколько раньше, чем определяет Ясинский, может быть в 1575 году».[8] Но, с другой стороны, тот же Сухотин полагал, что Курбский мог и учесть казни 1575 г.; Грозный, говорит Курбский, казнил около десяти Колычевых (в их число мог быть включен В. Умного-Колычев); далее, он говорит, что казнены были Василий и другие братья Бутурлины, но Дмитрий и Иван как раз казнены в 1575 г. Поэтому «осторожнее будет не отвергать датировки Ясинского».[9] Но у Андрея Бутурлина было шесть сыновей, и, говоря о «братьях» Бутурлиных, Курбский мог иметь в виду Афанасия (похороненного у Троицы в 1571 г.), Михаила, а также других родичей Василия Андреевича.[10] Таким образом, доводы Л. М. Сухотина не могут быть признаны убедительными.

М. Н. Тихомиров считает, что «Курбский поставил себе задачу описать жизнь Грозного от его рождения до времени написания „Истории“, т. е. до 1578 г.». Он верно отмечает, что перед нами «не чисто историческое сочинение, а памфлет, направленный против Грозного и написанный по заказу польско-литовских панов». Он высказывает предположение, что «Сказание о взятии Казани» в составе «Истории» «написано в виде особой повести, когда (вскоре после бегства короля Генриха Валуа в 1574 г. из Польши обратно во Францию) шла речь о кандидатуре Грозного на польский престол».[11]

Для того чтобы разобраться в сложном вопросе о датировке «Истории о великом князя Московском», обратимся к тексту его предисловия «на книгу . . . Новый Маргарит». Здесь, действительно, Курбский пишет, что его соседи, когда он ушел с королевский службы, «хотящи ми выдрати данное ми имене з ласки королевские на препитание . . . Уже и слуги моего и брата превозлюбленнаго и вернаго [12] кровь пролияша и внезапу сии жизни сея разлучиша».[13]

10 июня 1572 г. Курбский жаловал слугу Михаила Калемета имением Секунь и Шушки, ранее принадлежавшим его брату Калемету Ивановичу, который был убит и «кровию своею запечатлел свое усердие ко мне».[14] Итак, предисловие к Новому Маргариту написано вскоре после июня 1572 г.[15] Прикинув время на составление «Истории» (около года), мы получим как раз весну—лето 1573 г.[16]

Эту же датировку можно установить на основании Синодика убитых в опричнину, который поместил в свой труд Курбский. Обычно автор сообщает о казнях бояр и княжат, не придерживаясь хронологической последовательности. Но вот записи о М. Воротынском и Н. Одоевском по-

---

[7] Л. М. Сухотин. К пересмотру вопроса об опричнине, вып. II—VI. Белград, 1935, стр. 58.

[8] Л. М. Сухотин. Еще к вопросу об опричнине. Белград, 1936, стр. 14.

[9] Там же, стр. 15.

[10] См. о них: С. Б. Веселовский. Синодик опальных царя Ивана. — Проблемы источниковедения, т. III. М.—Л., 1940, стр. 268—269.

[11] М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в., т. I. М., 1940.

[12] На полях Курбским приписано: «именем Иоанна Калымета наречением».

[13] Жизнь князя Курбского в Литве и на Волыни, т. II. Киев, 1849, стр. 312.

[14] Там же, т. I, стр. 37.

[15] Когда Курбский писал предисловие, замысел «Истории» у него уже созревал. Говоря о казнях, совершенных Иваном IV, он пишет: «. . .и инших же злых, еже слышах и видех, на целую книгу не исписал бых» (Жизнь князя Курбского в Литве и на Волыни, т. II, стр. 307).

[16] Курбский упоминает о пожаре Москвы 1571 г. (Жизнь князя Курбского в Литве и на Волыни, т. II, стр. 306).

мещены в конце раздела о казнях представителей княжеских родов, а запись о М. Морозове находится в конце раздела о боярах.[17] Все эти три крупных деятеля сложили свои головы летом 1573 г.[18] Вероятно, когда до Курбского дошла весть об этих казнях, он вставил эти сведения в конец соответствующих разделов, потому что они были уже написаны, т. е. к лету 1573 г. «История о великом князе Московском» в основном была закончена. Это тем более вероятно, что сведения о казнях, происшедших позднее 1573 г., у Курбского отсутствуют.[19]

Одно сведение Курбского заслуживает специального анализа. Сообщив о казни П. М. Щенятева, он прибавляет: «тако же и единоколенных братию его Петра, Иоанна, княжат нарочитых, погубил».[20] Речь идет о троюродных братьях Щенятева — боярах П. А. и И. А. Куракиных. Последний был насильственно пострижен в монахи в феврале 1565 г.[21] П. А. Куракин прожил довольно долго и казнен был только около 1575 г.[22] Курбский не имеет в виду, конечно, казни П. А. Куракина, ибо он не знает о гибели одновременно с ним окольничих Н. В. Борисова-Бороздина, Д. А. Бутурлина, В. И. Умного-Колычева, Б. Д. Тулупова и др., Он говорит о том, что царь его «погубил» вместе с его братом князем Иваном (а не казнил). П. А. Куракин был отправлен в почетную ссылку с другими родичами в Казань уже весной—летом 1565 г.[23] До Курбского, очевидно, дошли слухи об исчезновении с арены кипучей московской политической жизни князя Петра, что и было им расценено как «погубление» П. А. Куракина.

Обстановка в Речи Посполитой, когда писалась «История», была тревожной. Летом 1572 г. умер король Сигизмунд Август. Конвокационный сейм постановил произвести элекцию (выборы) нового короля 5 апреля 1573 г. Среди претендентов на королевский престол упорно назывались Иван Грозный и его сын Федор. Русская кандидатура приобрела особенную популярность среди литовско-белорусской православной и польской католической шляхты. В сентябре 1572 г. литовские паны разные сообщили в Москву о предстоящей посылке туда Михаила Гарабурда для переговоров об избрании на польский престол царевича Федора.[24] В конце 1572 г. в Речи Посполитой приобрел широкое хождение анонимный памфлет «Ко всему шляхетству Польского королевства», пропагандировавший идею унии России с Польшей.[25] Это, конечно, беспокоило Андрея Курб-

---

[17] РИБ, т. XXXI, стлб. 286, 309.

[18] В апреле 1573 г. они были еще на береговой службе (Синбирский сборник. М., 1845, стр. 39; ЧОИДР. М., 1863, кн. 1, стр. 38).

[19] Нет, например, известия о гибели В. И. Умного-Колычева, погибшего в 1575 г., хотя рассказ о казнях Колычевых довольно обстоятельный. Курбский сообщает о казни Крика Тыртова (РИБ, т. XXXI, стлб. 302). Тыртов встречается в последний раз в разряде конца 1572 г. (Синбирский сборник, стр. 38). Казнен он был до марта 1573 г., когда его бывшее поместье передается другому владельцу (Д. Я. Самоквасов. Архивный материал. М., 1905, стр. 72). Но Тыртов у Курбского помещен не в конце, а в середине раздела о казненных дворянах. Следовательно, когда он узнал о гибели (а это могло быть весной 1573 г.), «История» не была еще написана.

[20] РИБ, т. XXXI, стлб. 283.

[21] ПСРЛ, т. XIII, ч. 2. СПб., 1906, стр. 395—396.

[22] С. М. Соловьева. История России, кн. II. Изд. «Общественная польза», СПб., б. г., стлб. 180. Дата Пискаревского летописца (1572/73 г.), как и многие другие его хронологические указания, ошибочна (О. А. Яковлева. Пискаревский летописец. — В кн.: Материалы по истории СССР, т. II. М., 1956, стр. 81).

[23] П. Н. Милюков. Древнейшая разрядная книга. М., 1901, стр. 555.

[24] Акты Западной России, т. III. СПб., 1848, № 56.

[25] Подробнее см.: Л. А. Дербов. К вопросу о кандидатуре Ивана IV на польский престол (1572—1576). — Ученые записки Саратовского университета, т. XXXIX. Саратов, 1954, стр. 192, 194.

ского, понимавшего, что если Иван IV получит польскую корону, то ему не миновать царского гнева. 16 марта 1573 г. Курбского избирают депутатом от Волыни на элекционный сейм.[26]

В такой обстановке князь Андрей и решил написать свой обличительный трактат о злодеяниях московского великокняжеского «издавна кровопийственного рода», о тирании Ивана IV, как бы предостерегая излишне доверчивых шляхтичей от радужных надежд, с которыми связывалось у них представление о грозном царе-московите. Свое произведение Курбский излагал в виде ответа на расспросы об Иване Грозном.[27]

Впрочем, непосредственного отклика в Польше на «Историю» нам не известно. В мае 1573 г. на заседании сейма королем избирается Генрих Валуа. Русская кандидатура, не обсуждавшаяся на этом сейме (русские представители на сейм не приехали), вскоре после бегства Генриха во Францию снова стала предметом жарких споров и всевозможных политических расчетов. Видимо, «История» князя Андрея не имела успеха, и навязчиво тенденциозный рассказ автора мог вызвать к себе только недоверие.

---

[26] Жизнь князя Курбского в Литве и на Волыни, т. I, № XV.

[27] «Много крат ото многих светлых мужей вопрошаем бых с великим стужанием: „Откуды сия приключишася, так прежде доброму и нарочитому царю, многажды за отечество и о здравии своем не радящу?“» (РИБ, т. XXXI, стлб. 161).

А. В. ПОЗДНЕЕВ

Стихи «прибыльные» в списке XVI в.

В описании рукописей А. С. Уварова под № 905 значится нотный сборник в переплете, датированный первой половиной XVI в., в 4°, на 338 лл.,[1] основной частью которого является Ирмолой. В его состав, судя по описанию, входят (на лл. 284 и сл.) стихи «прибыльные»; гл. 7— Аще бы ведала душе суету мира сего; гл. 6 — Безумне окаянне человече; гл. 5 — Окаянный убогий человече. Плакася Адам перед раем седя. Единодышуще и на едино взирающе страстьтерпци мучаници. Вижь своя пребеззаконная дела, о душа моя.

В основе рукописного фонда Уварова лежало рукописное собрание И. Н. Царского, в котором этот Ирмолой числился под шифром 593. Однако в описании его славянских и русских рукописей, сделанном П. Строевым, если и имелись под № 593 «Стихирари и проч. под крюками, почерк мелкий XVI в. в 4-ку, 338 лл.»,[2] то на л. 284 и сл. никаких особых произведений не было выделено. Вслед за перечнем статей в описании были помещены приписки XVI в. на лл. 36, 133 об. и 286 об.

Вопрос о датировке этого сборника решается водяными знаками бумаги, известными нам по их описанию, сделанному Брике:[3] они относятся к 1551 и 1531—1566 гг. Указанные филиграни позволяют датировать сборник серединой XVI в., может быть, несколько более ранним временем. Этой датировке не противоречат и почерк (вязь) заглавия и расцветка заставок, возможно указывающая на новгородское происхождение сборника.[4] Такая датировка согласуется с именами русских святых, упоминаемых в сборнике, в состав которых не вошли святые, канонизированные на церковных соборах второй половины 1540-х годов. Таким образом, этот сборник относится ко времени не позже середины XVI в., точнее — к концу первой его половины.

Помещенные на лл. 284—286 «прибыльные» стихи — это духовно-моралистические песни (на крюках), не входившие в круг церковных песнопений и распевавшиеся, наверное, вне церкви. Наименование таких песен стихами «прибыльными» нам уже известно: изучая стихи «покаянные», В. И. Малышев отмечал,[5] что так названа часть покаянных стихов в сборниках: а) Центрального государственного архива Карельской АССР, середины XVII в.; б) старообрядческого мужского монастыря с. Белая Криница в Северной Буковине, второй половины XVII в.; в) бывшего Сино-

---

[1] Архим. Леонид. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания гр. А. С. Уварова, ч. II. М., 1893, стр. 199—200.

[2] П. Строев. Рукописи славянские и российские, принадлежащие И. Н. Царскому. М., 1848, стр. 647—648.

[3] Брике, №№ 1893 (вариант), 1915 (причем первый осложненного вида).

[4] По определению М. В. Щепкиной.

[5] В. И. Малышев. Стихотворная параллель к «Повести о Горе и Злочастии». — ТОДРЛ, т. V. М.—Л., 1947, стр. 142.

дального училища 99 (ГИМ).[6] В. И. Малышев предполагал, что выделение «прибыльных» стихов сделано составителем сборника, который не решился поставить рядом с церковными песнопениями стихи, сложенные им лично. Исследователь считал стихи «прибыльные» наиболее интересными. Ранее В. И. Малышева В. Н. Перетц, публикуя текст умиленного стиха, названного им «Стих о царстве Московском», предполагал, что он мог быть сочинен во время Ивана Грозного. Стих этот и некоторые другие он нашел в рукописях XVII в.

Наличие группы «прибыльных» стихов в Ирмолое, датируемом концом первой половины XVI в., приводит нас к важным выводам:

1. Наименование части духовных песен «прибыльными» стихами, оказывается, применялось не только в XVII в., но и в первой половине XVI в. Естественно поставить вопрос, а не могло ли это название быть старым наименованием произведений этого жанра?

2. Помещение «прибыльных» песен (стихов) в Ирмолое — нотном крюковом сборнике — среди церковных песнопений (на лл. 1—283, 287—338) показывает, что поиски новых «прибыльных» стихов — образцов древнерусской лирики — нужно производить в нотных церковных, богослужебных книгах. Вместе с тем встает вопрос о возможности их нахождения в старообрядческих нотных крюковых сборниках.

3. Нахождение 6 «прибыльных» стихов в Ирмолое Увар. 905/694/593 первой половины XVI в., частично нам известных в рукописных сборниках XVII в., дает основание относить создание этих песен к первой половине XVI в.

Таким образом, существование в течение всего XVI в. древнерусской лирики в форме умиленных и покаянных стихов оказывается уже не гипотезой, а фактом литературы.

Термин «прибыльный», прилагаемый к умиленным и покаянным песням, пока остается необъяснимым. По «Словарю» И. И. Срезневского, «прибыльный» имеет два значения: «выгодный» и «лишний». Нам кажется, что эти значения не дают возможности их применить к духовным и моралистическим песням.

Найденные в Ирмолое первой половины XVI в. «прибыльные» песни относятся к духовным и моралистическим; среди них нет песен светского содержания, хотя в опубликованных ранее В. Н. Перетцем и В. И. Малышевым по рукописям XVII в. песнях исторического содержания светские встречаются. Таким образом, выяснить, существовали ли светские песни в первой половине XVI в., еще невозможно. Опыт изучения рукописных песенников второй половины XVII в. с силлабическими книжными песнями показывает, что в монастырях сохранялись в большом количестве духовные песни, хотя светские песни исторической тематики возникали одновременно с духовными. Следовательно, светские песни сохранялись хуже, и их дошло до нашего времени много меньше. Поэтому нашей задачей является настойчивое проведение поисков древнерусских светских песен.

---

[6] Из него взял некоторые умиленные стихи В. Н. Перетц (Slavia, roč. XI, seš. 3—4. Praha, 1932, стр. 475, 478); он отнес этот сборник ко времени до 1660 г.

О. А. БЕЛОБРОВА

Сказание «О Кипрьском острове» — неизвестный литературный памятник XVII в.

Сказание «О Кипрьском острове и о подножие креста Христова» до сих пор не привлекало внимания литературоведов и историков. Дошедшее до нашего времени, по-видимому, лишь в одном списке — в рукописном историческом сборнике Погодинского собрания № 1570 XVII в.,[1] оно было, впрочем, известно А. Ф. Бычкову.[2] При публикации многих статей и повестей названного сборника его 29-я статья — «О Кипрьском острове» — все же осталась незамеченной. Между тем это краткое сказание заслуживает специального внимания и опубликования. Оно примечательно как по содержанию, так и по форме. Здесь, например, мы находим одно из ранних в русской литературе XVII в. упоминаний о событиях Кипрской войны 1570 г.: начало сказания (см. рисунок) посвящено частному эпизоду этой войны — защите кипрским населением крепости Киринеи от турок. Неторопливый рассказ, напоминающий устную речь, распадается на несколько частей и ставит трудный вопрос перед исследователем, к какому жанру следует отнести этот любопытный памятник?

*

Чтобы оценить значение этого сказания в русской письменности, необходимо учесть, насколько известна была на Руси жизнь населения острова Кипра.

Летописные известия, например, чрезвычайно скупо сообщают о Кипре. Наиболее пространно освещены в Никоновской летописи военные события 1366 г., в которых фигурирует кипрский князь, египетский «салтан» и византийский император.[3] В других случаях летописи называют представителей кипрского духовенства, например кипрского епископа Дамаскина, подписавшего в числе других священнослужителей восточных православных церквей грамоту на царство Ивана IV (1561).[4] Несколько раз упоминается в русских летописях грек Игнатий, назвавший себя на Руси бывшим архиепископом Кипрским (якобы пострадавшим от турок во время завоевания ими острова) и поставленный патриархом Московским при Лжедмитрии I.[5]

Значительно полнее сведения о Кипре в литературе путешествий русских людей. Самое раннее из них было совершено черниговским игуменом

---

[1] ГПБ, собр. Погодина, № 1570.

[2] А. Ф. Бычков. Описание славянских и русских рукописных сборников имп. Публичной библиотеки, ч. 1. СПб., 1878, стр. 46.

[3] ПСРЛ, т. XI. СПб., 1897, стр. 7—8.

[4] Дополнения к Никоновской летописи. — ПСРЛ, т. XIII, ч. 2. СПб., 1906, стр. 334.

[5] ПСРЛ, т. IX, ч. 1. СПб., 1910, стр. 48, 67, 69—70, 109. В источниках по истории Кипра архиепископ Игнатий неизвестен. По всей вероятности, Игнатий не имел отношения к Кипру.

Даниилом еще в начале XII в., до завоевания острова крестоносцами. В его описании сообщается: «Кипр же остров велик вельми, и множество в нем людей, и обилен же есть всем добрым».[6] Подробно освещены Даниилом вопросы церковной организации (24 епископа, одна митрополия), названы почитавшиеся на острове христианские «святыни» (крест, мощи «святых» Епифания, Варнавы, Зинона, Трифилия, Филигриоса). Особо рассказывается о ладане и темьяне, как они растут («суть бо по горам ту древца мала много ниска, с травою ладна» [7]), когда их собирают.

К началу XV в. относится «Хожение» иеродиакона Троице-Сергиева монастыря Зосимы. На обратном пути из Иерусалима он также посетил остров Кипр. Его описание, отчасти повторяющее сведения Даниила, отмечено подробностями, соответствующими времени владычества на острове французской династии Лузиньянов: «...град великии столныи Левкусия, тут седит рига фряжскии, сииречь князь, обладает всем островом тем»; «...во всех же церквах греческих (в некоторых списках «фряжских», — *О. Б.*) со арганы поют на велики празники».[8] Зосима сообщает, что «пребых в сем острове во граде Левкусии полтора месяца».[9] Он приводит перечень городов Кипра: Левкусия, Киринея, Сирурии, Лемощь, Епафа, Китея. К числу «святынь» острова он относит крест, св. Маманта и Лазаря.

Совсем краткие сведения о Кипре приведены московским купцом Трифоном Коробейниковым, путешествие которого относится к концу XVI в.: «От острова Родоса широким Белым морем итти до острова Кипра, день ходу, где родится масличное дерево, и где делают масло, здесь пристанище большим кораблям, отсюда ходят к Иерусалиму двумя дорогами, один путь Белым морем, а другой сухим путем на Дамаск город».[10]

К XVII в. относятся многочисленные списки иностранных городов с указанием их расстояния от Москвы. Обычно в них сообщается: «Кипрский остров в Белом море под владением турков отстоит от Москвы 3300».[11]

Наиболее фундаментальное описание острова Кипра, его городов и селений, монастырей и храмов оставил русский путешественник более позднего времени (первой половины XVIII в.) — В. Г. Барский.[12]

Сведения русских путешественников об острове Кипре, восходящие к давним временам, почти не учтены в иностранной историографии.[13]

Особую область русских источников об острове Кипре составляют документы Посольского приказа XVI—XVII вв. и литературные произведения того же времени, созданные в посольских кругах. К числу первых относится, в частности, статейный список путешествия русского посла

---

[6] И. П. Сахаров. Путешествия русских людей в чужие земли, ч. 1, изд. 2-е. СПб., 1837, стр. 25—26.

[7] Там же. Ср. также: ГПБ, Q.XVII.73, лл. 71—72.

[8] Хожение инока Зосимы 1419—1422 гг. Под ред. Х. М. Лопарева. — Православный Палестинский сборник, т. VIII, вып. 3. СПб., 1889, стр. 23—24.

[9] Там же. На острове Кипре в середине XV в. был и новгородец инок Варсонофий. Ср.: Православный Палестинский сборник, т. XV, вып. 3 (45). СПб., 1896.

[10] Трифона Коробейникова, московского купца, с товарищи путешествие в Иерусалим, Египет и к Синайской горе в 1583 г. СПб., 1841, стр. 7.

[11] В. А. Петров. Географические справочники XVII в. — ИА, т. V. М.—Л., 1950, стр. 154 (№ 37).

[12] Странствования Василья Григорвича Барского по святым местам Востока с 1723 по 1747 г., изд. Православным Палестинским обществом ... под ред. Н. Барсукова. СПб., ч. I, 1885; ч. II, 1886; ч. III, 1887; ч. IV, 1887.

[13] В издании «Excerpta Cypria» (Cambridge, 1908) приведены отрывки из записок Барского, а Даниил и Зосима даже не упоминаются.

в Турцию И. П. Новосильцева,[14] находившегося на службе во второй половине XVI в. В его статейном списке «описывается начало войны Турции с Венецией за остров Кипр».[15] Новосильцев приводит имя турецкого султана Селима, сообщает о настороженном интересе турок к политике московского государя («а начаялись приходу к Азову и х Кафе московского государя воинских людей»). Кипр он называет близким к турецкому, а не к греческому наименованию — «Киборз». Его известия отличаются лаконизмом и достоверностью делового документа.

К началу XVII в. относится легендарно-политическое произведение «Повесть о двух посольствах»,[16] также рассказывающее в одном из эпизодов о событиях начала или кануна Кипрской войны. Здесь турецкого султана ловко обманывает кипрский царь, сначала в дипломатических переговорах (вместо обещанной отдачи острова султану он посылает карту Кипра на 60 листах александрийской бумаги), а затем и во время военных действий. Эта часть повести, — «Кипрской истории», как ее называет М. Д. Каган, носит легендарный характер, и вместе с тем она окрашена идеями дипломатической борьбы Московской Руси с Турцией.

До сих пор не привлекала внимания еще одна группа источников, важных для осведомления русских людей XVII в. о жизни на острове Кипре. Речь идет о материалах архива «Сношения России с Грецией»,[17] сохранившихся далеко не в полном составе, но насчитывающих немало документов XVII в., которые освещают неоднократные приезды жителей Кипра в Москву за материальной помощью в связи с бедствиями от турецкого завоевания. Этот архив был изучен в свое время А. Н. Муравьевым и Н. Ф. Каптеревым.[18]

Однако Н. Ф. Каптерев не обратил особого внимания на частые случаи оказания помощи жителям Кипра со стороны Московского правительства XVII в. Между тем первое, что бросается в глаза при знакомстве с названными документами, — это полное удовлетворение просьб всех кипрских просителей, сколько бы их ни было и кем бы они ни являлись. Сохранившиеся в этом архиве челобитные просителей, донесения чиновников и распоряжения московских властей, светских и духовных, позволяют заключить, что с 1623 по 1652 г. не менее 10 раз приезжали на Московскую Русь представители Кипра.[19] Среди приезжавших чаще всего

---

[14] Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки. М.—Л., 1954 (серия «Литературные памятники»), стр. 63—99.

[15] Там же, стр. 87—88, 382—383, прим. 61.

[16] М. Д. Каган. «Повесть о двух посольствах» — легендарно-политическое произведение начала XVII века. — ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955, стр. 218—254.

[17] ЦГАДА, ф. 52 (1509—1719 гг.).

[18] А. Н. Муравьев. Сношения России с Востоком по делам церковным. СПб., 1858—1860; Н. Ф. Каптерев. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях, изд. 2-е. Сергиев Посад, 1914.

[19] В девяти случаях эти приезды составляют основное содержание архивного дела ЦГАДА, ф. 52, оп. 1; дело 1624 г. № 5 — «Отпуск из Москвы ... а) кипрского попа Микифора»; дело 1627 г. № 12 — «Приезд в Путивль Кипрского острова города Левкосея Михайловского монастыря иеромонаха Иосифа и старца Герасимова с гречанами Филиппом и Дмитрием для испрошения милостыни»; дело 1628 г. № 19 — «Приезд в Москву ... б) кипрского Благовещенского монастыря архимандрита Софрония»; дело 1629 г. № 3 — «Приезд в Россию Кипрского острова города Амогуста монастыря архистратига Михаила и Гавриила архимандрита Семиона для испрошения милостыни»; дело 1629 г. № 11. — «Приезд в Москву ... б) кипрского острова Николаевского монастыря архимандрита Иоасафа для испрошения милостыни»; дело 1632 г. № 5 — «Приезд в Москву для испрошения милостыни ... б) кипрского Мамонтова монастыря архимандрита Никифора; дело 1642 г. № 2 — «Приезд в Москву города Кипра архангельского монастыря архиепископа Парфения для испрошения милостыни»; дело 1652 г. № 7 — «Приезд в Москву для испрошения милостыни турецкие земли ... с) города

были духовные лица (например, архиепископ кипрский Парфений, в 1642 г.; архимандрит Семион из г. Амогусты, в 1629 г.; архимандрит Софроний, в 1628 г., и др.). Кроме духовных лиц, здесь были торговый человек киприянин Иван Антонов (1652 г.), «нищий старец» Мануил Юрьев (1652 г.) и «белец» Мануило Матвеев (1652 г.), «мирянин» Гришка, упоминаемый под 1624 г., когда он сопровождал к Москве «белого попа Микифора», «белец» Мишка Яковлев (1629 г.).

Таким образом, на Руси в конце XVI—первой половине XVII в. не было недостатка в известиях об острове Кипре. В это время переписывались путешествия Даниила, Зосимы,[20] Трифона Коробейникова и др.; обсуждались и распространялись из посольских кругов устные рассказы московских чиновников и приезжих греков; порой эти рассказы приобретали причудливую форму легендарно-политического сочинения. В этом случае реальные известия переплетались с художественным вымыслом, как отмечалось выше.

Следует припомнить также, что остров Кипр был известен в древней Руси не только как реальная страна, населенная греками и угнетаемая то маврами, то рыцарями-крестоносцами вкупе с римско-католической церковью, то турками. Кипру отводилось важное место как области религиозного подвижничества христианской церкви. С этим островом связывались жития святых, например Епифания Кипрского, почитание которого на Руси повелось исстари. Нередко в древнерусской живописи XVI—XVII вв. изображались почитавшиеся на Кипре святые. Примечательна, например, фреска «Феодот Киринейский», представленная в росписи 1684 г. Успенского собора Троице-Сергиева монастыря. Кипр оказывается местом действия в ряде нравоучительных повестей, которые переписывались и распространялись в течение средневековья. Наиболее пространное из них — «Сказание о приходе турского и сорочинов на Кипрский остров» второй половины XVII в.[21] далеко от описания реальных событий. Здесь «сорочины» и турки выступают совместными силами против острова Кипра под фантастической датой — 552 г. Читатель узнает о чудесах, молитвах, крестном знамении; главное здесь то, что «бог пособил христианом», избавил их от «супостатов» чудесным образом. Сказание, упоминавшееся А. Ф. Бычковым[22] и А. А. Зиминым[23] при описа-

---

Кипра нищего старца Мануила Юрьева Селунского»; дело 1652 г. № 18 — «Приезд в Москву ... б) торговых людей царегородца Аврама Апостола и Киприянина Ивана Антонова для испрошения милостыни». Еще один (десятый по нашему счету) случай пребывания на Москве представителей Кипра зафиксирован в деле 1645 г. № 1, где упоминаются «кипрский чорной поп Герасим» и «Кипрского острова Архангельского монастыря архимандрит Семион», — в «росписи, что дати государева царева и великого князя Михаила Федоровича всея Руси жалованья в стола место иноземцом, которых ведают в посольском приказе» (лл. 120, 121, 122). Кроме того, о некоторых лицах, чей приезд на Москву составляет содержание целых архивных дел, встречаются упоминания и в других документах. Так, например, киприянин Иван Антонов вновь фигурирует в деле 1652 г. № 16 «о приезде в Москву грузинские земли города Хопия Рожественского монастыря митрополита Германа за милостынею». Сохранились и некоторые подлинные греческие грамоты, содержащие просьбы оказать помощь тому или другому жителю Кипра и адресованные московскому царю и патриарху (ЦГАДА, ф. 52, оп. 2, дело 1628 г. № 57 — от константинопольского патриарха Кирилла; дело 1651 г. №№ 402 и 404 — от константинопольского патриарха Иоанникия).

[20] Как известно, путешествия Даниила и Зосимы дошли в поздних списках, восходящих к XVI—XVII вв. Например, список ГПБ, Q.XVII.76 конца XVI в. содержит оба этих путешествия.

[21] ГПБ, собр. Погодина, № 1604 (сборник, составленный из 15 рукописей, второй половины XVII в.), лл. 500—502 об.

[22] А. Ф. Бычков. Описание..., стр. 318.

[23] А. А. Зимин. Археографический обзор сочинений И. С. Пересветова. — В кн.: Сочинения И. Пересветова. М.—Л., 1956, стр. 90.

нии сборника, не привлекало к себе внимания, так как это литературное произведение мало чем отличается от ему подобных догматико-нравоучительных повестей второй половины XVII в.

Что касается иностранных или переводных сочинений о Кипре, которые могли находиться в Москве в XVI—XVII вв., то их не так уж много. «Хроника» Мартина Бельского, составленная и изданная еще до завоевания острова Кипра турками, приводит о нем самые краткие данные. В «Космографии» Меркатора находится пространное описание «О Кипрьском острове», оно отличается подробным перечислением природных и хозяйственных богатств, и в нем о завоевании Кипра турками в 1570 г. лишь упоминается.[24]

Наиболее подробно освещает события Кипрской войны Хронограф Иерофея, митрополита Монемвасийского, законченный в 1629 г. Хронограф этот, изданный в Венеции в 1630 г., много раз переиздавался, и некоторые его экземпляры доходили до Москвы. А. И. Соболевский упоминает об издании 1676 г., находившемся в Московской типографской библиотеке. К 1665—1666 гг. относится русский перевод с греческого оригинала, выполненный по указанию царя Алексея Михайловича с целью опубликования этого сочинения, которое почему-то не состоялось. Перевод дошел до нас в нескольких списках.[25] Описание осады Кипра турками носит повествовательный характер. Указываются точные даты, например выступления турок в апреле 1570 г. из Царьграда. Названы имена трех пашей (Пиалим паша, Али паша и Мустафа паша), приведены вполне правдоподобные численные данные о кораблях, наименования захваченных городов (Лемеса, Аликии, Амохост и др.). Взятие турками столицы острова Левкусии отнесено к 10 сентября, после сорокадневной осады. Известия о кровавом покорении городов Кипра сообщаются отнюдь не беспристрастным тоном: «...и толико много крови излияся, яко во иных местах бе кровь до колен и кто может да исчислит пленение оно мужей и жен и детей и горкое разлучение мужей и жен и дети, отцей и матерей. Оле великому рыданию иже бысть в том разлучении и злоключении великом, иже бысть тогда во оумиленном Кипре ... Обаче таким образом пленися умиленная Леукусия. И помале предася и Кириния». Вслед за этим описывается осада Амохоста, длившаяся будто бы в течение зимы и лета: «И сице взяша и, в лето 1571, августа в 1 де. И государю убо Амохостову дра кожу тела его неразбудительный Мустафа паша, прочих же первых воинства франгов сече и иных взя в плен, греков же остави мирно во граде и в домах их франкскую церковь великую сотвори имаретию (т. е. превратили в мечеть, — *О. Б.*)». Эти известия, отличающиеся достоверностью и яркостью описания, до сих пор не привлекались в качестве источника по истории Кипрской войны. Нам неизвестно, в каком именно году появляется Хронограф митрополита монемвасийского Иерофея в Москве. Между тем выяснение этого вопроса чрезвычайно важно при изучении нашего сказания «О кипрьском острове». В настоящее время трудно судить, был ли известен на Руси в XVII в. поэтический плач о падении Кипра «Θρῆνος τῆς Κύπρου», где рассказывается, например о перенесении двумя женщинами почитаемой реликвии — креста и содержатся другие любопытные эпизоды. Этот

---

[24] M. Bielski. Kronika. 1564, л. 182 об. (на карте на л. 262 об. остров Кипр не назван, хотя и обозначен); Космография, сиречь описание сего света земель и государств великих. СПб., 1878—1881 (ОЛДП, вып. XXI—LVII—LXVIII), стр. 322—324.

[25] ГИМ, Синод. 343 лл. 706 об.—710 Синод. 342 лл. 515—517 об. Синод. 339, лл. 321—322 об. В. С. Иконников в «Опыте русской историографии» (т. II, кн. 2, Киев, 1908, стр. 1351) называет еще четыре списка, три из них находятся в ГПБ.

источник, к сожалению, остался нам недоступным для изучения из-за отсутствия его публикаций в библиотеках Москвы и Ленинграда.

Обратимся наконец к этому сказанию. Как уже сообщалось, оно дошло до нас в единственном списке XVII в. Сборник, в котором находится сказание (ГПБ, собр. Погодина, № 1570), датирован был XVII в. еще А. Ф. Бычковым.[26] Д. С. Лихачев относит сборник к середине XVII в.[27] М. Д. Каган дает наиболее раннюю датировку сборника, относя его к 20—30-м годам XVII в.[28] Е. Н. Клитина полагает, что сборник был переписан в 30—40-е годы XVII в.[29] Это представляется наиболее точным.[30]

Сборник написан скорописью XVII в. несколькими почерками и, как отмечалось еще А. Ф. Бычковым, состоит из двух рукописей.[31] Из 43 статей, входящих в сборник, некоторых недостает, что видно из их общей нумерации, составленной в XVII в. (номера 41—43 написаны в XVIII или XIX в., возможно при переплете сборника, когда были срезаны поля). По своему составу сборник представляет большой интерес. Здесь находятся важные для истории русского народа повести, сказания, списки документов большого значения. Некоторые из них: «Повесть об иконе св. Николая чудотворца, именуемой Корсунскою», Повесть о св. Меркурии Смоленском, Сказание о нашествии на Россию Тохтамыша в 1392 г. — имеют целью осветить историю героической борьбы русского народа за свободу в прошлом. Идею величия и могущества Московской Руси XVI в. раскрывала легендарная переписка Ивана IV с турецким султаном.

Особенно много сочинений связано здесь со «смутным временем» и с патриотической борьбой русского народа начала XVII в. Это «Чин венчания на царство царя Василия Шуйского 1606 г.», Повесть о чудесном видении в Успенском соборе при царе Василии Шуйском, «Известие о шведской подмоге царю Василию Шуйскому», два воззвания московского патриарха Гермогена «к изменившим царю Василию Шуйскому», «Донесение царю Василию Шуйскому от князя Михаила Шуйского о военных делах 1609 г.». Наиболее примечательны из этого цикла две грамоты, составленные троицкими властями — Дионисием Зобниновским и Авраамием Палицыным и отправленные одна в 1611 г. жителям казанским, другая в 1612 г. князю Пожарскому «с товарищи». Сюда же относятся два «Послания увещательных российских духовных властей» к плененным соотечественникам в Польше 1612 и 1613 гг.

Значительно меньшее место занимают в сборнике сочинения, связанные с прославлением так называемых святых мест. Среди них отрывок

---

[26] А. Ф. Бычков. Описание..., стр. 39.

[27] Д. С. Лихачев. Повести о Николе Заразском (тексты). — ТОДРЛ, т. VII. М.—Л., 1949, стр. 267.

[28] М. Д. Каган. Легендарная переписка Ивана IV с турецким султаном как литературный памятник первой четверти XVII в. — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 264—265.

[29] Е. Н. Клитина. О троицких патриотических грамотах периода интервенции начала XVII в. Доклад на конференции Загорского гос. историко-художественного музея-заповедника, посвященной 350-летию снятия осады крепости Троице-Сергиева монастыря. 25 января 1960 г. Рукопись. Научный архив Загорского музея. В настоящее время Е. Н. Клитина готовит работу о составе Погодинского сборника № 1570. К первой половине XVII в. отнесено начало сборника в каталоге пражской выставки «История русской культуры XI—XVII веков в памятниках письменности» (1959, стр. 33, № 62).

[30] Водяной знак: однорукий кувшинчик с буквами «IB», на крышке корона с пятью розетками (ср. Тромонин, №№ 808 — 1634 г., 1152 и 1162 — 1638 г.); на л. 222 сборника встречается другой водяной знак — корона с пятью зубцами, но далее, на л. 235, снова кувшин.

[31] А. Ф. Бычков. Описание..., стр. 39.

из Патерика киевского «о построении Печерской обители», «Странник иерусалимский», «Сказание о граде Иерусалиме» Арсения Селунянина. Пространное послание патриарха Иова в Грузию мцхетскому митрополиту Николаю напоминает о политической миссии, выполнявшейся русским духовенством в интересах московского правительства в Закавказье в XVI в.

Сказание «О Кипрьском острове» следует вскоре после легендарной переписки Ивана IV с турецким султаном. Непосредственно перед ним находится краткая повесть «о грамотах»,[32] своего рода история письменности. Эта повесть написана тем же почерком, что и сказание о Кипре. Вслед за ним идет еще более краткое сказание об острове Сицилии, написанное другой рукой.[33] Далее следуют отрывки — о Варваринской церкви в Новгороде, о начале Данилова монастыря в Москве и др.

Как показывает обзор статей сборника, в нем преобладают памятники русской письменности, притом не только литературные, но и деловые — списки с подлинных грамот и посланий, летописные отрывки любопытная «смета двум станкам на фряжское печатное дело 1612 г.». К числу неясных по происхождению сочинений следует отнести повесть «о грамотах».

По содержанию, да и по композиции сказание «О Кипрьском острове и о подножие креста Христова» распадается на три части. Их не объединяет один сюжет. Общим для всех трех является место действия — остров Кипр. Первая часть сказания посвящена защите крепости Киринеи от турецких захватчиков, две другие части представляют собой описание двух кипрских монастырей — Успенского и Крестного, а также их «святынь».

При сравнительной краткости сказание весьма содержательно. Во вступительной части сказания сообщается о давней принадлежности острова Кипра к греко-византийскому миру: здесь названы византийский император Юстиниан I и его супруга Феодора, бывшая будто бы родом с Кипра, город Киринея, переделанный по воле императора и переименованный в его честь в «град Иустиниян». Далее следует описание крепостных сооружений Киринеи — башен, ворот. Пространно рассказывается об осаде этой крепости турками, продолжавшейся 21 год. В отличие от других городов острова Кипра «град Иустиниян» вынудил турок пойти на хитрость — они проникли в крепость с целью «посмотреть церковные красоты». Когда «гражане» убедились, что этот приход турского воеводы — злонамеренный способ захвата крепости, они расправились с обманщиком: после его отказа креститься в православную веру его казнили, содрав с живого кожу, а его чучело, набитое соломой, отправили «к турецкому царю в поминках». В ответ на это последовал разрыв торговых отношений между турками и жителями острова.

Вторая часть сказания повествует об Успенском монастыре и его «святыне» — иконе «писма Луки евангелиста» с изображением богоматери на престоле с младенцем Христом, представленным с обеими благословляющими руками. Здесь описываются случаи, когда «архиепископ и люди», приходят в монастырь, чтобы, например, «молиться от нахожения иноплеменных или просити дождя или ведра».

---

[32] Лл. 184 об.—185. Начало: «Прежде бысть всех грамот жидовская грамота, с тое сняша елини, по сех римская и ини многи». Конец: «по жидовски алфа, по турски левбе, по угорски фаваска, по русски аз».

[33] Л. 190. Это сказание опубликовано А. И. Соболевским (Переводная литература Руси XIV—XVII вв. М., 1903, стр. 394) в главе «Из записей устных рассказов», без каких бы то ни было комментариев или ссылок на аналогии, источники.

В третьей части сказания речь идет о Крестном монастыре. Здесь вновь фигурирует император Юстиниан I, который способствовал украшению серебром «святыни» монастыря — подножия креста Христова, «святыни» столь важной, что она упоминается в названии сказания. Подробно рассказывается о попытке «гостей» папы римского выкрасть или выкупить эту «святыню» и о «чудесном» обретении ее через сорок лет.

В сказании отсутствует концовка, три его части не имеют сюжетной связи. Создается впечатление, что перед нами три отрывка из обширного рассказа об острове Кипре.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в сказании нет имен «турского воеводы», «турского царя», «римского папы», «того острова архиепископа» и других действующих лиц. В то же время приведены имена исторических лиц — Юстиниана и Феодоры.

К числу бесспорных исторических реалий следует отнести описание крепости Киринеи, находящейся на севере острова. Она была отстроена в конце XII—начале XIII в., вскоре после латинского завоевания Кипра, а перестроена венецианцами около 1554 г.[34] План крепости Киринеи, составленный Санмикеле в XVI в., упоминается Асканьо Саворньяни.[35] По-видимому, этот план не сохранился, как не сохранилась и сама крепость. Вот что сообщает русский путешественник В. Г. Барский о Киринее под 1735 г.: «...и мимо идох градец Киринею, не входящи внутрь, понеже ничтоже, яко слышал, не обретается тамо достойно зрения».[36] Во всяком случае укрепления этой крепости получили настолько выразительное описание, что перед глазами читателя (или слушателя) должны были возникнуть неприступные башни, сложенные из камня, стены («ведена ограда») и ворота с цепями, преграждающими свободный вход кораблей в гавань. Не находит подтверждения в источниках известие сказания об «изначальности» на острове города Киринеи, хотя он и относится к древним его центрам. Он имел важное значение, по-видимому, лишь до завоевания Кипра турками.[37] Во всяком случае, в Путешествии Зосимы начала XV в. Киринея названа после «великого столного града» Левкосии, на втором месте.[38]

Что касается переименования Киринеи в честь императора Юстиниана, то на этот счет также не имеется никаких подтверждений в источниках. В то же время известно, что Прокопий Кесарийский в своем сочинении «О постройках» упоминает, как Юстиниан восстановил на Кипре дом для нищих св. Конона и водопровод.[39] Известие сказания о кипрском происхождении императрицы Феодоры, кажущееся на первый взгляд легендарным, опирается на сообщения некоторых византийских историков, среди которых назовем, например, Никифора Каллиста (XIV в.), автора «Церковной истории». Именно в этом его сочинении приводится версия

---

[34] R. Gunnis. Historic Cyprus. A guide to its towns and villages, monasteries and castles. London, 1947, стр. 121—123, 125—127; G. Hill. A History of Cyprus, vol. III. Cambridge, 1948, стр. 859—860, 955, 987—988.

[35] Цит. по: I. P. R. Reinhard. Vollständige Geschichte des Königsreiches Cypern, vol. II. Leipzig, 1768 Beil., стр. 36.

[36] Странствования Василья Григоровича Барского..., ч. II, стр. 250—251.

[37] О заброшенности Киринеи после турецкого завоевания сообщается в кн.: Mas Latrie L., de. L'île de Chypre, sa situation presente et ses souvenirs du moyen âge. Paris, 1879, стр. 38—41. К сожалению, нам было недоступно издание: I. K Peristianes. A brief guide to the ancient monuments of Kyrenia. Paphos, 1931.

[38] Хожение инока Зосимы..., стр. 24.

[39] Procopius Caesariensis. De aedificiis ed. Haury, vol. III. Lipsiae, 1913, 5, 9, 36. В Хронографе Иерофея, митрополита Монемвасийского, сообщается, что Юстиниан создал великую церковь «во Левкусии Кипрстей» (русский перевод: ГИМ, Синод. 343, л. 365 об.).

о Кипре как о родине Феодоры.[40] Примечательно, что в 1684 г. в Посольский приказ Московского государства были переданы из Верхней типографии два экземпляра «Церковной истории» Никифора Каллиста: одно 1558 г., другое 1630 г.; еще в XVI в. этим сочинением в Москве пользовались Максим Грек и Курбский.[41]

Наиболее важно определить, к какому времени относятся военные события, описываемые в сказании и связываемые с осадой крепости Кирении. С первых же строк, посвященных этим событиям, нам ясно, что речь идет не о «чудесном испытании» стойкости христианского воинства перед напором «нечистых» вражеских полчищ, подобно сказанию «О приходе турского и сорочинов на Кипрский остров». Здесь действуют «люди» и «гражане», слышится звон боевых «набатов», перечисляются реальные тяготы: «...теперь у нас в городе и людей мало, на выласках побиты, а иные з голоду и с осадного сидения померли». И стоило только обнаружиться коварству противника, обманным путем проникшего в крепость, как сами ее защитники, без «чудесного» вмешательства провидения, «повеле по набатом ударити, и турок всех побили», после чего по заслугам расправились с воеводой. Противник называется в сказании «турской», «турской воевода», а его воины — «турки». Упоминается и «турской царь». Здесь мы не встречаемся, таким образом, с эпитетами «поганые», «безбожные турки», «сопостаты», щедро рассыпанными в том же сказании «О приходе турского и сорочинов на Кипрский остров». Несколько удивляет наименование «турской царь», а не «турской салтан».

Обратим внимание на известие, что «На острове поимал турской многие городы». Приведенное место сказания определенно указывает на события периода осады острова Кипра турками (с апреля до поздней осени 1570 г.). Нам неизвестны другие случаи подобного нападения турок на целый ряд кипрских городов. Эти события были отмечены героической борьбой населения острова. О них сообщается в турецких, итальянских и других западных источниках.[42] Однако известия об этих событиях в русской письменности как будто бы весьма немногочисленны. Отмечалось уже выше сообщение русского посла И. П. Новосильцева.[43] Назывался и цитировался перевод Хронографа Иерофея, относящийся к третьей четверти XVII в. Весьма возможно, что в дальнейшем будут обнаружены и более ранние русские источники по этому вопросу. Наиболее раннее из дошедших до нас известий о Кипрской войне в русских источниках — от 1 августа 1570 г. — встречается в донесениях, поступавших к московскому послу в Крыму Афанасию Нагому: «[1570] Августа в 1 д. Офонасию и Федору и Ивану и Микифору сказали Собаня Резанов да Нагай Сеундюков, да Бигил деи Разгозин, приехал деи изо Царягорода ко царевичу в Крым Турчанин Маамет, и сказал деи царю, что турского рати под Кимырзом городом многих людей побили» (Несколько раньше, в марте 1570 г., Афанасию Нагому сообщили, что «посылает де турской под Кимырзь рать свою на весну»).[44]

---

[40] Nicephori Callisti Xantopuli. Ecclesiasticae Historiae, t. III. — In: J. P. Migne. Patrologia Graeca, t. 147. Paris, 1865, lib. XVI, cap. XXXVII.

[41] А. И. Соболевский. Переводная литература Руси XIV—XVII вв., стр. 86, 264, 281. Ср. также: С. Белокуров. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898, стр. 75, 78.

[42] Перечень источников по истории Кипрской войны см. в кн.: G. Hill. A History of Cyprus, vol. III, стр. 1149—1155. В этом перечне не приведен Хронограф Иерофея, цитированный нами выше.

[43] Путешествия русских послов XVI—XVII вв. . . ., стр. 87—88.

[44] ЦГАДА, ф. 123, Крымская посольская книга № 13, л. 285 об.; Крымская посольская книга № 14, л. 6. В мае 1570 г. Афанасию Нагому доносили: «А турской деи

При описании событий Кипрской войны (речь идет, несомненно, именно о Кипрской войне XVI в.) в нашем сказании имеются не только достоверные, основанные на реальных событиях известия. Прежде всего эта война освещена только с точки зрения осады одной лишь его крепости. Здесь ничего не сообщается об осаде столицы острова — Левкосии, порта Аммогусты и др. Это как бы не официальное известие, а рассказ участника событий — защитника Киринеи, значение которой он, возможно, даже и преувеличил, не говоря уж о том, что он непомерно удлинил срок осады до 21 года. Но у нас нет никаких оснований, даже заметив эти отклонения от реальных событий, пренебрегать редким образцом рассказа очевидца или участника событий. Главное, что здесь привлекает нас, — это отсутствие литературного штампа. Перед нами отнюдь не образцовая воинская повесть, а отрывок из неторопливого, скорее всего устного по происхождению рассказа. Это и не догматико-нравоучительное сочинение. Это и не официальное сообщение о важных политических событиях: здесь нет имен «воеводы», «царя», нет их полных титулов. Поражает оптимистический конец этого отрывка — первой части нашего сказания. В источниках мы не находим единого мнения о том, когда Киринея была сдана туркам: до или после захвата ими столицы острова. Турецкие историки упоминают, что 9 июля 1570 г. в Киринею проник капудан-паша (без указания его имени), который склонял защитников сдать крепость.[45] Нам не известно, как именно он попал в крепость и какова была его судьба, но сходство напрашивается само собой: не об этом ли «воеводе» сообщает наше сказание? Сопоставим известия Хронографа Иерофея и сказания. Следует сразу указать, что Иерофей допускает, очевидно, фактическую ошибку, удлиняя почти на год срок осады Аммогусты (Аммохоста).[46] Киринее он отводит незначительную роль (ограничиваясь ее упоминанием), по-видимому близкую к истинному положению дел. Срок ее сдачи он датирует 1570 г., причем указывает, что этот город потерял независимость уже после падения Левкосии, столицы острова.

Наиболее примечательно в описании Иерофея сообщение о расправе с «государем Амохостовым», по всей вероятности не греком, а венецианцем, судя по изложенному ниже. Эта расправа в точности повторяет судьбу «турского воеводы», казненного «гражанами» Киринеи из сказания: «дра кожу тела его». Не представляется возможным решить в настоящее время окончательно, действительно ли в обоих случаях совершался распространенный в средние века вид казни[47] или здесь перекликались, в какой-либо зависимости, два различных памятника, толкуя поразному одно и то же реальное событие? Но даже если сюжет Хронографа в искаженном виде попал в наше сказание, в остальном у этих двух памятников нет общности ни в строе языка, ни в изложении событий. Так, например, Хронограф завершает описание Кипрской войны своего рода обобщением: «Глаголют же яко елико народу пленишася во всем острове Кипрском, мужи, и жены, и дети, бяху до трех сот тысящь, и раз-

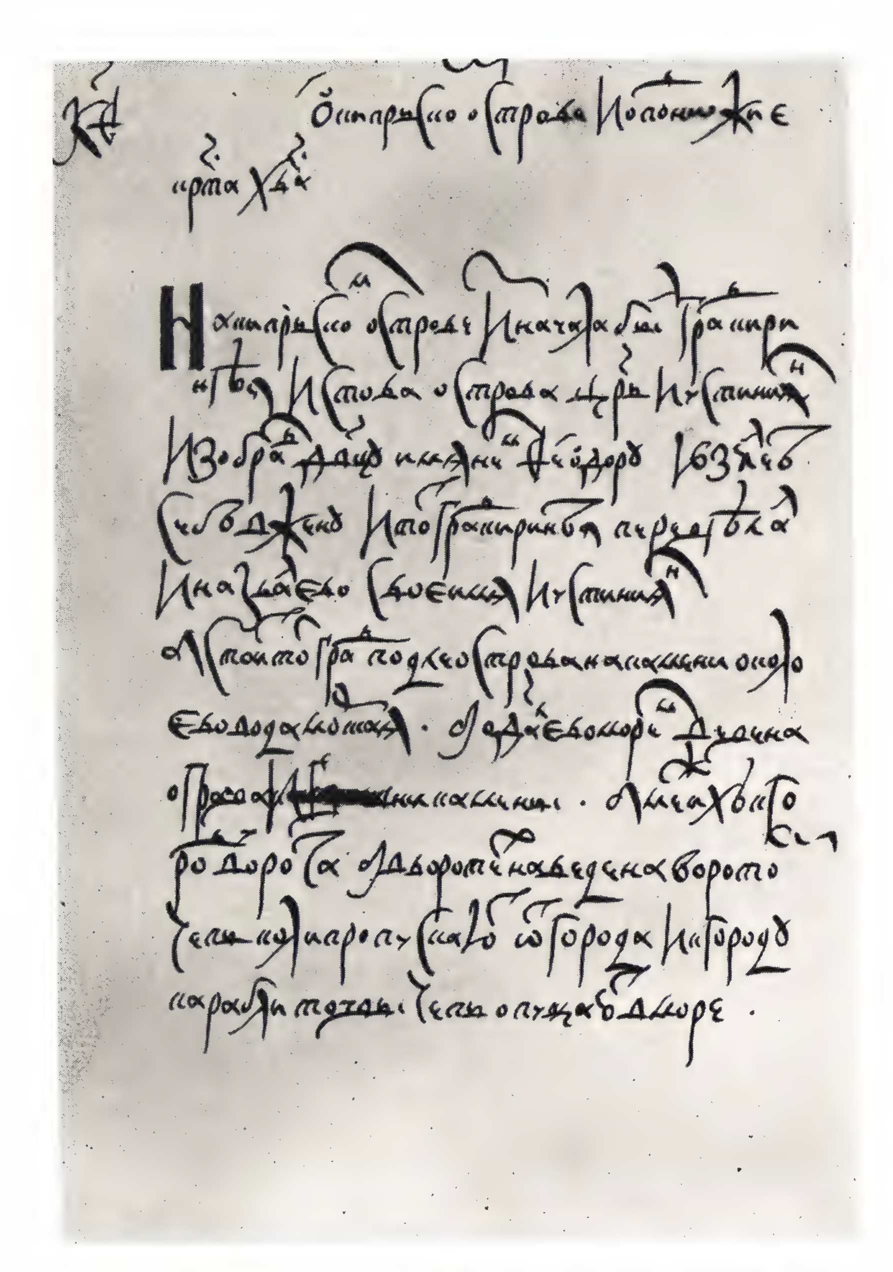
---

идет на венедицкого короля под Кимырзь город» (там же, № 13, л. 279 об.). За указание на отписки Афанасия Нагого как источник, освещающий интересующие нас события, приношу глубокую благодарность Я. С. Лурье.

[45] G. Hill. A Hisory of Cyprus, vol. III, стр. 988, прим. 2.

[46] В нашей работе города Кипра названы в соответствии с данными древнерусских письменных источников. В современном русском языке употребляются несколько иные наименования: вместо Киринея — Кериния, вместо Аммогуста (Аммохоста) — Фамагуста и др.

[47] Н. Н. Розов обратил мое внимание на сходный характер казни (когда набивали мякинами снятую кожу) в «Повести о Скандербеге» (М.—Л., 1957, стр. 34 и примечание).



Сказание «О Кипрьском острове» (ГПБ, собр. Погодина, № 1570, XVII в., 4°, л. 185 об.)

сыпашася на восток и запад и елицы заклашася на рати быша до 40 000».[48] В нашем же сказании конец отрывка, посвященного осаде Киринеи, касается событий до захвата Кипра турками и до потери островом независимости. Ведь речь идет здесь о продолжавшихся торговых связях между «гостями» острова и «гостями» «турской» земли. Только после казни турецкого воеводы и отправки его обезображенных останков в виде чучела «турскому царю в поминках» прекращается оживленный товарообмен.

Таким образом, следует признать, что сказание, хотя и не называющее по именам действующих лиц периода военных событий на Кипре и не сообщающее точной их даты, в своей первой части заключает оригинальный рассказ о частном эпизоде Кипрской войны 1570 г. Нам не удалось найти его поэтических источников, вполне здесь вероятных.[49] Возможно, большую роль в написании этого сочинения сыграли именно устные рассказы, основанные на воспоминаниях о пережитых событиях или донесениях очевидцев.

Для первого отрывка сказания нелегко найти прямые источники или аналогии и в русской письменности, хотя они вполне могут быть обнаружены в дальнейшем. Что касается отдельных особенностей, то среди них хотелось бы отметить, например, выразительность описаний, которые восходят к зрительным впечатлениям о крепости. Заметим также, что крепость называется здесь не Кириния (как например, в переводе Хронографа Иерофея), а Киринея, т. е. в огласовке, которая типична, в частности, для русских азбуковников XVII в., цитированных выше. В изложении событий важная роль отводится грамотам, которыми обмениваются воюющие стороны. Эти грамоты цитируются в простом речевом изложении, в них нет ни титулов, ни выдержанной формы.

Два других отрывка сказания также заключают в себе немало примечательного. К числу исторических реалий в них следует отнести, например, упоминание произведений художественного ремесла и искусства, характерных именно для Кипра. Такова икона с изображением богоматери с младенцем Христом, описание которой настолько точно по ее иконографическим особенностям, что и здесь не вызывает сомнения зрительная подоснова впечатлений автора или рассказчика.[50] Уже отмечалось, что к иконе обращались с молитвой «от нахожения иноплеменных». Это указание напоминает нам, что Кипр с VII и до XVI в. неоднократно подвергался завоеваниям со стороны иноземцев. Как во втором, так и в третьем отрывке назван «архиепископ» острова, что вполне соответствует наименованию высшего духовного лица острова, издавна принятому на Кипре. Если во втором отрывке фигурирует икона, то в третьем речь идет о «подножии креста Христова», которое рассматривается как «святыня». Упоминается также, что «царь Иустиниян оба конца (подножия креста, — *О. Б.*) обложил серебром». Назван здесь и предназначенный для этого «древа креста» киотец. Таким образом, в повести фигурируют украшенные ювелирами произведения художественного ремесла.

Наибольший интерес в третьем отрывке представляет история с папой римским (без указания его имени), не погнушавшимся поручить своим «гостям» добыть «подножие креста Христова» с Кипра любым путем,

---

[48] ГИМ, Синод. 343, лл. 709 об.—710.

[49] Например, ничего подобного не встречается в средневековых греческих песнях: [H. Pernot.] Chansons populaires gréques des XV-e et XVI-e siècles. Paris, 1931.

[50] В настоящей работе не рассматривается круг вопросов, связанных с иконой, упоминаемой в сказании. Этот отрывок представляет интерес для изучения распространения в древнерусском изобразительном искусстве икон типа «богоматери Кипрской».

вплоть до кражи или подкупа. Излагается с подробностями рассказ о похищении «святыни» через «окошко просто у церкви вверху». Подробно освещается история «обретения» древа подножия креста после троекратных «знамений». Повествование здесь носит нравоучительный характер: посягавшие на «святыню» стали жертвами бури, разыгравшейся после свершения ими кражи; обладатели подножия креста получили наказание за отсутствие «бережения»: «...и про то древо не было ведомо сорок лет». Поиски этой «святыни» приводят к новому «обретению» ее. Но помещенная по воле архиепископа в соборную церковь, она чудесным образом возвращается в монастырь, откуда ее похитили. На этом обрывается нить рассказа данного отрывка, да и всего сказания.

По поводу последней части сказания необходимо заметить, что сюжет ее отражает сложную реальную обстановку, характерную для истории Кипра с конца XII в., со времени завоевания острова крестоносцами. Распространенная среди греческого населения Кипра со времен раннего христианства православная религия с точки зрения завоевателей представляла большое неудобство. Поэтому здесь возникают католические пышные храмы и соборы. Поэтому, должно быть, «гости» папы римского стремятся завладеть почитаемой на Кипре частицей древа креста Христова. Однако отношение населения острова к этим «гостям», вложившим вклад в монастырь, сделавшим подарки, угостившим «братью и мирян», ничуть не лучше, чем отношение к туркам и другим «иноплеменным». Думается, что эпизод с похищением «святыни» кипрского монастыря дан здесь в таком освещении, которое исключает западное происхождение этого сказания, и в частности его последнего отрывка. Трудно предположить, чтобы, например, немецкие, испанские или итальянские источники рисовали с такой явной неприязнью представителей папы римского, изображая их в довольно жалкой роли наказанных похитителей. На Руси в начале XVII в. подобное отношение к римско-католической церкви не редкость. Это видно из русских источников, освещающих период польско-литовской интервенции.

Что касается места действия во втором и третьем отрывках, здесь не все так ясно, как при описании Киринеи. Не удается привязать к карте Успенский монастырь, место нахождения прославленной иконы. Более всего на Кипре почиталась икона, находившаяся в Киккском монастыре. Упоминаемый далее Крестный монастырь, по-видимому, находится на юго-западе острова. Изображение этого монастыря оставил В. Г. Барский. В третьей части сказания противопоставляются «соборная церковь Пречистые богородицы честнаго и славнаго ея Одегитрея» и «монастырь слове крест». Представляется, что здесь опущены (при переписке или при пересказе) какие-то более точные наименования города, монастыря, имя папы римского, имя кипрского архиепископа, и в то же время не забыт царь Юстиниан.

Но было бы неверным искать в сказании только документальность и историчность всех его известий. Не следует забывать, что перед нами не Хронограф, не статейный список и не записки путешественника, а литературный памятник с присущим ему художественным вымыслом, тенденцией к гиперболизации и другими специфическими особенностями. Определение жанра этого литературного произведения представляет известную трудность. Основная сложность при его квалификации заключается в том, что это сказание дошло до нас в одном списке и то, видимо, неполностью, в отрывках. Поэтому нельзя судить о композиции и сюжете. Легендарное и достоверное, переплетаясь в нашем списке, получило все же своеобразную форму выражения: язык сказания напоминает разговорную, устную речь; ср. записи «в расспросах» в Посольском приказе. Имеет он сходство

и с «Повестью о двух посольствах». Сопоставим, например, описание бури в нашем сказании и в «Повести»:

Сказание	Повесть
...и в те поры стала буря силная. И на остров пришли волны великие, карабли тех гостей неведомо где дели. И гости стали безвесно, и древа того не стало. А на остров насыпало песком великой вал.	И став буря великая, и пришли волны морские, да и место града того помыло и песок разнесло.[51]

В заключение необходимо подвести некоторые итоги. В настоящей работе невозможно было дать полный анализ сказания «О Кипрьском острове и о подножие креста Христова». Нашей, более скромной задачей было найти место сказания в древнерусской письменности путем привлечения и сопоставления русских известий о Кипре из опубликованных и неопубликованных памятников, которые сохранились до нашего времени. Представляется, что предпринятый нами обзор нескольких видов источников о Кипре на Руси позволяет предположить появление сказания в начале XVII в. в посольской среде, в которой было создано не одно литературное произведение. Возможно, публикация списка Погодинского сборника приведет к розыскам и находке новых списков сказания «О Кипрьском острове». Возможно также, что в дальнейшем удастся более точно решить вопрос о времени создания этого памятника, о круге лиц, в среде которых оно могло возникнуть и где и с какой целью могли его переписывать. В настоящее время можно предположить, что сказание появилось не ранее 20—30-х годов XVII в. в Москве в результате общения приезжих с Кипра с приставленными к ним служилыми людьми Посольского приказа. Весьма возможно, что это сказание, созданное в посольских кругах, дошло до нас в отрывках, сделанных переписчиком Троице-Сергиева монастыря. Это предположение возникает при сопоставлении статей сборника, содержание которых связано с воспоминаниями об осаде монастыря-крепости в период польско-литовской интервенции. Распространение устных рассказов о Кипре не ограничивалось Москвой. Сохранилась греческая грамота 1623 г. кипрского белого попа Микифора, написанная им в Ярославле.[52] Его тезка архимандрит Никифор, по-видимому также с Кипра, был затворником Андроникова монастыря[53], и к нему обращались приезжие греки.

Написанная «руским писмом» грамота архиепископа острова Кипра Христодула (1626 г.), может быть, указывает на пребывание на острове какого-то русского человека в начале XVII в.

Обнаруженное в Погодинском сборнике № 1570 краткое сказание «О Кипрьском острове» требует еще дополнительного исследования с привлечением богатых и до сих пор почти не изученных архивных материалов по истории русско-кипрских связей XVII в. Дальнейшее их углубленное изучение — единственный верный путь для правильной оценки сказания как литературного памятника и исторического источника.

О КИПРЬСКОМ ОСТРОВЕ И О ПОДНОЖИЕ КРЕСТА ХРИСТОВА

На Кипрьском острове изначала был град Киринея, и с това острова *л. 185 об.* царь Иустиниян изобрав девицу имянем Феодору и взял ее себе в жену. И тот град Киринея переделал и назвал ево свое имя Иустиниян.

---

[51] На сходство этих памятников, и в частности приведенного отрывка, любезно указала М. Д. Каган.

[52] ЦГАДА, ф. 52, оп. 2, дело 1623 г. № 11.

[53] Там же, оп. 1, дело 1632 г. № 5, лл. 39—40.

А стоит тот град подле острова на камени, около ево вода морская. А одал ево морем ведена ограда и башни камены. А меж их к городу ворота, а в воротех ведена воротом чепь; коли пропускают от города и к городу карабли, тогды чепь опущают в море. || А взятьем того града взяти
л. 186 не умети никоторыми делы. На острове поимал Турской многие городы. А под тем градом Иустинияном стояли турки дватцат один год, а взяти ево никоторыми делы не умели. И хотели ево взяти оманом; написав грамоту, на стреле кинули в город. А в грамоте пишет: «Не хотим у вас ничево, пустите нас во град немногих посмотрит церковные красоты. И мы от града и проч поидем». И оне изготовя людеи и набаты, к туркам писали: «Теперь у нас в городе людеи мало, на выласках побиты, а иные з голоду
л. 186 об. и с осадного сидения померли; будет захотите церковные красоты || посмотрит, и вы нам даите слово, что вам нас не побити, посмотрев церкви, от града отоити». И турской воевода дав слово вшед во град, не лазя во храм, в двери смотрив в соборную церковь пречистые богородицы честнаго и славнаго ея одегитрея, учали похвалятися: «Колко лет стояли под градом, кровь лили, а ныне без крови град наш». Гражане же повеле по набатом ударити. И турок всех побили, а воеводу жива взяли и повеле ево повести х казни. И говорит: «И хош видети смерти, крестися. И мы тебя пощадим». И воевода креститися не захотел. И с нево сняв кожу, набили на-
л. 187 секши мелкие соломы || и послали к турскому царю в поминках. Царь же разгневався отписал к ним грамоту: своих гостей и товаров к ним, а их гостей и товаров к себе пускати не велит. И оне к нему отписали: «Своих гостей и товаров к нам, а наших гостей и товаров к себе пускати не велиш,
л. 187 об. и мы велим реку». || Близ же того града монастырь имянуетца Успенской, а в нем в церкве образ пречистые богородицы с превечным младенцем на престоле, а младенец против грудей ее, благословляет обеими руками, писма Луки евангелиста; коли архиепископ и люди захотят молитися от нахожения иноплеменных или просити дождя или ведра и как поидут по тот образ поднят ево на собор и как отворят церковь, а тот пречистые образ вышедчии сии ота стоит у двери на воздухе, а на всем лице ея государыни пот; по тому познавают благодарная. Иереи тот образ приняв понесут на собор, а как церков отворят, а образ стоит в киоте, и его уже под-
л. 188 нять не могут, || а в ту пору от образа от очеи слезы, и по тому познавают скорбная.

На том же острову монастырь слове крест, а в нем креста Христова подножие, царь Иустиниян оба конца обложил серебром. И римской папа прислал в монастырь гостей со многим богатством и питьем многим, а велел игумна и братью и мирян дарити и кормити и поити и вклад в монастырь дати, а примечати, как бы то древо украсти или выкупити. И во мно-
л. 188 об. гое время живучи в монастыре, те гости приметили || у церкви вверху окошко просто. И игумена и братью и мирян напоив, ночью приставя к тому верхнему окну лестницы, из церкви то древо взяв и за монастырь унесли и в те поры стала буря силная. И на остров пришли волны великие, карабли тех гостеи неведомо где дели. И гости стали безвесно, и древа того не стало. А на остров насыпало песком великой вал, и про то древо не было ведомо сорок лет. И некоему старцу во сне бысть глас, велите взяти древо подножие креста Христова, на острову том рек место. И старец сказал про то отцу своему духовному, и отецъ ево духовнои не поверил.
л. 189 И тому отцу || духовному глас той же изрече, и он сказал того острова архиепископу. И архиепископ им не поверил. И архиепископу невидимо глас тои же изрече и место нарече, архиепископ же со всем освященным собором взяв кресты, пошли на то объявленное место. И повеле на том насыпном валу копати. И обрете аки киотец, а в нем лежит то животворящее

древо креста Христова, ничто по нему не коснулось. И взяша ево архиепископ с собою и пеша молебн, положил в соборной церкве Пречистые богородицы честнаго и славнаго ея Одегитрея. || И учини ему великое береже- *л. 189 об.*
ние. И назавтрее тово древо в тои соборнои церкве не обрете. А объявилос то животворящее древо креста Христова в том же монастыре кресте в старом своем месте.

(ГПБ, Погод. 1570, лл. 185 об.—189 об.)

И. Ф. ГОЛУБЕВ

Новый список «Послания дворительного недругу»

Публикуемый текст обнаружен нами в рукописи ГБЛ, ф. 344, № 783/218 (собр. Шибанова, № 431-3). Эта рукопись в 8° (36 × 9.5 см) на 1 + 20 листах (поздней нумерации), в обложке (лл. 1 и 20), писана скорописью. Судя по почерку и бумаге (голова шута на лл. 9, 17), рукопись относится к концу XVII в. (по определению рукописного отдела ГБЛ — к началу XVIII в.). Конца рукописи нет, в середине также утеряны листы (между лл. 13 и 14, 15 и 16 по одному листу), л. 19 полуоторван. Листы рукописи потемнели, в желтых пятнах, оборваны по краям; чернила выцвели, текст местами можно разобрать с трудом.

По содержанию рукопись является письмовником. Ее заглавие аналогично заглавию письмовника в рукописи ГБЛ, собр. бывш. Троице-Сергиевой лавры (Троицк), № 808, первой половины XVII в., по которому был опубликован Л. С. Шептаевым список «Послания дворительного недругу» [1] — «Сказание и начертание епистолиям от божественных писаний своим любезнейшим братиям или сродником, такоже и ко всякому человеку».

Содержание письмовника частично сходно с письмовником в рукописи Троицк. 808. Так, почти буквально совпадают их предисловия, разъясняющие значение письмовников. Начало: «Всяка убо вещь от действа именуема называетца...». Конец: «... и сего ради возлюбих заповеди твоя паче злата и топазия, сииречь камения драгаго».

После предисловия идут зачины к посланиям и послания к разным лицам (в том числе и «Послание дворительное недругу»), отмеченные на полях славянской нумерацией (другой рукой), причем из-за утери листа между лл. 15 и 16 нет статей №№ 17 и 18. Всего в рукописи 28 статей, считая предисловие, начало статьи (без номера) на л. 14 и отрывок статьи без начала и конца на л. 19. В рукописи № 783/218 имеются статьи (21), сходные по содержанию (несмотря на некоторые стилистические отличия) со статьями Троицк. 808; 9 статей, читающихся в Троицк. 808, здесь отсутствуют: «В лавру писати» (л. 290 об.); «В монастырь девичий к старице» (л. 290 об.); «Ко старцу в монастырь» (л. 291); «К старцу» (л. 291); «Ко старцу в монастырь» (л. 291 об.) (иного содержания, чем на л. 291); «К постнику» (л. 292); «Грамотеи» (л. 292 об.); «К другу грамотею» (л. 292 об.); «К другу в полк» (л. 293). С другой стороны, в рукописи № 783/218 добавлены следующие статьи: «Челобитная: Государю священнопротопопу имярек, бьет челом бедный и беспомощный сирота имярек...» (л. 15); «К другу о видении» (л. 16); «К матери родной» (л. 16); «Ко вдовой матери родные» (л. 16); «К сестре» (л. 16 об.); «К другом двум» (л. 17); «Указ, чем голос рядять: Есть

[1] Л. С. Шептаев. «Послание дворительное недругу». (Посадская сатира XVII в.). — ТОДРЛ, т. IX. М.—Л., 1953, стр. 371—379.

трава, ростет на бору вверх пяда и более...» (рецепт с «приговором» от потери голоса; конец оторван) (л. 18). Судя по содержанию и особенно по таким статьям, как «Челобитная» и «Указ, чем голос рядять», письмовник писан или пономарем, или вообще каким-то церковным певчим.

«Послание дворительное недругу» помещено под № 12 на лл. 10 об. — 11 об., вслед за статьей «Послание от матери к сыну», как и в рукописи Троицк. 808. Приводим его текст применительно к разбивке на стихи, сделанной в статье Л. С. Шептаева. В сносках указываются разночтения с текстом рукописи Троицк. 808.

ПОСЛАНИЕ ДВОРИТЕЛЬНОЕ НЕДРУГУ ГОСПОДИНУ ИМЯРЕК ЧЕЛОМБИТЬЕ.[2]

И ещё тебе, господине, добро доспею,
А[3] ехати к тебе не смею.
Живешь ты, господине, вкупе,
А толчёшь в ступе,
И то завернётея у тобя в купе[4]
Потому что ты добре ополчив[5] вкруте,
А[6] яз твоего величества не боюся
И впреть тебе приложуся.[7]
Да велел ты, господине, взяти взаём[8] ржи[9]
И ты[10] не учини в ней лжи,
Чтоы тебе,[11] господине, очи твои радостно видати,[12]
А тебе б пожаловати, та моя рожь отдати,[13]
И в такой старости з голоду не уморити,
И тебе, господину моему, недостаток,[14] что проел я[15]
Животишек своих[16] не забыть.[17]
И я на тебя к богу плачуся,
Что продал[18] я останошную свою клячю.
И ты, господине, на благочестие уклонися,
И[19] нам смилуйся — поплатись,
Милость покажи,
Моей бедности конец укажи.
А докуду твоего платежу ждати,
[20] А твое пору будет ржать.[21]
И я о[22] том не тужу
И сам себе не разсужу.
А тебя не ведаю, как положити
И чем тебя одети,[23]
И ты здрожишь,
А[24] у нас убежишь
И людей насмешишь,
А себя надсадишь,

---

[2] Имя рек челом бьет. [3] *Нет.* [4] пупе. [5] опальчив. [6] И. [7] пригожус. [8] *Нет.* [9] ржа. [10] *Доб.* господине. [11] мне. [12] видет. [13] *Доб. стих:* Добро тебе надо мною подворит. [14] *Доб.* своих. [15] *Нет.* [16] *Нет.* [17] забыл. [18] проел. [19] А. [20–21] *Нет.* [22] а. [23] *Доб.* Шубою тебя одети, — / И тебе опрети. / А портным одети. [24] *Нет.*

А челом бы тебе ударивша[25] гостинцы, да нечим,
Потому что много к тебе послать не смею,
И ты всё отгребёшь,[26]
А мало к тебе послати не смею,
Боюся[27] тебе сердцем[28] ушибешься,
И гостинец не примешь,[29]
И ты нам дай сроку ненадолго,
И мы, как здумаем,
И тебе[30] что ни буди[31] пошлем.
Да, пожалуй, к нам в гости ни ногою,
А мы тебя не ждем
И ворота запираем.
А хлеб да соль у нас про тобя на воротах
Гвоздьем[32] прибита.
И писать было к тебе не мало,
Да разума[33] не стало,
И ты, пожалуй, на нас не пеняй.

---

[25] ударил. [26] обреешь. — / Чести не знаеш. [27–28] тебя, сердца. [29] примеш. [30–31] что-нибуд. [32] Гвоздием. [33] разуму.

Н. С. САРАФАНОВА

Произведения древнерусской письменности в сочинениях Аввакума

Изучение сочинений протопопа Аввакума обнаруживает знакомство его с широким кругом произведений древнерусской письменности. Аввакум был начитан и в учительной, и в житийной, и в исторической литературе.

Отдельные замечания о прочитанной Аввакумом литературе содержатся в монографии А. К. Бороздина[1] и в комментариях к изданию его сочинений.[2] Особенно значительными являются комментарии П. Паскаля, тщательно изучившего почти все ссылки протопопа Аввакума в «Житии» и возможные источники отдельных частей его текста.

Установление круга чтения Аввакума представляет интерес для решения вопроса об уровне и характере его начитанности, образованности, дает материал для суждения об источниках его сочинений, о его писательских приемах.

Задачей настоящей работы было составление перечня произведений древнерусской письменности, авторов и отдельных сюжетов, встречающихся в сочинениях Аввакума. Такой перечень может оказаться полезным для дальнейшего изучения вопроса и уже сейчас позволяет делать некоторые выводы о круге чтения Аввакума.

Трудность определения полного объема круга чтения Аввакума заключается в том, что он преимущественно ссылается только на богословские произведения, постоянно обращаясь к авторитету Библии и святоотеческой литературы, а произведения исторические или повествовательные упоминает лишь мельком. Да и учительная и святоотеческая литература не имеют у Аввакума точных ссылок — он часто называет лишь писателя, не указывая названия сочинения, послужившего источником. Если сравнить приемы его цитирования с приемами, например, Захарии Копыстенского в «Палинодии», точно указывавшего источник,[3] то отсутствие точных ссылок может показаться следствием недостаточной образованности Аввакума. Но оно объясняется не столько «невежеством» Аввакума, сколько отсутствием у него в условиях ссылки и тюрьмы почти всей той литературы, на которую он ссылался. В Пустозерской тюрьме, где написана основная масса сочинений Аввакума, узники были почти лишены книг. Священник Лазарь

---

[1] А. К. Бороздин. Протопоп Аввакум. СПб., 1898, стр. 225—231.

[2] «Житие» протопопа Аввакума и другие его сочинения. Редакция и комментарии Н. К. Гудзия. Academia, М.—Л., 1934 (в дальнейшем: Н. К. Гудзий); P. Pascal. La vie de l'archiprêtre Avvakum écrite par lui-même. Paris, 1938; «Житие» протопопа Аввакума и другие его сочинения. Редакция Н. К. Гудзия. Комментарии Н. К. Гудзия, А. С. Елеонской, А. И. Мазунина, В. И. Малышева, Н. С. Сарафановой. ГИХЛ, М., 1960 (в дальнейшем: «Житие», ГИХЛ; при ссылках на комментарий А. С. Елеонской — А. С. Елеонская).

[3] В. З. Завитневич. «Палинодия» Захарии Копыстенского и ее место в истории западнорусской полемики XVI и XVII вв. Варшава, 1883, стр. 369.

жаловался в челобитной царю: «Книг, государь, нам не дают лет больши десяти, а в печали у нас память губится».[4]

В основном вся литература, известная протопопу Аввакуму, читалась им в молодые годы. В «Житии» он рассказывал, как в Лопатицах (1644—1652 гг.), став священником, «престал от виннаго пития и начах книги почитати».[5] П. Паскаль полагает, что усиленное чтение Аввакума в юности началось уже в Григорове (т. е. до 1644 г.) и было связано с его интересом к Макарьевскому Желтоводскому монастырю — центру духовной жизни Нижегородского края, где Аввакум часто бывал.[6]

Видимо, особенно интенсивным было чтение Аввакума в московский период его жизни (1652—1653 гг.), до сибирской ссылки, когда Аввакум оказался очень тесно связанным с кружком «ревнителей благочестия», возглавлявшимся Стефаном Вонифатьевым. В «Житии» он специально отметил этот факт: «... при духовникове благословении и Неронова Иванна, тешил над книгами свою грешную душу» (168).[7] И впоследствии, когда Аввакуму, уже лишенному свободы, приходилось обличать «никониан» при допросах или на соборах, он вспоминал то, «что от юности в книгах читал».[8]

Делая огромное большинство ссылок по памяти, Аввакум иногда ошибался. И это очень усложняет работу по разысканию источников его сочинений. Так, например, в «Житии» встречается такая фраза: «Древле благодать действоваше ослом при Валааме, и при Улиане-мученике — рысью, при Сисинии — оленем, говорили человеческим гласом» (29).

Заговорившая «Валаамова ослица» — известный библейский сюжет (Книга Чисел, XXII, 28), использованный и апокрифической литературой.[9] Но два других упоминания затрудняли исследователей. П. Паскаль, тщательно изучивший источники почти всех цитат Аввакума в «Житии», в данном случае ничего не смог обнаружить.[10] Надо полагать, что в этом месте Аввакум ошибся в указании имен. Если сюжет «Улиан—рысь» еще ждет своей расшифровки, то источником сюжета «Сисиний — олень», можно думать, является эпизод из Жития Евстафия Плакиды: «Ловящу же ему некогда звери, явися елень, имый посреде рогов своих честный крест Христов, сияющ паче солнца. И начат гонити еленя того, постизая же его, слыша глас от еленя глаголющ: „Что мя гониши? Аз есмь Иисус Христос, его же ты не ведый, чтеши". Сия слышав Евстафий крестися».[11]

Но даже и в тех случаях, когда Аввакум указывает автора произведения, ссылки его бывают настолько глухи, что непременно требуется сопоставление текстов для точного определения источника. Так, например, ссылка его на Григория Беседовника в рассказе о преподобном Венедикте[12] раскрывается как «Беседы» Григория Двоеслова — «Диалоги о жизни и чудесах италийских отцов и о вечности душ» (Римский патерик); ссылка на Патрикия Прусского,[13] как выяснилось при сопоставлении текстов, озна-

---

[4] Материалы для истории раскола за первое время его существования, т. IV. М., 1880, стр. 224.

[5] «Житие», ГИХЛ, стр. 311.

[6] P. Pascal. Avvakum et les débuts du rascol. Paris, 1938, стр. 95.

[7] Здесь и далее цифры в скобках обозначают столбцы по изданию: РИБ, т. XXXIX. Л., 1927.

[8] «Житие», ГИХЛ, стр. 332.

[9] Сказание о Валааме-волхве. См. в кн.: И. Я. Порфирьев. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. — СОРЯС, т. XVII. СПб., 1877, стр. 234.

[10] P. Pascal. La vie. ., стр. 119.

[11] Пролог. Изд. Киево-Печерской лавры, Киев, 1865, под 20 сентября.

[12] «Житие», ГИХЛ, стр. 339.

[13] РИБ, т. XXXIX, стлб. 665; «Житие», ГИХЛ, стр. 265.

чает указание на «Слово св. Патрикия епископа о исходящем огне от земли в различных местех», находящееся в Прологе; рассказ о борьбе с персами Иакова Никейского[14] оказывается эпизодом из Жития Иакова Низибийского.

Ряд ошибок и неточностей в указаниях Аввакума объясняется тем, что многое Аввакум брал из вторых рук, как он сам писал об этом: «Папа-еретик, забыл я имя ему, Спиридон Потемкин, покойник, помнил» (371).

Кроме того, в сочинениях Аввакума можно встретить ссылки, сделанные позднейшими редакторами или переписчиками. Так, например, старообрядец Спиридон Потемкин принимал участие в редактировании некоторых сочинений Аввакума. Будучи «списателем» ответного послания Аввакума боярину Андрею Плещееву, Спиридон Потемкин оставил в послании следы своей латинской образованности (ссылки на Тертулиана, св. Амбросия и др.). И это нужно принимать во внимание при изучении текста произведений Аввакума.

При составлении перечня произведений древнерусской письменности в сочинениях Аввакума учитывались и указания самого Аввакума (даже в том случае, если источник его ссылки не обнаружен), и следы чтения им того или иного произведения. Поэтому указания на источник в перечне имеют различный характер. В одних случаях сообщается только название произведений или автор, упоминаемый Аввакумом, в других указывается параллель к тексту его сочинений. Иногда отсутствуют указания на источник при перечислении сюжетов, так как трудно с уверенностью сказать, в составе каких именно произведений познакомился с ними Аввакум. Так, например, источниками различных апокрифических сведений могли быть и Палея, и Хронограф, и Азбуковник, и Четьи-Минеи, и Пролог. Точно так же сказания о папе Фармосе могли быть известны Аввакуму и по «Книге о вере», и из полемических сочинений против латинян, сказания о падении Византии — из особой повести о взятии Царьграда турками, из Хронографа, Степенной книги и других произведений.

В перечень не включена богослужебная литература и старообрядческие сочинения. Оставляем в стороне и вопрос об использовании Аввакумом Библии. Обилие в сочинениях Аввакума цитат и сюжетов из Библии (евангелий, апостольских посланий, книг пророков, Ветхого завета), своеобразное переосмысление библейских тем и образов делают вопрос о чтении Аввакумом «священного писания» предметом специального исследования.[15]

I. Сочинения повествовательные, исторические, естественнонаучные[16]

Азбуковник (Алфавит, «Алексикон») — РИБ, 5 (87, 159; об аллилуйе), 429 (об орле; см. также «Житие», ГИХЛ, 270; ср. Физиолог), 436 (о горлице; ср. Физиолог), 437 (об «удоли плачевной»), 447 (об олене; см. также

[14] «Житие», ГИХЛ, стр. 204.

[15] При составлении списка указаний Аввакума на круг его чтения употреблены сокращенные обозначения изданий его сочинений: Бороздин — А. К. Бороздин. Протопоп Аввакум. СПб., 1898, приложения. «Житие», ГИХЛ — Житие протопопа Аввакума и другие его сочинения. Под ред. Н. К. Гудзия. ГИХЛ, М.—Л., 1960. Материалы, I — Материалы для истории раскола за первое время его существования, т. I. М., 1875. РИБ — Русская историческая библиотека, т. XXXIX, Л., 1927. Ркп. Прянишникова — ГБЛ, собр. Г. М. Прянишникова, ф. 242, № 61. Ркп. Рогожск. — ГБЛ, собр. Рогожского кладбища, ф. 247, № 667. Цифры в скобках обозначают страницы повторяющихся отрывков.

[16] В этом списке после указания страниц сочинений Аввакума помещаем (в скобках) обозначения сюжета или его начальные строки.

«Житие», ГИХЛ, 269; ср. Физиолог), 513 (о сирине; ср. Физиолог); «Житие», ГИХЛ, 266 (об онагре), 267 (о еродии; ср. Физиолог).

Александрия — РИБ, 877 (об «Александровом воздухохождении»; ср. В. И. Истрин. Александрия русских хронографов. М., 1893, стр. 203).

Великое Зерцало — РИБ, 874 (ркп. ГБЛ, ф. 218, № 691, лл. 25 об., 26, 26 об. «О жене, иже не восхоте ложа осквернити» — о Софронии, жене «римскаго старосты»).

«История Иудейской войны» Иосифа Флавия — Бороздин, 24 (о раззорении Иерусалима Антиохом); РИБ, 445 («Чти книгу Иосифа Евреина...») 569 («Еше надеюся Тита втораго Иусписиановича...»); ркп. Прянишникова, л. 107 (о распятии Христа — «Иосиф Евреин о сем пишет пространно, хорошо...»).

Летописи (Хронограф?) — РИБ, 276 («...в летописцах русских помянуто» — о Флорентийском соборе, см. ниже).

Палея историческая — РИБ, 474 (о царе Давыде и пророке Нафане; см. ЧОИДР. М., 1881, кн. 1, стр. 161—163).

Палея толковая — РИБ, 544 («Егда же кая жена к мужу своему...»), 660—667 (о сотворении мира), 678—682 (о построении ковчега Ноем, о вавилонском столпотворении, о громе, о молнии и радуге), 683 (о Евере), 764 и 877 («...егда ангел великий Альтез древле восхитил Аврама выспрь...»); ркп. Прянишникова, л. 94 (о «колене Данове»). См. Палея толковая по списку, сделанному в Коломне в 1406 г. (Труд учеников Н. С. Тихонравова). Вып. I. М., 1892, стр. 100, 104—112, 114—115.

Повесть об Акире Премудром — РИБ, 946 («Добре мудрец Акир рече...»; см. Памятники старинной русской литературы, вып. 2. СПб., 1860, стр. 364).

Повесть о белом клобуке — РИБ, 760 (у греков «иссяче благочестие...»; «...писано се во Истории о белом клабуце»), 762. См. Памятники старинной русской литературы, вып. 1. СПб., 1860, стр. 290, 294.

Повесть о Николе Заразском — РИБ, 874 («Рязанская княгиня со младенцем с высокия храмины бросилася...»; см. ркп. ГБЛ, ф. 218, № 691, л. 26; см. также Д. С. Лихачев. Повести о Николе Заразском. — ТОДРЛ, т. VII. М.—Л., 1949, стр. 400, 363, 396, 287; ср. также Н. Барсуков. Источники русской агиографии.СПб., 1882, стр. 175).

Притчи Эзопа — «Житие», ГИХЛ, 341 («И бысть страшен законопреступным, являяся, яко лев лисицам». Ср. притчи 4, 109, 111, 133 из «Книги, глаголемой Езопф», перевод с польского языка Ф. Гозвинского, 1607 г. — по ркп. ГПБ, собр. М. П. Погодина, № 1964).[17]

Сказание о змее, летающем на блуд к женам — РИБ, 460 [«...якоже змий ныне летает к женам...»; ср. сказание «Демон-летавец», изданное И. Ждановым в «Русском былевом эпосе» (СПб., 1895, стр. 611)].

Сказание «О явлении образа богородицы некоему старцу духовному на утреннем пении на 9 песни» — РИБ, 687 («...якоже онаго старца, не хотящаго поклонятися в праздники пред образом пречистыя богородицы...; см. ркп. БАН 33.15.124, л. 1).

Сказания о падении Византии — РИБ, 277, 769; «Житие», ГИХЛ, 202.

Сказания о папе-женщине — РИБ, 273—274 («Бысть в Риме ... на престоле в папах баба-еретица...»).

Сказания о папе Фармосе — Бороздин, 74, 76; РИБ, 238 (694, 699, 818, 867), 523, 729 (740, 749).

Сказания о Флорентийском соборе — РИБ, 274—277 («При Евгении

---

[17] Указано Р. Б. Тарковским.

папе римстем...»), 319 («...начальники во Фларенцы граде...»); «Житие», ГИХЛ, 202. См. «Инока Симеона суждальца повесть, како римский папа Евгений состави осмый собор...», «О презвитере и о мужех, бывших в латынских странах». — А. Попов. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян. М., 1875, стр. 341—342, 344—359 (см. А. С. Елеонская, стр. 388).

Физиолог — РИБ, 440 (о льве; см. также «Житие», ГИХЛ, 268; ркп. ГПБ, О. XVII.37, л. 6; ср. А. Карнеев. Материалы и заметки по литературной истории Физиолога. СПб., 1890, приложение, стр. III); «Житие», ГИХЛ, 270 (о птицах-стерхах; ср. Шестоднев), 271 (о фениксе, ср. Азбуковник).

Хождение игумена Даниила — РИБ, 437 («Есть и другая удоль Савина близ обители Савы Освященнаго...»; см. Житье и хоженье Данила Русьскыя земли игумена. 1106—1108 гг. Под ред. М. В. Веневитинова. — Православный палестинский сборник, т. 1, вып. 3. СПб., 1883, стр. 54).

Хроники — РИБ, 238 («...о сем писано в летописце латынском, «О вере» книги указует, летописец которой»; см. также 694, 699, 818, 867 — о папе Фармосе см. выше), 276 («...писано в летописцах латынских» — о Флорентийском соборе, см. выше), 289 («...гронограф и вси кронники свидетельствуют» — о греческих богах и философах).

Хронограф — Бороздин, 43; ср. ркп. Прянишникова, л. 114 об.—115 об. [об «Иулиане-отступнике»; ср. Хронограф 1512 г. — ПСРЛ, т. 22, вып. I. СПб., 1911 (далее: Хронограф), стр. 275]; РИБ, 289 (см. выше Хроники), 466 и 598 (об Амфилохии Иконийском; ср. Хронограф, стр. 281), 468 (о Манассии; ср. Хронограф, стр. 158), 471 (о патриархе Мефодии и императоре Феофиле; ср. Хронограф, стр. 337), 476 (об императоре Константине Бородатом; ср. Хронограф, стр. 310), 728 [739, 749; о еретике Арии и императоре Константине; ср. Хронограф, стр. 272]; ркп. Прянишникова, л. 118 (о смерти Ария; ср. Хронограф, стр. 274), ркп. Рогожск., л. 420 об. («...на первом вселенском соборе некоему философу...»; см. Хронограф, стр. 271). См. также выше Сказания о Флорентийском соборе.

Апокрифы

О сотворении земли, звезд, солнца — РИБ, 663; ср. апокриф «О небеси» — Ложные и отреченные книги, собр. А. Н. Пыпиным. — Памятники старинной русской литературы, изд. Г. Кулешевым-Безбородко, вып. 3. СПб., 1862 (далее: Ложные и отреченные книги), стр. 156 (А. С. Елеонская, стр. 409).

О сотворении Адама и Евы — РИБ, 667, 668; ср. «Како сотвори бог Адама» — В. Мочульский. Следы народной Библии в славянской и древнерусской письменности. Одесса, 1893, стр. 80 (Н. К. Гудзий, стр. 449); «От книг Еноха праведнаго» — Ложные и отреченные книги, стр. 15 (А. С. Елеонская, стр. 409); «Беседа трех святителей» («взято от земля тело...»), «От скольких частей создан был Адам» — Н. Тихонравов. Памятники отреченной русской литературы, т. II. М., 1863 (далее: Н. Тихонравов), стр. 443, 444.

О рае — РИБ, 667; о грехопадении Адама и Евы — РИБ, 670, 672; о смерти и погребении Авеля — РИБ, 675—676; о занятиях Сифа астрономией — РИБ, 677; о гигантах—РИБ, 678, о построении ковчега Ноем — РИБ, 678—680; о вавилонском столпотворении — РИБ, 681—683 (Бороздин, 225, 227—230, 256); ср. выше Палея толковая.

Об Аврааме — РИБ, 347, 764; ср. «Откровение Авраама» — Н. Тихонравов, т. I, стр. 44—45. См. выше Палея толковая.

О Енохе — РИБ, 895, 929—930; ср. апокрифы о Енохе — Н. Тихонравов, т. I, стр. 19, и «Слово Мефодия Патарского», см. ниже.

О Мелхиседеке — РИБ, 303, 334—335; ср. «Слово Афанасия Великого, архиепископа Александрийского, о Мелхиседеке» — СОРЯС, т. XVII, стр. 133 (Н. К. Гудзий, стр. 436).

О царе Соломоне и о крестном древе — РИБ, 266—267; ср. апокрифы «Исповедание Евы», «Северияна епископа Авасильского о древе спасеннаго креста», «Сказание Григория Богослова о кресте честном», «Слово о Адаме и о Евзе», «Слово о древе крестном» — Ложные и отреченные книги, стр. 1—4, 81—83; Н. Тихонравов, т. I, стр. 9, 305—313 (А. С. Елеонская, стр. 387).

Сказание о 12 драгоценных камнях на наперснике первосвященника — РИБ, 609 (о сапфире; см. СОРЯС, т. XVII, стр. 200; ср. Палею, Хронограф, Азбуковники).

*

Деяния апостолов Петра и Павла — РИБ, 267—269, 272; ср. Библиографические материалы, собранные А. Н. Поповым. М., 1889, стр. 38, 41 (А. С. Елеонская, стр. 388).

Деяния апостола Павла и Феклы — «Житие», ГИХЛ, 299; см. Великие Четьи-Минеи, 24 сентября, изд. Археографической комиссии. СПб., 1899, стр. 1376—1390; ср. І. Франко. Апокрифи і легенди з українських рукописів, т. III. У Львові, 1902 (далее: І. Франко), стр. 33—45.

Житие Дионисия Ареопагита — РИБ, 3 (85, 157; «Житие», ГИХЛ, 306—307); ср. І. Франко, стр. 226.

Мучение св. великого первомученика Стефана — РИБ, 773 (787, 798); ср. І. Франко, стр. 29—32.

Мучение апостола Филиппа — РИБ, 626; см. Великие Четьи-Минеи, 14 ноября, изд. Археографической комиссии. СПб., 1899, стр. 1999—2000; ср. І. Франко, стр. 177, 183.

Никодимово Евангелие — ркп. Прянишникова, лл. 107 об., 108 об. — 109 [о суде над Иисусом Христом; см. И. Я. Порфирьев. Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. — СОРЯС, т. LII. СПб., 1890 (далее: СОРЯС, т. LII), стр. 166—168].

О смерти Пилата и Каиафы — РИБ, 569; ср. Послание Пилата к Тиверию кесарю — СОРЯС, т. LII, стр. 197 (Н. К. Гудзий, стр. 466); ср. также «Сказание о приходе в Рим сестер Лазаря, Марфы и Марии» — там же, стр. 202, 203.

«Слово св. отца нашего Евсевия епископа Александрийскаго о вшествии Иоанна Предтечи во ад» (издано в Московском соборнике 1647 г. под именем Евсевия Самосатского) — РИБ, 452, 640, 847 (о сошествии Христа в ад; см. СОРЯС, т. LII, стр. 211).

Слово в великую субботу св. Епифания, архиепископа Кипрского — РИБ, 641 (846—847), 642—646; см. СОРЯС, т. LII, стр. 214, 215, 223—225.

*

Беседа трех святителей — РИБ, 651—660; см. Ложные и отреченные книги, стр. 169—178.

Об антихристе — РИБ, 895; ркп. Прянишникова, лл. 93—94 об.; см. «Толковое пророчество Даниила» («. . .пишет в Толковом в Даниилове пророчестве. . .») и «Слово Мефодия Патарского» — Н. Тихонравов, т. II, стр. 256, 261—268.

III. Житийная литература

Житие Андрея Юродивого — РИБ, 507; «Житие», ГИХЛ, 280.
Житие Ануфрия-пустынника — РИБ, 510.
Житие Арефы-мученика — РИБ, 874.
Житие преподобного Венедикта — «Житие», ГИХЛ, 339.
Житие Галактиона и Епистимии — РИБ, 943.
Житие Григория Двоеслова — РИБ, 398, 941.
Житие преподобного Давида-разбойника — РИБ, 519.
Житие мученицы Домнины — РИБ, 872, 874.
Житие Дросиды — РИБ, 873.
Житие Евпраксии Великой — РИБ, 402.
Житие Евстафия Плакиды — РИБ, 29 (109, 183).
Житие Евфимия Великого — РИБ, 857.
Житие Ефросина Псковского — РИБ, 6 (87, 159); ркп. Прянишникова, л. 128 об.
Житие Иакова Низибийского — «Житие», ГИХЛ, 204.
Житие Иоанна Дамаскина — РИБ, 708 (712); «Житие», ГИХЛ, 338.
Житие Иоанна Златоуста — Материалы, I, 21, 22; РИБ, 285, 566—567, 914, 946.
Житие Исаакия Печерского — РИБ, 936 (938, 958; ркп. Прянишникова, л. 130 об.).
Житие великомученика Иулиана — РИБ, 451.
Житие Козьмы и Дамиана — РИБ, 32.
Житие Льва Катанского — РИБ, 833 (840).
Житие мученика Маманта — «Житие», ГИХЛ, 325.
Житие мученицы Манефы — РИБ, 874.
Житие Марии Египетской — РИБ, 510.
Житие Мастридии — РИБ, 915.
Житие Мелетия Антиохийского — РИБ, 236 (697).
Житие Никиты Столпника Переяславского — РИБ, 519.
Житие Николы Мирликийского — РИБ, 559, 574, 626.
Житие преподобного Сергия Радонежского — РИБ, 377, 554.
Житие мученицы Соломонии — РИБ, 873.
Житие Стефана Пермского — РИБ, 12 (94, 166).
Житие Тимофея-пустынника — РИБ, 510.
Житие Феодора Едесского — РИБ, 29 (109, 183), 519.
Житие преподобномученицы Феодосии — РИБ, 398.
Патерики — Бороздин, 25; РИБ, 466, 687 («Скитский»).

IV. Богословские и полемические сочинения [18]

Андрей Кесарийский, Толкование на Апокалипсис — Бороздин, 46.
Андрей Критский — РИБ, 438, 667.
Афанасий Великий — РИБ, 6 (88, 159), 340, 418, 579, 589, 646, 851 (толкование 9-го псалма), 894, 896 («слово к Маркеллину»); ркп. Прянишникова, л. 93 об.
Бароний Цезарь, Церковные летописи — Материалы, I, 487 (см. также ркп. Рогожск., л. 417 об.); Бороздин, 74 (см. выше Сказания о папе Фармосе).
Беседа Панагиота с Азимитом — РИБ, 309 («. . . яко рече гречески Азимит римскому кардиналу. . .»; см. II редакцию «Беседы» — А. Попов.

[18] В списке ссылок Аввакума на святоотеческую литературу названия сочинений приводятся, как правило, только в том случае, если их указывает сам Аввакум.

Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян. М., 1875, стр. 280).

Василий Великий — РИБ, 5 (87, 159), 69 (134, 224), 261 (ср. 66), 279, 430, 480, 485, 627—630 («слово о св. троице»), 658 («слово на рожество богородицы»); ркп. Прянишникова, лл. 121 об., 122.

Григорий Богослов (Назианзин) — Материалы, I, 487 (ркп. Рогожск., л. 418); РИБ, 454 («слово о нищелюбии»), 586, 587, 644, 649, 650 («на святую пасху стих 58»), 865 («правила»; см. также 892, 899); ркп. Прянишникова, л. 94, 94 об.

Григорий Великий (Двоеслов, папа римский) — РИБ, 460; «Житие», ГИХЛ, 339.

Григорий Нисский — Материалы, I, 487 (ркп. Рогожск., лл. 417, 420 об.); РИБ, 5 (87, 159), 547, 612, 637 («правила»; см. также 847, 852).

Григорий Омиритский — Бороздин, 138—139; РИБ, 637, 641 («...во Амиритове книге»), 851.

Григорий Синаит — РИБ, 367 (ср. 853).

Дорофей, авва — РИБ, 152 («поучение о любви») — 154 («поучение 4»).

Евсевий Самосатский — см. выше «Слово Евсевия Александрийского...».

Епифаний Кипрский — РИБ, 267, 528; ркп. Прянишникова, л. 111.

Ефрем Сирин — Материалы, I, 486, 488 (ркп. Рогожск., л. 418 об.); Бороздин, 76 (РИБ, 239, 695, 699, 819, 868); РИБ, 153, 861, 895; ркп. Прянишникова, лл. 93 об., 94.

Игнатий, иеромонах — РИБ, 608 («канон Одигитрии»).

Иоанн Дамаскин — РИБ, 256 (степенные антифоны), 284, 302, 312, 340, 342—343 («слово на иконоборцы»; см. также 643, 646), 345, 352—353 («Где юность, где очи красные...»; см. также 919; ср. стихиры на погребение), 437, 661, 728 («Христа он ... не исповедует...»; ср. «Небеса»), 898; «Житие», ГИХЛ, 261; ркп. Прянишникова, л. 121 об. («Небеса», слово 38).

Иоанн Златоуст, Беседы на послания апостола Павла — Материалы, I, 485, 487—490 (ркп. Рогожск., лл. 418—419 об.); РИБ, 412, 493, 543, 565, 573 (см. также «Житие», ГИХЛ, 275; ркп. Прянишникова, л. 96 об.), 642—643, 674, 723 (731, 742), 782 (794, 805—806), 826, 892, 897, 910. Беседы на Деяния апостолов — РИБ, 244 (ср. 42, 119, 193). Маргарит — РИБ, 655, 665; Слово ... о вочеловечении — РИБ, 7 (89, 161), 524, 581—584; Слово ... о еже предста царица — РИБ, 585, 586; Слова на июдея — Бороздин, 23; РИБ, 460, 462, 463, 892; ркп. ГПБ, О. XVII. 37, л. 6 об.; ркп. Прянишникова, л. 117—117 об.; Слово ... о крещении — РИБ, 637—638; Слово ... о лжеучителях — Бороздин, 46; Слово 3 о непостижимом — РИБ, 598—609; Слово 4 о непостижимом — РИБ, 596—598; Слово 6 о непостижимом — РИБ, 587, 591—595; Слово ... о оглашении — РИБ, 391, 554; Слово на рождество богородицы — РИБ, 283; Слово ... о умилении — РИБ, 550. Слова — Бороздин, 45, 46; РИБ, 317, 340, 341 («слова на пасху»), 386, 456, 547, 559, 619, 808 (812), 898, 911, 939.

Иоанн Лествичник — Бороздин, 25; РИБ, 493—494, 808 (812); ркп. ГПБ, О.XVII.37, л. 6 об.

Иоанн, экзарх болгарский — РИБ, 852. Шестоднев — РИБ, 549 [«имать солнце в себе два естества»; см. Шестоднев, составленный Иоанном, экзархом болгарским. — ЧОИДР. М., 1879, кн. 3 (далее: Шестоднев), л. 136], 550 (об «обмерении» солнца; см. Шестоднев, л. 105 об.), 582 (ср. 612), 586 (о «коловращении» солнца и звезд; см. Шестоднев, л. 132, 132 об.), 610—611 («Платон же ... лепо не разумел»; см. Шестоднев, л. 211, 211 об.), 611—612 («Мнози мнеша не смысля...»; см. Шестоднев, лл. 239 об.—240 об.), 613—615 («Где ми, жидовин, иже по следу...»; см. Шесто-

днев, лл. 233 об.—235); «Житие», ГИХЛ, 262—263 («Да гряди, убо, чадо...»; см. Шестоднев, л. 21), 264 («Той бо есть бог богом.....», см. «Шестоднев», л. 11), 272 (о морских животных, о китах, о каркине и острее; см. Шестоднев, лл. 162 об., 167—168 об., 172), 273 (о многоножице — см. Шестоднев, л. 167 об., 168; ср. Физиолог по ркп. ГПБ, собр. М. П. Погодина, № 1964, л. 35; о кораблях — см. лл. 74, 75; ср. с Толковой псалтырью Феодорита Кирского по ркп. ГПБ, Q. I. 37, л. 159), 275 («Да слыши попросту...»; см. Шестоднев, л. 56 об.). Перевод Богословия Иоанна Дамаскина — «Житие», ГИХЛ, 266 («...и погоняху морскую горькую воду в лукияты жилы...»; ср. «Богословие Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна эксарха болгарского. — ЧОИДР. М., 1877, кн. 4, л. 155).

Иосиф Волоцкий — Бороздин, 138, 139; РИБ, 637, 846, 847 (см. также ркп. Прянишникова, л. 128 об.). Ср. Просветитель (слово 4). Казань, 1904, стр. 187.

Иосиф Песнопевец — РИБ, 344 (стих на пасху и канон с акафистом богородице), 659.

Ипполит, папа римский — Бороздин, 46, 47, 76 (РИБ, 239, 695, 699, 819, 868); РИБ, 321, 895, 911; ркп. Прянишникова, л. 94.

Иустин Философ — РИБ, 590.

Кирилл Иерусалимский — Бороздин, 42; ркп. Прянишникова, лл. 94 об., 95 об., 97 об., 98 об.

Максим Грек — Бороздин, 75 (РИБ, 58, 127, 206, 236, 239, 693, 697, 700, 817, 867, 902); РИБ, 305, 619, 873.

Максим Исповедник — РИБ, 340.

Мелетий Антиохийский — Бороздин, 74, 75 (РИБ, 58, 127, 206, 236, 239, 693, 697, 700, 817, 867, 902).

Митрофан, св. — РИБ, 340, 659 (канон троице).

Николай Малакс («Николая священнаго Малакса, протопопа навплийского, о знаменовании соединяемых перстов руки священника, внегда благословити ему христоименитые люди» из «Скрижали») — Бороздин, 76 (РИБ, 818, 868); РИБ, 238—239 (695, 699), 321, 569, 898.

Никон Черногорец — РИБ, 237 (697).

Патрикий Прусский — РИБ, 665; «Житие», ГИХЛ, 265 (ср. «Слово св. Патрикия епископа о исходящем огне от земли в различных местах»; см. Пролог, 6 марта).

Петр Дамаскин — Бороздин, 75 (РИБ, 58, 127, 206, 236, 239, 693, 697, 700, 817, 867, 902).

Пролог — РИБ, 667 («Егда богородица моляшесе в Сионе...»; ср. Пролог, 15 августа), 897.

Псалтыри толковые — РИБ, 851 (Толковая псалтырь, приписываемая Афанасию Александрийскому), 852.

Псевдо-Дионисий Ареопагит — РИБ, 1—5, 83—86, 155—158 («О божественных именех», «О небесных силах»), 60 (128, 207), 512, 590, 598, 658.

Пселл Премудрый — РИБ, 612.

Стоглав — Бороздин, 75 (РИБ, 58, 127, 206, 239, 693—694, 700, 817, 867, 902, 910); РИБ, 826; ркп. Прянишникова, л. 128—128 об.

Феодорит Кирский — Бороздин, 75 (РИБ, 58, 127, 206, 236, 239, 693, 697, 700, 817, 867, 902); «Житие», ГИХЛ, 273 (о кораблях; ср. Толковую псалтырь Феодорита Кирского по ркп. ГПБ, Q.I.37, л. 159; ср. Шестоднев).

Филон — РИБ, 669.

Цветники — Материалы, I, 486; РИБ, 370 («Духовный»), 867 («Енисейский»).

V. Печатные издания

Жезл правления. М., 1667 — РИБ, 283, 758, 899.

Кириллова книга. М., 1644 — РИБ, 236 (697), 465; ркп. Прянишникова, л. 98.

Книга о вере единой, истинной, православной. М., 1648 — Бороздин, 42, 46; РИБ, 236 (697). См. также выше Сказания о папе Фармосе.

Кормчая. М., 1650 — РИБ, 852; см. также 29 (109, 183), 38 (117, 192).

Поучительные слова св. Ефрема Сирина. М., 1647 — РИБ, 67 (133, 215).

Скрижаль. М., 1656 — РИБ, 413—414, 782 (793, 805); ркп. Прянишникова, л. 128 об. См. выше: Николай Малакс.

Соборник, слова избранныя о чести святых икон и о поклонении («Многосложный свиток»). М., 1642 — РИБ, 342—343, 643, 646.

Соборник, слова избранныя... М., 1647 — РИБ, 650.

Собрание краткия науки о артикулах веры (Малый Катехизис). М., 1649 — Бороздин, 75.

Устав, сиречь око церковное. М., 1641 — ркп. Прянишникова, л. 122 об.

Если сравнить список литературы, использованной в сочинениях протопопа Аввакума, с существующими описаниями книг образованнейших людей своего времени — киевского митрополита Петра Могилы,[19] Павла, митрополита Сарского и Подонского,[20] Епифания Славинецкого,[21] а также с описанием библиотеки патриарха Никона,[22] сразу бросается в глаза существенное отличие. В этих описаниях значительное место занимают переводные и оригинальные книги —греческие, латинские, польские, различные естественнонаучные сочинения, грамматики. Аввакум использовал только русские произведения и книги. Те ссылки, которые он довольно часто делает на «кроники латынские», объясняются его хорошим знакомством с «Книгой о вере», где с такими же ссылками на латинские хроники (в основном на «Церковные летописи» Барония) имеются все те сюжеты, которые привлекли внимание Аввакума (о папе Стефане и отступнике Фармосе, о папе-женщине, о пришествии антихриста, о «Флоренском соборе»).

Естественнонаучные сведения Аввакум черпал только из Азбуковника, Физиолога, Шестоднева Иоанна, экзарха болгарского, находясь в этом отношении целиком на уровне средневекового древнерусского книжника. Никаких упоминаний о грамматиках, учебниках по азбуке, диалектике, философии, о географических сочинениях у Аввакума не находим. Таким образом, если по объему литература, использованная Аввакумом, и не уступает значительно библиотекам современных ему видных церковных и культурных деятелей, то разница в характере отбора литературы очень ощутима.

Аввакум читал, по-видимому, историческую и повествовательную литературу в большем объеме, чем сам указывал в своих сочинениях. Так, на-

---

[19] С. Г—в. Книги, цитируемые в произведениях Петра Могилы и людей, работавших под его непосредственным наблюдением и руководством. — Киевские епархиальные ведомости. Киев, 1876, № 9, стр. 302—303.

[20] В. Ундольский. Библиотека Павла, митрополита Сарского и Подонского (опись). — Временник Московского общества истории. М., 1850, кн. 5, отд. III, стр. 65—75.

[21] В. Ундольский. Книги Епифания Славинецкого (опись). — Временник Московского общества истории. М., 1850, кн. 5, отд. III, стр. 79.

[22] И. Д. Беляев. Переписная книга домовой казны патриарха Никона. — ВОИДР, кн. 15. М., 1852, отд. III, стр. 1—136.

пример, Аввакум не считает нужным обращать внимание читателей на свое постоянное использование Хронографа (рассказы о вселенских соборах, о еретике Арие и его смерти, о царе Константине, Феодосии Великом, о греческих патриархах и т. д.). Основательное чтение Аввакумом Хронографа восстанавливается при сличении текстов хронографических статей и его сочинений. Знакомство Аввакума с Повестью о Николе Заразском также восстанавливается только на основании текстовых параллелей.

Отсутствие в ряде случаев указаний на прочитанную повествовательную литературу говорит о сознательной установке Аввакума ограничить круг произведений, к авторитету которых обращался, церковной литературой. И этот факт находится в несомненной зависимости от крайне отрицательного отношения Аввакума к «внешней мудрости».

Рассмотрение аввакумовского круга чтения может дать существенный материал не только для изучения идейных позиций Аввакума. Также важно знать источники сочинений Аввакума и для правильного издания его текста. Приведем два примера.

В Послании к Борису, направленном в московскую старообрядческую общину, обращаясь к старице Елене, протопоп Аввакум писал: «...не обленись поработати господеви. Аще ли просто положишь, болшую беду на себя наведешь: без руки будешь, и без ноги, и без глаз, и глуха, и острупленна, яко Елисей. Я ли затеваю? Да не будет» (859). Так обычно издается этот текст. Это ведет к следующему пониманию текста: Аввакум грозит старице Елене в случае непослушания божьим наказанием (по-видимому, проказой), постигшем в свое время какого-то Елисея. Между тем текст надо читать иначе: «...без руки будешь ... и глуха, и острупленна. Яко Елисей я ли затеваю? Да не будет, но тако глаголет дух святый». Аввакум упоминает здесь о библейском пророке Елисее, жестоко наказавшем проказой за преступление своего ученика Гиозию, и ставит вопрос о взаимоотношениях пастыря и духовных детей. Аввакум отказывается сравнить себя с пророком Елисеем («Яко Елисей я ли затеваю? Да не будет...»), так как не хочет противопоставлять себя другим членам общины, он так же греховен, как и старица («Я оглашенной, ты оглашенная ... оба мы равны»), и смеет судить ее не в силу своей собственной святости, а по долгу духовного отца.

По поводу чтения части текста одного из писем боярыне Морозовой у издателей существуют разногласия. Я. Л. Барсков напечатал текст так: «Никак не по человеку стану судить. Хотя мне тысячу литр злата давай, не обольстишь, не блюдись, яко и Епифания. Евдоксия, дочь ты мне духовная, не идешь у меня ни на небо, ни в бездну».[23] Комментируя это место, Я. Л. Барсков считал, что Аввакум писал одновременно и Евдокии Урусовой, заключенной вместе с Морозовой в Боровской тюрьме, и на этом основании делал предположение о дальнейшем смысле письма.[24] Имя Епифания он оставил здесь без пояснений, полагая, видимо, что это старец Епифаний, соузник Аввакума, о котором Аввакум сообщал в этом же письме выше.

П. С. Смирнов издал текст иначе: «...не обольстишь, не блюдись, яко и Епифания Евдоксия. Дочь ты мне духовная. ..» (914). Н. К. Гудзий повторил издание Я. Л. Барскова.[25] Рассмотрение литературы, читавшейся Аввакумом, убеждает в правильности понимания текста П. С. Смирновым.

---

[23] Я. Л. Барсков. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912, стр. 43.
[24] Там же, стр. 304.
[25] Н. К. Гудзий, стр. 304.

Аввакум упоминает здесь об известном «отце церкви» — епископе Епифании Кипрском, которого пыталась склонить на свою сторону византийская царица Евдоксия в конфликте с Иоанном Златоустом, как рассказывает об этом Житие Иоанна Златоуста.[26]

Таким образом, определение круга чтения Аввакума имеет очень большое значение для изучения многих вопросов, связанных с его творчеством. В настоящем сообщении мы ограничимся лишь указанием на самый круг чтения Аввакума. Изучение проблем идейного осмысления и приемов использования произведений древнерусской письменности в сочинениях Аввакума является предметом дальнейшего исследования.[27]

---

[26] Житие Иоанна Златоуста. — В кн.: ВМЧ, 13 ноября. СПб., 1899, стр. 1020—1022.

[27] Во время печатания статьи вышла работа А. Н. Робинсона «Avvakum et Dorothée (à propos des sources littéraires de la Vie d'Avvakum)» (Revue des études slaves, t. XXXVIII. Mélange Pierre Pascal. Paris, 1961, стр. 165—171), посвященная вопросу об использовании Аввакумом сочинений аввы Дорофея, и закончена монография А. Н. Егунова «Гомер в русских переводах» (ИРЛИ АН СССР), где указывается на знакомство Аввакума с некоторыми строчками из «Илиады» (через «Житие» Патрикия Прусского; ср. в нашей статье сопоставление текста Аввакума с проложным «Словом св. Патрикия епископа о исходящем огне от земли в различных местах»).

А. И. МАЗУНИН

Краткая редакция Повести о боярыне Морозовой

Повесть о житии боярыни Морозовой была написана вскоре после ее смерти хорошо знавшим боярыню человеком; наряду со свидетельствами современников, письмами самой Феодосии Прокопьевны она является основным источником сведений о жизни Морозовой.

Житие Морозовой дошло до нас в двух редакциях — распространенной и краткой. Распространенная редакция публиковалась несколько раз,[1] краткая редакция не печаталась и мало известна исследователям. Между тем она представляет интерес и по своему содержанию, и как определенный этап в истории жизни этого литературно-исторического памятника.

В настоящее время известно 9 списков краткой редакции Жития Морозовой.

1. Заглавие: «О болярыни Феодосии Морозовых и княгини Евдокии Урусовых с прочими». Начало: «Сия убо великия страстотерпицы имеяху отечество царствующий град Москву». БАН, собр. В. Г. Дружинина, № 361 (старый № 317). Рукопись конца XVIII в. (водяной знак — буквы «РФ», дата 1786 г.), 4°, поморский полуустав, без переплета, лл. 1—30 об., л. 30 об. — хвалебное силлабическое четверостишие.

2. Заглавие: «Краткое сказание о житии и страдании великоблагородных княгинь московских, новых исповедниц, сигклитикии Феодосии, во инокинях Феодоры, Морозовых и сестры ея Евдокеи Урусовых и прочих». Начало то же. ГПБ, собр. А. А. Титова, № 3437. Сборник конца XVIII в. (водяной знак — буквы «РФСЯ», герб Ростовского уезда, дата 1787 г.), 4°, полуустав, переплет картонный, лл. 1—48 об., лл. 49—54 — «Надсловие великоблагородным княгиням и страстотерпицам». Содержание сборника: «Слово Сирахово на немилостивыя князи», «Слово, яко подобает покорятися властителем». См.: В. Г. Дружинин. Писания русских старообрядцев. СПб., 1912, стр. 209: Тит. III, № 1156 (XVIII в.), стр. 462.

3. Заглавие и начало те же. БАН, собр. В. Г. Дружинина, № 137 (новый № 106). Сборник конца XVIII в. (водяной знак — лигатура «МК», даты 1789, 1790, 1791 гг.), 4°, полуустав, переплет — доски в коже с 2 застежками, лл. 222 об.—224 — «Надсловие великоблагородным княгиням и страстотерпицам». Содержание сборника: из «Уложения» Алексея Михай-

---

[1] Житие боярыни Морозовой, княгини Урусовой и Марьи Даниловой впервые полностью было опубликовано в 1887 г. проф. Н. И. Субботиным в VIII т. «Материалов для истории раскола за первое время его существования». Для издания Н. И. Субботин использовал два известных ему списка Жития: список ГПБ, Q.I.475, взятый за основной, и список ГИМ, Увар. 627 (Царск. 474), который приводился в вариантах. Публикация Н. И. Субботина послужила основой для многочисленных старообрядческих изданий Жития конца XIX—начала XX в.: в хрестоматии «Старая вера» (М., 1914), в издании И. Глазунова (М., 1915) и других изданиях московских, уральских, рижских старообрядцев без выходных данных.

ловича «О табаке», «О хмельном питии», «О брани матерной», «О брадобритии»; из слов Иоанна Златоуста о лжепророках и др. См.: В. Г. Дружинин. Писания русских старообрядцев, стр. 209: Друж. № 137, л. 191 (XIX в.); Описание рукописного отделения БАН, т. IV, вып. 1. М.—Л., 1951, стр. 428—429.

4. Заглавие и начало те же. БАН, собр. Ф. А. Каликина, № 87. Сборник конца XVIII в. (водяной знак — буквы «КФНХ», дата 1796 г.), 4°, полуустав, переплет — доски в тисненой коже с 2 медными застежками, лл. 102—104 — «Надсловие великоблагородным княгиням и страстотерпицам». Л. 326 — «Сия книга Саввы Иванова Стрелкова, креснянина (!) госпожи Зубковой 7306-е лета» (1798 г.). Содержание сборника: Житие инока Корнилия, Послание инока Авраамия к Алексею Михайловичу, Слово о вере Андрея Денисова и др.

5. Заглавие и начало те же. БАН, собр. Ф. А. Каликина, № 168. Сборник начала XIX в. (водяной знак — герб г. Петербурга, буквы «БF»), 4°, поморский полуустав, переплет — доски в коже с 2 медными застежками, лл. 47 об.—49 — «Надсловие великоблагородным княгиням и страстотерпицам». Содержание сборника: сочинения об антихристе, Прение дьякона Федора с митрополитом Афанасием Иконийским, Послание инока Авраамия, «Сказание Ивана Пересветова о царе Турском, как хотел книги греческие сжечь» и др. Имеется оглавление.

6. Заглавие и начало те же. ГПБ, собр. Н. Я. Колобова, № 260. Сборник начала XIX в. (водяные знаки — Pro Patria, буквы «АО», дата 1812 г.), 4°, полуустав, переплет — доски в коже с 2 застежками, лл. 245 об.—256 — «Надсловие великоблагородным княгиням и страстотерпицам». Содержание сборника: Книга, глаголемая Ияков, Переписка Андрея Денисова с Феодосием Васильевым, Прение дьякона Феодора с митрополитом Афанасием Иконийским о сложении перст, «Тайну цареву добро есть таити» дьякона Феодора, Послание инока Авраамия, «Сказание Ивана Пересветова о царе Турском...» и др. Лл. 262 об.—263 — 17 строк о Морозовой из «Винограда Российского».

7. Заглавие и начало те же. ГБЛ, собр. Е. Е. Егорова, № 995. Сборник первой четверти XIX в. (водяной знак — дата 181... г.), 8°, поморский полуустав, переплет — доски в коже с 2 медными застежками. Вместо «Надсловия» — «Написахом в славу и честь». Содержание сборника: выписки из Апокалипсиса.

8. Заглавие и начало те же. ГБЛ, собр. Е. Е. Егорова, № 1194. Сборник конца XIX—начала XX в., в 4°, поморский полуустав, переплет — картон в коже с золотым тиснением, обрез позолочен. «Надсловия» нет. Содержание сборника: Повесть о царице Динаре, Повесть о царице и львице.

9. Заглавие и начало те же. Собрание Е. Н. Панаиотова (г. Ленинград). Сборник конца XIX—начала XX в., 4°, полуустав, «Надсловия» нет. Содержание сборника: Повесть о царице Динаре, Житие Корнилия Выговского, Повесть о царице и львице.

Обращает внимание тот факт, что краткая редакция Жития боярыни Морозовой в сборниках находится в окружении старообрядческих поморских сочинений.

Чем же отличается краткая редакция от распространенной, когда и при каких обстоятельствах она возникла, кто был ее создателем?

На существование краткой редакции Жития боярыни Морозовой впервые обратил внимание В. Г. Дружинин, который привел сведения о двух

списках краткой редакции.[2] Дополнявшие В. Г. Дружинина В. З. Беликов и П. И. Власов новых списков краткой редакции не указали.[3]

Краткая редакция Жития Морозовой возникла на основе редакции распространенной,[4] откуда заимствована композиция, использованы сведения о жизни Ф. П. Морозовой. Вместе с тем в трактовку основного образа Жития внесены такие изменения, которые позволяют говорить не о простом сокращении хорошо известной распространенной редакции, а о новой, краткой редакции Жития. Особенности и отличия краткой редакции вполне осознавались переписчиками, поэтому большинство списков данной редакции, кроме самого старшего, озаглавлено «Краткое сказание о житии и страдании...». Слова «краткое сказание» здесь не просто «обычный в заглавиях оборот речи»,[5] а сознательное и намеренное подчеркивание основной особенности краткой редакции сравнительно с распространенной.

В краткой редакции Жития Морозовой сразу же обращает на себя внимание установка на назидание и поучение читателя. Для этой цели использован ряд трафаретных приемов житийного повествования, которые почти совсем не заметны в той «историко-бытовой повести»,[6] какой является распространенная редакция. Наряду с трафаретными приемами описания использованы и новые риторические средства, которых тоже не знала распространенная редакция и которые в краткой редакции выражают отношение составителя к описываемым событиям и усиливают эмоциональное воздействие на читателя или слушателя.

В традиционном житийном стиле краткая редакция начинает описание родителей «страстотерпиц» и повествует о том, как они изучали «святые писания». Сын Морозовой, Иван Глебович, «от издетска благопокорен, благопослушен, благонравен»; разлучаемая с сыном боярыня утешает его словами апостольских посланий, перед смертью наставляет соузниц псалмами Давида. В сцене суда у патриарха составитель краткой редакции, специально для читателя, заставляет Морозову перечислить основные пункты расхождения в вере между старообрядцами и «никонианами».

В краткой редакции сознательно усилен и подчеркнут элемент чудесного, отсутствующий в редакции распространенной (кроме выделенного в конце «видения» Мелании). Так, согласно распространенной редакции тайный постриг Ф. П. Морозовой был совершен Досифеем.[7]

Краткая редакция пострижение Морозовой объясняет с помощью чуда: по свидетельству некоего «страдальца Сергия», темницу, в которой нахо-

---

[2] В. Г. Дружинин. Писания русских старообрядцев. СПб., 1912, стр. 209.

[3] В. З. Белоликов. Библиографическая заметка. — Труды Киевской духовной академии, т. II. кн. 5—8. Киев, 1912, стр. 564—586; П. И. Власов. Новый труд по описанию старообрядческой литературы. — Церковь. М., 1912, №№ 50—51.

[4] В заметке «Об одной переработке Жития боярыни Морозовой» (ТОДРЛ, т. XVII. М.—Л., 1961), написанной на основе двух списков краткой редакции, тогда известных [БАН, собр. В. Г. Дружинина, №№ 137 (новый № 106) и 317], автором настоящей статьи было высказано предположение о том, что составитель краткой редакции не располагал достаточными фактическими данными о жизни Морозовой. Изучение вновь найденных списков краткой редакции Жития Морозовой, выяснение личности составителя и обстоятельств создания краткой редакции позволяют судить о том, что здесь имеется намеренно тенденциозное изложение и освещение фактов, расходящееся со сведениями распространенной редакции Жития Морозовой и другими историческими источниками

[5] Н. И. Субботин. Материалы для истории раскола за первое время его существования, т. VIII. М., 1887 (далее: Материалы), стр. XVI, прим. 2.

[6] М. О. Скрипиль. Повесть о боярыне Морозовой. — История русской литературы, т. II, ч. 2. М.—Л., 1948, стр. 332.

[7] Тайное пострижение Морозовой подтверждает хорошо знавший боярыню протопоп Аввакум: «Потом тайно и постриглась, видевше, яко зверь ища конца ея». См. «О трех исповедницах слово плачевное» (Житие протопопа Аввакума. ГИХЛ, М., 1960, стр. 300).

дилась Морозова, посетили ангелы — «от того убо ангельского посещения и осияния преименована бысть Феодорою — ю, яко и Пимина многострадального, ангели господни постригоша» (краткая редакция Жития Морозовой, л. 219 об.).

В краткой редакции встречается ряд новых сведений, сцен и ситуаций, не известных редакции распространенной.

Распространенная редакция не дает конкретных указаний на размер состояния бояр Морозовых — в краткой эти сведения имеются: «...ибо премногим богатством тако кипящая, яко бысть у них отчины крестиян до осьми тысящ, домового же заводу на двести тысящ, славою толь премногою сияше, яко кравчая царския державы бяше» (л. 192 об.). Сведения о состоянии Морозовой составитель краткой редакции, возможно, почерпнул из сочинений протопопа Аввакума.[8] Эти сведения потребовались составителю для возведения нового обвинения на «никониан»: озлобление «новолюбцев» — «никониан» вызвано не только религиозным упорством боярыни, но и завистью к ее огромному состоянию — «на сия же два великая изообилия, благочестие глаголю и на стяжание благороднейших княгинь имения возведошася люте два завистливая ока — диаволе и новолюбцев» (л. 192 об.).

В краткой редакции ни разу не упомянуто имя старицы Мелании, хорошо известной по распространенной редакции и сыгравшей большую роль в жизни и судьбе Морозовой; «учительницей» Морозовой и Урусовой краткая редакция считает инокиню Иустинию. Краткая редакция дает также иную последовательность смерти боровских узниц, последовательность, которая расходится с показаниями распространенной редакции и другими историческими источниками. По сведениям распространенной редакции, в боровской земляной тюрьме одна за другой умерли «смертью нужною и напрасною и безгодною»[9] княгиня Е. П. Урусова (11 сентября 1675 г.), боярыня Ф. П. Морозова (2 ноября), жена стрелецкого полковника М. Г. Данилова (1 декабря).[10]

Сведения о датах смерти Ф. П. Морозовой и Е. П. Урусовой, приведенные в распространенной редакции, подтверждает также надпись на надгробной плите, положенной вскоре после смерти сестер на их могиле в г. Боровске.[11]

Краткая редакция без указания дат сообщает, что первой умерла Феодосия Морозова (в иночестве Феодора): «По преставлении же богомудрыя Феодоры, минувшим двум седмицам, преставися и блаженная Евдокия, по сих же и многострадальная девица Мария успе сном вечным, таже и учительница онех, инока Иустина, отиде в вечный покой и погребены быша во острозе» (л. 222).[12]

---

[8] Ср. у Аввакума: «Осмь тысящ хрестиян имела, домовова заводу тысящ больши двух сот было» (Житие протопопа Аввакума, стр. 127); «Бысть же в дому ея имения на двесте тысящ или на полтретьи и християнства за нею осмь тысящей, рабов и рабыней сто не одно, близость под царицею — в четвертых бояронях» (там же, стр. 296). Цитируем краткую редакцию по списку БАН, собр. В. Г. Дружинина, № 137 (новый № 106).

[9] Житие протопопа Аввакума, стр. 302.

[10] Материалы, стр. 196, 202.

[11] Копия с надписи на надгробной плите имеется в рукописи ГБЛ, собр. П. М. Строева, № 8234. Надпись неоднократно воспроизводилась в печати (см., например: И. Е. Забелин. Домашний быт русских цариц в XVI—XVII столетии. М., 1901, стр. 143, прим. 1).

[12] Об инокини Иустинии в распространенной редакции сообщается, что еще при жизни остальных боровских узниц, летом 1675 г., она была сожжена на костре: «О Петрове же дни прислан бысть дьяк Кузмищев, и тот тако же розыск о приходящих (в темницу, — *А. М.*) учинил, а прежде помянутую Иустину в струбе сожег, зане не восхоте знаменатися тремя персты» (Материалы, стр. 194).

В выделении основной и главной роли личности Ф. П. Морозовой составитель краткой редакции последователен до конца — он и умереть ее заставляет первой.

Таким образом, некоторые фактические сведения, приводимые в краткой редакции, противоречат сведениям распространенной редакции. Но особенностью краткой редакции является не только произвольное обращение с фактами, что устанавливается при сравнении с другими источниками. Гораздо более важным представляется то, что образ Морозовой в краткой редакции наделен новыми чертами, которых совершенно не знает редакция распространенная.

В краткой редакции встречаются не лишенные интереса попытки осмысления психологического состояния житийного персонажа и проникновения в мир его чувств и настроений. С этой целью составитель вводит в описание новые сцены, которые также являются особенностью краткой редакции. Таковы описание расставания с сыном взятой под стражу Морозовой и плач ее по умершему сыну.

В распространенной редакции говорится о том, что сын Морозовой Иван Глебович не мог ни поговорить, ни проститься с уводимой из дома матерью: «...сын же преподобныя Иван Глебович проводи ю до среднего крыльца, и поклонився ей созади, оной же не видящи его, и паки возвратися вспять».[13]

По краткой редакции, Иван Глебович не только проводил мать, но и «нападе на выю матери и начат плакатися со слезами», причем приводится текст плача сына и слова материнского утешения и наставления. Умилительная сцена прощания заканчивается всеобщим плачем: «... мати плачася горько по сыне, а сын рыдаше по матери, яко разлучашеся ея; рабы и рабыня стеняху с воплем по госпожи, яко оставляше их, и тако вси со слезами провождьше я» (л. 199).[14]

Интересен в некоторых отношениях и плач Морозовой по умершему сыну.

Распространенная редакция говорит о смерти Ивана Глебовича весьма скупо и еще меньше внимания уделяет реакции матери на смерть сына: Морозова, «уведе смерть сына своего, оскорбися вельми, и падши на землю пред образом божиим, умильным гласом с плачем и рыданием вещаше: увы мне, чадо мое, погубиша тя отступницы. И бысть на мног час не востающи от земли, творящи же о сыне си и надгробные песни».[15] Текста «надгробных песен» в распространенной редакции не приводится. Составитель краткой редакции не ограничивается подобными скупыми свидетельствами, а развертывает картину, «умиления и жалости достойную». Получив в темнице горестное известие о смерти единственного сына, Морозова как будто готова стоически перенести очередной удар судьбы — она лишь «Иовле благодарение возглагола: господь даст, господь и взя, яко же годе бысть господеви — тако и буди» (л. 209 об.). Но принесшие скорбную для матери весть никонианские поп и дьякон стали досаждать «блаженней» «укорительными глаголы». Тогда измученная женщина начинает безутешно плакать, причитая: «...где убо и в коем месте умре сын мой? да шедши, седины своя растерзаю над телом его!.. плачу лишения твоего, крепкий подпоре старости моей..., сын мой ...

---

[13] Материалы, стр. 164.

[14] Единодушного любовно-идиллического отношения «рабов и рабыней» к своей госпоже среди дворовых Морозовой не было: «А холопи в приказе клевещут на ню, яко блудит и робят родит, и со осужденным Аввакумом водится. Он-де ея научил противитися царю» (Житие протопопа Аввакума, стр. 298).

[15] Материалы, стр. 172—173.

чужих человек руками во гроб полагается и землю покрывается» и т. д.

Плач Морозовой по сыну — это народное севернорусское причитание по умершему, в которое искусно и органически включены заимствования из письменных источников.[16] В то же время это не излияние скорби «вообще», а плач совершенно конкретного лица: «...иже бы кто поне малый, ветхий и худый убрусец семо бросил, в злосмрадную сию темницу — аз бы, многопечальная, растворила бы с радостью горькое мое рыдание» (л. 210).

Плач Морозовой придает суровому и непреклонному образу «исповедницы» теплоту и человечность, делает близкими и понятными простому читателю, и особенно читательнице, переживания житийного персонажа.

В распространенной редакции обращает внимание стремление к сохранению документальной точности в отношении описываемых событий, деталей быта и обстановки (за отказ прийти на царскую свадьбу царь гневался на Морозову «все то лето», а «близ осени присла к ней болярина Троекурова с выговором и месяц поноровя князя Петра Урусова с выговором же»; «егда же прииде ноября 14 число»; «в мясопуст же Филиппов отиде и княгиня в дом свой»; «во вторый час нощи отворишася врата большия»; «в день недельный, в 3 час нощи, приидохом в темницу»; «на Фоминой седмице прислан с Москвы подъячий Павел»; «о Петрове же дни прислан в Боровск разыскати дьяк Козмищев» и т. д.).

Краткая редакция такой точности не придерживается: «по преставлении же богомудрыя Феодоры, минувшим двум седмицам, преставися и блаженная Евдокия» (л. 222), хотя между смертью сестер прошло не две, а семь «седмиц».[17]

В краткой редакции использован совершенно новый по сравнению с редакцией распространенной стилистический прием — риторические восклицания и вопросы, играющие роль своеобразных «лирических отступлений», выражающие отношение составителя к описываемым событиям. Эти «отступления» также обращают внимание на значительность или трагичность происходящего, и их в краткой редакции довольно много: «Что же всеблагий господь — еда презре, еда остави своя страстотерпица толико в лютых без помощи? — Никако же» (л. 216 об.); «О предивныя ти, всепредивный Христе милости и благодати!» (л. 200); «О немилостивого лияния краве дражайших чад твоих, Сионе!» (л. 201); «О великодушия христовых страстотерпиц! О ревности многострадальних! О души непреужасныя!» (л. 206 об.); «Оле безстудныя свирепости! Оле безчеловечного нрава!» (л. 206 об.); «О коль прежестоко тую немилостивии мучаху, о коль преглубоки той всемилостивно (!) нанесоша раны» (л. 215 об.); «Оле свирепого немилосердия судящих» (л. 216); «О страшного удивления, о преудивительного позора!» (л. 216).

Большинство списков краткой редакции написано поморским полууставом и находится в составе сборников в окружении поморских старообрядческих сочинений (см. выше обзор списков краткой редакции). Водяные знаки позволяют установить, что списки краткой редакции раньше второй половины XVIII в. не встречаются.

Текстологический анализ, а также наблюдения над стилем, лексикой, языком и изобразительными средствами позволяют говорить об очень

---

[16] Ср. слова плача Морозовой: «Плачите ныне со мною, материю печальною, все матери сынов своих» (л. 209 об.) — со словами плача протопопа Аввакума по Морозовой: «Соберитеся, рустии сынове, соберитеся девы и матери, рыдайте горце и плачите со мною вкупе другов моих соборным плачем» (Житие протопопа Аввакума, стр. 302).

[17] См.: Материалы, стр. 196, 202.

близком сходстве краткой редакции с редакцией Жития боярыни Морозовой в «Винограде Российском».

«Виноград Российский», гл. 10 (М., 1906)	Краткая редакция Жития Морозовой
...великая в сигклитикиях Феодосия, великих боляр Морозовых, яже богатьством премногим тако кипящая, яко крестьян до осьми тысящ, двора до четырех сот слуг имущи, славою толь премного сияющи, яко прочая (?) царския державы бяше и присно повседневно в царских дворех бывающи *(стр. 37)*. Но что оная предивная в ревности, предивная и в рассуждении сигклитикия дивне монарху отвещеваше: вашему царскому величеству всегда покорны бехом и есмы и будем: от прародителей бо сему наказахомся и от апостола учимся бога боятися и царя почитати. К новинам же Никона патриарха пристати никогда же дерзнем *(стр. 37)*.	...ибо премногим богатством тако кипящая, яко бысть у них отчины крестиян до осьми тысящ, домового же заводу на двести тысящ, славою толь премногою сияше, яко кравчая царския державы бяше и присно повседневно в царских дворех бываше *(л. 192 об.)*. Страдалица же Феодосия рече: «Аз покараюся и последствую древним святым архиереом и царскому величеству всегда покорно бехом и есмы и будем, от прародителей бо сему наказахомся и от апостола научихомся бога боятися и царя почитати. К новинам же Никона патриарха пристати никогда же дерзнем *(л. 203)*.
Егда отданным сим в безмилосердное истязание что страшное, что ужасное на них соделаша; како благородныя узами обругаша; како славныя темницами обезчестиша; како пречистыя мученьми немилостивно растерзаша, слышите... *(стр. 38)*.	...и приведоша оную преславную болярыню Феодосию и с нею сущыя в безмилосердное истязание. Что страшное, что ужасное на них соделаша, како благородныя узами обругаша, како славныя темницами обесчестиша, како пречестныя мученьми немилостивно растерша — слышите! *(л. 214 об.)*.

Сопоставления редакции Жития в «Винограде Российском» и краткой редакции показывают, что самый старший из известных нам списков краткой редакции [БАН, собр. В. Г. Дружинина, № 361 (старый № 317)] и редакция «Винограда Российского» имеют одинаковое заглавие: «О боярыни Феодосии Морозовых, и княгини Евдокии Урусовых и с прочими» — и оканчиваются одинаковыми виршами:

Предивны жены како | пострадаша зрите,
Богатство славу тако | попраша блажите
Преславну четверицу не держат полаты добрѡт
Взявшие пленицу носят венцы златы.

Однако близкие по времени написания к самому старшему списку другие списки краткой редакции [ГПБ, собр. А. А. Титова, № 3437; БАН, собр. В. Г. Дружинина, № 106 (старый № 137)] имеют уже иное заглавие: «Краткое сказание о житии и страдании...», — а вместо виршей оканчиваются прозаическим «Надсловием великоблагородным княгиням и страстотерпицам».

Изучение краткой редакции показывает, что она была составлена примерно в середине XVIII в., когда старообрядчество уже имело свою историю. Этот исторический опыт старообрядчества нашел отражение в краткой редакции Жития боярыни Морозовой. Так, в краткой редакции Жития княгиня Е. Урусова, узнав от мужа, что на ее сестру «велики

скорби гредут ..., понеже царь неукротимо гневается на ню» (л. 193 об.), в страхе восклицает: «О како она имат отвещевати против злокопарных нынешних философов и преяростных церковных учителей, ибо есть весьма смиренна и не лукава?» (л. 194). «Злоковарные философы» и «преяростные церковные учители» могли появиться в тексте Жития лишь после таких, памятных старообрядцам «истязаний» о вере, каким был, например, приезд «учителя» иеромонаха Неофита в конце 1722 г. в Олонецкий край для «разглагольствования» с выговскими пустынножителями.[18]

Текстологическая и стилистическая близость редакции Жития Морозовой в «Винограде Российском» и краткой редакции, одинаковые заглавия и концовки самого старшего списка Жития и редакции «Винограда Российского», преимущественное распространение краткой редакции в Поморье и время написания наводят на мысль, не принадлежат ли обе редакции одному лицу — Семену Денисову? С. Денисов — автор большого количества сочинений, в том числе и «Винограда Российского». Мы пока не имеем данных, чтобы с уверенностью судить о том, какая из двух редакций — редакция «Винограда» или краткая редакция Жития Морозовой — могла возникнуть раньше. Однако несомненно, что обращение С. Денисова к житию и образу Морозовой было неслучайным. Можно предполагать, что выговские старообрядцы готовились к канонизации Морозовой.

Деятельность братьев А. и С. Денисовых — основателей знаменитой Выго-Лексинской обители протекала в первой половине XVIII в., когда из среды старообрядчества не появлялись деятели такого размаха и такой силы воли, какими были вожди старообрядчества в его начальный период. «Сама история жизни „первоучителей“ старообрядчества сделалась образцом для подражания и предметом почитания. Описание их жизни оказалось превосходным материалом для пропаганды идей движения».[19] Несгибаемая твердость в вере протопопа Аввакума или соловецких «страдальцев» восхищала, поражала и служила примером стойкости в делах веры. Но еще более поразительным казался старообрядцу пример женщины, пренебрегшей богатством, высоким положением и мученической смертью запечатлевшей верность своим убеждениям.

Насколько велика была вдохновляющая сила «подвига» Морозовой, можно судить по тому, что сам Семен Денисов руководствовался примером ее поведения в некоторых случаях жизни. Из Жития Морозовой распространенной редакции (которая, несомненно, была известна С. Денисову) следует, что Морозова и Урусова не желали посещать никонианскую церковь, в которой «поют, не хваляще бога, но хуляще его спасителя, и законы его попирающе»,[20] и, насильно влачимые в церковь, отказыва-

---

[18] См. «О посланном из Синода учителе иеромонахе Неофите, и о разглагольствовании с ним выговских пустынножителей о вере, и о его вопросах и данных ему ответах» (Иван Филиппов. История Выговской старообрядческой пустыни. Изд. Д. А. Кожанчикова, СПб., 1862, стр. 169—191). Осадой старообрядческих скитов воинскими командами в XVIII в. навеяно описание прихода в дом боярыни Морозовой посланных от царя: Морозова и Урусова «ждуще вскоре присланных от царя, абие же узревше грядущих скоро и обступльших дом, а инии и во двор влезоша» (л. 195). Приметами XVIII в. (послепетровской поры) являются также вежливая форма обращения на Вы: княгиня Е. П. Урусова «во всем такожде противится повелению вашему — на сие что повелеши, государю?» (л. 196 об.), употребление слов «персона» (л. 212), «корета» (лл. 207 об., 212), выражения «гражданская честь» (лл. 199, 208 об.), «гражданский суд» (л. 211).

[19] А. Н. Робинсон. Житие Епифания как памятник дидактической автобиографии. — ТОДРЛ, т. XV. М.—Л., 1958, стр. 203.

[20] Материалы, стр. 169.

лись молиться с «отступниками». Подобным образом поступал и С. Денисов. «Поморский историограф рассказывает, что Семен не хотел ходить в церковь, но будто бы его тащили сюда силой и даже со стулом, к которому он был прикован, против воли хотели заставить его молиться, прикладываться к евангелию, подходить на благословение к архиерею, толкали, били, — „он же под благословение к нему неидяше и с ними на службе не моляшеся, — и как скоро пристава оставляли его в покое, — оный Симеон ово седяше, ово стояше, токмо с ними не моляшеся“».[21]

Некоторые места посланий и писем Семена Денисова по стилю и выражениям почти буквально совпадают с соответствующими местами краткой редакции Жития боярыни Морозовой.

После ссоры со старцем Филиппом, который с Выга переселился на Умбу-реку, С. Денисов писал, обращаясь к Филиппу: «Плачевно есть видети дом господский, светлый и пребогатый, многими раздорами блистающий, егда отец на сына и сын на отца возстает, егда дщи на матерь и матерь на дщерь ратует, егда брат с братом враждует и раби со клевретами крамолятся, отсюда не ино что, токмо конечное падение ожидается».[22] Эти строки напоминают описание «мучительного» времени первых лет старообрядчества, содержащееся в краткой редакции Жития: «Тако не смеяху ходатайствовати, яко и отец своего отрицашеся сына, и мати свою дщерь не ведети глаголаше, отпирашеся господин своего слуги и брат своего отвращахуся брата» (лл. 200 об.—201) или: «... но толь убо прежестоко бяше мучительное тогда время, яко соседи соседов предаваху, друзи другов на судище влечаху, сродницы на сродников руки возлагающе во узилище привлачаху, раб на господина и безродный на благородного вину соплеташе» (л. 209—209 об.).

В письме из заключения к сестре Соломонии С. Денисов писал, имея в виду свою якобы близкую насильственную смерть: «Убо и случившемуся надо мною чесому не восплачи, но паче великодушне понеси и велико претерпевшего Иова глас возгласи: господь даде, господь и взя; да буди имя его благословенно»,[23] т. е. поступить подобно тому, как поступила боярыня Морозова в краткой редакции при получении известия о смерти сына: «Слышавши сия великодушная страстотерпице о смерти сына своего, но господеви и сие возложши, Иовле благодарение возглагола: господь даст, господь и взя, яко же годе бысть господеви — тако и буди, да будет имя господне благословенно отныне и до века» (лл. 209—209 об.).

Следы влияния краткой редакции Жития боярыни Морозовой можно найти в сочинении ближайшего сподвижника и преемника С. Денисова в управлении Выговской обителью — Ивана Филиппова, в его «Истории Выговской старообрядческой пустыни». Иван Филиппов во многих случаях пользуется риторическими вопросами и восклицаниями, а также другими стилистическими средствами, заимствованными из краткой редакции. Влияние краткой редакции сказывается в таких описаниях: «Мнози же и число превосходящии народи вооружающеся верою собирахуся, кому где возможно бяше. При нашествии мучителей и от них сожигахуся, а овыя и наезду со оружием и пушками бояшеся их мучительства сами сожигахуся. По законех древлеотеческих подражающе древную Азариину чадь, онех

---

[21] Е. Барсов. Семен Денисов Вторушин, предводитель русского раскола. — Труды Киевской духовной академии, № 2. Киев, 1866, стр. 191.

[22] Е. Барсов. Семен Денисов Вторушин, предводитель русского раскола. — Труды Киевской духовной академии, № 6. Киев, 1866, стр. 201—202.

[23] Е. Барсов. Семен Денисов Вторушин, предводитель русского раскола. — Труды Киевской духовной академии, № 2, стр. 204.

убо рука Навходоносорова в пещь вверже, сих же теснота мучительства пореваше».[24] В некоторых случаях Иван Филиппов заимствует из краткой редакции целые предложения: «О немилостивого лияния крове дражайших чад твоих, Сионе. Не к тому проповедашеся восточный закон благодатный, но западный ратный».[25] Примеры подобного рода заимствований из краткой редакции Жития Морозовой в сочинении Ивана Филиппова довольно многочисленны.[26]

Анализ фактических данных краткой редакции Жития Морозовой, художественных приемов обрисовки житийного персонажа, стиль и характер повествования в ней подтверждают мнение А. К. Бороздина о сочинениях Семена Денисова: «Особенно важны по своей распространенности у раскольников сочинения исторические: достоверность их показаний не всегда может считаться прочною, хотя источники у Семена были и хорошие, но, помимо достоверности исторической, эти произведения имеют интерес литературный, как своего рода собрания житий раскольнических святых и как образцы того стиля, который создался под влиянием киевской школы» (разрядка наша, — *А. М.*).[27]

Наибольшей популярностью краткая редакция пользовалась на севере во второй половине XVIII—первой половине XIX в. Очевидно, во второй половине XIX в. краткая редакция была почти забыта, так как в старообрядческих сборниках второй половины XIX—начала XX в. переписывается в основном Житие Морозовой распространенной редакции (нам известны лишь два списка краткой редакции конца XIX—начала XX в.: ГБЛ, собр. Е. Е. Егорова, № 1194 и список собрания Е. Н. Панаиотова (г. Ленинград), указанный нам В. И. Малышевым.

В истории текста Жития боярыни Морозовой краткая редакция заслуживает внимания если не своей исторической достоверностью, то своеобразной трактовкой образа одной из первых и наиболее популярных деятельниц старообрядчества.

К литературной истории редакций Жития боярыни Морозовой вполне применимо высказанное Д. С. Лихачевым положение о том, что «в истории текста очень многих литературных произведений в пределах XI—XVII веков мы можем заметить то же движение от первоначальных нелитературных форм к литературным. Первоначальные, древнейшие тексты повестей[28] гораздо „фольклорнее“, проще, ближе к жизни, чем последующие ... История текста отдельных произведений в движении своего текста усиливает свою литературность».[29]

---

[24] И. Филиппов. История Выговской старообрядческой пустыни, стр. 26, 41. Ср.: краткая редакция Жития Морозовой, л. 201.

[25] И. Филиппов. История Выговской старообрядческой пустыни, стр. 25. Ср.: краткая редакция Жития Морозовой, л. 201.

[26] И. Филиппов. История Выговской старообрядческой пустыни, стр. 25, 26, 41, 47, 194.

[27] А. К. Бороздин. Денисовы. — Русский биографический словарь. — СПб., 1905, стр. 246.

[28] Исследовавший распространенную редакцию Жития боярыни Морозовой М. О. Скрипиль жанр Жития Морозовой определял как «историко-бытовую повесть» (см.: История русской литературы, т. II, ч. 2, стр. 332).

[29] Д. С. Лихачев. К вопросу о зарождении литературных направлений в русской литературе. — Русская литература. Л., 1958, № 2, стр. 8.

Л. Е. ЭЛИАСОВ

Протопоп Аввакум в устных преданиях Забайкалья

Имя протопопа Аввакума до сих пор живет в памяти русского населения Забайкалья.

Местные предания об Аввакуме носят самый различный характер. Одни из них повествуют о его жизни до «раскола», другие — о его поведении в период «бунта», третьи — о его страданиях, которые он пережил в результате преследования староверов со стороны царского правительства.

Впервые забайкальские предания об Аввакуме начал записывать сибирский фольклорист И. И. Веселов. В 1922 г., собирая генеалогические предания о русском населении Прибайкалья, он встретился в селе Исток-Котакеле с 98-летним старообрядцем (принадлежащим к так называемым семейским старообрядцам) Аристархом Прокопьевичем Рыжаковым (по прозвищу Буланый). Рыжаков тогда слыл за хорошего знатока старины, и он охотно рассказал И. И. Веселову предание «о жизни Аввакума до проклятого Никона».

Мово прадедушку того Аристархом звали. Он еще при московском царе Алексее Михайловиче жил. Крепкий старик был. От него и этот сказ идет. Прадед Аристарх знал нашего Аввакумушку, как брата родного. Про него он и сказ свой вел и велел про то баить. Пусть народец знат, кто Аввакумушка был. А рос он в деревне, бедным был, но до грамоты дюже охочий знался. Когда матушка Аввакумушки померла, он пробиром от людей питался. Даром-то он хлеб не ел. От попа грамотеем стал. Кому писульку наклякает, тот ему помочь давал. Тем и жил, людям добро делал. Потом, ковда Аввакумушка подрос, грамота ему еще пуще далась. Все божеские книги себе в памятку взял и других поучать пустился. Увидели люди, што от Аввакумушки польза идет, взяли да и поставили в церковь заместо попа. Он службу праведную вел, сам праведным был. Служил, служил Аввакумушка в церкви и тут приезжий архиерей наткнулся на церковь, а в то время он службу справлял. Видит архиерей, что поп толковый, подходит к нему и спрашиват:

— Где грамоте верной учился?

— Сам дошел, люди помогли, — сказал Аввакумушка.

Архиерей поглядел на попа и баит:

— Тебе тутока делать нечо, этим мужикам и псаломщика хватит. Поезжай со мной на Москву, со мной службу служить будешь, такому попу Москва рада будет.

Просказал это архиерей и велел Аввакумушке в путь собираться. А Аввакумушка того не хотел, ему родная деревня по душе ближе была. Вот он и говорит архиерею:

— Однако на Москву не пойду, тут мой пупок резан, здеся я и хорониться буду.

Архиерей тех слов слыхать не хотел. Пришлось Аввакумушке собраться. А душа у него занывала, как ледок на нарыле,[1] предчувствие брало его, что неладное с ним будет на Москве.

Приехал Аввакумушка на Москву, и тут ему скоро чести много дали. Стал он служить службу в самой большой церкви. К архиереям и другим попам на богослужение не шли, а к Аввакумушке народ валом валил. Тут-то вот и озлились все архиереи и попы московские на Аввакума и стали на него доносы доносить, что-де, мол, новый поп Аввакумка блудом занялся, баб к себе чужих прельщает и других попов поносит. А тут откуда ни возьмись новый патриарх объявился, Никоном звали его. Тот Никон за праведную веру Аввакумушку стал канать, да так, что никакого житья от проклятого Никона не было. Вот так о жизни Аввакума до проклятого Никона мой прадедушка баил. А как дальше было, уж про то сами знаете.[2]

В примечании к данной записи И. И. Веселов указывает, что это один из распространенных вариантов предания о жизни и деятельности протопопа Аввакума до начала раскола. «Это предание, — пишет собиратель, — широко бытует у старообрядцев Забайкалья, особенно у той части, которая в прошлом веке переселилась из Бичуры к озеру Байкал и основала село Исток-Котакель. В разных вариантах его рассказывают не только глубокие старики, но и люди среднего возраста».

Дальше И. И. Веселов приводит записанный им вариант от 46-летнего рыбака Викулы Анисимовича Худобенова.

Про Аввакума каждый из нас знает. Да как же про то не знать, ковды он за нашу старую веру больше всех наших дедов пострадал! Он-то, ведь, наш брат по крови — сын крестьянский. Отец его, как и наши отцы, хлеборобством занимались; говорят, недалеко от Москвы батька его жил. Отец ему церковну грамоту сызмалетства дал. Когда отец помер, то Аввакум сам дошел до всех книг и писаний. В деревне наш Аввакум вырос, в ней он и духу мужицкого набрался. Дух-то мужицкий крепок, его обухом не перешибешь и колотушкой не выбьешь. Набрался разной грамоты Аввакум и сказал мужикам:

— Вернее нашей старой мужицкой веры нет. Ей наши деды верили, и мы должны почитать ее.

Вот наши деды и блюли ту веру, верой и правдой ее несли, за праведную веру можно хоть что сделать. Царь Алексей бытто бы Михайлович злой был, с нехристями связался, с заморскими ярыжками познался и давай от них разную непотребность на русской земле заводить. Узнал об том Аввакум и как верный крестьянский поп начал против непотребства царя мужикам с амвона говорить. Дескать кошке смех, а мышкам слезки, царю забава, а мужикам горе. Царю этой давай, другого подай, а где все это мужику взять. Заартачились мужики, не стали царя слушать. Царь о том узнал, вызвал к себе Аввакума и сказал патриарху:

— Ты, мой патриарх, пригрей коло моего двора протопопа Аввакума, корми его со своего стола, облачение давай доброе, он и перестанет народ мутить. А то от него беда большая идет.

Все сполнил проклятущий Никон, токмо Аввакум на своем стоял.

---

[1] Нарыло — длинный шест, орудие для подледного лова рыбы.

[2] Копия оригинала записи со всеми примечаниями собирателя находится у автора данной статьи.

— Ты неугодник божий, Никон, пошто царю на меня хулу кладешь? — заговорил Аввакум. — Деды наши раньше поборов не платили, а теперь откуда их царь выдумал? Наущаешь ты царя против меня, а про то царь знат ли, что пращуры наши в добре жили и ничего царям не платили.

Тут Никон совсем озлобился и вместе с царем стали рушить старую веру. А опосля раскола все поругание за стару веру на голову Аввакума легла.[3]

В 1928 г. известный сибирский фольклорист А. В. Гуревич по следам И. И. Веселова снова побывал в Исток-Котакеле и в с. Гремячинске. Там ему удалось записать от сына Аристарха Прокопьевича Рыжакова, Алексея Аристарховича, одно предание, которое по своему содержанию несколько отличается от приведенных вариантов.

Протопоп Аввакум мучеником родился, мучеником и умер. Про его жисть мне так рассказывали: родители протопопа поумерли, ковда Аввакум только ходить учился, значит ползунком еще был. Приютил его к себе дьяк бездетный и начал его растить. Видит дьяк, что из парнишки толк выйдет, стал к церковному делу учить. Парнишка видит, что дьяк добрый и ласковый, тоже к нему крепко пристал. Долго ли жил Аввакум у дьяка, не ведомо, но только ковда он подрос, то услыхал, что на Москве смута зачалась. Аввакум подался к Москве и там с объявленным атаманом Разиным встретился. Вот Разин и говорит ему:

— Слыхал я про тебя Аввакум, что ты умный поп есть, горе наше тебе ведомо, пойдем на бояр, товда ты службу мне верную сослужишь.

— То можно, — ответствовал, — только я на бояр с крестом пойду, а ты с ружьем.

Стукнулся Разин с Аввакумом по рукам и пошли на бояр вместе. Как узнал про это Никон, сразу анафеме Аввакума предал, а всю стару веру порушить захотел, чтобы от нее поминок не было. Аввакум анафемы не убоялся, он начал весь народ поднимать, чтобы бояр изничтожить и их патриарха Никона, которые никому житья не давали.

Так всю жисть Аввакум и прожил, все с боярами дрался, да за бедных людей страдал.

Во втором небольшом предании, записанном А. В. Гуревичем в с. Гремячинске от старого охотника Варфоломея Егоровича Вишнякова, рассказывается, что протопоп Аввакум с малых лет отличался любовью к чтению, хорошей памятью:

Книги Аввакум с малых лет читал. Но читка читке рознь. Аввакум как прочитает книгу, то потом всю ее на зубок знает и так ее толково толковал, что ни один архиерей с ним сравняться не мог. Ум ему самим богом и землей даны с пеленок. Богоданный ум потом, ковда он попом стал, в его деяниях сказался, он сам многие книги писал. Все, что он писал, как по велению божию, все сполнялось Провидец он был большой. За это его царь и Никон не взлюбили и еще в молодости изжить хотели.[4]

---

[3] Записал И. И. Веселов, село Гремячинск, ныне входящее в Прибайкальский аймак Бурятской АССР. Через 4 года собиратель снова встретился с В. А. Худобеновым и заново записал это же предание. Вторичная запись почти дословно повторяет приведенный текст. В конце предания сказитель лишь добавил, что «Аввакум протопоп верным мужицкой правде остался. Он тут у нас был и нам место для селения подыскал. Подальше от царя жизнь-то легче». Оригинал записи в 1937 г. передан собирателем в архив фольклорной секции Иркутского государственного краеведческого музея.

[4] Тексты записей хранятся в материалах А. В. Гуревича.

Много преданий о протопопе Аввакуме бытовало среди бывших староверов Бичурского, Мухоршибирского и Тарбагатайского аймаков Бурятской АССР, так как в этих районах сосредоточена основная масса населения семейских. О чем бы из своей истории ни начинали рассказывать семейские, они обязательно все сводят к деятельности протопопа Аввакума.

В Бичурском аймаке в 1936 г. нами было записано распространенное здесь предание. Рассказал его Мефодий Григорьевич Матвеев. Этого старика знали во многих районах Бурятии как большого мастера-сказителя. Приводим текст этого предания.

Давно это дело было, при царе Алексее Михайловиче. По всей нашей матушке-земле товда смута большая ходила, кто против ково шел, сам бог не знал. Наши деды не шибко с царем якшались, они все больше в стороне были, а Москва сама собой жила. Так-то, может, наши мужики из Нижнего в стороне и остались бы, пусть бы тот царь — Ирод Михайлович хоть головой об стенку бился, но не тут-то вышло. Товда на Москве бунты начались, кто соли просил у царя, кто от кнутов избавления искал. Царь всему воспротивился: соли не дал, а мужикам кнутов прибавил. Народ, что море: разволнуется — не уймешь. Вот и послал царь своих бояр по всей земле рекрутов себе набирать, харчей запасать, чтобы силу двору своему накопить. Приехал боярин Хиврин в Нижний, сход собрал и замолвил:

— Ноне наш царь Михайлович на всей русской земле порядок новый заводить будет. Старые молельни книги надо огню предать, попорчены они все. От этого дня весь русский люд должен на царский двор меды возить, хлеб доставлять и всяку другую рухлядь и харчи. Кто в ослушанье пойдет и царю перечить будет, того на дыбы.

Послушал люд честной речи боярина Хиврина и молчок. Боярин посмотрел на всех и закричал:

— Чего, как бараны, головы опустили?

В Нижнем в то время попом был молодой протопоп Аввакум. Он отслушал гавканье боярина, подошел к ему рылу и говорит:

— Царю-батюшке от нас кланяйся, поклон передай, да только слово за нас замолви и скажи, што меда у нас нет, народ сам съел, а харчи деткам надо, и так столы наши оскудели, а книги, богом данные, мы чтим и по ним молимся, а сжигать надо новые книги, а старые берегчи пуще глаза единого.

— А ты кто, воевода али боярин новенький? — криком на попа заорал Хиврин.

— Поп я тут прихожий, народом ставленный, за него мне и пекчись велено. А ты, боярин, езжай и наше слово царю скажи, на том и сказ весь.

Боярин пуще прежнего на Аввакума осверепел, но народу кругом было много и ничего плохого с ним сделать не смог. Уехал Хиврин в Москву не солоно хлебавши, с пустыми руками, как рак с клешней. По приезду в Москву боярин царя дома не застал, вместо него в Москве царствовал нехристь Никон по фамилии Лизоблюд Антихристович. Вот тот чорт в рясе велел привести в Москву Аввакума. Холопы привезли праведного Аввакума во дворец, и тут сам бесов посланник Никон с него допросы снял. Вот он и спрашиват Аввакума:

— Ты к чему народ мутишь, рясу свою позоришь, царю немилости творишь?

— Ты пошто, мордва поганый, православну душу пыташь? Ты, проклятый чортом, от идола на погрешение земли посланный, не

имешь права мне допрос учинять. — Взял Аввакум с размаху дверью хлопнул и Никону мягкое место пониже спины показал.

Никон-вероотступник тоже себе на уме был, взял созвал собор и проклял Аввакума, и велено было с бедного попа рясу снять и в монастырь заточить. Аввакума уволокли в монастырь и посадили в сырой подвал. Просидел он там лето и зиму, а на весну народ православный хватился, куда, дескать, поп праведный девался. Искали его, искали и нашли. Навалился народ на монастырь и выручил Аввакума на свет божий.

В это время царь в Москву вернулся, узнал про Аввакума и велел его снова в монастырь посадить, да покрепче стражу поставить. А Аввакум уж на свободе был, и ходил он по всем городам и деревням и проклинал царя-кровопийца и иуду Никона, за то что они веру наших отцов попрали и надо всем старым надругаются.

Долго царь с Никоном искал Аввакума, но найти не мог. Народ Аввакума скрывал, ведь он попом верным был и в обиду никого не давал. Смотрит царь, что так не изничтожить им Аввакума, взял да сказал он Никону, чтобы всех словить, кто за Аввакумом идет, да отыслать их с жилых мест в глухомань, где Макар телят не пас. У царя челяди было много; разослал он их по всей русской земле. А таком поймать Аввакума так и не словчились. Тогда царь сказал своему верному боярину Хиврину:

— Езжай в Нижний, там всех земляков Аввакума слови. Ежели они тебе Аввакума не найдут и тебе его в руки не передадут, то всех огню и смерти предай.

Приехал боярин в Нижний, тысячи мужиков собрал и говорит:

— Давайте мне Аввакума, а то, мужики, вам плохо будет.

Мужики ему в ответ:

— Двум смертям не бывать, а одной не миновать.

Боярин на площади огонь разводить стал, перекладин для петлей наделал и только хотел нескольких сказнить, как к нему подошел сам Аввакум и говорит:

— Мужиков не трожь, они царю не помеха. Вези меня к царю, пусть он моей кровью упьется.

Народ со слезами проводил Аввакума в Москву. Там тоже народ не дал его сказнить. Царь посадил его к себе в подвал, а потом заковал в цепи и в Сибирь отправил. Здесь Аввакум много лет жил, а когда царь и Никон чорту душу отдали, значит здохли, то протопоп опять на Москву приехал. От старой веры он никак не отказался, и по его наказу наши деды ее справно справляли. Жил Аввакум до самой старой старости. Всю жисть он за бедных мужиков отдал.[5]

В том же 1936 г. в с. Бичуре от Исая Ионовича Карпова записано предание, в котором, в частности, говорится:

...Как услыхал Никон, что Аввакум его поносит, пошел и доклад царю сделал:

---

[5] В год записи сказителю М. Г. Матвееву шел 84-й год. Он обладал прекрасной памятью и рассказывал, что «раньше тут один бахарь такой был, што про дела Аввакума мог неделями занимать. Фамилия тому бахарю была Никула Прохоров: он прожил лет около сотни. Его отца я тоже помню, он знатный посказатель был. Вся ихняя родова посказателями знались. От них я об Аввакуме много слыхал, у них даже книжки протопопа были. Читать-то из наших раньше никто не умел. Я вот жисть прожил, а ни одной буквушки не знаю. Плохо это, паря. Вот Аввакум учился, так от него прок большой для людей был. Теперь-то народ умный идет, грамоту всем дают, како раньше Аввакум давал». Запись хранится у собирателя.

— Царь-государь, появился на Москве протопопишка Аввакум негодный, так он тебя так поносит, что грешнее тебя на земле человека нет.

Царь позвал себе стрельцов и указ учинил, чтобы Аввакума схватили, в колодки посадили и угнали подальше от людских глаз. Протопопа нашли, посадили в колодки, сначала в монастыре держали, потом заковали и сюда за Байкал на съедение зверям бросили. Но праведного бог бережет, и зверь жизни не помешает.

Прожил верный богу и людям Аввакум около Селенги, против Омулевой горы, лет с десяток, а потом буряты с тунгусами его от стражи воеводской украли и на оленях за место своего шамана за Енисей справадили. А там Аввакум со своими людями повстречался и на Москву вернулся.

С тех пор Аввакума как ни проклинали Никон с царем, ничего сделать нельзя было. Народ-то весь знал, что Аввакум правильный человек, его и бог и народ сбережает. А кого бог и народ бережет, тово ни царь, ни свинья не пошевелит.[6]

Следующее предание записано нами в с. Елань Бичурского аймака в 1936 г.

В старо царско время о протопопе Аввакуме у нас, у семейских, разное говорели. Все больше семейские на том сходились, что бедный протопоп с протопопицей и со всеми своими ребятишками за правду мужиков пострадал. Дело-то было так: царю надо было с Литвой войну вести, а ни денег, ни хлеба, ни людей не было. Вздумал царь к народу пойти и налоги у него просить. Так и сделал. Народ послушал гонцов царя и сказал: «Нам войны не надо, нам и своей земли хватит». Царь на своем стоял. Гонцы ездили долго и с пустой торбой воротились. Царь тогда еще молодым был, не стерпел обиду от народа и послал на него своих стрельцов. Давай они мужиков обирать: хлеб весь со дворов повывезли, скот к Москве погнали, холсты позабирали. Остался народ в чем мать родила. До чего бы дальше дело ушло, не знамо, но тут объявился от мужиков протопоп. Пошел Аввакум к царю во дворец, прошел в палаты белокаменные, стал перед нём и говорит:

— Горе всему русскому люду выпало, стрельцы твои всех мужиков обобрали, чем же дальше они животы свои держать будут?

Царь за такие слова протопопа покраснел, как рак, и закричал:

— На колени стань, кто так с царем говорит, не мужик я тебе.

Протопоп на колени не стал, а царю ответил:

— От пола до ушей далеко, так-то оно лучче слыхать. Неужто, царь, все перед тобой должны гнуться?

Выбежал царь из палат, позвал своего дворецкого, приказал, штобы стражу, котора пропустила Аввакума, выдрали, а его, протопопа, посадили в колодец и хлеба не давали.

Сидит Аввакум в колодце день, другой, ни солнца красного, ни света белого — ничего не видит. С утра до самого вечера богу молится, ночью тоже молитвы читает.

---

[6] В год записи И. И. Карпову исполнилось 72 года. Он совершенно неграмотный, всю жизнь прожил на заимках, работал пастухом или сторожем. «Раньше эта побасенка длинной была, всю ночь баил, теперь старой стал, малость забываться начал. Тут, паря, у нас один бывалый раскольник был, так тот про Аввакума подлинные дела знал, будто он его в лицо ведал али с ним с глаза на глаз баил. Тот говорцом большим знался, его как-то за басни про Аввакума при царе в полицею таскали, сослать хотели, да мужики здешне за него заступу держали. А то бедного мужика упекли бы в Нерчинск и концов не нашли бы». Запись хранится у собирателя.

Сидел Аввакум в том колодце на царском дворе долго. Ноги в крючье свело, язык чуть к зубам не примерз, а когда он снова перед царем стал, то сказал:

— За грехи твои, царь, я молился, душу твою перед господом богом очищал.

Царь взбесился за такую речь и дал указ, чтобы Аввакума посадили в соловецкую крепость, и там его до самой смерти на железной цепи держали. Так царские слуги и сделали. Царь Алексей Михайлович собачей смертью помер. После того протопопа выпустили на волю. Но долго походить ему не пришлось. Злой ирод Никон услыхал, что Аввакум на слободе, и уговорил нового царя, чтобы его в Сибирь на каторгу сослали. Так царь с царицей и сделали. Заковали протопопа в цепи, к нему приковали протопопицу, а к ней рябятишек и повезли их к нехристям разным, на край света белого. Привезли протопопа к самому Амуру-реке, а оттуда завернули, да на голом Яблоневом хребте жить оставили. Здесь он прожил подходяще, зверей бил, птицу ловил, рыбой кормился. Тут в христианску веру он тунгусов и бурят приводил, ребятишек ихних крестил, тем и кормился.

Прошло много лет. Никона народ спихнул, Разин царя припугнул, чтобы он никому зла не чинил, и Аввакума вернули на Москву. А потом, ковда Разю сказнили, Аввакума опять под землю, там он и скончался. Так он в мучении помер, а во славе жить остался и теперя живет.[7]

Подобное по содержанию предание записано в 1938 г. в Тарбагатайском аймаке от Якова Никитича Чебунина.

Не сладко жилось во древности нашим старикам, при царях Алексее Михайловиче, при Петре и при Катьке-распутнице. Всякое бывало, а хуже всех за веру, за правду и за честной народ наш родной Аввакум, царство ему небесное, пострадал. Проклятущий Никон, да и царь-недотепа, Алексей Михайлович, шибко над ним измывались. А за что? Да ни за что. За веру божескую стоял Аввакум, за правду хрестьянскую, да за правду дедов наших. Задумал царь на литваков войной пойтить. А где деньги взять, чем солдат кормить? Раз задумал, кто его мог отговорить? Никто. Разъехались царские слуги с народа деньги да хлеб собирать. А народ не дает. Кому хочется голодным сидеть, да без копейки денег? Царю донесли, что народ супротивничает. Царь осердился и послал войска, чтобы народ присмирить. А присмирять-то некого не было. Как войска показались, людей по своим домам. Приехал царский генерал во дворец и доложил Алексею Михайловичу:

— Народ твой не бунтует, тебя хвалит и за тебя молитву говорит.

Не успел сказать царь слова, как за дворцом стук, грохот поднялся. Видит царь, что народ за его душой пришел, оделся он в бедную монашку и был такой, убежал. Народ дворец не стал зорить, поставил он патриархом протопопа Аввакума, и тот стал молебень за здравие русской души служить. Отслужили молебень, и давай народ расходится. Все и везде затихло. Всяк занялся своим делом. Царь очу-

---

[7] Записано от Тихона Антоновича Курдюкова, 68 лет, неграмотный. «Все это я раньше слыхал от многих здешних мужиков. Про это не только семейские говорили, но и другие, православные. Говорят, будто Аввакум на том месте был, где теперя наша деревня Елань стоит. Он здесь кол забил, наши деды распознали ето место и деревню поставили. Може, то и правда. Старики-то ведь все помнят про старину». Запись хранится у собирателя.

хался, видит, дело подоспело, собрал свою дворню и бояр и пошел во дворец. Застал он там одного протопопа.

— Ты чего тут делаешь? — спросил его царь.

— Обедни служу за здравие души русской, а вечёром за упокой царя Алексея Михайловича, он от перепуга богу душу отдал.

— Я есть царь, убирайся, самозванец! — Царь так закричал на Аввакума, что колокола зазвенели.

Аввакум-то не из трусливого десятка был, он говорит:

— Тебя на престол никто не садил, а меня народ заставил службу служить.

Царь позвал своих слуг и бояр. Когда народа не стало, так они храбро себя повели, и велел он заковать в кандалы Аввакума. Когда его заковали и повели, он сказал царю:

— Меня заковать легко, а вот народ-то с себя цепи снимет да на тебя оденет, каково тебе тогда будет?

Царь ударил Аввакума по зубам. Протопоп выплюнул зубы да прямо в лицо царю. Царь, бесстыдный, проморгался и будто ни в чем не бывало говорит боярам:

— Надо подальше Аввакума запрятать, ежели народ узнат, что он здесь — не сдобровать нам.

Увезли протопопа на самый север, где ни солнца, ни света. Там уговорил он казаков, чтобы его перевели за Байкал. Те мужики были и послушались его. Тут он прожил много годов. Места разузнал и нашим дедам велел здесь селиться.

Через много лет Аввакум попал в Москву. Когда царь узнал, то чуть со злости не лопнул. Заковали бедного протопопа пуще прежнего, увезли в монастырь каменный и там до самой смерти держали его взаперти. Там он и умер, а царю не поклонился и делу верным был, за которое наши деды тоже пострадали. Вот каким был Аввакум.[8]

В предании, рассказанном в с. Окино-Ключи Бичурского аймака Василием Степановичем Зуевым, говорится о причине раскола и о том, какое участие в нем принимал протопоп Аввакум.

В прежнее время старики много о расколе сказок вели. Котора из них более правдива, не знаю. Вот мой отец еще от прадеда такое про раскол рассказывал. При царе Алексее Михайловиче был патриарх-нехристь, чтоб ему провалиться в тартарары три аршина глубины, чтоб ему светлого дня не видать, как свинье неба, звали его Никон. Вот тот нехристь-идол забрал у царя доверие и давай все книги править, обряды изменять. То дико казалось. Всю жизнь наши деды по старым книгам молились, и никому от того зла не было, все в полном здравии жили и хлеб-соль ели. Узнал о том самый умный в то время русский поп Аввакум и сказал народу:

— Вся справа старых книг от дьявола идет, сам Никон сатаной на землю послан.

Вот Никон захотел проклясть Аввакума. Созвал он собор и начал проклинать протопопа верного. Прихожан было много. Никто за Никоном не повторял проклятущих слов. Тогда Аввакум подошел к алтарю и давай проклинать Никона. За Аввакумом весь собор повторял. Так и прокляли Никона. С тех пор его анафеме предали. Никон друг был царю. Вот царь и захотел выручить Никона. Собрал

---

[8] Я. Н. Чебунин всю жизнь прожил в родном селе. В год записи ему было 83 года. Это предание он воспринял от своего деда Изосима Чебунина. Запись хранится у собирателя.

царь свою челядь и второй собор устроил. Прокляли там Аввакума и отослали его подальше от царских глаз.[9]

В Мухоршибирском аймаке о протопопе Аввакуме бытовала как бы самостоятельная группа преданий, в которой повествуется «о злой участи мученика-протопопа». В одном из вариантов, распространенных среди старообрядцев Мухоршибири, говорится:

Никону помог царь, и они вместе порушили старую веру. Аввакума вместе со своей бабой и ребятишками в самую глуху глушь отправили к самому Амуру-реке. Тут и началась злая участь мученика протопопа. Привезли его казаки к Амуру и бросили на блах святых угодников, значит по-простому на съедение зверям. Аввакум печалиться не умел, унял он слезы протопопицы и сказал ей:

— Выживем мы и здесь, земля тут добра, да и охота богата, как-нибудь отмучимся немного, а там бог поможет.

Смастерил Аввакум плот из бревен, из иголок крючей нагнул и почал рыбенку ловить. Рыба ловилась добрая, хватало ее на всю семью. Вот как-то раз выехал на своем плоту Аввакум на середку Амура, а возьмись да поднимись ветер. Плот перевернуло и Аввакум под ним остался. Одной молитвой почти протопоп спасся, а то не видать бы ему свету. Вылез Аввакум на берег и лежит. Да протопопицы далеко было, мочи нету идти. Тут, откуда ни возьмись, по берегу тунгус и видит — человек лежит. Тунгус донес его до протопопицы и спросил:

— Откель ты взялся здесь и кто ты есь?

Аввакум ему рассказал, как он за веру пострадал и как его мучиться заставляют, как его извести хотят. Тунгус все понял и сказал:

— У нас тоже злые шаманы есть, они, как шакалы, на людей набрасываются, если кого не взлюбят. Пойдем к нам в тайгу, там отдохнешь, а потом мы тебя к белым людям отправим.

Аввакум послушался тунгуса и ушел со всей семьей к тунгусам. Там он прожил годика три, языку их научился, и стали его тунгусы за родного брата почитать.

Пока Аввакум жил у тунгусов, тут русские начальники себе чуть головы не поломали, куда, дескать, он девался. Сначала его шибко искали, хотели хоть кости найти, чтобы удостовериться, что изжили наконец неугодника новой веры. Искали, искали и ничегошеньки найти не могли. Потом казаки воеводе в Енисейск донесли, что пропал Аввакум, ни духу ни слуху о нем. Воевода царю донес, что протопопа больше в живых нет и весь его род выведен. На том бы и все кончилось, Аввакум про то не знал. На четвертое лето тунгусы привезли протопопа в Читу и сказали:

---

[9] Записано в 1936 г. Сказителю тогда было 42 года. Он же исполнил песню о мученике Аввакуме:

«Ты не плачь, родная матушка,
Ты не бойся, родной тятюшка,
Аввакумушка сын твой мученик,
За веру праведну стоит, за христовую.
Раскуют кузнечики цепи вострые,
Снимут с Аввакумушки венки терновые,
Бог силу даст, во силе удержится,
Злому Никону на усмиреньице
Во неволюшке сидит сын божеский,
Он сидит, сидит да слово молвит всем,
Как его слова по Руси святой все расходятся.

— Дальше забыл, она длинна. Мой-то отец ее всю насквозь пел».

— Мы вам белого человека сохранили, пошто вы одного бросаете, так пропасть можно.

Воеводские начальники распознали Аввакума и донесли в Москву. Пока оттуда бумагу ждали, здесь над протопопом изгалялись, били его до полусмерти, на спине вырезали ремни, по волоску бороду щипали. Все мучение он переносил, но за старую веру стоял. Отдерут его плетями, он посмотрит на всех и снова двумя перстами молится Такой уж он крепкий человек был. Потом его в Москву увезли, там и до смерти замучили.[10]

В аналогичном же варианте предания рассказывается, что Аввакум «терпел бедственную жизнь» во время ссылки не на Амуре, а на Селенге.

«Привезли протопопа с протопопицей на Селенгу, забросили на остров и там в нелюдимом месте жить оставили. Кромя мышей, на том острове, недалеко от Омулевой горы, ничегошеньки не было. Загоревал Аввакум, запечалилась протопопица, как жить-то тут на пустоплёсе можно. Подумал Аввакум Петрович и говорит жене:

— Не раздумывай много, печалью горю непомога. Давай лучче морды плести, лаву делать, да будет помаленьку хоть рыбешкой питаться.

Весь-то инструмент у Петровича был из одного ножа, которым хлеб рушат. Нарезал Петрович тальниковых прутьев, сплел морду, бревно в воду заволок и тоже прутьями к берегу привязал и так заедки сделал. Когда он все это смастерил, морду поставил, стал смотреть в воду и диву дался. Рыба так валом и валила, аж вода от нее мутнела. Смотрит Аввакум, что в морду рыбы битком набито, потащил ее на берег. Кое-как вместе с протопопицей они рыбу на берег выволокли. Посмотрели они на нее, как на кучу переливчатого серебра, и говорят друг другу: «себе немного оставим на еду, остальну в воду опустить надо, пусть живет. Понадобится — бог снова не обидит». Так-то вот и жил протопоп с протопопицей на острове. Вскоре они себе приручили утят, стали они их подкармливать, и утята вскоре утками стали и яиц им, бедным ссыльным, нанесли.

Года два прожил Аввакум на острове, но затасковал о хлебе, денно и ночно думал он о нем. На счастье, недалеко от острова казаки остановились. Увидали они на острове огонь и переплыли к Аввакуму. Казаки те знакомыми оказались, вместе они по Москве-городу гуляли, в церкви часто виделись. Обрадовались все они друг другу, взяли Аввакума с бабой на плот и перевезли на берег.

— Ешь, Петрович, хлебушка, запаса хватит.

— Нет, сыны, вам-то дальше идти надо, про запас бережите. Мне-то все равно, так пробьюсь, божьей благодатью пропитаюсь.

Побоялись казаки оставить Аввакума Петровича одного и сказали ему:

— Будь ты нашим отцом верным. В походах молитвы творить будем, езжай с нами.

Протопоп согласился. С тех пор он вместе с казаками всю Сибирь прошел, до самого океана дошагал. Под старость лет Аввакуму невмо-

---

[10] Записано от Анисима Авдеевича Прозорова, с. Никольское Мухоршибирского аймака Бурятской АССР, 1936 г. «Я здесь, в Забайкалье, с детства живу, — говорит сказитель. — Мне теперя коло 90 лет. Этот рассказ я давно, давно слыхал. Тут один поселенец жил, так он меня разным сказкам учил, от него я и этот рассказ слыхивал. Другие мужики тоже про Аввакума много говорили, он ведь, поди, за нас страдал, одному-то ему много ли надо было. Тут каждое лето после жнитвы у нас в церкви ему поминание делали». Записи хранятся у собирателя.

готу стали походы, и начал он проситься в свою старую деревню под Москву, на покой пойтить.

Поехал Аввакум в Россию. Дорогой его старый и малый встречал, хлебом-солью кормили. Донесли про то царю, что Аввакума шибко народ почитает. Царь указ дал: «Отправить протопопа в крепость, посадить на цепь, и пусть там в темнице перед богом грехи замаливает». То царь нечистый неправ был. Грехи-то не у Аввакума были, а у царя-злодея.[11]

Немало преданий об Аввакуме бытовало и среди старообрядцев Тарбагатайского аймака. В конце 30-х годов от них записано несколько текстов. В наиболее распространенном варианте предания рассказывается о том, как Аввакум попал в Сибирь.

После раскола Аввакума в Москве не оставили. Царь боялся, что вместе со старой верой могут и его сбросить. Алексей Михайлович, царь Московский, подговорил своих бояр и те втихаря залучили Аввакума в одну церковь, связали его по рукам и ногам, увезли к казакам, да наказ им дали, чтобы отвезти протопопа в Сибирь, как каторжного. Бояры боялись Аввакума не меньше царя. Да как же его было не бояться: весь бедный народ за ним шел, он за бедных стоял и жизни своей не жалел.

В Сибири в то время не только каторжных не было, но и русских маловато значилось. Протопоп Аввакум первым каторжником был, он первый тут цепями звенел и первым в колодках ходил.

Казаки узнали, кого они привезли за Байкал, только тогда, когда они Аввакума сдали на руки воеводским начальникам. А те, известное дело, были палачами с большой дороги. Если бы казаки узнали поранее, что они везут Аввакума, то они его бы непременно отпустили.

Много время Аввакум мотался дорогой и на третий год добрался до Уды. Тут, где теперь Верхнеудинск стоит, протопоп перебрался через реку, и повезли дальше. Зима застала протопопа в летнем платье. Остановился Аввакум у бурят около Селенги и стал тут жить. Бурятская юрта ему не в понраву пришла, и сказал он казакам, что его охраняли, чтобы дом начать строить. Леса тут полно, у казаков по работе руки чесались, они скоро дом такой срубили, что всем на заглядение. Буряты на тот дом, как на диковину, смотрели, они впервые такое видели, сбежались к дому со всех степей. Прозимовал Аввакум в этом доме, а весной повезли его на Шилку. Долго ли он там прожил, не знаю, только вскоре царь смилостивился и сказал, чтобы Аввакума назад в Москву вернули. Когда Аввакум ехал назад, то около дома против Селенги, где он зиму зимовал, уже деревня выросла, и стала она прозываться Тарбагатаем.

Через сто лет после Аввакума в эту деревню Тарбагатай раскольников из Польши пригнали и сказали им:

— Здесь жил ваш Аввакум, он и деревню зачал, вам ее и дальше строить надо.

Почали раскольники деревню расстраивать и так расстроили, что теперь пешком за целый день не обойдешь.

---

[11] Записано от Петра Семеновича Никитина, с. Мухор-Шибирь Бурятской АССР, 1938 г. В год записи сказителю исполнилось 62 года, неграмотный, бывалый охотник и золотоискатель. Знал большое количество духовных стихов. «Сказки о разных святых и угодниках, об Аввакуме и его протопопице я слыхал от своих земляков из Шаралдая. Некоторые мужики про протопопа шибко много рассказать могут. Вот одного про Власа Панфиловича помню, так он об Аввакуме раз до того рассказывал, что его дён десять в Верхнеудинской тюрьме держали». Запись хранится у собирателя.

Так-то наши старики рассказывали, как Аввакум в Сибирь попал и потом как по его следу других раскольников в Сибирь сослали. По всему видать, что Аввакум не только в книгах богослужебных разбирался, но и в хозяйстве крестьянском толк знал. Место для нас доброе выбрал: лес близко, вода рядом, зверь в тайге всякий водится, разного добра: ягод, орех — хоть лопатой греби. Старики-то не зря добрую славу об Аввакуме несли. Он и в России о мужиках пекся, и здесь в Сибири о нас позаботился.[12]

В другом предании, записанном в Тарбагатайском аймаке, говорится:

Аввакум попал в Сибирь неспроста. Он в Москве в большом почете ходил. Когда на Руси раскол начался, он на себя всю защиту старой веры взял, за это и пострадал на всю жизнь. Сначала его под Москвой в каменном сыром подвале держали. Там он свои книги писал и разные воззвания к народу, чтобы он никоновскую веру порушал и по новым книгам не молился. Царь понял, что вся смута от Аввакума идет, взял да и отправил в Сибирь, пусть там его, мол, на съедение волком бросят. Повезли Аввакума по всей России, а народ ему везде раскланивается. Царь велел на его маску черта с рогами надеть, чтобы его никто не узнавал. Одели на него такую маску, а народ и через нее Аввакума узнавал. Оно верно, что золото и в грязи блестит.

Дорогой Аввакума другой конвой нагнал. Тот конвой в Сибирь другого каторжника гнал, звали его Демьяном многогрешным. Признакомились оба колодника, рассказали друг дружку пор свое житьбытье и дали слово, чтобы в беде по одиночке друг дружку не оставлять.

Пригнали Аввакума к Ангаре, тут казаки плоты сделали и начали через Байкал переплывать. Демьян с Аввакумом на разные плоты попали. Аввакум-то вперед поплыл. День плывут хорошо, на другой такая погода поднялась, что света божьего не видно. Заматало, закрутило плот, все поугорели и в безпамятстве остались. Один Аввакум только на плоту стоял и за всех богу молился. На пяты сутки Аввакума выбросило около Прорвы, где теперь недалеко Посольский монастырь стоит. Никого, кроме Аввакума, живых не осталось. Глядит он — перед ним одна степь да тайга. Что делать? Разобрал Аввакум плот, построил себе избенку и стал жить промыслом. Рыбы тогда в Байкале было столько, что ее руками без снастей можно было ловить. Так бы и жил один Аввакум в степи, да тут буряты узнали про нового человека и пришли к нему. Он их хлебом угостил, они ему мясо на варево дали. Так он около бурят и прижился.

Прошло много дней; видит Аввакум — к его берегу плот прибывает. Он огонь розжег. К вечеру плот прибило. На плоту один-одинешенек только Демьян многогрешный остался. Зажили они вдвоем без горя и нужды. Однако долго-то жить так не удалось. Расчухало начальство о двух отшельниках, прислало за ним казаков. Те связали их, по Селенге вверх на плотах подняли. Демьяна на поселение тут недалеко в Селенге оставили, а Аввакума на Нерчинску каторгу свезли. Сколько его там смертным боем ни били, а от своей веры от-

[12] Записано от Демида Ивановича Трифонова, с. Тарбагатай Тарбагатайского аймака Бурятской АССР, 1938 г. Всю свою жизнь этот глубокий старик прожил в родном селе Тарбагатае. Он знал много духовных песен и стихотворений, прекрасно рассказывал об истории раскола. О приведенном предании сообщил: «Слыхал в мальчишестве, с тех пор его часто нашим мужикам приходилось говорить. В нем истина вся, все правда». Запись хранится у собирателя.

лучить не могли. Вот каким был наш Аввакум, царство ему небесное, добрый человек во веке вечные живет и никто его не забудет.[13]

Следует отметить, что это не единственное предание, где указывается, что Аввакум был первым русским жителем на восточном берегу Байкала. Об этом же говорится и в преданиях, которые бытуют у нестарообрядческой части населения Прибайкалья. В частности, один из любителей старины, прекрасный знаток местных преданий, потомственный рыбак из с. Посольское, Кабанского аймака Василий Дмитриевич Зорин рассказывает:

Первый русский домик на этом берегу Байкала поставил протопоп Аввакум Петрович. Он сюда был сослан за раскол веры. Домик тот стоял больше сотни лет около самой Прорвы, у Сора. Теперь его нет. Старики раньше даже то место, где стоял домик, аввакумовским плесом называли. На том месте, где Аввакума из Байкала выбросило, крест стоял. Назывался этот крест «Во имя святого спасения». Он руками самого Аввакума был поставлен. То место и теперь заметно.[14]

Такое же предание записано от жителя с. Максимихи Баргузинского аймака Филата Егоровича Горбунова.

В молодости весь берег Байкала кругом обошел. На нем много пометных мест есть. Вот около Прорвы, у Посольского монастыря, стоял раньше крест «Во имя святого спасения». Этот крест ставил сам протопоп Аввакум. Об этом раньше казаки сами всем рассказывали. Буряты тоже говорили, что первый русский поп здесь жил, такой добрый, что не в сравнении с жадными посольскими монахами. Аввакум не только крест поставил, но и дом построил. Это был первый дом в этих краях. Кабанские буряты с тех пор такие же дома себе строить зачали. Мой дед помнил, как этот дом стоял, к нему они годами на моленье ходили. Говорят, его монахи снесли, он у них доход отбивал.[15]

Таким образом, из публикуемых здесь преданий видно, что имя Аввакума вошло в фольклор старообрядческого населения Забайкалья, а через него стало известным и за пределами старообрядческой среды. Наряду с религиозно-легендарными мотивами в них присутствуют также интересные реальные подробности, достоверность которых может быть установлена специальным исследованием. Главная же ценность этих преданий — в отражении восприятия Аввакума простым народом, зачастую далеким от тех представлений, которые складывались в фанатически настроенной старообрядческой среде.

---

[13] Записано от Николая Васильевича Федорова, с. Ганзурино, 1938 г. В конце предания сказитель указывает, что Демьян многогрешный впоследствии снова встретился с Аввакумом на Селенге и что они якобы вместе участвовали в отражении набегов монголо-маньчжурских ханов. За честную службу будто бы «царь простил все вины и разрешил Демьяну и Аввакуму вернуться в родное место». Запись хранится у собирателя.

[14] Запись произведена в 1950 г.

[15] Записано в 1946 г.

Н. П. ПАНКРАТОВА

Любовные письма подьячего Арефы Малевинского

В рукописном отделе Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, в собрании актов и грамот Зинченко № 981, хранится дело Архиепископского разряда, датированное 1686 г. Полное его название: «Дело Устюжского Архиепископского разряда между тотемцем Арефой Малевинским и тотемским дьяконом Михаилом Федотовым об отказе Малевинского жениться на сестре челобитчика, согласно сговорной записи». Начало и конец дела утрачены. Осталось 39 сставов. В состав дела включены любовные письма подьячего Арефы Малевинского к сестре дьякона Анне.

Из тринадцати писем Арефы Малевинского пять были опубликованы В. Г. Гейманом в журнале «Начала».[1] Неизвестно, чем руководствовался В. Г. Гейман, выбрав для публикации только пять писем; нам кажется, что все письма достаточно интересны. Впоследствии отрывок одного из писем был приведен В. В. Виноградовым.[2]

Дело, в составе которого оказались письма Арефы, слушалось в Архиепископском разряде. Дьякон М. Федотов подал жалобу архиепископу Великоустюжскому и Тотемскому Александру на подьячего тотемской приказной избы Арефу Малевинского, обвиняя последнего в нарушении условий сговорной записи.[3]

В сговорной записи написано: «Се аз тотемець Арефка Малевинской дал запись воскресенскому дьякону Михаилу в том, что мнѣ взять у него, дьякона, сестра ево Анна за себя замуж в нынешнем во 1686-м году после[4] крещенья в первое воскресенье, а буде я не возму ея за себя, и на мнѣ сему[5] дьякону взять заставы пятьдесят[6] рублев. Запись писал я, Арефка, своею рукою 1686 г., августа в 14 де[нь]».

---

[1] См.: «Billets doux» подьячего приказной избы г. Тотьмы Арефы Малевинского к сестре тотемского дьякона девке Аннице, писанные в 1686 г. — Начала. Пгр., 1921, стр. 204.

[2] См.: В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., 1938, стр. 45.

[3] Текст писем и сговорной записи передается согласно правилам ТОДРЛ (см.: Р. П. Дмитриева. Проект серии монографических исследований-изданий памятников древнерусской литературы. — ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955, стр. 491—499), с единственным отличием — сохранением буквы «ѣ». Последнее кажется нам важным с лингвистической точки зрения, поскольку говор, представленный в этих письмах, — северновеликорусский; ввиду того что в рукописях Арефы Малевинского нигде не употребляется «ь», а только «ъ» (в значениях и «ъ» и «ь»), знак «ь» проставляется всюду согласно правилам современной орфографии.

[4] Слог «по» в рукописи переправлен из «а буди».

[5] Слово «сему» в рукописи переправлено из «взять».

[6] Буква «п» в рукописи переправлена из «д».

В свою очередь Арефа Малевинский подал жалобу архиепископу Александру на дьякона М. Федотова, изложив дело так, будто дьякон пригласил его к себе в гости и «намучил» с него сговорную запись, по которой он, Арефа, обязуется взять замуж сестру дьякона Анну. Арефа отказывается выполнить условия сговорной записи, ссылаясь на то, что запись была дана не добровольно, а «из-за смертной устрастки».

Дьякон со своей стороны тоже объясняет, как было дело. Арефа не был приглашен в гости, а пришел ночью в клеть к сестре его Аннице, где та спала вместе со своей сестрой Федоркой. Федорка, услышав голос Арефы, выбежала из клети, заперла ее и устремилась к дьякону и дьяконице. Те позвали в свидетели соседей и вместе с ними вошли в клеть. Арефа тут же попросил чернил и бумаги и написал на себя сговорную запись.

В подтверждение своих слов дьякон представил письма Арефы, адресованные Аннице.

В суде Арефа отказался от писем, говоря, что «рука не его». Нам трудно судить об этом, так как письма написаны полууставом, переходящим в скоропись; объясняется это тем, что Анница была, по-видимому, недостаточно грамотна, и Арефа старался писать ей как можно более разборчиво. Сравнение писем и сговорной записи ничего не дает, так как запись написана беглой и довольно небрежной скорописью, ничего общего не имеющей с почерком писем.

Любовные письма Арефы Малевинского представляют интерес для филолога с разных точек зрения. Чрезвычайно любопытной является сама фигура автора писем (если мы примем весьма вероятное предположение об Арефе как об авторе). Отчаянный соблазнитель, склоняющий девицу к тайной связи, и ловкий сутяга, нисколько не смущенный оглаской своих интимных дел: этот образ многими чертами напоминает нам одну из ярчайших фигур русской литературы XVII в. — Фрола Скобеева. Конечно, история Арефы Малевинского во многом отличается от ситуации, нарисованной в Повести о Фроле Скобееве, — Арефа изо всех сил старался избежать невыгодного брака, а Фрол затеял всю свою интригу для того, чтобы получить богатую невесту, но общая картина нравов (далеко уже отошедших от домостроевских идеалов) в обоих случаях весьма сходна и позволяет понять ту обстановку, в которой возникали произведения, подобные Повести о Фроле Скобееве. Интересны письма Арефы и с точки зрения языка: они отражают живой разговорный язык конца XVII в. в одном из его локальных северновеликорусских вариантов. Стихия народной разговорной речи и развившийся на основе этой разговорной речи приказный деловой язык играли в процессе формирования русского литературного языка определенную роль.

Мы считаем возможным включить в публикацию и те письма Арефы, которые когда-то были изданы В. Г. Гейманом. Основания для этого следующие: во-первых, необходимо представить их в полном виде, так как в противном случае будет нарушена цельность переписки; во-вторых, публикация В. Г. Геймана в настоящее время стала уже библиографической редкостью; в-третьих, в этой публикации по сравнению с оригиналом были допущены некоторые погрешности, например вместо «терпитъ» напечатано «терпеть» (1-е письмо), вместо «розлучит» — «разлучит» (12-е письмо) и т. д.

Письма печатаются в том порядке, в каком они расположены в деле. Письма 1, 2, 8, 11 и 12 напечатаны в журнале «Начала».

Письмо 1

Повидайся, друг моя, со мною сего вечера, в том же мѣсте, да рание, как ударит полтретья часа ночи. Не могу, друг, терпит, да принесу и твое все.[а] Повидайся, серцо мое, да бережно, да отпиши мнѣ, я надѣюся и буду, а ты в том мѣсте меня дожидайся, выдь рание, а я буду, не оману. А мнѣ будет долго с тобою[б] не видатца, только не будеш ты сего вечера, ныне хотим[в] ѣхать с сыном[г] молится. Да выдь же, надежа моя, я буду, да отпиши мнѣ скоро, сегодни, я надѣюся. А пиши немного мнѣ, а я дождус. Да выдь рание, дожидайся меня — ономнясь вышла поздо — я приду на час сего вечера, да принесу и твое все.

Письмо 2

Боюсь я дяди, жид на меня, а как ни есть приду, ты жъди. А приди по конец огороду своего, я залягу в родивонов хмельник, ты тут приди, да бережно, я про себя тебѣ роскажу, как надо мною было. Да поди, никому не сказывайся, берегись, друг, грозятся больно. А я на тебя сердит, что ты словам вѣриш, а я одно задумал, а про все роскажу тебѣ.[д] Да бережно приди, не увидял бы нихто, и никому не сказывайся, поди,[е] а я буду к тебѣ.

Письмо 3

Спасибо тебѣ, что ты надо мною насмеялась вечер и не вышла, я ждал долъго,[ж] доспѣла ты надо мною хорошо. Уж я головы своие[з] не щажу, был я у вас ночесь и в ызбѣ, а у вас никово не было, а не повѣриш ты, смотри против окошка под росадником доска, по той в окошко лазил в переднее, а отворял косю, а воткнена[и] кость[к] против окошка тово,[л] смотри в щилѣ. А ты надо мною дѣлаеш, я бы, хоша скажи, на нож к тебѣ[м] шел, столь мнѣ легъко стало.[н] Да послушай, выдь сего вечера ко мнѣ на огород, за[о] в то ж мѣсто, да не клич, приди, я стану спать до тебя, а приди как ударит полтретья часа ночи, да не омани по-ночешному, я буду. Да отпиши ко мнѣ, да пришли поскоряе, а буде не выдеш да не отпишеш ко мнѣ, ты со мною вовсе остудисся и вѣк не буду. Послушай, выдь ко мнѣ, да отпиши поскоряе, а как отпишеш, я буду рано, а ты не проспи, выдь рание, как велиш быть, я буду и надеюсь. Ой, водиш меня за собою, да выдь, не омани, как не выдеш, вѣк не видаться будет, послушай, выдь, да отпиши скоро, да не проспи ту[п] ты, в том мѣсте приди рание, да до меня спи, я приду скоро, да отпиши мнѣ.

Письмо 4

Не спасибо тебѣ, доспѣла ты меня, на всякой час слезами не могу терпит, и вечер на дворѣ был у вас. Выдь сего вечера, друг, на огород на час, да рание, а я приду как два часа ночи пробьет, а буде ты рание придеш, ты дождись, а я до тѣх мѣст не стану спать дома, а то не сыпал — и ночь и день спать охота. Я приду на огород в то же мѣсто, да лягу спать, а ты приходи рание, да не омани по-старому, я надѣюсь.

[а] *Написано над строкой.* [б] *Написано над строкой.* [в] *Испр.; в ркп.* хотѣм *написано над строкой.* [г] Сын *написано над строкой.* [д] *Написано над строкой.* [е] *Написано над строкой.* [ж] *Написано над строкой.* [з] *Так в ркп.* [и] *Первое* н *переделано из* и. [к] *Написано над строкой.* [л] *Написано над строкой.* [м] *Написано над строкой.* [н] *Написано над строкой.* [о] *В ркп. зачеркнуто.* [п] *В ркп. зачеркнуто.*

А приди на час и я недолго стану стоять лиш увижусь, не могу, ей, жить, а ты надо мною смеесся. Выдь же, друг, я надѣюсь, а ко мнѣ [р]отпиши поскоряе, я[с] буду, и нужа моя идет[т] к тебѣ,[у] а буде ты со мною не увидисся сего вечера,[ф] а я не буду тебѣ вѣчно стану как ни есть промышлять, не могу терпит.[х] Послушай же,[ц] будь рание, а я буду, не оману.[ч] Да отпиши[ш] ко мнѣ, да выдь, друг, послушай, поскоряе, я надѣюсь и стану тебя ждать, ты рание приди, да не клич, приди в то мѣсто, я стану спать, не услышать будет. Да не емли с собою содому, а как не увидисся, долго мнѣ не видатца, да как не послушаеш, я вѣк не буду. Отпиши ко мнѣ поскоряе, я надеюс.

Письмо 5

Выдь, друг, надежа моя, на вечер[щ] на огород за баню, я приду к тебѣ, да выдь одна, а то лиш свяжут тебя.[ы] Послушай, друг, выдь, тошно мнѣ болно стало, послушай, да не води с собою никово, хуже, и ономнясь лиш связала. Да отпиши мнѣ сего часа, я подожду, а как отпишеш, я буду. Да не омани, выдь, друг, да отпиши скоряе мнѣ. А завтра меня посылают в волост, долго не быть. Выдь, друг, на огород, я приду, да отпиши скоряе, я подожду.

Письмо 6

Отпиши скоряе, а токо ты сего вечера не выдеш, я уѣду в волости, и всѣ поѣдут для богомолья, а завтра иные и поѣдут. А не буду я надѣль с пять и больше. А се писмо издери, да выдь, послушай, друг, не омани, я буду как отпишеш, а писмо пришли скоряе, да не здѣлай по-вечеръшному. А на сарае у вас спали мать да Ванка, я был, я начался ты тут...».[э]

Письмо 7

Спасибо тебѣ, что ты надо мною здѣлала, я приходил, а ты и не вышла, солъгала. А был я и на сарае и вездѣ, да в бане проспал, ровно час дни ударил, вышел не слыхал ничего да испугался, что день на дворѣ. Выдь сего вечера, друг, послушай, да не омани по-вечеръшному, да отпиши мнѣ, я буду рано и вечер был рано. А мнѣ много говорить и про все скажу, да выдь одна, не емли содому-то с собою, послушай, выдь, нужно мнѣ стало и тошно, да отпиши сего часа поскоряе, я стану надѣетца на тебя как отпишеш, да выдь сего вечера, не омани, а я буду рано, как мнѣ отпишеш, да не солги по-вечеръшному, не здѣлай без головы меня, а мнѣ с тобою нужно увидетца, повидайся, да отпиши скоро, а как отпишеш, я стану надѣетца на тебя. Не жаль было, я бы к тебѣ так и не писал, а то и головы не щажу своие,[ю] иду к тебѣ, уш то мнѣ гораздо нужно, и люба ты мнѣ, послушай же вы...[я]

Письмо 8

Ономнясь не было ли чево после меня? А детина-то[II, а] тебя не видял, вядял[б] одну Федорку, а у меня спрашивал, а про все я тебѣ скажу, а от

[р—с] *Написано над зачеркнутыми словами* не отписывай, я. [т—у] *Написано над строкой.* [ф] *Не совсем ясно далее, о чем речь; по-видимому, в предложении что-то пропущено.* [х—ц] *Над этими словами написано* да поѣдем гуля вот цареву завтра, да там и ночеват. [ч—ш] *Написано над зачеркнутыми словами* да не отписывай. [щ] *р надстрочное оказалось заклеенным при подклейке письма, его можно рассмотреть на свет.* [ы] *Слово написано слева, на полях.* [э] *Письмо не закончено.* [ю] *Так в ркп.* [я] *Конец оборван,* II, [а] *д. переделано из* т [б] *Так в ркп.*

чево здѣлалось, и кто сказал мнѣ сказал. А стерег тебя, да не видал, лиш видял одну Федорку. А повидайся со мною одна сего вечера, а не емли с собою никово, дожъдись меня в бане, а я к тебѣ на вечер от воеводы приду [в]из гостей рано,[г] а домой не иду спать, а мнѣ говорить много [д] с тобою,[е] а при людях нельзя, да не стану, да послушай, добро будет, да отпиши мнѣ ныне скоряе, я буду, да повидайся, друг мой, нужно мнѣ; ономнясь было еще хотѣл говорить, да позабыл, а се испугался. А в бане ты окошка затъкни. Да приди, друг, нужно мнѣ да тошно стало старово [ж] пуще, да не омани, приди, я буду, как час ночи ударит, люди излягут. А ты отпиши мнѣ скоряе, я надѣюс. Послушай, друг, выд, я тебя послушаю во всем, а как отпишешь, я буду к тебѣ, [з]не оману.[и]

[к]А только не послушаеш, я не буду и вовсе, а послушаеш, и тебѣ добро и сергу найдем ныне.[л]

Письмо 9

Повидайся со мною, друг мой, уж мнѣ когда велит бог видатца с тобою, востал на меня дядя, а только не повидаесся, мнѣ уж не видатца. Да отпиши мнѣ сего ж часу, буде повидаесся, ты детине напиши, да пришли скоро, а не повидаесся ты, так отпиши, я не надѣюсь.

Письмо 10

Ономнясь я тебѣ писал, Анна,[м] велѣл выти, а ты и не послушала. Послушай, друг мой, выдь за баню,[н] да отпиши сегодни, а буде не послушаеш, не выдеш, я к тебѣ [о]и сам [п] буду, да пришли письмо, я в приказе дождус, тожидатцо [р] мнѣ стало. Послушай, а как отпишеш, я буду в то мѣсто, да стану до тебя спать, а ты приди, да не клич меня, а я рано буду,[с] а не послушаеш, остудисся со мною, или письмо сегодни хоша з дѣдиной [т] пришли к приказу, я стану стеречи, бережно хоша.[у]

Ты не опишеш,[ф] я и сам стану достават тебя.

Письмо 11

Вчерась я к тебѣ писал, чтобы ты вышла, а ты и не вышла, а я приходил. Впрям ныне ты меня водиш вуздѣ. Как я пошел от вас, да идучи-то все плакал, а ты мнѣ не вириш. Выдь сего вечера на огород к родивонову [х] хмельнику, а я буду часу в оддаче третьево или в четвертом, да не омани, мнѣ говорить, ей, много с тобою. Послушай, друг моя, да напиши немного мнѣ, буде будеш, или словом прикажи, я надѣюсь на тебя, приди в чес и отпиши.

Письмо 12

Повидайся со мною, друг мой, в том же мѣсте, а мнѣ досадно, что ты вѣриш чмутам, ей, уж не могу жить, увидъся, как ни есть, а я буду часу

[в–г] *Написано над строкой.* [д–е] *Написано над строкой.* [ж] *Первое* о *переделано из* иѣ. [з–и] *Читается плохо, так как нижняя часть письма в этом месте оборвана, видны только верхушки букв.* [к–л] *В тексте написано слева, так как лист в этом месте прорван; в начале приписки стоит крест.* [м] *Написано над строкой.* [н] *После этого слова замазано чернилами* в то мѣсто. [о–п] *Написано над строкой, под этим замазано чернилами* никогда не. [р] *В слове переправлены отдельные буквы, прочитать можно* тожидатцо. [с] *После этого слова замазано чернилами* как велиш. [т] диной *написана над строкой, под ним замазано чернилами* вко, *т. е. получается* девкой. [у] *Продолжение письма на обороте листка.* [ф] *Так в ркп.* [х] *Второе* в *исправлено из* м.

в третьем или в четвертом, да ко мнѣ не пиши, я сего вечера буду к тебѣ [ц] и бес писма,[ч] не могу, ей, быть разве смерть меня с тобою розлучит да гово. . .[ш]

Письмо 13

Выдь сего вечера, да отпиши мнѣ, а[щ] буду, да бережно приди, а письма дъякон видял, мнѣ сказывал. Да выдь рание, я буду, да отпиши скоро, не бережно живеш, да выдь рание, да отпиши.

[ц–ч] *Написано над строкой.* [ш] *Конец оборван.* [щ] а *переделано из* я.

Н. А. МАЛЕВАНОВ

Неизвестный список повести «О стране Вятской» 1725 г.

Повесть «О стране Вятской», или, как ее еще иногда называют, «Вятский летописец», известна в исторической литературе еще со времени выхода в свет «Опыта Казанской истории древних и средних времен» П. И. Рычкова в 1767 г.[1] С тех пор более ста лет она являлась авторитетнейшим источником по начальной истории Вятской земли. Популярности ее способствовали, с одной стороны, слабая изученность, незнание и недоступность важнейших списков русских летописей (до работ П. М. Строева и Археографической комиссии), с другой — использование одного из списков повести в трудах выдающихся историков Н. М. Карамзина и Н. И. Костомарова. Невысокую оценку в первой трети XIX столетия повесть получила лишь со стороны местного историка Вештамова, указавшего на ряд анахронизмов в тексте.

Обстоятельная же критическая переоценка памятника оказалась возможной только в 80-х годах XIX в., в связи с общими успехами в изучении русского летописания. К этому времени в Вятке оказались свои научные силы: историки А. А. Спицын, А. С. Верещагин, а позже П. Н. Луппов и ряд других. Итог большой исследовательской работы, проделанной за последние два десятилетия XIX в. по изучению повести, был подведен А. С. Верещагиным в предисловии и послесловии к научной публикации повести в 1905 г. по двум ранним спискам — Толстовскому и Миллеровскому.

На основании тщательного анализа всех известных источников по истории Вятского края А. С. Верещагин установил и доказал, что «„Повесть о стране Вятской“ есть повесть книжника (и далеко не умелого) конца XVII в. (а может быть, и начала XVIII в.) об отдаленных от него на несколько столетий событиях на Вятке, начало которых он отнес к XII в. — к 1174 г.», и что это «источник не только неточный и сомнительный, но и прямо „спутанный“ и недостоверный своею передачею разных спутанных и искаженных временем преданий об отдаленных событиях, скорее затемняющий, чем разъясняющий историю древней Вятки».[2] В определении времени составления повести Верещагин исходил из того факта, что «последние краткие летописные известия в ней выписаны из так называемого „Временника“ со всеми ошибками последнего, а „Временник“ доведен до 1700 г.».

С выводами А. С. Верещагина, если не считать некоторых частных моментов, соглашается и современный советский исследователь, занимаю-

---

[1] Подробную историографию вопроса см.: А. С. Верещагин. «Повесть о стране Вятской (послесловие к изданию текста). — Труды Вятской ученой архивной комиссии, вып. III. Вятка, 1905, стр. 54—97; А. В. Эммаусский. Исторический очерк Вятского края XVII—XVIII веков. Киров, 1956, стр. 204—205; П. Н. Луппов. История Вятки. Киров, 1958, стр. 31—41.

[2] См.: Труды Вятской ученой архивной комиссии, вып. III, стр. 68, 96—97.

щийся историей Вятки, А. В. Эммаусский. Совершенно иная датировка составления повести была выдвинута другим советским историком, знатоком вятской старины П. Н. Луппозым. По мнению П. Н. Луппова, повесть «О стране Бятской» создана в конце XVII или начале XVIII в., а в промежутке между 1725 и 1739 гг. П. Н. Луппов опирался при этом на сообщение 1725 г. Вятской провинциальной канцелярии Петербургской герольдмейстерской конторе об отсутствии в ее архивах известий о времени постройки городов Вятской провинции. Ссылаясь на свидетельство П. И. Рычкова, П. Н. Луппов обращает далее внимание на тот факт, что «в 1739 г. было уже найдено в Хлынове сказание по крайней мере о двух городах Вятской земли и отправлено в Казань». Из этого и делается вывод, что повесть была составлена между 1725—1739 гг. Возникает вопрос, почему так поздно (во второй четверти XVIII столетия) и для чего потребовалась хлыновцам повесть «О стране Вятской»? «Ответ на этот вопрос, — как заявляет П. Н. Луппов, — выясняется одним документом, найденным автором (П. Н. Лупповым, — *Н. М.*) в Кировском историческом архиве. Из этого документа видно, что вятский епископ Лаврентий Горка, назначенный на Вятскую епархию в декабре 1733 г., в первый же год своего управления этой епархией словесно объявил в Хлынове, что без указа Синода он опасается отпускать хлыновское духовенство с крестными ходами по епархии» в связи с сопутствующими им нелепыми суевериями и некоторыми языческими обычаями. С наложенным запрещением хлыновцы не могли смириться и составили записку (сказание или повесть) «с разъяснением причин и поводов к установлению хлыновских крестных ходов». Однако записка не была подана в Синод, епископ же через 4 года умер, и на крестные ходы снова было получено разрешение. «Сказание здесь уже не потребовалось, но в виде особых списков оно стало распространяться среди посадских города Хлынова как назидательный материал для чтения. В 1739 г. один экземпляр его отправили в Казань, в Оренбург, и через несколько десятков лет сказание после обработки его Рычковым появляется среди читателей в виде двух печатных статей и начинает считаться своего рода документом по истории Вятской земли, а в XIX в. это сказание, по использовании его историографом Н. М. Карамзиным, приобрело авторитет достоверного источника».[3]

Если, таким образом, написание повести связано с запрещением крестных ходов Лаврентием Горкой, то П. Н. Луппов, строго говоря, должен был бы датировать появление ее в Хлынове 1733—1737 гг. Но в таком случае его версия оказывается несостоятельной, так как Толстовский список можно датировать 1730 г. (наиболее поздние документы сборника относятся к 1730 г.).

Из этого следует, что повесть существовала уже до запрещения крестных ходов, послуживших якобы поводом для ее создания. Подтверждает это также и обнаруженный нами неизвестный список 1725 г. повести «О стране Вятской», сохранившийся в одном из дел Петербургской герольдмейстерской конторы. Список этот в герольдмейстерскую контору был представлен из Вятской провинциальной канцелярии 24 апреля 1725 г. вместе с описаниями городов Вятской провинции, составленными по разработанному герольдмейстерской конторой плану-вопроснику. Собрав ответы на предложенные вопросы, контора намеревалась приступить

[3] П. Н. Луппов. К вопросу о происхождении «Повести о стране Вятской». — Записки Удмуртского научно-исследовательского института истории, языка, литературы и фольклора, вып. 12. Ижевск, 1949, стр. 77. См. также: П. Н. Луппов. История Вятки, стр. 31—41.

к разработке гербов-печатей, предусмотренных петровским указом 3 ноября 1723 г. о форме суда «для запечатывания судных дел» в полицмейстерских канцеляриях, надворных судах и во всех судебных инстанциях. Среди заданных вопросов одним из первых был поставлен вопрос о причине и времени возникновения города. В Вятской провинциальной канцелярии в момент составления доношения 22 февраля 1725 г. «подлинного доказательства» о времени постройки городов не оказалось, но при этом сочли необходимым сообщить, что «сыскан в Хлынове старинной летописец, а ис пригородков взяты о том заручные ведомости, которые подлинные ведомости, а летописца точная копия прилагаютца при сем доношении».[4]

Во всем этом чувствуется критическое или по меньшей мере осторожное отношение хлыновцев к повести. Несмотря на то что она названа «старинным летописцем», от использования содержащихся в ней сведений при ответах канцеляристы воздержались. В свете приведенных данных несостоятельность гипотезы П. Н. Луппова о создании повести во второй четверти XVIII в. становится более чем очевидной. Отвергая гипотезу П. Н. Луппова, следует снова возвратиться к основным положениям А. С. Верещагина, и в частности к его вполне аргументированной датировке времени создания повести рубежом двух столетий: концом XVII—началом XVIII в.

Обнаруженный список 1725 г. повести «О стране Вятской» оказывается, таким образом, самым ранним списком. По своему составу и содержанию он ближе всего к Толстовскому списку, переписанному в 1730 г. Как и Толстовский список, список герольдмейстерской конторы 1725 г. распадается на четыре части: вводную, повествование о заселении Вятской земли новгородскими выходцами, построении городов и церквей на Вятке и о вятском «самовластье», сказание «о явлении» образа Николая Великорецкого и, наконец, краткие известия о событиях на Вятке с 1389 по 1552 г., выписанные из «Вятского временника». В списке, в отличие от Толстовского, отсутствует «Начало великому Словенску, еже есть ныне великий Новоград», взятое из Хронографа 1679 г. Это обстоятельство позволяет говорить о допущенной в свое время ошибке при публикации А. С. Верещагиным так называемого Толстовского списка. Составной частью этого списка Верещагин считал «Начало великого Словенска», хотя в рукописном сборнике оба эти ничем не связанные между собой памятника достаточно четко отделены друг от друга.

Собственно, повестью «О стране Вятской» является ее вторая часть, рассказывающая о приходе новгородцев и поселении их на Вятке. В основе остальных трех частей лежат самостоятельные памятники исторической литературы XVII в., переработанные в большей или меньшей степени составителем повести в начале XVIII в. Модернизированным, сокращенным, более понятным по своему языковому строю читателю XVIII в. пересказом приведенного А. С. Верещагиным в Толстовском списке «Начала великого Словенска» является легендарная часть повести о Словене, Русе и Гостосмысле.

Украшая свое повествование пересказом «Начала» и стремясь быть предельно экономным в изложении предыстории далеких предков, составитель повести довольно удачно выбирает то, что ему казалось наиболее важным, умело выбрасывая все лишнее, в том числе и даты. В повести, например, приводится лишь одна дата основания Словенска (Славен-

---

[4] Центральный государственный исторический архив в Ленинграде, ф. 1343, оп. 15, д. 377, л. 60 об.

града), в то время как в «Начале» указывается время ухода Словена и Руса с берегов Черного моря («И в лето от сотворения света 3085 Словень и Русь с роды своими отлучишася от Евксинопонта»), период их странствия («четырнадцать лет пустые страны обхождаху») и лишь только после этого говорится об основании Словенска («А всех лет от сотворения света до начала Словенска Великого 3099 лет»).

Редакции подверглась также, как это еще отмечал А. С. Верещагин, и третья часть, в основе которой лежит сказание о явлении иконы Николая Великорецкого. Без изменения оставлена лишь хроника, заимствованная из Хронографа.

Основная вторая часть повести, рассказывающая о поселении новгородцев в Вятской земле и об основании Хлынова, Никулицына и Котельнича, является также творческой переработкой местных преданий, бытовавших в Хлынове, переосмысленных в духе историко-литературных традиций XVII в. книжником, достаточно знакомым с новгородским летописанием (он неоднократно ссылается на новгородские летописцы). Что же касается известного анахронизма, связанного с годом появления новгородцев на Вятке (в повести указывается 1174 г. вместо 1374 г.), то его, как это допускал еще в 1905 г. А. С. Верещагин, видимо, все-таки следует считать опиской. В таком случае упоминание об Александре Невском становится по времени вполне оправданным.

Не предрешая вопроса о причинах составления повести и ее авторе и не повторяя аргументов А. С. Верещагина о ее датировании, считаем необходимым обратить внимание на два обстоятельства: упоминание в тексте земской избы и употребление в одном месте двойного летосчисления — от сотворения мира и рождества Христова. Полагаем, что это дополнительный аргумент для датирования повести началом XVIII в. (известно, что земские избы существовали в 1699—1724 г., а на современное летосчисление перешли в России с 1 января 1700 г.).

Думается, что в связи с этим попытка А. В. Эммаусского увязать сопоставление повести с кружком вятского архиепископа Ионы Баранова, умершего в 1700 г., нуждается в дополнительных доказательствах.[5]

В заключение отметим, что в позднейших списках, начиная с Миллеровского 1738 г., исключены такие места, как объяснение происхождения названия р. Хлыновицы от крика пролетавшей птицы «хлы-хлы», и такие сведения по топографии, как указание о построении на ключе винокурни, земской избы, существовании озера и болота на месте богадельни. Сопоставление списков повести 1725 и 1730 гг. свидетельствует о редактировании текста при последующих переписках в XVIII в.

---

[5] А. В. Эммаусский. Исторический очерк Вятского края XVII—XVIII веков, стр. 204.

Л. А. ДМИТРИЕВ

Вновь найденное сочинение об Иване Грозном

Во время археографической работы в рукописном отделе Саратовского государственного университета,[1] в собрании П. М. Мальцева, мною была обнаружена рукопись начала XIX в. под таким заглавием: «Краткое сказание о богомерзком житии государя царя и великого князя Ивана Васильевича. Сочинена Григорием Котошихиным».

Рукопись представляет собой небольшую книгу, объемом в 46 листов, полулистового размера. Переплет из толстого твердого картона, оклеенного бумагой зеленоватого оттенка, корешок и уголки переплета из коричневой кожи. В верхней части корешка сохранились остатки наклейки из тоненкой полоски красной кожи со следами тиснения: «Опис. царя Ивана Вас.». На нижней части корешка поздняя бумажная наклейка с обозначением шифра собрания: «Р. 859. Мальцев». Переплет рукописи относится к самому началу XIX в., о чем свидетельствует и материал, из которого он сделан, и его оформление.[2]

Форзац книги из толстой синей бумаги, с отчетливо выраженными вержерами и понтюзо, без водяных знаков. Корешковый сгиб форзаца вшит в первую тетрадь книги — он выступает в виде небольшого фальчика между первой и второй тетрадями. На форзаце черными чернилами (возможно тушью) сделана надпись: «Краткое / Сказание / о богомерзком житии / Гдря Цря и Великого князя / Ивана Васильевича / Сочинена Григорием Котошихиным / Книга редка пожалована. / Писал с подлинного свитка / 1703 г. июня 16 дня». Эта запись сделана значительно позже времени самой рукописи: об этом свидетельствуют и ее почерк, и орфография (на концах слов после согласных «ъ» не проставлен, «і» не употребляется), и, наконец, то, что надпись эта сделана поверх желтого большого пятна, имеющегося на этом листе и двух следующих листах. Вероятно, эта надпись была сделана в XX в. либо владельцем рукописи, либо в библиотеке.

Следующий за форзацем лист — первый лист первой тетради рукописи. Верхняя часть этого листа оборвана во всю его ширину, так что видно первое слово заглавия, написанного на следующем листе. Вероятно, ранее на оборванной части первого листа, в верхнем правом углу, была проставлена его пагинация «1», так как следующий за этим лист пропагинирован как лист 2. В рукописи пропагинированы все листы, судя по почерку, в то время, когда она писалась. На этом (первом) листе рукописи

[1] См.: Л. А. Дмитриев. Собрание рукописей научной библиотеки Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. — ТОДРЛ, т. XVI. М.—Л., 1960, стр. 554—560.

[2] Книговед Ф. Г. Шилов датирует переплет концом XVIII—самым началом XIX в. Пользуюсь случаем, чтобы выразить ему свою благодарность за консультацию.

читается такое заглавие: «Сказание / о /бгомерсзкомъ житіи / Гдря цря и великаго князя /Ивана Васильевича / Сочинена Гри^г^ореемъ Котошихинымъ / Книга редка пожалована. / Писалъ с подлинного свитка / 1703 года, июня 16-го дня». Позже — что видно по цвету чернил (более темные) — и иным почерком над цифрой 1703 надписано ее буквенное бозначение «аψу», а под текстом заглавия приписана фраза «Копия съ копіи генваря 4 1800 года». В самом низу этого листа было что-то написано, но затем тщательно выскоблено. Пятно на этом листе появилось уже после того как была сделана запись на нем: отдельные буквы из-за этого совершенно выцвели. Оба почерка, которыми сделаны надписи на этом листе, отличаются от остальных почерков рукописи.

На следующем, третьем, листе, имеющем пагинацию как лист 2, читается третий заголовок: «Краткое / описаніе / мучителскаго владѣнія Ивана Васильевича, / царя и великаго князя / Московскаго». В нижней части этого листа наклеена белая полоска бумаги, на которой почерком, похожим на почерки XVII в., написано: «Копия со старинного свитка». Это либо вырезка из рукописи XVII в., либо — что вероятнее — подделка под почерк XVII в. Почерк заглавия на этом листе схож с одним из почерков, которыми написана вся рукопись в целом.

Вся рукопись состоит из 10 тетрадей (7-я и 10-я тетради из 6 листов, остальные тетради из 4 листов). Бумага первых девяти тетрадей синего оттенка, толстая, с отчетливо выраженными вержерами и понтюзо, водяной знак — обозначение года1800, под которым проставлены буквы «АС». Бумага 10-й, последней тетради, по фактуре не отличающаяся от бумаги первых девяти тетрадей, имеет другой водяной знак: герб города Ярославля, буквы «ЯМВСЯ» и обозначение года 1801.

В 10-й тетради исписаны три первых листа, три последних листа остались чистыми.

Рукопись писана писарским почерком конца XVIII—самого начала XIX в., двумя разными писцами: 1-я и 5-я главы (лл. 3—3 об. и 7—7 об.) писаны одним почерком, небрежным, крупным, с наклоном вправо; весь остальной текст — другим, более мелким, аккуратным, округлым, прямым. Заглавие, читающееся на третьем листе («Краткое описание. . .»), написано таким же почерком, как почерк 1-й и 5-й глав.

В тексте рукописи довольно часто встречаются поправки в написании отдельных слов либо по подскобленному, либо поверх ранее написанных букв. Эти поправки, сделанные, как можно судить по почерку, не писцом, а иной рукой, а также то, что в ряде случаев одно и то же слово встречается в разных написаниях («Зверборн» и «Одерборн», «Горзей» и «Гроздей», «аудиенция» и «удиенция и т. д.) свидетельствуют о недостаточной грамотности писца этого списка. Об этом же говорят и многочисленные ошибки и описки в тексте. Возможно, разумеется, что часть таких написаний возникла не по вине писца данного списка, а является отражением написаний того списка, к которому восходит наша рукопись. В нескольких случаях явно поздним почерком, карандашом сделаны записи в тексте комментаторского характера. Перечислим их:

Л. 3 об.: над словами «князя ростовскаго» надписано «Симеона?»; над словами «воеводою Ивану Петровичю» сначала было надписано «Яковлев», затем зачеркнуто и написано «Федоров».

Л. 4 об.: над именем «Афонасей Ловерской» надписано «Вяземский»; над словами «некоторым людям» надписано «(новгородским)».

Л. 6.: над словом «оратор» надписано «канцлер».

Л. 7 об.: над словами «добрались и да казначея государственнаго» надписано «Никита Фуников-Корцов».

Л. 12 об.: подчеркнуты карандашом слова «сообщил нам Алеар» и сверху поставлен знак вопроса.

Л. 18 об.: в окончании фразы «У татар в полону содержался и единственно хлебом да водою ево питали» сделана пометка ссылки. Внизу страницы под этой пометкой написано «боярин Афанасий Нагой».

Л. 19 об: над именем «Шелау» («и прогнал Шелау») надписано «Шигалея».

Л. 31 об.: подчеркнуто слово «Эбарахского» и над словом сделана какая-то неразборчивая надпись.

Переплет, бумага рукописи и ее почерки — все свидетельствует о том, что перед нами рукопись, написанная в самом начале XIX в., по всей видимости не позднее 1801 г.

Григорий Карпович Котошихин, авторству которого приписывается найденная рукопись, известен нам как автор сочинения «О России в царствование Алексея Михайловича». Это сочинение Григорий Котошихин, подьячий Посольского приказа, написал в Швеции, куда он бежал в 1664 г. из России. Сочинение Котошихина оставалось долгое время неизвестным на Руси, как, впрочем, и само имя Котошихина, окончившего свои дни в Швеции через три года после своего прибытия туда (в 1667 г. за убийство своего квартирохозяина Котошихин был казнен). Лишь в 1837 г. профессор Гельсингфорского Александровского университета С. В. Соловьев, занимаясь в шведских архивах, обнаружил в переводе на шведский язык это интереснейшее сочинение о России XVII в. С. В. Соловьев собирался перевести найденное им произведение с шведского языка на русский. Когда он уже приступил к этой работе в 1838 г., в библиотеке Упсальского университета им был обнаружен русский текст этого же сочинения в списке XVII в. После того как были найдены документы, писанные рукой самого Котошихина, было установлено, что русский текст сочинения Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича» — это автограф.

С. В. Соловьев снял для Археографической комиссии копию с найденного им текста, и в 1840 г. сочинение Котошихина было издано. Это было первое знакомство русских читателей как с сочинением Котошихина, так и вообще с его именем. Правда, в 1840 г. имя это было прочитано неправильно — Кошихин. Лишь в 1842 г., когда Археографической комиссией был получен шведский перевод сочинения Котошихина, стало известно точное имя автора. Во втором издании сочинения Котошихина, вышедшем в 1859 г., имя автора было уже обозначено верно. В 1884 г. вышло третье, а в 1906 г. — четвертое издание этой книги.

Обнаруженная рукопись по своим палеографическим признакам датируется, как мы уже видели, началом XIX в., т. е. временем, когда имя Котошихина еще не было известно. Казалось бы, это говорит о том, что перед нами второе, доселе неизвестное сочинение Григория Котошихина. Отдельные стилистические, композиционные и языковые особенности найденного текста в сопоставлении их с данными биографии Котошихина, его подлинным сочинением и его челобитными дают некоторое основание для такого предположения.[3] Однако те же данные, и главным образом осо-

---

[3] Первоначально исследование найденного текста делалось мной именно как сочинения Котошихина. В результате обсуждения проделанной работы на Секторе древнерусской литературы (30 XII 1959) вопрос этот пришлось пересмотреть заново. Пользуюсь случаем, чтобы выразить благодарность всем товарищам, принявшим участие в обсуждении моей работы на этом заседании и давшим мне ряд ценных советов и указаний. Приношу также глубокую благодарность В. П. Адриановой-Перетц, М. П. Алексееву, С. Н. Валку, А. Л. Гольдбергу, И. З. Серману, Д. С. Лихачеву, Я. С. Лурье

бенности языка, в еще большей степени противоречат этому. Но как же в таком случае объяснить появление имени Котошихина на рукописи начала XIX в., когда ни его имя, ни его сочинение никому не были известны? Единственное объяснение такого противоречия можно видеть в том, что текст заглавия, в котором назван Котошихин, приписан позже, когда это имя стало известно.[4] Имя Котошихина упоминается в рукописи дважды в первом и втором заголовках. Первое заглавие, написанное на форзаце, как уже отмечалось выше, приписано значительно позже времени самой рукописи — оно, по существу, в точности повторяет заглавие, читающееся на следующем листе, с прибавлением впереди слова «Краткое» и с опущением приписки «Копия съ копiи генваря 4 1800 года». Заглавие на втором листе (если считать форзац первым листом рукописи), судя по всему, также вписано в рукопись позже времени написания самой рукописи. Основанием для такого предположения прежде всего служит то, что заглавие написано иным почерком, чем вся рукопись, при этом почерком, по своему характеру более архаичным, чем почерк рукописи: бросается в глаза стремление придать надписи вид большей древности, чем она имеет в действительности. Не может не вызвать подозрения и то обстоятельство, что содержание заглавия направлено в основном на то, чтобы подчеркнуть редкость и подлинность рукописи. «Книга редка пожалована. Писал с подлинного свитка».

Историю появления в рукописи этого заголовка можно представить себе в следующих чертах. Кто-то, желая подороже продать рукопись неизвестного сочинения в списке начала XIX в., считая эту рукопись по характеру ее почерка рукописью XVIII в., приписал ее авторству Котошихина и проставил дату самого начал XVIII в.: «Писал с подлинного свитка 1703 года июня 16-го дня». Это могло быть сделано вскоре после выхода в свет второго издания сочинения Котошихина (1859 г.), так как это имя могло уже в это время заинтересовать любителей книжной старины. Позже, когда уже было написано это заглавие, либо автор этого заголовка, либо кто-то другой обратил внимание на то, что водяной знак бумаги обозначает год 1800 (водяной знак последней тетради рукописи с обозначением 1801 г. разрезан пополам и разные половинки даты «18» и «01» просматриваются на разных листах). Чтобы исправить это расхождение между датой бумаги и датой, проставленной в заглавии, была добавлена еще одна запись: «Копия с копии генваря 4 1800 года».

Таким образом, приходится признать, что изначально в рассматриваемой рукописи был только один заголовок: «Краткое описание мучителскаго владения Ивана Васильевича, царя и великаго князя Московскаго». Об этом, между прочим, свидетельствует и то, что на корешке переплета было вытеснено именно это заглавие, а не первое: «Опис. царя Ивана Вас.».

Итак, из палеографического анализа рукописи мы должны сделать заключение, что это список самого начала XIX в. (вероятнее всего, 1801 г.) неизвестного сочинения неизвестного автора об Иване Грозном. Что же представляет собой это сочинение?

«Краткое описание мучителскаго владения Ивана Васильевича, царя и великого князя Московского» делится на 27 небольших глав, обозначенных в тексте порядковыми номерами. 1-я глава является введением ко всему сочинению. Автор в этом введении говорит о том, что очень многие писали о злодеяниях Ивана Грозного, а более всех «Павел Зверборн».

и В. И. Малышеву, сделавшим целый ряд замечаний еще до обсуждения работы на Секторе.

[4] Первым на возможность более позднего написания заглавия, чем всей рукописи в целом, указал С. Н. Азбелев.

Бесчеловечных деяний Ивана Васильевича так много, что все они «пространности ради» автором перечислены в его сочинении быть не могут, и поэтому он расскажет «толко об одних знатнейших по государству особах, которыя наказании и мучителства от него (Ивана Васильевича, — *Л. Д.*) претерпели».

1-я глава «Краткого описания» почти дословно повторяет 1-ю главу рассказа об Иване Грозном («Тирания Ивана Васильевича, великого князя Московского») из книги голландского писателя XVII в. Ламберта Боса (Lambertus van den Bos) о великих людях: Het vorstelick treur-toonneel, of Op-en Onder-gang der Grooten. Begrijpende ontrent hondert jaren, van 1500 tot 1600 toe. Uyt verscheyde Schrÿbers en Talen versamelt, Door L. v. Bos. Geçiert met kunstige Afbeeldingen der voornaemste Persoonen, seer Konstigh nae't leven in koper gesneden t'Amsterdam, Voor Abraham Wolfgank, Boekverkooper, op de hoek van de Beurs, onder de Toorn, 1659, 840 стр. (стр. 730—744: Tyranny van Iohannes Bazilides, Grootvorst van Moskovien). Никаких подробных сведений о Босе, кроме очень краткой статьи в голландской энциклопедии, сообщающей в нескольких строках самые общие сведения об этом лице, мы не имеем. Как говорит сам Бос, источником для его рассказа об Иване Грозном послужило сочинение Одерборна: «Каким чудовищем рода человеческого был Иоанн Васильевич, великий князь Московский, свидетельствуют все писатели, и среди других наиболее достоверно Павел Одерборн в своих трех книгах, которые он написал о жизни этого ужасного тирана» (стр. 730). Сравнение всего рассказа о Грозном в сочинении Боса с соответствующими местами Одерборна[5] показывает, что голландский автор почти буквально повторил некоторые эпизоды из книги Одерборна, в отдельных случаях сокращая рассказ своего источника или дополняя его мелкими, незначительными деталями.

Во 2-й главе рассказывается о злодеяних, учиненных Иваном Грозным нам Дмитрием Оболенским-Овчининым, ростовским князем (имя не названо), конюшим Иваном Петровичем Федоровым, думным дьяком Казариным-Дубровским и оружничим Афанасием Вяземским. Все эти рассказы имеются в сочинении Боса, все они у него идут в такой же последовательности, как и в «Кратком описании».

3-я глава «Краткого описания» посвящена рассказу о казнях Ивана Грозного в Москве. Рассказ этот в точности повторяет соответствующую главу Боса. В 4—9-й главах рассказывается о судьбе Ивана Михайловича Висковатого, Никиты Фуникова, князя Владимира Андреевича и его жены. Во всех этих рассказах автор «Краткого описания» в точности следует 4—8-й главам рассказа Боса. Как и Бос, текст которого в свою очередь восходит к Одерборну, автор «Краткого описания», рассказывая о Владимире Андреевиче, называет его Георгием. Весь рассказ о Георгии весьма близок к Босу, но есть и некоторые отличия. Так, в «Кратком описании», говоря о том, что у Георгия «все те качества находились, которыя великих государей прославляют», автор прибавляет: «Но в действо производить (все эти качества, — *Л. Д.*) ему было невозможно, потому что не имел самодержавной власти. А тираны и одно сие за великую вину и преступление ставят, когда усмотрят, что некоторому из свойственников их достоинство к государствованию приписывается».

Закончив рассказ о судьбе Владимира Андреевича-Георгия по Босу, автор «Краткого описания» замечает, что по другому источнику — по дан-

---

[5] Johannis Basilidis Magni Moschoviae Ducis vita, tribus libris conscripta. Authore Paolo Oderbornio. Witerbergae, 1585. Приношу искреннюю благодарность А. Н. Егунову и Р. Ю. Данилевскому, помогавшим мне в работе над латинским и голландским текстами указанных сочинений.

ным «некоторого дацкого дворянина Якобуса Улефелда» Георгий был не родной, а двоюродный брат и что он был не зарублен палачами, а отравлен ядом, подсыпанным в поднесенное ему Иваном Грозным питье. После такого сопоставления двух разных источников, что, как мы увидим в дальнейшем, характерно для всего текста «Краткого описания», автор рассказывает, в точности следуя Ульфельду, о разорениях, произведенных опричниками «от Москвы до Пскова», и о походе Ивана IV на Новгород.

Яков Ульфельд, участник датского посольства в Москву в 1575 г., описал это посольство на латинском языке. Рукопись его сочинения затерялась, но потом была найдена и в 1601 г. издана; однако полное имя автора издателю было неизвестно, и поэтому в издании было сказано только, что это сочинение датского дворянина Якова. Позже было установлено полное имя автора, и в 1627 г. книга вышла под таким заглавием: Nobilissimi et Strenuissimi Equitis Dani, Jacobi Ulfeldii, Domini in Ulfeldtzholm et Selsovia etc. Regii Danorum Gonsiliarii, Legatio Moscovitica, sive Hodoeporicon Ruthenicum, in quo de Russorum, Moschorum et Tatarorum Regionibus, Moribus, Religione, Gubernatione et Aula imperatoria, quo potuit compendio et eleganter exsequitur. Accesserunt Glaudii Christophori Lyschandri, Praepositi Herfolgensis Epistolae de authore hujus opusculi, nec non figurae variae in aes incisae a Joh. Theodoro de Bry. Omnia simul edita ex bibliotheca et studio Viri Nobiliss et Clariss. Melchioris Goldasti Heiminsfeldii etc. Francofurti a. M., 1627.[6]

О новгородских событиях у Ульфельда рассказано очень кратко, только о том, что новгородцев и жителей окрестных мест, собранных на городской мост, утопили в Волхове. Этого автору «Краткого описания» было мало, и он дополнил Ульфельда рассказами о новгородском архиепископе и богатом новгородце Федоре Сыркове (автор «Краткого описания» называет его Федором Сирконовым), заимствованными им из сочинения Адама Олеария.

Первое издание Олеария вышло на немецком языке в Шлезвиге в 1646 г.: Adam Olearii ausführliche Beschreibung der Kundbaren Reyss nach Muscow und Persien, so durch Gelegenheit einer Holsteinischen Gesandtschaft von Gottorp auss an Michael Fedorowitz den Grossen Zaar in Muscow und Schach Sofi König in Persien geschehen. Mit Kupfern, Plänen und Ansichten von Städten und Gegenden, in den Jahren 1633—1639. Schleswig, 1646. Затем это издание повторялось в 1647, 1656 и 1663 гг.[7]

В обоих рассказах автор «Краткого описания» в точности следует Олеарию, отмечая, что сам «Алеар» «оное известие» «выписал из сочинениев Гванита». Источником замечаний автора «Краткого описания» послужили слова самого Олеария, который пишет в 11-й главе II книги, перед рассказами о новгородском архиепископе и Федоре Сыркове: «Так как я уже упомянул о жестокой тирании, выказанной Иваном Васильевичем по отношению к Великому Новгороду, то я думаю, ради интереса читателей, привести, по Гваньини, еще два ужасных примера тогдашних событий».[8] Начиная рассказ о новгородском архиепископе, автор «Краткого описания», оправдывая действия архиепископа, приводит пословицу, которой нет у Олеария: «Архиепископ того города, увидев такое ужасное тиран-

---

[6] Фридрих Аделунг. Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений, чч. I, II. М., 1864 (далее: Аделунг, I, II), ч. I, стр. 176—182; В. Кордт. Чужоземні подорожні по східній Європі до 1700 р. У Києві, 1926 (далее: Кордт), стр. 46—47.

[7] Аделунг, II, стр. 180—185; Кордт, стр. 104—105.

[8] Адам Олеарий. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. Изд. А. С. Суворина, СПб., 1906 (далее: Олеарий), стр. 127.

ство, вознамерился ко изъбежанию оного подражать древней пасловице: „Кто блис ада живет, должен с дьяволом в крайней дружбе быть“. И для того от страху на себя лицемерие принял и оного тирана в гости к себе позвал». (У Олеария гораздо короче: «После того как тиран, великий князь, совершил вышеуказанное бесчеловечное избиение, архиепископ, правивший в городе, попросил его к себе, чтобы — вероятно, из страха — приветствовать его»).[9]

Окончив рассказ о новгородском архиепископе, автор «Краткого описания» замечает: «О архиепископе ж агличанин Горзей притчину воспоследовавшаго с ним безчестия весма иначе описывает, как то ниже сего, в 19-м пункте, изображено». Это первое упоминание Горсея, на которого затем автор будет ссылаться несколько раз.

Сочинение о Московии англичанина Джерома Горсея, находившегося в России довольно длительное время (с некоторым перерывом с 1573 по 1591 г.), впервые было издано в 1589 г. в составе книги Гаклюйта: Richard Hakluyt. The principal navigations, voyages, trafiques, and discoveries of the english nation. . ., printed to London, anno 1589. Затем несколько раз издавалось в составе книги Пёрчеза: Pilgrimage or relations of the world and the religions observed in all ages and places, discovered from the creation into his present containing a theological and geographical history of Asia, Africa, America etc. By Samuel Purchas. London, 1613 (переиздание в 1614 и 1626 гг.). И отдельно в 1626 г.: Treatise of Russia and the Northern regions, by Jer. Horsey. London, 1626.[10] В 1629 г. сочинение Горсея было издано в переводе на немецкий язык: Beschreibung des Grossfürstenthumbs Moscaw und Reussen etlicher Geschichten, so in denen Landen sich begeben. Beschreibung der Reiss, so von Herrn Joachimo Horseys, einem engl. Capitän in das Grossfürstenthumb Moscaw und Reussen verrichtet worden. Этот перевод был напечатан как приложение к изданию: Extract der Orientalischen Indien, d. i. ausführliche hist. u. geogr. Beschreibung aller Schiffahrten und Reisen, welche ... in Königreiche Inseln u. Provinzen der Orientalischen Indien vorgenommen wurden. Frankfurt a. M., 1629, стр. 153—168.[11]

В 9-й и 10-й главах «Краткого описания» рассказывается о Петре Семеновиче Оболенском-Серебряном, Петре Быкове и Телятьеве. Обе эти главы соответствуют 9-й и 10-й главам Боса. В конце 10-й главы автор «Краткого описания» называет имя Боса: «Сие описание, — пишет он, — выбрал я из сочинениев нидерланца Л. Ф. Боса, каторой оное, упователно, из кних вышеупомянутого Одерборна выписал». Как видим, называя имя «нидерландца», автор «Краткого описания» в точности повторяет имя Боса с титульного листа его книги — «L. V. Bos».

Окончив рассказ по Босу, автор «Краткого описания» пересказывает целый ряд сведений, почерпнутых им из сочинения Горсея.

11-я глава — рассказ по Горсею о походе Ивана IV на Псков и о юродивом «Микуле Святе», который предотвратил разорение Пскова, пригрозив Ивану Васильевичу небесной карой. 12-я — о женитьбе Ивана Васильевича на дочери «знатнейшего полковотца» Наталии (у Горсея эта Наталья называется дочерью Федора Булгакова, «главного воеводы»). 13-я глава — пересказ Горсеева описания похода на Москву крымского хана Девлет-Гирея. В рассказе об этом эпизоде, в том варианте своего сочинения, который издавался в XVII в., Горсей, сообщая, что в московском пожаре погибло несколько тысяч москвичей, на поле против этого места делает запись:

[9] Там же.

[10] Аделунг, I, стр. 222—223.

[11] Кордт, стр. 43.

«Флетчер пишет — 800 000 челове».[12] Автор «Краткого описания» с некоторой ошибкой вносит эту глоссу в самый текст: «...причем и несколько тысечь (иные писатели 80 000 душ считают) людей в сем случае отчасти ат огня, отчасти ш чрез неприятельские руки жизни лишились». 14-я глава посвящена рассказу о посольстве к Ивану Грозному от Девлет-Гирея. Заканчивая рассказ о татарском посольстве к Ивану Грозному, автор «Краткого описания» говорит: «Но да продалжения описания сего агличанина Горзея, должен я наперед упомянуть, что сие опустошение города Москвы не во время безчеловечнаго владения Ивана Васильевича произходило, как то, упователно по не доволной знаемости, оной англицкой автор мнит, но оное было при жизни отца ево». И после этого замечания приводится почти дословный перевод 6-й главы IV книги сочинения Адама Олеария «О граде Казани и о том, как Казань подпала под власть московитов». Перед переложением Олеария автор «Краткого описания» дает историографическую справку об источнике своего рассказа: «Продолжение сей войны аписывает Адам Алеар в четвертом томе персицкаго путешествия из посевианскаго сочинения, а особливо из лифлянскаго летописца весма справедливея, следующими словами». Сведения эти автором «Краткого описания» взяты из текста самого Олеария. Олеарий в этой главе упоминает имя Поссевина: «Это случилось 9-го июля 1552 г. по Р. Х., по словам Поссевина — в 1553 г.», а на поле против окончания этого рассказа делает пометку: «Liefflandische Chronick, p. 55».[13]

В данном случае, обвиняя в «не довольной знаемости» Горсея, автор «Краткого описания» сам допустил грубейшую ошибку. Трудно решить, почему автор «Краткого описания» не знал о приходе под Москву Девлет-Гирея и спутал это событие 1571 г. с походом на Москву в 1521 г. крымского хана Мухаммед-Гирея. По всей видимости, сам автор «Краткого описания» не знал ничего об этих походах из русских источников, а пользовался лишь кругом тех иностранных писателей, по которым построил свое «Краткое описание». Из источников он больше всего доверял, по-видимому, Олеарию, у которого о походе татар на Москву при Иване Грозном ничего не сообщалось, но зато имелся подробный рассказ о покорении Иваном IV Казани якобы в отмщение за татарский поход на Москву при его отце. Видимо, исходя именно из этих данных Олеария, автор «Краткого описания» и посчитал, что горсеевский рассказ имеет в виду тот поход татар на Москву, который имел место не при Иване Грозном, а при его отце Василии Ивановиче. О совершенной неосведомленности автора «Краткого описания» в фактах действительной истории, о которых он пишет, следуя Олеарию, свидетельствуют упоминаемые им имена исторических лиц: он полностью доверяет Олеарию, переиначивая, к тому же, терминологию Олеария на свой лад. Шиг-Алея он называет Шеале, Менгли-Гирея (Олеарий ошибочно Мухаммед-Гирея называет именем его предшественника Менгли-Гирея) он называет Мендлигером, Саип-Гирея — Сапегой, Ивана Хабару (рязанского воеводу), у Олеария названного Иваном Коваром, величает Иваном Каварским.

Окончив рассказ, заимствованный из Олеария, автор «Краткого описания» продолжает свое повествование по Горсею. Конец 14-й главы посвящен рассказу об укреплении Москвы и о приглашении Иваном Грозным в Московию мастеровых людей. Это перечисление почти дословно повто-

---

[12] В том варианте сочинения Горсея о России, который впервые был издан в 1856 г. Гаклюйтовским обществом и с которого сделан русский перевод Н. А. Белозерской (Записки о Московии XVI века сэра Джерома Горсея. Изд. А. С. Суворина, СПб., 1909, 159 стр.), этой записки нет.

[13] Олеарий, стр. 373.

ряет соответствующее место Горсея. В 15-й главе повествуется о поставлении на великокняжеский стол Симеона Бикбулатовича (1575—1576 гг.). У Горсея Симеон назван по имени и сказано, что он был сыном казанского царя. В «Кратком описании» Симеон по имени не называется и говорится, что Иван IV поручил свое правительство сыну. Автор «Краткого описания» отмечает, что об этом событии он нашел известие только у одного Горсея: «О которой здаче и обратном принятии правителства единственно известие нашел у Горзея, а протчия авторы ничего о том не упоминают».

Четыре следующие главы (16—19-я) построены на сочинении Горсея. Рассказываемые в них эпизоды даны в такой же последовательности, как и у Горсея. Автор «Краткого описания» в точности следует рассказу источника, значительно его сокращая. В 16-й главе повествуется о злодеяниях, учиненных Иваном IV над Федором Куракиным, Иваном Хигликовским и Борисом Куракиным. Имена эти, как и слова в рассказе о гибели москвичей во время татарского нашествия («иные писатели 80 000 душ считают»), лишний раз свидетельствуют о том, что заимствования из Горсея в «Кратком описании» восходят к тому варианту сочинения англичанина, который был издан в конце XVI—начале XVII в. В тексте Бондовского издания 1856 г. вместо Ивана Хигликовского назван Иван Обросимов, в изданиях XVII в. — Иван Хигликовский (Chiglicoue). Третье имя у Горсея — «Борис Телюпа». В «Кратком описании» он назван почему-то Борисом Куракиным. 17-я глава посвящена рассказу о сватовстве Ивана Васильевича к английской королеве Елизавете. В 18-й говорится о секуляризации Иваном IV монастырских денег и владений и о травле медведями монахов. В 19-й главе кратко сообщается о судьбе Бомелия, обвиненного в тайных сношениях с новгородским архиепископом. Заканчивает 19-ю главу автор «Краткого описания» такими словами: «Сим кончим мы описание Горзеево и продолжим повесть нидерландскаго автора Фон Дер Боса». Вся 20-я глава, посвященная рассказу об убийстве Иваном Грозным своего сына, за исключением самого конца, восходит к сочинению Боса. Говоря о том, что желание некоторых жителей «противу неприятелей в поле служить» под руководством сына Ивана Грозного вызвало в последнем подозрение, автор «Краткого описания» в скобках замечает: «ибо тираны всегда подозрением и изумлением, страхом и боязнию мучатца». Этих слов в сочинении «нидерландского автора Фон Дер Боса» нет.

Окончив рассказ о сыноубийстве Ивана IV по Босу, автор «Краткого описания» передает рассказ об этом же событии Горсея. По мнению автора «Краткого описания», в данном случае рассказ Горсея не соответствует действительности, так как большинство писателей «единогласно пишут, что отец сына своего окованною тростью в голову ударил».

Следующая, 21-я, глава посвящена рассказу о сватовстве Ивана IV к англичанке Мери Гастингс. Источником ее является сочинение Горсея.

В 22-й главе рассказывается о смерти Ивана Грозного. В начале этой главы автор замечает, что о смерти Ивана IV «разные повести имеютца». Он приводит рассказы трех авторов — Боса, Олеария и Горсея. Окончив эти рассказы, автор «Краткого описания» дает оценку своим источникам и старается объяснить, почему могли существовать различные сведения о кончине Ивана Васильевича. В заключении главы он предается размышлениям о том, как ужасна была смерть русского царя.

Следующие главы (с 23-й по 26-ю) представляют собой общую характеристику и оценку различных сторон жизни и деятельности Ивана IV.

В 23-й главе автор «Краткого описания» рассказывает о хороших ка-

чествах, присущих Ивану Грозному, «кои не токмо похвалению, но и некоторым образом последованию дастойны». Прежде всего он говорит о военных удачах Ивана IV. Напоминая здесь снова рассказ Горсея о нашествии крымских татар на Москву и опять отмечая, что это сообщение неверно, автор «Краткого описания» вместе с тем сам снова впадает в грубую ошибку, считая рассказ Иовия Новокомского о военных успехах Василия Ивановича рассказом о военных удачах Ивана Васильевича.

Сведения эти он черпает из сочинения Павла Иовия Новокомского: Pauli Jovii de legatione Basilii Magni Principis Moscoviae liber, in quo Moscovitarum religio, mores etc. describuntur. Basileae, 1537. Последующие издания этой книги выходили там же в 1545 и 1551 гг. Кроме того, сочинение Иовия было напечатано в виде приложения к книге Герберштейна «Rerum Moscoviticarum Commentarii» в 1551, 1557 и 1571 гг.[14]

Далее автор говорит, со ссылкой на Горсея, что Иван IV издал различные уложения. Ссылаясь на Иовия, он отмечает, что Иван IV не только не хотел покориться папе римскому, но не считал его даже главой церкви, несмотря на посулы папы присвоить Ивану Васильевичу «чин королевский». «А правда ли, что Иван Васильевич оной чин иметь желал, аставляю читателю на разсуждение. Я с моей стороны оному не верю», — прибавляет автор от себя, закончив пересказ из Иовия.

Очень краткая 24-я глава сообщает об огромном богатстве Ивана IV.

Следующую, 25-ю, главу автор посвящает описанию наружности Ивана IV. Здесь он пользуется сведениями, сообщаемыми Иовием и Горсеем. Приписав характеристику, которую Иовий дает Василию Ивановичу, Ивану Васильевичу, автор «Краткого описания» возражает против слов Иовия о том, что царь любил и почитал своих свойственников.

Ошибочное соотнесение характеристики Василия Ивановича с именем Ивана Грозного, по всей видимости, объясняется, как и первая отмеченная выше ошибка автора «Краткого описания», особым пиететом его к сочинению Олеария. Возможно, что и из-за Олеария автор «Краткого описания» посчитал сочинение Иовия посвященным Ивану Грозному. Дело в том, что Олеарий в своем сочинении называет Иовия как автора, писавшего об Иване Грозном. В 11-й главе («О московитских великих князьях») III книги своего сочинения, говоря об Иване Грозном («Тиран Иван Васильевич вступил на престол в 1540 г. по Р. Х.»), он пишет: «Некоторые тому примеры (жестокостей Ивана, — *Л. Д.*) приведены уже выше ... и, действительно, весьма ясно доказано, как несправедливо прославляет его Иовий в начале первой книги своих историй, говоря будто он был „Christianae religionis cultor sane egregius“, т. е. „государь очень заботившийся о христианской религии“».[15]

Предпоследняя, 26-я, глава вся состоит из отдельных кратких выписок из Ульфельда и посвящена описанию великолепия великокняжеских одеяний и посольских приемов Ивана Васильевича.

Последняя, 27-я, глава рассказывает о погребении Ивана IV и передает легенду о надгробном камне Ивана Васильевича. Источник автором здесь не указан. Вероятнее всего это был Олеарий.[16]

Какие же можно сделать выводы из сопоставления «Краткого описания» с теми источниками, по которым построено все это сочинение?

Прежде всего мы должны отметить, что автор «Краткого описания» очень точно передает содержание тех сочинений, которые послужили материалом для его собственного произведения. По существу, он пересказы-

[14] Аделунг, I, стр. 123—124.
[15] Олеарий, стр. 231.
[16] См. там же, стр. 26.

вает тексты своих источников, в большинстве своем пересказ этот дословно повторяет источники. Единственное существенное отличие «Краткого описания» от текстов тех оригиналов, которыми пользовался автор, заключается в том, что он иногда сокращает текст своих источников, выбрасывая ряд деталей и подробностей, иногда целые эпизоды. Оригинальными в «Кратком описании» являются историографические справки об использованных сочинениях, морализирующие замечания автора по поводу того или иного эпизода, рассуждения о большей достоверности одного источника по сравнению с другим.

Автор «Краткого описания» в каждом отдельном случае добросовестно сообщает, откуда заимствовано им то или иное описание; если из текста или названия использованного произведения можно почерпнуть какие-то сведения о его авторе, то автор «Краткого описания» сообщает это, если же в переводимом им тексте указаны какие-то более ранние источники, то он отмечает и это. К использованным текстам автор «Краткого описания» подходил как к документам, вызывавшим у него сомнения лишь в тех случаях, когда между ними имелись какие-то противоречия. Противоречия эти он пытался разрешить, исходя только из данных тех источников, которыми он пользовался, работая над «Кратким описанием». Сам он никаких событий из времени Ивана Грозного не знал, источниками для него служили исключительно иностранные писатели. Это говорит о том, что «Краткое описание» писалось не на Руси человеком, плохо знавшим русскую историю.

Итак, совершенно бесспорно, что «Краткое описание» представляет собой компиляцию, составленную исключительно из сочинений иностранцев о России времени Ивана Грозного. Если бы такая компиляция составлялась русским автором, то в ней не могло бы не отразиться отношение русского человека к сообщаемым им рассказам иностранцев, не могли бы не отразиться какие-то сведения из русских источников. В одном из авторских отступлений явно обнаруживается, что автор этот не русский. Приводя различные рассказы о смерти Ивана Васильевича, автор «Краткого описания» говорит: «Буде сие известие агличаненина справедливо, как то и упователно, ибо он в тот же день ва дворце был, то без сумнения привидении несправедливыя и только па злобе на покойнаго тирана р о с ъ с и я н а м и в с к л е в е т а н ы».

Рассматривая содержание «Краткого описания», мы приводили данные об изданиях тех сочинений, которыми пользовался автор «Краткого описания». Сочинение Боса известно нам только в одном издании на голландском языке, вышедшем в 1659 г. По всей видимости, именно только этим изданием и мог пользоваться неизвестный нам составитель «Краткого описания».

Сочинение Ульфельда автор «Краткого описания» читал в издании 1627 г. Именно в этом издании впервые имя Ульфельда было обозначено полностью. Автор «Краткого описания» так говорит об Ульфельде: «некоторой дацкой дворянин Якобус Улефелд» (в первом издании 1601 г. было сказано только, что это сочинение «датского дворянина Якова»).[17]

Сочинение Олеария, вышедшее впервые в 1646 г. на немецком языке, переиздавалось в 1647, 1656 и 1663 гг. Автор «Краткого описания» мог воспользоваться одним из этих изданий.

---

[17] На русский язык сочинение Ульфелда было переведено уже в XVIII в. Перевод этот был в 1883 г. издан Е. В. Барсовым: ЧОИДР. М., 1883, кн. 1—4, «Материалы иностранные». Необходимо заметить, что в русском переводе, как и в издании 1601 г., имя автора названо не полностью: «Одного знатного дворянина дацкого Якова, посланника Фридерика Второго короля описание путешествия в Россию».

Сочинение Горсея на английском языке в XVII в. издавалось несколько раз. Однако у нас есть все основания считать, что автор «Краткого описания» пользовался сочинением Горсея в переводе на немецкий язык, изданном в 1629 г.[18] Дело в том, что в немецком переводе Горсей назван «капитаном»: «Joachimo Horseys, einem engl. Capitän», — чего нет в английских изданиях, так как Горсей никогда капитаном не был. В «Кратком описании» про Горсея сказано: «Аглинской капитан Горзей, каторой от королевы Елизаветы. . .».

Наконец, ошибочно упоминаемый автором «Краткого описания» Павел Иовий Новокомский неоднократно издавался по-латыни в XVI в. как самостоятельно, так и в приложении к книге Герберштейна.

Если мы обратим внимание на время издания тех источников, к которым обращался автор «Краткого описания», то увидим, что все они (кроме сочинения Новокомского) датируются первой половиной—серединой XVII в. Верхней гранью является издание сочинения Боса, вышедшее в 1659 г., так как все остальные источники относятся к более раннему периоду. Разумеется, дата издания книги Боса может бесспорно свидетельствовать только о том, что «Краткое описание» написано после 1659 г., но невольно обращающая на себя внимание близость по времени издания всех использованных книг (Ульфельд — 1627 г., Горсей — 1629 г., Олеарий — 1646, 1656 гг., Бос — 1659 г.) дает основание полагать, что «Краткое описание» вероятнее всего возникло вскоре после 1659 г. — во второй половине—конце XVII в.

Найденный текст, таким образом, представляет собой русский перевод неизвестного нам компилятивного сочинения об Иване IV. Когда же мог быть сделан этот перевод и какой интерес могло представлять это переводное сочинение для русского читателя своего времени?

В лексике «Краткого описания», изобилующей варваризмами, может быть отмечен целый ряд слов, зафиксированных в русском языке, по данным картотеки древнерусского словаря и словаря Н. А. Смирнова,[19] не ранее XVIII столетия. Перечислим эти слова «Краткого описания», отмечая время их проникновения в русский язык: аптекарь (самое начало XVIII в. — «Лексикон вокабулам новым», рукопись БАН начала XVIII в.; в дальнейшем: Лексикон), артиллерия (в «Воинском уставе» Вейде 1698 г., Лексикон); артиллерист (XVIII в.), архитектор (в бумагах Петра I под 1699 г.), аудиенция (Лексикон), гарнизон (Лексикон), гвардия, гвардейцы («О торжественном въезде Петра в Москву по завоеванию Азова» 1696 г., Лексикон), кавалер (Лексикон), командир (Лексикон), командовать и команда (не ранее первого десятилетия XVIII в.), кондиции (Лексикон), математик (XVIII в.), обои (не ранее первого десятилетия XVIII в.), оратор (Лексикон), офицер (в «Актах исторических» под 1696 г., Лексикон), ошельмовать (начало XVIII в.), политика (начало XVIII в.), портрет (начало XVIII в.), принцесса (начало XVIII в.), придворные (не ранее первого десятилетия XVIII в.), провинции (Лексикон), пропорция (начало XVIII в.), пункты (начало XVIII в.), равелин (Лексикон), россияне (не ранее первого десятилетия XVIII в.), фаворит (начало XVIII в.), фортификация (Лексикон). Помимо варваризмов, ставших неотъемлемой частью общерусской лексики или характерных только для XVIII столетия, в «Кратком описании» встречаются варваризмы, не зафиксированные ни у Смирнова, ни в картотеке древнерус-

[18] Сведения об этом переводе взяты мною у В. Кордта. Само издание перевода из-за отсутствия его в наших библиотеках просмотрено не было.

[19] Н. А. Смирнов. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. СПб., 1910.

ского словаря; по-видимому, это индивидуальные особенности языка переводчика «Краткого описания»: конфермованы (польск. Konfirmować — «утверждать»), маетность (польск. majętność — «имение», «имущество», «состояние»), талар (немецк. talar — «мантия»), штатгалтер (немецк. Statthalter).

Лексические данные «Краткого описания» свидетельствуют о том, что перевод этого произведения на русский язык не мог быть сделан ранее второго десятилетия XVIII в. Вместе с тем эти же данные говорят о том, что едва ли «Краткое описание» могло быть переведено позже середины—второй половины этого столетия. В 3-й главе мы читаем такую фразу: «По учинении сего приказал он для всего народа изготовить великой абед на оной площеди. Для правительствующих асоб в приказах или в канцеляриях. . .». Сказать так автор перевода мог скорее всего именно в первой половине—середине XVIII столетия, когда приказная система была преобразована и термин «приказ» стал заменяться термином «канцелярия». В этой же главе, обращаясь к жителям Москвы, Иван IV называет их мещанами: «. . . поехал он сам верхом по всем улицам и увещевал мещан . . . Нынешней день для вас, любезные мещане, весма щастливый». В обоих случаях, в соответствующих местах текста, употребляется слово «горожане». В русском языке до XVIII в. это слово употреблялось в значении «житель места, города».[20] В 4-й и 5-й главах, в рассказе о казни «российского оратора Ивана Михайлова, сына Висковацкого», последнему вменяется в вину то, что он «отважился турецкому султану каянов предать». У Боса, к которому восходит этот эпизод, «каянам» «Краткого описания» соответствует слово «Casanenseren» (у Одерборна «Casanenses»), т. е. «казанцы» — жители Казани. Русский переводчик не понял значения этого слова оригинала и переиначил его на «каянов». В русских летописях «каянской землей» и «каянскими немцами» назывались земли и народ северной части Финляндии и Норвегии. К сожалению, у нас нет точных сведений о границах употребления этого слова в русском языке, но в летописных текстах наиболее позднее его упоминание относится к началу XVII в. — оно фигурирует в 33-й главе Нового летописца. Поэтому употребление такого слова в тексте XVIII в. позволяет относить этот текст к первой половине столетия.

Синтаксические данные «Краткого описания» также говорят в пользу первой половины—середины XVIII в. Синтаксис этого произведения довольно сложен, отличается обилием придаточных предложений; наряду с этим он очень громоздок и недостаточно строго выдержан.

Таким образом, языковые данные «Краткого описания» дают основание предполагать, что это сочинение было переведено на русский язык в первой половине XVIII в.

Как уже отмечалось выше, помимо пересказа-перевода различных сочинений об Иване Грозном в «Кратком описании» имеются и авторские отступления. Это либо историографические справки об использованных сочинениях, либо рассуждения автора о большей достоверности одного источника по сравнению с другим, либо, наконец, морализирующие рассуждения автора о тирании. Совершенно бесспорно, что высказывания об источниках принадлежат автору «Краткого описания». Размышления о тирании, об ужасной кончине тирана, умершего без покаяния во время игры в «тавлеи», также, по всей видимости, принадлежат автору рассматриваемого сочинения. Однако не исключена возможность того, что эти отступления были включены в текст переводчиком. Вопрос этот с достаточной убеди-

[20] Срезневский, Материалы, т. II, стлб. 253.

тельностью может быть разрешен только тогда, когда будет обнаружен оригинал «Краткого описания». Тем не менее, несмотря на положительное или отрицательное решение этого вопроса, «Краткое описание» представляет для нас интерес, как явление русской общественной мысли: обращение к тому или иному иноязычному сочинению диктуется не случайной прихотью переводчика, а общественными интересами данного времени к тем вопросам и проблемам, которые затрагиваются в переводимом тексте.

Языковые данные свидетельствуют о том, что «Краткое описание» не могло быть переведено на русский язык в Петровскую эпоху, но вместе с тем они дают все основания считать, что перевод был сделан скорее всего в первой половине XVIII столетия. Вопрос о тирании, мучительствах, пытках и казнях массового характера по отношению к самым различным слоям населения, и в частности по отношению к дворянству, приобрел злободневность в период царствования Анны Ивановны (1730—1740 гг.). Именно в эти годы в определенных кругах русского общества мог возникнуть интерес к примерам тирании из прошлого русской истории, и в частности к тирании Ивана Грозного, как аналогии современным жестокостям бироновщины.

Наиболее ярким выражением оппозиции русского дворянского общества бироновщине явилось дело Артемия Петровича Волынского и его «конфидентов». Оценивая современные события, кружок Волынского обращался к аналогиям из прошлого. В частности, именно в это время в кругу «конфидентов» Волынского под видом древнерусского памятника был создан памфлет на современные события — так называемая «Полотская летопись». Источниками для этого памфлета послужили данные, почерпнутые из польских историков и западных летописцев.[21] Как известно, наиболее близкие к А. П. Волынскому «конфиденты» П. М. Еропкин и А. Ф. Хрущов долгое время жили за границей (П. М. Еропкин в Италии, А. Ф. Хрущов с 1712 по 1720 г. находился в Голландии, в Амстердаме). И тот, и другой интересовались русской историей, имели большие библиотеки, которые они начали собирать еще за границей. Наименее известным и редким источником «Краткого описания» является книга Боса, изданная в Амстердаме на голладском языке. Обращение автора «Краткого описания» к малоизвестному сочинению Боса как к основному источнику, по-видимому, объясняется тем, что «Краткое описание» было тоже написано в Голландии. А. Ф. Хрущов в числе книг, привезенных им в Россию из Голландии, вполне мог привезти либо рукопись, либо печатное издание неизвестного нам сочинения об Иване Грозном, переведенного затем на русский язык под названием «Краткое описание мучителскаго владения Ивана Васильевича, царя и великаго князя Московскаго».

Во время следствия по делу А. П. Волынского П. М. Еропкин на допросе показал, что Волынский в своем «Проекте о поправлении государственных дел» называл Ивана Грозного «тираном».[22] Сначала А. П. Волынский отпирался в этом,[23] но затем признался, что «действительно наименовал царя Иоанна Васильевича тираном, но не от себя, а со слов некоторых иноземных писателей (разрядка моя, — *Л. Д.*)».[24] Из имеющихся источников известно, что сам А. П. Волынский иностранных языков не знал и «иноземных писателей» мог читать лишь в переводе. Не являлось ли «Краткое описание» как раз тем источником, из которого

---

[21] См.: Н. П. Лыжин. Два памфлета времен Анны Иоанновны. — Известия Академии наук по русскому языку и словесности. СПб., 1858, т. VII, вып. 1, стлб. 49—64.

[22] Записка об Артемии Волынском. — ЧОИДР. М., 1858, кн. 2, «Смесь», стр. 151.

[23] Там же, стр. 152.

[24] Там же, стр. 156.

А. П. Волынский почерпнул «слова некоторых иноземных писателей» о тирании Грозного?

«Краткое описание» — сочинение компилятивное, составленное из хорошо известных в науке источников (кроме Боса, повторяющего, по-существу, Одерборна), поэтому никаких новых известий и фактов оно не сообщает. Но на протяжении всего текста произведения мы видим авторскую оценку сообщаемых им фактов, источниковедческие наблюдения компилятора, поэтому «Краткое описание» должно оцениваться и как самостоятельное цельное сочинение. Ценность этого сочинения тем более значительна, что иностранный его оригинал не известен и русский перевод, таким образом, оказывается единственным свидетельством труда этого историка-публициста XVII в. Он заинтересовался личностью и деятельностью Ивана Грозного в то время, когда и в русской литературе продолжалась оценка его и как государственного деятеля, и как талантливого писателя, когда рассказы об отдельных проявлениях жестокого нрава «грозного» царя, сложившиеся еще при его жизни, не только читались, но и обрабатывались, включались в неофициальные «летописцы». В собственных рассуждениях неизвестного западноевропейского публициста видно то же, что и у русских писателей XVII в., — стремление не оправдать, но объяснить жестокость Ивана IV не только его «природным нравом», но и противоречивостью его психологии, теми ее чертами, какие сложились под влиянием «тиранства», т. е. самодержавной неограниченной власти (ср., например: «ибо тираны всегда подозрением и изумлением, страхом и боязнию мучатца»). Эта сторона компилятивного «Краткого описания» определяет значение его для исследователей литературной деятельности Ивана Грозного и тех его литературных портретов, какие создавались в историко-публицистических повестях XVII в.

ТЕКСТ

Краткое сказание о богомерзком житии государя царя и великого князя Ивана Васильевича. Сочинена Григорием Котошихиным. Книга редка пожалована. Писал с подлинного свитка 1703 г. июня 16 дня.

л. 1 об. Сказание о богомерсзком житии государя царя и великаго князя Ивана Васильевича. Сочинена Григореем Котошихиным.

Книга редка пожалована. Писал с подлинного свитка 1703 года, июня 16-го дня. Копия с копии генваря 4 1800 года.

л. 2 Краткое описание мучителскаго владения Ивана Васильевича, царя и великаго князя Московскаго.

Копия со старинного свитка.

л. 3. 1-е

Многие писатели засвидетелствование подают, а болше всех Павел Зверборн (в трех своих книгах), в которых он житие сего преужастнаго тирана описал и даволно доказал, какие он над верными своими подданными безчеловечия предприял разными мучении, казньми, насилством жен и девиц, и всякими нелепостеми. В разсуждении чего можно по справедливости ему приписать титул главнаго и первоначалнаго тиранна. Но[a] понеже все его безчеловечные дела, пространности ради, внесены сюда быть не могут, того ради упомянем толко об одних знатнеиших || по государству *л. 3 об.* особах, которыя наказании и мучителства от него претерпели, и по окончании мучителной своей жизни в числе нещастливых людей почтены быть заслуживают.

[a] *В ркп.* Но по.

2

Один из знатнейших ево бояр имянем Дмитрий Овцын сидя с ним за столом, не мог выпить однем разом поднесенной ему болшей стакан вина и за то по приказанию сего тирана тем же часом удавлен.

Князя ростовскаго, которой, в церкве будучи, прилежно молился, приказал он отътуда вытащить и без всякой притчины отърубить голову и в Волгу бросить.

В то ж время велел он определенному над всею Россиею воеводою Ивану Петровичю (на котораго лжесвидетели измену всклеветали) к себе в Москву быть, и как скоро он туда прибыл, на него царскую порфиру надеть, скипетр вручить, корону наложить, в котором убранстве он и на престол взойти принужден был. || Потом подошел он к нему и презрителным образом ему сказал: «Здравствуй непобедимой царь россиской![б] Смотри, я сам тебя возвысил на высочайшую сию степень величества, которою достигнуть ты давно уже желал. Только не долго тебе царствовать!». Сказав сие, прострелил он сам острою стрелою сего седаго старика. По чему все его воинские служители бросились и предъприяли всякия ругательства над умершим телом, которое они в мелкие части изрубили. Тож воспоследовало и над всеми его домашними служителями и над скотом. При том же не пощадили и оставшею после его беременною жену и дочь (котороя еще девица была) — караулными салдатами насилствована и потом в мелкие части изрублена. *л. 4*

Равное нещастие воспоследовало и з Дубровским, хронителем печати государственной, на которого донесли, что он са артилериею, в Лифляндию отправленною, очень тихо шел. За что он и к смерти осужден и обще з двемя сыновьями ужаснейшим оброзом жизни лишен, ис коих старшей сын чрез четыре колеса на четыре части разорван, || что сему тирану смотреть весма забавно и приятно было, и почти ни на малое время от смеху удержатся не мог, в чем и лстивыя ево придворныя служители ему подражали. *л. 4 об.*

Афонасей Ловерской был при нем тайным секретарем, котораго он так силно любил, что единственно из его только рук лекарствы и сему подобныя напитки принимал. Однако, и оной, в такой доверенности у великаго князя бывшей человек, жизнь свою окончать не мог. Донесли на него, что он некоторым людям прежде времяни[в] о предстоящем им нещастии сказал. И за то ево наперед батогами нещадно били, потом руки и ноги переломали, а наконец при всем народе горло перерезали и тело ево на кол посадили, а дабы весь род ево искоренить, то и сыновья и все ево свойственники казнены.

3-е

л. 5

Одним днем приказал он в Москве поставить восмнатцать виселиц и около их всякия принадлежащия к безчеловечному мучению орудия, чем бы бедных людей мучить, а потом повесить, приведя сие в действо, а утесненных подданных в великой страх. Пришел он с кровожадными своими придворными служителями туда, и вкруг всей площади караулы разставил, дабы тем лутче безчеловечные свои предприятии подкрепить и намерение в действо произвесть. По учинении сего приказал он для всего народа изготовить великой абед на оной площеди, для правительствующих асоб в приказах, или в канцеляриях, для того чтоб поднеся сим асо-

---

[б] *В ркп.* российской. [в] *В ркп.* времяний.

бам некоторой яд и их чрез то жизни лишить. И так город,[г] заступников уже неимущему, аграбить.[д] Но понеже никто к сему абеду ахоты не имел, то поехал он сам верхом по всем улицам и увещевал мещан, чтоб ани никакова апасения не имели. ‖ Токмо и оное было без успеху, ибо агорчение
л. 5 об. в народе было весма велико, а обнадеживании ево показались им невероятными. Аднако, наконец, отправели ани к нему некоторых из реченных правительствующих особ и городских началников, дабы а точном ево намерении дастоверное известие получит, коих он принял весма милостиво и их уверил, что сей абед единственно для таво зделан, дабы чрез оной все прежде учиненные народу оскорблении в забвение привести. Как скоро народ сие услышал, то всяк к нему на площедь вышел. И как собрались, то говорил он им следующие слова: «Нынешней день для вас, любезные мещане, весма щастливый, ибо я смертною казнь, х которой вы осуждены были, сим уничтожаю и только над некоторою частию из бунтовщиков оное в действо произведу». Сие сказал он толко для того, чтоб народ не роп-
л. 6 тал, мня, что лутче когда оному намерение свое откроет. ‖ Сказав сие, приказал он из тюрмы двести человек выпустить и, все вины им отпустя, велел домой иттить. Но по учинении сего свое тиранство в действо производить начал. И не токмо советников, но и брата своего роднаго и всех ближних свойственников казнил, дабы никто из тех не осталися, которые бы хотя малейшее право имели о наследии российскаго престола помышлять, а он бы впред по собственным своим прихотям мучительство и тиранство спокойно продолжать мог.

4

Из тех первой, к смерти осужденной, был россиской[е] оратор Иван Михайлов сын Вицковацкой. К нему подошел главной полачь и говорил имянем великаго князя следующия слова: «Висковацкой! Ты должен умереть. Дважды помышлял ты домогатся престола, дважды пригласить татар в Москву, дважды отважился ты турецкому султану Каянов предать,
л. 6 об. толко[ж] измена твоя была ‖ без успеху». Сказав сие, абратився он к стоящим подле его и закричал: «Таварищи, вздерните ево на висилицу, дабы то место, каторое великолепное его житие засвидетелствовало, равномерно и безчестную ево смерть народу представляло!». Осужденной претерпел все лютости сего несноснаго тирана спакойным духом. И как ево по лесницe на виселицу вели, то он без всякой робости плутовства сего варвара, главнаго палача, народу открыл и ему в глаза сказал, что он по ненависти и злости государя своего изменить и погубить стараитца, и что его злодейския представления причиною, что толикое множество невинной человеческой крови пролито, и ближайших своих сродников из числа сих безчастных людей не выключил. Каторыми славами он главнава палача в такое агорчение привел, что оной приказал его в мелкие по саставам части изрубить.

л. 7 5

Один из секретарей осужденнаго уповал великому князю особливую услугу показать, подбежав и отрезав у сего беднаго господина детородной уд, отчево он тем же часом и умер. Иван Васильевич тем весма недаволен был, ибо он уповал кровожадные и безчеловечные свои глаза зрением произвадимаго над умершим мучителства еще долее забавлять.

[г] *В ркп. сначала было написано* город, *но потом переправлено на* городу
[д] *В ркп.* аграбил. [е] *В ркп.* росссиской. [ж] *В ркп.* толкоа.

Сказал секретарю: «Конечно, и тебе измена господина твоего известна была, и по той причине ты теперь, в предосторожность свою, ево так скоро жизни лишил. И для того повелеваю тебе съесть то, что ты у него отрезал, или, в противном случае, наказание такое ж и над тобою произведу». Секретарь увидил, что худо сделал и какому себя за измену свою подверг наказанию, от страха, избегая смерти, к такому противному кушанью ахоту получил, и, без всякова стыда и сомнения, скушал помянутой || уд господина своего, чем он и действително от смерти избавился. *л. 7 об.* Жену убиеннаго (все имение ограбя) в тюрму посадил, сына ево из государства выгнал, а дочерей насилствовали.

6

Добрались и да казначея государственнаго, катораго то холодною, то горячею водою толь долго и часто обливали, пока он от того умер. Сему следовал главной кухмистр, котораго по саставам на мелкие части разарвали. Патом до двух сот дварян из тюрмы после вывели. Оные хотя и старались всякие аправдании о невинности сваей предъявить, токмо оное им не помогло, но по данному знаку бросились к ним са всех старон салдаты и всех наижалостнейшим образом убили. Сто пядъдесят человек из[з] знатнейших дворян, видев такое преужасное тиранство, в такую робость пришли, что вознамерелись отечество свое оставить, в Польшу убежать. Некоторые из них оное донесли, || почему их всех на реку вывели и уто- *л. 8* пили, равномерно и детей их, не выключая и[и] тех, кои еще во чреве матернем находились, без всякаго милосердия убили.

7

Как скоро Иван Васильевичь таким образом над подданными желание свое исполнил, то он напоследок тиранство и над собственным своим домом разпространил, не зжалясь и над свойственниками своими. Во первых убил своево раднова брата Георгия.[к] Вскleветал на нево лжесвидетельство измену, ибо он иным образом его имение, каторое давно уже желал иметь, и получать никак не мог. Георгию то не безъизвестно было, почему он из дому своего никуда не выезжал, уповая со временем гнев брата своего от себя отвратить. Реченной князь Георгий был всякими многими добродетелями и хорошими качествами одарен || и все мерские и безчеловечные *л. 8 об.* поступки брата своего крайне ненавидел и от них удалялся. При том же как наружной вид, так и поступки ево изъявляли, что в нем все те качества находились, которыя великих государей прославляют. Но в действо производить ему было невозможно, потому что не имел самодержавной власти. А тираны и одно сие за великую вину и преступление ставят, когда усмотрят, что некоторому из свойственников их достоинство к государствованию приписывается. Уединенное житие сему князю жизнь продлить не в состоянии было. Иванн Васильевичь послал к нему несколко воинов и велел стать на суд. Как скоро сие ему сказали, то пошел он к супруге своей, которая, увидев мужа своего в таком смущении, а следующих за ним в великом сердце, крайне старалась ево защищать и охотно за нево умереть хотела. Токмо все напрасно, ибо у ней невиннаго ея супруга силою из рук вырвали и к брату ево повели. Сколь скоро || толко сей варвар и *л. 9* безчеловечной тиран ево увидел, то приказал живодерам своим всякими ужасными пытками мучить. Однако на все чинимые вопросы ни единаго

[з] *В ркп.* и. [и] *В ркп.* из. [к] *В ркп.* Георня.

ответа не получил. Напоследок просил он, чтоб дозволено было, стоящим вкруг ево, ему нечто сказать. Оное ему дозволили, чтоб со вниманием предъставление ево выслушать. То протянул он руки свои, которые все изранены и в крови были, и съказал: «Смотрите вы, воины, смотрите на украшение генерала своего, которое ему не от победившаго его неприятеля (оное бы честно было), но родным ево братом и вами наложено. Вы из князя своего зделали пленника, а из государя неволника, надо мною вы так надругались, не вспомня прежнею мою милость и благодеяние, которое я вам всегда оказывал. Но я обо всем более упомянуть не хочю в разсуждении, что гнев и порицание утесненным помощи не подает, и толко
л. 9 об. прошу, || когда уже брат мой меня действително к смерти осудил и, зря на проливаемою мою кровь, веселится желает, чтоб вы меня не долго мучили, ибо, упователно, ему все равно какою я смертию умру. Естли же вы, кто довольно смелости имеет, то подайте мне нож и дозволте мне то, к чему вы сему тирану присягою обязались, самому в действо произвесть!».

Как он сие сказал и усмотрел, что все ево слова напрасно говорены, то говорил он и обратил свое прошение в гнев следующим образом: «Слушайте! Всевышний бог, которой чинимые всякие неправосудии, несправедливости и насильствы отмщает, и вас плутов накажет и такую ж вам кончину воздаст, какую вы над многими бедными людми производили. Ибо пролитая вами в великом множестве невинная княжая и протчих людей кровь и так уже у бога отмщения просит. А я, как последняя ваша
л. 10 жертва, сие с клятвою вам предвозвещаю, что вы в бедном || и жалостном состоянии жизнь свою во изъгонении окончите и чрез собственные свои оружии, которыми вы более друзей, как неприятелей и злодеев жизни лишили, друг друга сами убьете!». Сие говорил он в великом возражении и велел полачам поспешать, почему нескольким из них приказали за него принятся, которыя его без всякого прекословия, супротивления и прошения, яко храбраго мужа, каторой более для собственной своей славы, нежели за преступление, канчины ажидал, с неищетными ранами умертвили.

8

Коль скоро его супруга а точной смерти мужа своего известие получила, то она в самые потаенные норы спряталась, дабы, по крайней мере, изо всех его свойственников хоть один челавек астался, каторой бы со временем над сим безчувствителным тираном отмщение произвесть или свидетелем оного быть мог. Но и ее наконец нашли, и принудили стать на
л. 10 об. суд, || абещая ей при том, что жизни лишена не будет. Точию, при всем том, сей тиран уже апределил и ее убить. И как скоро посланные от сего варвара к ней в пакой вашли, то она легко панять магла по поступкам намерение их, и затем в самом багатом убранстве к ним вышла[л] навстречю, каторые ее взяв, по всем улицам волочили, а напоследок удушили и[м] *в реку*[н] бросили.

При сем должен я упомянуть, что некоторой дацкой дворянин, Якобус Улефелд, по прошествии асми лет после сего братаубивства от караля дацкаго в Маскву послом отправлен был, уведомляет, что убиенной был не родной, но двоюродной брат великому князю, каторой на него подазрение имел, будто бы он противу ево бунтовать вознамерился. И для того его к себе призвав в поднесенном ему питье яд положил, от котораго он

[л] *В ркп. слово* вышла *надписано над строкой со знаком вноски в строку.*
[м—н] *В ркп.* веревку.

тем же часом и умер. И что он после смерти его выбрал триста человек, или лутче сказать тиранов, и их уполномочил по собственному желанию с подданными убиеннаго || брата поступать: смертию казнить, маетности и домы их разарять и протчее. По каторой данной им власти они от Масквы да Пскова все уезды асматривали, многие места да падошвы изъкоренили, людей мужескаго и женскаго полу, от стариков и младенцов, по прихотям своим удавили, купцов везде аграбили, из прудов воду спустили, а находившуюся в прудах рыбу сожгли и поля ужасным образом опустошили. *л. 11*

В скором после того времени, как реченной дворянин упоминаит, призвал он в Новъгород изо всех акружных мест людей под видом будъто бы с ними а важных делах посоветовать. Как они к нему туда прибыли, то велел он им всем собратца на длинной близ города чрез реку мост, с катораго ани в тае реку брошены и утоплены, в ложном мнении будъто бы ани с реченным ево двоюродным братом в согласии находились. Тех, кои в реке не потонули, велел убить. Число утопших толь велико было, что река из берегов выступила и многия луга и пашни патопила.

Архиепископ того города, увидев такое ужасное тиранство, вознамерился ко изъбежанию оного подражать древней пасловице: «Кто блис ада живет, должен с дьяволом в крайней дружбе быть». И для того от страху на себя лицемерие принял и оного тирана в гости к себе позвал, каторой и не отрекся, но с вооруженными своими воинами и стрелцами к нему приехал. Между абедом послал он несколько людей к славной и весма богатой Сафийской церкви, в которой всех знатнейших гаспод драгоценнейшие вещи и багатство (яко в безопасном от всех нападений месте) для сохранения поставлены были. И велел двери церковные отбить, и все богатство аттуда выбрать. А после обеда ограбил он и архиепископа, не оставя ему ни платья, ниже архиепископской одежды. Потом сказал ему: «Не пристойно тебе более архиепископом быть, в *скоморохи*[о] ты очень способен, и когда, при том, еще медведя плесать обучиш, то много денег получиш. При том же надобно тебе женится на той невесте, которую я для тебя уже и выбрал». Протчим же игумнам и наместникам, приехавшим в город || по призыву к сему обеду, сказал он: «Вы все к архиепископу на свадбу приезжайте, х которой я вас таперь зову, и привезите хорошие подарки с собою». Причем он каждому и сумму по препорции доходов их назначил, котороя и собрана по отдаче денег, кои они тем охотнее привезли (уповая, что оныя вручатся ограбленному архиепископу). Но, однако, ни единой копейки[п] из тех не получил. Велел он ерхиепископу подвесть серую жеребую кобылу, на которую перстом указывая, сказал: «Смотри, вот жена твоя, садись на нее и поезжай в Москву, там велю я тебя в скоморошски цех принять и записать, чтоб ты плясущему медведю песни наигрывал». Сей бедняк принужден был в сером суконном кафтане на кобылу сесть, потом ему ноги под ея брюхо, а на шею рыле, балалайку и дудку привязали. В каковом убранстве он по Нову городу ездя, хотя в дутку играть и не учился, однако играл, но каким голосом, всякому легко разсудить можно. || С таким стыдом сей тиран архиепископа от себя отпустил, а реченных игумнов и монахов разными и ужасными смертьми казнил. Болшая часть из них топорами в мелкие части изрублены и рогатинами заколаны, а протчие в реке потоплены. *л. 11 об.* *л. 12* *л. 12 об.*

Оное известие сообщил нам Алеар, которое он выписал из сочинениев Гванита. О архиепископе ж агличанин Горзей притчину воспоследовавшаго

[о] *В ркп.* скороходы. [п] *В ркп.* копепейки.

с ним безчестия весма иначе описывает, как то ниже сего в *19-м*[р] пункте изображено.

После сего[с] дошла вчеред до знатного и весма богатого человека Федора Сирконова, котораго он приказал в свой близ Нова города поставленной лагерь призвать и, поперег веревкою обвязав, в Волхв бросить и чрез всю ту реку тащить. Но как сей тиран усмотрел, что оной тонуть начал, то велел ево вынуть и сам спросил, что он, будучи в воде, видел? На что ему он отвечал следующим оброзом: «Великий князь! Я видел, что
л. 13 все черти из Ладожскаго озера и вкруг оного лежащих вод || всех, собравшись в сей реке, ждут душу твою, чтоб оною, как скоро из тебя выдет, которую во ад стащить». Тиран ему на то в ответ сказал: «Ты видел самое дело, я тебе о привидении твоем истолкование з благодарностию моею сообщу». Потом велел он его нагами по колено в котел, кипящею водою наполненной и на огне стоящей, поставить и до той поры варить, пока он скажит, где денги ево закопаны, ибо он весма богат был и двенатцать монастырей собственным своим иждивением построил. Как скоро по объявлении сего бедняка в одном месте тритцать тысячь рублев нашли и к великому князю принесли, то приказал он ево и брата ево Алексея в мелкие части изрубить.

9

Равномерно сей варвар тиранство оказал и над светлейшим князем Петром Серебренским, которого он в мелкие части изрубить приказал, тако ж и над ковалером Петром Быковым, коему отрубя голову, оную
л. 13 об. к себе на стол подать велел || и, ощупавая ее своими руками, все кушанье кровью забрызгал.

Неищетное множество и из протчих знатных господ таким же образом им казнены, коих он часто при играх и забавах жизни лишал. С князьями, баярами и саветниками своими забавлялся он часто игранием в карты и шашки, токмо наподобие тово, как кошки с мышами играют: ани хотя проигрывали или выигрывали, то всегда их жизнь в опасности находилась. Когда ани выигрывали, то ему мнимой стыд досаден был, буди же ани ему пабеду над сабой давали, то называл он их лицемерами. Как бы ани с ним асторожно не подступали, буде не жизни своей, то, по крайней мере, носу, ушей или одного какого члена (каторой он им отрезывал) лишались. Сие за великую от него милость почитали, когда он кого из них (каторой для избежания гнева ево проигрывал) за глупость и несмысленность ево палкою наказывать приказывал. Естли же кто, апасаясь смертной казни, ||
л. 14 с ним играть не хотел, то он, яко презърителя и пренебрегателя царскаго величества, жизни лишал.

10

Адин из первых ево советников, прозваньем Телатьев, послал в одно время абеда служителя своего к воротам великокняжескаго двора, дабы в царской службе все служители должность свою отправляли безленостно. Иван Васильевичь, усмотря служителя сево, призвал ево к себе и спросил а притчине, для чего он у варот стаял. И как оной на то ответъствовал, что ему от господина ево повелено, то великой князь тем же часом за советником послал, каторой в провожании людей своих к нему пришол весма веселым лицем. Коль скоро ево Ивана Васильевичь увидел, то весма пространное предъставление стоящим людям круг ево на словах учинил, принося жалобу, что милость и великодушие его неблагодарностию отмщаитца,

---

[р] *В ркп. 29-м* [с] *В ркп. вслед за этим словом выскоблена часть строки.*

|| и что уже первые ево советники стараютца ево жизни лишить. Все на то смолчали, а он, аборотясь к Телатьеву и к людям ево, сказал: «Ты помышлял меня умертвить и сим часом оное в действо произвести вознамерился и для тово сего малова к маим варотам подаслал, чтоб спасобнее к тому время сыскать, но всегдашнее покровительство всевышнего исполнить то воспрепятствовало, каторой сию измену вам всем и отмстит!». Телатьев хотел а том свое оправдание представить. Токмо оное от нево не принето, но со всеми бывшими при нем служительми в тюрму ево посадили, а патом повесели. *л. 14 об.*

Сие описание выбрал я из сочинениев нидерланца Л. Ф. Боса, каторой оное, упователно, из кних выше упомянутого Одерборна выписал. Затем еще некоторые тиранские ево поступки из другова автора сюда внесу.

11

л. 15

Аглинской капитан Горзей, которой ат королевы Елисаветы к сему росискому Нерону в пасольстве отправлен был и при его дворе не малое время находился, пишет, что он по многим в Лифляндии производившимъся кровопролитиям наконец вознамерился ехать в Псков и там равномерное тиранство произвесть. Точию же оттуда к нему некоторой человек (коего не токмо в том городе, но и во всей окружности оного в великом почтении содержали) имянем Микула Свят, навстречю вышед, бранил и проклинал, имяновав ево тираном, разбойником и кровопиющим волком, и требовал, чтоб от города отступил, угрожая при том, естли он или кто из людей его хотя самаго последнего жителя того города оскорбит, то тем же часом громом убит будет, ибо де оной город святым ангелом в особливое покровительство препоручен. И для сего бы лутче не мешкав от той страны отдалился, пока еще || отмщение божие над ним не совершилось, и наказание, каторое он своими глазами видит (ибо в самое то время великая туча и туман был), чют его не захватило. Почему он с великим страхом и трепетом, прося того пророка, чтоб за него помалился, тем же часом аттуда отступил. *л. 15 об.*

12

По многим произведенным лютостям и тиранствам, чрез что государство как голодом так и моровою язвою весма опустошено, полюбилась ему у знатнейшего ево полковотца дочь Наталья, с каторою он и действително в брак вступил, но вскоре после того атца ее казнил, а жену свою в манастырь паслал.

13

Между тем, древней ево неприятель, татарской хан, собрав великое войско, вступил са оным в ево области. Иван Васильевичь равномерно не малое число собственной конницы и пехоты || и стараннего въспомогательства войска к нему навстречу послал. Токмо все было без успеху: некоторые масковские бояри потаенным образом реченному хану в той войне советовали, и для того он тем смеляя с своими ардами чрез Волгу перешел, видя, что царское войско, которое, хотя выгоднейшие места и способы имело, ему никакого супротивления не чинит, ибо командиры не имели точного к тому повеления. И таким образом он путь свой прямо к столичному городу Маскве продолжал. Царь Иван Васильевичь не хател дажидатца сего незванаго гостя, отъехал з двумя своими сыновьями, лутчим сокровищем и гвардиею своею, состоявшею из дву тысячь пехоты, в Святотроицкой монастырь. Татарской хан, проведав, что царя в городе нет, *л. 16*

приказал в Вознесеньев день 1571-го года церковь с калоколь-
л. 16 об. нею Ивана Великава зажечь. В самое то время востал великой ветр, || каторой агонь так разпространил, что все церкви, палаты, знатнейшие домы и монастыри, також и многие другие строении в шесть часов згарели, причем и несколько тысечь (иные писатели 80 000 душ считают) людей в сем случае отчасти ат огня, отчасти ш чрез неприятельские руки жизни лишились, ибо рвы и речки мертвыми телами, золотом, серебром, залотыми цепочками и протчими сокровищами (кои, упователно, для сохранения туда вынесли) так наполнены были, что по них, как по мостам хадили и ни капли воды достать не магли. Тако ж и все улицы мертвыми телами наполнены были, что и пройти невозможно было.

Реченной монастырь, в катором царь находился, напоследок татарами равномерно ж окружен и зазжен, а выбежавшие оттуда для спасения жизни татарами в палон взяты. Царь еще заблаговременно способ нашел
л. 17 на другую сторону реки || переехать и верст с педдесят отътуда удалитца, где он военной савет имел и все те палки, каторые воевать не хатели, как изменников ошелмовав, распустил, а полководцов и началников калесовал и казнил и весь род изкоренил, вотчины ж и все имение их на себя аписал.

14

Между тем, неприятель к царю нескольких мурзов, или татарских князей, паслами атправил. Оные паслы, хотя имели хароших лошедей, но в продчем весма худо наряжены были, — все их украшение состояло в длинном таларе, или авчиной покрытой шубе, кушеки их из той же материи зделаны были, на каторых висели длинные сабли, болшие черные шапки, а в руках имели лук и стрелы. И для того царь масковской (каторой богатую адежду, а на голове трайную карону имел) их весма презри-
л. 17 об. тельно принел. Но, не взирая на то, главной пасол, || катораго четыре капитана к царю привели, весма сурово и неучтиво говорил следующим образом: Что государь его император и самодержиц над всеми государствами, на которые солнце лучи свои изъпущаит, его в сие пасольство изъбрал, чтоб спросить великаго князя росиского, какова ему наказание ево гнева в огне, оружиях и голоде показалось? И что он для совершеннаго познания совести его, ему сей мечь послал, дабы он тем сам себя жизни лишил. Сказав сие, пасол, с великою скоростию от царя вышел. Иван Васильевичь от тех пасольских дерзостных речей в такую робость пришол, что и духовника своего к себе призвав, с ним разсуждал о объстоятельстве. Между тем, палковник над гвардиею требовал дозволения, чтоб татарину неучтивость ево равным же образом отмстить. Но царь приказал того посла только задержать, пока гнев ево уталитца.[т]
л. 18 || А напоследок он его отправил обратно с сим ответом: Чтоб он своему неверному босурманскому государю донес, что он ни от его силы и власти, но от своего бога и господа Исуса Христа за свое прегрешение наказан, каторой дияволу допустил его таким образом мучить и изгонять. И хотя он сам теперь с одного места в другое убегать принужден, но, однако, з божиею помощию в скором времяни с ним, ханом, так управитца, что он принужден же будет росискому игу покоритца и ему, царю, дань платить. Татарской пасол на сие ответствовал, что он великому князю не обязан такую службу исправить, и что не желает своему великому государю, татарскому хану, такие суровые и неучтивые слова сказать. И для того Иван Васильевичь одного из своих придворных служителей с сим посоль-

[т] *В ркп. сначала было написано* удалитца, *а затем переправлено на* уталитца.

ством к хану отправил, которой более семи лет || у татар в полону содержался и единственно хлебом да водою ево питали. *л. 18 об.*

Но да продалжения описания сего агличанина Горзея, должен я наперед упомянуть, что сие опустошение города Москвы не во время безчеловечнаго владения Ивана Васильевича произходило, как то, упователно (по не доволной знаемости, оной англицкой автор мнит), но оное было при жизни еще отца ево.

Продолжение сей войны аписывает Адам Алеар в четвертом томе персицкаго путешествия из поссевианскаго сочинения, а особливо из лифлянскаго летописца, весма справедливея, следующими словами. Однем временем великой князь Василий Иванович,[у] тиранов отец, казанских татар совсем победил и одново из них по своему соизволению над ними учинил ханом, именем Шеале. Сей, хотя и был природою татарин, || точию более аказывал верность и усердие великому князю масковскому нежели своему роду. В протчем был он сабою весма непригожь, имел длинные отвесловатые уши, великое смуглое лицо, толстое туловище, кароткие бедры и длинные дурные ноги. Оному должны были казанские татары покарятца и ему дань платить, что им весма досадно было. Ани атправили потаенным образом к крымским татарам посольство, представляя нещастие свое, что состоят под владением великаго князя и под началом такого хана, каторой более с уродом, нежели с человеком сходство имеет, и, при том, им[ф] и изменяит. И просили, понеже ани адной с ними веры (то есть махометанскаго закона), чтоб помогли им из сего тяжелаго ига вырватца. Кримской хан, именем Мейдлигер, на сие согласился и в скором времени собрал великое войско, с каторым он к Казани подошел, оным городом || завладел и прогнал Шелау, каторой з женою и детми в Москву убежал, а на место ево зделал он ханом над Казанскими татарами радного своего брата Сапегу. По сей адержанной победе приумножилась в татарах смелость, и пошли к Москве с своим войском, к которому ис Крима еще несколько тысячь прибыло. Грабили и опустошали все городы и села, чрез кои они шли. И хотя великой князь равномерно великое войско въскоре собрал и оное татарам навстречю послал и с ними при Аке реке в сражение вступить велел, но, однако, татара росиское войско победили, почему оное, и не оглядываясь, в Москву возвратитца принуждено было, за которым и татара следом шли, городом завладели, а замок кремль асадили, каторой замок великой князь оставя, в Новъгород отъехал. Росъсияне защищали замок с великою храбростию и часто к неприятелю подарки высылали. Неприятель, видя силную их оборону, разсудил, что к здаче крепости не скоро склонит. || Приняв подарки, согласился в договор с ними въступить и принудил россиян, чтоб великой князь их за собственноручным своим подписанием (с приложением государственной печати) абязался быть в подданстве у хана татарскаго и ему ежегодно дань платить. А напротиву того абязался хан от России отступить, всех пленных россиян (коих число весма велико было) возвратить. К такому безъчестному договору великой князь сначала склонятца не хотел, но, видя, что необходимость тогдашняя оного возпотребовало, наконец согласился. Патом хан Мендлигер в знак, что он (яко царь уже масковской) велел потрет свой в городе поставить, пред которым бы великой князь (когда он кримским послам ежегодную дань вручит) всегда б в землю поклонялся.[х] После сего Сапега в Казань поехал и там владел, а Мендлигеров старшей брат и владетелной хан крымской || со всем своим войском к Резани пошел, асадил *л. 19* *л. 19 об.* *л. 20* *л. 20 об.*

[у] *В ркп.* Ивановичьвичь. [ф] *В ркп.* их. [х] *В ркп. сначала было написано* поклонился, *а потом переправлено на* поклонялся.

тамошнею крепость и велел воеводе Ивану Каварскому сказать, что великой князь ныне ево подъданной и для того требуит, чтоб без всякаго прекословия ему крепость здана была. Воевода на то ответствовал, что ему сие весма дико быть кажетца и верить не может, чтоб оное самым делом так было, разве ему а том достоверенное засвидетельствование предъставлено будет, то немешкав мнение свое а том аткроет. Почему хан подлинное великокняжеское писменное обезательство с несколькими афицерами для доказательства в город послал. Воевода как оное писмо, так и пасланникав у себя аставил и взял намерение до последней капли крови аборону чинить. Он имел у себя искуснаго италианскаго артилериста, званием Яган Вордана,
л. 21 с помощию которого он такую храбрую аборону учинил, || что от их стрел, ружья и пушек у неприятеля весма много убитаго и раненого народу было. Адно пушечное ядро так блиско подле Мандлигера пролетело, что и кусок от ево кафтана оторвало. Сие татарина в такую робость привело, что он наконец единственно только великокняжеское собственноручное обязательство возвратно требовал. Но как ему и в том отъказали, то он, собрав свое войско, возвратился в дом свой. А воевода отправил к великому князю обезательство, о чем вся Москва обрадовалась. Патом и Мендлигеров патрет заброшен, разбит и нагами разтоптан. Въскоре после того собрал великой князь 25 000 человек, велел хану казанскому войну объявить, а при том сказать, что он и брат ево воровски и как разбойники нечаянным образом в его государство вашли, а ныне он, яко государь и самодержец всероссиски, || как честной салдат противу ево о приближе-
л. 21 об. нии своем и о войне наперед известие ему сообщил. Токмо татарской хан презрительным образом на то ответствовал. И для того великой князь в самой скорости со всем своим войском к сталичному городу Казани подвинулся. Росиское войско, хотя татарам и великой вред причинило, однако великой князь не мог сию крепость во свое владение получить, но без всякаго успеху принужден был отступить и противу татарскаго нападения в Нижнем Новегороде всегда великой гарнизон содержать. И так при жизни сего великаго князя более достопаметных предъприятиев никаких не было. После смерти Василья Ивановича вошел на росиской престол сын ево, тиран Иван Васильевичь, каторой вознамерился сие росискому государству причиненное безчестие над татарами атъмстить, и для того с великим войском, в катором числе множество иностранных, а особливо немец-
л. 22 ких салдат находилось, к Казани подошел. || С обеих сторон произходили силные и частые сражении и великое кровопролитие. По прошествии асминеделнаго времени апасался великой князь, что кагда асаду еще более продолжат, то крымской хан к брату своему на помощь притъти может и затем он городу весма сносные к здаче кандиции предлагал. Но как оной город те кандиции презрително принел, то он велел в самой скорости стену и валы подъкопать и взорвать, что татарам весма странно показалось и к их разорению великою помощь подавало, ибо как подъкоп щастливой успех возымел, то не токмо стены и валы чрез то възорвало, но и многих татар убило и не малой городу вред причинило. А между тем росиское войско в крепость вошло, невзирая на то, что и сами при том не малое число народу потеряли, потому что ани з двух старон крепости, куда все татара убежали и великую аборону чинили, приступать долженл. 22 об. ствовали. || Но как наконец татара увидели, что они побеждены и все их началники на месте убиты, то и ани более супротивлятца ахоты не имели и вышли из западных варот, пробились сквозь стоящее у тех варот росиское войско, и перешли чрез реку Казанку, патом в великом безпорядке разбежались. Оное произходило в 1552-м году июля 9-го дня. (Позевиав пишет в 1553-м году).

После сего приказал великой князь крепость апять пачинить и толстою каменною стеною, воротами (равелинами) и толстым валом четыреугольным видом укрепить. Достальных татар прогнал, а город и крепость наполнил рассиянами, коих иза всех мест туда на поселение призвал. Також и татарам дазволил он жить близ города (неболшим числом) и при сваем законе оставатца. И таким образом Иван Васильевичь все Казанское государство росиской державе покорил. И после того, когда подгуляит, всегда а завладении Казанью и Астраханью песни певал. (По сих мест Алеар, а отсюда продолжение Горзей упоминаит).

Город Москва по приказанию великаго князя в пять лет крепкими *л. 23* стенами и разными страениями в прежнее состояние приведен. В которое время он с аглинским математиком Елисеем Бомелием в великой дружбе находился и все строении и фортификации по ево указанию строить и делать приказал. Также призвал он из Англии всяких художников, архитекторов, плотников, каменщиков, рещиков, золотых и серебреных дел мастеров, лекарей и аптекарей и построил в городе великолепной дворец, или казенныя палаты, для сохранения сокровища своего. Потом собрал почти изо всего государства купеческия товары и обменял на оныя от иностранных купцов и золотыя и серебреныя вещи з драгоценными каменьями, коими казенною свою полату наполнил. А купечеству почти ничево или весьма малое число за отобранные у них товары денег заплатил.

15

Равным же оброзом поступал он и с протчими городами и моносты- *л. 23 об.* рями, от коих он великую [ц] сумму дениг заимообразно брал. А вообще все государство несносными податми и поборами отягощал, чрез что подданные ево так возненавидели, что он принужден был правительство свое сыну поручить, дав ему и титул царской. Однако оное учинил он без ведома государственных членов и подъданных своих. И дал ему некоторыя правинции в собственное ево владение, а престол царской себе оставил, пред которым как царь новой, так другия сыновья, все бояре, духовныя чины, равномерно и иностранныя послы лицем на земле лежа, прошения [ч] и предъставления [ш] свои приносить долженствовали. Реченной ево [щ] сочлен почитал все долги во время владения отца ево чиненные, також и все привилегии и преимущества городов || и монастырей недействительными и *л. 24* неделными, и все поместья и урочища подданных, в разсуждении, что оныя тем от него не конфермованы, на себя отписал. По какому ево тиранству как духовные чины, так и знатнейшия бояре стараго своего государя всенижайше просили, чтоб благоволил правительство по прежнему принять, и с неизреченым великолепием ево опять на царской престол возвели. О которой здаче и обратном принятии правителства единственно известие нашел у Горзея, а протчия авторы ничего о том не упоминают. Потому, что все прежния преимущества и правы городов, сел, монастырей, дворян и купечества вновь утвердил и ис тех доходов собрал он дочери брата своего (которого наперед казнил) приданое, дабы с тем ее отдать в супружество голштинскому герцогу Магнусу, брату короля дацкого. И при том же и все города и замки, || кои он в Лифляндии завоевал, також *л. 24 об.* несколько сабак, хороших лошадей, комнатные приборы, двести тысячь рублев в золоте, серебре, драгоценных вещах и каменьях состоящее, в при-

[ц] *В ркп. сначала было написано* великою, *но затем переправлено на* великую.
[ч] *В ркп. сначала было написано* прошении, *а затем исправлено на* прошения.
[ш] *В ркп. сначала было написано* предъставлении, *а затем исправлено на* предъставления.
[щ] *В ркп. после этого слова выскоблено одно слово из 7—8 букв.*

даное ей назначил. И отправил он двести человек конницы для препровождения короля и каролевы в город Дерпт. Токмо въскоре после того сие доброе согласие между Даниею и им опять угасло и вместо того в войну обратилось, ибо короли дацкой, швецкой и польской Стефан, между собою согласясь противу ево вооружились. Ис коих король польской Нарвою завладел, а король дацкой к заподу пошел и таможни в Вартгаузене, Туле,[э] Соловецком, Варзамасе и во всех окружных местах занял.

16

Невзирая на занятие сих мест призвал он знатнейших своих бояр с их дочерми и из них для себя и для сына своего супруг выбрал. А между *л. 25* тем и прилежно примечал за всеми || тайных бунтов, и тех, на которых он хотя малейшее подозрение имел, смертию казнил и всякия протчия лютости над знатнейшими особами производил. Князь Федор Куракин, полковник в Виндаве, в Лифляндии, в то время, как король Стефан к городу приступил, немного пьян был. И для того ево Иван Васильевичь в Москву призвал, нагова на телегу посадил и шестью кнутами, из железной проволоки зделанными, по всему городу везучи, до смерти засечь велел. Равномерно велел он и с Ивана Хигликовскаго кожу содрать и все его тело по составам в мелкие куски изъсечь. А как один из полачей над сим бедным человеком сжалился, и его скоряе жизни лишил, то велел он тому полачю правую руку отсечь, отъчего он на другой день и умер. Иные[ю] из них на *л. 25 об.* рогатину подняты, а потом тела их рыбам на съедение || в реку брошены. Князь Борис Куракин у прежняго царя, отца ево, в великой милости находился. Точию от сего ужаснейшим образом жизни лишен, ибо сей тиран приказал ему в зад железное копье засунуть, так что конец в затылке вышел. И таким обрнзом он более пятнатцати часов мучился, между которым времянем и кнегиню, ево мать, туда привели, чтоб она производимое над сыном ее мучение видела. Потом предали ее сту царским гвардейцам на поругание, которые ее до смерти заблудили, а тело ее диким зверям и птицам на съедение оставили.

17

Между сим, призвал он к себе вышереченного Елисея Бомелия, которой был преславной аглинской лекарь и математик, також и многих протчих агличан, у которых он известие отобрав о нъраве и о летах королевы *л. 26* аглинской Елисаветы, и хотя он еще трех || живых супруг имел, но, однако, вознамерился и с сею принцесою в брак вступить. И для лутчаго в том успеху послал последнею свою супругу в монастырь, и великое множество кораблей в готовности содержал, которыя на Двине реке стояли, где он лутчия из них выбрать хотел, чтоб со оными в Англию ехать. А правительство намерен был старшему своему сыну препоручить, дабы оный[я] во время ево отсудствия, все в порядок, согласие и в покорное состояние привел.

18

А дабы казну свою всякими сокровищами обогатить, то призвал он наместников и игумнов и главных началников изо всех в государстве ево находящихся монастырей и представил им следующее: Что им вообще небезъизвестно, коим образом он всю свою жизнь, разум и силы к тому

[э] *В ркп. это слово позже карандашом переправлено на* Коле. [ю] *В ркп.* иныне, [я] *В ркп.* оным.

употребил, чтоб чрез то [а] их || и [б] всех их свойственников защищать, при том же в неоднократной войне, во многочисленных апасных случаях и в бывших, как внутри, так и вне государства, противу его особы бунтах, жизнь свою в безпрестанных безпокойствах препроводил и всегда в страхе жить долженъствовал. При каторых трудных объстоятельствах как собственая его, так и государственная казна весма изъчерпана и что, однако, сие к вящему их благополучию много вспомоществовало. Но, понеже ему ныне такие чрез меру вспоможении несносны становятца, и для того принужден от них требовать, чтоб ани излишними своими даходами недостаток и убылую его казну дополняли. Духовенство старалось всякие способы вымышлять, чтоб от того освободитца и отважилось народ и знатнейших асоб противу его возмутить. И только недоставало к сему бунту нужнейших припасов и настоящего предводителя. Как скоро великой князь а сем праведал, || то он дватцать человек из них к смерти осудил и дикими медведями (коих он для таковых случаев всегда содержал) затравил. Сия травля медведями произходила таким образом: асужденных вывели на пространное и каменною стеною укрепленное место. В адной руке имели ани четки, а в другой руке железное капьецо длиною в пять фут, дабы тем сначала малую аборону чинить могли. А как скоро медветь одного из них бездушных богатырев изорвал, того медведя застреливали, другова выводили. Последней манах чинил медведю храброе супротивление и проколол ему груть капьем насквозь, однако, и сам от него изорван. Чрез сию медведную ахоту привел он всех архиереев и игуменов в такую робость, что ани совершенную и верную опись а всех своих даходах ему вручили, почему он ат них триста тысечь рублев потребовал и, при том, у них все находившееся в их ведомстве города и селы отнял. || И с крайнею прилежностию старался атъездом в Англию поспешать. Но как оное в народе пронеслось, то знатнейшие баяра ему в том препятствие учинили, почему он с четвертою супругою в брак вступил и с нею прижил сына Димитрия.

л. 26 об.
л. 27
л. 27 об.

19

Наконец донесли на часто реченнаго Бомелия будъто бы он, с архиепископом новгородъцким согласясь тайным образом, противу его бунт предъприять вознамерились. В чем архиепископ хотя и признался, токмо Бомелий не винился, почему он его велел кнутом сечь, а потом и огненную пытку над ним произвел. По окончании ж того посажен был в тюрму, где жалостнейшим образом и умер, а архиепискупа за такое преступление в темницу посадя и в пищу ему один хлеп да воду производили. Продчие ж, на коих архиепископ показал, признав свою вину, просили а милости, почему ани по учиненном им жестоком выговоре во всем прощены.

Сим кончим мы описание Горзеево и продолжим повесть нидерландскаго автора Фон Дер Боса. л. 28

20

Безбожное правительство сего в тиранствах заблудившегося государя привело его у приятелей в презрение, а подданных в страх, трепет и робость, чрез что ани от поляков и от протчих неприятелей весма много пострадали. Володимерския и продчих в соседстве лежащих городов жители (коим вседневные неприятельские нападении несносны становились) для прекращения такого бедствия вознамерились вооруженною рукою неприятелем супротивление чинить и из доброй воли великому князю

11, а–б *В ркп. это место написано неразборчиво.*

обещались все до единаго человека противу неприятелей в поле служить, когда он старшему своему сыну Ивану главную каманду над ними предъпоручит. Сие абещание произвело в нем падозрение (ибо тираны всегда по-
л. 28 об. дозрением и изумлением, страхом и боязнию мучатца), || будто бы подъданные его самого неспособным признавают и уже при жизни ево пренебрегают, и более на сына ево надежду полагают, как на него. И для того тем же часом жалобу произвел, что он чрез то весма агорчен и обижен и, вышед к ним без всякаго правожания или служителей, бросил карону и порфиру и сказал народу, чтоб оное отнесли другому, кого ани лутче его почитают. Патом праславлять начал великое свое о государстве попечение, что он[в] Лифляндию в свое владение получил, турок и татар победил (что и действително с великою славою им в действо произведено) и так дастоинство и славу поколения и народа своего храбро защищал, но видя, что он и храбрые ево поступки ныне ни ва что ставятца, то вознамерился он правительство уступить другому, каго ани к тому достойнее изберут. Депутаты к нему отправленные чрез то пришли в жалость и просили ево, чтоб гнев свой абратил в милость и правительство по прежнему
л. 29 || на себя принел. Однако он на прошение их прежде склонятся не хотел, пока они не абещали главных бунтовщиков (так называл он их) ему предъставить. Патом абратился он к сыну своему с следующими славами: «А ты, праклятой, асмеливаисся еще, имев такие происки и дерские предъприятии, отцу своему в глаза показатца! Ты возбудил народ к мятежю, в тебе ни малейшего сыновнего почтения не имеитца, не нашел ты лутчего к войне способу, как сего, что вознамерился отца своего погубить, пристойно ли тебе отважитца воинской жезл принять и тем государя и радителя своего всего высочества и достоинства лишать? И какого ты, от такого с бунтовщиками тайно учиненнаго согласия, ажидал успеху? Без сумнения помышлял ты меня в крайнее нещастие привесть! Изрядно,
л. 29 об. когда ты не познал в отце твоем царя масковскаго! || То я напротиву того окажу, что царская власть отцовской превозходит и над табою такой абразец учиню, дабы другие дети, глядя на то, научались родителей своих почитать, а не насмехатца над ними!».

Сын, услышав, что отец его такую ужасную казнь над ним предъприять вознамерился, пал ему в ноги и всеподданнейше просил, чтоб ему время дал апамятоватца, дабы о невинности своей основателное аправдание принесть мог. Точию сей тиран в знак, чтоб он малчал, ударил ево изо всей силы акованною тростию в висок, котораго удара он прежде не почувствовал, пока от вылейвшейся в великом множестве крови пред отцем своим на землю паки упал. В то время увидел себя безчеловечной сыно-убивец, что худо зделал, и сие нещастие привело ево в крайнее смущение. Гнев
л. 30 ево обратился в жалость и, припадняв руки, || то на умирающего своего сына, то на небо взирал и весь двор многим рыданием наполнил. В то время. утешая он умирающего сына, вздыхал и оплакивал свою бещастную судбину, сожалел а общем уроне, иногда приписывал вину небу и представлял себя так, как отчаявшиеся люди обыкновенно бывают. Между смертелною болезнею услышал раненой враньe отца своего и старался, хотя весма тихим голосом, но следующее слово выговорить: «Хотя меня лишает жизни тот, от которого я оную имел, но бог истинной мой свидетель, что я никогда противу отца моего тайного согласия предъприять не помышлял, а наилутче бы желал, чтоб он всем светом владел, и чтоб оружие с лутчим успехом над врагами и над племенем их действовало!». Наконец, просил он, чтоб его погребли без всякаго великолепия, токмо

[в] *В ркп. он вписано над строкой.*

честно и как христианина. || Великой князь не мог апаметоватца, не ел и *л. 30 об.* не пил и все спиною к стене присланивался, и пристально, в великом смущении, глядел на умирающего своего сына, каторой в пятой день после поменутаго удара сканчался и с великим великолепием в церкве архангела Михаила, подъле предков своих погребен.

Выше упомянутой агличанин Горзей объстоятелство о его смерти описывает таким образом. Сей перворожденной сын лютости отца своего крайне ненавидел, что отцу известно учинилось и за то на нево не токмо весма гневался и его бранил, но и по щеке ударил, каторой удар ему так прискорбен был, что он от того в великую болезнь впал и в третей день скончался. И что сие незапное и весма печалное приключение отца его в такое смущение привело, что оной с жалости волосы на голове рвал, а особливо для тово, что малодой великой князь весма умен, || милостив и *л. 31* разъсудлив был. Что похороны ево более пятидесят тысечь фунтов абошлись (а какие фунты щитать должно а том автор ничего не упоминаит). Також статца может, что его и о пощ*ечине*[1] уведомили для того, чтоб тем смертноубивство лутче скрасить, ибо многие авторы единогласно пишут, что отец сына своего окованною тростью в голову ударил, от котораго удара он и умер.

21

Коль страшно, печално и безумно сей варвар себя сначала ни представлял, толь скоро слезы, рыдания и вздыхание его с покойником вместе и похоронены и кончились. Ибо он после того вскоре мысли свои к новому супружеству обратил в разсуждении, что втарой сын был разумом скуден, а третей весма молод и, при том, не в законном браке рожден, следственно и к наследию недастоин. И взашло ему на ум сосватать || за себя *л. 31 об.* дочь графа Гунтингтона, ибо он а каралеве (Елисавете, каторою ево Бомелий только насмех подымал) уже и не думал. И для тово отправил он в Англию особливое пасольство, от котораго реченная девица, в саду близ Эбарахского дворца, весма знатной подарок получила. Равномерно и из Англии в Москву отправлен был пасол, каторой по прибытии туда с великою славою встречаем и на удиенцию въведен был. Круг дворца все места, ступени и комнаты, чрез которые ево вели, украшены были богатыми абоеми и шитыми золотом каврами. Царь весма в богатой адежде на престоле сидел, подле его лежала тройная карона, а круг его стаяли четыре баярина в серебреных адеждах и держали в руках серебреные скипетры, по левой руке сидел сын ево с протчими знатнейшими асобами. Пасол неоднократно к сталу приглашен был и ото всех великое почтение получал. Но как силно великой князь не старался сей брак в действо произвесть, || и для того еще другова пасла в Англию отправить вознаме- *л. 32* рился с тем абезательством, чтоб кароною и наследием престола сей аглинской девицы и ея наследникам владеть, а для дастоверенности весма великое сокровище и богатство каролевы аглинской под заклад вручить, дабы в случае неисполнения того абязательства наследники той девицы тем сокровищам ползаватца могли, то однако духовные и протчие знатные асобы оное воспрепятствовать способ нашли. К пресечению тех препятствиев велел он (как Горзей упоминаит) волшебников и чернокнижников приискать, коих и собралось до шестидесят человек, и им отведен был особливой дом, где ани всякое потребное содержание от двора получали. Також приказал великой князь первому и знатнейшему фавориту своему, Богдану Белскому, их в каждой день посещать.

---

[1] *В ркп.* пощении.

л. 32 об. 22

В то же время, кроме протчих страшных знаков, ужасной камень на небе целой месец в Маскве виден был, котораго все волшебники единогласно за предвозвещание великокняжеской смерти щитали. Что, однако, вышепомянутой Белской ему донесть не осмелился, в разсуждении, что он угрожал их за худое пророчество зжечь. Между тем, приближалась его смерть (о каторой разные повести имеютца). Болшая часть писателей следующее о том известие справедливым быть щитают.

После учиненнаго сынаубивства был он часто весма безпокоин и в такую сильную болезнь впал, что и кишки и весь потрох у него згнил. Також произросшие внутри в изгнившем ево желудке черви и тело ево снаружи изъедали. Равным же образом, упователно, душа и совесть ево мучилась всякими предъставлениями. Однако он жизнь свою чрез пищу л. 33 еще несколько времени || продлив, или, лутче сказать, питал, прирасчивал и приумножал муку свою, пока совсем из силы вышел в последней час. За несколко дней пред смертию впал он трижди в обмарок и целые сутки без всякаго движения и дыхания, как мертвой лежал. По миновании перваго обмарока приказал он печалным видом второму своему сыну некоторых к смерти приговоренных колодников из темниц выпустить и аковы снять, объявляя, что был в разных темных, страшных и ужасных местах, где за них великое мучение претерпел. Почему сын ево не токмо тех колодников освободил, но и кровли с темниц разломать и по всем церквам молебствовать приказал. Також великую сумму между бедными людми розделил и обещав им еще более того, когда они чрез неотступную свою молитву у бога облегчение царю испросят. Токмо все их малитвы не в состоянии были гнев божий отвратить. Иван Васильевичь вторично в обморок л. 33 об. впал и совсем из силы вышел. И по всему городу было все || тихо, ибо всяк с нетерпеливостию ожидал чем оное кончитца. А в самом деле никто от искреннего сердца о страдании и смерти его не сожалел, но наипаче старики радовались приближающейся им свободе, а дети нетерпеливо ожидали родителей своих освобожденными видеть и ежечасно посылали к ним навстречю людей. Однако Иван Васильевичь опять в память пришел и приказал сыну все чрезвычайные поборы и чиненные народу отягощении совсем оставить, дабы бедныя подданныя от претерпевшаго разъзорения оправится могли. Також тех людей, коих он несправедливо всево имения лишил и вотчины их на себя отписал из казны награждать, всех колодников вообще из темниц выпустить на волю, что все и учинено. Потом впал он в третей обмарок, после котораго и не приходил уж в память, но с жалосным ужасным криком и ревением скончался. Как скоро он умер, то опухшей ево мужественной член лопнул, от чего такая мерская вонь прол. 34 изошла, что никто в той комнате устоять не мог. || Все люди не только оттуда, но и из дворца побежали. Оное [д] учинилось в 1584-го году, марта 28-го дня.

Адам Алеарий в персицком своем путешествии о смерти ево, хотя въкратце, однако сходственно с сим описанием упоминаит, что он умер пятидесят шести лет, кончина ево была ужасная, с великим и весма страшных криком и ревением.

О привидениях ево реченной агличанин Горзей ничего не упоминает, хотя он и в самое то время в Москве был и за два дни до кончины с великим князем уговаривался. А о смерти ево следующее известие он сообщает. Хотя великой князь пророчествам волшебничьим, кои вышеупомя-

---

[д] *В ркп.* оно.

нутым образом кончину ево предвозвещали, не верил и ни о чем более, как о сочетании браком разговаривал, то, однако, гнев божий атмщением поспешал, так что он в потаенных местах силно апух. В каждой день насили ево в креслах в казеннаю палату, где он сакровищи свои || асматривал. *л. 34 об.* За два дни да канчины своей увидел он сего аглинскаго резидента и ему рукою махнул, чтоб за ним туда же следовал, что оной в провожании баяр протчих и учинил. Патом он приказал себе подать драгоценныя каменья, о свойстве и о качествах оных весма разумно и пространно разсуждал, асабливо а магните, аспиде, алмазе, изумруде. После того приказал он лекарям и аптекарям особливые[е] припасы изъготовить, волшебникам, за ложное их пророчество, жестокой и грозной выговор сказать для того, что он в назначенной от них день не только не умер, но и великое от болезни аблегчение имел. Токмо ани в ответ сказали, что тот назначенной день только наступил и еще не прошол. С каторым атветом Багдан Белской, к великому князю возвратясь, все к припадку потребное разпоряжал. По изготовлении всево пошел великой князь в мылню, где он четыре часа пробыл и, вышед оттуда, в постелю лег.

Токмо скоро въстал и велел тавлеи подать и в однех партках при всех *л. 35* знатнейших баярах адин играл. Но незапно упал и хотя ево всякими крепителными водами всприскивали, то однако все оное не помогло, он тем же почти часом и умер. Как скоро Иван Васильевичь таким образом умер, то Багдан Белской и Борис, коим в силе духовной главное разположение правительства государственного препоручено было, со многими протчими боярами к высокому окну пошли и капитану приказали во дворце караул прилежно наблюдать, равномерно и автор с служителми своими к штатъгалтеру пошел и от него с великою честию принят был. Також и архиепископы и епископы и знатнейшие дворянство во дворец поехали и новому великому князю присягали.

Буде сие известие агличаненина съправедливо, как то и упователно, ибо *л. 35 об.* он в тот же день ва дворце был, то без сумнения привидении несправедливыя и только па злобе на покойнаго тирана росъсиянами всклеветаны. Разве что не имел ли он привидениев недели за две да кончины своей? Но и о том бы агличанин наш не умолчал, при том же и невероятно, чтоб человек, имевшей таких ужасных привидениев и будучи здаровьем весма слаб, еще в тавлеи играть и над сокровищами своими радоватца мог. Что меня и побудило[ж] вышеписанную повесть о приведениях ево (каторояз нидерланцом Фон Дер Босом аписана) за несправедливо признать. А статца может, что сей тиран в самое то время, как он упал и кончатца начал, жестоко ревел и кричал, ибо известно, что часто те люди, оной падучею балезнию адержимы, с великим ревом и криком с нох сваливаютца. || Буде же, и паче чаяния, сей тиран без вопля и рыдания и ужасных дви- *л. 36* жениев умер (что аднако многие дастоверные писатели даказывают), то, при всем том, его в числе тех щитать должно, кои ужасную канчину имели, ибо, что ужаснее того быть может, как умереть не познав смерти? Что ж и опаснее, как углубясь в ыгре и ни о чем более, как о игре помышляя, умереть? Может ли душа более в опасности быть, как в то время, когда она при последнем приступе и сражении теплых молитв в оборону и веру в щит не употребляит? И когда ана в таком безъзаботливом состоянии обращаитца, то приближившейся неприятель словами некотораго невер-

---

[е] *В ркп. это слово сначала стало писаться писцом с буквы* а, *но потом эта буква была затерта и рядом написано* о. [ж] *В ркп.* побудила. [з] *В ркп. сначала было написано* каторое *и затем исправлено на* каторояя.

наго императора хвалитца и сказать может: «Подите зрите здесь!». Следственно и Иван Васильевичь по всему видимому состоит в числе тех, кои души свои безконечно смерти препоручили.

л. 36 об. 23

Хотя же Иван Васильевичь себя как в жизни, так и при кончине своей, на писме и на славах всегда тираном предъставлял, то, однако, многие авторы приписывают ему и некоторые хорошие качевства, кои не токмо похвалению, но и некоторым образом последованию дастойны. Агличанин Горзей приписывает ему славу, что он на войне щастлив и славен был и татар, кои ево (по неправилному сообщению агличанина) сперва отступить принудили и город Москву зажгли, после более 2000 верст по обеим старанам Волги прагнал и государство свое од дани, каторая пред тем татарам платилась, асвабадил. Также, что он Псков, Смоленск и протчие городы и крепости в России, Литве и других полских провинциях состоящия, себе покорил и сверх того с Швециею и Сибирью воевал и
л. 37 царя сибирскаго пленил. || Евий (в книге своей а пасольстве масковском) пишет, что он с лифлянцами, не взирая на то, что они с семдесят двумя горадами в союзе противу его состояли, шесть лет вайну имел и их так усмирил, что ани принуждены были миру прасить. Поляков в самом начале своево владения совсем с поля прогнал, толко после того у Днепра и от них великой урон претерпел, однако ж Смоленск им не отдал. Татар неоднократно щастливо побеждал и причиненное государству от нападения их разорение храбро отмщал. Более 15000 конницы всегда в поле имел и каждаго, каторой себя храбро оказывал, по заслугам награждал.

Правосудие он прилежно наблюдал, оное доказывает (Гроздей), издал разные учреждении, уложении и правы. Такожь и духовное улажение по
л. 37 об. греческим церковным правам в кратких, || однако ясных пунктах сочинил. Власти папы римскаго он не токмо покорится, но ево за главу церкви почитать не хотел, хотя оной и старался чрез дружеские писма ево увещевать, чтоб он величество римской церкви познал, абещая ему за то из папской своей власти дать чин каролевской со всеми принадлежащими ко оному преимуществами, к чему Иван Васильевичь весма лаком был, ведая что и цесари по древнему обычаю из Рима карону и скипетр получают. (Смотри в книге вышереченнаго Евия). А правда ли, что Иван Васильевичь оной чин иметь желал, аставляю читателю на разсуждение. Я с моей стороны оному не верю. А может статца, что оное ему абещано было, ибо царь российской щитаит себя более короля, пишется императором и требуит, чтоб его за то признавали. Да в посланном к папе в ответ писме (о катором Евий упоминаит) имяновал он себя императором и самодержцом Всероссиским, а папу пастырем и учителем Римской
л. 38 церкви. || Посла его, Димитрия, папа (в Ватикане) весма великолепно принел, в бархатное платье нарядил и весма дружески с ним абходился. Сверх того показывал ему многие святые мощи, кои пасол высоко почитал. Чрез такое приятное абхаждение упавал папа маскавитян к себе склонить и с римскою церковью соединить, что однако не удалось. Еще ж Евий в первом томе своей истории пишет, что он великое рачение о разпространении христианскаго закона имел, токмо оное из жизни ево не усматриваитца, разве, что притворство ево за сущее дело почтено, ибо он отважился архиепископскую должность исправлять, также и духовные дела решил — сам литургию служил и протчее, во хмелю Символ веры певал, а кто из манахов оное[и] так наизуст петь не умел как он, того жестоко

[и] *В ркп.* аное.

жезлом бивал. Статца может, что сие от иных людей за добродетель щитаитца. Також скрасил он свое притворное богомольство еще и тем, что построил еще сорок каменных церквей || и шездесят муских и девичьих монастырей и оных потребными даходами снабдил. Сверх того пастроил он в разных местах своего государства более ста дварцов и крепостей, а в самых аддаленнейших степях более двусот городков, и оных народом населил, из чего заключаитца, что хотя он и был преужасной тиран, однако общую ползу наблюдал и более склонности к распространению нежели к опустошению своево государства имел. *л. 38 об.*

24

К размножению своего богатства он очень жаден был и, сказывают, что ни единое государство богатством противу ево сравняемо быть не магло. А оное ево толь славное и весма великое богатство состояло в драгоценнейших каменьях, уборов, злате, серебре, вине, аващей и земных плодов, сахаре, карице, свинце, минералов и в протчих вещах, коих он в Персии, Турецции, Нидерландии, Англии, Полши и в разных других государствах пакупал.

25

л. 39

Хотя вышеписанное известие нрав и совесть его доволно изъявляит, то однако еще вкратце сообщим примечание разных авторов а наружном виду и о совести ево часто реченной. Евий, без сомнения, примечании свои смешал с великим и очевидным лицемерием, когда он пишет, что Иван Васильевичь будучи 49 лет имел пригожей вид и рост и особливые дабрадетели совести, свойственников же своих любил и почитал, и от них равномерно любим и почитаем был, и в побеждении неприятелей щастливее предков своих был. Первое и последнее правда, а среднее, о любви свойственников, совсем не[к] согласно и противное тому. Уже даказано, что свойственники ево потаенным образом боялись и яко безчеловечнаго тирана крайне ненавидели. Разве, что свойственниками почтутца безчеловечные его саветники, безбожные придворные служители и разбойнические с. . .ы[л] кои к душегубству не токмо оказывали к тому советы, но и часто своими руками оное в действо производили. || А что он иностранным людям (кои в науке и художествах искусны были) великие милости оказывал, то безъспорно. *л. 39 об.*

Горзей пишет, что он имел мужественной вид, широкой лоб, громкой голос, хорошей и острой разум. А в протчем был лют и немилосерд.

26

О придворном ево великолепии и одежде упоминает вышереченной дацкой дворенин и посол Яков Фол Улефелд. Что как он в Москве первую аудиенцию имел, то на великом князе Иване Васильевиче было желтобархатное платье с драгоценными каменьями украшенное, на шеи золотая цепь с такими ж каменьями, а на голове шапка вся в таких же каменьях и поверх оной корона, на всех палцах были перстни з болшими жемчюгами, в руке держал он позолоченой скипетр, подле ево сидел сын в малиновом бархатном платье, которое также многими драгоценными камениями сияло, а на галове имел он шапку соболью. || Вид великаго князя изъявлял гордой и одутловатой. Его нрав: безпрестанно въздергивал он брови и плеча *л. 40*

[к] *В ркп. отрицание* не *приписано позже.*

[л] *В ркп. в этом слове можно разобрать лишь первую и последнюю буквы.*

кверху, да и все ево туловище со спеси надувалось, особливо когда титул ево упоминаем был.

Как оной посол к руке допущен был, то один из баяр громким голосом сказал: «Яковле, Иван Васильевичь так над тобою умилосердился, что удостоил тебя руку свою целовать!». Во время обеда весь стол золотыми и серебреными блюдами и стопами так наполнен был, что ни на едину ладонь порозжаго места не было. И только Иван Васильевичь с сыном своим из деревянных стаканов пил и деревянными лошками кушал. Також и ножи их были длиною в пол аршина. Протчия ж за столом сидящия все на золотой и серебреной посуде кушали. В протчем поступки ево за столом так подлы были, что посол засвидетельствует, что он ни у кого подлого за обе-
л. 40 об. дом такого безчинства и подлости || не нахаживал. Как посол другую к отъезду аудиенцию имел, то Иван Васильевичь в малиновом бархатном платье одет был, которое платье равномерно великим множеством жемчюга и драгоценными каменьями украшено было, а ворот золотом и жемчюгом вышит и унизан был наподобие того, как в древних временах дацкие знатные госпожи платье нашивали. Поверх ево шапки сияла золотая корона с неоцененными каменьями. В руках держал он золотое яблоко величиной в децкую голову, вокруг, в подобие звезд, драгоценными каменьями украшенное. Подле его стоял золотой сосуд и чаша, в кою он иногда яблоко и шапку клал.

Во время слушания посолскаго доклада и чтения пунктов о союзе представлял он себя не так, как самодержавцу подлежит, но так, как человек, которой мысли свои обратил к другим делам, так что казалось будъто бы
л. 41 одно ево тело, из которого душа и мысли в далные страны || для новых предъприятиев отлучились, тут присудствовало. То призывал он сего или другова боярина к себе и с ним разговаривал, то милостивым и приятным видом възглядывал на Богдана Ивановича Бельскаго[м] и ему палцы свои, кои неизъчетными перстнями унизаны были, показывал, и неоднократно полу кафтанную подымал и золотые ножны осматривал и також лежащей подле ево золотой и драгоценными каменьями украшенной жезл в руку брал. И сапоги ево застегнуты были бралиянтовыми пуговицами, по обеим сторонам стояло четверо детей боярских в белых бархатных платьях з залотыми цепочками застегнутые, кои в руках тапоры держали. Но после аудиенции, как он, так и бояре его сие богатое платье с себя сняли и другое похуже, однако богатое ж, платье надели.

Иван Васильевичь был пригожей, токмо лютой и язвительной зверь, которой многих людей безчестным образом изорвал, пока, наконец, и сам нечаенной смерти в кохти попал.

л. 41 об.

27

Как нечаенно и скоропостижно он умер а том уже выше сего упомянуто. Тело по его желанию погребено в церкви архангела Михайла, к которому на некоторое время салдацкой караул приставлен был. При жизни своей велел он из Лифляндии привесть надъгробной камень, которой уже и на дороге был. Но как скоро извощики о смерти его известие получили, то они тот камень в лесу, недалеко от деревни Коломны, бросили, где он и поныне еще лежит.

Конец.

(Рукописный отдел Саратовского гос. университета, собр. П. М. Мальцева, Р. 859).

[м] *В ркп. около этого слова поставлена звездочка. Внизу страницы также поставлена звездочка и около нее написано в скобках* (беднаго).

Е. Э. ГРАНСТРЕМ

Материалы к истории древнерусской библиографии

Историю русской библиографии в настоящее время принято начинать с рассмотрения трех памятников: 1) списка отреченных книг XI в.; 2) описания сборников Кирилло-Белозерского монастыря XV в. и 3) «Указца» Арсения Высокого 1584 г. При этом нередко подчеркивается, что описание сборников Кирилло-Белозерского монастыря и «Указец» были для своего времени явлениями исключительными и оригинальными.[1]

Высокоразвитая библиографическая техника этих двух памятников вызывает восхищение и изумление исследователей.[2] Тем более интересно проследить, как зарождались подобные библиографические работы, из чего они вырастали. В этом отношении особенно заслуживают внимания некоторые наблюдения известного литургиста А. А. Дмитриевского и академика Н. К. Никольского, в свое время уже обращавших внимание на указатели, встречающиеся в древних богослужебных рукописях.[3]

В конце (реже — в начале) рукописей, содержащих чтения из Евангелия или Апостола, расположенные по дням всего года в соответствии с церковными службами, можно видеть указатели чтений, называвшиеся соборниками, синаксарями или месяцесловами. Именно в этих соборниках следует искать первые ростки русской библиографии, начатки библиографической методики.

Приведу примеры:

1. Отрывки[4] из соборника, помещенного в конце древнейшего датированного памятника русской письменности — Остромирова Евангелия 1056—1057 гг.:[5] л. 204 об. — «Евангелие от Марка, глава 230. Во время оно минувши субботе: ишти неделя 3 от великого дня»; л. 213 об. — «Евангелие от Иоанна, глава 132. Рече господь к ученикам своим: аз есмь лоза ... писано в 4 сентября»; л. 216 — «Месяца того ж страсть св. Евдоксию, евангелие от Иоанна, глава 92: Во время оно быша тогда священия в Ие-

---

[1] См., например: Н. В. Здобнов. История русской библиографии до начала XX века, изд. 2-е. М., 1951, стр. 25—27; С. А. Рейсер. Хрестоматия по русской библиографии с XI века по 1917 год. М., 1956, стр. 13.

[2] С. А. Рейсер. Хрестоматия..., стр. 11—13.

[3] А. А. Дмитриевский писал о синаксарях в средневековых греческих рукописях, а также о встречающихся в греческих рукописях небольших каталогах, составленных из расположенных в порядке церковных служб «аналитических описаний», т. е. отдельных статей из разных сборников. См.: А. А. Дмитриевский. Патмосские очерки. Из поездки на остров Патмос летом 1891 года. Киев, 1894, стр. 226. См. также: Н. К. Никольский. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV века. СПб., 1897, стр. 50—51: «Так уже в греческой церкви богослужебные потребности оказали влияние не только на состав и развитие рукописного материала, но отчасти и на историю библиографических указателей к отдельным книгам».

[4] Орфография рукописи не соблюдается.

[5] ГПБ F. п. 1, № 5. Подробнее с соборниками Остромирова Евангелия можно ознакомиться по изданию этой рукописи, напечатанному фотолитографическим способом И. К. Савинковым в 1883 и 1889 гг. в С.-Петербурге.

русалиме и зима — ищи от Пасхы пятую неделю в пяток»; л. 236 — «Евангелие от Иоанна, глава 138: Рече господь своим учеником ... Конец: Приносити богу ... Преж есть писано в среде на великой четверток».

2. Апостол XIV в.[6]

На лл. 111—120 помещены указатели: «Главы, указ апостолы, како чести» и «Апостолы общии на коюждо потребу». Ссылки в этих указателях выглядят так: л. 111 — «В четверток великия недели апостол от Деяния, глава 16: Во оны дни рече Петр к людем: покайтеся. Конец: Быша во Иерусалиме»; л. 120 об. — «Апостол за мир. К Ефесом, глава 147: Братие. Христос есть мир наш. Конец: Духом святым».

Как видно из приведенных примеров (число которых можно увеличить), методика составления разбираемых указателей была разработана неплохо:[7] сперва указывается день и церковная служба, для которой предназначался определенный текст, название текста, начальные слова его, а нередко и конец. Заголовки в этих указателях и начальные буквы отдельных ссылок во многих рукописях выделены красными, иногда увеличенными в размере буквами; встречаются в указателях и заставки простейшего рисунка (например, волнистые или прямые черты); такие заставки делались не для украшения рукописи, но для четкого выделения различных частей текста или указателя.

Таким образом, в указателях церковных чтений в зачатке можно обнаружить те самые приемы «библиографирования» текстов, что и в описании рукописей Кирилло-Белозерского монастыря XV в. и в «Указце» Арсения Высокого 1584 г.

То обстоятельство, что древнейшие указатели составлялись не ко многим книгам, не к собранию книг, но к одной какой-либо книге, не может препятствовать включению их в историю библиографии. Дело в том, что в древнейшем периоде древнерусской письменности богослужение было менее развито, чем в последующие века. Число богослужебных книг было невелико, во многих церквах (особенно в церквах, расположенных в глухих сельских местностях) не хватало не только книг, но и мало-мальски грамотных священников; некоторые священники читали службы наизусть.[8]

При таком положении вещей наиболее распространенные книги (Евангелие, Апостол и Псалтырь) нередко заменяли собой все прочие богослужебные книги.[9] Псалтырь, Евангелие-апракос и Апостол-апракос нередко были единственными книгами, имевшимися в распоряжении клира мелких захолустных церквей. Таким образом, Евангелие-апракос в древней Руси

---

[6] ГПБ, Погод. 27.

[7] В церковных и монастырских уставах, служивших руководствами при богослужении, содержатся указатели служб и текстов, читаемых в церкви. Эти указатели также приучали писцов и читателей к умению ориентироваться в содержании богослужебных книг.

[8] См., например: Е. Е. Голубинский. История русской церкви, т. I, 1-я половина. М., 1880, стр. 405—409. Напомню известное свидетельство архиепископа Геннадия, относящееся к концу XV—началу XVI в.: «А се приведут ко мне мужика и яз велю ему апостол дати чести и он не умеет ни ступити, и яз ему велю псалтырю дати и он и по тому одва бредет ... И яз прикажу учити их октении, и он и к слову не может пристати, ты говоришь ему то, а он иное говорит, и яз велю им учити азбуку, и они поучився мало азбуки да просятся прочь, а и не хотят ее учити ... А от мастера отъидет, и он ничего не умеет, только то бредет по книге, а церковного постатия ничего не знает». См.: АИ, т. I. СПб., 1841, стр. 147—148. Определения Стоглава (1551 г.) свидетельствуют о той же безграмотности духовенства. Едва ли в более ранние времена (XI—XV вв.) картина была иной.

[9] Мне кажется неверным утверждение Б. В. Сапунова о том, что в XI—XIII вв. на Руси для богослужения требовалось не менее восьми книг. См.: ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955, стр. 323. Едва ли тогда богослужение было столь же развито и совершалось по тем же правилам, что и в наше время.

как бы заменяло собой библиотеку, а указатели в евангелиях служили каталогами.

Подтверждением тому, что сами составители указателей и оглавлений к сборникам рассматривали их как своего рода библиографическое пособие, может служить предисловие к оглавлениям некоторых сборников библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря следующего содержания: «Главы настоящия в книге сей хотяй уведати, да не числит листы или тетрати, но зде вся опасно увесть. А иже хощет Христу богу помолитися или жития святых отец прочитати, и зде малым сим надписанием вся обрящет, яко бисер на злате блюде ясно сияющ и зрящим веселяющи сердце». Эти предисловия известны мне из нескольких сборников конца XVI—начала XVII в., принадлежавших некоему попу Иерофею Бурнашеву; [10] возможно, что поп Иерофей сам составил эти сборники, и, следовательно, есть автор оглавлений к ним. Слово «ищи», употребляемое в древнейших указателях, также служит доказательством того, что их составители отчетливо понимали назначение своего труда.

---

[10] ГПБ, Кир.-Бел. 190/447, л. 3—3 об.; 191/448, л. 2—2 об.; 292/549, л. 5; 232/489, л. 4—4 об.

ПО РУКОПИСНЫМ СОБРАНИЯМ

(Печатается под наблюдением В. И. Малышева)

Л. А. ДМИТРИЕВ и А. И. КОПАНЕВ

Археографическая экспедиция в Мурманскую область и Карельскую АССР летом 1960 г.

Экспедиция в Мурманскую область и КАССР 1960 г. явилась продолжением археографического обследования Беломорского побережья, начатого Институтом русской литературы совместно с Библиотекой Академии наук СССР в 1959 г.[1] С 14 июня по 5 июля были обследованы Кандалакшский и Терский районы Мурманской области (Кандалакша, Лувенга, Колвица, Княжая Губа, Ковдское, Ковда — в первом и Лесное, Умба, Порья Губа, Вялозеро, Кузьрека, Оленица, Кашкаранцы, Кузомень и Варзуга — во втором) и частично Лоухский и Кемский районы Карельской АССР (Кереть, Чупа, Кемь, Верховья, Поньгома и Шуерецкое).

Избранный впервые для обследования южный берег Кольского полуострова является древнейшим районом русских поселений на Севере. В документах XIII—XIV вв. Тре, или Терский берег, упоминается среди волостей Великого Новгорода.[2] К XV в. здесь создаются крупные промысловые владения новгородских феодалов. Вскоре после своего основания Соловецкий монастырь приобретает также земли на Терском берегу. В 60-х годах XV в. монастырь получает от Марфы Посадницы и других феодалов рыбные ловли и угодья в Умбе и Варзуге.[3] В XVI в. здесь появляются владения и других монастырей. Так, небольшая волость Умба оказалась в 70-х годах XVI в. поделенной между Кирилло-Белозерским ($^3/_4$ волости) и Соловецким ($^1/_3$ волости) монастырями.[4]

Дольше сохранила крестьянский черносошный облик волость Варзуга. В начале 60-х годов XVI в. в Варзуге имелись 3 церкви, 124 крестьянских жилых двора, 5 пустых дворов и 25 пустых мест дворовых.[5] Это было огромное по тому времени поселение. Морские тони числом более 80, расположенные от р. Оленицы до р. Пялицы, т. е. более чем на 200 километров побережья, богатые рыбные угодья р. Варзуги и других рек и озер, принадлежащих волости, обеспечивали основной промысел крестьян — рыбный.[6] Особенно был развит лов семги. В XVI в. волость вылавливала одной этой рыбы более чем на 14 тысяч рублей в год — сумма для того

---

[1] См.: Л. А. Дмитриев и А. И. Копанев. Археографическая экспедиция в Беломорский, Кемский и Лоухский районы Карельской АССР летом 1959 г. — ТОДРЛ, т. XVII. М.—Л., 1960, стр. 531—544.

[2] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Изд. АН СССР, М.—Л., 1949, №№ 1—3, 7—10, 14, 15.

[3] Там же, №№ 222, 223, 265.

[4] Собрание грамот Коллегии экономии, т. I. Пгр., 1922 (в дальнейшем СГКЭ), № 285.

[5] Там же, № 165.

[6] Там же.

времени очень значительная.[7] К богатым угодьям Варзуги постоянно тянулись жадные монастыри-феодалы, но волость веками отстаивала свои владения. Только этим можно объяснить то, что такой могущественный феодал Севера, каким был Соловецкий монастырь, смог к 70-м годам XVI в. прибрать в свои руки едва $^{1}/_{8}$ часть угодий волости.[8] В 80-х годах большую активность на Варзуге проявил Троице-Сергиев монастырь. До нас дошло около полутора десятка грамот (купчих, данных, закладных), по которым крестьянские участки в Варзуге переходили в руки этого монастыря.[9] Окончательный удар волости нанесло крепостническое государство. В 1614 г. по царской грамоте $^{1}/_{3}$ волости Варзуги перешла во владение московского Новоспасского монастыря,[10] а в 1619 г. и остальные $^{2}/_{3}$ волости были пожалованы Патриаршему дому.[11] В результате вся волость попала в руки феодалов.

Принадлежностью Варзуги и Умбы патриарху и московским монастырям отчасти следует объяснить то, что среди населения южного побережья Кольского полуострова почти не было старообрядцев. А это обстоятельство имеет важное значение для современного собирателя памятников древнерусской письменной культуры, так как, как правило, они сохраняются лишь в районах старообрядческих поселений.

Первые же беседы в Умбе с Петром Ивановичем Пироговым, бывшим председателем Терского исполкома, а теперь пенсионером, занимающимся историей края, подтвердили наши опасения. Рукописных и старинных печатных книг он не встречал, хотя и интересовался этим вопросом. Рассказал он и историю местного архива, в котором хранились волостные документы Умбы и Варзуги XVIII—XIX вв. (а может быть, и более раннего времени). В 1941 г. архив был отправлен в Мурманск, но по пути, в Кандалакше, из-за военных событий погиб.

Без больших надежд начали мы поиски старинных книг с деревни Умбы и поселка Лесного. Ни рукописных, ни старопечатных книг обнаружить здесь не удалось. Такой же результат был получен нами и при обследовании выселков XVII—XVIII вв. из Умбы и Варзуги: Кузьреки, Кашкаранцев, Оленицы и Вялозера. Встречи и беседы с жителями этих деревень убедили нас в том, что население южного берега Кольского полуострова не имело старинных книг и не знает их. Обычно в тех местах, где в настоящее время уже не сохранилось рукописей и старопечатных книг, но где они были раньше, от старожилов слышишь рассказы о «досельных» книгах, о местных книжниках, о библиотеках. Ничего подобного мы не слыхали ни в одном из названных населенных пунктов.

Несмотря на постигшую нас с самого начала неудачу, некоторые надежды мы возлагали на Варзугу, где сохранилась деревянная церковь XVII в. Успения Богородицы, в которой, по словам местных жителей, якобы имеется много каких-то книг. К сожалению, надежды эти не оправдались. В варзугской церкви книги имеются, но все они (около 50 экземпляров) представляют собой церковно-служебные издания XVIII—XX вв. В церкви сохранился деревянный крест с надписью об освящении алтаря 9 августа 1674 г. и написанная поздним почерком на листе бумаги пространная запись о ремонте церкви в XIX в. Запись эта оканчивается такими словами: «Снято со старой бывшей летописи. Писал

[7] Там же.

[8] Сборник материалов по истории Кольского полуострова XVI—XVII вв. Л., 1930, № 6.

[9] СГКЭ, т. I, №№ 247, 251, 260, 264, 265, 266, 269, 270, 273, 283, 296, 301, 302, 303.

[10] Там же, № 444.

[11] Там же, № 496.

в 1896 году Николай Коворнин. Копия верна: списывал Ефим Никифорович Коворнин 7 апреля 1955 года».

Как нам удалось выяснить, запись 1955 г. представляет собой копию с текста, висевшего ранее в церкви, но сильно обветшавшего. В настоящее время Н. И. и Е. Н. Коворниных уже нет в живых. Дочь Н. И. Коворнина, живущая в Варзуге, рассказала, что у ее отца было много книг с собственноручными записями. Н. Коворнин из года в год вел запись погоды, местных событий, записывал песни и сказки, сам сочинял песни и также записывал их. В конце 20—начале 30-х годов, как рассказала нам Феодора Николаевна Коворнина, в Варзугу приезжал какой-то Владимир Владимирович (фамилии его она не помнит), который записывал от местных жителей песни и делал многочисленные зарисовки. Он останавливался в доме Коворниных и, ознакомившись с записями Н. И. Коворнина, упросил его отдать ему весь этот материал. Как нам любезно сообщила Н. П. Колпакова, занимавшаяся в 30-х годах фольклорной работой на Терском берегу Белого моря, она хорошо знала Н. Коворнина и видела у него большую тетрадь с записями местных событий. Н. П. Колпакова назвала нам и фамилию Владимира Владимировича — это этнограф Чернолуский, как раз в конце 20—начале 30-х годов совершавший этнографические экспедиции по Кольскому полуострову. Судя по записи о ремонте варзугской Успенской церкви, Н. Коворнин имел у себя либо церковный летописец, либо какую-то местную летопись.

В Кандалакше, куда мы поехали после обследования Варзуги, нас ожидала иная картина. Первые же старики, с которыми нам пришлось разговаривать, сообщили, что в Кандалакше всегда было много староверов и рукописные книги в старой Кандалакше встречались часто. Старожил Кандалакши карел Иван Корнилович Лопинцев рассказал, что в детстве он учился грамоте у старика, имевшего большую библиотеку старых книг. Как уверял нас Лопинцев, он сам видел в этой библиотеке книги, написанные на коже и бересте.

Большое собрание рукописных и старопечатных книг, как удалось выяснить от местных жителей, было у старообрядки Марии Леонтьевны Полежаевой, умершей несколько лет тому назад. Мы разыскали племянницу Полежаевой, живущую в доме тетки. Однако никаких книг у нее не сохранилось: часть она уничтожила, часть раздала старикам и старухам. В Кандалакше нам неоднократно приходилось слышать самые различные рассказы о гибели рукописных и старопечатных книг. В одном доме с чердака мы извекли большую пачку книг, в течение многих лет лежавших как раз в том месте, где крыша протекала. Книги эти были в таком состоянии, что разваливались и крошились при одном прикосновении к ним. Все же, хотя и в очень дефектном виде, нам удалось извлечь из этой пачки сочинение Семена Денисова об осаде Соловецкого монастыря в списке XVIII в. и отдельные листки из рукописей разного времени. Старая жительница Кандалакши Ирина Демьянова Пушкарева принесла в дар Академии наук рукописи конца XV—начала XVI в. По полученным нами сведениям от местных жителей, кто-то занимался археографическими поисками в Кандалакше незадолго до Великой Отечественной войны. В результате обследования Кандалакши нам удалось приобрести 8 рукописей и 2 старопечатные книги. Все рукописи позднего времени, преимущественно церковно-служебного содержания.

Из Кандалакши мы стали продвигаться на юг по Кировской железной дороге. Первым пунктом нашего обследования в этом направлении было село Княжая Губа. Хотя когда-то здесь встречались и рукописи, и старопечатные книги, нам найти ничего не удалось. Объясняется это главным

образом тем, что несколько лет тому назад весь поселок перестраивался заново, так как через старую территорию поселка прорывался канал гидроэлектростанции. При переселении с одного места на другое никто не заботился о таком «старье», как рукописные и старопечатные книги.

После Княжой Губы мы обследовали Ковду. По рассказам местных жителей, очень много книг в Ковде погибло в 1904 г., когда во время сильного пожара за три часа сгорело более 70 дворов. Но и после этого в Ковде рукописные и старопечатные книги встречались часто. Многие говорили нам, что отдавали имевшиеся у них книги в церковь. Ковдская церковь — действующая, но священник, обслуживающий ее, находится в городе Кировске Мурманской области. Поэтому попасть в церковь мы не смогли. В Ковде мы приобрели четыре рукописные и три старопечатные книги. Две старопечатные книги, сохранившиеся из большого родового собрания Челкиных, дал нам П. К. Челкин. Интересно отметить, что Челкины в Ковде живут с самого начала XVI в.[12]

Ковдой закончилось обследование Мурманской области. Поиски рукописей в селах Карельской АССР, в которых (кроме Поньгомы) мы были уже в 1959 г., мы начали с Черной Реки. Как и в прошлый раз, нам опять не удалось застать в Черной Реке Афанасия Петровича Нифакина, у которого, как мы слышали от очень многих, должны быть рукописные книги: с ранней весны на все лето он уехал на тони и дом его закрыт. С местным фельдшером Н. В. Худяковой мы прошли почти по всем домам деревни, в результате чего приобрели три рукописи.

Повторный приезд в Кереть показал, что в 1959 г. мы в основном собрали все имевшиеся там рукописи: большинство керетчан встречало нас как старых знакомых и на наши расспросы о рукописях отвечало, что все, что было, нам отдали уже в 1959 г. Нам удалось и здесь обнаружить и приобрести еще две рукописные книги.

Посещение остальных населенных пунктов Карельской АССР (Кемь, Верховья, Поньгома, Шуерецкое) дало возможность приобрести несколько рукописных и старопечатных книг. В Шуерецком старик Т. С. Зайков, хорошо знающий рукописную и старопечатную книгу (у него мы приобрели две рукописи), рассказывал нам, что в шуерецкой Никольской церкви, сгоревшей в 30-х годах, было очень много старинных книг, и в том числе пергаменное евангелие. Т. С. Зайков предполагает, что евангелие это попало к кому-нибудь из жителей Шуерецкого; однако никаких следов этого евангелия нам обнаружить не удалось.

Всего экспедицией было собрано 30 рукописей, 9 отдельных листков из рукописей разного времени и 18 старопечатных книг. Из рукописей: 1 — конца XV—начала XVI в., 1 — XVI в., 5 — XVII в., 9 — XVIII в., 3 — конца XVIII—начала XIX в., 8 — XIX в., 3 — XX в.

Преобладающее место среди приобретенных рукописей занимают церковно-служебные тексты, представляющие интерес в палеографическом отношении. Однако целый ряд рукописей ценен для нас и с историко-литературной точки зрения. Прежде всего здесь должны быть отмечены Златоуст недельный в списке конца XV—начала XVI в. и том Четий миней за июнь—август в списке XVI в. Несомненный интерес для литературоведов и историков представляют пять сборников (2 — XVII в. и 3 — XVIII в.). В них мы встречаем такие сочинения: «Похвала к богу о сотворении всея твари» Георгия Писиды, сочинения Григория Синаита, Ефрема Сирина и Иоанна Златоуста, житие Николая Мирликийского, «Видение» Григория, Индекс книг ложных и отреченных, «Похвала о от-

[12] Сборник материалов по истории Кольского полуострова XVI—XVII вв., № 1.

шедших отцех» Анастасия Синайского, «Келейный летописец» Дмитрия Ростовского, «Летописец от Адама», старообрядческое сочинение «О страдальцах за веру христианскую — о Петре и Евдокиме» и др. Отдельными списками представлены следующие сочинения: «О отцах и страдальцех Соловецких» Семена Денисова, Страсти Христовы, отрывки из «Сказания о Флорентийском соборе» Семена Суздальца.

Для краеведов несомненный интерес представляет записная книжка крестьянина Кандалакши с записями бытового и метеорологического характера за период с 1922 по 1929 г.

Как уже отмечалось выше, наряду с рукописями собирались и наиболее ценные и редкие старопечатные книги, интересные имеющимися на них записями и оформлением. Из 18 книг 16 — издания XVII в. и 2 — XVIII в. На 11 книгах читаются владельческие и вкладные записи. Тексты этих записей приводятся полностью ниже, в описании старопечатных книг. В Минею служебную за май, издания 1627 г., вплетено 57 прекрасно исполненных рукописных листов взамен печатных. Бумага вставленных листов и почерк, которыми они написаны, подобраны столь искусно, что даже опытный глаз с трудом обнаруживает отличие рукописных страниц от печатных.

Обследование Кандалакшского и Терского берегов со всей очевидностью еще раз показало, что старообрядчество сыграло решающую роль в сохранении старинной рукописно-книжной традиции. Древность, отдаленность и изолированность того или иного населенного пункта, таким образом, отнюдь еще не являются условиями, в которых могли бы сохраниться рукописные и старопечатные книги. Первостепенное значение здесь имеет то, насколько в этих местах было развито старообрядчество. Вот почему при организации дальнейших поисков рукописного материала в Карелии и на Севере вообще должен в первую очередь учитываться этот фактор.

КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ РУКОПИСНЫХ И СТАРОПЕЧАТНЫХ КНИГ, ПРИОБРЕТЕННЫХ В 1960 г.

I. Рукописи, поступившие в ИРЛИ

1. Четья минея за июнь—август, XVI в., в лист, 388 лл., полуустав, переплет дощатый, покрытый кожей.

2. Сборник, XVII в., в 4-ку, 210 лл., полуустав, без переплета, нет начала и конца рукописи. Содержание: сочинения Григория Синаита, «Похвала к богу о сотворении всея твари» Георгия Писиды, слово Иоанна Златоуста «О покаянии к Федору мниху, испадшему».

3. Сборник, вторая половина XVIII в., в 4-ку, на 246 лл., полуустав нескольких почерков, переплет дощатый, покрытый кожей. Содержание: «Летописец от Адама», «Келейный летописец» Дмитрия Ростовского, Слово Иоанна Златоустого о лжепророках и др. На внутренней стороне верхней доски переплета запись: «Летописец от Адама. Цена 2 рубля 50 копеек. 1761 году».

4. Сборная рукопись из трех рукописей, вторая половина XVIII в., в 8-ку, 315 лл., полуустав разных почерков, переплет дощатый, покрытый кожей. Содержание: Слово Иоанна Златоуста во 2-ю неделю поста, Индекс книг ложных и отреченных, Слово о житии Ефрема Сирина, сочинения Ефрема Сирина, «Похвала о отшедших отцех» Анастасия Синайского, Слово о 10 девах Иоанна Златоуста, открывок «Слова о смокве». На л. 302 об., после текста сочинений Ефрема Сирина, имеется запись писца,

из которой явствует, что текст переписывался в 1768 г. с печатного издания сочинений Ефрема Сирина 1647 г.

5. Страсти Христовы, конец XVIII в., в 4-ку, 143 лл., полуустав, переплет дощатый, покрытый кожей, начала рукописи нет.

6. «О отцех и страдальцех Соловецких» Семена Денисова, XVIII в., в 8-ку, скоропись, без переплета, ветхая.

7. Сборник избранных служб, XVII в., в 4-ку, 328 лл., полуустав, переплет дощатый, покрытый кожей. На последнем — 328-м листе читается текст «О четырех временах года».

8. Сборник, конец XVIII в., в 4-ку, 94 лл., скоропись двух почерков, без переплета, ветхая, нет начала и конца рукописи. Содержание: слова и поучения, статьи о браке, молитвы, выписки из церковно-назидательных текстов, Указ патриарха Филарета 1621 г. о крещении белоруссов, чин обращения еретиков в православие и другие статьи.

9. Месяцеслов, 3-я четверть XVIII в., в 8-ку, 199 лл., полуустав разных почерков, переплет дощатый, покрытый кожей.

10. Церковно-служебный сборник, XX в., в 4-ку, 55 лл., полуустав, без переплета.

11. Общий канон за усопших, конец XVIII в., в 4-ку, 7 лл., поморский полуустав, без переплета.

12. Сборник, XIX в., в 4-ку, 12 лл., полуустав, без переплета. Содержание: тропари, кондаки, молитвы.

13. Сборник, XIX в., в 4-ку, 14 лл., полуустав, без переплета. Содержание: тропари и молитвы. В начале и конце на чистых листах многочисленные владельческие и хозяйственные записи.

14. Мытарство 4-е и 5-е, XX в., в 4-ку, 6 лл., полуустав, без переплета.

15. Обрывки 3 листов с текстом «Сказания о Флорентийском соборе» Семена Суздальца, XVII в., в 4-ку, скоропись.

16. Отрывок из молитвенника, XIX в., в 4-ку, 7 лл., скоропись без переплета.

17. 9 отдельных листков из различных рукописей разного времени: 1) последняя страница из какого-то жития, XIX в., в 8-ку, полуустав; 2)текст молитвы, XIX в., в 8-ку полуустав; 3) два открывка из Ирмология, XIX в., в 8-ку, поморский полуустав; 4) два листка из сборника церковно-нравоучительного содержания, XIX в., в 8-ку, поморский полуустав; 5) полоска бумаги с изображениями креста, XIX в.; 6) отрывок из крюковой рукописи, XIX в., в 4-ку, поморский полуустав; 7) отрывок из богослужебного текста, XIX в., в 4-ку, поморский полуустав.

II. Рукописи, поступившие в БАН[13]

1 (873). Златоуст недельный, конец XV — начало XVI в., в 4-ку, 236 л., несколько листов в начале и конце утрачено.

2 (861). Службы, житие, чудеса Николая Мирликийского с прибавлениями, XVII в., в 4-ку, 250 + III лл., полуустав, переплет дощатый, покрытый кожей.

3 (870). Молитвы, XVII в., в 8-ку, 2 лл.

4 (860). Минея праздничная, XVIII в., в 4-ку, 674 лл., полуустав, переплет оборван. По почерку рукопись схожа с рукописью, приобретенной в 1959 г. (№ 834).

5 (863). Псалтырь, XVIII в., в 4-ку, 208 лл., полуустав, переплет дощатый, покрытый кожей.

---

[13] В скобках дается номер Собрания текущих поступлений.

6 (864). Сборник, XVIII в., в 4-ку, 228 лл., полуустав-скоропись, переплет дощатый, покрытый кожей. Содержание: «Видение» Григория, ученика Василия Нового, выписки из церковных книг и Пролога, «О крестном знамении» — подборка слов разных авторов, в том числе Максима Грека и протопопа Аввакума, «О страдальцах за веру христианскую — о Петре и Евдокиме».

7 (862). Часослов, XVIII в., в 8-ку, 324 лл., переплет оборван.

8 (865). Сборная рукопись, богослужебная, XVIII в., в 4-ку, 50 лл., полуустав, переплет дощатый, покрытый кожей, дефектная.

9 (867). Сборник покаянных молитв, XIX в., в 8-ку, 22 лл., полуустав, без переплета.

10 (866). Канон за умерших, XIX в., в 4-ку, 8 лл., без переплета.

11 (868). Сборник служб на 2—7-ю неделю после пасхи, XIX в., в 4-ку, 66 лл., полуустав, без переплета.

12 (869). Тропари и молитвы, XIX в., в 8-ку, 13 лл., полуустав, без переплета.

13 (869). Последование отпевания умерших, XIX в., в 8-ку, 8 лл., без переплета.

14 (871). Записная книжка крестьянина с. Кандалакши, XX в., в 8-ку, 78 лл. Записи бытового и метеорологического характера.

III. Старопечатные книги

1. Евангелие. Москва, 1606. С хорошо сохранившимися, прекрасно выполненными миниатюрами четырех евангелистов и заставками. По листам запись: «Книга Евангелие митрополита Исидора Новгородского» (Исидор был новгородским митрополитом с 1604 по 1619 г.). На полях цифровые обозначения евангельских чтений, написанные от руки красными и черными чернилами.

2. Минея общая. Москва, 1609. По листам запись: «Се яз Гришка Михайлов сын Чухчин продал есми сию книгу вопшую минею Мудьюские волости, а взял асми на книги два рубли денег все вручь и подписал продажу своею рукою».

3. Минея служебная, сентябрь. Москва, 1619. По листам запись: «Положил сию книгу Минею сентеврий месяц, печать московская, в церковь Иоанна Предтечи Михей Филин сын Клепиков».

4. Минея служебная, январь, Москва, 1622. По листам запись: «Лета 7135 сентября в 21 день дал сию книгу Минею месяц генварь в дом Пречистые богородицы Николе чюдотворцу и Саватию Стефан Васильев сын Рогов».

5. Шестоднев. Москва, 1626. По листам записи: 1) «Книга куплена на келейные деньги»; 2) «Сия книга, глаголемая Шестоднев церковная Ивана Богослова да Николы Чюдотворца, а дана в казну из города с архиепископова двора».

6. Минея служебная, май, Москва, 1627. По листам запись: «Лета 7140 года апреля в 30 день дали сию книгу, глаголемую Минею месяц май в Сумском остроге в дом Пречистые богородицы и великого чудотворца Николы и преподобных отец наших Зосимы и Саватия чудотворцев сумляне Федор Андреев сын и племянники его Федор и Яков Васильевы дети Михайловы». Листы 103—158 рукописные и вплетены в книгу в XVII в.

7. Минея служебная за июль месяц. Москва, 1629. По листам запись: «Лета 7139 мая в 30 день дал сию книгу Минею месяц июль в дом Пречи-

стые богородицы к Николе чюдотворцу и преподобным чудотворцем Зосиме и Саватию Соловецкого монастыря хрестьянин Сумския волости Стефан Васильев сын Рогуев и дети его Калина да Иван».

8. Минея служебная за декабрь месяц. Москва, 1636. По листам запись: «1703 году сентября в 2 день Соловецкого монастыря архимандрит Фирс дал сию книгу в церковь чудотворца Николая Шуерецкия волости вечно в поминание души своея и записать бы ея вкладом в синодике церковном. Подписал ея послушник его монах Ворсонофей своею рукою».

9. Евангелие. Москва, 1637.

10. Пролог с сентября по ноябрь. Москва, 1643. По листам запись: «Лета 7152 году февраля в 11 день куплена сия книга Пролог первая половина месяца сентября на казенные деньги на Кострому в Воздвиженский монастырь при архимарите Тихоне да при казначее старце Федорите з братиею, а подписал сию книгу Пролог по приказу архимарита Тихона з братиею товож Воздвиженского монастыря казначей подьячей Афонька Галахтионов».

11. Минея служебная за февраль месяц. Москва, 1646.

12. Триодь постная. Москва, 1650.

13. Часовник. Москва, 1652. По листам запись, но стерлась. Теперь читается «... часовник Кольского...».

14. Ефрем Сирин и авва Дорофей. Москва, 1652. Только начальные листы, на них запись: «Лета 7185 положил сию книгу по обещанию своему в дом воскресения Христова Пречистые богородицы Успенью Соловецкого монастыря старец Иона и по смерти его поминати за сию книгу оставленую. Аще же жела же кто восхощет сию книгу утаити или усвоити, яко Анна и Сапфира, или усвоити, яко Ахорь сын Хармиев, да отметет от него господь бог святую свою милость и затворит двери святых своих щедрот. И да придут на него клятвы, яже во Второзаконии Моисей писа, трепет Каинов, проказа Гнезиева, еще же и гражданских законов бысти ему неотреченну. В будущем же веце буди анафема и душа его да причтется с бесы лукавыми во огнии негасимом в бесконечныя веки. Аминь».

15. Ефрем Сирин и авва Дорофей. Москва, 1652. На выходном листе указана дата «свершения» книги 1 января 7160 г. По листам записи: 1) «Сия книга Ефрем Сирин и аввы Дорофея попа Ивана Давыдова сына и сына его Никифора Иванова сына Попова, а подписал сын его Никифор своею рукою лета 7160 году месяца генваря в 1 день»; 2) «Сия книга, глаголемая Ефрем Сирин и аввы Дорофея Ивана Иванова сына Давыдова, а продал ее Иван сию книгу в ... (*далее неразборчиво*)»; 3) «Сию книгу, глаголемую Ефрем Сирин с аввою Дорофеем благословил поп Григорей Микифоров Онтона Степанова сына Глотова, а подписал яз поп Григорей своею рукою»; 4) «Сия книга преподобного и богоносного отца небесного Ефрема Сирина и аввы Дорофея крестьянина Ивана Васильева Балагурова. Подписал своею рукою в том что его собственная лета от мироздания 7383 года. Куплена у инока Иосифа, жившего в пустыни»; 5) «Сия книга Шуерецкой волости крестьянина Василья Никитина Балагурова, а принадлежит она сыну его Ивану Балагурову. Своеручно подписал 1844 году Иван Балагуров». Книга оставалась в роде Балагуровых и в XX в., о чем свидетельствует вложенная в книгу квитанция на порубку леса в 1907 г., выданная Шуерецким волостным правлением Т. Балагуровой.

16. Часослов. Москва, 1653.

17. Псалтырь. Вильна, 1780.

18. Святцы. Супрасль, 1796.

Д. М. БАЛАШОВ и Ю. К. БЕГУНОВ

Поездка за рукописями в Печорский район Коми АССР в 1960 г.

В июне 1960 г. Сектор древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР направил на среднюю Печору археографическую экспедицию в составе младшего научного сотрудника Ю. К. Бегунова и научно-технического сотрудника Д. М. Балашова. Экспедиция имела целью проверить район, расположенный по среднему течению р. Печоры, от дер. Соколово до с. Подчерье, ранее не обследованный.

Мы начали свою работу в новом городе Печора — центре Печорского района, откуда совершили несколько радиальных маршрутов: на север — вниз по течению р. Печоры до с. Соколово, на юг — вверх по течению р. Печоры до с. Подчерье, на северо-восток — по Северной железной дороге до ст. Сынъя и вверх по течению р. Сынъя до дер. Кыдзрасъю, ст. Косью Северной железной дороги и далее вниз по течению р. Кожима до дер. Кожимвом; дважды поднимались по притокам Печоры: Щугору — до дер. Мичабичевник, Подчерему — до дер. Орловка. Всего за 25 дней полевой работы было обследовано 22 населенных пункта: Соколово, Песчанка, Усть-Кожва, Кожва, Печора, Медвежское, Конецбор, Аранец, Даниловка, Ворошиловка, Корольки, Усть-Воя, Пиняиз, Усть Большой Сопляс, Усть-Щугор, Андроново, Сынъя, Кыдзрасъю, Косью (все Печорского района), Подчерье и Орловка (Троицко-Печорского района), Кожимвом (Интинского района).

Активное освоение средней Печоры начинается еще в первой половине XVII в.

В XVII в. рыбными тонями и звериными ловищами по рр. Печоре, Щугору, Подчерему уже владели чердынцы и коми-вычегодцы. Обилие богатых и незанятых лесных угодий и водных пространств, отдаленность от больших дорог и городов создавали благоприятную возможность для бегства сюда людей «старой веры». Здесь, в непроходимой тайге, они могли искать спасения от преследований никонианской церкви и правительства. Заселение средней Печоры в XVIII—XIX вв. происходило постепенно: с юга, через Троицко-Печорск, вычегодцами и чердынцами, с севера ижемцами и усть-цилемцами. Первые насельники этого края — коми по национальности — были старообрядцами старопоморского согласия. В первой половине XVIII столетия старообрядцы Демид Пыска и Василий Сыска с Мылвы положили начало дер. Аранец; около 1770 г. выходец из Усть-Цильмы Соколов основал дер. Соколово. В середине — второй половине XVIII в. на средней Печоре возникли деревни с коми населением Красный Яг (1745 г.), Позориха, Усть-Сопляс, Усть-Щугор, Подчерье и др.

В. Н. Латкин,[1] Ф. М. Истомин[2] и Е. П. Савостьянов,[3] а позднее советский этнограф В. Н. Белицер[4] отмечали особую твердость в вере печорских старообрядцев. Усть-сысольский земский врач Е. П. Савостьянов в своих неопубликованных записках дал наиболее подробное описание края в географическом, экономическом и историко-культурном отношении. Но он, так же как и другие, писавшие об этих местах, ничего не сказал о книгописных центрах и переписи рукописей на средней Печоре.

Как удалось установить, старинная книга проникла на среднюю Печору двумя путями — с севера и с юга: 1) из старообрядческих центров Пижмы и Цильмы, через посредство ижемцев и усть-цилемцев; 2) из Москвы и Чердыни, через посредство вычегодцев и чердынцев.

В XVIII—XIX вв. скитов и келий, книгописных центров на средней Печоре не было. В конце XIX в. книгописание возникает в селах Медвежское, Аранец, Усть-Щугор и Подчерье; в 20-е годы XX в. — на р. Щугоре, выше дер. Мичабичевник — (в деревнях Климады, Б. и М. Поток, Гордью, Сёдью, Кедровый, Лыскоды) и на р. Подчереме, выше дер. Орловка (Емель-Устье, Кожвелдор и др.).

После 1923 г. на Печоре, от верховьев до с. Подчерье, и на притоках Печоры (Унья, Илыч и Подчерем) появляется группа «скрытников» (13 человек) из Чердынского уезда Пермской губернии. Получив отпор на Щугоре, они далее на север не пошли. «Скрытники» Иварес, Никон, Евсевий, Аристарх, Филатер, Ляга Степан и Ляга Илья скопили у себя значительные книжно-рукописные богатства, сами переписывали книги, рисовали миниатюры, издавали собственный рукописный журнал.[5] Однако остатки «скрытнических» библиотек на средней Печоре нам обнаружить не удалось.

Лет 20—30 тому назад библиотеками старинных книг владели жившие по р. Щугор коми И. И. Шахтаров (по рассказам старожилов, он вывез со Щугора четверо полных саней старинных книг), П. Ф. Мезенцев, А. Н. Денисов, С. Ф. Мартюшов; они и сами нередко переписывали гусиными перьями пришедшие в ветхость книги и рисовали красочные миниатюры. В верховьях рек Сынъя и Аранец перепиской книг занимался А. И. Логинов.

В настоящее время остатки этих библиотек находятся у К. А. Мартюшова и его сына Тихона (дер. Кыдзрасъю), которых называют здесь «главными хранителями старой веры», у С. А. Мамонтова (с. Медвежское), у А. Ф. Мезенцева (дер. Кожимвом), у А. Н. Шахтаровой (дер. Аранец), у П. С. Шубина (пос. Воя), А. Ф. Мартюшова (дер. Андроново). Самым значительным среди них является собрание С. А. Мамонтова, насчитывающее несколько десятков старопечатных книг, в том числе «Поморские ответы», полный круг Миней, лицевое Житие Петра и Февронии, лицевое Житие Василия Нового, лицевой Апокалипсис,

---

[1] Дневник Василия Николаевича Латкина во время путешествия на Печору в 1840 и 1843 годах. — Записки Русского географического общества, кн. VII. СПб., 1853, стр. 1—154.

[2] Ф. М. Истомин. 1) Поездка в Печорский край летом 1889 года. — Известия Русского географического общества, т. XXVI. СПб., 1890, стр. 142—170; 2) О религиозном состоянии обитателей Печорского края. (Из путевых наблюдений). — Церковные ведомости. СПб., 1890, № 19, от 8 мая.

[3] Е. П. Савостьянов. Печорский край Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии. Рукопись 1900—1903 гг. — Всероссийское географическое общество, отдел VII. I, № 98.

[4] В. Н. Белицер. Очерки по этнографии народов коми XIX—начала XX в. М., 1958, стр. 317—318.

[5] См.: Ю. К. Бегунов, А. С. Демин и А. М. Панченко. Археографическая экспедиция в верховья Печоры и Колвы. — ТОДРЛ, т. XVII. М.—Л., 1961, стр. 547.

прологи, соборники, «Книга о правой вере», Златоуст, «Церковное око» и многие другие. У него мы получили несколько рукописей, в том числе Житие Андрея юродивого XVII в. У С. А. Мамонтова еще остались Цветник XIX в., в 8-ку, содержащий выписки из Пролога и других книг, с владельческой записью Л. Логинова из Сынъи; «Соборное изложение и послание Филарета о белорусцех» XIX в.; сборник крюкового пения XVIII в., в 4-ку, украшенный поморским орнаментом; три рукописных «Устава» XVIII в. и другие богослужебные рукописи.

В селе Медвежском мы приобрели всего 9 рукописных книг, некоторые из них оказались пижемского происхождения. Большим собранием икон и старопечатных книг (30—40 единиц) владеет П. С. Шубин (пос. Воя). Однако ценных рукописей мы у него не обнаружили.

В деревушке Кыдзрасъю, расположенной в верхнем течении р. Сынъя, пергаменной рукописи, о которой нам рассказывали старожилы, мы не нашли.

Не застали дома А. Ф. Мезенцева (дер. Кожимвом) и А. Н. Шахтарову (дер. Аранец), уехавших при нашем приближении к этим деревням «в гости». У А. Ф. Мезенцева, по рассказам старожилов, имеется 16 лесных охотничьих избушек по рр. Вангыру и Кожиму и в каждой есть книги. Среди них, как утверждают, находится сборник, по-видимому, содержащий Хронограф и «Повесть о взятии Царьграда».

В дер. Кожимвом нам все же удалось познакомиться с собранием старопечатных книг А. Ф. Мезенцева, но среди них редких и ценных не нашлось.

Всего нам удалось приобрести 16 рукописных книг XVI—XX вв. Большинство составляют рукописи литературного и исторического содержания. Внимание привлекает сборник литературных произведений (№ 2) из с. Медвежское, принадлежавший М. Г. Гордейчик и писанный разными полууставными и скорописными почерками последнего десятилетия XVII и первых десятилетий XVIII в. В него входит «Сказание о дающих сребра в лихву» — повесть о новгородском посаднике Щиле — с интересными разночтениями (третья редакция).[6]

В сборник входит также список самой полной редакции Жития Александра Невского, составленной в конце XVI в. Ионой Думиным, но без четырех последних чудес, присоединенных составителем к уже известным по Владимирской редакции Жития чудесам после 1572 г. Возможно, что наш список отражает один из наиболее ранних этапов работы Ионы Думина.

Житие Иосифа Волоцкого, находящееся в том же сборнике, представлено редакцией Саввы Черного и дает более полный текст, чем изданный ранее список.[7] В нем содержится краткая духовная грамота, 12 чудес и «Слово похвальное Иосифу Волоцкому».

В сборнике встречаются также списки Повести о создании царьградской церкви св. Софии, Житие Диодора Юрьевогорского, последнее в редакции, до сих пор не изданной, и др. Сборник этот, по словам его владелицы М. Г. Гордейчик, был привезен с Пижмы известным начетчиком Е. Т. Поздеевым в 1913 г. и подарен ее матери.[8]

---

[6] И. П. Еремин. Из истории старинной русской повести. «Повесть о посаднике Щиле». (Исследование и тексты). — В кн.: Труды Комиссии по древнерусской литературе АН СССР, т. I. М.—Л., 1932, стр. 141—145.

[7] К. Невоструев. Житие преподобного Иосифа Волоколамского, составленное Саввою, епископом Крутицким. М., 1865.

[8] Наставник Ефимко (Ефим Тимофеевич Поздеев) в течение многих лет был на средней Печоре первым знатоком старинных книг. От Медвежского до Троицко-Печорска

Среди других рукописей отметим «Путник» Марка Топозерского, несколько сборников духовных стихов и др.

На среднюю и верхнюю Печору необходимо организовать еще одну археографическую экспедицию, чтобы обследовать населенные пункты к югу от с. Подчерье до Троицко-Печорска: Лебяжское, Лемты-бож, Вятский норыс, Дутово, Возино, Сабинобор, Дема, Пашно, Евтюгинская, Овинино, Митрофановская, Кодач, Петрушино, кельи «скрытников» по р. Малому Кодачу, населенные пункты по р. Илычу и верховьям р. Печоры (выше с. Усть-Унья). Не исключены еще отдельные находки и на средней Печоре, в с. Медвежском и в лесных избушках А. Ф. Мезенцева.

Приносим нашу искреннюю благодарность за помощь заместителю председателя Печорского райисполкома А. Ф. Ветчинкину, учителям-пенсионерам Д. А. и О. А. Осиповым (г. Печора), лесничему В. Ф. Гояну (дер. Косъю), А. Д. и М. Г. Гордейчик и С. А. Мамонтову (с. Медвежское).

КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ, СОБРАННЫХ В ПЕЧОРСКОМ РАЙОНЕ КОМИ АССР В 1960 г.

I. Рукописи исторического и литературного содержания

1. Житие Андрея юродивого цареградского, XVII в. (последняя четверть), в 4-ку, 195 лл., скоропись, переплет дощатый, покрытый кожей. Нескольких начальных листов недостает. На л. 195 об. приписка: «Сия книга, глаголемая Андрея, иже Христа ради юродивого цареградского. А подписал на ней сице: езир гюмтип лщоемугно». Последние три слова, зашифрованные простой литореей, открывают имя писца: «Ефим Чюркин своеручно». Из с. Медвежское.

2. Сборная рукопись, XVII—XVIII вв., в 4-ку, 321 лл. (имеются отдельные листы на бумаге XIX в., заменяющие несколько утерянных), полуустав и скоропись разных почерков. Начальных и конечных листов рукописи недостает. Содержание: Повесть о посаднике Щиле (третья редакция), житие Александра Невского, составленное Ионой Думиным, Житие Иосифа Волоцкого, составленное Саввой Черным, Житие Диодора Юрьевогорского и тропарь ему, Повесть о создании царьградской церкви св. Софии, Житие Авраамия затворника, составленное Ефремом Сирином, жития Кирика и Улиты, Алексея, человека божия, Семи эфесских отроков, выписки из «Книги о правой вере», Псалтыри, «Ответы» Афанасия Великого на вопросы Антиоха и др. Из с. Медвежское.

3. Сборник, XVII—XVIII вв., в 4-ку, 329 лл. (имеются реставрированные бумагой XIX в. листы), полуустав, переплет дощатый, покрытый кожей, с одной застежкой и с остатками второй застежки. Имеются владельческие приписки Тимофея Ивановича Носова от 3 июля 1899 г. Содержание: выписки из «Книги о правой вере», напечатанной в Москве в 1648 г., о церкви, об антихристе, о суде божием и т. д. Поучение отца Памвы к ученику, выписки из Патерика о пении в церкви и т. д. Из с. Медвежское.

он возил с собой две-три лодки, доверху груженные богослужебными и четьими книгами, с помощью которых вел свои ученые беседы со стариками. Большинство рукописей, найденных в Медвежском, привезены с Пижмы, в том числе сборник Т. И. Носова (№ 3) и сборник пижемского писателя А. М. Бажукова (№ 6).

4. Сборная рукопись, XVIII в. (вторая четверть), в 4-ку, 366 лл., скоропись разных почерков, переплет дощатый, покрытый кожей, с остатками одной застежки, в плохой сохранности. Владельческие и читательские приписки почерками XIX в.: крестьянина Вологодской губернии Усть-Сысольского уезда Ивана Васильевича Пыстина, Якова Иевлиевича Логинова, его сына Козмы, его брата Данилы и племянника Осипа, внучатого племянника Василия, Григория Сидоровича Щипунова и др. Содержание: выписки из книг Лествица, Апостола, Толковой псалтыри, Толкового евангелия, Златоуста, напечатанных при царе Алексее Михайловиче. Из дер. Андроново.

5. Сборник, XVIII в. (третья четверть), в 4-ку, 95 лл., скоропись. Рукопись в плохой сохранности. Содержание: «Макариево видение», слова Иоанна Златоуста, Исидора, Макария Великого, Евагрия, поучения «В неделю о блудном сыне», «В неделю мясопустную» и др., выписки из Скитского патерика, Старчества аввы Дорофея и др. Из дер Косъю.

6. Сборник, XIX в. (конец), 172 лл., в 4-ку, полуустав, переплет дощатый, покрытый кожей, с остатками застежки. Имеется запись о том, что книгу писал пижемский писатель Андрей Михайлович Бажуков, а купил ее Петр Мезенцев. Содержание: выписки об исповедании и покаянии из Кормчей книги, Часовника, Поморского устава, Послания митрополита Фотия во Псков о покаянии, из тропарей. Из дер. Аранец.

7. Сборник духовных стихов, XIX в. (конец), 108 лл., в 4-ку, полуустав, заставки и инициалы, переплет дощатый, покрытый холстом. Содержание: стихи об Иосифе Прекрасном, о памяти смертного часа, «А как жили мы, грешницы, на вольном свету. . .», плач Адама, о «младой юности», О Борисе и Глебе, о прекрасной пустыни, об Андрее Денисове («Европа ты славнейшая. . .»), на рождество Христово, о распятии Христовом, «С другом я вечер сидел. . .», стих-молитва богородице, о пустыни («Прекрасная мати пустыня. . .»), о последнем времени, «Ох, ты время, время злое», стих и плач Иосафа царевича. Из с. Медвежское.

8. Сборная рукопись, XIX в. (конец), 94 лл., в 4-ку, полуустав двух почерков, переплет картонный, покрытый кожей. Содержание: апокрифическое слово Епифания Кипрского «О погребении тела господа нашего Исуса Христа», отрывки из Псалтыри. Из дер. Орловка Троицко-Печорского района.

9. Сборная рукопись, XIX в. (конец), 157 лл., в 4-ку, полуустав и скоропись, переплет дощатый, покрытый материей. Содержание: «Макариево видение», «Нифонтово видение», «Пафнутиво видение», «Повесть о 12 снах царя Мамера», «Слово о милостивом Созомоне», слова Иоанна Златоуста «О прельсти дияволи», «О суде», слово Нила Синаита «О осми помыслех», поучение «О молитве Исусове», выписки из Цветника, Пролога, Хронографа, Пчелы, Книги старчества, «Великого Зерцала» и др. Из с. Медвежское.

10. Отрывки об основании, разорении и запустении Царьграда, XIX в. (конец), в 4-ку, 6 лл., скоропись. Из с. Медвежское.

11. Путник Марка Топозерского, XIX в. (конец), в 4-ку, 6 лл., полуустав, одного последнего листа рукописи недостает. Из с. Медвежское.

12. Сборник духовных стихов, XIX в. (конец), в 4-ку, 13 лл., скоропись, переплет бумажный. Содержание: стихи о Борисе и Глебе и о последнем времени. Из дер. Кожимвом Интинского района.

13. Сборник духовных стихов, XIX в., 13 лл., полуустав. Содержание: стихи о потопе, «О умолении матери своего чада», «Среди самых юных лет вяну я, аки нежный цвет. . », заключенного в темнице, «Младый инок», «Во утешение скорбных посижений». Из с. Медвежское.

II. Рукописи церковно-служебные

1. Сборник канонов и служб, XVI в. (конец), в 4-ку, 310 лл., полуустав, переходящий в скоропись, от переплета сохранилась одна доска, покрытая кожей. Начальных и конечных листов рукописи недостает. Владельческие приписки XVIII и XIX вв. Андрея Шмакова, Дмитрия Дмитриева, рисунок купели Силуамля в Царьграде и др. Из пос. Усть-Воя.

2. Псалтырь, XVIII в. (последняя четверть), в 4-ку, 306 лл., полуустав, инициалы, переплет дощатый, покрытый кожей, в плохой сохранности. Владельческие приписки XIX в. писаря дер. Усть-Кожвы Максима Максимовича Канева. Из с. Соколово.

3. Исповедание, 1916 г., 1 л., скоропись. Из с. Медвежское.

А. М. ПАНЧЕНКО

Отчет об археографической экспедиции в Красноборский район Архангельской области и г. Тотьму Вологодской области в 1960 г.

В 1957 г. С. И. Тупицын, учитель средней школы с. Красноборска Архангельской области, прислал в адрес хранителя собрания древнерусских рукописей Пушкинского Дома сборник XVIII в., в составе которого находились Повесть о царице и львице, Иерусалимский свиток, выписки из Стоглава и пр. (см. ниже описание). Эта рукопись была найдена в одном из окрестных сел при сборе экспонатов для местного музея. В последующие годы С. И. Тупицын продолжал собирать старинные рукописные книги. В августе 1960 г. Сектор древнерусской литературы направил меня в Красноборск, где я провел четыре дня — с 13 по 17 августа.

Красноборск, бывший заштатный город Сольвычегодского уезда Вологодской губернии, расположен на левом — высоком берегу Северной Двины, примерно в 90 километрах от Сольвычегодска и в 40 от Котласа. Красноборск был основан еще в XVI в., но большим городом так и не стал, хотя и был во время существования Вологодского наместничества, с 1780 по 1796 г., центром одного из уездов Великоустюжской провинции.

По-видимому, Красноборск не был особенно значительным опорным пунктом старообрядчества, хотя в его окрестностях, главным образом по р. Уфтюге, старообрядцы селились охотно. По данным конца прошлого столетия, в Красноборске насчитывалось всего 709 жителей, а старообрядцев среди них — только 9. Эта цифра говорит сама за себя, даже если учесть, что некоторые, возможно, скрыли свою приверженность к «расколу». Причиной того, что православие занимало в Красноборске столь сильные позиции, была, несомненно, миссионерская деятельность Вологодской епархии. Поскольку расположенный на речном пути Красноборск был легко доступен, особенных препятствий эта деятельность не встречала.

Работа в Красноборске началась с посещения школьного музея, которым руководит С. И. Тупицын. В музее оказалось пять рукописных и несколько старопечатных книг, бóльшую часть которых С. И. Тупицын любезно передал Институту русской литературы (см. описание). Из оставшихся в музее книг следует упомянуть крюковой Ирмологий XX в. (начало), в 4-ку, 337 лл., подражание полууставу, переплет дощатый, обтянутый тисненой кожей, с двумя латунными застежками. Ирмологий, украшенный многочисленными заставками и инициалами, — примечательный образец местного книгописного искусства; он выполнен покойным Н. Шестаковым, жившим в окрестностях Красноборска, в дер. Изосимово (Про-

кино). В музее находится также превосходно сохранившийся экземпляр острожского издания «Слов» Василия Великого (1594 г.).

В Красноборске я познакомился с библиотеками местных краеведов и книголюбов П. Г. Зашихина и В. А. Никонова. У первого хранится семь указов из консистории епископа Великоустюжского и Тотемского Варлаама (60-е годы XVIII в.), копия указа Екатерины II «о прилипчивой болезни», межевая книга 1782 г., попавшая к П. Г. Зашихину из Белослудской волостной избы, а также другие, более поздние материалы документального характера.

В. А. Никонов — владелец семейного архива зажиточных красноборских крестьян Копыловых, к роду которых принадлежала его жена. Самые ранние документы архива относятся к середине XVIII в., а архив в целом, несомненно, имееет большое значение для истории Красноборска. В библиотеке В. А. Никонова нашлись две рукописные тетрадки конца XVIII— начала XIX в., содержащие Повесть о Бове и «Мучение старообрядца Копылова» — местное, по всей вероятности, неизвестное произведение.

В течение двух дней я обследовал около десятка деревень, входящих в Белослудский и Юрьенаволоцкий сельсоветы: Большую Слуду (Кулигу), Изосимово (Прокино), Пифилево (Лошово), Давыдково (Чудово), Сенькинскую, Красавино, Толщу (Борок) и др.

Наиболее интересное собрание старинных книг оказалось у М. И. Шестаковой, вдовы упомянутого книголюба и рисовальщика Н. Шестакова (дер. Изосимово), который был выходцем из семьи старообрядца-поморца. У М. И. Шестаковой сохранилась только часть библиотеки покойного мужа. Все рукописи, которые показала владелица, я привез в Институт. Среди них — Апостол начала XVII в., Цветник священноинока Дорофея XVIII в., списки повестей о Петре и Февронии, о табаке, сборники стихов (XIX в.) и пр. Кроме того, М. И. Шестакова передала мне несколько лубочных картинок прошлого столетия и четыре миниатюры, рисованные ее мужем примерно четверть века назад.

П. В. Коптев (дер. Пифилево) охотно уступил мне единственную свою рукопись — сборник первой половины XVIII в., содержащий между прочим «Хождения» Василия Позднякова и Василия Гагары.

По рассказам местных жителей, очень большая библиотека старинных книг была у А. П. Осиева, скончавшегося в 1959 г. в дер. Толща. К сожалению, все книги А. П. Осиева были розданы хозяйкой дома в окрестные села, а часть библиотеки, по ее словам, даже увезена в Красноярский край. Удалось разузнать несколько адресов теперешних владельцев книг А. П. Осиева, но побывать у них мне не пришлось, — главным образом по недостатку времени.

Несколько рукописей — это были последние находки — я обнаружил в Юрьенаволоцкой церкви. Из них заслуживает внимания Толковая псалтырь конца XVI в., состоящая из рукописи и печатной книги приблизительно одного времени.

Всего в Красноборском районе мною собрано 29 рукописей (включаю сюда и сборник, присланный в 1957 г. С. И. Тупицыным), которые по времени распределяются следующим образом: XVI в. — 1, XVII в. — 2, XVIII в. — 8, XIX в. — 13, XX в. — 5. Только пятая часть рукописей — служебного характера, остальные содержат литературные и исторические произведения, большинство которых читается в составе сборников. Из русских сочинений отметим повести о взятии Царьграда, о сожжении греческих книг Магометом, Житие Тита Печерского, «Хождения» Василия Позднякова и Василия Гагары, Повесть о Петре и Февронии, жития Прокопия и Иоанна Устюжских (два списка; один из них — полный, со-

держит повесть о бесноватой Соломонии и другие чудеса). Среди переводных памятников — повести об Аггее, Бове, Космография, жития Алексея, человека божия, Екатерины, Кирика и Улиты, Николая Мирликийского и др. Имеется также значительное число апокрифических (Иерусалимский свиток и др.) и старообрядческих (повести о табаке, антихристе, «Мучение Копылова») произведений, несколько стихотворных сборников и крестьянских писем. Кроме того, следует упомянуть печатные Устав (1634 г.) и Псалтырь с восследованием (1642 г.) — обе книги присланы С. И. Тупицыным.

По моему мнению, археографические разыскания в Красноборском районе должны быть продолжены и продолжены немедля, иначе имеющиеся здесь рукописи может постичь судьба книг А. П. Осиева.

С 19 по 22 августа я пробыл в г. Тотьма Вологодской области, где работал в местном архиве, краеведческом музее и районной библиотеке.

Тотемский краеведческий музей образован в 1920 г. Его собрание составилось из материалов Тотемского отделения Вологодского общества изучения Северного края. В Тотьме работали такие известные ученые и любители-краеведы, как этнограф и геолог М. Б. Едемский, художник Ф. М. Вахрушев, художник-археолог Е. И. Праведников, историк и естествоиспытатель Н. В. Ильинский, перу которого принадлежат статьи и брошюры о прошлом Тотемского района.

Собрание старинных документов, рукописных и старопечатных книг Тотемского музея образовано из материалов местных архивов, из пожертвований тотемских собирателей; часть книг поступила из местной Троицкой церкви. Из документальных материалов назовем писцовые книги Тотемского уезда 1624 г., Сотную с них (1630 г), грамоты, указы, челобитные архиепископам Вологодским и Белозерским, старейшие из которых датируются началом XVII в., межевые книги и т. д.

Среди старопечатных книг, общим числом 29, древнейшая — напрестольное Евангелие 1654 г. с вкладной записью княгини А. В. Одоевской в Троицкую церковь (скоропись третьей четверти XVII в.), имеются первые издания «Камня веры» Стефана Яворского и «Розыска о раскольнической брынской вере» Дмитрия Ростовского. Следует назвать лубочные картинки XVIII—XIX столетий, среди которых — «История о славном и храбром Илье Муромце» и «Еруслан Лазаревич».

Рукописных книг в Тотемском музее немного. В их числе служебная Минея (май—июнь) XV в. (конец), купленная краеведом Н. Н. Поповым в дер. Будринская Заборской волости Тотемского уезда. Прежний владелец Минеи утверждал, что она привезена из старообрядческих районов Поморья. Имеется также сборник XVIII в. с Повестью о Варлааме и Иоасафе, духовными стихами об Иоасафе и пр., — все это переписано с печатного издания. К XVIII в. относятся также Житие Иоанна Лествичника, сборник сочинений Дмитрия Ростовского и Октоих на линейных нотах.

В Тотемском архиве и районной библиотеке старинных документов, рукописных и старопечатных книг нет.

КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ, СОБРАННЫХ В КРАСНОБОРСКОМ РАЙОНЕ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ В 1960 г.

I. Рукописи литературно-исторического характера

1. Сборник, XVIII в. (начало), в 8-ку, 61 лл., скоропись, переплет картонный, покрытый кожей. Имеются владельческие записи крестьян Лябельской волости Юрьевых. Содержание: Повесть о царице и львице,

Иерусалимский свиток, Сказание о кадиле, Список чудотворных богородичных икон. Из с. Красноборска, прислан С. И. Тупицыным в 1957 г.

2. Сборник, XVIII в. (первая половина), в 8-ку, 334 лл., скоропись, переплет дощатый, покрытый кожей. Содержание: повести о царе Аггее, о взятии Царьграда, о сожжении книг греческих турецким султаном Магметом (Ивана Пересветова), Космография, жития Алексея, человека божия, Тита Печерского, Кирика и Улиты, Прокопия Устюжского, Екатерины, Николая Мирликийского и др. Из Красноборского школьного музея.

3. Сборник, XVIII в. (третья четверть), в 4-ку, 90 лл., скоропись, в бумажном переплете, от которого сохранилась только верхняя крышка. Конец рукописи утрачен. На л. 73 запись почерком XVIII в.: «Сия книга Белослуцкого стану, Давыдовы слоботки, деревни Боровского Займища крестиянина ... Зашихина...». На полях многочисленные читательские пометы. Содержание: «Хожения» Василия Позднякова и Василия Гагары, Путник Епифания Мниха, Иерусалимский свиток, «Слово о чудесах ... от иконы богородицы ... в Царьграде», «Слово о некоем юноши, как убил отца и матерь свою...». От П. В. Коптева, дер. Пифилево.

4. Цветник священноинока Дорофея, XVIII в. (конец), в 8-ку, 463 лл., скоропись, переплет дощатый, покрытый кожей. От М. И. Шестаковой, дер. Изосимово.

5. «Страдание старообрядца Копылова», XVIII в. (конец)—XIX в. (начало), в 4-ку, 16 лл., скоропись, без переплета, начало рукописи утрачено. На л. 16 об. многочисленные читательские записи и пометы. От В. А. Никонова, дер. Мануиловская.

6. Повесть о Бове, XVIII в. (конец)—XIX в. (начало), в 4-ку, 25 лл., скоропись, без переплета, начало и конец утрачены. От В. А. Никонова, дер. Мануиловская.

7. Старообрядческое письмо «о жительстве во едином месте», XVIII в. (конец)—XIX в. (начало), в 4-ку, 1 л., подражание полууставу. От М. И. Шестаковой, дер. Изосимово.

8. Сборник, XVIII в. (конец)—XIX в. (начало), в 8-ку, 204 лл. (лл. 1—1 об., 204—204 об. чистые), скоропись, переплет дощатый, покрытый кожей, с остатками двух медных застежек. Содержание: Житие Василия Нового и «Видение» Григория, «Поучение ... о прелести мира сего, яко добро и полезно есть бежати мира...» (текст без конца). Из Красноборского школьного музея.

9. Старообрядческое письмо о браках, XIX в. (первая треть), в лист, 1 л., скоропись, текст без начала и конца. От М. И. Шестаковой, дер. Изосимово.

10. Сборник, 1872 г., в 4-ку, 236 лл., подражание полууставу, переплет дощатый, обтянутый кожей, с двумя железными застежками. На л. 236 об. запись (тем же почерком, что и текст): «Начата сия книга Прокопия и Иоанна мисеца июля 12 день, кончена октября 26 день, святаго великомученика Димитрия, 1872 года». На л. 1 пометки почерком А. П. Осиева: «Сию книгу писал Федор Матвеевичь Сметанин, д. Суковейской, 1872 года. Читал ее 1948 г. Осиев Андрей Пионов». Содержание: Житие Прокопия и Иоанна Устюжских, чудеса от их икон (повести о бесноватой Соломонии, об избавлении Великого Устюга от ляхов и др.). Из Красноборского школьного музея.

11. Повесть о Петре и Февронии, XIX в. (конец), в 4-ку, 8 лл., (лл. 7—8 об. чистые), скоропись, без переплета. Начало рукописи утрачено. От М. И. Шестаковой, дер. Изосимово.

12. Сборник, XIX в. (конец), в 8-ку, 14 лл. (лл. 1—2 об. чистые), новейшего письма, без переплета. Содержание: «Сказание вкратце о Царе-

граде ... и о турских царех, и како бысть взят Царьград от турского Магмета» (из Хронографа), выписки из Барония. Из дер. Юрьенаволок.

13. Сборник, XIX в. (конец), в 8-ку, 44 лл., скоропись, без переплета. Начало и конец рукописи утрачены. Содержание: Повесть о табаке и Сказания об антихристе. Из дер. Юрьенаволок.

14. Сборник, XIX в. (конец), в 4-ку, 8 лл., скоропись, без переплета. Начало рукописи утрачено. Содержание: «О пришествии Июды ... во Иерусалим», «О возвещении ... Христа ... богородице, яко идет на страсть вольную» (из Страстей Христовых). От М. И. Шестаковой, дер. Изосимово.

15. «Слово о некоем юноши, како убил отца и матерь свою...», XIX в. (конец), в 8-ку, 7 лл. (лл. 5 об.—7 об. чистые), подражание полууставу, без переплета. От М. И. Шестаковой, дер. Изосимово.

16. Сборник, XIX в. (конец), в 8-ку, 9 лл., подражание полууставу и скоропись (чернила и карандаш), в бумажной обложке. Содержание: стихи «Слезы ливше о Сионе», «Поздно, поздно вечерами» и др. Из дер. Юрьенаволок.

17. Сборник, XIX в. (конец), в 8-ку, 6 лл., подражание полууставу и скоропись, без переплета, начало и конец рукописи утрачены. Содержание: стих о пустыне и др. От М. И. Шестаковой, дер. Изосимово.

18. «Страдание мученика Нестора», XIX в. (конец), в 8-ку, 4 лл., скоропись, без переплета. От М. И. Шестаковой, дер. Изосимово.

19. Житие Иоанна Богослова, XIX в. (конец), в 4-ку, 167 лл., переплет дощатый. Из Красноборского школьного музея.

20. Письмо «инока Иоанна» «отцу Варсонофию» о присылке воска, XIX в. (конец)—XX в. (начало), в 8-ку, 1 л., новейшего письма. От М. И. Шестаковой, дер. Изосимово.

21. Письмо неизвестного в Казань «отцу Якову Фокеевичу», XIX в. (конец) — XX в. (начало), в 4-ку, 4 лл., новейшего письма. Из дер. Юрьенаволок.

22. Сборник, XX в. (начало), в 4-ку (школьная тетрадка), 12 лл., подражание полууставу, в бумажной обложке. На обложке заглавие («Стихи духовного содержания») и владельческая запись некоей Марии Яковлевны Никоновой. Содержание: стих-плач кафоликов, стихи Иоасафа-царевича, о пустыне, об Иосифе Прекрасном и др. От М. И. Шестаковой, дер. Изосимово.

23. Четыре миниатюры, XX в. (начало), изображающие страшный суд, адские мучения и пр.; рисованы акварелью местным книгописцем и художником Н. Шестаковым. От М. И. Шестаковой, дер. Изосимово.

II. Рукописи церковно-служебного характера

24. Псалтырь толковая, XVI в. (конец), в 4-ку, 409 лл. (лл. 2 об.—382 печатные, лл. 383—408 об. рукописные), скоропись, переплет дощатый, обтянутый кожей. На лл. 4—10 скрепа 1604 г. Из дер. Юрьенаволок.

25. Апостол, XVII в. (начало), в 8-ку, 521 лл., полуустав и скоропись, переплет дощатый, обтянутый кожей. От М. И. Шестаковой, дер. Изосимово.

26. Праздники на линейных нотах, XVII в. (конец)—XVIII в. (начало), в 8-ку, 291 лл., скоропись, переплет дощатый, обтянутый кожей, с одной латунной застежкой. На внутренней стороне нижней крышки переплета запись почерком XVIII в. (первая половина): «Сии Праздники проданы (?) в Соловецком монастыре головщиком Никифором Куницыным священнику Михаилу Ивашеву. Взято рубль сорок копеек...». Имеется

запись о покупке книги дьячком черевковской Успенской церкви С. И. Щекиным в 1802 г., а также владельческие приписки А. Д., С. Д. и Г. Д. Щекиных (первые двое — дьячки Черевковской церкви, последний — Лябельской; обе церкви находятся в нынешнем Красноборском районе). Из Красноборского школьного музея.

27. Канонник, XVIII в. (середина), в 16-ю долю листа, 3 лл., скоропись, в бумажной обложке. Имеются владельческие записи Афанасия Копылова. Из дер. Мануиловская.

28. Сборник, XIX в. (первая четверть), 24 лл., скоропись, без переплета. Содержание: святцы, последование вечерни и др. Прислан С. И. Тупицыным в 1957 г.

29. Устав поморский, XIX в. (конец), в 8-ку, 163 лл., подражание полууставу, без переплета. Из дер. Мануиловская.

30. Канонник, XIX в. (конец), в 8-ку, 4 лл., подражание полууставу, без переплета, рукопись без конца. Из дер. Юрьенаволок.

III. Старопечатные книги

31. Устав, 1634 г., в лист, 318 лл., переплет дощатый, обтянутый кожей, с остатками двух латунных застежек. Имеются владельческие и читательские пометы XVII—XVIII вв., запись А. П. Осиева (1917 г.). Прислан С. И. Тупицыным из с. Красноборск.

32. Псалтырь с восследованием, 1642 г., в лист, 39 лл., переплет дощатый, обтянутый кожей, с двумя латунными застежками. На лл. 38—50 скрепа: «...церкви иже во святых отца нашего Николая архиепископа. А писана сия книга лета 7 тысящ 100 девяносто 6 году (*1688*), месяца февъраля...». Имеется владельческая запись А. П. Осиева от 19 февраля 1951 г. Книга прислана С. И. Тупицыным из с. Красноборск.

В. В. КУСКОВ

Североуральская археографическая экспедиция 1959 г.

Североуральская археографическая экспедиция 1959 г. проводила комплексное филологическое изучение наиболее глухих населенных пунктов Ныробского района Пермской области (Тулпанский и Верхне-Черепановский сельсоветы). Удаленность и труднодоступность этих населенных пунктов способствовали сохранению архаических диалектных особенностей и фольклорных памятников. Наличие старообрядческой рукописной традиции обусловило широкое распространение памятников древней письменности. Указанные населенные пункты до сих пор еще не подвергались филологическому исследованию. В задачи североуральской археографической экспедиции входило: 1) разыскание древних рукописей, 2) сбор произведений поэтического народного творчества, 3) диалектологическое описание верхнеколвинских говоров (Тулпанский и Верхне-Черепановский сельсоветы, расположенные по верхнему течению р. Колвы).

В составе экспедиции были организованы две специализированные группы: 1) диалектологическая — руководитель кандидат филологических наук А. К. Матвеев, лаборанты Д. Выползова, В. Саруханова, Р. Рабинович; 2) фольклорная — руководитель доцент В. В. Кусков, лаборанты Г. Чупина, Л. Подкорытова, Б. Пинчук. Археографические разыскания выполнялись всем составом экспедиции.

Рукописная традиция в верхнем течении р. Колвы сохранилась вплоть до 50-х годов нашего столетия. Только несколько лет тому назад вышел из скита Александр Собянин, который в 40-х годах занимался «списыванием» старинных книг в лесном скиту.

Экспедиция обследовала в археографическом отношении населенные пункты Дий, Талово, Сусай, Верхнее Черепаново, Тименское, Нюзим и установила хороший контакт с населением. В результате удалось добыть 9 рукописных книг XVIII—XIX вв.

Первые поселения в верховьях Колвы возникли, по-видимому, в конце XVIII—начале XIX в. Жители деревень Талово, Сусай, по сообщениям местных старожилов, пришли с низовьев р. Колвы. Основателями дер. Талово местные жители считают стариков Останю (Евстафия) и Давыда. Поселившись на берегу талого, не замерзающего зимой ручья, они основали деревню Талово. Обилие дичи в лесах, рыбы в быстрых и прозрачных водах Колвы привлекло сюда первых обитателей. Удаленность от административных центров Российской империи давала возможность исповедовать веру отцов, хранить «древлее благочестие».

На берегах лесных речушек — светлого Ямжача (притока Колвы) и красавицы Няризи основывались тихие пустыньки — скиты, куда уединялись маститые старцы. В этих глухих «святых местах» и хранили они древнюю рукописную традицию.

В настоящее время скиты прекратили свое существование, старые кровли обрушились, срубы заросли мхом, но по деревням еще живы многие старики, получившие воспитание у старцев и стариц-начетчиков. Таковы,

например, Семен Михеевич Лызлов, Андрей Федорович Собянин, Остафий Родионович Паршаков.

С. М. Лызлов в прошлом жил в скиту на р. Нярizи. По-видимому, оттуда он вынес большое количество рукописных книг. У него удалось получить несколько рукописных сборников.

Хранителем нескольких книг оказался Андрей Федорович Собянин. Этот крепкий и умный старик, опытный охотник и рыболов, является также мастером поделок из дерева. Он искусно вырезывает из свала солонки, ложки и снабжает изделиями своего труда целую округу.

У С. М. Лызлова было приобретено три Устава:

1. «Устав о христианском житии, сиречь о постах и поклонах, и праздниках, великих средних и малых, такожде и о домашней молитве, како достоит за всю церковную службу лишившимся церковные службы псалтирию или поклонами или молитвами исправляти», 100 лл., рукопись неполная, обрывается на январе, написана полууставом, очевидно, в конце XIX в., размер 11 × 18 см, переплет деревянный, обтянутый холстом, застежки металлические.

2. «Устав о христианском житии...», 121 лл., кроме того, приложены роспись праздников и пасхалия, рукопись конца XIX в., переплет деревянный, обтянутый холстом, размер 11 × 19 см.

3. «Устав о христианском житии...» (утрачено начало), 77 лл., переплет деревянный, попорченный, размер 11 × 19 см.

Уставы представляют известный интерес для изучения бытовой истории русского раскола XIX в.

Приобретены также две рукописные Псалтыри: одна XIX в., другая начала XX в. Псалтырь XIX в. имеет 264 лл., написана тщательным почерком, с небольшими заставками, размер ее 17 × 21.5 см, переплет деревянный, обтянутый холстом. Вторая Псалтырь написана фиолетовыми чернилами, небрежно, имеет 259 лл., размер 18 × 23 см, переплет деревянный. обтянутый холстом.

Удалось приобрести и несколько рукописных сборников:

1. Сборник, содержащий канон пасхе, слова Иоанна Златоуста, Иоанна, архиепископа Селуньского, Ипполита, папы римского, собрание псалмов. Сборник написан полууставом на бумаге со штемпелем, относящимся к 40-м годам XIX столетия. Рукопись содержит 371 лл., размер 18 × 23, переплет деревянный, обтянутый кожей, с медными застежками.

2. Рукописный сборник слов Иоанна Златоуста об оглашении, 261 лл., размер 15 × 21.5, деревянный переплет, обтянутый холстом, рукопись конца XIX в.

3. Рукописный сборник конца XVIII в., приобретенный в деревне Тименское. Сборник начинается с молитвы. Кроме того, в него входят Житие Марины, отрывок из «Великого Зерцала» и известное краткое произведение о том, что сотворил бог и что дьявол.

В дер. Талово у Марии Собяниной обнаружен рукописный сборник стихов, написанный на согнутой пополам ученической тетради. Сборник написан кириллицей, датирован 1926 г. В состав сборника входят стихотворения Лермонтова «По небу полуночи ангел летел», Надсона — «Христианка», Кольцова. В состав сборника входят два стихотворения, посвященные протопопу Аввакуму, принадлежащие Мережковскому, и стихотворение Навроцкого о боярыне Морозовой. Кроме того, в сборнике есть много стихотворений, авторство которых пока установить не удалось.

Приобретенные экспедицией рукописи представляют бесспорный интерес для изучения истории края и письменной традиции на севере Пермской области.

О. А. КНЯЗЕВСКАЯ

Восемь пергаменных рукописей из собрания ЦГАДА

На заседании Археографической комиссии от 25 октября 1960 г. начальник Центрального государственного архива древних актов СССР В. Н. Шумилов сообщил о наличии в архиве восьми славяно-русских пергаменных рукописей (шесть рукописных книг и два отрывка из несохранившихся рукописей).

Рукописи, о которых сообщил В. Н. Шумилов, вошли в состав нового фонда, получившего название «Рукописное собрание ЦГАДА» (№№ 1—8). Точных указаний о времени поступления памятников в хранилище, к сожалению, установить не удалось. Не сохранилось также сведений о их прежнем месте хранения (за исключением некоторых данных о рукописях №№ 4 и 8). В. Н. Шумилов высказал предположение, что все указанные рукописи поступили в ЦГАДА из фамильных дворянских архивов или монастырских фондов в 1920—1930 гг. Все восемь рукописей недатированные. По палеографическим приметам написание древнейших из них можно отнести к XIII в. (№№ 1, 2), четыре рукописи датируются XIV в. (№№ 3, 4, 6, 7), одна — XVII в. (№ 5) и одна — подделка XIX в. под XIV—XV вв. (№ 8). Шесть рукописей (4 книги и фрагменты) — древнерусские, одна рукопись (№ 5) — молдавская. Указанные памятники безусловно привлекут внимание исследователей. Их краткое описание дается ниже.

1. Евангелие

Древнерусское Евангелие-апракос (неполный) XIII в., без начала и конца, на 126 лл. пергамена, в малый лист; без переплета, писано уставом в два столбца. Рукопись состоит из 16 тетрадей, по 8 лл. в каждой, кроме 1-й тетради, в которой два листа в середине (между лл. 3 и 4) утрачены. Рукопись разбита, три первые тетради (лл. 1—22) отделены от корешка. На обороте последних листов 2—14-й тетрадей (лл. 14—110) сохранились на поле, в левом нижнем углу буквенные цифры, обозначающие счет тетрадей: с 4-й по 13-ю. Можно полагать, что в конце 1-й тетради стояла буква «Г», т. е., очевидно, утрачены две первые тетради рукописи. Пергамен памятника неровно обрезан. Листы рукописи значительно деформированы, на них несколько волнообразных изгибов. Особенно покороблен пергамен в 1-й тетради.

Острым орудием листы рукописи разлинованы на 2 столбца по 30 строк в каждом. Справа и слева столбцы ограничены вертикальными линиями. Они проведены с большим нажимом (вдавлены), пергамен кое-где по ним просекся (лл. 23, 38, 67).

Рукопись хранит следы частого употребления, края ее захватаны, на листах встречаются капли воска, на некоторых листах в начале и особенно

в конце рукописи чернила затерлись или осыпались; текст в этих случаях читается с трудом или совсем не поддается прочтению невооруженным глазом (лл. 6, 10, 22, 26, 80, 115 и др.). В конце рукописи (лл. 111 об., 112, 121 об., 122) встречаем подновленное письмо.

На лл. 1—108 идут евангельские чтения церковного года. Текст начинается с конца чтения на среду 3-й недели по пасхе. Следовательно, отсутствуют в начале чтения недели пасхи и 2-й недели «О Фоме»; кроме того, отсутствуют чтения на вторник и среду (начало) 4-й недели по пасхе (между лл. 3 и 4). Далее порядок текста не нарушается. С л. 108 следует Месяцеслов, в нем приводятся чтения с сентября по 24 декабря. Расположение чтений в рукописи в основном совпадает с их расположением в других древнерусских кратких апракосных списках Евангелия (с Остромировым Евангелием).

Обозначения евангельских чтений писаны киноварью почерком писца. Каждое чтение начинается большой прописной буквой-инициалом. Многие из них выполнены в обычном тератологическом стиле; они содержат рисунок фантастического зверя, обычно опутанного плетением, иногда напоминающего собаку (лл. 26, 34, 89), иногда — льва (лл. 26 об., 45 об.). В инициале «Р» дана кисть руки (лл. 41, 54 об.). Есть инициалы, содержащие мотивы плетения и византийской ветки. Контуры инициалов искусно выполнены киноварью. Во второй, меньшей части рукописи (с л. 95 регулярно, но встречаются и ранее) инициалы более простые; они представляют собой большие буквы, украшенные прямоугольным ступенчатым плетением в стволе буквы и иногда гребнями. Характер последних инициалов отчасти напоминает инициалы более ранних рукописей. Например, рукописи собрания ГИМ, Чуд. 12, содержащей Слово Ипполита об антихристе XII в.

Почерк рукописи неодинаков. Евангельские чтения и киноварные заголовки писаны крупным уставом; мелким уставом даны указания для читающих о местонахождении того или иного отрывка текста или о порядке чтения (лл. 48, 54, 108, 117 об., 125). Однако на протяжении всей рукописи буквенные начерки и графические приемы в целом не изменяются. Общий характер почерка типичен для рукописей XIII в. В нем нет строгой геометричности букв XII в.; буквы несколько вытянуты в длину, они выше и у́же по сравнению с более ранними почерками. Сравнивая почерк рукописи с почерком датированных рукописей XIII в., можно полагать, что описываемая рукопись по почерку моложе рукописи Толкового апостола 1220 г. (ГИМ, Синод. 7), но старше Новгородской Кормчей 1282 г. (ГИМ, Синод. 132).

Начерки некоторых букв встречаются в нескольких вариантах, например перекладина у букв *н, и, ю,* Ѥ иногда расположена точно посередине строки, но может быть и несколько приподнята. Преимущественно в конце строк у букв *т, ъ, ѣ* мачты часто вытянуты вверх за пределы строки, и их перекладины лежат в междустрочье; подобные написания встречаются регулярно почти в каждом столбце. Известно, что такие *т, ъ, ѣ* на конце строки довольно обычны в рукописи Ростовского Апостола 1220 г. В рукописи весьма распространена буква ѡ, она систематически пишется в начале слова и начале слога. После шипящих согласных *ж, ш, щ, ч* обычно пишется *а*, после *ц* регулярно употребляется буква ѧ: мышьцѧ (18в),* агньцѧ(21б), ѡвьцѧмъ (11в) и др. Буквы о и ъ, а также ь и е употребляются одна вместо другой. Например: мимъ (45а), сквъзѣ (56в), ѥдинъго

* Арабские цифры в скобках обозначают номера листов, буквы а, б, в, г обозначают столбцы.

(32г), рабътаю (71б), по монѣ (4б, 13а, 12г), за моною (12а), вашьго (6б), на ньмь (14б, 60а). Встречается пропуск буквы е, часто вместо «мене» (род., вин. п. ед. ч.) пишется «мне»: паче мне (25а), мне ради (32б), от мнѣ (49в) и т. п. В нескольких случаях встретилось этимологически не оправданное употребление буквы ѣ: сѣго ради (33в), по нѣмь идоуть (11в), слово жѣ (8г), — а также «горети» (3а). Один раз встретилось написание «ницо ѡ моу» (54г). Два раза встретилось полногласие «оучережение» (51б), «въ черевѣ» (126 об.).

2. *Евангелие*

Отрывок из Евангелия-апракоса на одном листе пергамена, в лист, писан древнерусским уставом XIII в. в два столбца по 28 строк. Пергамен обветшал, покоробился, края листа осыпались; пострадал текст 1-й строки. Пергамен не разлинован, некоторые строки неровные. Отрывок написан одной рукой. Обозначения чтений писаны киноварью тем же почерком. Два киноварных инициала («Р» и «В») по рисунку представляют плетение змеи и ремней. Отрывок содержит: конец чтения на четверг 2-й недели поста, чтение на пятницу той же недели и начало чтения на субботу. Состав чтений совпадает с Остромировым Евангелием.

Для многих букв характерен старый геометрический начерк. Перекладина у букв *и*, *н*, *ю*, ѥ в основном расположена на уровне середины высоты букв. Буква ѡ имеет низкую середину. Мачта у ѣ немного выходит за пределы строки, перекладина расположена ниже верхнего уровня строки, но выше середины. Буква *ы* пишется как *ъ* и *і*, без соединительной линии (*ъі*). Буквы *оу* пишутся не только в начале слова и слога, но и после согласных: соудъ, дроуга. Буква ѣ употребляется этимологически правильно. В середине слова встречается пропуск букв на месте этимологически слабых редуцированных: створше, свѣтильникъ, уопвасте. Букв *о*, *е* на месте сильных *ъ*, *ь* не встретилось. Из восточнославянских особенностей отметим: *ж* в слове «соужю» и постоянное *ть* в 3-м лице глаголов «изидоуть», «есть», «дасть», «боудоуть».

3. *Псалтырь*

Отрывок малой (келейной) Псалтыри на 31 лл. пергамена, в 4°, писан одной рукой четким уставом XIV в. в один столбец по 19 строк. Листы рукописи пронумерованы в наше время с лицевой стороны арабскими цифрами. В рукописи 4 тетради по 8 лл. в каждой, во 2-й тетради 7 лл., в ней вырезан 1 лист. Тетради сшиты толстыми нитками и скреплены между собой. Сохранность рукописи неудовлетворительная, пергамен потемнел, текст на л. 8 об. и на лицевой стороне лл. 1, 9, 16 затерт, многие буквы не поддаются прочтению невооруженным глазом. Рукопись не имеет переплета. Инициалы писаны киноварью (контуры); они простого рисунка, с мачтами, украшенными перемычками.

Текст Псалтыри поделен на кафизмы. В конце каждой из них расположены молитвы. Распределение псалмов по кафизмам и молитвы традиционны и не отличаются от их расположения в учебных и служебных псалтырях. Рукопись начинается с молитв, следующих в конце 1-й кафизмы, далее следуют кафизмы 2-я (с пропуском), 3-я и начало 4-й.

Рукопись писана уставом, так называемым стильным почерком, типичным для русских рукописей XIV в. Буквы несколько вытянуты в длину, их высота значительно больше ширины (особенно у букв *с*, *е*, *б*, *в*, *г*, *а*, *л*

и др.). У буквы *ж* сильно сокращена ее верхняя часть (близка к «усикам»). Мачта у *ѣ* выходит за пределы строки, ее перекладина лежит на верхнем уровне строки. Перемычки у букв *и, н, ю,* Ꙗ расположены обычно в верхней трети высоты буквы. Буква *ч* симметрична, с угловатой чашей на ножке, равной половине высоты буквы. Буква ѡ пишется с пониженной серединой, употребляется только в предлоге-приставке «от». Буква *ы* пишется как *ъ* и *і*. Мачты у *м* имеют небольшой наклон друг к другу; язычок не выходит за пределы строки. Буквы *оу* часто употребляются после согласных: вѣтроу (8), моужьмь (14).

В рукописи часто употребляется буква *ч* на месте этимологического *ц*: от лича (2), личе (4), до конча (3), вѣнечь (18), деснича (18 об.), прочвѣте (28 об.). Случаи обратной замены отмечены только в одном слове: члвцьскыꙗ (7), члвцьскы (7 об.), члвцьскыхъ (10 об.), члвцьскыихъ (18 об.).

В рукописях отражается падение редуцированных. Буквы *о* и *е* употребляются на месте этимологических *ъ, ь* в сильном положении, а также на месте *о* и *е* исконных: къго (26 об.), красъта (10), защититьль (28 об.). Встретились написания: голубьѥ (2а), нощью (10), Илью (1 об.). Отклонения от этимологически правильного употребления буквы *ѣ* немногочисленны, к ним относится употребление буквы *ѣ* на месте *е* (из *ь, *е): привѣрженъ (19 об.), низъвѣржены (1 об.), сѣсчю (19 об.), въ стѣзахъ (10 об.).

4. Требник

Рукопись XIV в., в 4°, в переплете, писана уставом в один столбец. В ней 163 лл. лощеного пергамена, с ровным обрезом листов. Текст Требника занимает 162 лл., он начинается с оборота л. 1 и кончается на лицевой стороне л. 163. Рукопись состоит из 21 тетради, по 8 лл. в каждой, в последней — 4 лл. Рукопись хорошей сохранности.

Переплет, цельнокожаный с застежками, сделан из толстых досок, обрезанных вровень с листами рукописи. На верхней крышке расположены медные угольники, посередине крест и бляшки, на нижней крышке тоже медные бляшки; обрез переплета обит медными пластинками. (Крест на переплете, медные пластины, а может быть, и угольники значительно моложе рукописи). Застежки также поздние, сохранились следы прикрепления старых ремней.

Вместе с рукописью хранится письмо, написанное одним из владельцев Требника, графом В. И. Мусиным-Пушкиным, в Петербурге 4 декабря 1878 г. В нем содержится просьба, обращенная к Сергею Дмитриевичу (Шереметеву), — принять в дар эту рукопись, доставшуюся автору по наследству от графа А. И. Мусина-Пушкина и уцелевшую в известной коллекции от пожара 1812 г. (подлинность письма не вызывает сомнений).

Среди архивных материалов Шереметевых, поступивших в 1920-е годы в ЦГАДА, рукопись Требника не упоминается. Не упоминается она и в фондах ГБЛ, куда в свое время поступили Шереметевская библиотека и часть архива.

Все 163 листа полностью воспроизведены facsimile ОЛДП под номерами XXIV и LXIII.[1] В кратком предисловии к изданию (от 29 декабря 1879 г.) указан состав памятника, а также приведены приписки на л. 1 и

---

[1] Тетради 1—14 (лл. 1—112 об.) были факсимилированы Ю. Б. Эйком в 1878 г., тетради 15—21 (лл. 113—163) — в 1879 г., а затем объединены в одну книгу, которая вышла в свет в 1880 г.

запись И. И. Срезневского на л. 163 об.[2] (в издании имеется их воспроизведение). Кроме того, в предисловии сообщается, что подлинник рукописи подарен В. И. Мусиным-Пушкиным С. Д. Шереметеву.

Рукопись и ее издание упоминаются Е. Ф. Карским в книге «Славянская кирилловская палеография» (Л., 1928, стр. 80, 187, 418) и в обзоре древнерусских памятников в книге Н. Н. Дурново «Введение в историю русского языка» (Брно, 1929, стр. 50, № 167).

Требник — монашеский, в нем содержатся чин пострижения иноков[3] и чин погребения иноков и бельцов.[4] Сверху на лицевой стороне л. 1 двумя скорописными почерками написано: «Книга потребник» и ниже — «Требникъ». На л. 163 об. находится запись, сделанная И. И. Срезневским;[5] в ней сказано: «Писано в половине XIV в. новгородцем. Переплет современный и такой же, какой обыкновенно встречается на книгах архиепископа Алексея.[6] Рукопись полная: все листы сполна уцелели».

Скорописные приписки, имевшиеся на нижнем поле с лица лл. 2—21, старательно выскоблены и не поддаются прочтению невооруженным глазом. Рукопись орнаментирована, в ней четыре заставки, большие и малые инициалы в красках. Три заставки выполнены в тератологическом стиле; на них два симметрично расположенных фантастических зверя опутаны плетением и заключены в прямоугольную украшенную рамку. Те же мотивы фантастического зверя и плетения обычны в больших инициалах. В инициале «Г» дана человеческая голова в профиль. В четвертой заставке представлено симметричное плетение в рамке широких ремней с прямоугольником в центре. Подобные мотивы в орнаменте характерны для новгородских рукописей XIII—XIV вв. [7] Ср., например, заставку и инициалы в рукописи Новгородского служебника 1400 г. (ГИМ, Синод. 600). Так же типична их раскраска — сочетание спокойной серо-голубой краски, употребляемой для раскраски фона, с красной краской (ею писались контуры) или иногда с желтой краской.

Рукопись писана крупным четким уставом XIV в., так называемым стильным почерком. Буквы вытянуты в длину со значительной разницей между толстыми и тонкими линиями. Широко употребляемые киноварные буквы обычно не отличаются по рисунку от основного почерка.

В написании рукописи принимали участие, по всей вероятности, три писца. Первым писцом написаны лл. 1 об.—46, 49—63 (2 строки сверху) и 63 об.—163; вторым писцом — лл. 46 об.—48 и третьим писцом — 11 строк лицевой стороны л. 63.

Употребление букв *оу* и *у* четко дифференцировано: *у* употребляется после согласных, *оу* — в начале слова и после гласных. Так же четко дифференцировано употребление ѥ, ꙗ и *е*, ѧ; первые пишутся для обозначения **je*, **ja*, вторые пишутся только после мягких согласных. Буква ѡ употребляется преимущественно в предлоге-приставке «от».

---

[2] Эти же сведения о рукописи и ее издании сообщаются в докладе о деятельности ОЛДП с 25 ноября 1878 г. по 25 апреля 1879 г. (см.: ПДП, т. 2. СПб., 1879, стр. 79—81).

[3] Под этим названием за номером XXIV рукопись, ошибочно датируемая XIII в., часто упоминается в указателях изданий ОЛДП за 1878 г.

[4] Под этим названием вторая часть требника за номером LXIII упоминается в указателях за 1879 г.

[5] О принадлежности записи перу И. И. Срезневского указывается в предисловии к изданию и в кратком сообщении об издании рукописи требника в докладе ОЛДП. Две имеющиеся подписи написаны неразборчиво, отчетливо видны буквы *и*, *с*, *р*, *е*. Буквы *з* нам разглядеть не удалось.

[6] Архиепископ Новгородский и Псковский Алексей (?) (1359—1388) (см.: П. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей... СПб., 1877, стр. 35).

[7] Альбом В. В. Стасова, табл. 35, рис. 60.

Этимологически сильные *ъ*, *ь* последовательно заменяются буквами *о*, *е*, слабые пропускаются. Встретились отступления от этимологически правильного употребления буквы *ѣ*. Отмечены написания с буквой *ѣ* на месте *е* (из *е, *ь): одѣжею (55 об.), не лѣстно (9), до смѣрти (6 об.), не тѣрпѧ (23), оу двѣрѣць (10), двѣри (16 об.) — и написания с буквой *е* на месте этимологического *ě: велелъ (4), повелениꙗ (7), повелениѥ (49 об.), прегрешении (46), терпениѥ (9), оукрепи (38). Реже встречается буква *и* на месте *ě: говиньѥ (33 об.), оукрипи (41 об.), пиниѥ (41 об.), пити (пѣти, 42), наслидникомъ (59), терпиниѥ (3 об., 8, 34), терпити (34 об., 6). Один раз встретилось написание «разоршому» (162) с буквой *о* после *ш*. Буква *ц* часто пишется на месте этимологического *ч*: сконцаѥть (58), облацитсѧ (53), цьртога (18). Случаи обратного употребления: предъ личемъ (29 об.), ни отричаѥши (28). Отмечена интересная форма полногласия: въ шелемъ (53), ср.: шлѣмъ (57). Из морфологических особенностей укажем многочисленные случаи употребления окончания *-ого*, например: великого, мнишьского.

5. *Триодь цветная*

Отрывок Цветной триоди XVII в. молдавского письма, в лист, на 56 лл. пергамена, писан одной рукой, полууставом, в один столбец по 27 строк. Листы пронумерованы вверху на поле справа арабскими цифрами при хранении (1—56); на нижнем поле сохранилась нумерация тетрадей всей рукописи, сделанная писцом; на обороте лл. 3, 12, 27, 35, 43, 49, 55 слева проставлены буквенные цифры с 17 по 24 (с пропуском 19), на лицевой стороне лл. 5, 13, 20, 28, 35, 44, 48, 56 справа идут пометы с 18 по 25 без перерыва. Количество тетрадей памятника в настоящее время не поддается определению; рукопись в жестком переплете позднего времени. Переплет сделан из досок, слегка выдвинутых над обрезом листов; они обтянуты коричневой кожей с накидными застежками. Кожа тисненая, в небольшую прямую клетку с розетками в середине. В центре верхней крышки — большое прямоугольное клеймо, украшенное фантастическим изображением льва и единорога с надписью: «Смирение мое избави мѧ от [зу]бъ лвовых и от рогъ единорожь». С внутренней стороны переплет оклеен двойными листами бумаги с водяным знаком «ФПР» (1807 г.; см.: Клепиков, Филигр. и штемп., 377), т. е. в памятнике 2 чистых листа бумаги. Рукопись орнаментирована вязью и инициалами; они выполнены киноварью и золотом по киновари. Для вязи и инициалов характерны высокие вытянутые буквы с уменьшенными верхом и низом. Рисунок букв вязи и ее раскраска обнаруживают значительное сходство с вязью в молдавских рукописях первой трети XVII в., изготовление которых в той или иной степени связано с именем молдавского митрополита Анастасия Кримковича (1589—1630). (Ср., например, с вязью молдавской Цветной триоди 1616 г.: ГИМ, Увар. 88, в лист). Инициалы часто украшены разводами, напоминающими вьющиеся растения.

Текст начинается с середины слова: «мыш лѧѫ съмрть и виж[д]ѫ въ гробѣ[х] лежѫщѫ...» (песнопения на пятницу 7-й недели «святых отец», перед неделей пятидесятницы). Далее в рукописи не на месте расположен современный л. 4. Между лл. 19 и 20 один лист утрачен. Текст на л. 56 обрывается словами «томленіа и ра».

Рукопись писана характерным молдавским полууставом. Его буквы, довольно широкие, отличаются частыми острыми углами (*у*, *л*, *а*, *т*) и манерными округлыми линиями (*у*, *о*, *с*, *ѡ*). Междустрочье заполнено разнообразными знаками, кроме знаков титла и выносных букв, ставятся

знаки ударения, точки над буквами, знаки придыхания и др. Почерк рукописи также очень близок к рукописям Анастасия Кримковича (ср. с указанной рукописью 1616 г. и особенно с рукописью Лавсаика 1629 г.: ГБЛ, Румянц. 3178). В частности, у этих рукописей одна и та же манера письма букв *р*, *у*, *х* в последней строке на странице: они пишутся с длинными хвостами. В рукописи часто встречается письмо киноварью, написанное почерком писца. Правописание памятника болгарское. Слова с этимологическими сочетаниями редуцированных перед плавными пишутся по болгарскому образцу: прѣтръпѣвъше, съвръшенѣ (44), млънiѫ, (5). В конце слов после согласных пишется буква ь, а в середине и в предлогах-приставках — ъ: всѣкь ч҃лкъ (4), сказаль (20), азь (12 об.), въсе (4 об.). Перед гласными употребляется буква *i* (десятеричное): мртвiи (1 об.), съгрѣшенiа (1 об.), повелѣнiемь (1). Широко употребляются буквы «юс большой» и «юс малый»: лѣжѫщѫ (1), прѣзираѫ (4 об.), оусъпшѫѧ, бѫдѫщѫѫ (1), ѧзыкь (12 об.), гласѧщи (1 об.). Буква *ѣ* часто употребляется этимологически не обоснованно: въсѣ тварь (4), вечнаго огнѣ (4 об.). Встретились написания, сохраняющие эпентетическое *л* после губных согласных: въ землѧ вашѧ (4 об.).

6. Сборник текстов богослужебных песнопений

Древнерусская рукопись конца XIV в. на 116 л. пергамена, в 4°, писана уставом в один столбец по 22 строки. Листы рукописи пронумерованы при хранении; на л. 1 имеется помета 4, зачеркнутая карандашом. Рукопись плохой сохранности, вся разбита. Пергамен потемнел, в пятнах; многие листы с неровными краями, очевидно поврежденными грызунами (лл. 43—51, 99—100). Некоторые листы просеклись по вертикалям, ограничивающим столбец, иногда эти листы заштопаны (лл. 15, 29, 42, 67). Текст затерт, читается с трудом (лл. 38, 43, 49, 50). Много подновленного письма, обычно внизу страницы (лл. 9, 111, 112, 113). В настоящее время рукопись состоит из 15 рассыпанных тетрадей, по 8 лл., кроме 2-й тетради, состоящей из 6 лл. (лл. 9—14), и 6-й, в которой 5 лл. (лл. 38—42); в конце книги — один двойной лист (лл. 115—116), написанный иным почерком. Переплет, вероятно, современный с рукописью, также обветшалый. Он сделан из толстых досок без шпон, обтянутых потертой кожей; на корешке дыра; очевидно, она сделана грызунами. Переплетные нити отсутствуют. На доске верхней крышки с внутренней стороны приклеен небольшой кусок белой бумаги с пометами: «№ 6» и ниже (малограмотным почерком конца XIX—начала XX в.): «116 листовъ, 116 в 4 долю». Застежек нет, сохранились их остатки.

В сборнике содержатся богослужебные песнопения, выбранные преимущественно из октоиха и миней. Украшения в рукописи очень скромные. Отмечены инициалы простого рисунка, представляющие собой те же буквы устава, но большего размера. Для раскраски обычно применяется киноварь, ею пишутся контуры букв или же украшаются стволы букв (при контурах, сделанных чернилами).

Рукопись писана некрупным уставом, тем же стильным почерком XIV в. с единой сигнальной линией, расположенной в верхней трети строки. У букв *и*, *н*, *ю*, ꙗ перекладина приподнята, она наклонная. Буква *ж* лишена своей верхней части. У *ч* — угловатая чаша или на очень короткой ножке, или совсем без ножки. Буквы *ъ*, *ь*, *ѣ*, *ы* часто имеют набухшие петли. В рукописи отсутствует буква *е* иотированное, она заменяется широким *е* с длинным изогнутым язычком (иногда эта буква полулежит в строке). Буква *ы* пишется как *ъ* и *i*, без соединительной линии.

Письмо памятника не обнаруживает следов южнославянского влияния. Отмеченные церковнославянизмы (слова с неполногласными сочетаниями, употребление буквы щ на месте этимологических *tj и *кt перед гласными переднего ряда и т. п.) обычны для русских рукописей и более раннего времени. Из общерусских особенностей отметим часто встречающуюся букву ж на месте *dj: схожению (2 об.), преже (79 об.); исконный порядок букв в словах с этимологическими сочетаниями редуцированных с плавными между согласными: претерпѣлъ (2 об.), торжьствуеть (61), четвергъ (19); регулярные ть на конце в 3-м лице глаголов: сиꙗють (16 об.), молѧть (75); окончание *-ому* у прилагательных: новому, ветхому (5) — или причастий: незаходимому (3).

Для письма рукописи закономерно употребление букв о, е на месте сильных ъ, ь, а также пропуск буквы на месте ъ, ь в слабом положении. Буквы ъ, ь часто пропускаются на конце предлогов и на конце слов перед частицами: в ребра (3 об.), с постникы (34), тѣм же (34), поклонимсѧ (46), обличаютсѧ (53 об.). Буква ь в некоторых случаях является знаком мягкости предшествующего согласного: земьлѧ (51 об.), деръжавѣ (14 об.), церьковнаꙗ (10 об.). Встретились написания: снѣдью (10 об.), плотью (11). Буква ѣ пишется этимологически правильно, исключения представляют собой обычные для XIV в. формы «тебе», «себе» в дат. и местн. п. ед. ч.

7. Триодь постная

Отрывок Постной триоди на 2 лл. пергамена, в лист, писан уставом (переходящим в старший полуустав) конца XIV—начала XV в. Пергамен среднего качества (с дырами и разрывами), разлинован в один столбец по 30 строк в каждом. На сгибе пергамена сохранились льняные довольно толстые нити; очевидно, отрывок занимал середину тетради.

В почерке обнаруживается переход к полууставу, буквы прямые, но правые мачты приобретают некоторый изгиб (у *м, и, н, л*). Часто встречается полууставное *ж*, написанное в три приема без верхней части. Буква *т* не всегда симметрична. Однако междустрочье в отрывке чистое, немногочисленные выносные буквы (*х, с, г*) покрыты титлами. Писец не употребляет буквы е иотированного, заменяя ее широким е с высунутым язычком. Киноварные инициалы простого рисунка, писаны на поле за вертикальной ограничительной линией. Очевидно, они были написаны заранее. Письмо не обнаруживает следов южнославянского влияния. По употреблению отдельных букв письмо рукописи очень близко к особенностям письма предыдущего памятника.

8. Летопись Сильвестра

Известная подделка А. И. Бардина. Представляет собой рукопись на 104 лл. пергамена, в 4°, писанную типичным бардинским уставом в два столбца. Ранее летопись хранилась в собрании А. И. Хлудова, но затем из него исчезла. Потом через букиниста она попала в какое-то частное собрание, нам не известное.

Подробные сведения о рукописи приводятся А. Н. Поповым (Первое прибавление к «Описанию рукописей и каталогу книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова», М., 1875, стр. 91—92). Кроме того, о ней сказано у М. Н. Сперанского (Сведения о рукописях, изготовленных А. И. Бардиным). См. приложение к статье «Русские подделки рукописей в начале XIX в.» в книге «Проблемы источниковедения» (вып. V, М., 1956, стр. 83).

В. И. МАЛЫШЕВ

Переписка и деловые бумаги усть-цилемских крестьян XVIII—XIX вв.

Для литературоведов интерес представляет не только самое произведение, но и детали быта, в условиях которого создавалось или жило это произведение. Вот почему, нам кажется, небесполезным будет изучение переписки и деловых бумаг усть-цилемских крестьян XVIII—XIX вв., освещающие еще малоизученные стороны быта местных жителей. Эти материалы помогают исследователям восстановить картину жизни Печорского края XVIII—XIX вв., когда здесь еще почти в полной мере сохранялась рукописно-книжная традиция древней Руси.

Среди рукописей Усть-Цилемского собрания этот раздел невелик по объему и насчитывает всего 44 единицы.[1] Почти все письма и деловые бумаги были найдены в переплетах рукописных книг: из них были склеены крышки книг.

Дело в том, что высокая стоимость картона и недостаток его на Печоре в XVIII—XIX вв. вынуждали местных жителей использовать для переплетов рукописей старую бумагу. На них шли копии и черновики старых деловых бумаг, тексты произведений, или написанные почти неразборчивой скорописью, или потерявшие актуальность. Использовались также письма и утратившие значение документальные материалы.

В силу этого большинство найденных писем и деловых бумаг оказались поврежденными. Одни были испорчены при оформлении переплета, другие замараны клеем так, что читать их очень трудно. Третьи вообще сохранились лишь в виде небольших обрывков.

Что же конкретно ценного имеется в письмах и деловых бумагах?

Прежде всего чрезвычайно интересные данные находим в них для биографии Ивана Степановича Мяндина. Жизнь этого крупнейшего усть-цилемского книжника и местного писателя XIX в. еще совсем не изучена. Те немногие сведения о нем, которые ранее удалось собрать, основываются главным образом на устных рассказах лиц, знавших его. Другие, еще более скудные, данные почерпнуты из переписанных им рукописей.[2] Все они лишь в общих чертах рисуют нам образ крестьянского самородка.

Письма и деловые бумаги дополняют наши представления о И. С. Мяндине. Кроме того, 4 письма являются его автографами. А это особенно

---

[1] Кроме того, 11 писем и деловых бумаг находится в составе сборников и среди рукописей исторического, литературного и бытового содержания. См. следующие номера Усть-цилемского собрания: 22, 49, 56, 71, 73, 75, 106, 107, 153, 191 и 266. Характеристика этих рукописей здесь не дается. Они описаны в наших работах «Усть-цилемские рукописные сборники XVI—XX вв.» (Сыктывкар, 1960, страницы по указателю) и «Усть-цилемские рукописи исторического, литературного и бытового содержания XVII—XX вв.» (ТОДРЛ, т. XVII. М.—Л., 1961, стр. 581, 603).

[2] В. И. Малышев. 1) Усть-цилемские рукописные сборники XVI—XX вв., стр. 14; 2) Усть-цилемские рукописи исторического, литературного и бытового содержания XVII—XX вв., стр. 567—569; 3) Старинные переплеты и рукописные находки. — Русская литература. Л., 1960, № 4, стр. 188—190.

важно, так как до сих пор был известен лишь его книжный полууставный почерк. Скорописный деловой почерк не встречался. Два письма И. С. Мяндина написаны красивой, четкой скорописью и свидетельствуют о его грамотности и опытности как писца. Это письма интеллигентного человека того времени. Письма (они черновики) показывают, как требовательно относился И. С. Мяндин к своему стилю. Чтобы добиться ясности и понятности фразы, он переделывал ее по нескольку раз.

Первое письмо И. С. Мяндина от 1875 г. адресовано С.-Петербургскому оберполицмейстеру (№ 301). Это жалоба его на писателя С. В. Максимова, увезшего у него в 1856 г. две старинные рукописные книги. Письмо говорит о личном знакомстве И. С. Мяндина с С. В. Максимовым.

Второе его письмо написано после 1882 г. и обращено к уполномоченному по крестьянским делам Мезенского уезда (№ 303). Оно было вызвано несправедливыми действиями при разделе земли со стороны старосты Чупрова и подкупленных им понятых. Мяндин выступает в нем как борец за справедливость, защитник бедных и бесправных своих односельчан.

И. С. Мяндину, вероятно, принадлежит также письмо, относящееся к 1850 г. Оно направлено в Великопоженский скит, наставнику Матвею Абрамовичу Осташову (№ 295), и содержит просьбу о поминовении матери и об уплате за поминки двум скитницам по рублю. Ему же, по-видимому, принадлежали письмо под № 293 и, возможно, копия с письма неизвестного лица (№ 296).

В ряде других писем находим дополнительные сведения о Мяндине. Так, из письма Степана Васильевича Чуракова, помощника епархиального миссионера, к И. С. Мяндину (от 1886 г.) видно, что официальная церковь, в лице своих миссионеров, внимательно следила за поведением печорца (№ 302).

Далее. Некоторые жители Печоры указывали, что И. С. Мяндин учился «староверской грамоте» в Выго-Лексинском общежительстве (З. Н. Бабиков, Т. М. Мяндин и др.). Никакими другими источниками это сообщение не подтверждалось. Теперь сведения о его пребывании на Выге находим в письме, обращенном к Стефану Никифоровичу (Еремину) в дер. Высокая Гора (близ Усть-Цильмы) (№ 281). Здесь сообщается о приезде в общежительство некоего Ивана Мяндина с большими подарками. Несомненно, в письме имеется в виду И. С. Мяндин. За это говорит и то, что письмо было найдено в переплете принадлежащей ему рукописи. Поскольку письмо относится ко второй четверти XIX в., а И. С. Мяндин родился в 1823 г., то можно предположить, что в нем идет речь о юноше Мяндине, приехавшем в Выго-Лексинское общежительство для обучения старообрядческой грамоте (письму, чтению, службе и пению). Может быть, его приездом сюда были вызваны такие большие подарки выговцам. Это была плата за его обучение.

На письме некоему Иллариону Сидоровичу (№ 286) сохранились юношеские рисунки И. С. Мяндина, в том числе план и изображение дома местного богача Дементия Чупрова. Надписи, сделанные юношей Мяндиным в 1838 г., встречаются на письме Варваре Семеновне Вокуевой (№ 287). Есть его юношеская надпись на письме некоей Евдокии (№ 289).

Ряд писем адресован отцу И. С. Мяндина — С. Н. Еремину (№№ 273, 281, 290), матери — И. В. Мяндиной (№№ 279, 283, 290), дяде по матери — наставнику Великопоженского скита А. В. Мяндину (№ 285).

Находит отражение в переписке усть-цилемцев процветавшие в крае система подкупов при выборе на должности и взяточничество, а также грубость и своеволие местной знати, ее постоянное стремление к наживе и обо-

гащению за счет трудового народа. Письма — яркий обличительный документ, направленный против «власть имущих» Усть-Цилемского края.

Большую ценность представляют письма и деловые бумаги с материалами по истории Великопоженского скита. Сведений об этом общежительстве сохранилось немного. Между тем оно сыграло немалую роль в заселении Пижемского края и в распространении грамотности на низовой Печоре. Поэтому каждый, даже небольшой, новый факт о нем вызывает интерес.

Больше двух третей всех писем и деловых бумаг связано с деятельностью Великопоженского скита. Как видно из них, великопоженцы издавна поддерживали самые тесные связи с Выго-Лексинским общежительством. Они получали оттуда книги, иконы, посылали туда своих представителей для пополнения знаний, оказывали выговцам материальную помощь в трудные минуты их жизни. Прочные узы идейной дружбы тесно связывали их между собой (в письмах называется несколько лиц, через которых, по-видимому, осуществлялась эта связь Печоры с Выгом).

Особо следует отметить коллективное письмо крестьян деревень Чуркино и Верховская в Усть-Цилемское волостное правление. Оно содержит жалобу на скитских жителей, пытавшихся захватить принадлежащие им земли (№ 292). В письме отражена борьба пижемского населения с Великопоженским скитом, постоянно пытавшимся прибрать себе лучшие пожни и земельные угодья еще и в XIX в.

Для характеристики морального облика представителей официальной церкви и местных светских властей небезынтересно письмо великопоженцев царю Александру I. Оно написано в 1816 г. и красочно описывает факт присвоения земским исправником Щавелкиным и благочинным Павлом Тошаковым ста двадцати рублей, отобранных у куйского крестьянина Василия Бычкова во время ночного осмотра келий скита (№ 276).

В письмах, адресованных непосредственно в Великопоженское общежительство, встречаются имена вожаков этого скита, сведения о занятиях его жителей. Как видно из этих писем, великопоженцы занимались перепиской, реставрацией и переплетом рукописных книг. Заказы на эти работы поступали к ним со всей Печоры. Они распространяли также печатную продукцию подпольных старообрядческих типографий. См. №№ 269, 285, 299, 307, 310 и др.

Любопытны эти письма и со стороны отражения в них взглядов и понятий печорских старообрядцев. Их еще в начале XX в. волновал вопрос, можно ли употреблять в пищу картофель и не грешно ли пользоваться керосиновыми лампами (№ 311). Консерватизм и религиозная нетерпимость местных людей старой веры доходила до того, что они без спроса своих наставников не решались продать лошади мезенцам только потому, что те не разделяли их религиозных взглядов (№ 285). Вопросы о перекрещивании, о том, чтобы не оскверниться при общении с инакомыслящими, даже вчерашними старообрядцами их согласия, занимали в их жизни, судя по письмам, немалое место (№№ 274, 311).

В то же время в некоторых письмах усть-цилемцев имеются примеры свободного восприятия текстов священного писания. Так, в письме к некоему Семену Феофиловичу (№ 271) подвергаются сомнению возможности «праотца нашего Адама» закрепиться на необжитой земле. В нем содержатся также критические замечания в адрес Адама, обнаруживающие неправдоподобность этого библейского рассказа.

Встречаются в письмах сведения о местных старообрядческих учителях грамоте (№ 300), о торговой деятельности усть-цилемцев (№№ 273, 275, 278, 306 и др.), о связях печорцев с чердынцами (№ 291), о создании в с. Усть-Цильма единоверческой церкви (№ 296) и др.

Язык писем народный, разговорный. Некоторые сохраняют черты местного, печорского, говора.

При описании писем и деловых бумаг за основу были взяты правила, принятые в Рукописном отделе ИРЛИ АН СССР. Однако особенности материала вынудили в отдельных случаях отступать от этих инструкций и придерживаться правил, применяемых при описании древнерусских рукописей. Тексты (адреса, начальные строки, записи и приписки) печатаются с соблюдением правил, принятых в ТОДРЛ.

Вслед за описанием, в качестве приложения, публикуется письмо Диомида Ломаева к великопоженскому писателю Тимофею Ивановичу (№ 269), написанное в 1794 г. в с. Усть-Волосница, в верховьях Печоры. Письмо указывает наиболее раннюю дату из истории этого селения.[3] Кроме того, оно интересно как показатель тесных связей верхнепечорцев с Великопоженским скитом уже в то далекое время. Письмо любопытно также своей формой, продолжающей традиции эпистолярной литературы древней Руси. Характерные зачин и концовка, простой и сжатый язык, отдельные выражения делают его по форме похожим на некоторые послания протопопа Аввакума. В XVIII в. на Печоре ходило по рукам немало произведений Аввакума, и они могли оказать влияние на стиль автора письма. Судя по письму, Диомид Ломаев был одним из видных лиц верхней Печоры, может быть даже главой Усть-Волосницкого скита.

Краткие сведения о Тимофее Ивановиче имеются в сборнике его полемических сочинений, направленных против чердынских скрытников (Усть-Цилемское собрание ИРЛИ АН СССР, № 209). На основании их можно заключить, что Тимофей Иванович занимал заметное положение в Великопоженском ските и в 1794 г. уже был глубоким стариком. Его послания написаны опытной рукой и изобличают в нем человека начитанного в старинных писаниях. Письмо Ломаева найдено в крышке переплета этого сборника. Оно находилось здесь склеенным вместе с другими рукописями, принадлежащими Тимофею Ивановичу. Текст письма публикуется по правилам, принятым в ТОДРЛ.

Вторым приложением печатается список усть-цилемских писцов и владельцев собраний XVIII—XIX вв. Частично он основан на материалах данной статьи.

Описание делалось мной в клинике Института усовершенствования Военно-медицинской академии имени С. М. Кирова, у кровати тяжелобольной моей сестры Марии Ивановны Малышевой, умершей 22 мая 1960 г. Светлой памяти моей дорогой сеструшки и посвящается эта статья.

ОПИСАНИЕ ПИСЕМ И ДЕЛОВЫХ БУМАГ УСТЬ-ЦИЛЕМЦЕВ

1 (269).[4] Ломаев Диомид Тимофею Ивановичу.

1794, июля 2. Усть-Волосница (верховья Печоры). После молитвы: «Тимофей Иванович! Желаю здравия душевнаго и телеснаго...».

Полуустав, переходящий в скоропись. Водяной знак — олень на постаменте. Правая сторона письма частично повреждена (распад бумаги), с уничтожением текста. В левой части два больших надрыва.

1 л. 20.7 × 16. Из дер. Скитская.

Печатается в приложении к статье.

---

[3] Ср.: И. Я. Кривощеков. Словарь географо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии. Пермь, 1914, стр. 743.

[4] В скобках указан порядковый номер собрания, являющийся и шифром рукописи.

2 (270). Неустановленное лицо Анне Ивановне.

XVIII в. (последняя четверть). В Великопоженский скит. «х Лукерии Левонтовны со жетелом *(нрзб.)* вом по челобитию, по нискому поклону. . .».

Обрывок письма (окончание). Скоропись. Было сложено конвертом. На л. 1 об.: «сее письмо *на Вели*кие Луга, вдове Анне»; здесь же несколько скорописных надписей типа «проба пера». Текст поврежден.

1 л. 18.3 × 12.6. Из с. Усть-Цильма.

Обещание прислать посылки и приглашение побывать.

3 (271). Неустановленное лицо Семену Феофиловичу.

XVIII в. (конец) — XIX в. (начало). «Брате, Семен Феофилович! Благополучно здравствуй. Задал ты мне на проходе своем прошение. . .».

Скоропись. С пропуском в середине. Конец (с л. 2), возможно, не относится к письму, посвящен крестному знамении и описанию силы «животворящего креста» и имеет ссылку: «Выписано из книги, глаголемыя Зрелы (?). Цветы».

22 лл. 16.8 × 10.5. Из дер. Скитская.

Рассуждение о том, с какими бытовыми трудностями столкнулся Адам после изгнания из рая.

4 (272). Чуркин Василий Бобрецову Тимофею Семеновичу.

1801, февраля 21. В Великопоженский скит. «Любезному моему другу и приятелю и до*броже*лателю, крестовому братцу Тимофею Семеновичю Василий с любовию до лица земли слезно поклон и главою кланяюсь. . .».

Скоропись. Было сложено конвертом. На л. 1 об.: «Подать сие письмо в скит, Тимофею Семенову сыну Бобрецову, ево чести, от Василья Чюркина». Текст местами поврежден.

1 л. 20.4 × 16.3. Из дер. Скитская.

Просьба к братии и сестрам помолиться за него.

5 (273). Чуркин Василий (Степану ?) Никифоровичу (Еремину).

XIX в. (начало). Пижма. В дер. Высокая Гора, близ Усть-Цильмы. «*(Нрзб.)* Никифорович. Желаю мира, здравия *и ду*шевнаго спасения. . .».

Скоропись начала XIX в. Было сложено конвертом. На л. 1 об. договор на «службу» с упоминанием важгорского «соцкого» и «пятидесяцкого», а также пижемского крестьянина Ивана Поташова и поставки 14 бочек пелядей. Текст поврежден.

1 л. 19.6 × 16. Из с. Замежная.

О продаже жита.

6 (274). Неустановленное лицо группе лиц во главе (?) с некоей Марией.

XIX в. (начало). (В Великопоженский скит?). «Друже, мои любезные! Желаю здравствовать с Марьею. . .».

Скоропись. Водяной знак — головка какой-то буквы, кажется «Я», и цифра 3.

1 л. 8.8. × 7.4. Из дер. Скитская.

Просьба «к нашим попрежнему не приступать».

7 (275). Иван неустановленному лицу.

1810, ноября 30. Дер. Тервозеро Верховской трети Повенецкого уезда. В Великопоженский скит. «1810 года, ноября 30 дня. Повенецкаго уезда, Верховской трети, Тервозерскаго *селения*, крестьянин Иван...».

Скоропись. Текст поврежден в середине, не имеет конца.

1 л. 16.5 × 9. Из дер. Скитская.

Доверительное письмо (?) на получение с «мезенца» Тита Венедиктовича Антонова двенадцати рублей «по щету» за товар.

8 (276). Жители Великопоженского скита императору Александру I.

1816, декабрь. Великопоженский скит. В Санкт-Петербург. «Всепресветлейший державнейший великий государь император Александр Павлович ... просят Великопоженского скита старшина с братиею...».

Черновое. Скоропись. Водяной знак бумаги — буква «Ф» и цифра 8.

1 л. 34.2 × 21.2. Из дер. Скитская.

Жалоба на мезенского земского исправника Щавелкина и пустозерского благочинного Павла Тошакова, взявших у куйского крестьянина Василия Бычкова сто двадцать рублей серебром во время ночного осмотра келий Великопоженского скита.

9 (277). (Носов ?) Иван Бобрецову Тимофею Семеновичу.

1823, декабря 22. С. Усть-Цильма. В Великопоженский скит. «Прелюбезному моему благоприятелю, Тимофею Семеновичу господину Бобрецову, присылаю мое почтение и нижайшей поклон...».

Скоропись. Было сложено конвертом. На л. 2: «Вручить сию записку в Вел*икопоже*нцком *скиту* крестьян*ину* Тимофею Бобрецову, его чести, без задержания». Текст местами поврежден. Следы сургучной печати.

2 лл. 20.2 × 16.4. Из дер. Скитская.

Благодарность за оказанное внимание и просьба известить о поездке на Вашку.

10 (278). Носов Иван Бобрецову Тимофею Семеновичу.

XIX в. (первая четверть). (Усть-Цильма?). В Великопоженский скит. «Любезному моему кумушку Тимофею Семеновичу желаю добраго здравия и душевнаго спасения...».

Скоропись. Было сложено конвертом. На л. 2: «Вручить сия записка *в* ските Тимофею Семеновичу его чести Бобрецову». Текст местами поврежден. Следы сургучной печати.

2 лл. 20.3 × 16.4. Из дер. Скитская.

О присылке вина. Просьба выслать книгу и винную стопку для Чуркина, по просьбе Степана Хромого (Степана Никифоровича Еремина).

11 (279). Михайлов Кирилл Ирине Лукиничне (Мяндиной И. В. ?).

1824, ноября 4 (?). Выго-Лексинское общежительство. «Милостивая наша благодетельнице Ирина Лукична. При всяком благополучии желаем Вам...».

Совместно с Лукиным Иваном, Алексеевым Киприяном, Федоровым Осипом, Алексеевым Петром и Егоровым Дорофеем. Поморский полуустав, подписи скорописью.

1 л. 21.2 × 16.5. Из с. Замежная.

Благодарность за присылку восьмидесяти копеек через Семена Дорофеевича.

12 (280). *Семена Дорофеевича (Томилову ?) Ивану Евстафьевичу.*

1824, ноября 28. (Выго-Лексинское общежительство). В Великопоженский скит. «Премногомилостивайший наш сиротский благотворитель Иван Стафиевич! При душеспасительном пребывании желаем Вам. . .».

Полуустав, переходящий в скоропись, и скоропись. Водяной знак — буквы «АО» и дата 1812. Часть письма в конце замарана клеем, здесь же повреждено несколько строк текста.

2 лл. 21.8 × 17. 1. Из дер. Боровская.

Опубликовано: ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 492—493.

13 (281). *Неустановленное лицо Стефану Никифоровичу (Еремину).*

XIX (первая треть). (Выго-Лексинское общежительство?). В дер. Высокая Гора (близ Усть-Цильмы). «Милостивый и честнейший Степан Никифорович. Всех благих. Получили от милости Вашыя. . .».

Беглый полуустав, отдельные слова написаны скорописью. Было сложено конвертом. Бумага с датой 1810. На л. 1 об.: «В Устельмы, на Высокой г*оре*, честнейшему и милостивому бла*годетелю* нашему Стефану Никифоровичу, с честь*ю*». Текст без конца. Следы сургучной печати.

1 л. 21.9 × 17.2. Из с. Усть-Цильма.

Извещение о получении через Тита Венедиктовича Антонова и Ивана Мяндина денег, двух коней, кожи, чулок, крашенины, рубах мужских, белья мужского и пуда масла.

14 (282). *Томилов Иван Стахиевич «Денисовичу».*

XIX в. (первая четверть). Великопоженский скит.

Упражнение в писании письма (?). Три зачина одного и того же текста. Другим близким почерком ответы и пояснения на этот текст. Скоропись. Водяной знак — «Pro Patria» и буквы «АГ». Текст поврежден.

1 л. 17.6 × 16. Из с. Усть-Цильма.

15 (283). *Григорьев Яков (Мяндиной) Елене (Ирине) Васильевне.*

1825, января 12. (В с. Усть-Цильма). «Милостивая наша благодетельнице Елена Василь[е]вна! Желаю Вам всякого благополучия. . .».

Совместно со Стефановым Семеном. Скоропись. Было сложено конвертом. Следы сургучной печати.

1 л. 21.2 × 17.3. Из с. Усть-Цильма.

О выборе выго-лексинцами большаком Петра Иванова на место умершего Кирилла Михайлова и о получении денег и посылки.

16 (284). *Андреев Василий Татьяне Егоровне.*

1826, декабря 4. Выго-Лексинское общежительство. (В Великопоженский скит?). «Милостивая наша благотворительница Татьяна Егоровна. Мира, здравия и душеспасительнаго пребывания. . .».

Совместно с Лукиным Иваном, Алексеевым Киприяном и Егоровым Дорофеем. Поморский полуустав, подписи скорописью. Водяной знак — герб

г. Ярославля и дата 1825. На л. 1: «По Пижмы. Милостивый благотворительнице нашей Татьяны Егоровне вручить».

2 лл. 20 × 14.5. Из с. Замежная.

Благодарность за присылку рубля серебром через Семена Стефановича.

17 (285). Пыстин Кондратий (Мяндину ?) Авраамию Васильевичу.

1827, апреля 26. В Великопоженский скит. «Христос воскресе! Милостивый государь Аврам Васильевич! Желаю вам душевного спасение и телесного здравия. . .».

Скоропись. Было сложено конвертом. На л. 2: «Милостивому государю Авраму Васильевичу, его чести, прозвание не знаю, извините».

Текст поврежден. Следы сургучной печати.

2 л. 20.5 × 16.4. Из дер. Скитская.

Извещение о смерти некоего Василия Васильевича и о посылке «на поправку» Катехизиса. Просьба получить деньги с Ивана Саввича и разъяснить, грешно ли продавать мезенцам лошадей. Напоминание, что у адресата остаются Псалтырь и Грамматика.

18 (286). Степанов Федор Илариону Сидоровичу.

1831, декабря 9. Выго-Лексинское общежительство. В дер. Сизябская Ижемской волости. «Милостивый наш благотворитель Ларион Сидорович! Здравие ваше да сохранит всевышняго десница. . .».

Совместно с Андреевым Василием, Стефановым Федором и Петровым Иваном. Поморский полуустав, подписи скорописью. Было сложено конвертом. На л. 2: «Ижемской волости, деревни Сизяупской. Милостивому благотворителю нашему Лариону Сидоровичю вручить»; здесь же помета скорописью: «Иван Мяндин». На л. 2 об. план и рисунок дома, снабженный подписью: «Сей дом Демин, Усть-Цилемской волости. Иван Мяндин». В верхней части л. 2 об. надпись той же рукой: «К сему приговору прошением *(нрзб.)* Чупрова Василья Овчинникова». Следы сургучной печати.

2 лл. 22 × 14.6 (л. 1), 22.1 × 17.4 (л. 2). Из дер. Скитская.

Благодарность за присылку сорока копеек через Епифана Ивановича и Матвея Васильевича.

19 (287). Степанов Федор Вокуевой Варваре Семеновне.

1831, декабря 10. Выго-Лексинское общежительство. В Усть-Цильму. «Милостивая наша благотворительнице Варвара Семеновна! Мира, здравия и душеспасительнаго пребывания. . .».

Совместно с Андреевым Василием, Ивановым Алексеем и Петровым Иваном. Поморский полуустав, подписи скорописью. Водяной знак — медведь с секирой под короной и дата 1830. Было сложено конвертом. На л. об.: «В Усть-Цилемской слободки. Милостивой благотворительнице нашей Варвары Семеновне, ея чести Вокуевых»; здесь же поздняя надпись скорописью: «Подписал Усть-Цилемской слободки Иван Мяндин. Руку приложил 1838 года, октября 26 числа». На л. 1 об. малоразборчивая надпись того же Ивана Мяндина с упоминанием имени какого-то Гаврилова Андриана, содержащая просьбу о каком-то подарке. Следы сургучной печати.

2 лл. 21.7 × 15.3 (л. 1), 21.8 × 17.3 (л. 2). Из дер. Скитская.

Благодарность за присылку через Епифана Ивановича и Матвея Васильевича чулок и шести пелядок.

20 (288). Досифей (инок) Марфе Панфиловне.

1832, декабря 7. Выго-Лексинское общежительство. В с. Усть-Цильма. «Милостивая наша благотворительнице Марфа Панфиловна и с прочими. В милости всещедраго бога. . . .».

Совместно с иноком Феодосием, Петровым Григорием и Степановым Федором. Поморский полуустав, подписи скорописью. Было сложено конвертом. На л. 2 об.: «В Устельмы. Милостивой благотворительнице нашей Марфы Панфиловне вручить». Следы сургучной печати.

2 л. 20.7 × 15.2 (л. 1), 20.6 × 17.5 (л. 2). Из дер. Скитская.

Благодарность за присылку через Матвея Васильевича чулок и денег на поминовение и в милостыню.

21 (289). Осипов Степан (Евдокии ?).

1835, декабря 2. Выго-Лексинское общежительство.

Совместно с Алексеевым Иваном, Леонтьевым Антоном и Степановым Федором. Обрывок с частью адреса и неполными заключительными строками письма, а также с частью подписей. Текст и адрес написаны поморским полууставом: «В Устелемской волости, по Печоры реки. Милостивой благотворительнице (нашей Евдокии?)». Подписи скорописью. Надпись полууставом: «Устав о Иоанне Златоусте. А писал Иван Мяндин. 1. В то же лист». Было сложено конвертом. Следы сургучной печати.

1 л. 17.1 × 11. Из с. Усть-Цильма.

22 (290). Ефимов Петр Мяндиной Елене (Ирине) Васильевне.

XIX в. (30-е годы). (Выго-Лексинское общежительство).

Совместно с Егоровым Дорофеем и (Алексеевым?) Петром. Обрывок. Сохранились лишь подписи и адрес, написанный поморским полууставом: «В Устелемской слободки, милостивой благотворительнице нашей Елены Васильевне, ея чести Мяндиной». На обороте подписи написаны скорописью. На письме многочисленные ученические надписи типа «проба пера», сделанные Мяндиным Иваном, дата 1835 г. Водяной знак — буквы «ФКН». Было сложено конвертом. Остаток сургучной печати.

1 л. 17.1 × 16.3. Из дер. Скитская.

23 (291). Антонов Тит Венедиктович Тихонову Ивану Ивановичу.

XIX в. (первая четверть). (Пижма). В Чердынь. «Иван Иванович! Желаю вам здравствовать. Чрес сие письмо уведомляю вас. . .».

Скоропись. Водяной знак — буквы «П (?) М» и дата 1808. Было сложено конвертом. На л. 1 об.: «Подать сие письмо в Чермдан Ивану Ивановичу, его чести Тихонову. Пижма». Следы сургучной печати.

1 л. 17.5 × 17.1. Из дер. Скитская.

Просьба окрасить («осинить») моток льняных ниток («холшшовой») и три мотка шерстяных ниток. Поклон от Дарьи Петровны.

24 (292). Крестьяне деревень Чуркино и Верховская усть-цилемскому волостному выборному голове Кислякову Якову Евдокимовичу.

XIX в. (первая треть). Деревни Чуркино и Верховская на р. Пижме. «В Устелемское волосное правление волосным выборным головы Якову Евдокимовичу Кислякову . . . крестьяна Чуркиной и Верховской деревни. Объявление. Имея Вашей чести донести. . .».

Черновое. Скоропись. Водяной знак — буквы «АО». В нижней части письмо порвано с повреждением текста.

1 л. 21.8 × 17.8. Из с. Замежная.

Опубликовано: ТОДРЛ, т. XII, стр. 491.

25 (293). Мяндин Иван Степанович (Осташову) Матвею Абрамовичу.

XIX в. (середина). (В Великопоженский скит). «Любезный братец, Матвей Аврамович! Желаю на много лет здравствовать о Христе. . .».

Полуустав, переходящий в скоропись. Водяной знак — цифра 18. Текст без конца. В правой части письмо реставрировано.

1 л. 20.9 × 17.6. Из с. Замежная.

Опубликовано: ТОДРЛ, т. XII, стр. 492.

26 (294). Василий Саввич Алексееву Алексею Мироновичу.

XIX в. (первая треть). На Пижму. «Любезному моему дядушки Алексею Мироновичу. Кланяюсь ниско. . .».

Скоропись. Было сложено конвертом. На л. 1 об.: «Сые письмо в Пижму деревню, Олексиевим Алексею Мироновичу».

1 л. 17.8 × 10.8. Из дер. Филиппово.

Просьба помянуть умершую жену Ирину.

27 (295). Мяндин Иван (Степанович) Осташову Матвею Абрамовичу.

1850, ноября 5. (Усть-Цильма). (В Великопоженский скит). «Любезный мой братец Матвей Абрамович. Желаю много лет. . .».

Обрывок. Скоропись. Было сложено конвертом. Текст местами поврежден. Следы сургучной печати.

1 л. 18.1 × 12.6. Из дер. Скитская.

Сообщение о смерти матери и просьба о ее поминовении и об уплате Вере Прокопьевне и Наталье Дементьевне по рублю.

28 (296). Неустановленное лицо Усть-Цилемскому волостному правлению.

XIX в. (середина). «Архангельская духовная кансистория слушали указ святейшаго правительствующаго Синода. . .».

Копия, снятая И. С. Мяндиным. Скоропись. От водяного знака видна лишь цифра 5. На л. 1, в левом верхнем углу, неразборчивая надпись скорописью, замазанная чернилами.

2 л. 17.9 × 10.8. Из с. Усть-Цильма.

Об устройстве в Усть-Цильме единоверческой церкви и о регистрации желающих принять единоверие.

29 (297). Тих(онов ?) Степан Егорович неустановленному лицу.

1865, февраля 21. «Хресный батюшка! Помилуй. . .».

Обрывок письма. Скоропись. Часть текста в правой части уничтожена.

1 л. 20.2 × 15.5. Из дер. Боровская.

Просьба прислать молитву архангелу Михаилу.

30 (298). Дуркина Агафья Мазюкевичу Ивану Владимировичу, мировому посреднику 2-го участка Мезенского уезда.

1867, декабря 26. (Усть-Цильма). В г. Мезень Архангельской губернии. «Его высокоблагородею господину мировому посреднику 2 участка Мезенскаго уезда Ивану Владимировичу Мазюкевичу крестьянской вдовы Усть-Цилемской волости Агафьи Дуркиной покорнейшее прошение. В 1865 году...».

Черновое. Прошение написано Кисляковым Василием. Скоропись. Бумага со штемпелем фабрики Сумкина. Текст поврежден.

1 л. 34.9 × 21.8. Из с. Усть-Цильма.

Жалоба на незаконное изъятие волостным правлением малицы и рубля серебром.

31 (299). Мартюшов (?) Григорий «любезнейшей братии».

1869, февраля 18. (В Великопоженский скит). «Любезнейшии братии. А именно: не могу досказать, прося вас постараться...».

Скоропись. Было сложено конвертом. Бумага со штемпелем фабрики Сумкина. Края листа с текстом обрезаны.

1 л. 20.3 × 15.3. Из дер. Скитская.

Просьба переписать ряд канонов и продать печатные каноны. Взять с Денисова Ивана пять (рублей).

32 (300). Михеев Евтихий Михееву (отцу).

XIX в. (третья четверть). (На Пижму). «сын (*нрзб.*) пред честными стопы ног вашии и прошу твоего родительскаго прощения...».

Скоропись. Без начала, дефектное. Бумага начала XIX в., от водяного знака видны буквы «СФ».

1 л. 17.4 × 17.3. Из с. Замежная.

Просьба продолжить обучение грамоте и направить в Усть-Цильму к «Ивану Ерен*ину*» (Иринину, т. е. И. С. Мяндину).

33 (301). Мяндин Иван Степанович С.-Петербургскому обер-полицмейстеру.

1875 г. с. Усть-Цильма. В Петербург. «Его превосходительству господину Санкт-Петербургскому обер-полицмэстру ... крестьянина Ивана Степанова Мяндина. Архангельский губернский статистический комитет как не нашел у себя моих книг...».

Черновое. Скоропись. Бумага со штемпелем фабрики наследников Сумкина. Текст поврежден. Письмо реставрировано.

1 л. 35 × 21.7. Из с. Усть-Цильма.

Об оказании помощи в возврате С. В. Максимовым двух рукописей (Хронограф и сборник повестей, поучений и житий), увезенных им в 1856 г.

34 (302). Мяндин Иван Степанович уполномоченному по крестьянским делам Мезенского уезда.

XIX в. (вскоре после 1882 г.). Усть-Цильма. В г. Мезень Архангельской губернии. «Его высокоблагородию господину чиновнику по крестьянским делам Мезенскаго уезда ... Ивана Степановича Мяндина покорниешие прошение ... В 1882 году по нашему обществу...».

Только начало письма. Скоропись. Текст поврежден надрывом при сгибе, замаран клеем.

1 л. 22.5 × 17.3. Из с. Усть-Цильма.

О несправедливых действиях старосты Чупрова и понятых при разделе общественной земли.

35 (303). Чураков Степан Васильевич, помощник архангельского епархиального миссионера Мяндину Ивану Степановичу.

1886, мая (Усть-Цильма). В Усть-Цильму. «Иван Степанович! Покорнейше вас прошу сегодняшнего 12-го числа побывать ко мне. . .».

Скоропись. На л. 1: «Ивану Степану Мяндину»; следы сургучной печати. Листы замараны клеем, порваны по сгибам, но без повреждения текста.

2 лл. 17.8 × 11.1. Из дер. Конино.

Приглашение для личных переговоров.

36 (304). Михайлов Иван неустановленному лицу.

XIX в. (последняя треть). Выговское общежительство. (В Усть-Цильму ?). «Мира, здравия и душевнаго спасения всеусердно вам желаем. . .».

Поморский полуустав, подпись скорописью. Имя адресата уничтожено при обрезании бумаги. Следы сургучной печати.

2 лл. 16.8 × 10.6. Из дер. Карпушовка.

Благодарит за присылку трех рублей пятидесяти копеек.

37 (305). Иван Антонову Титу Веденеевичу.

Б. г., февраля 11 (вторая четверть XIX в.). В Великопоженский скит. «Любезному моему *дядюшке* Титу Веденее*вичу* от племянника твоего Ивана и невестки твоей Марь*и* посылаем с почтением. . .».

Совместно с невесткой Марией. Скоропись. Водяной знак — дата *1*821. Было сложено конвертом. На л. 1 об.: «Отдать сие письмо крестьянину Титу Онтонову в монастырь». В конце не сохранилось строки. Следы сургучной печати.

1 л. 22.5 × 17.6. Из с. Трусово.

Благодарит за присылку омулей, икры и денег через Ивана Саввинова.

38 (306). Михеев Парменид Осташову Матвею.

XIX в. (последняя четверть). Пижма. «Сию (отдал?) Михеев расписку крестьянину М*атвею* Осташову. . .».

Документ написан, по-видимому, рукой Осташова Матвея, как это видно из его надписи на обороте расписки. За Михеева, по его просьбе, расписался крестьянин Тимофей Чуркин. Скоропись. Текст поврежден.

1 л. 15.4 × 15. Из с. Замежная.

Расписка в получении от Осташова пяти рублей за пожню.

39 (307). Неустановленное лицо (Бобрецову) Нилу (Семеновичу ?).

XX в. (начало). (В дер. Скитская ?). «Любезный друг Нил . . . желаю здравствовать . . . И притом же ты просил. . .».

Обрывок. Полуустав.

1 л. 11 × 10.6. Из дер. Боровская.

Ответ на просьбу переписать Слова на благовещенье и пасху.

40 (308). Неустановленное лицо Чимшану (?) Андрею Сергеевичу.

XX в. (начало). «Милостивой государь Андрей *желаю* здраствовать при всяком *благополучии*...».

Обрывок. Скоропись. Бумага со штемпелем компании Угличской фабрики. Обращение написано на левом поле. На л. 1 об.: «Господин Андрей Сергеевич Чимшан».

1 л. 17.7 × 11. Из с. Усть-Цильма.

Просьба сделать изгородь для безопасности скота.

41 (309). Бажуков Андрей Михайлович Семену Ивановичу с супругой Яковлевной.

1915, сентября 8. (Нижняя Нерица). (В с. Трусово ?). «М. Г. господин Семеон Иванович с супругой Яковлеевны ниско кланяюсь...».

Беглый полуустав. Вместо подписи дважды поставлен печатный именной штамп Бажукова.

1 л. 23.3 × 11.1. Из с. Трусово.

Сообщает, что поминал за упокой их родителей, интересуется, какой смертью умерли. Послал два венчика.

42 (310). Москвин Федор Петрович неустановленному лицу.

Б. г., июня 24 (10-е годы XX в.). Москва, Преображенское кладбище. (В Усть-Цильму ?). «...в богослужении тропарях, в молитве за власть...».

Конец письма. Скоропись.

1 л. 20.9 × 17.6. Из с. Усть-Цильма.

О необходимости приезда переписчика рукописей.

43 (311). Пашин Иван А. Бобрецову Семену Алексеевичу

Б. г., июня 30 (первая четверть XX в.). На Пижму. «А еще пишу вашей милости и прошу вас, что ваши имена знаем...».

С передачей Бобрецову Нилу Семеновичу. Без начала. Полуустав. Бумага со штемпелем фабрики К. Печаткина.

1 л. 12.6 × 9.4. Из дер. Скитская.

Вопросы о перекрещивании переходящих в старообрядчество, об употреблении картофеля, керосиновых ламп, хмельного пития и др. Упоминаются пижемцы Бобрецов Фотий Семенович и некий Евстафий Матвеевич.

44 (312). Карпа (отца) Ивану Карповичу (Ермолину).

XX в. (первая четверть). (Усть-Цильма ?). «Любезнейший наш сын Иван Карьпович. Присылаем вам заочное родительскои благословения...».

Скоропись. Текст поврежден.

1 л. 20 × 18. Из с. Усть-Цильма.

Интересуется службой и началом беременности жены («хозяйки»).

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ПИСЬМО ДИОМИДА ЛОМАЕВА ТИМОФЕЮ ИВАНОВИЧУ

Господи Исусе Христе, сыне божии, помилуй нас. Аминь.

Тимофей Иванович! Желаю здравия душевнаго и телеснаго и нижайши кланяюсь.

Прошу бога ради, потрудись, переплети книгу Большой Потребник,

которой послан к Вашей милости с Иваном Пажгиным, и кожа на книгу, только немудрая. Будет у тебя полутче кожа, положь свою. *А я* тебе из дому привезу.

Еще к тебе *по*слано ячмени в мешке два пуда, *толче*ного сурику полтора фунта, цена ... копеек. Деньги взял я у Ивана. *А семян* нечево не надобно. И с мешком *от тебя* я ничево не получил.

Мне надобно *лампа*да до десятка да чаша одна или *две*.

В книге сперва листов тритцать свою *бумагу* положь или у Пажгина возми. Я изволившу на осенну привезу. А масла посного до зимы взять негде. О протч*ем* пиши ко мне обстоятельно и что тебе надобно.

Писал до вас многогрешный и неключимый ленивый раб, до лица земли кланяюсь, Демид Ломаев. Исакию ниский поклон.

Июля 2 дня 1794 года. С Усть-Волосницы.

(ИРЛИ, Рукописный отдел, Усть-Цилемское собрание, № 269).

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

СПИСОК УСТЬ-ЦИЛЕМСКИХ ПИСЦОВ И ВЛАДЕЛЬЦЕВ РУКОПИСНЫХ СОБРАНИЙ XVIII—XIX вв.

В нашей книге «Усть-цилемские рукописные сборники XVI—XX вв.» (Сыктывкар, 1960, стр. 16—18, 24—26) мы опубликовали списки усть-цилемских писцов и владельцев рукописных собраний. В процессе дальнейшей работы над этой темой удалось найти новые материалы. Они обнаружены в результате изучения рукописей Усть-Цилемского собрания ИРЛИ АН СССР, не вошедших в указанную книгу, и в результате просмотра «Дел» Архангельского областного исторического архива. Наибольшее число таких лиц было извлечено из «Дела» о закрытии в 1847 г. молельни в доме И. С. Мяндина в Усть-Цильме (АОИА, ф. 29, оп. 3, № 3309). Характерной особенностью нового списка является более старый по времени состав писцов и владельцев собраний. Большинство их относится к первой половине и середине XIX в., тогда как в первом списке преобладали лица второй половины XIX и начала XX в. Есть в новом списке писцы и владельцы рукописных и книжных собраний XVIII в. Немало лиц из Великопоженского скита. Таким образом, настоящий список будет ценным дополнением к ранее опубликованным сведениям.

1. Антонов Венидикт (умер в первом десятилетии XIX в.), наставник. Великопоженский скит. Переписывал рукописи.
2. Антонов Тит Венедиктович (умер в 1846 г.), наставник. Великопоженский скит. Переписывал рукописи.
3. Бобрецов Тимофей (родился в 1790 г.).
4. Вокуев Евграф Иванович (родился в 1796 г.), с. Усть-Цильма.
5. Вокуев (по прозвищу Печорцев) Петр Яковлевич (родился около 1745 г.), с. Усть-Цильма.
6. Грязнов Федор Васильевич. Великопоженский скит. Староста в 1811 г.
7. Дуркин Андрей Иванович (конец XIX в.), с. Усть-Цильма.
8. Дуркин Артемий Григорьевич (родился в 1807 г.), с. Усть-Цильма.
9. Дуркин Василий Петрович (вторая половина XIX в.), с. Усть-Цильма.
10. Еремин Степан Никифорович (умер около 1855 г.), наставник. с. Усть-Цильма.

11. Ермолин Андриан Агафонович (середина XIX в.).
12. Ермолин Ефим Андреевич (1778—1851), с. Усть-Цильма.
13. Иван Акиндинович (родился около 1650 г., умер в 1743 г.), наставник. Великопоженский скит.
14. Игумнов Семен Петрович (XIX в.), с. Усть-Цильма.
15. Исаакий (первая четверть XVIII—вторая половина XIX в.), наставник. Великопоженский скит.
16. Кириллов Иван (XX в.), наставник. Великопоженский скит.
17. Кисляков Василий Ефимович (середина XIX в.), с. Усть-Цильма.
18. Кисляков Иван Трофимович (середина XIX в.), с. Усть-Цильма.
19. Кисляков Федор Иванович, с. Усть-Цильма (?).
20. Клокотов Парфен Максимович (родился в 1680 г.), наставник. Великопоженский скит.
21. Козьмин Илларион Петрович (родился в 1821 г.), наставник, с. Усть-Цильма — дер. Кривомежная (Цильма). Переписывал рукописи.
22. Мяндин Абрам Васильевич (1790—1830), наставник, с. Усть-Цильма.
23. Мяндин Василий Евграфович (умер в конце XIX в.), с. Усть-Цильма.
24. Мяндин Василий Захарович (1733—1807), с. Усть-Цильма.
25. Мяндин Ипат Степанович (XIX в.), с. Усть-Цильма.
26. Мяндина Ирина Васильевна (1799—1850), наставница, с. Усть-Цильма.
27. Неплеев Михаил (вторая половина XIX в.), дер. Марьица.
28. Носов Василий Васильевич, дер. Рощинский Ручей.
29. Носов Иван Артемьевич (родился около 1790 г.), с. Усть-Цильма.
30. Носов Иван Афанасьевич (родился в 1783 г.), дер. Уег.
31. Носов Игнатий Иванович (родился около 1805 г.), с. Усть-Цильма.
32. Носов Петр Иванович (родился около 1823 г.), с. Усть-Цильма.
33. Носов Степан Анхенович (первая треть XX в.), дер. Загривочная. Переписывал рукописи.
34. Осташов Матвей (родился в 1807 г.), наставник. Великопоженский скит.
35. Палкин Матвей (XIX в.), с. Усть-Цильма.
36. Поздеев Алексей Алексеевич, дер. Сергеево-Щелье.
37. Поздеев Андрей Исаакович (родился в 1820 г.).
38. Поздеев Иван Максимович (середина XIX в.), с. Усть-Цильма.
39. Поздеев Яков Иванович (середина XIX в.), с. Усть-Цильма.
40. Попов Иван Ларионович (середина XIX в.), с. Усть-Цильма.
41. Тимофей Иванович (умер в первой четверти XIX в.), наставник. Переписывал рукописи. Автор полемического сборника против чердынских старообрядцев (Усть-Цилемское собрание, № 209).
42. Тиронов Никита Андреевич (родился в 1803 г.), с. Усть-Цильма.
43. Тиронов Федор Анкудинович (вторая половина XIX в.), с. Усть-Цильма.
44. Томилов Аким Тимофеевич (родился в 1707 г.). Великопоженский скит. Староста в 1782 г.
45. Томилов Иван Стахиевич (1770—1843), наставник. Великопоженский скит. Переписывал рукописи.
46. Торопов Григорий Карпович (родился в 1783 г.), с. Усть-Цильма.
47. Торопов Лазарь Дементьевич (XIX в.), с. Усть-Цильма.
48. Торопов Сергей (XIX в.), наставник. Великопоженский скит.
49. Торопов Федор Михайлович, с. Усть-Цильма.
50. Чупров Абрам Исаакович (1783—1850), дер. Загривочная.

51. Чупров Емельян Авраамович (родился в 1819 г.), дер. Загривочная.

52. Чупров Игнатий Федорович, дер. Сизябская.

53. Чупров Кирилл Абрамович.

54. Чупров Степан Абрамович (родился в 1802 г.), дер. Загривочная.

55. Чупрова Евдокия Исааковна (родилась около 1791 г.), дер. Загривочная.

56. Чуркин Степан Иванович. Великопоженский скит. Староста в 1811 г.

57. Шишилов Филипп Иванович, с. Усть-Цильма.

Кроме того, владельцами рукописей, по-видимому, были Чуркин Василий (первая треть XIX в.), Бобрецов Тимофей Семенович (Великопоженский скит, первая треть XIX в.) и Носов Иван (Усть-Цильма, XIX в.).

А. С. ДЕМИН

Две коллекции столбцов Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР

В этой заметке характеризуются две коллекции актового материала (Е. Ф. Будде и Муравьевых), хранящиеся в собрании древнерусских рукописей Пушкинского Дома АН СССР.

Первая коллекция, происхождение которой неясно, состоит из 111 столбцов, содержащих более 180 документов. Она условно названа коллекцией Муравьевых, так как большинство ее документов прямо или косвенно относится к делам дворянского рода Муравьевых XVII—начала XVIII в. в Новгородском уезде.[1] Часть ее документов того же времени относится к делам других новгородских помещиков — Елецких (№№ 13, 14, 21, 29, 44, 46, 85, 88, 97),[2] Пущиных (№№ 16, 67, 84, 105), Татищевых (№№ 93, 109, 110), Тырковых (№№18, 19), Нееловых (№ 8), Сусловых (№№ 2, 6) и многих других, а также к делам дворянского рода Дашковых в Веневском, Коломенском и Муромском уездах (№№ 20, 24, 26, 30, 31, 33, 40, 42, 77, 95, 103, 108) и дворянского рода Еропкиных в Вологодском уезде (№№ 3, 58).

В коллекции преобладают земельно-денежные и крестьянские дела из северо-западной России второй половины XVII в. Ряд документов XVII—начала XVIII в. подробно характеризует тяжелую жизнь крепостных крестьян. Такова, например, выводная 1693 г. с правом помещика Е. А. Муравьева выдать замуж крестьянку Мавру «за кого он похочет» (№ 12). В крестьянской сказке 1679 г. (№ 45) говорится о том, что крестьяне бегут из-за великих налогов даточного сборщика Г. В. Поскочина, который берет «гостинцы» деньгами, шубами, овчинами, полотнами. Беглые крестьяне совершали иногда большие путешествия. Так, новгородский крестьянин Д. С. Юров был взят на службу в малороссийские города, но сбежал и объявился в Москве в стрельцах (№ 30, 1670-е годы). Или московский дворовой человек Юрий Иванов побывал в Польше, перешел «за свейской немецкой рубеж», затем с женою «вышел в сторону великого государя», где заболел и был пойман (№ 104, 1700 г.).

В ряде документов XVII в. рассказывается о жульнических махинациях новгородских помещиков: о том, как Г. В. Поскочин «накупал» людей для дачи неправильных показаний (№ 60), как М. С. Кашкарову подписали челобитную «задним числом» (№ 63), о «неправом докладе» Ф. В. Зеленина воеводе Н. П. Прозорскому (№ 73).

---

[1] О роде Муравьевых см.: ИРЛИ, разр. I, оп. 45, № 5 (М. Тюлин) и оп. 17, № 414, л. 6 об. Остальную литературу см. в кн.: Л. М. Савелов. Библиографический указатель по истории, геральдике и родословию российского дворянства, изд. 2-е. Острогожск, 1898, стр. 180.

[2] В скобках указываются номера столбцов, под которыми они значатся в описи.

Некоторые документы касаются отдельных внешнеполитических событий XVII в. В списке с вотчинной грамоты 1617 г. царя Михаила Федоровича новгородцам Ж. Я. и Н. Я. Тырковым упоминается об их «осадном сидении» с князем Михаилом Васильевичем Шуйским против поляков, литвы и «русских воров» (№ 18, 1646 г.). В большинстве же подобного рода документов XVII в. содержатся скупые указания на различные мелкие события в русско-польской войне 1654—1656 гг.: об убитых в бою в дер. Верховичи под Брестом (№№ 18, 19, 1655—1656 гг.), о пушке «немецкой длинной», полоненной в Верховичах (№ 20, 1656 г.) и др.

Топографические сведения (названия слобод, улиц, монастырей, домов Москвы, Новгорода, Венева, Ладоги) находятся в столбцах XVII—начала XVIII в. (№№ 5, 22, 43, 84, 96, 105, 108). Различные бытовые события и реалии отражены в следующих документах. Дело 1684 г. (№ 62) сообщает о нападении крестьянина дер. Теремец Новгородского уезда Анания Федотова «с товарищи» на «гулящего человека», дьячка Ивана Перфильева, пришедшего «незваным» на крестины младенца. В памяти 1623 г. (№ 5) ладожскому воеводе Г. Н. Муравьеву предписывается бить батогами и сажать в тюрьму на день или два тех людей, которые в летнее время начнут избы и мыльни топить или вечером поздно с огнем сидеть. В деловой записи 1646 г. (№ 12) племянники обещают «оберегать» Т. Г. Муравьеву, так как она стала слепа, стара «и во уме засыбает». Много бытовых реалий называется в записи 1699 г. Е. А. Муравьева, оставившего до весны вышневолоцкому охотнику Ю. Леонтьеву иконы, коробок лубяной, две рубахи людские холщовые, хомут и т. д. Наконец, в составе коллекции сохранилось частное письмо начала XVIII в. Оно публикуется в приложении.

По времени столбцы эти располагаются так: первая четверть XVII в. — 6, вторая четверть — 9, третья четверть — 20, последняя четверть — 67, начало XVIII в. — 9.

Состав документов в столбцах разнообразен: грамоты ввозные (№№ 29, 66), вотчинные послушные (№№ 18, 19, 26), данная (№ 43), отдельные (№№ 18, 21, 23), указные (№№ 40, 59, 63); выписи из писцовых и других книг (№№ 23, 27, 46, 58, 61, 65, 78, 97, 111), отдельная (№ 3), меновная (№ 91); записи выводные (№ 12), деловые (№ 12), купчие (№№ 12, 94), меновные и договорные (№№ 12, 24, 48, 49, 50, 54, 62, 74, 76, 85, 90, 92, 93), мировые (№№ 4, 62), оброчная (№ 37), полюбовная (№ 62), порядные (№№ 2, 6, 9, 10, 106), сдаточная (№ 82), сделочные (№№ 52, 60), третейская (№ 28), различного рода (№№ 18, 28, 32, 53, 61, 81, 96, 98, 99, 101); кабалы заемная (№ 102), закладная (№ 22), служилая (№ 1); крепость заемная и закладная (№ 12); отписи (№№ 12, 33, 51, 57, 64, 79, 84, 105); отписки (№№ 25, 61, 62, 73); памяти духовная (№ 18), заемные (№№ 86, 87), наорная и накосная (№ 89), отказные (№№ 14, 34, 61), сыскные (№№ 36, 70), различного рода (№№ 5, 13, 47, 61, 68, 69, 75, 78, 83, 95, 111); письма договорное (№ 88), полюбовные (№№ 12, 28), частные (№№ 107, 61 — на обороте); приговоры судные третейские (№№ 16, 44); расписка (№ 67); росписи (№№ 20, 100, 108); сказки и допросные речи (№№ 55, 56, 61, 77, 103, 104); судные списки (№№ 15, 39); «сыск» (№ 45); челобитные: меновная (41), сдаточная (№ 38), различного рода (№№ 8, 11, 17, 18, 30, 31, 35, 42, 52, 71, 73, 104). Таким образом, большинство документов — это записи, затем идут выписи, памяти, челобитные и грамоты.

16 документов XVII в., главным образом челобитные и записи, являются черновиками (№№ 7, 11, 28, 39, 42, 52, 53, 60, 62, 67, 71, 88).

16 документов, главным образом грамоты и памяти XVII в., скреплены черновосковыми круглыми печатями новгородских воевод (№№ 14, 19, 21, 23, 29, 34, 36, 43, 47, 66, 68, 69, 70, 75, 78, 83) и один печатью царя Алексея Михайловича (?) (№ 26). На двух документах XVII—начала XVIII в. сохранились остатки красных печатей (№№ 66, 107).

Вторая коллекция столбцов — из фонда известного филолога, члена-корреспондента АН СССР Е. Ф. Будде (1859—1929).[3] В ней 12 единиц: 2 столбца XVIII в. (№№ 10, 12), остальные — XVII в. (1645—1646 гг.). 10 столбцов содержат различные документы: выписи из земельных книг (№№ 1, 2, 8) «сыск» (№ 3), третейскую и судную записи (№№ 4, 9), челобитную (№ 5), указную грамоту (№ 6), правую память (№ 7) и т. п. Они касаются земельно-крестьянских дел в Галицком, Нижегородском, Саранском, Свияжском и Симбирском уездах.

Два столбца — историко-литературного значения: азбука-пропись 1774 г. с виршами (№ 12) и письмо 1638 г. (№ 11) иностранного полковника Александра Лесли царю Михаилу Федоровичу с тетрадью о «чине урядного строения» польских рыцарей (переведены тогда же на русский язык).[4]

В приложении публикуются два письма — А. Саблина и К. Посникова. Письмо А. Саблина является ответом на письмо А. Е. Муравьева. Прислано оно было с крестьянами и сохранилось, быть может, потому, что посвящено денежным расчетам и присылке ценного оклада и салопа. Написано оно в 1700—1704 гг. на 1 ставе. На обороте указан адресат: «Алексею Ефимовичю Муравьеву» — и имеются остатки красной печати. Запись другим почерком XVIII в.: «струговыя записи и за даточного». Водяной знак — голова шута. От второго письма сохранились лишь отрывки на отрезке ссатва, подклеенного к столбцу № 2 (Выписи из межевых книг Галицкого уезда 1647—1648 гг.) коллекции Е. Ф. Будде. Письмо написано К. Посниковым в 1749 г. в Галиче. В конце его остатки красной печати. Текст во многих местах поврежден клеем. Язык обоих писем разговорный. Письма публикуются по правилам ТОДРЛ.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. ПИСЬМО АРХИПА САБЛИНА АЛЕКСЕЮ ЕФИМОВИЧУ МУРАВЬЕВУ

Государь мой Алексей Ефимович, здравие твое и з государыней моей, а твоей матушкой Катериной Васильевной и с сестрицами твоими да сохранит десница божия на лета многа.

Изволил милость твоя писать о деньгах и *при*слать[a] крестьян своих, и я им деньги ваши отдал, а которые издержаны, я тому расходу послал роспись.

Да пожалуй, государь мой, поклонись от меня Якову Васильевичю Малгину и возми моление мое — образы под окладом и с низаньем жемчюжным, а буде ево дома нет, — у жены ево, и отдай ты вашему старосты Якову и

[3] О Е. Ф. Будде см.: Е. Карский. Е. Ф. Будде. Некролог. Оттиск из «ИпоРЯС», т. II, кн. 2. Л., 1929, стр. 687—689; А. Селищев. Будде Евгений Федорович. — В кн.: Большая советская энциклопедия, т. 7. М., 1927, стлб. 776—777. См. еще: Большая советская энциклопедия, изд. 2-е, т. 6. Изд. БСЭ, 1951, стр. 228.

[4] Этот памятник опубликован в кн.: Е. Ф. Будде. Послание шведского полковника Александра Лесли к царю Михаилу Федоровичу из Нарвы о новоучрежденном рыцарском польском ордене в 1638-м году. (По рукописи А. Ф. Мейен в селе Назарове Рузского уезда Московской губернии). — ПДПИ, т. CLXV. СПб., 1906, стр. I—VI, 1—26.

[a] Чтения в публикуемых рукописях, отмеченные курсивом, восстановлены автором настоящей статьи.

прикажи ему, чтоб он ко мне привес да он же бы и солоп мой привес, а я ему за работу заплачю.

Писавший Архип Саблин челом бью.

Писана декабря в 26 день.

(Коллекция Муравьевых, № 104).

2. ОТРЫВКИ ИЗ ПИСЬМА КИРИЛА ПОСНИКОВА ИЗ ГАЛИЧА

...и ничего теперь не опасаюсь... ...из оной выпис... ...сать, до Климова, ...у... инова выпи... в одно а проч... чтоб чего не проронить: а выписать от тех пустошей в округ, дабы можно было со всеми прикосновенными владельцы полюбовно развестись: а что Андрей Гавриловичь говорит, будто бы у нево и еще ...*ло*... *пуст*оше ево Дуронов, не малого числа недостает, но хоша б и подлинно недостало, так мне не страшно, пото... до *Лувен?* земле *мер* все прикосновенныя дачи в том числе и ево письмо отдай, ...не могу... ...начали приходить, а как из выписи станеш выписывать, пропиши годы и ис которых писцовых и межевых книг, да и в котором году и кому та выпись дана, сие надобно в канторе здесь объявить.

Кирил Посников.

Августа 4 *дня*
1749 году
Галичь.

(Коллекция Е. Ф. Будде, № 2).

В. Д. МИКУЛИН

Рукописи и старопечатные книги Хвалынского краеведческого музея Саратовской области

В 1927 г. прекратили существование широкоизвестные в России Черемшанские старообрядческие монастыри и скиты, основанные в 60-х годах XIX в. в лесах и горах Хвалынского уезда Саратовской губернии.

При закрытии монастырей архивы, иконный и книжный фонды их были переданы Хвалынскому краеведческому музею. Несомненно, что наиболее ценные иконы и книги монахи успели скрыть или раздать местному старообрядческому населению.

Большинство печатных книг, а их передано было в музей более 120 штук, особого научного интереса не представляют и относятся в основном к XVIII—XIX вв. Это главным образом богослужебные книги и произведения богословского и полемического характера, встречающиеся во множестве в наших библиотеках.

Рукописей музей получил немного, причем большинство их является списками XIX в., переписанными в Хвалынском крае. По своему содержанию рукописные материалы в большей своей части относятся к нотно-крюковым, певческим произведениям (Октоих, Ирмологий, Триодь, Праздники и т. п.) и могут представить интерес в первую очередь для историка русской музыки, изучающего старинное знаменное пение в его поздних интерпретациях. Часть крюковых рукописей украшена местным орнаментом (заставки, концовки, инициалы). Такие рукописные книги будут небезынтересны для искусствоведа, так как в Черемшанских скитах были свои книжные мастера, пытавшиеся выработать свой характерный стиль орнамента.

Среди рукописей следует также отметить стих «Плач по душе» (№ 2140),[1] переписанный в 1865 г. в Черемшанском женском скиту. Он очень точно передает тревожное настроение обитательниц скита, начитавшихся эсхатологических писаний.

Укажем еще Цветник 1890 г. (№ 1206) и Пролог, написанный в два столбца (№ 1426), возможно в XVII в., а также список «Книги о вере» (№ 1417).

Для истории местной рукописно-книжной традиции чрезвычайно интересны будут записи и пометы на книгах, сообщающие имена владельцев, переписчиков и читателей рукописей в XVIII—XIX вв. На некоторых книгах имеются владельческие надписи отца Серапиона, одного из деятельных настоятелей Черемшанского монастыря (был им в 1883—1908 гг.), и матери Фелицаты (Феклы Толстиковой), наставницы женского скита, известной своей активностью и непримиримостью.

---

[1] В скобках указан номер рукописи по инвентарной книге музея.

Наиболее старшие из старопечатных книг относятся к XVII в. Это преимущественно московские и киевские дониконовские издания церковно-служебного содержания. Сколько-нибудь редких среди них нет. Из старопечатных книг исторического содержания можно выделить «Скрижаль» (М., 1656) (№ 1207), Службу и житие Сергия Радонежского (М., 1647) (№ 1283) и «Историю о взятии Соловецкого монастыря» Семена Денисова (1786) (№ 1189). На книгах встречаются владельческие и читательские записи, подчас с очень интересными сведениями.

Более точные данные о рукописях и старопечатных книгах Хвалынского музея может дать только специалист-археограф после осмотра их. В нашу же задачу входило лишь обратить внимание на это собрание, остававшееся до сих пор неизвестным.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Я. С. ЛУРЬЕ

Михаил Дмитриевич Приселков — источниковед

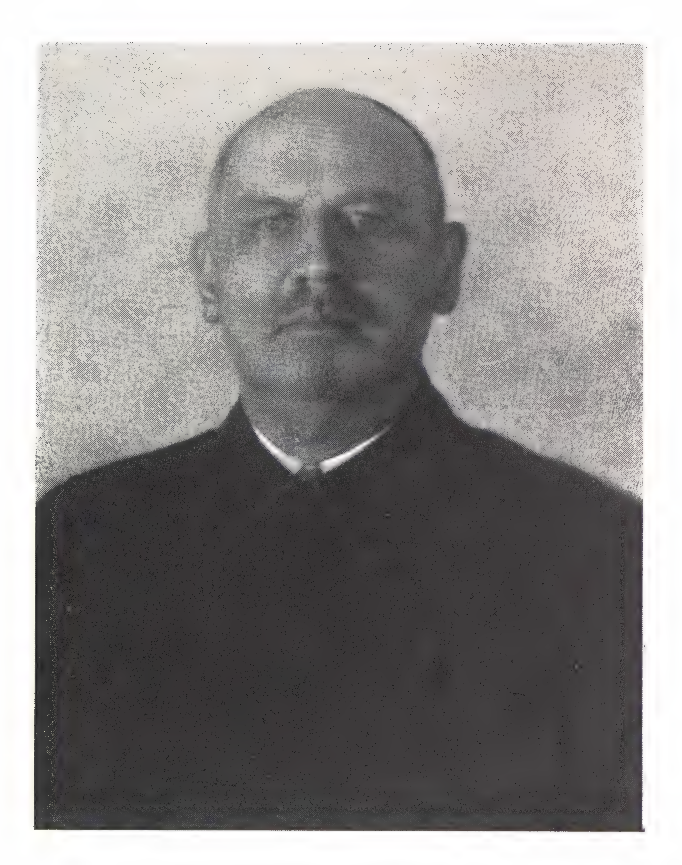
Исполнилось двадцать лет со дня смерти выдающегося советского историка-источниковеда, одного из крупнейших исследователей древнерусского летописания — Михаила Дмитриевича Приселкова.

М. Д. Приселков родился в 1881 г., в Петербурге, в семье священника. В 1899—1903 гг. он учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета, по окончании которого был оставлен при университете для приготовления к профессорскому званию. Первые печатные работы М. Д. Приселкова относятся к 1903 г., а с 1911 г. в печати появился ряд статей, связанных с темой первой большой работы М. Д. Приселкова, его магистерской диссертации «Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв.», опубликованной в 1913 и защищенной в 1914 г. Уже в этой работе М. Д. Приселкова важнейшую роль играли источники по древнерусской истории и те новые приемы работы над ними, которые были введены в науку А. А. Шахматовым. В последующие годы, преподавая на Бестужевских высших женских курсах, в Психо-неврологическом институте и в Университете (с 1907 г. — приват-доцент, с 1917 г. — доцент, с 1918 г. — профессор), М. Д. Приселков пишет ряд исследований источниковедческого характера, среди которых должна быть названа книга «Ханские ярлыки русским митрополитам» (1916), научно-популярная книга «Нестор-летописец» (1923) и ряд статей по истории летописания XII—начала XV в. В этот период М. Д. Приселков начинает большую работу, осуществленную им много лет спустя, — реконструкцию сгоревшей в 1812 г. Троицкой летописи. В 20-х годах М. Д. Приселков ведет и научно-экспозиционную работу в историко-бытовом отделе Русского музея (с 1928 г. он полностью переходит на работу в Музей из Университета); с этой темой связан и ряд его печатных работ.

Новый период научной деятельности М. Д. Приселкова начинается с 1936 г. В эти годы М. Д. Приселков вновь возвращается к работе в Ленинградском университете и к своим исследованиям по истории летописания. За сравнительно короткий период в печати появляется ряд его важнейших работ по древнерусскому летописанию; в 1939 г. была написана и защищена докторская диссертация М. Д. Приселкова «История русского летописания XI—XV вв.» (опубликована в 1940 г.). М. Д. Приселков издает важнейшие труды А. А. Шахматова, остававшиеся до того времени не опубликованными («Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв.»; «Повесть временных лет», ч. II), он выдвигает план второго, по-новому построенного издания «Полного собрания русских летописей» [1] и приступает к реализации этого грандиозного плана.

---

[1] План этот опубликован в книге: С. Н. Валк. Советская археография. М.—Л., 1948, стр. 139—141, примечание.



Михаил Дмитриевич Приселков.

Не менее яркой была педагогическая деятельность М. Д. Приселкова в эти годы. Замечательный преподаватель, бессменный руководитель студенческого научного кружка, Михаил Дмитриевич пользовался единодушной и заслуженной любовью студентов. В этой любви Михаил Дмитриевич имел возможность убедиться 17 июня 1939 г., во время защиты его докторской диссертации; недаром, публикуя свою книгу, он посвятил ее в память об этом дне «Студенчеству исторического факультета Ленинградского государственного университета». В 1940 г. М. Д. Приселков был назначен деканом исторического факультета. Внезапная болезнь и смерть 19 января 1941 г. оборвала научные и педагогические планы М. Д. Приселкова.

Неизменным свойством работ М. Д. Приселкова был их новаторский характер — они постоянно вызывали оживленные дискуссии в научной литературе. Горячие споры вызвала уже его первая книга (магистерская диссертация) «Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв.». Особенно резкими были отзывы двух рецензентов этой книги — А. Королева и В. Завитневича. А. Королев обвинял М. Д. Приселкова в нежелании «считаться с трудами весьма почтенных ученых, которые писали по тем вопросам, которые он разбирает в своей книге», и выражал надежду, что русская наука «не пойдет по тому пути, на который ее приглашает в своей книге г. Приселков». Интерес к книге М. Д. Приселкова был, по мнению А. Королева, вызван «тем, что в наше время переоценки всяких ценностей многим нравится и в науке сокрушение старых теорий и создание новых, как бы последние не были парадоксальны».[2] Еще энергичнее высказал те же возражения профессор Киевской духовной академии В. Завитневич. Особое возмущение автора вызвало недостаточное знакомство М. Д. Приселкова «с юбилейной литературой, вызванной празднованием 900-летия крещения Руси»; из дальнейших ссылок рецензента выяснялось, что речь идет в основном о его собственной статье «Владимир святой как политический деятель».[3] Но главную «соль» труда М. Д. Приселкова В. Завитневич видел не в недооценке юбилейной литературы о крещении Руси, а в приверженности М. Д. Приселкова к исследованиям А. А. Шахматова, к которым сам рецензент относился с нескрываемой враждебностью. Считая работу М. Д. Приселкова образцом «научного футуризма», В. Завитневич писал: «Такое сочинение только в шутку можно назвать научной диссертацией . . . Если бы подобные научные приемы восторжествовали, история навсегда должна была бы отказаться от надежды добыть подлинно научную истину, заменив последнюю бредом досужей фантазии».[4]

Было бы неверным считать эти рецензии выражением общей оценки труда М. Д. Приселкова, сложившейся в предреволюционной науке, и видеть, таким образом, в молодом исследователе фигуру, одинокую в историографии того времени. Исследователи, несравненно более авторитетные, нежели процитированные рецензенты, — А. А. Шахматов, Е. В. Аничков,[5] М. С. Грушевский[6] — оценили книгу М. Д. Приселкова как «превосходный труд», возбуждающий научную мысль и открывающий новые пути в науке. Правда, и они не приняли многих выводов и гипотез автора. Ряд возражений М. Д. Приселкову высказал и А. А. Шахматов, упрекнувший диссертанта в том, что он поставил между своим исследованием и основ-

---

[2] ЖМНП. СПб., 1914, № 10, стр. 387—400.

[3] Труды Киевской духовной академии, кн. IV. Киев, 1914, стр. 634—635, 639, 645.

[4] Там же, стр. 651.

[5] Е. В. Аничков. Новая гипотеза о происхождении русской церкви. — Отклики (приложение к газете «День»). СПб., 1914, № 4.

[6] Голос минувшего, I. М., 1914, стр. 307—311.

ным его источником — летописью «исследование Шахматова» о древнейшем летописании[7] и в нескольких местах своей работы даже цитировал летописные тексты по реконструкциям Шахматова.[8] Значение этих замечаний Шахматова, нередко приводимых в научной литературе,[9] не следует, однако, на наш взгляд, преувеличивать. Реконструкции древнейших летописных сводов в работах А. А. Шахматова представляли собой наглядное выражение его источниковедческих гипотез, — гипотезы такого рода могут быть изложены и в позитивной форме, и в виде стемм или реконструкций. Как и всякие рабочие гипотезы, гипотезы Шахматова не были, конечно, «вещью в себе», а предназначались для того, чтобы последующие исследователи на них опирались, строя выводы второй степени (подобные выводы, их возможность и соответствие фактическому материалу и являются, как известно, способом проверки рабочей гипотезы). Ссылаясь на шахматовские реконструкции, М. Д. Приселков выражал тем самым согласие с А. А. Шахматовым, признавшим тот или иной текст (из «Повести временных лет», или из Новгородской I летописи) более ранним, восходящим к одному из источников «Повести временных лет»; он мог бы, конечно, сослаться на самый текст, использованный в реконструкции, и на соответствующее место исследования Шахматова, но предпочел данную, более лаконичную форму ссылки. Такая форма построения работы была не очень удачной, ибо она вызывала особенное раздражение у противников шахматовского метода, подобных Завитневичу, и сам А. А. Шахматов счел необходимым ее отвергнуть. Но А. А. Шахматов нисколько не сомневался в том, что М. Д. Приселков «критически анализировал» его предположения (в некоторых случаях он и не соглашался с ними)[10] и уж, конечно, не принимал реконструкций Шахматова за реально дошедшие тексты.

Дальнейшие труды М. Д. Приселкова создали ему огромный авторитет именно в той области, в которой он продолжал труды А. А. Шахматова, — в области истории летописания. В центре внимания М. Д. Приселкова оказывается летописание времени феодальной раздробленности Руси и в особенности летописные своды XIV—начала XV в. Оставаясь в этих работах верным шахматовскому методу привлечения всего относящегося к данной теме летописного материала (методу «больших скобок»), М. Д. Приселков перестраивает, в сущности, всю схему летописания XIII—XV вв., данную А. А. Шахматовым.[11] Специально предметом исследования М. Д. Приселкова были Лаврентьевская и сгоревшая в 1812 г. Троицкая летописи. Из числа статей, посвященных Лаврентьевской летописи, следует особо упомянуть небольшую, но чрезвычайно методологически поучительную статью «Формат Летописца 1305 г.» (1928 г.) — под-

---

[7] Отчет о магистерском диспуте М. Д. Приселкова. — Научный исторический журнал, т. II, вып. 1 (№ 3). СПб., 1914, стр. 137.

[8] А. А. Шахматов. Заметки о древнейшей истории русской церковной жизни. — Научный исторический журнал, т. II, вып. 2 (№ 4). СПб., 1914, стр. 45.

[9] Ср., например: Д. С. Лихачев. 1) Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 17; 2) К вопросу о реконструкции древнерусских текстов. — ИА. М., 1957, № 6, стр. 157, 158.

[10] Так, например, М. Д. Приселков возражал А. А. Шахматову, полагавшему, что легенда об Андрее Первозванном читалась уже в Несторовой редакции «Повести временных лет», и убедительно доказывал, что легенда эта связана с династией Мономаха и появилась в редакции Сильвестра [М. Д. Приселков. 1) Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913, стр. 160—162; 2) История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 39—40, 42—43].

[11] Перечисление работ М. Д. Приселкова по летописанию, как и всех остальных его трудов, см. ниже в составленном Д. А. Казачковой «Хронологическом списке трудов М. Д. Приселкова» (стр. 476—480).

линный шедевр текстологии. Работа М. Д. Приселкова над Троицкой летописью была завершена монументальным трудом — реконструкцией текста Троицкой летописи, изданной уже после смерти автора. И наконец вся работа над летописанием привела М. Д. Приселкова к созданию «Истории русского летописания XI—XV вв.» — первой в русской историографии работы подобного типа.

Роль М. Д. Приселкова как крупнейшего исследователя русского летописания и идеологической жизни древней Руси в целом не вызывает сомнений — она неоднократно отмечалась в историографии. Однако нам представляется, что значение М. Д. Приселкова как источниковеда все-таки недостаточно оценено в нашей литературе. Недооценка эта обнаружилась, в частности, в той резкой и весьма несправедливой критике, которую встретила последняя изданная при жизни работа М. Д. Приселкова — его статья «Киевское государство второй половины X века по византийским источникам» (к значению этой работы мы еще вернемся ниже). В 1944 г., при переиздании своей «Киевской Руси», Б. Д. Греков счел необходимым вставить в эту книгу несколько замечаний об этой статье М. Д. Приселкова.[12] Иронически заметив, что у М. Д. Приселкова было «свое собственное представление о Древнерусском государстве», Б. Д. Греков писал: «М. Д. Приселков в названной статье ставит своей задачей изучить Древнерусское государство второй половины X века на источниках византийских, исходя из положений, что „Повесть временных лет“ — источник „искусственный и мало надежный“ и что греческие источники в своих данных о Руси якобы „более надежны“. К этим последним он причисляет: 1) договоры с греками, как известно, сообщенные отвергнутой автором „Повестью временных лет“, 2) сочинения Константина Багрянородного, известного русофоба..., 3) „Историю“ Льва Диакона, которая о Руси говорит очень мало ... Ограничив себя узким кругом источников и a priori признав византийские сведения более достоверными, чем русские, М. Д. Приселков сделал опыт изображения Древнерусского государства столь же смелый, сколь и неубедительный».[13] К взгляду Б. Д. Грекова присоединился и И. У. Будовниц, также полагавший, что «без всяких к тому оснований М. Д. Приселков отдает предпочтение византийским источникам перед русскими».[14] С этим была связана и общая оценка научной деятельности М. Д. Приселкова, данная в статье И. У. Будовница — единственной в историографии работе, специально посвященной М. Д. Приселкову. Отдавая должное М. Д. Приселкову, как автору первого обобщающего труда по истории русского летописания, как живому и яркому исследователю и прирожденному педагогу, И. У. Будовниц считал, однако, что преувеличение М. Д. Приселковым значения Византии и византийских источников при изучении истории Киевской Руси «обедняет русскую культуру, сводит на нет ее самостоятельность, оригинальность и прогрессивные черты».[15]

Замечания, высказанные Б. Д. Грековым и И. У. Будовницем, являются, в сущности, замечаниями не по адресу: ни в упомянутой статье, ни в каких-либо других работах М. Д. Приселков никогда не высказывал приписываемого ему нелепого взгляда, будто византийские сведения как таковые a priori ценнее русских. Если бы он так думал, он действительно

---

[12] Б. Д. Греков. Киевская Русь, изд. 4-е. М.—Л., 1944, стр. 163. Ср.: Б. Д. Греков. Избранные труды, т. II. М., 1959, стр. 227.

[13] Б. Д. Греков. Избранные труды, т. II, стр. 227.

[14] И. У. Будовниц. Об исторических построениях М. Д. Приселкова. — ИЗ, т. 35. М., 1950, стр. 229.

[15] Там же, стр. 231.

сразу же натолкнулся бы на отмеченный Б. Д. Грековым факт, который ему был известен не хуже, чем его оппонентам (он отмечал его как раз в отвергнутой Б. Д. Грековым статье), — что договоры с греками, которым он придавал значение первостепенного источника, читаются как раз в составе «Повести временных лет».[16] Мысль, лежащая в основе статьи М. Д. Приселкова, весьма проста и ясна: он указывает, что «Повесть временных лет» составлена в начале XII века; поэтому для изучения истории X века предпочтение должно быть дано не этому относительно позднему памятнику, а источникам X в., как современным.[17] Отвергать эти источники на том основании, что они (кроме договоров с греками) византийского происхождения, было бы по меньшей мере странным: это было бы так же неверно, как отвергать, например, Хронику Конрада Буссова как источник по истории восстания Болотникова, предпочитая ей, скажем, «Историю царя Василия Ивановича Шуйского» Татищева только потому, что эта последняя отечественного происхождения.

Приведенные примеры критики работ М. Д. Приселкова интересуют нас не сами по себе — к конкретным историческим вопросам, поставленным в трудах М. Д. Приселкова, наша наука будет иметь возможность обратиться еще не раз.[18] Споры и дискуссии, возникшие в связи с трудами М. Д. Приселкова, заслуживают особого внимания потому, что они позволяют разобраться в особенностях его научного метода.

Пытаясь определить характерные черты научного метода М. Д. Приселкова, мы должны сразу же оговорить, что они присущи не только дан-

---

[16] М. Д. Приселков. Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам. — Ученые записки ЛГУ. Л., 1940, № 73, стр. 216—217, 229. М. Д. Приселков знал и принимал во внимание вывод С. П. Обнорского, что договоры с греками были составлены в одно время на греческом и славянском языках (там же, стр. 241).

[17] Там же, стр. 215—217. Заметим, кстати, что в своей статье М. Д. Приселков предлагал не отвергнуть «Повесть временных лет», а проверить ее по более ранним источникам, — задача, чрезвычайно важная именно для исследования летописания.

[18] Мы не останавливаемся здесь, в частности, на вопросе о характеристике так называемого Древнейшего свода 1037 г. — вопросе, привлекавшем внимание исследователей в последние годы. Вслед за А. А. Шахматовым, М. Д. Приселков считал, что Древнейший свод был создан при кафедре грека-митрополита Феопемпта и отражал политические тенденции этой кафедры (ср., например: М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв., стр. 26—29). Многие наблюдения над древнейшим слоем киевского летописания, сделанные советскими исследователями, дают основание сомневаться в правильности шахматовской характеристики Древнейшего свода: против этого говорит, например, фольклорный характер ряда рассказов, отнесенных А. А. Шахматовым к Древнейшему своду, сочувственное изображение летописцем князей-язычников, отсутствие сходства между этими рассказами и греческими хрониками и т. д. [ср.: Д. С. Лихачев: 1) Культура Киевской Руси при Ярославе Мудром. — Исторический журнал. М., 1943, № 7, стр. 29—31; 2) Русские летописи и их культурно-историческое значение, стр. 59—70]. С другой стороны, исследователи, оспаривавшие мнение А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова, не дали еще объяснения тому обстоятельству, что в тексте древнейшего летописания, сохраненного «Повестью временных лет», явно обходятся некоторые сюжеты, неприятные для Византии; например, ничего не говорится о подозрительной роли греков в гибели Святослава (о чем сообщают даже византийские авторы), и виновником своей гибели оказывается сам Святослав (ср.: М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв., стр. 27). Но как бы мы ни решали вопрос о составе и тенденциях Древнейшего свода, это не может иметь никакого влияния на общую характеристику древнерусской культуры. Так называемый Древнейший свод представляет собой лишь один из источников (точнее — источник источника) «Повести временных лет»; в числе источников «Повести временных лет» были, несомненно, и греческие хроники; считая этот свод русским сочинением, созданным при кафедре грека-митрополита, М. Д. Приселков ни в какой мере не «обеднял русскую культуру», тем более, что характернейшей чертой «Повести временных лет» и печерского летописания вообще он считал как раз противовизантийскую направленность.

ному исследователю, но и ряду других историков-источниковедов. Однако в научном творчестве М. Д. Приселкова эти черты получили наиболее яркое выражение, и именно поэтому его работы вызывали столь решительные протесты сторонников иных исследовательских приемов.

Основной особенностью научного метода М. Д. Приселкова представляется нам разрушение своеобразной иллюзии «дуализма» исторического знания, очень широко распространенной в нашей науке. Все, что мы знаем о прошлом, мы знаем из источников. В применении к новой истории речь идет о множестве источников самых разнообразных типов, дающих богатую картину данной эпохи. Что же касается средневековой и древней истории, то здесь речь идет часто о пяти, трех, двух, а в некоторых случаях и об одном источнике. Однако большинство людей изучает историю не по источникам, а по связным историческим курсам, и у них (в том числе и у историков, когда они обращаются к исследовательской работе) сохраняется иллюзия исторического знания «вообще», лишь дополняемого теми или иными показаниями источников.

Мы знаем, что Иван IV был Грозным, что князь Курбский бежал от него, прислав к царю Василия Шибанова с укоризненным письмом, что Иван Сусанин заманил поляков в лес и погубил их и т. д. Но откуда мы это знаем? Сколькими и какими источниками это подтверждается? Об этом мы вспоминаем не часто. Многие ли, например, из говорящих и пишущих о подвиге Сусанина думают о том, что наше представление об этом подвиге основывается на единственном источнике — грамоте Михаила Федоровича зятю Сусанина Собинину и всецело зависит от той или иной оценки этого источника? Наши исторические знания кажутся нам обычно не суммой показаний, извлеченных из источников, а сплошным потоком «общеизвестных» и менее известных фактов. Древние греки прямо говорили о молве, «фэмэ», продолжающей жить после свершения события; современные люди сохраняют эту «фэмэ» в подсознании.

Именно в этом — корни споров, возникших вокруг работ М. Д. Приселкова о Киевской Руси. Исследователи, возмущавшиеся излишней смелостью гипотез М. Д. Приселкова, представляли дело так, как будто гипотезы эти противостояли какой-то связной, прочно установленной «почтенными учеными» истории этого периода. В действительности же речь идет о периоде, где источников ничтожно мало, иногда просто нет, и никакое решение, кроме гипотетического, невозможно. Еще раз напомним важнейшее положение, особенно подчеркнутое М. Д. Приселковым в его последней работе, но бывшее предпосылкой всех его построений по древнейшей истории Киевской Руси. Имеющаяся в нашем распоряжении древнейшая киевская летопись составлена в начале XII в.; лежащие в ее основе текущие погодные записи стали вестись только в 60-х годах XI в.;[19] до этого времени регулярно и систематически ведущегося летописания не существовало. Составитель «Повести временных лет» не только был отдален от истории X в. на два века, но, за исключением договоров с греками, не имел никаких письменных источников этого времени; он опирался здесь на устную, фольклорную традицию, которую он в основном не мог даже проверить. А к этому надо прибавить еще и тенденциозность летописца и его средневековое, художественно-легендарное отношение к прошлому. Не удивительно, что история Киевской Руси до середины XI в., столь связно и поэтично звучащая в общем курсе, изобилует загадками, «белыми пятнами». В конце X в. происходит «крещение Руси»; первый из-

---

[19] Ср.: М. Д. Приселков. 1) История русского летописания XI—XV вв., стр. 24; 2) Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам, стр. 215.

вестный нам из летописи митрополит появляется лишь в середине XI в. Как же была устроена до этого времени церковная иерархия — эта сложная и обязательная в греко-православной церкви организация? Критикам М. Д. Приселкова казалось излишне смелым предложенное им решение этого вопроса; но они не хотели замечать, что вопрос этот до Приселкова оставался нерешенным и требовал какого-то решения.[20] На это обстоятельство справедливо обратил внимание такой тонкий источниковед, как А. Е. Пресняков. Он заметил, что как ни спорна гипотеза М. Д. Приселкова о подчинении русской церкви в конце X—начале XI в. Охридской патриархии, «она, в общем, не больше вызывает сомнений, чем ходячее представление о каких-то „митрополитах" при Владимире, и, несомненно, выросла из прямой научной потребности объяснить темноту известий о ранних русских церковных отношениях».[21]

Еще хуже обстоит дело с историей дохристианской Руси. Где проходили южные границы Киевской Руси в середине X в.? Сколько было договоров между Русью и Византией? Что представляли собой «светлые великие князья и великие бояре» вместе с Игорем, заключавшим договор с Византией? Авторы, осуждавшие М. Д. Приселкова за обращение к византийским источникам X в., не заметили, что только эти источники дали возможность М. Д. Приселкову дать хотя бы гипотетический ответ на вопросы, не разрешенные с помощью одной «Повести временных лет». На основании анализа договоров с греками и показаний Константина Багрянородного М. Д. Приселков с большой убедительностью показал, например, что русские владели в X в. частью Крымского полуострова и Азовское море находилось внутри русской территории.[22]

Значение своеобразного источниковедческого «монизма» М. Д. Приселкова становится особенно ясным при конкретном историческом исследовании. Если источник является единственной основой исторического знания, то оценка достоверности того или иного факта всецело зависит от общей оценки источника, который о нем сообщает; желая узнать, достоверен ли данный факт, мы прежде всего должны ответить на вопрос: достоверен ли источник, сообщающий о нем? В своей педагогической работе М. Д. Приселков постоянно выступал против такого отношения к источнику, которое он называл «потребительским»,[23] — когда историк, подходя

---

[20] Любопытно, что гипотеза М. Д. Приселкова о подчинении русской церкви болгарской Охридской патриархии, отвергнутая в 1914 г. всеми его оппонентами, получила затем широкую поддержку в иностранной историографии. Ср., например: H. Koch. Byzanz, Ochrid und Kiev 987—1037. Kyrios, Bd. 3 (1938), стр. 253—292. Обзор литературы вопроса см.: L. Müller. Zum problem des hierarhisches Status und der jurisdiktionellen Abhängigkeit der russischen Kirche vor 1039. — Osteuropa und der deutsche Osten, R. III, Bd. 6. Köln—Braunsfeld, 1959, стр. 12—17.

[21] А. Е. Пресняков. Лекции по русской истории, т. I. Киевская Русь. М., 1938, стр. 112.

[22] М. Д. Приселков. Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам, стр. 219—223.

[23] Термин «потребительское отношение к источнику» был довольно распространен в исследовательских кругах в 30-х годах; «автор» этого чрезвычайно удачного термина неизвестен. Нам известен лишь один случай употребления этого термина в печати: в 1934 г., при обсуждении работы Б. Д. Грекова «Рабство и феодализм в древней Руси» (первоначальный вариант будущей «Киевской Руси»), известный источниковед С. Н. Чернов определил отношение Б. Д. Грекова к источнику (в частности, к «Повести временных лет») как «в известной мере потребительское»: «Б. Д. имеет перед собой источник и ограничивается тем, что просто потребляет его, совсем не интересуясь тем, как он приготовлен в своем целом и своих частях. В источниках, по которым он изучает рабовладение Киевской Руси, он как бы имеет несколько очень вкусных блюд и спокойно вкушает их, не интересуясь, как эти блюда высокого напряжения приготовлены» (Известия Гос. академии материальной культуры, вып. 86. М.—Л., 1934, стр. 111—112).

к источнику как к своеобразному универсальному магазину, выбирает из него то, что кажется ему вероятным с некоей предвзятой точки зрения. Принципиальным защитником такого «потребительского» отношения к источнику был критик М. Д. Приселкова В. Завитневич. Возражая против источниковедческих приемов М. Д. Приселкова, он противопоставлял им «внутреннюю критику» источника, основанную на понимании историком «духа эпохи»: «Такой осторожный историк, как С. М. Соловьев, даже Иоакимовскою летописью пользовался, когда находил, что сообщаемые ею данные гармонируют с духом эпохи».[24]

Примеров такого «потребительского отношения к источнику» можно найти в историографии множество, вплоть до нашего времени. Особенно часто объектом такого «потребительского», выборочного использования бывает В. Н. Татищев. «Потребительски» используется рассказ «Казанского летописца» о свержении татарского ига: отбрасывая «легендарные подробности», исследователи оставляют факты, которые им представляются достоверными;[25] так же интерпретируется житийный рассказ о Невской битве[26] и т. д.

Конечно, в историографии возможно частичное использование того или иного источника — признание одних его известий более достоверными, а других менее достоверными, но очевидно, что такое частичное использование должно вытекать из анализа самого источника, его характера, состава и происхождения. Именно это обстоятельство настойчиво подчеркивал М. Д. Приселков. «Если историк, — указывал он в своей «Истории русского летописания», — не углубляясь в изучение летописных текстов, произвольно выбирает из летописных сводов разных эпох нужные записи, как бы из нарочно для него заготовленного фонда, т. е. не останавливает своего внимания на вопросах, когда, как и почему сложилась данная запись о том или ином факте, то этим он, с одной стороны, обессиливает запас всевозможных наблюдений над данным источником..., а с другой стороны, историк может нередко впасть в то неловкое положение, что воспримет факт неверно...».[27]

Основным предметом источниковедческих исследований М. Д. Приселкова было (как мы видим и из только что приведенной цитаты) древнерусское летописание. В этом отношении работы его, как он сам многократно указывал, были теснейшим образом связаны с тем коренным переворотом, который произвел в исследовании русского летописания А. А. Шахматов. «Из истории нашей умственной жизни, — писал М. Д. Приселков в 1920 г., — рукою А. А. (Шахматова, — *Я. Л.*) удален надуманный и пустой образ летописца-монаха, далекого от жизни и мирской суеты. Летописи встают перед нами как памятники страстной политической борьбы, а летописцы являются ее участниками или перьями в руках главнейших политических деятелей ... С другой стороны, мне кажется, А. А. Шахматов безвозвратно похоронил возможность изучать и

---

[24] Труды Киевской духовной академии, кн. IV, стр. 635.

[25] Ср., например: К. В. Базилевич. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952, стр. 162—163.

[26] Ср., например: Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв., ч. 1. М., 1953, стр. 842—845. Автор пользуется рассказом Новгородской I летописи младшего извода (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. А. Н. Насонова. М.—Л., 1950, стр. 292—294), но произвольно выбирает из него все естественно возможные факты и опускает «чудесные» (явление Пелгусию святых Бориса и Глеба, враги Александра, «избиенные от аггел божиих», и т. д.), не пытаясь анализировать рассказ источниковедчески (ср.: Ю. К. Бегунов. Житие Александра Невского в составе Новгородской I и Софийской I летописи. — Новгородский исторический сборник, вып. 9. Новгород, 1959, стр. 230—233).

[27] М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв., стр. 6.

рассказывать о тех эпохах русской истории, о которых говорит летопись, с прежней легкостью в отношении к этому источнику. Всякий исследователь должен теперь приступать к эпохе через изучение сводов, зародившихся в ту пору, как бы ни была тяжела и трудна эта задача, потому что иначе он во многом не поймет, не сумеет прочитать то, о чем и как говорит летопись».[28] Тесно связывая свои исторические построения с филологическими трудами А. А. Шахматова, М. Д. Приселков, однако, с самого начала своей научной деятельности отчетливо осознавал отличие стоящей перед ним задачи от научных задач, стоявших перед его предшественником. Возражая во время своего магистерского диспута С. Ф. Платонову, М. Д. Приселков говорил, что «для А. А. Шахматова текст — цель, для него же самого цель — история».[29] Задача перестройки истории всей древней Руси под углом нового подхода к летописанию была поставлена в историографии не А. А. Шахматовым, а М. Д. Приселковым.

Задача эта, на наш взгляд, не потеряла своей актуальности и в наше время; ее никак еще нельзя считать решенной. До сих пор, широко используя летописи, мы еще не учитываем тех специфических тенденций, которые проходят через большинство дошедших до нас летописных сводов и окрашивают все изложение этих сводов. М. Д. Приселков впервые обратил внимание на то, что традиционная схема, согласно которой политический центр жизни древнерусских княжеств перешел в XII в. из Киева во Владимир, была создана владимирским великокняжеским сводом 1177 г., а из него перешла в более позднее владимирское и московское летописание. «С удивлением видим, — указывал М. Д. Приселков, — что схема эта была принята как основа ученого построения хода русской истории в трудах не только дворянских историков XVIII и первой половины XIX веков, слепо следовавших за изложением поздних московских летописных сводов, но и в трудах буржуазных историков второй половины XIX и начала XX веков. Ключевский, как известно, формулировал эту политическую мысль владимирского сводчика 1177 г. как будто итог своих научных разысканий. . . Однако как для времени своего появления, так и для последующих времен построение владимирского политика и летописателя грешило самым решительным искажением фактов, понятным и простительным для сводчика 1177 г., закрывавшего глаза, в виду страстной борьбы за эту идею, на многие факты, его идее противоречащие, но совершенно непонятым и непростительным для историков, без изучения фактов прошлого, без критики летописных текстов пошедших за этим построением конца XII века».[30]

Не менее глубокий след оставили в историографии и политические тенденции московского летописания.[31] До сих пор, говоря о борьбе Москвы за объединение русских земель, о соперничестве московских князей с другими политическими силами Руси, мы в значительной степени опираемся не на действительные факты (которые могут быть установлены лишь путем критического исследования всех доступных источников), а на тенденциозные рассказы московских летописцев. Едва ли это допустимо: признавая прогрессивный характер объединения Северо-Восточной Руси в XV в., мы вовсе не должны при этом представлять себе это объединение в тех идил-

---

[28] М. Д. Приселков. Русское летописание в трудах А. А. Шахматова. — ИОРЯС. Пгр., 1922, т. XXV, стр. 134. Ср. аналогичное замечание в его более ранней рецензии на В. Пархоменко: ИОРЯС, т. XIX, кн. 1, СПб., 1914, стр. 368.

[29] Научный исторический журнал, т. II, вып. 1 (№ 3). СПб., 1914, стр. 138 (протокольный отчет).

[30] М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв., стр. 73.

[31] Там же, стр. 6, 7, 10, 136—139, 176, 183—186.

лических красках, которыми рисовали его придворные великокняжеские летописцы.

Не получил в нашей исторической науке окончательного разрешения и еще один вопрос, поставленный М. Д. Приселковым, — вопрос об организации и непосредственном назначении летописной работы в древней Руси. Объяснялась ли тенденциозность летописца только его политическими симпатиями, сочувствием той или иной стороне или летописец был официальным историографом той или иной духовной или светской власти? По отношению к большинству летописных сводов М. Д. Приселков во всяком случае склонялся ко второму решению этого вопроса. Летопись была, по его мнению, «политическим документом», причем до середины XV в. она была «документом международного значения»: борясь между собой в Золотой Орде, соперники-князья доказывали перед ханами свои права «летописцами»;[32] наличие независимого от великокняжеской власти митрополичьего летописания объяснялось тем, что «митрополия всея Руси» была независима от отдельных (московских, литовских или тверских) великих князей. С середины XV в., после раскола между московской и литовской митрополиями, московские митрополиты попадают в зависимость от московских великих князей; «летописи утрачивают теперь свой былой смысл документа международного характера и становятся документом внутреннего пользования»;[33] именно поэтому официальное митрополичье летописание становится, по мнению М. Д. Приселкова, с середины XV в. невозможным.[34]

Этот последний вывод М. Д. Приселкова вызвал возражения в историографии. А. Н. Насонов, исследовавший ряд летописных сводов конца XV—начала XVI в., обнаружил в них (особенно в летописном своде, лежащем в основе Софийской II—Львовской летописи) явные следы близости и сочувствия к митрополичьей кафедре, и конкретно к митрополиту конца XV в. Геронтию, стоявшему в ряде вопросов в оппозиции к великокняжеской власти. А. Н. Насонов видит в этом факте доказательство существования митрополичьего летописания конца XV в.[35]

Однако характер этого летописания остается в построении А. Н. Насонова все-таки неясным. Была ли обнаруженная им летопись летописью «промитрополичьей», сочувствующей митрополиту (скажем, летописью какого-то монастыря) или это была официальная летопись митрополита? По-видимому, А. Н. Насонов склоняется ко второй точке зрения — он даже специально доказывает неприменимость к митрополичьему летописанию конца XV в. понятия «неофициального» летописания.[36] Но могла ли официальная летопись митрополита, «документ международного значения» — по терминологии М. Д. Приселкова, выступать в конце XV в. со столь резкой и непримиримой враждебностью к московскому великому князю всея Руси, какую мы находим в исследованном А. Н. Насоновым своде? Ведь Геронтий не был уже независимой фигурой «международного значения», как митрополиты до середины XV в.; он был обязан поставлением на престол только великому князю (а не константинопольскому патриарху) и не мог открыто выступать против него. Знал ли великий князь, что́ писалось в «официальной летописи» его митрополита? Для кого она предназначалась? Для того чтобы считать промитрополичий свод

[32] Там же, стр. 10.

[33] Там же, стр. 176.

[34] Там же, стр. 162—164.

[35] А. Н. Насонов. Летописные памятники Тверского княжества. — Известия АН СССР, Отделение гуманитарных наук. М., 1930, № 10, стр. 715—716.

[36] А. Н. Насонов. Материалы и исследования по истории русского летописания. — Проблемы источниковедения, т. VI. М., 1958, стр. 269.

конца XV в. «официальной летописью» митрополита, А. Н. Насонову необходимо вновь вернуться к вопросу, поставленному М. Д. Приселковым, но не решенному до конца в нашей науке: о назначении летописи, о той практической и документальной роли, какую играл этот памятник.

Далеко еще не оцененное по достоинству научное наследие М. Д. Приселкова открывает перед нами, как мы видим, целый ряд важнейших вопросов истории древней Руси. Но источниковедческие принципы М. Д. Приселкова имеют значение не только для изучения древней русской истории. Не меньшее значение имеют они и для исторической науки в целом — для решения общих вопросов методологии исторической науки.

На первый взгляд такое утверждение может показаться неожиданным. М. Д. Приселков не был историком-теоретиком; предметом его внимания были конкретные исторические вопросы. Как ученый М. Д. Приселков складывался до революции, под влиянием старой историографической школы, и в первую очередь А. А. Шахматова. Однако с самого начала научной деятельности М. Д. Приселкова его внимание привлекла проблема, имевшая большое методологическое значение, — вопрос о политическом пристрастии летописцев, писавших русскую историю. Представление о тенденциозности некоторых литературных памятников не было вполне чуждо буржуазной науке начала XX в. — уже А. А. Шахматов говорил, как известно, о том, что «рукой летописца управляли политические страсти и мирские интересы».[37] Однако зависимость писателя от «мирских интересов» воспринималась историками и особенно литературоведами как досадное и лишь спорадически (обычно во время «смутных времен») возникающее явление. Представление о политических тенденциях как о своеобразном недостатке, присущем лишь некоторым писателям, сохраняется в западном буржуазном литературоведении до сих пор. Большой заслугой М. Д. Приселкова уже в ранних его работах было то обстоятельство, что он взглянул на тенденциозность литературных и государственных деятелей древней Руси как на явление н о р м а л ь н о е, не заключающее в себе ничего, нравственно унижающего этих людей: Нестор был, по его представлению, последовательным сторонником политики князя Святослава и вместе с тем крупнейшим писателем своего времени.[38] Посвятив почти всю свою научную деятельность летописи как историческому источнику, М. Д. Приселков пришел к представлению о политической тенденциозности как характерном и типичном свойстве исторического источника.

Это положение имеет важнейшее значение для формирования того нового, материалистического источниковедения, которое сейчас, на наших глазах, складывается как важнейшая основа марксистской, материалистической историографии. Проблемы источниковедения не сразу привлекли внимание историков-марксистов. Очень характерно в этом отношении предисловие М. Н. Покровского и Н. М. Никольского к их четырехтомной «Истории России»: «Мы не стремимся ни к каким открытиям ни в области фактов, ни в деле освещения отдельных, специальных научных проблем. . . , — писали авторы. — Мы собираемся брать целиком у других, у исследователей первоисточников их материал и отказываемся заранее от всяких претензий на оригинальность в этом случае . . . Материал, собранный историками-и д е а л и с т а м и, нам приходится обрабатывать с материалистической точки зрения.[39]

Легко понять опасность такого разрыва между собиранием материала

[37] А. А. Ш а х м а т о в. Повесть временных лет. Пгр., 1916, стр. XVI.

[38] М. Д. П р и с е л к о в. Нестор летописец. Пгр., 1923, стр. 87—94, 108—112.

[39] М. Н. П о к р о в с к и й (при участии Н. М. Н и к о л ь с к о г о и В. Н. С т о р о ж е в а). Русская история. М., б. г., стр. 5—6.

и установлением точки зрения на него. «Исследователи первоисточников», на труды которых опирались М. Н. Покровский и Н. М. Никольский, были идеалистами не только в своих общеисторических взглядах, но и в отношении к источникам. Вопрос о политической тенденциозности источников (а тем более о их классовой тенденциозности) почти не ставился в работах этих авторов. Именно поэтому исследователи XIX—начала XX в., как это показал М. Д. Приселков, с полным доверием восприняли тенденциозные построения владимирских и московских летописцев. Пересмотр основных положений старой историографии неизбежно должен начинаться с пересмотра ее источниковедческой базы.

Задача эта только сейчас, в наше время, начинает занимать подобающее место в науке. В последние годы историки все шире обращаются к новым, неопубликованным или источниковедчески не исследованным материалам, публикуют эти источники, подвергают их археографическому и текстологическому исследованию. Все большее место в советской науке занимают вопросы истории идеологии: к этому вопросу обращаются в одинаковой степени и литературоведы, и историки. Среди этих вопросов большое, особенно важное место занимают вопросы исследования политических и идеологических движений угнетенных классов. Сложность исследования таких движений заключается прежде всего в том, что они известны нам почти исключительно по враждебным им источникам: рассказам и сообщениям представителей господствующего класса. В связи с этим источниковедческие вопросы, и конкретно вопрос о возможностях и путях использования враждебно-тенденциозных источников, оказываются в центре внимания советских историков и литературоведов.

Проблемы источниковедения имеют особое значение для нашей исторической науки. Историческому материализму совершенно чуждо то весьма популярное на Западе представление, согласно которому история и вообще гуманитарные науки принципиально отличны от естественных наук и для них нет понятий научной точности. Как ни несовершенны наши исторические знания сегодня, как ни далеки мы еще от точных и естественных наук, основной задачей истории, как и всякой науки, остается исследование объективной истины, установление закономерностей развития человеческого общества. А с этим связано требование строжайшей научной точности нашей науки, абсолютная недопустимость всякого субъективизма, всякого «априоризма» в истории. «Потребительский» метод в источниковедении, непримиримым противником которого был М. Д. Приселков, тем и опасен, что он дает возможность получить в результате исследования заранее заданный исследователем результат. Никакая теория, даже самая убедительная, не может заменить источник при установлении конкретных исторических фактов: «всякая теория, — как указывал В. И. Ленин, — в лучшем случае лишь намечает основное, общее, лишь *приближается* к охватыванию сложности жизни».[40] Задача историка заключается не в том, чтобы, исходя из общих положений материалистического понимания истории, навязывать источнику свое, предвзятое решение конкретных исторических вопросов, а в том, чтобы взглянуть на самый источник с материалистической точки зрения, уметь увидеть историческую истину сквозь классовую и политическую тенденцию источника.

Материалистическое понимание истории начинается с материалистического источниковедения. В создании такого источниковедения работы крупнейшего исследователя источников, последовательного источниковедческого «мониста» М. Д. Приселкова сохраняют непреходящее значение.

---

[40] В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4-е, т. 24, стр. 26.

Д. А. КАЗАЧКОВА

Хронологический список трудов Михаила Дмитриевича Приселкова

1903

1. Александро-Невская лавра при Петре Великом (к предстоящему двухсотлетию Петербурга). — Странник. Пгр., 1903, т. IV, стр. 569—597; т. VI, стр. 16—30.
2. Описание архива Александро-Невской лавры за время царствования императора Петра Великого, т. I, 1713—1716. СПб., 1903, стр. 91—93.

Описано дело № 43, 1713 г.

1911

3. Александр I. — В кн.: Русская энциклопедия под ред. С. П. Адрианова, Э. Д. Гримма и др. СПб., 1911, т. I, стр. 207—211.
Подпись «М. П.».
4. Андрей Апостол. — В кн.: Русская энциклопедия под ред. С. П. Адрианова, Э. Д. Гримма и др. СПб., 1911, т. I, стр. 359—360.
Подпись «М. Пр.».
5. Антоний Печерский. — В кн.: Русская энциклопедия под ред. С. П. Адрианова, Э. Д. Гримма и др. СПб., 1911, т. I, стр. 402.
6. Митрополит Иларион, в схиме Никон, как борец за независимую русскую церковь. — В кн.: Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели. СПб., 1911, стр. 188—201.
7. Описание архива Александро-Невской лавры за время царствования императора Петра Великого, т. 2, 1717—1719 годы. СПб., 1911.

Во вступлении в качестве одного из составителей упомянут М. Д. Приселков.

1912

8. Борис и Глеб Владимировичи. — В кн.: Русская энциклопедия под ред. С. П. Адрианова, Э. Д. Гримма и др. СПб., [1912], т. II, стр. 178.
9. Памяти А. П. Воронова. — Педагогический сборник при Главном управлении военно-учебных заведений. СПб., 1912, т. VI, стр. 697—700.
Некролог.
10. Памяти Е. Е. Голубинского. (Умер 7 янв. 1912 г.). — ИОРЯС. М., 1912, т. XVII, кн. 2, стр. 145—155.
Речь, произнесенная на XLIX заседании 29 февраля 1912 г. в Секции русской истории Исторического общества при СПб. университете, посвященном памяти Е. Е. Голубинского.

Рецензии

11. Н. П. Покатило. Практическое руководство для начинающего преподавателя истории. — Педагогический сборник при Главном управлении военно-учебных заведений. СПб., 1912, т. III, стр. 405—411.
12. Римские древности. Пособие для гимназий и самообразования. Обраб. Г. Зоргенфрея и К. Тюлелиева. Изд. М. О. Вольф. СПб., 1910. — Педагогический сборник при Главном управлении военно-учебных заведений. СПб., 1912, т. I, стр. 122—123.

1913

13. Афон в начальной истории Киево-Печерского монастыря. (Памяти незабвенного Е. Е. Голубинского). — ИОРЯС, М., 1913, т. XVII, кн. 4, стр. 186—197.

Доклад, читанный в Историческом обществе при Петербургском университете

18 января 1912 г. На стр. 186 — упоминание доклада «Так называемое крещение Руси при св. Владимире».

14. Владимир Мономах. — В кн.: Русская энциклопедия под ред. С. П. Адрианова, Э. Д. Гримма и др. СПб., [1913], т. IV, стр. 256—257.

15. Владимир Святославич. — В кн.: Русская энциклопедия под ред. С. П. Адрианова, Э. Д. Гримма и др. СПб., [1913], т. IV, стр. 257—259.

16. Голубинский Е. Е. — В кн.: Русская энциклопедия под ред. С. П. Адрианова, Э. Д. Гримма и др. СПб., [1913], т. VI, стр. 49.

17. Очерки церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913. 414 страниц.

Рец.:

Аничков Е. В. Новая гипотеза о происхождении русской церкви. — Отклики (приложение к газете «День»). СПб., 1914, № 4.

Вернадский Г. В. — Русская мысль. М., 1914, кн. 1, стр. 3—4.

Грушевский М. С. Голос минувшего. СПб., 1914, т. I, стр. 307—311.

Грушевский М. С. — Україна. Київ, 1914, кн. 1, стр. 115—120.

Завитневич В. — Труды имп. Киевской духовной академии. Киев, 1914, кн. IV, стр. 628—651.

Королев А. В. — ЖМНП. СПб., 1914, № 10, стр. 387—400.

О. К. — Современник. СПб., 1914, кн. 3, стр. 118.

Пархоменко В. А. В какой мере было тенденциозно несохранившееся древнейшее «житие Антония Печерского» (по поводу новой книги г. Приселкова). — ИОРЯС. СПб., 1914, т. XIX, кн. I, стр. 237—241.

Пархоменко В. А. Три момента начальной истории русского христианства: Игорь «Старый», Владимир Святой и Ярослав Мудрый (по поводу нового исследования М. Д. Приселкова). — ИОРЯС. СПб., 1913, т. XVIII, кн. IV, стр. 371—380.

Титлинов В. К вопросу о начальной истории христианства на Руси. — Христианское чтение. СПб., 1913, ч. 240, стр. 1447—1470.

Харлампович К. В. — Вестник образования и воспитания. Научно-педагогический журнал при Казанском учебном округе, 1914, т. I, стр. 409—418 и отд. отт. 9 стр.

Харлампович К. В. Широков А. А. Русско-греческие церковные отношения домонгольского периода при свете новейших теорий (М. Приселков и В. Пархоменко). 605 стр. — Ученые записки Казанского университета, кн. XI. Казань, 1915, стр. 17—21. (Отд. отт.).

Отзыв проф. Харламповича на неопубликованную работу студента А. А. Широкова.

Шахматов А. А. Заметки о древнейшей истории русской церковной жизни. — Научно-исторический журнал, т. II. СПб., 1914, № 4, стр. 30—61.

1914

Рецензии

18. Вл. Пархоменко. Начало христианства Руси. Очерк из истории Руси IX—X вв. Полтава, 1913 г. — ИОРЯС. СПб., 1914, т. XIX, кн. 1, стр. 358—369 и отд. отт. 12 стр.

1915

19. Киево-Печерская лавра. — В кн.: Русская энциклопедия, под ред. С. П. Адрианова, Э. Д. Гримма и др. СПб., [1915], т. X, стр. 121—122.

20. Русская история. Учебная книга для VII—VIII классов мужских гимназий и VII классов реальных училищ. М., 1915. 258 стр. Изд. 2-е: М., 1917. 258 стр.

1916

21. Отрывки В. Н. Бенешевича по истории русской церкви XIV в. (посвящается В. Н. Бенешевичу). — ИОРЯС. СПб., 1916, т. XXI, кн. 1, стр. 48—70.

Публикация и комментарии. Совместно с М. Р. Фасмером.

22. Ханские ярлыки русским митрополитам. Пгр., 1916, 116 стр.

1918

23. Н. Ф. Каптерев (8 июля 1847—31 декабря 1917). — Русский исторический журнал. Пгр., 1918, кн. 5, стр. 311—322.

Некролог.

24. Митрополит Макарий (Булгаков) и его «История русской церкви» (1816—1916). — Русский исторический журнал. Пгр., 1918, кн. 5, стр. 177—196.

1920

25. Русская история. — В кн.: Введение в науку. История. Изд. «Наука и школа», Пгр., 1920, вып. 1, стр. 77—78.

Редактирование

26. Введение в науку. История. Изд. «Наука и школа», Пгр., 1920, вып. 1, 79 стр.; вып. 6, 128 стр.; вып. 10, 99 стр.; вып. 13, 39 стр.

Совместно с С. А. Жебелевым и Л. П. Карсавиным.

1922

27. Летописание XIV в. — В кн.: Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Изд. «Огни», Пгр., 1922, стр. 24—39.

28. Памяти А. А. Шахматова. — ИОРЯС. Пгр., т. XXV, 1922, стр. 91—93.

Вступительное слово декана факультета общественных наук Петроградского университета.

29. Русское летописание в трудах А. А. Шахматова. — ИОРЯС. Пгр., 1922, т. XXV, стр. 128—135.

Редактирование

30. Введение в науку. История. Изд. «Наука и школа», Пгр., 1922, вып. 7, 112 стр.; вып. 8, 120 стр.; вып. 14, 167 стр.; вып. 16, 122 стр.; вып. 22, 122 стр.

Совместно с С. А. Жебелевым и Л. П. Карсавиным.

1923

31. Борьба двух мировоззрений. — В кн.: Россия и Запад. Исторический сборник, т. I. Под ред. А. И. Заозерского. Изд. «Academia», Пгр., 1923, стр. 36—56.

32. Нестор летописец. Опыт историко-литературной характеристики. Изд. Брокгауза—Эфрона, Пгр., 1923, 113 стр. (Образы человечества).

Предисловие от редактора Ив. Гревс.

Рец.:

Бугославский С. — Печать и революция. М., 1923, кн. 6, стр. 175.

Заозерский А. И. — В кн.: Века. Исторический сборник, т. I. Пгр., 1924, стр. 178.

Кареев Н. — Педагогическая мысль. Пгр., 1923, № 3, стр. 78.

Рецензии

33. В. М. Истрин. Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (XI—XIII вв.). Изд. «Наука и школа», Пгр., 1922, 248 стр. — В кн.: Россия и Запад Исторический сборник, т. I. Под ред. А. И. Заозерского. Пгр., 1923, стр. 198—201.

Редактирование

34. Введение в науку. История. Изд. «Наука и школа», Пгр., 1923, вып. 9, 143 стр.

Совместно с С. А. Жебелевым и Б. Я. Владимирцевым.

1924

35. Летописец 1305 года. — В кн.: Века. Исторический сборник, т. I. Под ред. А. И. Заозерского и М. Д. Приселкова. Пгр., 1924, стр. 28—35.

Редактирование

36. Века. Исторический сборник, т. I. Изд. «Наука и школа», Пб., 1924, 198 стр.

Совместно с А. И. Заозерским.

1925

37. Купеческий бытовой портрет XVIII—XIX вв. Первая отчетная выставка историко-бытового отдела Русского музея по работе над экспозицией «Труд и капитал накануне революции». Изд. Гос. Русского музея, Л., 1925, 47 стр. с илл.

38. Русский быт первой четверти XVIII в. Изд. Гос. Русского музея, Л., 1925, 7 стр. с илл.

1926

39. Историко-бытовые музеи. Задачи построения, экспозиция. Изд. историко-бытового отдела Гос. Русского музея, Л., 1926, 17 стр. с илл.

1927

40. Південно-руське літописанія в стародавньому суздальському літописанні XII—XIII вв. — В кн.: Збірник Історично-філологічного відділу Укр. АН, № 51. Київ, 1927, стр. 447—461. (Юбілейн. збірн. на пошану акад. Д. И. Багалія).

41. Труд и быт крепостных (XVIII—XIX вв.). Выставка историко-бытового отдела Гос. Русского музея в фонтанном доме. Изд. Гос. Русского музея, Л., 1927, 8 стр.

1928

42. Гардероб вельможи конца XVIII—начала XIX в. — Записки историко-бытового отдела Гос. Русского музея. Л., 1928, т. I, стр. 95—118.

43. Формат «Летописца» 1305 года. — В кн.: Сборник статей в честь акад. А. И. Соболевского. Под ред. В. Н. Перетца. Изд. АН СССР, Л., 1928, стр. 167—172. (СОРЯС, т. CI, № 3. Статьи по славянской филологии и русской словесности).

Статья написана в 1926 г.

1936

44. Ленинград (1703—1861). — В кн.: Большая советская энциклопедия, изд. 1-е. М., 1936, т. 36, стр. 517—524.

1938

45. Курс русской палеографии. Изд. сектора заочного обучения ЛГУ, Л., 1938. 40 стр.

Литографированное издание.

46. От редактора. — В кн.: А. А. Шахматов. Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. Изд. АН СССР, М.—Л., 1938, стр. 4—8.

47. Слово о полку Игореве как исторический источник. — Историк-марксист. М., 1938, кн. 6, стр. 112—133.

Редактирование

48. А. А. Шахматов. Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. Изд. АН СССР, М.—Л., 1938. 372 стр.

1939

49. История рукописи Лаврентьевской летописи и ее изданий. — Ученые записки Ленинградского гос. педагогического института им. А. И. Герцена. Кафедра истории СССР, т. XIX. Л., 1939, стр. 175—197.

50. Киевское государство во второй половине X в. по византийским источникам. — В кн.: 120 лет Ленинградского государственного университета. Научная сессия, посвященная 120-летней годовщине со дня основания университета (1819—1939). 16—20 апреля 1939 г. Тезисы докладов. Изд. Университета, Л., 1939, стр. 91—92.

51. Лаврентьевская летопись (история текста). — Ученые записки ЛГУ, № 32. Серия исторических наук. Л., 1939, вып. 2, стр. 76—142.

52. О реконструкции текста Троицкой летописи 1408 г., сгоревшей в Москве в 1812 году. — Ученые записки Ленинградского гос. педагогического института им. А. И. Герцена, т. XIX. Л., 1939, стр. 5—42.

53. Русско-византийские отношения в IX—XII вв. — Вестник древней истории. М., 1939, № 3, стр. 98—109.

Рецензии

54. Правда Русская, т. I. Тексты. Институт истории АН СССР. Подготовили к изданию В. П. Любимов, Н. Ф. Лавров, М. Н. Тихомиров, Г. Л. Геерманс и Г. Е. Кочин. Под ред. Б. Д. Грекова. — Вестник древней истории. М., 1939, № 3, стр. 148—151.

1940

55. История русского летописания XI—XV вв. Изд. ЛГУ, Л., 1940, 188 стр.

56. От редактора. — В кн.: А. А. Шахматов. Повесть временных лет и ее источники. ТОДРЛ, т. IV. М.—Л., 1940, стр. 9—10.

Редактирование

57. А. Шахматов. Повесть временных лет и ее источники. — ТОДРЛ, т. IV. М.—Л., 1940, стр. 9—150.

1941

58. Исторический обзор. — В кн.: История русской литературы, т. I. Под ред. А. С. Орлова, В. П. Адриановой-Перетц, Н. К. Гудзия. Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 3—24.

Введение, глава I, § 1.

59. Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам. — Ученые записки ЛГУ, № 73. Серия исторических наук. Л., 1941, вып. 8, стр. 213—246.
60. Летописание западной Украины и Белоруссии. — Ученые записки ЛГУ, № 67. Серия исторических наук. Л., 1941, вып. 7, стр. 5—24.

1945

Рецензии

61. Задачи и пути дальнейшего изучения Русской Правды. По поводу выхода академической Правды Русской под ред. акад. Б. Д. Грекова. — ИЗ, т. 16. М., 1945, стр. 238—250.

Посмертное издание. Рецензия написана в 1940 г.

1950

62. Троицкая летопись. Реконструкция текста. Отв. ред. К. Н. Сербина. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950. 515 стр.

Посмертное издание.

Рец.:

П а ш у т о В. Т. — ВИ. М., 1950, № 11, стр. 145—148.

С о м а х Б. Б. — Ученые записки Кабардинского гос. педагогического института, вып. 3. Нальчик, 1951, стр. 243—251.

Т и х о м и р о в М. Н. — Советская книга М., 1951, № 1, стр. 73—74.

Л о в м я н ь с к и й Г. О новых советских изданиях русских летописей (М. Д. Приселков. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.—Л., 1950 и др.). — Kwartalnik historiczny. Warszawa, 1953, rocz. 40, № 3, стр. 233—242.

(На польском языке).

М. М. ГУРЕВИЧ и А. П. МОГИЛЯНСКИЙ

Владимир Валерьянович Данилов

(К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И К 60-ЛЕТИЮ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ)

Жизнь и научная деятельность Владимира Валерьяновича Данилова, ученого-коммуниста и патриота, в высшей степени содержательны и поучительны. Серьезный и трудолюбивый ученый со времени пребывания на студенческой скамье, В. В. Данилов был вместе с тем педагогом и почти всю свою жизнь отдал педагогической работе.

Родился В. В. Данилов 20 июля ст. ст. 1881 г. в г. Духовщине Смоленской губернии, где его отец преподавал в четырехклассном городском училище. Образование его началось в Смоленской гимназии, а затем, вследствие перемещений по службе его отца, продолжалось в Вяземской гимназии, Рославльской прогимназии и наконец в Нежинской гимназии, состоявшей при Историко-филологическом институте князя Безбородко; этот институт, как известно, возник на основе Гимназии высших наук, в которой учился великий Гоголь. В этом институте В. В. Данилов и получил высшее образование.

Педагогическая деятельность В. В. Данилова началась сразу же по окончании института и протекала в Екатеринославе, Одессе и с 1911 г. в Петербурге, где он стал преподавателем Учительского института. Снискав известность своими педагогическими пособиями (дважды изданная книга «Методика русского языка», затем «Литература как предмет преподавания»), В. В. Данилов был избран профессором методики преподавания русского языка и литературы Женского педагогического института.

После Великой Октябрьской социалистической революции по представлению академика Е. Ф. Карского В. В. Данилов занял должность начальника учебного отдела Подготовительной школы для моряков военного флота. Это явилось началом более чем четвертьвековых трудов В. В. Данилова по подготовке высококвалифицированных военно-морских кадров в Училище им. М. В. Фрунзе и Управлении военно-морских учебных заведений. В приказе Главнокомандующего военно-морскими силами говорилось, между прочим, следующее: «Многие морские офицеры являются учениками В. В. Данилова и хорошо знают его как талантливого и опытного педагога-методиста и чуткого, вдумчивого воспитателя. Много знаний, сил и труда вложил тов. Данилов за долгие годы своей ревностной службы в дело подготовки кадров для Военно-морского флота».

Продолжавшаяся свыше сорока лет педагогическая деятельность В. В. Данилова не ограничивалась русским языком и литературой, но охватывала также латинский язык, историю, логику, психологию и педагогику. Более чем в двадцати пяти учебных заведениях В. В. Данилов щедро делился всеми своими глубокими и разнообразными знаниями.

Вместе с тем В. В. Данилов немало внимания уделил деятельности редакционно-издательской, состоял ученым секретарем Исторического отдела Главного морского штаба и в то же время являлся научным сотрудником Центрального государственного исторического архива.

С 1948 г. В. В. Данилов работал старшим научным сотрудником Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР.

Ученик академика М. Н. Сперанского, профессора В. И. Резанова и других выдающихся ученых, В. В. Данилов как исследователь еще в стенах Историко-филологического института сосредоточил свое внимание преимущественно на памятниках древнерусской литературы и фольклоре, главным образом украинском, а также на фактах проникновения фольклорных текстов в древнейшие литературные произведения. Характерна в этом отношении одна из первых научных работ В. В. Данилова, посвященная народно-поэтическим элементам «Слова о полку Игореве». Рано выступил В. В. Данилов и в качестве собирателя фольклорных произведений. Уже в 1903 г. им был подготовлен для печати сборник «Песни села Андреевки Нежинского уезда», изданный затем Историко-филологическим обществом при Историко-филологическом институте князя Безбородко. Из положительных откликов на этот труд может быть отмечен отзыв известного фольклориста и исследователя текстов Т. Г. Шевченко В. Н. Доманицкого, писавшего, что «книга ценна не только тем, что в ней мы можем видеть современное состояние песни в селе, но и тем, что она научно обработана».[1]

Диапазон научных интересов В. В. Данилова необычайно широк. Он является выдающимся специалистом по истории классической русской литературы XVIII—XIX столетий, в течение ряда десятилетий исследовал творчество Ломоносова, Фонвизина, Пушкина, Гоголя, Кольцова, Тургенева, Писемского, Достоевского, Глеба Успенского, Льва Толстого, Чехова и др. Особенное внимание при этом ученый уделял исследованию произведений Гоголя и Тургенева. В. В. Данилов был пионером изучения роли литературных образов в творчестве В. И. Ленина.

Вместе с тем излюбленной областью научных разысканий В. В. Данилова всегда оставались древнерусская литература и устное народное творчество. Своеобразие работ исследователя в этой области обеспечивает ему почетное место в нашей науке.

Остановимся кратко на особенностях лишь некоторых работ В. В. Данилова.

В противоположность дореволюционным исследователям, находившимся под влиянием романтических теорий и освещавшим песни в записи Ричарда Джемса как народные, В. В. Данилов указывает на их городское, московское, иногда официозное происхождение, на отразившиеся в них интересы современников, принимавших близкое участие в событиях (статья «Сборники песен XVII столетия Ричарда Джемса и П. А. Квашнина», 1935).

В статье «„Октавий“ Минуция Феликса и „Поучение“ Владимира Мономаха» исследователь приводит параллель из сочинения римского писателя II—III вв. Минуция Феликса к тому месту «Поучения», где Владимир говорит как о чуде, что все люди имеют «один образ, но кый же своим лиць образом». Вместе с тем в работе на основании ряда филологических сопоставлений устанавливается связь «Поучения» с классической римской литературой эпохи Цицерона как автора диалога «De natura deorum».

В исследовании «К характеристике „Хождения“ игумена Даниила» (1954) ученый приходит к выводу, что Даниил был в Палестине не как частное лицо и потому пользовался особым вниманием иерусалимского короля Балдуина Фландрского, что он знал греческий язык и что сам он говорил и писал на одном из диалектов, позднее принявших участие в образовании современного украинского языка. В игумене Данииле исследователь видит типичного представителя идеи единства Русской земли.

---

[1] Записки наукового товариства ім. Шевченка, т. LXII. Львів, 1904, стр. 26.

Владимир Валерьянович Данилов.

Весьма ценными и порой совершенно неожиданными сопоставлениями отличаются работы В. В. Данилова о «Слове о полку Игореве», «Слове о погибели Русской земли» и других памятниках древнерусской литературы. В. В. Данилов впервые, в частности, обратил внимание на художественный элемент в языке грамот и других документов Русского государства XVII в., свидетельствующий о высокой культурной традиции среди писцов той эпохи.[2]

Награжденный Правительством за свою многолетнюю научную и педагогическую деятельность орденами Ленина и Красного Знамени, Владимир Валерьянович Данилов и в настоящее время неутомимо продолжает свою плодотворную исследовательскую работу.

---

[2] См.: Н. Т. Панченко. Список печатных научных трудов В. В. Данилова (1904—1959). Редактор Л. М. Добровольский. Л., 1960, 33 стр. (№№ 1—307); Українська радянська енциклопедія, т. III. Київ, 1960, стлб. 565.

В. Е. ГУСЕВ

Слово об учителе

(К 75-ЛЕТИЮ НИКОЛАЯ КАЛЛИНИКОВИЧА ГУДЗИЯ)

Время, шумя, быстро пролетает над нашими головами. Пять лет назад научная общественность с большой сердечностью отметила юбилей Николая Каллиниковича Гудзия и воздала должное заслугам маститого ученого. И вот уже многочисленные друзья, товарищи, сотрудники и ученики разных поколений с радостью поздравляют одного из старейших и известнейших литературоведов нашей страны с новой датой. Особенно отрадно знать, что Николай Каллиникович, как и прежде, полон творческих сил, неуемной энергии, новых замыслов, с присущей ему страстностью и заинтересованностью активно участвует в научной жизни, идет в первых рядах дружины советских литературоведов.

Еще преждевременно подводить итоги научной деятельности Н. К. Гудзия, и нет надобности повторять то, что было написано и сказано о нем в дни прошлого юбилея. Хорошо известна всем разносторонняя и плодотворная деятельность Николая Каллиниковича как историка русской литературы — автора более чем 300 научных работ, ученого-общественника и ныне возглавляющего один из самых обширных участков научной работы — Комиссию по истории филологических наук, педагога, воспитавшего достойную смену, лектора, пропагандирующего русскую и украинскую литературу в нашей стране и за ее рубежами.

Трудно сказать, какая из облюбованных Н. К. Гудзием областей литературоведческой науки является главным его делом, его призванием. И все-таки в сознании многих и многих Николай Каллиникович воспринимается прежде всего как медиевист, как исследователь древней русской литературы. Именно ей он отдал пыл своей научной молодости, ей он остается верным и поныне.

Уже первые шаги Николая Каллиниковича на поприще изучения средневековой письменности были уверенными и многообещающими. На студенческой скамье, в семинаре академика В. Н. Перетца он пишет свою первую научную работу о «Прении живота и смерти» (1910), а опубликовав ее вместе с новым списком памятника, не прекращает поиски новых его редакций, о чем свидетельствует его работа в архивах Житомира.[1] Окончание университета Н. К. Гудзий отмечает публикацией одного из лучших и вполне зрелых своих произведений — исследования «Максим Грек и его отношение к эпохе итальянского Возрождения», где обнаруживается прекрасная осведомленность молодого ученого не только в наследии исследуемого автора, но и в обширной литературе по культуре и идеологии эпохи Возрождения. Н. К. Гудзий уже тогда имел основания со всей определенностью заявить, что «на вопрос об отражении в сочинениях Максима Грека идей

---

[1] См.: В. Н. Перетц. Отчет об экскурсии семинария русской филологии в Житомир 21—26 октября 1910 года. Киев, 1911, памятка студента Н. К. Гудзия, стр. 57—70.

эпохи Возрождения придется дать окончательно отрицательный ответ».[2] И действительно, этот вывод не только не поколеблен, но и получил новые убедительные подтверждения в исследованиях А. И. Клибанова. О самостоятельности и независимости суждений Н. К. Гудзия, проходящего подготовку к профессорскому званию при Киевском университете, со всей очевидностью свидетельствует его рецензия на VI том труда И. Я. Франко «Апокріфи и легенди з українських рукописів», опубликованная при жизни великого украинского писателя и незаурядного историка литературы. Известно, что И. Я. Франко в то время был уже признанным ученым, с большим именем в русской и зарубежной славистике. Молодой рецензент также оценивает по достоинству труд И. Я. Франко по изданию памятников апокрифической литературы как «весьма солидное, не имеющее себе равных даже в русской литературе ученое предприятие».[3] Но наряду с бесспорными достоинствами серии публикаций И. Я. Франко Н. К. Гудзий со всей откровенностью и принципиальностью отмечает и недостатки и небрежности труда. В своей критике Н. К. Гудзий опирался на собственное исследование «Żywoty świętych» Петра Скарги в юго-западной Руси XVI—XVIII вв., отмеченное на университетском конкурсе золотой медалью. Эти, как и другие работы молодого ученого, в особенности его обстоятельный критико-библиографический обзор литературы о «Слове о полку Игореве», убедительно свидетельствовали о том, что в лице Н. К. Гудзия русская и украинская наука приобрели нового талантливого исследователя.

На первый взгляд может показаться, что в силу ряда обстоятельств интерес Н. К. Гудзия к древней русской литературе резко упал на долгие годы после Великой Октябрьской социалистической революции. Но это не так: увлеченный исследованиями в области новой русской литературы — писателей XVIII в. и декабристов, а также Пушкина, Тургенева, Островского, Тютчева, символистов и особенно Льва Толстого, Н. К. Гудзий не прекращал с живым интересом следить за развитием советской медиевистики и накапливать материалы для собственных трудов. Об этом красноречиво свидетельствует большой обзор, опубликованный в нескольких номерах журнала «Zeitschrift für slavische Philologie» за 1928 и 1929 гг., — «Die altrussische Literaturgeschichte in den Jahren 1914—1926».

С середины 1930-х годов Н. К. Гудзий снова и все чаще и чаще обращается к изучению древней русской литературы. Произошло как бы второе рождение ученого-медиевиста. Сохранив лучшие черты, присущие ему как исследователю еще в молодости, обогащенный опытом изучения новой русской литературы, а главное — вооруженный новой, марксистской методологией, Н. К. Гудзий исследует самые различные проблемы древней русской литературы и создает обобщающие работы в этой области. Те, кому посчастливилось слушать лекции Н. К. Гудзия в Институте истории, философии и литературы им. Н. Г. Чернышевского в 1937/38 учебном году и быть первыми ценителями подготовленного к печати учебника «История древней русской литературы», с содержанием которого Н. К. Гудзий щедро знакомил своих юных и восторженных слушателей, а также те, кому выпала честь в последующие годы работать в семинарии по древней русской литературе и пробовать свои силы в науке под руководством Н. К. Гудзия, — те прекрасно помнят и до сих пор, с каким молодым воодушевлением и, без преувеличения можно сказать, вдохновением говорил Н. К. Гуд-

---

[2] Киевские университетские известия, 1911, № 7, стр. 18.
[3] ЖМНП. СПб., 1912, № 3, стр. 153.

зий о древней русской литературе, как радовался тем перспективам, которые открыла советским ученым марксистско-ленинская методология в подлинно научном изучении литературного наследия феодальной Руси.

Во многих и многих работах Н. К. Гудзия отразилась радость трудных поисков применения новой научной методологии к исследованию древней русской литературы. И он стал одним из тех, кто создал марксистскую медиевистику.

Статья Н. К. Гудзия «К какой социальной среде принадлежал Даниил Заточник?» (1934), сколько бы ни продолжались споры на эту тему, сохраняет свое принципиальное значение как один из первых замечательных творческих опытов, как одна из первых постановок вопроса о демократических истоках древней русской литературы и об отражении в ней идеологии демократических слоев феодального общества. То же, и в еще большей степени, следует сказать об изучении Н. К. Гудзием наследия протопопа Аввакума. Николаю Каллиниковичу одному из первых удалось подойти к нему в науке как к литературному факту и заглянуть в богатейший, сложный, противоречивый внутренний мир писателя, в сознании которого своеобразно отразились сложные процессы русской жизни во второй половине XVII в. Изданная Н. К. Гудзием книга «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное и другие его сочинения» (Academia, 1934) с его большой вступительной статьей «Протопоп Аввакум как писатель и как культурно-историческое явление» и с комментариями в течение четверти века оставалась образцом. Исследования Н. К. Гудзия, посвященные Аввакуму, составили определенный этап в советской медиевистике, дали толчок к новым изучениям наследия выдающегося русского писателя XVII в. и не потеряли своего значения до сих пор.

Даже в частных и весьма конкретных исследованиях Н. К. Гудзия всегда бьется пытливая мысль исследователя, задумывающегося над большими проблемами своеобразия древней русской литературы. Из различных, казалось бы, мелких заметок, посвященных «Слову о полку Игореве», складывается целостное воспроизведение художественных особенностей выдающегося памятника литературы Киевской Руси. Например, точное определение Н. К. Гудзием границ «Золотого слова» Святослава, имеющее на первый взгляд частный и лишь текстологический характер, ценно именно тем, что помогает ощутить лирическую природу «Слова о полку Игореве» в целом. Только скрупулезное знание текста, композиции, языка и стиля памятника позволило Н. К. Гудзию выступить в числе других советских исследователей с убедительной полемикой против академика А. Мазона (Франция), в ряде работ отрицающего подлинность «Слова о полку Игореве».

В статье о деятельности Серапиона Владимирского из конкретной и как будто имеющей лишь узко биографический характер темы (где именно была написана бóльшая часть «слов» древнерусского проповедника) возникает принципиальное определение автора как писателя Владимиро-Суздальской Руси, воспринявшего киевскую литературную традицию, и как активного участника процесса формирования новой литературной традиции, «порожденной особенностями общественно-политических и экономических условий уже северной Руси».[4]

Большое внимание Н. К. Гудзий уделяет проблеме взаимодействия литератур разных народов в эпоху феодализма, в первую очередь русской и

---

[4] ИОЛЯ, т. XI, вып. 5. М., 1952, стр. 456.

украинской литератур.[5] Но в этой связи должны быть упомянуты также работы, посвященные памятникам переводной литературы («Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, произведениям папы Григория и др.).

Для научной деятельности Н. К. Гудзия последних лет характерен, я бы сказал, историографический пафос. И это — не историография ради историографии, а особый способ утверждения своих научных убеждений, не оглядка на предшественников, а производимая с высоты современных достижений советского литературоведения определение ценностей, выдержавших испытание временем.

Характерно, что и работы, посвященные собственно древней русской литературе, пронизаны этим историографическим пафосом. В докладе на IV съезде славистов «Литература Киевской Руси и древнейшие инославянские литературы» (М., 1958) Н. К. Гудзий полемизирует с Н. К. Никольским и поддерживает точку зрения М. Н. Сперанского, сочувственно ссылается на М. А. Максимовича и подчиняет свой историографический обзор единой цели — выявить оригинальный характер древней русской литературы. И пусть отдельные положения, выдвинутые Н. К. Гудзием, вызывают спор, но ценность доклада определяет основной пафос его, направленный против Е. Е. Голубинского и ему подобных, недооценивавших художественное наследие Киевской Руси.

Доклад Н. К. Гудзия «„Сравнительное изучение" литературы в русской дореволюционной и советской науке» (1960), сделанный на дискуссии, посвященной проблемам марксистско-ленинского сравнительно-исторического метода в литературоведении, целиком посвящен выяснению развития сравнительно-типологического изучения литературы, главным образом на материале из области историографии фольклористики и древней русской литературы. Н. К. Гудзий подытоживает и критически оценивает результаты этой работы на примерах истории изучения «Слова о полку Игореве», летописания, переводных повестей. Пафосом этого доклада также является мысль, что основной целью историко-типологического изучения литературы является выяснение национального своеобразия в проявлении основных закономерностей литературного процесса. Заметное место отведено древней русской литературе также в докладе Н. К. Гудзия на совещании международной комиссии по истории славянской филологии, состоявшемся в Вене («Основные моменты в изучении истории славянской филологии в России—СССР»[6]).

Внимание Н. К. Гудзия в этом плане привлекает как литература древнерусской народности (кроме названных работ, упомянем статью о «Слове о погибели Рускыя земли»), так и московская («Зарождение и становление московской литературы») и украинская литературы (Украинські інтермедії XVII—XVIII ст. Київ, 1960 и др.). Обобщающей работой является статья «О художественном наследстве древней русской литературы».[7]

Примером весьма актуального и боевого обращения к историографическому материалу может служить статья Н. К. Гудзия «Литература Киевской Руси в истории братских литератур»,[8] где Николай Каллиникович последовательно выступает против буржуазно-националистической трактовки древнерусской литературы раннего периода и опирается на прогрес-

---

[5] Культурные связи украинского и русского народов до конца XVIII века. — Ученые записки Саратовского университета им. Н. Г. Чернышевского, т. LVI. Саратов, 1957.

[6] Wiener slawistisches Jahrbuch, Achter Band. Wien, 1960, стр. 9—27.

[7] Oxford slavonic papers, vol. VII. Oxford, 1957, стр. 17—26.

[8] См. кн.: Русско-украинские литературные связи. М., 1951, стр. 41—78.

сивную традицию в русском и украинском дореволюционном литературоведении.

Не случайно многие работы Н. К. Гудзия уже специально посвящены углубленному изучению наследия выдающихся русских литературоведов, в частности специалистов по древней русской литературе. Партийная критика известных ошибок в отношении к научному наследию прошлого вдохновила Н. К. Гудзия на объективную, всестороннюю оценку корифеев русской дореволюционной науки. В ряде своих работ он раскрывает исторические заслуги ученых прошлого и критикует неприемлемую для нас методологию их трудов. Большую роль в возбуждении интереса к научному наследию и в восстановлении уважения к заслугам крупных русских ученых сыграло выступление Н. К. Гудзия в «Литературной газете» со статьей «Забытые имена», опубликованной затем в расширенном виде под названием «О русском литературоведческом наследстве».[9] Затем последовали научные очерки и характеристики, посвященные Ф. И. Буслаеву («Изучение русской литературы в Московском университете», 1958), Н. С. Тихонравову («Николай Саввич Тихонравов», 1956), А. Н. Веселовскому (статья в «Краткой литературной энциклопедии» написана совместно с автором этих строк) и др. Особенно обстоятельно история изучения древней русской письменности раскрыта в серии статей, посвященных изучению литературы в Московском университете (соответствующие разделы в I томе «Истории Московского университета», в «Вестнике Московского университета», упомянутая книга «Изучение русской литературы в Московском университете»). И можно только сожалеть, что историографический раздел, украшавший первые издания «Истории древней русской литературы», исчез из последних изданий. Хочется надеяться, что очередное издание учебника Н. К. Гудзия вновь пополнится обновленным и обогащенным разделом, посвященным истории изучения древней русской литературы.

Обычно принято считать, что с изучения истории науки только начинается исследование литературы. Деятельность Н. К. Гудзия служит убедительным опровержением этого распространенного заблуждения — он создал несколько образцов своеобразного жанра историографического изучения истории литературы, не менее ценного и нужного, чем собственно историко-литературное изучение. Но думается также, что усиленный интерес Н. К. Гудзия в последние годы к проблемам историографии, где подытоживается и обобщается опыт русской и советской науки, одновременно является и большим разбегом для новых обобщающих работ по истории самой древней русской письменности. «А чи диво ся, братие, стару помолодити?».

---

[9] Вестник Московского университета, 1957, № 1.

К пятидесятилетию Владимира Ивановича Малышева

Дорогой Владимир Иванович!

Сотрудники Сектора древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР поздравляют Вас в день Вашего пятидесятилетия и желают Вам долгих лет жизни, новых открытий и безупречного здоровья.

Уже с 1940 г. Ваша работа тесно связана с деятельностью сектора древнерусской литературы, и трудно, просто невозможно, представить себе работу сектора без Вашего участия. Начиная с IV тома в каждом томе «Трудов» сектора помещаются Ваши статьи, публикации новых памятников, целый раздел «По рукописным собраниям», созданный по Вашей инициативе и выходящий под Вашей редакцией. Среди Ваших рукописных находок — второй список «Слова о погибели Русской земли», новый список «Слова» Даниила Заточника, неизвестные прежде сочинения величайшего писателя древней Руси Аввакума Петрова, «Повесть о Сухане», стих XVII в., параллельный «Повести о Горе Злосчастье», рукопись «Исповеди Ивана Филиппова», былинные записи XVII в., новая повесть XVIII в. и многие, многие другие. Среди Ваших работ такие образцовые во всех отношениях филологические исследования, как «Повесть о прихождении Стефана Батория на Псков», «Повесть о Сухане», «Усть-цилемские рукописные сборники XVI—XX вв.» и др. В 1934 г., более 25 лет тому назад, начались Ваши экспедиции за древними рукописями, а сейчас вокруг Вас — целая археографическая школа.

Вы никогда не были ученым-одиночкой и всегда щедро делились своими находками со всеми исследователями русского средневековья. Редкое из вышедших за последние годы исследований по истории древнерусской литературы не содержит ссылки на рукописные материалы, предоставленные В. И. Малышевым.

Но для нас, Владимир Иванович, Вы не только авторитетнейший филолог и археограф. Вы прежде всего наш друг, всегда готовый порадоваться радости товарища и помочь ему в беде.

Примите же, дорогой Владимир Иванович, нашу искреннюю любовь и наши лучшие пожелания.

М. А. САЛМИНА

Хронологический список трудов Ивана С. Дуйчева *

1931

1. Принос към българския речник. — Родна реч, т. IV. София, 1930—1931, стр. 153—156.

1933

2. За документите из Ватиканския архив, отнасящи се до българската история (IX—XIV вв.). — Известия на Историческото дружество в София, кн. XIII. София, 1933, стр. 113—141.
3. Същинското значение на името Μόχρος у Анна Комнина. (Принос към историята и географията на Македония). — Македонски преглед, год VIII, кн. 3. София, 1933, стр. 14—36; кн. 4. София, 1933, стр. 1—20.

1934

4. Il Francescanesimo in Bulgaria nei sec. XIII—XIV. — Miscellanea francescana, t. XXXIV, fasc. 3. Roma, 1934, стр. 254—264; fasc. 4. Roma, 1934, стр. 323—329.
5. Una pagina della civiltà bulgara nel Medioevo. — L'Europa Orientale, t. XIV, fasc. 5—6. Roma, 1934, стр. 334—342.

1935

6. Латинските надписи по Ватиканския препис на Манасиевата хроника. — Известия на Българския археологически институт, т. VIII (1934). София, 1935, стр. 369—378.
7. Appunti di storia bizantino-bulgara. — Studi bizantini e neoellenici, vol. IV. Roma, 1935, стр. 129—138.
8. Avvisi di Ragusa. Documenti sull' Impero turco nel sec. XVII-e sulla guerra di Candia. Roma, 1935. XLVII + 298 стр. (Orientalia christiana analecta, 101).
9. Une interpolation chez Anne Comnène. — Byzantion, t. X, fasc. 1. Bruxelles, 1935, стр. 107—115.

1936

10. Един дубровнишки пътепис през нашите земи през XVI в. — Известия на Българското географско дружество, кн. III. София, 1936, стр. 240—244.
11. Нови съчинения по българска и византийска история. — Училищен преглед, т. XXXV, № 12. София, 1936, стр. 1309—1320.
12. Aspetti della civiltà bulgara nel medioevo. Dal paganesimo alla fede cristiana. Roma, 1936.
13. Uno storico bulgaro: V. N. Zlatarski. — L'Europa Orientale, t. XVI, fasc. 5—6. Roma, 1936, стр. 240—244.
14. Uno studio inedito di mons. G. G. Ciampini sul papa Formoso. — Archivio della R. Deputazione romana di storia patria, vol. LIX, Nuova Seria, vol. II. Roma, 1936, стр. 137—177.

1937

15. Библиография [по болгарской истории]. — Известия на Историческото дружество, кн. XIV—XV. София, 1937, стр. 285—320.
16. Библиографските трудове на д-р Н. В. Михов. — Там же, стр. 278—280.
17. Д-р Ив. Сакъзов (1895—1935). — Там же, стр. 327—328.
Некролог.

---

* Начиная с этого тома редакция ТОДРЛ будет публиковать библиографию трудов крупнейших ученых-славистов. В настоящем томе мы помещаем список научных работ известного болгарского ученого, исследователя византийской и древнеславянских литератур профессора Ивана Симеоновича Дуйчева (родился 18 апреля 1907 г.), доктора византиноведения, старшего научного сотрудника Болгарской Академии наук. В список не включены популярные статьи, заметки о книгах, рецензии и работы, редактированные И. С. Дуйчевым. Список трудов печатается к 30-летию его научной деятельности.

18. Жажда за историческо знание. — Съдба, т. VIII, № 7. София, 1937, стр. 13—15.

19. За правата на охридските архиепископи от средата на XVI в. върху некои италийски области. — Известия на Историческото дружество, кн. XIV—XV. София, 1937, стр. 151—171.

20. Неиздадено писмо на папа Бенедикт XII до майката на царь Иван Александра. — Там же, стр. 205—210.

21. Нови житийни данни за похода на имп. Никифор I в България през 811 год. — Списание на Българската Академия на науките, кн. LIV. София, 1937, стр. 147—186.

22. Петият международен византоложки конгрес в Рим, септември 1936 г. — Училищен преглед, т. XXXVI, № 2. София, 1937, стр. 288—294.

23. Проф. Любомир Милетич (1863—1937). — Известия на Историческото дружество, кн. XIV—XV. София, 1937, стр. 326—327.

Некролог.

24. Andre Bogdan. — Dictionnaire d'histoire et de géographie ecclésiastique, t. IX. Paris, 1937, стлб. 402—403.

25. Blasio, Giovanni, évêque de Widin. — Там же, стлб. 157—158.

26. Braničevo. — Там же, стлб. 426.

27. Il cattolicesimo in Bulgaria nel sec. XVII secondo i processi informativi sulla nomina dei vescovi cattolici. Roma, 1937, 202 стр. (Orientalia Christiana analecta, t. 111).

28. Lettres d'information de la République de Raguse (XVII-e s.) — Годишник на Софийския университет, Историко-филологически факултет, т. XXXIII, № 10. София, 1937. 72 стр.

29. Pierre Bogdan. — Dictionnaire d'histoire et de géographie ecclésiastique, t. IX. Paris, 1937, стлб. 403—404.

30. Pierre Bogdan, évêque de Scutari, puis archévêque de Skoplje. — Там же, стлб. 404—405.

31. Un metropolita di Morahridos nel sec. XIV. — Orientalia Christiana Periodica, t. III. Roma, 1937, стр. 273—275.

1938

32. България и Западния свят през XVII век. — Родина, т. I, № 1. София, 1938, стр. 113—133. В извлечениях на французском: La Parole bulgare. Sofia, № 719, 13 XII 1941.

33. Въпроси из вътрешната история на първото българско царство. — В кн.: През вековете, т. I. София, 1938, стр. 97—125.

34. Културни и стопански връзки с Западна Европа през второто българско царство. — В кн.: Второ българско царство. София, [1938], стр. 23—27.

35. Нови данни за католишката пропаганда в Македония през XVII век. — Македонски преглед, год. XI, кн. 1—2. София, 1938, стр. 71—83.

36. Петър Ников. — Родина, т. I, № 4. София, 1938, стр. 191—192.

Некролог.

37. Преглед на българската историография. — Jugoslovenski istoriski časopis, god. IV, sv. 1—2. Ljubljana—Zagreb—Beograd, 1938, стр. 40—74.

38. Проучване на миналото на нашите селища. — Архив за поселищни проучвания, т. I, № 1. София, 1938, стр. 38—47.

39. Проф. Петър Ников. — Просвета, т. IV, № 3. София, 1938, стр. 341—342.

Некролог.

40. Първи прояви на духовно и политическо българско възраждане. — Просвета, т. IV, № 1. София, 1938, стр. 59—69.

41. Чипровец и възстанието през 1688 година. София, 1938. 45 стр.

42. Bosanski franjevci u Bugarskoi do Čiprovackog ustanka. — Franjevacki Vijestnik, t. XLV, № 8—9. Beograd, 1938, стр. 262—271.

43. Eževo. — Studia historico-philologica Serdicensia, t. I. Sofia, 1938, стр. 224.

44. Protobulgares et Slaves. Sur le problème de la formation de l'Etat bulgare. — Annales de l'Institut Kondakov, t. X. Prague, 1938, стр. 145—154. (Mélanges A. A. Vasiliev).

45. Un épisode de la Première Croisade. — Studia historico-philologica Serdicensia, t. I. Sofia, 1938, стр. 221—224.

46. Un fragment grec de la Vie de St. Romile. — Byzantinoslavica, roč. VII. Praha, 1937—1938, стр. 124—127.

47. Un manuscrit grec inconnu avec l'acolouthie et la Vie de St. Naum d'Ohrid. — Studia historico-philologica Serdicensia, t. I. Sofia, 1938, стр. 121—124.

48. Un passage obscur des «Miracula» de S. Démétrius de Thessalonique. — Byzantion, t. XIII, fasc. 1. Bruxelles, 1938, стр. 207—216.

1939

49. Архиепископ Петър Парчевич. — Родина, т. I, № 4. София, 1939, стр. 5—19. Заключение перепечатано: Честване Чипровското въстание. Възпоменателен лист — 252 г. София, 1940.

50. Гръцки и латински извори за историята на България. Георги Амартол. — Прометей, т. IV, № 1. София, 1939, стр. 21—24.

51. Гръцки и латински извори за историята на България. Две писма на цариградския патриарх Николай Мистика във връзка с нашето минало. — Прометей, т. III, № 5. София, 1939, стр. 23—27.

52. Гръцки и латински извори за историята на България. Писмо на цариградския патриарх Николай Мистика до архиепископа на България. — Прометей, т. III, № 4. София, 1939, стр. 26—28.

53. Два исторически опита на архиепископ Петър Богдан Бакшев. — Родина, т. I, № 3. София, 1939, стр. 162—163. Перепечатано: Български щит, г. I, бр. 4. София, ноември 1941.

54. Едно изучване върху нашето старо рударство. — Българска мисъл, год. XIV, кн. 3. София, 1939, стр. 194—197.

55. За пътуването на Карла XII Шведски в България. — Родина, т. II, № 1. София, 1939, стр. 170—171.

56. Карел Шкорпил. Един от основателите на нашата археологическа наука. По случай неговата осемдесетгодишнина. — Прометей, т. IV, № 1. София, 1939, стр. 3—7.

57. Софийската католишка архиепископия през XVII век. Изучване и документи. София, 1939. 203 стр. (Материали за историята на София, кн. X).

58. L'Umanesimo di Giovanni Italo. — Studi bizantini e neoellenici, t. V. Roma, 1939, стр. 432—436 (Atti del V Congresso internazionale di studi bizantini).

59. Su alcuni documenti del Monte Atos. — Studia historico-philologica Serdicensia, t. II. Sofia, 1939, стр. 94.

60. Un manuscrit grec de la Vie de St. Romile. — Там же, стр. 88—92.

61. Un nouveau témoignage sur les sacrifices humains chez les Protobulgares — Там же, стр. 93—94.

62. Una nota manoscritta con i nomi di Giovanni Alessandro, Re di Bulgaria, et di Regina Teodora. — Там же, стр. 95—96.

1940

63. В. Н. Златарски. История на българската държава през средните векове, т. III. София, 1940. 637 стр.

Предисловие, библиография, добавления и указатель.

64. Гръцки и латински извори за българската история. Из откъсите на Приск. — Прометей, т. V, № 4—5. София, 1940, стр. 50—55.

65. Доклад на един австрийски консул за съденето на Васила Левски. — См.: Васил Левски. Възпоменателен лист. Завети на нашето минало, бр. I. София, 18 II 1940, стр. 21—22.

66. Държава и църква в средновековна България. Встъпителна лекция. — Родина, т. III, № 2. София, 1940, стр. 82—96.

67. Из писмата на патриарха Николая Мистика. Сборник в памет на проф. П. Ников. — Известия на Историческото дружество, кн. XVI—XVIII. София, 1940, стр. 212—218, 569.

68. Из старата българска книжнина, кн. I. Книжовни и исторически паметници от Първото българско царство. София, 1940, XXIV + 232 стр.

Изд. 2-е: София, 1943, XIX + 248 стр.

69. Извори за българската история. Георги Амартол. — Прометей, т. V, № 2. София, 1940, стр. 28—32.

70. Описанието на България от 1640 г. на архиепископа Петър Богдан. — Архив за поселищни проучвания, т. II, № 2, София, 1939—1940, стр. 174—210.

71. Приноси към средновековната българска история. — Годишник на Пловдивската народна библиотека и музей. 1937—1939. София, 1940, стр. 195—213.

72. Професор Петър Ников. Сборник в памет на проф. П. Ников. — Известия на Историческото дружество, кн. XVI—XVIII. София, 1940, стр. 1—10.

73. Les rapports entre l'hagiographie bulgare et l'hagiographie byzantine au Moyen Age. — Sixième Congrès international d'études byzantines. Alger 2—7 Octobre 1939. Résumés des rapports et communications. Paris, 1940, стр. 152—153.

74. Überlieferungen über die Genuesen aus Bulgarien. — Leipziger Vierteljahrschrift für Südosteuropa, т. IV, № 3. Leipzig, 1940, стр. 170—175.

1941

75. Историческите занимания на Гунчо Ст. Гунчев. — В кн.: Гунчо Гунчев. Живот, научна дейност, трудове. София, 1941, стр. 64—68.
76. Македония в българската история. София, 1941. 47 стр.
77. Македония в българската история. — Прометей, т. V, № 4—5. София, 1941, стр. 9—15.
78. Прилеп в нашето минало. — Годишник на Софийския университет, официален отдел. София, 1941, стр. 273—285.
79. Св. Климент Охридски. София, 1941. 24 стр. (Издава Софийският университет по случай посещението на Академическия съвет в Македония).
80. Цар Иван Асен II. 1218—1241. По случай седемстотин години от неговата смърт. София, 1941. 55 стр.
81. Bemerkungen zu byzantinischen Historikern. — Byzantinische Zeitschrift, t. XLI. München, 1941, стр. 1—3.
82. Italienische Kultureinflüsse in Bulgarien während des 17. Jahrhunderts. — Südost-Forschungen, t. V. München, 1941, стр. 813—822. Ср.: Bulgarische Wochenschau. Sofia, № 83; 17 II 1942.
83. Mazedonien in der bulgarischen Geschichte. Sofia, 1941. 46 стр.

1942

84. Балканският Югоизток през първата половина на VI век. Начални славянски нападения. — Беломорски преглед, т. I. София, 1942, стр. 229—270.
85. Библиография за Беломорието. — Там же, стр. 455—476.
86. Българският княз Пленимир. — Македонски преглед, год. XIII, кн. 1. София, 1942, стр. 13—20.
87. Преписката на папа Инокентия III с българите. Увод, текст и бележки. — Годишник на Софийския университет, Историко-филологически факултет, т. XXXVIII, № 3. София, 1942. 116 стр.
88. Прояви на народностно самосъзнание през XVII век. — Македонски преглед, год. XIII, кн. 2. София, 1942, стр. 26—51.
89. Старини из Беломорието. — Беломорски преглед, т. I. София, 1942, стр. 386—410.
90. Търговските връзки между Италия и България през средновековието. — Професионална мисъл, т. II, № 5—6. София, 1942, стр. 16—23. Преведено: Vita Bulgara. Sofia, II, № 102, 23 VII 1942; № 103, 30 VII 1942; № 104, 6 VIII 1942; № 105, 13 VIII 1942.
91. Die bulgarische Geschichtsforschung während des letzten Vierteljahrhunderts (1918—1942). — Südost-Forschungen, t. VII. München, 1942, стр. 546—573.

1943

92. България при Шишмановци. Дополнение в кн.: Петър Мутафчиев. История на българския народ, ч. II. София, 1943, стр. 215—326.

Изд. 2-е: София, 1944, стр. 168—254.

93. Гадаене по книги в средновековието. — Известия на Народния етнографски музей, т. XIV. София, 1943, стр. 49—55. Извлечение из статьи: La Parole Bulgare. Sofia, № 802, 31 VII 1943.
94. Едно кратко описание на Вардара от XII век. — Македонски преглед, год XIII, кн. 3. София, 1943, стр. 1—7. Перепечатано с сокращениями: La Parole Bulgare. Sofia, № 782. 13 III 1943.
95. Приноси към историята на Иван Асеня II. — Списание на Българската Академия на науките и изкуствата, кн. LXVI. Клон историко-филологичен. София, 1943, стр. 147—179.
96. Професор Петър Мутафчиев. Животописен очерк. — В кн.: Петър Мутафчиев. История на българския народ, ч. I. София, 1943, стр. XI—XXIII.
97. Die Rolle des bulgarischen Volkstums und der bulgarischen Landschaften in der bulgarischen Geschichte. — Bulgarisches Jahrbuch, t. XIV. Berlin, 1943, стр. 199—219.

1944

98. Из старата българска книжнина, кн. II. Книжовни и исторически паметници от Второто българско царство. София, [1944]. XXXVI + 436 стр.
99. Към въпроса за византийските елементи в първобългарските надписи. — Известия на Българското историческо дружество, кн. XIX—XX. София, 1944, стр. 188—189.
100. Приноси към средновековната българска история. — Там же, стр. 51—65.
101. Страници из българското минало. София, 1944, 144 стр.

1945

102. Проучвания върху българското средновековие. — Сборник на Българската Академия на науките, кн. XLI, № 1. София, 1945 [на общем титульном листе тома — 1949]. 176 стр.

I. Император Юстиниан II Ринотмит данник на хан Тервеля; II. Боян Магесник. Към въпроса за лъжливите науки у нас и във Византия през средновековието; III. Нападения на цар Самуил в областта на Йерисо през 987—989 г.; IV. Из житието на свети Евгений; В. Съюз против цар Самуил; VI. Бунтът на Лъва Торника, българите и печенезите; VII. Нахлуването на печенежския вожд Тирах в България през 1048—1049 г.; VIII. Печенезите в Мъгленско; IX. Въстанието на Асеневци и култът на свети Димитрия Солунски: X. Указания за въстанието на Асеневци в речта на Георги Торник: XI. Сведенията за въстанието на Асеневци в словото на Сергий Колива; XII. Из историята на втория поход на Исаака II Ангел в България; XIII. Сведения за въстанието на Асеневци в словото на Йоан Сиропул; XIV. Из една реч на Никифор Хризоверга към Алексий III Ангел; XV. Походът на имп. Теодор II Ласкарис против Мелник в 1255 г.; XVI. Последните години на архиепископа Яков Български; XVII. Препис на златопечатник на цар Иван Александра; XVIII. Български думи във византийски стихове от XIV век; XIX. По въпроса за името «Веригава»; XX. Моливдовул на Алексий I Комнин.

1947

103. Рилският светец и неговата обител. София, 1947. VII + 431 стр.

1948

104. Една книжовна рядкост в свръзка с българското минало. — Годишник на Българския библиографски институт, т. I. София, 1948, стр. 240—254.

105. Пътеводител за Рилската обител и Рила планина. Изд. на Рилската обител. [София], 1948. 88 стр.

106. Чужди приноси към изследването на българското минало. — Годишник на Българския библиографски институт, т. I. София, 1948, стр. 509—520.

107. Guide du monastère du Rila et ses environs. Edition du monastère du Rila. [Sofia], 1948. 92 стр.

1949

108. Die letzten Jahre des Erzbischofs lakobos von Achrida. — Byzantinische Zeitschrift, t. XLII. 1943—1949. München, 1949, стр. 369(377)—375(383).

109. Die Responsa Nicolai. I. Papae ed consulta Bulgarorum als Quelle für die bulgarische Geschichte. — Festschrift des Haus, — Hof — und Staatsarchivs, I. Wien, 1949, стр. 349—362.

1950

110. Гръцко женско име Пикало? — Известия на Археологическия институт, кн. XVII. София, 1950, стр. 290—291.

111. Лекции по архивистика. София, 1950. 186 стр. (Български библиографски институт). Ротатор.

112. [О славянских курганах]. — В кн.: Първа научна сесия на Археологическия институт. Май 1950. София, 1950, стр. 507—513.

113. Славяно-болгарские древности IX-го века. — Byzantinoslavica, t. XI, № 1. Prague, 1950, стр. 6—31.

114. Les études byzantines en Bulgarie 1944—1949. — Revue des études byzantines, t. VII. Paris, 1950, стр. 214—224.

115. Testimonianza epigrafica della missione di Formoso, vescovo di Porto, in Bulgaria (a. 866/7). — Epigraphica, t. XII, № 1—4. Milano, 1950, стр. 49—59. Ср.: Byzantinische Zeitschrift, Bd. 46, H. 1. München, 1953, стр. 477.

1951

116. Едно изследване върху обществено-икономическата и политическа история на хуните. — Известия на Института за българска история, т. III—IV. София, 1951, стр. 441—452.

По поводу книги: E. A. Thompson. A History of Attila and the Huns. Oxford, 1948.

117. Еще о славяно-болгарских древностях IX-го века. — Byzantinoslavica, t. XII. Prague, 1951, стр. 75—93.

118. Към въпроса за появата на парите в нашето народно стопанство. — Известия на Института за българска история, т. III—IV. София, 1951, стр. 87—112.
119. Славяни и първобългари. — Известия на Института за българска история, т. I—II. София, 1951, стр. 190—216.
120. Au lendemain de la conversion du peuple bulgare. — L'épître de Photius. — Mélanges de sciences religieuses, t. II. Lille, 1951, стр. 211—226.
121. Zur literarischen Tätigkeit Konstantins des Philosophen. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. 44, H. 1/2. München, 1951, стр. 105—110. (Festschrift Fr. Dölger).

1952

122. Un passo oscuro nel libro delle Ceremonie. — Aevum, t. XXVI, № 3. Milano, 1952, стр. 247—251.

1953

123. Имя Аспарух в новооткрытих надписях Грузии. — Archiv orientální, t. XXI 2—3. Praha, 1953, стр. 353—356.
124. Легендарный мотив у Григория Цамблака. — Slavia. Praha, 1953, roč. XXI, seš. 2—3, стр. 345—349.
125. La conquête turque et la prise de Constantinople dans la littérature slave contemporaine. — Byzantinoslavica, t. XIV. Prague, 1953, стр. 14—54.
См.: №№ 149, 158.
126. La date de la révolte des Asênides. — Byzantinoslavica, t. XIII, № 2. Prague, 1952—1953, стр. 227—232.
127. Le témoignage du Pseudo-Césaire sur les Slaves. — Slavia Antiqua, t. IV. Poznań—Wrocław, 1953, стр. 193—209.
128. Les boljars dits intérieurs et extérieurs de la Bulgarie médiévale. — Acta Orientalia Academiae scientiarum Hungaricae, t. III, fasc. 2. Budapest, 1953, стр. 167—178.

1954

129. Диалозите на Псевдо-Кесарий. Увод. — В кн.: Извори за българската история. Изд. на Българската Академия на науките, т. I. София, 1954, стр. 190—191. (Институт за българска история).
130. Едно изследване върху Троянската притча. — Известия на Института за българска литература, т. II. София, 1954, стр. 271—275.

По поводу книги: A. Ringheim. Eine altserbische Trojasage. Prague—Upsal, 1951.

131. Едно неясно място от Цамблаковата възхвала за Евтимий. — Български език, т. IV, кн. 2. София, 1954, стр. 171—172.
132. Езикови бележки към средновековни български паметници. — Известия на Института за български език, кн. III. София, 1954, стр. 304—314.
133. Естествознанието в средновековна България. Сборник от исторически извори. София, 1954, 626 + 4 стр.

Введение написано Цв. Кристановым (стр. 5—46).

134. За книжовното творчество на Константин Костенечки. — Известия на Института за българска литература, кн. II. София, 1954, стр. 223—231.
135. Иваново. Загаснало културно огнище на средновековна България. — Църковен вестник, год. LV, кн. 32—33. София, 1954, стр. 10—13.

По поводу книги: А. Василиев. Ивановските стенописи. София, 1953.

136. Козма Индикоплевст. Увод. — В кн.: Извори за българската история. Изд. на Българската Академия на науките, т. I. София, 1954, стр. 196—197. (Институт за българска история).
137. Огюст Форел в България през юли 1891 година. — Природа, год. III, кн. 5. София, 1954, стр. 41—44.
138. Петър Парчевич и Богдан Хмелницки. (По случай 300-годишнината от присъединението на Украйна към Русия). — Природа, год. III, кн. 3. София, 1954, стр. 3—8.
139. «Предговор» к т. I «Гръцки извори за българската история». — В кн.: Извори за българската история. Изд. на Българската Академия на науките, т. I. София, 1954, стр. V—VII. (Институт за българска история).
140. Приск Тракиец. Увод и превод. — Там же, стр. 86—129.
141. Теодорит Кирски. Увод. — Там же, стр. 70—71.
142. Филосторгий. Увод и превод. — Там же, стр. 27—37.
143. Un episodio dell'attività di Costantino Filosofo in Moravia. — Ricerche Slavistiche, vol. III. Roma, 1954, стр. 90—96. (In memoriam Enrico Damiani).

1955

144. Най-ранни връзки между първобългари и славяни. — Известия на Археологическия институт, кн. XIX. София, 1955, стр. 327—337. (Сборник Гаврил Кацаров).

145. Най-старият славянски списък на забранени книги. — Годишник на Българския библиографски институт, т. III. София, 1955, стр. 50—60.

146. Осеновица-Асеновица. — В кн.: Сборник в чест на акад. Александър Теодоров-Балан по случай деветдесет и петата му годишнина. София, 1955, стр. 251—256.

147. Патриарх Йоаким Търновски. — Църковен вестник, год. LVI, кн. 5. София, 1955, стр. 5—7.

148. Професор Анри Грегоар — гост на Българската Академия на науките. — Исторически преглед, год. XI, № 6. София, 1955, стр. 110—115.

149. La conquête turque et la prise de Constantinople dans la littérature slave contemporaine, II. — Byzantinoslavica, t. XVI, № 2. Prague, 1955, стр. 318—329.

См. №№ 125, 158.

150. La solution de quelques énigmes cyrillo-méthodiennes. — Byzantion, t. XXIV, fasc. 1. Bruxelles, 1955, стр. 303—307.

151. Jean de Rabštejn connaissait Théophane le Confesseur. — Byzantinoslavica, t. XVI, № 1. Prague, 1955, стр. 118—119. Ср.: Bibliotheca classica orientalis. Berlin, 1959, H. 2, стр. 117—119. (Autoreferat).

1956

152 Върху някои български имена и думи у византийските автори. — В кн.: Сборник в чест на акад. Ст. Младенов по случай 75-годишнината му. София, 1956, стр. 157—162.

153. Въстанието в 1185 г. и неговата хронология. — Известия на Института за българска история, т. VI. София, 1956, стр. 327—358.

154. [Из истории музыки болгарского средневековья.] — Българска музика, т. VII, № 4—5. София, 1956, стр. 101—103.

155. Константин Философ и «Предсказанията на мъдрите Елини». — Зборник радова XLIX. Византолошки институт, књ 4. Београд, 1956, стр. 149—155.

156. «Предговор» к сб.: Панагюрище и Панагюрско в миналото. София, 1956, стр. 3—5.

157. Югославянска приноси в областта на историографията. — Исторически преглед, год. XII. № 3. София, 1956, стр. 113—129.

158. La conquête turque et la prise de Constantinople dans la littérature slave contemporaine, III. — Byzantinoslavica, t. XVII, № 2. Prague, 1956, стр. 276—340.

См. №№ 125, 149.

159. Les études slavistiques en Bulgarie. — Slavia antiqua, t. V. Poznań—Wrocław, 1956, стр. 409—420.

1957

160. Бележки върху историята на българската архитектура през Средновековието. — Известия на Института по градоустройство и архитектура, кн. X и XI. София, 1957, стр. 48—73. Ср.: Byzantinoslavica, t. XIX, № 2. Prague, 1958, стр. 384.

161. Въпросът за византийско-славянските отношения и византийските опити за създаване на славянска азбука през първата половина на IX век. — Известия на Института за българска история, т. VII. София, 1957, стр. 241—267.

162. Гръцко-български речник. София, 1957. XI + 588 стр.

Совместно с М. Филиповой-Байровой, М. Балджиевым, М. Ботоном и др.

163. За първообразността и достоверността на Рилската грамота. — Известия на Архивния институт, кн. I. София, 1957, стр. 45—75.

164. Изучение в Болгарии древнеславянской и древнеболгарской литературы за 1945—1955 гг. — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 601—614.

165. Нов препис на Италианската легенда. Принос към историята на старобългарската книжнина. — Църковен вестник, год. LVIII, бр. 23, 30 V 1957, стр. 5—6

166. О древнерусском переводе «Рыдания» Йоанна Евгеника. — Византийский временник, т. XII. М., 1957, стр. 198—202.

167. Стратегия и тактика на българската армия през епохата на феодализма. — Военно-исторически сборник, т. XXVI, № 4. София, 1957, стр. 39—72.

Совместно с Щ. Атанасовым, Д. Ангеловым, Г. Цанковой-Петковой, Д. Христовым и Б. Чолпановым.

168. Accenni alla Sicilia nella letteratura bulgara medioevale. — Bollettino del Centro di Studi Filologici e Linguistici Siciliani, t. V. Palermo, 1957, стр. 87—96.

169. La versione paleoslava dei Dialoghi dello Pseudo-Cesario. — Silloge bizantina in onore di Silvio Giuseppe Mercati. Roma, 1957, стр. 89—100.

1958

170. Българското военно изкуство през феодализма. София, 1958. 647 стр.

Совместно с Щ. Атанасовым, Д. Ангеловым, Г. Цанковой-Петковой, Д. Христовым и Б. Чолпановым.

171. Византия и византийская литература в посланиях Ивана Грозного. — ТОДРЛ, т. XV. М.—Л., 1958, стр. 159—176.

172. Едно пренебрегнато византийско известие за богомилите. — Известия на Института за българска литература, кн. VI. София, 1958, стр. 247—250.

173. Населението на Родопите през античността и българското средновековие. Глава I, §§ 1—4, 6. — В кн.: Из миналото на българите мохамедани в Родопите. Изд. на Българската Академия на науките. София, 1958, стр. 11—31, 39—41.

174. Няколко бележки към Кекавмен. — Зборник радова Српске академије наука, књ. LIX. Византолошки институт, књ. 5. Београд, 1958, стр. 59—70. Ср.: Byzantinoslavica, t. XX, № 1. Prague, 1959, стр. 119.

175. Образи на двама българи от XI век. — В кн.: Изследвания в чест на акад. Димитър Дечев по случаи 80-годишнината му. София, 1958, стр. 747—758.

176. Прокопий Кесарийски. Увод, превод и бележки. — В кн.: Извори за българската история. Изд. на Българската Академия на науките, т. II. София, 1958, стр. 103—154. (Институт за българска история).

177. «Увод» к т. II «Гръцки извори за българската история». — Там же, стр. 5—17.

178. Le cartulaire A du monastère de Saint-Jean-Prodrome sur le Mont Ménécée retrouvé. — Revue des études byzantines, t. XVI. Paris, стр. 169—171. (Mélanges S. Salaville).

179. Nochmals zur Erklärung von Kap. XV der Legende über Konstantin. — Zeitschrift für slavische Philologie, Bd. XXVII, H. 1. Heidelberg, 1958, стр. 177—178.

1959

180. Български описи на славянски ръкописи. — Годишник на Българския библиографски институт, т. VI. София, 1959, стр. 43—65.

181. Географски описания в средновековната българска книжнина. Към историята на българската наука. — В кн.: Сборник в чест на акад. Никола В. Михов по случай осемдесетгодишнината му. София, 1959, стр. 157—170.

182. Един средновековен библиотечен каталог. — Известия на Централната библиотека при Българската Академия на науките, кн. I. София, 1959, стр. 97—102.

183. Едно легендарно сведение за Аспаруха. — Antidoron M. Abramić septuagenario oblatum a collegis et amicis, II. 1954—1957. Aspalathi, 1959, стр. 181—189.

184. Одна из особенностей ранневизантийских мирных договоров. — Византийский временник, т. XV. М., 1959, стр. 64—70.

185. Der wiederaufgefundene «Alte Kodex» des Johannes-Prodromos-Klosters bei Serrai. — Wiener Archiv, Bd. III. Studien zur älteren Geschichte Osteuropas, t. II. Wien, 1959, стр. 116—121.

186. Les sept tribus slaves de la Mésie. — Slavia antiqua, t. VI. Poznań—Wrocław, 1959, стр. 100—108.

1960

187. Агатон. Увод, превод и бележки. — В кн.: Извори за българската история. Изд. на Българската Академия на науките, т. VI. София, 1960, стр. 182—183. (Институт за българска история).

188. Библиография на трудовете на Марин Дринов. — В кн.: Изследвания в чест на Марин С. Дринов. София, 1960, стр. 225—231.

189. В памет на акад. Франтишек Лекса. — Списание на Българската Академия на науките, год. V, кн. 4. София, 1960, стр. 125—126.

190. Видният съветски ориенталист Б. Н. Заходер починал (1898—1960). — Списание на Българската Академия на науките, год. V, кн. 2. София, 1960, стр. 123—124.

191. Константин Апамейски. Увод, превод и бележки. — В кн.: Извори за българската история. Изд. на Българската Академия на науките, т. VI. София, 1960, стр. 169—170. (Институт за българска история).

192. Обединението на славянските племена в Мизия през VII в. Към въпроса за възникването на българската държава. — В кн.: Изследвания в чест на Марин С. Дринов. София, 1960, стр. 417—428.

193. Обзор болгарских работ 1945—1958 гг. по изучению древнерусской литературы и русско-болгарских литературных связей XI—XVII вв. — ТОДРЛ, т. XVI. М.—Л., 1960, стр. 589—603.

194. Одна цитата из Манассиевой Хроники в среднеболгарском переводе. — Там же, стр. 647—649.

195. Одно неясное место в древнерусском переводе Иосифа Флавия. — Там же, стр. 415—423.

196. Последният защитник на Срем в 1018 г. — Известия на Института за история, т. VIII. София, 1960, стр. 309—321.

197. Пресиам — Персиан. Принос към ономастиката на българското средновековие. — В кн.: Езиковедско-етнографски изследвания в памет на акад. Стоян Романски. София, 1960, стр. 479—482.

198. Славяни — скити. — Slavia, roč. XXIX, seš. 1. Praha, 1960, стр. 109—114.

199. «Увод» к т. III «Гръцки извори за българската история». — В кн.: Извори за българската история. Изд. на Българската Академия на науките, т. VI. София, 1960, стр. 5—16. (Институт за българска история).

200. «Увод» к т. II «Латински извори за българската история». — В кн.: Извори за българската история. Изд. на Българската Академия на науките, т. VII. София, 1960, стр. 5—13. (Институт за българска история).

201. Ciro Giannelli. — Byzantinoslavica, t. XXI, № 2. Prague, 1960, стр. 327—331.

202. L'ancien cartulaire du monastère de Saint-Jean-Prodrome sur le Mont Ménécée. — Зборник радова Српске Академије наука, књ. LXV. Византолошки институт, књ. 6. Београд, 1960, стр. 171—185 + 9 таблиц.

203. Les Slaves et Byzance. — В кн.: Etudes historiques. A l'occasion du XI-e Congrès international des sciences historiques. Stockholm, Août 1960. Sofia, 1960, стр. 31—77.

204. Un nouveau témoignage de Jacques de Bulgarie. — Byzantinoslavica, t. XXI, № 1. Prague, 1960, стр. 54—61.

205. Due note di storia medievale. — Byzantion, t. XXIX—XXX. Bruxelles, 1959—1960, стр. 259—266.(Mélanges C. Giannelli).

206. Übersicht über die bulgarische Geschichtsschreibung. В кн.: Antike und Mittelalter in Bulgarien. Berlin, 1960, стр. 51—69.

1961

207. Образи на българин от XV в. във Флоренция. — Изкуство. София, 1961, кн. 1, стр. 22—27 (с тремя изображениями).

208. Приноси към проучването на старославянската и старобългарската литература. — Известия на Института за българска литература, т. XI. София, 1961, стр. 205—215.

209. Разказ за «чудото» на великомъченик Георги със сина на Лъв Пафлагонски — пленник у българите. В кн.: Изследования в памет на Карел Шкорпил. София, 1961, стр. 189—200.

210. A propos de la biographie de Joseph II patriarche de Constantinople. — Revue des études byzantines, t. XIX. Paris, 1961, стр. 333—339. (Mélanges R. Janin).

211. Il problema delle lingue nazionali nel Medio Evo e gli Slavi. — Ricerche slavistiche, t. VIII. Roma, 1961, стр. 39—60.

212. Les rapports littéraires byzantino-slaves. Sofia, 1961, 4 стр. (Доклад на XII международном конгрессе византинистов).

213. Les rapports littéraires byzantino-slaves. — В кн.: Rapports complémentaires. Résumés. Belgrade—Ochride, 1961, стр. 83—100.

214. Une ambassade byzantine auprès des Serbes au IX-e siècle. — Зборник радова Византолошког института, књ. 7. Београд, 1961, стр. 53—60.

Н. Ф. ДРОБЛЕНКОВА

Библиография работ по древнерусской литературе, вышедших в СССР, за 1958—1959 гг.*

1958 г.

1. **Абаев В. И.** Неудачная подделка. — ИОЛЯ. М., 1958 (т. XVII), вып. 1, стр. 72—74.

   Рецензия на работу: The Ossetian tale of Iry Dada and Mstislav by George Vernadsky and Dzambulat Dzanty. — Journal of American Folklore, vol. 69, July—September, 1956.

   К изучению летописания.

2. **Абдульманова А. К.** Военная и иноязычная лексика исторической повести «Казанский летописец». — Ученые записки Бийского гос. педагогического института. Серия историко-филологическая и педагогическая. Бийск, 1958, вып. II, стр. 313—328.

3. **Адрианова-Перетц В. П.** К вопросу об изображении «внутреннего человека» в русской литературе XI—XIV веков. — В кн.: Вопросы изучения русской литературы XI—XX веков. Сборник посвящается Н. К. Пиксанову. Отв. ред. Б. П. Городецкий. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 15—24. (ИРЛИ).

4. **Адрианова-Перетц В.** Об основах художественного метода древнерусской литературы. — Русская литература. Л., 1958, № 4, стр. 61—70.

5. **Адрианова-Перетц В. П.** Проблема № 5 (Б). Проблемы поэтики средневековых славянских литератур. — В кн.: Сборник ответов на вопросы по литературоведению. М., 1958, стр. 282—284.

6. **Азбелев С. Н.** Имели ли место сухопутные походы Руси на Константинополь? — Вестник ЛГУ, № 8. Серия истории, языка и литературы, вып. 2. Л., 1958, стр. 166—170.

   С привлечением летописей.

7. **Азбелев С. Н.** Новгородские местные летописцы. — В кн.: ТОДРЛ, т. XV. Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 364—370. (ИРЛИ).

   На стр. 367—370 — публикация текстов летописцев.

8. **Азбелев С. Н.** Новгородское летописание XVII века (Новгородская Уваровская летопись, Новгородская третья, Новгородская Забелинская и Новгородская Погодинская летописи). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л., 1958. 23 стр. (ИРЛИ).

9. **Азбелев С. Н.** Описание древнерусских рукописей Новгородского областного архива. — В кн.: ТОДРЛ, т. XV. Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 418—423. (ИРЛИ).

10. **Азбелев С. Н.** Описание ценной коллекции рукописей. — ИА. М., 1958, № 5, стр. 213—215.

    Рецензия на кн.: В. В. Лукьянов. Описание коллекции рукописей Государственного архива Ярославской области XVI—XX веков. Ярославль, 1957.

---

* Данный библиографический список хронологически продолжает описание советских русских работ по древнерусской литературе за сорок лет (см.: Библиография советских русских работ по литературе XI—XVII вв. за 1917—1957 гг. Составила Н. Ф. Дробленкова. Отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц. М.—Л., АН СССР, 1961). В список включены работы на русском, а также на украинском и белорусском языках и исследования иностранных ученых, опубликованные в СССР.

11. **Азбелев С. Н.** Отрывок славянской служебной минеи XI—XII вв. — В кн.: ТОДРЛ, т. XV. Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 432—435. (ИРЛИ).

На стр. 434—435 — публикация отрывка и фотокопия.

12. **Азбелев С. Н.** Развитие летописного жанра в Новгороде в XVII в. — В кн.: ТОДРЛ, т. XV. Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 251—283. (ИРЛИ).

13. **Азбелев С. Н.** Светская обработка Жития Александра Невского. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 147—153. (ИРЛИ).

На стр. 152—153 — публикация текста обработки, восходящей к летописной редакции (к Никоновской летописи).

14. **Азбелев С., Гусев В., Дубенцов Б., Егунов А., Ковалев В., Левин Ю.** Вопросы русской литературы на IV международном съезде славистов. — Русская литература. Л., 1958, № 4, стр. 239—248.

На стр. 239—241 — обзор докладов по древнерусской литературе.

15. **Азбелев С. Н., Робинсон А. Н.** Третье Всесоюзное совещание по древнерусской литературе. — ИОЛЯ. М., 1958 (т. XVII), вып. 1, стр. 91—97.

Содержание докладов.

16. **Алексеев М. П.** Вальтер Скотт и «Слово о полку Игореве». — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 83—88. (ИРЛИ).

17. **Алексеев М. П.** Эразм Роттердамский в русском переводе XVII века. — В кн.: Славянская филология. Сборник статей, т. I. М., АН СССР, 1958, стр. 275—336 с табл.

«Гражданство обычаев детских».

18. **Алексеев М. П.** Явления гуманизма в литературе и публицистике древней Руси (XVI—XVII вв.). М., АН СССР, 1958. 38 стр. (IV международный съезд славистов. Доклады. АН СССР. Советский комитет славистов).

19. **Алпатов М. В.** Икона «Сретения» из иконостаса Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры. (К изучению художественного образа в древнерусской живописи). — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 557—564. (ИРЛИ).

20. **Альшиц Д.** Египет глазами русского путешественника середины XVII века. — Звезда. М.—Л., 1958, № 8, стр. 183—185.

По материалам нового списка записок Арсения Суханова.

21. **Альшиц Д. Н.** Легенда о Всеволоде — полемический отклик XVI в. на «Слово о полку Игореве». — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 64—70. (ИРЛИ).

Степенная книга и «Слово о полку Игореве».

22. **Альшиц Д. Н.** Обзор русских рукописей XI—XVII вв. в Эрмитажном собрании. — В кн.: Труды ГПБ, т. V (8). Л., изд. Библиотеки, 1958, стр. 167—184.

Рец.:

Адрианова-Перетц В. П. См. № 464.

23. **Альшиц Д. Н.** Разрядная книга московских государей XVI века. (Официальный текст). — В кн.: Проблемы источниковедения, т. VI. М., АН СССР, 1958, стр. 130—151. (АН СССР. Институт истории).

Летопись и Разрядная книга.

24. **Ананьева В. П.** К истории форм дательного-местного падежей единственного числа существительных склонения на исконное «А» долгое. (На материале «Казанского летописца»). — Ученые записки Тульского гос. педагогического института им. Л. Н. Толстого, т. XI. Тула, 1958 (на обложке 1959), стр. 121—133.

25. **Ананьева В. П.** Особенности употребления звательной формы и двойственного числа в «Казанском летописце». — Ученые записки Московского гос. педагогического института им. В. И. Ленина, т. CXXXII. Кафедра русского языка, вып. 8. М., 1958, стр. 155—171.

26. **Ананьева В. П.** Система склонения имен существительных в «Казанском летописце». Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1958. 20 стр. (Московский гос. педагогический институт им. В. И. Ленина).

27. **Ананьич Б. В.** и **Панеях В. М.** Заседание, посвященное памяти Б. А. Романова. — ИЗ. М., 1958, т. 62, стр. 283—289.

28. **Ангелов Б. Ст.** К вопросу о начале русско-болгарских литературных связей. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 132—138. (ИРЛИ). (Перевод с болгарского языка).

К вопросу о происхождении письменности на Руси.

29. **Ангелов Б. Ст.** «Слово о полку Игореве» и его оценка в Болгарии. — В кн.: ТОДРЛ, т. XV. Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 47—53. (ИРЛИ).

30. **Антонова В. И.** Неизвестный художник Московской Руси Игнатий Грек по письменным источникам. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 569—572. (ИРЛИ).

«Хожение Пименово в Царьград» (из Никоновской летописи) и др.

31. **Аракин В. Д.** Иностранные языки в Русском государстве в XVI—XVII вв. — Ученые записки Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина. Факультет иностранных языков, кафедра лексики и фонетики английского языка, т. LXXX. Вопросы английского языкознания, вып. 3. М., 1958, стр. 241—273.

По поводу деятельности Максима Грека, Петра Могилы, Епифания Славинецкого, Симеона Полоцкого, братьев Лихудов и др.

32. **Арциховский А. В.** Раскопки 1956 и 1957 гг. в Новгороде. — Советская археология. М., 1958, № 2, стр. 227—242.

На стр. 232—242 — публикация прорисей текстов берестяных грамот и их описание.

33. **Арциховский А. В.** и **Борковский В. И.** Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.). Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М., АН СССР, 1958. 160 стр и илл. (ИИМК, Институт языкознания АН СССР).

34. **Арциховский А. В.** и **Борковский В. И.** Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М., АН СССР, 1958. 152 стр. и илл. (ИИМК, Институт языкознания АН СССР).

35. **Асеев Б. Н.** Русский драматический театр XVII—XVIII веков. М., «Искусство», 1958. 415 стр. с илл. (Учебник для театральных институтов).

На стр. 3—76 — театр XVII—начала XVIII вв.

Рец.:

Kołakowski T. Nowy podręcznick historii teatru rosyjskiego. — Slavia orientalis. Warszawa, 1959, Roč. III, № 4, стр. 151—154.

36. **Астахова А. М.** Главы о русском фольклоре в зарубежной книге по истории русской литературы. — В кн.: Русский фольклор. Материалы и исследования, т. III. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 400—403. (ИРЛИ).

Рецензия на кн.: Юлия Сазонова. История русской литературы. Древний период, тт. I—II. Нью-Йорк, Изд. им. Чехова, 1955.

37. **Астахова А. М.** К вопросу об отражениях в русском былинном эпосе сказания о Еруслане. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 504—509. (ИРЛИ).

38. **Астахова А. М., Путилов Б. Н.** К семидесятилетию Варвары Павловны Адриановой-Перетц. — В кн.: Русский фольклор. Материалы и исследования, т. III. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 369—371. (ИРЛИ).

39. **Астахова А. М., Шептаев Л. С.** Проблема № 9 (Д). Проблема взаимовлияния устной и книжной традиций у славянских народов. — В кн.: Сборник ответов на вопросы по литературоведению. М., 1958, стр. 288—291.

К вопросу о взаимовлиянии устной и книжной традиций в XI—XVII вв.

40. **Бадалич И. М.** Юрий Крижанич — поэт Иллирии. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 341—348. (ИРЛИ).

41. **Бадалич И., Вольман Ф., Фринта А.** Вопрос № 13. Когда и где появилась идея славянской общности и взаимности? В чем ее значение для развития славянской культуры до XVIII в.? — В кн.: Сборник ответов на вопросы по литературоведению. М., 1958, стр. 63—70.

42. **Бакланова Н. А.** О составе библиотек московских купцов во второй четверти XVIII в. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 644—649. (ИРЛИ).

43. [**Бакланова И. Я.**] Список печатных трудов С. Н. Валка. (К семидесятилетию со дня рождения). — В кн.: Археографический ежегодник за 1957 год. Под ред. М. Н. Тихомирова. М., АН СССР, 1958, стр. 502—508. (АН СССР. Отделение исторических наук. Археографическая комиссия).

Работы по археографии (стр. 502—503, 507 и др.).

44. **Балотэ А.** Вопрос № 5. Каковы взаимоотношения древнеславянских литератур с литературами молдаво-валашской и венгерской? — В кн.: Сборник ответов на вопросы по литературоведению. М., 1958, стр. 18—19.

45. **Балотэ А., Вольман Ф.** Вопрос № 6. В чем значение богомильства для славянских литератур средневековья? — В кн.: Сборник ответов на вопросы по литературоведению. М., 1958, стр. 20—24.

46. **Бархударов С. Г.** Академик С. П. Обнорский. (К семидесятилетию со дня рождения). — ВЯ. М., 1958, № 4, стр. 63—77.

С обзором работ по языку древнерусских литературных произведений.

47. **Бахтин В. С.** и **Молдавский Д. М.** Старообрядческие народные легенды о начале раскола, о табаке и брадобритии. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 421—422. (ИРЛИ).

48. **Бевзенко С. П.** Із спостережень над мовою пам'яток розповідних жанрів, писаних на Закарпатті. (Повісті з «Римських діянь» в закарпатській обробці XVII ст.). — Наукові записки Ужгородського держ. університету, т. XXXV. Філологічний збірник (Мовознавство). Присвячений IV Міжнародному з'їзду славістів. Ужгород, 1958, стр. 92—108.

49. **Бегунов Ю. К.** Возможный источник одного из мотивов «Слова о погибели Русской земли». — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 143—146. (ИРЛИ).

Повесть об Индийском царстве.

50. **Бегунов Ю. К.** Следы «Слова о погибели Рускыя земли» в Степенной книге. — В кн.: ТОДРЛ, т. XV. Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.—Л., АН СССР, 1958. стр. 116—130. (ИРЛИ).

51. **Бегунов Ю. К.** и **Панченко А. М.** Археографическая экспедиция сектора древнерусской литературы в Горьковскую область. — В кн.: ТОДРЛ, т. XV. Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 387—397. (ИРЛИ).

На стр. 391—397 — краткое описание собранных рукописей.

52. **Белецкий А. И.** Малоизвестная повесть конца XVII—начала XVIII в. О наказании ангела. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 453—456. (ИРЛИ).

«Повесть зело полезная о царе Африкийском Асириане и о сыне его Клавдиниосе, како ангел божий на земли во плоти быле простым чернцем месть от бога восприя».

53. **Белоброва О. А.** К вопросу об иконографии Максима Грека. — В кн.: ТОДРЛ, т. XV. Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 301—309. (ИРЛИ).

54. **Белоброва О. А.** Посольство константинопольского патриарха Филофея к Сергию Радонежскому. — В кн.: Сообщения Загорского гос. историко-художественного музея-заповедника, вып. 2. Загорск, 1958, стр. 12—18.

Комментарий к Житию Сергия Радонежского.

55. **Белов М. И.** Севернорусские жития святых как источник по истории древнего поморского мореплавания. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 234—240. (ИРЛИ).

Житие Зосимы и Савватия Соловецких и др.

56. **Белодед И. К.** Леонид Арсеньевич Булаховский. К 70-летию со дня рождения. — ИОЛЯ. М., 1958 (т. XVII), вып. 2, стр. 176—182.

На стр. 181 — по поводу изучения языка «Слова о полку Игореве».

57. **Бем Ю. О.** Деятельность Археографической комиссии при отделении исторических наук АН СССР. — В кн.: Археографический ежегодник за 1957. Под ред. М. Н. Тихомирова. М., АН СССР, 1958, стр. 481—485 (АН СССР. Отделение исторических наук. Археографическая комиссия).

Рец.:

Сербина К. Н. Археографический ежегодник. — ИА. М., 1959, № 4, стр. 230.

58. **Бем Ю. О.** Обсуждение новых публикаций. (Общее собрание Археографической комиссии). — Вестник АН СССР. М., 1958, № 4, стр. 95—96.

59. **Бережков Н. Г.** Общая формула для определения дня недели по числу месяца в январских годах н. э. и в сентябрьских, мартовских и ультрамартовских годах от «Сотворения мира». — В кн.: Проблемы источниковедения, т. VI. М., АН СССР, 1958, стр. 347—353. (АН СССР. Институт истории).

Даты летописей и др. памятников.

60. **Берков П. Н.** Иван Шишкин — литературный деятель 1740-х годов. (К истории русского романа: от рукописной старорусской повести к печатному роману) — В кн.: Вопросы изучения русской литературы XI—XX веков. Сб. посвящается Н. К. Пиксанову. Отв. ред. Б. П. Городецкий. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 49—63. (ИРЛИ).

61. **Берков П. Н.** Новая работа о Н. С. Тихонравове и некоторые вопросы русской литературной историографии. — ИОЛЯ. М., 1958 (т. XVII), вып. 4, стр. 371—374.

Рецензия на книгу: Н. К. Гудзий. Николай Саввич Тихонравов. М., 1956.

62. **Берков П. Н.** Предпосылки зарождения русской литературной критики. — В кн.: История русской критики, т. I. Ред. коллегия: Б. П. Городецкий (отв. ред.), А. Лаврецкий, Б. С. Мейлах. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 25—45. (ИРЛИ, ИМЛИ).

С привлечением сочинений Кирилла Туровского, «Слова о полку Игореве», житий, публицистики XV—XVI вв. (сочинения Нила Сорского, Иосифа Волоцкого, Максима Грека, Ивана IV и А. Курбского), «Временника» Ивана Тимофеева, Риторики 1620 г., сочинений протопопа Аввакума и Симеона Полоцкого и др.

63. **Берков П. Н.** П. Я. Актов, забытый собиратель древнерусских рукописей и старопечатных книг. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 637—643. (ИРЛИ).

64. **Берков П. Н.** Русско-польские литературные связи в XVIII веке. М., АН СССР, 1958. 63 стр. (IV международный съезд славистов. Доклады АН СССР. Советский комитет славистов).

На стр. 5—26 — литературные связи XVI—первой половины XVIII в.

Рец.:

Łużny R. Uwagi o kontaktach kulturalnych polsko-rosyjskich w XVIII w. — Slavia orientalis. Warszawa, 1960, Roč. IX, № 3, стр. 499—502.

65. **Беркова С. М.** Материалы для библиографии советских работ по истории русской литературы XVIII века за 1954—1956 годы. — В кн.: XVIII век, сб. 3. Отв. ред. П. Н. Берков. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 566—586. (ИРЛИ).

На стр. 566—570, 572—573 — библиография работ по литературе начала XVIII в. (так называемой Петровской поры).

66. **Беркович И.** Иллюстрации Михаила Зичи к «Слову о полку Игореве». — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 576—581. (ИРЛИ).

67. **Бернштейн С. Б.** Борис Михайлович Ляпунов. — ВЯ. М., 1958, № 2, стр. 67—75

См. о работах по языку памятников древнерусской литературы.

68. **Беседина-Невзорова В. П.** Сочетания глаголов имамь и хощѧ с инфинитивом в языке Остромирова Евангелия. — Труди Харківського держ. університету ім. О. М. Горького, філологічного факультету, т. 6. Харків, 1958, стр. 25—42.

69. **Білодід І. К.** Наукова діяльність Л. А. Булаховського. — В кн.: Леонід Арсенійович Булаховський. (До 70-річчя з дня народження і 50-річчя наукової і науково-педагогічної діятельності). Київ, АН УРСР, 1958, стр. 3—13. (Інститут мовознавства ім. О. О. Потебні АН УРСР).

См. относительно изучения истории древнерусской литературы.

70. **Боброва Е. И.** Об одной редкой книге. — В кн.: Труды Библиотеки АН СССР и фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР, т. III. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 309—312 и 3 илл.

По поводу книги И. Ф. Копиевского (Копиевича) «Gloria triumphorum et trophaeorum . .» (Амстердам, 1700). Со стихами, посвященными взятию Азова в 1696 г.

71. **Боброва Е. И.** Первые итальянские переводы «Слова о полку Игореве». — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 122—124. (ИРЛИ).

72. **Богатырев П. Г.** Новые работы по филигранологии. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 660—667. (ИРЛИ).

73. **Богатырев П. Г.** Чешская бумага в России. — В кн.: ТОДРЛ, т. XV. Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 375—377. (ИРЛИ).

74. **Богатырев П. Г., Евгеньева А. П.** Вопрос № 34. Каковы особенности поэтического языка и изобразительных средств славянской народной поэзии в ее различных жанрах (общеславянские и национальные черты)? — В кн.: Сборник ответов на вопросы по литературоведению. М., 1958, стр. 260—264.

Об изобразительных средствах фольклора старшей поры.

75. **Богдан Д., Даньгелка И., Лихачев Д. С., Розов Н. Н., Сектор древнечешской литературы Института чешской литературы Чехословацкой Академии наук.** Вопрос № 16. Какие типы изданий следует рекомендовать для публикаций памятников древних славянских литератур? В каких случаях издание памятников должно быть единым для лингвистов, историков и литературоведов и в каких случаях следует издавать памятники отдельно для лингвистов и отдельно для историков и литературоведов? — В кн.: Сборник ответов на вопросы по литературоведению. М., 1958, стр. 93—106. (См. также № 199).

76. **Богородский Б. Л.** Об одном морском термине из «Повести временных лет» (лимень — гавань). — Ученые записки Ленинградского гос. педагогического института им. А. И. Герцена, т. 173. Кафедра русского языка. Л., 1958, стр. 149—167.

77. **Болдур А.** Троян «Слова о полку Игореве». — В кн.: ТОДРЛ, т. XV. Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 7—35. (ИРЛИ).

78. **Борисов П.** К конгрессу славистов. — Звезда. М.—Л., 1958, № 8, стр. 248—249.

Рецензия на XIV т. ТОДРЛ.

79. **Борковский В. И.** Берестяные грамоты из раскопок 1955 г. Наблюдения над синтаксисом. — В кн.: Славянская филология. Сборник статей, т. II. М., АН СССР, 1958, стр. 217—244.

80. **Борковский В. И.** Препозитивные придаточные с неизменяемым «чьто» в древнерусских грамотах. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 581—589. (ИРЛИ).

81. **Борковский В. И.** Семидесятилетие Л. А. Булаховского. — ВЯ. М., 1958, № 2, стр. 81—86.

На стр. 83—85 — обзор работ по лексике литературных памятников XI—XVII вв.

82. **Борковский В. И.** Синтаксис древнерусских грамот. Сложное предложение. Отв. ред. А. Б. Шапиро. М., АН СССР, 1958, 187 стр. (АН СССР. Институт языкознания).

С привлечением новгородских берестяных грамот.

83. **Бражников М. В.** Неизвестные произведения певца и роспевщика XVI в. Федора Христианина. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 605—607. (ИРЛИ).

84. **Бугаева О. П.** Рукописи Смоленского областного краеведческого музея. — В кн.: ТОДРЛ, т. XV. Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 424—431. (ИРЛИ).

На стр. 425—431 — описание рукописей музея.

85. **Буганов В. И.** Обзор списков разрядных книг последней четверти XV—начала XVII в. — В кн.: Проблемы источниковедения, т. VI. М., АН СССР, 1958, стр. 152—219. (АН СССР. Институт истории).

86. **Будовниц И. У.** Идейная основа ранних народных сказаний о татарском иге. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 169—175. (ИРЛИ).

Летописи, Повесть о Меркурии Смоленском, Повесть о разорении Рязани.

87. **Будовниц И. У.** Первые русские нестяжатели. — В кн.: Вопросы истории религии и атеизма. Сборник статей, т. V. М., АН СССР, 1958, стр. 264—282.
Рец.:

Новицкий Г. А. — ВИ. М., 1959, № 12, стр. 157.

88. **Булаховский Л. А.** Исторический комментарий к русскому литературному языку. Ред. Г. З. Гринштейн. 5-е, доп. и перераб. изд. Киев, «Радянська школа», 1958. 488 стр.

На стр. 12—51 — анализ языка с привлечением литературных памятников XI—начала XVIII в.

89. **Булаховский Л. А.** К лексике «Слова о полку Игореве». — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 33—36. (ИРЛИ).

90. **Бурейченко И. И.** К вопросу о дате основания Троице-Сергиева монастыря. — В кн.: Сообщения Загорского гос. историко-художественного музея-заповедника, вып. 2. Загорск, 1958, стр. 3—11.

Житие Сергия Радонежского.

91. **Бурсов Б.** О национальном своеобразии и мировом значении русской классической литературы. — Русская литература. Л., 1958, № 1, стр. 7—33; № 2, стр. 14—41; № 3, стр. 57—88; № 4, стр. 13—39.

На стр. 23—25, 28—30 в № 1 — о древнерусской литературе.

92. [**Быкова Т. А.** и **Гуревич М. М.**] Описание изданий, напечатанных кириллицей. 1689—январь 1725 г. Составили Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. Ред. и вступительная статья П. Н. Беркова. Описание изданий, напечатанных при Петре I. Сводный каталог ГПБ и БАН со сведениями об изданиях 1689—1725 гг., имеющихся в других книгохранилищах Москвы и Ленинграда. М.—Л., АН СССР, 1958. 404 стр. и илл. (ГПБ и БАН).

На стр. 9—28 — вступительная статья П. Н. Беркова «Русская книга кирилловской печати конца XVII—первой четверти XVIII века». Приложения: I. Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. Зарубежные издания с русской тематикой, напечатанные кириллицей в 1689—январе 1725 г. (стр. 277—306); II. Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. Издания на иностранных языках, опубликованные в России в 1689—январе 1725 г. (стр. 307—310); III. Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. Издания с русской тематикой на иностранных языках, напечатанные за рубежом в 1689—январе 1725 г. (стр. 311—317); IV. Т. А. Быкова. Книгоиздательская деятельность Ильи Копиевского и Яна Тесинга (стр. 318—341); V. Т. А. Быкова. «Зерцало грешного» (стр. 342—346).
Рец.:

Данилов В. В. — См. № 519.

Bogdan Damian P. — Analele Romîno-sovietice. Seria istorie. 1959, № 1, стр. 125—128.

93. Была ли так называемая «литература барокко» в славянских странах? Если возможно принять этот термин для обозначения некоторых литературных течений XVII—XVIII вв., то каковы особенности «литературы барокко» в славянских странах? — ИОЛЯ. М., 1958 (т. XVII), вып. 2, стр. 191—198 (раздел «Материалы к IV международному съезду славистов»).

Резюме ответов на вопросы Комитета славистов по важным проблемам славянского литературоведения, с привлечением памятников древнерусской литературы XVII в. (сочинений С. Полоцкого и др.); ответы П. Н. Беркова (стр. 191—192), И. Н. Голенищева-Кутузова (стр. 192—194), И. П. Еремина (стр. 196) и др. (Й. Грабак, Я. Мишаник и К. Треймер).

94. **Валк С. Н.** Борис Александрович Романов. — ИЗ. М., 1958, т. 62, стр. 269—282.

Доклад, прочитанный 16 ноября 1957 г. на заседании, посвященном памяти Б. А. Романова.

95. **Валк С. Н.** И. Н. Болтин и его работа над Русской Правдой. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 650—656. (ИРЛИ).

96. **Васильченко В.** Библиотеки на Руси (XI—XIII веков). — Библиотекарь. М., 1958, № 4, стр. 56—59.

97. **Вашица И., Коутная М., Прохазкова Е.** Вопрос № 2. Каковы были связи древней русской литературы с литературами западных славян? — В кн.: Сборник ответов на вопросы по литературоведению. М., 1958, стр. 7—17.

98. **Вей Марк.** К этимологии древнерусского Стрибогъ. — ВЯ. М., 1958, № 3, стр. 96—99. (Перевод с французского языка).

К «Слову о полку Игореве».

99. Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур. (Материалы к изучению проблемы). — ИОЛЯ. М., 1958 (т. XVII), вып. 1, стр. 3—14.

Составители записки: И. И. Анисимов, М. П. Алексеев, П. С. Балашов, М. И. Богданова, Е. А. Глускина, М. К. Добрынин, В. М. Жирмунский, Б. И. Пуришев, Р. М. Самарин, М. И. Фетисов, У. Р. Фохт.
На стр. 10 — характеристика школы А. Н. Веселовского.

100. **Виноградов В. В.** Итоги IV международного съезда славистов и наши задачи в области славянской филологии. — ИОЛЯ. М., 1958 (т. XVII), вып. 6, стр. 489—500.

101. **Виноградов В. В.** К изучению стиля протопопа Аввакума, принципов его словоупотребления. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 371—379. (ИРЛИ).

102. **Виноградов В. В.** Лингвистические основы научной критики текста. — ВЯ. М., 1958, № 2, стр. 3—24; № 3, стр. 3—23.

К вопросам текстологии.

103. **Виноградов В. В.** Научная деятельность академика С. П. Обнорского (к 70-летию со дня рождения). — ИОЛЯ. М., 1958 (т. XVII), вып. 3, стр. 247—262.

104. **Виноградов В. В.** Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. М., АН СССР, 1958. 140 стр. (АН СССР. Советский комитет славистов).

105. **Виноградова В. Л.** Некоторые замечания о лексике «Задонщины». — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 198—204. (ИРЛИ).

106. **Водовозов Н. В.** Былина Кирши Данилова о Волхе и древние русско-индийские отношения. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 212—216. (ИРЛИ).

С привлечением русского летописного Сказания о Темир-Аксаке.

107. **Водовозов Н. В.** История древней русской литературы. Учебное пособие для пединститутов. М., Учпедгиз, 1958. 363 стр.

108. **Водовозов Н. В.** Русская воинская повесть XIII века. Под ред. А. И. Ревякина. М., 1958. (Ученые записки Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина, т. LXXXVII. Кафедра русской литературы, вып. 7). 181 стр.

Публикация летописных текстов и ритмического переложения Н. В. Водовозовым Повести о битве на реке Калке, Повести о разорении Рязани Батыем, Повести об Александре Невском. На стр. 157—180 — краткий биографический очерк об Александре Ярославиче Невском.

Рец.:

Альшиц Д. Древнерусская проза в стихотворных переводах Н. В. Водовозова. — Новый мир. М., 1960, № 11, стр. 265—270.

109. **Вольман Ф., Георгиев Е., Горалек К., Лантова Л., Носек М., Никольский С. В., Пишут М.** Вопрос № 32. Каковы достижения сравнительного изучения славянских литератур? Методы и проблемы дальнейших исследований в этой области? — В кн.: Сборник ответов на вопросы по литературоведению. М., 1958, стр. 234—254.

На стр. 234—240 — по материалам литературы средневековья.

110. **Воробьев В. П.** Дательный самостоятельный в русских оригинальных повестях XVII века. — Ученые записки Саратовского гос. педагогического института. Выпуск кафедр русского, немецкого, английского и французского языков. Саратов, 1958, вып. XXX, стр. 230—243.

На материале повестей о Савве Грудцыне, об Улиании Осорьиной, о тверском Отроче монастыре, о смерти воеводы М. В. Скопина-Шуйского, о бесноватой Соломонии, о Карпе Сутулове, о Марфе и Марии, о начале царствующего града Москвы, о купце.

111. **Воронин Н. Н.** Лицевое житие Сергия как источник для оценки строительной деятельности Ермолиных. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 573—575. (ИРЛИ).

112. В творческих секторах Института русской литературы. — Русская литература. Л., 1958, № 1, стр. 279—282.

На стр. 280 — итоги работы в Секторе древнерусской литературы.

113. **Выгонная М. П.** Предлоги древнерусского языка с точки зрения их морфологического состава и происхождения (на материале «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку). — Ученые записки Новозыбковского гос. педагогического института, т. IV. Изд. «Брянский рабочий», 1958, стр. 200—217.

114. **Гарибян Д. А.** Лексика и фразеология Азовских повестей 17 века. Автореферат диссертации, представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1958. 29 стр. (АН СССР. Институт языкознания).

115. **Гейман В. Г.** Письмо подьячего В. И. Торокана из осажденного Смоленска в Москву в 1609 г. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев, М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 275—277.

Публикация текста предваряется заметкой.

116. **Генсьорський А. І.** Галицько-Волинський літопис. (Процес складання; редакції і редактори). Відп. ред. Д. Г. Бандрівський. Київ, АН УРСР, 1958, 103 стр. (АН УРСР. Інститут супсільних наук).

117. **Голенищев-Кутузов И. Н.** Итальянское Возрождение и славянские литературы. М., АН СССР, 1958. 30 стр. (IV международный съезд славистов. Доклады. АН СССР. Советский комитет славистов).

118. **Голенищев-Кутузов И. Н., Грабак Й., Берков П. Н., Еремин И. П., Мишианик Я., Морозов А. А., Треймер К.** Вопрос № 15. Была ли так называемая «литература барокко» в славянских странах? Если возможно принять этот термин для обозначения некоторых литературных течений XVII—XVIII вв., то каковы особенности «литературы барокко» в славянских странах? — В кн.: Сборник ответов на вопросы по литературоведению. М., 1958, стр. 75—92.

119. **Гольдберг А. Л.** Работа Юрия Крижанича над русской летописью. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 349—354. (ИРЛИ).

120. **Горбунова А. А.** К вопросу об одном водяном знаке, не зафиксированном в русских сборниках филиграней. — Ученые записки Пермского гос. педагогического института. Кафедры русского и иностранного языков. Пермь, 1958, вып. 17, стр. 97—113 с илл. и 6 таблиц знаков в приложении.

Вопросы палеографии.

121. **Грабак Й., Копецкий М.** Вопрос № 12. Как возник и развивался светский театр в славянских странах (XVI—XVII вв.)? — В кн.: Сборник ответов на вопросы по литературоведению. М., 1958, стр. 60—62.

122. **Грабак Й., Тихая З.** Вопрос № 14. В каких жанрах древнеславянских литератур проявились антифеодальные тенденции? В чем значение этих тенденций для лите-

ратур славянских народов в эпохи средневековья и Возрождения? — В кн.: Сборник ответов на вопросы по литературоведению. М., 1958, стр. 71—74.

123. **Гранстрем Е. Э.** Л. В. Черепнин. Русская палеография. Московский гос. историко-архивный институт. М., Госполитиздат, 1956. 616 стр. — История СССР. М., 1958, № 2, стр. 160—163.

Рецензия.

124. **Гранстрем Е. Э.** О подготовке сводного печатного каталога славянских рукописей. — В кн.: Славянская филология. Сборник статей, т. II. М., АН СССР, 1958, стр. 397—418.

На стр. 407—411 — «Библиография некоторых собраний славянских рукописей»; на стр. 412—418 — «Список славянских рукописей XI в. и конца XI—начала XII в.».

125. **Гранстрем Е. Э.** Отрывки славяно-русских пергаменных рукописей в собрании Матенадарана в Ереване. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 619—623. (ИРЛИ).

126. **Гретченко Н. Ф.** Друковані праці Л. А. Булаховського. — В кн.: Леонід Арсенійович Булаховський. (До 70-річчя з дня народження і 50-річчя наукової і науково-педагогічної діяльності). Київ, АН УРСР, 1958, стр. 14—31. (АН УРСР. Інститут мовознавства ім. О. О. Потебні).

На стр. 22, 24, 26—31 — обзор работ по древнерусской литературе.

127. **Гудзий Н. К.** Изучение древнерусской литературы за сорок лет Советской власти. — Вестник МГУ. Историко-филологическая серия. М., 1958, № 1, стр. 9—22.

128. **Гудзий Н. К.** Изучение русской литературы в Московском университете (Дооктябрьский период). [М.], изд. МГУ, 1958. 72 стр.

О работах Ф. И. Буслаева, Н. С. Тихонравова, М. Н. Сперанского, С. К. Шамбинаго, А. С. Орлова, В. Ф. Ржиги.

129. **Гудзий Н. К.** К вопросу о составе «Летописной книги», приписываемой князю И. М. Катыреву-Ростовскому. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 290—297. (ИРЛИ).

Кроме того, отклик на статью О. А. Державиной «К истории создания „Летописной книги", приписываемой кн. Катыреву-Ростовскому», помещенной в «Ученых записках Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина» (т. XLVIII. Кафедра русской литературы, вып. 5. М. 1955).

130. **Гудзий Н. К.** Литература Киевской Руси и древнейшие инославянские литературы. М., АН СССР, 1958, 68 стр. (IV международный съезд славистов. Доклады. АН СССР. Советский комитет славистов).

Рец.:

Ангелов Б. Ст. Някои въпроси из историята на старите славянски литератури. — Литературна мисъл. София, 1959, кн. 5, стр. 128—134.

131. **Гудзий Н. К.** Новые редакции повести о папе Григории. — В кн.: ТОДРЛ, т. XV. Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 177—191. (ИРЛИ).

К литературной истории текста «Римских деяний». На стр. 182—191 — публикация текстов повести о папе Григории.

132. **Гудзий Н. К.** У истоков великой славянской литературы. — Русская литература. Л., 1958, № 3, стр. 40—56.

133. **Гудзий Н. К., Дылевский Н. М., Дмитриев Л. А., Назаревский А. А., Позднеев А. В., Альшиц Д. Н., Робинсон А. Н.** Вопрос № 7. Какие возникают задачи дальнейшего изучения «Слова о полку Игореве»? — В кн.: Сборник ответов на вопросы по литературоведению. М., 1958, стр. 25—45.

134. **Гумецька Л. Л.** Леонід Арсенович Булаховський. (До 70-річчя з дня народження). — Українська мова в школі. Київ, 1958, № 2, стр. 83—85.

На стр. 84 — об изучении «Слова о полку Игореве» и др.

135. **Гусев В. Е.** «Житие» протопопа Аввакума — произведение демократической литературы XVII в. (Постановка вопроса). — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 380—384. (ИРЛИ).

136. **Гусев В. Е.** О жанре «Жития» протопопа Аввакума. — В кн.: ТОДРЛ, т. XV. Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 192—202. (ИРЛИ).

137. **Данилов В. В.** Записи украинских обрядовых песен о туре в Пушкинском фонде ИРЛИ. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 525—528. (ИРЛИ).

В сборнике М. П. Галактионова.

138. **Данилова Л. В.** Исторические условия развития русской народности в период образования и укрепления централизованного государства в России. — В кн.: Вопросы формирования русской народности и нации. Сборник статей. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 106—154. (АН СССР. Институт истории).

На материале летописей, публицистических и других литературных произведений.

139. **Двинянинов Б. Н.** Принцип трехчленности в плане и композиции «Слова о полку Игореве». — Ученые записки Тамбовского гос. педагогического института. Воронеж, 1958, вып. XII, стр. 137—198.

Рец.:

Дмитриев Л. А. Принцип трехчленности в композиционном построении «Слова о полку Игореве». — В кн.: ТОДРЛ, т. XVI. Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.—Л., АН СССР, 1960, стр. 606—610. (ИРЛИ).

140. **Дворецкая Н. А.** Официальная и фольклорная оценка похода Ермака в XVII в. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 330—334. (ИРЛИ).

Сибирские летописи (Повесть Есипова).

141. **Державина О. А.** К проблеме поэтического стиля исторической повести начала XVII в. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 298—303. (ИРЛИ).

142. **Державина О. А.** Рассказы о женщинах и их хитростях в польских и русских сборниках фацеций XVII в. К истории русско-польских литературных связей. — В кн.: Славянская филология. Сборник статей, т. II. М., АН СССР, 1958, стр. 273—307.

143. **Деркачев И. З.** Заметки о силлабическом стихе. — Ученые записки Ульяновского гос. педагогического института им. И. Н. Ульянова. Ульяновск, 1958, т. XII, вып. 2, стр. 271—282.

На стр. 273—278 — по поводу сочинений С. Полоцкого; на стр. 278—279 — Ф. Прокоповича и др.

143а. **Дмитриев Л. А.** — См. № 343.

144. **Дмитриев Л. А.** Факсимильные издания «Слова о полку Игореве». — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 77—82. (ИРЛИ).

145. **Дмитриев Ю. Н.** О творчестве древнерусского художника. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 551—556. (ИРЛИ).

На материале житий.

146. **Дмитриева Р. П.** К вопросу о месте «Повести некоего боголюбивого мужа» в литературном развитии XVI—XVII вв. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 278—283. (ИРЛИ).

147. **Дмитриев-Кельда И. Д.** О новом чтении двух «темных» мест «Слова о полку Игореве». Оттиск из тезисов к Конгрессу славистов об определении вида страницы списков «Слова о полку Игореве». Наманган, 1958. 8 стр.

148. Доклады советских ученых. — Славяне. М., 1958, № 8, стр. 36—38.

Рефераты докладов П. Н. Беркова, Д. С. Лихачева, С И Коткова, подготовленных к IV съезду славистов.

149. *Древняя русская литература (XI—XVII вв.). Учебник для студентов. Баку, 1958. 184 стр. (Азербайджанский университет). (На азербайджанском языке).

150. **Дремина Г. А.** Центральный государственный архив древних актов СССР (к истории образования архива). — Труды Московского гос. историко-архивного института, т. XI. М., 1958, стр. 297—363.

151. **Дробленкова Н. Ф.** Библиография работ по древнерусской литературе, вышедших в СССР, за 1956—1957 гг. — В кн.: ТОДРЛ, т. XV. Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 439—473. (ИРЛИ).

152. [**Дробленкова Н. Ф.**] Список печатных трудов члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 7—20. (ИРЛИ).

153. **Дробленкова Н. Ф.** и **Шепелева Л. С.** Вирши о взятии Азова в 1696 г. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 427—432. (ИРЛИ).

На стр. 432 — публикация текста.

154. **Дубенцов Б. И.** О Московском своде 1479 г. и правильном цитировании. — В кн.: ТОДРЛ, т. XV. Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 503—504. (ИРЛИ).

По поводу статьи А. Г. Кравченко «Московский летописный свод 1493—1494 годов по Беляевскому списку» (ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956).

155. **Дубенцов Б. И.** «Повесть о Плаве» и «Летописец княжения Тверского». — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 176—182. (ИРЛИ).

Кроме того, Повесть о житии и преставлении Михаила Тверского и др.

156. **Дубенцов Б. И.** Труд о ярославских рукописях. — История СССР. М., 1958, № 6, стр. 183—185.

Рецензия на кн.: В. В. Лукьянов. Описание коллекции рукописей Государственного архива Ярославской области XIV—XX веков. Ярославль, 1957.

157. **Дуйчев И.** Византия и византийская литература в посланиях Ивана Грозного. — В кн.: ТОДРЛ, т. XV. Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 159—176. (ИРЛИ).

158. **Думитреску М.** Именное склонение в Остромировом Евангелии в сопоставлении с данными старославянских памятников (имя существительное). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1958. 13, стр. (МГУ).

159. **Дылевский Н. М.** «Вежи ся половецкии подвизашася» в «Слове о полку Игореве». — В кн.: ТОДРЛ, т. XV. Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 36—46. (ИРЛИ).

По поводу заметки А. Югова «Искры истины» (Октябрь. М., 1956, № 5).

160. **Дылевский Н. М.** Грамматика Мелетия Смотрицкого у болгар в эпоху их возрождения. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 461—473. (ИРЛИ).

161. **Елеонский С. Ф.** Повесть о царе Соломоне в фольклорной переработке XVIII в. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 444—448. (ИРЛИ).

162. **Еремин И. П.** Литературное наследие Кирилла Туровского. — В кн.: ТОДРЛ, т. XV. Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 331—348. (ИРЛИ).

Публикация текстов «Слов».

163. **Еремин И.** О художественной специфике древнерусской литературы. — Русская литература. Л., 1958, № 1, стр. 75—82.

164. **Еремин И. П.** Очерк научной деятельности члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 21—32. (ИРЛИ)

165. Ерошкин Н. П. Новый путеводитель. — ИА. М., 1958, № 3, стр. 228—232.

Рецензия на кн.: Центральный гос. исторический архив СССР в Ленинграде. Путеводитель. Под ред. С. Н. Валка и В. В. Бедина. Л., 1956. 606 стр.

166. Жаворонков А. З., Лурье Я. С., Люблинский В. С. Вопрос № 11. Какие явления гуманизма могут быть отмечены в русской литературе и публицистике в XV—XVII вв.? — В кн.: Сборник ответов на вопросы по литературоведению. М., 1958, стр. 55—59.

167. Жуковская Л. П. Задачи дальнейшего лингвистического изучения Остромирова Евангелия. — В кн.: Труды ГПБ, т. V (8). Л., изд. Библиотеки, 1958, стр. 33—45.

168. Заборова Р. Б. Обзор собрания рукописей В. А. Десницкого, хранящихся в Ленинградской государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. — Ученые записки Ленинградского гос. педагогического института им. А. И. Герцена, т. 170. Кафедра русской литературы. Л., 1958, стр. 321—330.

На стр. 324—325 — обзор древнерусских рукописей.

169. Зайцев Вл. На филологическом факультете. — Вестник МГУ. Историко-филологическая серия. М., 1958, № 1, стр. 173—178 (раздел «Юбилейная научная сессия»).

На стр. 174—175 — резюме доклада Н. К. Гудзия об итогах изучения древнерусской литературы.

170. Зайцев В. Перевод или оригинальное произведение? — ВЛ. М., 1958, № 3, стр. 234—236.

Рецензия на кн.: Повесть о Скандербеге. М.—Л., АН СССР, 1957. 244 стр. (Серия «Литературные памятники»).

171. Зайцев В. И. Переводы «Слова о полку Игореве» с сохранением основ ритмического строя памятника. — Вестник МГУ. Историко-филологическая серия. М., 1958, № 1, стр. 23—38.

172. Зволиньский П. Неизвестное первое издание «Думы казацкой» 1651 г. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 335—340. (ИРЛИ).

Статья и публикация польского текста.

173. Зернова А. С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII веках. Сводный каталог. Под ред. Н. П. Киселева. М., тип. ГБЛ, 1958. 152 стр. (ГБЛ. Отдел редких книг).

Рец.:

Быкова Т. А. — В кн.: Книга. Исследования и материалы. Сб. III. М., Всесоюзная книжная палата, 1960, стр. 467—469.

174. Зильберман И. Б. Принцип суверенитета государственной власти в русской политической литературе XVI в. — Ученые записки ЛГУ, № 255. Юридический факультет. Серия юридических наук. Вопросы государства и права. Л., 1958, вып. 10, стр. 180—194.

Сказание о князьях владимирских, сочинения Иосифа Волоцкого, старца Филофея, Грозного, Курбского и Пересветова.

175. Зимин А. А. Дело «еретика» Артемия. — В кн.: Вопросы истории религии и атеизма. Сборник статей, т. V. М., АН СССР, 1958, стр. 213—232.

Рец.:

Новицкий Г. А. — ВИ, М., 1959, № 12, стр. 156—157.

176. Зимин А. А. Ермолай-Еразм и Повесть о Петре и Февронии. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 229—233. (ИРЛИ).

На стр. 233 — Повесть о Василии Рязанском («О граде Муроме»).

177. Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. Отв. ред. М. Н. Тихомиров. М., АН СССР, 1958, 498 стр. (АН СССР. Институт истории).

Летописец начала царства, Стоглав, Повесть о царице Динаре, сочинения И. С. Пересветова в Хронографе второй редакции, Сильвестр, Мака-

рий, Ермолай-Еразм, старец Артемий, Матвей Башкин, Феодосий Косой, предшественники Пересветова, Пересветов и европейские идеологи XVI в., пересветовская традиция в русской политической литературе XVII—начала XVIII в. На стр. 456—579 — библиография изданных сочинений И. С. Пересветова и работ о нем.

Рец.:

Гудзий Н. К. — История СССР. М., 1959, № 1, стр. 215—219.

Лурье Я. С. — ИОЛЯ. М., 1959 (т. XVIII), вып. 5, стр. 450—453.

Пушкарев Л. Н. — ВИ. М., 1959, № 4, стр. 185—189.

Саккетти А. Л. Из истории русского права. — Вестник МГУ. Серия экономики, философии, права, № 3. М., 1959, стр. 203—207.

Andreyev N. — The Slavonic and East European Review. London, 1959, vol. XXXVII, № 89, стр. 532—534.

Donnert E. Das gesellschaftliche und politische Denken in Rußland um die Mitte des 16. Jh. — Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der volksdemokratischen Länder Europas. Berlin, 1960, Band 4, стр. 401—409.

Klibanov A. I. Questions de l'histoire de la pensée sociale russe. — Вестник истории мировой культуры. М., 1958, № 5 (11), стр. 194—197 (На французском языке).

178. Зимин А. А. Некоторые вопросы истории Крестьянской войны в России в начале XVII века. — ВИ. М., 1958, № 3, стр. 97—113.

С привлечением литературных материалов. Отклик см. в статье Р. В. Овчинникова (см. № 599).

179. Зимин А. А. Повести XVI века в сборнике Рогожского собрания. — Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1958, вып. 20, стр. 186—204.

Исследование и публикация текстов Повести о нашествии Магмет-Гирея в 1521 г., Повести о московском пожаре 1547 г. и Чуда о церковном воре (ср. их отношение к Степенной книге).

180. Зубов В. П. Литературный памятник итальянского Возрождения в русском переводе конца XVII в. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 433—439. (ИРЛИ).

Перевод книги итальянского естествоиспытателя и медика Улисеса Альдрованди: Ulyssis Aldrovandi. De quadrupedibus digitatis viviparis libri tres et de quadrupedibus digitatis oviparis libri duo. Bononiae, 1637.

181. Ильенко В. В. Западные, юго-западные и южные слова в великорусских летописях XV—XVI вв. (Учебное пособие для филологов). Днепропетровск, 1958. 16 стр. (Днепропетровский гос. университет им. 300-летия воссоединения Украины с Россией).

182. Ильенко В. В. Отражение местной новгородской лексики в литературном языке великорусской народности (по материалам летописей). Днепропетровск, 1958. 29 стр. (Днепропетровский гос. университет им. 300-летия воссоединения Украины с Россией).

183. Ильенко В. В. Поздние новгородские диалектизмы в языке Московского летописного свода конца XV века. — Наукові записки Днепропетровського держ. університету ім. 300-річчя возз'єднання України з Росією, т. 64. Мовознавство, вип. 15. Збірник праць історико-філологічного факультету. Питання історії мови. Дніпропетровськ, 1958, стр. 11—19.

184. Илья Муромец. Подготовка текстов, статья и комментарии А. М. Астаховой. Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.—Л., АН СССР, 1958. 557 стр. (ОЛЯ. Серия «Литературные памятники»).

На стр. 508—518 — комментарий к былине об Илье Муромце в рукописных пересказах и лубке XVIII в.; на стр. 355—390 — тексты этих былин.

185. Исаев А. В. Второй именительный и творительный предикативный имен существительных в языке Московского летописного свода конца XV века. — Ученые записки Ивановского гос. педагогического института. Филологические науки. Кафедра русского языка. Иваново, 1958, т. XVII, вып. V, ч. 3, стр. 54—67.

186. Исаев А. В. Категория одушевленности в языке Московского летописного свода конца XV века. — Ученые записки Ивановского гос. педагогического института. Филологические науки. Кафедра русского языка. Иваново, 1958, т. XVII, вып. V, ч. 3, стр. 50—53.

187. Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела БАН. — См. № 225.

188. История русской критики, т. I. — См. № 62.

189. История русской литературы в трех томах, т. I. (Литература X—XVIII веков) Редколлегия: В. П. Адрианова-Перетц, Д. С. Лихачев, В. Д. Кузьмина, К. В. Пигарев, А. Н. Робинсон, гл. ред. Д. Д. Благой. М.—Л., АН СССР, 1958. 732 стр. (ИМЛИ, ИРЛИ).

Авторы разделов по истории литературы X—начала XVIII в.: В. П. Адрианова-Перетц, П. Н. Берков, И. П. Еремин, Д. С. Лихачев, Г. Н. Моисеева, Б. Н. Путилов, А. Н. Робинсон, М. О. Скрипиль. (На болгарском языке: София, «Наука и изкуство», 1960. 704 стр. Превели от руски Бл. Блажев, Г. Германов, Евд. Метева, С. Людсканов).

Рец.:

Fojtíková E. Nové dějiny ruské literatury. — Československá rusistika. Praha, 1959, № 3, стр. 187—189.

Robinson A. N. Histoire de la Litterature russe. — Вестник истории мировой культуры. М., 1959, № 2, стр. 172—178. (На французском языке).

190. **Каган М. Д.** Легендарный цикл грамот турецкого султана к европейским государям — публицистическое произведение второй половины XVII в. — В кн.: ТОДРЛ, т. XV. Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 225—250. (ИРЛИ).

На стр. 240—250 — публикация текстов грамот.

191. **Каган М. Д.** Русская версия 70-х годов XVII в. переписки запорожских казаков с турецким султаном. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 309—315. (ИРЛИ).

К Повести о двух посольствах. Публикуются тексты писем.

192. **Казакова Н. А.** Борьба против монастырского землевладения на Руси в конце XV—начале XVI в. — В кн.: Ежегодник Музея истории религии и атеизма, т. II. Отв. ред. С. И. Ковалев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 151—171.

На материале житий, летописей и антиеретических сочинений XV в., сочинений Нила Сорского, Иосифа Волоцкого и др. На стр. 166—171 — по поводу освещения вопроса о соборе 1503 г. в работе Г. Н. Моисеевой (см. № 300).

193. **Казакова Н. А.** Вассиан Патрикеев о секуляризации церковных земель. (Текстологические данные). — В кн.: ТОДРЛ, т. XV. Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 153—158. (ИРЛИ).

194. **Казакова Н. А.** Крестьянская тема в памятнике житийной литературы XVI в. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 241—246. (ИРЛИ).

Житие Иосифа Волоцкого, написанное неизвестным.

195. **Казакова Н. А.** Сведения об иконах Андрея Рублева, находившихся в Волоколамском монастыре в XVI в. — В кн.: ТОДРЛ, т. XV. Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 310—311. (ИРЛИ).

По рукописным материалам.

196. **Казачкова Д. А.** Зарождение и развитие антицерковной идеологии в древней Руси XI в. — В кн.: Вопросы истории религии и атеизма. Сборник статей, т. V. М., АН СССР, 1958, стр. 283—314.

Рец.:

Новицкий Г. А. — ВИ. М., 1959, № 12, стр. 157.

197. **Кайев А. А.** Русская литература, изд. 3-е, доп. и испр. М., Учпедгиз, 1958. 627 стр. с илл. (1-е изд. — в 1949 г.; 2-е изд. — в 1953 г.).

На стр. 247—438 — курс истории древнерусской литературы XI—начала XVIII в.

198. Какие возникают задачи дальнейшего изучения «Слова о полку Игореве»? — ИОЛЯ. М., 1958 (т. XVII), вып. 2, стр. 186—191 (раздел «Материалы к IV международному съезду славистов»).

Резюме ответов на вопросы Комитета славистов по важным проблемам славянского литературоведения; ответы Н. К. Гудзия (стр. 186—

187), Н. М. Дылевского (стр. 187—189), А. Н. Робинсона (стр. 189—190), Л. А. Дмитриева (стр. 190—191).

199. Какие типы изданий следует рекомендовать для публикации памятников древних славянских литератур? В каких случаях издание памятника должно быть единым для лингвистов, историков и литературоведов и в каких случаях следует издавать памятники отдельно для лингвистов и отдельно для историков и литературоведов? — ИОЛЯ. М., 1958 (т. XVII), вып. 2, стр. 198—204 (раздел «Материалы к IV международному съезду славистов»).

См. также № 75

Резюме ответов на вопросы Комитета славистов по важным проблемам славянского литературоведения; ответы Д. Богдана (стр. 198), Д. С. Лихачева (стр. 198—200), И. Даньгелка (стр. 200—202), Н. Н. Розова (стр. 202—203), Сектора древнечешской литературы Института чешской литературы Чехословацкой Академии наук (стр. 203—204).

200. Какой из славянских алфавитов древнее — глаголица или кириллица; какой из этих алфавитов создан Кириллом и Мефодием? Вопрос № 30. — В кн.: Сборник ответов на вопросы по языкознанию (к IV международному съезду славистов). М., АН СССР, 1958, стр. 300—319. (АН СССР. Советский комитет славистов).

Публикация ответов Ц. Тодорова (стр. 300—305 на болгарском языке), I. Kurz'a (стр. 305—311 на чешском языке), F. U. Mareš'a (стр. 312—314 на чешском языке), I. Hamm'a (стр. 314—315 на сербо-хорватском языке), В. Р. Кипарского (стр. 315—316 на русском языке), Е. Э. Гранстрем (стр. 316—318 на русском языке), А. С. Львова (стр. 318—319 на русском языке).

201. Каминский В. Марксистско-ленинская история русской литературы. — Нева. М.—Л., 1958, № 2, стр. 192—193.

Рецензия на кн.: История русской литературы (XI—XVIII вв.), тт. I—III (чч. 1 и 2). Ред. А. С. Орлов, В. П. Адрианова-Перетц, Н. К. Гудзий. М.—Л., АН СССР, 1941—1948. (ИРЛИ).

202. Капусткин А. П. Четыре рукописные книги из библиотеки Карельского педагогического института. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 628—630. (ИРЛИ).

203. Караев Г. Н. Новые данные, разъясняющие указания летописи о месте Ледового побоища. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 154—158. (ИРЛИ).

204. Каргер М. К. Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города, т. I. Отв. ред. А. Л. Монгайт. М.—Л., АН СССР, 1958. 580 стр. и илл. (ИИМК). (Т. II вышел в 1961 г.).

С привлечением летописей (стр. 11—22, 115—116), летописное повествование об осаде Киева в 1240 г. в свете археологических данных (стр. 508—514) и другие киевские рукописи (стр. 477).

205. Каргер М. К. К вопросу об источниках летописных записей о деятельности зодчего Петра и Феофана Грека в Новгороде. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., СССР, 1958, стр. 565—568. (ИРЛИ).

206. Каштанов С. М. Труды И. Денисова о Максиме Греке и его биографах. — В кн.: Византийский временник, т. XIV. М., АН СССР, 1958, стр. 284—295. (АН СССР. Институт истории).

Отзыв на работы: 1) Élie Denissoff. Maxime le Grec et l'Occident. Paris—Louvain, 1943; 2) É. Denissoff. Les éditions de Maxime le Grec. — Revue des études slaves, t. 21, fasc. 1—4. Paris, 1944, стр. 112—120; 3) É. Denissoff. Aux origines de l'église russe autocéphale. — Revue des études slaves, t. 23, fasc. 1—4. Paris, 1947, стр. 68—88; 4) É. Denissoff. L'influence de Savonarole sur l'église russe expliquée par un Ms inconnu du couvent de St. Marc à Florence. Scriptorium, vol. II, fasc. 2, 1948, стр. 253—256; 5) É. Denissoff. Maxime le Grec et ses vicissitudes au sem de l'église russe. — Revue des études slaves, t. 31, fasc. 1—4. Paris, 1954, стр. 7—20; 6) É. Denissoff. Une biographie de Maxime le Grec par le métropolite Isaïe Kopinski. — Orientalia christiana periodica, vol. XXII, № 1—2. Roma, 1956.

207. Кипарисов Б. Н. Категория залога в «Хожении за три моря» Афанасия Никитина (по Троицкому списку). — Ученые записки Башкирского гос. университета,

вып. VI. Серия филологическая. Язык и литература. Уфа, 1958, № 5, стр. 47—80. (То же в сокращении: Вопросы теории и методики изучения русского языка. Труды первой научной конференции кафедр русского языка педагогических институтов Поволжья (6—9 мая 1957 г.). Саратов, «Коммунист», 1959, стр. 241—250. (Куйбышевский гос. педагогический институт им. В. В. Куйбышева)).

208. **Клепиков С. А.** Бумага с филигранью «Герб города Амстердама». (Материалы для датировки рукописных и печатных текстов). — Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1958, вып. 20, стр. 315—352.

209. **Клибанов А. И.** К изучению биографии и литературного наследия Максима Грека. — Византийский временник, т. XIV. М., АН СССР, 1958, стр. 148—174. (АН СССР. Институт истории).

Отзыв на работу: Élie Denissoff. Maxime le Grec et l'Occident. Contribution à l'histoire de la pensée religieuse et philosophique de Michel Trivolis. Paris, 1943.

На стр. 164—174 — публикация текстов писем и сочинений Максима Грека.

210. **Клибанов А. И.** К истории русской реформационной мысли. (Тверская «распря о рае» в середине XIV века). — В кн.: Вопросы истории религии и атеизма. Сборник статей, т. V. М., АН СССР, 1958, стр. 233—263.

Рец.:

Новицкий Г. А. — ВИ. М., 1959, № 12, стр. 157.

211. **Клибанов А. И.** Книги Ивана Черного. (К характеристике мировоззрения новгородско-московских еретиков). — ИЗ. М., 1958, т. 62, стр. 198—244.

212. **Клибанов А. И.** Свободомыслие в Твери в XIV—XV вв. — В кн.: Вопросы истории религии и атеизма. Сборник статей, т. VI. М., АН СССР, 1958, стр. 231—260.

Рец.:

Новицкий Г. А. — ВИ. М., 1959, № 12, стр. 157.

213. **Клибанов А. И.** У истоков русской гуманистической мысли. — Вестник истории мировой культуры. М., 1958, № 1, стр. 22—39; № 2, стр. 45—63 и резюме на французском языке. (3-ю статью см. под № 551).

2-я статья снабжена подзаголовком «Исторические традиции идеи равенства народов и вер».

214. **Кобленц И. Н.** Андрей Иванович Богданов. 1692—1766. Из прошлого русской исторической науки и книговедения. М., АН СССР, 1958. 214 стр. (АН СССР. Фундаментальная библиотека общественных наук).

На стр. 65—72 — о влиянии Степенной книги на «Краткий экстракт о державных российских князьях»; на стр. 117 — об указателе к Степенной книге, составленном А. И. Богдановым.

Рец.:

Кузьмина В. Д. — История СССР. М., 1959, № 5, стр. 173—174.

Boyer-Laforet M. — Bulletin des bibliothèques de France. Paris, 1960, № 7, стр. * 209—*211.

215. **Кобрин В. Б.** Новая царская грамота 1571 г. о борьбе с чумой. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 266—267. (ИРЛИ).

К вопросу о неизвестных посланиях Ивана Грозного. В приложении — публикация текста грамоты.

216. **Ковальский Н. П.** Связи западноукраинских земель с Русским государством (вторая половина XVI—XVII в.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Львов, 1958. 16 стр. (Львовский гос. университет им. Ивана Франко. Кафедра истории СССР).

Деятельность И. Федорова во Львове и Остроге (стр. 13—14), А. М. Радишевского и Лаврентия Зизания (стр. 14), распространение русских рукописных и печатных книг на Украине (стр. 14—15).

217. **Козинцева Р. И.** Чествование Александра Игнатьевича Андреева. — В кн.: Археографический ежегодник за 1957 год. Под ред. М. Н. Тихомирова. М.,

АН СССР, 1958, стр. 494—496. (АН СССР. Отделение исторических наук. Археографическая комиссия).

По поводу археографической работы и работы по историографии Сибири и др.

218. **Колесников Г.** Новый перевод «Слова о полку Игореве». — Дон. Ростовское книжное изд., 1958, № 4, стр. 173—176.

Рецензия на кн.: Слово о полку Игореве. Стихотворный перевод А. Н. Скрипова. Ростовское книжное изд., 1957.

219. **Колобанов В. А.** К вопросу о датировке первого «Слова» Серапиона Владимирского. — Ученые записки Владимирского гос. педагогического института им. П. И. Лебедева-Полянского. Владимир, 1958, вып. 4, стр. 250—258.

220. **Колобанов В. А.** О Серапионе Владимирском как возможном авторе «Поучения к попом». — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр.159—162. (ИРЛИ).

221. **Колосова Е. В.** Новый список Повести о Федоре Ивановиче. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 272—274. (ИРЛИ).

Характеристика и описание.

222. **Коляда Г. И.** Иван Федоров и книгопечатание некоторых стран Восточной Европы. — Вестник истории мировой культуры. М., 1958, № 1, стр. 40—59 и резюме на французском языке.

223. **Коновалова О. Ф.** К вопросу о литературной позиции писателя конца XIV в. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 205—211. (ИРЛИ).

На материале Жития Стефана Пермского и Жития Сергия Радонежского Епифания Премудрого.

224. **Копанев А. И.** Научное описание как основной метод раскрытия рукописных фондов Библиотеки Академии наук СССР. — В кн.: Труды Библиотеки АН СССР и Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР, т. III. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 129—141.

Попутно обзор изданных описаний древнерусских рукописей.

225. [**Копанев А. И., Петров В. А., Мурзанова М. Н., Покровская В. Ф., Боброва Е. И., Гранстрем Е. Э., Кукушкина М. В.**] Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук, вып. II. XIX—XX века. Отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц. М.—Л., АН СССР, 1958. 400 стр. (БАН). (Вып. I вышел в 1956 г.).

Обзоры собраний русских и иностранных рукописей. Статьи: А. И. Копанев, В. А. Петров. Исторический очерк Рукописного отделения Библиотеки Академии наук (стр. 7—76); М. В. Кукушкина. Филиграни на бумаге русских фабрик XVIII—начала XIX в. (Обзор собрания П. А. Картавова) (стр. 285—371).

Рец.:

Дмитриев Л. А. — См. № 522.

226. **Копелев Л. З.** Из истории русско-немецких литературных связей. — Вестник истории мировой культуры. М., 1958, № 4, стр. 113—121.

На стр. 113—114 — о Пауле Флеминге.

227. **Королюк В. Д.** Летописные статьи о русско-польском союзе 40-х годов XI в. — В кн.: Славянский архив. Сборник статей и материалов. М., АН СССР, 1958, стр. 5—18.

228. **Косів М.** Т. Г. Шевченко — перекладач «Плачу Ярославни». — В кн.: Альманах 1958. Львівський держ. університет ім. Івана Франка. Літературна студія, кн. 3. Вид. Львівського університету, 1958, стр. 133—138.

229. **Котков С. И.** Слово о полку Игореве. (Заметки к тексту). М., АН СССР, 1958. 43 стр. (IV международный съезд славистов. Доклады. АН СССР. Советский комитет славистов).

230. **Котляренко А. Н.** К истории развития сложного предложения (по спискам «Задонщины»). — Ученые записки Ленинградского гос. педагогического института им. А. И. Герцена, т. 173. Кафедра русского языка. Л., 1958, стр. 43—54.

231. **Кочаков Б. М.** Сигизмунд Натанович Валк (к 70-летию со дня рождения). — Вестник ЛГУ, № 2. Серия истории, языка и литературы. Л., 1958, вып. 1, стр. 154—155.

См. археографические работы С. Н. Валка.

232. **Крестова Л. В.** Отражение формирования русской нации в русской литературе и публицистике первой половины XVIII в. — В кн.: Вопросы формирования русской народности и нации. Сборник статей. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 253—296. (АН СССР. Институт истории).

На стр. 253—266 — о виршевом стихотворстве, сочинениях С. Полоцкого, Ф. Прокоповича и др.

233. **Крестова Л. В.** Традиции русской демократической сатиры в журнальной прозе Н. И. Новикова («Трутень», «Живописец»). — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 486—492. (ИРЛИ).

234. **Кривчик В. Ф.** Специфически белорусская лексика в белорусских переводных повестях второй половины XVI в. — В кн.: Труды по языкознанию Белорусского гос. университета им. В. И. Ленина, вып. 1. Минск, изд. Университета, 1958, стр. 27—48.

По поводу повестей из «Познанского сборника» XVI в.

235. **Крыўчык В. Ф.** Паланізмы ў слоўнікавым саставе беларускіх перакладных аповесцей XVI стагоддзя. (Пазнанскі зборнік). — В кн.: Даследаванні па беларускай і рускай мовах. Беларускі дзярж. універсітэт імя Ул. І. Леніна. Кафедры беларускай і рускай моваў. Мінск, выд. Універсітэта, 1958, стр. 61—68.

236. **Кудрявцев И. М.** Рукописи, поступившие в 1957 году. — Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1958, вып. 20, стр. 125—176.

На стр. 138—143, 154—156, 163—171 — обзор древнерусских рукописей исторического и литературного содержания, нотные и богослужебные рукописи XII—XX вв.

237. **Кудрявцев И.** Рукописные книги в библиотеках. — Библиотекарь. М., 1958, № 5, стр. 50—53.

238. **Кудрявцев И. М., Шлихтер Б. А., Щапов Я. Н.** Археографические поездки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина в 1953—1956 годах. — В кн.: Археографический ежегодник за 1957 год. Под ред. М. Н. Тихомирова. М., АН СССР, 1958, стр. 265—301. (АН СССР. Отделение исторических наук. Археографическая комиссия).

Описание рукописей, в том числе памятников древнерусской литературы.

239. **Кудряшов К. В.** Еще раз к вопросу о пути Игоря в Половецкую степь. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 49—60 и карты. (ИРЛИ).

240. **Кузьмина В. Д.** Источник повести о царевиче Персике. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 449—452. (ИРЛИ).

Легенда из переведенного с греческого сборника Агапия Критянина.

241. **Кузьмина В. Д.** Поэтическая стилистика греческих поэм о Дигенисе и русских списков «Девгениева деяния». — В кн.: ТОДРЛ, т. XV. Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 73—77. (ИРЛИ).

242. **Кузьмина В. Д.** Русский демократический театр XVIII века. Отв. ред. Ю. А. Дмитриев. М., АН СССР, 1958. 207 стр. (АН СССР. Институт истории искусств)

«Рукописная сатира в XVIII в.» (сатирические повести, жарты и др.) (стр. 13—43), «Устная народная драма» в XVIII в. (стр. 44—78), «Русская демократическая рукописная драматургия XVIII века» (стр. 79—161), «Особенности театрального искусства в русском демократическом театре XVIII века, его связь с устной народной драмой и школьным театром» (стр. 162—187).

Рец.:

Адрианова-Перетц В. П. — ИОЛЯ, М., 1959 (т. XVIII), вып. 1, стр. 82—85.

Wollman S. — Slavia. Časopis pro slovanskou filologii. Praha, 1959, ročn. XXVIII, seš. 1, стр. 85—90 (на чешском яз.).

243. **Кузьмина В. Д.** Французский рыцарский роман на Руси, Украине и Белоруссии. («Бова» и «Петр Златые Ключи»). — В кн.: Славянская филология. Сборник статей, т. II. М., АН СССР, 1958, стр. 355—396.

244. **Кузьмина В. Д., Хорошкевич А. Л.** Вопросы истории СССР в «Оксфордских славянских записках» (1950—1957, тт. 1—7). — История СССР. М., 1958, № 1, стр. 202—213.

На стр. 205—209 — обзор работ по истории древнерусской литературы.

245. **Курбатова А. М.** Надписи на произведениях иконописи XIV—XVII веков. — В кн.: Сообщения Загорского гос. историко-художественного музея-заповедника, вып. 2. Загорск, 1958, стр. 77—91 с илл.

К палеографии надписей.

246. **Кутина Л. Л.** К вопросу о синонимии в языке XVII в. — Ученые записки ЛГУ, № 243. Серия филологических наук, вып. 42. Л., 1958, стр. 104—134. (Очерки по лексикологии, фразеологии и стилистике, II).

247. **Лапина А. И.** Обзор фондов, хранящихся в Тобольском филиале Тюменского областного государственного архива. — Ученые записки Тюменского гос. педагогического института, т. V. Кафедра истории. Тюмень, 1958, вып. 2, стр. 123—129.

На стр. 123, 127 — по поводу коллекции рукописей XVII—XIX вв. по древнерусской литературе.

248. **Ларин Б. А.** Из русско-индийских сопоставлений. — Вестник ЛГУ, № 8. Серия истории языка и литературы. Л., 1958, вып. 2, стр. 133—138 и резюме на английском языке.

На стр. 133 — «Хожение» Афанасия Никитина.

249. **Лебедев Г. И.** Краткие сведения о рукописных и старопечатных книгах Чухломского районного музея Костромской области. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 608—609. (ИРЛИ).

250. **Левин В. Д.** Краткий очерк истории русского литературного языка. М., Учпедгиз, 1958. 169 стр.

На стр. 3—100 — по поводу языка памятников древнерусской литературы XI—начала XVIII в.

251. **Ледяева С. Д.** К вопросу о словообразовании в системе древнерусской военной лексики XI—XIII вв. (по данным летописей). — Ученые записки Кишиневского гос. педагогического института им. И. Крянгэ. (Серия гуманитарных наук), т. VIII. Кишинев, 1958, стр. 69—84.

252. **Липшиц Е. Э.** Вопрос № 1. Какое значение имели старославянские переводы с греческого в формировании древнеславянских литератур? — В кн.: Сборник ответов на вопросы по литературоведению. М., 1958, стр. 5—6.

253. **Лихачев Д.** Бессмертное произведение древней русской литературы. — В кн.: Слово о полку Игореве в иллюстрациях и документах. Составитель О. А. Пини. Под ред. Д. С. Лихачева. Л., Госиздат (Ленинградское отделение), 1958, стр. 3—14.

254. **Лихачев Д. С.** Борис Александрович Романов и его книга «Люди и нравы древней Руси». — В кн.: ТОДРЛ. т. XV. Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 486—495. (ИРЛИ).

255. **Лихачев Д. С.** Варвара Павловна Адрианова-Перетц. (К 70-летию со дня рождения). — ИОЛЯ. М., 1958 (т. XVII), вып. 3, стр. 263—266.

256. **Лихачев Д.** Замечательный труд. «Слово о полку Игореве» на сербско-хорватском языке. — Литературная газета. М., 1958, № 16, 6 февраля, стр. 4.

Рецензия на кн.: «Слово о полку Игореве». Перевод М. Панича-Сурепа. Белград, «Нолит», 1957.

257. **Лихачев Д. С.** Иносказание «жизни человеческой» в «Повести о Горе-Злочастии». — В кн.: Вопросы изучения русской литературы XI—XX веков. Сборник посвящается Н. К. Пиксанову. Отв. ред. Б. П. Городецкий. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 25—27. (ИРЛИ).

258. **Лихачев Д.** К вопросу о зарождении литературных направлений в русской литературе. — Русская литература. Л., 1958, № 2, стр. 3—13.

259. **Лихачев Д. С.** Наука и просвещение в России до XVIII в. — В кн.: История Академии наук СССР, т. I (1724—1803). М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 13—19. (АН СССР. Институт истории естествознания и техники).

260. **Лихачев Д. С.** Некоторые задачи изучения второго югославянского влияния в России. М., АН СССР, 1958. 67 стр. (IV международный съезд славистов. Доклады. АН СССР. Советский комитет славистов).

С привлечением оригинальных и переводных житий и других литературных памятников XIV—XV вв.

Рец.:

А н г е л о в Б. Ст. Някои въпроси из историята на старите славянски литератури. — Литературна мисъл. София, 1959, кн. 5, стр. 134—138.

P i c c h i o Riccardo. «Prerinascimento esteuropeo» e «Rinascita slava ortodossa». (A proposito di una tesi di D. S. Lichačëv). — Ricerche slavistische. Roma, 1958, vol. VI, стр. 185—199.

261. **Лихачев Д. С.** Некоторые итоги и перспективы изучения русской литературы X—XVII вв. — Вестник АН СССР, М., 1958, № 12, стр. 19—24.

262. **Лихачев Д. С.** Об исторической и формальной классификациях списков древнеславянских памятников. — В кн.: Славянская филология. Сборник статей, т. I. М., АН СССР, 1958, стр. 264—274. (IV международный съезд славистов. АН СССР. Советский комитет славистов).

На материале древнерусской литературы.

263. **Лихачев Д. С.** Реплики. — В кн.: ТОДРЛ, т. XV. Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 499—502. (ИРЛИ).

На стр. 499—500 — по поводу статьи: Н. В. Водовозов. Повесть XIII века об Александре Невском. — Ученые записки Московского городского педагогического института им В. П. Потемкина, т. LXVII. Кафедра русской литературы, вып. 6. М., 1957. На стр. 501—502 — по поводу статьи: Н. В. Водовозов. Повесть о битве на реке Калке. — Там же.

264. **Лихачев Д. С.** «Стих о жизни патриарших певчих». (Демократическая сатира конца XVII в.). — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 423—426. (ИРЛИ).

На стр. 425—426 — публикация текста.

265. **Лихачев Д. С.** Человек в литературе древней Руси. Отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц. М.—Л., АН СССР, 1958. 187 стр. с илл. (ИРЛИ).

Изображение человека в литературе и живописи, проблема характера, стили XI—XVII вв., жанровые различия.

Рец.:

Д и н е к о в П. Човекът в литературата на стара Русия. — Литературна мисъл. София, 1959, кн. 2, стр. 126—130.

Р о б и н с о н А., Э л ь с б е р г Я. Проблема характера в древнерусской литературе. — ВЛ. М., 1959, № 9, стр. 225—230.

С е р м а н И. Образ человека в литературе древней Руси. — Новый мир. М., 1959, № 8, стр. 254—257.

S t e n d e r - P e t e r s e n A. Menneskeskil dringen i den oldrussiske litteratur. — В кн.: Det lærde selskab i Aarhus. Årbog II (1959—1960). Aarhus, universitetsforlaget, 1960, стр. 5—34.

См. замечания по поводу книги Д. С. Лихачева.

См. также № 679.

266. **Лихачев Д. С.** Harald Raab. Geschichte der altrussischen Literatur. Herausgegeben von der Pädagogischen Hochschule. Potsdam, 1957. — ИОЛЯ. М., 1958 (т. XVII), вып. 4, стр. 374—375.

Рецензия.

267. **Лозанова А. Н.** Фольклорные и книжные отклики на войну 1632—1634 гг. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 326—329. (ИРЛИ).

Повесть о Савве Грудцыне.

268. Лотман Ю. М. О слове «папорзи» в «Слове о полку Игореве». — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 37—40. (ИРЛИ).

269. Лукьяненко В. И. К истории русского букваря. (Роль и значение азбучного акростиха в процессе обучения русской грамоте в XIV, XV и первой половине XVI вв.). — В кн.: Труды Ленинградского гос. библиотечного института им. Н. К. Крупской, т. IV. Кафедра библиографии. Л., 1958, стр. 239—254.

270. Лукьянов В. В. Дополнения к биографии Иоиля Быковского. — В кн.: ТОДРЛ, т. XV. Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 509—511. (ИРЛИ).

271. Лукьянов В. В. Краткое описание коллекции рукописей Ярославского областного краеведческого музея. Отв. ред. М. Г. Мейерович. Ярославль, 1958 (на обложке 1959). 290 стр. (Краеведческие записки Ярославского областного краеведческого музея, вып. III).

Рец.:

Дубенцов Б. И. Ценное, интересное издание. — Северный рабочий. Ярославль, 1959, № 142, 19 июня, стр. 3.

272. Лукьянов В. В. Рукописные материалы Переславль-Залесского районного краеведческого музея. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 610—612. (ИРЛИ).

273. Лурье Я. С. Борьба церкви с великокняжеской властью в конце 70—первой половине 80-х годов XV в. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 219—228. (ИРЛИ).

С привлечением летописей и литературных памятников, направленных против еретиков.

274. Лурье Я. С. Был ли Иван IV писателем? — В кн.: ТОДРЛ, т. XV. Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 505—508. (ИРЛИ).

По поводу статьи С. М. Дубровского «Против идеализации деятельности Ивана IV» (ВИ. М., 1956, № 8) и примечания 1 в книге: Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. М., 1956, стр. 340.

275. Лурье Я. С. Вопрос об идеологических движениях конца XV—начала XVI в. в научной литературе. — В кн.: ТОДРЛ, т. XV. Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 131—152. (ИРЛИ).

На материале памятников публицистики конца XV—начала XVI в.

276. Лурье Я. С. Донесения агента императора Максимилиана II аббата Цира о переговорах с А. М. Курбским в 1569 году. (По материалам Венского архива). — В кн.: Археографический ежегодник за 1957 год. Под ред. М. Н. Тихомирова. М., АН СССР, 1958, стр. 451—466. (АН СССР. Отделение исторических наук. Археографическая комиссия).

Статья; публикация текста М. Н. Ботвинника.

277. Лурье Я. С. Известие о Варфоломеевской ночи в русских «посольских делах» XVI в. — В кн.: Вопросы истории религии и атеизма. Сборник статей, т. VI. М., АН СССР, 1958, стр. 216—230.

Рец.:

Новицкий Г. А. — ВИ. М., 1959, № 12, стр. 157.

278. Любимов Л. Л. Из истории древнерусского музыкального искусства. — Ученые записки Рязанского гос. педагогического института, т. XVII. Сборник научных студенческих работ. Рязань, 1958, стр. 87—99.

Скоморохи на Руси, с приложением описи пунктов их расселения (стр. 93—99).

279. Мавродин В. В. Одно замечание по поводу «мыси» или «мысли» в «Слове о полку Игореве». — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 61—63. (ИРЛИ).

280. Мазон А. А. «Артаксерксово действо» и репертуар пастора Грегори. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 355—363. (ИРЛИ).

281. Мазунин А. И. Три стихотворных переложения «Жития» протопопа Аввакума. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 408—412. (ИРЛИ).

По поводу поэм Д. С. Мережковского «Протопоп Аввакум», Максимилиана Волошина «Протопоп Аввакум» и Арсения Несмелова «Протопопица».

282. **Максимов В. И.** Лексика Псковской I летописи. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л., 1958. 19 стр. (Ленинградский гос. педагогический институт им. А. И. Герцена. Кафедра русского языка).

283. **Максимов В. И.** Местная лексика в Псковской первой летописи. — Ученые записки Ленинградского гос. педагогического института им. А. И. Герцена, т. 173. Кафедра русского языка. Л., 1958, стр. 169—211.

284. **Малышев В. И.** Два неизвестных письма протопопа Аввакума. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 413—420. (ИРЛИ).

На стр. 416—420 — публикация текстов.

285. **Малышев В. И.** К 275-летию со дня смерти протопопа Аввакума. — ИОЛЯ. М., 1958 (т. XVII), вып. 1, стр. 88—90.

Сообщение о юбилейных заседаниях и выставках.

286. **Малышев В. И.** Отчет о командировке на Печору в 1956 г. — В кн.: ТОДРЛ, т. XV. Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 398—408. (ИРЛИ).

На стр. 400—408 — краткое описание собранных рукописей.

287. **Малышев В. И.** Стих «покаянны» о «люте» времени и «поганых» нашествии. — В кн.: ТОДРЛ, т. XV. Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 371—374. (ИРЛИ).

На стр. 372 и 374 — публикация текстов стихов.

288. Материалы к IV международному съезду славистов. — ИОЛЯ. М., 1958 (т. XVII), вып. 2, стр. 186—204.

По вопросу «Какие возникают задачи дальнейшего изучения „Слова о полку Игореве"?» помещены ответы Н. К. Гудзия, Н. М. Дылевского, А. Н. Робинсона, Л. А. Дмитриева; по вопросу о так называемой «литературе барокко» XVII—XVIII вв. — ответы П. Н. Беркова, И. Н. Голенищева-Кутузова, Й. Грабака, И. П. Еремина, Я. Мишаника, К. Треймера; по 3-му вопросу о типах изданий памятников древних славянских литератур и в каких случаях должны быть единые или раздельные издания для лингвистов, историков и литературоведов — ответы Д. Богдана, Д. С. Лихачева, И. Даньгелки, Н. Н. Розова и Сектора древнечешской литературы.

289. **Махновець Л. Є.** Із досліджень «Слова о полку Ігоревім». — Радянське літературознавство. Київ, 1958, № 1, стр. 39—42.

290. **Метельская Е. С.** Лексика Супрасльской летописи. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Минск, 1958. 15 стр. (Белорусский гос. университет им. В. И. Ленина).

291. **Мещерский Н. А.** Значение древнеславянских переводов для восстановления их архетипов. (На материале древнерусского перевода «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия). М., АН СССР, 1958. 42 стр. (IV международный съезд славистов. Доклады. АН СССР. Советский комитет славистов).

292. **Мещерский Н. А.** Искусство перевода Киевской Руси. — В кн.: ТОДРЛ, т. XV. Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 54—72. (ИРЛИ).

На стр. 58—72 — «История Иудейской войны» Иосифа Флавия; на стр. 69—70 — Хроника Георгия Амартола.

293. **Мещерский Н. А.** История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. Ред. В. В. Данилов и Р. П. Дмитриева. М.—Л., АН СССР, 1958. 578 стр. (ИРЛИ).

Исследование и публикация текстов.

Рец.:

Гудзий Н. К. Новейшее издание и исследование выдающегося переводного памятника древней Руси. — ИОЛЯ. М., 1958 (т. XVII), вып. 6, стр. 561—569.

Дуйчев И. С. Одно неясное место в древнерусском переводе Иосифа Флавия. — В кн.: ТОДРЛ, т. XVI. Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.—Л., АН СССР, 1960, стр. 415—423. (ИРЛИ).

Накамура И. — Иккио Кэнкю (Труды Хитоцубаши университета), т. VI. Токио, 1960, стр. 75—83. (На японском языке).

294. **Мещерский Н. А.** К вопросу о заимствованиях из греческого в словарном составе древнерусского литературного языка. (По материалам переводных произведений Киевского периода). — В кн.: Византийский временник, т. XIII. М., АН СССР, 1958, стр. 246—261. (АН СССР. Институт истории).

295. **Мещерский Н. А.** К изучению лексики и фразеологии «Слова о полку Игореве». — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 43—48. (ИРЛИ).

296. **Мещерский Н. А.** Новгородские грамоты на бересте как памятники древнерусского литературного языка. — Вестник ЛГУ. № 2. Серия истории, языка и литературы. Л., 1958, вып. 1, стр. 93—108.

297. **Михалева А. Н.** Краткий отчет о новых поступлениях в Отдел рукописей за 1956 год. — В кн.: Труды ГПБ, т. V (8). Л., изд. Библиотеки, 1958, стр. 221—230.

На стр. 225 — о сборнике апокрифических сказаний XVIII в.

298. **Мишианик Я., Копецкий М.** Вопрос № 10. Каковы были пути развития идей гуманизма и Возрождения в славянских странах? Какова роль деятелей славянского Возрождения в общеевропейском культурном развитии XV—XVII вв.? — В кн.: Сборник ответов на вопросы по литературоведению. М., 1958, стр. 50—54.

299. **Могилянский А. П.** Неизвестная заметка Н. Г. Устрялова о «Слове о полку Игореве». — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 96—101. (ИРЛИ).

На стр. 97—100 — публикация текста заметки на книгу «Песнь ополчению Игоря Святославича», изданную Г. Вельтманом.

300. **Моисеева Г. Н.** Валаамская беседа — памятник русской публицистики середины XVI века. Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.—Л., АН СССР, 1958. 200 стр. (ИРЛИ).

Исследование и публикация текстов по двум редакциям (в приложении — публикация «Иного сказания», «Извета» и «Пророчения» Кирилла Новоезерского). Вопрос о церковном и монастырском землевладении в публицистике конца XV—первой половины XVI в. (с привлечением сочинений Вассиана Патрикеева, Иосифа Волоцкого, Ивана Грозного, Ивана Пересветова и др.).

Отзыв:

Казакова Н. А. — См. № 192.

301. **Моисеева Г. Н.** Из сатирической литературы XVIII в. Новые списки сатиры на Феодосия Яновского. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 493—499. (ИРЛИ).

На стр. 498—499 — публикация текста сатиры («Манифест рифмоложный»).

302. **Моисеева Г. Н.** О датировке «Собрания некоего старца» Вассиана Патрикеева. — В кн.: ТОДРЛ, т. XV. Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 349—361. (ИРЛИ).

303. **Мордухович Л. М.** Из рукописного наследства Ю. Крижанича. — ИА. М., 1958, № 1, стр. 154—158.

На стр. 158—189 — публикация сочинений Ю. Крижанича (на латинском языке и перевод на русский язык).

304. **Мошин В. А.** К датировке рукописей из собрания А. Ф. Гильфердинга Государственной Публичной библиотеки. — В кн.: ТОДРЛ, т. XV. Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 409—417. (ИРЛИ).

На стр. 411—417 — краткое описание рукописей.

305. **Мошин В.** К истории взаимоотношений русской и южнославянской письменности. — Славяне. М., 1958, № 1, стр. 40—42.

С привлечением памятников древнерусской литературы.

306. **Мяцельская Е. С.** Уласнабеларуская лексіка Супрасльскага летапісу. — В кн.: Труды по языкознанию Белорусского гос. университета им. В. И. Ленина. Минск, 1958, вып. 1, стр. 89—104.

307. **Мяцельская Е. С.** Царкоўнаславянізмы ў Супрасльскім летапісу. — В кн.: Даследаванні па беларускай і рускай мовах. Беларускі дзярж. універсітэт імя Ул. І. Леніна. Кафедры беларускай і рускай моваў. Мінск, выд. Універсітета, 1958, стр. 23—45.

308. **Наживина С. Я.** Рукописи Иргизского монастыря и Саровской пустыни в собрании Куйбышевской областной библиотеки. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 624—627. (ИРЛИ).

309. **Назаревский А. А.** Еще о жанровой природе «Слова о полку Игореве». — Вісник Київського університету, № 1. Серія філології та журналістики. Літературознавство. [Київ], 1958, вип. 2, стр. 68—71.

Отклик на статьи И. П. Еремина: «Слово о полку Игореве». (К вопросу о его жанровой природе). — Ученые записки Ленинградского гос. университета. Серия филологических наук, вып. 9. Л., 1944, стр. 3—18; «Слово о полку Игореве» как памятник политического красноречия Киевской Руси. — В кн.: Слово о полку Игореве. Сборник статей. М.—Л., АН СССР, 1950, стр. 93—129; К вопросу о жанровой природе «Слова о полку Игореве». — В кн.: ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., АН СССР, 1956, стр. 28—34.

310. **Назаревский А. А.** Несколько замечаний о «Послании дворянина дворянину». — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 284—289. (ИРЛИ).

311. **Назаревский А. А.** О некоторых конъектурах к тексту «Слова о полку Игореве». — Вісник Київського університету, № 1. Серія філології та журналістики. Київ, 1958, вип. 1, стр. 39—47.

312. **Назаревский А. А.** Очерки из области русской исторической повести начала XVII века. Отв. ред. А. И. Белецкий. Киев, изд. Киевского гос. университета им. Т. Г. Шевченко, 1958. 184 стр.

Исследование формы, стиля, идейного содержания «листов» Болотникова, Послания дворянина к дворянину, Новой повести (в приложении — публикация текста, частью разбитого на рифмованные и ритмические строки — стр. 158—183). Повести о видении некоему мужу духовну, Повести о видении мниху Варлааму, повестей о видениях в Нижнем-Новгороде и во Владимире, Иного видения, Повести о некоей брани.

313. **Насонов А. Н.** Материалы и исследования по истории русского летописания. — В кн.: Проблемы источниковедения, т. VI. М., АН СССР, 1958, стр. 235—274. (АН СССР. Институт истории).

314. **Насонов А. Н.** О тверском летописном материале в рукописях XVII века. — В кн.: Археографический ежегодник за 1957 год. Под ред. М. Н. Тихомирова. М., АН СССР, 1958, стр. 26—40. (АН СССР. Отделение исторических наук. Археографическая комиссия).

Исследование и публикация фрагмента Тверского летописного свода.

Рец.:

С е р б и н а К. Н. Археографический ежегодник. — ИА. М., 1959, № 4, стр. 227.

315. Научные заседания группы по изучению древнерусской литературы Института мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР в 1957 г. — В кн.: ТОДРЛ, т. XV. Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 519. (ИРЛИ).

316. Научные заседания Сектора древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР в 1957 г. — В кн.: ТОДРЛ, т. XV. Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 517—518. (ИРЛИ).

317. **Нефедов Г. Ф.** Неопубликованная статья Ф. Ф. Фортунатова «Язык Остромирова Евангелия». — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 657—659. (ИРЛИ).

318. **Николаева М. В.** Из истории русской повествовательной литературы первой половины XVIII века. («Сказание о Петре Великом» П. Н. Крекшина). — Ученые

записки Ленинградского гос. педагогического института им. А. И. Герцена, т. 170. Кафедра русской литературы. Л., 1958, стр. 11—27.

На стр. 22—25 — об Александрии.

319. **Николаева М. В.** Неизвестная повесть первой половины XVIII в. («Гистория о гишпанском королевиче Дикарони[и] и о французской принцессе Елизавете»). — Ученые записки Ленинградского гос. педагогического института им. А. И. Герцена, т. 184. Факультет языка и литературы, вып. 6. Л., 1958, стр. 17—41.

320. **Николаева М. В.** Устные сказания «о покинутом сыне» и рукописные повести первой половины XVIII в. (История о Ефродите и Максионе). — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 474—480. (ИРЛИ).

321. **Николаева Т. В.** К вопросу о связях древней Руси с южными славянами. — В кн.: Сообщения Загорского гос. историко-художественного музея-заповедника, вып. 2. Загорск, 1958, стр. 19—24.

322. **Николаева Т.** Потомки Авраамия Палицына. — В кн.: Сообщения Загорского гос. историко-художественного музея-заповедника, вып. 2. Загорск, 1958, стр. 115—116.

323. Николай Кирьякович Пиксанов. (К восьмидесятилетию со дня рождения). Список печатных работ. Ред.: Б. П. Городецкий и К. Д. Муратова. Л., тип. ГПБ, 1958. 64 стр. (ИРЛИ).

Под №№ 90, 123, 146, 352 и др. — названия работ по истории древнерусской литературы.

324. **Новикова А. М., Кокорев А. В., Позднеев А. В., Цейтлин М. А., Журавлева А. А.** Курсовые работы по дисциплинам цикла «Русская литература». Для студентов-заочников III—IV курсов факультетов русского языка и литературы педагогических институтов. М., Учпедгиз, 1958. 88 стр. (Московский гос. заочный педагогический институт).

На стр. 18—26 — темы курсовых работ по древнерусской литературе, составленные А. В. Позднеевым и А. В. Кокоревым.

325. **Новикова К. М.** Русская рукописная повесть о Петре Златых Ключей. — В кн.: Сборник трудов Московского заочного полиграфического института, вып. 6. М., 1958, стр. 219—249.

326. **Обрембская-Яблоньская А. А.** Об источниках польско-русского словаря Кирияка Кондратовича. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 597—604. (ИРЛИ).

327. **Окладников А. П.** «Земля бородатых». — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 516—524. (ИРЛИ).

Легенды о Северном крае.

328. Описание изданий, напечатанных кириллицей 1689—январь 1725 г. — См. № 92.

329. **Орлова Н. А.** Элементы разговорного языка в сатирических повестях XVII в. — Ученые записки ЛГУ, № 243. Серия филологических наук, вып. 42. Л., 1958, стр. 135—158. (Очерки по лексикологии, фразеологии и стилистике, II).

330. **Охріменко М. Л.** Який із слов'янських алфавітів давніший — глаголиця чи кирилиця? Який з цих алфавітів створений Кирилом і Мефодієм? — В кн.: Філологічний збірник. Київ, АН УРСР, 1958, стр. 322—326. (АН УРСР. Український комітет славістів).

331. Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР III—IX вв. Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М., АН СССР, 1958. 948 стр. с илл. и картами. (ИИМК).

На стр. 771—831 — русские летописцы X—XI вв. и «Повесть временных лет» о начале Русского государства (автор разделов Б. А. Рыбаков).

332. **Панеях В. М.** и **Ганелин Р. Ш.** Список трудов Б. А. Романова. — ИЗ. М., 1958, т. 62, стр. 290—295.

333. **Панфилов Г. В.** Некоторые черты эстетического мировоззрения древнерусского общества. Прекрасное в понимании древних славян. — Вестник истории мировой культуры. М., 1958, № 5 (11), стр. 20—32 и резюме на французском языке.

С привлечением памятников литературы XI—XII вв.

334. **Перетц В. Н.** Киево-Печерский патерик в польском и украинском переводе. — В кн.: Славянская филология. Сборник статей, т. III. Сборник подготовлен В. И. Борковским. М., АН СССР, 1958, стр. 174—210. (IV международный съезд славистов. АН СССР. Советский комитет славистов).

Статья написана в 1933 г. Извлечена из неопубликованной третьей части труда В. Н. Перетца «Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVII веков» (чч. 1 и 2, Л., 1928—1929) и подготовлена к печати В. П. Адриановой-Перетц.

335. Песни и сказки Ярославской области. Под общей ред. Э. В. Померанцевой. Составители: Л. Астафьева, В. Бондарь, Е. Вальтер, В. Велинская, В. Гацак, К. Дубровина, М. Кострова, В. Крупянская, С. Минц, М. Роговская, Н. Савушкина, Ю. Смирнов, А. Филатов, В. Шершавицкая. Рыбинск, Ярославское книжное изд., 1958. 359 стр.

Публикация текста драмы «Царь Максимилиан» (стр. 111—151) и примечания к нему составителей раздела «Народная драма» В. Крупянской и Е. Вальтер (стр. 152—156).

336. [**Петров С. О., Бирюк Я. Д., Золотарь Т. П.**] Славянские книги кирилловской печати XV—XVIII вв. Описание книг, хранящихся в Государственной публичной библиотеке УССР. Составители: С. О. Петров, Я. Д. Бирюк, Т. П. Золотарь. Отв. ред. П. Н. Попов. Киев, АН УССР, 1958. 267 стр. (АН УССР, Государственная публичная библиотека УССР).

Рец.:

Bogdan Damian P. — Analele Romîno-sovietice. Seria istore. 1959, № 1, стр. 122—124.

337. **Петрова И. В.** Некоторые вопросы теории перевода (на материале новой попытки перевода «Слова о полку Игореве» на английский язык). — В кн.: Труды Тбилисского педагогического института иностранных языков. Тбилиси, 1958, т. I, стр. 239—360.

С приложением ритмического варианта древнерусского текста «Слова», разработанного автором, и перевода на английский язык.

338. **Петухов В. К.** Сербская рукопись XVI в. (Из собрания В. Н. Перетца). — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 631—633. (ИРЛИ).

Четвероевангелие.

339. **Пехтелев И. Г.** Белинский и некоторые вопросы древней русской литературы. — Ученые записки Казанского гос. педагогического института. Кафедра литературы, вып. 12. Казань, 1958, стр. 33—48.

340. **Пештич С. Л.** «Синопсис» как историческое произведение. — В кн.: ТОДРЛ, т. XV. Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 284—298. (ИРЛИ).

Густынская летопись и Хроника Матвея Стрыйковского как источники «Синопсиса».

341. **Пигулевская Н. В.** Сирийская легенда об Александре Македонском. — Палестинский сборник, вып. 3 (66). М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 75—97. (То же в кн.: Материалы Первой всесоюзной научной конференции востоковедов в г. Ташкенте. 4—11 июня 1957 г. Ташкент, АН УзССР, 1958, стр. 608—614).

Исследование и публикация текста русского перевода Н. В. Пигулевской. К истории Александрии.

342. [**Пини О. А.**] Слово о полку Игореве в иллюстрациях и документах. Составитель О. А. Пини. Под ред. Д. С. Лихачева. Л., Учпедгиз (Ленинградское отделение), 1958. 216 стр. с илл.

Со вступительной статьей Д. С. Лихачева (см. № 253), краткой библиографией и списком использованной литературы.

343. Повести о житии Михаила Клопского. Подготовка текстов и статья Л. А. Дмитриева. Отв. ред. И. П. Еремин. М.—Л., АН СССР, 1958. 171 стр. (ИРЛИ).

Отзыв:

Поппэ А. Порядная запись 1420 г. на постройку церкви св. Троицы на Клопске. (К вопросу об одном из источников жития Михаила Клоп-

ского). — В кн.: Проблемы источниковедения, т. IX. М., АН СССР, 1961, стр. 386—407. (АН СССР. Институт истории).

344. **Позднеев А. В.** Вопрос № 9. Каковы были связи русской XVI—XVII вв. с западноевропейскими литературами? — В кн.: Сборник ответов на вопросы по литературоведению. М., 1958, стр. 46—49.

345. **Позднеев А. В.** Песни-акростихи Германа. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 364—370. (ИРЛИ).

346. **Позднеев А. В.** Проблемы изучения поэзии Петровского времени. — В кн.: XVIII век, сб. 3. Отв. ред. П. Н. Берков. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 25—43. (ИРЛИ).

347. **Позднеев А. В.** Ранние лирические книжные песни Петровскогоо времени. — Научные доклады высшей школы. Филологические науки. М., 1958, № 2, стр. 155—165.

348. **Позднеев А. В.** Рукописные песенники XVII—XVIII веков. (Из истории песенной силлабической поэзии). Сокращенное изложение диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. — Ученые записки Московского гос. заочного педагогического института. М., 1958, т. I, стр. 5—112.

349. **Покровская В. Ф.** Еще об одной рукописи А. И. Сулакадзева. (К вопросу о поправках в рукописных текстах). — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 634—636. (ИРЛИ).

«О воздушном летании».

350. [**Поліщук Ф. М.**] Курсові роботи з української літератури для студентів IV курсів мовно-літературних факультетів педагогічних інститутів. Автор пособніка Ф. М. Поліщук. Ред. П. К. Волинський. Київ, 1958. 108 стр. (Міністерство освіти УРСР. Управління підготовки вчителів).

На стр. 32—36, 39 — планы и основная библиография тем курсовых работ по истории древнеукраинской и древнерусской литератур.

351. **Половой Н. Я.** Две ошибки древнейшего русского хрониста. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 139—142. (ИРЛИ).

С привлечением «Повести временных лет», Жития Василия Нового, Еллинского летописца, Хроники Амартола.

352. **Половой Н. Я.** О дате второго похода Игоря на греков и похода русских на Бердаа. — В кн.: Византийский временник, т. XIV. М., АН СССР, 1958, стр. 138—147. (АН СССР. Институт истории).

На материале русских летописей (стр. 139—141).

353. **Померанц Г.** Исследование о русской литературе. — ВЛ. М., 1958, № 11, стр. 228—231.

На стр. 229 — рецензия на разделы по древнерусской литературе I тома книги: Ad. Stender-Petersen. Geschichte der russischen Literatur. München, 1957.

354. **Померанцева Э. В.** Сказка о Петре и Февронии. — В кн.: Славянский сборник, вып. II. Филологический. Воронеж, изд. Воронежского гос. университета, 1958, стр. 255—265.

Древнерусская повесть и сказка XX в. На стр. 261—265 — публикация текста сказки.

355. **Попов А. И.** Новгородская 1-я летопись и немецкая грамота 1331 г. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 217—218. (ИРЛИ).

356. **Попов П. М.** Початковий період книгодрукування у слов'ян. Київ, Вид. АН УРСР, 1958. 35 стр. (IV Міжнародний з'їзд славістів. Доповіді. Український комітет славістів. АН УРСР).

357. Попов П. Н. Повесть о «крестьянском сыне» — «напрасном тате» по Киевскому списку XVIII столетия. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 440—443. (ИРЛИ).

На стр. 442—443 — публикация текста.

358. Порфиридов Н. Г. Надписи на ножах русских мореходов XVII в. — Советская археология. М., 1958, № 2, стр. 267—269.

Вопросы эпиграфики.

359. Приветствие чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 5—6. (ИРЛИ).

От имени участников сборника Трудов Отдела древнерусской литературы, т. XIV, в честь 70-летия В. П. Адриановой-Перетц.

360. Прийма Ф. Я. Р. Ф. Тимковский как исследователь «Слова о полку Игореве». — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 89—95. (ИРЛИ).

361. Пропп В. Я. Мотивы лубочных повестей в стихотворении А. С. Пушкина «Сон» 1816 г. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 535—537. (ИРЛИ).

362. Публикация исторических источников и трудов по археографии за 1957 год. — В кн.: Археографический ежегодник за 1957 год. Под ред. М. Н. Тихомирова. М., АН СССР, 1958, стр. 509—518. (АН СССР. Отделение исторических наук. Археографическая комиссия).

На стр. 510 — археографические работы по материалам древней Руси.

363. Пузиков В. М. Мировоззрение Симеона Полоцкого. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Минск, 1958. 19 стр. (Белорусский гос. университет им. В. И. Ленина. Кафедра истории философии и логики).

364. Пузиков В. М. Общественно-политические взгляды Симеона Полоцкого. — Научные труды по философии Белорусского гос. университета им. В. И. Ленина, вып. 2, в 2 частях, ч. II. Минск, изд. Университета, 1958, стр. 3—56.

365. Путеводитель по Архиву Ленинградского отделения Института истории. Составители: И. В. Валкина, Л. Г. Катушкина, Г. Е. Кочин, В. С. Люблинский, А. Г. Маньков, Т. М. Новожилова, В. А. Петров, В. И. Рутенбург, З. Н. Савельева, В. И. Садикова, В. А. Якубовский. Ред.: А. Г. Маньков, В. А. Петров, В. И. Рутенбург. Отв. ред. А. И. Андреев. М.—Л., АН СССР, 1958. 604 стр. (ЛОИИ).

Описание фондов и коллекций. На стр. 507—515 — статья Н. Н. Полянской «Библиотека Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР».

Рец.:

Geremek B. Un inventaire soviétique. — Annales. Paris, 1960, № 4, стр. 764—766.

366. Путилов Б. Н. Вопрос № 33. В чем выражалась жанровая дифференциация в эпической традиции славянских народов? — В кн.: Сборник ответов на вопросы по литературоведению. М., 1958, стр. 255—259.

Историко-песенный фольклор древней Руси и его литературные источники.

367. Путилов Б. Н. Песня об Авдотье Рязаночке (к истории Рязанского песенного цикла). — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 163—168. (ИРЛИ).

На материале Повести о разорении Рязани.

368. Путилов Б. Н. Песня о Щелкане. — В кн.: Русский фольклор. Материалы и исследования, т. III. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 46—68. (ИРЛИ).

К Повести о Щелкане.

369. Пушкарев Л. Н. «Повесть о разуме человеческом». — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 322—325. (ИРЛИ).

К истории переводной повести XVII в.

370. **Пушкарев Л. Н.** Русские пословицы XVII в. о церкви и ее служителях. — В кн.: Вопросы истории религии и атеизма. Сборник статей, т. VI. М., АН СССР, 1958, стр. 153—168.
Рец.:

Новицкий Г. А. — ВИ. М., 1959, № 12, стр. 156.

371. **Пушкарев Л. Н.** Четыре года работы сектора источниковедения и издания исторических документов дооктябрьского периода (1953—1957 гг.). — В кн.: Археографический ежегодник за 1957 год. Под ред. М. Н. Тихомирова. М., АН СССР, 1958, стр. 486—493. (АН СССР. Отделение исторических наук. Археографическая комиссия).

Вопросы публикации древнерусских памятников и др.

372. **Рааб Г.** Обзор работ по древнерусской литературе, опубликованных на немецком языке с 1945 г. — В кн.: ТОДРЛ, т. XV. Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 474—485. (ИРЛИ).

373. Работы московских критиков и литературоведов за 1955—1958 гг. (Библиографическая справка). М., тип. «Литературной газеты», 1958. 113 стр. (Московское отделение Союза писателей РСФСР. Секция критики и литературоведения).

На стр. 25—27 — библиография работ Н. К. Гудзия (в том числе и по древнерусской литературе), на стр. 91—92 — перечень работ по древнерусскому стихосложению Л. И. Тимофеева.

374. **Радчук-Павленко С. Т.** О некоторых особенностях развития древнерусской литературы XIV—XV вв. — Наукові записки Житомірського держ. педагогічного інституту ім. І. Франка, т. VIII. Серія історико-філологічна. Житомир, 1958, стр. 267—280.

375. **Рафиков А. Х.** Турецкий перевод «Жития» протопопа Аввакума. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 668—669. (ИРЛИ).

376. **Ржига В. Ф.** Из истории одного литературного сюжета («Повесть о начале Тверского Отроча монастыря» в обработке В. Глинки). — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 538—544. (ИРЛИ).

377. **Робинсон А. Н.** Аввакум и Епифаний. (К истории общения двух писателей). — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 391—403. (ИРЛИ).

Жития Аввакума и Епифания.

378. **Робинсон А. Н.** Житие Епифания как памятник дидактической автобиографии. — В кн.: ТОДРЛ, т. XV. Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 203—224. (ИРЛИ).

379. **Робинсон А. Н.** К вопросу о народно-поэтических истоках стиля «воинских» повестей древней Руси. — В кн.: Основные проблемы эпоса восточных славян. М., АН СССР, 1958, стр. 131—157. (ИМЛИ, Институт искусствоведения, фольклора и этнографии АН СССР).

380. **Робинсон А.** О подготовке к IV международному съезду славистов. — Русская литература. Л., 1958, № 2, стр. 252—253.

381. **Робинсон А. Н.** О художественных принципах автобиографического повествования у Аввакума и Епифания. — В кн.: Славянская филология. Сборник статей, т. II. М., АН СССР, 1958, стр. 245—272.

382. **Робинсон А. Н.** IV международный съезд славистов. (Краткий отчет). — ИОЛЯ. М., 1958 (т. XVII), вып. 6, стр. 570—574.

383. **Рогинский З. И.** Поездка гонца Герасима Дохтурова в Англию в 1645—1646 гг. — Ученые записки Ярославского гос. педагогического института им. К. Д. Ушинского, вып. XXXIII. Тезисы докладов на XIII научной конференции, посвященной 50-летию ЯГПИ. 1908—1958. Ярославль, 1958, стр. 103—105.

384. **Розов Н. Н.** «Гистория о купце», неизвестный памятник посадской сатирической литературы XVIII века. — В кн.: XVIII век, сб. 3. Отв. ред. П. Н. Берков. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 440—448. (ИРЛИ).

На стр. 442—448 — публикация текста.

385. **Розов Н. Н.** Об одном пародийно-сатирическом сборнике XVIII в. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 481—485. (ИРЛИ).

К истории рукописной демократической сатиры XVII в.; «История о купце» и др.

386. **Розов Н. Н.** Остромирово Евангелие в Публичной библиотеке. (150 лет хранения и изучения). — В кн.: Труды ГПБ, т. V (8). Л., изд. Библиотеки, 1958, стр. 9—32.

387. **Р[озов] Н.** Празднование юбилея Остромирова Евангелия в Ленинграде. — В кн.: Труды ГПБ, т. V (8). Л., изд. Библиотеки, 1958, стр. 63—68.

388. **Розов Н. Н.** Член-корреспондент Академии наук И. А. Бычков. (К 100-летию со дня рождения). — ИОЛЯ. М., 1958 (т. XVII), вып. 4, стр. 353—355.

389. **Розов Н. Н.** Южнославянские рукописи Государственной Публичной библиотеки. Обзор. — В кн.: Труды ГПБ, т. V (8). Л., изд. Библиотеки, 1958, стр. 105—118.

На стр. 105—111 — обзор рукописей XI—XVII вв. (болгарские, сербские, хорватские, боснийские).

390. **Романова Л. Т.** Повесть о Ерше Ершовиче (редакции повести о Ерше Ершовиче XVII—XVIII вв. и сказки в записях XIX—XX вв.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1958. 19 стр. (Московский гос. педагогический институт им. В. И. Ленина).

391. Русские повести XV—XVI веков. — См. № 404.

391а. Русский народный лубок XVII—XIX вв. Выставка. Москва. 1958. Каталог выставки. Составление и предисловие С. А. Клепикова. М., 1958. 28 стр.

392. **Рыбаков Б. А.** Дон и Донец в «Слове о полку Игореве». — Научные доклады высшей школы. Исторические науки. М., «Советская наука», 1958, № 1, стр. 5—11.

393. **Салмина М. А.** Древнерусские повести о начале Москвы в переработке А. П. Сумарокова. — В кн.: ТОДРЛ, т. XV. Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 378—383. (ИРЛИ).

394. **Салмина М. А.** «Ентинарий» в «Повести о зачале Москвы». — В кн.: ТОДРЛ, т. XV. Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 362—363. (ИРЛИ).

И в Русском Хронографе.

Рец.:

Дуйчев И. С. Одна цитата из Манасиевой Хроники в среднеболгарском переводе. — В кн.: ТОДРЛ, т. XVI. Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.—Л., АН СССР, 1960, стр. 647—649. (ИРЛИ).

395. **Салмина М. А.** Особая редакция «Сказания о начале Москвы». — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 316—321. (ИРЛИ).

Статья и публикация текста.

396. **Сапунов Б. В.** Первопечатник Иван Федоров как писатель. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 268—271. (ИРЛИ).

397. **Сарафанова Н. С.** Идея равенства людей в сочинениях протопопа Аввакума. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 385—390. (ИРЛИ).

398. Сборник ответов на вопросы по литературоведению. Ред. коллегия: Н. К. Гудзий, С. В. Никольский, А. Н. Робинсон. М., 2-я тип. АН СССР, 1958. 296 стр. (IV международный съезд славистов. АН СССР. Советский комитет славистов).

См. №№ 5, 39, 41, 44—45, 74—75, 97, 109, 118, 121—122, 133, 166, 252, 298, 344, 366.

399. **Свирин А. Н.** Остромирово Евангелие как памятник искусства. — В кн.: Труды ГПБ, т. V (8). Л., изд. Библиотеки, 1958, стр. 47—55.

К палеографии.

400. **Семенов А. И.** О новгородском происхождении современного значения слова «шваль». — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 595—596. (ИРЛИ).

На материале новгородских летописей.

401. **Сердобольская Л. А.** Отражение социальных противоречий в памятнике церковной идеологии начала XIII в. — В кн.: Ежегодник Музея истории, религии и атеизма, т. II. Отв. ред. С. И. Ковалев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 137—150.

Киево-Печерский патерик.

402. **Серман И. З.** Протопоп Аввакум в творчестве Н. С. Лескова. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 404—407. (ИРЛИ).

403. **Сидоренко Р. И.** Из наблюдений над лексикой памятника XVII в. «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей». — Наукові записки Київського держ. педагогічного інституту ім. О. М. Горького. Київ, 1958, т. XXIX, стр. 49—65.

404. [**Скрипиль М. О.**] Русские повести XV—XVI веков. Составитель М. О. Скрипиль. Ред. текстов, статей и примечаний Б. А. Ларин. М.—Л., Гослитиздат, 1958. 488 стр.

Подготовка текстов, статей и примечаний к повестям «Задонщина», «Сказание о Мамаевом побоище» — Л. А. Дмитриева; «О московском взятии от царя Тохтамыша», «О Темир-Аксаке» — Н. И. Тотубалина; подготовка текстов и статей к повестям «О взятии Царьграда», «О купце Дмитрии Басарге и сыне его Борзосмысле», «О Вавилоне граде», «О Меркурии Смоленском», «О Петре и Февронии Муромских», «О Луке Колочском», «О Тимофее Владимирском» — М. О. Скрипиля, примечания к ним Н. И. Тотубалина; подготовка текста повести «О мунтьянском воеводе Дракуле» — М. О. Скрипиля, статья к ней — Я. С. Лурье, примечание — Н. И. Тотубалина; подготовка текста повести «Об осаде Пскова Стефаном Баторием» — В. И. Малышева, статья и примечания к ней Н. И. Тотубалина. Переводы всех повестей Б. А. Ларина. На стр. 333—338 — Послесловие к публикуемым повестям М. О. Скрипиля.

Рец.:

Алексеев В. А., Дмитриев П. А. Русские повести XV—XVI веков. — Вестник ЛГУ, № 2. Серия истории, языка и литературы, вып. 1. Л., 1961, стр. 155—157.

405. Славянские книги кирилловской печати XV—XVIII вв. Описание книг, хранящихся в Государственной Публичной библиотеке УССР. — См., № 336.

406. Слово о полку Игореве в иллюстрациях и документах. — См. № 342.

407. **Смирнов И. И.** Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. Отв. ред. С. Н. Валк. М.—Л., АН СССР, 1958. 516 стр. (АН СССР. Институт истории).

Летописи (стр. 30—32, 41—42, 48—50, 70—71, 121—129), Царственная книга (стр. 36, 41—42, 123—135, 265—277) и в Приложении, на стр. 483—485, — статья И. И. Смирнова «Об источниках для изучения „мятежа“ 1553 г.» как отклик на статью Д. Н. Альшица «Происхождение и особенности источников, повествующих о боярском мятеже 1553 г.» (ИЗ. М., 1948, т. 25), Повесть о поимании Андрея Старицкого (стр. 70—71), Краткий Новгородский летописец по списку Н. К. Никольского (стр. 121—135), характеристика правительственной деятельности митрополита Макария (стр. 194—202), Сильвестра (стр. 231—257) и др.; в Приложении, на стр. 477—482, — статья И. И. Смирнова «О Тучковской редакции жития Михаила Клопского»; на стр. 486—488 — его же статья «О времени составления „Царских вопросов“».

Рец.:

Кобрин В. Б. — ВИ. М., 1960, № 1, стр. 151—158.

Andreyev N. — The Slavonic and East European Review. London, 1960, vol. XXXVIII, № 91, стр. 569—571.

408. **Смирнова Э. С.** Отражение литературных произведений о Борисе и Глебе в древнерусской станковой живописи. — В кн.: ТОДРЛ, т. XV. Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 312—327. (ИРЛИ).

409. **Советов С. С.** Образ древнерусского Бояна в интерпретации польских поэтов-романтиков. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 125—131. (ИРЛИ).

410. Соловьев А. В. Автор «Задонщины» и его политические идеи.— В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 183—197. (ИРЛИ).

Кроме того, о «Слове о полку Игореве», «Сказании о Мамаевом побоище».

411. Соловьев А. В. Заметки к «Слову о погибели Рускыя земли». — В кн.: ТОДРЛ, т. XV. Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 78—115. (ИРЛИ).

На стр. 104—105 — «Житие великого князя Ярослава и Степенная книга»; на стр. 109—112 — «Слово о полку Игореве»; на стр. 107—109 — отзвуки «Слова о погибели. . .» в сочинениях Серапиона Владимирского, в Житии Федора Ярославского, «Задонщине», летописях.

412. Соловьев О. Ф. Из истории русско-индийских связей. М., Соцэкгиз, 1958. 99 стр.

«Хожение за три моря» Афанасия Никитина (стр. 12—18) и др.

413. Сотникова М. П. Серебряные платежные слитки Великого Новгорода. (Вопросы техники и эпиграфики). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1958. 17 стр. (ИИМК. Ленинградское отделение).

414. Список печатных работ Б. М. Ляпунова. — ВЯ. М., 1958, № 2, стр. 75—80.

Перечень работ по языку древнерусских литературных памятников и др.

415. Список печатных трудов А. И. Андреева. — В кн.: Археографический ежегодник за 1957 год. Под ред. М. Н. Тихомирова. М., АН СССР, 1958, стр. 496а—501. (АН СССР. Отделение исторических наук. Археографическая комиссия).

Работы по летописанию Сибири и археографии.

416. Старостина Т. В. Обзор коллекции древних актов XVII—XVIII вв., хранящихся в Архиве Карельского филиала АН СССР. — Вопросы истории Карелии. Петрозаводск, 1958 (на верхней обложке 1957), стр. 87—92. (Труды Карельского филиала АН СССР, вып. X).

На стр. 91 — о скорописной азбуке 1717 г, писанной иноком Палеостровского монастыря Иоасафом.

417. Талис Д. Л. Из истории русско-корсунских политических отношений в IX—X вв. — В кн.: Византийский временник, т. XIV. М., АН СССР, 1958, стр. 103—115. (АН СССР. Институт истории).

Комментарий к повествованию в летописи.

418. Таубенберг Л. И. Система глагольного и именного управления в русском языке конца XVII—начала XVIII века. (На материале языка записок русских людей: «Дневные записи» И. А. Желябужского (1682—1709 гг.), «Путешествие» П. А. Толстого (1697—1699 гг.)). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Рига, 1958. 21 стр. (ЛГУ).

419. Тимофеев Л. И. Очерки теории и истории русского стиха. М., Гослитиздат, 1958. 415 стр.

На стр. 187—276 — история развития русского стиха до половины XVIII в. (речевого типа, силлабического и др.).
Рец.:
С а р а н д е в И. Ценен труд по теория на стиха. — Литературна мисъл. София, 1958, кн. 5, стр. 126—128.

420. Тихомиров М. Н. Новый материал об Иване Грозном. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 247—255. (ИРЛИ).

Житийная «Повесть о свершении большия церкви Никитского монастыря» из Милютинских Четьих-миней (исследование и публикация текста).

420а. Тихомиров Н., Щапов Я. Сохранить старые рукописные книги. — Колхозная победа. Село Воскресенское Горьковской области. 1958, № 76, 25 июня, стр. 4.

421. ТОДРЛ, т. XIV, посвященный В. П. Адриановой-Перетц. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, 676 стр. и илл. (ИРЛИ).

См. №№ 13, 16, 19, 21, 28, 30, 37, 40, 42, 47, 49, 52, 55, 63, 66, 71, 72, 80, 83, 86, 89, 95, 101, 105, 106, 111, 115, 119, 125, 129, 135, 137, 140, 141, 144, 146, 152, 153, 155, 160, 161, 164. 172, 180, 191, 194, 202, 203, 205, 215, 220, 221, 223, 233, 239, 240, 249, 264, 267, 268, 272, 273, 279—281, 284, 295, 299, 301. 308, 310, 317. 320, 326, 327, 338, 345, 349, 351, 355, 357, 359—361, 367, 369, 375—377, 385, 395—397, 400, 402, 409, 410, 420, 429, 441—443, 445, 446, 449, 452, 454, 456, 458, 461.

Рец.:

Зайцев В. Исследования в области древнерусской литературы. — ВЛ. М., 1959, № 7, стр. 216—219.

Устюгов Н. В. — ВИ. М., 1960, № 6, стр. 160—162.

Mazon A. — Revue des études slaves. Paris, 1959, t. 36, fasc. 1—4, стр. 148—159, № 78.

422. ТОДРЛ, т. XV. Отв. ред. Д. С. Лихачев. К четвертому международному конгрессу славистов. М.—Л., АН СССР, 1958. 524 стр. и илл. (ИРЛИ).

См. №№ 7, 8, 11, 12, 29, 50, 51, 53, 73, 77, 84, 131, 136, 151, 154, 157, 159, 162, 190, 193, 195, 241, 254, 263, 270, 274, 275, 286, 287, 292, 302, 304, 315, 316, 340, 372, 378, 393, 394, 408, 411, 427.

Рец.:

Зайцев В. Исследования в области древнерусской литературы. — ВЛ. М., 1959, № 7, стр. 219—222.

Mazon A. — Revue des études slaves. Paris, 1959, t. 36, fasc. 1—4, стр. 148—155.

423. Толстой Н. И. Итоги IV международного съезда славистов. — Вестник АН СССР. М., 1958, № 11, стр. 52—55.

На стр. 54—55 — обзор докладов по истории древнерусской и древнеславянской литератур.

424. Тотубалин Н. И. Н. К. Пиксанов. (К восьмидесятилетию со дня рождения). — Вестник ЛГУ, № 20. Серия истории, языка и литературы. Л., 1958, вып. 4, стр. 171—172.

На стр. 172 — по поводу книги Н. К. Пиксанова «Старорусская повесть» (1923).

425. Трей Е. Х. Реставрация листов Остромирова Евангелия и описание их повреждений. — В кн.: Реставрация библиотечных материалов. Сборник работ. Под ред. Д. М. Фляте. Л., изд. ГПБ, 1958, стр. 49—96. (ГПБ).

На стр. 55—96 — описание состояния листов рукописи.

426. Трей Е. Х. Реставрация Остромирова Евангелия. — В кн.: Труды ГПБ, т. V (8). Л., изд. Библиотеки, 1958, стр. 57—61 и 2 табл.

427. III всесоюзное совещание по древнерусской литературе. — В кн.: ТОДРЛ, т. XV. Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 515—516. (ИРЛИ).

428. Туркина Р. В. Морфологические особенности языка тверской письменности XV—XVI вв. (На материале «Инока Фомы слова похвального о благоверном великом князе Борисе Александровиче»). — Ученые записки Великолукского гос. педагогического института. Великие Луки, 1958, т. III, стр. 424—454.

429. Филин Ф. П. О древнерусском слове «волмина». — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 590—594. (ИРЛИ).

430. Финицкая З. В Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. — ВЛ. М., 1958, № 2, стр. 253—254.

На стр. 253 — о найденных А. Мазоном и И. М. Кудрявцевым рукописях «Артаксерксова действа».

431. Хаустова И. С. Лексика «Ведомостей» 1702—1703 гг. (Из истории формирования национального литературного языка и его стилей). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л., 1958. 22 стр. (ЛГУ).

432. Хаустова И. С. Лексикологическая характеристика «Ведомостей» Петра I. (По материалам лексики, связанной с военной тематикой). — Ученые записки ЛГУ, № 243. Серия филологических наук, вып. 42. Л., 1958, стр. 159—182. (Очерки по лексикологии, фразеологии и стилистике, II).

433. Хожение за три моря Афанасия Никитина. 1466—1472 гг. Изд. 2-е, доп. и переработ. Отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц. М.—Л., АН СССР, 1958. 284 стр. с илл. и картой. (ОЛЯ. Серия «Литературные памятники»).

Подготовка к печати текста, археографический обзор и текстологические примечания Я. С. Лурье. Перевод Н. С. Чаева. В приложениях — статьи: В. П. Адрианова-Перетц. Афанасий Никитин — путешественник, писатель (стр. 93—125); Я. С. Лурье. Афанасий Никитин и некоторые вопросы русской общественной мысли XV в. (стр. 126—142); М. К. Кудрявцев. Индия в XV в. (стр. 143—160). Географический и исторический комментарий И. П. Петрушевского. На стр. 252—255 — основная библиография к теме.

434. Хожение купца Федота Котова в Персию. Публикация Н. А. Кузнецовой. Отв. ред. А. А. Кузнецов. М., Изд. восточной литературы, 1958. 112 стр. с илл. («Русские путешественники в странах Востока». АН СССР. Институт востоковедения).

Предисловие Н. А. Кузнецовой (стр. 5—21), текст, перевод и примечания.

435. Хорошкевич А. Л. Зарубежные отклики на открытие новгородских берестяных грамот. — История СССР. М., 1958, № 5, стр. 224—231.

436. Хямяляйнен М. М. О статье А. И. Попова «Прибалтийско-финские личные имена в новгородских берестяных грамотах». — В кн.: Прибалтийско-финское языкознание. Отв. ред. Г. Н. Макаров. Петрозаводск, Гос. изд. Карельской АССР, 1958, стр. 101—103. (Труды Карельского филиала АН СССР, вып. XII).

Рецензия. См. статью А. И. Попова там же, стр. 95—100.

437. Цветкова Бистра А. Проблема падения Константинополя. (Обзор статей, опубликованных в периодических изданиях СССР и стран народной демократии в связи с 500-летием завоевания Константинополя турками). — Византийский временник, т. XIV. М., АН СССР 1958, стр. 247—259. (АН СССР. Институт истории).

438. Черепнин Л. В. Исторические условия формирования русской народности до конца XV в. — В кн.: Вопросы формирования русской народности и нации. Сборник статей. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 7—105. (АН СССР. Институт истории).

На материале летописей, «Слова о полку Игореве» и других литературных памятников.

439. Черных П. По поводу рецензий на книгу «Очерк русской исторической лексикологии». — Вестник МГУ. Историко-филологическая серия. М., 1958, № 2, стр. 193—200. (См.: Черных П. Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период. М., 1956).

440. IV международный съезд славистов в Москве. — ИОЛЯ. М., 1958 (т. XVII), вып. 4, стр. 297—301.

На стр. 298—300 — о темах по истории древнеславянских литератур.

441. Чистов К. В. Новая запись песни о Щелкане Дудентьевиче. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 510—515. (ИРЛИ).

На стр. 512—515 — публикация текста песни.

442. Чичеров В. И. Из истории народных поверий и обрядов. («Нечистая сила и Касьян»). — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 529—534. (ИРЛИ).

Легенды.

443. Шарлемань Н. В. Заметка к тексту «растѣкашется мыслію по древу» в «Слове о полку Игореве». — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 41—42. (ИРЛИ).

444. Шарлемань Н. В. По Днепру со «Словом о полку Игореве». — Советская Украина. Киев, 1958, № 1, стр. 137—142.

445. Шаскольский И. П. «Описание трех путей» Афанасия Холмогорского. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 457—460. (ИРЛИ).

Описание путешествия из России в Швецию (памятник, появившийся на рубеже XVII—XVIII вв.).

446. **Шептаев Л. С.** Заметки о песнях, записанных для Ричарда Джемса. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 304—308. (ИРЛИ).

Фольклорные параллели, истоки песен.

447. **Шиловский А. Н.** Общественно-политическая лексика «Послания» Даниила Заточника. — Наукові записки Дніпропетровського держ. університету ім. 300-річчя возз'єднання України з Росією, т. 64. Мовознавство, вип. 15. Збірник праць історико-філологічного факультету. Питання історії мови. Дніпропетровськ, 1958, стр. 5—17.

448. **Шкраба Р.** Цудоўная кветка паэзіі. — В кн.: Рыгор Шкраба. Сіла слова. Літаратурна-крытычныя артыкулы і рэцэнзіі. Мінск, Дзярж. выд. БССР, 1958, стр. 5—17.

«Слово о полку Игореве».

449. **Шмидт С. О.** Заметки о языке посланий Ивана Грозного. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 256—265 (ИРЛИ).

450. **Шмидт С. О.** К истории Царского архива середины XVI в. — Труды Московского гос. историко-архивного института, т. XI. М., 1958, стр. 364—407.

451. **Шолом Ф. Я.** Иван Вишенский и Максим Грек. (Из истории русско-украинских литературных связей XVI—начала XVII вв.). — В кн.: Славянская филология. Сборник статей, т. III. Сборник подготовлен В. И. Борковским. М., АН СССР, 1958, стр. 294—315. (IV международный съезд славистов. АН СССР. Советский комитет славистов).

452. **Щапов Я. Н.** Археографическая экспедиция в Горьковскую область. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 613—618. (ИРЛИ).

На стр. 615—618 — краткое описание привезенных рукописей.

453. **Щапов Я. Н.** «Похвала глупости» Эразма Роттердамского в русских переводах. (Рукописи в собраниях Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и Государственного архива Ярославской области). — Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1958, вып. 20, стр. 102—117.

Обзор переводов, их характеристика и выделение основных групп. На стр. 116—117 — библиография русских изданий «Похвалы глупости».

454. **Щеглова С. А.** Драма и роман о Калеандре и Неонилде. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 500—503. (ИРЛИ).

455. **Щепкин В. Н.** и **Щепкина М. В.** Палеографическое значение водяных знаков. — В кн.: Проблемы источниковедения, т. VI. М., АН СССР, 1958, стр. 325—346. (АН СССР. Институт истории).

456. **Щепкина М. В.** К вопросу о разночтениях Екатерининской копии и первого издания «Слова о полку Игореве». — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 71—76. (ИРЛИ).

457. **Щепкина М. В.** и **Протасьева Т. Н.** Сокровища древней письменности и старой печати. Обзор рукописей русских, славянских, греческих, а также книг старой печати Государственного Исторического музея. Под ред. М. Н. Тихомирова. М., «Советская Россия», 1958. 85 стр. и илл. (Труды ГИМ, вып. XXX. Памятники культуры).

458. **Эйхенбаум Б. М.** Черты летописного стиля в литературе XIX в. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 545—550. (ИРЛИ).

459. **Ю. Б.** О работе Археографической комиссии. — История СССР. М., 1958, № 2, стр. 223—225.

460. **Ючас М. А.** Русские летописи XIV—XV вв. как источник по истории Литвы. — В кн.: Труды Академии наук Литовской ССР. Серия А. Вильнюс, 1958, № 2 (5), стр. 69—82 (83). (На русском языке и резюме на литовском языке).

461. **Якобсон Р. О.** Изучение «Слова о полку Игореве» в Соединенных Штатах Америки. — В кн.: ТОДРЛ, т. XIV. Отв. ред. В. И. Малышев. М.—Л., АН СССР, 1958, стр. 102—121. (ИРЛИ).

На стр. 112—116 — библиография американских работ по «Слову», вышедших в 1943—1956 гг.; на стр. 116—121 — прозаический перевод «Слова» на современный русский язык, сделанный Р. О. Якобсоном.

462. **Янин В. Л.** К чтению надписи на пряслице из Гродно. — Советская археология. М., 1958, № 1, стр. 243—245.

1959 г.

463. **Автократов В. Н.** О сохранности и обработке рукописных источников. (К итогам IV всесоюзного совещания по древнерусской литературе). — Вопросы архивоведения. М., 1959, № 4, стр. 55—62.

Изложение докладов и выступлений на совещании.

464. **Адрианова-Перетц В. П.** Новые издания Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. — История СССР. М., 1959, № 2, стр. 200—202.

Рецензия на т. I (4) 1957 г. и т. V (8) 1958 г. (см. № 22).

465. **Адріанова-Перетц В. П.** «Слово о полку Ігоревім» і російська народна поезія. — В кн.: Матеріали до вивчення історії української літератури, т. I. Давня українська література доба феодалізму — до кінця XVIII ст. Упорядкували О. І. Білецький і Ф. Я. Шолом. Київ, «Радянська школа», 1959, стр. 178—187.

Переиздание статьи, опубликованной на русском языке: ИОЛЯ, М., 1950 (т. IX), вып. 6, стр. 409—418.

466. **Адрианова-Перетц В. П.** Фольклорные сюжеты стихотворных жарт XVIII века. — В кн.: Из истории русских литературных отношений XVIII—XX веков. Светлой памяти Василия Алексеевича Десницкого. Отв. ред. С. В. Касторский. М.—Л., АН СССР, 1959, стр. 44—51. (ИРЛИ).

467. **Азбелев С. Н.** Две редакции Новгородской летописи Дубровского. — В кн.: Новгородский исторический сборник. Под общ. ред. Д. С. Лихачева. Новгород, Боровичская городская тип., 1959, стр. 219—228. (Новгородский историко-архитектурный музей-заповедник).

468. **Азбелев С. Н.** Дискуссия по проблемам древнерусской литературы. — Вестник АН СССР. М., АН СССР, 1959, № 8, стр. 116—117.

469. **Азбелев С. Н.** О художественном методе древнерусской литературы. — Русская литература. Л., 1959, № 4, стр. 9—22.

470. **Азбелев С.** Четвертое всесоюзное совещание по древнерусской литературе. — ИОЛЯ. М., 1959 (т. XVIII), вып. 6, стр. 549—554.

471. А. И. Андреев (1887—1959). — ИА. М., 1959, № 4, стр. 246.

Некролог.

472. **Алексеев Л. В.** Еще три шиферных пряслица с надписями. — Советская археология. М., 1959, № 2, стр. 242—245.

XII—XIII вв.

473. **Алексеев М. П.** «Пророче рогатый» Феофана Прокоповича. — В кн.: Из истории русских литературных отношений XVIII—XX вв. Светлой памяти Василия Алексеевича Десницкого. Отв. ред. С. В. Касторский. М.—Л., АН СССР, 1959, стр. 17—43. (ИРЛИ).

474. **Альшиц Д. Н.** Крестоцеловальные записи Владимира Андреевича Старицкого и недошедшее завещание Ивана Грозного. — История СССР. М., 1959, № 4, стр. 147—155.

475. **Анашкин И. Д.** Рукописные собрания Государственного архива Калининской области. — ВИ. М., 1959, № 11, стр. 199—201.

Обзор рукописей.

476. **Анашкин И. Д., Дербина В. Е.** Описание коллекции рукописей Государственного архива Ярославской области XIV—XX вв. — Вопросы архивоведения. М., 1959, № 2, стр. 123—125.

Рецензия на книгу: В. В. Лукьянов. Описание коллекции рукописей Государственного архива Ярославской области XIV—XX веков. Ярославль, 1957.

477. **Анкудинова Л. Е.** Общественно-политические взгляды первых раскольников и народные массы. — Ученые записки ЛГУ, № 270. Серия исторических наук, вып. 32. Л., 1959, стр. 60—82.

С привлечением старообрядческой литературы и сочинений Аввакума.

478. **Арциховский А. В.** О новгородской хронологии. — Советская археология. М., 1959, № 4, стр. 107—127.

К датировке берестяных грамот. Отклик на статью Б. А. Рыбакова (см. № 624). См. также статью: Б. А. Рыбаков. Что нового вносит в науку статья А. В. Арциховского «О новгородской хронологии»? — Советская археология. М., 1961, № 2, стр. 141—163.

479. **Астахов В. И.** Курс лекций по русской историографии. Часть 1 (до середины XIX века). Отв. ред. С. М. Короливский. Харьков, изд. гос. университета, 1959. 287. стр.

Исторические знания XI—XVII вв. (стр. 24—69). На материале летописей и историко-литературных памятников.

480. **Баскаков Э. Г.** Документальные материалы по истории народов СССР в архивах и библиотеках США. — История СССР. М., 1959, № 2, стр. 223—228.

На стр. 227—228 — по поводу древнерусских рукописей и Львовского букваря Ивана Федорова из Нью-Йоркской публичной библиотеки.

481. **Бегунов Ю. К.** Археографические экспедиции Пушкинского Дома. — Вестник АН СССР. М., 1959, № 4, стр. 115.

482. **Бегунов Ю. К.** Житие Александра Невского в составе Новгородской 1-ой и Софийской 1-ой летописей. — В кн.: Новгородский исторический сборник. Под общ. ред. Д. С. Лихачева. Новгород, Боровичская городская тип., 1959, стр. 229—238. (Новгородско-архитектурный музей-заповедник).

Рец.:

Клокман Ю. Р. — История СССР. М., 1959, № 6, стр. 177.

483. Безсмертне творіння древньої руської літератури. (З передової статті газ. «Правда»). — В кн.: Матеріали до вивчення історії української літератури, т. I Давня українська література доба феодалізму — до кінця XVIII ст. Упорядкували О. І. Білецький і Ф. Я. Шолом. Київ. «Радянська школа», 1959, стр. 143—144.

Переиздание статьи 1938 г.

484. **Белов М. И.** Александр Игнатьевич Андреев. — Известия Всесоюзного географического общества. Л., 1959 (т. 91), вып. 6, стр. 558—559.

Некролог.

485. **Бем Ю. О.** Обсуждение вопросов археографии советского периода в Археографической комиссии. — История СССР. М., 1959, № 3, стр. 226—228.

Обзор докладов.

486. **Бем Ю. О., Рогов А. И.** О библиотеке рукописных и старопечатных книг, обнаруженной на территории Бурятской АССР. — ИА. М., 1959, № 4, стр. 241—243.

487. **Берков П. Н.** Одна из старейших записей «Царя Максимилиана» и «Шайки разбойников» (1885). — В кн.: Русский фольклор. Материалы и исследования, т. IV. М.—Л., АН СССР, 1959, стр. 331—374.

На стр. 336—374 — публикация текста драмы «О царе Максимилиане».

488. **Білецький О. І.** Києво-Печерський патерик. — В кн.: Матеріали до вивчення історії української літератури, т. І. Давня українська література доба феодалізму — до кінця XVIII ст. Упорядкували О. І. Білецький і Ф. Я. Шолом. Київ, «Радянська школа», 1959, стр. 135—141.

489. **Білецький О. І.** Перекладна література візантійсько-болгарського походження. — В кн.: Матеріали до вивчення історії української літератури, т. І. Давня українська література доба феодалізму — до кінця XVIII ст. Упорядкували О. І. Білецький і Ф. Я. Шолом. Київ, «Радянська школа», 1959, стр. 110—135.

Литература Киевской Руси (библейские книги, апокрифы, жития и др.)

490. **Білецький О. І.** Симеон Полоцький та українське письменство XVII ст. — В кн.: Матеріали до вивчення історії української літератури, т. І. Давня українська лі-

тература доба феодалізму — до кінця XVIII ст. Упорядкували О. І. Білецький і Ф. Я. Шолом. Київ. «Радянська школа», 1959, стр. 319—328.

Переиздание из книги: Ювілейний збірник на пошану академіка Д. І. Багалія. Київ, вид. АН УРСР, 1927, стр. 637—648.

491. **Білецький О. І.** Слово о полку Ігоревім та українська література XIX—XX ст. — В кн.: Матеріали до вивчення історії української літератури, т. І. Давня українська література доба феодалізму — до кінця XVIII ст. Упорядкували О. І. Білецький і Ф. Я. Шолом. Київ, «Радянська школа», 1959, стр. 164—178.

492. **Білецький О. І.** Сучасний стан і проблеми вивчення давньої української літератури. — В кн.: Матеріали до вивчення історії української літератури, т. І. Давня українська література доба феодалізму — до кінця XVIII ст. Упорядкували О. І. Білецький і Ф. Я. Шолом. Київ, «Радянська школа», 1959, стр. 48—59.

Кроме того, состояние и проблемы изучения древнерусской литературы.

493. **Білецький О. І.** Українська драматургія XVII—XVIII ст. — В кн.: Матеріали до вивчення історії української літератури, т. І. Давня українська література доба феодалізму — до кінця XVIII ст. Упорядкували О. І. Білецький і Ф. Я. Шолом. Київ, «Радянська школа», 1959, стр. 455—484.

Школьная драма и др.

494. **Білецький О. І.** Шляхи розвитку українського літературознавства. — В кн.: Матеріали до вивчення історії української літератури, т. І. Давня українська література доба феодалізму — до кінця XVIII ст. Упорядкували О. І. Білецький і Ф. Я. Шолом. Київ, «Радянська школа», 1959, стр. 9—44.

На стр. 12—13 об изучении литературы Киевской Руси, «Слова о полку Игореве», летописей и др.

495. **Богатов И. П.** О времени возникновения г. Мурома. — Советская археология. М., 1959, № 3, стр. 223—226.

Достоверность летописной даты.

496. **Богуславский Г. А.** Из истории архива Оружейной палаты. — ИА. М., 1959, № 2, стр. 215— 223.

К описанию рукописей.

497. **Буганов В. И.** К вопросу о московском восстании 1662 года. — ВИ. М., 1959, № 5, стр. 160—175.

На стр. 162—164 — о роли прокламаций-листов в восстании и их характер.

498. **Буганов В. И.** Разрядные книги как памятники русской культуры. — Вестник истории мировой культуры. М., 1959, № 6, стр. 105—111

См. о летописях и повестях в составе разрядных книг.

499. **Будовниц И. У.** Русское духовенство в первое столетие монголо-татарского ига. — В кн.: Вопросы истории религии и атеизма. Сборник статей, т. VII. М., АН СССР, 1959, стр. 284—302.

500. **Булаховський Л. А.** Українська літературна мова. (Історичний нарис). — В кн.: Матеріали до вивчення історії української літератури, т. І. Давня українська література доба феодалізму — до кінця XVIII ст. Упорядкували О. І. Білецький і Ф .Я. Шолом. Київ, «Радянська школа», 1959, стр. 70—82.

Кроме того, характеристика литературного языка древнерусских памятников.

501. **Буслаев Ф. И.** Историческая грамматика русского языка. Издание подготовили И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко, А. И. Толкачев. М., Учпедгиз, 1959, 623 стр. (ОЛЯ).

На стр. 17—18 — библиография работ о Ф. И. Буслаеве; на стр. 610—619 — библиография работ Ф. И. Буслаева по языкознанию и по древнерусской литературе.

502. **Быкова Т. А.** Заметки о редких русских изданиях в собраниях ГПБ. — В кн.: XVIII век, сб. 4. Отв. ред. П. Н. Берков. М.—Л., АН СССР, 1959, стр. 395—403. (ИРЛИ).

На стр. 395—399 — о неизвестном автографе А. А. Виниуса.

503. **Виноградов В. В.** О языке художественной литературы. М., Гослитиздат, 1959. 656 стр.

В главе VI «Реализм и развитие русского литературного языка», на стр. 422—430, 432—436, 467—469 и др., — критика точек зрения В. П. Адриановой-Перетц, И. П. Еремина, Д. С. Лихачева, М. О. Скрипиля, М. Н. Сперанского.

Рец.:

Mayenowa M. R — International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 'S.-Gravenhage, 1960, vol. III, стр. 155—158. (На польском языке). См. № 678.

504. **Виноградов В. В.** Состояние и перспективы развития советского славяноведения. — ВЯ. М., 1959, № 6, стр. 3—17.

На стр. 15 — об изучении старославянского языка по древнерусским литературным памятникам.

505. **Водовозов Н. В.** Русские писатели об Индии. (Из истории зарождения, развития и укрепления дружбы между нашей страной и Индией). — Ученые записки Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина, т. XCVIII. Вопросы русской литературы. Сборник статей. М., 1959, стр. 361—385.

На стр. 362—366 — «Хожение за три моря» Афанасия Никитина.

506. **Водовозов Н. В.** — См. № 632.

507. Вологодско-Пермская летопись. — См. № 609.

508. Восстание И. Болотникова. Документы и материалы. — См. № 556.

509. **Всеволодский-Гернгросс В. Н.** Русская устная народная драма. Отв. ред. С. С. Мокульский. М., АН СССР, 1959. 136 стр. (АН СССР. Институт истории).

На стр. 22—37, 80—114 — о скоморохах, драме на Руси (о царе Ироде, о Максимилиане и др.).

510. **Высоцкий С. А.** Граффито XI в. в Софии Киевской. — Советская археология. М., 1959, № 1, стр. 273—275.

511. **Высоцкий С. А.** Датированные граффити XI в. в Софии Киевской. — Советская археология. М., 1959, № 4, стр. 243—244 и илл.

512. **Гиршберг В. Б.** Надпись мастера Повилики. — Советская археология. М., 1959, № 2, стр. 248—249.

Первая половина XVI в.

513. **Гиршберг В. Б.** Надпись 1501 г. из Троице-Сергиевой лавры. — Советская археология. М., 1959, № 3, стр. 227—229.

Летописная дата и дата надгробной плиты.

514. **Голышенко В. С.** К вопросу об изображении князя в Чудовской рукописи XII—XIII вв. — В кн.: Проблемы источниковедения, т. VII. М.—Л., АН СССР, 1959, стр. 391—415. (АН СССР. Институт истории).

По рукописи «Слово Ипполита об антихристе».

515. **Гранстрем Е. Э.** Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ, I. Рукописи IV—IX веков. — В кн.: Византийский временник, т. XV. М., АН СССР, 1959, стр. 216—243. (АН СССР. Институт истории).

516. **Греков Б. Д.** Избранные труды, т. II. Под ред. Л. В. Черепнина и В. Т. Пашуто. М., АН СССР, 1959. 624 стр.

Истоки русской культуры и литература Киевской Руси (стр. 298—337 в книге «Киевская Русь»). Статьи: «Повесть временных лет о походе Владимира на Корсунь» (1929 г.) (стр. 413—428); Автор «Слова о полку Игореве» и его время (1938 г.) (стр. 429—439); Первый труд по истории России (1943 г.; по поводу «Повести временных лет») (стр. 501—518).

517. **Гудзий М. К.** Олександр Іванович Білецький. Київ, АН УРСР, 1959. 52 стр. (АН УРСР. Серія «Вчені Української РСР).

На стр. 4—5, 8, 11, 23—25, 27, 28, 31—38, 42—46, 48, 49 — о деятельности в области изучения литературы древней Руси и библиография работ по этой теме.

518. **Гудзій М. К.** Слово о полку Ігоревім. — В кн.: Матеріали до вивчення історії української літератури, т. І. Давня українська література доба феодалізму — до кінця XVIII ст. Упорядкували О. І. Білецький і Ф. Я. Шолом. Київ, «Радянська школа», 1959, стр. 155—164.

Переиздание из книги: «Слово о полку Ігоревім». Біб-ка поета, Київ, «Рад. пісьменник», 1955, стр. 3—21.

519. **Данилов В. В.** Описание изданий Петровской эпохи. — Советская библиография. М., 1959, № 2, стр. 87—91.

Рецензия на книгу: Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. Описание изданий гражданской печати. 1708—январь 1725 г. Редакция и вступительная статья П. Н. Беркова. М.—Л., АН СССР, 1955 — и книгу 1958 г. (см. № 92).

520. **Двинянинов Б.** Новое издание «Слова о полку Игоря» во Франции. — Народный учитель. Тамбов, 1959, № 13, 24 апреля, стр. 4.

Рецензия на книгу: С. Н. Плаутин. «Слово о полку Игореве», исправленный и неисправленный тексты, перевод и примечание. Париж, 1958.

521. **Деннис Уорд.** «Слово о полку Игореве». К проблеме художественного перевода. — Культура и жизнь. М., 1959, № 2, стр. 50—53.

522. **Дмитриев Л. А.** Книга о рукописном отделе Библиотеки Академии наук. — ИА. М., 1959, № 4, стр. 231—233.

Рецензия на книгу: Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук, вып. I, XVIII век. Отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц. М.—Л., АН СССР, 1956; вып. II, XIX—XX века, 1958 (см. № 225).

523. **Драгоманов М. П.** Найстарші руські драматичні сцени. — В кн.: Матеріали до вивчення історії української літератури, т. І. Давня українська література доба феодалізму — до кінця XVIII ст. Упорядкували О. І. Білецький і Ф. Я. Шолом. Київ, «Радянська школа», 1959, стр. 257—261.

Переиздание отрывка статьи из книги: «Розвідки Михайла Драгоманова про українську народну словісність і письменство», т. І. Львів, 1899, стр. 185—192.

524. **Елеонский С. Ф.** Былина о Василии Окуловиче и близкие к ней литературные и фольклорные версии. — Ученые записки Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина, т. XCVIII. Вопросы русской литературы. Сборник статей. М., 1959, стр. 3—38.

Сказания о Соломоне.

525. **Елеонский С. Ф.** Старинные переводные повести в русских народных пересказах. — Ученые записки Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина, т. XCIV, вып. 8. Русская литература. М., 1959, стр. 3—45.

«Гистория о Иполите, графе аглинском, и о Жулии, графине аглинской же. . .», «Гистория об италианском купце Феодоне и о дочери его Осеилберде и о гишпанском министре Ордоне» и др.

526. **Елисеев Ю. С.** Древнейший письменный памятник одного из прибалтийско-финских языков. — ИОЛЯ. М., 1959 (т. XVIII), вып. 1, стр. 65—72.

Берестяная грамота.

527. **Еремин И.** К спорам о реализме древнерусской литературы. — Русская литература. Л., 1959, № 4, стр. 3—8.

528. **Єрьомін І. П.** До історії російсько-українських літературних зв'язків в XVII ст. — В кн.: Матеріали до вивчення історії української літературі, т. І. Давня українська література доба феодалізму — до кінця XVIII ст. Упорядкували О. І. Білецький і Ф. Я. Шолом. Київ, «Радянська школа», 1959, стр. 261—266.

Переиздание статьи, опубликованной на русском языке в кн.: ТОДРЛ, т. IX. М.—Л., АН СССР, 1953, стр. 291—296. (ИРЛИ).

529. **Єрьомін І. П.** До історії супсільної думки на Україні другої половини XVII ст. — В кн.: Матеріали до вивчення історії української літератури, т. І. Давня

українська література доба феодалізму — до кінця XVIII ст. Упорядкували О. І. Білецький і Ф. Я. Шолом. Київ, «Рядянська школа», 1959, стр. 329—338.

Переиздание статьи, опубликованной на русском языке в ТОДРЛ, т. X. М.—Л., АН СССР, 1954, стр. 212—222. (ИРЛИ).

Синопсис.

530. **Жинкин Н. П.** и **Мазманьянц В. К.** Экземпляры первого издания «Слова о полку Игореве» в фондах Центральной научной библиотеки Харьковского государственного университета им. А. М. Горького. (Библиографическая заметка). — Учені записки Харківського держ. універсітету ім. О. М. Горького, т. 101. Труди філологічного факультету, т. 7. Харьків, 1959, стр. 315—317.

531. **Жуковская Л. П.** Новгородские берестяные грамоты. М., Учпедгиз, 1959, 128 стр. и 7 лл. илл.

532. **Жуковская Л. П.** О переводах Евангелия на славянский язык и о «древнерусской редакции» славянского Евангелия. — В кн.: Славянское языкознание. Сборник статей. М., АН СССР, 1959, стр. 86—97. (АН СССР. Советский комитет славистов).

533. **Запаско Я. П.** Матеріали до вивчення української рукописної орнаментики. — В кн.: Матеріали з етнографії та мисцетвознавства. Київ, АН УРСР, 1959, стр. 127—139.

Палеографические наблюдения на материале памятников XI—XVII вв.

534. **Зацепина Е. В.** К вопросу о происхождении старопечатного орнамента. — В кн.: У истоков русского книгопечатания... М., 1959, стр. 101—154 с илл., стр. 256—258.

Орнамент рукописей и печатных книг XV—XVI вв.

535. **Зильберман А. О.** — ВИ. М., 1959, № 3, стр. 193—195.

Рецензия на книгу: Библиография русской библиографии по истории СССР. Аннотированный перечень библиографических указателей, изданных до 1917 года. М., изд. Всесоюзной Книжной палаты, 1957. 197 стр. К библиографии летописания и др.

536. **Зимин А. А.** А. П. Пронштейн. Великий Новгород в XVI веке. Харьков. 1957. 288 стр. — История СССР. М., 1959, № 2, стр. 209—211.

Рецензия. На стр. 211 — новгородская литература и ее значение для характеристики Новгорода XVI в.

537. **Зимин А. А.** Скоморохи в памятниках публицистики и народного творчества XVI века. — В кн.: Из истории русских литературных отношений XVIII—XX веков. Светлой памяти Василия Алексеевича Десницкого. Отв. ред. С. В. Касторский. М.—Л., АН СССР, 1959, стр. 337—343. (ИРЛИ).

538. **Золотов Ю. М.** Чернолощеный кувшин XVII в. с надписью. — Советская археология. М.. 1959, № 1, стр. 284—286.

539. **Казакова Н. А.** Изучение русской общественной мысли конца XV—начала XVI веков в советской научной литературе. — Вестник ЛГУ, № 20. Серия истории, языка и литературы. Л., 1959, вып. 4, стр. 43—54.

Историографический обзор работ о литературе иосифлян и нестяжателей, еретиков.

540. **Казанин М. И.** Об одной надписи на карте в «Чертежной книге Сибири» С. Ремезова. — В кн.: Страны и народы Востока, вып. 1. География, этнография, история. Под ред. В. В. Струве. М., Изд. восточной литературы, 1959, стр. 229—241. (АН СССР. Восточная комиссия Географического общества Союза ССР).

Распространенность сказаний об Александре Македонском в XVII в. в России.

541. **Каменева Т. Н.** Книгопечатание в Чернигове (1646—1818). — В кн.: Проблемы источниковедения, т. VIII. М., АН СССР, 1959, стр. 267—313. (АН СССР. Институт истории).

Типографии Кирилла Транквиллиона и Лазаря Барановича и др.

542. **Каменева Т. Н.** Материалы для библиографии русской первопечатной книги (с 1935 г.). — В кн.: У истоков русского книгопечатания... М., 1959, стр. 261—264.

Кроме того, к библиографии И. Федорова.

543. **Капорулина Л. В.** Творительный падеж при имени существительном в древнерусском языке (на материале «Повести временных лет»). — В кн.: Исследования по грамматике русского языка, т. II. Л., изд. ЛГУ, 1959, стр. 28—41. (Ученые записки ЛГУ, № 277. Филологический факультет, серия филологических наук, вып. 55).

544. **Карпюк Г. В.** Из истории развития лексики эпистолярного стиля XVII века. (На материале писем царя Алексея Михайловича). — В кн.: Филологический сборник Хабаровского гос. педагогического института, вып. 1. Хабаровск, 1959, стр. 193—216.

545. **Карская Т. С.** О чешском издании «посланий» Ивана Грозного. — ИОЛЯ. М., 1959 (т. XVIII), вып. 1, стр. 87—89.

По поводу книги: «Послания» Ивана Грозного в переводе на чешский язык. Прага, Гос. изд. художественной литературы, музыки и искусства, 1957. (Серия «Живые памятники прошлого»).

546. **Каштанов С. М.** О списках двух неопубликованных летописных сводов (1493 и 1495 годов). — В кн.: Проблемы источниковедения, т. VIII. М., АН СССР, 1959, стр. 445—465. (АН СССР. Институт истории).

547. **Кислов М. Н.** Раскопки Новгорода в 1958 году. — Вестник МГУ, Историко-филологическая серия. М., 1959, № 4, стр. 193—197.

Новые берестяные грамоты.

548. **Клепиков С. А.** Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX века. Ред. Ю. И. Масанов. М., изд. Всесоюзной Книжной палаты, 1959. 306 стр.

На стр. 8—34 — статья «К истории филиграней и штемпелей»; на стр. 117—126 — библиография по теме. Таблицы филиграней и штемпелей, указатели.

549. **Клибанов А. И.** К изучению генезиса еретических движений в России. — В кн.: Вопросы истории религии и атеизма. Сборник статей, т. VII. М., АН СССР, 1959, стр. 186—217.

550. **Клибанов А. И.** Повесть о Петре и Февронии как памятник русской общественной мысли. — ИЗ. М., 1959, т. 65, стр. 303—315.

О Ермолае Еразме.

551. **Клибанов А. И.** У истоков русской гуманистической мысли. Идея приятия жизни в русской общественной мысли 15—16 вв. Статья третья. — Вестник истории мировой культуры. М., 1959, № 1, стр. 33—49. (Статьи 1 и 2 см. под № 213).

552. **Кобрин В. Б., Маматова Е. П., Тихомиров Н. Б., Шлихтер Б. А., Щапов Я. Н.** Археографические поездки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина в 1957—1958 гг. — Записки Отдела рукописей ГБЛ, вып. 21. М., 1959, стр. 252—261.

553. **Ковальчук О. В.** Вивчення «Слова о полку Ігоревім» у школі. Київ, «Радянська школа», 1959, 120 стр.

554. **Коляда Г. И.** «Грамматикия» Ивана Федорова. (К 375-летию со дня смерти). — Вестник истории мировой культуры. М., 1959, № 3, стр. 135—145.

555. **Коляда Г. И.** Из истории книгопечатных связей России, Украины и Румынии в XVI—XVII вв. — В кн.: У истоков русского книгопечатания... М., 1959, стр. 81—100 с илл.

556. [**Копанев А. И., Маньков А. Г.**] Восстание И. Болотникова. Документы и материалы. М., Соцэкиз, 1959. 455 стр.

Публикация отрывков текстов и комментарии к ним: из «Сказания» Авраамия Палицына, «Нового летописца», Хронографа третьей редакции, «Летописца о многих мятежах», «Иного сказания», Казанского сказания, Карамзинского Хронографа, Повести Катырева-Ростовского, Рукописи Филарета, «Временника» И. Тимофеева, «Домашних записок» князя Семена Шаховского, Послание дворянина дворянину, из Псковской летописи Пискаревского летописца, «Жития Феодосия» (написанного после 1617 г.).

557. **Копыленко М. М.** Из исследований о языке славянских переводов памятников византийской литературы. (Гипотактические конструкции славяно-русского пере-

вода «Александрии»). — В кн.: Византийский временник, т. XV. М., АН СССР, 1959, стр. 82—91. (АН СССР. Институт истории).

558. **Копылов А. Н.** Заседание Археологической комиссии при Отделении исторических наук Академии наук СССР. — ВИ. М., 1959, № 1, стр. 199—201.

По поводу археографической работы Б. Д. Грекова.

559. **Корецкий В. И.** Голод 1601—1603 гг. в России и церковь. — В кн.: Вопросы истории религии и атеизма. Сборник статей, т. VII. М., АН СССР, 1959, стр. 218—256.

На стр. 246—248 — идея «Сказания» Авраамия Палицына.

560. **Косвен М. О.** Памяти А. И. Андреева. — Советская этнография. М., 1959, № 5, стр. 172—174.

561. **Косцова А. С.** «Титулярник» собрания Государственного Эрмитажа. — В кн.: Труды Гос. Эрмитажа, т. III. Русская культура и искусство. 1. Л., изд. Гос. Эрмитажа, 1959, стр. 16—40.

562. Крупный ученый, общественный деятель (к годовщине со дня смерти проф. С. С. Советова). — Вестник ЛГУ, № 20. Серия истории, языка и литературы. Л., 1959, вып. 4, стр. 155—156.

На стр. 155 — о работах по «Слову о полку Игореве».

563. **Кудрявцев И. М.** Рукописи, поступившие в 1958 году. — Записки Отдела рукописей ГБЛ, вып. 21. М., 1959, стр. 102—172.

564. **Кудряшов К. В.** Про Игоря Северского, про землю Русскую. Историко-географический очерк о походе Игоря Северского на половцев в 1185 году. М., Учпедгиз, 1959. 95 стр., илл. и 4 карты.

На стр. 5—6 — предисловие М. Н. Тихомирова; в приложении — публикация текста «Слова», его прозаического перевода (по изданию: В. А. Келтуяла. «Слово о полку Игореве», изд. 3-е. М.—Л., ГИЗ, 1930) и летописных отрывков о походе Игоря; на стр. 90—93 — словарь к «Слову».

565. **Кузьмина В. Д.** Научная командировка в Чехословакию (20 мая—8 июня 1958 г.). — ИОЛЯ. М., 1959 (т. XVIII), вып. 2, стр. 186—190.

К теме «Изучение литературы XVII—начала XVIII в.». На стр. 188—190 — инвентарное описание рукописей собрания А. Д. Григорьева, хранящихся в Славянской библиотеке в Праге.

566. **Кузьмина В. Д.** Сведения об арабах и арабской культуре в Палестине в начале 12 в. по «Хожению» игумена Даниила (из истории русско-арабских связей). — Вестник истории мировой культуры. М., 1959, № 6, стр. 82—87.

567. **Курдюмова Т. Ф.** Изучение языка «Слова о полку Игореве» в VIII классе. — Русский язык в школе. М., 1959, № 4, стр. 95—100.

568. **Кусков В. В.** О некоторых особенностях стиля Степенной книги. — Ученые записки Уральского гос. университета им. А. М. Горького, вып. 28. Филологический. Свердловск, 1959, стр. 259—292.

569. **Кучкин В. А.** Л. С. Абецедарский. Белорусы в Москве XVII в. Из истории русско-белорусских связей. Минск, изд. БГУ им. В. И. Ленина, 1957. 62 стр. — История СССР. М., 1959, № 1, стр. 219—220.

Рецензия.

570. **Ларин Б. А.** Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618—1619 гг.). Отв. ред. И. Круопас. Л., изд. ЛГУ, 1959. 424 стр. (Институт литовского языка и литературы АН Литовской СССР, ЛГУ).

Рец.:

Ф и л и н Ф. П. Об источниках изучения устной речи Московкой Руси. — Вестник ЛГУ, № 2. Серия истории языка и литературы, вып. 1. Л., 1961, стр. 152—155.

571. **Ледяева С. Д.** К вопросу о некоторых названиях войсковых соединений в древнерусском языке (по материалам летописей XI—XIII вв.). — Вестник МГУ, Историко-филологическая серия. М., 1959, № 4, стр. 163—174.

572. **Лихачев Д. С.** Возможный случай скрытой полемики фольклорного произведения с книжным. — В кн.: Из истории русских литературных отношений XVIII—

XX веков. Светлой памяти Василия Алексеевича Десницкого. Отв. ред. С. В. Касторский. М.—Л., АН СССР, 1959, стр. 335—336. (ИРЛИ).

Былина «Вавило и скоморохи» и статья из древнерусских сборников «О скомрасе Вавиле».

573. **Лихачев Д. С.** Новгород Великий. Очерк истории культуры Новгорода XI—XVII вв. М., «Советская Россия», 1959. 104 стр. и илл.

На стр. 19—21, 30, 31, 43—49, 61, 62, 66—68, 77—82, 93, 94, 96—98 — новгородское летописание; на стр. 40 — житие Александра Невского; на стр. 58—60 — Хождение Стефана в Иерусалим; на стр. 68—70 — сказания об архиепископе Иоанне; на стр. 72—75, 88, 89 — Житие Михаила Клопского; на стр. 83—86 — «Просветитель» Иосифа Волоцкого, литература еретиков и деятельность архиепископа Геннадия; на стр. 90—92 — Повесть о новгородском белом клобуке.

574. **Лихачев Д. С.** Отчет о командировке в Болгарию. — ИОЛЯ. М., 1959 (т. XVIII), вып. 5, стр. 454—462.

Обзор собраний древнеболгарских рукописей.

575. **Лихачев Д. С.** Памятники искусства в литературе Новгорода. — Новгородская правда. Новгород, 1959, № 165, 21 августа, стр. 2, 4.

576. **Лурье Я. С.** Послы из Московии во время «двенадцатой ночи» 1601 г. — Театр. М., 1959, № 3, стр. 190. (В журнале название искажено).

577. **Лурье Я.** IV всесоюзное совещание по древнерусской литературе. — Русская литература. Л., 1959, № 3, стр. 229—232.

578. **Люблинский В. С.** На заре книгопечатания. Пособие для учителей. Л., Учпедгиз (Ленинградское отделение), 1959. 160 стр. с илл.

На стр. 135—149 — начало книгопечатания на Руси (Иван Федоров).

579. **Мальсагов Д. Д.** О некоторых непонятных местах в «Слове о полку Игореве». — Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы, т. I, вып. 2. Языкознание. Грозный, 1959, стр. 120—167.

580. **Малышев В. И.** Две заметки о протопопе Аввакуме. — В кн.: Из истории русских литературных отношений XVIII—XX веков. Светлой памяти Василия Алексеевича Десницкого. Отв. ред. С. В. Касторский. М.—Л., АН СССР, 1959, стр. 344—352. (ИРЛИ).

1. Автограф «Жития» (история находки); 2. Последователи протопопа Аввакума в Пустозерске в начале XVIII века. Публикация текста. Отписки тобольских воевод якутским о ссылке Аввакума в Якутск.

581. **Малышев В.** Необходим словарь-справочник по древнерусской литературе. — Литература и жизнь. М., 1959, № 69, 10 июня, стр. 2.

Отклики:

Двинянинов Б. Нужен словарь-справочник по древнерусской литературе. — Народный учитель. Тамбов, 1959, № 22, 27 июня, стр. 3.

*** Изучение древнерусской литературы. — Русские новости. Париж, 1959, № 746, 19 сентября.

Морозов А. А. Назревшая необходимость! — Литература и жизнь. М., 1959, № 77, 28 июня, стр. 2.

*** Словарь-справочник по древнерусской литературе. — Русские новости. Париж, 1959, № 736, 10 июля.

582. **Малышев В. И.** Обзор древнерусских рукописей, поступивших в Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР в 1957 году. — В кн.: Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского дома, т. VIII. М.—Л., АН СССР, 1959, стр. 137—142. (ИРЛИ).

583. Маркс К. и Энгельс Ф. про «Слово о полку Ігоревім». — В кн.: Матеріали до вивчення історії української літератури, т. I. Давня українська література доба феодалізму — до кінця XVIII ст. Упорядкували І. О. Білецький і Ф. Я. Шолом. Київ, «Радянська школа», 1959, стр. 141—142.

Переиздание писем 1856 г.

584. **Маслов С. І.** Культурно-національне відродження на Україні в кінці XVI і першій половині XVII ст. — В кн.: Матеріали до вивчення історії української літератури, т. I. Давня українська література доба феодалізму — до кінця XVIII ст.

Упорядкували О. І. Білецький і Ф. Я. Шолом. Київ, «Радянська школа», 1959, стр. 198—212.

Переиздание из журнала «Українська література», 1943, № 12. К русско-украинским литературным связям.

585. Матеріали до вивчення історії української літератури в 5 тт., т. І. Давня українська література доба феодалізму — до кінця XVIII ст. Підсобник для філологічних факультетів університетів і педагогічних інститутів. Упорядкували О. І. Білецький і Ф. Я. Шолом. Київ, «Радянська школа», 1959. 652 стр.

См. №№ 465, 483, 488—494, 500, 518, 523, 528, 529, 592; 593, 604, 611, 612, 614, 642, 643, 647, 651, 654.

586. **Мейерович М.** Когда был основан Ярославль. [Ярославль], Книжное изд., 1959. 64 стр.

Почему в летописи не упоминается дата основания Ярославля и др.

587. **Мельников Е. И.** О языке и графике подписи Анны Ярославны 1063 года. — В кн.: Славянское языкознание. Сборник статей. М., АН СССР, 1959, стр. 113—119. (АН СССР. Советский комитет славистов).

588. **Мельникова М. К.** Из наблюдений над синонимикой качественных прилагательных в языке «Повестей о смуте» (XVII век). — Ученые записки Ленинградского гос. педагогического института им. А. И. Герцена, т. 202. Кафедра русского языка и советской литературы. Л., 1959, стр. 173—204.

589. **Мещерский Н. А.** Польское издание новгородских берестяных грамот. — ВЯ. М., 1959, № 6, стр. 144—147.

Рецензия на книгу: W. Kuraszkiewicz. Gramoty nowogrodskie na brzozowej korze. Warszawa, 1957.

590. **Моисеева Г. Н.** Археографические экспедиции Института русской литературы в 1958 г. — ИА. М., 1959, № 5, стр. 249.

591. **Молдавский Д.** Народный лубок. — Нева. М.—Л., 1959, № 4, стр. 190—193.

592. **Назаревський О. А.** До вивчення давньої повісти в українській літературі. — В кн.: Матеріали до вивчення історії української літератури, т. І. Давня українська література доба феодалізму — до кінця XVIII ст. Упорядкували О. І. Білецький і Ф. Я. Шолом. Київ, «Радянська школа», 1959, стр. 311—319.

На стр. 316—319 — описание рукописных повестей.

593. **Назаревський О. А.** До тлумачення деяких так званих «темних місць» у тексті «Слова о полку Ігоревім». — В кн.: Матеріали до вивчення історії української літератури, т. 1. Давня українська література доба феодалізму — до кінця XVIII ст. Упорядкували О. І. Білецький і Ф. Я. Шолом. Київ, «Радянська школа», 1959, стр. 188—195.

594. **Насонов А. Н.** Начальные этапы киевского летописания в связи с развитием древнерусского государства. — В кн.: Проблемы источниковедения, т. VII. М., АН СССР, 1959, стр. 416—462. (АН СССР. Институт истории).

595. **Насонов А. Н.** Об отношении летописания Переяславля-Русского к киевскому (XII век). — В кн.: Проблемы источниковедения, т. VIII. М., АН СССР, 1959, стр. 466—494. (АН СССР. Институт истории).

596. **Наумов Д.** К лексике «Слова о полку Игореве». — Русская литература. Л., 1959, № 3, стр. 181—183.

597. **Николаева М. В.** Повесть о Франце-Имензолеусе Гишпанском. (Из истории рукописной литературы XVIII века). — Ученые записки Ленинградского гос. педагогического института им. А. И. Герцена, т. 198. Кафедра русской литературы. Л., 1959, стр. 3—25.

598. Об образовании восточнославянских национальных литературных языков. — ВЯ. М., 1959, № 5, стр. 52—59.

Ответ С. П. Обнорского, Л. А. Булаховского и Д. С. Лихачева на анкету, помещенную в № 4 «Вопросов языкознания» за 1959 г., по вопросам формирования литературного языка и его стилистических особенностей.

599. **Овчинников Р. В.** Некоторые вопросы крестьянской войны начала XVII века в России. — ВИ. М., 1959, № 7, стр. 69—83.

С привлечением литературных памятников. Отклик на статью А. А. Зимина (см. № 178).

600. Описание Рукописного отдела Библиотеки АН СССР, т. 3, вып. 1. — См. № 608.

601. **Осипова К. С.** К вопросу о формировании нового типа исторических повествований II половины XVI столетия. — В кн.: Наукова конференція викладачів філологічного факультету, присвячена підсумкам науково-дослідної роботи за 1958 рік. Січень 1959 року. Тези доповідей. Харьків, вид. Університету, 1959, стр. 33—36. (Харьківський ордена Трудового Червоного Прапора держ. університет ім. О. М. Горького).

Летописи в сопоставлении со Степенной книгой, Казанской историей; Никоновская летопись, Царственная книга, Летописец начала царства.

602. Памяти Александра Игнатьевича Андреева. — В кн.: Проблемы источниковедения, т. VIII. М., АН СССР, 1959, стр. 495—498. (АН СССР. Институт истории).

С обзором работ в области археографии и источниковедения.

603. **Панченко А.** Археографические экспедиции Сектора древнерусской литературы в 1958 году. — Русская литература. Л., 1959, № 2, стр. 254—255.

604. **Петров М. І.** Київська Могилянська колегія (академія) і найважливіші моменти в розвитку Київської художньої літератури XVII і XVIII ст. — В кн.: Матеріали до вивчення історії української літератури, т. І. Давня українська література доба феодалізму — до кінця XVIII ст. Упорядкували О. І. Білецький і Ф. Я. Шолом. Київ, «Радянська школа», 1959, стр. 485—503.

Переиздание в переводе с русского языка из книги: Н. И. Петров. Очерки из истории украинской литературы XVII и XVIII веков. Киевская искусственная литература XVII—XVIII вв., преимущественно драматическая. Київ, 1911, стр. 20—59.

605. **Плисецкий М. М.** Вопросы развития эпоса в условиях возникновения государственности. — Советская этнография. М., 1959, № 4, стр. 26—42.

На стр. 31, 34 — фольклорные произведения в летописях.

606. Повести о Куликовской битве. Издание подготовили М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. Отв. ред. М. Н. Тихомиров. М., АН СССР, 1959, 502 стр. (Серия «Литературные памятники»).

Публикация текстов «Задонщины», Летописной повести о побоище на Дону, Сказаний о Мамаевом побоище с переводами и примечаниями.

В приложении — статьи: М. Н. Тихомиров. Куликовская битва 1380 года (стр. 335—376); В. Ф. Ржига. Слово Софония Рязанца о Куликовской битве («Задонщина») как литературный памятник 80-х годов XIV в. (стр. 377—400); В. Ф. Ржига. О Софонии Рязанце (стр. 401—405); Л. А. Дмитриев. К литературной истории Сказания о Мамаевом побоище (стр. 406—448); Л. А. Дмитриев. Обзор редакций Сказания о Мамаевом побоище (стр. 449—480); Л. А. Дмитриев. Описание рукописных списков Сказания о Мамаевом побоище (стр. 481—509).

Рец.:

Адрианова-Перетц В. П. — ИОЛЯ. М., 1960 (т. XIX), вып. 2, стр. 156—160.

Мавродин В. В. — ВИ. М., 1960, № 8, стр. 145—149.

607. **Позднеев А. В.** Практикум по древней русской литературе. Для студентов-заочников I курса факультета русского языка и литературы педагогических институтов. М., Учпедгиз, 1959. 32 стр. (Главное управление высших и средних педагогических учебных заведений Министерства просвещения РСФСР, Московский гос. заочный педагогический институт).

Разработка двух тем по «Слову о полку Игореве» («„Слово...“ и летописные повести о походе Игоря» и «Отражение истории и современности в „Слове...“»).

608. [**Покровская В. Ф., Копанев А. И., Кукушкина М. В. Мурзанова М. Н.**] Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР, т. 3, вып. 1. (Хронографы, летописи, степенные, родословные, разрядные книги). Изд. 2-е, доп. Составили: В. Ф. Покровская, А. И. Копанев, М. В. Кукушкина, М. Н. Мурзанова. Под ред. А. И. Андреева. М.—Л., АН СССР, 1959. 708 стр. (БАН).

609. Полное собрание русских летописей, т. XXVI. Вологодско-Пермская летопись. Отв. ред. М. Н. Тихомиров. М.—Л., АН СССР, 1959. 416 стр. (АН СССР. Институт истории).

Подготовлен к печати В. И. Бугановым, Т. Н. Протасьевой, М. Н. Тихомировым при участии М. В. Щепкиной. Предисловие М. Н. Тихомирова (стр. 3—8). Указатели — Е. А. Юрченко.

Рец.:

Арциховский А. В. — Советская археология. М., 1961, № 2, стр. 313—314.

Зимин А. А. — ВИ. М., 1960, № 9, стр. 136—138.

Носов Н. Е. — История СССР. М., 1960, № 5, стр. 189—190

610. **Попов П. М.** Албанія в російській та українській літературах XV—XX ст. З історії міжнародних літературних звязків. Відп. ред. О. І. Білецький. Київ, АН УРСР, 1959. 336 стр. (Інститут літератури ім. Т. Г. Шевченка АН УРСР).

В летописях и сочинениях И. Пересветова (стр. 33—42), хронографах и повести «О Албанской стране и о княжестве их» (стр. 43—50), «Повести о Скандербеге» (стр. 51—111), в сочинениях Аввакума, Юрия Крижанича (стр. 112—115). Публикация текстов повести «О Албанской стране и о княжестве их», «Повести о Скандербеге» и др.

Рец.:

Гудзий Н. Албания в русской и украинской литературах. — ВЛ. М., 1960, № 10, стр. 203—206.

611. **Попов П. М.** Початковий період книгодрукування у слов'ян. — В кн.: Матеріали до вивчення історії української літератури, т. І. Давня українська література доба феодалізму — до кінця XVIII ст. Упорядкували О. І. Білецький і Ф. Я. Шолом. Київ, «Радянська школа», 1959, стр. 213—228.

На стр. 221—224 — Иван Федоров.

612. **Попов П. М.** «Слово о полку Ігоревім» в оцінці Маркса і Енгельса. — В кн.: Матеріали до вивчення історії української літератури, т. І. Давня українська література доба феодалізму — до кінця XVIII ст. Упорядкували О. І. Білецький і Ф. Я. Шолом. Київ, «Радянська школа», 1959, стр. 145—154.

613. Послания Иосифа Волоцкого. Подготовка текста А. А. Зимина и Я. С. Лурье. Статьи И. П. Еремина и Я. С. Лурье. Отв. ред. И. П. Еремин. М.—Л., 1959. 391 стр. с илл. (ИРЛИ).

На стр. 3—18 — статья И. П. Еремина «Иосиф Волоцкий как писатель»; на стр. 19—97 — статья Я. С. Лурье «Иосиф Волоцкий как публицист и общественный деятель»; на стр. 370—374 — статья А. А. Зимина «Об участии Иосифа Волоцкого в соборе 1503 г.». Комментарии к текстам и археографические обзоры (А. А. Зимина и Я. С. Лурье). В приложении — публикация Монастырского устава, Соборного ответа 1503 г., посланий Иосифу, «Письма о нелюбках иноков Кириллова и Иосифова монастырей».

614. **Присьолков М. Д.** Початок літописання в Галицько-Волинській землі. — В кн.: Матеріали до вивчення історії української літератури, т. І. Давня українська література доба феодалізму — до кінця XVIII ст. Упорядкували О. І. Білецький і Ф. Я. Шолом. Київ, «Радянська школа», 1959, стр. 96—101.

Переиздание раздела из статьи «Літописання Західної України і Білорусії» (Ученые записки ЛГУ, № 67. Серия исторических наук, вып. 7. Л., 1940).

615. **Протасьева Т. Н.** Описание первопечатных русских книг. — В кн.: У истоков русского книгопечатания... М., 1959, стр. 155—196 с илл.

616. **Протасьева Т. Н. и Щепкина М. В.** Сказания о начале московского книгопечатания. Тексты и переводы. — В кн.: У истоков русского книгопечатания... М., 1959, стр. 197—214.

На стр. 199—209 — «Сказание известно о воображении книг печатного дела»; на стр. 209—214 — «Сказание известно и написание вкратце».

617. **Пушкарев Л. Н.** К вопросу об издании списка Царского Софийской I летописи. — В кн.: Проблемы источниковедения, т. VIII. М., АН СССР, 1959, стр. 432—444. (АН СССР. Институт истории).

618. **Рабинович М. Г.** М. Н. Тихомиров. Средневековая Москва в XIV—XV веках. Отв. ред. А. В. Арциховский. М., изд. Московского гос. университета, 1957. 317 стр. — История СССР. М., 1959, № 1, стр. 212—215.

Рецензия. На стр. 215 — относительно 10-й главы книги, посвященной грамотности, просвещению и литературе Москвы.

619. **Рамм Б. Я.** Папство и Русь в X—XV веках. Отв. ред. М. М. Шейнман. М.—Л., АН СССР, 1959, 284 стр. (АН СССР. Музей истории религии и атеизма).

На стр. 38—84, 103 и др. — комментарий к летописным известиям о католической экспансии на Руси; на стр. 61, 62 — «Слово о вере крестьянской и латынской», приписываемое игумену Киево-Печерского монастыря Феодосию; на стр. 165—168 — к Житию Александра Невского.

620. **Рогинский З. И.** Поездка гонца Герасима Семеновича Дохтурова в Англию в 1645—1646 гг. (из истории англо-русских отношений в период английской революции XVII века). Отв. ред. Б. Ф. Поршнев. Ярославль, 1959. 72 стр. с илл. (Ярославский гос. педагогический институт им. К. Д. Ушинского).

Статья, публикация текста статейного списка гонца Герасима Дохтурова (стр. 19—47) и комментарии.

621. [**Румянцев В. Е.**] Выписка из книги В. Е. Румянцева «Сборник памятников, относящихся до книгопечатания в России», вып. 1. М., 1872 (стр. 4, 5, 14, 15). — В кн.: У истоков русского книгопечатания... М., 1959, стр. 259—260.

Книгопечатание Ивана Федорова.

622. **Рыбаков Б. А.** Боярин-летописец XII века. — История СССР. М., 1959, № 5, стр. 56—79.

623. **Рыбаков Б. А.** Запись о смерти Ярослава Мудрого. — Советская археология. М., 1959, № 4, стр. 245—249.

Комментарий к летописным данным.

624. **Рыбаков Б. А.** К вопросу о методике определения хронологии новгородских древностей. — Советская археология. М., 1959, № 4, стр. 82—106.

К датировке новгородских грамот на бересте. Отклик см. в статье А. В. Арциховского (см. № 478).

625. **Рыбаков Б. А.** «Нариси стародавньої історії Української РСР. Київ, 1957. 632 стр.» — Советская археология. М., 1959, № 3, стр. 240—243.

Рецензия. На стр. 242 — относительно раздела, посвященного литературе Киевской Руси.

626. **Салмина М. А., Сарафанова Н. С.** Вопросы археографии на IV всесоюзном совещании по древнерусской литературе. — ИА. М., 1959, № 6, стр. 190—191.

627. **Салмина М. А., Сарафанова Н. С.** IV всесоюзное совещание по древнерусской литературе. — ВИ. М., 1959, № 12, стр. 181—185.

Обзор докладов, состоявшихся в мае 1959 г. в Секторе древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР, и прений по ним.

628. **Сапунов Б. В.** К истории русской книги XVI века. — В кн.: Труды Гос. Эрмитажа, т. III. Русская культура и искусство, 1. Л., изд. Гос. Эрмитажа, 1959, стр. 5—15.

629. **Седов В. В.** Каменный крестик с надписью из Пирова селища. — Советская археология. М., 1959, № 1, стр. 275—277.

Надпись конца XI в.

630. **Сидоров А. А.** Художественно-технические особенности славянского первопечатания. — В кн.: У истоков русского книгопечатания... М., 1959, стр. 41—80 с илл.

Издания И. Федорова, Н. Тарасиева и А. Невежи.

631. **Симина Г. Я.** К вопросу об употреблении глагольных форм прошедшего времени в «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку. — В кн.: Исследования по грамматике русского языка, т. II. Л., изд. ЛГУ, 1959, стр. 42—59. (Ученые записки ЛГУ, № 277. Филологический факультет, серия филологических наук, вып. 55).

632. Сказание о царстве Казанском. Вступительная статья, переложение и примечания Н. В. Водовозова. Худ. М. В. Маторин. М., Гослитиздат, 1959. 528 стр. и илл.

Рец.:

Альшиц Д. Древнерусская проза в стихотворных переводах Н. В. Водовозова. — Новый мир. М., 1960, № 11, стр. 265—270.

633. Слово о плъку Игоревѣ, Игоря сына Святъславля внука Ольгова. Древнерусский текст, подготовленный к печати В. Ф. Ржигой и С. К. Шамбинаго и писанный палехским мастером И. Голиковым. Древнерусский текст печатается по изданию: «Слово о полку Игореве». Academia, 1934. Перевод на современный русский язык Ивана Новикова. Рисунки М. А. Рыбниковой. М., Гослитиздат, 1959. 100 стр.

На стр. 55—99 — перевод И. Новикова.

634. Собрание И. Я. Лукашевича и Н. А. Маркевича. Описание. — См. № 656.

635. **Срезневский И. И.** Мысли об истории русского языка. (Читано на акте императорского С.-Петербургского университета, 8 февраля 1849 года). М., Учпедгиз, 1959. 136 стр. (ОЛЯ).

Переиздание третьего издания 1850 г., с добавлениями по четвертому изданию 1887 г. Со вступительной статьей С. Г. Бархударова. На стр. 86—87 — статья И. И. Срезневского «Язык „Повести временных лет"».

636. **Сюзюмов М. Я.** и **Мещерский Н. А.** Aus der byzantinistischen Arbeit der deutschen demokratischen Republik, Bd. I. Hrsg. von Iohannes Irmscher. Berlin, Akademie-Verlag 1957. 302 S. — В кн.: Византийский временник, т. XV. М., АН СССР, 1959, стр. 256—270. (АН СССР. Институт истории).

Рецензия на работы о русских житиях, «Слове о законе и благодати» и др.

637. **Тихомиров М. Н.** Начало книгопечатания в России. — В кн.: У истоков русского книгопечатания... М., 1959, стр. 9—40 с илл.

Летописи о книгопечатании (Тотемской летописец — стр. 15—16); Триодь постная (стр. 25); деятельность Ивана Федорова.

638. **Тихомиров М. Н.** Начало славянской письменности в свете новейших открытий. — ВИ. М., 1959, № 4, стр. 98—105.

639. У истоков русского книгопечатания. К трехсотсемидесятипятилетию со дня смерти Ивана Федорова. 1583—1958. Под ред. М. Н. Тихомирова, А. А. Сидорова и А. И. Назарова. М., АН СССР, 1959. 268 стр. и илл. (АН СССР. Отделение исторических наук).

См. №№ 534, 542, 555, 615, 616, 621, 630, 638, 658.

Рец.:

Богдан Д. П. — ВИ. М., 1960, № 5, стр. 165—170.

Истрин В. Начало большого пути. — Новый мир. М., 1960, № 1, стр. 281—283. См. № 677.

640. **Улащик Н. Н.** О списках Никаноровской летописи. — В кн.: Проблемы источниковедения, т. VIII. М., АН СССР, 1959, стр. 421—431. (АН СССР. Институт истории).

641. **Устинов И. В.** Очерки по русскому языку, ч. I. Историческая грамматика русского языка. М., 1959. 384 стр.

На стр. 43—93 — глава IV. Образование русского языка и возникновение письменности у восточных славян; на стр. 133—166 — т. VII. Звуковые процессы древнерусского языка исторической эпохи, засвидетельствованные памятниками письменности; на стр. 307—340 — раздел IV. Глава XII. Древнерусская лексика. См. № 676.

642. **Франко І. Я.** Південноруська література. — В кн.: Матеріали до вивчення історії української літератури, т. І. Давня українська література доба феодалізму — до кінця XVIII ст. Упорядкували О. І. Білецький і Ф. Я. Шолом. Київ, «Радянська школа», 1959, стр. 60—69.

Переиздание первых трех разделов статьи, опубликованной на русском языке в 41-м томе «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Эфрона (СПб., 1904).

К истории древнерусской литературы.

643. Франко І. Я. Русько-український театр. (Історичні обриси). І. Южноруський театр XVI—XVIII ст. — В кн.: Матеріали до вивчення історії української літератури, т. І. Давня українська література доба феодалізму — до кінця XVIII ст. Упорядкували О. І. Білецький і Ф. Я. Шолом. Київ, «Радянська школа», 1959, стр. 303—310.

Переиздание из книги: Іван Франко. Твори, в двадцяти томах, т. XVI. Київ, 1955, стр. 209—219.

644. Хрэстаматыя па старажытнай беларускай літаратуры. Вучэбны дапаможнік для філалагічных факультэтаў вышэйшых навучальных устаноў. Склаў А. Ф. Коршунаў. Пад рэд. І. П. Яроміна, В. В. Барысенкі. Мінск, Дзярж. вучэбна-пед. выд., 1959. 476 стр. (АН БССР. Інстытут літаратуры імя Янкі Купалы).

«Повесть временных лет», сочинения Кирилла Туровского, «Слово о полку Игореве», жития Евфросинии Полоцкой, Авраамия и Меркурия Смоленских, белорусские летописи, Мамаево побоище, Хождение дьяка Игнатия Смольнянина в Царьград и Иерусалим, Франциск Скорина, Мелетий Смотрицкий, Симеон Полоцкий и др., переводы на белорусский язык Жития Алексея, человека божия, Александрии, повестей о Трое (по Хронике Манасии), Повести о Варлааме и Иоасафе и др.

645. Царев А. Сложные nomina agentis в русских летописях XV века. — Вестник студенческого научного общества. Казанский гос. университет им. В. И. Ульянова-Ленина. Гуманитарные науки. Казань, 1959, вып. 1, стр. 82—94.

646. Черепнин Л. В. Из истории еретических движений на Руси в XIV—XV вв. — В кн.: Вопросы истории религии и атеизма. Сборник статей, т. VII. М., АН СССР, 1959, стр. 257—283.

647. Черепнін Л. В. Літописець Данила Галицького. — В кн.: Матеріали до вивчення історії української літератури, т. І. Давня українська література доба феодалізму — до кінця XVIII ст. Упорядкували О. І. Білецький і Ф. Я. Шолом. Київ, «Радянська школа», 1959, стр. 101—110.

Сокращенное переиздание одноименной статьи, изданной в XII томе «Исторических записок» (М., 1941, стр. 228—253).

648. Черепнин Л. В. Народные восстания в Москве в 1382 и 1445 годах. — Научные доклады высшей школы, Исторические науки. М., 1959, № 1, стр. 85—103.

Летописные повести о нашествии Тохтамыша.

649. Черепнин Л. В., Шумилов В. Н., Александрова М. И. Документы по истории СССР и русско-шведских отношений в архивах Швеции. — ИА. М., 1959, № 6, стр. 112—126.

Материалы к биографии дьяка Ивана Тимофеева (стр. 121) и др.

650. Шаповалова Г. Г. Псковский рукописный сборник начала XVIII века. — В кн.: Русский фольклор. Материалы и исследования, т. IV. М.—Л., АН СССР, 1959, стр. 305—330. (ИРЛИ).

На стр. 309—330 — публикация пословиц, расположенных в алфавитном порядке.

651. Шахматов О. О. Літописи. — В кн.: Матеріали до вивчення історії української літератури, т. І. Давня українська література доба феодалізму — до кінця XVIII ст. Упорядкували О. І. Білецький і Ф. Я. Шолом. Київ, «Радянська школа», 1959, стр. 87—96.

Переиздание статьи из книги: Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., АН СССР, 1938, стр. 361—372.

652. Шептаев Л. С. Особенности социально-политической сатиры в песнях о Степане Разине. — Ученые записки Ленинградского гос. педагогического института им. А. И. Герцена, т. 215. Кафедра русской литературы. Л., 1959, стр. 119—140.

С привлечением сатирических повестей XVII в. и сочинений Аввакума.

653. Шолом Ф. Я. Зародження і розвиток наукової філологічної думки в Росії і на Україні в XVI—першій половині XVII ст. — В кн.: Філологічний збірник. Київ, АН УРСР, 1958, стр. 40—72. (АН УРСР. Український комітет славістів).

И. Федоров, М. Смотрицкий и др.

654. Шолом Ф. Я. Російсько-українські літературні зв'язки в XVI—XVIII ст. — В кн. Матеріали до вивчення історії української літератури, т. І. Давня українська лі-

тература доба феодалізму — до кінця XVIII ст. Упорядкували О. І. Білецький і Ф. Я. Шолом. Київ, «Радянська школа», 1959, стр. 417—455.

Епифаний Славинецкий и др.

655. **Щапов Я. Н.** Новое о списках Русской правды. — ИА. М., 1959, № 4 стр. 209—211.

656. [**Щапов Я. Н.**] Собрание И. Я. Лукашевича и Н. А. Маркевича. Описание. Составил Я. Н. Щапов. Под ред. И. М. Кудрявцева. М., 1959. 144 стр. (ГБЛ. Отдел рукописей).

657. **Щапов Я. Н.** F. Dvornik. Byzantine Political Ideas in Kievan Russia. Dumbarton Oaks Papers N 9 and 10. Harvard University Press. Cambridge, Mass., 1956, p. 71—121. — В кн.: Византийский временник, XV. М., АН СССР, 1959, стр. 293—300 (АН СССР. Институт истории).

Рецензия. Комментарий к литературным памятникам Киевской Руси.

658. **Щепкина М. В.** Переводы предисловий и послесловий первопечатных книг. — В кн.: У истоков русского книгопечатания... М., 1959, стр. 215—254 с илл.

Кроме того, публикация текстов изданий Ивана Федорова.

659. **Ю. Б.** Научно-теоретическая конференция, посвященная 1100-летию г. Новгорода. — История СССР. М., 1959, № 6, стр. 208—209.

Обзор докладов по литературе и истории Новгорода М. Н. Тихомирова, А. В. Арциховского, Д. С. Лихачева, В. Н. Лазарева и др.

660. Výstava historie ruské kultury XI—XVII stol. v památnících písemnictví. Katalog. M., 1959. 86 стр. и 22 таблицы илл.

Под редакцией и со вступительной статьей И. М. Кудрявцева. Описание рукописей параллельно на чешском и русском языках.

РАБОТЫ СОВЕТСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ, ИЗДАННЫЕ ЗА РУБЕЖОМ

661. **Berkov P. N.** Des relations littéraires franco-russes entre 1720 et 1730. Trediakowskij et l'abbé Girard. — Revue des études slaves. Paris, 1958, t. 35, fasc. 1—4, стр. 7—14.

«Слово на погребение Петра Великого» Феофана Прокоповича. Кроме того, см. отзыв на статью: A. Mazon. L'abbé Gabriel Girard grammairien et russisant. — Revue des études slaves Paris. 1958, t. 35, fasc. 1—4, стр. 15—56

662. **Гранстрем Е.** О подготовке сводного каталога славянских рукописей. В порядке обсуждения. — Slavia. Časopis pro slovanskou filologii. Praha, 1958, ročn. XXVII, seš. 1, стр. 120—121.

663. **Gudzij N. K.** Geschichte der russischen Literatur 11. — 17. Jahrhundert. Übersetzt mit Anmerkungen und Register versehen von Fairy von Lilienfeld. Halle. 1959. VIII 649 и Приложение «Altrussische Beispieltexte», 82 стр. (Slawistische Bibliothek № 10).

Рец.:

G ü n t h e r K. — Zeitschrift für Slavistik. Berlin, 1960, Bd. V, H. 2, стр. 294—296.

664. **Державина О. А.** Основные задачи сравнительно-исторического изучения славянских литератур. (К докладу Ф. Вольмана). — Slavia. Časopis pro slovanskou filologii. Praha, 1959, ročn. XXVIII, seš. 1, стр. 55—57.

К проблеме взаимосвязи русской и польской литератур в XVII в.

665. **Zoubov V. P.** Quelques notices sur les versions russes des écrits et commentaires Lulliens. — Estudios Lulianos, t. II, fasc. 1. Palma de Mallorca Maioricensis schola Lullistica, 1958, стр. 63—66.

«Предивная наука» Раймонда Юлия.

666. **Корнилов П.** «Слово о полку Игореве» на български език. — Литература мисъл. София, 1958, кн. 1, стр. 143—144.

Рецензия на книгу: Песен за похода на Игор, Игор Святослович внук Олегов. Преведе Людмил Стоянов. Изд. на Българската академия на науките. София, 1954. 140 стр.

667. **Лихачов Д.** Различните стилове в староруската литература при изображение на човека. — Език и литература. София, 1958, № 6, стр. 401—414.

668. **Lichačev D. S.** Stilsysteme der Menschendarstellung in der altrussischen Literatur. — Zeitschrift für Slawistik. Berlin, 1958, Bd. III, H. 5, стр. 686—699.

669. **Lurje Ja. Sz.** Az ó-orosz irodalom tanulmányozása a Szovjetunióban a háború utáni időszakban. — Filológiai közlöny. A magyar tudományos Akadémia. I Osztályának világirodalmi folyóirata. Budapest, 1959, V évf., 1—2 szám (július), стр. 218—222. (На венгерском языке).

По поводу работы Д. С. Лихачева «Изучение древнерусской литературы в СССР в поседлние 10 лет» (М., АН СССР, 1955).

670. **Лурье Я. С.** Послание вельможе Иоанну о смерти князя. (К проблеме атрибуции древнерусских литературных памятников). — Slavia. Časopis pro slovanskou filologii. Praha, 1958, ročn. XXVII, seš. 2 стр. 216—225.

К сочинениям Иосифа Волоцкого.

671. **Львов А. С.** Особенности в лексиката на Остромировото Евангелие. — Български език. София, 1958, т. VIII, кн. 3, стр. 209—233.

672. **Малышев В. И.** О втором списке «Слова о погибели Рускыя земли». (История открытия). — Slavia. Časopis pro slovanskou filologii. Praha, 1959, ročn. XXVIII, seš. 1, стр. 69—72.

673. **Позднеев А. В.** Книжные песни-акростихи 1720-х годов. — Scandoslavica. Copenhagen—Munksgaard, 1959, t. V, стр. 165—179.

С публикацией некоторых текстов стихов.

674. **Позднеев А. В.** Книжные песни XVII века о воссоединении Украины с Россией. — Slavia. Časopis pro slovanskou filologii. Praha, 1958, ročn. XXVII, seš. 2, стр. 226—240.

К развитию силлабической поэзии в XVII в. в Москве.

675. **Сперанский М. Н.** «Сказание о семи богатырях» — повесть XVII века. Подготовка к печати и вводная заметка В. Д. Кузьминой. — Slavia. Časopis pro slovanskou filologii. Praha, 1958, ročn. XXVII, seš. 1, стр. 1—29.

К проблеме связи литературы и фольклора.

РЕЦЕНЗИИ 1960 г.

676. **Иванов В. В., Шелякин М. А.** «И. В. Устинов. Очерки по русскому языку, ч. 1. Историческая грамматика русского языка. М., 1959». — Научные доклады высшей школы. Филологические науки. М., 1960, № 3, стр. 170—175.
Рецензия (см. № 641).

677. **Клибанов А. И.** «У истоков русского книгопечатания. К трехсотсемидесятипятилетию со дня смерти Ивана Федорова. 1583—1958. М., АН СССР, 1959. 268 стр. и илл.». — История СССР. М., 1960, № 1, стр. 199—203.
Рецензия. (См. № 639).

678. **Лихачев Д.** Об одной особенности реализма. — ВЛ. М., 1960, № 3, стр. 53—68.
См. отклик на книгу В. В. Виноградова (№ 503).

679. **Молдавский Д.** «Лихачев Д. С. Человек в литературе древней Руси. Отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц. М.—Л., АН СССР, 1958». — Звезда М.—Л., 1960, № 1, стр. 217—218.
Рецензия. (См. № 265).

И. С. ДУЙЧЕВ

Итальянская книга по истории древнерусской литературы*

Расположенная на границе между романскими народами и южнославянским миром, Италия имеет весьма длительную и богатую славистическую традицию. Уже несколько поколений ученых-филологов и историков занимается изучением литературы, истории, быта и культуры славян. Не углубляясь слишком в прошлое, вспомним широко известные имена Джованни Мавера (род. в 1891 г.), Эторе Ло Гатто (род. в 1890 г.), Артуро Кронья (род. в 1896 г.), покойных Энрико Дамяни (ум. в 1953 г.), Луиджи Сальвини (ум. в 1957 г.) и многих других. Рядом со старшим поколением итальянских славистов за последние десятилетия, и в частности после войны, выросло и проявило себя новое, более молодое поколение ученых, которое продолжило и, несомненно, расширило область славистических исследований. Известный славист старшего поколения, отличный знаток русского языка и русской литературы профессор Эторе Ло Гатто[1] обращал свое внимание преимущественно на новую и новейшую русскую литературу; начальный же период оставил более или менее в тени. Заслуга изучения и ознакомления итальянской образованной публики с древнерусской литературой принадлежит одному из лучших представителей самого молодого поколения итальянских славистов — флорентинскому профессору Риккардо Пиккио (род. в 1923 г.). Он изучал славистику в Римском университете и в парижской «Школе живых восточных языков», затем два года (1947—1949) преподавал в Варшавском университете, после чего ему было поручено преподавание русского языка и русской литературы во Флорентинском университете. Научные интересы и занятия профессора Р. Пиккио связаны с литературами всех славянских народов. Некоторые из его исследований посвящены истории болгарской литературы;[2] в других своих статьях он занимается польской литературой.[3] Наряду с этим в нескольких критических рецензиях и отдельных статьях[4] итальянский ученый обнаружил живой интерес к древней русской литературе и хорошее знаком-

* Перевод с болгарского Э. Г. Зыкова. (*Ред.*).

[1] Библиографические указания на его труды см.: Arturo Cronia. La conoscenza del mondo slavo in Italia. Padova, 1958, стр. 23, 323, 609—611, 655 и сл.

[2] Он изучал родоначальника новой болгарской историографии Паисия Хилендарского и поэта Пенчо Славейкова. См.: Gli Annali del Baronio-Skarga e la storia di Paisoj Hilendarski — Ricerche slavistische (далее: RS) t. III. Roma, 1954, стр. 212—233; La Isortija slavěnobolgarskaja sullo sfondo linguistico-culturale della Slavia ortodossa. — RS, t. VI. Roma, 1958, стр. 103—118 (в качестве доклада на IV съезде славистов); L'occidentalismo conservatrice di P. Slavejkov. — RS, t. I. Roma, 1952, стр. 124—143.

[3] Il sarmatismo polacco. Note di storia della cultura barocca. — Nova Historia, Nr. 14, 1951, стр. 573—582; Tradizione «sarmatica» e slavismo polacco. — RS, t. II. Roma, 1953, стр. 155—178.

[4] Рецензия на статью: В.В. Виноградов. Общие проблемы и задачи изучения языка русской художественной литературы. — Известия АН СССР, Отделение литературы и языка, т. XVI, № 5. М., 1957, стр. 407—529 (RS, t. V. Roma, 1957, стр. 257—261); рецензия на книгу: A. M. Ammann. Untersuchungen zur Geschichte der kirchlichen Kultur und des religiösen Lebens bei den Ostslaven, I. Würzburg, 1955 (RS, t. V, стр. 249—254); рецензия на работу: G Hüttl-Worth. Die Bereicherung des russischen Wortschatzes im XVIII Jh Wien, 1956 (RS, t. IV. Roma, 1955—1956,

ство с нею. Это, по существу, было настоящей подготовкой к написанию объемистой книги, посвященной истории древней русской литературы.[5] Выход в свет подобного синтетического труда по истории начального периода русской литературы представляет замечательное явление в итальянской научной литературе, особенно в наши дни. Уже это обстоятельство, а также и самое ее содержание и некоторые взгляды автора свидетельствуют о том, что книга флорентинского слависта заслуживает специального и обстоятельного рассмотрения.

Книга делится на четыре весьма объемистые части, а именно: «Киевская эпоха» (стр. 11—90), «Местные литературы» в XII—XV вв. (стр. 93—229), «Московская литература» в XVI—XVII вв. (стр. 233—355), последняя часть книги посвящена «устной традиции» (стр. 359—380). Автор избрал популярную форму изложения, в конце же дает общую библиографию к каждой главе. Кроме того, тут помещен (стр. 395—403) указатель древней русской литературы в хронологическом порядке. Несмотря на популярную форму изложения, на отсутствие каких бы то ни было указаний в самом тексте на использованные источники и исследования, чувствуется хорошее знакомство с проблемами древнерусской литературы и с соответствующей научно-исследовательской литературой. Сразу же следует отметить, что, как это явствует из приложенной в конце книги библиографии, профессор Пиккио знает и использует значительное число исследований старых, дореволюционных русских ученых и многочисленные работы советских исследователей.

Когда ставится вопрос о начале письменности и культуры Киевского государства, неизбежно возникает и проблема византийского влияния на восточных славян. Как бы ни решать этот вопрос, невозможно говорить о начале славянской, в частности русской письменности и культуры, не рассматривая характера и значения византийского влияния не только в связи с проникновением христианства, но и в более широком смысле — как влияния византийской культуры. Р. Пиккио справедливо поставил этот вопрос еще в начале своего изложения и, нужно признать, решил его удовлетворительно. Упомянув о первом соприкосновении Восточной Римской империи со славянами в начальные века нашей эры, Пиккио хорошо показал роль византийской миссионерской деятельности среди не обращенных в христианство народов как «средства духовного и материального воздействия». Здесь затронута также проблема употребления национальных языков для христианского богослужения. Автор указал основное различие во взглядах восточной и западной церквей в отношении употребления национальных языков, другими словами — в отношении употребления так называемой «теории триязычия». Среди нескольких причин, вызвавших такое различное отношение к употреблению национальных языков, Р. Пиккио удачно подчеркивает своеобразие Византии как «многонациональной империи», иначе — как империи с разнородным этническим составом. Если и нужно добавить еще что-либо к этому правильному определению, то следовало бы вспомнить, что, при отсутствии в течение всей истории существования Византийской империи какой бы то ни было «византий-

---

стр. 230—233); рецензия на работу: A. Stender-Petersen. Geschichte der russischen Literatur, I. München, 1947 (RS, t. VII. Roma, 1959, стр. 185—193). См. также: R. Picchio. 1) «Prerinascimento esteuropeo» e «Rinascita slava ortodossa». A proposito di una tesi di D. S. Lichačev. — RS, t. VI, стр. 185—199; 2) Osservazioni sulla tradizione stilistica nella letteratura russa antica. — Rivista di letterature moderne e comparate, t. XI, 2, 1958, стр. 101—130.

[5] Riccardo Picchio. Storia della letteratura russa antica. Nuova accademia editrice, Milano, 1959 (серия «Soria delle letterature di tutto il mondo», direttore A. Viscardi); 416 стр.

ской национальности», славянский этнический элемент играл значительную роль в жизни империи. Именно поэтому, изучая историю Византии, мы очень часто останавливаемся на таких событиях или личностях, которые связаны с историей славянства.

В связи с деятельностью Кирилла и Мефодия сказано несколько слов относительно общей политики Византийской империи и Запада по отношению к славянству во второй половине IX в. Совершенно правильно автор указал, что за обострившейся тогда борьбой между Царьградом и Римом стоял не только узко религиозный или церковный спор, но более глубокие, политические причины. По его словам, в то время встает вопрос о чем-то «большем, нежели соперничество в церковной сфере», а именно о «конфликте из-за гегемонии между Византийской и Германской империей». В нескольких строках рассказано о деятельности основоположников славянской письменности.

По моему мнению, можно не согласиться лишь с определением Кирилла и Мефодия как «двух греческих священников». Не вступая в полемику и не пытаясь исчерпать здесь этот уже давно спорный вопрос, я должен указать, однако, что более правдоподобным представляется мнение о их славянском происхождении. В начальный период своей деятельности славянские первоучители состояли на службе Византийской империи, в частности царьградской церкви, однако несомненно, что в их жилах текла славянская кровь (они были славянами вероятнее всего по материнской линии). Лишь гипотеза об их кровной связи со славянством могла бы удовлетворительно объяснить нам многое в их деятельности. Сама христианизация славянских народов в ту эпоху рассматривается как «необходимое условие допущения в семью европейских народов», а процесс христианизации с помощью греческого или латинского языка — как продолжение «старого процесса распространения средиземноморской цивилизации посредством романизации или эллинизации».

Действительно, как отмечает Пиккио, употребление национальных языков в церковной письменности и при богослужении могло содействовать их оживлению и облагораживанию, т. е. превращению их в литературные языки; наконец, оно оберегало эти языки «от полной ассимиляции». Заслуживает упоминания также утверждение автора, что именно деятельность Кирилла, Мефодия и их учеников среди различных ответвлений славянского племени обнаруживает «языковое единство» славян. Миссионерская деятельность двух славянских просветителей и их непосредственных учеников в Великоморавии и Паннонии все еще находилась под сильным влиянием царьградской церкви. Пиккио правильно отмечает, что когда — после смерти архиепископа Мефодия (885 г.) и изгнания его учеников из Великоморавии — славянская письменность и ее носители нашли убежище в Болгарии и были, по его словам, «приняты независимыми славянами в Болгарии», кирилло-мефодиевское дело высвободилось из-под надзора царьградской церкви. В конце главы, посвященной деятельности славянских первоучителей, автор подчеркивает, что именно с этого времени, со старославянской эпохи, начинается литературное развитие как южных, так и восточных славян.

На нескольких страницах изложен вопрос о Киевской Руси и отношениях между славянами и варягами. Автор осторожно указывает на существование разных теорий: «норманистов» и «антинорманистов», заявляя при этом, что, несмотря на наличие в настоящее время многочисленных работ,[6] вопрос о происхождении имени русского народа не может счи-

[6] Почти вся более ранняя литература вопроса указана в последнем труде А. В. Соловьева «Византийское имя России»: Византийский временник, т. XII. М., 1957,

таться окончательно решенным. Приведены сведения об установлении связей с Византийской империей в начале X в. Признавая, в какой-то степени в духе «норманской» теории, участие норманнов в жизни древней Руси, автор все же придерживается очень умеренной точки зрения: он подчеркивает славянский характер большинства населения Киевского княжества. По его словам, роль варягов была ограничена и не простиралась в область духовной жизни, а, с другой стороны, само обстоятельство, что они были малочисленны сравнительно с славянским населением, предопределяло «их ассимиляцию». С другой стороны, итальянский ученый склонен принять точку зрения советских историков, согласно которой древнерусское государство сложилось не в результате норманского завоевания, а вследствие «спонтанного объединения славянских племен». Отмечая отсутствие письменности у варягов, автор заключает: «Итак, многочисленные соображения заставляют нас принять, что Киевская Русь, когда она в X в. пришла в соприкосновение с Византией и с православным славянством, была, в сущности, славянской, что ее князья (Святослав, Владимир) были также уже славянизированы и что, следовательно, исследователь начального периода (русской истории — *И. Д.*) должен считать норманское влияние фактором, проявившимся лишь в предхристианский период Руси» (стр. 23).

Таким образом, принятие христианства Киевской Русью определяется как «сближение языческого восточного славянства (Славия) с Византией и с южнославянским ядром православного славянства».

Несколько страниц посвящено вопросу о христианизации Киевского княжества и деятельности князя Владимира. Заключая его в рамки общих политических событий, Пиккио ставит этот вопрос в связь с событиями в Византийской империи, именно с «кризисом, противопоставившим Варду Фоку Иоанну Цимисхию». События, связанные с крещением Киевской Руси, правильно отнесены к 988—989 гг.; следовательно, оно может быть связано лишь с бунтом Варды Фоки в период с 15 августа 987 г. до апреля 989 г. против императора Василия II (976—1025). Империя очень часто использовала христианизацию разных народов как средство для привлечения их к своей политике и иногда подчинения своему влиянию. Р. Пиккио, принимая во внимание в числе прочих обстоятельств брак киевского князя с византийской принцессой Анной — сестрой императора Василия II, правильно отмечает выгоды заключенного русско-византийского соглашения для киевского князя: «Киевский князь не совершил акта пассивного подчинения восточному христианству, но включился в византийский мир с широкими правами» (стр. 24). Чтобы объяснить уступчивость империи по отношению к Владимиру, следовало бы вспомнить еще некоторые условия, прежде всего непрочность 30-летнего императора на престоле и особенно его затруднения из-за борьбы с болгарами под предводительством Самуила.

Подчеркивая «очень широкие» последствия введения христианства для культурного развития России, Пиккио коротко останавливается и на вопросе о письменности. Тут он сообщает лишь то, что мы находим в другой его работе,[7] где этому вопросу уделено больше места, и заявляет, что речь идет лишь о кирилло-мефодиевской письменности, пришедшей от южных славян. «Если как событие религиозного и политического характера хри-

---

стр. 134—155. С дополнениями эта статья издана на французском языке: A. V. Soloviev. Le nom byzantin de la Russie. Mouton et C[0]. S — Gravenhage, 1957, 54 стр. См. некоторые добавления и у меня: Byzantinische Zeitschrift, t. LI. München, 1958, стр. 181—182; Byzantinoslavica, t. XXI. Praha, 1960, стр. 315—318.

[7] R. Picchio. Osservazioni sulla tradizione stilistica..., стр. 110—113.

стианизация Киева представляла собой греческое и византийское завоевание, то как событие культурно-языкового характера она представляла расширение православного славянства, или духовного отечества, возникшего благодаря деятельности Константина-Кирилла и Мефодия» (стр. 25). Славянский язык, на котором совершалась проповедническая деятельность в эпоху крещения, служит, по мнению Пиккио, убедительным аргументом против «норманской теории». Тот факт, что христианство преподносилось языческим подданным Владимира на славянском языке, имеет особое значение в связи с «норманским вопросом». «Если византийская церковь и сами правители Киева избрали его в качестве языкового средства, которое уже обеспечило первые успехи моравской миссии, очевидно, они находились перед лицом славянского населения», — пишет он. Заслуживает упоминания также и утверждение автора, что кирилло-мефодиевская литература проникла в древнюю Русь до официального крещения, что отвечает широко известным историческим фактам. Однако окружное послание цареградского патриарха Фотия, в котором упоминается начальное крещение русских, относится не к 876, а к 867 г. Очевидно, это не ошибка автора, а обыкновенная опечатка. Говоря о проникновении иудейства и мусульманских миссионеров в среду населения древней Руси, Пиккио подчеркивает, что принятие христианства от Византии князем Владимиром означало «признание уже определившегося фактического положения». В связи с этим затрагивается вопрос об «источниках местной традиции» (стр. 27). Автор имеет в виду прежде всего три важных факта: достаточно далеко зашедшее к тому времени развитие русского языка, препятствовавшее замене его «церковнославянским», языческую религиозную традицию и народное, устно-поэтическое творчество. Подчеркивается возникновение известного языкового дуализма между старославянским, занесенным от балканских славян и воспринятым церковью в качестве письменного языка, и русским народным языком. В вопросе о развитии национальных славянских языков, в частности русского языка, и о его связи со старославянским автор пытается сформулировать свой средний взгляд, примиряющий различные существующие теории. Параллельно очерчивается облик славянской языческой религии и проникновение некоторых ее элементов в новую христианскую веру. Отмечая участие византийских мастеров в начальном периоде развития древнерусской архитектуры, Пиккио сразу же подчеркивает те типично русские элементы, которые улавливаются в этом строительстве с самого начала. Вообще, признавая влияние «христианско-византийской культуры» в общем развитии Киевской Руси, автор говорит о большом значении местной, самобытной традиции. По его мнению, литература, «хотя и считается с греческими и южнославянскими образцами, часто ищет — и это ее счастливейшие моменты — отзвук поэзии, которая все еще живет в народных песнях и легендах». Наряду с другими отзвуками Пиккио ищет здесь и веяние «степи», разумеется, не как некую традицию, а как неотъемлемый фактор в исторической жизни Киевского княжества. Заканчивая данный раздел своего изложения, Пиккио коротко говорит о «восходе и упадке Киева», при этом припоминаются самые общие исторические факты всегда в тесной связи с литературной жизнью. Здесь следует упомянуть утверждение автора о преемственности между культурой Киевской Руси и Москвы.

Переходя к развитию литературы, профессор Пиккио рассматривает прежде всего переводные сочинения, затем оригинальные литературные произведения. Некоторые интересные суждения высказаны в связи с вопросом о восприятии Россией античного наследия через посредство Византии. Переводная литература излагается по следующим разделам: богослужебные

книги, апокрифы, жития, сборники, хроники и светские повествовательные сочинения. Отмечаются как перенесение переводов со славянского юга, а именно от болгар, так и самостоятельная переводческая деятельность. Установление византийской церковной иерархии в русских землях во второй половине X—начале XI в. связывается с византийско-болгарской борьбой, с утверждением византийского политического и церковного господства в болгарских землях после разгрома царства Самуила. Эпоха XI в., т. е. эпоха после завоевания Болгарии Византией, правильно охарактеризована как время полного застоя литературной жизни в Болгарии и как период усиленной деятельности по переписке литературных произведений на Руси. По предположению Пиккио, эта переписка совершалась под воздействием греческих церковных иерархов с целью удовлетворения нужд Киевского государства. Участие болгарских книжников в жизни Киевской Руси в XI в., в переводах и переписке различных литературных произведений должно, по моему мнению, считаться фактом, не подлежащим сомнению. Однако появление этих болгарских книжников в Киеве нужно объяснять в теснейшей связи с событиями в болгарских землях в последние три десятилетия X и начале XI в. Как турецкое завоевание в конце XIV в. изгоняло из болгарских земель множество болгарских книжников, которые приносили с собой произведения литературы и становились на Руси одним из основных факторов «второго южнославянского влияния», так и покорение Византией Восточной Болгарии в 972 г. и всех болгарских земель в 1018 г. изгоняет многих болгарских книжников далеко за пределы их родины. Если около 1207 г. малолетние сыновья царя Ивана Асеня I будущий царь Иван Асень II и его брат Александр сумели через валашские земли достичь даже пределов Галицкого княжества и провести там около десяти лет, то почему же это было невозможно для книжников из Преслава или Охрида в конце X или начале XI в.? Разумеется, вопрос не должен решаться односторонне, в духе высказанных М. Д. Приселковым и его последователями предположений об одностороннем влиянии Охридской Болгарии.[8] Намного раньше Охрида книжники Преславской Болгарии вынуждены были бежать от византийского нашествия и искать убежища в русских землях. Именно им мы обязаны тем участием болгар в деятельности по переводу и переписке в Киевской Руси XI в., которое справедливо отмечается исследователями.

Автору, однако, может быть брошен упрек в том, что, указывая отдельные литературные жанры, которые нашли место в переводной литературе Киевской Руси, он сравнительно мало уделил внимания переводам патристической литературы. Пиккио упоминает их лишь тогда, когда говорит о разного рода сборниках смешанного состава. Кроме того, было бы необходимо более точно разграничить два литературных направления — «официальное», выразившееся прежде всего в переводах богослужебных и патристических сочинений, и «народное», выразившееся главным образом в переводах апокрифических, т. е. неканонических или прямо еретических произведений. При таком взгляде апокрифические сочинения должны рассматриваться не на втором месте, как это делает Пиккио, но отдельно, как явление, противостоящее «официальной» книжности. По-моему, при указании разных апокрифических сочинений нужно подчеркнуть их византийское и даже восточное происхождение, отметив при этом, что некоторые из них попали в русскую литературу через посредство древнеболгарской. Так, широко известный апокрифический рассказ «Хождение богородицы по

---

[8] См.: М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913.

мукам» имеет переводной характер и его византийские прообразы хорошо известны. Во многих из апокрифических сочинений, как правильно подчеркивает Пиккио, оригинальными являются добавления, при этом часто невозможно сказать, сделаны ли они на балканском юге или в древней Руси. Говоря о житиях, следовало отметить также и их художественную ценность, делавшую их иногда увлекательным предметом чтения. Что касается так называемых патериков, то они являются или сборниками с поучительным содержанием из жизни отшельников и святых, или же собраниями их поучений, во всяком случае они не истинные «жития святых», как указывает автор. Мне кажется, что автор, с другой стороны, недостаточно разграничил сборники 1073 и 1076 гг. Сборник, известный под названием «Пчела», восходит — это следовало особо подчеркнуть — к сочинению византийского писателя XI в. Антония Мелисса (т. е. пчела). О сочинении Иосифа Флавия «История Иудейской войны» автор, на наш взгляд, мог бы, имея в виду новейшие работы по этому вопросу,[9] высказаться более определенно, а именно отметить, что древнерусский перевод относится, по всей вероятности, к XI в. Помимо этого не исключена возможность, что существовал также южнославянский перевод этого сочинения Иосифа Флавия, так же как и его книги «Иудейские древности», переведенной, может быть, в более позднее время. Если бы позволяло место, профессор Пиккио, вероятно, должен был сказать несколько больше и о древнерусском «Девгениевом деянии», тем более что в основе своей оно восходит к несохранившемуся оригиналу.[10]

Достаточно основательно рассмотрены главнейшие произведения «самобытной книжности» эпохи Киевского княжества. Затронут вопрос о роли монастырей как центров переписки рукописей в ту эпоху и вопрос об анонимных сочинениях. В то же время Р. Пиккио подчеркивает, что, за исключением Владимира Мономаха, может быть выделено лишь очень небольшое число авторов, о которых мы имеем сколько-нибудь определенное представление.

Даются сведения о сочинениях Илариона, причем подчеркивается, что его «Слово о законе и благодати» «достойно открыть историю самобытной литературы Руси». Пиккио анализирует содержание этого памятника и отмечает его связь с византийской риторической литературой, но особенно подчеркивает типично русские черты и прежде всего стремление автора доказать «историческую законность (legittimazione storica)» русского народа в сравнении с народом Ветхого завета, т. е. еврейским народом. Именно в этом проявляется характерное для времени Ярослава стремление, чтобы за Русью было признано «равенство и полная автономия в православном семействе» народов, и прежде всего по отношению к Византии. Из сочинения Илариона приводятся в итальянском переводе некоторые наиболее характерные места. Еще более обстоятельно Пиккио останавли-

---

[9] См. основное исследование Н. А. Мещерского «История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе» (М.—Л., 1958). Кроме того, см.: И. С. Дуйчев. Одно неясное место в древнерусском переводе Иосифа Флавия. — ТОДРЛ, т. XVI. М.—Л., 1960, стр. 415—423. О возможном существовании южнославянского перевода см. также: Н. Bräuer. Zur Frage der altrussischen Übersetzungsliteratur. Heidelberg, 1958, стр. 20 и сл.

[10] См. новейшие работы: В. Д. Кузьмина. Новый список Девгениева деяния. — ТОДРЛ, т. IX. М.—Л., 1953, стр. 339—360; А. Я. Сыркин. Дигенис Акрит. Перевод, статьи и комментарии. М., 1960, стр. 173—178; Н. Grégoire. Le Digenis russe. — В кн.: R. Jakobson, E. J. Simmons. Russian Epic Studies. Philadelphia, 1949, стр. 131—169; St. Kyriakidis. Forschungsbericht zum Akritas-Epos. München, 1958, стр. 13—15; A. Dostál. Le Digénis Slave et son importance pour la byzantinologie. — Akten des XI internationalen Byzantinisten-Kongresses, München, 1958. München, 1960, стр. 125—130.

вается на личностях Бориса и Глеба и на связанных с ними житийных текстах. Интерес представляют, несомненно, предположения автора об известной параллели между борьбой светской и церковной власти на Руси, (выраженной как в «Слове» Илариона, так и в Сказании о Борисе и Глебе) и в Западной Европе в XI в. Читая страницы, посвященные памятникам житийной литературы, связанным с Борисом и Глебом, специалист найдет очень много интересных и оригинальных суждений. Третий литературный памятник, на котором останавливается автор, — «Хожение игумена Даниила в святую землю» (само хожение имело место в 1106—1107 гг.). Им начинается русская «паломническая литература». Проанализировав содержание памятника и дав из него отрывки, автор заключает: «В немногих других древнерусских текстах находим слитые с такой естественной простотой и переданные языком, богатым народными элементами, реалистическое чувство и любовь к фантастическому» (стр. 74). Здесь рассматривается также Поучение Владимира Мономаха (1113—1125), которое, по словам Пиккио, представляет интерес, как «обобщение религиозных и политических воззрений, равно как и стилистических приемов, выработанных в первом веке» (стр. 75) после крещения русских. Это произведение рисует образ «идеального государя», другими словами, — добавлю — входит в круг богатой литературы средневековых княжеских «зерцал» (Fürstenspiegel). Эта сторона содержания Поучения Мономаха заслуживает не меньшего внимания, нежели его автобиографические элементы. Пиккио упоминает как родственные памятники «Поучение Ксенофонта к Марии» в Изборнике Святослава 1076 г., Поучение англосакса Леофрика к сыновьям короля Гарольда и в общих словах указывает на «другие византийские образцы». Интересный древнерусский памятник заслуживает того, чтобы сопоставление его с другими аналогичными произведениями было сделано шире, — благодаря такому сопоставлению он мог бы быть включен в широко распространенный литературный жанр средневековья, и тем самым его отличительные черты были бы обрисованы еще лучше. Отрывок в Изборнике Святослава 1076 г., носящий название «Ксенофонта еже гл(аго)ла к с(ы)нома своима»,[11] по моему мнению, меньше всего может быть указан как удовлетворительная параллель к Поучению Мономаха. Это лишь отрывок из жития Ксенофонта и притом не из изданной уже версии, а из какой-то предметафрастовской неизданной версии.[12] При его изучении должны быть привлечены и разбросанные по разным славянским рукописям отрывки из этого жития.[13] Оставляя в стороне также и параллель с сочинением Леофрика, необходимо было бы обратить внимание специально на византийскую литературу, очень богатую произведениями подобного рода.[14] В последние годы были

[11] См. его текст: В. Шимановский. К истории древнерусских говоров. Варшава, 1887, стр. 44—45.

[12] J. P. Migne. Patrologiae Graecae t. 114. Paris, стлб. 1014—1043. О других версиях: F. Halkin. Bibliotheca hagiographica graeca, II, ed. troisième. Bruxelles, 1957, стр. 316—318 пгг. 1877 и — 1879, с указанием рукописных текстов.

[13] См., например: V. Mošin. Ćirilski rukopisi Jugoslavenske akademije, I. Opis rukopisa. Zagreb, 1955, стр. 69, 172; Б. Цонев. Опис на ръкописите и старопечатните книги в Народната библиотека в София, I. София, 1910, стр. 307, № 6; стр. 454.

[14] Библиографию вопроса см.: K. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Litteratur. Leipzig, 1897, стр. 456—457, 457—458, 463—464, 491—492, 549; K. Emminger. Studien zu den griechischen Fürstenspiegeln, I—II. München, 1906—1913. К этому роду литературы относится и известное послание цареградского патриарха Фотия к болгарскому князю Борису-Михаилу конца 865 или начала 866 г. См.: митр. Симеон — В. Н. Златарски. Посланието на цариградския патриарх Фотия до болгарския княз Бориса. София, 1917; здесь опубликован и средневековый болгарский перевод, вероятно, XIII—XIV вв. Части «назидания» императора Василия I Македонца (867—

указаны некоторые из непосредственных источников, использованных Владимиром Мономахом,[15] и эти исследования должны быть использованы при анализе, ибо благодаря им мы еще легче можем установить то, что является действительно оригинальным в этом замечательном произведении древнерусской литературы.

В качестве памятника «светской литературы» профессор Пиккио привел «Повесть временных лет» и посвятил ее анализу несколько страниц. Даны хорошие и точные сведения о составе и возникновении памятника, затронут вопрос о разных его элементах (документы дохристианского времени, например, договоры с Византией 911 и 944 г., отзвуки устной народной поэзии, хроника Георгия Амартола); при этом автор заключает, что «Повесть временных лет» нужно оценивать в «ее единстве и целостной самобытности и читать как роман, не заботясь слишком много о ее толковании» (senza eccessive preoccupazioni esegetiche)», т. е. не увлекаясь чрезмерно изысканием ее первоисточников и заимствований. Изложены важнейшие эпизоды из летописи, в пересказе или в цитатах, данных в переводе. Кое-где изложение, быть может, выиграло бы с точки зрения ясности, если бы были даны более точные объяснения (например, термина «обри» как наименования аваров). Говоря о «Повести временных лет» как произведении древнерусской литературы, можно было бы, на мой взгляд, подчеркнуть широкое распространение этого жанра во всей древнерусской литературе. По богатству историографических памятников древнерусская литература очень близка к византийской литературе и соперничает с ней. И уж во всяком случае следовало бы отметить, что именно в этом литературном жанре особенно отчетливо выражено стремление к утверждению национальной самобытности Руси.

Вторая часть книги профессора Пиккио посвящена «местным литературам» в XII—XIV вв. Свыше ста страниц отведены рассмотрению произведений этих литератур. Автор собрал и обобщил очень богатый и, несомнено, интересный материал. Пиккио подчеркивает, что «не многим более чем за сто лет, начиная с эпохи Ярослава Мудрого и до середины XII в., киевская культура выработала основы литературного стиля, которому было суждено сохраниться в последующие эпохи» (стр. 93). Но это происходит при таких условиях, когда историческая преемственность часто скрывается за местными традициями, которые противопоставляются традициям «матери русских городов». Упомянуты междоусобная борьба и наступившее разделение Русской земли, упадок Киева, сохранение созданного в киевскую эпоху литературного стиля, когда «стилизация составляет одновременно и силу и слабость литературной деятельности» (стр. 94). Переходя к анализу отдельных произведений, Пиккио уделяет десяток страниц «Слову о полку Игореве», дополняя «эпопею Игоря Святославовича» по рассказам древнерусских летописей. Из сказанного автором в связи с этим памятником следует упомянуть его утверждение о подлинности «Слова». Изложив суть спора между учеными, считающими памят-

886) его сыну Льву, будущему императору Льву VI (886—912), включены — через посредство Анналов Цезаря Барония — и в «Историю славяно-болгарскую» святогорского монаха Паисия Хиландарского; текст см. в издании Й. Иванова «История славянобългарская, собрана и нареждена Паисием иеромонахом» (София, 1914, стр. 3—4); ср.: В. Велчев. Отец Паисий Хилендарский и Цезарь Бароний. София, 1943, стр. 22—35; R. Picchio. La «Istorija slavenobolgarskaja», стр. 109 и сл.; Gli Annali, стр. 223 и сл.

[15] Ср.: A. Vaillant. Une source grecque de Vladimir Monomaque. — Byzantinoslavica, t. X, № 1. Praha, 1949, стр. 11—15. Этот автор в качестве использованного первоисточника для одного пассажа из поучения указывает на место в жизнеописании Василия Великого, составленное псевдо-Амфилохием Иконийским.

ник позднейшей мистификацией, и защитниками его подлинности, Пиккио заявляет, что «при современном состоянии исследований можно сказать, что аргументы в пользу подлинности более многочисленны и лучше документированы, нежели аргументы скептиков» (стр. 101). К удачно написанному разделу о «Слове» можно было бы сделать одно критическое замечание. Рассматривая вступление «Слова», Пиккио указывает, что оно написано в «гомеровском стиле, восходящем, вероятно, к византийской хронике Манасии». Неубедительность этого утверждения станет ясной, если принять во внимание, что сама хроника Константина Манасии была создана в период правления императора Мануила I Комнина, т. е. между 1143 и 1150 гг.; следовательно, нужно было бы предположить, что автор «Слова» познакомился с рифмованной византийской хроникой вскоре после ее появления. Среднеболгарский перевод, который позже нашел распространение и в русских землях, был сделан лишь в XIV в., около 1331—1340 гг., а более древний русский перевод, который мог быть использован составителем «Слова», не известен. Таким образом, известную общность в начальных частях этих двух произведений следовало бы объяснить иначе, а не непосредственно влиянием хроники Манасии на «Слово».

В главе, посвященной развитию повествовательной и риторической религиозной литературы, Пиккио приводит хорошо подобранные сведения о Киево-Печерском патерике, проповедях Луки Жидяты, Климента Смолятича, Кирилла Туровского и Серапиона Владимирского. Автор подчеркивает отход этих литературных жанров от византийского и южнославянского влияния и оформление произведений с типично русскими особенностями. Затрагивая творчество Клемента Смолятича, Пиккио останавливается на его послании к священику Фоме, в котором Климент оправдывается по поводу обвинений в использовании писаний древнегреческих, языческих философов. «Факт, что Гомер, Аристотель и Платон воскресают в молодой славянской православной культуре XIII в., — пишет Пиккио, — мог бы нам подсказать интересные сопоставления с современной культурой латинского Запада и позволить нам увидеть далекие, к сожалению, быстро прерванные предпосылки гуманистического возрождения» (стр. 112). Сопоставление, несомненно, интересно; однако, как мне кажется, прежде всего следовало бы думать о параллели с византийским возрождением XI—XII вв., виднейшими представителями которого были писатель и ученый Михаил Пселл (1018—около 1097) и философ-неоплатоник Иоанн Итал. Не входя здесь в подробности, я мог бы указать как на известную параллель к посланию Климента Смолятича на знаменитое послание Михаила Пселла, направленное его приятелю, позже царьградскому патриарху Иоанну VIII Ксифилину (1064—1075), приверженцу Аристотеля, в котором Пселл оправдывается по поводу обвинений в увлечении Платоном. «Мой Платон, о пресветый и премудрый мой, о земля и солнце. . .», — начинает свое послание византийский философ.[16] Следовательно, послание Климента Смолятича нужно было бы исследовать именно в связи с такими памятниками византийской литературы XI—XII вв., прежде чем думать о сопоставлениях с Западом.

Посвятив несколько страниц житиям Александра Невского, автор переходит к «Слову о погибели Русскыя земли» и дает весь его текст в переводе, говорит о повествованиях о татарском нашествии и о Галицко-Волынской летописи, определяя Повесть о разорении Рязани Батыем в 1237 г. как один из лучших образцов древнерусской прозы. Весьма подробно рассмотрено «Моление» Даниила Заточника, «редкий памятник светской

[16] Послание издано в кн.: C. N. S a t h a s. Bibliotheca graeca medii sevi, V. Pselli Miscellanea. Paris, 1876, стр. 444—451.

культуры». В качестве образца «окаменения литературного стиля в памятниках местной литературы» Пиккио указывает Житие Авраамия Смоленского, возникшее около середины XIII в., связывая это литературное явление с усиливающимся в то время религиозным догматизмом.

Последние страницы главы посвящены истории русской литературы XIV в., причем этот период определяется автором как эпоха застоя (ristagno letterario). В конце периода выдвигается новый политический и культурный центр — Москва. Интересно утверждение итальянского ученого, что при наступивших изменениях «воспоминание о Киеве» начинает играть роль, сходную с ролью классической римской эпохи для латинского мира. Мне кажется, как ни оценивать литературу XIV в., следовало бы сказать о ней несколько больше.

Второй раздел этой части книги называется «Возрождение православного славянства». Автор употребляет термин «православное славянство» с целью разграничить восточных и южных славян с западными, и в этом смысле его определение имеет известное оправдание, но, относясь лишь к церковной области, оно представляется односторонним. В отношении XV в. термин не вполне отвечает существу дела, так как после турецкого завоевания перестают существовать не только независимые славянские государства на Балканском полуострове, но и соответствующие церкви. По словам автора, «болгарская, сербская и русская церкви никогда не признавали своего полного подчинения Византии. Когда Византия пала, они воспользовались случаем, чтобы провозгласить громко свою жизненную духовную автономию». Это утверждение, однако, справедливо лишь по отношению к русской церкви, ибо, например, болгарская церковь после 1393—1396 гг. полностью теряет свою самостоятельность и попадает в абсолютную зависимость от царьградской патриархии.

Особенно интересны страницы раздела, посвященные вопросу о «втором южнославянском влиянии» (стр. 142). В современной советской литературе эта проблема была рассмотрена недавно Д. С. Лихачевым, притом в новом свете. Плодотворное и ценное исследование Д. С. Лихачева дает богатый материал для дальнейшего исследования этого вопроса.[17] Некоторые подробности следует все же напомнить и подчеркнуть. Это прежде всего, по выражению Пиккио, «культурная миграция», т. е. переселение отдельных представителей балканского славянства, земли которого были завоеваны или находились под угрозой покорения турками, в Россию. Некоторые периоды византийской истории самым красноречивым образом свидетельствуют об огромной роли этой «культурной миграции». Если исключить период между 1204 и 1261 гг., когда вследствие завоевания Царьграда западными рыцарями Византийская империя перестает существовать, чрезвычайно интересную параллель представляет миграция из Византии около середины XV в., когда турецкие завоеватели осаждают ослабевшую империю и в 1453 г. овладевают ее столицей — Царьградом. Роль, которую беглецы из Византии и перенесенные ими культурные ценности играют в возрождении Западной Европы, почти полностью соответствует той роли, которую беглецы из балканских земель сыграли в деле развития литературы русских земель. Эти события разделены временем не более шести десятилетий и хотя бы поэтому должны быть сопоставлены. По определению Пиккио, «единство православной славянской культуры в продолжение всего средневековья не основано на государственных и национальных принципах», поэтому в XV в. не может быть и речи

---

[17] Д. С. Лихачев. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. М., 1958 (IV международный съезд славистов. Доклады).

о «влиянии одной литературы на другую; следует говорить о различных фазах единого процесса развития». Таким образом, здесь вырисовывается некая «духовная сфера, которая роднит восточное и балканское славянство».

Затрагивая вопрос о развитии отношений между средневековой Болгарией и Россией вообще, автор подчеркивает «чередование» культурного влияния одной или другой стороны в разные эпохи. Обрисовав в общих чертах болгарскую литературу конца XIV—начала XV в., Пиккио обращает внимание на «плетение словес», получившее распространение в России в XV в. Мне кажется, что как литературное творчество и стиль Евфимия Тырновского и его непосредственных учеников и последователей, так и вообще эти явления в древней русской литературе XV в. должны изучаться в самой тесной связи с литературным развитием Византии в данный период. Из русской литературы XV в. даны сведения о Киприане, Пахомии Логофете и Епифании Премудром. Любопытные суждения высказал автор относительно развития «наследия» Евфимия Тырновского в России и среди балканских славян. Из жития Стефана Пермского даны в переводе некоторые, наиболее интересные места, с помощью которых Пиккио подкрепляет свои суждения. При рассмотрении эпохи «второго южнославянского влияния» в России, на мой взгляд, следовало бы специально подчеркнуть некоторые особенности. Это влияние, в сущности, представляет собой в какой-то мере перенесение поздневизантийских элементов через посредство южных славян. Кроме того, как совершенно правильно подчеркивает Д. С. Лихачев, оно затрагивает не только литературу, но и другие области культуры, например искусство. Наконец, представляется интересным проследить путь проникновения этого южнославянского и византийского влияния: культурные деятели постепенно удаляются от южных балканских областей, находящихся под угрозой завоевания турками, и продвигаются в более безопасные русские земли. В процессе этого продвижения были затронуты (что заслуживает быть отмеченным) также и задунайские, валашские и молдавские земли. Взятое в целом, «второе южнославянское влияние» — очень сложный исторический процесс, который лишь теперь стало возможным понять во всех его подробностях, исходя при этом из правильной постановки вопроса, данной Д. С. Лихачевым. С другой стороны, когда мы встречаемся в русской литературе этого периода с такими явлениями, как например, «излияние слез» или «плач», то такие явления нельзя рассматривать изолированно от характерного для исихазма жанра «плачей» (threni), обычного в византийской литературе последнего периода, и вообще от той «слезливости», которая, как заметил И. Хойцинга, свойственна и западноевропейской литературе этого времени.[18]

В «Куликовском цикле» Пиккио рассматривает «Задонщину» и Сказание «о побоище великого князя Дмитрия Ивановича», затем его Житие. В нескольких местах автор останавливается на «Задонщине» как памятнике, который подтверждает подлинность «Слова о полку Игореве». Говоря далее о «притязаниях Москвы» в XV в., Пиккио предлагает, между прочим, так называемое возрождение «православного славянства» в XV в. охарактеризовать как «защиту восточного христианского средневековья от рационалистического ревизионизма латинско-германской Европы и византийского „отступничества“ Иоанна VIII Палеолога» (стр. 166). Так, по его словам, здесь «возрождение принимает конкретную форму возвраще-

---

[18] См. очень интересные сведения, собранные в книге голландского историка: J. Huizinga. Le déclin du Moyen âge. Paris, 1948, стр. 9—38.

ния к источникам собственной традиции» с утверждением «своей независимости от латинского мира» (стр. 167), т. е. от Западной Европы. Обрисовано и рождение идеи Москва — третий Рим, но этот обширный и очень спорный вопрос затронут лишь в общих чертах. Особое внимание уделено сочинению, носящему заглавие «Слово избрано от святых писаний» (около 1460—1462). Проанализировав его идеи, автор характеризует «Слово» как «один из наиболее типичных, если и не самых показательных памятников», проникнутых идеями Москвы.

Достаточно подробно анализируется также «Повесть о Царьграде», приписываемая Нестору-Искандеру. Упомянув о предположении, основанном на некоторых языковых элементах повести, что она представляет «перевод или по меньшей мере переработку» текста на народном греческом языке XV в., Пиккио все же склонен принять, как более правдоподобную точку зрения, что здесь мы имеем дело с самобытным славянским, вернее русским памятником, который содержит различные последовательные наслоения. Затронут также вопрос об использованных источниках, прежде всего о «Видении» Даниила и «Пророчествах» Мефодия Патарского. Автор отмечает, что текст, заимствованный из первого сочинения, дал основание установить связь заключительного «пророчества» в «Повести о Царьграде» с русской историей.

Наконец, рассмотрены коротко еще несколько других литературных памятников эпохи, как «Сказание о Вавилоне граде», затем «Послание Льва, царя греческого», Сказание о великих князьях владимирских, в котором автор находит наиболее яркое выражение идеи, что «власть русского государя представляет законное продолжение той мировой власти, которой некогда обладала Византия» (стр. 184). В этой же связи рассмотрены Послание киевского митрополита Спиридона-Саввы начала XVI в.· «Сказание о Дракуле воеводе», в котором Пиккио видит, между прочим, известную богомильскую основу, выражавшуюся во взгляде на земную власть как на проявление «отрицательного начала», наконец «Послание на Угру» Вассиана Рыло и теория Москва — третий Рим старца Филофея. По словам итальянского ученого, с провозглашением этой идеи «будет замкнут вековой идеологический круг и дано толкование нового положения в русских землях после устранения самых больших местных сил, которые в XV в. все еще лелеяли мечту о собственной культурной автономии и собственной гегемонии» (стр. 190).

В главе, названной «Притязания Новгорода», даются сведения о развитии этого древнерусского города, который сохраняет свою независимость до 1478 г., соперничая не только с Москвой, но даже с Римом и Царьградом. Автор отмечает проникновение «второго южнославянского влияния» и в Новгород, однако добавляет, что здесь скорее развивается историография, т. е. «возвращение к минувшему со стороны местной культуры, которая не может примириться с тем, чтобы стать провинциальной» (стр. 192). Рассмотрены некоторые из наиболее выдающихся произведений новгородской литературы этого периода, прежде всего разные сказания легендарного и полулегендарного характера. При этом автор более обстоятельно остановился на «Повести о новгородском клобуке», основная идея которой заключается в передаче церковной власти от Рима и Царьграда этому северорусскому городу. Он подчеркивает, что в этом произведении проведена «безоговорочно» идея о «римском наследии, переданном Русской земле через посредство Византии». Несмотря на использование известных западных источников, в памятнике улавливается, по словам Пиккио, «типично русский идеологический взгляд»; через него мы приближаемся к «общерусской литературе» периода Московского государства.

Мне кажется, что в целях полноты изложения следовало бы сказать что-то и об экономическом развитии Новгорода в позднее средневековье и, с другой стороны, затронуть вопрос о его разнообразной архитектуре, памятники которой сохранились до сих пор.

Псков — другой провинциальный центр той эпохи, на развитии которого останавливается автор, анализируя «Псковское взятие» — повествование о захвате города великим князем Василием III Ивановичем и о потере «бывших некогда свобод».

Значительное место в этой главе занимает Афанасий Никитин, как своеобразный представитель тверской литературы XV в. Пиккио анализирует его «Хожение за три моря» как произведение светского писателя, которое представляет особый интерес с точки зрения его содержания и языка, будучи написано на «общеупотребительном языке высших классов» Твери, наконец как выходящее за рамки вполне «локальной литературы». Рассмотрены, кроме того, местные литературы Твери, Смоленска, Мурома, Рязани, при этом автор более подробно останавливается на Повести о Петре и Февронии, излагает ее содержание и анализирует его.

В последней главе этого раздела книги Пиккио занимается еретическими учениями и мероприятиями официальной русской церкви в XIV—начале XVI в. Изложив основные учения стригольников, которые сопоставляются с западноевропейскими флагеллантами, и жидовствующих, Пиккио отмечает их вклад в область литературы и борьбу за нововведения и преобразования в жизни официальной церкви. Отмечая известный рационализм в этих еретических движениях, автор говорит об «отзвуках гуманизма».[19] Как противодействие еретическим движениям указаны некоторые замечательные явления в духовной жизни России той эпохи: перевод Библии под руководством новгородского архиепископа Геннадия в самом конце XV в., учения Иосифа Волоцкого и Нила Сорского, а вместе с тем расцвет хилиастических представлений в связи с 1492 г.

Третья часть книги профессора Пиккио посвящена рассмотрению «Литературы Московского государства в XVI—XVII вв.». Она содержит три главы: «Чувство литературы в XVI веке», «Великая оборона» и «Закат православного славянства». Две первые проблемы, рассмотренные автором, касаются идеологических и стилистических течений эпохи. Здесь Пиккио в общих чертах обрисовал общественно-политическое развитие Московского государства в XVI—XVII вв. и оттенил его специфические институты того времени. Подчеркивая «разнообразие стилистических течений», автор говорит о «национализации» языка, т. е. об отрыве его от церковнославянского и утверждении русского народного языка, о поздних отражениях «второго южнославянского влияния» и преобладающем светском характере литературы.

Под заголовком «Аристократы» дано много полезных сведений о жизни и литературной деятельности таких замечательных писателей той эпохи, как Вассиан Патрикеев или Вассиан Косой, Максим Грек, наконец Андрей Курбский, у которого автор видит «зрелое понимание значения стиля», какого нет, «может быть, ни у какого другого писателя XVI века». Последнее, считает автор, сформировалось в школе Максима Грека.

В главке «Практические деятели» Пиккио рассматривает другой ряд произведений эпохи, а именно переписку Ивана IV Васильевича Грозного с Андреем Курбским, затем писания и взгляды И. С. Пересветова, кото-

---

[19] Интересные материалы и выводы в связи с этим содержит новая книга А. И. Клибанова «Реформационные движения в России в XIV—первой половине XVI вв.» (М., 1960).

рому он приписывает введение в древнюю русскую литературу нового элемента «художественной фикции». В этом свете рассмотрены, например, писания Пересветова о последнем периоде истории Византийской империи и идеализированное изложение истории Мохаммеда II Завоевателя, отмечена защита им самодержавия («Царство без грозы — конь без узды»). Кратко изложена деятельность и взгляды митрополита Даниила, который стоял во главе русской церкви с 1522 до 1539 г. В качестве параллели к итальянским сочинениям типа «Князя» Николо Макиавелли и «Кортеджано» Бальтазара Кастильоне Пиккио в русской литературе той эпохи указывает «Домострой» протопопа Сильвестра, в котором чувствуется, между прочим, «простота языка и отказ от церковнославянской стилистической традиции». Когда идет речь о следах влияния византийской литературы на это произведение, по моему мнению, следовало бы воспользоваться результатами полезного исследования русского византолога С. Шестакова, который с полным основанием проводит параллель между «Домостроем» и известным сочинением византийского писателя XI в. Кекавмена.[20] Несколько слов сказано далее о «Стоглаве» 1551 г., о так называемых азбуковниках и о деятельности русского первопечатника Ивана Федорова, отмеченного также и в качестве писателя.[21]

В параграфе, носящем заглавие «Императорская риторика», вслед за коротким упоминанием о Хронографе 1512 г. рассматриваются литературная деятельность митрополита Макария (1482—1563), затем «Книга степенная царского родословия», «Казанская история» и, наконец, «Сказание о киевских богатырях». Автор использует последние советские работы, посвященные этим литературным памятникам, и дает хорошие общие сведения. Разумеется, кое-где могли бы быть указаны еще кое-какие интересные данные. Так, не было бы излишним сказать что-либо о таком переводном памятнике той эпохи как «Рыдание» Иоанна Евгеника, повествующем о захвате Царьграда турками в 1453 г., которое было переведено еще в начале второй половины XV в., распространено в достаточно большом количестве списков[22] и, вне всякого сомнения, оказало известное влияние на некоторые произведения оригинальной русской литературы того времени. Несколько раз в процессе изложения автор упоминает легенду о родстве тогдашних московских правителей с римским императором Августином. При анализе этой идеи, которая использовалась как одно из идеологических оснований для утверждения самодержавия, также можно было бы привлечь результаты некоторых интересных исследований, которые, по-видимому, оставались неизвестными автору.[23]

В главе под названием «Великая оборона» Пиккио отводит прежде всего несколько страниц общим политическим событиям XVI в. По его словам, этот век, вместо того чтобы быть концом средневековья, которое начинается Киевом и продолжается Москвой, открывает время «продолжительного кризиса», длившегося в течение всего XVII в. вплоть до преоб-

---

[20] См.: С. Шестаков. Византийский тип Домостроя и черты сходства его с Домостроем Сильвестра. — Византийский временник, т. VIII. М., 1901, стр. 38—63.

[21] В связи с 375-летием со дня смерти Ивана Федорова был издан объемистый сборник «У истоков русского книгопечатания» (Изд. АН СССР, М., 1959), который внес значительный вклад в исследование вопроса о начале русского книгопечатания и деятельности Ивана Федорова.

[22] См. указания на это у Н. А. Мещерского: «Рыдание» Иоанна Евгеника и его древнерусский перевод. — Византийский временник, т. VII. М., 1953, стр. 72—86.

[23] Так, см., например: E. v. Ivanka. Rurik und die Brüder des Augustus. — Orientalia christiana periodica, t. XVIII. Roma, 1952, стр. 393—396. Автор статьи, однако, не использовал чрезвычайно ценные в этом отношении свидетельства, содержащиеся в посланиях Ивана Грозного.

разований Петра Великого. В результате успехов Польши главной задачей, по мнению итальянского ученого, становится как раз «защита православного славянского отечества». Затрагивая вопрос о «первых влияниях украинского запада», Пиккио анализирует «Грамматику» Мелетия Смотрицкого 1619 г., сочинение Ивана Вишенского (1545—1620?) против польского иезуита Петра Скарги, затем так называемые вирши Ивана Наседки и Ивана Хворостинина, борьбу против лютеранства и католичества. По мнению Пиккио, если исключить вирши как новое литературное явление, «произведения, написанные в Московском государстве во время и сразу же после польского нашествия, вдохновлены, по-видимому, древнейшими идеалами и традиционными стилистическими нормами продолжительного славянского православного средневековья», в основе которых он видит «здоровый патриотизм на религиозной основе». Это автор называет «возвращением к традиции». Он анализирует некоторые из произведений этого рода: «Повесть о преславном Российском царстве и великом государстве Московском» 1610—1611 гг., содержащую призыв к борьбе против поляков, затем «Повесть о честном житии царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси» патриарха Иова, составленную около 1603 г., и др.

Рассматриваются также произведения, связанные с историей крупных крестьянских движений того времени. Автор посвящает несколько страниц Азовскому циклу повестей, которые приведены в качестве наиболее популярных в XVIII в. повествований. В них рассказывается о героической борьбе против турок. По мнению Пиккио, «казацкая среда представляет в XVII в. новый аспект русской духовности, несмотря на то что религиозные и фантастические мотивы, которые развиваются в ней, могут быть сведены к известным образцам киевской, татарской и московской эпох», причем «самые формулы славянской православной риторики» приобретают «необычную свежесть». В конце главы рассмотрено Житие Юлиании Лазаревской, составленное около 1620—1630 гг. и представляющее собой первую попытку агиографического изложения жизни мирского лица, не принадлежащего к княжескому роду.

В соответствии со своим методом изложения Р. Пиккио вводит главу «Закат православного славянства», где кратко излагаются исторические события второй половины XVII в. Здесь приводятся некоторые интересные сведения о коллегии Петра Могилы (1596—1647), о Сильвестре Медведеве, Симеоне Полоцком и Ф. М. Ртищеве. Вспоминается также деятельность Епифания Славинецкого (умер в 1675 г.) и его переводы. Коротко затронут вопрос о двуязычии в Московском государстве того времени, когда, по словам одного западного современника, нужно было «говорить по-русски, а писать по-славянски» loquendum est russice et scribendum est slavonice). Вопрос о борьбе между народным русским языком и церковнославянским представляет особый интерес в истории культурного развития русского народа и заслуживает более подробного освещения. Отдельно рассмотрена деятельность представителей «силлабической поэзии»: Симеона Полоцкого, Сильвестра Медведева и Кариона Истомина. По мнению Пиккио, Симеон Полоцкий может быть назван «первым поэтом Московского государства» или первым автором, который «осознал поэзию как самостоятельное искусство, подчиненное точным законам стихотворства». Даются весьма подробные сведения о творчестве Полоцкого и отрывки из его произведений в переводе.

Автор отдельно останавливается на «текстах западного происхождения» в русской литературе XVII в., затем подвергает обстоятельному рассмотрению процесс «секуляризации повести». По его словам, «низведение

типичнейшего древнерусского жанра — повести — до формы светского повествования, часто чуждого летописной и легендарной местной традиции, ясно свидетельствует о кризисе в конце XVII в.». В этой главе итальянский автор высказывает интересные суждения, которые заслуживают специального рассмотрения. Таково, например, его утверждение, что «нередко мирские мотивы являются более старыми и сильнее проникнутыми средневековыми взглядами, нежели церковные мотивы» (стр. 324), в силу чего «большее тематичное богатство повестей XVII в. не может считаться признаком прогресса и зрелости» литературы. Церковная культура находилась во второй половине XVII в. в кризисе, но, по мнению Пиккио, в этот период не было еще силы, которая по достоинству могла бы противопоставить себя этой культуре, и пустота, появившаяся в результате «заката православного славянства», не могла быть легко заполнена произведениями, которые сами стояли еще на том же уровне развития. В этой главе анализируются несколько произведений: «Повесть о начале царствующего града Москвы», несколько сказаний, притч и повестей, затем известная «Повесть о Горе-Злочастии» и «Повесть зело предивна и истинна» о Савве Грудцыне. Говоря о «границе между письменной и устной традицией», Пиккио излагает сведения о развитии сатиры в этот период русской литературы.

Последняя глава посвящена расколу и автобиографии протопопа Аввакума, из которой дано несколько отрывков; в заключение говорится о зарождении русского театра.

В последней части книги автор занимается «устной традицией», русскими былинами, историческими песнями, духовными песнями и сказками.

В приложении к работе помещены общие и специальные библиографические указатели и хронологический список произведений древней русской литературы. Если иметь в виду, насколько трудно западному ученому знакомиться со всеми славянскими, и в частности советскими научными изданиями, нельзя не высказать удовлетворения, что Р. Пиккио знакомо столь большое количество советских работ по древней русской литературе.

Не претендуя на анализ или критическую оценку объемистой книги профессора Пиккио, этот очень беглый обзор все же может дать представление о ней. Несомненно, специалист найдет в изложении итальянского ученого известные пробелы, спорные утверждения или неудовлетворительные толкования.[24] Однако нельзя отрицать, что автор приложил огромные усилия, старательнейшим образом изучил отдельные памятники и исследования о них, пришел к интересным самостоятельным взглядам, с явной любовью изложил и проанализировал развитие древней русской литературы. Можно поэтому приветствовать его книгу, как хороший вклад в дело изучения и популяризации древней русской литературы.

---

[24] Ср., например, некоторые критические замечания Д. С. Лихачева: Несколько замечаний по поводу статьи Риккардо Пиккио. — ТОДРЛ, т. XVII. М.—Л., 1961, стр. 675—678.

Н. Н. МАСЛЕННИКОВА

К истории создания теории «Москва — третий Рим»

(ПО ПОВОДУ СТАТЬИ Н. Е. АНДРЕЕВА «ФИЛОФЕЙ И ЕГО ПОСЛАНИЕ К ИВАНУ ВАСИЛЬЕВИЧУ»)

Теория «Москва — третий Рим» изложена псковским старцем Филофеем в трех его посланиях: великому князю Василию Ивановичу, дьяку великого князя М. Г. Мисюрю-Мунехину и царю и великому князю Ивану Васильевичу.

Вопрос о датировке посланий важен не столько сам по себе, сколько в связи со всей идейной и общественной жизнью XV—XVI вв., так как теория «Москва — третий Рим» является важнейшим звеном в создании идеологии Русского централизованного государства. Ее нельзя отрывать от других звеньев этого процесса, от сложной ожесточенной идейной борьбы, породившей небывалое количество разноречивых, но значительных произведений, посвященных в конце концов одной и той же проблеме.[1]

Недавно опубликованная в английском славистическом журнале статья Н. Е. Андреева вновь возвращает нас к датировке посланий Филофея.[2] Большинством исследователей признано, что послание Филофея к царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси адресовано Ивану Грозному и написано в 30—40-х годах XVI в. Н. Е. Андреев доказывает в статье, что послание это адресовано Ивану III и написано около 1500 г.

Если бы Н. Е. Андрееву удалось опровергнуть признанное большинством исследователей время написания послания Филофея, то это неизбежно повлекло бы за собой не только переосмысление многих памятников общественной мысли, но и всего процесса складывания идеологии централизованного государства. В таком случае теория «Москва — третий Рим» вошла бы в комплекс идеологических явлений конца XV—начала XVI в.

Статья Н. Е. Андреева заставляет обратиться к посланиям Филофея и еще раз проверить их датировку.

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что в отличие от других зарубежных историков, видящих в Филофее провозвестника захватнических стремлений Русского государства, Н. Е. Андреев разделяет принятую в советской исторической науке оценку деятельности Филофея и политического значения теории Москва — третий Рим: «Несомненно, теория помогла облечь растущую власть Москвы все более увличивающимся духовным авторитетом, хотя она и не находила прямого выражения в действительной политической практике Московского государства».[3]

---

[1] Литературные памятники, связанные с новгородско-московской ересью, произведения Иосифа Волоцкого, публицистические произведения, созданные в кружке Геннадия Новгородского, Сказание о князьях владимирских, общественно-политические сочинения середины XVI в. и многие другие.

[2] N. Andreyev Filofey and his Epistle to Ivan Vasil'yevich. — The Slavonic and East European Review, vol. XXXVIII, № 90, December. London, 1959, стр. 1—31.

[3] Там же, стр. 1—2, см. также стр. 25, 30—31.

В кропотливом исследовании, обнаруживающем знание современной литературы вопроса и основанном на большом количестве конкретных данных, автор стремится максимально учитывать историческую обстановку, исторический фон создания посланий Филофея.[4] Однако историческую обстановку он понимает несколько ограниченно, наблюдая лишь внешние связи политических событий, не вникая в существо процесса, не учитывая очень важного компонента исторической обстановки — развития общественной мысли.

Н. Е. Андреев пересматривает датировку послания Филофея, предложенную в монографии В. Малинина «Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания» [5] и принятую многими советскими историками литературы.[6] Признание такой датировки Н. Е. Андреев объясняет не убедительностью доводов В. Малинина, а гипнозом его фундаментального труда.[7]

Упрекая В. Малинина в увлечении «литературной» точкой зрения, указывая, что он в определении времени написания посланий руководствовался главным образом «развитием в них формы и идей»,[8] Н. Е. Андреев впадает в другую крайность. Интерес к исторической обстановке в его понимании заслоняет существенно важный анализ текстов посланий, установление связи посланий Филофея с другими идеологическими документами эпохи и взаимосвязей между посланиями.

Нам представляется, что аргументы в защиту той или иной датировки следует искать прежде всего в тексте самих посланий. При этом предполагается учет исторической обстановки во всей ее полноте с наибольшим вниманием к развитию идеологии.

I

Прежде чем обратиться к тексту посланий Филофея, нам следует остановиться на целом ряде положений Н. Е. Андреева, на основании которых он считает необходимым пересмотреть вопрос об адресате и датировке послания Филофея царю и великому князю Ивану Васильевичу.[9]

1. Имя Филофея отсутствует в первой версии Жития основателя Елеазарова монастыря Евфросина, относящейся примерно к 1505 г. В. Малинин это объясняет малой известностью Филофея, который к этому времени не стал еще создателем теории Москва — третий Рим, т. е. не писал послания Ивану III.[10]

Н. Е. Андреев в этом вопросе присоединяется к Н. Серебрянскому, который видит цель первой версии Жития Евфросина, не являющейся чисто агиографическим произведением, в защите сугубой аллилуйи.[11] Это обстоятельство кажется Н. Е. Андрееву вполне объясняющим отсутствие в Житии упоминания о Филофее, несмотря на достигнутую Филофеем к этому времени благодаря посланию Ивану III известность.[12]

---

[4] Там же, стр. 29, 30.

[5] В. Малинин. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901.

[6] Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV—начало XVII в. Под ред. А. Н. Насонова и др. М., 1955, стр. 171.

[7] N. Andreyev. Filofey and his Epistle to Ivan Vasil'yevich, стр. 30.

[8] Там же, стр. 3.

[9] См. это послание: В. Малинин. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания, Приложения, стр. 57—66.

[10] Там же, стр. 32, 376, 377.

[11] Н. Серебрянский. Житие преподобного Евфросина Псковского. (Первоначальная редакция). — ПДПИ, т. CLXXXIII. СПб., 1909, стр. XVI.

[12] N. Andreyev. Filofey and his Epistle to Ivan Vasil'yevich, стр. 5.

В. Малинин, рассматривая первую версию Жития Евфросина, также отмечал эти ее черты, однако они ему не показались достаточными для объяснения умолчания о Филофее.[13] Соображения Н. Серебрянского ставят под сомнение точку зрения В. Малинина, но не опровергают ее, не «полностью подрывают аргумент В. Малинина», как полагает Н. Е. Андреев.

2. Во второй версии Жития Евфросина (1547 г.), в описании чуда с разбойником Василием Тесные Очи, упоминается игумен Филофей. Мнение В. Малинина, что речь идет об авторе теории Москва — третий Рим, убедительно.[14] Однако из этого факта Н. Е. Андреев, воссоздавая биографию Филофея, делает выводы, с которыми нельзя согласиться. Филофей мог быть игуменом Елеазарова монастыря только в конце правления Василия III и начале правления Ивана IV,[15] т. е. в пожилом возрасте. Н. Е. Андреев считает, что назначение Филофея игуменом монастыря предшествовала длительная, активная деятельность, а также написание всех посланий к великим князьям, так как именно они показали его исключительную образованность, широту взглядов, политическую позицию. По мнению Н. Е. Андреева, Филофей, будучи игуменом монастыря, уже не писал посланий великим князьям, в частности Ивану IV, так как в противном случае он был бы назван игуменом Филофеем в самом послании.[16] Однако в большинстве посланий великим князьям Иосиф Санин, игумен Боровского, а затем Волоколамского монастырей, называется не игуменом, а преподобным старцем.[17]

3. Один из главных аргументов Н. Е. Андреева против датировки послания Ивану Васильевичу 30-ми годами — преклонный возраст Филофея к этому времени. Действительно, по всем соображениям, Филофею тогда было не меньше 70 лет. Не слишком ли Н. Е. Андреев сокращает творческий возраст одного из образованнейших людей того времени, отказывая ему в возможности развития творческой мысли в последние 40 лет жизни? [18]

Такой публицист и человек, каким был Филофей, не мог уйти от активной деятельности. Достаточно посмотреть послания его по случаю морового поветрия в Пскове, к неизвестному опальному вельможе, во Псков к «сущим в беде», Мисюрю-Мунехину против «звездочетцев и латин», чтобы убедиться в том, что Филофею были всегда свойственны широкие теоретические обобщения.[19]

Н. Е. Андреев пишет, что интересы Филофея постепенно перемещаются в сторону защиты угнетенных из сферы церковной идеологии.[20] Основанием для этого утверждения Н. Е. Андреева служит известная приписка анонимного автора к посланиям Филофея, в которой говорится о заступничестве Филофея за псковичей.[21] Нам бы хотелось обратить внимание

---

[13] В. Малинин. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания, стр. 32, 376, 377.

[14] Там же, стр. 32—35.

[15] Там же, стр. 33, 34.

[16] N. Andreyev. Filofey and his Epistle to Ivan Vasil'yevich, стр. 9.

[17] Послания Иосифа Волоцкого. Подготовка текста А. А. Зимина и Я. С. Лурье. М.—Л., 1959, стр. 148, 149, 152, 154, 168, 173, 175 и др.

[18] Иосиф Волоцкий (1439—1515 гг.) написал свой трактат, «яко не подобает святым божиим церквам и монастырям обиды творити», в 1507 г., 68 лет, а послание Василию III о еретиках — в 1511 г., 72 лет.

[19] В. Малинин. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания, Приложения, стр. 26—32, 7—24, 37—47.

[20] N. Andreyev. Filofey and his Epistle to Ivan Vasil'yevich, стр. 9.

[21] В. Малинин. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания, Приложения, стр. 25.

на другую сторону дошедшей до нас характеристики Филофея — автор характеристики пишет о «дерзости» Филофея «последи»: «...но последи много показа дерзновение к государю и моления о людех, тако же и боляром и наместником псковским и обличи их о многой неправде и насиловании, не убояся смерти, великий же князь и велможи его, ведуще его дерзость и беспопечение о сем веце, не смеша ничтоже ему зла сотворити».[22] При изучении посланий Филофея можно проследить, как его «дерзость» нарастает от послания к посланию (в принятой нами датировке) и достигает высшей степени в послании Ивану Васильевичу. Тон его — гневный и требовательный — значительно отличается от тона других посланий, содержащих многочисленные отступления, разнообразные способы убеждения и извинения за дерзость.

Послания Филофея нельзя разделить на послания, посвященные только теоретическим или только практическим вопросам. Блестяще сочетаются теоретические и практические вопросы в послании Филофея Мисюрю-Мунехину против «звездочетцев и латин».[23] Но ведь это послание написано Филофеем в пожилом возрасте, в 1528 г., как убедительно доказано Н. Е. Андреевым в рассматриваемой статье.[24] Новая датировка этого послания нами полностью принимается.

Невозможно предположить, чтобы Филофей в 30—40 лет выдвинул важнейшие теоретические положения «раз и навсегда», по словам Н. Е. Андреева, а остальные сорок лет жизни только упрощал их да использовал для практических целей достигнутое благодаря ранним трудам высокое общественное положение. Филофей — страстный, эмоциональный и смелый публицист, его взгляды развивались на протяжении всей его жизни.

4. Разбирая исторические события в Русском государстве вообще и в Пскове в частности, Н. Е. Андреев находит в них бесспорное и главное, по его мнению, доказательство того, что послание Ивану Васильевичу должно быть написано около 1500 г., так как в нем затронуты самые важные вопросы исторического момента.[25]

Н. Е. Андреев считает, что Филофей должен был написать свое послание Ивану Васильевичу, посвященное защите церковной собственности, сразу после конфискации церковных земель в Новгороде в 1499 г. Это событие, по его мнению, «было непосредственным поводом выступления Филофея с его знаменитым посланием».[26] Представители псковских монастырей боялись распространения конфискаций на их собственные владения, тем более что Псков попадал во все более зависимое положение, и решили предотвратить эту опасность.

Н. Е. Андреев пишет, что вопрос о сохранении церковных земель был самым актуальным вопросом в 1500 г. как для всего русского духовенства, так и, в частности, для псковского. Так ли это было на самом деле?

По Н. Е. Андрееву, Филофей был «крайне осторожным идеологом, выдвинувшим только те идеи, которые уже пользовались доверием Ивана III», а его теория Москва — третий Рим была «разработана логично и осторожно».[27] На самом же деле обращаться к Ивану III с посланием, запрещающим церковную собственность, было преждевременно и неосторожно, так как позиции Ивана III относительно церкви были совершенно неясны, и, более того, до 1502 г., до удаления от двора

---

[22] Там же.
[23] Там же, стр. 37—47.
[24] N. Andreyev. Filofey and his Epistle to Ivan Vasil'yevich, стр. 22—23.
[25] Там же, стр. 13—19.
[26] Там же, стр. 18.
[27] Там же, стр. 22.

Елены Волошанки с Дмитрием, можно было думать, что Иван III настроен враждебно по отношению к «обличителям ереси», к воинствующим церковникам. Но главное возражение Н. Е. Андрееву заключается в том, что вопрос о церковном землевладении нельзя считать самым злободневным для русской церкви к 1500—1501 гг.

В эти годы борьба с ересью достигла наибольшей остроты. Поэтому главным вопросом, вокруг которого разгорелась эта борьба, был вопрос о самом существовании монастырей. Следует согласиться с мнением Я. С. Лурье, который утверждает, что «еретики (в данном случае московские еретики) отвергали в принципе самый институт монашества, — секуляризация монастырских земель была в их программе естественным результатом уничтожения монастырей вообще».[28]

Достаточно просмотреть произведения Иосифа Волоцкого этой поры, чтобы убедиться в том, что даже он — один из виднейших защитников церковного землевладения — до 1507 г. вопроса этого не поднимал.[29] Только в 1507 г. им был написан трактат в защиту церковных имуществ. Однако 1500—1501 гг. противники еретиков во главе с Иосифом Волоцким еще не были представителями официальной церкви и, более того, они враждебно относились к самой великокняжеской власти.[30]

Вопрос о монастырских селах впервые был поднят на соборе 1503 г., причем великому князю не удалось добиться согласия собора на их секуляризацию.[31] Постановка этого вопроса не была связана с еретиками, так как они к этому времени уже утратили свое влияние.

Ясное понимание роли Москвы и ее великого князя, присущее Филофею и нашедшее выражение в его теории, вряд ли могло сложиться около 1500 г. В таком случае Филофей в своем «промосковском» настроении намного опередил бы псковских летописцев, редактора Хронографа и авторов повестей «О Псковском взятии».

Говоря о важности вопроса о секуляризации монастырских земель для псковичей, Н. Е. Андреев обращает внимание на события 1499 г. в Пскове, связанные с протестом псковичей против назначения великим князем Новгорода и Пскова князя Василия.[32] Псковичи требовали, чтобы у них был тот же великий князь, что и в Москве. По мнению Н. Е. Андреева, эти события показали псковичам, что их политическая независимость держится «на непрочной нити благоволения правителей Москвы».[33] Иными словами, события эти напомнили псковичам о возможности повторения судьбы Новгорода, а псковским церковникам — о возможности секуляризации церковных земель. На наш взгляд, события 1499 г. могли иметь несколько иной оттенок. Псковичи признавали себя «отчиной» великого князя, но протестовали против произвола и нарушения старины. Они еще надеялись сохранить традиционные отношения феодального Пскова с Москвой и избежать повторения судьбы Новгорода.

Итак, по нашему мнению, обстановка, сложившаяся в Русском государстве около 1500 г., а также развитие общественной мысли в это время де-

---

[28] Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI века. М.—Л., 1955, стр. 208.

[29] А. А. Зимин. О политической доктрине Иосифа Волоцкого. — ТОДРЛ, т. IX. М.—Л., 1953, стр. 171; Я. С. Лурье. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в. М.—Л., 1960, стр. 246—247.

[30] Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения. . ., стр. 195.

[31] Послания Иосифа Волоцкого, стр. 322—326.

[32] Псковские летописи, вып. I. М.—Л., 1941, стр. 83.

[33] N. Andreyev. Filofey and his Epistle to Ivan Vasil'yevich, стр. 19.

лали маловероятным написание послания, посвященного защите монастырских земель.

5. В рассматриваемой статье Н. Е. Андреев возвращается к вопросу об отсутствии в послании Филофея упоминания о ереси жидовствующих. Умолчание о ереси жидовствующих для В. Малинина является одним из основных возражений против датировки, поддерживаемой Н. Е. Андреевым. Последний объясняет намеренное, по его мнению, умолчание о ереси боязнью включить в послание щекотливую тему, что могло бы помешать успеху решения основной задачи.[34]

Догадку Н. Е. Андреева относительно боязни Филофея поднимать вопрос о ереси можно понять, но нельзя согласиться с тем положением, что после собора 1490 г. ересь официально считалась подавленной.[35] Борьба «обличителей ереси» с еретиками продолжалась непосредственно после собора и приняла еще более сложный и ожесточенный характер.[36]

Умолчание о ереси жидовствующих в послании Филофея продолжает оставаться веским доводом в пользу нашей датировки. Если бы Филофей писал свое послание Ивану III около 1500 г., то стремление великого князя к секуляризации, несовместимое, по мнению Филофея, с положением главы православного мира, он должен был бы приписывать влиянию еретиков. В этом послании он изложил законченную теорию, вопросы поставлены резко и определенно: «Новыя же Русиа царьство, аще и стоит верою в православии, но добрых дел оскудением и неправда умножися».[37] В перечень «неправд» он должен был бы включить и главную — распространение ереси.

6. Построенные на основании обширного материала рассуждения автора по поводу возможности применения титула «царь» к Ивану III бесплодны. Ивана III называли царем в исключительных случаях, и маловероятно, чтобы Филофей так назвал его до 1510 г., тем более что в Пскове должны были знать, какие политические осложнения последовали в Новгороде за неосторожным наименованием Ивана III титулом «государь».[38]

Ко всему сказанному выше следует добавить, что в подробном и тщательном изложении Н. Е. Андреева иногда встречаются внутренние противоречия, которые ослабляют позиции автора. Основное доказательство необходимости пересмотра датировки послания Филофея Н. Е. Андреев видит в том, что вопросы, поднятые в послании Ивану Васильевичу, были актуальны около 1500 г. Филофей, по мнению Н. Е. Андреева, написал свое послание удачно и своевременно, «доказав раз и навсегда свою теорию», выдвинул только те идеи, которые пользовались доверием Ивана III.[39] Однако дальше Н. Е. Андреев пишет, что только после собора 1503 г. обнаружилось признание правительством основных положений послания, так как вопросы на соборе были решены в духе послания.[40] Значит, послание не было бы своевременным в 1500 г. В другом месте

---

[34] Там же, стр. 24.

[35] Там же.

[36] См. об этом: Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения. . ., стр. 129—132.

[37] В. Малинин. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания, Приложения, стр. 64.

[38] См.: Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960, стр. 867—868.

[39] N. Andreyev. Filofey and his Epistle to Ivan Vasil'yevich, стр. 22.

[40] Там же, стр. 25, 30.

Н. Е. Андреев считает возможным предположить, что послание Филофея не было прочтено,[41] во всяком случае Филофей не имел никаких оснований считать свою теорию признанной.

II

Основной материал, позволяющий считать, что послание Филофея адресовано Ивану IV, следует искать в самих посланиях Филофея. Обратимся к посланиям Филофея великому князю Василию Ивановичу, дьяку Мисюрю-Мунехину против «звездочетцев и латин» и царю и великому князю Ивану Васильевичу, в которых сформулирована теория Москва — третий Рим.

В послании великому князю Василию Ивановичу, написанном, вероятно, около 1511 г., основное внимание обращается на искажение крестного знамения, вдовство епископий, повреждение нравов в среде духовенства.[42] Несколько строк посвящено защите церковного землевладения. Большое место в послании занимает теория третьего Рима, изложенная живо, просто и непосредственно. Послание не содержит сложных доказательств закономерности перехода третьего Рима в Москву, но стремится внушить великому князю мысль о его высоком назначении, Филофей умоляет великого князя прислушаться к его словам. Послание имеет скорее эмоциональный, чем логический, характер. Филофей вновь и вновь возвращается в этом послании к третьему Риму: «. . . и да весть твоа держава, благочестивый царю, яко вся царства православныя христианьския веры снидошася в твое едино царство, един ты во всей поднебесной христианом царь . . . еже выше писах, внимай господа ради, яко вся христианскаа царства снидошася в твое царство, посем чаем царь царства, ему же несть конца» [43] — и, наконец, дает формулировку, ставшую классической: «. . . якоже выше писах ти и ныне глаголю: блюди и внемли, благочестивый царю, яко вся христианская царьства снидошася в твое едино, яко два Рима падоша, а третей стоит, а четвертому не быти».[44] В этом послании говорится о «твоем царствии», но не о Москве, Москва — третий Рим появится в следующих посланиях. Термина «Русиа» также еще нет в послании Василию Ивановичу. Послание написано в доброжелательном, оптимистическом и даже несколько восторженном тоне. Эта особенность послания Василию Ивановичу тем более замечательна, что в послании отражаются взгляды псковича вскоре после присоединения Пскова к Русскому централизованному государству. Именно это послание должно было обратить внимание великого князя и его администрации в Пскове на выдающегося публициста.

Послание дьяку великого князя Мисюрю-Мунехину, написанное в 1528 г., направлено против «звездочетцев и латин»; здесь доказывается неправильность предлагаемого католиками способа летоисчисления и их утверждения о влиянии звезд на судьбу людей и государств.

В этом послании Филофей излагает свои взгляды на вопросы, занимавшие все образованное русское общество в связи с пропагандой астрологических теорий Николаем Булевым и заинтересовавшие Мисюря-Мунехина, который обратился к Филофею за их разъяснением. Филофей создает свою теорию мироздания на основании обширной канонической и апокрифической литературы, обнаруживая прекрасное знание древнерус-

---

[41] Там же, стр. 22, 25.

[42] В. Малинин. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания, Приложения, стр. 49—56.

[43] Там же, стр. 50, 54.

[44] Там же, стр. 54, 55.

ской переводной литературы. Именно в этом послании при изложении схемы, разоблачающей взгляд латинян на мир, Филофей счел уместным продемонстрировать воплощение идеи божественного промысла в истории избранных народов и перешел к подробнейшему разъяснению теории Москва — третий Рим. Возможно, Мисюрь-Мунехин в послании к Филофею и не спрашивал этих разъяснений, но Филофей воспользовался случаем, чтобы ее доказать, основное внимание уделив отношению к латинству и объяснению причин падения первого и второго Римов: «... девятдесят лет, како греческое царство разорися и не созижется, сия вся случися грех ради наших. Понеже они предаша православную греческую веру в латынство. И не дивися, избранниче божий, яко латыни глаголют: наше царство ромейское недвижимо пребывает, аще быхом не праве веровали, не бы господь снабдел нас, не подобает нам внимати прелестем их, воистину сут еретици, своею волею отпадше от православныа христианскиа веры паче же опресночнаго ради служения, беша с нами в соединении сем сот и 70..., во аполинариеву ересь впадше, прелщени Карулом царем и папою Формосом».[45] Изложение теории в этом послании полемически заострено, и сама теория находит здесь наиболее полное выражение: «... мала некаа словеса изречем о нынешнем православном царствии пресветлейшаго и высокостолнейшаго государя нашего, иже во всей поднебеснои единаго христианом царя и броздодержателя святых божиих престол святыа вселенскиа апостолскиа церкве, иже вместо римской и констянтинополской, иже есть в богоспасаемом граде Москве святаго и славнаго успения пречистыя богородица, иже едина в вселенеи паче солнца светится. Да веси, христолюбче и боголюбче, яко вся христианская царства приидоша в конец и снидошася во едино царство нашего государя, по пророческим книгам то есть росейское царство. Два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти».[46] В этом послании называются уже «Росейское царство», Москва и Успенский собор, а в послании великому князю Василию Ивановичу говорилось только о «твоем царстве». Так как Филофей привел пространное и, по его мнению, убедительное доказательство теории, то он счел возможным затем ограничиться кратким, упрощенным и даже несколько искаженным изложением видения Апокалипсиса.

Следует согласиться с мнением Н. Е. Андреева, считающего данное послание наиболее интересным.[47] Именно этим объясняется, по-видимому, то обстоятельство, что до нас дошло наибольшее количество списков этого послания Филофея. Но, по концепции Н. Е. Андреева, именно это послание было написано последним, а значит, оно должно было бы быть наименее оригинальным по содержанию.

В послании царю и великому князю Ивану Васильевичу главными вопросами являются церковное землевладение и симония, в туманных выражениях, рассчитанных на посвященного, упоминается о содомии. Послание сложно, пространно, лишено непосредственных обращений, конкретных замечаний. Но если бы это послание было написано раньше других, как предполагает Н. Е. Андреев, то оно должно было бы быть максимально убедительным и доходчивым (ведь в таком случае это было бы первое изложение Филофеем его теории).

Это послание в большей своей части несамостоятельно и составлено из отрывков канонических произведений. Филофею в нем принадлежит только изложение теории Москва — третий Рим, резко отличающееся от ее изложения в других посланиях. Филофей включил теорию в собствен-

---

[45] Там же, стр. 41, 42.
[46] Там же, стр. 45.
[47] N. Andreyev. Filofey and his Epistle to Ivan Vasil'yevich, стр. 28.

ное пространное толкование видения из Апокалипсиса. Не прибегая к доказательству правильности своей теории, он в этом случае ограничился ссылкой на высший авторитет — предсказания Апокалипсиса. Автор послания на этот раз не старается расположить к себе государя, не убеждает, не призывает, не пытается понятно изложить свои взгляды, не полемизирует. Постановка вопроса в этом послании наиболее богословская, наименее публицистическая. Тон послания сухой, предостерегающий и «дерзновенный». Полное представление об этом тоже дает лишь прочтение всего послания, однако показательными являются и отдельные выражения: «Видиши ли, яко вся царства потопишася неверием, новыя же Русиа царство, аще и стоит верою в православии, но добрых дел оскудением и неправда умножися»[48] или: «Да не будет дивное се жилище безакониа наполнено». Показательно и введение к посланию, говорящее о людях, которые «иже верою крещени мнящеся, делы же отмещутся, утуждении же иже не токмо сами не хотяще праведно жити, но иже по бозе живущих крепце ратующе», и предупреждающее: «... не твори тако, якоже они безаконнии, погибел бо их ведома будет всем». Именно в этом послании Филофей использует правила V собора: «... аще же и самый венец носящий тако творити начнут, надеющеся на богатство и на благородие, не покарятися начнут, не отдающе их же обидеша, преждереченною виною повинни да будет, по святых же правилех да будут прокляти».[49] Филофей предупреждает о тяжелых последствиях, которые влечет за собой нарушение заповедей святых отцов: «... не разсея ли ны бог по лицу всея земля, не взяты ли быша грады наша, не падоша ли силныа князи наша остреем меча, не запустеша ли святыа божиа церъкви, яко же в царьствующем граде содеяся, не томими ли есми от безбожных поган, не поведени ли быша в плен чада наша».

Сама теория в этом послании излагается как бы между прочим. Православная церковь — «жена» «паки в третий Рим бежа, иже есть в новую великую Русию ... и едина ныне святаа соборнаа апостолскаа церковь восточная паче солнца во всей поднебесней светится и един православный великий Руский царь ... новыя же Русиа царство аще и стоит верою в православии».[50] Создается впечатление, что речь идет об известных сюжетах.

Филофей посланием великому князю Василию Ивановичу доказал широту своих взглядов, признание великой роли Москвы, дал краткую формулировку теории третьего Рима сразу после событий 1510 г. Образованный, разносторонний и дальновидный М. Г. Мисюрь-Мунехин убедился в его эрудиции и лойяльности по отношению к великим князьям, высоко оценил значение его творчества, а затем стал привлекать его к обсуждению важнейших теоретических и практических вопросов, поощрял его публицистическую деятельность, способствовал росту его известности и усилению влияния на великих князей.

Послание царю и великому князю Ивану Васильевичу могло быть написано Филофеем в конце его творчества, когда он был уже знаменит и влиятелен. Его прежние заслуги давали ему право обратиться к новому правительству с суровым предостережением, которое касалось положения не только в Пскове, но и во всем государстве.

Иную последовательность в написании посланий трудно было бы объяснить. Мог ли Филофей писать Ивану III, еще не будучи крупной

---

[48] В. Малинин. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания, Приложения, стр. 63, 64.
[49] Там же, стр. 58, 59.
[50] Там же, стр. 62—64.

фигурой, в таком тоне? Мог ли Филофей в том случае, если бы он написал свое послание Ивану III, после 1510 г. резко изменить отношение к великому князю (ведь события 1510 г. в Пскове вызвали сложные чувства у сторонников присоединения к Москве), вступить с ним в переписку, доброжелательно и смиренно убеждать его обратить внимание на значение «третьего Рима», о котором он впервые заговорил почему-то в момент, когда его отношения с «венец носящими» были наименее дружественными?

Правда, обращаясь к творчеству других писателей XV—начала XVI в., мы вспоминаем, что Иосиф Волоцкий сначала был настроен против великокняжеской власти, а затем стал ее поддерживать. Быть может, и Филофей после 1510 г. стал лучше относиться к великокняжеской власти, убедившись в сохранности псковских владений? Но послание Ивану Васильевичу, несмотря на свой предостерегающий тон, написано не врагом царской власти, а человеком, который не только ее признает, но и доказывает ее высокое призвание. Кроме того, после 1510 г. вопрос о церковном землевладении в Пскове снят не был, поэтому у Филофея не было оснований поддерживать Василия III больше, чем его отца, Ивана III.

Дополнительный материал в пользу нашей датировки послания Ивану Васильевичу дает сравнение послания со «Словом кратким»,[51] написанным в кружке Геннадия Новгородского, накануне конфискации монастырских земель в Новгороде в 1499 г.[52]

Если принять предположение Н. Е. Андреева, что послание Филофея написано Ивану III, то оно должно быть близко «Слову кратку», так как написано в одно и то же время, в одной и той же среде, посвящено защите церковной собственности. Однако эти произведения существенно отличаются друг от друга по содержанию, направленности, тону, использованным источникам. «Слово кратко» проникнуто идеей превосходства духовной власти над светской, призывом к сопротивлению светским властям, в то время как Филофей является сторонником сильной власти царя — главы православного мира. Трудно представить более различные произведения, посвященные одному вопросу. Они могли быть написаны только в иное время и в иной исторической обстановке.

Мысль о причинах падения второго Рима — Константинополя развивается в посланиях Филофея в той же последовательности, что и сама теория: от послания великому князю Василию Ивановичу к посланию Мисюрю-Мунехину и дальше к посланию царю и великому князю Ивану Васильевичу.

Только в послании Василию Ивановичу падение Константинополя — второго Рима объясняется завоеванием турками: «агаряне внуцы секирами и оскордми разсекоша двери».[53]

Послание Мисюрю содержит уже другое объяснение: «девятдесят лет како греческое царство разорися и не созижется, сия вся случися грех ради наших. Понеже они предаша православную гречскую веру в латынство».[54] Более того, в этом послании Филофей отказывается от своего первоначального объяснения, сам с собой полемизирует. Дело вовсе не в том, говорит он, что Константинополь завоеван турками, а в том, что греческая вера предана в латинство: «. . . аще убо агарины внуци грече-

---

[51] «Слово кратко» в защиту монастырских имений.— ЧОИДР. М., 1902, кн. 2, отд. II.

[52] Послания Иосифа Волоцкого, стр. 49, 50.

[53] В. Малинин. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания, Приложения, стр. 50.

[54] Там же, стр. 41, 42.

ское царство приаша, но веры не повредиша, ниже насилствуют грекам от веры отступати».[55] Поэтому оба Рима пали по одной и той же причине — из-за измены православию, хотя первый Рим неверные не завоевывали: «. . . аще убо великого Рима стены и столпове и трикровныа полаты не пленены, но душа их от диавола пленены быша опреснок ради».[56]

В послании царю и великому князю Ивану Васильевичу, написанном весьма обстоятельно, падение второго Рима объясняется только этой, наиболее важной причиной: отступлением от православия, а не завоеванием Константинополя, о котором нет даже упоминания. Гибель произошла «соединениа их ради с латынею на осмом соборе и оттоле констянтинопольскаа церькви раздрушися и положися в попрание яко овощное хранилище».[57]

Если предположить, как это делает Н. Е. Андреев, что первым посланием Филофея было послание к Ивану III, наиболее точно сформулировавшее теорию Москва — третий Рим, то совершенно необъяснимым оказывается определение причины падения второго Рима, данное Филофеем в послании Василию Ивановичу.

В таком случае послание Василию Ивановичу было бы написано Филофеем в период расцвета его творчества, между двумя посланиями, объясняющими падение второго Рима только одной причиной — изменой православию (в первом послании причина падения Рима — отступление от православия, во втором — завоевание турками, а в третьем — опять отступление от православия). В начале своей литературной деятельности, согласно схеме Н. Е. Андреева, Филофей выступал, таким образом, как резкий противник «латинства» (хотя в этот период, судя по «Слову кратку», воинствующие церковники были скорее склонны к сближению с «латинами»); [58] затем почему-то (в послании Василию III) упростил свою теорию, отказался от разоблачения «латинства», а впоследствии (в послании Мисюрю) стал снова его разоблачать. При этом на отказ от упреков «латинам» и «олатинившимся» грекам Филофей пошел, согласно этой схеме, при изложении вопросов церковной практики (исправление крестного знамения и т. д.), когда было бы уместно напомнить князю о важности чистоты веры и упомянуть о «латинстве», если бы эта тема уже однажды интересовала Филофея.

По нашему же мнению, такая трактовка вопроса о причинах падения второго Рима в послании Филофея Василию Ивановичу объясняется единственно тем, что в этом послании приводился ее первоначальный вариант.

В то время вопрос о «латинстве» еще не занимал Филофея, его мысль о переходе третьего Рима в Москву носила общий характер, важнее были вопросы, ради которых было написано послание. Но позднее Филофей должен был обратиться к дальнейшей разработке темы «латинства», о чем говорит послание Мисюрю-Мунехину, написанное в ответ на просьбу разъяснить некоторые взгляды «звездочетцев и латин». В 30-е годы XVI в. проблема «латинства» стояла остро в связи с обсуждением деятельности и взглядов Николая Булева.

Нашей датировке не противоречит и характер толкования видения из Апокалипсиса в посланиях Филофея. Еще В. Малинин убедительно до-

---

[55] Там же, стр. 43.
[56] Там же.
[57] Там же, стр. 63.
[58] Послания Иосифа Волоцкого, стр. 45—50.

казал, что краткая редакция толкования, помещенная в послании Мисюрю-Мунехину, является первоначальной.[59]

Принимаемая нами датировка послания Филофея Ивану Васильевичу вполне согласуется и с исторической обстановкой того периода, когда послание, по нашему мнению, было написано.

Доказывая, вопреки В. Малинину, что вопросы, поставленные в послании Ивану Васильевичу, могли быть актуальны при Иване III, Н. Е. Андреев совсем не поставил вопроса о том, насколько актуальны были те же вопросы в 30-х годах XVI в.

А между тем вопрос о монастырском землевладении, поднятый на соборе 1503 г., оставался предметом ожесточенной борьбы в течение XVI в. (решался он и на Стоглавом соборе).

Уже В. Малинин, присоединяясь к соображениям А. С. Павлова, считал, что поводом к написанию послания Филофея Ивану IV были борьба правительства в 1535 г. с ростом монастырского землевладения, а также конфискация земель новгородских церквей и монастырей в 1536 г.[60] Правительство Елены Глинской распорядилось: в Новгороде «пожни у всех монастырей отняти и отписати около всего града и у церквей божиих во всем граде и давати их в бразгу, что которая пожня стоит там же монастырем и церковникам».[61] Борьба русского правительства 30-х годов XVI в. с ростом монастырского землевладения и привилегиями духовных феодалов отмечается и А. А. Зиминым.[62] При этих обстоятельствах вполне вероятно написание Филофеем послания, посвященного защите церковных имуществ.

Любопытные наблюдения можно сделать, сравнивая послание Филофея Ивану Васильевичу с «Писанием» митрополита Макария Ивану IV, старшая редакция которого опубликована Г. Н. Моисеевой.[63] Та часть послания, которая посвящена защите церковных владений, несамостоятельна, это было отмечено еще В. Малининым.[64] Она полностью совпадает с вводной частью «Писания» митрополита Макария великому князю Ивану Васильевичу от слов «се пологание писанием предаемь» до слов «по святых же правилех да бедет прокляти в сий век и в будущий».[65]

О взаимозависимости послания Филофея и «Писания» митрополита Макария говорить не приходится, так как совпадающие в этих произведениях части восходят к более древним источникам.[66] Г. Н. Моисеева считает вероятным, что именно в этой части «Писание» митрополита Макария является извлечением из трактата Иосифа Волоцкого в защиту церковных

---

[59] В. Малинин. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания, стр. 440—441.

[60] А. С. Павлов. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России, ч. I, Одесса, 1871, стр. 102—103; В. Малинин. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания, стр. 646.

[61] А. А. Шахматов. О так называемой Ростовской летописи. — ЧОИДР. М., 1904, кн. 1, стр. 155.

[62] А. А. Зимин. Реформы Ивана Грозного. Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI века. Соцэкгиз, М., 1960, стр. 232.

[63] Г. Н. Моисеева. Старшая редакция «Писания» митрополита Макария Ивану IV. — ТОДРЛ, т. XVI. М.—Л., 1960, стр. 466—472.

[64] В. Малинин. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания, стр. 648.

[65] Там же, Приложения, стр. 58—59; Г. Н. Моисеева. Старшая редакция «Писания» митрополита Макария Ивану IV, стр. 468.

[66] В. Малинин убедительно доказал, что Филофей и Иосиф Волоцкий использовали подложное правило на «обидящих святые церкви» V вселенского собора, которое помещалось в Кормчей или Намоканоне, хорошо известный в XV в. новгородцам, а также и волоцкому князю (В. Малинин. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания, стр. 648—652).

богатств, написанного в 1507 г. По мнению Г. Н. Моисеевой, «Писание» митрополита Макария составлено ранее 1547 г., так как адресовано оно «великому князю Ивану Васильевичу» и свидетельствует о том, что вопрос о секуляризации монастырских земель ставился правительством Ивана IV задолго до Стоглавого собора 1551 г.[67] Митрополит Макарий своим «Писанием» доказывал законность церковных владений, ссылаясь в ряду других источников и на те, которые включены в послание Филофея, хотя и через трактат Иосифа Волоцкого. И митрополит Макарий, и Филофей писали об одном и том же, одному адресату, использовали правило V вселенского собора, но дальше пошли разными путями. Митрополит Макарий усиливал свои доказательства новыми ссылками на святых отцов, а Филофей решил прибегнуть к другому способу — еще раз показать государю всея Руси всемирное значение Русского государства, напомнить ему о третьем Риме.

Приведенный материал показывает еще раз, насколько своевременным было написание послания именно в начале правления Ивана IV. Не утратили своего значения и вопросы о симонии и содомии, так как они также обсуждались на Стоглавом соборе.

Мы возвращаемся, таким образом, к выводу, что послание Филофея царю и великому князю Ивану Васильевичу адресовано Ивану IV и написано в начале его правления. Историческая обстановка в России, основные этапы в развитии общественной мысли и развитие творчества Филофея делают рождение теории Москва — третий Рим своевременным в первой половине XVI в.

Изучение теории Москва — третий Рим в комплексе произведений общественной мысли XVI в. — задача будущего.

---

[67] Г. Н. Моисеева. Старшая редакция «Писания» митрополита Макария Ивану IV, стр. 467.

С. КИМУРА и Ё. НАКАМУРА

Изучение древнерусской литературы в Японии

С тех пор как в конце 1880-х годов Симэй Футабатэй (псевдоним Тацуносукэ Хасэгава)[1] впервые перевел на японский язык несколько повестей И. С. Тургенева, русская литература XIX и XX вв. всегда пользуется большой популярностью среди японской читающей публики. В настоящее время почти все произведения выдающихся русских писателей после А. С. Пушкина доступны в переводе для японских читателей. В то же время под благотворным влиянием русской литературы выросло много талантливых писателей.

Однако если в течение 60—70 лет в Японии русская литература нового времени читалась с удивительной жадностью, то на памятники искусства слова XI—XVII вв., говоря без всякого преувеличения, до последнего времени не обращалось никакого внимания. Самым большим препятствием, мешающим японским читателям подойти к древнерусской литературе, был язык. Правда, с конца прошлого столетия русский язык преподавался более или менее интенсивно во все увеличивающемся числе учебных заведений. Однако в этих учебных заведениях преподавали русский язык в большинстве случаев для того, чтобы удовлетворить практическим требованиям или же знакомить молодежь с новой русской литературой. Русский язык древнего периода более или менее игнорировался.[2] Следовательно, красота древнерусской литературы оставалась скрытой от любопытных глаз японских читателей. Отсутствие филологической подготовки ощущается и теперь в большей части переводов и исследований по древнерусской литературе. Кроме того, нельзя упускать из виду то обстоятельство, что вообще изучение русской и советской культуры находилось долгое время в невыгодном положении по причине предубеждений, независимых от науки.

Первые опыты изложения истории русской литературы, которые появились в Японии в 20-х и 30-х годах настоящего столетия (I, II),[3] уделяли лишь несколько страниц древней эпохе русской литературы, но и там нельзя найти ничего другого, кроме простого, притом не всегда точного, перечисления литературных памятников старины.

Первой работой, которая обратила внимание японской публики на историю и литературу древней Руси, был перевод русских летописей, сделанный Ёситарō Ёкэмура (III, IXa, XVa). В качестве оригинала переводчик пользовался сокращенным переводом Начальной, Киевской и Галицко-Волынской летописей на современный русский язык (Древнерусские летописи, под ред. В. Лебедева, пер. В. Панова. Academia, М., 1936). Перевод, сделанный этим опытным переводчиком, весьма точен и имеет своеобраз-

---

[1] Транскрипция японских имен и слов, кроме Токио и Киото, сделана согласно правилам, принятым «Японско-русским словарем» под ред. Н. И. Фельдман (М., 1951).

[2] Об изучении русского языка в Японии см.: С. Кимура. The Study of Russian in Japan — Word, IX (1953), 4, стр. 349—353.

[3] Здесь и ниже даются ссылки на «Библиографию», помещенную в конце статьи.

ную прелесть. Он представляет собой краеугольный камень в области изучения древнерусской литературы в нашей стране. Ё. Ёкэмура, будучи сам литературным критиком, подчеркивает художественное значение древнерусской летописи в предисловии к первому изданию своей работы. В конце книги дан краткий очерк по истории древней Руси с целью помочь читателю в понимании этого памятника. Работа Ё. Ёкэмура, изданная во время второй мировой войны (1942 г.), выдержала несколько изданий и после войны.

Переводы «Слова о полку Игореве» на японский язык были, за единственным исключением, также сделаны с современного русского текста. Выпущенный в 1947 г. японский перевод Масао Ёнэкава (профессора русской литературы университета Васэда) (IV) основан на переводах В. Жуковского и А. Югова. Автор в значительной степени следовал А. Югову в делении текста на стихи, признании перестановки в начале памятника и разъяснении «темных» мест. (Интересно заметить, что «Троян» иногда исправлен на «Боян» под влиянием А. Югова, а иногда истолкован буквально). М. Ёнэкава является одним из виднейших знатоков русской литературы XIX в. в Японии, и его стиль в переводе, как и всегда, отличается ясностью и простотой, хотя, к сожалению, толкование не всегда свободно от ошибок, хотя и незначительных. После появления этого первого японского перевода «Слова о полку Игореве» М. Ёнэкава и Дзиро̄ Кубо (профессор русского языка института иностранных языков в Кобэ) написали заметки об этом произведении (VI, VII), каждый опираясь в основном на «Историю древней русской литературы» Н. К. Гудзия. Кроме того, Гэнносукэ Канамото (профессор русской литературы университета Васэда) опубликовал статью, ставящую своей целью проанализировать исторические факторы, служившие фоном древнерусской литературы (VIII). Все это показывает, что среди японских исследователей русской литературы постепенно повышался интерес к «Слову о полку Игореве», особенно с начала 50-х годов.

В 1954 г. появился второй перевод «Слова о полку Игореве» на японский язык, сделанный покойным Киёси Дзиндзай (IXг, XVб). Этот перевод, так же как и перевод М. Ёнэкава, очевидно, основан на современном русском переводе А. Югова. Перевод отличается большими стилистическими достоинствами. Переводчику удалось передать дух подлинника яснее, чем Ёнэкава, но в филологическом отношении, к сожалению, он оставляет желать многого.

Японский перевод «Слова о полку Игореве» Сю̄дзи Уэно (профессор русского языка университета в Киото) напечатан в его книге, посвященной изучению древнерусского эпоса (X). Автор в своей работе пытается интерпретировать этот памятник в связи с традициями народного эпоса. Однако его попытка, предпринятая без соответствующей аргументации, на наш взгляд, является неудачной. Причина неудачи состоит в том, что автор совсем игнорирует различие между той средой, в которой складывается устное творчество, и исторической средой, в которой появилось «Слово о полку Игореве», идентифицируя или даже смешивая их. Подробным изложением содержания автор обязан введению к «Слову о полку Игореве» Л. А. Дмитриева и В. Л. Виноградовой (Л., 1952). Что касается самого перевода, то С. Уэно, обещая дать перевод, по мере возможности точный, не объясняет, как ему удалось понять неясные места в тексте или какой текст он принял за основу своего перевода. Истолкование его иногда отличается непостижимой оригинальностью.

По поводу появившегося в 1960 г. перевода «Слова о полку Игореве», сделанного Хироси Кимура (преподаватель русского языка университета

Хōсэй) (XVIб), можно сказать то же, что было высказано о переводе К. Дзиндзай. Х. Кимура пользуется переводом Д. С. Лихачева («Слово о полку Игореве». М.—Л., 1952).

Наряду с этими переводами «Слова о полку Игореве», в 50-х годах изданы были две хрестоматии по древнерусской литературе (IX, XV), причем бо́льшая часть содержания второй хрестоматии заимствована из первой. С изданием этих хрестоматий японским читателям впервые открылась лучшая часть сокровищ древнерусской литературы. Добавим, что и о былинах написаны были две заметки в послевоенные годы (V, XII). Недавно (1960 г.) появился также перевод нескольких былин, сделанный молодой переводчицей Тиё Сасаки (XVIа).

Как уже сказано выше, все упомянутые переводы «Слова о полку Игореве», так же как и несколько переводов других памятников древней литературы в хрестоматиях, были сделаны на основании современных русских переводов. В этом прежде всего виден научный уровень в области изучения древнерусской литературы в нашей стране.

Между тем возникла надежда на возможность подлинно научного изучения славянской культуры с учреждением Института славяноведения в университете Хоккайдо в 1954 г. Членами отдела литературы института были назначены Нобуюки Китагаки (профессор русской литературы университета Хоккайдо), Юкихико Канэко (профессор русской литературы университета Хитоцубаси) и Сёити Кимура (профессор славянских языков Токийского университета). Другой центр изучения образовался в Киото, на западе Японии, где был организован кружок по изучению древнерусской литературы в конце 50-х годов во главе с Синобу Хисияма (профессор русского языка университета Тэнри) и С. Уэно. В данный момент С. Хисияма занимается переводом Жития Кирилла (текст: Житие Константина философа по рукописи XV века бывш. Московской духовной академии, под ред. П. А. Лаврова. Л., 1930), С. Уэно интересуется былинами, Ивао Ямагути (университет в Киото) специализируется на изучении Новгородской летописи. С. Хисияма и И. Ямагути читали доклады по лингвистическим вопросам на съездах японского общества лингвистов (XVIII, XIX).

В Токио, в университете, С. Кимура начал читать лекции по старославянскому и древнерусскому языкам в 1955 г. В его семинарии читают древнерусские повести и летописи в оригинале, а в последнем академическом году выбрано в качестве текста «Слово о полку Игореве». С. Кимура также опубликовал часть перевода «Слова о полку Игореве» (с подробными примечаниями) в первых номерах «Сурову кэнкю̄» (Изучение славяноведения) — «Вестника» Института славяноведения университета Хоккайдо (XI). Он намеревается перевести это произведение филологически, возможно точнее по изданию Р. Якобсона и др. (La Geste du Prince Igor. New York, 1948), а также Д. С. Лихачева («Слово о полку Игореве». Под ред. В. П. Адриановой-Перетц, М.—Л., 1950).[4] Окончание этого перевода ожидается в ближайшем будущем. С. Кимура также принял участие в совместной работе «Сэкай бунгаку нэнпё̄» (Хронологическая таблица мировой литературы. Токио, 1957). Разделы, написанные им в этой работе, в следующем году (XIII) были собраны, с некоторыми добавлениями, в книгу,

[4] Имеется в Японии и один представитель «скептического» направления. Рё̄хей Кисаки, профессор русской истории университета Кагосима, в конце прошлого года, опираясь на теории Г. Пашкевича в его «The Origin of Russia» (London, 1954), высказал мнение, что «Слово о полку Игореве» было написано в период XVI—XVIII вв. (Сирин, 1960, вып. 5, стр. 60—71). В настоящее время Е. Накамура подготовляет статью с возражениями против этой точки зрения.

в которой автор уделяет немало места литературе древнего периода. Строго филологический метод, введенный С. Кимура в изучение древнерусской литературы в Японии, находит последователей в кружке молодых аспирантов. Во всяком случае со второй половины 50-х годов началась новая эпоха изучения древнерусской литературы в нашей стране.

Сэйдзи Фукуока (университет в Хоккайдо) в «Сураву кэнкю» (т. III) критически суммировал новейшие работы зарубежных ученых по литературным произведениям о первых двух русских святых и перевел «Сказание о Борисе и Глебе» на японский язык (XIV). Характерной чертой работы молодого автора является осторожность подхода к тексту и новым достижениям ученых СССР и других стран.

Ёсикадзу Накамура (университет Хитоцубаси) прорецензировал работу Н. А. Мещерского о древнерусском переводе «Иудейской войны» Иосифа Флавия (XVII) и высказал мнение, что автору не вполне удалось доказать свой тезис о том, что все загадочные добавления, существующие в древнерусском переводе памятника, были сделаны по инициативе древнерусского переводчика.

Новая работа Ё. Накамура — японский перевод «Слова о погибели Рускыя земли» и Жития Александра Невского будет помещена со вступительной статьей в следующем номере «Сураву кэнкю».

Выше мы старались вкратце изложить настоящее положение изучения древнерусской литературы в Японии. В самом деле, трудность, стоящая на пути нашего изучения, несказанно велика из-за недостатка материалов, необходимых для изучения, особенно текстов и статей, изданных в довоенные годы в СССР и других странах. Японские исследователи горячо желают скорейшего осуществления серьезного научного изучения древнерусской литературы, которому способствовал бы международный обмен необходимыми работами и материалами.

В конце этой краткой заметки мы помещаем интересные сведения японского свидетеля о личности первого издателя «Слова о полку Игореве» А. И. Мусина-Пушкина. В начале 1780-х годов японское грузовое судно, встретясь с тайфуном, потерпело аварию в Тихом океане. Капитан Кōдаю Дайкокуя, выброшенный с экипажем судна на берег одного из Алеутских островов, приехал после тяжелых испытаний в Петербург в 1791 г., чтобы добиться разрешения вернуться на родину. Здесь он познакомился с придворными Екатерины II, в том числе и с А. И. Мусиным-Пушкиным. В «Хокуса бунряку» (Записках пребывания на Севере), редактированных Кацурагава на основе рассказов Кōдаю по его возвращении, мы находим следующую заметку:

> ... Мусин-Пушкин, житель Петербурга, был человеком редкой любознательности. У него было много странных вещей. Среди них большой «элекитер» (?) в 2 кэн шириной и 3 кэн длиной ... Кōдаю также видел у него духовое ружье...[5]

Далее, рассказывая как при отъезде Кōдаю, А. И. Мусин-Пушкин подарил ему английский микроскоп, автор продолжает:

> ... Он [А. И. Мусин-Пушкин] был человек крайне любознательный.. и упрашивал Кōдаю дать ему японские золотые и серебряные монеты, находящиеся у него. Сначала Кōдаю решительно отказался, но потом, по повторившейся просьбе Кирилла [Лаксмана, покровителя японских моряков в России], подарил Мусину-Пушкину, хотя неохотно, 1 рё золотом, 1 рё мелкими деньгами ... и серебряную трубку...[6]

---

[5] Хокуса бунряку. Под ред. проф. Такаёси Камэй. Токио, Сансюся, 1937, стр. 264—265. (Кэн — древнеяпонская единица длины, равная 1.8 м).

[6] Там же, стр. 48. (Рё — древнеяпонская денежная единица).

БИБЛИОГРАФИЯ

I. Кокусэки Ōидзуми. Росия бунгаку си. (История русской литературы). Токио, Тайсёкан, 1922.

II. Сёму Нобору. Росия бунгаку гайкан. (Очерки по истории русской литературы). Токио, Хэйбонся, 1933, 469 стр.

III. Ё. Ёкэмура. Росия нэндайки. (Русские летописи). Токио, Кобундо-сёбо, 1946, 874 стр.

IV. М. Ёнэкава. Йгори гундан. (Слово о полку Игореве). — Росия бунгаку кэнкю̄. (Изучение русской литературы, журн.), т. II (1947). Токио, Синсэйся, стр. 143—220.

V. С. Кимура. Буйрӣна ни цуйтэ. (О былинах). — Бунгэй фукко (Возрождение, журн.), т. I (1948), 1, 2, Саппоро, Ниссан-сёбо̄.

VI. М. Ёнэкава. «Йгори гундан» кэнкю̄. (Исследование «Слова о полку Игореве»). — Сōгō сэкай бунгэй. (Мировая литература в опыте синтеза, журн.), т. III (1951), стр. 157—182; т. IV (1952), стр. 122—157, Токио, унив. Васэда.

VII. Д. Кубо. «Йгори энсэй моногатари» кэнкю̄ дзёсэцу. (Введение в изучение «Слова о полку Игореве»). — Кобэ гайгодай ронсо̄. (Ученые записки Института иностранных языков в Кōбэ), т. II (1951), 2, Кōбэ, стр. 24—41.

VIII. Г. Канамото. Кодай росия бунгаку но хайкэй (фон древнерусской литературы). — Сōгō сэкай бунгэй, т. VI (1953), стр. 110—135.

IX. Сэкай котэн бунгаку дзэнсю. (Полное собрание мировых классиков), т. XXVII, Росия котэн хэн. (Памятники древнерусской литературы). Токио, Кавадэ сёбо, 1954, 351 стр.

а. Начальная летопись (пер. Ё. Ёкэмура). б. Из «Хождения» игумена Даниила (С. Кимура). в. Из «Поучения» Владимира Мономаха (С. Кимура). г. Слово о полку Игореве (К. Дзиндзай). д. Повесть о разорении Батыем Рязани в 1237 г. (Ю. Канэко). е. Из «Задонщины» (С. Кимура). ж. Повесть о Петре и Февронии Муромских (Ю. Канэко). з. Повесть о Горе и Злочастии (С. Кимура). и. Повесть о шемякином суде (С. Кимура).

X. С. Уэно. Кодай росия дзёдзиси — «Йгори энсэй моногатари» то соно сю̄хэн (Древнерусский эпос — «Слово о полку Игореве» и его окружение). Токио, Ю̄синдо̄, 1955, 263 стр.

XI. С. Кимура. Йгори энсэйдан. (Слово о полку Игореве). — Сураву кэнкю̄, т. I (1957), стр. 1—7; т. II (1958), стр. 105—111; т. III (1959), стр. 85—92, унив. в Хоккайдо.

XII. Г. Канамото. Буйрина канкэн. (Краткое сведение о былинах). — Наука но мадо. (Информационный бюллетень книгоимпортной фирмы «Наука»), т. IV (1958), 2. Токио, стр. 1—3.

XIII. С. Кимура. Росия совэ̄то бунгаку си. (История русской и советской литературы). Токио, Тю̄ōкōронся, 1958, 193 стр.

XIV. С. Фукуока. Борису то Гурэ̄пу но моногатари — яку оёби кайсэцу. («Сказание о Борисе и Глебе» — перевод со вступительной статьей). — Сураву кэнкю̄, т. III, стр. 101—124. [Вступительная статья включает обзор работ Н. Н. Ильина «Летописная статья 6523 года и ее источник. Опыт анализа» (АН СССР, 1957), Н. Н. Воронина «Анонимное сказание о Борисе и Глебе» (ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1959, стр. 11—56) и Л. Мюллера (L. Müller) «Studien zur altrussichen Legende der Heiligen Boris und Gleb». (Zeitschrift für slavischen Philologie, t. XXIII. Heidelberg, 1954, стр. 60—77)].

XV. Росия бунгаку дзэнсю̄. (Полное собрание классиков русской литературы), т. XXXV. Котэн бунгаку сю̄. (Памятники древнего периода). Токио, Сю̄дōся, 1959, 452 стр.

а. Начальная летопись (пер. Ё. Ёкэмура). б. Слово о полку Игореве (К. Дзиндзай). в. Повесть о Петре и Февронии Муромских (Ю. Канэко). г. Повесть о Тимофее Владимирском (Ё. Накамура). д. Повесть о Савве Грудцыне (Ё. Накамура).

XVI. Сэкай мэй сисю̄ тайсэй. (Собрание мировых поэтов-классиков), т. I. Токио, Хэйбонся, 1960, стр. 344—381.

а. Былины (пер. Тиё Сасаки). б. Слово о полку Игореве (Х. Кимура).

XVII. Ё. Накамура. Рец. на «Историю Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе» Н. А. Мещерского (АН СССР, М.—Л., 1958). — Иккё̄ кэнкю̄. (Труды аспирантов университета Хитоцубаси), т. VI. Токио, 1960, стр. 75—83.

XVIII. С. Хисияма. Способы употребления аориста и имперфекта в Лаврентиевской летописи. (Резюме доклада). — Гэнго кэнкю̄. (Изучение языка, вестник японского общества лингвистов), т. XXXVII (1960). Токио, стр. 69—71.

XIX. И. Ямагути. О функции полной и краткой форм прилагательных в древнерусской Новгородской первой летописи старшего извода, т. е. по Синодальному списку XIII века. (Резюме доклада). — Гэнго кэнкю̄. т. XXXIX (в печати).

ЗАМЕТКИ

Д. С. ЛИХАЧЕВ

«Воззни стрикусы» в «Слове о полку Игореве»

В т. XVI ТОДРЛ помещена обстоятельная статья Н. М. Дылевского «„Утръ же воззни стрикусы отвори врата Нову-граду“ в свете данных лексики и грамматики древнерусского языка», в которой доказывается необходимость принять чтение этого места, предложенное Р. О. Якобсоном: «Утърже вазни съ три кусы, — отътвори врата (ворота) Нову-граду (городу), рашибе (рошибе) славу Ярославу». Предлагаемый перевод этого места такой: «Знать, трижды ему довелось урвать по куску удачи, — створил было врата Новгорода, перешиб славу Ярославу».

Соглашаясь со всей аргументацией Н. М. Дылевского, никак не могу согласиться, однако, с самим литературным образом «трижды урвать по кусу удачи». В свете данных литературоведения «кусок удачи» — находка явно неудачная. В древнерусской литературе мы не найдем образа схожего или однотипного. Не спасает положения и перевод, предложенный А. В. Соловьевым: «урвал счастья в три клока».

Поэтому я предлагаю, оставив предложенную Р. О. Якобсоном разбивку на слова, изменить знаки препинания и читать это место так: «Утърже вазни, съ три кусы отъвори врата Нову-граду». Перевод этого места следующий: «Урвал (захватил) счастье (удачу), в три попытки (или «с трех попыток»), отворил врата Новгороду (т. е. занял город)». Значение слова «кус» — «покушение», «попытка» подтверждается многими языками.[1] Однокоренной глагол «кушатися» имеет, по И. И. Срезневскому, единственное значение «пытаться». Примеры, приводимые И. И. Срезневским, весьма показательны: «И реша ему мужи смыслении: не кушаися противу им, яко мало имаши вои. *Пов. вр. л. 6601 г.* Темь ся есть кушати к Белугороду поехати. *Ип. л. 6659 г.* Половци оборотилися противу руским княземь и мы без них кушаимся на вежах их ударити. *т. ж. 6691 г.*».[2]

Если бы в древнерусских текстах удалось найти слово «кус» в значении «попытка», «покушение», «искус», то чтение этого места «Слова» можно было бы считать окончательно определенным.

---

[1] См.: А. Г. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. М., 1958, стр. 419, 420.

[2] Срезневский, Материалы, т. I, стлб. 1384.

Д. Н. АЛЬШИЦ и Н. Н. РОЗОВ

Древнерусская литература в учебном пособии по истории книги

В 1960 г. издательство «Советская Россия» выпустило в свет учебное пособие для студентов библиотечных институтов по истории книги в России.[1] Авторами этого пособия являются преподаватели Ленинградского библиотечного института им. Н. К. Крупской И. Е. Баренбаум и Т. Е. Давыдова.

Недоумение вызывает уже аннотация, предпосланная изложению: «Часть первая пособия знакомит с историей русской письменности и книгопечатания». Отсюда следует, что история книги до книгопечатания отождествляется авторами с историей письменности в целом. И, действительно, авторы не делают попытки определить, что они понимают под рукописной книгой, и никак не выделяют это понятие из других видов письменности ни по признакам содержания, ни по признакам формы. В результате остается неясным, чему же посвящена работа. Если истории письменности в целом, то здесь отсутствуют ее важнейшие разделы. Обо всем огромном массиве разнородных памятников древнерусской деловой письменности XI—XVII вв. сказано лишь в одной неуклюжей фразе: «В XI веке была широко представлена (?) деловая письменность, крупнейшим памятником которой является „Русская Правда“» (21). Но, ведь, в последующих веках деловая письменность «была представлена» несравненно шире, чем в XI в., однако ее история никак не показана.

Если же под историей книги авторы понимают не всю историю письменности, а какую-то ее часть, необходимо было указать, какую именно, что входит и что не входит в их рассмотрение. Заметим, что попытка изложить в учебном пособии семивековую историю древнерусской книги или даже всей письменности XI—XVII вв. на 26 страницах (21—47) является весьма сомнительной. Но уж если авторы были вынуждены согласиться на такой объем этой части работы, придающей изложению справочный характер, то они тем более обязаны были проявить предельную точность. Между тем в книге встречаются неясные, путаные формулировки, а подчас и просто грубые ошибки, свидетельствующие о том, как мало осведомлены авторы о тех вопросах, по которым они пишут учебное пособие.

Авторы утверждают, что «введение книгопечатания в Московском государстве в середине XVI века имело далеко идущие последствия, затронувшие все стороны жизни феодального общества». Так ли это? Книгопечатание в России в середине XVI в. началось в очень ограниченных размерах — могла ли уже в это время деятельность русских первопечатников, издававших богослужебные книги (за единственным исключением — «Букварь», изданный Иваном Федоровым в Львове), затронуть «все стороны жизни феодального общества»?

[1] И. Е. Баренбаум и Т. Е. Давыдова. История книги. Учебное пособие, ч. I. Книга в России до 1917 г. М., 1960, 198 стр. (В дальнейшем ссылки на страницы книги будут даваться в тексте в скобках).

И. Е. Баренбаум называет «Повесть временных лет» «первым трудом по истории Руси, составленным в XI—XII веках» (21). В действительности «Повесть временных лет» была не первым, а уже четвертым летописным сводом после Древнейшего (1037—1039 гг.), свода Никона (1073 г.) и Начального (1093—1095 гг.). Составлена она была около 1113 г.

Несколькими страницами далее рассказывается, что в Нижнем Новгороде «была составлена знаменитая Лаврентьевская летопись ... Свое название она получила по имени монаха Лаврентия, переписавшего ее в 1377 году с какой-то „ветхой" рукописи» (26). Из этих слов читатели могут сделать только один вывод, что науке неизвестно, какая «ветхая» рукопись была переписана Лаврентием. Это определение И. Е. Баренбаум заимствовал из статьи «Летопись Лаврентьевская» в «Большой советской энциклопедии». На самом деле Лаврентий переписал великокняжеский Тверской свод 1305 г., в составе которого находилась и «Повесть временных лет». Из Лаврентьевского списка мы и знаем лучшую редакцию этого величайшего памятника древнерусской литературы. Обо всем этом подробно говорится в книге Д. С. Лихачева «Русские летописи и их культурно-историческое значение»,[2] из которой И. Е. Баренбаум взял отдельные сведения, не приметив главного.

Знаменитый Изборник 1076 г., состоящий из переводных сочинений, в основном отцов церкви, И. Е. Баренбаум объявляет «первым дошедшим до нас образцом древнерусской светской литературы» (24). «Домострой» назван в качестве примера «книг бытового характера» (32), в то время как этот памятник является кодексом морали и нравственности своего времени, а также трактует такие, отнюдь не бытовые вопросы, как взаимоотношения между подданными и царем.

Совершенно непонятно деление монументальных исторических сочинений, созданных в XVI в., на «церковные и общерусские исторические летописные своды» (31). Составление грандиозных летописных сводов при Иване Грозном носило единый государственный характер. В нем принимали участие как духовные (например, митрополит Макарий), так и светские лица (например, Адашев, Висковатый).

Несколькими строками ниже читаем и вовсе странное противопоставление «многотомных исторических сводов и летописей» (31). Чем же отличаются летописи от многотомных исторических сводов?

О «знаменитой „Геннадиевской Библии", названной так по имени новгородского архиепископа Геннадия» — как правильно пишет И. Е. Баренбаум — говорится, что она была создана в Москве (26). Козьма Индикоплов (от греческого «Индикоплевст» — «плававший в Индию») превратился в Индикоплава (21). Точно так же «Шестоднев» превратился в несуществующий «Шестоглав» (21).

Известный печатник Франциск Скорина, как утверждает И. Е. Баренбаум, выпустил в начале XVI в. «первое русское издание Библии» (29). Автор буквально понял название этого издания «Библия руска», не заметив, что приводимая им тут же цитата из Послесловия Скорины написана, как и вся книга, не на русском, а на белорусском языке. Район «северного Причерноморья» И. Е. Баренбаум называет «южнославянскими землями» (20). Северное Причерноморье, если даже понимать это как северный берег Черного моря, а не как северную часть причерноморских областей, никогда не было «южнославянскими землями».

---

[2] Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 287, 295, 427—431 и др.

Учебник изобилует грубыми ошибками и по истории письма. Вот как характеризуются три основных вида древнерусских почерков — устав, полуустав и скоропись: устав «отличается крупным размером», полуустав «более легкий и более округлый», скоропись — «письмо, отличавшееся тонким, прихотливым очертанием букв» (22—23). На самом деле большинство уставных рукописей написано мелким уставом, так как крупным писались преимущественно литургические тексты. В самом названии «скоропись» дана ее характеристика. Она отличается не «тонкостью и прихотливостью», а бо́льшим числом слитных сочетаний букв, которые не рисуются, как устав, а пишутся «скоро», при редком отрыве пера от бумаги, а также индивидуализацией почерка. «Монахи, — говорит И. Е. Баренбаум, — писали книги чернилами и различными красками (особенно красной)» (29). Между тем невозможно себе представить древнерусскую рукопись, написанную голубой или зеленой краской. Даже красной краской рукописи не писались. Киноварью или суриком только надписывались заголовки, заглавные буквы, изредка строки оглавлений.

Перечисление сомнительных утверждений и грубых ошибок по истории древнерусской книги можно бы и продолжить. Однако и приведенных примеров достаточно, для того чтобы сделать вывод о том, что разбираемая глава не может помочь студенту составить правильное представление об истории древнерусской письменности и книги.

Других глав учебника, посвященных истории книги XVIII—XX вв., мы разбирать не будем, так как они выходят за пределы нашей компетенции. Ограничимся лишь напоминанием о том, что неясность в определении предмета изложения — что же именно понимается под историей книги — характерна для всей работы в целом. Каждая ее глава содержит выборку отдельных сведений из истории, истории литературы, публицистики, истории различных наук, издательского дела. Будучи вырваны из той или иной конкретной области знания, эти сведения, даже если они приводятся без вопиющих искажений, о которых говорилось выше, могут скорее разрушать целостные представления учащихся, почерпнутые при изучении данных дисциплин (например, истории и литературы), чем обогатить их новыми знаниями.

Г. Н. МОИСЕЕВА

Новый список повести о французском шляхтиче Александре

После окончания работы над статьей «История о французском шляхтиче Александре»[1] мною был обнаружен еще один список этого произведения. Он находится в сборнике, принадлежащем Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина (собр. Музейное, № 3086).[2]

Сборник сшит из нескольких тетрадей и содержит разнородные материалы.

Первая тетрадь занята Повестью о семи мудрецах. Водяной знак бумаги — «комерц колегии»; такая бумага выпускалась в России Красносельской (Дудоровской) фабрикой с 1738 по 1747 г.[3] На обороте последнего листа бумаги (л. 94 об.) имеются записи тем же почерком и теми же чернилами, какими переписана Повесть о семи мудрецах: «Конец сей тетради. Сия тетрадь Федора Мамаева». Вторая приписка на этом же листе сделана почерком и чернилами, которыми переписано следующее произведение — «Гистория о французском шляхецком сыне, именем Александре, и о прекрасной цесаревне Вене» (лл. 95—113 об.). Видимо, писец, приступая к переписке «Гистории» об Александре, внизу предшествующего листа пометил дату: «Писана июня 20 дня 1738 году».

Вторая тетрадь, с которой начинается «Гистория о французском шляхтиче Александре», сшита из той же бумаги, что и первая, и имеет тот же водяной знак: «комерц колегии». На ней переписаны, кроме повести об Александре, повесть об Арсасе и Размере (без начала, лл. 115—127), «Дело о побеге из Пушкарской улицы петуха и курицы». В «Деле» упоминаются даты: «1745 году мы, куря его», «1745 году ... по суду настоящим делом приговорили...» и «Апшит ... серому коту» (без дат).

Последующие произведения: «Гистория о ковалере Лафари французском и прекрасной княгине Маргарите Медиоланской» (лл. 135—149 об.), Житие «великомученницы» Ирины (лл. 151—184), тропарь и кондак Дмитрию (лл. 188—193), копии указов Елизаветы Петровны Военной коллегии 1747 г. — переписаны на другой бумаге (водяной знак «pro patria», без букв, неясного рисунка). К переднему переплету подклеен черновик дела о подпрапорщике Измайловского полка Кожухове (1735 г.).

Все эти произведения соединены в сборник в 1754 г., как об этом свидетельствует приписка на задней обложке владельца сборника — «лейб-гвардии Преображенского полку сержанта Александра Григорьева Отородавского» (л. 193 об.).

---

[1] Г. Н. Моисеева. История о французском шляхтиче Александре. — ТОДРЛ, т. XVII. М.—Л., 1961, стр. 290—320.

[2] Этот сборник исследован В. Д. Кузьминой. См.: Пародия в рукописной сатире и юмористике XVIII века. — Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1955, вып. 17, стр. 151—152.

[3] М. В. Кукушкина. Филиграни на бумаге русских фабрик. — В кн.: Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР, вып. II. М.—Л., 1958, стр. 295, 363. С. А. Клепиков уточняет дату выпуска бумаги с водяным знаком «комерц-колегии»: 1738—1746 гг. (Клепиков, Филигр. и штемп., стр. 51, № 309).

Новый список «Гистории» о французском шляхтиче Александре дает возможность уточнить наши представления о времени возникновения этого произведения. Если мы располагали ранними списками, датированными началом 40-х годов только на основании анализа почерка[4] (водяной знак в списке ГИМ, собр. А. И. Барятинского, № 162 неясен), то теперь мы имеем список, переписанный в 1738 г., что в значительной степени облегчает постановку вопроса о датировке этого произведения. Таким образом, подтверждается вывод о том, что «Гистория» о французском шляхтиче Александре была создана не позднее второй половины 30-х годов XVIII в. «Нижняя» граница по-прежнему остается недостаточно ясной, и мы вынуждены оперировать только данными историко-литературного анализа.

Список ГБЛ, Муз. 3086 относится к первой, краткой редакции повести. При сопоставлении со списком ГИМ, Барят. 162 становится ясно, что вновь найденный список переписан со списка, не имеющего самого начала произведения, так как изложение начинается с рассказа об Александре, который остался сиротой («Бысть Александр во младых летех остался после отца своего и которое имение, оставшее у него, и то все похищено. . .»), минуя сообщение о его отце — знатном, «благородном» и «зело богатом» французском шляхтиче.

Кроме того, список ГБЛ, Муз. 3086 при сравнении со списком ГИМ, Барят. 162 дает два варианта и одно исправление испорченного слова. Во всем остальном оба списка совершенно идентичны.

Для того чтобы сделать вывод о взаимоотношении текста списков ГИМ, Барят. 162 и ГБЛ, Муз. 3086, обратим внимание на характер разночтений.

Первое разночтение вероятнее всего следствие механической порчи — замены буквы «т» на «д»[5] во фразе:

ГИМ, Барят. 162	ГБЛ, Муз. 3086
Он же прииде в спалню ее и видев ю не в уборстве, на постеле лежащу, зело ее устыдися, а наипаче убояся яко «как могу такое дело великое видети» (*л. 6*).	Он же прииде в спалню и виде не в уборстве цесаревну лежащу, зело ее устыдися, а и паче убояся, яко «как могу видети тело прекрасныя цесаревны» (*л. 100*).

Второе разночтение — замена во всех случаях употребления слова «диспутация» на «испытация»:

ГИМ, Барят. 162	ГБЛ, Муз. 3086
Случися быть во Франции съезду ковалером для диспутации ковалерства своего (*л. 2*).	Случися же быть во Франции съезду ковалером для испытацыи ковалерства своего (*л. 96*).
На той диспутации от французских ковалеров не избирались (*л. 2 об.*).	На то испытации из французских ковалеров не изобралос (*л. 96*).
. . . выдержит диспутацию со аглинским ковалерами (*л. 2 об.*).	. . . выдержат испытацию со аглицкими ковалеры (*л. 96—96 об.*).

Объяснить появление в тексте повести слова «диспутация» — «спор», «состязание» (из латинского «disputatio», «onis») из русского слова «испытация» (явно испорченного) невозможно. Обратное же — происхождение слова «испытация» от «диспутация» (которое в свою очередь восходит к польскому «dysputacja») — вполне объяснимо народной этимологией.

На л. 14 списка ГИМ, Барят. 162 во фразе «тогда приказал выкинуть радаш флак» нами не было прочтено слово, так как бо́льшая часть его была покрыта пятном. В списке ГБЛ, Муз. 3086 — «тогда приказал выки-

---

[4] См.: ТОДРЛ, т. XVII, стр. 298.
[5] Может быть, это следствие того, что текст писался под диктовку.

нуть радостной флак». Теперь ясно, что в списке ГИМ, Барят. 162 было написано «радашной».

Суммируя наши наблюдения над списком ГБЛ, Муз. 3086 и учитывая его взаимоотношения с известными ранее списками, полагаем, что нет оснований считать этот список, относящийся к первой, старшей редакции повести, более близким, чем список ГИМ, Барят. 162, к первоначальному тексту произведения. Оба эти списка связаны между собой общностью происхождения от списка, близкого к архетипу, но список ГБЛ, Муз. 3086 имел посредствующий список, в котором уже было пропущено начало повести и переосмыслено иностранное слово «диспутация» на «испытация».

ХРОНИКА

М. А. САЛМИНА

Обсуждение проекта «Словаря-комментария „Слова о полку Игореве“»

2 ноября 1960 г. в Ленинградском Гос. университете им. А. А. Жданова на совместном заседании[1] Сектора древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР и межкафедрального словарного кабинета филологического факультета университета состоялось обсуждение проекта «Словаря-комментария „Слова о полку Игореве“», опубликованного в т. XVI ТОДРЛ.[2] В работе заседания приняли участие литературоведы, лингвисты и историки научных учреждений Ленинграда, Москвы и других городов.

Открывая собрание, Б. А. Ларин (Ленинград, ЛГУ) кратко охарактеризовал задачи и особенности подготавливаемого «Словаря», подробно изложенные в изданном проекте.

Все выступавшие прежде всего подчеркнули важность и необходимость создания «Словаря-комментария „Слова о полку Игореве“». Дальнейшее изучение «Слова» ввиду исчерпанности пока известных материалов зашло в тупик, вместе с тем интерес к «Слову» не исчезает, — заметили в своих выступлениях И. П. Еремин (Ленинград, ЛГУ) и Л. А. Дмитриев (Ленинград, ИРЛИ). Для того чтобы изучение «Слова» пошло далее по научному пути и избавилось бы от налета дилетантизма, создание «Словаря-комментария» совершенно необходимо.

На заседании отмечалось также как важная особенность «Словаря» то обстоятельство, что он специально предназначен для исследователей «Слова» и его переводчиков (Е. М. Иссерлин, Ленинград, Полиграфический институт). Вместе с тем большинство выступавших пришло к заключению, что «Словарь» окажется полезным и нужным и для преподавателей, студентов, школьников, а также для широкой массы читателей, интересующихся «Словом». Как положительный момент был расценен тот факт, что «Словарь» составляется одним автором при авторитетной редакторской комиссии (А. Н. Робинсон, Москва, ИМЛИ; Е. М. Иссерлин).

В выступлениях неоднократно подчеркивался новаторский характер «Словаря», сочетающего филологический словарь к «Слову о полку Игореве» в собственном смысле слова с историческими и реальными к нему комментариями. Важно, подчеркнула В. Д. Кузьмина (Москва, ИМЛИ), что в «Словарь» вводится фольклорный и диалектный материал, так как нередко в этом последнем сохраняются те значения слов, которые в литературном языке оказываются утраченными. Были предложения несколько изменить название «Словаря». Н. А. Мещерский (Петрозаводск, Педагогический институт) заметил, что слово «комментарий» следовало бы

---

[1] Более подробный отчет о заседании опубликован Л. А. Дмитриевым в «Научных докладах высшей школы. Филологические науки» (М., 1961, № 4, стр. 159—163).

[2] См.: Б. Л. Богородский, Б. А. Ларин и Д. С. Лихачев. О словаре-комментарии «Слова о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XVI. М.—Л., 1960, стр. 424—441.

поместить в подзаголовок; А. Н. Робинсон предложил, давая приблизительную формулировку, назвать его «Материалами для филологических комментариев „Слова"».

Многие из выступавших останавливались на вопросе о принципе иллюстрирования отдельных слов памятника. В. Д. Кузьмина, Л. А. Дмитриев, А. Н. Робинсон, О. А. Державина (Москва, ИМЛИ) и другие сочли необходимым приводить все значения слов, встречающихся в произведении, иллюстрировать же подробно только те, которые употреблены в «Слове о полку Игореве». Было предложено сократить и самые цитаты. Все это привело бы к значительному сокращению объема словаря. Однако подобное мнение вызвало возражение со стороны других участников совещания. Л. С. Ковтун (Ленинград, Институт русского языка) и В. Г. Смолицкий (Москва, Литературный музей) выступили в поддержку авторов проекта.

Некоторые разногласия возникли при обсуждении вопроса о конъектурах. Н. А. Мещерский, не разделяя мнение авторов проекта, внес предложение о включении в «Словарь» всех конъектур. В. Д. Кузьмина, как и Г. Е. Кочин (Ленинград, ЛОИИ), считая нужным отказаться от необоснованных конъектур, предложила вместе с тем в вводной статье точно сформулировать критерий их отбора. Это пожелание было поддержано и другими выступавшими.

Спорной оказалась и статья о метафорическом употреблении слов. Е. М. Иссерлин и В. В. Степанова (Ленинград, Педагогический институт им. А. И. Герцена) нашли, что указание на переносность следует заменить пометой «образный». А. Н. Робинсон предложил вообще отказаться от выделения в словарных статьях переносного употребления из-за большого дробления в связи с этим значения слов. Замечания были сделаны и по другим положениям вводной статьи, а также и по самим пробным словарным статьям.

Участники совещания выдвинули ряд предложений, среди которых были: необходимость использования в «Словаре» иностранных этимологических исследований (А. И. Федоров, Ленинград, Педагогический институт им. А. И. Герцена), возможно более широкое привлечение для работы древнерусских рукописей (Г. Ф. Нефедов, Ленинград, ЛГУ). Н. А. Мещерский предложил во избежание возможных нареканий, предпослать «Словарю» канонический текст «Слова», опирающийся на современные исследования. В связи с тем что в проекте не получили освещения наиболее сложные словарные статьи, было высказано пожелание опубликовать их для обсуждения; предлагалось также уточнить отдельные положения вводных статей.

В заключительном слове Б. А. Ларин выразил удовлетворение состоявшимся обсуждением и приветствовал общее пожелание продолжить обсуждение «Словаря».

Совещание приняло резолюцию, в которой: а) составление словаря признавалось первоочередной задачей; б) отмечалось, что обсужденный тип «Словаря-комментария» наиболее полно отвечает нуждам литературоведов, историков и лингвистов, изучающих «Слово»; в) составителю и редакторам предлагалось в дальнейшем обсудить более сложные словарные статьи; г) в целях скорейшего издания «Словаря» указывалось на необходимость ходатайствовать перед дирекцией Института русской литературы АН СССР о выделении для рабочей группы «Словаря» штатной единицы для технической его подготовки.

Научные заседания Сектора древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР в 1960—1961 гг.

27 января 1960 г. Доклад канд. филол. наук А. П. Могилянского «По следам рукописи „Слова о полку Игореве“». Ср.: Н. М. Маслов. Загадка древней рукописи. (К 160-летию опубликования «Слова о полку Игореве»). — Калужское знамя. Калуга, 1960, № 148 (12792) от 23 VI; то же: Молодой ленинец. Псков, 1960, № 101 (474), от 23 VIII.

1 февраля. Доклад канд. искусствоведения О. И. Подобедовой (Москва) «Исторические жанровые сцены Лицевого свода первой половины XVI в.».

3 февраля. Сообщение канд. филол. наук Н. Н. Розова «С выставкой древнерусских рукописных книг в Праге». Напечатан: Русская литература. Л., 1960, № 2.

10 февраля. Доклад канд. филол. наук Ю. Д. Левина «Неосуществленный исторический роман И. С. Тургенева о Никите Пустосвяте». Напечатан в сб.: «И. С. Тургенев». Материалы и исследования о его жизни и творчестве (1818—1883—1958). Под ред. акад. М. П. Алексеева. Орел, 1960.

15 февраля. Доклад Н. Кинана (США) «Русский старообрядческий островок в Америке».

24 февраля. Доклад канд. истор. наук Д. Н. Альшица «Повесть про царя Ивана Васильевича и купца Харитона Белоулина», сложенная в XVI в. Напечатан в переработанном виде: ТОДРЛ, т. XVII. М.—Л., 1961.

2 марта. Доклад канд. филол. наук Е. Э. Гранстрем «О некоторых вопросах изучения истории древнерусского письма». Напечатан в настоящем томе.

30 марта. Доклад аспиранта А. М. Панченко «Произведения по чешской истории в русской литературе XVII в.».

6 апреля. Доклад канд. истор. наук Д. Н. Альшица «Древнерусская проза в стихотворном переложении профессора Н. В. Водовозова». Напечатан: Новый мир. М., 1960, № 11.

27 апреля. Доклад канд. истор. наук Я. С. Лурье «Значение ленинского наследства для изучения древнерусской литературы».

1 июня. Доклад докт. филол. наук В. Д. Кузьминой (Москва) «Проблемы перевода западноевропейской литературы в древней Руси». Напечатан в переработаном виде в настоящем томе.

2 июня. Доклад докт. филол. наук О. А. Державиной (Москва) «О перспективах изучения сборников переводной новеллы». Напечатан в переработанном виде в настоящем томе.

3 июня. Доклад канд. истор. наук Н. А. Казаковой «Книгописная деятельность и общественно-политические взгляды Гурия Тушина». Напечатан в переработанном виде: ТОДРЛ, т. XVII. М.—Л., 1961.

Доклад канд. истор. наук Я. С. Лурье «Литературная и культурно-просветительская деятельность Ефросина в конце XV века». Напечатан: ТОДРЛ, т. XVII. М.—Л., 1961.

Доклад канд. филол. наук Н. Н. Розова «Книгописная мастерская Соловецкого монастыря и игумен Досифей». Напечатан в переработанном виде в настоящем томе.

4 июня. Доклад канд. филол. наук И. М. Кудрявцева (Москва) «Некоторые вопросы археографии и источниковедения в изучении древнерусской литературы».

7 июня. Доклад канд. филол. наук А. Н. Робинсона (Москва) «Проблемы изучения творчества Аввакума». Напечатан в настоящем томе.

8 июня. Доклад докт. филол. наук В. В. Данилова «Древнерусские „хождения“ в Палестину и Египет как литературный жанр». Напечатан в переработанном виде в настоящем томе.

21 сентября. Отчет канд. филол. наук Л. А. Дмитриева и канд. истор. наук А. И. Копанева об археографической экспедиции в Мурманскую область и Карельскую АССР. Напечатан в настоящем томе.

28 сентября. Отчет канд. филол. наук Ю. К. Бегунова и Д. М. Балашова об археографической экспедиции на среднюю Печору. Напечатан в настоящем томе.

Отчет аспиранта А. М. Панченко об археографической экспедиции в Архангельскую область. Напечатан в настоящем томе.

5 октября. Доклад проф. В. А. Мошина (Югославия) «О периодизации русско-южнославянских литературных связей». Доклад будет опубликован в расширенном виде в сб. «Место и роль древнерусской литературы среди славянских литератур».

12 октября. Доклад канд. истор. наук Р. Скрынникова «А. М. Курбский и его послания в Псково-Печерский монастырь». Напечатан в настоящем томе.

19 октября. Доклад чл.-корр. АН СССР П. Н. Беркова «Новый взгляд на происхождение болгарской литературы и некоторые вопросы литературной историографии». Напечатан: Русская литература. Л., 1961, № 1.

16 октября. Обсуждение статьи чл.-корр. АН СССР Д. С. Лихачева, докт. филол. наук Б. А. Ларина и канд. филол. наук Б. Л. Богородского «О словаре-комментарии „Слова о полку Игореве“», опубликованной в т. XVI ТОДРЛ. Информации об этом обсуждении напечатаны в «Научных докладах высшей школы. Филологические науки» 1961 г., № 4 (Л. А. Дмитриев) и в настоящем томе (М. А. Салмина).

23 ноября. Доклад канд. филол. наук О. А. Белобровой (Загорск) «Древнерусское сказание „О Кипрском острове“». Напечатан в настоящем томе.

30 ноября. Отчет канд. филол. наук Ю. К. Бегунова и аспиранта А. М. Панченко об археографической экспедиции в Эстонскую ССР и г. Даугавпилс Латвийской ССР. Отчет будет напечатан в т. XIX ТОДРЛ.

23 января 1961 г. Заседание, посвященное 20-летию со дня смерти проф. М. Д. Приселкова. — Доклад канд. истор. наук Я. С. Лурье «М. Д. Приселков-источниковед». Напечатан в настоящем томе. (О заседании см.: Ю. К. Бегунов. Памяти М. Д. Приселкова. — История СССР. М., 1961, № 3).

8 февраля. Доклад канд. истор. наук А. Х. Горфункеля «Андрей Белобоцкий — поэт и переводчик XVII в.». Напечатан в настоящем томе.

15 февраля. Доклад докт. истор. наук О. Л. Вайнштейна «Проблемы ренессанса и гуманизма».

27 февраля. Доклад чл.-корр. АН СССР П. Н. Беркова «Обзор развития русской литературоведческой терминологии XI—начала XIX в.». Доклад будет напечатан в «Сборнике терминологической комиссии при Комитете славистов СССР» (Под ред. Д. Д. Благого. М., 1962).

1 марта. Доклад канд. филол. наук Ю. К. Бегунова «Обзор рукописных собраний г. Перми. (Отчет о научной командировке)».

Доклад канд. филол. наук В. И. Малышева «Протопоп Аввакум в изданиях прибалтийских старообрядцев 20—30-х годов XX в.». Печатается в переработанном виде в т. XXX журнала «Slavia».

8 марта. Доклад канд. филол. наук Д. Петкановой (Болгария) «„Дамаскины“ в болгарской литературе».

15 марта. Доклад докт. филол. наук И. П. Еремина «Ораторское искусство Кирилла Туровского». Напечатан в настоящем томе.

22 и 29 марта. Доклад канд. истор. наук Д. Н. Альшица «Опыт реконструкции „Слова о погибели Рускыя земли“».

5 апреля. Доклад канд. филол. наук Л. С. Ковтун «Древнерусские словари иносказании». (Глава из книги, утвержденной к печати Ученым советом Института русского языка АН СССР «Русская лексикография эпохи средневековья»).

12 апреля. Доклад канд. филол. наук Ю. К. Бегунова «Козма Пресвитер в русской письменности конца XV—начала XVI в.». Доклад будет опубликован в переработанном и расширенном виде в сборнике «Место и роль древнерусской литературы среди славянских литератур».

19 апреля. Сообщение канд. филол. наук Л. А. Дмитриева «О совещании в Москве, посвященном итогам экспедиционной работы институтов Академии наук СССР в 1960 г.».

Сообщение канд. филол. наук В. И. Малышева «Отчет о научной командировке в г. Архангельск».

24 мая. Доклад канд. филол. наук А. Н. Робинсона (Москва) «Общественно-политические идеи в творчестве Аввакума».

31 мая. Доклад канд. педагог. наук В. В. Данилова «Комментарий к выражению „Слова о полку Игореве“ „...уже пыстыни силу прикрыла...“». Доклад будет напечатан в т. XIX ТОДРЛ.

20 сентября. Отчет аспиранта Э. Г. Зыкова об археографической экспедиции в Беломорский район Карельской АССР и Онежский район Архангельской области. Отчет будет напечатан в т. XIX ТОДРЛ.

4 октября. Доклад докт. филол. наук А. Н. Мещерского «Следы памятников Кумрана в старославянской и древнерусской литературе». Доклад будет напечатан в т. XIX ТОДРЛ.

11 октября. Доклад канд. филол. наук Н. Н. Розова «Текстологическое изучение творчества митрополита Илариона. (О новом издании первоначальной редакции „Слова о законе и благодати“)».

18 октября. Доклад канд. истор. наук Я. С. Лурье «О путях развития светской литературы у западных славян и в России XV—XVI вв.». Доклад будет напечатан в переработанном виде в сборнике «Место и роль древнерусской литературы среди славянских литератур».

25 октября. Доклад канд. филол. наук В. И. Малышева о пополнении собрания древнерусских рукописей Института русской литературы в 1960—1961 гг. Доклад будет напечатан в очередном выпуске «Бюллетеня рукописного отдела Пушкинского Дома».

Отчет канд. филол. наук Ю. К. Бегунова об археографической экспедиции в Эстонскую ССР.

1 ноября. Доклад проф. Р. О. Якобсона (США) «О старославянской поэзии». (Магнитофонная запись лекции, прочитанной 20 сентября 1961 г. в Варшавском университете).

13 ноября. Доклад канд. филол. наук М. А. Салминой «Сказание о зачатии Москвы и Крутицкой епископии».

15 ноября. Доклад канд. филол. наук Л. А. Дмитриева «Роль и значение митрополита Киприана в истории древнерусской литературы. (К русско-болгарским литературным связям XIV—XV веков)». Доклад будет напечатан в т. XIX ТОДРЛ.

24 ноября. Доклад канд. истор. наук Р. П. Дмитриевой «„Сказание о некоем человеке богобоязниве“ и его отношение к повести „Прение живота со смертью“».

27 ноября. Заседание, посвященное 100-летию со дня первого издания «Жития протопопа Аввакума». Доклад профессора Ягеллонского Университета В. В. Якубовского (Краков) «О переводе „Жития протопопа Аввакума“». Доклад канд. филол. наук А. Н. Робинсона (Москва). «Проблема издания текста „Жития“ Аввакума (в советском литературоведении)».

Доклад канд. филол. наук В. И. Малышева «История первого издания „Жития“ Аввакума и цензурные материалы о нем». Доклад мл. научного сотрудника ИРЛИ Н. С. Демковой «Неизданная беседа протопопа Аввакума».

6 декабря. Доклад А. М. Панченко «Квирин Кульман и мессианизм „чешских братьев“».

11 декабря. Доклад профессора Ф. В. Мареша (Прага) «Имена доисторических князей чешских».

13 декабря. Доклад профессора В. В. Якубовского (Краков) «Об изучении древнерусской литературы в Польской Народной Республике».

Доклад канд. истор. наук А. Л. Гольдберга «Отец панславизма или хорватский патриот? (Идея славянской общности в сочинениях Юрия Крижанича)».

Научные заседания группы по изучению древнерусской литературы Института мировой литературы им А. М. Горького Академии наук СССР в 1960 г.

9 февраля. Доклад докт. искусствоведения А. А. Тиц «К вопросу о композиционной закономерности икон рублевского цикла».

10 февраля. Доклад докт. искусствоведения Н. Н. Воронина «К вопросу о Ростовско-Суздальском летописании XI—первой половины XII века».

1 марта. Доклад докт. искусствоведения М. А. Ильина «Из истории московской архитектуры времени Андрея Рублева (Звенигород)».

8 марта. Доклад канд. искусствоведения Ю. А. Лебедевой «Русское шитье XV в.».

16 марта. Доклад канд. филол. наук А. Н. Робинсона «Неизданная поэма М. Волошина о Епифании».

23 марта. Доклад В. Г. Смолицкого «План экспозиции по древнерусской литературе в Гос. Литературном музее».

5 апреля. Доклад сотрудника Ярославских реставрационных мастерских Е. М. Караваевой «Развитие архитектурного ансамбля города Суздаля».

6 апреля. Доклад канд. филол. наук Е. В. Колосовой «Повесть Крекшина о событиях конца XVII в.».

29 апреля. Доклад докт. филол. наук В. Д. Кузьминой «Древнерусские источники об Андрее Рублеве».

4 мая. Доклад П. Т. Алексеева «Открытие автора рукописной книги „Статир XVII в.“».

11 мая. Доклад В. А. Кучкина «Сказание о чуде Илии пророка в Нижнем-Новгороде».

12 мая. Доклад канд. искусствоведения О. И. Подобедовой «Миниатюры Радзивиловской летописи».

25 мая. Доклад докт. искусствоведения Н. Н. Воронина «К вопросу о „Слове Даниила Заточника“».

14 сентября. Доклад П. Т. Алексеева «Новое об авторе книги „Статир XVII в.“».

5 октября. Доклад ст. научн. сотрудника ГБЛ С. А. Клепикова «Русская гравированная книга XVII—XVIII вв.».

18 октября. Доклад канд. искусствоведения Е. С. Овчинниковой «Новый памятник станковой живописи эпохи Андрея Рублева».

26 октября. Доклад докт. искусствоведения Н. Н. Воронина «Моление Даниила Заточника».

16 ноября. Доклад докт. филол. наук В. Д. Кузьминой «Источники русской повести XVII в. о Петре Златые Ключи».

23 ноября. Доклад проф. В. Ф. Переверзева «Образ героя и стиль жития Стефана Пермского».

8 декабря. Доклад докт. филол. наук О. А. Державиной «Принципы изображения характера и судьбы человека в сборнике „Великое Зерцало“».

13 декабря. Доклад канд. истор. наук Г. К. Вагнера «Аркатурный пояс Георгиевского собора в Юрьеве-Польском».

Николай Алексеевич Соколов

(НЕКРОЛОГ)

3 октября 1961 г. скончался Николай Алексеевич Соколов, один из старейших русских библиографов и исследователей памятников древнерусской литературы.

С именем Н. А. Соколова неразрывно связаны успехи современных советских исследователей в изучении истории русской общественной мысли XV—XVI вв. Многие монографии и статьи в «Трудах» Отдела древнерусской литературы на эту тему были подготовлены при его непосредственном участии. Хорошо знали и любили покойного Николая Алексеевича все, кто занимался в Отделе рукописей Публичной библиотеки. Многие из них даже не предполагали, что этот высокий, красивый старик, ежедневно и в определенное время появлявшийся в читальном зале Рукописного отдела, не является его штатным сотрудником. К нему, опытнейшему палеографу-практику, человеку широкого кругозора и большой культуры, обращались за советом многие из занимавшихся рукописями.

Н. А. Соколов родился 14 (26) ноября 1884 г. в Рязани, где и началась его научная деятельность; первые книги Н. А. Соколова, вышедшие в 1904 и 1907 гг., были посвящены памятникам старины его родного города. В 1910 г. Николай Алексеевич окончил Петербургский университет, а в следующем году начал педагогическую деятельность в 3-й петербургской гимназии. Здесь он преподавал русский и латинский языки, русскую литературу. После Великой Октябрьской Социалистической революции он стал директором советской школы, образованной на базе 3-й гимназии. и пробыл в этой должности 12 лет. По его инициативе в 1923 г. была издана большая книга «Сто лет третьей гимназии»; Николай Алексеевич был ее составителем, редактором и автором исторического очерка.

С 1919 г. начинается деятельность Н. А. Соколова в качестве ученого-библиографа — сначала в Книжной палате, где он заведовал архивом С. А. Венгерова, затем в Институте книговедения. В 1926—1931 гг. Николай Алексеевич состоял сотрудником Института научной педагогики; с 1928 г. и до Великой Отечественной войны преподавал в высших военных и военно-морских училищах.

В 1946 г. Николай Алексеевич становится научным сотрудником Отдела истории старообрядчества и сектантства Музея истории религии и атеизма Академии наук СССР. Здесь в полной мере пригодились его богатые познания в области истории русской церкви, его широкая образованность, в частности владение греческим, латинским, всеми современными славянскими и древнеславянским языками. Своими изысканиями в ленинградских древлехранилищах Николай Алексеевич дал много материалов для исследований такому крупному специалисту по истории русской общественной мысли, каким был В. Д. Бонч-Бруевич, много помогал и другим историкам еретических движений древней Руси.

Круг научных интересов Н. А. Соколова не ограничивался древнерусской литературой и публицистикой. Среди опубликованных им работ мы находим и библиографию по Ф. М. Достоевскому, и статью

о С. А. Толстой («по неопубликованным материалам и личным впечатлениям»). Он принимал также участие в составлении библиографии «Ленин и о Ленине», вышедшей в 1925 г. Его кандидатская диссертация посвящена взаимоотношениям между Н. И. Надеждиным и В. Г. Белинским. Н. А. Соколов опубликовал также письма Я. П. Полонского к С. А. Венгерову; последняя его работа была посвящена В. Я. Брюсову. Многие статьи и библиографические материалы Н. А. Соколова остались неопубликованными и хранятся в Публичной библиотеке и архиве Музея истории религии и атеизма.

Николай Алексеевич был человеком огромного трудолюбия, скрупулезным и тщательным. Несмотря на преклонный возраст, он постоянно просматривал десятки справочников, чтобы снабдить свои описания рукописей исчерпывающими комментариями и библиографией. В 1955—1956 гг. он совершил настоящий трудовой подвиг, переписав от руки официальную разрядную книгу московских государей — 1000 листов убористой скорописи XVII в.

Это был настоящий ученый-библиограф, вдумчивый и добросовестный исследователь рукописных сокровищ наших крупнейших библиотек и архивов.

Д. Альшиц, Н. Розов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ	— Акты, собранные ... Археографической экспедицией.
АИ	— Акты исторические.
АН СССР	— Академия наук СССР.
БАН	— Библиотека Академии наук СССР.
Брике	— C. M. Briquet. Les filligranes. Paris, 1907.
ВИ	— Вопросы истории.
ВЛ	— Вопросы литературы.
ВМЧ	— Великие Минеи четии, изд. Археографической комиссии.
ВОИДР	— Временник Общества истории и древностей российских при Московском университете.
ГБЛ	— Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва).
ГВЛ	— Галицко-Волынская летопись.
ГИМ	— Государственный Исторический музей (Москва).
ГЛМ	— Государственный Литературный музей (Москва).
ГПБ	— Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).
ДАИ	— Дополнения к Актам историческим.
ЖМНО	— Журнал Министерства народного образования.
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения.
ИА	— Исторический архив.
ИЗ	— Исторические записки.
ИИМК	— Институт истории материальной культуры Академии наук СССР.
ИМЛИ	— Институт мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР.
ИОЛЯ	— Известия Отделения литературы и языка Академии наук СССР.
ИОРЯС	— Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук.
ИпоРЯС	— Известия по русскому языку и словесности Академии наук.
ИРЛИ	— Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР.
Клепиков, Филигр. и штемп.	— С. А. Клепиков. Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX века. М., 1959.
КСИИМК	— Краткие сообщения и доклады Института истории материальной культуры Академии наук СССР.
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет.
ЛЗАК	— Летопись занятий Археографической комиссии.
Лихачев, Бум. мельн.	— Н. П. Лихачев. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. СПб., 1891.
Лихачев, Вод. зн.	— Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899.
ЛОИИ	— Ленинградское отделение Института истории Академии наук СССР.
Н1Л, Н2Л, Н3Л, Н4Л, Н5Л	— Новгородские первая, вторая, третья, четвертая и пятая летописи.
ОЛДП	— Общество любителей древней письменности.
ОЛЯ	— Отделение литературы и языка Академии наук СССР.
ПВЛ	— Повесть временных лет.
ПДП	— Памятники древней письменности.
ПДПИ	— Памятники древней письменности и искусства.
П1Л, П2Л, П3Л	— Псковские первая, вторая и третья летописи.
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей.
РИБ	— Русская историческая библиотека.

СГГД — Собрание государственных грамот и договоров.
СОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук.
С1Л, С2Л — Софийская первая и вторая летописи.
Срезневский, Материалы — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893—1912.
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР.
Тромонин — К. Тромонин. Изъяснение знаков, видимых на писчей бумаге. . . М., 1844.
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов СССР (Москва).
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства.
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.
ЧОЛДП — Чтения в Московском обществе любителей духовного просвещения.

К сведению авторов, присылающих свои статьи в «Труды Отдела древнерусской литературы»

1. Рукописи должны представляться в 3 экземплярах, отпечатанных на машинке через два интервала (в том числе и подстрочные примечания). Нумерация подстрочных примечаний должна быть сплошная по всей статье.
2. Текст статьи должен представляться в окончательном виде. Изменения в корректуру могут вноситься только в исключительных случаях: когда они диктуются новыми данными в науке.
3. Все цитаты и ссылки в статье должны быть тщательно выверены по первоисточникам.
4. При библиографических ссылках в тексте и сносках необходимо давать следующие сведения: инициалы и фамилию автора, название работы, название и номер издания (для статьи), место издания (в том числе и для журналов), год издания, страницы.
5. При повторном упоминании работы в тексте или сносках дается сокращенное ее название. Сокращение «ук. соч.» не допускается.
6. В тексте статей необходимо придерживаться сокращений, список которых публикуется в конце каждого тома «Трудов Отдела древнерусской литературы», начиная с т. XIV.
7. Представляемые тексты памятников должны быть тщательно выверены по оригиналу и оформлены согласно правилам, опубликованным в т. XI «Трудов Отдела древнерусской литературы» (стр. 494—498).
8. Фотографии представляются в 2 экземплярах, отпечатанных на глянцевой бумаге с накатом. Они должны сопровождаться списком, в котором приводятся: подпись к каждой иллюстрации, местонахождение оригинала, его шифр, датировка, размер (для рукописей и изданий дополнительно номера листов).

ПОПРАВКА

В статье А. В. Соловьева «Епифаний премудрый как автор „Слова о житии и преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя русьскаго"» (ТОДРЛ, т. XVII. М.—Л., 1961), на стр. 103, строка 15, сверху, допущена ошибка. Напечатано: «Стефан Душан», надо: «Иван Шишман».

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Исследования

Литература и искусство

Материалы и сообщения

По рукописным собраниям
(печатается под наблюдением В. И. Малышева)

Критика и библиография

Заметки

Хроника

Труды отдела
древнерусской литературы
т. XVIII

Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом) АН СССР

Технический редактор *Р. А. Замараева*
Корректоры *И. С. Дементьева, Н. Е. Фатина* и *Л. З. Фрадкина*

Сдано в набор 28/XII 1961 г. Подписано к печати 25/IV 1962 г. РИСО АН СССР № 78-109В. Формат бумаги 70 × 108 1/16. Бум. л. 19. Печ. л. 38 = 52.06 усл. печ. л. + 7 вкл. Уч.-изд. л. 54,1 + 7 вкл. (0,62 уч. изд. л.). Изд. № 1540. Тип. зак. № 470. М-37268. Тираж 1400.
Цена *3 р. 43 к.*

Ленинградское отделение Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
43	4 снизу	«отворяши»	«отворяеши»
44	25 сверху	вѣле	велѣ
90	24 снизу	«О именинах»,	«О имениих»,
228	3 „	философия	философская
281	4 сверху	имѣяже	имѣяше
296	19—18 снизу	воспроизводимых здесь иллюстрациях	иллюстрациях
298	3 сверху	четьим,	четьи,
312	5 снизу	Григорвича	Григоровича
318	22 сверху	слышал,	слышах,
552	15 снизу	Paisoj	Paisij
598	21 „	пыстыни	пустыни

Труды отдела древнерусской литературы, т. XVIII.

ц. 43к.

XVIII

ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ